ХРЕСТОМАТІЯ
по
РУССКОЙ ИСТОРІИ.

СОСТАВИЛЪ
Михаилъ Коваленскій.

Томъ III.

Изданіе 2-е.

Цѣна 6 р. 50 к.

Изданіе Т-ва „МІРЪ" въ Москвѣ.
1917.

Изданія Т-ва „МІРЪ“, Москва, Знаменка, 9.

Г. В. Плехановъ.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ.

Изданіе составитъ около 7 томовъ, приблизительно по 18 листовъ въ каждомъ, и будетъ иллюстрировано портретами историковъ, общественныхъ дѣятелей и публицистовъ. Вышло 3 тома.

Условія подписки: при подпискѣ уплачивается 3 р. 50 к., при полученіи каждаго изъ вышедшихъ трехъ томовъ (безъ переплета) по 4 р. 50 к. (кромѣ пересылки), а каждый послѣдующій томъ оплачивается по цѣнѣ, какая опредѣлится при выходѣ его (въ зависимости отъ стоимости бумаги, типографскихъ и брошюровочныхъ работъ).

Изъ отзывовъ печати... „Ярко выраженное стремленіе подчеркнуть зависимость общественной мысли отъ общественно-экономическихъ отношеній придаетъ труду Г. В. Плеханова большую идейную выдержанность и логическую стройность... Мѣткое и выразительное изложеніе ведетъ мысль читателя къ опредѣленной цѣли—къ тому міропониманію, проповѣди котораго посвящена вся литературная дѣятельность автора.“—*„День“*. 13. XI. 1914.

„...Опытъ, предпринятый Г. В. Плехановымъ, получаетъ всѣ права на вниманіе читателей. Вниманіе это не можетъ, конечно, не усугубиться въ связи съ личностью автора этого опыта. Никакія разногласія съ общественно-политическими воззрѣніями Г. В. Плеханова не могутъ ни въ чьихъ глазахъ заслонить ни яркаго литературнаго таланта, ни сильнаго и своеобразнаго ума и разносторонней эрудиціи этого замѣчательнаго писателя и крупнаго политическаго дѣятеля... Книга эта, на нашъ взглядъ, должна быть отнесена къ числу весьма интересныхъ новинокъ нашей исторической литературы... Разсмотрѣнная книга, какъ и все, выходящее изъ-подъ пера Плеханова, вызываетъ живой интересъ обиліемъ соображеній мѣткихъ, остроумныхъ, тонкихъ и блестяще выраженныхъ“. *А. Кизеветтеръ. „Голосъ Минувшаго“*. 1916, I.

„II томъ замѣчательнаго труда Г. В. Плеханова посвященъ XVIII вѣку... Подъ блестящимъ перомъ П. встаетъ яркая картина эпохи“. *„Кіевская Мысль“*. 8. VI. 1916.

„...Появленіе обширнаго труда по исторіи русской общественной мысли слѣдуетъ признать вполнѣ своевременнымъ и можно только привѣтствовать, что за выполненіе этой задачи взялся Г. В. Плехановъ, столь много поработавшій для исторіи русской общественности... Уже для XVIII вѣка... авторъ дѣлаетъ крупный вкладъ въ нашу исторіографію. Характеристика „ученой дружины“, а также Посошкова и Ломоносова написаны съ присущимъ автору блескомъ и талантомъ и заключаетъ въ себѣ много цѣнныхъ замѣчаній и остроумныхъ наблюденій, и можно только пожелать скорѣйшаго завершенія этого труда, который является большимъ событіемъ для русской исторической науки“.—*„Лѣтопись“*. 1916, IX.

„...Изложеніе блещетъ большой эрудиціей, прекраснымъ литературнымъ языкомъ... У читателя получается яркая и отчетливая картина нарастанія идейнаго развитія Россіи... Широкимъ общественнымъ читающимъ кругамъ эта книга дастъ цѣльное и яркое представленіе объ эволюціи русской мысли; спеціалисты найдутъ много мѣткихъ и цѣнныхъ замѣчаній, немало остроумныхъ наблюденій и толкованій. Вообще книга представляетъ крупное пріобрѣтеніе нашей исторической литературы“.—*„Биржевыя Вѣдомости“*. 23. IX. 1916.

„...Работа Г. Плеханова прочтется съ большимъ интересомъ читателемъ, ищущимъ самообразованія, и спеціалистомъ, сторонникомъ и противникомъ матеріалестическаго пониманія исторіи. Цѣнность ея въ оригинальной постановкѣ и оригинальномъ освѣщеніи многихъ фактовъ и факторовъ въ развитіи русской общественной мысли“.—*„Современное Слово“*. 5. XII. 1916.

Д. А. Жариновъ, Н. М. Никольскій и С. И. Радцигъ.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

по музею изящныхъ искусствъ имени **императора Александра III.**

Съ 44 иллюстраціями и планомъ.

Содержаніе: Отъ составителей. I. Египетскій залъ. II. Азіатскій залъ. III. Залъ греческой архаики. IV. Залъ эгинетовъ. V. Греческій дворикъ. VI. Залъ Олимпіи. VII. Залъ Фидія. Парѳенонъ. VIII. Залъ конца V вѣка. IX. Залъ Праксителя. X. Залъ древне-греческихъ надгробныхъ рельефовъ V—IV вв. до Р. Х. XI. Залъ Лисиппа. XII. Залъ Ніобидовъ. XIII. Залъ Афродиты Милосской и Лаокоона. XIV. Пергамскій залъ. XV. Римскій залъ. Читальный залъ. XVI. Средневѣковый залъ. XVII и XVIII. Кабинетъ и залъ итальянскаго Возрожденія. XIX и XX. Капелла и залъ итальянскаго Возрожденія (XVI в.). Христіанскій дворикъ. XXI. Залъ сѣвернаго Возрожденія.—Алфавитный указатель памятниковъ музея, объясненныхъ въ „Путеводителѣ“, и относящихся къ нимъ собственныхъ именъ.

Цѣна **80** коп.

ХРЕСТОМАТІЯ

по

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

составилъ

Михаилъ Коваленскій.

Томъ III.

Изданіе 2-ое.

Изданіе Т-ва „МІРЪ".
МОСКВА—1917.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовск. ул., соб. д.
МОСКВА—1917.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Россійская Имперія.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый третій томъ моей Хрестоматіи охватываетъ время послѣ Петра Великаго и заканчивается эпохой Великихъ реформъ и войнами императора Александра II. Для этого тома у меня не было примѣровъ и образцовъ, такъ какъ не было предшественниковъ,—особенно для XIX вѣка. Задача составителя была поэтому особенно трудна, приходилось пролагать новые пути, подыскивать новые матеріалы. Буду надѣяться, что критика, сочувственно встрѣтившая первые два тома этой книги, не откажетъ въ своемъ вниманіи и настоящему третьему тому. Въ заключеніе приношу глубокую благодарность администраціи Московскаго Румянцовскаго музея, библіотекѣ котораго я обязанъ почти всѣмъ собраннымъ мною матеріаломъ, а проф. Ю. В. Готье и гг. В. Бочкареву, В. Уланову, А. Яковлеву—за высокоцѣнныя указанія, сдѣланныя мнѣ при составленіи настоящей книги, коими я не преминулъ воспользоваться.

Михаилъ Коваленскій.

16 августа 1915 г.
Царицынъ на Волгѣ.

I. Отъ Петра I до Екатерины II.

I. Россія при первыхъ преемникахъ Петра Великаго.

1. Воцареніе Екатерины I.

(Изъ „Краткой повѣсти о смерти Петра Великаго", Ѳеофана Прокоповича.)

...Что же и послѣдствовало въ нуждахъ отечествія, и сіе показать нашего званія есть.

Вчера ввечеру Синодъ и Сенатъ приговорили, что ежели Божіимъ изволеніемъ толикаго Отца лишитися случится, тотчасъ бы на едино мѣсто въ палатахъ царскихъ собратися и все, что ни надобѣ къ безопаству и тишинѣ народной, первѣе бы усмотрѣть и устроить, нежели народу о смерти Государевой извѣщено будетъ. Такъ и сдѣлалось: тотчасъ по оной печальной вѣдомости Сенаторы вси, и отъ Синода четыре персоны, сколько на тотъ часъ во дворцѣ ночевало, а кромѣ тѣхъ и Генералитетъ и нѣцыи изъ знатнѣйшаго шляхетства въ едину комнату въ палатахъ собрались, и прежде всего о наслѣдницѣ произошло слово. Многіе говорили, что скипетръ ни кому инному не надлежитъ, кромѣ Ея Величеству Государынѣ, какъ и самою вещію Ея есть, по силѣ совершившейся недавно Ея Величества коронаціи. Нѣцыи же разсуждать почали, подаетъ ли право такое коронація, когда и въ прочихъ народахъ Царицы коронуются, а для того наслѣдницами не бываютъ? Но тогда нѣкто воспомянулъ, съ какимъ намѣреніемъ Государь супругу свою короновалъ, то есть, еще прежде перехода Персидскаго открылъ онъ мысль свою четыремъ изъ Министровъ, двоимъ изъ Синода персонамъ, здѣсь присутствующимъ, и говорилъ, что тая нужда короновать ему супругу свою, (котораго обычая прежде въ Россіи не бывало) что аще бы какимъ случаемъ его не стало, праздный престолъ тако безъ наслѣдника не остался бы, и всякая вина мятежей и смущеній благовременнѣе пресѣчена быть могла бы. О таковомъ намѣреніи покойнаго блаженныя памяти Императора оный нѣкто воспомянувъ, слался на свидѣтельство слышавшихъ оное Государево слово, и здѣ присутствующихъ; что единъ первѣе ясно подтвердилъ, тоже и прочіе засвидѣтельствовали. И тако безъ всякаго сумнительства явно показалося, что Государыня Императрица державу Россійскую наслѣдствовала, и что не елекція дѣлается, понеже прежде уже наслѣдница толь чинно и славно поставлена; чего для, добы и конгрессъ тотъ не елекціею, но декларацією названъ былъ, согласно всѣ приговорили. Тотчасъ и декларація, которую бы всенародно публиковать и по провинціямъ разсылать, написана и всего конгресса руками

закрѣплена, въ которой, извѣстивъ о смерти Государевой, отъ Сената и отъ Синода, такожде и отъ генералитета объявляется, что Екатерина Императрица владѣетъ, и что вси Ея Величеству вѣрность и всякое послушаніе чинити должны. И тако вси къ поздравленію Ея Величества, въ комнату тѣлу умершаго Государя близкую пришли: куды когда такожде и Государыня изволила выйтить; просили Ея Величество дабы бремя государственнаго владѣнія, которое Богъ и супругъ ей вручили, дѣйствительно принять изволила. Но Государыня сокрушенна печалію, и неутомимо плачущая, не могла почти словесно отвѣтствовать; только, не возбраняя руки цѣлующимъ, соизволеніе свое показала. И такъ все сіе дѣло великаго и всещедраго Бога милостію въ единомъ часѣ совершилось.

Скоро и день насталъ. Полки, сколько ихъ ни было въ Санктпетербургѣ, отъ своихъ командировъ, по разнымъ въ городѣ мѣстамъ, извѣстіе о смерти Государевой съ великимъ воплемъ и плачемъ получили; и тогожъ дня указомъ Императрицы Государыни заслуженное жалованіе имъ выдано...

(Ѳеофанъ Прокоповичъ. Краткая повѣсть о смерти Петра В., с. 15—19).

---

2. Учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта.

(Протоколы В. Т. Совѣта).

9-го февраля 1726 г.

1726 году февраля 9-го дня, въ вечеру, Е. И. В. указомъ писалъ къ господину канцлеру тайный кабинетъ секретарь Алексѣй Макаровъ, чтобъ сего 10-го числа въ 8-мъ часу по утру присутствующія персоны въ тайномъ совѣтѣ были въ собраніи въ апартаментѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. И, по тому Е.И.В. Указу, сего 10-го числа, въ коллегію иностранныхъ дѣлъ собрались: генералъ-фелдъ-маршалъ свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ, канцлеръ графъ Головкинъ, дѣйствительные тайные совѣтники, графъ Толстой, князь Димитрій Голицынъ, генералъ-лейтенантъ и генералъ-прокуроръ Павелъ Ягужинскій, а вице-канцлера и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника барона Остермана за болѣзнію его не было.

И когда всѣ вышеупомянутыя особы въ собраніи были, то пришелъ тайный кабинетъ секретарь Алексѣй Макаровъ и принесъ отъ Е. И. В. указъ, за печатью Ея Величества кабинетною и отдалъ господину канцлеру, который тотъ Е. В. указъ распечатавъ читалъ всему собранію, въ которомъ Ея Величество изволила ради изображенныхъ въ томъ указѣ резоновъ учредить съ нынѣшняго времени при дворѣ Ея Величества быть, какъ для внѣшнихъ, такъ и для внутреннихъ государственныхъ важныхъ дѣлъ, Верховный тайный совѣтъ, при которомъ Е.В. сама присутствовать изволитъ; а которымъ персонамъ быть, о томъ въ томъ Е.И.В. указѣ изображено, а вмѣсто тѣхъ персонъ, которыя были, выбраны будутъ другія, которыя при одномъ сенатскомъ правленіи будутъ, а для слушанья дѣлъ опредѣлены будутъ нарочные дни въ каждой недѣлѣ.

И по тому Е. И. В. указу выше упомянутыя особы Верховнаго тайнаго совѣту присутствующія опредѣлили слѣдующее: 1) въ Сенатъ послать изъ Верховнаго тайнаго совѣта указъ, и съ того Е. И. В. новоопредѣлительнаго указу ради извѣстія копію и велѣть имъ разослать немедленно о томъ во всѣ коллегіи и губерніи указы. 2) Въ Сенатъ и во всѣ коллегіи и въ прочія мѣста, куды будетъ подлежать, посылать указы, съ такимъ изображеніемъ, въ заглавіи: „Указъ Ея Императорскаго Величества, состоявшійся въ Верховномъ тайномъ совѣ-

тѣ“ (и имяновать въ какое мѣсто куды); 3) а изъ Сенату и изъ других всѣхъ коллегій писать о чемъ самомъ важномъ случится, по сему: „Доношеніе въ Верховный тайный совѣтъ“; 4) изъ Сенату же, въ военныя, сухопутную и морскую, и иностранную коллегіи и изъ оныхъ въ сенатъ писать промеморіями; 5) во Верховномъ тайномъ совѣтѣ, хотя при присутствіи Е. И. В., хотя и во отсутствіи крѣпить, что о чемъ опредѣлено будетъ, протоколы, резолюціи, всѣмъ назначеннымъ особамъ Верховнаго тайнаго совѣта, а съ того надлежащіе куды указы посылать за закрѣпою въ Верховномъ же тайномъ совѣтѣ обрѣтающагося члена иностранной коллегіи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Василья Степанова; 6) и послать съ сего опредѣленія указъ въ Сенатъ, дабы они во всѣ коллегіи и другія мѣста о томъ публиковали; 7) и сіе опредѣленіе на первое время служить имѣетъ, а впредь какъ тому быть, и какихъ служителей при семъ Верховномъ тайномъ совѣтѣ имѣть, о томъ сочинить явственное и обстоятельное опредѣленіе, и со временемъ донесть Е. И. Величеству.

(Сборникъ Рус. Ист. О-ва, т. 55. Протоколы В. Т. Совѣта, № 1, с. 1—2).

---

3. Мнѣніе не въ указъ о новомъ учрежденномъ тайномъ совѣтѣ.

(Приложеніе къ журналу В. Т. Совѣта отъ 16 марта 1726 г.)

1) Тайный совѣтъ можетъ для домашнихъ и внутреннихъ дѣлъ, въ среду, а для чюжестранныхъ дѣлъ въ пятокъ съѣзжаться, но когда много дѣла есть, или нужное дѣло приключится, то оному чрезвычайно для съѣзда повѣстить.

2) Понеже Ея Величество во ономъ тайномъ совѣтѣ первое президентство сама управляетъ, и причина имѣется уповать, что она персонально часто присутствовать будетъ, и того ради оной тайный совѣтъ толь наименше за особливое коллегіумъ или инако почтенъ быть можетъ, понеже оной токмо Е. В-ву ко облегченію въ тяжкомъ Ея правительства бремени служитъ, всѣ дѣла скорѣе отправлены и рѣшены и болѣе нежели отъ одного къ Е. В-ву безопасности и государства приращенія разсужденіе имѣть будетъ, дабы толь безопаснѣе высокимъ Ея имянемъ указы выходили, а, имянно, не въ указъ слѣдующимъ образомъ

Вначалѣ писать: „Мы Божіею милостію“.

Въ срединѣ: „повелѣваемъ“,

А во окончаніи: „данъ въ нашемъ тайномъ совѣтѣ“.

Послѣ датума: „По указу Е. И. В.“

3) Никакимъ указомъ прежде не выходить, пока оные въ тайномъ совѣтѣ совершенно не состоялись, протоколы не закрѣплены и Е. В-ву для всемилостивѣйшей апробаціи прочтены не будутъ, и, потомъ, могутъ оные, по учиненному здѣсь опредѣленію, отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Степанова закрѣплены и отправлены быть..... (Всѣхъ §§ 13).

Сіе мнѣніе принесъ тайный кабинетъ секретарь Алексѣй Макаровъ, марта 16, 1726 г. и объявилъ, что Е. И. В. оное во всемъ апробовать соизволила, только-бъ 3-й пунктъ отмѣнить,—о чемъ предъявилъ слѣдующую записку:

На 3-й, чтобъ о важныхъ дѣлахъ поставя протоколы и на мѣрѣ и не подписавъ напередъ для апробаціи къ Ея Императорскому Величеству взносить оной по случаю смотря по важности дѣла и двумъ персонамъ присутствующимъ отъ того Верховнаго тайнаго совѣта, и какъ уже Ея Императорское Величество изволитъ

апробовать, тогда подписывать и въ дѣйство производить....

И въ Верховномъ тайномъ совѣтѣ, слушавъ оное, приговорили: по тому Ея Императорскаго Величества указу о чемъ подлежитъ объявить и публиковать, о томъ послать указъ въ Сенатъ и оному сочинить экземпляръ и оный прочитать въ Верховномъ тайномъ совѣтѣ...—

Оригинальный подписанъ тако: Карлъ Фридерихъ. Александръ Меншиковъ. Генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ. Канцлеръ графъ Головкинъ. Графъ Петръ Толстой. Князь Дмитрій Голицынъ. Василій Степановъ. (Сб. Р. И. О., т. 55, № 43, с. 93—97).

4. Мнѣніе Тайнаго Совѣта членовъ о персидскихъ и турецкихъ дѣлахъ.

27 января 1726 г.

..... На остатокъ надлежитъ принять за основаніе и прилежно разсуждать нижеписанное.

1) Какъ уже видно, что съ турками безъ войны обойтиться нельзя, а коликое время таковая война можетъ продолжиться, о томъ кромѣ Всемогущаго никто предусмотрѣть не можетъ; того ради не надлежитъ уповать, что вскорѣ и кончится, но можетъ быть что и продлится. Также мыслить можно и о посторонних (отъ чего сохрани Богъ) противныхъ припадкахъ, и для того надобно, и зѣло нужно предусмотрѣть, коликое время россійская Имперія съ такимъ сильнымъ непріятелемъ (хотя Богъ сохранитъ и отъ постороннихъ припадковъ) войну продолжить можетъ.

2) Коликое число войскъ потребно и въ которыхъ мѣстахъ какому корпусу быть, и чтобъ въ тѣхъ мѣстахъ заблаговременно магазины и прочія потребности учредить.

3) Чаять потребно, нѣкоторыя фортеціи, кромѣ тѣхъ, что въ Персіи укрѣпить, и какъ гарнизонами, такъ и прочими потребностьми снабдить, и немалое смотрѣніе имѣть ко опасности внутрь государства, отъ башкирцовъ, отъ калмыкъ и отъ черкасъ.

4) А понеже на содержаніе всего выше писаннаго потребны будутъ немалыя суммы денегъ, того ради надлежитъ мыслить и завремянно опредѣлить, толикія суммы денегъ откуду получать, во время таковыя войны, ежели нѣсколько лѣтъ продолжится; понеже на сборы подушныхъ денегъ слабая есть надежда, ибо и нынѣ въ нѣкоторыхъ уѣздехъ являются многія недоплаты, и отговариваются плательщики, что-де имъ положеннаго на нихъ числа подушныхъ денегъ платить отнюдь невозможно, представляя резоны, а имянно:

1. Что-де послѣ переписи многіе крестьяне, которые могли работою своею доставить деньги, померли и въ рекруты взяты, и розбѣжались, нѣкоторые въ Сибирь и въ башкиры, а нѣкоторые за рубежъ польской и литовской, а вмѣсто-де того, хотя вновь и родились, но потребно отъ нихъ ожидать плода, чтобъ работою могли получать на платежъ деньги, лѣтъ двадцать, а, по меньшей мѣрѣ, пятнадцать, а которые нынѣ работою могутъ получать деньги на государственную подать, такихъ осталось малое число, и тѣ за умершихъ и за взятыхъ въ рекруты и за бѣглыхъ принуждены бываютъ платить, чего снесть не могутъ, понеже-де во многихъ мѣстахъ восходитъ великой платежъ на оставшихъ.

2. Къ тому жъ-де уже нѣсколько лѣтъ хлѣбные недороды, и во многихъ мѣстахъ крестьяне зѣло мало сѣютъ хлѣба, а которые и сѣютъ, и тѣ на государственныя подати, принуждены бываютъ и въ землѣ хлѣбъ продавать, и отъ того ищутъ случая

бѣжать въ дальныя мѣста, гдѣ бы ихъ сыскать было невозможно.

3. Еще же-де великое имъ причинилъ разореніе падежъ скота, коровъ и овецъ, который мало не во вся годы случается.

Подлинный подписали: Генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ. Канцлеръ графъ Головкинъ. Графъ Петръ Толстой. Князь Дмитрій Голицынъ. Павелъ Ягужинскій.

(Сб. Р. И. О., т. 55, № 2, с. 21—22.)

---

5. Указъ имп. Екатерины I о состояніи Имперіи.

(1727 г.)

Божіею милостію мы, Екатерина, императрица и самодержица всероссійская, и пр., и пр., и пр.

Понеже всякаго государства дѣла состоятъ въ духовныхъ и свѣтскихъ, и оныя оба между собою такъ связаны, что одно безъ другаго быть не можетъ, и гдѣ оба сіи дѣла въ хорошемъ порядкѣ находятся, тутъ и благословеніе Божеское, тутъ и всякое благополучіе.

Но, по разсужденіи о нынѣшнемъ состояніи нашего имперія, показывается, что едва-ли не всѣ тѣ дѣла какъ духовныя, такъ и свѣтскія въ худомъ порядкѣ находятся и скорѣйшаго поправленія требуютъ, и какимъ неусыпнымъ прилежаніемъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти его императорское величество, нашъ любезнѣйшій супругъ и государь ни трудился въ установленіи добраго порядку во всѣхъ дѣлахъ, какъ въ духовныхъ, такъ и въ свѣтскихъ, и въ сочиненіи пристойныхъ регламентовъ, въ надеждѣ, что уже весьма надлежащій порядокъ во всемъ слѣдовать будетъ, однакожъ того неучинено. О духовныхъ дѣлахъ и о такъ нужномъ поправленіи оныхъ нынѣ не упоминаемъ, понеже такое поправленіе требуетъ зрѣлаго разсужденія и довольнаго времени. Но что до свѣтскихъ дѣлъ надлежитъ, то потребно въ разсужденіе взять съ одной стороны, что Россійское государство окружено такими сосѣдями, которые всѣ генерально счастію Россійскаго государства завидуютъ, и что Россійское государство еще персидскою войною обязано, и еще въ такія другія дѣла обязано, которыя едва безъ войны окончены быть могутъ; умалчевая о многихъ своевольныхъ, россійскому государству подданныхъ народахъ, на которыхъ постоянство положиться невозможно, и потому доброучрежденное войско и добровооруженный флотъ всегда потребны, понеже отъ нихъ вся наша безопасность зависитъ.

А и съ другой стороны, что не токмо крестьянство, на которое содержаніе войска положено, въ великой скудости обрѣтается и отъ великихъ податей, и непрестанныхъ экзекуцій и другихъ непорядковъ въ крайнее и всеконечное разореніе приходитъ; но и прочія дѣла, яко: коммерціи, юстиція и монетные дворы, весьма въ разоренномъ состояніи обрѣтаются.

Чего ради, имѣя мы матернее ко всему государству попеченіе и желая, дабы всѣ тѣ дѣла исправлены и въ лучшій порядокъ и состояніе приведены быть могли, повелѣли всѣмъ членамъ нашего верховнаго тайнаго совѣта о исправленіи оныхъ подать намъ, каждому свое мнѣніе, которое выслушавъ, всемилостивѣйше повелѣваемъ учинить слѣдующее:

1.

Какъ вредительно есть государству несогласіе, о томъ упоминать не надлежитъ; ибо вѣдомо и написано есть, что согласіе приноситъ плодъ и преодолѣніе, а несогласіе значитъ разореніе, и гдѣ несогласіе есть, тамо всегдашнія распри, вражды и нена-

висти, и для того тутъ и благословеніе Божіе присутствовать не можетъ. Сіе, какъ мы видимъ, показывается не токмо въ духовныхъ и другихъ государственныхъ дѣлахъ, но и при бѣдныхъ россійскихъ крестьянѣхъ, которые не отъ одного хлѣбнаго недороду и отъ подати подушной разоряются и бѣгаютъ, какъ отъ несогласія у офицеровъ съ земскими управителями и у солдатъ съ мужиками. И понеже армія такъ нужна, что безъ нее государству стоять невозможно, какъ и въ выше помянутыхъ мнѣніяхъ согласно признано, того ради и о крестьянѣхъ попеченіе имѣть надлежитъ; ибо солдатъ съ крестьяниномъ связанъ, какъ душа съ тѣломъ, и когда крестьянина не будетъ, тогда не будетъ и солдата. И того ради надлежитъ имѣть прилежное разсужденіе, какъ о сухопутной арміи, такъ и о флотѣ, чтобъ оные безъ великой тягости народной содержаны были, къ чему немедленно учредить коммиссію изъ генералитета и флагмановъ, при которой быть одному члену изъ верховнаго совѣта и одному жъ изъ сената и каморъ-коллегіи президенту, и прочимъ изъ той коллегіи, кому заблагоразсуждено будетъ, которые могутъ разсмотрѣть положенной окладъ какъ на армію, такъ и на флотъ, на какіе расходы именно исходитъ, и что отъ тѣхъ расходовъ сбережено быть можетъ.

Такожде весьма потребно, дабы воинской коммиссаріатъ всегда былъ въ добромъ и исправномъ порядкѣ, того ради надлежитъ выбрать добраго генерала кригсъ-коммиссара, которому быть членомъ и въ военной коллегіи.

2.

И понеже въ поданныхъ намъ помянутыхъ мнѣніяхъ согласно написано, чтобы изъ подушнаго сбора нѣчто убавить; но, по разсужденію нашему, такой убавки основательно учинить невозможно, пока въ вышерѣченной коммиссіи разсмотрѣно и положено будетъ, какою суммою армія и флотъ по крайней мѣрѣ содержаны быть могутъ; къ тому жъ, какъ намъ о томъ извѣстно, надлежитъ, что и подушныя деньги двухъ первыхъ третей до сентября мѣсяца до арміи сполна не приходятъ, того ради, между тѣмъ, для скорѣйшаго облегченія крестьянъ, и для увеселенія и надежды народной, публиковать, что наше императорское величество, имѣя къ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ наше матернее милосердіе и попеченіе о исправленіи всѣхъ дѣлъ, отъ которыхъ вреда государству происходитъ, и особливо о облегченіи крестьянъ въ податяхъ, и для того повелѣли: въ платежѣ подушной подати на нынѣшній 1727 годъ дать сроку до сентября мѣсяца сегожъ года; пока отъ насъ, по имѣвшимъ довольномъ разсужденіи, по состоянію нуждъ государственныхъ, положено будетъ, по чему впредь платить. Но чтобъ, надѣясь на такую отсрочку, крестьяне, по своему обычаю, не ослабѣли, а помѣщики излишними сборами своихъ оброковъ ихъ не отягощали, того ради сіе накрѣпко предостеречь и подтвердить надлежитъ, чтобъ наипаче, взирая на такую нашу милость, помѣщики старались свои деревни въ лучшее состояніе приводить, а гдѣ помѣщиковъ нѣтъ, то ихъ прикащики и старосты и выборные, понеже съ сентября мѣсяца положенную подать на крестьянъ сами помѣщики, которые будутъ въ деревняхъ, а въ небытность ихъ, прикащики и старосты и выборные платить принуждены будутъ, и для того накрѣпко за крестьянами смотрѣть, чтобъ старались себя въ лучшее состояніи приводить, а деньги къ платежу подати къ будущему сен-

тябрю мѣсяцу весьма бы были у нихъ готовы, и при первой публикаціи указа могли бы платить исправно, не дожидаясь экзекуціи.....

И понеже крестьяне ничѣмъ такъ не скудны, какъ деньгами, и для платежа подушныхъ денегъ многіе принуждены хлѣбъ продавать за половину цѣны, а наипаче въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оный лучше родится, того ради положить тотъ подушной окладъ платить деньгами половину или двѣ трети, а другую половину или одну треть, какъ по имѣвшемъ разсужденіи вышеупомянутой коммиссіи заблагоразсудится, платить провіантомъ и фуражемъ въ опредѣленные магазейны, или стоящимъ полкамъ на квартирахъ давать порціоны и раціоны въ натурѣ, какъ въ поданныхъ мнѣніяхъ написано. Сіе учинить, по разсужденію провинціи, и по хлѣбному уроду и по способности къ магазейнамъ, и чтобъ то учинено было къ пользѣ крестьянской.

8.

Умноженіе правителей и канцелярій во всемъ государствѣ не токмо служитъ къ великому отягощенію стата, но и къ великой тягости народной. Выше сего, при артикулѣ о подушныхъ деньгахъ, уже показано, какія почитай несносныя тягости и разореніе происходитъ бѣдному крестьянству отъ разныхъ командировъ, и мочно всякому легко разсудить, какая народу отъ того тягость происходитъ, что вмѣсто того, что прежде сего къ одному управителю адресоваться имѣли во всѣхъ дѣлахъ, а нынѣ къ десяти и можетъ быть больше. Всѣ тѣ разные управители имѣютъ свои особливыя канцеляріи, и канцелярскихъ служителей и особливой свой судъ; и каждый по своимъ дѣламъ бѣдный народъ волочитъ; и всѣ тѣ управители, такъ и ихъ канцеляріи и канцелярскіе служители жить и пропитанія своего хотятъ, умалчевая о другихъ непорядкахъ, которые отъ безсовѣстныхъ людей, къ вящшей народной тягости, ежедневно происходятъ, или и происходить будутъ. И для того, немедленно разсмотрѣть въ сенатѣ штатъ и учредить на лучшемъ основаніи.....

12.

И понеже ревизіи не меньше какъ и экономія, а у насъ она только именемъ, а въ самомъ дѣлѣ счету никогда не бывало, и отъ того происходитъ, что и по сіе время нѣтъ совершеннаго извѣстія о приходѣ и о расходѣ, и объ остаткахъ, того ради учредить ревизіонъ-коллегію на такомъ надежномъ основаніи, чтобъ счеты годовые весьма порядочно слѣдовали, и оная бы коллегія обо всемъ состояніи ея дѣлъ помѣсячно въ верховный тайный совѣтъ репортовала и накрѣпко того смотрѣла, что не превосходитъ-ли государственный расходъ приходу. Такожде, чтобъ дача жалованья какъ воинскимъ, такъ и прочимъ чинамъ, и во всѣхъ мѣстахъ исправно по указамъ и регламентамъ высокославной памяти государя императора происходила, а не такъ, какъ мы увѣдомились, что нѣкоторые полки или баталіоны на 723 и 724 годы жалованья не получали. И понеже не токмо что имѣемъ порядочные приходу и расходу счеты, но и вѣдомостей о приходѣ и о расходѣ государственномъ ни въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, ни въ нашемъ кабинетѣ не имѣется, хотя отъ насъ въ сенатъ и указъ посланъ, по которому велѣно сдѣлать о приходѣ и о расходѣ табели, но и по тому ничего до сего времени не исполнено; и для того надлежитъ призвать сенаторей и спросить: для чего они по тому указу не сдѣлали? и о томъ доложить намъ.

И какъ для сихъ, такъ и прочихъ случающихся важныхъ дѣлъ призы-

вать въ верховный тайный совѣтъ, по однова или по дважды въ недѣлѣ, для совѣту сенаторей, такожъ изъ духовной, воинскихъ и штатскихъ коллегій президентовъ, вице-президентовъ и совѣтниковъ, смотря по случаю и по важности дѣла, что до того принадлежитъ.....

(Сб. Академіи Наукъ, т. IX, с. 85—98.)

6. О Россіи при Петрѣ II.

(Изъ писемъ испанскаго посла дюка де-Лиріа къ исп. королю).

Полагаю, что королю нашему государю весьма важно знать въ подробностяхъ систему управленія Русской земли, которой грозитъ величайшая опасность возвратиться къ прежнему своему состоянію, если только Богъ не предохранитъ ее отъ этого.

Со времени низверженія князя Меншикова, баронъ Остерманъ, первый воспитатель царя и вице-канцлеръ, есть собственно первый министръ; но, какъ иностранецъ, онъ не смѣетъ дѣлать ничего самъ по себѣ и во всемъ сносится съ тремя другими членами Верховнаго Совѣта, дѣйствуя съ величайшею осторожностію и скрытностію. И хотя государю еще не исполнилось и 13 лѣтъ, но, такъ какъ онъ уже объявленъ совершеннолѣтнимъ, то никто не смѣетъ ни говорить ему ни о чемъ, ни совѣтывать. Только одинъ Остерманъ и сохраняетъ еще надъ нимъ нѣкоторую власть; но и его замѣчанія не всегда уважаются....

Въ самый день царскаго отъѣзда, я долго просидѣлъ у фаворита. Любя меня, онъ говорилъ со мною откровенно; я воспользовался этимъ и въ настоящій разъ говорилъ ему такъ, какъ будто я самъ былъ одинъ изъ усерднѣйшихъ подданныхъ Его Царскаго Величества. Я передавалъ ему о народномъ ропотѣ противъ его отца и всѣхъ Долгорукихъ, говорилъ ему о слѣдствіяхъ, какія можетъ повести за собою дурное воспитаніе царя—оно можетъ повести за собою гибель всего его дома; я особенно выставлялъ ему обязанность его самаго и его отца—совѣтовать царю заняться государственными дѣлами и поддерживать Россію въ томъ цвѣтущемъ и грозномъ положеніи, въ которомъ оставилъ ее великій его дѣдъ: пусть бы царь, хотя бы и невсегда, присутствовалъ въ Верховномъ Совѣтѣ и приказывалъ бы докладывать себѣ о государственныхъ дѣлахъ. Я указалъ ему на Французскаго короля (Людовика XV), который еще ребенокъ, но присутствуетъ въ своемъ Совѣтѣ, съ цѣлію научиться управлять государствомъ; я припоминалъ ему примѣръ нашей покойной королевы Савойской, которая, сдѣлавшись въ 14 лѣтъ правительницею Испаніи, имѣла терпѣніе присутствовать въ каждомъ собраніи Совѣта. Словомъ, я высказалъ ему все, что мнѣ внушали дружба къ нему, почтеніе къ его государю и небольшая моя опытность. Онъ благодарилъ меня за все и повидимому соглашался со мною; но, мнѣ кажется, онъ вовсе не намѣренъ слѣдовать моимъ совѣтамъ, по причинѣ своего нерѣшительнаго характера....

Я также долженъ довести до свѣдѣнія Его Величества, что жена, двѣ дочери и сыновья князя Долгорукаго, отца фаворита, послѣдовали за царемъ на охоту, куда отправился Его Царское Величество. Это многихъ заставило призадуматься. Мысль Долгорукаго женить царя на одной изъ своихъ дочерей извѣстна всѣмъ. Но теперь всѣмъ представляется, что настоящимъ случаемъ онъ хочетъ воспользоваться для рѣшительнаго сговора. Я подробно говорилъ объ этомъ съ барономъ Остерманомъ: онъ также боится этого, какъ и я; но онъ все еще не можетъ вѣрить, чтобы дѣло зашло

уже такъ далеко. Если князь Алексѣй Долгорукій сдѣлаетъ эту глупость (второй томъ глупости Менщикова), онъ рискуетъ ускорить гибель всего своего дома, противъ котораго раздражены всѣ здѣшніе. Царь еще очень молодъ, и всего можно бояться отъ его благоволенія къ князьямъ Долгорукимъ—отцу и сыну. Если состоится этотъ бракъ, тогда рѣшеное дѣло: Россія возвратится къ своему прежнему варварству...

(П. Бартеневъ. Осмнадцатый вѣкъ. Томъ II, с. 30—1, 162—4).

II. Избраніе имп. Анны Іоанновны.

7. Разсказъ Өеофана Прокоповича.

1.

Преставился Петръ вторый 1730 года Генваря 18 дня, во второмъ часу по полуночи, по учиненномъ ему, (какъ въ Греческой Церкви обычно) отъ трехъ Архіереевъ елеоосвященіи, меньше часа; и пробыли Архіереи въ палатахъ до кончины его; были тамже Верховнаго Совѣта члены, такожъ и изъ сената и генералитета не малое число.

И тогда князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, именемъ прочихъ, просилъ Архіереевъ помѣшкать немного, внушая, что тамъ же скоро имѣетъ быть совѣтованіе о избраніи Государя новаго, но скоро потомъ возвратясь къ нимъ сказалъ, что Верховному Совѣту заблагоразсудилось, къ надходящему дню, и въ палатахъ Верховнаго Совѣта, быть всѣхъ членовъ собранію въ 10 часу по полуночи, куда и они Архіереи изволили бы прибыть сами и другихъ бы, какъ Архіереевъ, такъ и Архимандритовъ, съ собою привели, понеже сіи были синодальные. И тако Архіереи, всякъ во своя отошли...

Когда день насталъ и великое всѣхъ штатовъ множество въ Верховный Совѣтъ собралось, куда и Синодальные и другіе прочіе Архіереи и Архимандриты прибыли, и великій канцлеръ въ слухъ предложилъ, что Верховный Совѣтъ, Курляндской Герцогинѣ Царевнѣ Аннѣ, Россійскую корону должну быть усматриваетъ; но требуетъ и всѣхъ, всего отечества лице на себѣ являющихъ чиновъ, согласіе, тотчасъ всѣ въ единъ голосъ изволеніе свое показали, и ни единаго не было, который бы хотя мало задумался. Первый же Архіерей, имянемъ всѣхъ отвѣтствуя, сказалъ, что не только, какъ онъ, такъ и вся братія его на то согласуются; но и желаютъ, тотчасъ въ престольной церкви, при всенародномъ присутствіи, торжественнымъ молебствіемъ благодарить всемилостивому Богу за толикое, полученное отъ него дарованіе; но когда сей Архіерей оное слово произнесъ, непріятно то стало верховнымъ господамъ: отрекли и быть тому тогда не приговорили, что, ясно весьма нечаянное, подвигло всѣхъ до великаго удивленія. И тако, великій соборъ распущенъ.

Стали же многіе разсуждать: какая бы то была отъ Верховныхъ причина отлагать оное благодарственное молебствіе? И кто легко и скоропостижно разсуждаетъ, сію того вину быть думалъ, что еще неизвѣстно, соизволитъ ли Царевна Анна царствовать; но осторожнѣйшія головы глубочаѣ нѣчто проницали и догадывалися, что господа Верховные иный нѣкій отъ прежняго видъ царствованія устроили, и что на нощномъономъ многочисленномъ своемъ бесѣдованіи, сократить

власть царскую и нѣкими вымышленными доводами акибы обуздать и, просто рѣщи, лишить самодержавія затѣяли. Если же и о согласіи Царевны Анны надлежитъ сомнѣваться; то сомнительства сего тожъ причиною, то есть, похощетъ ли Государыня Анна прикасаться за умаленную предковъ своихъ державу. И догадъ сей, какъ былъ неложный, скоро самимъ дѣломъ ясно показалось.—

2.

Въ третій день февраля, превеликое множество къ назначенному мѣсту собралось, гдѣ, когда ожидано, что таковое къ совѣтованію отъ Верховниковъ произнесется; тогда они, указавъ молчаніе, повелѣли читать присланное изъ Курляндіи письмо, и дѣломъ явилось сущее то, что опаснѣйшіи прорицали: было то посланіе Императрицы Анны.

Ни кого, почитай, кромѣ Верховныхъ, не было, кто бы таковая слушавъ, не содрогнулся, и саміи тіи, которые вчера великой отъ сего собранія пользы надѣялись, опустили уши, какъ бѣдные ослики; шептанія нѣкая во множествѣ ономъ прошумливали, а съ негодованіемъ откликнуться никто не посмѣлъ. И нельзя было не бояться, понеже въ палатѣ оной, по переходамъ, въ сѣняхъ и избахъ, многочисленно стояло вооруженное воинство. И дивное было всѣхъ молчаніе! Сами господа Верховные тихо нѣчто одинъ другимъ пошептывали, и остро глазами посматривая притворялись, будто бы и они яко невѣдомой себѣ и нечаянной вещи удивляются.

Одинъ изъ нихъ только, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, часто похаркивалъ: „Видите де, какъ милостива Государыня! и какого мы отъ нея надѣялись, таковое она показала отечеству нашему благодѣяніе! Богъ ее подвигнулъ къ писанію сему: отселѣ счастливая и цвѣтущая Россія будетъ"! Сія и симъ подобная до сытости повторялъ. Но понеже упорно всѣ молчали и только одинъ онъ кричалъ, нарѣкать сталъ: «для чего никто ни единаго слова не проговоритъ? изволилъ бы сказать, кто что думаетъ, хотя и нѣтъ де ничего другаго говорить, только благодарить толь милосердой Государынѣ»! И когда нѣкто изъ кучи тихимъ голосомъ съ великою трудностію промолвилъ: «Не вѣдаю де и весьма чуждуся, отъ чего на мысль пришло Государынѣ такъ писать!»; то на его слова ни отъ кого отвѣта не было.

По томъ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій предложилъ словесно, дабы ему и прочей братіи дано было время поразсудить о томъ свободнѣе. И на то соизволили Верховныи, желая паче отпустить прочь упрямыхъ и себя отъ страха свободить, нежели вмѣняя то въ пользу свою.

3.

Того же февраля въ день, который воскресный былъ, Императрица Анна въ Москву вошла съ великою славою, да сама не имѣла, чемъ веселиться, и многіе о бѣдномъ ея состояніи тужили и печалились. Когда вошла въ домъ Царскій, тотчасъ узнали, что она якобы полонена и заключена въ честную тюрьму. И не льзя было Ей иначе думать, понеже князь Василій Лукичъ Долгорукій, который изъ Курляндіи привезъ Ее въ Москву, у самыхъ дверей свѣтлицъ, ко пребыванію Ей уготовленныхъ, занялъ себѣ другія свѣтлицы такъ, что никому невозможно было доступить до Государыни безъ его позволенія, да и кого допускалъ, за тѣмъ и самъ вхаживалъ, и ни кто отнюдь, ниже сестры Ея Величества не воленъ былъ, что ни есть поговорить, развѣ присутствующу и слышащу ему.

Между же тѣмъ Верховные господа прежнюю присяги форму, которою народъ на вѣрность Государю своему себе обязуетъ, перемѣня, новую выковали, вымаравъ многія, какъ обносилось, рѣчи, самодержавію служащія, и по томъ всѣхъ чиновъ созвали для присяги къ первопрестольной церкви, которая вдругъ, по площади, многимъ воинствомъ обставлена была...

4.

Что же бы то ни было; только же нахальная оныхъ господъ бодрость всѣмъ была съ досадой, и прежнее супротивъ ихъ возстаніе возбуждало; паче же бѣдное самой Государыни состояніе, аки бы предъ очами ходящее, на гнѣвъ и ярость позывало: не происходитъ она, не видитъ, не поздравляетъ ее народъ. А когда тому всюду вѣсть проносилась, что князь Василій Лукичъ, какъ бы нѣкій драконъ, блюдетъ ее не приступну, и что она, безъ воли его, ни въ чемъ не вольна, и неизвѣстно, жива ли, а если жива, то насилу дышитъ, и что оныи тираны имѣютъ Государыню за тѣнь Государыни, а между тѣмъ злѣйшее нѣчто промышляютъ, чего другимъ и догадываться не льзя. Симъ и симъ подобная, когда вездѣ говорено, ожидала другой компаніи ревность, и жесточаѣ, нежели прежде, воспламенялась; видить было на многихъ, что нѣчто весьма странное умышляютъ. Но тихомирныя головы къ тому всѣхъ преклонили, дабы мятежное оное господство упразднить правильнымъ и безопаснымъ дѣйствіемъ слѣдующимъ.

Сшедшись во едино собраніе, многіе изъ шляхетства написали къ Государынѣ челобитную, въ которой объявляютъ, что бывшее въ Курляндіи посольство, не только безъ согласія всѣхъ чиновъ, но и безъ вѣдома и нарочно скрытно устроено отъ привотныхъ осьми человѣкъ, для домашнихъ ихъ интересовъ, и покорно просятъ Ея Величество, чтобъ договорное Курляндское письмо, Ею поддержденное (хотя оное, лживому доносу простотою повѣря, подписала) изволила отвергнуть и уничтожить, яко нѣкій незаконный извергъ и уродъ, на гибель отечеству, отъ немногихъ затѣйщиковъ изданный. И скоро великимъ множествомъ въ палаты Царскія вошедъ, стали требовать, дабы до Ея Величества приступить имъ позволено было. И сіе услышавъ выбѣгъ къ нимъ князь Василій Лукичъ и притворяя, будто бы во всемъ томъ имъ согласенъ, сталъ сочиненной отъ нихъ челобитной просить, обѣщая тотчасъ оную подать въ руки Ея Величества. Но никто такъ нечувственный не былъ, кто бы коварства его не узналъ; всѣ вопить стали: что подданныхъ отъ Государыни и сыновъ отъ матери отрывать не надлежитъ, а кто такъ мудрствуетъ, тотъ врагъ есть и Государыни и государства. И тако онъ, стыда, страха и ярости исполненъ, отошелъ отъ нихъ.

Была тогда у Государыни сестра Ея Царевна Екатерина, и она прежде о такомъ шляхетства намѣреніи увѣдомлена, слыша нынѣ о собраніи ихъ, все что дѣлалось, Государынѣ донесла, увѣщавая произыти къ нимъ и послушать ихъ челобитья. И свободно было о семъ говорить, понеже князь Василій Лукичъ на слухъ онаго собранія выходилъ, какъ уже упомянулось.

Вышла Государыня въ залу; стоя подъ балдахиномъ, впустить просителей и прошеніе ихъ прочесть повелѣла, а по прочтеніи того приказала: тотчасъ подать себѣ письмо курляндское. По томъ произнесла краткую рѣчь въ такой силѣ: что хотя весьма тяжелые поданы Ей были царствованія договоры, однако же вѣруя, какъ Ей докладывано, что оныи отъ всѣхъ чиновъ и отъ всего Россійскаго народа требуются, для любви отечества

своего подписала. А понеже нынѣ извѣстно является, что лжею и лестію сдѣланъ Ей обманъ, того ради, оные договоры, яко сущею неправдою отъ себя исторженные, уничтожаетъ и рукописаніе свое никому впредь имѣть за важное приказуетъ. И то сказавъ, тотчасъ упомянутое письмо, до руки Ея поданное, разодрала и на землю бросила.

Воскликнуло все предстоящихъ множество, зѣло Ея Величеству благодарствуя и кланяясь; были же при томъ нѣкоторыи отъ Верховниковъ, и когда просители оныи, благодаря кланялись, тогда и сіи поклонились, кое дѣйствіе ихъ, понеже паче всякаго чаянія показалось, подало въ народъ довольную смѣха матерію.

(Д. Языковъ. Записки дюка Лирійскаго, с. 186—217).

---

8. Разсказъ бригадира Козлова казанскому губернатору Волынскому.

...Теперь у насъ прямое правленіе государства стало порядочное, какого нигдѣ не бывало, и нынѣ уже прямое теченіе дѣламъ будетъ, и уже больше Бога не надобно просить, кромѣ чтобъ только между главными согласіе было. А если будетъ между ними согласіе такъ, какъ положено, конечно, никто сего опровергнуть не можетъ. Есть нѣкоторые бездѣльники, которые трудятся и мѣшаютъ, однакожъ ничего не сдѣлаютъ, а больше всѣхъ мудрствуетъ съ своею партишкою князь Алексѣй Михайловичъ (Черкасскій); однакожъ ничего не успѣваютъ и не сдѣлается. И о государынѣ такъ положено: что хотя въ маломъ въ чемъ не такъ будетъ поступать, какъ ей опредѣлено, то ее конечно вышлютъ назадъ въ Курляндію, и для того будь она довольна тѣмъ, что она государыня Россійская; полно и того. Ей же опредѣляютъ на годъ 100,000 и тѣмъ ей можно довольной быть, понеже дядя ея, императоръ, и съ теткой ея довольствовался только 60,000 въ годъ, а сверхъ того не повинна она брать себѣ ничего, развѣ съ позволенія Верховнаго Тайнаго Совѣта; также и деревень никакихъ, ни денегъ не повинна давать никому, и не токмо того, ни послѣдней табакерки изъ государевыхъ сокровищъ не можетъ себѣ вовсе взять, не только отдавать кому, а что надобно ей будетъ, то будутъ давать ей съ росписками. А всего лучше положено, чтобъ ей при дворѣ своемъ свойственниковъ своихъ не держать, и другихъ ко двору никаго не брать, кромѣ развѣ кого ей позволитъ Верховный Тайный Совѣтъ. И теперь Салтыковыхъ и духу нѣтъ, а впредь никого не допустятъ. И что она сдѣлана государынею, и то только на первое время,—помазка по губамъ.

(С. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. 19. Нов. изд. т. IV, с. 1164—5).

---

9. Изъ письма Казанскаго губернатора Волынскаго.

Слышно здѣсь, что дѣлается у васъ или уже и сдѣлано, чтобъ быть у насъ республикѣ. Я зѣло въ томъ сумнителенъ. Боже сохрани, чтобъ не сдѣлалось, вмѣсто одного самодержавнаго государя, десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій: и такъ мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ и принуждены будемъ горше прежняго идолопоклонничать и милости у всѣхъ искать, да еще и сыскать будетъ трудно, понеже нынѣ между главными какъ бы согласно ни было, однакожь впредь конечно у нихъ безъ раздоровъ не будетъ, итакъ одинъ будетъ миловать, а другіе, на того яряся,

вредить и губить станутъ. Второе, понеже народъ нашъ наполненъ трусостію и похлѣбствомъ, и для того оставя общую пользу, всякъ будетъ трусить и манить главнымъ персонамъ для бездѣльныхъ своихъ интересовъ или страха ради. Итакъ хотя бы и вольные всего общества голосы требованы въ правленіе дѣлъ были, однакожъ бездѣльные ласкатели всегда будутъ то говорить, что главнымъ надобно; а кто будетъ правду говорить,— тѣ пропадать станутъ, понеже уже всѣ совѣты тайны быть не могутъ. Къ тому же главные для своихъ интересовъ будутъ прибирать къ себѣ изъ мелочи больше партизановъ, и въ чьей партіи будетъ больше голосовъ, тотъ что захочетъ, то и станетъ дѣлать, и кого захотятъ, того выводить и производить станутъ, а безсильный, хотя-бъ и достойный былъ, всегда позади оставаться будетъ. Третіе, не допусти Боже, если война на насъ будетъ, и въ то время потребно расположить будетъ обществомъ или рекрутскій наборъ, пли прочій какой сборъ для пользы и обороны государства, для того надлежитъ тогда всякому понести самому на себѣ для общей пользы нѣкоторую тягость, въ томъ голосовъ сообразить никакъ невозможно будетъ, и что надобно сдѣлать и расположить въ недѣлю,—того въ полгода или въ годъ не сдѣлаютъ; а что и положено будетъ, то будетъ на главныхъ всегда въ доимкахъ, и мы, средніе, одни будемъ оставаться въ платежахъ и во всѣхъ тягостяхъ. (С. Соловьевъ. Ист. Россіи. Томъ IV, с. 1151—3.)

---

10. Кондиціи имп. Анны Ивановны.

Понеже, по волѣ всемогущаго Бога и по общему желанію россійскаго народа, мы, по преставленіи всепресвѣтлѣйшаго, державнѣйшаго великаго Государя Петра Втораго, Императора и Самодержца Всероссійскаго, нашего любезнѣйшаго Государя племянника, императорскій всероссійскій престолъ воспріяли и, слѣдуя божественному закону, правительство свое такимъ образомъ вести намѣрена и желаю, дабы оное въ началѣ къ прославленію божескаго имени и къ благополучію всего нашего государства и всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ служить могло.—Того ради, чрезъ сіе наикрѣпчайше обѣщаемся, что наиглавнѣйшее мое попеченіе и стараніе будетъ не токмо о содержаніи, но и о крайнемъ и всевозможномъ распространеніи православныя нашея вѣры греческаго исповѣданія, такожде, по принятіи короны россійской, въ супружество во всю мою жизнь не вступать и наслѣдника, ни при себѣ, ни по себѣ никого не опредѣлять. Еще обѣщаемся, что понеже цѣлость и благополучіе всякаго государства отъ благихъ совѣтовъ состоитъ, того ради мы нынѣ уже учрежденный верховный тайный совѣтъ в восми персонахъ всегда содержать и безъ онаго верховнаго тайнаго совѣта согласія:

1) Ни съ кѣмъ войны не всчинять.

2) Миру не заключать.

3) Вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими новыми податми не отягощать.

4) Въ знатные чины, какъ въ статцкіе, такъ и въ военные, сухопутные и морскіе, выше полковничья ранга не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять, и гвардіи и прочимъ полкамъ быть подъ вѣдѣніемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта.

5) У шляхетства живота и имѣнія и чести безъ суда не отымать.

6) Вотчины и деревни не жаловать.

7) Въ придворные чины, какъ русскихъ, такъ и иноземцевъ, безъ совѣту Верховнаго Тайнаго Совѣта не производить.

8) Государственные доходы въ расходъ не употреблять—

И всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать. А буде чего по сему обѣщанію не исполню и не додержу, то лишена буду короны росиской.

(Д. Корсаковъ. Воцареніе Анны Ивановны. с. 17—8).

---

11. Письмо кн. В. Л. Долгорукова къ Верховному Тайному Совѣту, изъ Митавы.

Пріѣхали мы въ Митаву 25 сего мѣсяца, въ 7-мъ часу по полудни и того-жъ числа донесли Ея Высочеству Государынѣ Императрицѣ, въ началѣ о преставленіи Его Императорскаго Величества, а потомъ, что избрали Ея Величество на Россійскій престолъ и просили, чтобъ изволила подписать посланныя съ нами кондиціи. Ея величество изволила печалиться о преставленіи Его Величества, а потомъ, по челобитью нашему, повелѣла тѣ кондиціи предъ собою прочесть и, выслушавъ, изволила ихъ подписать своею рукою такъ: „По сему обѣщаюсь всѣ безъ всякаго изъятія содержать, Анна". Тѣ подписанныя кондиціи мы удержимъ и привеземъ ихъ съ собою, а съ курьеромъ не посылали за опасностію, чтобъ какимъ несчастіемъ въ дорогѣ не утратить. Ея Величество намѣрена отсюда иттить сего мѣсяца 28, или конечно 29 числа, и въ пути медлить не изволитъ. Для проѣзда Ея Величества чрезъ Ригу приказалъ я генералу Лассію стрѣлять изъ пушекъ и полки гарнизонные поставить въ строй. О въѣздѣ Ея Величества въ Москву зѣло нужно мнѣ вѣдать—публичной ли будетъ и съ какою церемоніею? О томъ буду ожидать отвѣту. Государыня изволила требовать 10 тысячь на всякіе расходы и на подъемъ, и я, по Ея указу, послалъ къ оберъ-инспектору, Ильѣ Исаевичу, въ Ригу, чтобъ тое сумму выдать тому, кому Ея Величество принять повелитъ.—Митава, 26 генваря.

(Д. Корсаковъ. Воцареніе Анны Ивановны. с. 108—9).

---

12. Проектъ кн. Черкасскаго.

(Шляхетскій.)

...О государынѣ императрицѣ, хотя мы ея мудростію, благонравіемъ и порядочнымъ правительствомъ въ Курляндіи довольно увѣрены, однакожь, какъ есть персона женская, къ такъ многимъ трудамъ неудобна; паче жь ей знанія законовъ не достаетъ; для того на время, доколѣ намъ Всевышній мужескую персону на престолъ даруетъ, потребно нѣчто для помощи ея величеству вновь учредить; но какимъ порядкомъ, то, довольно третьяго дня разсуждая, въ великомъ собраніи положили слѣдующее:

1) Быть при ея величествѣ въ вышнемъ правленіи, сенатѣ, двадцати одной персонѣ, въ которомъ нынѣшній верховный совѣтъ останется.

2) Чтобъ оный дѣлами внутренней экономіи отягченъ не былъ, другое правительство учредить во стѣ персонахъ, которымъ, по третямъ года, третьей части въ правленіи оставаться, а двѣ части могутъ въ домахъ своихъ управлять; но въ каждой трети въ концѣ, т.-е. въ декабрѣ, апрѣлѣ, августѣ, или въ началѣ: въ январѣ, маѣ и сентябрѣ, для разсмотрѣнія важныхъ дѣлъ каждогодно собираться; или когда чрезвычайное что случится, яко война, кончина государя, или другое такъ великое дѣло, то по повѣсткѣ всѣмъ съѣзжаться, и не болѣе мѣсяца общее собраніе продолжать.

3) Ежели случится упалое мѣсто въ вышнемъ собраніи, сенатѣ, колле-

гіи, президента и вице-президента, въ губерніи губернатора или вице-губернатора, въ войскѣ главнаго командира, то избирать балотированіемъ онымъ двумъ правительствамъ президентовъ отъ коллегіи; а командира въ войско, вмѣсто президентовъ, военнымъ генераламъ всѣмъ, сколько ихъ обще съ оными правительствы. Балотированіе же такимъ порядкомъ отправлять: герольдмейстеръ долженъ прочесть роспись всѣхъ достойныхъ въ кандидаты по рангамъ; потомъ каждый избиратель повиненъ написать на бумажкѣ одно имя, кого кто за достойнаго мнитъ, и положить въ скрынѣ приготовленную. Оныя бумажки разобравъ при всѣхъ, написать на роспись, котораго имя сколько голосовъ получило, и которымъ больше голосовъ дано, изъ оныхъ трехъ балотировать, и кому болѣе баловъ въ достойную положатъ, того представить ея величеству, а если балы не угодны, то довольно по голосамъ тѣхъ трехъ, которымъ болѣе голосовъ дано, представить ея величеству, кого изъ нихъ опредѣлитъ. Чрезъ сей способъ можно во всѣхъ правленіяхъ людей достойныхъ имѣть, не смотря на высокородство, въ которыхъ много негодныхъ въ чины производятъ.

4) Законоизданіехотя состоитъ единственно во власти монаршеской, какъ о томъ выше показано, однакожъ, разсудя намѣреніе государя, ни въ чемъ иномъ, какъ пользѣ общей и справедливости состоитъ, такъ оное точно наблюдать должно; и какъ ея величеству не угодно самой сочинять, но нужно кому-либо сочиненіе онаго повѣрить, въ которомъ опасность не малая, чтобъ кто по прихоти чего непристойнаго и правости не согласнаго, или паче вреднаго, не внесъ; какъ то Петръ Великій, хотя и мудрый государь былъ, но въ своихъ законахъ многое усмотрѣлъ что перемѣнить нужно, для котораго велѣлъ всѣ оные, собравъ, разсмотрѣть и вновь сочинить; того ради лучше оное прежде изданія разсматривать, нежели издавъ перемѣнять, что съ честію монарха не согласуетъ; оное же сочиненіе никакъ не возможно одному повѣрить, хотя бъ онъ искусенъ и въ намѣреніи ни коея собственныя страсти не имѣлъ, по природѣ легко погрѣшить можетъ; того ради какъ скоро ея величества повелѣніе будетъ какой законъ сочинитъ, оный послать во всѣ коллегіи, чтобъ довольно разсмотрѣли, и чрезъ семь дней сочиня каждая общее, или кто собственное свое, въ собраніи вышнему правительству объявили, и по довольномъ разсужденіи сочиня, ея величеству къ утвержденію представили.

5) Весьма безпорядочно бываетъ когда въ одномъ правленіи отецъ съ сыномъ, или два брата, и дядя съ племянникомъ, тесть съ зятемъ присутствуютъ, которое равно какъ бы оному два голоса присвоены были; для того въ вышнемъ правительствѣ не быть двумъ одной фамиліи; а въ нижнемъ и въ коллегіяхъ токмо ближнимъ сродникамъ, какъ выше показано, не присутствовать.

6) Въ тайной канцеляріи хотя присутствовать опредѣленному отъ ея величества, а къ тому опредѣлять отъ сената помѣсячно двухъ человѣкъ, чтобъ смотрѣли на справедливость; а паче чтобъ при взятіи до пожитковъ нимало не касалися, и для того брать всегда отъ полиціи по одному знатному человѣку.

7) Для производденія шляхетства въ войскѣ и гражданствѣ искать лучшаго способа нежели нынѣ: 1. Устроить во всѣхъ градѣхъ потребныя училища, опредѣля на то доходы и домы. 2. Меньше восемнадцати лѣтъ въ службу, а болѣе двадцати лѣтъ въ войскѣ служить не принуждать. 3. Въ матросы и ремесла не писать. 4. Чтобъ подлинное шляхетство извѣстно было,

того ради всему во всемъ государствѣ сдѣлать роспись, не включая тѣхъ, которые изъ солдатъ, гусаръ, однодворцевъ и подъячихъ, хотя-бъ и многія деревни имѣли, развѣ па шляхетство, или на жалованныя деревни грамоты жалованныя имѣютъ; однакожъ и тѣхъ всѣхъ хотя бъ изъ какого чина ни были, а деревни уже имѣютъ, написать въ особую книгу.

8) Духовенство въ ихъ доходахъ разсмотрѣть, чтобъ деревенскіе могли дѣтей своихъ въ училищахъ содержать и сами не пахали-бъ; а у которыхъ есть избытки, оные на полезныя Богу и государству дѣла употребить.

9) Купечество колико можно отъ постоевъ уволить и отъ утѣснѣнія избавить, а подать способъ къ размноженію мануфактуръ и торговъ.

10) Пункты о наслѣдствѣ отставить, а сочинить о томъ достаточный законъ на основаніи Уложенія.

Сіе представя верховному совѣту, требовать, чтобы опредѣлили, выбравъ всѣмъ шлахетствомъ къ разсмотрѣнію сего людей достойныхъ, не меньше ста человѣкъ.

И чтобы сіе не опущая времени начать, о томъ прилежно просить, чтобъ конечно того жъ дня или на завтра, чрезъ герольдмейстера шляхетству о собраніи объявить, и покой для того назначить.

Сіи пункты по два раза въ немалыхъ собраніяхъ шляхетства читаны, и дополнивая въ домѣ Василія Новосильцева, февраля 4-го числа 1730 года подписали:

Семенъ Салтыковъ. Графъ Михаилъ Головкинъ. Василій Новосильцевъ. Василій Татищевъ. Грековъ Максимъ (и другіе, всего 36 чел.).

Да подъ - копіями: лейбъ-гвардіи оберъ-офицеровъ 51; военной коллегіи штабъ и оберъ-офицеровъ 158; кавалергардовъ 48.

(Всего 288).

(„Утро“, лит. сб., с. 375—8).

13. Проектъ М. Грекова.

(Шляхетскій.)

Сего февраля 7 дня, при собраніи въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ военнаго и статскаго генералитета, по прочтеніи присланныхъ отъ Ея Величества Государыни Императрицы за подписаніемъ Ея пунктовъ объявлено, отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта: ежели кто что можетъ изобрѣсти къ лучшей пользѣ государству и обществу не для собственныхъ интересовъ, бояся суда Божія, посовѣтовавъ по совѣсти, предъявили бъ; и по тому объявленію, что могли изыскать по совѣсти къ лучшей пользѣ государству и обществу, предъявляемъ нижеслѣдующее:

1) въ началѣ учредить вышнее правительство въ 21 персонѣ; 2) дабы онаго вышняго суда правительства множествомъ дѣлъ не отягчить, того ради для отправленія протчихъ дѣлъ учинить сенатъ въ 11 персонахъ; 3) въ вышнее правительство и въ сенатъ и въ губернаторы и въ президенты въ коллегіи кандидатовъ выбирать и балатировать генералитету и шляхетству, а въ кандидаты болѣе одной персоны изъ одной фамиліи не выбирать, также и при балатированіи болѣе двухъ персонъ изъ одной фамиліи не быть,—а при балатированіи быть не меньше ста персонъ, а изъ которой фамиліи выбраны будутъ въ кандидаты, и той фамиліи при балатированіи не быть; 4) въ вышнемъ правительствѣ и въ сенатѣ впредь кромѣ обрѣтающихся нынѣ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, болѣе двухъ персонъ изъ одной фамиліи не быть, щитая въ обоихъ какъ въ вышнемъ правительствѣ, такъ и въ сенатѣ; 5) въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ также, и что потребно будетъ впредь сочинить въ дополненіе уставовъ, принадлежащихъ къ государственному правительству,—оные сочинять

и утверждать вышнему правительству и сенату, генералитету и шляхетству общимъ совѣтомъ; 6) для производженія въ службу шляхетству искать лучшаго способу, а далѣе 20-ти лѣтъ неволею въ службѣ не содержать, также въ матросы и мастерства неволько не брать, а которые нынѣ имѣются въ матросахъ и въ мастерствахъ изъ шляхетства, и объ оныхъ надлежитъ разсмотрѣніе учинить; 7) духовенству, купечеству въ квартирахъ и протчихъ трудностяхъ, также крестьянству въ податяхъ по разсмотрѣнію надлежащее облегченіе учинить; 8) о порядочномъ производженіи офицеровъ и солдатъ и о справленіи въ заплатѣ жалованья разсмотрѣніи учинить, чтобъ на сроки могло проходить; 9) о отставкѣ, первенство въ наслѣдствѣ, и какъ впредь быть надлежитъ надлежащее разсмотрѣніе учинить; 10) которые офицеры и солдаты за раны и за старостью отставлены будутъ отъ службы, а собственнаго своего пропитанія не имѣютъ, онымъ надлежитъ учинить разсмотрѣніе, и о награжденіи имъ пропитанія.

У сего 330 рукъ приложено (имена)

Въ такой силѣ мнѣніе объявлено лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка отъ штабъ и оберъ-офицеровъ.

(В. Кашпировъ. Памятники новой рус. исторіи т. I отд. II с. 4—5).

---

14. Депеша Рондо.

(англ. посла).

(съ изложеніемъ проекта Д. Голицына).

Я слышалъ, что самыя значительныя лица изъ знати заняты вопросомъ объ измѣненіи формы правленія этой страны; и увѣряютъ, что были составлены пункты, ограничивающіе власть императрицы; ей придется подписать эти пункты, или будетъ избрана другая императрица.

Вотъ, какъ разсказываютъ, предложенныя ей условія:

1) Императрица будетъ имѣть опредѣленную сумму на расходы по своему дому, и командовать будетъ только гвардіей, несущей службу въ ея дворцѣ.

2) Будетъ верховный совѣтъ изъ 12 лицъ, самыхъ значительныхъ изъ знати (noblesse); этотъ совѣтъ будетъ рѣшать важнѣйшія дѣла, — какъ-то — о мирѣ, о войнѣ, о союзахъ. Будетъ назначенъ казначей, который будетъ давать отчетъ верховному совѣту въ употребленіи казенныхъ денегъ.

3) Будетъ сенатъ изъ 36 членовъ; онъ будетъ предварительно разсматривать дѣла, вносимыя въ верховный совѣтъ.

4) Будетъ собраніе изъ 200 лицъ, изъ мелкаго дворянства, для охраненія правъ этого сословія, въ случаѣ еслибы верховный совѣтъ захотѣлъ ихъ нарушить.

5) Будетъ собраніе дворянъ и купцовъ, которые будутъ слѣдить за тѣмъ, чтобы не было утѣсненія народа.

Вотъ вкратцѣ планъ, надъ которымъ работаютъ. До сихъ поръ они не достаточно согласились между собой, какимъ образомъ его осуществить; но они зашли слишкомъ далеко, чтобы вернуться назадъ, и это заставляетъ многихъ вѣрить, что предстоятъ крупныя перемѣны.

(La Cour de la Russie il y a cent ans, p. 16—17).

---

15. Челобитная кн. Трубецкого.

(Гвардейская.)

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Великая Государыня Императрица Анна Іоанновна, Самодержица Всероссійская! Когда Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше изволили пожаловать всепокорное наше про-

шеніе своеручно, для лучшаго утвержденія и пользы отечества нашего, сего числа подписать недостойныхъ себе признаемъ къ благодаренію за такъ превосходную Вашего Императорскаго Величества милость. Однакожъ усердіе вѣрныхъ подданныхъ, которое отъ насъ должность наша требуетъ, побуждаетъ насъ по возможности нашей не показаться неблагодарными; для того въ знакъ нашего благодарства всеподданнѣйше приносимъ и всепокорно просимъ всемилостивѣйше принять САМОДЕРЖАВСТВО таково, каково Ваши славные и достохвальные предки имѣли, а присланные къ Вашему Императорскому Величеству отъ Верховнаго Совѣта и подписанные Вашего Величества рукою пункты уничтожить. Только всеподданнѣйше Ваше Императорское Величество просимъ, чтобъ соизволили сочинить вмѣсто Верховнаго Совѣта и высокаго Сената одинъ правительствующій Сенатъ, какъ при Его Величествѣ, блаженной памяти дядѣ Вашего Императорскаго Величества Петрѣ Первомъ было, и исполнить его довольнымъ числомъ 21 персоною; такожде нынѣ въ члены и впредь на упалыя мѣста въ оный правительствующій Сенатъ и въ губернаторы, и въ президенты повелѣно-бъ было шляхетству выбирать баллотированьемъ, какъ то при дядѣ Вашего Величества, Его Императорскомъ Величествѣ Петрѣ Первомъ уставлено было; и притомъ всеподданнѣйше просимъ, чтобъ по Вашему Всемилостивѣйшему подписанію форму правительства государства для предбудущихъ временъ нынѣ установить...

Мы напослѣдокъ Вашего Императорскаго Величества всепокорнѣйшіе рабы надѣемся, что въ благоразсудномъ правленіи государства, въ правосудіи и въ облегченіи податей по природному Величества Вашего благоутробію призрены не будемъ, но во всякомъ благополучіи и довольствѣ тихо и безопасно житіе свое препровождать имѣемъ Вашего Императорскаго Величества всенижайшіе раби.

(166 подписей).
(Д. Корсаковъ, с. 275—6).

III. Дворъ имп. Анны Ивановны.

16. Императрица Анна Ивановна.

Родъ жизни ея расположенъ былъ весьма умѣренно и препорядочно. Она кушала немного и самую простую пищу; обыкновенный ея напитокъ былъ не другое что, какъ пиво; ибо за столомъ пила она токмо одну, или много что двѣ рюмки, стараго Венгерскаго вина. За столъ садилась не позже какъ въ 12 часовъ по полудни и въ 9 часовъ въ вечеру. Часы, въ которые она изъ комнатъ своихъ въ публику выходила, во весь круглый годъ регулярно опредѣлены были. Естьли дѣла не удерживали, то выходила Она обыкновенно предъ полуднемъ отъ 11 до 12 часовъ; а послѣ полудни отъ 4 до половины 9 часа. Въ 10 часовъ вечера ложилась Она опочивать, а утромъ вставала около 6 или 7 часовъ.

Въ досужное время не имѣла она ни къ чему опредѣленной склонности. Въ первые годы своего правленія играла она почти каждой день въ карты. Потомъ провожала цѣлые полдни, не вставая со стула, въ разговорахъ, или слушая крикъ шутовъ и дураковъ. Когда всѣ сіи каждодневно встрѣчающіяся упражненія Ей наскучили, то возъимѣла Она охоту стрѣлять; въ чемъ пріобрѣла такое искуство, что безъ ошибки попадала въ цѣль и на

лету птицу убивала. Сею охотою занималась Она дольше другихъ, такъ что въ Ея комнатахъ стояли всегда заряженныя ружья, которыми, когда заблагоразсудится, стрѣляла изъ окна въ мимопролетающихъ ласточекъ, воронъ, сорокъ и тому подобныхъ. Въ Петергофѣ заложенъ былъ звѣринецъ, въ которомъ впущены привезенные изъ Нѣмецкой земли и Сибири зайцы и олени. Тутъ нерѣдко, сидя у окна, смотрѣла на охоту, и когда заяцъ или олень мимо пробѣжитъ, то сама стрѣляла въ него изъ ружья. Зимою во дворцѣ въ концѣ галлереи вставлена была черная доска съ цѣлью, въ которую при свѣчахъ упражнялась она попадать изъ винтовки.

Герцогъ Курляндскій имѣлъ чрезвычайную охоту къ лошадямъ, и потому почти цѣлое утро проводилъ либо въ своей конюшнѣ, либо въ манежѣ. Когда же Императрица никогда съ терпѣніемъ не могла сносить его отсутствіе, то не токмо часто къ нему туда приходила, но такъ же возъимѣла желаніе обучаться верьховой ѣздѣ; въ чемъ наконецъ и успѣла столько, что могла по дамски съ одной стороны на лошади сидѣть и лѣтомъ по саду въ Петергофѣ проѣзжаться.

Въ торжественные и праздничные дни одѣвалась она весьма великолѣпно, а впрочемъ ходила просто, но всегда чисто и опрятно. Придворные чины и служители не могли лучшаго сдѣлать Ей уваженія, какъ естьли въ день Ея рожденія, тезоименитства и коронованія, которые каждогодно съ великимъ торжествомъ праздкованы, пріѣдутъ въ новыхъ и богатыхъ платьяхъ во дворецъ.

Темныхъ цвѣтовъ какъ Она, такъ и Герцогъ Курляндскій, нарочитое время терпѣть не могли. Послѣдняго видѣлъ я, что онъ пять или шесть лѣтъ сряду ходилъ въ испещренныхъ женскихъ штофахъ. Даже сѣдые старики принаравливались къ сему вкусу, не стыдились наряжаться въ розовые, желтые и попугайные зеленые цвѣта.

Домашнія услуги не отъ каждаго безъ различія Она принимала, но токмо отъ немногихъ, къ которымъ привыкла.

Я былъ одинъ изъ тѣхъ, кои пользовались честію Ей прислуживать, и никогда не имѣлъ сверхъ одного или двухъ товарищей. Какъ однажды отецъ мой просилъ Герцога о назначеніи меня Министромъ къ Датскому Двору, то онъ получилъ въ отвѣтъ, что Императрица такую сдѣлала ко мнѣ привычку, что трудно будетъ склонить, дабы Она отпустила меня отъ себя.

Она была богомольна и при томъ нѣсколько суевѣрна; однако духовенству ни какихъ вольностей не позволяла, но по сей части держалась точныхъ правилъ Петра Великаго.

Станомъ была она велика и взрачна. Недостатокъ въ красотѣ награждаемъ былъ благороднымъ и величественнымъ лицерасположеніемъ. Она имѣла большіе карые и острые глаза, носъ немного продолговатый, пріятныя уста и хорошіе зубы. Волосы на головѣ были темные, лице рябоватое и голосъ сильной и проницательной.

Сложеніемъ тѣла была Она крѣпка и могла сносить многія удрученія. Судя по умѣренному образу жизни Ея, могла бы Она долговременною и здоровою наслаждаться жизнію, естьлибъ токмо каменная болѣзнь, подагра и хирагра, наслѣдованныя скорби, не прекратили дней Ея...

(Записки Миниха, сына фельдмаршала с. 183—7).

17. Россія при Аннѣ Ивановнѣ.

Говоря о герцогѣ курляндскомъ, я сказалъ, что онъ былъ большой охотникъ до роскоши и великолѣпія; этого было довольно, чтобы внушить импе-

ратрицѣ желаніе сдѣлать свой дворъ самымъ блестящимъ въ Европѣ. Употреблены были на это большія суммы денегъ, но все-таки желаніе императрицы не скоро исполнилось. Часто, при богатѣйшемъ кафтанѣ, парикъ бывалъ прегадко вычесанъ; прекрасную штофную матерію неискусный портной портилъ дурнымъ покроемъ; или, если туалетъ былъ безукоризненъ, то экипажъ былъ изъ рукъ вонъ плохъ: господинъ въ богатомъ костюмѣ ѣхалъ въ дрянной каретѣ, которую тащили одры.

Тотъ же вкусъ господствовалъ въ убранствѣ и чистотѣ русскихъ домовъ: съ одной стороны обиліе золота и серебра, съ другой страшная нечистоплотность. Женскіе наряды соотвѣтствовали мужскимъ; на одинъ изящный женскій туалетъ встрѣчаешь десять безобразно одѣтыхъ женщинъ. Впрочемъ, вообще женскій полъ Россіи хорошо сложенъ; есть прекрасныя лица, но мало тонкихъ талій.

Это несоотвѣтствіе одного съ другимъ было почти общее; мало было домовъ, особенно въ первые годы, которые составляли бы исключеніе; мало по малу стали подражать тѣмъ, у которыхъ было болѣе вкуса. Даже дворъ и Биронъ не сразу успѣли привести все въ тотъ порядокъ, ту правильность, которую видишь въ другихъ странахъ; на это понадобились годы; но должно признаться, что наконецъ все было очень хорошо устроено.

Роскошь была уже преувеличенная и стоила двору огромныхъ денегъ. Невѣроятно, сколько чрезъ это ушло денегъ за границу. Придворный, который опредѣлялъ въ годъ только по двѣ или по три тысячи рублей на свой гардеробъ, т.-е. 10 или 15 тыс. франковъ, не могъ похвастать щегольствомъ. Здѣсь кстати было повторить замѣчаніе, сдѣланное однимъ саксонцемъ покойному Августу II, королю польскому: что слѣдовало бы расширить городскія ворота для впуска дворянъ, напялившихъ на себя цѣлыя деревни, потому что всѣ особы, имѣвшія честь служить при дворѣ, разстроивали свое состояніе на наряды; жалованіемъ нельзя было покрывать эти расходы, оно было недостаточно. Довольно было торговцу модъ прожить въ Петербургѣ два года, чтобы составить себѣ состояніе, хотя бы сначала весь его товаръ былъ бы взятъ на кредитъ.

(Зап. Манштейна с. 181 сл.)

---

18. Ледяной домъ.

Къ концу 1739 г. императрица дала потѣшный праздникъ. Поводомъ послужилъ князь Голицынъ. Несмотря на его сорокъ лѣтъ, ни на то, что у него сынъ служилъ въ арміи поручикомъ, его въ одно время произвели въ пажи и въ придворные шуты, въ наказаніе за перемѣну религіи. Такъ какъ онъ былъ вдовъ, то императрица объявила ему, что онъ долженъ вторично жениться: она возьметъ уже на себя свадебные расходы. Шутъ согласился на предложеніе, выбралъ дѣвушку простого званія и требовалъ отъ императрицы исполненія обѣщанія. Желая, по случаю этой потѣшной свадьбы, показать сколько различныхъ народовъ обитаютъ въ ея обширныхъ владѣніяхъ, императрица предписала всѣмъ губернаторамъ выслать въ Петербургъ по нѣсколько инородцевъ обоего пола.

Когда они пріѣхали, ихъ одѣли заново на счетъ двора, каждаго въ его народный костюмъ. Кабинетъ-министру Волынскому поручено распорядиться свадьбою. Для празднованія ея выбрали зимнее время, а для пущей оригинальности, императрица приказала выстроить домъ изъ одного льду. Въ этомъ домѣ были двѣ ком-

наты; вся утварь въ нихъ была сдѣлана изо льду. Передъ домомъ поставлены четыре маленькія пушки и двѣ мортиры изо льду же. Изъ пушекъ сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ при зарядѣ въ полуунцію пороху, и онѣ не треснули; метали изъ мортиръ маленькія деревянныя гранаты: онѣ тоже оставались цѣлы.

Въ день свадьбы, всѣ участвовавшіе въ церемоніи собрались на дворѣ дома Волынскаго, распорядителя праздника; отсюда процессія прошла мимо императорскаго дворца и по главнымъ улицамъ города. Поѣздъ былъ очень великъ, состоя изъ 300 человѣкъ съ лишнимъ. Новобрачные сидѣли въ большой клѣткѣ, прикрѣпленной къ спинѣ слона, гости парами ѣхали въ саняхъ, въ которыя были запряжены разныя животныя: олени, собаки, волы, козлы, свиньи и т. д. Нѣкоторые ѣхали верхомъ на верблюдахъ. Когда поѣздъ объѣхалъ все назначенное пространство, людей повели въ манежъ герцога курляндскаго. Тамъ, по этому случаю, полъ былъ выложенъ досками и разставлено нѣсколько обѣденныхъ столовъ. Каждому инородцу подавали его національное кушанье. Послѣ обѣда открыли балъ, на которомъ также всякій танцовалъ подъ свою музыку и свой народный танецъ. Послѣ обѣда новобрачныхъ повезли въ ледяной домъ...

(Зап. Манштейна с, 181—5).

---

19. Описаніе Ледяного дома.

Подлинное и обстоятельное описаніе построеннаго въ Санкпетербургѣ, въ январѣ мѣсяцѣ 1740 года, Ледянаго дома и всѣхъ, находившихся въ немъ домовыхъ вещей и уборовъ, съ приложенными притомъ гридорованными фигурами, также и нѣкоторыми примѣчаніями о бывшей, въ 1740 году, во всей Европѣ жестокой стужѣ, сочиненное для охотниковъ до натуральной науки, чрезъ Георга Вольфранга Крафта, Санкпетербургскія Императорскія Академіи Наукъ члена и физики профессора.

(1741)

(Авторъ начинаетъ свой трактатъ разсужденіемъ о томъ, что „художество“ до сихъ поръ пользовалось для своихъ произведеній всевозможнымъ матеріаломъ, — но ледъ оставался до сихъ поръ мало употребителенъ).

...Здѣсь, въ Санкпетербургѣ, художество гораздо знатнѣйшее дѣло изо льду произвело. Ибо мы видали изъ чистаго льда построенный домъ, который, по правиламъ новѣйшей архитектуры, расположенъ и, для изряднаго своего вида и рѣдкости, достоинъ былъ, чтобъ, по крайней мѣрѣ, таково-жь долго стоять, какъ наши обыкновенные домы; или, чтобъ въ Сатурна, какъ въ число звѣздъ, перенесенъ и между двумя, весьма достопамятными, строеніями, а именно — между созданною, отъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти императора Петра Перваго, адмиралтейскою крѣпостью и построеннымъ, отъ блаженныя-жъ и вѣчнодостойныя памяти государыни императрицы Анны, новымъ зимнимъ домомъ, который, для своего великолѣпія, достоинъ всякаго удивленія. На семъ мѣстѣ строеніе опять началось; самый чистый ледъ, на подобіе большихъ квадратныхъ плитъ, разрубали, архитектурными украшеніями убирали, циркулемъ и линейкою размѣривали, рычагами одну ледяную плиту на другую клали, а каждый рядъ водой поливали, которая тотчасъ замерзала и вмѣсто крѣпкаго цемента служила. Такимъ

образомъ, чрезъ краткое время, построенъ былъ домъ, который былъ длиною въ 8 саженъ, или 56 лондонскихъ футовъ, шириною въ 2 сажени съ половиною, а вышиною, вмѣстѣ съ кровлею, въ 3 сажени; и гораздо великолѣпнѣе казалося, нежели когда бы онъ изъ самаго лучшаго мармора былъ построенъ, для того, что казался сдѣланъ быть будто бы изъ одного куска, и для ледяной прозрачности и синяго его цвѣта на гораздо дрожайшій камень, нежели на марморъ походилъ...—

Напереди передъ домомъ, стояло 6 ледяныхъ пушекъ, которыя имѣли колеса и станки ледяныя-жъ, что и о всемъ послѣдующемъ разумѣть должно, развѣ что неледяное случится, о чемъ именно упомянуто будетъ. Помянутыя пушки величиною и размѣромъ противъ мѣдныхъ трехфунтовыхъ, сдѣланы и высверлены были. Изъ оныхъ пушекъ неоднократно стрѣляли, въ которомъ случаѣ кладено въ нихъ пороху по четверти фунта, а при томъ посконное или желѣзное ядро закачивали. Такое ядро, нѣкогда въ присутствіи всего императорскаго придворнаго штата, въ разстояніи 60 шаговъ, доску, толщиною въ два дюйма, насквозь пробило. Ещо стояли, въ томъ же ряду съ пушками, двѣ мортиры. Оныя мортиры сдѣланы были по размѣру мѣдныхъ мортиръ противъ двухпудовой бомбы, изъ которыхъ многократно бомбы бросали, при чемъ на зарядъ въ гнѣздо по четверти фунта пороху кладено. Напослѣдокъ, въ томъ же ряду, у воротъ, стояли два дельфина. Сіи дельфины, помощію насосовъ, огонь отъ зажженной нефти изъ челюстей выбрасывали, что ночью пріятную потѣху представляло. Позади помянутаго ряда пушекъ и мортиръ сдѣланы были, около всего дома изъ ледяныхъ балясъ изрядные перилы, между которыми, въ равномъ разстояніи, четырехугольные столбы стояли. Когда на оный домъ из-близи смотрѣли, то съ удивленіемъ видна была вверху, на кровлѣ, четырехугольными столбами и точными статуями украшенная галлерея, а надъ входомъ, преизрядный фронтишпицъ въ разныхъ мѣстахъ статуями украшенный.

Самый домъ имѣлъ дверные и оконничные косяки, также и пилястры, выкрашенные краскою, на подобіе зеленаго мармора. Въ ономъ же домѣ находились крыльцо и двѣ двери. При входѣ въ домъ были сѣни, а по обѣимъ сторонамъ — покои безъ потолка, съ одною только крышкою. Въ сѣняхъ были четыре окна, а въ каждомъ покоѣ—по пяти оконъ, въ которыхъ, какъ рамки, такъ и стекла изъ тонкаго, чистаго льда сдѣланы были. Ночью въ оныхъ окнахъ неоднократно много свѣчъ горѣло и почти на каждомъ окнѣ видны были, на полотнѣ писанныя, смѣшныя картины, при чемъ сіяніе, сквозь окна и стѣны проницающее, преизрядный и весьма удивительный видъ показывало. Въ перилахъ, кромѣ главнаго входа, находились еще двухсторонція ворота и на нихъ горшки съ цвѣтами и съ померанцевыми деревьями, а подлѣ нихъ—простыя ледяныя деревья, листья и вѣтви ледяныя же имѣющія, на которыхъ сидѣли птицы, что все изряднымъ мастерствомъ сдѣлано было. Теперь посмотримъ, какимъ образомъ убраны покои. Тутъ стоялъ уборный столъ, на которомъ находились зеркало, нѣсколько шандаловъ со свѣчами, которыя по ночамъ, будучи нефтью намазаны, горѣли, карманные часы и всякая посуда, а на стѣнѣ висѣло зеркало. Тутъ видны были, преизрядная кровать съ завѣсомъ, постелью, подушками и одѣяломъ, двое туфель, два колпака, табуретъ и рѣзной работы камель, въ которомъ лежали ледяныя дрова, нефтью намазанныя, многократно горѣли.

Тамъ стоялъ столъ, а на немъ лежали столовые часы, въ которыхъ находящіяся колеса, сквозь свѣтлый ледъ, видны были. Сверхъ сего, на столѣ, въ разныхъ мѣстахъ, лежали, для игранія, примороженныя подлинныя карты съ марками. Подлѣ стола, по обѣимъ сторонамъ, стояли рѣзной работы два легкіе стула, а въ углахъ—двѣ статуи. Тутъ стоялъ, по правую руку, рѣзной угольный поставецъ съ разными небольшими фигурами, а внутри онаго стояла точеная чайная посуда: стаканы, рюмки и блюда съ кушаньемъ. Всѣ оныя вещи изо льда сдѣланы и приличными, натуральными красками выкрашены были.

Наружное и прочее сего дома украшеніе состояло въ слѣдующихъ вещахъ. Во-первыхъ, во всякой сторонѣ, на пьедесталѣ съ фронтишпицомъ, поставлено было по четырехугольной пирамидѣ. Помянутыя пирамиды внутри были пусты, которыя сзади отъ дома входъ имѣли. На каждой оныхъ сторонѣ высѣчено было по круглому окну, около которыхъ, снаружи, размалеванныя часовыя доски находились; а внутри осьмиугольный бумажный, большой фонарь висѣлъ, у котораго, на каждой сторонѣ, всякія смѣшныя фигуры намалеваны были, и въ которомъ ночью свѣчи горѣли. Оный фонарь, находившійся внутри потайной человѣкъ, вокругъ оборачивалъ, дабы сквозь каждое окно, изъ помянутыхъ фигуръ, одну за другою смотрители видѣть могли.

Второе, по правую сторону дома изображенъ былъ слонъ въ надлежащей его величинѣ, на которомъ сидѣлъ персіянинъ съ чеканомъ въ рукѣ, а подлѣ его еще два персіянина, въ обыкновенной человѣческой величинѣ, стояли. Сей слонъ внутри былъ пустъ и такъ хитро сдѣланъ, что днемъ воду, вышиною на 24 фута, пускалъ, которая, изъ близконаходившагося канала Адмиралтейской крѣпости, трубами приведена была; а ночью, съ великимъ удивленіемъ всѣхъ смотрителей, горящую нефть выбрасывалъ. Сверхъ же того, могъ онъ, какъ живой слонъ, кричать, который голосъ потаенный въ немъ человѣкъ трубою производилъ. Третье, на лѣвой сторонѣ дома, по обыкновенію сѣверныхъ странъ, изо льда построена была баня, которая, казалось, будто бы изъ простыхъ бревенъ сдѣлана была, и которую нѣсколько разъ топили и дѣйствительно, въ ней парились.

Такого состоянія былъ сей ледяной домъ; и понеже жестокая стужа, съ начала января мѣсяца по самый мартъ, почти безпрерывно продолжалась, то и оный домъ до того же времени стоялъ, безъ всякаго повреждения. Въ исходѣ марта мѣсяца (1740) началъ онъ къ паденію клониться и по маленьку, особливо съ полуденной стороны, валиться; при чемъ изъ обвалившихся льдинъ самыя большія въ императорскій ледникъ отвезены были. Кромѣ того увеселенія, которое сей ледяной домъ въ каждомъ смотрителѣ производилъ, можемъ мы оный еще и за дѣйствительный физическій опытъ почесть, который тѣмъ больше пользы имѣетъ, что учиненъ великимъ числомъ ледяной матеріи. Въ такомъ разсужденіи распространяемъ мы свое познаніе, какъ я уже выше упомянулъ, и, будучи увѣренъ чрезъ самое искусство, видимъ теперь ясно, что изо льда, при жестокой стужѣ, можно строить; льдины поливая водою, въ скоромъ впемени сплачивать, также и ледъ точить, сверлить, рубить, красить и, способомъ намазанной нефти, огонь производить; а притомъ еще изъ онаго стрѣлять, не употребляя того, какъ нѣкоторые думали, чтобъ порохъ въ жестяной трубѣ туда вкладывать. Все сіе познали мы при семъ предпріятіи, и о истиннѣ того совершенно увѣрены, хотя въ нѣмецкой землѣ нѣкоторые

нашлись, которымъ наибольшая часть вышеупомянутаго описанія вѣроятно и вымышленна казалась. И сія невѣроятность часъ отъ часу больше возрости можетъ, чѣмъ далѣе въ полуденныя страны слухъ о ледяномъ домѣ распространится...

(Рус. Старина 1873 г., т. VII, с. 354—9).

---

20. Рапортъ Профессора Третьяковскаго въ Императорскую Академію Наукъ.

Писанъ 10 февраля, 1740 года.

Сего 1740 года Февраля 4 дня, то есть въ понедѣльникъ ввечеру въ шесть или семь часовъ, пришелъ ко мнѣ, нижеименованному господинъ кадетъ Криницынъ и объявилъ мнѣ, чтобъ я шелъ немедленно въ кабинетъ ея императорскаго величества. Сіе объявленіе, хотя меня привело въ великій страхъ, толь наипаче, что время уже было поздное; однако я ему отвѣтствовалъ, что тотчасъ пойду. Тогда подпоясавъ шпагу и надѣвъ шубу, пошелъ съ нимъ тотчасъ, нимало не отговариваясь, и сѣвъ съ нимъ на извощика, поѣхалъ въ великомъ трепетаніи; но видя, что помянутой г. Кадетъ не въ кабинетъ меня везъ, то началъ его спрашивать учтивымъ образомъ, чтобъ онъ мнѣ пожаловалъ объявилъ, куда онъ меня везетъ; на что мнѣ отвѣтствовалъ, что онъ меня везетъ не въ кабинетъ, но на слоновой дворъ и то по приказу Его Превосходительства Кабинетнаго Министра Артемія Петровича Волынскаго, а за чѣмъ, сказалъ, что не знаетъ. Я услышавъ сіе обрадовался, и говорилъ помянутому г. Кадету, что онъ худо со мною поступилъ, говоря мнѣ, будто надобно мнѣ идти въ кабинетъ, а притомъ называя его еще мальчикомъ и такимъ, который мало въ людяхъ бывалъ, а то для того, что онъ такимъ объявленіемъ можетъ человѣка вскорѣ жизни лишить или по крайней мѣрѣ, въ безпамятствіе привести для того, что, говорилъ я ему, Кабинетъ дѣло великое и важное, о чемъ онъ у меня и прощеніе просилъ, однакожъ сердился на то, что я его называлъ мальчикомъ и грозилъ пожаловаться на меня Его Превосходительству А. П. Волынскому, чѣмъ я ему самъ грозилъ; но когда мы прибыли на слоновый дворъ, то помянутый г. Кадетъ пошелъ впередъ, а я за нимъ въ оную камеру, гдѣ маскарадъ обучался, куда вшедъ, постоявъ мало, началъ я жаловаться Его Превосходительству на помянутаго г. Кадета, что онъ меня взялъ изъ дому такимъ образомъ, который меня въ великій страхъ и трепетъ привелъ; но Его Превосходительство, не выслушавъ моея жалобы, началъ меня бить самъ предъ всѣми толь немилостиво по обѣимъ щекамъ; а притомъ всячески браня, что правое мое ухо оглушилъ, а лѣвый глазъ подбилъ, что онъ изволилъ чинить въ три или четыре пріема. Сіе видя, помянутый г. Кадетъ ободрился, и сталъ притомъ на меня жаловаться Его Превосходительству, что его будто дорогою бранилъ и поносилъ. Тогда Его Превосходительство повелѣлъ и оному Кадету бить меня по обѣимъ же щекамъ публично; потомъ съ часъ времени спустя, Его Превосходительство приказалъ мнѣ спроситься, за чѣмъ я призванъ у господина Архитектора и Полковника Петра Михайловича Еропкина, который мнѣ и далъ на письмѣ самую краткую матерію, и съ которой должно мнѣ было сочинить приличные стихи къ маскараду.

Съ симъ и отправился въ домъ мой, куда пришедъ сочинилъ оные стихи, и размышляя о моемъ напрасномъ безчестіи, и увѣчьи, разсудилъ по утру, избравъ время, пасть въ ноги Его Высокогерцогской Свѣтлости и жа-

ловаться на Его Превосходительство. Съ симъ намѣреніемъ пришелъ я въ покои къ его Высокогерцогской Свѣтлости по утру и ожидалъ времени припасть къ его ногамъ, но по несчастію туда пришелъ скоро и Его Превосходительство А. П. Волынскій, увидѣвъ меня спросилъ съ бранью, зачѣмъ я здѣсь, я ничего не отвѣтствовалъ, а онъ билъ меня тутъ по щекамъ, вытолкалъ въ шею и отдалъ въ руки ѣздовому Сержанту, повелѣлъ меня отвести въ коммисію и отдать меня подъ караулъ, что такимъ образомъ и учинено.

Потомъ, нѣсколько времени спустя, Его Превосходительство прибылъ и самъ въ комисію и взялъ меня предъ себя. Тогда, браня меня всячески, велѣлъ съ меня снять шпагу съ великою яростію и всего оборвать и положить и бить по голой спинѣ толь жестоко и немилостиво, что, какъ мнѣ сказывали уже послѣ, дано мнѣ съ семдесятъ ударовъ;—а приказавши перестать бить, велѣлъ меня поднять, и браня меня, не знаю чего у меня спросилъ: на что въ безпамятствѣ моемъ, не знаю, что и я ему отвѣтствовалъ. Тогда Его Превосходительство паки велѣлъ меня бросить на землю и бить еще тою же палкою, такъ что дано мнѣ и тогда съ тридцать ударовъ; потомъ, всего меня изнемогшаго, велѣлъ поднять и обуть, а роздранную рубашку, не знаю кому, зашить и отдалъ меня подъ караулъ, гдѣ я ночевалъ на среду и твердя наизусть стихи, хотя мнѣ уже не до стиховъ было, чтобъ оные прочесть въ потѣшной залѣ.

Въ среду подъ вечеръ приведенъ я былъ въ маскарадномъ платьѣ и въ маскѣ подъ карауломъ въ оною потѣшную залу, гдѣ тогда мнѣ повелѣно было, прочесть наизусть оные стихи на силу. По прочтеніи оныхъ и по окончаніи маскарадной потѣхи отведенъ я паки подъ караулъ въ коммисію, гдѣ и ночевалъ я на четвертокъ, но въ четвертокъ призванъ я былъ по утру часовъ въ десять въ домъ къ Его Превосходительству, гдѣ былъ взятъ предъ него и былъ много браненъ; а потомъ объявилъ онъ мнѣ, что разстаться со мною хочетъ еще побивши меня, что я услыхавъ съ великими слезами просилъ еще Его Превосходительство умилостивиться надо мною всѣмъ уже изувеченнымъ, однако не преклонилъ его сердце на милость, такъ что тотчасъ велѣлъ онъ меня вывесть въ переднюю и караульному капралу бить меня еще палкою десять разъ, что и учинено. Потомъ повелѣлъ мнѣ отдать шпагу и освободить изъ подъ караула; и призвавъ къ себѣ, отпустилъ меня домой съ такими угрозами, что я еще ожидаю скоро или не скоро такого же печальнаго отъ него нещастію, буде Господь по душу не сошлетъ.

Тогда, пришедъ я домой, тотчасъ пустилъ себѣ кровь; но видя, что мнѣ отъ того ни мало нѣтъ легости, то думая, что я отъ сихъ смертныхъ побой можетъ быть жизни лишуся, донося о такомъ случаѣ, прошу Императорскую Академію Наукъ взять въ Императорскую Библіотеку, всѣ книги, кои останутся послѣ меня, кромѣ оныхъ, которыя имѣютъ быть выключены въ особливую записку, а прочее все, чтобы оно не было, отдать отцу моему духовному, Преображенскаго полка священнику Ивану Камаровскому.

О семъ покорно рапортуя, прошу то есть Академіи Секретарь Тредіаковскій.

№ 79. Подалъ Февраля 10 дня 1740 году. Записано въ Журналъ: онаго Тредіаковскаго осмотрѣть Доктору Дюверлуа, и о томъ къ нему на Нѣмецкомъ діалектѣ писать.

(Москвитятинъ 1845 г. № 2 Матеріалы с. 43—6).

IV. Воцареніе имп. Елизаветы Петровны.

21. О подготовкѣ заговора въ пользу Елизаветы.

(Изъ переписки маркиза де-ля-Шетарди съ франц. дворомъ. Копія письма изъ С.-Петербурга).

(20 дек. 1739 г.)

Уже давно русское дворянство, называемое иначе „бояре“, выражало свое недовольство по поводу того, что здѣшняя имперія управляется иностраннымъ министромъ, всецѣло преданнымъ вѣнскому двору. Это недовольство увеличилось по поводу войны съ турками, совершенно истощившей страну, денежныя средства и подданныхъ сего государства.

Дворянство русское, видя страну до такой степени разоренной и земли, остающіяся безъ обработки, обратилось ко двору съ жалобами, на которыя не обращалось большого вниманія; существовало даже постоянное стремленіе унизить дворянъ предоставленіемъ главныхъ должностей иностранцамъ, въ ущербъ русскимъ людямъ.

Рѣшеніе возвести на престолъ принцессу Анну мекленбургскую и устранить принцессу Елизавету, дочь Петра I, еще болѣе ожесточило умы; наконецъ, миръ, заключенный съ турками, недовольные сочли весьма невыгоднымъ и позорнымъ, послѣ такого количества потраченной крови и денегъ, и въ то самое время, какъ на основаніи громкихъ побѣдъ, одержанныхъ, какъ хвалились, надъ турками, русскіе, казалось, должны бы были ужъ находиться у воротъ Константинополя.

Всѣ такого рода обстоятельства побудили нѣкоторыя изъ значительнѣйшихъ русскихъ фамилій искать наиболѣе подходящихъ средствъ, чтобы освободиться отъ ига чужеземцевъ и ввести въ Россіи, при помощи революціи, новую форму правленія. Князья Долгоруковы, Нарышкины и Голицыны составили съ этой цѣлью неудавшійся заговоръ, пытаясь возбудить всеобщее волненіе и заставить взяться за оружіе подданныхъ, принадлежавшихъ къ ихъ партіи; разсчитывая на поддержку со стороны Швеціи, они хотѣли, такимъ образомъ, устранить Царицу, принцессу Анну и супруга ея, принца Вольфенбюттельскаго, равно какъ и всю семью герцога курляндскаго, истребить кромѣ того нѣмцевъ или прогнать ихъ изъ страны. Еврей Либерманъ, придворный банкиръ и фаворитъ герцога курляндскаго, долженъ былъ быть преданъ въ руки разъяренной черни.

Согласно этому невыполненному замыслу принцесса Елизавета должна была быть провозглашена императрицей; Нарышкина, который давно уже находится во Франціи и ведетъ тайныя сношенія съ принцессой Елизаветой, предполагалось отозвать оттуда. Но проектъ этотъ, довѣренный столькимъ лицамъ, не могъ оставаться долгое время втайнѣ. Виновники заговора, вынужденные пытками сознаться въ своихъ преступленіяхъ, были казнены въ Новгородѣ. Князь Долгоруковъ, котораго колесовали, былъ раньше посломъ въ Польшѣ. Новгородскіе гарнизоны получили подкрѣпленія, чтобы обуздывать жителей, желавшихъ воспротивиться выполненію казни. Казненные громко жаловались на эшафотѣ, что та, которую они сами возвели на престолъ, лишила ихъ жизни. Императрица, будучи отъ природы характера кроткаго и сострадательнаго, долго не рѣшалась подписать приговоръ. Вице-канцлеръ Остерманъ представился, по своему обыкновенію, больнымъ во время слѣдствія. Принцесса Елизавета уда-

лилась въ свой дворецъ, гдѣ она держится на сторожѣ, изъ опасенія какого-нибудь непріятнаго происшествія. Есть еще нѣсколько другихъ руководителей заговора, участь которыхъ вскорѣ сдѣлается извѣстной.

Разсказываютъ также и о другомъ заговорѣ въ Москвѣ. Несомнѣнно, что въ имперіи замѣчается сильное броженіе. Оно именно является причиной, на основаніи которой фельдмаршаламъ Миниху и Ласси было приказано возвратиться съ наибольшею частью ихъ войскъ, изъ господствующаго здѣсь опасенія, чтобы Швеція не воспользовалась при этомъ случаемъ вступить въ завоеванныя у нея земли. Отъѣздъ Царицы въ Москву никоимъ образомъ не состоится, вслѣдствіе такихъ опасныхъ усложненій.

На основаніи послѣднихъ писемъ изъ Риги сдѣлалось извѣстнымъ, что войска, вернувшіяся изъ похода и предназначенныя для завоеванныхъ областей, прибыли въ Смоленскъ, откуда они отправятся въ Лифляндію и Курляндію, дабы присоединиться къ 80 тысячамъ войска, уже находящимся тамъ. Остальная часть, состоящая изъ 20 тысячъ строевыхъ солдатъ, прослѣдуетъ къ шведской границѣ. Все лѣто происходили работы надъ укрѣпленіями Риги и Динамюнде, которыя теперь сдѣланы неприступными.

Въ Ригѣ нѣсколько знатныхъ особъ подверглось тюремному заключенію въ домѣ, называемомъ Кокеншанцъ; затѣмъ они были тайно переведены въ другое мѣсто; подозрѣваютъ, что они были причастны къ помянутому заговору.

(Сборникъ Рус. Ист. О-ва, томъ 86. № 33. с. 133—6).

---

22. Подготовка переворота въ пользу Елизаветы.

(Разсказъ Манштейна).

Къ счастію для нея (для Елисаветы), она была вынуждена ускорить это предпріятіе; многія причины побудили ее принять окончательное рѣшеніе.

Во-первыхъ, она узнала, что великая княгиня рѣшилась объявить себя императрицею. Всѣ лица, приверженныя къ царевнѣ Елисаветѣ, совѣтовали ей не дожидаться осуществленія этого намѣренія и представляли, что она встрѣтитъ тогда больше затрудненій и что даже всѣ мѣры ея могли не удасться.

Во-вторыхъ, по извѣстіямъ, полученнымъ дворомъ о движеніи графа Левенгаупта, тремъ гвардейскимъ баталіонамъ было приказано быть готовымъ двинуться къ Выборгу для соединенія тамъ съ арміей; многія лица, принимавшія участіе въ дѣлѣ царевны, должны были идти съ этимъ отрядомъ. Они отправились къ царевнѣ и сказали ей, что нужно было непремѣнно торопиться исполненіемъ ея замысла, такъ какъ лица, наиболѣе ей преданныя, уйдутъ въ походъ, а на нѣкоторыхъ другихъ можетъ напасть страхъ, который заставитъ ихъ донести обо всемъ этомъ дѣлѣ.

И наконецъ, неосторожность принцессы Анны, которая говорила царевнѣ о тайныхъ совѣщаніяхъ сей послѣдней съ де-ла-Шетарди, главнымъ образомъ ускорила это дѣло. 4-го декабря, пріемный день при дворѣ, великая княгиня отвела царевну Елисавету въ сторону, и сказала ей, что она получила много свѣдѣній о ея поведеніи; что хирургъ ея имѣлъ часто тайныя совѣщанія съ французскимъ министромъ и что оба они замышляли опасный заговоръ противъ царствующаго дома; что великая княгиня не хотѣла еще вѣрить этому, но что если подобные слухи будутъ про-

должаться, то Лестока арестуютъ, чтобы заставить его сказать правду.

Царевна прекрасно выдержала этотъ разговоръ; она увѣряла великую княгиню, что никогда не имѣла въ мысляхъ предпринять что-либо противъ нея или противъ ея сына; что она была слишкомъ религіозна, чтобы нарушить данную ею присягу; что всѣ эти извѣстія сообщены ея врагами, желавшими сдѣлать ее несчастною; что нога Лестока никогда не бывала въ домѣ маркиза де-ла-Шетарди (это было совершенно вѣрно, такъ какъ оба они избирали всегда особое мѣсто для своихъ свиданій), но что тѣмъ не менѣе великая княгиня вольна арестовать Лестока: этимъ невинность царевны можетъ еще болѣе обнаружиться. Царевна Елисавета много плакала во время этого свиданія и такъ съумѣла убѣдить въ своей невинности великую княгиню (которая также проливала слезы), что послѣдняя повѣрила, что царевна ни въ чемъ не была виновна.

Возвратясь къ себѣ, царевна Елисавета тотчасъ же извѣстила Лестока о своемъ разговорѣ съ великою княгинею; наперсникъ ея желалъ бы въ ту же ночь предупредить опасность, грозившую царевнѣ и ему самому, но такъ какъ всѣ, принимавшіе участіе въ заговорѣ, были разсѣяны по своимъ квартирамъ и ихъ ни о чемъ не предупредили, то дѣло было отложено до слѣдующей ночи.

Утромъ, когда Лестокъ явился, по обыкновенію, къ царевнѣ, онъ подалъ ей небольшой клочекъ папки, на которой онъ нарисовалъ карандашомъ царевну Елисавету съ царскимъ вѣнцомъ на головѣ. На оборотной сторонѣ она была изображена съ покрываломъ, а возлѣ нея были колеса и висѣлицы; при этомъ онъ сказалъ: „Ваше императорское высочество должны избирать: быть-ли вамъ императрицею или отправиться на заточеніе въ монастырь и видѣть, какъ ваши слуги погибаютъ въ казняхъ". Онъ убѣждалъ ее долѣе не медлить, и послѣднее рѣшеніе было принято на слѣдующую ночь.

(Зап. Манштейна, с. 231—3.)

---

23. О воцареніи Елизаветы Петровны.

(Изъ писемъ де-ля-Шетарди къ фр. королю).

С.-Петербургъ, 7 декабря 1741.

Ваше Величество, два обстоятельства, малозначущія сами по себѣ, только что ускорили наступленіе переворота, который, возвративъ Россію самой себѣ и побудивъ ее вернуться къ своему естественному состоянію, можетъ имѣть слѣдствія весьма большой важности для службы вашего величества. Дѣйствительно, меньшая рѣзкость со стороны Правительницы при разговорѣ, происходившемъ у нея въ понедѣльникъ съ принцессой Елизаветой, могла бы отсрочить еще на нѣкоторое время проявленіе недовольства этой принцессы. Точно также гренадеры Преображенскаго полка не были бы поставлены въ необходимость торопить принцессу воспользоваться безъ дальнѣйшихъ промедленій ихъ благопріятнымъ настроеніемъ, еслибъ не было дано приказа во вторникъ, послѣ полудня, всѣмъ гвардейскимъ полкамъ быть наготовѣ къ выступленію въ Финляндію.

Семеро изъ этихъ гренадеръ явились во вторникъ между одиннадцатью часами и полуночью къ принцессѣ. Они поставили ей на видъ, что они наканунѣ своего выступленія, что не будутъ болѣе въ состояніи служить ей, и она останется вполнѣ преданной въ руки своихъ враговъ; поэтому нельзя теперь терять ни минуты, и они готовы сами вести ее, если она не сдастся на ихъ увѣщанія. Принцесса спросила у нихъ, можетъ ли

она положиться на нихъ. Ихъ желанія выразились вполнѣ въ тѣхъ увѣреніяхъ, какія они ей стали высказывать. Она болѣе не колебалась, сѣла въ сани своего камеръ-юнкера, котораго она обыкновенно отправляла ко мнѣ, при особыхъ порученіяхъ, и повелѣла ему сопровождать себя, равно какъ довѣренному лицу и посреднику. Въ сопровожденіи лишь этихъ трехъ особъ—и никто болѣе не былъ посвященъ въ тайну—она отправилась въ казармы лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Она направилась прямо въ казармы гренадеръ, изъ которыхъ иные ожидали ее. Собравъ нѣкоторое число ихъ въ большой комнатѣ, она имъ сказала: „Вы знаете, кто я, хотите слѣдовать за мной“? Всѣ отвѣчали ей, что она можетъ имъ приказывать, и они исполнятъ свой долгъ, какъ храбрые солдаты. „Не какъ солдаты“, начала она снова, „хочу я, чтобъ вы мнѣ служили: вы мои дѣти; все дѣло въ томъ, чтобы знать, готовы ли вы умереть со мной, если понадобится“. Они поклялись въ этомъ всѣ съ полной готовностью. Тогда ея первой заботой было пробить дно у барабановъ, сложенныхъ въ одномъ мѣстѣ, чтобы никакъ нельзя было произвести тревогу.

Когда ее увѣдомили, что это сдѣлано, она взяла крестъ и стала на колѣни; ея примѣру послѣдовали всѣ, и она сказала имъ: „Я клянусь этимъ крестомъ умереть за васъ; клянетесь ли вы сдѣлать то же самое за меня?“ Клятва была единодушной. „Такъ въ путь“, сказала она, „и будемъ думать о томъ, чтобы, какой бы то ни было цѣной, сдѣлать наше отечество счастливымъ!“ Гренадеры не только послѣдовали за ней, но обѣщали хранить полное молчаніе и пронзить своимъ штыкомъ всякаго, кто будетъ имѣть низость отступить, хотя на шагъ.

По мѣрѣ того какъ проходили передъ нѣкоторыми домами въ казармахъ, они стучали въ двери и вызывали тѣхъ, кто тамъ жилъ. Такимъ способомъ была весьма быстро собрана цѣлая рота гренадеръ этого полка, числомъ въ триста человѣкъ, причемъ каждый былъ снабженъ шестью зарядами и тремя гранатами. Въ то же время былъ отдѣленъ отрядъ, для отправки къ фельдмаршалу Миниху, какъ наиболѣе далеко живущему, чтобы извѣстить унтеръ-офицера, командовавшаго его карауломъ, которому заранѣе было поручено захватить этого генерала и отвести ого вмѣстѣ съ гренадерами, какіе будутъ находиться подъ его начальствованіемъ, во дворецъ принцессы Елизаветы...

Дабы дѣлать менѣе шума, гренадеры сочли необходимымъ, чтобы принцесса вышла изъ саней. Тутъ, едва прошла она нѣсколько шаговъ, кто-то сказалъ ей: „Матушка наша, такъ не довольно скоро, надо поспѣшить“; а когда они замѣтили, что принцесса, хотя имѣла довольно увѣренную поступь, не могла за ними слѣдовать, они подхватили ее и пронесли такимъ образомъ до самаго двора въ Зимнемъ дворцѣ.

Прежде всего была выполнена такая же предосторожность, какъ и прежде, относительно барабановъ. Принцесса прошла прямо въ караульню. „Проснитесь, мои дѣти“, сказала она солдатамъ, „и слушайте меня. Хотите ли вы слѣдовать за дочерью Петра I? Вы знаете, что престолъ мнѣ принадлежитъ; несправедливость, причиненная мнѣ, отзывается на всемъ нашемъ бѣдномъ народѣ, и онъ изнываетъ подъ игомъ нѣмцевъ. Освободимся отъ нашихъ гонителей“! Офицеры, у которыхъ она спросила затѣмъ, что они объ этомъ думаютъ, затруднились высказаться откровенно. „Арестуйте мнѣ этихъ людей“, присовокупила она, „я вамъ повелѣваю, повинуйтесь же“. Повелѣніе это было выполнено немедленно и даже было бы превышено, еслибы принцесса Елизавета

не отвела ружья одного изъ солдатъ, который хотѣлъ проколоть одного изъ помянутыхъ офицеровъ своимъ штыкомъ. Такъ какъ гвардейскіе солдаты выказали готовность, способную на всякія испытанія, то принцесса распредѣлила своихъ приверженцевъ и осталась окруженной сорока гренадерами.

Прежде всего она приказала охранять всѣ лѣстницы и всѣ свободные выходы. Часть гренадеръ, послѣ того, какъ имъ, подъ страхомъ примѣрнаго наказанія, было внушено не прибѣгать ни къ какимъ насильственнымъ мѣрамъ или дурно обращаться съ помянутыми принцами и принцессами, отправились затѣмъ въ апартаменты Царя, принцессы, сестры его, Правительницы и принца Брауншвейгскаго, караульные котораго имъ не препятствовали, потому что караулъ внутри дворца состоялъ изъ гренадеръ; они не оказали даже ни малѣйшаго сопротивленія, какъ только увидали своихъ товарищей...—

Трое саней, которыя принцесса поручила доставить, послужили для перевоза Царя, принцессы, сестры его, принца Брауншвейгскаго, Правительницы и ея фаворитки, фрейлины Менгденъ; затѣмъ принцесса Елизавета, отдѣленная отъ нихъ нѣкоторымъ разстояніемъ, занятымъ половиной ея конвоя, остальная часть котораго замыкала шествіе, поѣхала въ саняхъ обратно въ свой дворецъ...—

Принцесса Елизавета, будучи тогда признана Государыней всей Россіи, возложила на себя орденъ св. Андрея, объявила себя полковникомъ трехъ пѣшихъ гвардейскихъ полковъ, конной гвардіи и полка кирасиръ и приняла поздравленія отъ первыхъ чиновъ монархіи. Войска и народъ, которымъ она показалась съ своего балкона, обнаружили такую радость, какой, по заявленію лицъ, живущихъ въ этой странѣ уже болѣе тридцати лѣтъ, никогда не было видано ни при какомъ случаѣ. Гвардейцы, черезъ ряды которыхъ она пожелала затѣмъ пройти, несмотря на сильный холодъ, выказали свою признательность за это безчисленными радостными кликами. Такое удовольствіе, бывшее всеобщимъ, еще усилилось, вслѣдствіе надеждъ на близкое заключеніе мира, вызванное чтеніемъ манифеста, который повелѣно было объявить гвардейцамъ и который Швеція недавно распространяла; этимъ надеждамъ предаются тѣмъ сильнѣе, что нѣтъ теперь никого, среди ли знатныхъ или простыхъ людей, кто бы не считалъ восшествія на престолъ принцессы Елизаветы и прекращеніе тиранническаго господства нѣмцевъ, причинами наиболѣе способными склонить в.в. къ доставленію мира Россіи.

Царица уѣхала тотчасъ же вслѣдъ за этимъ въ Зимній дворецъ. Войска стояли шпалерами въ улицахъ, воздухъ оглашался всюду многочисленными криками „ура“. Гренадеры, сподвижники ея славы, окружали ея сани и выступали съ гордой увѣренностью и необычайнымъ одушевленіемъ. Всѣ окна были наполнены множествомъ зрителей. Какъ только Царица прибыла во дворецъ, тѣ же гренадеры заняли всѣ входы въ него, оспаривая ихъ другъ у друга. Тѣ, которые находились уже тамъ на караулѣ, никакъ не хотѣли согласиться на смѣну. Послѣ нѣсколькихъ минутъ отдыха, Царица отправилась въ свою молельню, чтобы присутствовать тамъ на благодарственномъ молебнѣ. По пути туда, она была окружена всѣми гренадерами Преображенскаго полка. „Ты видѣла, матушка наша“, сказали они ей, „съ какимъ усердіемъ мы возстановляли твои справедливыя права. Какъ единственную награду, мы просимъ тебя объявить себя капитаномъ нашей роты, и чтобы мы первые могли тебѣ присягнуть у ступеней алтаря, въ неиз-

мѣнной вѣрности". Ихъ просьба была исполнена съ готовностью, равной ихъ желанію, и вызвала всеобщее одобреніе ихъ...—

Фельдмаршалъ Минихъ, графъ Остерманъ и баронъ Менгденъ, какъ болѣе преступныя и опасныя лица, были переведены къ шести часамъ въ крѣпость. Передъ этимъ они были лишены различныхъ орденовъ, какіе имъ были пожалованы...—

(Сб. Р. И. О., т. 96, № 124, с. 641-5).

24. Обѣдъ офицерамъ лейбъ-гвардіи.

1750 г.

Маія 3. Въ сей день Ея Императорскаго Величества всевысочайшее соизволеніе было и всемилостивѣйше изволила за обѣденнымъ кушаньемъ въ зимнемъ домѣ въ С.-Петербургѣ присутствовать за столомъ всей лейбъ-гвардіи съ штабъ-офицерами. Столъ поставленъ былъ фигурою на подобіе короны. Въ срединѣ изволила сидѣть всемилостивѣйшая Государыня, всѣхъ лейбъ-гвардіи полковъ Г. полковникъ. Господа подполковники сидѣли по нумерамъ старшинства своего:

1) Преображенскаго, Его Императорское Высочество Государь Великій Князь.
2) Лейбъ гвардіи Конной, генералъ-поручикъ, ордена Александра Невскаго кавалеръ, Юрья Ливенъ.
3) Семеновскаго, генералъ аншефтъ, ордена Александра Невскаго кавалеръ, Степанъ Апраксинъ.
4) Измайловскаго, генералъ майоръ, ордена Св. Анны кавалеръ, Іосифъ Гампфъ.
5) Лейбъ-гвардіи Конной, оберъ-егерьмейстеръ, лейбъ-компаніи капитанъ поручикъ дѣйствительной камергеръ, ордена Св. Апостола Андрея и другихъ орденовъ кавалеръ, графъ Алексѣй Разумовской.
6) Измайловскаго, войскъ Малороссійскихъ гетманъ, Десіензъ Академіи президентъ, дѣйствительной камергеръ, орденовъ Польскаго, Александра Невскаго и Св. Анны кавалеръ, графъ Кирила Разумовской.
7) Преображенскаго, генералъ-аншефтъ, сенаторъ, Ея Императорскаго Величества генералъ-адьютантъ и ордена Александра Невскаго кавалеръ, Александръ Бутурлинъ.

Лейбъ-гвардіи полковъ господа майоры:

1) Преображенскаго, дѣйствительный тайный совѣтникъ, генералъ-прокуроръ, орденовъ Апостола Андрея и Александра Невскаго кавалеръ, князь Никита Трубецкой.
2) Лейбъ гвардіи Конной, генералъ-майоръ и ордена Св. Анны кавалеръ, князь Петръ Черкасской.
3) Семеновскаго, генералъ-майоръ и Анненскаго ордена кавалеръ Никита Соковнинъ.
4) Измайловскаго, генералъ-майоръ и Анненскаго ордена кавалеръ, Иванъ Гурьевъ.
5) Тогожь полку, Василій Нащокнъ.
6) Преображенскаго, Андреянъ Лопухинъ.
7) Тогожь полку, князь Александръ Меншиковъ.
8) Измайловскаго, Гаврила Рахмановъ.
9) Семеновскаго, Иванъ Майковъ.
10) Тогожь полку, Андрей Вельяминовъ.

И отъ того стола поставлены четыре стола, въ четыре лучи, за которыми сидѣли, по старшинству полковъ, офицеры, а столы по нумерамъ и каждой чинъ сидѣлъ по старшинству.

1) Преображенскаго.
2) Измайловскаго.
3) Лейбъ-гвардіи Конной

4) Семеновскаго.

И тако старшей 1, и по немъ старшей въ замкѣ 4 нумера.

При томъ обѣденномъ кушаньи, съ пушечною стрѣльбою пили: первой покалъ за здоровье всемилостивѣйшей нашей Государыни; второй, при стрѣльбѣ же изъ пушекъ, здоровье гвардіи штабъ и оберъ-офицеровъ.

И по окончаніи того обѣденнаго кушанья, Ея Императорское Величество изволила итить въ лѣтній домъ, и Его Высочество, а штабъ и оберъ-офицеры, при отданіи всеподданнѣйшаго благодаренія, разъѣхались по домамъ...

А особливаго того числа торжества ни о чемъ не было, точію лейбъ-гвардіи штабъ и оберъ офицеровъ трактованы за обѣденнымъ кушаньемъ, по особливому Ея Императорскому Величества соизволенію, а приказано было быть въ собственномъ платьѣ, чего ради всѣ штабъ-офицеры въ богатомъ платьѣ были и оберъ-офицеры, а въ мундирахъ нѣкоторые офицеры были по необходимости, не имѣя собственнаго параднаго платья.

(Записки В. А. Нащокина. с. 97-100).

V. Просвѣщеніе.

25. Ученіе грамотѣ.

(Разсказъ маіора Данилова).

Я родился въ 1722 году: тогда отца моего разбойники разбили и подана была на сихъ злодѣевъ явочная челобитная, съ которой досталась мнѣ копія, почему я и рожденіе свое въ томъ году почитаю. Былъ я любимый сынъ у моего отца; отъ роду моего лѣтъ семи, или болѣе, отдали меня въ томже селѣ Харинѣ, гдѣ отецъ мой жилъ, понамарю Филипу, прозваніемъ Брудастому, учиться.

Понамарь былъ роста малаго, широкъ въ плечахъ, борода большая, круглая покрывала грудь его, голова съ густыми волосами равнялась съ плечьми его и казалось, что у него шеи не было; у него, въ тоже время, учились два брата мнѣ двоюродные, Елисей и Борисъ. Учитель нашъ Брудастой жилъ только одинъ съ своею женою, весьма въ малой избушкѣ: приходилъ я учиться къ Брудастому очень рано, въ началѣ дня, и безъ молитвы дверей отворить, покуда мнѣ не скажетъ „аминь", не смѣлъ. Памятно мнѣ мое ученіе у Брудастаго и поднесь, по той можетъ быть причинѣ, что часто меня сѣкли лозою: я не могу признаться по справедливости, чтобъ во мнѣ была тогда лѣность или упрямство, а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей силѣ, который я затверживалъ скоро; но какъ намъ, кромѣ обѣда, никуда отъ Брудастаго отпуска ни на малѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безсходно и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ таковаго всегдашняго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна и все, что выучилъ прежде наизусть, при слушаніи урока, въ вечеру и половины прочитать не могъ, за что послѣдняя резолюція меня какъ непонятнаго „сѣчь". Я мнилъ тогда, что необходимо при ученіи терпѣть надлежитъ наказаніе.

Брудастаго жена, во время нашего ученія, понуждала насъ, въ небытность своего мужа, всечасно, чтобъ мы громче кричали, хотябъ и не то, что учимъ. Отраднѣе намъ было отъ скучнаго сидѣнья, когда учитель нашъ

находился въ полѣ на работѣ. По возвращеніи Брудастаго отвѣчалъ я во всемъ урокѣ такъ, какъ утромъ при неутомленныхъ мысляхъ, весьма исправно и памятно: изъ сего нынѣ заключаю, что принужденное дѣтемъ ученіе грамотѣ неполезно, потому что отъ тѣлеснаго труда изнемогаютъ душевныя силы и приходятъ въ облѣненіе и унылость; явственнѣе можно усмотрѣть сію правду, принудить только ребенка играть сверхъ его воли, тогда ему та игра и игрушки отъ скуки омерзѣютъ и тою игрою мало будетъ ужъ играть, или вовсе возненавидитъ. Въ подобіе сего обрѣтается: разныхъ рукодѣлъ мастера обременяютъ своихъ учениковъ не по силѣ лѣтъ ихъ, изъ коихъ нѣкоторые, не возмогши снести такой налагаемой на нихъ тягости ученія, обращаются въ бѣгство, кроются по разнымъ мѣстамъ, вымышляютъ бездѣльные обманы, наконецъ отъ воображенія страха, что будутъ ихъ наказывать за побѣгъ жестоко, приходятъ въ отчаянье и дѣлаются бездѣльниками на вѣкъ. Вотъ какой плодъ происходитъ отъ таковыхъ безпутныхъ и ни къ чему годныхъ учителей, каковъ былъ мой Брудастой; вымышлялъ иногда и я, отъ таковаго скучнаго сидѣнія, напрасно показывать какія ни есть за собою затѣйныя приключенія и болѣзни, коихъ отнюдь во мнѣ не бывало...

(Записки Данилова, с. 38—41.)

---

26. Прошеніе Ломоносова о назначеніи его профессоромъ

1745 г.

Всепресвѣтлѣйшая Державнѣйшая Всемилостивѣйшая Государыня Императрица Елисаветъ Петровна Самодержица Всероссійская Государыня Всемилостивѣйшая.

Бьетъ челомъ Академіи Наукъ Адъюнктъ Михайло Ломоносовъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

1. Прошедшаго 1736 года указомъ Ея И. В-а блаженныя и вѣчно достойныя памяти Гдрни Императрицы Анны Іоанновны даннымъ изъ высокаго кабинета и по опредѣленію Академіи посланъ былъ я нижайшій въ Германію въ городы Марбургъ и Фрейбергъ для наученія Физики, Химіи и горныхъ дѣлъ съ такимъ обѣщаніемъ, что ежели я указаннымъ мнѣ наукамъ обучусь, и о томъ подамъ свидѣтельства и специмины, то по моемъ возвращеніи опредѣлить меня нижайшаго профессоромъ. Въ которыхъ городахъ бывши я чрезъ полпята года указаннымъ мнѣ наукамъ обучился и сверхъ того въ математикѣ и въ другихъ полезныхъ наукахъ довольное основаніе положилъ.

2. А минувшаго 1741 года ордеромъ присланнымъ изъ Академіи Наукъ призванъ я нижайшій изъ Германіи возвратно, и по пріѣздѣ моемъ подалъ въ оную Академію свидѣтельство и специминъ о моей наукѣ, которые отъ всѣхъ профессоровъ аппробованы; а потому я нижайшій опредѣленъ при той же Академіи Адъюнктомъ Физическаго класса до указу изъ правительствующаго Сената и до нарочнаго Академіи наукъ опредѣленія.

3. Въ бытность мою при Академіи наукъ трудился я нижайшій довольно въ переводахъ физическихъ, механическихъ и піитическихъ съ Латинскаго, Нѣмецкаго и Французскаго языковъ на Россійскій и сочинилъ на Россійскомъ же языкѣ горную книгу и Риторику, и сверхъ того въ чтеніи славныхъ Авторовъ, въ обученіи назначенныхъ ко мнѣ студентовъ, въ изобрѣтеніи новыхъ химическихъ опытовъ, сколько за неимѣніемъ лабораторіи быть можетъ, и въ сочиненіи новыхъ диссертацій съ возможнымъ прилѣжаніемъ упражняюсь; чрезъ что я нижайшій къ вышеупомянутымъ наукамъ больше знанія присовокупилъ. Но точію я по силѣ она-

го обѣщанія профессоромъ не произведенъ, отъ чего къ большему произысканію оныхъ наукъ ободренія не имѣю.

4. И дабы Высочайшимъ Вашего И. В-а указомъ повелѣно было меня нижайшаго по вышеупомянутому обѣщанію и по моей наукѣ пожаловать профессоромъ химіи съ надлежащимъ жалованьемъ, въ которой должности я нижайшій со всевозможнымъ стараніемъ, какъ въ произысканіи наукъ такъ и въ обученіи Россійскаго юношества отечеству пользу чинить буду.

Всемилостивѣйшая Гдрня Императрица прошу В-го Имп. В-а о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. 1745 года Апрѣля дня. Къ поданію подлежитъ въ Имп. Академію Наукъ. Прошеніе писалъ тоя жъ Академіи наукъ Адьюнктъ Михайло Ломоносовъ и руку приложилъ.

Надпись Волчкова: Под. въ К. А. Н. Апр. дня 1745 г...

(Билярскій. Матеріалы для біографіи Ломоносова, № 40, с. 61—2).

---

27. Отзывъ Эйлера [1]) о Ломоносовѣ.

1746.

Всѣ записки г. Ломоносова по части Физики и Химіи не только хороши, но превосходны, ибо онъ съ такою основательностію излагаетъ любопытнѣйшіе, совершенно незвѣстные и необъяснимые для величайшихъ геніевъ предметы, что я вполнѣ убѣжденъ въ истинѣ его объясненій; по сему случаю я долженъ отдать справедливость г. Ломоносову, что онъ обладаетъ счастливѣйшимъ геніемъ для открытій феноменовъ физики и химіи; и желательно бы было, чтобъ всѣ прочія Академія были въ состояніи производить открытія, подобныя тѣмъ, которыя совершилъ г. Ломоносовъ... (Билярскій, № 45, с. 77).

[1]) Л. Эйлеръ, членъ Спб. Академіи Наукъ, одинъ изъ величайшихъ математиковъ XVIII вѣка.

28. Ломоносовъ о самомъ себѣ (письмо къ И. И. Шувалову).

1753 г.

Милостивый Государь
Иванъ Ивановичъ!

Милостивое Вашего Превосходительства меня письмомъ напоминовеніе увѣряетъ къ великой моей радости о непремѣнномъ Вашемъ ко мнѣ снисходительствѣ, которое я чрезъ много лѣтъ за великое между моими благополучіями почитаю. Высочайшая щедрота несравненныя Монархини нашея, которую я Вашимъ отеческимъ предстательствомъ имѣю, можетъ ли меня отвести отъ любленія и отъ усердія къ наукамъ, когда меня крайняя бѣдность, которую я для наукъ терпѣлъ добровольно, отвратить не умѣла. Не примите Ваше Превосходительство мнѣ въ самохвальство, что я въ свое защищеніе представить смѣлость принимаю. Обучаясь въ Спаскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны отецъ никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужія расхитятъ. Съ другой стороны не сказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше какъ за денежку хлѣба, и на денежку квасу, протчее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ, и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники малые ребята кричатъ и перстами

указываютъ: смотри де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришолъ латинѣ учиться! Послѣ того вскорѣ взятъ я въ Санктпетербургъ и посланъ за море и жалованіе получалъ противъ прежняго въ сорокъ разъ. Оно меня отъ наукъ не отвратило: но по пропорціи своей умножило охоту, хотя силы мои предѣлъ имѣютъ.

Я всепокорнѣйше прошу Ваше Превосходительство въ томъ быть обнадежену, что я всѣ свои силы употреблю, чтобы тѣ, которые мнѣ отъ усердія велятъ быть предосторожну, были обо мнѣ безпечальны; а тѣ которые изъ недоброхотной зависти толкуютъ, посрамлены бы въ своемъ неправомъ мнѣніи были, и знать бы научились, что они своимъ аршиномъ чужихъ силъ мѣрить не должны: и помнилибъ, что музы кого хотятъ, того и полюбятъ. Ежели кто еще въ такомъ мнѣніи, что ученой человѣкъ долженъ быть бѣденъ, тому я предлагаю въ примѣръ съ его стороны Діогена, которой жилъ съ собаками въ бочкѣ, и своимъ землякамъ оставилъ нѣсколько остроумныхъ шутокъ для умноженія ихъ гордости, а съ другой стороны Невтона, богатаго Лорда Боила, которой всю свою славу въ наукахъ получилъ употребленіемъ великой суммы; Волфа, которой лекціями и подарками нажилъ больше пятисотъ тысячъ и сверхъ того Баронство; Слоана, въ Англіи, которой послѣ себя такую библіотеку оставилъ, что никто приватно не былъ въ состояніи купить, и для того Парламентъ далъ за нее двадцать тысячъ фунтовъ штерлинговъ. По приказанію Вашему все исполнить не премину, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребывая Вашего Превосходительства

всепокорнѣйшій слуга

Михайла Ломоносовъ.

Изъ Санктпетербурга.
Маія 10 дня 1753 года.

(Билярскій № 127 с. 204—5).

---

29. Ломоносовъ о своихъ работахъ.

(Изъ письма къ И. Шувалову 1753 г.)

...Что до электрической силы надлежитъ, то изысканы здѣсь два особливые опыты весьма недавно, одинъ господиномъ Рихманомъ чрезъ машину, а другой мною въ тучѣ; первой, что Мушенброковъ опытъ съ сильнымъ ударомъ можно переносить съ мѣста на мѣсто, отдѣляя отъ машины въ знатное разстояніе около цѣлой версты; чему описаніе и рисунокъ при семъ сообщаю... Второе примѣтилъ у своей громовой машины, 25 числа сего Апрѣля, что безъ грому и молніи, что бы слышать или видѣть можно было, нитка отъ желѣзнаго прута отходила и за рукою гонялась; а въ 28 число того же мѣсяца, при прохожденіи дождеваго облака безъ всякаго чувствительнаго грому и молніи происходили отъ громовой машины сильные удары съ ясными искрами и съ трескомъ издалека слышнымъ; что еще нигдѣ не примѣчено, и съ моею давнею теоріею о теплотѣ и съ нынѣшней о электрической силѣ весьма согласно, и мнѣ къ будущему публичному акту весьма прилично. Оной актъ буду я отправлять съ господиномъ профессоромъ Рихманомъ; онъ будетъ предлагать опыты свои, а я теорію и пользу отъ оной происходящую, къ чему уже я пріуготовляюсь.

Что же надлежитъ до второй части руководства къ краснорѣчію, то оная уже нарочито далече и въ концѣ октября мѣсяца уповаю изъ печати выйдетъ, о ускорѣніи которой всячески просить и стараться буду, а писменнаго не присылаю, за тѣмъ что Ваше Превосходительство требовать изволите по листу печатныхъ. О первомъ томѣ Россійской исторіи по обѣщанію моему стараніе прилагаю, чтобы онъ

къ новому году письменной изготовился.

Ежели кто по своей профессіи и должности читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертаціи, и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ и исторію своего отечества, и долженъ еще на срокъ поставить, отъ того я ничего больше требовать не имѣю, и готовъ бы съ охотою имѣть терпѣніе, когда бы только что путное родилось.

Въ протчемъ удостовѣряясь многократно, коль охотно слушаете Ваше Превосходительство разговоры о наукахъ, весьма жадно ожидаю радостнаго и пріятнаго съ вами свиданія, чтобы вы новыми моими стараніями удовольствіе имѣли, которыхъ всѣхъ въ отдаленіе сообщить не возможно. Въ домѣ Вашего Превосходительства обѣщанныхъ оптическихъ вещей еще долго устроить не уповаю, за тѣмъ, что еще нѣтъ ни половъ, ни потолковъ, ни лѣсницъ, и недавно я ходилъ въ нихъ съ немалою опасностію. Електрическіе шарики по вашему желанію пришлю вамъ не умедливъ, какъ возможно.

Я могу увѣрить Ваше Превосходительство, что въ мастеровыхъ людяхъ здѣсь великая скудость: такъ, что я для дѣланія себѣ Електрической машины не токмо гдѣ индѣ, но и съ вашего двора столяра за деньги не могъ достать. И для того по сіе всемя вмѣсто земной машины, служатъ мнѣ иногда облака, къ которымъ я съ кровли шестъ выставилъ. Какіе Вашему Превосходительству инструменты потребны, о томъ прошу дать мнѣ позволеніе представить въ Канцелярію Академическую именемъ Вашимъ, для приказанія мастерамъ, за тѣмъ, что онѣ по шабашамъ долго протянутъ дѣло.

Заключая сіе, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребываю всепокорнѣйшій и вѣрный слуга *Михайла Ломоносовъ.*

Изъ Санктпетербурга. Маія 31 дня 1753 года.

(Билярскій № 131 с. 210—2.)

---

30. О смерти Рихмана.

(Письмо къ И. И. Шувалову 1753 г.)

Милостивый Государь
Иванъ Ивановичъ!

Что я нынѣ къ Вашему Превосходительству пишу, за чудо почитайте, для того, что мертвые не пишутъ. Я не знаю еще, или по послѣдней мѣрѣ сомнѣваюсь, живъ ли я, или мертвъ. Я вижу, что господина профессора Рихмана громомъ убило, въ тѣхъ же точно обстоятельствахъ, въ которыхъ я былъ въ то же самое время.

Сего іюля въ 26 число въ первомъ часу по полудни поднялась громовая туча отъ Норда. Громъ былъ нарочито силенъ, дождя ни капли. Выставленную громовую машину посмотрѣвъ, не видѣлъ я ни малаго признаку Електрической силы. Однако, пока кушанье на столъ ставили, дождался я нарочитыхъ Електрическихъ изъ проволоки искоръ, и къ тому пришла моя жена и другія; и какъ я, такъ и онѣ безпрестанно до проволоки и до привѣшеннаго прута дотыкались, за тѣмъ, что я хотѣлъ имѣть свидѣтелей разныхъ цвѣтовъ огня, противъ которыхъ покойный профессоръ Рихманъ со мною споривалъ. Внезапно громъ чрезвычайно грянулъ въ самое то время, какъ я руку держалъ у желѣза и искры трещали. Всѣ отъ меня прочь бѣжали. И жена просила, чтобы я прочь шолъ. Любопытство удержало меня еще двѣ или три минуты, пока мнѣ сказали, что щти простынутъ, а при томъ и Електрическая сила почти перестала.

Только я за столомъ посидѣлъ нѣсколько минутъ, внезапно дверь отворилъ человѣкъ покойнаго Рихмана, весь въ слезахъ и въ страхѣ запыхавшись. Я думалъ, что его кто нибудь на дорогѣ билъ, когда онъ ко мнѣ былъ посланъ; онъ чуть выговорилъ: Профессора громомъ зашибло. Въ самой возможной страсти, какъ силъ было много, пріѣхавъ увидѣлъ, что онъ лежитъ бездыханенъ. Бѣдная вдова и ея мать таковы же, какъ онъ, блѣдны. Мнѣ и минувшая въ близости моя смерть и его блѣдное тѣло, и бывшее съ нимъ наше согласіе и дружба, и плачь его жены, дѣтей и дому столь были чувствительны, что я великому множеству сошедшагося народа не могъ ни на что дать слова или отвѣта, смотря на того лице, съ которымъ я за часъ сидѣлъ въ Конференціи, и разсуждалъ о нашемъ будущемъ публичномъ актѣ.

Первый ударъ отъ привѣшенной линеи съ ниткою пришолъ ему въ голову, гдѣ красновишневое пятно видно на лбу; а вышла изъ него громовая Електрическая сила изъ ногъ въ доски. Нога и пальцы сини и башмакъ разодранъ, а не прожженъ. Мы старались движеніе крови въ немъ возобновить, за тѣмъ, что онъ еще былъ теплъ; однако голова его повреждена; и больше нѣтъ надежды. И такъ онъ плачевнымъ опытомъ увѣрилъ, что Електрическую громовую силу отвратить можно; однако на шестъ съ желѣзомъ, которой долженъ стоять на пустомъ мѣстѣ, въ которые бы громъ билъ сколько хочетъ.

Между тѣмъ умеръ господинъ Рихманъ прекрасною смертію, исполняя по своей профессіи должность. Память его никогда не умолкнетъ: но бѣдная его вдова, теща, сынъ пяти лѣтъ, который добрую показывалъ надежду, и двѣ дочери, одна двухъ лѣтъ, другая около полугода, какъ объ немъ, такъ и о своемъ крайнемъ несчастіи плачутъ. Того ради Ваше Превосходительство, какъ истинный наукъ любитель и покровитель, будьте имъ милостивый помощникъ, чтобы бѣдная вдова лутчаго профессора до смерти своей пропитаніе имѣла, и сына своего маленькаго Рихмана могла воспитать, чтобы онъ такой же былъ наукъ любитель, какъ его отецъ. Ему жалованья было 860 руб. Милостивый Государь! исходатайствуй бѣдной вдовѣ его или дѣтямъ до смерти. За такое благодѣяніе Господь Богъ васъ наградитъ, и я буду больше почитать нежели за свое. Между тѣмъ, чтобы сей случай не былъ протолкованъ противу приращеніи наукъ, всепокорнѣйше прошу миловать науки и

Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшаго слугу въ слезахъ
Михайла Ломоносова.

Санктпетербургъ. 26 іюля 1753 года.
(Билярскій № 133 с. 213—5).

---

31. Разсужденіе Ломоносова объ университетахъ.

(Изъ проекта реформы академическаго университета).

1760 г.

...Вредительнѣе всего и поносительнѣе Россійскому народу (а напечатанъ регламентъ на иностранныхъ языкахъ), что сочинитель въ должныхъ постоянными быть Россійскихъ Государственныхъ узаконеніяхъ положилъ быть многимъ иностраннымъ въ профессорахъ и въ другихъ должностяхъ, и тѣмъ далъ поводъ разсуждать о насъ въ другихъ государствахъ, яко бы не было надежды вездѣ имѣть своихъ природныхъ Россіянъ въ профессорахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ должностяхъ, затѣмъ что смотрѣлъ на настоящее только. А основательные законы служить должны въ будущіе роды. Ибо что иное подумать можно, читая о выписаніи высшаго матема-

тика и другихъ профессоровъ, и о дачѣ имъ большого жалованья, о бытіи адьюнктовъ переводчиками у иностранныхъ профессоровъ, о переводѣ книгъ профессорскихъ, о контрактахъ съ иностранными профессорами, о иностранныхъ канцеляристахъ и провизорѣ типографскомъ (см. 5, 9, 13, 26, 50 пункты и табель стата), что можно подумать, какъ сіе, что Санктпетербургская Академія Наукъ нынѣ и впредь должна состоять по большей части изъ иностранныхъ: то есть что природные Россіяне къ тому не способны.

Въ противность втораго основанія, противъ распространенія наукъ въ Россіи, въ регламентѣ отнята вся надежда къ произведенію въ высшія чины профессоровъ. Профессоры въ другихъ государствахъ, не смотря на ихъ множество, ниже на то, что большая часть не изъ дворянства, производятся въ Совѣтники правительства, въ Статскіе и Тайные, и сверхъ того въ знатное дворянство, то-есть въ бароны. Въ регламентѣ Академическомъ капитанскіе ранги по старому профессорамъ оставлены; адьюнктамъ и никакова не дано. И словомъ ранговъ не расположено, чѣмъ бы къ ученію имѣть ободреніе. И для того дворяне дѣтей своихъ охотнѣе отдаютъ въ Кадетскій корпусъ нежели въ Академію. Ибо положивъ многіе годы и труды на ученіе, не имѣть почти никакой надежды далѣе произойти какъ до капитана, есть главное отчаяніе всему дворянству, и опасность вступить въ Академію. А если бы ранги были расположены, то дворяне возымѣли бы охоту не менѣе къ наукамъ, какъ къ военному искусству, и чрезъ то бы изъ Академіи въ статскимъ чинахъ ученые дворяне размножились и честь наукъ возвысили.

Но пускай бы дворяне въ Академическую службу вступать не хотѣли, то по послѣдней мѣрѣ вступали бы разночинцы. Однако тому по силѣ новаго стата быть нельзя. Во первыхъ студентовъ положено тридцать человѣкъ. Весьма мало. По великому жалованью Ея Величества въ нѣмецкой землѣ въ толь многихъ университетахъ многіе наполнены до 4 тысячь. Самые малые до 80 студентовъ; и хотя по большей части учатся на своемъ коштѣ, однако и въ самыхъ посредственныхъ содержатся на жалованьѣ, больше нежели здѣсь.

Школьники въ Гимназіи не по пропорціи студентовъ положены. Сочинитель не имѣлъ никакого понятія о человѣческомъ родѣ, не зналъ: 1) что молодыхъ больше умираютъ нежели старыхъ, такъ что едва сороковой человѣкъ до тридцати лѣтъ доживаетъ, для чего школьниковъ много больше надобно нежели студентовъ. 2) Не разсудилъ того, что не всякой школьникъ въ студенты годенъ, по разности понятія и прилѣжанія. 3) Хотя иной остроуменъ, да по разнымъ обстоятельствамъ далѣе произойти не можетъ. По всему сему должно было положить больше школьниковъ нежели студентовъ.

Однако въ статѣ положено студентовъ 30, школьниковъ 20 человѣкъ...—

Другія Европейскія государства наполнены людьми учеными всякаго званія, однако ни единому человѣку не запрещено въ университетахъ учиться, хтобы онъ ни былъ, и въ университетѣ тотъ студентъ почтеннѣе, кто больше научился; а чей онъ сынъ въ томъ нѣтъ нужды. Здѣсь въ Россійскомъ Государствѣ, учоныхъ людей мало; дворянамъ для безпорядку ранговъ нѣтъ ободренія; въ подушной окладъ положеннымъ запрещено въ Академіи учиться. Можетъ быть сочинитель думалъ, что Россійскому государству великая тягость, ежели оно сорокъ алтынъ въ годъ потеряетъ для полученія ученаго россіянина. Да пускай хотя бы и сорока алтынъ

жаль было, а не жалѣть бы 1800 рублевъ, чтобы иноземца выписать; однако чѣмъ тѣ виноваты, которыя состоя въ подушномъ окладѣ, имѣютъ такой достатокъ, что на своемъ коштѣ дѣтей своихъ въ науку отдать могутъ? И для чего выключены всѣ глухо, не различивъ хорошихъ людей посадскихъ отъ крѣпостныхъ помѣщичьихъ?..

(Билярскій № 197 с. 447—8.)

32. Манифестъ объ учрежденіи Моск. Университета.

1755 г.

...Какъ всякое добро происходитъ отъ просвѣщеннаго разума, а на противъ того зло искореняется, то слѣдовательно нужда необходимо о томъ стараться, чтобъ способомъ пристойныхъ наукъ, возрастало въ пространной Нашей Имперіи всякое полезное знаніе, чему подражая для общей отечеству славы Сенатъ Нашъ, и признавъ за весьма полезное къ общенародному благополучію всеподданнѣйше Намъ доносилъ, что дѣйствительной Нашъ камергеръ и кавалеръ Шуваловъ поданнымъ въ Сенатъ доношеніемъ, съ приложеніемъ проэкта и штата о учрежденіи въ Москвѣ одного университета и двухъ гимназій слѣдующее представлялъ:

Какъ наука вездѣ нужна и полезна, и какъ способомъ той просвѣщенные народы превознесены и прославлены надъ живущими во тьмѣ невѣденія людьми... и что пространная Наша Имперія установленною здѣсь Академіею,... хотя оная со славою иностранною и съ пользою здѣшнею плоды свои и производитъ, но однимъ онымъ ученымъ корпусомъ довольствоваться не можетъ, въ такомъ разсужденіи, что за дальностію дворяне и разночинцы къ пріѣзду въ Санкпетербургъ многія имѣютъ препятствія и хотяжъ первые къ надлежащему воспитанію и наученію къ службѣ Нашей, кромѣ Академіи, въ сухопутномъ и морскомъ кадетскихъ корпусахъ, въ инженерствѣ и артиллеріи открытой путь имѣютъ;—но для ученія вышнимъ наукамъ желающимъ дворяномъ, или тѣмъ, которые въ вышеписанныя мѣста для какихъ либо причинъ незаписаны и для генеральнаго обученія разночинцамъ — упомянутой Нашъ дѣйствительной камергеръ и кавалеръ Шуваловъ, о учрежденіи вышеобъявленнаго въ Москвѣ университета для дворянъ и разночинцовъ, по примѣру европейскихъ университетовъ, гдѣ всякое званія люди свободно наукою пользуются, и дву гимназей, одну для дворянъ, другую для разночинцовъ, кромѣ крѣпостныхъ людей, усердствуя Намъ и отечеству о выше упомянутомъ изъяснялъ для таковыхъ обстоятельствъ, что установленіе онаго университета въ Москвѣ тѣмъ способнѣе будетъ:

1) великое число въ ней живущихъ дворянъ и разночинцовъ; 2) положеніе оной среди Россійскаго Государства, куда изъ округъ лежащихъ мѣстъ способно пріѣхать можно; 3) содержаніе всякова не стоитъ многова иждивенія; 4) почти всякой у себя имѣетъ родственниковъ или знакомыхъ, гдѣ себя квартирою и пищею содержать можетъ; 5) великое число въ Москвѣ у помѣщиковъ на дорогомъ содержаніи учителей, изъ которыхъ большая часть не токмо учить науки не могутъ, но и сами къ тому ни какова начала не имѣютъ и только чрезъ то младыя лѣта учениковъ, и лутчее время къ ученію пропадаетъ, а за ученіе онымъ безполезно великая плата дается; всѣжъ почти помѣщики имѣютъ стараніе о воспи-

таніи дѣтей своихъ, не щадя иные по бѣдности великой части своего имѣнія и ласкаясь надеждою произвести изъ дѣтей своихъ достойныхъ людей въ службу Нашу, а иные не имѣя знанія въ наукахъ, или по необходимости не сыскавъ лутчихъ учителей принимаютъ такихъ, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали; — и показывая онъ камергеръ и кавалеръ Шуваловъ, что такіе въ ученіяхъ недостатки реченнымъ установленіемъ исправлены будутъ и желаемая польза надежно чрезъ скорое время плоды свои произведетъ, пачежъ когда довольно будетъ національныхъ достойныхъ людей въ наукахъ, которыхъ требуетъ пространная Наша Имперія къ разнымъ изобрѣтеніямъ сокровенныхъ въ ней вещей и ко исполненію начатыхъ предпріятіевъ, и ко учрежденію впредь по знатнымъ Россійскимъ городамъ Россійскими профессорами училищъ, отъ которыхъ и въ отдаленномъ простомъ народѣ суевѣріе, расколы и тому подобныя отъ невѣжества ереси истреблятся.

Того ради Мы, признавая упомянутаго камергера и кавалера Шувалова представленіе, поданное Намъ чрезъ докладъ отъ Сената, за весьма нужное и полезное Нашей Имперіи слѣдующее къ благополучію всего отечества, и которое впредь къ немалой пользѣ общаго добра быть можетъ, всемилостивѣйше конфирмовали, и надѣемся несумнѣнно, что всѣ Наши вѣрноподданные, видя толь многія Наши объ нихъ матерніи попеченіи, какъ и сіе весьма потребное учрежденіе, простираться станутъ дѣтей своихъ пристойнымъ образомъ воспитавъ обучить, и годными чрезъ то въ службу Нашу и въ славу отечества представить.

И для того всѣхъ находящихся во ономъ университетѣ, Высочайшею Нашею протекціею обнадеживаемъ, а кои особливую прилежность и добропорядочные свои поступки окажутъ, тѣ предъ другими съ отмѣнными авантажами въ службу опредѣлены будутъ; и объ ономъ для всенароднаго извѣстіе сіе Наше всемилостивѣйшее соизволеніе публиковать повелѣли, о чемъ симъ и публикуется.

(Зап. Нащокина, с. 273—8).

---

33. Проектъ Устава Имп. Моск. Университета, Высочайше утв. 12 генваря 1755 г.

Проэктъ.

1. На содержаніе сего университета и при ономъ Гимназіи довольно 10000 рублей въ годъ.

1) Весьма за нужно ко ободренію наукъ почитается, чтобъ Е. И. В. новоучреждаемый Университетъ въ собственную свою Высочайшую протекцію принять и одну или двухъ изъ знатнѣйшихъ особъ, какъ въ другихъ Государствахъ обычай есть, Кураторами Университета опредѣлить соизволила, которые бы весь корпусъ въ своемъ смотрѣніи имѣли и о случающихся его нуждахъ докладывали Е. И. В.

2) Чтобъ сей корпусъ, кромѣ Правительствующаго Сената, неподчиненъ былъ никакому иному присутственному мѣсту, и ни отъ кого бы иного повелѣнія принимать не былъ обязанъ.

3) Чтобъ какъ Профессоры и Учители, такъ и прочіе подъ Университетскою протекціею состоящіе безъ вѣдома и позволенія Университетскихъ Кураторовъ и Директора неповинны были ни передъ какимъ инымъ Судомъ стать, кромѣ Университетскаго.

4) Чтобъ всѣ принадлежащіе къ Университету Чины въ собственныхъ ихъ домахъ свободны были отъ постоевъ и всякихъ полицейскихъ тягостей, также и отъ вычетовъ изъ жаловья и всякихъ другихъ сборовъ.

8. Никто изъ Профессоровъ не долженъ по своей волѣ выбрать себѣ систему или Автора и по оной науку своимъ слушателямъ предлагать, но каждый повиненъ послѣдовать тому порядку и тѣмъ Авторамъ, которые ему Профессорскимъ собраніемъ и отъ Кураторовъ предписаны будутъ.

13. При окончаніи каждаго мѣсяца выбрать день Субботный, въ которой Профессорамъ, согласясь между собою, заставлять студентовъ приватно диспутоваться и задавать имъ для того тезисы, которые за три дня напередъ прибивать къ дверямъ большой Аудиторіи, дабы желающіе то предпріять заблаговременно приготовить могли...

24. Учащіеся въ Университетѣ студенты не должны ни въ какомъ другомъ судѣ вѣдомы быть, кромѣ Университетскаго, и ежели прилучатся въ какихъ-либо непорядочныхъ поступкахъ, то не касаясь до нихъ никакимъ образомъ, приводить ихъ немедленно въ Университетскій домъ, и Директоръ, который смотря по винѣ, учинитъ имъ надлежащій штрафъ, или отошлетъ къ тому суду, до котораго такія дѣла принадлежатъ.

26. Понеже науки не терпятъ принужденія, и между благороднѣйшими упражненіями человѣческими справедливо считаются; того ради какъ въ Университетъ, такъ и въ Гимназію не принимать никакихъ крѣпостныхъ и помѣщиковыхъ людей; однако, ежели который дворянинъ, имѣя у себя крѣпостного человѣка сына, въ которомъ усмотритъ особливую остроту, пожелаетъ его обучить свободнымъ наукамъ, оный долженъ напередъ того молодого человѣка объявить вольнымъ и отказавшись отъ всего права и власти, которую онъ прежде надъ нимъ имѣлъ, дать ему уволительное письмо за своею рукою и за приписаніемъ свидѣтелей, при томъ же повиненъ онъ за себя и за наслѣдниковъ своихъ обязаться давать оному ученику пристойное содержаніе, доколѣ онъ при Университетѣ считаться будетъ, и до совершеннаго окончанія наукъ ни подъ какимъ видомъ ея не отлучать.

27. При допущеніи въ Университетъ и въ Гимназію такого студента или ученика, принять отъ него и хранить въ Университетѣ данное ему отъ бывшаго его господина письменное увольненіе, и когда онъ науки свои порядочно окончаетъ и отъ Университета съ аттестатомъ отпущенъ будетъ для опредѣленія въ службу Государеву, или на вольное пропитаніе, тогда вручить ему паки помянутое письмо прежняго его господина и дать волю, чтобъ никакимъ образомъ никто его въ холопство привести не могъ; ежели жъ имѣвъ волю и пользуясь однимъ тѣмъ, будетъ въ худыхъ поступкахъ, то такого выписать вонъ, и отдать какъ его, такъ и увольнительное письмо его помѣщику.

§§ 28—38. При университетѣ учреждаются двѣ гимназіи, одна для дворянъ, другая для разночинцевъ, „кромѣ крѣпостныхъ людей".

§ 39. Для различенія дворянъ отъ разночинцевъ, учиться имъ въ разныхъ Гимназіяхъ; а какъ уже выдутъ изъ Гимназіи и будутъ студентами, у вышнихъ наукъ такимъ быть вмѣстѣ, какъ дворянамъ и разночинцамъ, чтобъ тѣмъ болѣе дать поощренія къ прилежному ученію.

(И. Соловьевъ. Рус. университеты вып. I, с. 17—22).

34. Въ университетѣ.

(Изъ восп. Д. Фонвизина.)

Остается мнѣ теперь сказать объ образѣ нашего университетскаго ученія; но самая справедливость велитъ мнѣ предварительно признаться, что нынѣшній университетъ уже не тотъ, какой при мнѣ былъ. Учители и ученики совсѣмъ нынѣ другихъ свойствъ и сколько тогдашнее положеніе сего училища подвергалось осужденію, столь нынѣшнее похвалы заслуживаетъ.

Я скажу въ примѣръ бывшій нашъ экзаменъ въ нижнемъ латинскомъ классѣ. Наканунѣ экзамена дѣлалося приготовленіе; вотъ въ чемъ оно состояло: учитель нашъ пришелъ въ кафтанѣ, на коемъ было пять пуговицъ, а на камзолѣ четыре; удивленный сею странностью, спросилъ я учителя о причинѣ. „Пуговицы мои вамъ кажутся смѣшны“, говорилъ онъ, „но они суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтанѣ значутъ пять склоненій, а на камзолѣ четыре спряженія; итакъ,—продолжалъ онъ, ударя по столу рукою,—извольте слушать всѣ, что говорить стану. Когда станутъ спрашивать о какомъ-нибудь имени какого склоненія, тогда примѣчайте, за которую пуговицу я возьмусь: если за вторую, то смѣло отвѣчайте: втораго склоненія. Съ спряженіями поступайте, смотря на мои камзольныя пуговицы, и никогда ошибки не сдѣлаете“. Вотъ каковъ былъ экзаменъ нашъ! О вы, родители, восхищающіеся часто чтеніемъ газетъ, видя въ нихъ имена дѣтей вашихъ, получившихъ за прилежность свою прейсы, послушайте, за что я медаль получилъ. Тогдашній нашъ инспекторъ покровительствовалъ одного нѣмца, который принятъ былъ учителемъ географіи. Учениковъ у него было только трое. Но какъ учитель нашъ былъ тупѣе прежняго латинскаго, то пришелъ на экзаменъ съ полнымъ партищемъ пуговицъ, и мы слѣдственно экзаменованы безъ всякаго приготовленія. Товарищъ мой спрошенъ былъ: куда течетъ Волга? Въ Черное море, отвѣчалъ онъ; спросили о томъ же другого моего товарища; въ Бѣлое отвѣчалъ тотъ; сей же самый вопросъ сдѣланъ былъ мнѣ; незнаю, сказалъ я съ такимъ видомъ простодушія, что экзаменаторы единогласно мнѣ медаль присудили. Я, конечно, сказать правду, заслужилъ бы ее изъ класса практическаго нравоученія, но отнюдь не изъ географическаго.

Какъ бы то ни было, я долженъ съ благодарностью воспоминать университетъ. Ибо въ немъ, обучась полатыни, положилъ основаніе нѣкоторымъ моимъ знаніямъ. Въ немъ научился я довольно нѣмецкому языку, а паче всего въ немъ получилъ я вкусъ къ словеснымъ наукамъ...

Въ бытность мою въ университетѣ учились мы весьма безпорядочно. Ибо съ одной стороны причиною тому была ребяческая лѣность, а съ другой нерадѣніе и пьянство учителей. Ариѳметическій нашъ учитель пилъ смертную чашу; латинскаго языка учитель былъ примѣръ злонравія, пьянства и всѣхъ подлыхъ пороковъ; но голову имѣлъ преострую, и какъ латинскій, такъ и россійскій языкъ зналъ очень хорошо...

(Соч. Фонвизина с. 533—7).

VI. Семилѣтняя война.

35. Баталія Эгерсдорфская.

Наконецъ багряная заря начала мало-помалу освѣщать горизонтъ и предвозвѣщать намъ день наипрекраснѣйшій. Бывшій передъ утромъ опять сильный туманъ началъ расходиться и воздухъ началъ быть тонкимъ и прозрачнымъ; солнце, выбѣжавъ изъ-за горъ, освѣтило уже весь нашъ горизонтъ, какъ громкій пушечный сигнальный выстрѣлъ, пресѣкши нашъ сладкій сонъ, привелъ всю армію въ движеніе. Мы слушали съ любопытнымъ ухомъ, что станутъ бить: зорю ли, или генеральный маршъ и услышавъ сей послѣдній, тотчасъ стали спѣшить готовиться къ походу. Немного погодя пробили на воза, почему сняты были тотчасъ всѣ палатки, запряжены лошади въ повозки, и обозы ни мало не медля, по обыкновенію своему, тронулись въ путь свой...

Теперь припомните, любезный пріятель, одно сказанное мною вамъ обстоятельство, что выходъ и выѣздъ изъ того мѣста, гдѣ армія расположена была лагеремъ, былъ только въ одномъ томъ узкомъ прогалкѣ, гдѣ стоялъ нашъ авантгардный корпусъ и вторая дивизія; а какъ и нашему походу надлежало простираться въ сію сторону, то натурально, обозы всей арміи, тронувшись въ путь, свалились къ сему мѣсту и произвели тѣсноту наивеличайшую. Къ вящему несчастію, случилась впереди сей тѣсной дефилеи вязкая и грязная ручьевина, а именно самая та, которая, разрѣзая Эгерсдорфское поле и проходя между обѣихъ деревень Эгерсдорфъ, шла впадать въ крутой буеракъ, позади арміи находящійся. Черезъ сію ручьевину должны были перебираться передовые обозы, а какъ натурально, получили они черезъ то небольшую остановку, то тѣснота и замѣшательство въ заднихъ дѣлалось еще больше. Всѣ повозки тѣснились между собою, и каждая старалась подвигаться впередъ и выпереживать другую. Но какъ переднія принуждены были останавливаться, то и сдѣлалась такая тѣснота, что между телѣгами и повозками, съ великою нуждой пѣшему пробраться было можно. Все было тутъ смѣшано: и артиллерія съ ея ящиками и снарядами, и полковые обозы, и генеральскіе экипажи, и офицерскія и солдатскія повозки, отчего наиболѣе и дѣлалось замѣшательство. Самые полки тронуты были уже съ своихъ мѣстъ, и въ разныхъ мѣстахъ кучками между обозами стѣснены были, что все приумножило еще тѣсноту и замѣшательство, которое и безъ того всегда бываетъ, когда армія выступаетъ изъ лагеря въ походъ свой.

Въ самое сіе время, въ самое то время, когда наипущее замѣшательство происходило, и войска съ обозами вышеупомянутымъ образомъ были перемѣшаны, и послѣдними вся узкая прогалина, которою главной арміи выходить надлежало, такъ была набита, что ни прохода, ни проѣзда не было—въ самое сіе время, говорю, вдругъ сперва тихая молва по всему войску и обозамъ разноситься начала, что непріятель наступаетъ и уже близко, но тотчасъ обратилась она въ общій шумъ и повсюду слышенъ былъ уже крикъ—„непріятель! непріятель!“ и увѣреніе, что онъ уже очень близко; но прямо никто не зналъ. Иной говорилъ, что онъ показался на полѣ, другой утверждалъ, что онъ прошелъ уже деревни, третій говорилъ, что онъ въ самыхъ уже обозахъ, и такъ далѣе. Всякій толковалъ такъ, какъ

ему хотѣлось, и прибавлялъ для устрашенія другихъ то, что ему угодно было; а другой не зналъ, что заключать и который слухъ почитать справедливѣйшимъ.

Но не долго находились мы въ сей неизвѣстности. Минуты черезъ три получили мы хорошее тому подтвержденіе. Впереди всего сего узкаго мѣста, вправо, гдѣ оное съ Эгерсдорфскимъ полемъ смыкалось, стоялъ у насъ второй Московскій полкъ лагеремъ, занимая весь входъ на упомянутое поле; и какъ онъ прикрывалъ весь нашъ бывшій лагерь, то для лучшаго укрѣпленія и прикрытія сего мѣста присоединена была къ нему небольшая колонна артиллеріи и поставлена для всякаго случая передъ онымъ. Сей полкъ былъ первый, который вдругъ увидѣлъ тогда непріятеля и, что удивительнѣе всего, находящагося уже предъ собою.

Не знаю уже я, не знали мы тогда и всѣ, и вы судите и разбирайте, какимъ это образомъ сдѣлалось, что мы, несмотря на всю нашу прежнюю осторожность и на все великое множество нашихъ легкихъ войскъ, стрегущихъ армію, несмотря, не видали того, какъ непріятель сквозь свой дальній лѣсъ прошелъ, какъ на поле вышелъ и какъ все пространное и версты на четыре поперегъ простирающееся Эгерсдорфское поле перешелъ, и какимъ образомъ это сдѣлалось, что мы его не прежде увидѣли, какъ когда онъ уже у насъ почти на шею сѣлъ. Чудное поистинѣ это было и непонятное дѣло! Будучи верстъ за двѣсти отъ непріятеля, имѣли мы величайшія и такія предосторожности, какъ бы непріятель въ двухъ или въ трехъ верстахъ былъ, и на бекетахъ всѣхъ насъ замучили; а когда непріятель въ самомъ дѣлѣ въ такой близости былъ, тогда у насъ глаза власно какъ завязаны были, и мы, по пословицѣ говоря, „не видали, какъ въ глазахъ у насъ овинъ сгорѣлъ“. Однимъ словомъ, это дѣло было непонятное, и я не утверждаю и не могу утверждать, а только скажу, что послѣ носилась въ арміи молва, будто бы предводителямъ нашимъ еще до свѣта, и тогда когда армія еще въ покоѣ находилась, неоднократно было доносимо, что непріятель, вышедши на поле, къ намъ придвигается, но тому не хотѣли будто вѣрить, почитая то враками и невозможнымъ дѣломъ. А особливо, по мудрому убѣжденію консистента и помощника фельдмаршала, вышеупомянутаго генерала Ливена. Но подлинно ли сіе такъ было, того истинно не знаю, ибо маленькому такому человѣку, каковымъ былъ я, и знать было не можно...

При такихъ предосудительныхъ и смутныхъ обстоятельствахъ, чего иного можно было ожидать кромѣ несчастья! Ахъ! оно и дѣйствительно уже начиналось, и конечно-бъ произошло и совершилось, еслибы самъ Богъ не восхотѣлъ насъ явно помиловать и побѣду изъ рукъ непріятелей показавши вырвать. Храбрые наши полки стояли сперва, какъ непреоборимая стѣна, твердо; они отстрѣливались сколько было силы отъ непріятеля и цѣлые два часа удерживали его наглость и стремленіе. Но что было наконецъ имъ дѣлать, когда большая часть изъ нихъ была побита и переранена. Ряды стали уже слишкомъ рѣдки, а дополнить ихъ было некѣмъ. Офицеровъ всѣхъ почти они лишились; а что всего паче, не имѣли наконецъ болѣе и пороха, какъ единаго и послѣдняго средства къ оборонѣ. Въ сей крайности находясь, подвинулись они нѣсколько ближе къ лѣсу, но тѣмъ дѣло еще пуще испортили. Непріятели, увидѣвъ сіе и почтя ретирадою, бросились съ наивеличайшимъ жаромъ и смѣшали ихъ совсѣмъ съ грязью. Весь край лѣса наполнился тогда стономъ и воплемъ

раненыхъ и умирающихъ, и обагренъ кровію побитыхъ. Не было уже тогда возможности помочь чѣмъ-нибудь командирамъ и предводителямъ. Добродѣтельный и прямо усердствующій генералъ-аншефъ Василій Абрамовичъ Лопухинъ, бывшій по несчастію командиромъ сей дивизіи, сколько ни напрягалъ силъ своихъ, возбуждая и уговаривая солдатъ къ храброй оборонѣ, но не былъ болѣе въ силахъ учинить малѣйшее вспоможеніе. Самого его, многими ранами израненнаго и обагреннаго кровію, волокли уже въ полонъ прусскіе гренадеры, и сорвали съ него кавалерію, и конечно бы увели, еслибъ не увидѣли сего нѣсколько человѣкъ нашихъ гренадеровъ: сіи, несмотря что сами погибали, восхотѣли спасти любимаго ими генерала. Ничто не могло удержать стремительства ихъ. Какъ львы вырвали они его изъ челюстей змѣиныхъ, но ахъ! едва уже почти дыханіе имѣющаго.

При такихъ обстоятельствахъ легко можете заключить, что погибель наша, власно какъ на волоску уже висѣла. Пруссаки смяли уже весь нашъ фрунтъ совершенно, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ворвались уже въ самые обозы. Тутъ сдѣлалось тогда наиужаснѣйшее смятеніе и бириберда. Всѣ кричали: „прочь! прочь! Назадъ, назадъ обозы!“ Но что некуда было имъ дѣваться, того никто не помнилъ. Съ одной стороны крупнѣйшій буеракъ, а съ другой стороны рѣка заграждала путь во всѣ стороны. Самой арміи Богъ знаетъ куда бы ретироваться можно было, а чтобъ обозы конечно всѣ пропали, въ томъ и сомнѣнья нѣтъ. Однимъ словомъ, побѣда непріятелями получена была уже наполовину, и еслибъ еще хотя мало-мало, то бы разбиты были мы совсѣмъ, къ стыду неизреченному.

Теперь, надѣюсь, нетерпѣливо хотите вы вѣдать, какимъ же чуднымъ образомъ мы не только спаслись, но и побѣду одержали? Сего, ежели прямо разсудить, мы уже сами почти не знали, самъ Богъ хотѣлъ насъ спасти. Все состояло въ томъ, что стоявшіе за лѣсомъ наши полки, наскучивши стоять безъ дѣла, въ то время, когда собратія и товарищи ихъ погибали, и услышавъ о предстоящей имъ скорой опасности, вздумали пойтить или можетъ-быть посланы были, продираться кое-какъ сквозь лѣсъ и выручать своихъ единоплеменниковъ. Правда, проходъ имъ былъ весьма труденъ: густота лѣса такъ была велика, что съ нуждою и одному человѣку продраться было можно. Однако ничто не могло остановить ревности ихъ и усердія. Два полка, третій гренадерскій и новгородскій, бросивъ свои пушки, бросивъ и ящики патронные, увидѣвъ, что они имъ только остановку дѣлаютъ, а провесть ихъ не можно, бросились одни, и сквозь густѣйшій лѣсъ, на голосъ погибающихъ и вопіющихъ, пролѣзать начали. И, по счастію, удалось имъ вытить въ самонужнѣйшее мѣсто, а именно въ то, гдѣ нарвскій и второй гренадерскій полки совсѣмъ уже почти разбиты были и гдѣ опасность была больше, нежели въ другихъ мѣстахъ. Приходъ ихъ былъ самый благовременный. Помянутые разбитые полки дрались уже рука на руку, по одиночкѣ, и не поддавались непріятелю до пролитія самой послѣдней капли крови. Нельзя быть славнѣй той храбрости, какую оказывали тогда воины, составляющіе раздробленные остатки помянутыхъ полковъ несчастныхъ. Иной, лишившись руки, держалъ еще мечъ въ другой и оборонялся отъ наступающихъ и рубящихъ его непріятелей. Другой почти безъ ноги, весь израненъ и весь въ крови, прислонясь къ дереву, отмахивался еще отъ враговъ, погубить его старающихся. Третій какъ левъ рыкалъ

посреди толпы непріятелей его окружившихъ и мечемъ очищалъ себѣ дорогу, не хотя просить пощады и милости, несмотря, что кровь текла у него ручьями по лицу. Четвертый отнималъ оружіе у тѣхъ, которые его, обезоруживъ, въ неволю тащили, и собственнымъ ихъ оружіемъ ихъ умертвить старался. Пятый, забывъ, что былъ одинъ, метался со штыкомъ въ толпу непріятелей и всѣхъ ихъ переколоть помышляя. Шестой, не имѣя пороха и пуль, срывалъ сумы съ мертвыхъ своихъ недруговъ и искалъ у нихъ несчастнаго свинцу, и ихъ же пулями по ихъ стрѣлять помышляя. Однимъ словомъ, тутъ оказываемо было все, что только можно было требовать отъ храбрыхъ и неустрашимыхъ воиновъ.

Въ самую сію послѣднюю крайность и показались имъ въ лѣсу помянутые два полка, имъ на помощь поспѣвающіе. Нельзя изобразить той радости, съ какою смотрѣли сражающіеся на сію помощь, къ нимъ идущую, и съ какимъ восхищеніемъ вопіяли они къ нимъ, поспѣшать ихъ побуждая. Тогда перемѣнилось тутъ все прежде бывшее. Свѣжіе сіи полки не стали долго медлить, но давши залпъ, и поднявъ военный вопль, бросились прямо на штыки противъ непріятелей, и сіе рѣшило нашу судьбу и произвело желаемую перемѣну. Непріятели дрогнули, подались нѣсколько назадъ, хотѣли построиться получше, но некогда уже было. Наши сѣли имъ на шею и не давали имъ времени ни минуты. Тогда прежняя прусская храбрость обратилась въ трусость, и въ семъ мѣстѣ, не долго медля, обратились они назадъ, и стали искать спасенія въ ретирадѣ. Сіе устрашило прочія ихъ войска, а ободрило наши. Они начали уже повсюду мало-по-малу колебаться, а у насъ начался огонь сильнѣе прежняго. Однимъ словомъ, не прошло четверти часа, какъ пруссаки во всѣхъ мѣстахъ сперва-было порядочно ретироваться начали, но потомъ, какъ скоты, безъ всякаго порядка и строя побѣжали...—

Симъ образомъ кончилась славная наша опраксинская и первая баталія съ пруссаками. Небу угодно было даровать намъ надъ непріятелемъ нашимъ совершенную побѣду, и мы не могли довольно возблагодарить оное за то, а особливо узнавъ, въ какой опасности находилась вся армія и сколь малаго недоставало къ тому, чтобъ ей совершенно разбитой, и намъ вѣчно тѣмъ стыдомъ покрытыми быть, что одна почти горсть пруссаковъ въ состояніи была разбить толь многочисленную армію, какова была наша. И подлинно ежели разсудить, то побѣда сія одержана была не искусствомъ нашихъ полководцевъ, котораго и въ поминѣ не было, а паче отмѣнною храбростію нашихъ войскъ, или наиболѣе по особливому усмотрѣнію судебъ, расположившихъ всѣ обстоятельства такъ, чтобъ самая храбрость нашихъ воиновъ была уже принужденною и они по неволѣ принуждены были драться до послѣдней капли крови, когда имъ ни бѣжать, ни ретироваться было не куда. Но какъ бы то ни было, но мы побѣдили, и побѣду получили совершенную...

(Записки Болотова, т. I. Часть IV пис. 46—47 с. 517—541).

---

36. Кунерсдорфская баталія.

...Бѣдствіе, которому подвержена была тогда наша армія, было превеликое. Она находилась въ явной опасности. Всѣ почитали баталію сію за проигранную, каковою она дѣйствительно уже была, ибо, ежели-бъ пруссаки, овладѣвшіе почти всѣмъ нашимъ мѣстомъ, не похотѣли-бъ ничего далѣе предпринимать, а довольствуясь тѣмъ, что

они уже учинили, остались при полученныхъ выгодахъ, то согнанной и стѣсненной въ кучу нашей арміи не можно бы никакъ надолго остаться въ такомъ положеніи, но она принуждена бы была либо отдаваться вся въ полонъ, либо спасаться бѣгствомъ чрезъ болото, предъ правымъ ея флангомъ находившееся и одинъ только мость чрезъ себя имѣвшее, но который отъ самихъ же насъ за нѣсколько часовъ до того, для неперепущенія чрезъ него прусской конницы, сожженъ былъ. Самъ старичокъ, нашъ предводитель[1]), находился уже въ такой разстройкѣ и отчаяніи, что позабывъ все, сошелъ съ лошади, сталъ на колѣни и воздѣвъ руки къ небу при всѣхъ просилъ со слезами Всемогущаго помочь ему въ такомъ бѣдствіи и крайности и спасти людей своихъ отъ погибели явной. И молитва сія, приносимая отъ добродѣтельнаго старца, отъ чистой души и сердца, можетъ быть небесами была и услышана. Ибо чрезъ самое короткое время послѣ того перемѣнилось все, и произошло то, чего никто не могъ и думать и воображать, и чего всего меньше ожидать можно было.

Сраженіе сіе началось въ самыя полдни и въ 6 часовъ пруссаки овладѣли уже всѣми батареями, бывшими на лѣвомъ флангѣ, и имѣли уже во власти своей 180 нашихъ пушекъ и нѣсколько тысячъ взятыхъ у насъ въ плѣнъ; и побѣда была уже неоспоримая никѣмъ точно такая-жъ, каковая была при Коллинѣ и Гохкирхенѣ: такъ, что самъ король, почитая ее уже таковою, отправилъ съ мѣста баталіи съ радостнымъ извѣстіемъ симъ уже курьеровъ въ Шлезію и въ Берлинъ. Какъ вдругъ воспослѣдовала помянутая неожидаемость и произошла въ военномъ счастіи ужасная перемѣна.

[1]) Главнокомандующій, гр. П. С. Салтыковъ.

Причиною тому было то, что его величество недоволенъ еще былъ всѣми вышеупомянутыми, полученными надъ нами выгодами, но возмнилъ, что ничего еще не сдѣлано, буде есть еще что нибудь, что сдѣлать можно, и ему захотѣлось насъ, такъ сказать, доканать...

Для совершеннаго доконанія насъ потребна было непріятелю конница и пушки, а сего-то самаго ему и не доставало. Помянутые овраги, топкія мѣста и буераки мѣшали и конницѣ взять въ дѣйствіи соучастіе и пушки привезть изъ-за буераковъ: ибо тѣ, которыя отняты были у насъ, по особливому для насъ счастію, прусаки сами загвоздили и сдѣлали для употребленія негодными. Итакъ, хотя конницы и перебралось нѣсколько чрезъ вершины и буераки, также подвезено было и пушекъ нѣсколько, но все было оныхъ очень мало и недостаточно къ низложенію оставшей нашей арміи, на горѣ праваго фланга въ кучѣ сбившейся и стоящей. Чтобъ пособить себѣ въ сей нуждѣ, то вздумали они стараться овладѣть одною батареею, покинутою отъ насъ на жидовскомъ кладбищѣ. Батарея сія была превеликая и очищала все мѣсто баталіи. Наши покинули ее, и ушли съ нея, при приближеніи прусской конницы, и какъ она стояла безъ людей, то прусская пѣхота, бывшая отъ нея шаговъ на 800, бросилась для овладѣнія сими пушками: и уже оставалось ей шаговъ полтораста добѣжать, какъ поспѣшаетъ Лаудонъ [1]), занимаетъ батарею сію своею пѣхотою, пущаетъ противъ пруссаковъ цѣлый градъ картечей, и останавливаетъ тѣмъ все ихъ стремительство. Всѣ старанія ихъ подойтить ближе были тщетны и имъ не помогли. Они увеличивали только ихъ безпорядокъ, которымъ Лаудонъ не упустилъ воспользовать-

[1]) Австрійскій генералъ.

ся, и тотчасъ приказалъ коннице своей и справа и слѣва напасть на приступающихъ и врубиться въ пѣхоту и конницу прусскую, и сія конница произвела тогда страшное между ими кровопролитіе.

Съ другой стороны начали пруссаки приступать и стараться овладѣть одною высотою, называемою Спицбергенъ, отъ занятія которой зависѣла вся побѣда. Но высота сія занята была наилучшими нашими и цесарскими войсками, и не только установлена пушками, но прикрыта еще была лежащимъ предъ нею буеракомъ, или лощиною, имѣющею въ длину шаговъ 400, и въ ширину отъ 50 до 60 шаговъ, а глубиною была футовъ десяти или пятнадцать, и притомъ крутоберёга. Въ сію то лощину бросились пруссаки и старались какъ можно взодраться на сопротивный берегъ, но всѣ ихъ старанія о томъ были безуспѣшны. Ибо кому и удавалось вскарабкаться на верхъ, всякій находилъ тамъ либо смерть свою, либо опять свергаемъ былъ внизъ въ буеракъ оной.

Наконецъ натура взяла свой верхъ. Все мужество, вся храбрость и вся отвага пруссаковъ не могли наградить истощенныя силы. Они приступали къ горѣ сей нѣсколько разъ съ ряду, но никакъ не могли на нее взодраться; ужасный и безпрерывный огонь, производимый нашими на нихъ изъ многихъ ружей и изъ многихъ пушекъ, поражалъ ихъ страшнымъ образомъ, и они пулями и картечами осыпаемы были, какъ смертоноснымъ градомъ. Генералъ Финкъ, старавшійся такимъ же образомъ съ корпусомъ своимъ овладѣть другими высотами, истощалъ также тщетно свои силы. Король самъ, приводившій нѣсколько разъ свѣжія войска и принуждающій приступить, подвергалъ себя наивеличайшей опасности. Весь мундиръ былъ на немъ разстрѣлянъ пулями; двѣ лошади подъ нимъ убиты, и самъ онъ, хотя и слегка, но былъ раненъ. Золотая готовальня, бывшая у него въ карманѣ, спасла жизнь его, удержавши собою пулю, попавшую въ него, и пуля остановилась въ вогнувшемся золотѣ. Въ таковой же близости къ смерти находился онъ, когда тяжко раненая лошадь подъ нимъ начала упадать, и его флигель-адъютанту Гецу удалось еще въ сей разъ спасти короля и подвесть ему свою лошадь. Всѣ наиубѣдительнѣйшимъ образомъ просили короля оставить сіе крайне опасное мѣсто, но онъ отвѣчалъ только: „Намъ надобно все возможное испытать для полученія побѣды, и мнѣ надлежитъ здѣсь таковожъ хорошо исправлять должность мою, какъ и всѣмъ прочимъ“.

Словомъ, наши россіяне дрались въ сей разъ съ величайшимъ ожесточеніемъ и запальчивостью, и пруссаки писали даже сами объ нихъ послѣ, что они будто бы въ сей разъ ложились цѣлыми шеренгами и давали пруссакамъ переходить чрезъ себя, какъ чрезъ побитыхъ и мертвыхъ, а потомъ вскакивали и стрѣляли по нихъ сзади. Но какъ бы то ни было, всѣ старанія и домогательства пруссаковъ согнать насъ съ горы были тщетны.

Теперь отважилась прусская конница атаковать высоты, но все искусство и вся кавалерійская тактика славнаго ихъ генерала Зейдлица не могла тутъ ничего произвесть. Сія конница, привыкнувшая подъ предводительствомъ его опрокидывать непріятельскую конницу, хотя бы она вдвое или втрое была сильнѣе, обращать пѣхоту при всѣхъ положеніяхъ ея въ бѣгство, брать даже самыя батареи и превозмогать всѣ трудности и неспособности въ мѣстоположеніяхъ, пала здѣсь предъ пушками нашихъ россіянъ, стрѣлявшихъ по ней

съ высоты очень мѣтко, и осыпающихъ ее картечами своими какъ градомъ. Самъ Зейдлицъ, сей храбрый ея предводитель, былъ раненъ; таковой же участи подверженъ былъ и принцъ Евгеній Виртембергскій, испытывавшій вторичную атаку. За нимъ послѣдовалъ генералъ Путкамеръ, нападавшій на нашихъ съ своими бѣлыми гусарами, но застрѣленный до смерти. А и прочіе знаменитѣйшіе предводители прусской арміи: генералъ Финкъ и Гильзенъ, были переранены и всѣ прочія войска и пѣшія и конныя пришли въ великій безпорядокъ и замѣшательство.

Въ самыя сіи критическія и опасныя минуты явился вдругъ Лаудонъ, выйдя изъ-за праваго крыла съ свѣжими войсками, и напалъ на совершенно ослабѣвшихъ пруссаковъ со стороны и сзади. Сей полководецъ, прославившійся тѣмъ, что умѣлъ всегда на баталіяхъ ловить счастливыя минуты, предводительствовалъ въ сей разъ конницею. Онъ построилъ ее въ отдаленіи отъ мѣста побоища, какъ надобно, и напалъ въ наилучшемъ порядкѣ на разстроившихся пруссаковъ, а сіе и рѣшило всю участь баталіи. Паническій страхъ и ужасъ напалъ тогда вдругъ на всю прусскую армію, и всѣ войски бросились бѣжать въ лѣсъ и на мосты. Всѣмъ хотѣлось перейтить вдругъ; отъ сего сдѣлалась страшная тѣснота и неизобразимая сумятица, которая и причиною тому была, что пруссаки принуждены были не только оставить отнятыя у насъ пушки, но бросить и своихъ еще 165. Король самъ чуть-было не попался нашимъ въ полонъ, находясь въ числѣ самыхъ почти послѣднихъ на мѣстѣ сраженія и долженствующій проѣзжать одною яслиною. Единое только чрезвычайное мужество и рѣдкое присутствіе духа ротмистра Притвица спасло его отъ сего великаго несчастія. Король, самъ почитая то уже неизбѣжнымъ, что его возьмутъ въ полонъ, кричалъ, нѣсколько разъ повторяя: „Притвицъ! Притвицъ! я погибаю!“ но сей храбрый офицеръ, имѣвшій при себѣ только сотню гусаръ для сопротивленія цѣлымъ тысячамъ окружающихъ его непріятелей, отвѣтствовалъ ему: „Нѣтъ, ваше величество, сему не бывать, покуда есть еще въ насъ дыханіе!“ И тогда, вмѣсто того, чтобъ только обороняться, обратясь, поскакалъ онъ самъ атаковать нашихъ россіянъ, и до тѣхъ поръ съ ними штурмовалъ, покуда королю удалось убраться впередъ, доскакать до прочихъ своихъ войскъ и соединиться съ ними.

Никогда еще не было твердодушіе сего монарха (какъ пруссаки сами въ сочиненіяхъ своихъ о томъ отзываются) такъ чрезвычайно потрясено, какъ въ сей несчастный для него день. Въ немногіе часы, военное счастіе низвергло его съ высоты безсомнѣнной побѣды въ бездну совершеннаго разбитія и пораженія. Онъ испытывалъ и все, и старался всячески остановить свою бѣгущую пѣхоту, но ничто, ни представленія, ни самыя убѣдительнѣйшія уговариванія, ни просьбы, устами короля произносимыя, не помогли ни мало, сколь ни дѣйствительны бывали они при другихъ случаяхъ, и говорятъ, что онъ, въ семъ отчаянномъ положеніи находясь, самъ себѣ вслухъ желалъ смерти. Живое умовоображеніе представляло ему, въ первыя минуты, слѣдствія сей потерянной баталіи столь страшными, что онъ съ самаго тогожъ мѣста баталіи, съ котораго за немногіе часы до того отправилъ онъ курьеровъ съ радостнымъ извѣстіемъ о побѣдѣ, послалъ теперь повелѣнія въ Берлинъ, чтобъ принимать скорѣй всѣ мѣры къ безопасности и къ скорѣйшему спасенію всего нужнаго. Онъ уже мнилъ видѣть непріятелей

своихъ въ Берлинѣ и все уже разоряющихъ и опустошающихъ, и себя не въ силахъ учинить тому препятствіе. Войски его были такъ разсѣяны, что къ вечеру сего дня не имѣлъ онъ при себѣ болѣе 5000 человѣкъ онаго. Всѣ отнятыя пушки были опять потеряны, а вмѣстѣ съ ними и всѣ почти прусскія. Генералъ Вуншъ, поставленный на другой сторонѣ рѣки Одера, съ небольшимъ корпусомъ для загражденія намъ пути къ бѣгству, въ случаѣ ожидаемой побѣды, при концѣ сраженія сего прибылъ во Франктфортъ и захватилъ въ полонъ всѣхъ нашихъ, тамъ находившихся; но услышавъ о разбитіи ихъ арміи, принужденъ былъ опять изъ города сего уйтить и покинуть планъ свой. Наступившая ночь благопріятствовала наконецъ королю прусскому. Онъ собралъ сколько-нибудь своей арміи и достигъ съ нею до нѣкоторыхъ высотъ, которыя наши атаковать не отважились.

Симъ образомъ кончилось, къ безсмертной славѣ нашихъ войскъ, сіе кровопролитное сраженіе. Никоторое еще изъ всѣхъ бывшихъ въ сію войну не было таково убивственно и пагубно, какъ сіе. Пруссаки потеряли одними убитыми болѣе 8,000 человѣкъ, а переранено у нихъ слишкомъ пятнадцать тысячъ человѣкъ, со всѣми почти генералами и наизнаменитѣйшими офицерами. Въ полонъ взято нашими ихъ безъ мала пять тысячъ. И такъ, весь уронъ ихъ простирался около 28 тысячъ. Но не малъ былъ никакъ и нашъ: по собственному признанію графа Салтыкова, число убитыхъ простиралось безъ мала до трехъ, а число раненыхъ безъ мала до одиннадцати тысячъ, кромѣ цесарцевъ, которые такъ же убитыми и ранеными потеряли болѣе 2,000 человѣкъ. Словомъ, число людей, претерпѣвшихъ въ сей день убивство, раны и плѣнъ, съ обѣихъ сторонъ простиралось почти до пятидесяти тысячъ человѣкъ. У насъ также переранены были многіе генералы, а число раненыхъ штабъ и оберъ-офицеровъ простиралось до 474 человѣкъ, и уронъ нашъ былъ такъ знаменитъ, что самъ графъ Салтыковъ, признаваясь въ томъ въ письмѣ къ императрицѣ, между прочимъ изъяснялся сими словами: „Ваше величество, не извольте тому удивляться, вамъ извѣстно, что король прусскій всегда побѣды надъ собою продаетъ очень дорого“.

Также говаривалъ сей полководецъ: „Если мнѣ еще такое же сраженіе выиграть, то принуждено мнѣ будетъ одному съ посошкомъ въ рукахъ несть извѣстіе о томъ въ Петербургъ“.

Но какъ бы то ни было и сколь день сей для многихъ былъ ни злосчастенъ, но всѣ оставшіе провели вечеръ дня сего въ неописанной радости и удовольствіи, сколько о совершенной побѣдѣ надъ непріятелемъ, столько и о избавленіи отъ очевидной опасности. Но не такъ провелъ сей вечеръ и ночь сію король прусскій. Онъ ночевалъ въ деревушкѣ Этшеръ и спалъ въ одной хижинѣ, казаками опустошенной и со всѣхъ сторонъ раскрытой, ни дверей, ни оконъ въ цѣлости неимѣющей крестьянской хижинѣ, на клочкѣ соломы и нераздѣтый. Шляпа покрывала половину лица его, а шпага лежала обнаженная подлѣ бока. Въ ногахъ спали два его адъютанта на голой землѣ, а на дворѣ у дверей стоялъ одинъ только гренадеръ на часахъ. Ночь, какихъ мало имѣлъ сей славный монархъ, и которая была ему во всю жизнь очень памятна!

(Зап. Болотова т. I, часть VII, с. 917—924.)

II. Вѣкъ Екатерины II.

VII. Начало царствованія Екатерины II.

37. Воцареніе Императрицы Екатерины II.

(Изъ письма ея къ Станиславу Понятовскому, бывшему позднѣе королемъ Польскимъ).

Уже шесть мѣсяцевъ, какъ замышлялось мое восшествіе на престолъ. Петръ III во всемъ шелъ напроломъ; онъ хотѣлъ сломить гвардію, для этого онъ велъ ее въ походъ; онъ замѣнилъ бы ее своими голштинскими войсками, которыя должны были остаться въ городѣ. Онъ хотѣлъ перемѣнить вѣру, жениться на Л. В. (Елисаветѣ Воронцовой), а меня заключить въ тюрьму. Въ день празднованія мира, нанеся мнѣ публично оскорбленія за столомъ, онъ приказалъ вечеромъ арестовать меня. Мой дядя, принцъ Георгъ, заставилъ отмѣнить этотъ приказъ.

Съ этого дня я стала вслушиваться въ предложенія, которыя дѣлались мнѣ со времени смерти императрицы [1]). Планъ состоялъ въ томъ, чтобы схватить его въ его комнатѣ и заключить, какъ принцессу Анну и ея дѣтей. Онъ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ. Мы были увѣрены въ большомъ числѣ капитановъ гвардейскихъ полковъ. Узелъ секрета находился въ рукахъ трехъ братьевъ Орловыхъ. Это— люди необычайно рѣшительные, и служа въ гвардіи очень любимые большинствомъ солдатъ. Я очень многимъ обязана этимъ людямъ; весь Петербургъ сему свидѣтель.

Умы гвардейцевъ были подготовлены, и подъ конецъ въ тайну было посвящено отъ 30 до 40 офицеровъ и около 10,000 солдатъ. Не нашлось ни одного предателя въ теченіе трехъ недѣль, такъ какъ было четыре отдѣльныхъ партіи, начальники которыхъ созывались на совѣщанія, а главная тайна находилась въ рукахъ этихъ троихъ братьевъ; Панинъ хотѣлъ, чтобъ это совершилось въ пользу моего сына, но они ни за что не хотѣли согласиться на это.

Я была въ Петергофѣ. Петръ III жилъ въ Ораніенбаумѣ. Согласились на случай предательства не ждать его возвращенія, но собрать гвардейцевъ и провозгласить меня. Рвеніе ко мнѣ вызвало то же, что произвела бы измѣна. Въ войскахъ 27-го распространился слухъ, что я арестована. Солдаты волнуются; одинъ изъ нашихъ офицеровъ успокаиваетъ ихъ. Одинъ солдатъ приходитъ къ капитану Пассеку, главарю одной изъ партій, и говоритъ ему, что я погибла. Онъ увѣряетъ его, что имѣетъ обо мнѣ извѣстія. Солдатъ, все продолжая тревожиться за меня, идетъ къ другому офицеру и говоритъ ему то же самое. Этотъ не былъ посвященъ въ тайну; испуганный тѣмъ, что офицеръ отослалъ солдата, не арестовавъ его, онъ идетъ къ майору, а этотъ послѣдній послалъ арестовать Пассека. И вотъ весь полкъ въ движеніи. Въ эту же ночь послали рапортъ въ Ораніенбаумъ. И вотъ тревога между нашими заговорщиками. Они рѣшаютъ прежде всего послать второго брата Орлова ко мнѣ, чтобы привезти меня въ городъ, а два другіе идутъ всюду извѣщать, что я скоро буду. Гетманъ [1]), Волконскій, Панинъ знали тайну.

Я спокойно спала въ Петергофѣ,

[1]) Елизаветы Петровны.

[1]) К. Разумовскій.

въ 6 часовъ утра, 28-го. День прошелъ очень тревожно для меня, такъ какъ я знала всѣ приготовленія. Входитъ въ мою комнату Алексѣй Орловъ и говоритъ мнѣ съ большимъ спокойствіемъ: „Пора вамъ вставать; все готово для того, чтобы васъ провозгласить". Я спросила у него подробности; онъ сказалъ мнѣ: „Пассекъ арестованъ". Я не медлила болѣе, одѣлась какъ можно скорѣе, не дѣлая туалета, и сѣла въ карету, которую онъ подалъ. Другой офицеръ подъ видомъ лакея находился при ея дверцахъ; третій выѣхалъ навстрѣчу ко мнѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петергофа. Въ пяти верстахъ отъ города я встрѣтила старшаго Орлова съ княземъ Барятинскимъ младшимъ; послѣдній уступилъ мнѣ свое мѣсто въ одноколкѣ, потому что мои лошади выбились изъ силъ, и мы отправились въ Измайловскій полкъ, тамъ было всего двѣнадцать человѣкъ и одинъ барабанщикъ, который забилъ тревогу. Сбѣгаются солдаты, обнимаютъ меня, цѣлуютъ мнѣ ноги, руки, платье, называютъ меня своей спасительницей. Двое привели подъ руки священника съ крестомъ; вотъ они начинаютъ приносить мнѣ присягу. Окончивъ ее, меня просятъ сѣсть въ карету; священникъ съ крестомъ идетъ впереди; мы отправляемся въ Семеновскій полкъ; послѣдній вышелъ къ намъ на встрѣчу съ криками vivat. Мы поѣхали въ Казанскую церковь, гдѣ я вышла. Приходитъ Преображенскій полкъ, крича vivat и говорятъ мнѣ: „Мы просимъ прощенія за то, что явились послѣдними; наши офицеры задержали насъ, но вотъ четверыхъ изъ нихъ мы приводимъ къ вамъ арестованными, чтобы показать вамъ наше усердіе. Мы желали того же, чего желали наши братья". Пріѣзжаетъ Конная гвардія; она была въ дикомъ восторгѣ, которому я никогда не видѣла ничего подобнаго, плакала, кричала объ освобожденіи отечества. Эта сцена происходила между садомъ гетмана и Казанской. Конная гвардія была въ полномъ составѣ, во главѣ съ офицерами. Я знала, что дядю моего, которому Петръ III далъ этотъ полкъ, они страшно ненавидѣли, поэтому я послала къ нему пѣшихъ гвардейцевъ, чтобы просить его остаться дома, изъ боязни за его особу. Не тутъ-то было: его полкъ отрядилъ, чтобы его арестовать; домъ его разграбили, а съ нимъ обошлись грубо.

Я отправилась въ новый Зимній дворецъ, гдѣ Синодъ и Сенатъ были въ сборѣ. Тутъ наскоро составили манифестъ и присягу. Оттуда я спустилась и обошла пѣшкомъ войска, которыхъ было болѣе 14.000 человѣкъ гвардіи и полевыхъ полковъ. Едва увидали меня, какъ поднялись радостные крики, которые повторялись безчисленной толпой.

Я отправилась въ старый Зимній дворецъ, чтобы принять необходимыя мѣры и закончить дѣло. Тамъ мы совѣщались, и рѣшили отправиться, со мною во главѣ, въ Петергофъ, гдѣ Петръ III долженъ былъ обѣдать. По всѣмъ большимъ дорогамъ были разставлены пикеты, и время отъ времени къ намъ приводили лазутчиковъ.

Я послала адмирала Талызина въ Кронштадтъ. Прибылъ канцлеръ Воронцовъ, посланный для того, чтобы упрекнуть меня за мой отъѣздъ: его повели въ церковь для принесенія присяги. Пріѣзжаютъ князь Трубецкой и графъ Шуваловъ, какже изъ Петергофа, чтобы удержать вѣрность войскъ и убить меня; ихъ повели приносить присягу безо всякаго сопротивленія.

Разославъ всѣхъ нашихъ курьеровъ и взявъ мѣры предосторожности съ нашей стороны, около 10 часовъ вечера я одѣлась въ гвардейскій мун-

диръ и приказала объявить меня полковникомъ—это вызвало неописуемые крики радости. Я сѣла верхомъ, мы оставили лишь немного человѣкъ отъ каждаго полка для охраны моего сына, оставшагося въ городѣ. Такимъ образомъ я выступила во главѣ войскъ, и мы всю ночь шли въ Петергофъ. Когда мы подошли къ небольшому монастырю на этой дорогѣ, является вице-канцлеръ Голицынъ съ очень льстивымъ письмомъ отъ Петра III. [Я не сказала, что когда я выступала изъ города, ко мнѣ явились три гвардейскихъ солдата, посланные изъ Петергофа, распространять манифестъ среди народа, говоря: „Возьми, вотъ что далъ намъ Петръ III; мы отдаемъ это тебѣ, и радуемся, что могли присоединиться къ нашимъ братьямъ"]. За первымъ письмомъ пришло второе; его доставилъ генералъ Михаилъ Измайловъ, который бросился къ моимъ ногамъ и сказалъ мнѣ: „Считаете ли вы меня за честнаго человѣка"? Я ему сказала, что да.—„Ну такъ", сказалъ онъ,—„пріятно быть за одно съ умными людьми. Императоръ предлагаетъ отречься. Я вамъ доставлю его послѣ его совершенно добровольнаго отреченія. Я безъ труда избавлю мое отечество отъ гражданской войны". Я возложила на него это порученіе; онъ отправился его исполнять. Петръ III отрекся въ Ораніенбаумѣ безо всякаго принужденія, окруженный 1590 голштинцевъ, и прибылъ съ Елисаветой Воронцовой, Гудовичемъ и Измайловымъ въ Петергофъ, гдѣ, для охраны его особы, я дала ему шесть офицеровъ и нѣсколько солдатъ...

Въ городъ я въѣхала при безчисленныхъ крикахъ радости, и такъ ѣхала до Лѣтняго дворца, гдѣ меня ждали дворъ, Синодъ, мой сынъ и все то, что является ко двору. Я пошла къ обѣднѣ; затѣмъ отслужили молебенъ; потомъ пришли меня поздравлять. Я почти не пила, не ѣла и не спала съ 6 часовъ утра въ пятницу до полудня въ воскресенье; вечеромъ я легла и заснула. Въ полночь, только что я заснула, капитанъ Пассекъ входитъ въ мою комнату и будитъ меня, говоря: „Наши люди страшно пьяны; одинъ гусаръ, находившійся въ такомъ же состояніи, прошелъ передъ ними и закричалъ имъ: къ оружію! 30,000 прусаковъ идутъ, хотятъ отнять у насъ нашу матушку.—Тутъ они взялись за оружіе и идутъ сюда, чтобъ узнать о состояніи вашего здоровья, говоря, что три часа они не видѣли васъ и что они пойдутъ спокойно домой, лишь бы увидѣть, что вы благополучны. Они не слушаютъ ни своихъ начальниковъ ни даже Орловыхъ". И вотъ я снова на ногахъ, и, чтобы не тревожить мою дворцовую стражу, которая состояла изъ одного батальона, я пошла къ нимъ и сообщила имъ причину, почему я выхожу въ такой часъ, Я сѣла въ свою карету съ двумя офицерами и отправилась къ нимъ; я сказала имъ, что я здорова, чтобъ они шли спать и дали мнѣ также покой, что я только что легла, не спавши три ночи, и что я желаю, чтобъ они слушались впредь своихъ офицеровъ. Они отвѣтили мнѣ, что у нихъ подняли тревогу съ этими проклятыми пруссаками, что они всѣ хотятъ умереть за меня. Я имъ сказала: „Ну, спасибо вамъ, но идите спать". На это они мнѣ пожелали покойной ночи и добраго здоровья, и пошли какъ ягнята домой, и все оборачивались на мою карету, уходя. На слѣдующій день они прислали просить у меня извиненія и очень сожалѣли, что разбудили меня, говоря; „Если каждый изъ насъ будетъ постоянно хотѣть видѣть ее, мы повредимъ ея здоровью и ея дѣламъ"...

(Сб. „Переворотъ 1762 г.". с. 102—8).

---

38. Собственноручная записка Екатерины II о первыхъ годахъ ея царствованія.

1769 года, сентября 20.

При вступленіи моемъ на престолъ, въ 1762 году, я нашла имперію въ слѣдующемъ состояніи:

Послѣ кончины покойной Императрицы, Елисаветы Петровны, война, которая началась въ 1756 году съ прусскимъ королемъ, въ которой изъ ауксилярныхъ австрійскаго дома мы сдѣлались главною воюющею державою, кончена была по волѣ Петра III, не смотря ни на какія обязательства, такимъ миромъ, коимъ возвращена была Пруссія королю того имени, и кромѣ мира, не видно, чтобъ Россіи выгода какая была пріобрѣтена въ семъ случаѣ. 28 числа 1762 года армія была еще за границею и не получила осьмой мѣсяцъ жалованья. На штатсъ-конторѣ было семнадцать милліоновъ долгу. Ни единый человѣкъ въ государствѣ не то, чтобъ зналъ, сколько казнѣ было дохода, ниже не вѣдалъ званій доходовъ разныхъ. Повсюду народъ приносилъ жалобу на лихоимство, взятки, притѣсненія и неправосудія разныхъ правительствъ, а наипаче приказныхъ служителей.

Всѣ вѣтви коммерціи почти отданы были частнымъ людямъ на откупъ. Флотъ былъ въ упущеніи, армія въ разстройкѣ, крѣпости разваливались. Въ Сенатѣ за излишество почитали государственныя дѣла слушать, ландкарту имѣвъ предъ собою на столѣ, и оттого сдѣлалось, что иногда сами не знали о чемъ судятъ. Стыдно сказать, что и карты печатанныя не были въ сенатѣ, и что первую карту я, бывъ въ сенатѣ, послала купить въ Академіи. Тюрьмы были такъ наполнены колодниками, что хотя при смерти своей Императрица Елисавета Петровна освободила до семнадцати тысячъ колодниковъ, однако при коронаціи моей 22 сентября 1762 года оныхъ еще до осми тысячъ было. Къ заводамъ приписныхъ крестьянъ я нашла сорокъ девять тысячъ въ явномъ ослушаніи и открытомъ бунтѣ противъ заводчиковъ и, слѣдовательно, власти той, которая ихъ приписала къ заводамъ. Монастырскихъ крестьянъ и самыхъ помѣщичьихъ почиталось до полутораста тысячъ, кои отложились отъ послушанія и коихъ всѣхъ усмирить надлежало. Повѣренности же къ правительству никто не имѣлъ, но всякъ привыкъ былъ думать, что иное учрежденіе не могло выходить какъ вредное общему благу. Жестокія пытки и наказанія за бездѣлицу, какъ за тяжкое преступленіе, ожесточили такъ умы, что многимъ казалось, что тотъ-то и самый порядокъ правосудія, а не иной какой.

Политическія же обстоятельства были таковы, что сверхъ сего еще мы ожидали пришествія татаръ на Украйну къ масляницѣ.

(Сб. Р. И. О. т. 10 с. 380—1.)

---

39. Докладъ Н. Панина Екатеринѣ II-ой

(1762).

Сей эпокъ [1]) заслуживаетъ особливое примѣчаніе. Въ немъ все было жертвовано настоящему времени, хотѣніямъ припадочныхъ людей и всякимъ постороннимъ малымъ приключеніямъ въ дѣлахъ. До того времени имѣли еще наши Государи особливыя верховныя мѣста и хотя нѣкогда оныя мѣста какъ форму свою перемѣняли, такъ и выборы къ нимъ персонъ обращаемы были въ чины, въ знатное произвожденіе и отличность припадочнымъ людямъ, однако же со всѣмъ тѣмъ еще тамъ оставались способы и

---

[1]) Время Елизаветы.

средства, которыми Государи могли имѣть общее попеченіе о государственыхъ частяхъ, особливо о тѣхъ, кои но ихъ натурѣ требуютъ всегдашняго поправленія, частыхъ перемѣнъ и полезныхъ новостей, чего въ обыкновенныхъ трибуналахъ (ограниченныхъ не токмо въ дѣлѣ, но въ разсужденіяхъ изданными законами) и не подъ очами Государевыми исполнить не возможно. Образъ возшествія на престолъ покойной Императрицы требовалъ ея разумной политики, чтобъ хотя съ начала сообразоваться сколько возможно съ неоконченными уставами правленія великаго родителя ея; въ слѣдствіе чего тотчасъ былъ истребленъ учрежденной до того во всей государственной формѣ Кабинетъ, которой особливо наконецъ, когда Биронъ упалъ, принялъ было такую форму, которая могла произвесть Государево общее обо всемъ попеченіе. Ея Величество вспамятовала, что у ея отца Государя былъ домовой кабинетъ, изъ котораго кромѣ партикулярныхъ ордеровъ и писемъ ничего не выходило; приказала и у себя такой же учредить. Тогдашніе случайные и припадочные люди воспользовались симъ домашнимъ мѣстомъ для своихъ прихотей и собственныхъ видовъ и поставили, средствомъ онаго, всегда злоключительной общему благу интервалъ между Государя и правительства. Они, временщики и куртизаны, сдѣлали въ немъ, яко въ безгласномъ и никакого образа государственнаго не имѣющемъ мѣстѣ, гнѣздо всѣмъ своимъ прихотямъ, чѣмъ оно претворилось въ самой вредной источникъ, не токмо государству, но и самому Государю...

Въ такомъ положеніи государство оставалось подлинно безъ общаго государскаго попеченія съ теченіемъ только обыкновенныхъ дѣлъ по однимъ указамъ всякаго сорта. Государь былъ отдаленъ отъ правительства. Прихотливые припадочные люди пользовались Кабинетомъ, развращали форму и порядокъ и хватали отъ всюду въ него дѣла на безконечную нерѣшимость пристрастными изъ него указами и повелѣніями. Сего не довольно; они тутъ родили еще новое мѣсто страннѣе уже и перваго, и по дежурству отъ генералъ-адъютантства не военными командами распряжали, но государственные распорядки дѣлали, и ими правила въ наслѣдствѣ и въ дѣлѣ же партикулярныхъ людей безъ законовъ и причинъ мѣшалися, домы ихъ печатали, у одного отнимали, другому отдавали. Между тѣмъ большіе и случайные господа предѣловъ не имѣли своимъ стремленіямъ и дальнимъ видамъ. Государственныя дѣла безъ призрѣнія, все было смѣшано, всѣ наиважнѣйшія должности и службы претворены были въ ранги и въ награжденія любимцевъ и угодниковъ, вездѣ фавёръ и старшинство людей опредѣляло, не было выбору способности и достоинства. Каждой, по произволу и по кредиту дворскихъ интригъ, хваталъ и присвоивалъ себѣ государственныя дѣла, какъ кто которыми думалъ удобнѣе своего завистника истребить или съ другимъ противъ третьяго соединиться. Естьли кромѣ самоизвольства оставалися еще какія статскія правила, то конечно, онѣ были тѣ, по которымъ внутреннее государства состояніе насильствовано и жертвовано для внѣшнихъ политическихъ дѣлъ, чѣмъ наконецъ (и едва не взаимными ль сюрпризами зависти между собою) завелась война въ самое то время, когда дошло до высочайшей степени безстрашіе, лихоимство, расхищеніе, роскошь, мотовство и распутство въ имѣніяхъ и сердцахъ..

Таково, Всемилостивѣйшая Государыня, истинное существо формы или лучше сказать ея недостатка, въ нашемъ правительствѣ, и такова вѣр-

ная картина происшедшаго изъ того положенія царствованію въ Бозѣ почивающей человѣколюбивой Императрицы Елисаветы Петровны.

Одаренное знаніемъ остроуміе Вашего Императорскаго Величества несумнѣнно проникаетъ въ томъ до существительной причины коварнаго ей отъ зломѣренныхъ воображенія о самодержавствѣ: подъ видомъ ея собственной воли, лишили ее власти исполнить по собственному желанію благое отечеству. Можетъ ли и партикулярный хозяинъ управить своимъ домомъ, когда онъ добрымъ раздѣленіемъ своего домоводства не уставитъ прежде порядокъ? И какъ искусный фабрикантъ учредитъ свою фабрику, естьли мастеровъ не по знанію, но по любви къ нимъ будетъ распоряжать по станамъ разныхъ работъ? Нашъ сапожный мастеръ не мѣшаетъ подмастерья съ работникомъ и нанимаетъ каждаго по своему званію. А мнѣ напротивъ того случилось слышать у престола Государева отъ людей его окружающихъ пословицу льстивую за статское правило: была бы милость, всякаго на все станетъ...

Спасительно нашему претерпѣвшему Отечеству намѣреніе Вашего Императорскаго Величества, чтобъ Богомъ и народомъ врученное вамъ право самодержавства употребить съ полною властію, къ основанію и утвержденію формы и порядка въ правительствѣ, дабы Ваше Величество сами безпрестанно могли имъ дѣйствовать въ праведную и общую пользу о благосостояніи Имперіи Вашей...

Осмѣлюсь себя ласкать, Всемилостивѣйшая Государыня, что въ семъ проектѣ установляемое формою государственною верховное мѣсто лежислаціи или законоданія, изъ котораго, яко отъ единаго Государя и изъ единаго мѣста истекать будетъ собственное монаршее изволеніе все оживотворяющее, оградитъ самодержавную власть отъ скрытыхъ иногда похитителей оныя...

(Русскій Архивъ 1871. № 9 с. 1413—1420).

---

40. Обрядъ, како обвиненный пытается.

(Справка, составленная для имп. Екатерины II, по ея требованію, во время разбирательства на судѣ дѣла объ убійствѣ Жуковыхъ; результатомъ этой справки былъ секретный указ губернаторамъ, 1767 г., предписывавшій имъ не употреблять впредь пытки).

(Изъ дѣлъ Тайной Канцеляріи.)

Для пытки приличившихся въ злодѣйствахъ, здѣлано особливое мѣсто, называемое застѣнокъ, огороженъ полисадникомъ і покрытъ для того, что при пыткахъ бываютъ судьи і секретарь, и для записки пыточныхъ речей подьячей; і, въ силу указу 1742-го году, велено, записавъ пыточныя речи, крѣпить судьямъ, не выходя іззастенка.

Взастенке-жь для пытки здѣлана дыба, состоящая втрехъ столбахъ, іскоторыхъ два вкопаны вземлю, а третей сверху, поперегъ.

І когда назначено будетъ для пытки время, то катъ или палачь явиться долженъ взастенокъ с своими инструментами, а оные есть: хомутъ шерстяной, х которому пришита веревка долгая; кнутья, і ремень, которымъ пытанному ноги связываютъ.

По приходе судей въ застенокъ і по разсужденіи въ чемъ подлежащаго к пыткѣ спрашивать должно, приводитца тотъ, котораго пытать надлежитъ, і от караульнаго отдаетца палачу; которой долгую веревку перекинетъ чрезъ поперечной въ дыбѣ столбъ, і взявъ подлежащаго к пытке, руки назадъ заворотитъ, і положа ихъ вхомутъ, чрезъ приставленныхъ для того людей встягивается, дабы пытанной на земле не стоялъ; у котораго руки

і выворотитъ совсемъ назадъ, і онъ на нихъ виситъ; потомъ свяжетъ показаннымъ выше ремнемъ ноги, і привязываетъ к здѣланному нарочно впереди дыбы столбу; і растянувши симъ образомъ, бьетъ кнутомъ, гдѣ и спрашивается о злодѣйствахъ і все записывается что таковой сказывать станетъ.

Естьли жъ іспóдлежащихъ к пытке такой случитца, которой ізобличается во многомъ злодѣйствѣ, а онъ запирается, і по дѣлу обстоятельства доказываютъ его к подозрѣнію, то для изысканія истины употребляются нарочно: 1-е тиски здѣланныя із желѣза в трехъ полосахъ с винтами, в которые кладутся злодѣя персты сверху большія два із рукъ, а внизу ножныя два і свинчиваются от палача до техъ поръ, пока іли повинится, іли не можно будетъ больше жать перстовъ і винтъ не будетъ дѣйствовать. 2-е. Наложа на голову веревку і просунувъ кляпъ і вертятъ такъ, что оной ізумленнымъ бываетъ; потомъ простригаютъ на головѣ волосы до тѣла, і на то мѣсто льютъ холодную воду только что почти по капле, от чего также въ изумленіе приходитъ. 3-е. При пыткѣ, во время таково-жъ запирательства, і для изысканія істины пытанному, когда виситъ на дыбѣ, кладутъ между ногъ на ремень, которымъ они связаны, бревно і на оное палачь становится за тѣмъ, чтобъ на виске потянуть ево, дабы болѣе істязанія чувствовалъ. Есть ли же і потому істины показывать не будетъ, снимая пытанаго съ дыбы правятъ руки, а потомъ опять на дыбу такимъ же образомъ поднимаютъ для того, что і чрезъ то боли бываетъ больше.

Хотя по законамъ положено только три раза пытать, но когда случится пытаной на второй іли на третьей пытке рѣчи переменитъ, то еще трижды пытается.—И если переговаривать будетъ в трехъ пыткахъ, то пытки употребляются до тѣхъ поръ, пока съ трехъ пытокъ одинаковое скажетъ, ібо сколкобъ разъ пытанъ ни былъ, а есть ли в чемъ нибудь разнить в показаніяхъ будетъ, то въ утвержденіе долженъ еще три пытки вытерпѣтъ; а потомъ і огонь такимъ образомъ: палачь отвязавъ привязанныя ноги от столба, висячаго на дыбѣ ростянетъ і зажегши вѣникъ съ огнемъ водитъ по спинѣ, на что употребляетца вѣниковъ три или больше, смотря по обстоятельству пытаннаго.

Когда пытки окончатся, і пытаной подлежать будетъ по винамъ ссылки на каторгу, то при посылке от палача вырываются ноздри здѣланными нарочно клещами. Есть ли же которые подлежатъ смертной казни, то і таковыхъ, в силу указовъ, до будущаго о дѣйствительной казни определенія, велено ссылать на каторгу жъ а при посылке также ноздри вырезываются. І сверхъ того особливыми присланными стемпелями на лбу і на щекахъ кладутся знаки (:воръ:); въ техъ же стемпеляхъ набиты желѣзныя острыя спицы словами, і ими палачь бьетъ в лобъ і щоки, і натираетъ порохомъ, і от того слова видны бываютъ.

(Рус. Старина, 1873 г., № 7, с. 58—59. Д. Ровинскій, Рус. народныя картинки, т. V. с. 399—401).

VIII. Секуляризація.

41. Инструкція, данная Коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ.

1762 г. Ноября 29.

Возвращая отнятыя въ прошломъ правленіи недвижимыя имѣнія духовному чину въ управленіе по прежнему Нашимъ манифестомъ, отъ 14 Августа въ народъ публикованнымъ, тѣмъ же указомъ дали Мы знать, что и объявленныя въ немъ учрежденія къ полученію доходовъ церковныхъ постановляются только на время, доколѣ къ лучшему успѣху новое и полезнѣйшеее о семъ узаконимъ опредѣленіе...

Почему и долженствуемъ перво всего распорядить доброе употребленіе недвижимыхъ имѣній, Церкви Божіей принадлежащихъ. Имѣніе церковное, духовными управляемое, есть и благолѣпію церковному украшеніе и санъ Духовный благопристойно питающее, а при томъ оно удовлетворяетъ и тѣмъ богоусерднымъ подателямъ, которые церкви Божіи награждали столь щедрыми подаяніями, когда получаемые изъ онаго доходы, по намѣренію ихъ, въ прославленіе имени Божія добрымъ управленіемъ, а вящше того благоугоднымъ употребленіемъ издерживается, то есть на благолѣпіе храмовъ, на умѣренное и беззазорное властямъ Духовнымъ содержаніе, на насажденіе и произращеніе плодовъ Духовныхъ полезными въ Епархіяхъ училищами, и на пропитанія отъ избытка бѣднымъ, увѣчливымъ и пропитанія лишившимся. Святѣйшій Синодъ, пастырскую власть на себѣ носящій, вѣдаетъ и то, сколь великій соблазнъ въ законѣ, а паче въ Нашемъ православномъ, когда имущество церковное расточается иногда на временныя житейскія попеченія, а вѣчныя и богоугодныя дѣла остаются въ забвеніи или и вовсе въ уничтоженіи...—

А яко ничего лучшаго уже опредѣлить Намъ невозможно, и желать только надобно, чтобъ сіе въ Духовномъ Регламентѣ узаконеніе всѣмъ освященнымъ Соборомъ и Сигклитомъ подписанное и собственною Его Величества рукою конфирмованное, дѣломъ самимъ отправлялося, то Мы сердцемъ и духомъ наклоняяся къ пользѣ Нашего народа и къ исполненію дѣлъ благочестивыхъ, желаемъ усердно, чтобъ все оное подаяніе боголюбивыхъ обращено было на дѣло Божіе, по предписаннымъ въ томъ Духовномъ Регламентѣ правиламъ, и по состоявшимся въ дополненіе тому указамъ сего великаго Монарха. Сіе учредиться инако не можетъ, какъ добрымъ перво всего разсмотрѣніемъ волостей, деревень и земель церковныхъ по ихъ положенію, угодьямъ, добротѣ земель и числу душъ, а потомъ (примѣняяся лучшему хозяйству свѣтскихъ помѣщиковъ), положеніемъ годовыхъ доходовъ опредѣленыхъ и съ тѣмъ каждой Епархіи, монастырю и собору постановленіемъ извѣстнаго штата. Чего ради Мы чрезъ сіе учреждаемъ особливую на то Коммиссію...

И учредивши такимъ образомъ мѣсто, повелѣваемъ, съ Нашею Высочайшею къ оному довѣренностію, исполнить слѣдующее.

1. Прежде всего собрать всѣ описи, а гдѣ нѣтъ достовѣрныхъ, приказать вновь сочинить всѣмъ Синодальнымъ, Архіерейскимъ, монастырскимъ и прочимъ церковнымъ селамъ, деревнямъ, землямъ и угодьямъ, полагая число душъ такое, какое по домашней ревизіи найтиться можетъ, и таковыя

взять за основанiе къ расположенiю работъ и окладовъ крестьянскихъ...

4. По совершенiи сего, распредѣлить надобно каждую волость и деревню, смотря по ея состоянiю, по числу душъ, по положенiю рѣкъ и другихъ способностей на земледѣлiе, или на оброкъ; ежели которые крестьяне оставлены будутъ на пашнѣ, таковымъ раздавать излишнiя земли, а иногда отдавать и всѣ тѣ, которыя на помѣщиковъ работалися, а за то по пропорцiи положить оброки такiе, которые обыкновенно налагаются у добрыхъ тѣхъ же уѣздовъ помѣщиковъ свѣтскихъ..

5. Опредѣливши доходы денежные и хлѣбные во всякой Епархiи, монастырѣ и во всѣхъ другихъ духовныхъ мѣстахъ, сочинить надобно штаты каждой Епархiи, то есть Архiерейскому дому, монастырю и собору, смотря по достоинствамъ сановъ ихъ и по достатку именiй, предостерегая, какъ возможно, чтобъ благопристойное, но беззазорное и несоблазненное содержанiе дому Архiерейскаго, Архимандричьяго и соборнаго священства было, и такое опредѣленiе постановить на деньгахъ и на припасахъ, изъ деревень присылаемыхъ, которые штаты сочинивъ, подать къ Нашей конфирмацiи.

11. До сего Мы объявили Нашего Высочайшаго намѣренiя двѣ части, которыя Мы желаемъ опредѣлить на доходы церковные, то есть въ содержанiе домовъ Архiерейскихъ и прочихъ духовныхъ, и учрежденiе училищъ для наученiя священства, въ которомъ Мы желаемъ имѣть благонравныхъ проповѣдниковъ для просвѣщенiя Нашего народа. Теперь еще Намъ на сердце лежитъ не меньше дѣло богоугодное, то есть призрѣнiе старымъ, раненымъ, увѣчливымъ и пропитанiя не имущимъ людямъ, которые, послуживъ своему отечеству, злощастiю наконецъ подвержены бываютъ, таковые называются инвалиды, которыхъ неотмѣнно долгъ Нашъ велитъ пропитать до конца жизни ихъ въ покоѣ и молитвѣ къ Богу...

12. Для таковыхъ сборовъ церковныхъ и расходовъ, необходимо кажется установить надобно Главную Духовную Экономическую Коллегiю подъ дирекцiею двухъ или трехъ знатныхъ людей...

(П. С. З. т. XVI, № 11716 с. 117—124).

---

42. Манифестъ 26 февраля 1764 года.

Объявляемъ всенародно. Прадѣдъ Нашъ, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти, Государь Царь и Великiй Князь Алексѣй Михайловичъ, въ 1649 году учреждая правосудiе въ подданномъ своемъ народѣ, усмотрѣлъ количество именiй духовныхъ не по намѣренiю подателей употребляемое, помышлять началъ о распоряженiи оныхъ и обращенiи на дѣйствительныя дѣла Церкви Христовой; но преемникъ Его, Нашъ Вселюбезнѣйшiй Дѣдъ Императоръ Петръ Великiй съ первыхъ лѣтъ своего царствованiя, то самое дѣломъ произвелъ. Сей высокихъ дарованiй Государь въ 1701 году Генваря 31 дня обращать началъ указомъ своимъ всѣ именiя недвижимыя духовныя на истинную пользу душеспасительную, для которой благочестивые податели награждали Церковь Божiю въ Имперiи Нашей. Онъ повелѣлъ Графу Мусину-Пушкину взять оныя подъ свое вѣденiе, и распорядить на благолѣпiе церковное и на достодолжное и незазорное содержанiе Олтарю служащимъ, а остатки посвятить опредѣлилъ на учрежденiе училищъ духовныхъ, на пропитанiе отечеству послужившимъ и оставшимся въ старости, ранахъ и болѣзняхъ, бѣднымъ и неимущимъ...

Таковое было дѣйствіе и стараніе о распоряженіи на дѣла богоугодныя имѣній духовныхъ, отъ времени Государя Императора Петра Великаго чрезъ 63 года, въ Бозѣ почивающихъ бывшихъ до Насъ Монарховъ; но для чего оное конца своего не достигло, о томъ Мы не изслѣдываемъ, а осталося Намъ, какъ видимъ, судьбами Божіими, принявъ скипетръ въ Имперіи Нашей перво всего утвердить въ народѣ тѣ дѣла спасительныя Церкви нашей православной, о которыхъ столь много прежде было помышляемо...

Да не возмнитъ же кто, яко бы желаніе Наше было достояніе благочестивыхъ подателей церквамъ единожды посвященное обратить на какое-либо употребленіе свѣту и его суетѣ служащее! Но кто можетъ столь неразуменъ и дерзновененъ предъ Богомъ явиться, чтобъ благолѣпіе церковное, поученіе народа, нищимъ призрѣніе, въ старости, ранахъ и болѣзняхъ послужившимъ за вѣру и Отечество содержаніе, не принималъ за тѣ добродѣтели, къ которымъ насъ прямая вѣра Христова поучаетъ? И не Мы ли самодержавную власть отъ Бога пріявши надъ многими народами, паче всѣхъ земныхъ о томъ помышлять должны? Сіи и прочія къ тому служащія размышленія, вѣрою и закономъ, а къ кому и собственною Нашею любовію къ исполненію должности Нашей въ сердцѣ Нашемъ питаемыя, побудили Насъ, даръ Божій по завѣту Его обратить на сіи богоугодныя дѣла, и составляющее немалую часть доходовъ Государственныхъ, а нѣкоторыми властями безпорядочно иногда управляемое, привести въ такой порядокъ, о которомъ предки Наши чрезъ 60 лѣтъ и больше трудилися, но не окончали...

...Достигли Мы совершить слѣдующее: 1. Понеже въ Камеръ-Коллежской вѣдомости, по послѣдней ревизіи оказалось всѣхъ Архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ крестьянъ 910.866 душъ, и управленіе столь великаго числа деревень духовными, часто перемѣняющимися властями, происходило тѣмъ самимъ домамъ Архіерейскимъ и монастырямъ тягостное, а временемъ, или за расхищеніемъ служками, или и за незнаніемъ прямаго хозяйства деревенскаго, безпорядочное и самимъ крестьянамъ разорительное; сверхъ же того многія Епархіи, монастыри, соборы и бѣлое священство такъ были неуравнены, что одни передъ другими весьма малые доходы, а другіе и никакихъ не имѣли: то Мы учредя Коллегію Экономіи, повелѣваемъ отъ сего времени принять ей всѣ оныя вотчины, со всѣми казенными въ нихъ наличностьми, подъ свое вѣденіе и управленіе. А яко Коммиссія за сходственное и удобное крестьянамъ безъ отягощенія ихъ нашла, и о томъ Намъ свое мнѣніе представила, чтобъ на каждую душу, вмѣсто всѣхъ Архіерейскихъ и монастырскихъ, пашенныхъ и сѣнокосныхъ работъ, и всякаго рода хлѣбныхъ и другихъ окладовъ, положить оброку денежнаго по полтора рубли съ души: то Мы оное Коммисское представленіе утвердя, повелѣли по тому окладу и начать собирать съ сего 1764 года Генваря съ 1 числа; а вмѣсто того, 2) Всѣ Архіерейскіе домы, и мужескіе и дѣвичьи монастыри, имѣвшіе за собою до сего времени вотчины, раздѣлили на три класса, на которые, такъ какъ и на вотчинные и ружные соборы и церкви, сдѣлали особенные штаты и въ нихъ именно означили, сколько домовъ Архіерейскихъ и мужескихъ и дѣвичьихъ монастырей въ тѣхъ классахъ по древнимъ ихъ степенямъ быть; сколько соборовъ и церквей ружныхъ, и что по тѣмъ штатамъ изъ Коллегіи Экономіи въ каждой изъ нихъ, вмѣсто денежной суммы, отпускать всякой годъ должно...

...7. За таковыми знатными расхо-

дами, единственно къ славѣ имени Божія служащими, оставалось Намъ самое важное устроить, о чемъ Предки Наши, въ Бозѣ почивающіе Монархи, столь долговременно паче всего трудилися, а именно, дабы часть доходовъ опредѣлить отъ тѣхъ имѣній, которыми боголюбивые податели церкви Божія наградили, больнымъ, престарѣлымъ, дряхлымъ, и за вѣру и любовь, по ревности къ отечеству, тяжкой военной морской и сухопутной службѣ раны понесшимъ. Сами пастыри духовные въ церквѣ поучаютъ, сколь великая есть жертва Богу, разумѣвать на нища и убога и вѣдать скорбь ихъ и болѣзни, а паче отъ службы безъ пропитанія изнемогшихъ и оставшихся, и коликаго вѣчнаго воздаянія отъ Бога, каждый Христіянинъ надѣеться за призрѣніе таковыхъ долженъ. Кольми паче Мы принявши отъ Небесныя силы бремя Правительства всѣхъ Нашихъ народовъ, къ устроенію такихъ дѣлъ одолжаемся, и не церковь ли сама, питая нищихъ и болящихъ, сей даръ въ снѣдь имъ принести отъ избытковъ своихъ долженствуетъ? Для того Мы знатную годовую сумму отъ той же Коллегіи Экономіи опредѣлили на пенсіи вѣрно и долговременно служившимъ и безъ пропитанія оставшимся Офицерамъ, на инвалидовъ, на госпитали, богадѣльни и на многія по смерть временныя дачи, такожде вдовамъ и сиротамъ, и всего болѣе 250.000 рублей въ годъ къ тому назначили, такъ какъ то особливо въ росписаніяхъ находится, Нами конфирмованныхъ...

(Полное Собраніе Законовъ. Томъ XVI, № 12060 с. 549—553).

---

43. Доношеніе Арсенія Мацѣевича Синоду.

Изъ полученныхъ мною, при указѣ ея императорскаго величества изъ святѣйшаго синода, присланныхъ къ моему смиренію для достодолжнаго вѣдома и надлежащаго исполненія, печатныхъ инструкціевъ и приложенныхъ при нихъ формъ, каковымъ образомъ отправленнымъ изъ коммисіи оберъ-офицерамъ домамъ архіерейскимъ и монастырямъ повелѣнныя описи сочинять, опредѣлено,—усмотрѣлъ я между прочаго въ тѣхъ формахъ, что тѣмъ офицерамъ обще съ монастырскими настоятелями надлежитъ въ монастыряхъ и пустыняхъ описывать церкви святыя, и сколько въ нихъ престоловъ, а въ другомъ указѣ, полученномъ мною жъ изъ св. правительствующаго синода, между прочимъ написано въ третьемъ пунктѣ: понеже-де къ сочиненію всѣмъ монастырямъ штатовъ потребно коммисіи знать о имѣющихся въ означенныхъ монастыряхъ ризницахъ и церковной утвари, дабы, по усмотрѣніи въ томъ каковаго гдѣ недостатка надлежащее къ снабдѣнію распоряженіе учинить было можно. Того ради означеннымъ же оберъ-офицерамъ изо всѣхъ вышеозначенныхъ монастырей за руками настоятельскими означеннымъ ризничнымъ вещамъ и прочей церковной утвари описей, гдѣ же таковыхъ описей нѣтъ, или и есть, да съ наличностью оныхъ вещей въ чемъ несходны, то оныя описи самимъ настоятелемъ, при тѣхъ же оберъ-офицерахъ описать.

И такъ, по сему слѣдуетъ непремѣнно показаннымъ офицерамъ въ алтарь входить и иногда священныхъ сосудовъ касаться, чего намъ законъ православный издревле, выключивши царскихъ персонъ, правилами и узаконеніями церковными запрещаетъ.

Надѣяться же, что и нынѣ благополучно царствующая благочестивѣйшая императрица наша, государыня всемилостивѣйшая, не оставитъ церкви [1]), ежели ея величеству обстоятельно о церкви Божіей и о нынѣшнемъ ея озлобленіи изволите ваше святѣйшество предложить, а наипаче, что еще церковь и отъ прешедшаго недавно бывшаго [2]) удара и раззоренія не отдохнула и въ чувство не пришла и ниже мало исправилась, а тутъ упять на нее навѣты и нападенія и таковыи подлоги, дабы ей современемъ въ конецъ истребиться: понеже теперь, напримѣръ, когда нашлются, по силѣ инструкціи, офицеры, то какъ въ прошломъ году, безъ яроваго хлѣба и съ малымъ числомъ сѣна осталися, такъ и теперь будемъ съ тѣмъ же, или противу того, съ превосходствомъ оставаться, офицеры бо присланныи будутъ не малые вкладчики, аще по силѣ, аще въ противность инструкціи поступая. Крестьяне же, совершенно еще въ послушаніе монастырямъ и архіереямъ не пришедшіи, отъ оныхъ офицеровъ, по силѣ инструкціи, вопросы, по мужичьему своему уму, въ разсужденіе взявши, къ хлѣбной никакой другой работѣ будутъ огурны и не послушны; впредь же, ежели паче чаянія утвердится оброкъ на крестьянъ, чтобы имъ ничего не работать, но деньги давать, то они хотя и примутъ изначала сіе за благо, потому что придутъ имъ не токмо поля, но и лѣса и луга въ руки ихъ, однако послѣ, опустошивши лѣса, не будутъ въ состояніи и не похотятъ, хотя душу изъ нихъ возьми, оброковъ платить: и такъ, домы архіерейскіе и монастыри не токмо безъ дровъ, но и безъ хлѣба, и безъ денегъ, и безъ водовоза, послѣдняго работника останутся...—

Что же касается до нуждъ церковныхъ, напримѣръ, до починки домовъ и монастырей и храмовъ Божіихъ, такожъ и нуждамъ священнослуженія и жертвы безкровныя, о томъ нечего и воспоминать: не съ чего бо будетъ, хотя бы и самому архіерею и по одному на крылосѣ пѣвчему содержать, а о ризницѣ и о благолѣпіяхъ и о утваряхъ, церкви и служенію нужныхъ, нечего и говорить, и тако за малое время можетъ благочестіе все у насъ перевестися и слѣда ему не остаться, развѣ тылко въ памяти многимъ будетъ и въ сожалѣніи, яко въ толь древнемъ и благочестивомъ государствѣ, на весь свѣтъ славномъ и знатномъ, вдругъ не отъ татаръ, и ниже отъ иностранныхъ непріятелей, но отъ своихъ домашнихъ, благочестивыми и сынами церкви нарицающихся, церковь и благочестіе истребилося...

Чего не даждь Богъ намъ видѣть и дождаться, предосторожность же надлежитъ имѣть и Бога молить, въ которыхъ молитвахъ и я послѣднѣйшій одолжаяся, навсегда пребываю.

Святѣйшаго правительствующаго синода послушникъ смиренный Арсеній, митрополитъ ростовскій и ярославскій. Своеручно.

Марта 15-го дня 1763 года.

(Рус. Старина 1876 г., т. XV, с. 742—5).

---

[1]) Какъ и имп. Елизавета Петровна.

[2]) При Петрѣ III.

IX. Школьныя реформы.

44. Генеральнаго плана Московскаго воспитательнаго для приносныхъ младенцовъ дома.

Часть III.

1. О надобности воспитанія сходнаго съ намѣреніемъ, съ которымъ заведенъ домъ воспитательный.

...Всякъ увѣренъ, что приноснымъ симъ дѣтямъ потребно на воспитаніе отмѣнное отъ преподаваемаго благороднымъ, и что въ семъ заведеніи правиламъ воспитанія касающимся до тѣлесныхъ и душевныхъ упражненій должно быть въ маломъ гораздо числѣ, но яснымъ, вразумительнымъ и къ исполненію весьма удобнымъ: ибо прямое намѣреніе требуетъ произвести здѣсь людей способныхъ служить Отечеству дѣлами рукъ своихъ въ различныхъ искуствахъ и ремеслахъ.

Въ подобныхъ сему заведеніяхъ не надобны танцмейстеры и проч.; того меньше потребны дѣвочкамъ учительницы для показанія модъ, безполезныхъ способовъ обхожденія и множества подобныхъ сему вредныхъ и гнусныхъ излишествъ, кои произошли отъ одной роскоши, и нынѣ у праздныхъ людей въ большихъ городахъ обыкновенно бываютъ. Довольно извѣстно, сколь надобно воспитаніе сходственное съ намѣреніемъ, съ которымъ Домъ сей учрежденъ; для того пространныя о семъ доказательства для просвѣщенныхъ читателей не нужны. Здѣсь упоминается только нижеслѣдующее:

Въ чужихъ государствахъ третій чинъ народа, заведенный уже за нѣсколько вѣковъ, продолжается изъ рода въ родъ. Но какъ здѣсь сей чинъ еще не находится; то мнится, во ономъ и нужда состоитъ. Слѣдовательно приуготовить основаніе сего чина заведеніемъ сперва учителей и учительницъ имѣющихъ потребныя качества для воспитанія и обученія обоего пола дѣтей, какъ сего требуетъ намѣреніе. Того для слѣдовать должно предписанному здѣсь наставленію, ибо успѣхъ хорошаго и полезнаго воспитанія въ семъ Домѣ, единственно отъ нихъ зависитъ.

II. О упражненіяхъ.

Многіе презираютъ забавы дѣтскія и признаютъ оныя не нужными. Большая часть отцовъ и матерей требуютъ, чтобъ они за благовременно тихи, постоянны и разсудительны были, въ чемъ очевидно ошибаются. Дабы сему повѣрить совершенно, посмотримъ, что дѣлаютъ животные въ первыхъ лѣтахъ. Все время младости раздѣляется на три упражненія, ѣсть, спать и играть.

Когда дѣти свободно ходить начнутъ, то безпрестанно въ движеніи бываютъ, выключая время сна. Сіе, какъ извѣстно, происходитъ отъ естественнаго ихъ сложенія. Кто въ семъ оказываетъ запрещеніе или насиліе, тотъ безъ сомнѣнія ихъ губитъ. Того для не токмо позволять имъ быть въ невинныхъ забавахъ по своей волѣ, но и всѣми способами побуждать ихъ къ онымъ...

VI. Вопросъ

надобно ли въ семъ заведеніи дѣвочкамъ учиться тому, что для мальчиковъ сказано?

За перьвое предводительство оказанное намъ, какъ на свѣтъ вышли, за перьвую помощь и сбереженіе, за перьвое пропитаніе, за перьвыя на-

ставленія и за перьвую дружбу, которою въ жизни своей пользуемся, кому одолжены? Одному женскому полу. Но мы мужчины столь тщеславимся превосходствомъ въ крѣпости силъ своихъ, столь горды и при томъ столь упрямы и неправосудны, что и въ пріобрѣтеніи наставленій, къ просвѣщенію разума потребныхъ, препятствуемъ такому полу, которому мы, какъ выше показано, за все одолжены. Сынъ знатной особы изнуряется большимъ числомъ учителей, для чего? Для того, что такой отецъ приличное дворянству ученіе признаетъ необходимо нужнымъ, разсуждая, что сынъ его безъ сей науки не можетъ отправлять должностей по чинамъ въ арміи, во флотѣ, либо при дворѣ. Имѣя крѣпостныхъ людей не думаетъ онъ, чтобъ они полезны и надобны были къ иному чему, кромѣ обыкновенной въ домѣ службы, либо, за нимъ ѣздить. Утверждаетъ при томъ смѣло, что наставленіе въ нравоученіи касающемся до Гражданской жизни, имъ не только не потребно, но еще неполезно и вовсе ненадобно. Въ заключеніи суровымъ голосомъ скажетъ: „не хочу, что бы Философами были тѣ, кои мнѣ служить должны".

Коль бѣденъ человѣкъ такимъ образомъ ослѣпившійся! Иль того ты не видишь, что тотъ самый крѣпостный, котораго ты столь презираешь, и всѣми мѣрами дѣлаешь свирѣпымъ звѣремъ, перьвый будетъ Наставникъ твоему сыну, въ которомъ однакожъ ты все свое полагаешь благополучіе всю надежду. Тотъ самый крѣпостный или крѣпостная, перьвый будетъ наперстникъ или наперстница, первый другъ или подруга сыну твоему или дочери твоей. Дѣти твои, коихъ ты любишь, какъ утробу свою, напитаются съ перьвымъ млекомъ, въ перьвые годы возраста, всѣми пороками, всею грубостію, всѣми худыми разговорами, отъ сихъ рабовъ, которыхъ столь гордо и столь надменно пренебрегаешъ. Дѣти твои будутъ у нихъ въ рукахъ и въ полной власти до самаго времени юношества и далѣе. Отъ сообщества съ ними наслѣдствуютъ они невѣжество, свирѣпство, развратные нравы: въ ихъ мысли вперяются расказы тѣмъ гнуснѣйшіе, и тѣмъ опаснѣйшіе, чѣмъ величавѣе и суровѣе поступаешъ съ рабами.

Такія то плоды пріобрѣтаетъ человѣкъ воспитанный тамъ, гдѣ глупость и коварство, гдѣ общества подлыхъ рабовъ, несмысленныхъ кормилицъ, и безстыдныхъ служанокъ обитаютъ.

Жалуются непрестанно, что несчастныхъ имѣютъ дѣтей, неоказывающихъ почтенія родителямъ, ненавидящихъ всякое наставленіе и трудъ, праздныхъ, живущихъ въ нечистотѣ, и утопающихъ въ пьянствѣ или звѣрскомъ буйствѣ. Отецъ (говорю о разумномъ, потому что многіе родители и того не чувствуютъ) болѣзнуетъ непрестанно о своемъ сынѣ, всему полагаетъ причиною злую природу бѣднаго сего-юноши, думаетъ, что родился подъ худою планетою. Смѣшная мечта съ давняго времени за справедливую почитаемая: но никогда въ мысль ему не приходитъ, что сіе отъ того единственно произошло, когда у сихъ дѣтей подлые рабы перьвыми учителями, сверстниками и друзьями были, и вкоренили въ ихъ сердце и разумъ то, что ему толь горестно кажется.

Чаятъ надобно, что понявъ вышеписанное, не сыщется еще такой, кто бы толь далеко отступилъ отъ здраваго разума, кому бы нечувствительно было благоденьствіе рода человѣческаго, и кто бы не желалъ, дабы всѣ дѣвушки не только обучились читать и писать, но имѣли бы и разумъ просвѣщенный различными знаніями для Гражданской жизни полезными. Будучи матерями лучше и разсудительнѣе воспитаютъ своихъ и

чужихъ ввѣренныхъ имъ дѣтей;—будучи нянькам не помрачатъ ихъ пустыми разсказами, странными повѣстьми о привидѣніяхъ, о превращеніяхъ, о колдовствахъ, о непреодолимой силѣ діявольской и проч. Напротивъ того разговоры ихъ будутъ подражанія достойны, страсти обузданы, обхожденіе пріятно и человѣколюбія исполнено.

Ежели бы воспитываемымъ въ семъ Домѣ дѣвушкамъ слѣдовало быть крестьянками; не надлежало бы и упоминать о обученіи ихъ. Но по принятому въ семъ Заведеніи намѣренію, назначены онѣ учиться (кромѣ того, что показано въ первой части Генеральнаго Плана) искуствамъ, жизни человѣческой и Гражданству потребнымъ, хранить въ цвѣтущемъ состояніи Фабрики, купечество и ремесла, способствовать къ заведенію оныхъ, управлять всѣ, а наипаче ихъ полу принадлежащія части домостроительства, разумѣть подробности онаго [1], знать, какъ въ казначействѣ поступать [2]) и проч...

XI. О наказаніяхъ.

...Единожды навсегда ввести въ сей Домъ неподвижный законъ и строго утвердить, никогда и ни за что не бить дѣтей, ибо не удары въ ужасъ приводятъ, но страхъ умножается въ нихъ отъ рѣдкости наказаній, что есть самое дѣйствительное средство къ ихъ поправленію, да и по физикѣ доказано, что бить дѣтей, грозить имъ и бранить, хотя и причины къ тому бываютъ, есть существенное зло. Кромѣ того, что сіе дѣлаетъ перемѣну въ ихъ здоровьѣ, слѣдовательно и въ живости естественной, становятся чрезъ то мстительны, притворны, обманщики, угрюмы и нечувствительны. Сердца ихъ ожесточаются; въ нравахъ лишаются кротости, которая есть мать человѣчеству.

Легчайшимъ наказаніемъ служить можетъ: 1) заставлять ихъ одинъ или два часа, смотря по ихъ лѣтамъ, стоять на одномъ мѣстѣ ни на что не опираясь, 2) не пускать съ другими гулять; сіе весьма чувствительно дѣтямъ, ибо отъ природы не любятъ покоя и насилія, что и доказывается въ молодыхъ животныхъ, 3) дѣлать выговоръ наединѣ, побуждая къ раскаянію, 4) пристыживать публичнымъ выговоромъ, 5) хлѣбъ и вода на 12 или на 24 часа сносны для возраста отъ 5 до 10 лѣтъ, 6) смотря по ихъ возрасту заставлять и поститься, то есть, лишать завтрака, иногда и обѣда, но никогда не отъимать ужина...

Не приступая къ наказанію, надлежитъ всего прежде (а паче при перьвомъ и второмъ случаѣ) имѣть прибѣжище къ помянутому краткому сочиненію, и изъяснять на словахъ виноватому предписаніе касающееся до преступленія его. Отъ сего произойдутъ удивительныя дѣйствія, ибо, когда дѣтямъ нѣсколько разъ повторены будутъ предписанія, почувствуютъ они тогдажъ, что не по пустому воображенію, не по прихоти, и не по страсти, но праведно осуждаются отъ Начальниковъ своихъ, и наказываются силою Устава, которое особливую еще принесетъ пользу, а именно: питомцы, будучи въ дѣтствѣ, невидимо наставляются въ познаніи того, что праведно и неправедно. Своимъ разумомъ уже постигнутъ, какая страсть хулы достойна...

XIII. Разсужденіе о званіи, къ которому питомцовъ пріуготовлять должно.

Прежде изъясненія, къ чему сіи дѣти назначены, слѣдуетъ разсуждать,

---

[1]) Умѣть куръ, гусей и проч. водить и кормить; сыръ, масло, тварогъ дѣлать, и т. п.

[2]) По тому обряду, которой у нѣмцевъ въ домахъ Гаусгальтерины обыкновенно наблюдаютъ. Хотя все сіе у насъ еще не вездѣ употребляется; но отчаяватся не надобно, чтобы не вошло въ обыкновеніе отъ таковыхъ воспитанія способовъ, ибо всему потребно начало.

въ какое званіе жительства въ Имперіи, вышедши изъ сего Дома, себя опредѣлить могутъ съ пользою.

Извѣстно, что въ Государствѣ два чина только установлены, дворяне и крѣпостные: но какъ по привиллегіямъ, жалованнымъ сему Учрежденію отъ великодушной и премудрой Самодержицы нашей, воспитанники сіи и потомки ихъ вольными пребудутъ: то они слѣдовательно составятъ третій чинъ въ Государствѣ.

Не неприлично принять въ разсужденіе, какую жизнь они провождать могутъ въ семъ званіи, и какимъ образомъ себя между людьми впредь вести будутъ. Въ знатныхъ городахъ Имперіи находятся Фабрики, гдѣ употребляютъ въ дѣло всякую руду, ленъ, пеньку, конопли, шелкъ, хлопчатую бумагу и проч.

Кажется, что питомцы наши мужеска и женска пола, достигши искусства къ различнымъ таковымъ и до Комерціи касающимся заведеніямъ, при томъ получа воспитаніе сему званію приличное, удобно сыщутъ себѣ пропитаніе, вступя въ сообщество съ нынѣшними купцами, художниками, торговщиками и фабрикантами, и немало помогутъ имъ своимъ знаніемъ, къ чему совершенно пріуготовлены быть должны...

(Учрежденія и Уставы, касающіеся до воспитанія и обученія въ Россіи юношества обоего пола 1774 г. т. I, с. 78—118).

---

45. Уставъ воспитанія 200 благородныхъ дѣвицъ.

(Смольнаго института.)

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О воспитаніи вообще.

О ученіи.

5.

Надлежитъ имъ истолковать ясно по лѣтамъ и по нѣжности естественнаго сложенія, разсуждая и по незрѣлому ихъ уму, всѣ части Закона, то есть Катехизмъ, догматы православной Вѣры, и все, что касается до прямаго содержанія оной.

6.

Сверьхъ сего должно ихъ обучать Россійскому и чужестраннымъ языкамъ, дабы на оныхъ исправно читать, писать и говорить умѣли; Ариѳметикѣ, Географіи, Исторіи, Стихотворству, и отъчасти Архитектурѣ и Геральдикѣ, а въ Художествахъ наставлять Рисованію и Миніатурѣ, Танцованіе, Музыку вокальную и инструментальную. Шитье всякаго рода, Вязаніе и Плетеніе шелковое, нитяное, шерстяное и бумажное, а къ сему присовокупить надлежитъ и всѣ части Экономіи.

7.

Сверьхъ предписаннаго здѣсь вообще обученія Наукамъ и Художествамъ, третьяго возраста [1]) по двѣ дѣвицы ежедневно по очереди присматриваться должны на поварняхъ ко всѣмъ работамъ, какія на оныхъ отправляются, то есть, чтобъ могли онѣ знать всѣ подробности, касающіяся до домашней экономіи. Онѣ же должны 1) Сами сочинять щеты дневнымъ расходамъ, и показывать оныя Госпожѣ Учительницѣ съ своими на то примѣчаніями; 2) Чулки и прочей уборъ имѣть собственной своей работы, также и платье на себя имѣютъ шить сами изъ даваемыхъ матерій, что и о четвертомъ возрастѣ разумѣется; 3) Представлять между собою нѣкоторыя драматическія сочиненія нарочно для ихъ употребленія составленныя.

8.

Четвертаго же возраста [2]) дѣвицы повторяютъ ученіе свое почти одною

---

[1]) Отъ 12 до 15 лѣтъ.
[2]) Отъ 15 до 18 лѣтъ.

практикою, и вмѣсто того, что въ третьемъ возрастѣ ежедневно по двѣ присматриваются къ домашнимъ обрядамъ, въ семъ возрастѣ имѣютъ онѣ опредѣляться къ тому понедѣльно. Онѣ должны 1) Вести записку расходамъ, какіе бы ни были, донося объ оныхъ Госпожѣ Начальницѣ, также договариваться съ поставщиками о припасахъ, каждую субботу дѣлать расчетъ, и при себѣ платежъ производить, опредѣлять цѣну всякому товару по качеству онаго; и наипаче смотрѣть, чтобъ во всемъ наблюдаемъ былъ совершенной порядокъ и чистота; 2) Чтобъ возбудить въ дѣвицахъ прочихъ трехъ классовъ похвальную ревность, и придать сему отличной видъ, которой оно необходимо и имѣть должно; то употребится изъ сего возраста въ каждой день по двѣ къ обученію перьвыхъ классовъ дѣвицъ: ибо такимъ образомъ во перьвыхъ сами онѣ достигнутъ большаго совершенства, а при томъ и отъ Учительницъ тѣхъ классовъ, яко помощницы ихъ неминуемо съ отличностію почитаемы будутъ, а на конецъ отъ сей практики навыкнутъ за благовременно, какъ имъ будучи матерями обучать дѣтей своихъ, и въ собственномъ своемъ воспитаніи найдутъ себѣ великое вспоможеніе, въ какомъ бы состояніи имъ жить ни случилось.

9.

Для вящей своей пользы и взаимной забавы, дѣвицы, изображая подобіе одна другой, портретами или другими работами между собою дариться могутъ, также составлять на голосахъ и инструментахъ что ни есть новое. Въ перьвомъ случаѣ пріобрѣтутъ онѣ большое искусство въ рисованіи, а во второмъ въ музыкѣ.

10.

Послѣдней изъ четырехъ возрастовъ дѣвицъ по прямому перьвымъ почитаться долженствуетъ, поелику въ ономъ по достиженіи пятнатцати лѣтъ уже начинаютъ онѣ собирать плоды девятилѣтнихъ своихъ трудовъ, въ первыхъ трехъ возрастахъ понесенныхъ [1]). Онѣ въ разсужденіи мыслей, честнаго поведенія и благонравія почти уже все то пріобрѣли, что отъ добраго воспитанія зависитъ: по сему перьвыхъ трехъ классовъ дѣвицы отъ нихъ заимствовать имѣютъ примѣры высокаго совершенства, которое онѣ приближаясь къ часу своего выпуска уже неотмѣнно имѣть должны, наипаче содержать всегда въ твердой памяти, что отъ самаго юношества и до возраста пріучаемы были къ добродѣтелямъ, къ учтивости, ласковымъ и пріятнымъ разговорамъ, не токмо съ равными, но и съ самыми послѣдними, какогобъ званія кто ни былъ. Чрезъ такое доброе поведеніе и поступки при перьвомъ ихъ въ свѣтъ вступленіи учинятся онѣ отличными въ обществѣ; благоразумными жъ въ семъ возрастѣ размышленіями, воспитаніемъ подкрѣпляемыми, получать себѣ для переду какъ въ наукахъ, такъ и въ честномъ обхожденіи руководства. Однимъ словомъ, въ сіе время надлежитъ имъ стараться о пріобрѣтеніи всего, чего иногда къ совершенству ихъ воспитанія и обученія еще не достаетъ.

11.

Весьма натурально, чтобъ дѣвицы сего возраста чрезъ воспитаніе и полученныя въ наукахъ знанія пріобрѣтали себѣ должную честь и почтеніе; то по сему и отъ самыхъ Госпожъ Начальницъ справедливо предпочтены быть должны прочимъ, особливыми уваженіями. Перьвые же знаки отмѣнъ, принадлежащихъ имъ въ гражданскомъ обществѣ, состоять будутъ въ особливыхъ награжденіяхъ по досто-

[1]) Съ 6 лѣтъ.

инству и успѣхамъ каждой, какія Ея Императорское Величество Всемилостивѣйше опредѣлить, и въ Высочайшее Свое присутствіе жаловать изволитъ. А для большей привычки къ честному обхожденію, то есть, чтобъ придать дѣвицамъ надлежащую и приличную смѣлость въ поведеніяхъ, необходимо установить должно въ семъ Обществѣ по праздничнымъ или по воскреснымъ днямъ собранія для пріѣзжающихъ изъ города Дамъ и Кавалеровъ и другихъ почтительныхъ людей съ дозволенія Госпожи Начальницы. Сіи собранія назначены будутъ, одно для концерта дѣвицами составленнаго, другое для какой ни есть драматической или пасторальной игры ими жъ представляемой, а третіе для обыкновенныхъ собраній. При всѣхъ оныхъ дѣвицы двухъ послѣднихъ классовъ хозяйствуютъ, и стараются показать всѣмъ надлежащее удовольствіе, будучи украшеніемъ и пріятностію оныхъ, дабы чрезъ то навыкнуть могли къ непринужденному и учтивому поведенію, какое честной природѣ и доброму воспитанію особливо приличествуетъ, то есть, не имѣть застенчивости и въ случаѣ о всемъ пристойно и благородно изъясняться.

(Учр. и Уставы, т. II, с. 41—63).

---

46. Генеральное учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества.

(Составлено Бецкимъ).

Съ давнаго уже времени имѣетъ Россія Академію и разныя училища, и много употреблено иждивенія на посылку Россійскаго юношества для обученія наукамъ и художествамъ; но мало, буде не совсѣмъ ничего, существительныхъ отъ того плодовъ собрано.

Разбирая прямыя тому причины, не можемъ мы жаловаться на Провидѣніе и малую въ Россійскомъ народѣ къ наукамъ и художествамъ способность; но можно неоспоримо доказать, что къ достиженію того непрямые токмо пути избраны были, а чего со всѣмъ не доставало, о томъ со всѣмъ и помышляемо не было.

Изъ посланныхъ еще при Государѣ Императорѣ ПЕТРѢ Великомъ, дворяне съ хорошими возвратились успѣхами въ томъ, чему они обучаться назначены были; но по возвращеніи, имѣя путь и право къ большимъ чинамъ и заслугамъ, не могли они въ томъ упражняться.

Другіе, изъ подлости къ наукамъ взятые, также весьма скоро успѣвали въ оныхъ, но скоряе еще въ прежнее невѣжество и самое небытіе возвратились; отъ чего и людей такого состоянія, которое въ другихъ мѣстахъ третьимъ чиномъ или среднимъ называется, Россія до сего времени и произвести не могла.

Искусство доказало, что одинъ только украшенной или просвѣщенной науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямого Гражданина: но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, есть ли кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ, и твердо оныя въ сердце его не вкоренены; а небреженіемъ того и ежедневными дурными примѣрами привыкаетъ онъ къ мотовству, своевольству, безчестному лакомству и непослушанію. При такомъ недостаткѣ смѣло утвердить можно, что прямаго въ наукахъ и художествахъ успѣха, и третьяго чина людей въ Государствѣ ожидать, всуе себя и ласкать.

По сему ясно, что корень всему злу и добру Воспитаніе: достигнуть же послѣдняго съ успѣхомъ и съ твердымъ исполненіемъ не инако можно, какъ избрать средства къ тому прямыя и основательныя.

Держась сего неоспоримаго правила, единое токмо средство остается, то есть: произвести сперьва способомъ Воспитанія, такъ сказать, новую породу или новыхъ отцовъ и матерей, кои бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердце вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти предалибъ паки своимъ дѣтямъ; и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды въ будущіе вѣки.

Великое сіе намѣреніе исполнить, нѣтъ совсѣмъ инаго способа, какъ завести воспитательныя училища для обоего пола дѣтей, которыхъ принимать отнюдь не старѣе, какъ по пятому и по шестому году. Излишно было бы доказывать, что въ тѣ самые годы начинаетъ дитя приходить въ познаніе изъ невѣденія, а еще неразсудительнѣе вѣрить, яко бы по прошествіи сихъ лѣтъ еще можно поправить въ человѣкѣ худой нравъ, чемъ онъ уже заразился, и поправляя его, тѣ правила добродѣтелей твердо въ сердце его вкоренять, кои ему имѣть было потребно.

И такъ о воспитаніи юношества печися должно неусыпными трудами, начиная, какъ выше показано, отъ пятаго и шестаго до осьмнадцати и двадцати лѣтъ безвыходнаго въ училищахъ пребыванія. Во все же то время не имѣть имъ ни малѣйшаго съ другими сообщенія, такъ что и самые ближніе сродники хотя и могутъ ихъ видѣть въ назначенные дни, но не инако какъ въ самомъ училищѣ, и то въ присутствіи ихъ Начальниковъ. Ибо неоспоримо, что частое съ людьми безъ разбору обхожденіе внѣ и внутрь онаго весьма вредительно, а наипаче во время воспитанія такого юношества, которое долженствуетъ непрестанно взирать на подаваемые ему примѣры и образцы добродѣтелей.

(Учр. и Уставы Прилож. с. 1—5).

---

47. Письма Екатерины II къ смолянкѣ Левшиной.

Переводъ.

1. Черномазая Левушка! Я хотѣла садиться въ карету, когда получила твое пріятное письмо, и намѣрена была ѣхать прямо въ Монастырь тебя увидѣть; но извините, великой холодъ меня удержалъ; ибо я рѣзвлюсь поменьше твоего, по тому-то и нахожу тебя очень любезною. Однакожь въ семъ мѣсяцѣ воздухъ въ вашихъ большихъ коридорахъ для меня слишкомъ свѣжъ. Когда большіе морозы убавятся, я пріѣду на цѣлое послѣобѣденное время присутствовать при всѣхъ вашихъ различныхъ занятіяхъ, ежели мои то позволятъ; ибо и у меня оныя есть. Мой поклонъ всему обществу; обойми за меня, ежели вамъ будетъ то угодно, моихъ самыхъ старинныхъ знакомокъ сѣрыхъ сестрицъ [1]), скажи имъ, что мнѣ пріятно видѣть ихъ успѣхи во всѣхъ родахъ; это мое истинное удовольствіе. Я окажу имъ оное, пріѣхавъ когда нибудь вечеромъ, чтобъ подолѣе насладиться вашимъ обществомъ. — Мое почтеніе госпожѣ Лафонъ [2]), которой вы столько обязаны и которую столь нѣжно любите.

Екатерина.

2. Мнѣ кажется, сударыня, что мнѣ изъ письма вашего надлежитъ вывесть двоякое заключеніе: первое, что вы печальны, когда меня не видите, и напротивъ, что вы бываете очень веселы, когда меня видите. Ибо погода наклоняется къ дождю, къ унылости. Путешествіе въ Москву васъ огорчаетъ; признаки того видѣла я въ послѣднее наше свиданіе, а потому увернулась, чтобъ избѣжать злой пословицы, которая говоритъ: ежели

---

1) Такъ называютъ дѣвицъ, состоящихъ въ третьемъ возрастѣ, кои носятъ платье сѣраго цвѣта.

2) Начальницѣ.

одна женщина плачетъ, всѣ другія сдѣлаютъ тоже. Смотри, какъ свѣтъ не справедливъ и какъ насмѣхается надъ нашею чувствительностію. Однакожъ, сударыня, не плачьте о томъ, что меня годъ не увидите. Когда я возвращусь, и когда придетъ срокъ, я возьму тебя къ себѣ, и тогда смотри на меня досыта, и ворчи какъ придворная сорока. Поклонись г-жѣ Лафоншѣ, пожелай скораго возстановленія ея здоровья. Я желаю благополучія тѣлеснаго и душевнаго всѣмъ монастыркамъ. Замѣть, ежели угодно, что хотя я пишу не такъ хорошо, какъ ты, однакожъ лучше наблюдаю орфографію. *Екатерина.*

(Русскій Архивъ 1870 г. с. 530—540.)

X. Наказъ Екатерины II.

48. Наказъ Комиссіи о составленіи проекта Новаго Уложенія.

Глава II.

8. Россійскаго государства владѣнія простираются на 32 степени широты, и на 165 пять степеней долготы по земному шару.

9. Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ власть не можетъ дѣйствовать сходно со пространствомъ толь великаго государства.

10. Пространное государство предполагаетъ самодержавную власть въ той особѣ, которая онымъ правитъ. Надлежитъ чтобы скорость въ рѣшеніи дѣлъ изъ дальнихъ странъ присылаемыхъ награждала медленіе отдаленностію мѣстъ причиняемое.

11. Всякое другое правленіе не только было бы Россіи вредно, но и въ конецъ разорительно.

12. Другая причина та, что лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ.

13. Какій предлогъ самодержавнаго правленія? Не тотъ, чтобъ у людей отнять естественную ихъ вольность, но чтобы дѣйствія ихъ направити къ полученію самаго большаго ото всѣхъ добра.

14. И такъ правленіе къ сему концу достигающее лучше прочихъ, и при томъ естественную вольность мень-

Instruction...

Chapitre II.

8. Les possessions de l'Empire de Russie occupent sur le globe une étendue de 32 dégrés en latitude et de 165, en longitude.

9. Le Monarque de Russie est Souverain. Il n'y a qu'un pouvoir unique, résidant en sa personne, qui puisse agir convenablement à l'étendue d'un Empire aussi vaste.

10. Un grand Empire suppose une autorité souveraine dans la Personne qui le gouverne. Il faut que la promptitude des résolutions supplée à la distance des lieux où elles sont envoyées

11. Tout autre gouvernement, non seulement seroit nuisible à la Russie, mais il entraîneroit même, à la fin, sa ruine.

12. Joignez à cela qu' il vaut mieux obéir aux Loix sous un seul Maître, que de dépendre de plusieurs.

13. Quel est l'objet de la souveraineté? Ce n'est point d'ôter aux hommes leur liberté naturelle; c'est de diriger leurs actions vers le plus grand de tous les biens.

14. Or le gouvernement qui produit le plus efficacement cet effet, en limitant le moins la liberté naturelle, est

ше другихъ ограничивающее, есть то, которое наилучше сходствуетъ съ намѣреніями въ разумныхъ тваряхъ предполагаемыми, и соотвѣтствуетъ концу, на которой въ учрежденіи гражданскихъ обществъ взираютъ неотступно.

15. Самодержавныхъ правленій намѣреніе и конецъ есть слава гражданъ, государства и Государя.

16. Но отъ сея славы происходитъ въ народѣ единоначаліемъ управляемомъ разумъ вольности, который въ державахъ сихъ можетъ произвести столько же великихъ дѣлъ, и столько споспѣшествовать благополучію подданныхъ, какъ и самая вольность.

celui qui répond le mieux aux vues qu' on doit supposer dans des êtres raisonnables, et au but que les hommes se proposent constamment dans l'établissement des Sociétés civiles.

15. L'objet et le but d'un Gouvernement Monarchique est la gloire des Citoyens, de l'Etat et du Prince.

16. Et de cette gloire il résulte un esprit de liberté, qui, dans ces Etats, peut produire d'aussi grandes choses, et, peut-être, contribuer autant au bonheur des sujets que la liberté même.

Глава X.

О обрядѣ криминальнаго суда.

192. Вопросъ III. Пытка не нарушаетъ ли справедливости, и приводитъ ли она къ концу намѣреваемому законами?

193. Суровость утвержденная употребленіемъ весьма многихъ народовъ есть пытка производимая надъ обвиняемымъ, во время устроиванія судебнымъ порядкомъ дѣла его, или чтобъ вымучить у него собственное его въ преступленіи признаніе, или для объясненія противурѣчій, которыми онъ въ допросѣ спутался, или для принужденія его объявить своихъ сообщниковъ, или ради открытія другихъ преступленій, въ которыхъ его не обвиняютъ, въ которыхъ однако жъ онъ можетъ быть виновенъ.

194. 1) Человѣка не можно почитать виноватымъ прежде приговора судейскаго, и законы не могутъ его лишить защиты своей прежде, нежели доказано будетъ, что онъ нарушилъ оные. Чего ради какое право можетъ кому дать власть налагати наказаніе на гражданина въ то время, когда еще сомнительно, правъ ли

Chapitre X.

De la forme des Jugemens Criminels.

192. Question III. La Question ne blesse t'elle pas la Justice, et conduit elle au but que se proposent ses Loix?

193. Une des cruautés consacrées par l' usage de la plus grande partie des Nations, est la Question donnée à l' accusé pendant le cours de l'instruction de la procedure, ou pour tirer de lui l' aveu du crime, ou pour éclaircir les condradictions dans lesquelles il est tombé, ou pour le forcer à déclarer ses complices, ou pour découvrir d' autres crimes dont il n'est pas accusé et dont il pourroit être coupable.

194. (1) Un homme ne peut-être regardé comme criminel avant la sentence du Juge, et les Loix ne peuvent lui retirer leur protection, qu'après qu'il a été prouvé qu'il les a violées. Quel droit peut donc autoriser à infliger une peine à un Citoyen, lorsqu'on doute encore s'il est innocent ou coupable? Ce n'est pas un raisonnement bien

онъ или виноватъ? Не очень трудно заключеніями дойти къ сему соразсужденію. Преступленіе или есть извѣстное или нѣтъ. Ежели оно извѣстно, то не должно преступника наказывать инако, какъ положеннымъ въ законѣ наказаніемъ; и такъ пытка не нужна. Есть ли преступленіе не извѣстно, такъ не должно мучить обвиняемаго по той причинѣ, что не надлежитъ невиннаго мучить, и что по законамъ тотъ не виненъ, чье преступленіе не доказано. Весьма нужно безъ сомнѣнья, чтобъ ни какое преступленіе, ставши извѣстнымъ, не осталось безъ наказанія. Обвиняемый терпящій пытку не властенъ надъ собою въ томъ, чтобъ онъ могъ говорить правду. Можно ли больше вѣрить человѣку, когда онъ бредитъ въ горячкѣ, нежели когда онъ при здравомъ разсудкѣ и въ добромъ здоровьи? Чувствованіе боли можетъ возрасти до такой степени, что совсѣмъ овладѣвъ всею душею, не оставитъ ей больше ни какой свободы производить какое либо ей приличное дѣйствіе, кромѣ какъ въ то же самое мгновеніе ока предпріять самый кратчайшій путь, коимъ бы отъ той боли избавиться. Тогда и невинный закричитъ, что онъ виноватъ, лишь бы только мучить его перестали. И то же средство употребленное для различенія невинныхъ отъ виноватыхъ истребитъ всю между ними разность, и судьи будутъ такъ же неизвѣстны, виноватаго ли они имѣютъ предъ собою или невиннаго, какъ и были прежде начатія сего пристрастнаго распроса. По сему пытка есть надежное средство осудить невиннаго имѣющаго слабое сложеніе, и оправдать беззаконнаго на силы и крѣпость свою уповающаго.

difficile à saisir que celui-ci: Le délit est certain ou incertain. S'il est certain, il ne doit-être puni que de la peine fixée par la Loi, et la torture est inutile: Si le délit est incertain, on ne doit pas tourmenter l'accusé, par la raison qu' on ne doit pas tourmenter un innocent, et que, selon les Loix, celui-la est innocent, dont le crime n'est pas prouvé. Il est important sans doute qu'aucun crime connu ne demeure impuni: L'Accusé mis à la question n' est pas le maître de dire la vérité. Peut-on en croire un homme quand il rêve dans la fièvre chaude, plutôt qu'un homme qui est dans son bon sens et en santé. L'impression de la douleur peut croître à un tel dégré, qu'en occupant l'âme toute entière, elle ne lui laisse aucune liberté, aucune activité à exercer, que de prendre, au moment même, la voie la plus courte pour écarter la douleur. Alors l'innocent criera qu'il est coupable, pour faire cesser ses tourmens; et le meme moïen emploïé pour distinguer l'innocent et le criminel, fera évanouir toute différence entre eux; et les Juges seront aussi incertains s'ils ont devant eux un innocent ou un coupable, comme ils l' étoient avant cette opération. La torture est donc un sûr moyen de condamner les innocens foibles et d'absoudre les scélérats robustes.

195. 2) Пытку еще употребляютъ надъ обвиняемымъ для объясненія, какъ говорятъ, противурѣчій, которыми онъ спутался въ допросѣ ему учиненномъ: будто бы страхъ

195. (2) On applique un accusé à la Question pour éclaircir, dit on, les contradictions dans les quelles il tombe dans les interrogatoires qu'on lui fait subir; comme si la crainte du supplice,

казни, неизвѣстность и забота въ разсужденіи, такъ же и самое невѣжество, невиннымъ и виноватымъ общее, не могли привести ко противурѣчіямъ и боязливаго невиннаго и преступника ищущаго скрыть свое беззаконіе; будто бы противурѣчія толь обыкновенныя человѣку во спокойномъ духѣ пребывающему не должны умножаться при востревоженіи души, всей въ тѣхъ мысляхъ погруженной, какъ бы себя спасти отъ наступающей бѣды.

196. 3) Производить пытку для открытія, не учинилъ ли виноватый другихъ преступленій кромѣ того, которое ему не доказали, есть надежное средство къ тому, что бы всѣ преступленія остались безъ должнаго имъ наказанія; ибо судья всегда новыя захочетъ открыть: впрочемъ сей поступокъ будетъ основанъ на слѣдующемъ разсужденіи: ты виноватъ въ одномъ преступленіи; такъ можетъ быть ты еще сто другихъ беззаконій сдѣлалъ. Слѣдуя законамъ станутъ тебя пытать и мучить не только за то, что ты виноватъ, но и за то, что ты можетъ быть еще гораздо больше виновенъ.

197. 4) Кромѣ сего пытаютъ обвиняемаго, чтобъ объявилъ своихъ сообщниковъ.

Но когда мы уже доказали, что пытка не можетъ быть средствомъ къ познанію истины, то какъ она можетъ способствовать къ тому, чтобъ узнать сообщниковъ злодѣянія; безъ сомнѣнія показующему на самаго себя весьма легко показывать на другихъ.

Впрочемъ справедливо ли мучить человѣка за преступленіе другихъ? Какъ будто не можно открыть сообщниковъ испытаніемъ свидѣтелей на преступника сысканныхъ, изслѣдованіемъ приведенныхъ противъ него доказательствъ, и самаго дѣйствія случившагося въ исполненіи преступленія, и наконецъ всѣми способами

l'incertitude, l'embarras de se disculper, l'ignorance même commune aux innocens et aux coupables, ne pourroiet pas faire tomber en contradiction et la timide innocence, et le crime qui cherche à se cacher; comme si les contradictions, si ordinaires à l'homme tranquille, ne devroient pas se multiplier dans le trouble de l'âme absorbée toute entière dans la pensée de se sauver d' un danger si imminent.

196 (3) Donner la torture pour découvrir si un coupable a commis d' autres crimes que celui dont il est convaincu, c'est un moyen sûr pour que tous les crimes restent impunis; car le Juge en voudra toujours découvrir de nouveaux, et c'est d'ailleurs se conduire d'aprés le raisonnement suivant: tu es coupable d'un crime; donc il est possible que tu en aïe commis cent autres; les Loix te feront tourmenter non seulement parceque tu ès coupable, mais parceque tu peux être encore plus coupable.

197. (4) On donne la torture á un accusé pour découvrir ses complices. Mais si Nous avons prouvè qu'elle n'est pas un moyen de connoître la vérité, comment servira t'elle á faire connoître les complices? Certainement celui qui s'accuse lui-même, accusera les autres encore plus facilement. D'ailleurs estil juste de tourmenter un homme pour les crimes d'un autre? Comme si l'on ne pourroit pas découvrir les complices par l'éxamen des témoins qui ont été entendus contre le criminel, des preuves, du corps du délit, et enfin par tous les moyens qui ont servi á constater le crime de l'accusé

послужившими ко изобличенію преступленія обвиняемымъ содѣяннаго?

209. Вопросъ VI. Смертная казнь полезна ль и нужна ли въ обществѣ для сохраненія безопасности и добраго порядка?

210. Опыты свидѣтельствуютъ, что частое употребленіе казней никогда людей не сдѣлало лучшими. Чего для есть ли я докажу, что въ обыкновенномъ состояніи общества смерть гражданина ни полезна ни нужна, то я преодолѣю востающихъ противу человѣчества. Я здѣсь говорю: въ обыкновенномъ общества состояніи; ибо смерть гражданина можетъ въ одномъ только случаѣ быть потребна, сирѣчь, когда онъ лишенъ будучи вольности, имѣетъ еще способъ и силу могущую возмутить народное спокойство. Случай сей не можетъ имѣть мѣста, кромѣ когда народъ теряетъ, или возвращаетъ свою вольность или во время безначалія, когда самые безпорядки заступаютъ мѣсто законовъ. А при спокойномъ царствованіи законовъ, и подъ образомъ правленія соединенными всего народа желаніями утвержденнымъ, въ государствѣ противу внѣшнихъ непріятелей защищенномъ и внутри поддерживаемомъ крѣпкими подпорами, то есть силою своею и вкоренившимся мнѣніемъ во гражданахъ, гдѣ вся власть въ рукахъ Самодержца, въ такомъ государствѣ не можетъ въ томъ быть никакой нужды, чтобъ отнимать жизнь у гражданина.

Двадцать лѣтъ государствованія Императрицы Елисаветы Петровны подаютъ отцамъ народовъ примѣръ къ подражанію изящнѣйшій нежели самыя блистательныя завоеванія.

211. Не чрезмѣрная жестокость, и разрушеніе бытія человѣческаго производятъ великое дѣйствіе въ сердцахъ гражданъ, но непрерывное продолженіе наказанія.

212. Смерть злодѣя слабѣе можетъ воздержать беззаконія, нежели долго-

209. Question VI. La peine de mort est elle utile et nécessaire pour la sûreté et le bon ordre d'un Etat?

210. L'expérience montre que la profusion des supplices n'a jamais rendu les hommes meilleurs. Si donc je démontre que, dans l'ètat ordinaire de la société, la mort d'un Citoyen n'est ni utile ni nécessaire, j'aurai gagné la cause de l'humanité. Je dis, dans l'état ordinaire; car la mort d'un Citoyen peut être nécessaire en un cas; c'est lors que, privé de la liberté, il a encore des relations et une puissance qui peuvent troubler la tranquillité de la nation. Ce cas ne peut avoir lieu, que lorsqu'une Nation perd ou recouvre sa liberté, ou dans les tems d'Anarchie, lors que les désordres mêmes tiennent lieu des Loix. Mais pendant le régne tranquile des Loix, et sous une Forme de Gouvernement approuvé par les voeux réunis de la Nation; dans un état défendu contre les ennemis du dehors, et soutenu au dedans par la force et par l'opinion; où l'autorité est entre les mains du Souverain; il ne peut y avoir aucune nécessité d'ôter la vie á un Citoyen. Vingt années de règne de l'Impératrice Elizabeth donnent aux Péres des Peuples un éxemple plus beau que celui des plus brillantes conquêtes.

211. Ce n'est pas l'extrême sévérité de la peine, ni la destruction de l'être, qui fait le plus grand effet sur l'esprit des Citoyens; mais la durée de la peine.

212. La mort d'un scélérat sera un frein moins puissant du crime, que le

временный и непрерывно пребывающій примѣръ человѣка, лишеннаго своея свободы для того, чтобы наградить работою своею чрезъ всю его жизнь продолжающеюся вредъ имъ сдѣланный обществу. Ужасъ причиняемый воображеніемъ смерти можетъ быть гораздо силенъ, но забвенію въ человѣкѣ природному оный противустоять не можетъ.

Правило общее: впечатлѣнія во человѣческой душѣ стремительныя и насильственныя тревожатъ сердце и поражаютъ, но дѣйствія ихъ долго въ памяти не остаются. Чтобы наказаніе было сходно со правосудіемъ, то не должно оному имѣть большаго степени напряженія какъ только, чтобъ оно было довольно къ отвращенію людей отъ преступленія.

И такъ я смѣло утверждаю, что нѣтъ человѣка, который бы хотя мало подумавши могъ положить въ равновѣсіи, съ одной стороны преступленіе, какія бы оно выгоды ни обѣщало, а съ другой всецѣлое и со жизнію кончащееся лишеніе вольности.

long et durable exemple d'un homme privé de sa liberté, pour réparer par les travaux de toute sa vie, le dommage qu'il a fait á la société. La terreur que cause l'idée de la mort a beau être forte, elle ne résiste pas á l'oubli si naturel à l'homme. Règle générale: Les impressions violentes surprennent et frappent, mais leurs effets ne durent pas. Afin qu'une peine soit juste, elle ne doit avoir que le dégré d'intensité qui suffit pour éloigner les hommes du crime. Or je soutiens hardiment qu'il n'y a point d'homme qui, avec un peu de réfléxion, puisse balancer entre le crime, quelqu, avantage qu'il s'en promette, et la perte entière et perpétuelle de sa libertè.

Глава XI.

250. Гражданское общество, такъ какъ и всякая вещь, требуетъ извѣстнаго порядка. Надлежитъ тутъ быть однимъ, которые правятъ и повелѣваютъ, и другимъ, которые повинуются.

251. И сіе есть начало всякаго рода покорности. Сія бываетъ больше или меньше облегчительна, смотря на состояніе служащихъ.

252. И такъ когда законъ естественный повелѣваетъ намъ по силѣ нашей о благополучіи всѣхъ людей пещися, то обязаны Мы состояніе и сихъ подвластныхъ облегчать, сколько здравое разсужденіе дозволяетъ:

253. Слѣдовательно и избѣгать случаевъ, чтобъ не приводить людей въ неволю, развѣ крайняя необходимость къ учиненію того привлечетъ,

Chapitre XI.

250. La Société civile, de même que tout autre établissement, éxige un certain ordre. Il faut qu'il y ait des personnes qui gouvernent et qui commandent, et d'autres qui obéissent.

251. Voila l'origine de toutes les espèces de dépendances; elle est plus ou moins dure, suivant la condition de ceux qui obéissent.

252. Or puisque la Loi naturelle nous commande de contribuer, autant qu'il est en nous, au bien-être de tous les hommes, Nous sommes obligés de soulager la condition de ceux qui nous sont soumis, autant que la saine raison le permet.

253. Par conséquent d'éviter de réduire les hommes à l'état d'esclavage, à moins que la nécessité ne le demande absolument, et cela non pour

и то не для собственной корысти, но для пользы государственной; однако и та едва не весьма ли рѣдко бываетъ.

254. Какого бы рода покорство ни было, надлежитъ, чтобъ законы гражданскіе съ одной стороны злоупотребленіе рабства отвращали, а съ другой стороны предостерегали бы опасности могущія оттуда произойти.

255. Несчастливо то правленіе, въ которомъ принуждены установлять жестокіе законы.

256. Петръ Первый узаконилъ въ 1722 году, чтобы безумные и подданныхъ своихъ мучащіе были подъ смотрѣніемъ опекуновъ. По первой статьѣ сего указа чинится исполненіе а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася, не извѣстно.

257. Въ Лакедемонѣ рабы не могли требовать въ судѣ никакого удовольствія: и несчастіе ихъ умножалося тѣмъ, что они не одного только гражданина, но притомъ и всего общества были рабы.

258. У Римлянъ въ увѣчьи сдѣланномъ рабу не смотрѣли болѣе ни на что, какъ только на убытокъ причиненный чрезъ то господину. За одно почитали рану животинѣ нанесенную и рабу, и не принимали болѣе ничего въ разсужденіе, какъ только сбавку цѣны: и то обращалося въ пользу хозяину, а не обиженному.

259. У Аѳинянъ строго наказывали того, кто съ рабомъ поступалъ свирѣпо.

260. Не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ.

261. Законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества.

262. Окончимъ все сіе, повторяя правило то, что правленіе весьма сходственное съ естествомъ есть то, котораго частное расположеніе соотвѣтствуетъ лучше расположенію народа, ради котораго оно учреждается.

l'intérêt particulier, mais pour celui de l'Etat. Encore est-ce une question de savoir s'il arrive souvent que l'Etat en retire de l'avantage?

254. De quelque nature que soit la dépendance, il faut que les Loix civiles cherchent à en ôter, d'un côté, les abus, de l' autre les dangers.

255. C'est un malheur du gouvernement lorsqu'il se voit contraint de faire des Loix trop sévères.

256. Pierre I ordonna, par une Loi de l'Année 1722, que les insensés et ceux qui tirannisent leurs serfs seroient mis sous tutelle. Le premier paragraphe de cette Loi est suivi, mais on ignore pourquoi l' autre ne l'est pas?

257. A Lacédémone, les esclaves ne pouvoient avoir aucune justice. L'excès de leur malheur étoit tel, qu'ils n' étoient pas seulement esclaves d'un Citoyen, mais encore du public.

258. A Rome, quand il étoit question de blessures faites à un esclave, on ne considéroit que l'intérêt du maître. On confondoit la blessure faite à une bête et celle faite à un esclave; on n'avoit attention qu'à la diminution du prix; ce qui encore ne tournoit qu'au profit du maître, et non à celui de l'offensé.

259. A Athènes, on punissoit sévèrement celui qui éxercoit des cruautés à l'égard d'un esclave.

260. Il ne faut pas faire tout à coup, et par une Loi générale, un nombre considérable d'affranchissemens,

261. Les Loix peuvent favoriser le pécule des esclaves.

262. Finissons cet article en répétant le principe que le gouvernement le plus conforme à la nature est celui dont la disposition particulière se rapporte le mieux à la disposition du Peuple pour lequel il est établi.

263. При чемъ однако весьма же нужно, чтобы предупреждены были тѣ причины, кои столь часто привели въ непослушаніе рабовъ противъ господъ своихъ; не узнавъ же сихъ причинъ, законами упредить подобныхъ случаевъ нельзя, хотя спокойство однихъ и другихъ отъ того зависитъ.

Глава XII.

О размноженіи народа въ государствѣ.

265. Россія не только не имѣетъ довольно жителей, но обладаетъ еще чрезмѣрнымъ пространствомъ земель, которыя ни населены, ниже обработаны. И такъ не можно сыскать довольно ободреній къ размноженію народа въ государствѣ.

266. Мужики большою частію имѣютъ по двѣнадцати, пятнадцати и до двадцати дѣтей изъ одного супружества; однако рѣдко и четвертая часть оныхъ приходитъ въ совершенный возрастъ. Чего для непремѣнно долженъ тутъ быть какой нибудь порокъ или въ пищѣ, или во образѣ ихъ жизни, или въ воспитаніи, который причиняетъ гибель сей надеждѣ государства. Какое цвѣтущее состояніе было бы сея державы, есть ли бы могли благоразумными учрежденіями отвратить или предупредить сію пагубу!

269. Кажется еще, что новозаведенный способъ отъ дворянъ, сбирать свои доходы, въ Россіи уменьшаетъ народъ и земледѣліе. Всѣ деревни почти на оброкѣ. Хозяева не бывъ вовсе, или мало въ деревняхъ своихъ, обложатъ каждую душу по рублю, по два, и даже до пяти рублей, не смотря на то, какимъ способомъ ихъ крестьяне достаютъ сіи деньги.

270. Весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобъ

263. Il est très nécessaire cependant, en outre, de prévenir les causes qui ont occasionné si souvent les révoltes des serfs contre leurs maîtres; car si l'on ne connôit pas ces causes, il n' est pas possible d'obvier par des Loix à des cas pareils; quoi que la tranquilité des uns et des autres en dependent.

Chapitre XII.

De la Population.

265. La Russie, loin d' avoir assez d' habitans, possède une étendue immense de Païs, qui ne sont ni peuplés, ni cultivés. On n'y sauroit par conséquent trop favoriser la Population.

266. Nos Païsans, pour la plus part, ont douze, quinze et jusqu'à vingt enfans d'un seul mariage; mais rarement la quatrième partie parvient à l'âge viril. Il faut donc qu'il y ait un vice, ou dans leur nourriture, ou dans leur façon de vivre, ou dans l'Education, qui fasse périr cette espérance de l'Empire. Quel ne seroit pas l'état florissant de la Russie, si Nous pouvions, par de sages règlemens, empêcher ou prévenir cette perte!

269. Il semble encore que la nouvelle manière, que les Gentils-hommes de Russie emploïent pour percevoir leurs revenus, diminue la Population et l' Agriculture. Presque toutes les terres païent leur redevance en argent. Les Maîtres qui ne vivent point du tout, ou du moins rarement dans leurs terres, taxent chaque Païsan à un, à deux et jusqu'à cinq Roubles par tête; sans se mettre en peine par quel moyen le Païsan se met en état de païer cet argent.

270. Il seroit très nécessaire d'ordonner, par une Loi, aux Maîtres de règler

они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы, и тѣ бы поборы брали, которые менѣе мужика отлучаютъ отъ его дому и семейства. Тѣмъ бы распространилось больше земледѣліе, и число бы народа въ государствѣ умножилось.

271. А нынѣ иной земледѣлецъ лѣтъ пятнадцать дома своего не видитъ, а всякій годъ платитъ помѣщику свой оброкъ, промышляя въ отдаленныхъ отъ своего дому городахъ, бродя по всему почти государству.

272. При великомъ благополучіи государства легко умножается число гражданъ.

274. Вездѣ гдѣ есть мѣсто, въ которомъ могутъ выгодно жить, тутъ люди умножаются.

275. Но страна, которая податями столь много отягчена, что раченіемъ и трудолюбіемъ своимъ люди съ великою нуждою могутъ найти себѣ пропитаніе, чрезъ долгое время должна обнажена быть жителей.

276. Гдѣ люди не для иного чего убоги, какъ только, что живутъ подъ тяжкими законами, и земли свои почитаютъ не столько за основаніе къ содержанію своему, какъ за подлогъ къ удрученію, въ такихъ мѣстахъ народъ не размножается: они сами для себя не имѣютъ пропитанія, такъ какъ имъ можно подумать отъ онаго удѣлить еще своему потомству? Они не могутъ сами въ своихъ болѣзняхъ надлежащимъ пользоваться присмотромъ, такъ какъ же имъ можно воспитывать твари находящіяся въ безпрерывной болѣзни, то есть, во младенчествѣ? Они закапываютъ въ землю деньги свои, боясь пустить оныя въ обращеніе; боятся богатыми казаться; боятся, чтобъ богатство не навлекло на нихъ гоненія и притѣсненій.

278. Зло есть почти неисцѣлимое, когда обнаженіе государства отъ жителей происходитъ отъ долгихъ временъ по причинѣ внутренняго нѣко-

avec plus de discernement l' imposition des charges de leurs Païsans, et d' une manière qui les éloignat moins de leur maison et de leur famille L' Agriculture et la Population y gagneroient.

271. Au lieu qu' à présent, nombre de Cultivateurs restent éloignés des quinze années de leur maison, et rôdent presque par tout l' Empire, de ville en ville, pour tâcher de gagner par leur travail de quoi païer leurs charges.

272. Avec une grande félicité dans un état, le nombre des Citoyens s' y accroît aisément.

274. Partout où il se trouve une place où l' on peut vivre commodément, les hommes se multiplient.

275. Mais un Païs qui est si fort chargé d'impôts, que l 'industrie et l' activité n'y trouvent la subsistance que difficilement, doit se dépeupler à la longue.

276. Là où les hommes ne sont pauvres que parce qu'ils vivent sous des Loix dures, et qu'ils regardent leur champ moins comme le fondement de leur subsistance, que comme un prétexte à la véxation; dans ces contrées, dis-je, les hommes ne se multiplient pas. Ils n'ont pas même leur nourriture, comment pourroient-ils songer à en faire part à leur postérité? Ils ne peuvent se soigner dans leurs maladies, comment pourroient ils élever des créatures qui sont dans une maladie continuelle, savoir dans l'enfance? Ils enfouissent dans la terre leur argent; ils ont peur de le faire valoir; ils craignent de paroître riches, et que les richesses ne leur attirent de la persécution et des véxations.

278. Un mal presqu'incurable, c'est lorsque la dépopulation vient de longuemain, par un vice intérieur et un mauvais gouvernement. Les hommes ont

его порока и худаго правленія. Люди тамъ исчезли чрезъ нечувствительную и почти въ природу уже преобратившуюся болѣзнь: родившися въ уныніи и въ бѣдности, въ насиліи, или въ принятыхъ правительствомъ лживыхъ разсужденіяхъ, видѣли они свое истребленіе, часто не примѣтивъ причинъ истребленія своего.

péri par une maladie insensible et habituelle. Nés dans l'abattement et dans la misère, sous la violence, ou la règne de faux principes adoptés par le gouvernement, ils se sont vus détruire, souvent sans sentir les causes de leur destruction.

Глава XV.

О дворянствѣ.

358. Земледѣльцы живутъ въ селахъ и деревняхъ, и обработываютъ землю, изъ которой произрастающіе плоды питаютъ всякаго состоянія людей; и сей есть ихъ жребій.

359. Въ городахъ обитаютъ мѣщане, которые упражняются въ ремеслахъ, въ торговлѣ, въ художествахъ и наукахъ.

360. Дворянство есть нарицаніе въ чести, различающее отъ прочихъ тѣхъ, кои онымъ украшены.

361. Какъ между людьми одни были добродѣтельнѣе другихъ, а при томъ и заслугами отличались, то принято издревле отличить добродѣтельнѣйшихъ и болѣе другихъ служащихъ людей, давъ имъ сіе нарицаніе въ чести, и установлено, чтобъ они пользовались разными преимуществами основанными на сихъ выше сказанныхъ начальныхъ правилахъ.

Chapitre XV.

De la Noblesse.

358. Les Laboureurs vivent dans les hameaux et les villages, et cultivent la terre, dont le produit nourrit tous les états; voilà leur lot.

359. Les villes sont habitées par des Bourgeois, qui s'occupent des métiers, du commerce, des arts et des Sciences.

360. La Noblesse est un titre d'honneur qui distingue du commun des hommes ceux qui en sont décorés.

361. Comme parmi les hommes il y en a eu de plus vertueux les uns que les autres, et qui se sont fait un Nom par leurs mérites, il a été d'usage de tout tems de distinguer les plus vertueux, ainsi que ceux qui ont rendu le plus de services, en leur donnant ce titre d'honneur, et il a été réglé de les faire joüir de differens privilèges fondés sur les principes ci-dessus mentionnés.

Глава XX.

Правила весьма важныя и нужныя.

494. Въ толь великомъ Государствѣ распространяющемъ свое владѣніе надъ толь многими разными народами весьма бы вредный для спокойства и безопасности своихъ гражданъ былъ порокъ, запрещеніе или недозволеніе ихъ различныхъ вѣръ.

495. И нѣтъ подлинно инаго средства кромѣ разумнаго иныхъ законовъ

Chapitre XX.

Maximes, très Importantes, et très Nécessaires.

494. Dans un aussi grand Empire, et qui étend sa domination sur autant de Peuples divers, la faute la plus nuisible au repos et à la tranquilité de ses Citoyens seroit l'intolérance à l'égard de leurs différentes Religions.

495. Il n'y a même qu' une sage tolérance, avouée de la Religion ortho-

дозволенія, православною нашею вѣрою и политикою неотвергаемаго, которымъ бы можно всѣхъ сихъ заблуждшихъ овецъ паки привести къ истинному вѣрныхъ стаду.

doxe et de la Politique, qui puisse ramener ces brebis égarées au vrai troupeau des fidèles.

496. Гоненіе человѣческіе умы раздражаетъ, а дозволеніе вѣрить по своему закону умягчаетъ и самыя жестоковыйныя сердца, и отводитъ ихъ отъ заматерѣлаго упорства, утушая споры ихъ противные тишинѣ Государства и соединенію гражданъ.

496. La persécution irrite les esprits; la tolérance adoucit les coeurs les plus endurcis et les ramène de l'obstination la plus invétérée, en étouffant leurs disputes, contraires au repos de l'Etat et à l'union des Citoyens.

520. Все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорять, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однакожъ Мы думаемъ и за славу Себѣ вмѣняемъ сказать, что Мы сотворены для Нашего народа, и по сей причинѣ Мы обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ они быть должны. Ибо, Боже сохрани, чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какой народъ больше справедливъ, и слѣдовательно больше процвѣтающъ на земли: намѣреніе законовъ Нашихъ было бы не исполнено: несчастіе, до котораго Я дожить не желаю.

520. Tout ceci ne sauroit plaire aux flatteurs, qui disent tous les jours à tous les Princes de la terre que leurs peuples sont crées pour eux. Quant à Nous, nous croyons et Nous Nous faisons Gloire de le dire, que Nous sommes créée pour notre Peuple, et obligée, par cette raison de dire les chosestelles qu'elles doivent être. Car à Dieu ne plaise qu'après que les loix que nous nous proposons de faire établir seront achevées, il y ait une Nation plus juste et par conséquent plus heureuse sur la terre. Le but de nos Loix auroit été manqué, malheur auquel je ne souhaite pas de survivre!

(„Наказъ" Екатерины II, изд. Акад. Наукъ).

---

49. Черновой набросокъ XI главы Наказа.

Гражданское общество, такъ какъ и всякая вещь, требуетъ извѣстнаго порядка. Надлежитъ тутъ быть однимъ, которые правятъ и повелѣваютъ, а другимъ, которые исполняютъ. И сіе есть начало службы и подданства. Она бываетъ больше или меньше снесна, смотря на подчиненность служащихъ, сколь она безпредѣльна. И такъ когда законъ естественный повелѣваетъ намъ по силѣ нашей о благополучіи всѣхъ людей пещись какъ вообще, такъ и каждаго особливо, то обязаны мы состояніе служащихъ намъ облегчать сколько возможно, слѣдовательно и избѣгать случаевъ, чтобы не крѣпить людей въ рабство, развѣ гдѣ крайнею необходимостію и такъ сказать насильство къ учиненію того привлечетъ, и то не для особенной корысти, но развѣ общественная или государственная необходимость того требуетъ.

Два рода службы, одна существенная, другая личная, то есть крестьянство и холопство.

1) Существенная соединяетъ крестьянъ неразлучно съ участкомъ земли имъ данной. Такіе рабы были у германцевъ по описанію Тацита. Они не служили въ должностяхъ при домахъ господскихъ, а давали господи-

ну своему извѣстное количество хлѣба, скота, домашняго рукодѣлія и пр и далѣе ихъ подданство не простиралося. Такая служба и теперь введена въ Венгріи, въ Чесской землѣ и во многихъ мѣстахъ Нижней Германіи

2) Собственная служба или холопство сопряжено съ услуженіемъ въ домѣ и принадлежитъ больше къ лицу или къ особѣ.

Великое злоупотребленіе есть, когда холопство въ одно время и личное и существенное. Таковы были рабы (илоты) у Лакедемонянъ: на нихъ налагалися всѣ труды внѣ дому господскаго, и въ домѣ всякимъ нападкамъ они были подвержены.

Какого бы рода крѣпостные ни были, надлежитъ, чтобъ законы гражданскіе съ одной стороны злоупотребленіе искореняли, а съ другой стороны отвращали бы опасность, могущую отъ того произойдти.

Правительство должно стараться о томъ, чтобы крѣпостной имѣлъ пищу и одежду; и сіе надлежитъ учредить закономъ.

Законы должны и о томъ имѣть попеченіе, чтобы они въ болѣзняхъ и въ старости ихъ не были оставлены. Клавдій, Цесарь римскій, узаконилъ рабамъ, оставленнымъ во время ихъ болѣзни отъ господъ своихъ, быть свободнымъ, когда выздоровѣютъ. Сей законъ утверждалъ рабамъ свободу; но надлежало бы еще утвердить закономъ и сохраненіе ихъ жизни. Когда законъ дозволяетъ господину отнимать жизнь у своего раба или наказывать его жестокимъ образомъ, то сіе долженъ онъ употреблять какъ судья, а не какъ господинъ.

Надлежитъ, чтобы закономъ предписанъ былъ въ производствѣ дѣла сего порядокъ, по которому бы не оставалось никакого подозрѣнія о учиненіи рабу насилія. Когда въ Римѣ запрещено было отцамъ лишать жизни дѣтей своихъ, то правительство дѣлало дѣтямъ наказаніе, какое отецъ хотѣлъ предписать. Благоразумно было бы, есть ли бы въ разсужденіи господина и раба подобное введено было въ употребленіе.

Въ Россійской Финляндіи выбраные семь или осмь крестьянъ во всякомъ погостѣ составляютъ судъ, въ которомъ судятъ о всѣхъ преступленіяхъ. Съ пользою подобный способъ можно бы употребить для уменьшенія домашней суровости многихъ помѣщиковъ, или слугъ, ими посылаемыхъ на управленіе деревень ихъ безпредѣльное, что часто разорительно деревнямъ и народу и вредно государству, когда отъ нихъ удрученные крестьяне принуждены бываютъ лишиться неволею своего отечества побѣгами. Въ Англіи никто не можетъ быть осужденъ иначе, какъ двѣнадцатью особами ему равными, законъ, который можетъ воспрепятствовать сильно всякое мучительство и насилье...

Несчастливо то правленіе, въ которомъ владычествующіе принуждены установлять жестокіе законы. Причина сему, что повиновеніе сдѣлалось несноснымъ игомъ, такъ необходимо надлежало и наказаніе увеличить или сомнѣваться о вѣрности.

Благоразумный законодавецъ предостерегается сколь возможно отъ того несчастія, чтобъ не сдѣлаться законодавцемъ, страхъ и ужасъ наводящимъ. Для того, что рабы у римлянъ не могли полагать упованія на законы, то и законъ не могъ въ нихъ имѣть упованія. Но какой то народъ, въ которомъ законы гражданскіе противуборствуютъ праву естественному.

Былъ у грековъ законъ, по которому рабы, жестокостію господъ своихъ убѣжденные, могли требовать, чтобы они другому были проданы. Въ послѣднія времена былъ подобный законъ въ Римѣ: „господинъ, огор-

ченный противу своего раба, и рабъ противъ господина своего огорченный, должны быть разлучены". Сей законъ служилъ къ безопасности газайна и раба.

Петръ Великій узаконилъ въ 1722 г. чтобъ безумніе и подданныхъ своихъ мучащіе представить сенату для опредѣленіи таковымъ опекуновъ, первая статья сего указу слѣдуютъ, а послѣдняя безъ дѣйства осталась.

Законы Платоновы и многихъ другихъ народовъ отъемлютъ у рабовъ естественное защищеніе; и такъ надлежитъ имъ дать защищеніе гражданское. Въ Лакедемонѣ рабы не могли требовать въ судѣ никакого удовольствія за нападки и обиды имъ учиненныя. И несчастіе ихъ чрезмѣрно умножалось тѣмъ, что они не одного только гражданина, но при томъ и всего общества были рабы. У римлянъ въ обидѣ, сдѣланной рабу, не смотрѣли болѣе ни на что, какъ только на вредъ, причиненный чрезъ то господину. За одно почитали рану, животинѣ нанесенную и рабу, и не принимали болѣе ничего въ разсужденіе, какъ только уменьшеніе цѣны, и та обратилась въ пользу хазайну, а не обиженному. У аѳинянъ строго, а иногда и смертною казнію наказывали того, кто съ рабомъ поступитъ свирѣпо. Аѳинскій законъ благоразумно не хотѣлъ соединить лишенія безопасности съ лишеніемъ вольности.

Не должно вдругъ и черезъ узаконеніе общее дѣлать великаго число освобожденныхъ. Есть многіе способы почти нечувствительно вводить новыхъ гражданъ. Законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества и привесть ихъ въ такое состояніе, чтобъ они могли купить сами себѣ свободу. Законы могутъ опредѣлить уреченное время службы, въ законѣ Моисеевѣ ограничена на шесть лѣтъ служба рабовъ. Можно же установить, что на волю отпущеннаго человѣка уже болѣе не крѣпить никому, изъ чего та польза государственная выдетъ, что нечувствительно умножится гражданъ въ маленькихъ городовъ (sic). Также можно уврачевать худыя слѣдства при самомъ онаго корнѣ: великое число рабовъ находится при отправленіи разныхъ должностей, имъ поручаемыхъ (и уже отъ сохи безповоротно отлученныхъ). Перенести нѣкоторую часть сихъ званій на людей свободныхъ, напримѣръ торговлю, мореплаваніе, художества; чрезъ то уменьшится число невольныхъ людей. Надлежитъ, чтобъ законы гражданскіе положили точно, что рабы должны своему господину, или чтобъ уговоръ объ освобожденіи опредѣлилъ сей ихъ долгъ вмѣсто закона. Вразумительно всякому, что состояніе ихъ больше должно дать выгодъ въ союзѣ гражданскомъ, нежели въ союзѣ государственномъ.

Если государственная какая причина или польза частная не дозволяетъ въ нѣкоторыхъ державахъ сдѣлать земледѣльцевъ свободными, во опасеніи, чтобы земли не остались не оранными чрезъ ихъ побѣгъ, то можно сыскать средство, чтобъ такъ сказать къ землѣ привязать и утвердить на ней сихъ самыхъ земледѣльцевъ, оставляя имъ ихъ землю, самимъ и дѣтямъ ихъ также, на такъ долгое время, какъ они ее обрабатывать будутъ, по договору съ ними учиненному, за цѣну или дань, сходственную съ плодами той земли. Дѣти ихъ (въ случай множество сихъ), желая также имѣть въ своемъ владѣніи земли, причинятъ, что меньше будутъ пустыхъ земель; а сіе споспѣшествовало умноженію народа; отъ чего и господину и земледѣльцу слѣдуетъ очевидная прибыль.

Лифляндскій дворянинъ прозваніемъ Шульцъ недавно показалъ хоро-

шій примѣръ ревности и усердія къ отечеству, котораго похвалить должно: онъ роздалъ всѣмъ своимъ крестьянамъ уговорныя письма на владѣніе земли, которую каждый изъ нихъ обрабатывать долженъ. И лифляндское шляхетство, въ собраніи своемъ, бывшемъ въ мѣсяцѣ январѣ 1765 г., согласилось между прочимъ о трехъ, примѣчанія достойныхъ статьяхъ, которыя здѣсь прилагаются: 1) чтобъ стяжанія крестьянъ, въ ихъ движимомъ имѣніи, особливо въ нажитомъ ими самими, почитать за собственно крестьянамъ принадлежащее; 2) чтобъ работу и дань, отъ нихъ требуемую, какого бы онѣ роду ни были, точно опредѣлить, наблюдая при томъ и то, чтобы оныя были съ силами крестьянина сходственны; 3) чтобъ неумѣренности домашняго наказанія приличные положить предѣлы.

Въ сей третьей статьи вошли они въ самыя подробности и предписали не только число прутьевъ или палочекъ, но и ударовъ, котораго преступать никому не надлежитъ. Все сіе весьма будетъ полезно для уменьшенія суровства домашняго.

Окончимъ сей пунктъ, повторяя для поставленія того, что въ началѣ сказано, что правленіе весьма сходственное съ естествомъ есть то, котораго особенное расположеніе соотвѣтствуетъ лучше расположенію народа, для которое оно учреждается.

(Наказъ, изд. Ак. Наукъ. Введеніе. с. 34—40.)

---

50. Собственноручное черновое письмо Екатерины II къ д'Аламберу съ похвалами сочиненіямъ Монтескье.

(1765 г.)

Мнѣ былъ очень наставителенъ здравый разумъ, царствующій въ книгѣ подъ заглавіемъ: Объ уничтоженіи іезуитовъ во Франціи. Да соблаговолитъ небо, чтобы этотъ разумъ повсюду одерживалъ верхъ. Удивительно, что съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, только разумъ по большей части въ униженіи... Вамъ, государь мой, болѣе, чѣмъ всякому другому, слѣдуетъ поддержать вашимъ геніемъ разумъ, чтобы помочь ему проникнуть во мракъ, мѣшающій дѣлать успѣхи, которые приличествуютъ ему...

Довѣренность, выражаемая вами ко мнѣ въ письмѣ вашемъ отъ 15 апрѣля, даетъ мнѣ право обратиться къ вамъ съ такою просьбою. Какія бы ни были мои занятія, они не помѣшаютъ иногда мнѣ читать съ величайшимъ удовольствіемъ ваши письма и ваши сочиненія. Послѣднее изъ нихъ я читала посреди шумнаго общества тридцати трехъ тысячъ людей, съ которыми я живу пятый день въ лагерѣ. Это нисколько не занимательно для васъ, и потому я только сообщаю о томъ вамъ, какъ доказательство, что у меня всегда есть время для усвоенія знаній, которыя вамъ будетъ угодно сообщить мнѣ. Обѣщанное вами въ послѣднемъ письмѣ ожидаю съ великимъ нетерпѣніемъ.

Давно уже я собиралась писать къ вамъ, такъ какъ въ нѣкоторомъ родѣ состояла должною вамъ отвѣтомъ, и хотѣла присовокупить къ тому нѣкоторую тетрадь, но требуется время, чтобы сдѣлать ее разумною; притомъ же она еще не окончена. Если вы ее одобрите, то я тѣмъ останусь довольна. Вы изъ нея увидите, какъ тамъ я на пользу моей имперіи обобрала президента Монтескье, не называя его. Надѣюсь, что если бы онъ съ того свѣта увидалъ меня работающею, то простилъ бы эту литературную кражу во благо двадцати мильоновъ людей, которое изъ того послѣдуетъ. Онъ слишкомъ любилъ человѣчество, чтобы обидѣться тѣмъ; его книга служитъ

для меня молитвенникомъ. Вотъ, государь мой, образчикъ судьбы, которой подвергаются книги геніальныхъ людей: онѣ служатъ для благосостоянія человѣческаго рода...

(Сб. Р. И. О. т. X. с. 29—31.)

---

51. Мнѣніе о наказѣ, сочиненномъ Екатериной II, Александра Сумарокова, съ собственноручными замѣчаніями государыни.

От Александра Петровича Сумарокова [1]).

Когда все прочтется до конца, такъ можетъ забвенію много предаться; надобно не безмолвно слушать, но останавливаться по періодамъ. Для того предписано дважды читать.

Депутаты хотя и достойны отъ многихъ отличности, но не съ такими преимуществами, какія предписаны; ибо всѣ сыны отечества достойны подъ отличнымъ быти охраненіемъ.

И депутаты, равно какъ и прочіе, законамъ безо всякаго отличія подлежатъ; ибо правосудію изъятія нѣтъ. Сія работа требуетъ отмѣннаго ободренія духа.

Большинство голосовъ истины не утверждаетъ. Утверждаетъ мнѣніе великій разумъ и безпристрастіе. Большинство истину не утверждаетъ, а только показываетъ желаніе большинства.

Ежели кто за недозволеннымъ отсутствіемъ голоса своего лишится; такъ не онъ, но общество постраждетъ, ежели полезное его мнѣніе не примется послѣ.

И всякой слѣдовательно всякое дѣло остановитъ и выйдетъ хаосъ.

[1]) Всѣ выраженія, набранныя разбивкой, приписаны Императрицею Екатериною II между строкъ собственноручнаго подлинника извѣстнаго писателя Сумарокова.

Между крѣпостнымъ и невольникомъ разность: одинъ привязанъ къ землѣ, а другой къ помѣщику. Какъ это сказать можно, отверзите очи...

Служащіе должны имѣть пищу и одежду.

Всѣ имѣютъ, а предписать господамъ, какую пищу и какую одежду, нельзя.

Разница рубашка, разница кафтанъ.

Господинъ долженъ быть судья, это — правда; но иное быть господиномъ, а иное тираномъ; а добрые господа всѣ судьи слугамъ своимъ и отдать это лучше на совѣсть господамъ, нежели на совѣсть слугамъ. Богъ знаетъ: развѣ по чинамъ качества читать. Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя: скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ, и ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ; и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиками и крестьянами, ради усмиренія которыхъ потребны многіе полки, и непрестанная будетъ въ государствѣ междоусобная брань, и вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ и бываютъ зарѣзаны отчасти отъ своихъ. Вотчины ихъ превратятся въ опаснѣйшія имъ жилища; ибо они будутъ зависѣть отъ крестьянъ, а не крестьяне отъ нихъ. Не отъ роду. Въ другихъ государствахъ и въ Украйнѣ другое сему основаніе, а у насъ этого быть безъ отъятія помѣщичьяго покоя не можетъ. Мнѣ въ деревняхъ во вѣки не жить; но всѣ дворяне, а можетъ быть и крестьяне сами такою вольностію довольны не будутъ, ибо съ обѣихъ сторонъ умалится усердіе. А это примѣчено, что помѣщики крестьянъ, а крестьяне помѣщиковъ очень любятъ,

а нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій еще не имѣетъ, и имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи.

[Сб. Р. И. О. т. X. с. 75—86].

---

52. Записка Екатерины II на мнѣніе Сумарокова о Наказѣ.

Господинъ Сомороковъ хорошой поетъ но слышкомъ скоро думаетъ чтобъ быть хорошимъ законодавцомъ онъ связи давольной в мыслахъ не имѣетъ чтобъ критыкавать цѣпь и для того привязывается къ наружпости кольцовъ составляющей цепъ и находитъ что здѣсь или тамъ въ полирѣ ошибки есть которыхъ пароковъ онъ бы оставилъ, естьли бъ понѣлъ связу. двѣ возможности в семъ дѣлѣ есть возможность в рассуждении законодавца и возможность в рассужденіи подданыхъ или луче сказать тѣхъ для которыхъ законны дѣлаются, часта премая истинна в рассужденіи сихъ возможности должна употреблаема быть такъ чтобъ она сама себя вреда не нанесла, и болѣе отъ добра отвращеніе нежели привлеченіе не здѣлала.

[Наказъ Екатерины II-й. Введеніе с. 81].

XI. Комиссія 1767 года.

53. Открытіе Коммиссіи.

Когда депутаты собрались въ Москвѣ въ достаточномъ числѣ (до 460 человѣкъ), тогда сенатъ донесъ о томъ Императрицѣ, и вслѣдствіе сего послѣдовалъ на его имя указъ (объ открытіи Комиссіи 30 іюля)...

Въ исполненіе этого указа сенатъ обнародовалъ о назначенномъ къ открытію Коммиссіи днѣ и особыми повѣстками далъ знать съѣхавшимся въ Москву депутатамъ, чтобы они—въ тотъ день, въ 7 часовъ утра, собрались въ Чудовъ монастырь для шествія въ Успенскій соборъ къ слушанію литургіи и для учиненія присяги...

30 іюля князь Вяземскій (ген.-прокуроръ) пріѣхалъ въ Чудовъ монастырь ранѣе всѣхъ. Въ комнатахъ, которыя были тамъ отведены для съѣзда депутатовъ, сенатскіе экзекуторы указывали съѣзжавшимся депутатамъ мѣста и порядокъ, которому они должны были слѣдовать въ самомъ ходѣ.

Между тѣмъ Екатерина, въ императорской мантіи, въ малой коронѣ на головѣ, выѣхала изъ Анненгофа [1]) въ Кремль въ 10 часу.

Поѣздъ былъ торжественный. Шестнадцать парадныхъ экипажей, въ которыхъ помѣщались церемоніймейстеръ, придворные кавалеры великаго князя, камеръ-юнкеры, секретарь Государыни, полные генералы и гофмаршалы съ жезлами, ѣхали впереди. За ними шли гофъ-фурьеръ, камеръ-лакеи, лакеи и ѣхали верхомъ ѣздовые конюхи, ясельничій и полковникъ; потомъ шли скороходы, арапы и придворные гайдуки. Всѣ одѣты были въ богатыя придворныя ливреи.

Карета, въ которой сидѣла Екатерина, была запряжена въ 8 лошадей. Возлѣ кареты ѣхали верхомъ оберъшталмейстеръ, генералъ-адъютантъ, шталмейстеръ и генералъ-полиціймейстеръ. За каретою слѣдовалъ взводъ кавалергардовъ подъ командою ихъ шефа графа Григорія Григорьевича Орлова.

---

[1]) Головинскій дворецъ за Яузой (нынѣ кадет. корпусъ).

Въ слѣдъ за кавалергардами ѣхалъ въ каретѣ великій князь Павелъ Петровичъ; за ними слѣдовали оберъ-гофмейстерина, статсъ-дамы и фрейлины.

По прибытіи Императрицы въ Успенскій соборъ, началось шествіе депутатовъ. Впереди шелъ генералъ-прокуроръ съ маршальскимъ жезломъ, приготовленнымъ нарочно для сего случая и препровожденнымъ при указѣ 24 іюля. За ними шли депутаты, по два въ рядъ, въ началѣ отъ высшихъ правительственныхъ и отъ другихъ присутственныхъ мѣстъ. Потомъ слѣдовали депутаты по порядку губерній, въ которомъ эти послѣдніе распредѣлены были еще прежде. Старшинство между депутатами соблюдалось такое же какъ и при выборахъ ихъ въ губерніяхъ, т.-е. по времени, какъ они являлись въ сенатъ и тамъ были записаны. Сперва депутаты отъ дворянъ, потомъ отъ городовъ, за ними отъ однодворцевъ и прочихъ старыхъ службъ служилыхъ людей и поселянъ. Депутаты отъ казацкихъ войскъ занимали мѣста съ депутатами тѣхъ губерній, въ которыхъ войска эти имѣли жительство, и шли послѣ городскихъ депутатовъ...

Въ такомъ порядкѣ депутаты вошли въ соборъ, за исключеніемъ не исповѣдывавшихъ христіанской вѣры. Они остались внѣ храма...—

Когда депутаты вошли въ аудіенцъ-залу, Екатерина уже стояла на тронѣ, возлѣ котораго съ правой руки поставленъ былъ покрытый бархатомъ столъ и на немъ положены были Наказъ Коммиссіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія, Обрядъ управленія Коммиссіею и Генералъ-прокурорскій наказъ. По лѣвую сторону трона находился великій князь вмѣстѣ съ знатными и придворными лицами и чужестранными министрами; по праву сторону стояли оберъ-гофмейстерина съ статсъ-дамами, фрейлинами и прочими первыхъ двухъ классовъ знатными дамами. На второй ступени у трона стоялъ вице-канцлеръ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ.

Генералъ-прокуроръ, подойдя къ трону, доложилъ Императрицѣ, что онъ имѣетъ счастіе отъ имени сената представить Ея Величеству депутатовъ, собравшихся по ея повелѣнію изъ всѣхъ краевъ обширной ея державы.

Депутаты приблизились къ Государынѣ и митрополитъ Новгородскій Димитрій произнесъ рѣчь......

Послѣ сей рѣчи вице-канцлеръ князь Голицынъ, именемъ Императрицы, произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Господа депутаты! Ея Императорское Величество съ удовольствіемъ видитъ здѣсь нынѣ передъ престоломъ своимъ собранныхъ депутатовъ правительствъ Ея имперіи, и всѣхъ скипетру Ея подвластныхъ народовъ, въ слѣдствіе созвавшаго васъ Ея манифеста отъ 14 декабря 1766 года.

„Ея Императорскаго Величества матернему нѣжному къ своему народу сердцу весьма пріятно было усмотрѣть, съ какимъ усердіемъ принято сіе Ея повелѣніе во всякомъ родѣ людей, и что всѣхъ души соединилися въ томъ, чтобы своими представленіями споспѣшествовать великому тому дѣлу, для котораго имъ велѣно прислать васъ въ сію древнюю столицу......

„Начинайте сіе великое дѣло, и помните при каждой строкѣ онаго, что вы имѣете случай себѣ, ближнему вашему и вашимъ потомкамъ показать, сколь велико было ваше радѣніе о общемъ добрѣ, о блаженствѣ рода человѣческаго, о вселеніи въ сердца людское добронравія и человѣколюбія, о тишинѣ, спокойствіи, безопасности каждаго, и блаженствѣ любезныхъ согражданъ вашихъ.

„Вы имѣете случай прославить себя и вашъ вѣкъ, и пріобрѣсть себѣ по-

чтеніе и благодарность будущихъ вѣковъ.

„Отъ васъ ожидаютъ примѣра всея подсолнечныя народы; очи ихъ на васъ обращены. Слава ваша въ вашихъ рукахъ, и путь къ оной вамъ открытъ; отъ согласія вашего во всѣхъ сихъ полезныхъ отечеству дѣлахъ зависѣть будетъ и совершенность оныя...

„Идите къ сему съ миромъ".

Во время чтенія сей рѣчи Императрица вручила генералъ-прокурору Наказъ Коммиссіи, Обрядъ управленія ею и Генералъ-прокурорскій наказъ. Акты сіи подписаны были въ этотъ же день.

По окончаніи рѣчи вице-канцлера депутаты были допущены къ рукѣ Государыни; послѣ чего она возвратилась въ Анненгофъ.

Депутатамъ объявлено было, чтобы на другой день они собрались въ первое засѣданіе для выбора депутатскаго маршала.

(Д. Полѣновъ, Ист. свѣдѣнія о Комиссіи 1767 г., т. I, с. 34—40.)

---

54. Наказъ депутату изъ дворянъ Каширскаго уѣзда господину полковнику Ивану Ивановичу Маслову.

Манифестомъ Ея Императорскаго Величества декабря отъ 14 числа 1766 года самодержавною Ея Величества властію повелѣно дворянамъ избрать въ Коммисію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія депутата и прислать онаго въ столицу Ея Императорскаго Величества въ сенатъ, и мы, Каширскіе дворяне, по приложенному при томъ обряду, въ знакъ нашего всеподданническаго послушанія, избрали васъ депутатомъ; и находя въ васъ такія качества, какія въ томъ обрядѣ предписаны, даемъ вамъ повѣренность представлять наши всеподданическія прошенія, которыя состоятъ въ слѣдующихъ пунктахъ:

1. Всеподданически просимъ, чтобъ **воевода и его товарищъ**, или какъ оныхъ именовать повелѣно будетъ, **выбираемы** были отъ дворянства такимъ порядкомъ, какъ нынѣ депутаты избраны, изъ отставныхъ дворянъ нашего уѣзда, генералитетскаго и штабъ-офицерскаго чина, которымъ бы при сей должности не болѣе двухъ лѣтъ быть; по прошествіи которыхъ, если правленіемъ оныхъ довольны будемъ, въ чемъ получатъ отъ насъ аттестатъ, то всеподданнически просимъ Е. И. В. изъ материнскаго къ намъ милосердія наградить ихъ чинами.

2. Какъ нынѣ въ завладѣніи земель, порубкѣ лѣсовъ, пожатіи и потравленіи хлѣба, луговъ и прочихъ ссоръ разбираютъ дворянъ судомъ, котораго скоро окончать не можно, отъ чего небогатые помѣщики принуждены нести убытокъ, а иногда за долговременнымъ продолженіемъ суда и справокъ собственнаго своего лишаются; того ради всеподданнически просимъ, чтобъ повелѣно было градоначальнику вышеписанныя ссоры разбирать письменно и словесно по важности дѣла; въ случаѣ же необходимости и присягою. Въ разсужденіи обширнаго нашего уѣзда повелѣно бъ было учредить при немъ двухъ **уѣздныхъ судей** оберъ-офицерскаго чина, **выбираемыхъ** по **балотированію**, и одного землемѣра, знающаго ту науку, если не найдется изъ Каширскихъ дворянъ, то откуда повелѣно будетъ, для внутренняго размежеванія, которые помѣщики полюбовно разобраться не могутъ; ...онымъ же поручить искорененіе воровъ и разбойниковъ, для чего быть въ командѣ ихъ сотскимъ и десятскимъ, выбираемымъ въ деревняхъ изъ крестьянъ, также препровожденіе полковъ и командъ препоручить имъ, уѣзднымъ судьямъ, отъ которыхъ требуемые съѣ-

стные припасы и фуражъ повелѣно бъ было получать безъ всякаго притѣсненія съ заплатою по справочнымъ городовымъ цѣнамъ, и оные будутъ наблюдатели спокойства всего уѣзда; того ради повелѣно бъ было быть въ ихъ послушаніи и по нарядамъ все исправлять поселянамъ; напротивъ же, въ случаѣ ихъ несправедливыхъ нарядовъ и посяжки, по дружбѣ или злобѣ, а паче чего и неожидаемо, если изобличенъ будетъ уѣздный судья въ лихоимствѣ, положить штрафъ, какой повелѣно будетъ.

3. Изъ отставныхъ лейбъ-гвардіи штабъ- и оберъ-офицеровъ въ градоначальники, товарищи и уѣздные судьи, по ихъ чинамъ, повелѣно бъ было выбирать равно съ прочими.

4. Наблюдая Е. И. В. интересъ и ревнуя ко общей всего отечества пользѣ и спокойствію желаемъ и всеподданнически просимъ, чтобъ повелѣно было собирать изъ собственныхъ нашихъ доходовъ по числу мужеска пола душъ, считая съ каждой по три копѣйки; — изъ оныхъ опредѣлить на жалованье уѣзднымъ судьямъ и землемѣру, сколько повелѣно будетъ, ибо они въ штатъ не положены; а на оставшіе повелѣно бъ было учредить для дворянскихъ дѣтей, а паче тѣхъ, которые, по бѣдности, на своемъ囲 коштѣ обучаться не могутъ, школу, которая бъ подъ собственнымъ смотрѣніемъ градоначальника состояла. Въ оной школѣ обучать въ началѣ россійской грамотѣ и закону Божію, а потомъ ариѳметикѣ, геометріи, фортификаціи и нѣмецкому языку; чрезъ что обученные отечеству могутъ быть полезны.

(Всѣхъ пунктовъ 7). Подлинный подписали:

Коллежскій совѣтникъ Николай Юшковъ, — Секундъ-маіоръ Михайла Владычинъ, (и другіе, всего 23 чел.).

(Д. Полѣновъ. Ист. свѣдѣнія о коммиссіи, т. II, с. 484—7).

---

55. Наказъ депутату Дмитровскаго дворянства.

Второй пунктъ. О земскомъ судѣ.

Нужды и недостатки дворянства Дмитровскаго уѣзда по большей части состоятъ въ непрекращаемыхъ нынѣ долговременно ссорахъ и насильственныхъ поступкахъ между крестьянъ разныхъ владѣльцевъ; часто одни у другихъ луга покосятъ, лѣсъ порубятъ, другъ дружку ограбятъ отнятіемъ лошадей, косъ, топоровъ и прочаго подобнаго, однимъ словомъ, кто кого сильнѣе, тотъ того и притѣсняетъ; потому что производимый въ таковыхъ случаяхъ судъ, по приносимымъ жалобамъ, есть обрядъ весьма продолжительный и, можно сказать, почти безконечный...

Сему толь распространившемуся злу дворянство Дмитровскаго уѣзда не находитъ лучше средства воспрепятствовать и сей недостатокъ въ благосостояніи своемъ исправить, какъ прибѣгнувъ къ милосердому монаршему покровительству, испросить у Е. И. В. всемилостивѣйшаго учрежденія въ Дмитровскомъ уѣздѣ земскаго суда на нижеслѣдующемъ основаніи.

Дмитровскій уѣздъ содержитъ въ себѣ по подушному окладу, какъ извѣстно, сорокъ четыре тысячи душъ мужеска пола, поселенныхъ верстахъ на сто и далѣе; помѣщиковъ же въ ономъ находится больше трехъ сотъ, то разсуждается на таковомъ разстояніи быть надлежитъ четыремъ земскимъ судьямъ, изъ которыхъ каждому имѣть въ надзираніи своемъ по одиннадцати тысячъ душъ.

Оныхъ судей земскихъ ежегодно выбирать балотированіемъ всему дворянству изъ наличныхъ дворянъ Дмитровскаго уѣзда...

Все дворянство Дмитровскаго уѣзда должно собираться каждый годъ іюня 15 числа въ городъ Дмитровъ. Оное

время для того преимущественно избирается, что помѣщики обыкновенно въ деревняхъ своихъ тогда случаются, а между работною порою не отяготителенъ имъ будетъ сей съѣздъ; въ семъ случаѣ позволяется и дѣтей своихъ мужеска пола привозить въ собраніе, для пріученія ихъ къ разсужденіямъ о пользѣ общественной; но дѣти сами голоса не имѣютъ, кромѣ тѣхъ, которымъ отцы вѣрющія дадутъ письма; ежели оные не моложе двадцати пяти лѣтъ, таковыхъ, хотя еще и не владѣютъ своимъ имѣніемъ, выбирать въ предводители и земскіе судьи. Ежели который помѣщикъ не можетъ пріѣхать, для законной нужды, то по крайней мѣрѣ долженъ дать знать предводителю чрезъ письмо, что онъ не будетъ и на кого полагается въ выборѣ новаго предводителя и земскихъ судей.

Дворяне, съѣхавшись, могутъ взять отчетъ отъ земскихъ судей въ ихъ дѣлахъ, разсмотрѣть, ежели разсудятъ, журнальныя книги, когда въ какомъ случаѣ оное потребно будетъ, и письменныя свидѣтельства, хотя между сими свидѣтельствами и неминуемо случиться иногда быть онымъ не въ пользу земскаго судьи отъ недовольныхъ помѣщиковъ неправыхъ; но сіе не можетъ принести ни малаго предосужденія земскому судьѣ; все общество довольно будетъ проницательно, чтобы сообразить надлежащія къ тому обстоятельства и не утвердиться въ худомъ мнѣніи о земскомъ судьѣ по пристрастнымъ свидѣтельствамъ.

По разсмотрѣніи книгъ приступятъ къ выбору, чрезъ каждые два года, предводителя, а ежегодно земскихъ судей: по утвержденіи старыхъ или по выбраніи новыхъ, даютъ аттестатъ смѣненному предводителю и каждому судьѣ въ добропорядочномъ ихъ поведеніи, засвидѣтельствуя принадлежащую имъ отъ всего общества благодарность. Депутатъ же отъ дворянства Дмитровскаго уѣзда долженъ всеподданнѣйше испросить чрезъ высокоучрежденную Коммисію у Е. И. В. всемилостивѣйшаго узаконенія, чтобы таковые аттестаты, данные предводителю или земскому судьѣ отъ всего уѣзднаго дворянства, имѣли свою силу и во всякомъ государственномъ правительствѣ, дабы таковое отъ всего дворянства одобреніе могло иногда обратиться въ пользу одобреннаго дворянина, при опредѣленіи къ мѣстамъ и при всемилостивѣйшихъ награжденіяхъ.

По окончаніи выбора, дворянство не можетъ найти полезнѣе для себя упражненія, какъ взаимно сноситься въ домашнихъ своихъ распоряженіяхъ въ пользу деревенскаго хозяйства. Одинъ другому могутъ разсказывать о разныхъ опытахъ, чиненныхъ въ земледѣліи, о касающихся до деревенской пользы учрежденіяхъ и о полученныхъ успѣхахъ; могутъ другъ друга поощрять къ распространенію хлѣбопашества и къ учиненію новыхъ еще разныхъ опытовъ, разложа сами на себя произвольно одни опыты на нѣкоторыхъ помѣщиковъ, другіе опыты на другихъ; а дабы таковыя полезныя сношенія о деревенскихъ пользахъ имѣли болѣе успѣха, то слѣдуетъ, предписавъ предводителю законъ, чтобы при каждомъ собраніи дворянства, ихъ въ томъ, сколь возможно, соглашать, дабы они, въ виду общей пользы и для соотвѣтствованія материнскимъ намѣреніямъ всемилостивѣйшей Государыни, не отрекались жертвовать на сіе нѣкоторымъ временемъ и трудомъ.

Отъ земскихъ же судей и отъ предводителя, яко отъ достойныхъ сыновъ отечества, можно надѣяться, что они, во время своего управленія, не преминутъ сдѣлать многія примѣчанія, для сообщенія всему дворянству къ ихъ общей пользѣ.

Если который помѣщикъ будетъ въ чемъ нибудь утѣсненъ отъ воеводской канцеляріи, то можетъ прибѣгнуть къ предводителю, который долженъ въ таковыхъ случаяхъ быть ходатаемъ за каждаго, давая просителямъ одобрительныя свидѣтельства и напоминая воеводѣ о дѣлахъ...

Предводителя же и земскихъ судей долгъ, сверхъ положеннаго на нихъ дѣла, состоитъ еще и въ томъ, чтобы при общихъ собраніяхъ уговаривать каждаго дворянина обучать дѣтей своихъ разнымъ полезнымъ наукамъ и языкамъ; особливо стараться о наученіи дѣтей правильному знанію россійскаго языка, устремляясь общими силами къ должному соотвѣтствованію материнскому неусыпному попеченію Е. И. В. о благомъ воспитаніи юношества.

Уговаривать надлежитъ каждаго и въ томъ, чтобы дворовъ на сто, въ иномъ мѣстѣ одинъ помѣщикъ, въ другомъ разные помѣщики, сложась, содержали искуснаго учителя, для обученія по нѣскольку крестьянскихъ дѣтей грамотѣ и простымъ ариѳметическимъ правиламъ. Къ сему весьма склонять надлежитъ каждаго помѣщика, толкуя всякому, сколько больше пользы онъ можетъ надѣяться отъ грамотнаго крестьянина. Не для одной сохи крестьянинъ надобенъ государству, но и для разныхъ другихъ упражненій; грамота же пахать не помѣшаетъ, тѣмъ паче, что тѣ лѣта, въ которыя ребятъ можно грамотѣ обучать, пропадаютъ почти безъ всякой пользы.

При томъ же не худо напоминать дворянамъ и о томъ, сколько ихъ разоряетъ содержаніе множества излишнихъ дворовыхъ людей безполезныхъ; вмѣсто того, чтобы пахарь себя и человѣкъ десять кормилъ своимъ трудомъ, то дворового человѣка самого надлежитъ кормить, а еще содержаніе его стоитъ часто вдвое и втрое противъ пищи.

Сколько можно стараться надлежитъ уговаривать всѣхъ помѣщиковъ самимъ себѣ предписать законъ, чтобъ ни малаго куска земли не лежало ни у кого впустѣ; чего ради поручить земскимъ судьямъ надзираніе и надъ запустѣвшими мѣстами, о которыхъ они должны напоминать помѣщикамъ и прикащикамъ ихъ, изъясняя, сколько наблюденіе добраго земледѣлія нужно и полезно для самого помѣщика и для государства. Симъ средствомъ можно надѣяться, что мы, вмѣсто недостатка и дороговизны хлѣба, со временемъ великое количество онаго будемъ имѣть для отпуска за море; что можетъ обогатить помѣщиковъ, земледѣльцевъ и цѣлое вообще государство.

Все вышеписанное исполня, предводитель долженъ распустить всѣхъ дворянъ по домамъ.

Таковымъ или еще съ лучшими порядками учрежденнымъ земскимъ судомъ по благоизобрѣтенію высокоучрежденной коммисіи и по высочайшему монаршему соизволенію, Дмитровское дворянство надѣется увидѣть конецъ разныхъ здѣшнихъ безпокойствъ и утѣсненій къ не малой пользѣ хлѣбопашества и прочаго деревенскаго хозяйства и къ благоденствію сельскихъ жителей.

(Д. Полѣновъ, т. II, с. 500 сл.).

---

56. Наказъ Курскаго дворянства.

Въ силу манифеста Е. И. В., состоявшагося декабря 14-го 1766 г., къ сочиненію проекта новаго Уложенія выбранному Курскаго уѣзда штабъ и оберъ офицеры[1]) депутату, господину премьеръ маіору Петру, Александрову сыну, Стромилову—

Наказъ.

По силѣ манифеста Е. И. В., состоявшагося декабря 14-го 1766 г., Кур-

---

[1]) Творит. падежъ.

скаго уѣзда дворяны, штабъ и оберъ офицеры выбраны вы въ комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія въ депутаты. И препоручаемъ вамъ всенижайшія наши Е. И. В-ву, всемилостивѣйшей Государынѣ нашей, общія челобитья, представленія, также усмотрѣнные нами общіе недостатки и нужды, что и имѣете вы, въ той комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія со всеподданническими нашими прошеніи представя, просить высочайшаго Е. И. В. высокоматерняго пожалованья и узаконенья.

6. По Соборному 157 году Уложенію разбойнику, который убійства не учинилъ, за первый разбой смертной казни не положено, а положено оную чинить за два разбоя. Но какъ въ здѣшнихъ мѣстахъ разбои весьма умножились, не токмо по дорогамъ, но и пріѣзжая въ домы немалыми партіями, разбиваютъ и чинятъ хозяевамъ разныя мученія, между тѣмъ и смертныя убійства;—и такихъ пойманныхъ злодѣевъ въ приписныхъ городѣхъ пытать запрещено. То въ пресѣченіе онаго всеподданѣйше Е. И. В. просимъ, дабы узаконено было, разбойниковъ и за первый разбой, бивъ нащадно кнутомъ и обрѣзавъ ноздри до кости съ постановленіемъ на лбу и на щекахъ штемпелей, ссылать вѣчно въ каторжную работу и ссылку; и во искорененіе оныхъ и пристанодержателей ихъ сдѣлать таковое наистрожайшее учрежденіе и кому подлежитъ предписаніе, чрезъ что таковое злодѣйство всеконечно прекращено и искоренено быть могло. И таковымъ ворамъ и разбойникамъ пытки и указныя рѣшенія повелѣно бы было, для скорѣйшаго оныхъ рѣшенія, производить и въ приписныхъ городѣхъ.

7. По состоявшимся въ 723, 724 и 728 годѣхъ указамъ повелѣно подговорщикамъ, кои бѣглыхъ, подговоря, за рубежъ приводили, казнить смертію; а съ тѣми подговорщики, кои помѣщичьихъ людей и крестьянъ на побѣгъ подговариваютъ и проводятъ въ разныя великороссійскія и малороссійскія мѣста, а не за рубежъ, что чинить,—о томъ точнаго положенія нѣтъ. И хотя пойманные и явившіеся собою бѣглые люди и крестьяне, кѣмъ они были на побѣгъ подговорены, допросами своими въ канцеляріяхъ и показываютъ, но за сіе ихъ подговорщикамъ не токмо никакого наказанія не чинится, но и къ слѣдствію въ томъ они не сыскиваются, а опредѣляютъ по допросамъ бѣглыхъ только, чтобъ, съ кѣмъ надлежитъ, вѣдаться судомъ, чрезъ что оныхъ бѣглыхъ по таковымъ подговорамъ и умножается, а помѣщики ихъ отъ того претерпѣваютъ немалые убытки и розоренія. Въ пресѣченіе чего, всеподданнѣйше просимъ, чтобъ узаконено было впредь таковыхъ подговорщиковъ, по показанію пойманныхъ и явившихся собою бѣглыхъ людей и крестьянъ, къ слѣдствію сыскивать и, по изобличенію ихъ въ томъ на побѣгъ подговорѣ,—въ одни токмо великороссійскія и малороссійскія мѣста, а не за рубежъ, чинить имъ, подговорщикамъ, за то публичное наказаніе кнутомъ съ постановленіемъ на лбу и на щекахъ штемпелей; а если въ таковомъ же подговорѣ вторично явится, то онаго за вторичный подговоръ, бивъ кнутомъ же и обрѣзавъ ноздри до кости, отдать помѣщику по прежнему во владѣніе; а ежели помѣщикъ взять не пожелаетъ, то таковаго сослать вѣчно въ каторжную работу, съ зачетомъ въ рекруты; ктожъ изъ помѣщичьихъ людей и крестьянъ по таковымъ подговорамъ въ побѣгѣ окажутся, то и оныхъ, если помѣщики ихъ пожелаютъ, съ таковымъ же публичнымъ жестокимъ наказаніемъ отдавать помѣщикамъ или ссылать вѣчно въ каторжную работу, токмо съ зачетомъ же въ предбудущіе наборы въ рекруты; а за ру-

бежъ съ подговорщиками и бѣглыми туда—поступать по силѣ указовъ.

22. Дворянство, а особливо недостаточные, въ обученіи дѣтей своихъ арифметики и другихъ потребныхъ въ пользу себѣ и государству наукъ, кромѣ россійской грамоты, въ учителяхъ имѣютъ крайнюю нужду, и тѣхъ учителей, собственно чрезъ однихъ себя, для пользы всего общества, откуда бы получить, способа не находятъ, а имѣютъ усердную къ тому ревность. Сего ради, всеподданнѣйше просимъ, чтобъ по высокоматернему Е. И. В. къ намъ, вѣрноподданнымъ своимъ, милосердію, для обученія нашихъ дворянскихъ дѣтей означенныхъ наукъ, въ губерніяхъ и провинціяхъ и въ другихъ знатныхъ городахъ, усматривая, гдѣ дворянъ противъ прочихъ состоитъ довольнѣе, учреждены были учители, въ тѣхъ наукахъ искусные и рачительные, на казенномъ однихъ оныхъ учителей содержаніи, а дворянскіи дѣти, будучи при томъ обученіи по близости къ своимъ домамъ, могутъ себя содержать собственно отъ оныхъ своихъ домовъ, безъ употребленія на нихъ казеннаго кошта.

(Всѣхъ §§ 26).

(Сб. Р. И. О-ва т. 68, № 134, с. 534—553).

---

57. Наказъ тульскаго купечества депутату первой гильдіи купцу Ивану Давыдову сыну Зябреву.

1. Купечество повелѣть оставить въ собственномъ между собою учрежденіи и судебнымъ надъ купечествомъ мѣстамъ, какъ и нынѣ состоятъ, магистратамъ и при нихъ словеснымъ судамъ; и кромѣ оныхъ судебныхъ мѣстъ ни въ какой иной судъ ни подъ какимъ видомъ купечество не позывать; въ правинціалныхъ магистратахъ судьямъ быть изъ купечества: президенту, боргомистру и ратману, съ переменою по два года выбираемымъ балатированіемъ очередныхъ къ тому достойныхъ и пожиточныхъ, чему имѣть очередную книгу; приказныхъ служителей имѣть по общему магистрата съ купечествомъ избранію.

3. Во время рекрутскихъ наборовъ повелѣно бъ рекрутъ изъ купечества отдавать не принуждать, а весма потребно дать въ томъ купечеству волю, ежели оное по своему усмотрѣнію неспособныхъ быть въ купечествѣ представитъ къ отдачѣ въ рекруты, оныхъ принимать, ежелижъ, за неимѣніемъ таковыхъ, не пожелаетъ отдавать купецкихъ людей, то вмѣсто рекрутъ повелѣно бъ брать отъ магистратовъ денгами за каждаго по сту по двадцати рублевъ, или дозволить для отдачи въ рекруты людей покупать. Ежели жъ такой волности купечеству дано не будетъ, то отъ того оное будетъ умалятся и ослабѣвать, потому что когда публикованы бываютъ о рекрутскихъ наборахъ указы, то, послышавъ сіе, имѣющіеся въ купечествѣ малотяглые и другіе неспособные люди немедленно разбѣгаются и укрываются по неизвѣстнымъ и далнымъ мѣстамъ; за неимѣніемъ же таковыхъ, необходимо должно будетъ отдавать въ рекруты тяглыхъ людей и достойныхъ купцовъ, которые не токмо въ купечествѣ нужны, но и ко умноженію государственныхъ пошлинныхъ доходовъ по торгамъ своимъ полезны.

6. Купцамъ за бой и безчестье окладъ противъ прежняго въ Уложеньи повелѣнія повелѣть умножить: за безчестье первой гилдіи по сту рублевъ, второй по пятидесятъ, третьей по тридцати рублевъ человѣку; за бой и увѣчье платить, что монаршая власть узаконитъ, сверхъ того, на излѣченіе особливо; за умышленіе жъ нападателя наказать на тѣлѣ, чтобъ по дворянствѣ передъ прочими разночин-

цами купечество имѣло преимущество.

8. Купечеству весма потребно для домовыхъ нуждъ имѣть крѣпостныхъ беземельныхъ людей по три человѣка мужеска пола на каждой домъ, а женска по препорціи числа онаго. И для того оное число людей купцамъ покупать и на нихъ крѣпости на свои имена писать повелѣноб дозволить; и въ вѣдомствѣ имъ судомъ и расправою, въ силу 725 году, декабря 13 дня, указа, въ магистратахъ и ратушахъ; тожъ и подушныя за нихъ платить отъ тѣхъ же командъ; повелѣноб дать купцамъ вольность изъ оныхъ неудобныхъ продавать и въ рекруты отдавать, а намѣсто ихъ покупать иныхъ.

20. Фабрики и въ городахъ лавки и постоялые дворы и прочiи промышленныя строенія имѣть единому купечеству, а разночинцамъ, какъ крестьянамъ и въ здѣшнемъ городѣ оружейнымъ мастерамъ, такъ и другимъ, ктобъ какого званія ни былъ, оными владѣть и торговые промыслы ни подъ какимъ видомъ, какъ многими указами подтверждено, производить, также въ откупы и въ подряды допускать запретить и никакого ремесла и промысла, что до купечества принадлежитъ, въ городѣхъ и на ярмонкахъ какъ собою, такъ и подъ купецкимъ именемъ имъ не имѣть, а доволствоватца купечеству, кое отъ того единаго весь свой достатокъ и содержаніе имѣетъ и изъ того платитъ подушныя денги и прочіе поборы. И у всѣхъ тѣхъ разночинцовъ, кто въ купеческое право будетъ вмѣшиватца, за то повелѣть магистратамъ конфисковать промышленныя ихъ строенія и товары; и для того единственно узаконить, чтобъ каждый чинъ во всемъ государствѣ, по собственному званію своему, свою должность исправлялъ и въ право купеческое ни подъ какимъ образомъ не вступалъ, что и священное правило повелѣваетъ, кто въ какой чинъ позванъ, въ томъ да пребываетъ.

28. Во всей Россійской Имперіи никакихъ промысловъ и товаровъ, хотябъ оное было и казенное, въ манополію отдачи не чинить, а повелѣноб тому быть въ волности купечеству...

(Всѣхъ §§ 37. Подписей больше 300).
(Сб. Р. И. О. т. 93, с. 95—109).

---

58. Крестьянскіе наказы.

1). Наказъ Кайгородскаго уѣзда отъ крестьянъ.

1767 года іюня дня Кайгородскаго уѣзда повѣренный, Кондратій Петровъ сынъ Русановъ, писменно отдаю провинціалнаму депутату, дабы сей представить могъ о нашихъ крестьянскихъ нуждахъ и недостаткахъ, гдѣ надлежитъ.

1. Въ Кайгородскомъ уѣздѣ пашенныхъ земель недоволно, которыя есть— всѣ состоятъ на малыхъ участкахъ положеніемъ на скатѣ, а кругомъ нашихъ пашенныхъ земель хотя и состоятъ лѣса, но понеже на мокрыхъ мѣстахъ и на болотахъ, что никогда не высыхаютъ, и за тѣмъ въ прибавокъ расчищать подъ пашенную землю неспособно.

2. На пашенную землю насѣянный озимовый и яровой хлѣбъ противъ посѣва приплодовъ бываетъ недостаточно, потому что земли не хлѣбородныя, и когда бываютъ дожди, то отъ налитія въ водоноскихъ мѣстахъ вымокаетъ, и отъ раннихъ морозовъ вызябаетъ. И отъ того по многіе годы своего урожая хлѣба остается на пропитаніе съ нуждою и то до вешнихъ временъ, а до вновь зрѣлаго и поспѣвшаго онаго своего хлѣба не достигаетъ. И отъ того многіе пропитаніе себѣ имѣютъ съ нуждою, хлѣбъ пополамъ съ колосомъ и съ толченою

соломою, а протчіе имѣютъ куколь и пихтовую кору и протчее быліе. И сего 767 года зимнимъ путемъ муку ржаную покупали у проѣзжающихъ по дватцати по пяти копѣекъ пудъ и дороже, а къ лѣтнему времени, въ небытность у крестьянъ своего уражаемаго хлѣба на пропитаніе, зимнимъ путемъ, какъ хлыновскими, такъ и слободскими купцами, къ продажѣ муки ржаной ни одного пуда не поставлено, и на пропитаніе покупать не отъ кого.

3. Въ нынѣшнюю новую перепись написано въ вышепоказанномъ уѣздѣ мужескаго пола три тысячи триста шестдесятъ одна душа. Изъ того числа которые нужные за скудостью, не имѣя себѣ пропитанія, разошлись по разнымъ заводамъ, для черной работы къ пропитанію. Да изъ вышеписаннаго-жъ разными случаями померло немалое число, также имѣется въ показанномъ числѣ написанія душъ престарѣлыхъ, слѣпыхъ, безпомощныхъ и малолѣтныхъ, безотческихъ дѣтей, скитающихся по міру нищенскимъ образомъ немалое жъ число, которые и къ платежу подушныхъ денегъ не способны. И за оныхъ, какъ подушныя деньги, такъ и всякіе государственные доходы, платятся изъ міра, раскладываются на имѣющихся въ томъ Кайгородскомъ уѣздѣ по крестьянамъ, а оные крестьяне всѣ маломочные и скудные, не точію накладныя души, но понеже и со своихъ написныхъ душъ платятъ съ великимъ изнеможеніемъ.

4. Изъ Кайгорода, какъ трактомъ повелѣвается, на долгихъ ямахъ ямскую гонку отправляемъ по тремъ дорогамъ, разстояніемъ: по первому до Соликамской двѣсти пятдесять, по второму до Сесвятскаго яму сто семдесять, по третьему къ Устюгу Великому Яренскаго уѣзда до Кайгородской волости сто сорокъ пять верстъ. И для оныхъ ямовъ по прежнимъ грамотамъ опредѣлены были Хлыновскаго и Слободскаго уѣздовъ разные станы и волости къ Кайгородскому уѣзду для вспоможенія, указное число душъ; но точію, какъ въ ямской гонкѣ, такъ и къ починкѣ мостовъ, и понынѣ вятскихъ опредѣленныхъ душъ не присылается, и вспоможеніе не чинится.

5. Да по многіе жъ годы конскій и скотскій падежъ бываетъ, и отъ того падежа, и отъ хлѣбнаго недостатка, также и отъ ямской гонбы, а особливо за прописныхъ и утаенныхъ съ прежней 1744 года ревизіи, и по нынѣшней 1767 года намножилось подушной доимки осмнадцать тысячъ девятсотъ пять рублевъ девяносто двѣ копѣйки. И за взысканіемъ показанной доимки изъ слободской воеводской канцеляріи посылаются оберъ офицеры и всякаго званія чина служивые люди, и въ Кайгородскомъ уѣздѣ въ волостяхъ имѣются безвыѣздно и взыскиваютъ показанную доимку съ крѣпкимъ неупустительнымъ принужденіемъ безъ упущенія. И того уѣзда крестьянамъ привелось распродавать свой весь имѣющійся экипажъ, яко то есть лошадей и рогатаго скота и всякаго, за принужденіемъ, по малой цѣнѣ, и за показанную доимку платить. Но точію, хотя и весь распроданъ имѣетъ быть экипажъ, но понеже и на треть вышепоказаннаго числа доимки къ платежу не отыщится.

6. Въ показанномъ Кайгородскомъ уѣздѣ, которыя волости состоятъ на болшой Сибирской дорогѣ, и по которой слѣдуютъ изъ Москвы въ Сибирь или изъ Сибири въ Москву штабъ и оберъ офицеры и всякаго званія чина служивые люди, И во время проѣзда того на пропитаніе себѣ и своимъ собственнымъ лошадямъ берутъ всякіе припасы безъ платежа денегъ насилно. И за вышеприсанными нуждами и недостатками Кай-

городскаго уѣзда крестьяне пришли въ самое крайнее отягощеніе и скудость.

Наказъ подписанъ отъ имени крестьянъ Кайгородскаго уѣзда.

(Сб. И. Р. И. О-ва. т. 115, № 72, с. 230-2.)

2). Наказъ Кунгурскаго уѣзда разныхъ острожковъ, селъ и деревень отъ приписныхъ къ партикулярнымъ заводамъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ.

1767 года мая 24 дня Казанской губерніи, Пермской провинціи, Кунгурскаго уѣзда разныхъ острожковъ, селъ и деревень, приписныхъ къ партикулярнымъ заводамъ, государственныхъ черносошныхъ крестьянъ уѣздный повѣренный того жъ Кунгурскаго уѣзда села Комарова изъ крестьянъ, Яковъ Еремѣевъ сынъ Падласовъ, по данной мнѣ Кунгурскаго уѣзда отъ погостныхъ повѣренныхъ доверности, препоручилъ выбранному изъ уѣздныхъ повѣренныхъ, по присяжной должности, провинціалному депутату Кунгурскаго уѣзда приписныхъ же къ партикулярнымъ заводамъ, села Крыласова, изъ крестьянъ Федору Федорову сыну Полежаеву, по данному жъ ему отъ насъ, уѣздныхъ повѣренныхъ, полномочію, нижеписанныя наши нужды и отягощенія представить, гдѣ надлежитъ.

1. А именно: Помянутаго Кунгурскаго уѣзда крестьяне всѣ, какъ съ начала заведенія Пермскихъ, Ягошихинскаго, Мотовилихинскаго, двухъ Юговскихъ мѣдиплавильныхъ, и одного Сылвинскаго желѣзодѣлателнаго, такъ и партикулярныхъ директоровъ: Петра Иргинскаго и Бизярскаго Ивана, Осокиныхъ, Юговскаго и Кавашинскаго, дворянъ Демидовыхъ; Суксунскаго, Бымовскаго и Сергинскихъ заводовъ, приписаны къ онымъ, и какъ во время казеннаго Ягошихинскаго, Мотовилихинскаго, Юговскихъ и Сылвинскаго до 1758 и 1760 годовъ, а съ тѣхъ годовъ, по отдачѣ въ партикулярное содержаніе оныхъ заводовъ его сіятелству графу Роману Ларіоновичу Воронцову, Ивану Григорьевичу Чернышеву, Сергѣю Павловичу Ягужинскому до 1761 года, — за подушный окладъ по одному рублю по 12 копѣекъ съ четвертью за душу всякими заводскими работами по нарядамъ зарабатывали.

2. А съ того 1761 года, подушнаго оклада на насъ, нижайшихъ, прибавлено по 60 копѣекъ на душу, и того съ прежними, по рублю по 70 по 3 к. съ половиною также заводскими работами и по сіе время съ великимъ отягощеніемъ и разореніемъ зарабатываемъ.

3. А за ту заводскую работу оплата намъ, нижайшимъ, отъ заводосодержателей производится за нижеписанныя работы; а именно: за рубку куренныхъ дровъ по двадцати по пяти копѣекъ за сажень. А сажень, мѣрою въ длину 14 аршинъ, въ высоту 7, полѣно длиною, кромѣ востряка, 7-жъ четвертей. За клажу, дерненіе, осыпку, сженіе и разломку 20-саженной кучи по 3 рубля по 40 коп. За возку угля, со свалкой и нагребкой, и поденные на версту не положено. За поставку смолы по 3 коп. и по 3/4, за деготь по 3 съ пол. коп. за ведро. За поторжныя работы, за зимніе мѣсяцы пѣшему по 4, конному по 6; за лѣтніе пѣшему по 5, конному по 10 коп. на день.

4. А мы, нижайшіе крестьяне, иногда за изнеможеніемъ своимъ, то есть: по неимѣнію у иныхъ лошадей, другіе за болѣзнями и одиночествомъ, и за другими законными необходимыми нуждами, для зарабатыванія, за подушный окладъ, на заводы нанимаемъ волныхъ изъ своихъ уже денегъ и къ плакатной цѣнѣ придаемъ. А именно за рубку куренныхъ

дровъ на одну сажень по 20 по 5 и по 30 по 5 коп. За клажу, осыпку, сженіе и разломку 20 саженной кучи по 9 рублевъ, за возку угля, въ какомъ бы разстояніи оный не былъ, на каждую версту по $1^1/_2$ коп. съ короба. Запоторжныя работы въ зимніе дни пѣшимъ по 5, коннымъ по 9, въ лѣтніе пѣшимъ по 7, коннымъ по 10 коп. на день. А смолу и деготь покупаемъ, которые отъ заводовъ разстояніемъ не менѣе 300 верстъ, каждое ведро по 20 коп., и на заводы сами собою поставляемъ, а за провозъ платы никогда не получаемъ.

5. Къ тому жъ въ расположеніи на насъ бываетъ поставка на заводы разныхъ лѣсныхъ припасовъ и возка рудъ, коимъ плакатная цѣна положена самая малая жъ, а поставлять оныя наймуемъ волныхъ, коимъ отъ себя, сверхъ плакатной цѣны, отдаемъ въ прибаву втрое. Еще жъ полагается на приписныхъ къ Ягошихинскому и Мотовилихинскому его сіятелства графа Романа Ларіоновича Воронцова заводахъ, съ Ягошихинскаго на Висимскій заводъ сверху Камою рѣкою по водяной кумумоніации (sic) поставка мѣдныхъ рудъ; то оныя, за недачею отъ заводосодержателей судовъ, поставлять наймуютъ волныхъ тѣхъ, у кого принадлежащія къ той поставкѣ руды имѣются суда и снасти. Къ выдаваемой отъ конторы платѣ за каждую тысячу пудовъ, по 5 рублевъ по 70 по 3 съ четвертью коп., отъ себя отдаемъ въ прибавокъ по 5 рублевъ по 30 по 7 коп.

6. При отправленіи написанныхъ заводскихъ работъ, отъ заводосодержателей инструментовъ, которые и къ какой работѣ принадлежатъ, яко то: при рубкѣ дровъ топоровъ, при клажѣ, осушкѣ, сженіи и разломкѣ кучъ—саней, лопатокъ, желѣзныхъ ведеръ и ушатовъ, а при возкѣ угля саней же, короба и протчаго, а при возкѣ жъ песку и рудъ, тожь саней и ящиковъ—давано никогда не бывало, которое употреблялось все наше, бѣдныхъ крестьянъ. Также за прохожіе дни до показанныхъ заводовъ намъ, нижайшимъ, зачету и платы никаковой и никогда не бывало. А тѣ заводы отъ приписныхъ крестьянъ разстояніемъ состоятъ Ягошихинскій и Мотовилихинскій отъ ближнихъ во сто, отъ далнихъ во сто сорока; Юговскіе отъ ближнихъ въ сорока и до ста десяти, Сылвинскій въ 70, дворянина Демидова Сергинскіе во 170 и до 220 верстахъ.

7. Крестьяне въ заводскія работы наряжаемы бываютъ къ рубкѣ куренныхъ дровъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, а въ оное время въ крестьянствѣ происходитъ посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ; ко клажѣ, дерненію, осыпкѣ кучъ, къ пріиску и разработкѣ рудъ и въ протчія поторжныя работы въ іюнѣ мѣсяцѣ, а въ то время происходитъ земледѣльство къ пріуготовленію для посѣва зимового хлѣба; къ сженію, къ разломкѣ кучъ и къ пріиску жъ рудъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ кое время у крестьянъ состоитъ самое страдное время, то есть убраніе съ полей хлѣбовъ и протчее. И тако за отлучкою въ написанныя времена на заводы, въ заводскія работы, крестьяне отъ недосѣва яровыхъ, и пріуготовленія земель къ посѣву зимовыхъ, и за неубраніемъ съ полей хлѣбовъ пришли въ вѣчный недостатокъ и разореніе.

8. А подушныя денги мы, нижайшіе, съ 1763 года въ пермскую провинціалную канцелярію и сверхъ вышеписанныхъ, при наймѣ къ заводскимъ работамъ, немалыхъ намъ происходящихъ убытковъ платимъ донынѣ, хотя и бездоимочно, но съ великимъ изнеможеніемъ, закладывая и послѣднее свое имѣніе и продавая скотъ, отчего притерпѣваемъ крайнее разореніе. А паче, что за отлучками къ заводскимъ работамъ въ

самые страдные дни, къ копмъ, не окончивъ всякъ своей сполна работы, отпускаемы не бываютъ. И то наивяще отстаемъ отъ земледѣлства, какъ уже многіе за совершенною невозможностью, оскудѣніемъ и нищетою и пахоты свои запустили, и скитаются по разнымъ мѣстамъ. И какъ за оныхъ, такъ и за умершихъ подушныя денги, также заводскія работы, какъ за нихъ, такъ за престарѣлыхъ, увѣчныхъ и малолѣтовъ, написанныхъ по нынѣшней ревизіи, оставшіе бѣдные крестьяне, сверхъ своихъ настоящихъ душъ, съ великимъ изнеможеніемъ и отягощеніемъ оплачиваемъ, за каковыми намъ отягощеніями приходимъ и оставшіе во всеконечное разореніе и нищету. Всенижайше просимъ, не повелѣно ли будетъ насъ, бѣдныхъ рабовъ, отъ такихъ несносныхъ тягостей избавить и не допустить насъ до послѣдняго конца къ совершенному разоренію и недостаточеству. Отчего впредь и подушныя денги платить намъ будетъ нечѣмъ, когда уже всѣ свои послѣднія имѣнія испродадимъ и заложимъ, и отъ пахоты, за отлучками въ заводскихъ работахъ, отстанемъ. Всенижайше просимъ всемилостивѣйшаго въ томъ насъ бѣдныхъ рабовъ защищенія. А ежели, за коковыми совершенными невозможностями, насъ послѣднихъ отъ заводовъ отписать не можно, тобъ хотя, по крайней невозможности, узаконить заводчикамъ насъ бѣдныхъ крестьянъ за заводскія работы платою доволствовать такою, по какимъ цѣнамъ впредь будетъ волнымъ въ наймѣ настоять, а не по прежнему положенію. Также бы заводскими работами зарабатывать толко однимъ годнымъ работникамъ за свои настоящія души, а за старыхъ, дряхлыхъ, увѣчныхъ, малолѣтовъ и умершихъ повѣлено бъ было платить одни подушныя денги. А прежняя малоположенная за заводскія работы цѣна наводитъ намъ, какъ выше значитъ, прикладывать своихъ денегъ къ каждой работѣ и къ каждой по ставкѣ припасовъ вдвое и втрое, аза иныя вещи и болѣе, какъ о томъ въ 4 пунктѣ именно изъяснено. Что сверхъ подушнаго платежа намъ первое, на заводы отлучка, лошадей изнуреніе, а второе, что къ положенной плакатной платѣ еще своихъ денегъ прикладываемъ, а третье, что всякую работу своими инструментами отправляемъ, истинно излишнюю тягость и совершенное разореніе претерпѣваемъ...

(Далѣе слѣдуютъ еще 9 пунктовъ).

(Потомъ въ концѣ): Наказъ подписанъ мірскихъ дѣлъ пищикомъ вмѣсто уѣзднаго повѣреннаго, по незнанію имъ грамоты.

(Сб. Р. И. О. т. 115, № 80, с. 264—268).

3). Наказъ Казанскаго уѣзда Арской и Зюрейской дорогъ отъ прежде бывшихъ ясашныхъ крестьянъ.

1767 года іюня—дня, по силѣ состоявшагося прошлаго 1766 года декабря 14 числа Е. И. В. публикованнаго манифеста, велѣно всякаго званія жителямъ выбрать провинціальнаго депутата и препоручить ему всѣ мірскіе недостатки, и во исполненіе коего мы, нижеподписавшіеся, Казанскаго уѣзда Арской и Зюрейской дорогъ прежде бывшихъ ясашныхъ крестьянъ выбранные, отъ мірскихъ людей погостные повѣренные, а именно (слѣдуютъ 20 именъ),—выбрали мы провинціальнаго депутата деревни Старой Мазины, Козму Петрова, и препоручили ему всѣ наши мірскіе нужды и недостатки, а какіе, о томъ явствуетъ ниже сего, кои и ему писменно подать отъ себя, гдѣ надлежитъ, о учиненіи съ нами въ слѣдующихъ нуждахъ милостиваго разсмотрѣнія.

1. Прошлаго 1754 года приписаны мы, именованные, къ ново-заводимымъ заводамъ, Петровскому желѣзному

заводу покойнаго господина графа Петра Ивановича Шувалова и компанейщика его коллежскаго ассесора Козмы Матвѣевича, которые нынѣ состоятъ за дворяниномъ Евдокимомъ Никитинымъ Демидовымъ, при которомъ заводѣ и по нынѣ находимся безотлучно.

2. И прошлаго 1763 года ноября 6 числа, по прибытію на реченный заводъ его сіятелства господина генерала квартирмейстера князя Александра Алексѣевича Вяземскаго и по данному намъ указу, въ коемъ значитъ: 1) вырубить на уголное сженіе дровъ кубическихъ, по бергъ-коллежскому учрежденію, восемь тысячъ восемсотъ саженъ, 2) складь, одернить и осыпать, выжечь и выломать уголь дватцати саженныхъ шестсотъ двѣ кучи, 3) наработать желѣзной руды три тысячи триста тридцать ящиковъ, вѣсомъ въ каждомъ ящикѣ по ста по дватцати пудовъ, съ вывозкою на заводъ на собственныхъ своихъ лошадяхъ.

3. Первая партія посылается на заводъ для рубки дровъ, марта съ 1 числа, пятьсотъ человѣкъ. А вырубить дровъ, по расположенію, за престарѣлыхъ, умершихъ, малолѣтныхъ, слѣпыхъ, увѣчныхъ и протчихъ бездомовныхъ, и за такія умершія и протчія неимущія души, распологая тѣ работы по себѣ, и зарабатываемъ за нихъ одними годными. И причитается тѣхъ работъ на каждаго годнаго, съ тѣми накладными душами, по двѣ съ половиною души и болѣе. А отъ 15-лѣтняго возраста посылаются на оный заводъ въ работу, но, какъ по многому расположенію тѣхъ заводскихъ работъ, едва оные годны съ великою нуждою. И за свои одни души вырубать дровъ и протчихъ работъ не могутъ, нежели накладныхъ. А которые въ совершенномъ возрастѣ, тѣ вырубаютъ дровъ по 17 и по 18½ саженъ. А хотя намъ отъ конторы плата за каждую сажень, сверхъ плакату, по 10 копѣекъ и зачитается, токмо мы за выше и ниже изъясненнымъ получать бы не желали. Ибо за всѣ тѣ работы, рубка дровъ за каждую сажень приходитъ намъ по 30 по 5 коп. А сами мы, за тѣми изнеможеніями, нанимаемъ для оной рубки дровъ башкирцевъ и даемъ отъ каждой сажени по 70 и по 80 коп. Ибо оный заводъ отъ всѣхъ тѣхъ нашихъ жителствъ состоитъ разстояніемъ въ пяти-стахъ верстахъ и болѣе.

4. Вторая партія также посылается толикое жъ число къ кладкѣ, дерненію, осыпкѣ, сженію кучъ, и ломкѣ угля, августа мѣсяца, а кучи класть, дернить, и осыпать, выжечь и выломать уголь—причитается на каждую душу годную и негодную по 10 саженъ. И за наступленіемъ же зимняго времени оную работу случается исправить много никакъ не возможно. Изъ того завода отпускаются работные люди въ домы свои; за далностью же онаго завода, къ доработкѣ тѣхъ положенныхъ саженъ, посылаются вторично въ другой годъ лѣтнимъ временемъ съ мая мѣсяца. А когда онымъ кучамъ сженіе бываетъ, то для заливанія угля воду возимъ на собственныхъ своихъ лошадяхъ. А у кого собственныхъ своихъ лошадей нѣту, то носятъ на себѣ. И за таковыми далнопроходными временами, а особливо неспособными работами, не точію что имѣть себѣ во время пашенной земли къ насѣянію хлѣба и протчей страдной работы къ прокормленію, но и совсѣмъ хлѣбопашества лишились, и живутъ завсегда при заводской работѣ безотлучно. А которые хотя по малому дѣлу и сѣютъ, токмо во время той заводской работы сѣять того хлѣба не допущаютъ. Въ домахъ же нашихъ и остаются старые и малолѣтные; токмо оные снять того хлѣба не могутъ, который и пропадаетъ безъ всякаго снятія. И отъ того мы несемъ

себѣ немалое отягощеніе, и великую скудость.

5. Третія партія посылается сентября мѣсяца толикое жъ число, для добычи желѣзной руды, и съ вывозкою на заводъ на собственныхъ своихъ лошадяхъ, которая добыча руды наипуще приводитъ къ отягощенію въ томъ, что добывается оная руда все порохомъ, ибо велятъ добывать самую матерію, что сливается въ горѣ подъ одинъ камень; а которая добывается и безъ пороху, то изъ подкопа землю носимъ по недѣлѣ и болѣе. И какъ тѣ три партіи въ заводѣ находятся при помянутыхъ работахъ, такъ и у протчихъ завсегда безотлучно, отъ чего пришли мы въ платежъ подушныхъ денегъ и протчихъ государственныхъ податей въ несостояніе. Въ такомъ намѣреніи, продавая свой послѣдній скотъ и протчее дешевою цѣною, дабы въ томъ платежѣ доимокъ на насъ не было.

6. А по исправленію нами вышеписанныхъ заводскихъ работъ, платы получаемъ, а именно: за рубку дровъ, о томъ написано выше сего, за кучную работу, кладку сдѣланную 20-саженную въ готовность складть, одернить, осыпать, выжечь и выломать уголь,—шесть рублевъ. А сами наймываемъ ко оной работѣ постороннихъ людей, затѣмъ иногда за болѣзнію или не хотя отстать отъ посѣва хлѣба и быть съ голодомъ, и даемъ по 15 и по 18 рублевъ. За добычу жъ руды по 30 по 5 коп. за ящикъ, а сами наймываемъ, того жъ ради случая, по 60 и по 70 коп. за ящикъ, отчего пришли мы въ великое отягощеніе.

7. А при которомъ выше упомянутомъ заводѣ, у добычи желѣзной руды въ городахъ и неспособныхъ мѣстахъ, работою приводимъ себя ко отягощенію въ томъ, что хотя за вышепоказанныя работы платы и получаемъ, токмо той, нежели на платежъ подушныхъ денегъ, но и на одно пропитаніе себѣ не достаетъ. А распокладывается на насъ, на каждую душу, вывесть оной руды съ обжогу на заводъ по 300 пудовъ, при которой работѣ намъ безъ лошадей быть никакъ не можно, ибо оный заводъ, какъ и выше сего явствуетъ, отъ жителствъ нашихъ состоитъ въ далномъ разстояніи. Ибо къ тому не точію, чтобъ конскаго корма, и себѣ на пропитаніе хлѣба завести не можно, при которой работѣ оный конскій кормъ и себѣ на пропитаніе хлѣба покупаемъ дорогою цѣною. А иные бѣдные изъ нашей братіи, ко оной покупкѣ конскаго корма, денегъ не имѣютъ. То за неимѣніемъ того корма, отъ голода многія лошади помираютъ, а протчіе не толко для лошадей, но и для себя хлѣба не имѣютъ; чрезъ что тѣхъ лошадей и продаютъ дешевою цѣною. И отъ того, а паче отъ всѣхъ вышеписанныхъ отягощенныхъ работъ, и за отдаленностью отъ нашихъ жителствъ завода, къ тому жъ и за вышеизъясненные немогущіи, кои тѣхъ работъ сами исправлять не могутъ, пришли во всеконечное разореніе и нищету. А если оныхъ работъ будетъ съ насъ не сбавлено, то мы и наипаче можемъ придти совсѣмъ въ несостояніе къ платежу государственныхъ податей, и можемъ послѣднихъ своихъ домовъ лишиться.

(Наказъ подписанъ отъ имени уѣздныхъ повѣренныхъ.)

(Сб. Р. И. О. т. 115, № 77, с. 250—4).

---

59. Рѣчь депутата кн. М. Щербатова о дворянствѣ.

(12 сентября 1767 г., 22 засѣданіе).

...Князь М. Щербатовъ подалъ обѣщанныя имъ замѣчанія, на нѣкоторыя изъ читанныхъ въ предъидущемъ засѣданіи законовъ:

„Прежде всего почитаю за долгъ изъяснить, что хотя я и осмѣливаюсь представить мои мнѣнія для отмѣны вышеозначенныхъ законовъ, но дѣлаю это не потому, чтобы сердце мое недовольно было проникнуто благодѣяніями Императора Петра Великаго, который соизволилъ учредить эти законы. Обстоятельства времени и разные случаи принудили его сдѣлать для нашего же благополучія такія положенія, которыя нынѣ, при благополучной державѣ нашей Всемилостивѣйшей Государыни, отъ измѣненія нравовъ, не только не полезны, но скорѣе могутъ быть вредны; и такъ приступаю къ разсмотрѣнію.

Означенные законы содержатъ въ себѣ правило, по которому каждый, дослужившійся до офицерскаго чина, почитается дворяниномъ и дѣти его уже должны быть помѣщены въ дворянскій списокъ, слѣдовательно пользоваться всѣми правами дворянскаго званія. Такое преимущество дослужившимся до офицерскаго чина, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, было необходимо для понужденія дворянъ вступать въ службу; но нынѣ, когда уже видимъ, что Россійское дворянство, по единой любви къ отечеству и славѣ, и по усердію къ своимъ монархамъ, достаточно наклонно и къ службѣ и къ наукамъ, то кажется, что право, сравнивающее это сословіе со всякимъ, кто бы, какимъ бы то ни было образомъ, ни достигъ до офицерскаго чина, должно отмѣнить. Одинъ государь, по своему соизволенію, можетъ награждать этимъ правомъ за важныя услуги не только того, кто окажется достойнымъ, но и его потомство.

Если разсмотримъ происхожденіе имени дворянинъ, то выраженное мною предложеніе будетъ еще яснѣе. Извѣстно, что первое различіе между состояніями произошло отъ отличной доблести нѣкоторыхъ лицъ изъ народа. Потомки ихъ равномѣрно отличались отъ другихъ, оказывая услуги тѣмъ обществамъ, которыхъ они были членами. Такимъ образомъ повторяемыя въ теченіе многихъ лѣтъ заслуги склонили народы и государей къ одному имени и къ чести происходить отъ столь доблестныхъ предковъ, присовокупить почтеніе дворянскаго званія. И такъ первымъ объясненіемъ имени дворянина будетъ то, что онъ такой гражданинъ, котораго при самомъ его рожденіи, отечество, какъ бы принимая въ свои объятія, ему говоритъ: ты родился отъ добродѣтельныхъ предковъ; ты, несдѣлавшій еще ничего мнѣ полезнаго, уже имѣешь знатный чинъ дворянина; по этому ты, болѣе, чѣмъ другіе, долженъ показать мнѣ и твою добродѣтель и твое усердіе. Тебя обязываютъ къ тому данныя законами моими права, предшествовавшія твоимъ заслугамъ, тебя побуждаютъ къ тому дѣла твоихъ предковъ; подражай имъ въ добродѣтели и будешь мнѣ угоденъ. Рожденный въ такомъ положеніи, воспитанный въ такихъ мысляхъ человѣкъ не будетъ ли употреблять сугубыя усилія, дабы сдѣлаться достойнымъ имени своего и званія? Одно это имя и припоминаніе о славныхъ дѣлахъ своихъ предковъ довольно сильно, чтобы побудить благородныхъ людей ко всякимъ великимъ подвигамъ. Эта политика у Римлянъ столь далеко простиралась, что они приписывали начало знатныхъ родовъ своимъ героямъ; о чемъ, по свидѣтельству блаженнаго Августина, знаменитый Римскій писатель Варронъ говорилъ, что для государства весьма полезно, чтобы знаменитые люди почитали себя происшедшими отъ героевъ; хотя это и неправда, но уже одна мысль о такомъ происхожденіи можетъ побудить ихъ предпринимать и оканчивать величайшія дѣла. Таковы были мысли сего просвѣщеннаго народа обо всемъ, что

содѣйствовало къ умноженію его силы и славы. Самый естественный разсудокъ убѣждаетъ насъ, какъ то признаютъ и всѣ лучшіе писатели, что честь и слава наиболѣе дѣйствуютъ въ дворянскомъ сословіи; по этому сіи качества имѣютъ бо̀льшее вліяніе на тѣхъ, которые почти съ самаго рожденія своего слышатъ о знатныхъ дѣлахъ своихъ предковъ, видятъ ихъ изображенія, вспоминаютъ тѣ подвиги, какими они прославлялись, чѣмъ на тѣхъ, которые, смотря на отцовъ своихъ, дослужившихся до первыхъ офицерскихъ чиновъ по старшинству службы или по проискамъ, а не по отличнымъ заслугамъ, не видятъ ничего такого, что могло бы его склонять къ славнымъ дѣламъ; а имена предковъ ихъ уже скрываются во тьмѣ. Не могу при семъ случаѣ не припомнить мнѣнія знаменитаго наукою и своимъ знаніемъ въ законахъ барона Пуффендорфа, который говоритъ: обыкновенно чины сами собою не даютъ дворянства, но государь даетъ титулъ дворянина, кому заблагоразсудитъ и проч.

Изъ всего мною сказаннаго видно, на чемъ я основываю мое мнѣніе, что дворянское званіе и его права не могутъ быть даруемы никѣмъ, кромѣ государя. Одна изъ важнѣйшихъ принадлежностей самодержавства заключается въ изліяніи милости и благоволенія не только на одно лице, но и на его потомковъ, и тѣмъ его, такъ сказать, изъ ничтожества и праха въ вѣчную честь обратить.

Осмѣлюсь еще присовокупить, что право, по которому каждый разночинецъ, получившій только офицерскій чинъ, поступаетъ въ дворянское достоинство, безъ разсмотрѣнія его поступковъ или мыслей, можетъ быть поводомъ ко многимъ злоупотребленіямъ. Такіе люди, дабы дослужиться до офицерскаго чина и чрезъ то пріобрѣсти званіе дворянина, зная, что это зависитъ отъ власти каждаго командира, не откажутся льстить его страстямъ и употреблять другіе низкіе способы для снисканія его благоволенія, что конечно послужитъ ко вреду правовъ ихъ самихъ и ихъ начальниковъ. Достигши до офицерскаго чина и видя себя дворяниномъ, эти люди уже теряютъ побужденіе къ достиженію высшихъ чиновъ, а только желаютъ пріобрѣсти себѣ имѣніе, которымъ бы они могли пользоваться; пріискиваютъ всѣ пути, не отвергаютъ ни единаго, который бы могъ скорѣе довести его до желаемаго конца: отъ того порождается мздоимство, похищенія и всякое подобное сему зло.

И такъ главное основаніе дворянства есть честь, какъ это изъяснено и въ XV главѣ Наказа Ея Императорскаго Величества. ...Хотя я и не сомнѣваюсь, что избранная коммиссія о государственныхъ родахъ составитъ, на основаніи вышеизложенныхъ правилъ, мудрое и благое положеніе о правахъ и преимуществахъ сего сословія, однакоже беру смѣлость представить нижеслѣдующее:

1) Дабы никто изъ разночинцевъ въ чинъ и въ право дворянское иначе не могъ вступать, какъ по единой монаршей власти.

2) Что дворяне, по одному имени своему, имѣютъ преимущественное передъ другими званіями право служить отечеству съ тѣмъ, чтобы имъ, по ихъ службѣ и преимуществамъ въ оной, опредѣлена была особая милость, соотвѣтственная достоинству сего сословія, столько разъ показавшему свое усердіе къ отечеству.

3) Дабы дворянинъ, безъ лишенія его дворянскаго званія, не могъ быть подвергнутъ черезъ катскія руки наказанію. Такое право дано дворянству по Воинскимъ процессамъ, части второй, главы VI-й, пунктъ 10-й, касательно пытки.

4) Поелику же дворянство, какъ выше неоднократно я имѣлъ случай упомянуть, отъ чести происходитъ и честью держится, то и непристойная брань и руганіе дворянина должны быть запрещены закономъ.

5) Право владѣнія деревнями, обязывая дворянина собственною его пользою къ службѣ отечеству, есть первый способъ содержать себя во всѣхъ мѣстахъ, куда отечество заблагоразсудитъ его употребить. Вмѣстѣ съ тѣмъ нахожу полезнымъ предоставить одному этому сословію право употреблять и продавать, какъ свои домашнія произведенія, такъ и другія, о которыхъ считаю излишнимъ здѣсь упоминать, предавая все сіе на разсмотрѣніе почтеннѣйшаго собранія.

Однакоже я ни сколько не думаю лишать людей, какого бы они ни были званія, тѣхъ преимуществъ, которыя даются какъ награда достоинству, и полагаю весьма справедливымъ награждать его, гдѣ бы оно ни оказалось; но чтобы награждалось только дѣйствительное достоинство и притомъ отъ такого лица, которое одно имѣетъ несомнѣнное право награждать такъ, чтобы награжденіе распространялось и на потомство. Лице это есть монархъ.

(Д. Полѣновъ, т. I, с. 149—153).

---

60. Рѣчь кн. Щербатова.

(26 засѣданіе, 21 сентября).

Депутатъ Ярославской отъ дворянства князь Михайла Щербатовъ, объявивъ чрезъ держателя дневной записки маршалу о желаніи своемъ сдѣлать возраженіе на голосъ депутата Якова Козельскаго, и получивъ на то дозволеніе, произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Депутатъ Днѣпровскаго пикинернаго полка въ мнѣніи своемъ говоритъ, что всѣ древнія Россійскія дворянскія фамиліи произошли отъ низкихъ родовъ, и что теперь эти древніе дворяне, по надменности своей, не желаютъ допустить въ сіе званіе людей того достойныхъ. Весьма удивляюсь, что этотъ г. депутатъ укоряетъ подлымъ началомъ древнія Россійскія фамиліи, тогда какъ, не только одна Россія, но и вся вселенная можетъ быть свидѣтелемъ противнаго. Къ опроверженію его словъ, мнѣ довольно указать на историческія событія. Одни Россійскіе дворяне имѣютъ свое начало отъ великаго князя Рюрика и потомъ, по нисходящей линіи, отъ великаго князя Владиміра; другіе выѣхавшіе знатные люди берутъ начало свое отъ коронованныхъ главъ; многія фамиліи, хотя и не ведутъ рода своего отъ владѣтельныхъ особъ, но произошли отъ весьма знатныхъ людей, которые, выѣхавши въ службу къ великимъ князьямъ Россійскимъ, считаютъ нѣсколько столѣтій своей древности и у насъ украсили себя знаменитыми заслугами отечеству. Какъ можетъ собранная нынѣ въ лицѣ своихъ депутатовъ Россія слышать нареканіе подлости на такіе роды, которые въ непрерывное теченіе многихъ вѣковъ оказали ей свои услуги! Какъ не вспомнитъ она пролитую кровь сихъ достойнѣйшихъ мужей! Будь мнѣ свидѣтелемъ дражайшее отечество въ услугахъ, тебѣ оказанныхъ вѣрными твоими сынами—дворянами древнихъ фамилій. Вы будьте мнѣ свидѣтели, самыя тѣ мѣста, гдѣ мы, по волѣ нашей Монархини, матери отечества, для нашего благополучія собраны! Не вы ли были во власти хищныхъ рукъ? Вы, божественные храмы, не были ли посрамлены отъ иновѣрцевъ? Кто же въ гибели твоей, Россія, подалъ тебѣ руку помощи? Те вѣрные твои чада, древніе Россійскіе дворяне! Они, оставя все и жертвуя своею жизнью,—они тебя освободили

отъ чуждаго ига, они пріобрѣли тебѣ прежнюю вольность. „Мнѣ мнится зрѣть еще текущу кровь достойныхъ сихъ мужей и напоминающу ихъ потомкамъ тоже исполнять и такъ же жертвовать своею жизнію отечеству, какъ они учинили“. Вотъ первое право требованія дворянъ древнихъ родовъ, чтобы никто съ ними безъ Высочайшей власти не былъ сравненъ. Но они, сею любовію побужденные, не затворяютъ надменностію врата для доблести, а хотятъ, чтобы желающіе войти къ намъ въ собратство удостоились тою истинною добродѣтелью, которую бы самъ монархъ увѣнчалъ дворянскимъ званіемъ“.

Сію рѣчь свою, замѣчаетъ дневная записка, „говорилъ онъ и окончилъ съ крайнимъ движеніемъ духа, что по произношенію его голоса примѣтить было можно“.

Съ этимъ мнѣніемъ согласились всѣ депутаты Московской и Нижегородской губерній, присутствовавшіе въ этомъ засѣданіи, и сверхъ того депутаты отъ дворянства: (27 подписей).

(Д. Полѣновъ т. I, с. 192—194).

---

61. Рѣчь А. П. Попова о правахъ купечества.

(31 засѣданіе, 2 октября).

По открытіи засѣданія и по прочтеніи дневной записки, слушаны были поданныя депутатами мнѣнія на читанные законы о купечествѣ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Мнѣніе депутата отъ Рыбнослободскаго [1]) купечества Алексѣя Попова.

Какіе великіе труды соизволилъ подъять и перенести обновитель Россіи, блаженной и вѣчной славы достойной памяти Императоръ Петръ Первый, тому весь свѣтъ можетъ быть безпристрастнымъ свидѣтелемъ.

Между многими его трудами было также и стараніе привести въ цвѣтущее состояніе русское дворянство и коммерцію. Дабы показать свѣту дворянство просвѣщеннымъ и полезнымъ отечеству, онъ оказывалъ ему отличные знаки своей милости, повелѣвалъ обучать благородное юношество разнымъ наукамъ, посылалъ ихъ въ европейскія государства, учреждалъ въ Россіи училища и для того призывалъ изъ Европы искусныхъ учителей, опредѣливъ имъ большое жалованье.

Для приведенія въ цвѣтущее состояніе коммерціи и русскаго купечества, онъ также прилагалъ отеческое попеченіе. Въ бытность свою въ европейскихъ государствахъ, онъ, проницательнымъ своимъ взглядомъ, лично разсматривалъ у тѣхъ народовъ, которые наиболѣе усовершенствовали свою торговлю, введенный въ ней порядокъ, дабы оному научить своихъ подданныхъ. Онъ самъ договаривался съ голландскими и англійскими банкирами, чтобы завести съ ними сношенія. Въ слѣдствіе этого, вскорѣ по возвращеніи его въ Россію, въ ней открылись новые порты, проведены полезные для торговли каналы при огромномъ на сіе иждивеніи. Онъ посылалъ купеческихъ дѣтей въ чужіе краи для обученія коммерціи; приказывалъ купцамъ устраивать фабрики и заводы, и для учрежденія оныхъ, повелѣвалъ выдавать изъ казны деньги или же снабжалъ выгодными привилегіями. Всѣхъ же вообще оградилъ мудрыми законами, и купечество поручилъ вѣдать судомъ и расправою выбраннымъ изъ купечества же людямъ. Торгующимъ крестьянамъ повелѣлъ записываться въ купечество, а не записавшимся въ оное запретилъ какъ торговать, такъ и вступать въ откупа и въ подряды, какъ это ясно

---

[1]) Рыбная слобода — нынѣ городъ Рыбинскъ.

свидѣтельствуютъ регламенты, инструкціи и указы, данные главному магистрату, коммерцъ-коллегіи и мануфактуръ и бергъ-коллегіи. Все сіе Премудрый Монархъ дѣлалъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы русское купечество собравъ, яко разсыпанную храмину, не только сравнить, но и возвысить надъ европейскими купцами, зная достовѣрно, какъ нужна коммерція государству, что и видимъ на самомъ дѣлѣ въ европейскихъ державахъ. Но, къ крайнему несчастію для купечества, съ кончиною Его Величества, оно не могло, согласно его намѣреніямъ, достигнуть до желаннаго имъ состоянія.

Россійское дворянство приняло уже положеніе, котораго лучше нельзя и желать. Оно пожаловано вольностію, пользуется многими другими преимуществами, владѣетъ деревнями. Для обученія ихъ дѣтей заведены на счетъ казны разныя училища; на что русское купечество смотритъ съ особенною радостію.

По этому и купечество, полагая свою надежду на высочайшія Е. И. В. щедроты, уповало, что оно не только сохранитъ пожалованныя ему Государемъ Петромъ Великимъ права, собственнымъ его тщаніемъ учрежденныя, но что и при сочиняемомъ проектѣ Новаго Уложенія, по неусыпнымъ о своихъ подданныхъ матернымъ попеченіямъ Е. И. В. оно не останется безъ милостиваго ея призрѣнія и получитъ способы къ поправленію бѣднаго своего состоянія, а черезъ то избавится отъ стыда передъ счастливыми европейскими купцами.

Но вмѣсто ожидаемаго поправленія, мы съ крайнимъ прискорбіемъ усматриваемъ изъ поданныхъ въ Коммисію многими господами депутатами мнѣній, что русскому купечеству готовится большое отягощеніе, какъ будто оно вовсе не нужно для государства. Вмѣсто того, чтобы въ силу указовъ Императора Петра Великаго утвердить за купечествомъ ихъ права и вольности, а другимъ всякаго званія людямъ строжайше запретить вести торговлю, чрезъ что натурально купечество могло бы достичь бóльшаго благосостоянія, помянутые господа депутаты напротивъ того предлагаютъ, ко вреду купечества, чтобы какъ благородному дворянству, такъ и крестьянамъ предоставлено было пользоваться купеческимъ правомъ, на ряду съ купцами. Эти господа депутаты домогаются, чтобы купцамъ запрещено было имѣть всякія фабрики и минеральные заводы, которые устроены и размножены собственнымъ ихъ стараніемъ и на свои капиталы. Въ основаніе такого распоряженія они ставятъ, что будто содержаніе купцами фабрикъ и заводовъ не приноситъ пользы обществу, и что гораздо полезнѣе будетъ, ежели владѣніе оными будетъ предоставлено отставнымъ и живущимъ въ деревнѣ дворянамъ, которые умѣютъ содержать ихъ въ исправности. Къ этому они еще предлагаютъ, чтобы крестьяне, привозящіе въ города свои произведенія, имѣли право продавать ихъ въ розницу. И такъ, если все это будетъ утверждено, то купечество неминуемо придетъ въ разореніе, а съ этимъ и коммерція можетъ придти въ совершенный упадокъ. Ибо хотя нынѣ крестьянамъ и разночинцамъ и запрещено по закону торговать, но не смотря на это купцы терпятъ отъ нихъ много обиды и помѣшательствъ. Что же будетъ тогда, когда закономъ всякому дозволено будетъ торговать?

Вслѣдствіе сего я, нижайшій, выбранный депутатомъ отъ купечества Рыбной слободы, по должности своей и по моему званію, представляю на благоусмотрѣніе почтеннаго собранія Коммисіи мое мнѣніе.

1. Существующіе фабрики и горные заводы, на основаніи постановленій

Императора Петра Великаго, подтвержденныхъ высочайшими указами его преемниковъ, предоставить купечеству съ правомъ устраивать оные и на будущее время, ибо заводы сіи и фабрики первоначально были заведены и размножены купцами съ большою пользою для государства. Не запрещать имъ покупать крестьянъ къ заводамъ и фабрикамъ, для исправленія потребныхъ работъ, но безъ излишества, а по числу имѣющихся на нихъ登ановъ и печей; также дозволить купцамъ покупать земли, сколько нужно, подъ фабрики, заводы и подъ поселеніе рабочихъ при нихъ людей. Тѣмъ купцамъ, которые уже имѣютъ фабрики и заводы и при оныхъ крестьянъ, оставить ихъ за ними и за ихъ потомками, по силѣ тѣхъ же узаконеній, по которымъ тѣ купцы ими владѣютъ, ибо они завели свои фабрики и заводы и ихъ размножили по волѣ монаршей на собственные свои капиталы и своимъ стараніемъ. Всѣмъ фабрикантамъ и заводчикамъ быть вѣдомымъ судомъ и расправою въ магистратахъ и ратушахъ, кромѣ дѣлъ, касающихся до фабрикъ и заводовъ, и всякія гражданскія тягости нести, подати платить и службу отправлять во всемъ наравнѣ съ купечествомъ.

2. Сверхъ того позволить купечеству держать винокуренные заводы по силѣ указа Императора Петра Великаго 1716 года. Отъ сего можетъ послѣдовать не малая польза казнѣ Ея Императорскаго Величества, ибо подрядъ вина будетъ гораздо дешевле нынѣшняго и поставка его исправнѣе; купечество же чрезъ это можетъ поправиться.

3. Дозволить купечеству въ городахъ, по мѣсту жительства каждаго, имѣть лавки, амбары, погреба, постоялые дворы, харчевни, дома, сады, огороды и домовыя бани, безъ платежа съ нихъ поземельныхъ и другихъ оброковъ.

4. Согласно постановленію, изображенному въ регламентѣ главнаго магистрата, въ гл. IX, купечеству между собою быть судимому во всѣхъ дѣлахъ (кромѣ важнѣйшихъ государственныхъ) въ городовыхъ и слободскихъ магистратахъ и ратушахъ, чтобы оно не подвергалось разоренію отъ вымышленныхъ нападковъ. Равнымъ образомъ и на купцовъ, въ причиняемыхъ ими обидахъ, бить челомъ въ тѣхъ же магистратахъ и ратушахъ, а не въ другихъ правительственныхъ мѣстахъ.

5. Дворянству не позволять торговать и ни у кого, ни подъ какимъ предлогомъ, покупать купеческое право; ибо благородное дворянство имѣетъ свое собственное право, заключающее въ себѣ большія преимущества, и несетъ на себѣ драгоцѣнное имя дворянина. По этому входить въ такія коммерческія занятія, какъ напримѣръ: фабричные, заводскіе и разные торговые промыслы, дворянамъ, по ихъ званію, не свойственно. Имъ слѣдуетъ предоставить продажу только того, что производится въ ихъ вотчинахъ по ихъ хозяйству, не дозволяя ничего скупать у другихъ. Если же кто изъ нихъ вступитъ въ непристойный ихъ благородному происхожденію торговый промыселъ, то-есть, станетъ перекупать и торговать, и это будетъ доказано, то все перекупное конфисковать въ казну Е. И. В., потому что благородному русскому дворянству, какъ мнѣ кажется, надлежитъ имѣть стараніе о приведеніи въ лучшее состояніе земледѣлія ихъ крестьянъ, и смотрѣть, чтобы послѣдніе обрабатывали свою землю съ прилежаніемъ и усердіемъ...

6. Тѣ изъ крестьянъ и разночинцевъ, которые пожелаютъ пользоваться купеческимъ правомъ, должны записываться въ купечество вѣчно, а не временно, и во всемъ быть съ купцами на ряду, какъ сіе повѣлено указомъ 1723 года и регламентомъ глав-

наго магистрата. Если нужно, чтобы русское купечество приносило государству полезные плоды, то непремѣнно должно запретить торговать другимъ всякаго званія людямъ.

7. Купцамъ своего права ни кому, ни за что и ни подъ какимъ видомъ не передавать; также и кредитовъ крестьянамъ и разночинцамъ отнюдь не давать, въ лавки сидѣльцами ихъ не сажать и въ отпуски съ товарами не посылать, кромѣ тѣхъ, которые будутъ наниматься подъ извозъ товаровъ...—

8. Всѣмъ вообще крестьянамъ дозволить продавать въ селахъ и въ городахъ обывателямъ оныхъ только произведенія ихъ деревенскаго хозяйства; при чемъ строжайше запретить, чтобы они, при отъѣздѣ изъ своихъ деревень, у другихъ ничего для перепродажи не скупали и чрезъ то не возвышали бы на всякіе деревенскіе товары цѣнъ.

О всемъ вышеписанномъ представляю на разсужденіе всечестному собранію господъ депутатовъ.

Съ симъ мнѣніемъ согласились депутаты отъ городовъ: Рославля Григорій Шевердинъ, Верхотурья Андрей Глазуновъ, Мѣщовска Михайла Ганшинъ, и др. (всѣхъ 69 голосовъ).

(Д. Полѣновъ, т. II, с. 37—45).

---

62. Возраженіе депутата отъ Ярославскаго дворянства князя Михайла Щербатова на читанный 2 сего Октября голосъ депутата Рыбной слободы Алексѣя Попова.

Подчиняясь рѣшенію почтеннѣйшаго собранія, опредѣлившему 2 сего Октября отослать законы о правахъ дворянскихъ и сдѣланныя на нихъ примѣчанія въ Коммисію о разборѣ родовъ, которая не оставитъ здраво разсмотрѣть и постановить, какія права и преимущества долженъ имѣть дворянскій корпусъ, я не буду болѣе упоминать объ нихъ, а только замѣчу, что такъ какъ дворянство, будучи обязано служить отечеству и государю, то слѣдуетъ приложить попеченіе и о его благосостояніи, дабы оно, въ виду собственнаго своего интереса, обязано было отечеству, и могло бы сносить разныя тягости, происходящія отъ службы, какъ о томъ объясняетъ одинъ писатель. Вообще должно сказать, что государство тогда становится прочно, когда оно утверждается на знатныхъ и достаточныхъ фамиліяхъ, какъ на твердыхъ и непоколебимыхъ столбахъ, которые не могли бы снести тяжести обширнаго зданія, если бы были слабы, не взирая на свою многочисленность. Дѣйствительно мы видимъ, что величіе Французскаго и Испанскаго государствъ основано на знатныхъ родахъ. И такъ я приступлю отвѣтствовать на мнѣніе господина депутата Попова.

1) Я не думаю, чтобы кто изъ господъ депутатовъ отъ дворянства предлагалъ отнять у купцовъ право заводить фабрики, ибо господа дворянскіе депутаты, во всѣхъ подаваемыхъ ими въ семъ почтеннѣйшемъ собраніи голосахъ, показали довольно свою умѣренность и непосягательство на права другихъ, особенно тѣмъ, что защищали и самое купечество противъ предосудительныхъ имъ законовъ. Что же онъ, господинъ депутатъ, не обинуясь, предлагаетъ отнять у дворянъ право имѣть горные заводы и всякія фабрики, то въ отвѣтъ скажу: ежели одно сомнѣніе—не хотятъ ли лишить купечество сего права, показалось ему столь чувствительнымъ, то и дворянству должно быть не менѣе чувствительно напрасное посягательство отъ купца на ихъ право.

Но разсмотримъ самую сущность заводовъ и фабрикъ. Принадлежность минеральныхъ заводовъ, для которыхъ

руды родятся въ землѣ и передѣлываются черезъ огонь, не должна ли составлять, безъ исключенія купцовъ, одно изъ дворянскихъ правъ, ибо владѣніе землею должно принадлежать однимъ дворянамъ. И какъ руды есть произведенія земли, равнымъ образомъ и лѣсъ, то такія произведенія и даютъ корпусу дворянства права имѣть участіе въ сихъ заводахъ, который, по праву его владѣнія деревнями, можетъ исполнять и самыя работы дешевле, чѣмъ купцы. Говоря это, я не имѣю намѣренія оправдать тѣхъ, которые отягощаютъ подданныхъ своихъ работами, для собственной своей выгоды. Но дворяне, по удобству своего положенія, могутъ чрезъ работу своихъ крестьянъ имѣть нѣкоторую прибыль, и держась умѣренной цѣны, безъ подрыва однакоже купцамъ, могутъ легче вступить въ соперничество съ другими націями во внѣшней продажѣ. Фабрики и особливо такія, которыя занимаются обрабатываніемъ русскихъ произведеній, не служатъ ли лучшимъ способомъ къ умноженію земледѣлія; ибо земледѣлецъ, который находитъ средство безъ промедленія продать свои произведенія, будетъ стараться и на другой годъ имѣть большее объ нихъ попеченіе. Заведенныя дворянами въ своихъ деревняхъ фабрики, держатъ крестьянъ въ безпрестанномъ трудолюбіи. Сіи же послѣдніе получаютъ отъ господъ своихъ достаточную плату и свое собственное благосостояніе находятъ въ прибыли своихъ господъ. Мнѣ могутъ возразить, что многіе господа таковой платы крестьянамъ своимъ не даютъ. Но я не думаю, чтобы были такіе жестокосердые, которые захотѣли бы этихъ подвластныхъ имъ людей лишить достойной мзды за то, что они имъ самимъ дѣлаютъ прибыль. Сверхъ того я осмѣлюсь сказать, что такой поступокъ не будетъ соотвѣтствовать хорошему управленію фабрикою. Здѣсь нельзя, чтобы человѣкъ неволею и почти изъ-за палки хорошо работалъ; ибо, напримѣръ, въ ткании всякихъ предметовъ, если кто собственнымъ своимъ прибыткомъ не будетъ побужденъ хорошо вырабатывать вещи и однимъ кускомъ испортитъ остальные, то онъ сдѣлаетъ гораздо болѣе убытка, чѣмъ то, что ему слѣдовало бы заплатить за полгода.

Неужели желаніе господина депутата Рыбной слободы заключается въ томъ, чтобы купцамъ, лишивъ дворянъ способовъ къ пріобрѣтенію какой либо прибыли, сдѣлаться откупщиками всѣхъ произведеній въ Россіи и устанавливать цѣну какъ онымъ, такъ и самимъ работникамъ. Но изъ этого произойдутъ вредныя послѣдствія, которыя послужатъ къ отягощенію земледѣлія и къ разоренію дворянства. Это уже и оказывается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и даже сами купцы отъ сильнѣйшихъ ихъ терпятъ притѣсненія.

Отлучка дворянъ отъ домовъ своихъ, для службы отечеству и государю, не можетъ имъ воспрепятствовать имѣть должное смотрѣніе за такими заведеніями. Сохрани меня Боже и подумать, чтобы въ такое время, когда милость и правосудіе царствуютъ на престолѣ, дворянство, вмѣсто пріобрѣтенія какихъ либо правъ, могло что либо изъ оныхъ утратить! Къ этому могу еще присовокупить, что и самая отлучка господъ изъ своихъ деревень не приноситъ большого вреда; ибо они употребляютъ разные способы для сохраненія въ хорошемъ состояніи своихъ заведеній. И если разсмотримъ со вниманіемъ, то можетъ быть найдемъ болѣе упадающихъ фабрикъ и заводовъ въ рукахъ купцовъ, чѣмъ въ рукахъ дворянъ, не смотря на то, что первые получили на заведеніе ихъ значительныя суммы отъ государства.

2) Что касается до покупки земель подъ фабрики, то мнѣ кажется неоспоримымъ, что купцамъ нужно это позволить; но не болѣе какъ такое количество, какое заводъ каждаго изъ нихъ можетъ содержать, и чтобы изъ онаго не было остатка для выгона или для другого употребленія, относящагося собственно до деревенскаго хозяйства. Хотя, съ одной стороны, работники необходимо нужны для фабрикъ, но если принять во вниманіе число пахарей въ Россіи, то конечно не только не слѣдуетъ допускать, чтобы дворяне, продавая людей для фабрикъ, отнимали ихъ отъ земли, но напротивъ должно всемѣрно стараться о размноженіи земледѣльцевъ. Теперь, если мы разсмотримъ самое употребленіе и жизнь этихъ работниковъ, то увидимъ, что кромѣ небольшого числа мастеровъ, которые, для того, чтобы они не показывали своего мастерства постороннимъ, содержатся почти какъ невольники, кромѣ, говорю, этихъ мастеровъ, прочіе находятся въ весьма худомъ состояніи, какъ относительно ихъ содержанія, такъ и нравственности. Самый этотъ столичный городъ можетъ свидѣтельствовать о распутномъ состояніи сихъ людей, оставленныхъ безъ всякаго попеченія о нравственной ихъ сторонѣ. Въ нихъ, по большой части, пьянство и пороки такъ вкоренились, что они ни мало не думаютъ объ усовершенствованіи себя въ своемъ мастерствѣ. Отъ этого поврежденія ихъ нравовъ ...—нерѣдко происходятъ безпорядки въ деревняхъ. Посему было бы весьма полезно всѣхъ находящихся уже на фабрикахъ приписныхъ людей переписать и болѣе покупать ихъ фабрикантамъ запретить, предоставивъ имъ довольствоваться тѣми, которые у нихъ уже есть, и ихъ потомствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ надлежало бы внушить фабрикантамъ, чтобы они принадлежащихъ къ фабрикамъ людей старались мало по-малу дѣлать вольными, давая имъ свободу въ награду за хорошее поведеніе и за лучшее знаніе искусства, съ такимъ при томъ условіемъ, чтобы эти люди выслужили у фабрикантовъ нѣсколько положенныхъ лѣтъ въ благодарность за ихъ обученіе. При окончательномъ же выпускѣ такихъ людей на свободу, можно было бы обязать ихъ не отставать отъ выученнаго ими фабричнаго мастерства. Эти мѣры послужатъ къ исправленію нравовъ, къ умноженію народонаселенія и къ приведенію ремеслъ въ лучшее состояніе...

(Д. Полѣновъ, т. II, с. 56—60.)

---

63. Мнѣніе депутата Коробьина.

Читано 5 мая 1768 г.

В ъ К о м м и с с і ю о с о ч и н е н і и п р о е к т а Н о в а г о У л о ж е н і я о т ъ д е п у т а т а К о з л о в с к а г о д в о р я н с т в а н а ч и т а н н ы е о б ѣ г л ы х ъ л ю д я х ъ и к р е с т ь я н а х ъ з а к о н ы.

П р и м ѣ ч а н і е.

При чтеніи законовъ о бѣглыхъ господскихъ людяхъ и крестьянахъ пришло мнѣ на мысль, почтеннѣйшіе господа депутаты, разсмотрѣть, какая бы причина была, убѣждающая ихъ къ толь поносному и для нихъ самихъ опасному дѣлу. По долговременномъ моемъ разсужденіи и по бывшемъ съ нѣкоторыми благоразумными людьми о семъ дѣлѣ совѣтованіи, напали мы, наконецъ, что причину оную искать должно или въ лицѣ помѣщика, или въ лицѣ бѣглаго человѣка...—

Часто я размышлялъ о томъ, что бы понуждало крестьянина оставить свою землю, съ которой ступить почитаетъ онъ за дѣло невозможное, покинуть родственниковъ, жену и дѣтей, которыхъ видя при себѣ, нескаванно утѣшается, а разлучаясь съ ни-

ми, источникъ слезъ проливаетъ, странствовать по неизвѣстнымъ мѣстамъ и предаться толикимъ несчастіямъ, иногда же и самой смерти. Когда токмо войду въ такія мысли, то самъ себя увѣрить не могу, чтобы одни только крестьяне были причиною своего бѣгства. Чего ради долженъ бываю посмотрѣть на самихъ помѣщиковъ, какъ они поступаютъ съ ними. Думаю, изъ васъ знаютъ, почтеннѣйшіе господа депутаты, многіе, что есть довольно въ свѣтѣ такихъ владѣльцевъ, которые съ крестьянъ своихъ берутъ противъ обыкновенной подати; есть и такіе, кои, промотавъ свои пожитки и набравъ много долга, отдаютъ своихъ людей, отлучивъ ихъ отъ земледѣлія, зарабатывать одни хотя слѣдуемые ежегодно къ уплатѣ проценты; есть и такіе, которые, видя, что получаемыхъ съ крестьянъ себѣ доходовъ па удовольствіе прихотей своихъ не станетъ, удаливъ отъ семейства, употребляютъ единственно для своей корысти; но что еще всего больше, то являются между ними и такіе, кои, увидѣвъ своего крестьянина трудами рукъ своихъ стяжавшаго малый себѣ достатокъ, лишаютъ вдругъ всѣхъ плодовъ его старанія. Сожалѣнія, подлинно, достойно взирать на земледѣльца, потомъ лица своего отъ земли мало-по-малу собирающаго имѣніе, почитаемое имъ за безцѣнное сокровище, въ надеждѣ во время болѣзни своей или старости питать себя и семью свою, такожде платить оброкъ своему господину, но вдругъ неожидаемымъ помѣщичьимъ приказомъ, или подъ предлогомъ усмотрѣнной за нимъ будто какой вины, или безъ всего, лишающагося всѣхъ своихъ съ толикимъ трудомъ собранныхъ пожитковъ и погружающагося паки паче прежней въ горестнѣйшую бѣдность, что подлинно съ человѣколюбіемъ сходства никакого не имѣетъ. Но ежели все сіе безпристрастно разсмотримъ, увидимъ точно, что сіе угрожаетъ разореніемъ цѣлому государству; ибо тогда только процвѣтаетъ или въ силѣ находится общество, когда составляющіе оное члены всѣ довольны: отъ сего ихъ спокойствіе, отъ сего и духъ, къ защищенію своего отечества распаляющійся происходитъ. Но какъ извѣстно, что земледѣльцы суть душа обществу, слѣдовательно, когда въ изнуреніи пребываетъ душа общества, тогда и самое общество слабѣетъ; итакъ, отъ изнеможенія общества души, недѣйствительными чрезъ то самое остаются и члены общества, т.-е. разоря крестьянъ, разоряются и всѣ прочіе въ государствѣ. А сіе зло коль пагубно государству, всякъ удобно понять можетъ отъ единаго токмо воображенія разоренныхъ гражданъ. Что же отъ помянутыхъ мною случаевъ крестьяне разоряются, то развѣ тому сумнительно покажется, который мыслями еще колеблется о справедливости того: богатъ ли тогда крестьянинъ, когда у него все отнято, и когда лишенъ онъ земледѣлія, какъ жребія, его изобилующаго? чего для разсмотрѣть должно, не находится ли хотя одинъ въ дѣйствіи который нибудь изъ оныхъ случаевъ въ нашемъ отечествѣ.

Е. И. В. Всемилостивѣйшая Государыня въ данномъ намъ премудромъ своемъ Наказѣ между многими причинами, восполняющими умноженію народа и земледѣлію, въ нѣсколькихъ статьяхъ благоволила сказать тако. („Наказъ“ 269, 275, 276.) Видите ясно, почтеннѣйшіе гг. депутаты, что многіе изъ вышереченныхъ случаевъ и у насъ въ дѣйствіи пребываютъ, ибо не предписала бы подлинно намъ Всемилостивѣйшая наша Государыня оныхъ статей, которыхъ намъ положеніе дѣлать оставила, если бы оные на самомъ дѣлѣ не происходили. Почему не трудно теперь усмотрѣть можно, что причи-

ною бѣгства крестьянъ, по большей части, суть помѣщики, отягощающіе толь много ихъ своимъ правленіемъ. И для того всячески стараться должно предупредить помянутые случаи, какъ несносные земледѣльцамъ, вредные всѣмъ членамъ общества и государству пагубные. А сіе удобно учинить можно, когда благоразумными и человѣколюбивыми законами предупреждено будетъ то начало, которымъ безразсудные помѣщики, сверхъ надлежащаго пользуясь, чинятъ столько злоупотребленій, ибо молодой дворянинъ, вѣдая, что онъ господинъ надъ всѣмъ имѣніемъ своихъ крестьянъ, для удовлетворенія своимъ прихотямъ вышереченные случаи весьма удобно въ дѣйство произвести можетъ. И такъ, если бы всякій изъ владѣльцевъ извѣстенъ былъ, что онъ не болѣе отъ своего земледѣльца потребовать можетъ, какъ только то, что законами предписано, то симъ бы образомъ, кажется, могли пресѣчься тѣ злоупотребленія. Чего ради оное начало, отъ котораго толь вредныя происходятъ слѣдствія, состоитъ въ неограниченной власти помѣщика надъ имѣніями своего крестьянина, и для того всячески трудиться должно разрушить сіе начало.

Въ разсужденіи сей матеріи я бы съ охотою отъ нея воздержался, если бы совершенно вѣдалъ, что всѣ находящіеся въ дражайшемъ отечествѣ нашемъ дворяне суть такіе, которыхъ правленіе надъ своими крестьянами умножаетъ ихъ благополучіе усугубленіемъ изобилія, и которые самымъ дѣломъ доказываютъ, что они правятъ ими, какъ отцы своими чадами. Но какъ изъ вышесказаннаго видѣть можно, что владѣльцы двоякаго вида въ нашемъ отечествѣ усматриваются: одни такіе, которыхъ потеряніе почитаютъ себѣ крестьяне будто какъ за погубленіе своей жизни; а другіе такіе, отъ которыхъ всячески желаютъ удалиться или иногда и подвергнуться самой крайней для жизни своей опасности. На первыхъ хлѣбопашцы взираютъ какъ на своихъ отцовъ, а на вторыхъ какъ на бичъ, отгоняющій ихъ отъ своего семейства. Чего для надлежитъ предписать законами, коликую власть имѣютъ помѣщики надъ имѣніями своего крестьянина. Данная нами торжественная присяга, собственная польза дворянъ, благоденствіе крестьянъ и умноженіе хлѣбопашества сего отъ насъ требуютъ. А паче всего велитъ сіе учинить и Е. И. В. Всемилостивѣйшая наша Государыня, Екатерина Вторая, которая въ главѣ о размноженіи народа и земледѣлія даннаго намъ Большаго Наказа наичувствительнѣйшимъ образомъ намъ о семъ внушаетъ. Итакъ, дабы не оказаться намъ гласа Ея неслышавшими, предпріялъ я съ своей стороны представить вамъ, почтеннѣйшіе гг. депутаты, мое о томъ мнѣніе, которое основано на помянутомъ данномъ намъ Всемилостивѣйше отъ Е. И. В. Наказѣ, почему оное и выслушать благосклонно изволите.

Пекущаяся безпрестанно о благополучіи подданныхъ своихъ, Самодержица наша, Всемилостивѣйшая Мать отечества, Екатерина Алексѣевна въ данномъ намъ своемъ Наказѣ благоволила изрѣщи тако: въ 293 ст.—„не можетъ земледѣльство процвѣтать тутъ, гдѣ никто не имѣетъ ничего собственнаго“; въ 261: „законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества“, т.-е. гдѣ никто не имѣетъ своего собственнаго имѣнія, тамъ земледѣліе процвѣтать или въ хорошемъ состояніи быть не можетъ, слѣдовательно надлежитъ предписать законами, дабы земледѣльцы или рабы вѣдали, что они имѣютъ своего собственнаго. Премудрое умствованіе, изъявляющее матернее сердце! Видите, почтеннѣйшіе гг. депутаты, что Матерь наша къ намъ вѣщаетъ!

Она внушаетъ, что земледѣлія нѣтъ ничего полезнѣе въ государствѣ. Она учитъ, что земледѣліе въ томъ обществѣ весьма въ худомъ состояніи находится, гдѣ рабы, т.-е. крестьяне, ничего не признаютъ за свое собственное, а вѣдаютъ, что имѣніе ихъ состоитъ въ волѣ ихъ помѣщика. Она наставляетъ, что для приведенія хлѣбопашества или земледѣлія въ цвѣтущее состояніе потребны такіе законы, которые бы знать давали крестьянину, что извѣстную часть своего имѣнія почитать долженъ не за свою, но за помѣщичью, а прочее имѣніе за свое собственное, т.-е. за такое, которое онъ можетъ безъ опасенія пустить въ обращеніе, какъ-то: заложить, продать, подарить и оставить по себѣ, кому хочетъ, не думая, что оное когда-нибудь отнято будетъ его помѣщикомъ, и, кратко сказать, за такое, надъ которымъ онъ полный господинъ. И такъ, коликой пользы надѣяться можно, ежели у насъ благоразумными законами предписано будетъ нѣчто для собственнаго крестьянъ имущества! Тогда малоразсудный господинъ, вѣдая, что не можетъ отъ своего земледѣльца потребовать сверхъ узаконеннаго, лишится надежды, что довольно еще у себя имѣетъ, и перестанетъ угождать своимъ прихотямъ; тогда не можетъ болѣе разорять и отягощать своихъ хлѣбопашцевъ, почему и самъ останется въ спокойствіи, да и государство отъ того пребудетъ въ цвѣтущемъ состояніи, увидя своихъ членовъ наслаждающихся всѣхъ довольствіемъ. Крестьянинъ же, зная, что онъ можетъ имѣть у себя нѣчто изъ своего собственнаго, старательные труды къ трудамъ прилагать будетъ; тогда не станетъ онъ и закапывать въ землю свои деньги, также не удалится отъ своей отчизны, и къ бѣгству его прекратится поводъ, а чрезъ то и земледѣліе въ полномъ своемъ изобиліи явится...—

...Чего ради, оставя все сіе на лучшее ваше, почтеннѣйшіе гг. депутаты, разсмотрѣніе, поспѣшаю къ предупрежденію могущихъ въ нѣкоторыхъ произойдти таковыхъ мнѣній, что симъ образомъ земледѣльцы могутъ вдаться въ своевольничество и чрезъ то самое не можно будетъ управлять ими. Но какъ здѣсь говорено не о томъ, сколько имѣетъ власти помѣщикъ въ правленіи своихъ подчиненныхъ, но о томъ, сколько можетъ онъ надъ ихъ имѣніями, то отъ одного къ другому не можно сдѣлать заключенія, ибо отъ того, что господинъ не можетъ потребовать отъ своего крестьянина сверхъ положенной закономъ подати, не слѣдуетъ, чтобы крестьянинъ для того своевольничалъ: великая разность есть между властію помѣщика надъ имѣніями крестьянина и между правленіемъ онаго. Притомъ же, когда здѣсь говорено объ ограничиваніи власти господской надъ имѣніями его земледѣльца, еще ничего не сказано объ ограничиваніи власти помѣщичьей въ разсужденіи правленія. Она ему остается полная, какъ и нынѣ. Крестьянинъ его пребываетъ ему, какъ и нынѣ, крѣпостнымъ, почему доброму владѣльцу ничто не препятствуетъ къ приведенію своихъ крестьянъ въ лучшее состояніе своимъ благоразуміемъ; а желаемымъ узаконеніемъ пресѣчется токмо воля у худыхъ помѣщиковъ разорять своихъ хлѣбопашцевъ.

Итакъ, мнѣніе мое заключаю тѣмъ, что я искренно желаю, дабы почтеннѣйшіе гг. депутаты не оставили сію матерію описать подробно, согласуясь съ повелѣніемъ Е. И. В., съ благосостояніемъ государства, съ желаніемъ соотечественниковъ, съ благополучіемъ земледѣльцевъ и съ пользою трудовъ ихъ. Козловскаго дворянства Депутатъ Григорій Коробьинъ (с. п.).

(Сб. Р. И. О. т. 32, № 28).

---

64. Мнѣніе депутата князя Щербатова.

(Отвѣтъ на рѣчь Коробьина). Чит. 22 мая 1768 г.

Не буду я тщиться оправдать безчеловѣчныхъ помѣщиковъ, которые сверхъ силы и возможности на крестьянъ своихъ налоги полагаютъ, ибо, имѣя въ омерзеніи всякую суровость и нападеніе, порокъ во всякомъ состояніи людей не меньше мерзокъ почитаю; но желаю токмо здѣсь предложить: главнѣйшія ли суть тѣ причины (крестьянскихъ побѣговъ), которыя онъ (деп. Коробьинъ) представляетъ? и сіе я тѣмъ болѣе побужденъ учинить, дабы, плѣнясь оказуемымъ имъ человѣколюбіемъ и краснорѣчіемъ, сіе какого вреда не произвело.

1) Я мню, что рѣдкій помѣщикъ, имѣющій за собою не мало число душъ, возможетъ сказать, чтобъ нѣсколько бѣглыхъ не имѣлъ, то всѣ ли такіе побѣги отъ неправосудія и, такъ можно сказать, отъ мздоимства помѣщиковъ происходятъ? нѣтъ, не мню, чтобы онъ и самъ господинъ депутатъ на добродѣтельнѣйшій корпусъ дворянства, каковой есть во вселенной, возмогъ хулу такую возложить. И если то такъ, то должно искать другихъ причинъ; и вотъ оныя, 1-ая. Пространство Россійской имперіи, вмѣщающее въ себѣ восемь климатовъ по земному шару, понуждаетъ многихъ искать себѣ способнѣйшаго жилища; да и въ самыхъ сихъ климатахъ не равная доброта земель и не равныя выгоды. 2-ая. Недостатокъ земель и неплодородіе ихъ въ однихъ мѣстахъ, а напротивъ того великое обильство и доброта ихъ въ другихъ. 3-я—Рекрутскіе наборы, отъ которыхъ избавляясь, многіе не токмо изъ мѣста въ мѣсто, но изъ Россіи вонъ бѣгутъ. 4-я. Непостоянство, облѣнчивость и худые нравы самихъ крестьянъ, которые, пришедши въ не состояніе и бывъ понуждаемы къ работѣ, или страшась достойнаго за ихъ проступки наказанія, оставя дома свои, сбѣгаютъ; и многія другія, о коихъ за потребное почитаю умолчать. То какъ возможно положить все на одну суровость помѣщиковъ тогда, когда къ тому толь много другихъ причинъ постороннихъ есть?..

2) Но какъ со всѣмъ тѣмъ оспорить не можно, чтобы между великаго числа помѣщиковъ не было такихъ, каковыхъ описываетъ онъ, господинъ депутатъ Коробьинъ, и понеже желаніе нашей Всемилостивѣйшей Государыни есть, чтобы сдѣлать насъ толь счастливыми, сколь возмогутъ смертные быть, слѣдовательно, хотя бы и въ одномъ такое злоупотребленіе его власти видно было, надлежитъ, конечно, потщиться, чтобы и то прекратить, дабы самый послѣдній подданный, видя ему утвержденное благополучіе, по мѣрѣ состоянія своего, по окончаніи сего закона, въ восхищеніи удовольствіемъ своего сердца, не престивалъ благодарить общую нашу Благодѣтельницу, Екатерину II. Но за нужное для сего почитаю разсмотрѣть, возможные ли, паче, не вредные ли способы представлены господиномъ депутатомъ Коробьинымъ: ограничить власть помѣщиковъ въ доходахъ. Да позволится мнѣ теперь спросить: не самая ли то истина, что дабы положить чему границы, надлежитъ ту самую вещь узнать? ибо если не обнимаешь зрѣніемъ или понятіемъ какую вешь, то и границъ ей положить не можно; также не самая ли то истина, что должно съ крестьянъ положеніе чинить по ихъ обстоятельствамъ и выгодамъ, каковыя они имѣютъ? Но возможно ли какому бы то ни было правительству сіи не равныя выгоды обстоятельно знать: разность климатовъ, доброты земли, обильство или недостатокъ угодій, способы къ промысламъ, всѣ обстоятельства, премѣняющіяся по разнымъ уѣздамъ Россіи..

3) Дать нѣкоторую собственность крестьянамъ. Весьма мнѣ удивительно, что о такой собственности и поминается, будто бы ее не было. Дается то, чего до сего не имѣли, но какъ понынѣ наши крестьяне имѣли и имѣютъ совершенную собственность (хотя не законами утвержденную, но если осмѣлюсь сказать, еще сильнѣйшую, т. е. основанную на общемъ умствованiи и на взаимной пользѣ) во всемъ своемъ движимомъ имѣнiи, т. е. могли и могутъ нынѣ весь свой пожитокъ продавать и отдавать по благоизобрѣтенiю своему, токмо съ такимъ ограниченiемъ, что помѣщики наблюдаютъ для крестьянскаго же благоденствiя, дабы самыхъ нужныхъ вещей для земледѣлiя не сбывали и не становились бобылями, что все еще и для общаго распростертiя земледѣлiя и благосостоянiя государства клонится; и толь попеченiе сiе о ихъ благосостоянiи простираютъ, что снабжаютъ ихъ скотиною, лошадьми, хлѣбомъ, даютъ имъ лѣсу на строенiе, и все то безъ всякой другой заплаты, какъ единственно токмо, чтобъ спомоществовать ихъ благосостоянiю. Въ утвержденiе чего свидѣтельствуюсь всѣми здѣсь обрѣтающимися господами депутатами. Слыхалъ ли кто, чтобы крестьянинъ требовалъ у своего помѣщика позволенiя продать какую вещь изъ своего пожитка или куда деньги употребить? Конечно, сего нѣтъ; во всемъ ими нажитомъ они совершенную волю имѣютъ, а напротивъ того, нерѣдко бываютъ требованiя отъ крестьянъ и исполненiя по нимъ для ссуды оныхъ, что послѣднюю сiю неразрывную цѣпь между помѣщиками и крестьянами утверждаетъ.

Что же господинъ депутатъ Коробьинъ представляетъ, дабы часть нѣкотораго имѣнiя позволить имѣть крестьянамъ въ собственность, т.-е., чтобъ ее могли продать, заложить, подарить и проч., понеже, какъ я выше предложилъ о собственности ихъ въ движимомъ имѣнiи, которая, конечно, не безъизвѣстна ему, господину депутату, то развѣ о недвижимомъ говоритъ; и о семъ состоятъ вопросы: 1) изъ какихъ земель имъ сiю собственность дать? 2) и не разорительна ли она будетъ государству? Отвѣтствую. На 1-й: большая часть земель еще изъ древнихъ временъ дана государями въ оклады, а потомъ въ вотчины дворянамъ за ихъ вѣрную службу отечеству, яко: за сопротивленiе татарамъ и полякамъ, за неоднократное освобожденiе Москвы и проч., которыя дачи, если бы чего не доставало при началѣ оныхъ, еще сверхъ того безпрестанно и во всѣхъ случаяхъ ихъ пролитой кровью заслужили, а сверхъ того и положенными пошлинами за справки и за продажи едва не всю цѣну и денежную въ государственную казну внесли; то справедливо ли будетъ лишить сей корпусъ самыхъ сихъ земель, которыя его обязываютъ къ службѣ отечеству, или что лучше сказать, онъ отчиной своей почитаетъ, и отнять не токмо кровью, но и деньгами купленныя ими имѣнiя? и за награжденiе, что отъ ига татарскаго Россiю свободили, что всегда нерушимою вѣрность сохраняли, что запечатлѣли свое усердiе къ своимъ Монархамъ во время бунтовъ ругательными и мучительными смертями, что многiя провинцiи Россiи прiобрѣли, у нихъ самое то награжденiе отнять, дабы отдать ихъ подданнымъ, которые никогда къ сему права не имѣли или токмо послѣдовали ведущимъ ихъ предводителямъ? нѣтъ, и изображенiе сего довольно,—мню, самаго неправосуднаго въ ужасъ приводитъ! и не должны мы и помнить, чтобы лучшiй законъ, какой во вселенной можетъ быть, возмогъ начаться такимъ неправосудiемъ! Великая Екатерина, коей мудрости вселенная удивляется,

древнія вольности утѣсненнымъ народамъ сохраняя, не можетъ то терпѣть, чтобы вѣрные ея подданные такого правосудія страшиться могли. Позволь мнѣ, почтеннѣйшій маршалъ, едину рѣчь сказать всѣмъ симъ поселянамъ, которые здѣсь обрѣтаются для устроенія общаго благополучія. Скажите, почтенные депутаты, скажите, вы слыхали отъ отцовъ своихъ, коликія заслуги корпусъ дворянскій всей Россіи оказалъ? еще во многихъ у васъ мѣстахъ видны развалины разрушенныхъ храмовъ, запустошенныя селенія отъ ярости иновѣрцевъ! кто Вамъ православную вѣру сохранилъ! кто отъ ига и мучительства варваръ и чужеземцевъ васъ избавилъ, если то не дворяне? Толь ли награжденія отцы наши, имѣя честь предводительствовать своихъ слугъ противъ общихъ непріятелей и защищать православную вѣру и государство, надѣялись получить, чтобы нынѣ ихъ потомковъ съ тиранами сравнять? такое ли будетъ отъ васъ награжденіе за спасеніе васъ и душъ вашихъ? Но вижу, всѣ, равнымъ усердіемъ пылая, и отъ напоминовенія сего очи отвращаютъ, то какже за полезное можно принять, что толь не правосудно всему свѣту является? Скажу еще больше на 2-й вопросъ, что толь вредно всему государству. Какъ возможно позволить недвижимыя имѣнія продавать крестьянамъ, отдавъ ихъ онымъ въ собственность? возможетъ ли какое порядочное тогда домостроеніе быть, когда участки земли, отданной въ совершенную собственность, каждый крестьянинъ, имѣя право продать или подарить, будетъ другимъ оные продавать и раздробитъ ихъ не токмо на части, но на лоскуты, въ противность Наказу, отдѣленію 427?..

Итакъ, изъ всего, что имѣлъ честь представить, мню, что всякому ощутительно есть, колико представляемые способы господиномъ депутатомъ Коробьинымъ суть вредны. Но я съ моей стороны съ радостію ему то прощаю, почитая, что отъ усердія своего къ нѣкоторымъ удрученнымъ крестьянамъ оные онъ предложилъ, но не могу безъ удивленія видѣть, что коль имѣетъ онъ попеченіе о пожиткахъ крестьянскихъ, толь малое тщаніе прилагаетъ объ избавленіи ихъ отъ того утѣсненія, которое можетъ произойти отъ наказаній, налагаемыхъ на нихъ, ибо тщетно имя собственности растверживать: когда тѣло чье подвластно другому, имѣніе его всегда тому же подвластно будетъ, и законы таковые, всегда сильнѣйшему уступая, лишь причина (презрѣніемъ ихъ) новому преступленію будутъ. А сей господинъ депутатъ точно говоритъ, что онъ не желаетъ, чтобы самихъ крестьянъ отняли отъ власти ихъ помѣщиковъ. То какая же собственность въ имѣніи у нихъ можетъ быть, когда помѣщикъ, имѣя власть самопроизвольно наказывать своихъ крестьянъ, слѣдственно можетъ и неволею, для избѣжанія отъ наказанія, имѣніе ихъ всегда, когда пожелаетъ, отнять?...—

Мнится мнѣ, что противъ такихъ помѣщиковъ, ежели они есть, которые неумѣренные оброки или двойные съ крестьянъ своихъ берутъ, или которые отягощаютъ безмѣрно работаю своихъ крестьянъ, или которые ограбливаютъ тѣхъ, кои потомъ лица своего пріобрѣли себѣ нѣкоторый пожитокъ, можно употребить такой способъ, чтобы учрежденные коммиссары и дворянскія собранія имѣли наблюденіе о благосостояніи крестьянъ и не токмо касающееся до имѣній ихъ, но также и безчеловѣчныхъ наказаній, и таковыхъ помѣщиковъ сперва словесно или письменно къ умѣреннѣйшему поступку старались склонить; если же и таковыя увѣщанія не послужатъ и помѣщикъ тотъ ни оправданія не предложитъ, ни суровость свою не смягчитъ, то бы въ

вышнее правительство о томъ увѣдомляли, которое, учиня обстоятельное и строгое изслѣдованіе, можетъ повелѣть такому помѣщику дать опекуновъ...

Ярославскаго дворянства депутат князь Михайило Щербатовъ (самъ подписалъ, мѣстами исправлялъ и дополнялъ собственноручно).

(Сб. Р. И. О, т. 32, с. 486—492).

XII. Войны и раздѣлы.

65. Борьба съ татарами въ XVIII в.

Я думаю, не лишне будетъ здѣсь дать нѣкоторое понятіе объ украинскихъ линіяхъ. Петръ I предположилъ ихъ устроить въ защиту отъ набѣговъ татаръ. Послѣ его кончины, до 1731 г., дѣло на этомъ остановилось, потомъ за эти линіи снова взялись, и ихъ кончили въ 1732 г.; но укрѣпленія были отстроены не ранѣе 1738 г.; правая сторона линій опирается на Днѣпръ, а лѣвая на Донецъ. Всего онѣ простираются болѣе чѣмъ на 100 французскихъ лье [1]), и на этомъ протяженіи выстроены до пятнадцати крѣпостей, снабженныхъ хорошимъ землянымъ бруствѣромъ, штурмфалами, наполненнымъ водою рвомъ, гласисомъ и контрэскарпомъ съ палисадомъ. Въ промежуткахъ крѣпостей, по всей линіи, устроены надежные редуты и реданы. Линіи охраняются 20,000 драгунъ изъ милиціи, размѣщенныхъ по крѣпостямъ и по селамъ, нарочно для нихъ выстроеннымъ. Въ мирное время они получаютъ на одну треть менѣе обыкновеннаго войскового жалованья, а взамѣнъ имъ розданы участки пахотной земли, которую они обработываютъ. Это войско набрано изъ двухсотъ тысячъ бѣдныхъ дворянскихъ семействъ въ областяхъ Курской и Рыльской, такъ называемыхъ однодворцевъ, т.-е. владѣльцевъ одного только двора, которые сами пашутъ свою землю. Эти же семейства обязаны ежегодно высылать на линію изъ своей среды извѣстное число работниковъ, въ помощь войску при земледѣльческихъ работахъ. Скажу мимоходомъ, что это превосходнѣйшее войско въ Россіи...— Всѣ эти мѣры не мѣшали татарамъ дѣлать набѣги на Украйну; на такомъ большомъ протяженіи линія не могла быть всегда исправно охраняема. Они только и дѣлали, что переходили черезъ линію взадъ и впередъ, совершенно безнаказанно. Только въ послѣднюю войну этихъ грабителей порядкомъ нѣсколько разъ побили и отняли у нихъ добычу, благодаря благоразумнымъ мѣрамъ, принятымъ фельдмаршаломъ.

Осмотрѣвъ линіи и верфи, Минихъ расположился на главной квартирѣ въ Изюмѣ, казацкомъ городѣ по близости линій...

Полкамъ велѣно справлять свою походную амуницію. Фельдмаршалъ снова завелъ пики, которыя было вышли изъ употребленія послѣ ништадтскаго мира. Каждый полкъ обязанъ былъ имѣть 350 пикъ, каждая длиною въ 18 футъ, и также 20 рогатокъ, длиною въ туазъ, для постановки передъ лагеремъ. Эти рогатки оказали большую пользу, потому что лишь только войско становилось лагеремъ, какъ рогатки выставлялись и армія была обезпечена отъ нечаяннаго нападенія. Но пики были безполезны, даже затрудняли солдатъ въ походѣ (вторая шеренга несла пики), и кромѣ того

---

[1]) Лье—съ небольшимъ четыре версты.

надо было увеличить обозъ двумя подводами на полкъ, такъ какъ на нихъ складывались пики больныхъ. Минихъ распорядился также освободить офицеровъ и унтеръ-офицеровъ отъ эспонтоновъ и алебардъ, которые онъ замѣнилъ болѣе практичными короткими ружьями со штыками.

Довольно своеобразны были порядки, заведенные русскими во время ихъ похода противъ турокъ. Какъ скоро до главнокомандующаго доходило извѣстіе, что непріятель близокъ, армія строилась въ одно или нѣсколько каре, помѣщая внутри обозъ. Такой порядокъ возможенъ въ степяхъ того края, представляющаго плоскую равнину, гдѣ очень мало ущелій, такъ что развѣ черезъ десять лье встрѣтится холмъ или балка, черезъ которые надо переходить. Кромѣ того, тутъ нѣтъ собственно проложенныхъ дорогъ, вся ширь степи открыта для войска, что весьма облегчаетъ походъ. Но тѣмъ болѣе хлопотъ представляетъ обозъ, который армія должна тащить за собою. Во всей странѣ между Украйною и Крымомъ нѣтъ городовъ, за исключеніемъ Запорожской станицы, не стоющей порядочнаго села; поэтому, собираясь въ походъ, армія поставлена въ необходимость заготовлять для себя все нужное на все время похода, до того что иногда воду и дрова надобно перевозить изъ лагеря въ лагерь. Понятно теперь, какъ великъ долженъ быть обозъ такой арміи. Я не преувеличиваю, говоря, что армія Миниха не выступала въ походъ иначе, какъ въ сопровожденіи обоза изъ 90 т. подводъ, особенно послѣ того, какъ опытъ доказалъ, что нельзя продовольствоваться на счетъ непріятеля. Эта чрезмѣрная цифра, можетъ быть, удивляетъ; такъ я докажу, что дѣйствительно было такъ на самомъ дѣлѣ. Для арміи въ 80 т. человѣкъ везли муки на 6 мѣсяцевъ, а для этого одного требовалось 40 т. подводъ; отдѣльный обозъ каждаго полка состоялъ не менѣе какъ изъ 250 подводъ; прибавьте къ нимъ генеральскіе обозы, обозъ регулярнаго войска, артиллерійскій паркъ, да 7 или 8 т. маркитантовъ, и окажется, что я нисколько не преувеличиваю. Спору нѣтъ, что безъ этого страшнаго обоза походы Миниха далеко не были бы такъ изнурительны, и Россія извлекла бы изъ нихъ, можетъ быть, болѣе выгоды. Важнымъ удобствомъ для арміи было то, что ей не нужно было запасаться фуражемъ; русскія лошади привыкли быть все лѣто на подножномъ кормѣ, а степи, черезъ которыя проходила армія, представляютъ самыя роскошныя пастбища. Край этотъ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ въ Европѣ; только жаль, что эта мѣстность не обрабатывается отъ недостатка въ водѣ и лѣсѣ; можно пройти 15 и 20 верстъ, не встрѣтивъ ни одного куста, ни малѣйшаго ручейка; вотъ почему надо было тащить дрова съ одной стоянки на другую, отъ неизвѣстности— найдутся-ли они на новомъ мѣстѣ. Кромѣ того, каждая рота всегда везла по большой бочкѣ съ водою, для утоленія жажды солдата въ походѣ. Бочки имѣли еще другое назначеніе; въ каждомъ полку ихъ имѣлось отъ 8 до 10-ти и постольку же большихъ дубовыхъ досокъ; тѣ и другія служили мостами для переправы пѣхоты и легкаго обоза; понтоны служили только для перехода тяжелаго обоза и кавалеріи.

Понятіе о плодородіи этого края можно себѣ составить изъ того, что трава на лугахъ достигаетъ вышины, превосходящей ростъ самаго высокаго мужчины. Спаржа растетъ тутъ въ большомъ количествѣ, и ботанисты нашли тамъ множество растеній, весьма рѣдкихъ, которыя въ нашихъ аптекарскихъ садахъ имѣли бы боль-

шой уходъ. Въ этихъ же степяхъ растетъ трава, изъ которой турки и татары приготовляютъ свои фитили. Въ іюлѣ или августѣ мѣсяцахъ, татары выжигаютъ траву въ степяхъ. Они дѣлаютъ это потому, что какъ нѣтъ возможности косить траву, то она отъ зноя выгорѣла бы и заглушила молодые отростки, въ предупрежденіе чего они сами ее выжигаютъ огнемъ. Татары часто поджигали луга съ цѣлью лишить русскихъ фуража; и если бы не брали охранительныхъ мѣръ противъ такого пожара, то онъ легко сжегъ бы цѣлый лагерь. Оттого фельдмаршалъ Минихъ распорядился снабдить каждую телѣгу метлою для гашенія огня. Также бывало необходимо окопать лагерь рвомъ въ 2 фута ширины, чтобы не сгорѣть живыми.

Какъ скоро дѣлалось извѣстно, что татары выступили, то зажигали огонь на первыхъ сигнальныхъ столбахъ по всей линіи: этимъ предупреждали караулы и жителей быть насторожѣ; если же непріятель показывался по близости одного изъ постовъ, зажигали огни на вторыхъ столбахъ; а когда непріятель уже вторгся въ страну въ какомъ-либо мѣстѣ, то зажигали огонь на третьихъ столбахъ. Тогда все войско немедля выступало на встрѣчу непріятелю и шло по направленію завидѣннаго огня, стараясь отрѣзать хищникамъ отступленіе. Для большей быстроты движенія, каждому пѣхотному полку было роздано по 200 лошадей, которыхъ запрягали по парно въ сани съ 3-мя или 4-мя сѣдоками. Я полагаю, что нѣтъ человѣческой возможности принимать болѣе предосторожностей, и, несмотря на то, года не проходило безъ того, чтобы изъ многихъ набѣговъ, дѣлаемыхъ татарами, не удался имъ хотя одинъ.

(Зап. Манштейна с. 68—103).

---

66. Чесменскій бой.

Изъ переписки имп. Екатерины II съ Вольтеромъ.

Екатерина Вольтеру.

Петербургъ 16—27 сентября (1770 г.)

Милоствиый государь, какъ много должна я сегодня вамъ сообщить! не знаю, съ чего и начать.

Мой флотъ, подъ командою не моихъ адмираловъ, а графа Алексѣя Орлова, разбилъ непріятельскій флотъ, сжегъ его всего въ Чесменской гавани, древнемъ Клазоменѣ (Clazoméne). Три дня тому назадъ я получила объ этомъ прямое извѣстіе. Около ста судовъ всевозможныхъ родовъ были обращены въ пепелъ. Не смѣю выговорить количество погибшихъ мусульманъ: ихъ насчитываютъ до двадцати тысячъ.

Общій военный совѣтъ положилъ предѣлъ разъединенію двухъ адмираловъ, отдавъ командованіе генералу войскъ сухопутныхъ, находившемуся на этомъ флотѣ и который, къ тому же, былъ старшій по службѣ. Это рѣшеніе было единодушно всѣми одобрено. Я всегда говорила, что герои рождаются для великихъ событій.

Турецкій флотъ преслѣдовался отъ Румынскаго Наполи, гдѣ онъ выдержалъ два нападенія, до Scio. Графъ Орловъ зналъ, что изъ Константинополя отправлено подкрѣпленіе и, желая предупредить его соединеніе, онъ напалъ на врага, не теряя времени. Пріѣхавъ въ каналъ Scio, онъ увидѣлъ, что соединеніе уже совершилось. Съ девятью линейными кораблями, онъ очутился въ присутствіи шестнадцати оттоманскихъ; число фрегатовъ и другихъ судовъ было еще болѣе неравномѣрно. Онъ не колебался, и общее расположеніе умовъ было таково, что всѣ рѣшили побѣдить или умереть. Сраженіе началось: графъ Орловъ держался въ центрѣ; адмиралъ Спиридовъ, имѣвшій на своемъ караблѣ

графа Өедора Орлова, командовалъ авангардомъ; контръ-адмиралъ Ельфинстонъ—арьергардомъ.

Турки были расположены такъ, что одно изъ ихъ крыльевъ упиралось на каменистый островъ, а другое на мели, такъ что они не могли быть обогнутыми.

Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ огонь былъ ужасенъ съ обѣихъ сторонъ; корабли такъ близко подошли другъ къ другу, что ружейная стрѣльба присоединилась къ пушечной. Корабль генерала Спиридова боролся съ тремя военными кораблями и одной турецкой шебекой. Не смотря на это онъ зацѣпилъ Капитанъ-пашу, имѣвшаго девяносто пушекъ, и набросалъ туда столько гранадъ и горючихъ матеріаловъ, что корабль загорѣлся; огонь перешелъ на нашъ корабль и оба взлетѣли на воздухъ въ ту минуту, какъ адмиралъ Спиридовъ съ графомъ Өедоромъ Орловымъ и около девяносто людей экипажа спустилися съ него.

Графъ Алексѣй, увидя въ разгарѣ сраженія, что адмиральскіе корабли взлетѣли на воздухъ, подумалъ, что братъ его погибъ. Онъ почувствовалъ тогда, что онъ не болѣе, какъ человѣкъ и лишился чувствъ; но, минуту спустя, придя въ себя, онъ приказалъ поднять паруса и съ своими кораблями бросился на враговъ. Въ минуту побѣды офицеръ принесъ ему извѣстіе, что его братъ и адмиралъ живы. Онъ говоритъ, что не можетъ описать, что почувствовалъ въ эту минуту, самую счастливую въ его жизни. Остальной турецкій флотъ въ безпорядкѣ бросился въ Чесменскій портъ.

Слѣдующій день прошелъ въ приготовленіи брандеровъ и въ стрѣльбѣ по врагу въ портѣ, на которую тотъ отвѣчалъ. Но ночью брандеры были пущены и такъ хорошо сдѣлали свое дѣло, что менѣе, чѣмъ въ шесть часовъ, турецкій флотъ былъ совсѣмъ уничтоженъ. Говорятъ, что вода и суша дрожали отъ количества непріятельскихъ судовъ, взлетающихъ на воздухъ. Это чувствовалось до Смирны, находящейся въ двѣнадцати лье отъ Чесмы.

Во время пожара наши вытащили изъ порта турецкій корабль съ шестидесятью пушками, находившійся подъ вѣтромъ и поэтому уцѣлѣвшій. Они также захватили батарею, оставленную турками.

Война—скверная вещь. Графъ Орловъ мнѣ пишетъ, что на другой день послѣ пожара флота, онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что вода въ Чесменскомъ портѣ, который не очень великъ, была совсѣмъ красная, такъ много погибло въ ней турокъ.

Это письмо будетъ отвѣтомъ на ваше отъ 26 августа, въ которомъ ваши опасенія на нашъ счетъ уже начали разсѣиваться. Надѣюсь, что теперь ихъ болѣе уже нѣтъ. Мнѣ кажется, что дѣла мои идутъ довольно хорошо. Что же касается до взятія Константинополя, то я не полагаю его столь близкимъ. Однако, какъ говорятъ, не надо ни въ чемъ отчаяваться. Я начинаю думать, что это всего болѣе зависитъ отъ самого Мустафы. До сихъ поръ онъ такъ велъ себя, что если еще будетъ держаться того упрямства, которое его друзья внушаютъ ему, то можетъ навлечь на свою имперію большія опасности. Онъ забылъ свою роль зачинщика.

Прощайте, милостивый государь, будьте здоровы. Если выигранныя сраженія могутъ вамъ нравиться, вы должны быть нами довольны. Вѣрьте моему къ вамъ уваженію и почтенію.

Екатерина.

Вольтеръ Екатеринѣ.

Фернэ 2-го октября (1770 г.)

Государыня, я не живу въ XVIII ст., я чувствую себя перенесеннымъ въ Альпы временъ основанія Вавилона.

Я вижу героиню изъ дома Асканіевъ, возведенную на престолъ Рокселановъ, торжествующую надъ Киромъ, на Фазисѣ, на Понтѣ Эвксинскомъ, на морѣ Эгейскомъ, на берегахъ Дуная. Даламберъ, находящійся теперь въ Фернэ, въ такомъ же восторгѣ, какъ и я, съ тою только разницею, что восторгъ свой онъ выражаетъ. Мы одинаково ненавидимъ Мустафу; среди кустарниковъ нашихъ горъ мы ищемъ только лавровъ, чтобы украшать ими портретъ Вашего Величества, но не находимъ ихъ. Всѣ натуралисты увѣряютъ, что ихъ можно найти только въ Россіи.

Послѣ письма отъ 29 августа, которымъ Ваше Величество удостоили меня, мы съ увѣренностью ожидаемъ, что ваше побѣдоносное войско перейдетъ Дунай; что визирь будетъ разбитъ iterum у Адріанополя; что городъ этого злаго Константина, такъ поздно крестившагося, откроетъ вамъ свои ворота; что дамамъ сераля будетъ возвращена свобода, что флотъ Эгейскаго моря соединится съ флотомъ Понта Эвксинскаго; что Мустафа уѣдетъ въ Дамаскъ или Алеппо и т. д., и т. д.

Вы были совершенно правы, говоря въ началѣ этой войны, что тѣ, которые возбудили ее, трудились для вашей славы: дѣйствительно Ваше Величество много имъ обязаны.

И мы тоже не остаемся безъ славы. Въ Парижѣ появились очень хорошенькія новомодныя кареты, тамъ изобрѣли столовые приборы для десерта очень тонкаго вкуса; недавно большой хоръ исполнялъ мотетъ, надѣлавшій много шуму, по крайней мѣрѣ въ той залѣ, въ которой его пѣли; наконецъ у насъ есть танцовщица, о которой разсказываютъ чудеса.

Не смотря на наши тріумфы, души Даламбера и моя летятъ къ Дарданелламъ, на Дунай, къ Черному морю, въ Бендеры, въ Крымъ и въ особенности въ Петербургъ: тамъ онѣ у ногъ Вашего Императорскаго Величества, проникнутыя восхищеніемъ, почтеніемъ, радостью и полныя надеждой писать ей въ Стамбулъ.

Обожатель исключительно одного Вашего Императорскаго Величества, Вольтеръ, погребенный въ Фернэ и кричащій: Слава въ вышнихъ.

(Чуйко. Европ. классики. т. IV с. 2—7.)

---

67. Записка Потемкина о Крымѣ.

Крымъ, положеніемъ своимъ,—разрываетъ наши границы. Нужна ли осторожность съ турками по Бугу или со стороны Кубанской — во всѣхъ сихъ случаяхъ и Крымъ на рукахъ. Тутъ ясно видно, для чего ханъ нынѣшній туркамъ непріятенъ: для того, что онъ не допуститъ ихъ чрезъ Крымъ входить къ намъ, такъ сказать, въ сердце. Положите теперь, что Крымъ вашъ и что нѣтъ уже сей бородавки на носу,—вотъ вдругъ положеніе границъ прекрасное; по Бугу турки граничатъ съ нами непосредственно, потому и дѣло должны имѣть съ нами прямо сами, а не подъ именемъ другихъ. Всякій ихъ шагъ тутъ виденъ. Со стороны Кубанской сверхъ частыхъ крѣпостей, снабженныхъ войсками, многочисленное войско донское всегда тутъ готово. Довѣренность жителей въ Новороссійской губерніи будетъ тогда несумнительна, мореплаваніе по Черному морю свободное, а то извольте разсудить, что кораблямъ вашимъ и выходить трудно, а входить еще труднѣе. Еще вдобавокъ избавимся отъ труднаго содержанія крѣпостей, кои теперь въ Крыму на отдаленныхъ пунктахъ.

Всемилостивѣйшая Государыня! неограниченное мое усердіе къ вамъ заставляетъ меня говорить: презирайте зависть, которая вамъ препятство-

вать не въ силахъ. Вы обязаны возвысить славу Россіи. Посмотрите, кому оспорили, кто что пріобрѣлъ: Франція взяла Корсику; Цесарцы безъ войны у турковъ въ Молдавіи взяли больше, нежели мы. Нѣтъ державы въ Европѣ, чтобы не подѣлили между собою Азіи, Африки, Америки. Пріобрѣтеніе Крыма ни усилить, ни обогатить васъ не можетъ, а только покой доставитъ. Ударъ сильный—да кому? Туркамъ: это васъ еще больше обязываетъ. Повѣрьте, что симъ пріобрѣтеніемъ безсмертную славу получите и такую, какой ни одинъ Государь въ Россіи еще не имѣлъ. Сія слава положитъ дорогу еще къ другой и большей славѣ: съ Крымомъ достанется и господство въ Черномъ морѣ; отъ васъ зависѣть будетъ запирать ходъ туркамъ и кормить ихъ или морить съ голоду. Хану пожалуйте въ Персіи, что хотите—онъ будетъ радъ. Вамъ онъ Крымъ поднесетъ нынѣшнюю зиму, и жители охотно принесутъ о семъ просьбу. Сколько славно пріобрѣтеніе, столько вамъ будетъ стыда и укоризны отъ потомства, которое при каждыхъ хлопотахъ такъ скажетъ: вотъ она могла, да не хотѣла или упустила. Естьли твоя держава кротость, то нуженъ въ Россіи рай. Таврическій Херсонъ! изъ тебя истекло къ намъ благочестіе: смотри, какъ Екатерина Вторая паки вноситъ въ тебя кротость христіанскаго правленія.

[Брикнеръ. Потемкинъ. с. 60—2].

---

68. Трактатъ въ Кучукъ Кайнарджи.

10 іюля 1774 г.

Арт. 3. Всѣ Татарскіе народы: Крымскіе, Буджатскіе, Кубанскіе, Едисанцы, Жамбуйлуки и Едичкулы, безъ изъятія отъ обѣихъ Имперій имѣютъ быть признаны вольными и совершенно независимыми отъ всякой посторонней власти, но пребывающими подъ самодержавною властію собственнаго ихъ Хана Чингисскаго поколѣнія, всѣмъ Татарскимъ обществомъ избраннаго и возведеннаго, который да управляетъ ими по древнимъ ихъ законамъ и обычаямъ, не отдавая отчета ни въ чомъ никакой посторонней Державѣ; и для того ни Россійскій Дворъ, ни Оттоманская Порта не имѣютъ вступаться какъ въ избраніе, такъ и возведеніе помянутаго Хана, такъ и въ домашнія, политическія, гражданскія и внутреннія ихъ дѣла ни подъ какимъ видомъ, но признавать и почитать оную Татарскую націю въ политическомъ и гражданскомъ состояніи по примѣру другихъ Державъ, подъ собственнымъ правленіемъ своимъ состоящихъ, ни отъ кого, кромѣ единаго Бога, независящихъ; въ духовныхъ же обрядахъ, какъ единовѣрные съ Мусульманами, въ разсужденіи Его Султанскаго Величества, яко Верховнаго Калифа Магометанскаго закона, имѣютъ сообразоваться правиламъ, закономъ ихъ предписаннымъ, безъ малѣйшаго предосужденія, однакожъ, утверждаемой для нихъ политической и гражданской вольности...

Арт. 7. Блистательная Порта обѣщаетъ твердую защиту Христіанскому закону и церквамъ онаго, равнымъ образомъ дозволяетъ Министрамъ Россійскаго Императорскаго Двора дѣлать по всѣмъ обстоятельствамъ въ пользу какъ воздвигнутой въ Константинополѣ упомянутой въ 14-мъ артикулѣ церкви, такъ и служащихъ оной разныя представленія, и обѣщаетъ принимать оныя въ уваженіе, яко чинимыя довѣренною особою сосѣдственной и искренно-дружественной Державы.

Арт. 16. Россійская Имперія возвращаетъ блистательной Портѣ всю

Бессарабію съ городами Аккерманомъ, Киліею, Измаиломъ и прочими съ слободами, деревнями и всѣмъ тѣмъ, что оная Провинція въ себѣ содержитъ; равномѣрно возвращаетъ ей и крѣпость Бендеры. Возвращаетъ также Россійская Имперія блистательной Портѣ оба Княжества, Воложское и Молдавское со всѣми крѣпостьми, городами, слободами, деревнями и всѣмъ тѣмъ, что въ оныхъ находится; а блистательная Порта пріемлетъ оныя на слѣдующихъ кондиціяхъ, съ торжественнымъ обѣщаніемъ свято наблюдать оныя: 1. Наблюдать въ разсужденіи всѣхъ жителей сихъ Княжествъ, какого бы достоинства, степени, состоянія, званія и рода они ни были, безъ малѣйшаго исключенія, полную амнистію и вѣчное забвеніе, постановленныя въ первомъ сего трактата артикулѣ, противъ всѣхъ тѣхъ, кои дѣйствительно преступили, или подозрѣваемы въ намѣреніи вредствовать интересамъ блистательной Порты, возстановляя оныхъ въ прежнія ихъ достоинства, чины и владѣнія, и возвратя имъ имѣнія, коими они прежде настоящей войны пользовались. 2. Не препятствовать, какимъ бы то образомъ ни было, исповѣданію Христіанскаго закона совершенно свободнаго, такъ какъ созиданію церквей новыхъ и поправленію старыхъ, какъ то прежде сего уже было 3. Возвратить монастырямъ и прочимъ партикулярнымъ людямъ земли и владѣнія, прежде сего имъ принадлежащія, и которыя потомъ противъ всей справедливости были у нихъ отняты около Браилова, Хотина, Бендеръ и прочихъ, и нынѣ раями называемыя. 4. Признавать и почитать Духовенство съ должнымъ оному чину отличіемъ. 5. Фамиліямъ, пожелающимъ оставить свое отчество и въ другія мѣста переселиться, позволить свободный выѣздъ со всѣмъ ихъ имѣніемъ; а чтобъ оныя фамиліи могли имѣть удобность къ распоряженію дѣлъ, дается имъ годъ времени для сего свободнаго изъ отечества переселенія, считая со дня размѣны настоящаго трактата. 6. Не требовать, или не взыскивать никакой денежной, или другой суммы за старые счеты, какого бы существа они ни были. 7. Не требовать отъ нихъ никакой контрибуціи, или платежа за все военное время; а за многія ихъ страданія и разоренія, въ теченіе сей войны ими претерпѣнныя, и еще впредь на два года, считая со дня размѣны сего трактата. 8. По истеченіи помянутаго времени, обѣщаетъ наблюдать всякое человѣколюбіе и великодушіе въ положеніи на нихъ подати, состоящей въ деньгахъ, и получать оную посредствомъ присылаемыхъ Депутатовъ всякіе два года; при таковомъ ихъ наложенной на нихъ подати точномъ платежѣ никто изъ Пашей, изъ Губернаторовъ, или какая бы то ни была особа, не имѣетъ притѣснять ихъ, или требовать отъ нихъ какого либо платежа, или другихъ налоговъ, подъ какимъ бы именованіемъ, или претекстомъ то ни было; но дозволить имъ пользоваться тѣми жъ самыми выгодами, коими пользовались они во время царствованія, достойной памяти, Султана Мегмета четвертаго, любезнаго родителя его Султанова Величества. 9. Позволяетъ Князьямъ сихъ двухъ Княжествъ каждому съ своей стороны имѣть при блистательной Портѣ повѣреннаго въ дѣлахъ изъ Христіанъ Греческаго закона, которые будутъ бдѣть о дѣлахъ, до помянутыхъ Княжествъ касающихся, и будутъ блистательною Портою благосклонно трактованы и въ малости ихъ почитаемы; однакожъ людьми, народнымъ правомъ пользующимися, то есть никакому насилію не подверженными. 10. Соглашается также, чтобъ по обстоятельствамъ обоихъ сихъ Княжествъ, Министры Россійскаго Импе-

раторскаго Двора, при блистательной Портѣ, находящіеся, могли говорить въ пользу сихъ двухъ Княжествъ, и обѣщаетъ внимать оныя съ сходственнымъ къ дружескимъ и почтительнымъ Державамъ уваженіемъ.

Арт. 17. Россійская Имперія возвращаетъ блистательной Портѣ всѣ Архипелагскіе острова, подъ ея зависимостію находящіеся, а блистательная Порта со стороны своей обѣщаетъ: 1. Наблюдать свято, въ разсужденіи жителей оныхъ острововъ, кондиціи, въ первомъ артикулѣ постановленныя, касательно общей амнистіи и совершеннаго забвенія всякаго рода преступленій учиненныхъ, или подозрѣваемыхъ быть оными учиненныя въ предосужденіе интересамъ блистательной Порты. 2. Что Христіанскій законъ не будетъ подверженъ ни малѣйшему притѣсненію, такъ какъ и церкви онаго, ниже будетъ препятствовано къ перестраиванію, или поправленію оныхъ; люди же въ нихъ служащіе равнымъ образомъ не имѣютъ быть оскорбляемы, ниже притѣсняемы. 3. Что не будетъ отъ нихъ требованъ платежъ никакой подати ежегодно ими платимой, со времени, какъ они находятся подъ зависимостію Россійской Имперіи, по причинѣ великаго ихъ претерпѣнія въ продолженіе настоящей войны, впредь на два года, считая со времени возвращенія оныхъ острововъ ей блистательной Портѣ. 4. Фамиліямъ, пожелающимъ оставить свое отечество и въ другія мѣста переселиться, позволить свободный выѣздъ со всѣмъ ихъ имѣніемъ; а чтобъ оныя фамиліи могли имѣть удобность къ распоряженію дѣлъ ихъ, дается имъ годъ времени для сего свободнаго изъ отечества переселенія, считая со дня размѣны настоящаго трактата; и 5. Въ случаѣ когда Россійскій флотъ при самомъ его отъѣздѣ, что имѣетъ учинено быть въ три мѣсяца, считая со дня размѣны настоящаго трактата, будетъ имѣть въ чемъ нужду, блистательная Порта обѣщаетъ снабдить его всѣмъ тѣмъ, чѣмъ ей возможно будетъ.

Арт. 18. Замокъ Кинбурнъ, лежащій на устьѣ рѣки Днѣпра съ довольнымъ округомъ по лѣвому берегу Днѣпра и съ угломъ, который составляетъ степи, лежащія между рѣкъ Буга и Днѣпра, остается въ полное, вѣчное и непрекословное владѣніе Россійской имперіи.

Арт. 19. Крѣпости: Еникале и Керче, лежащія въ полуостровѣ Крымскомъ, съ ихъ пристаньми и со всѣмъ въ нихъ находящимся, тожъ и съ уѣздами, начиная отъ Чернаго моря и слѣдуя древней Керчинской границѣ до урочища Бугакъ и отъ Бугака по прямой линіи къ верху даже до Азовскаго моря—остаются въ полное, вѣчное и непрекословное владѣніе Россійской Имперіи.

Арт. 20. Городъ Азовъ съ уѣздомъ его и съ рубежами, показанными въ инструментахъ, учиненныхъ въ 1700 году, то есть въ 1113, между Губернаторомъ Толстымъ и Ачугскимъ Губернаторомъ Гассаномъ Пашею, вѣчно Россійской Имперіи принадлежать имѣетъ...

(Т. Юзефовичъ. Договоры Россіи съ Востокомъ. с. 26—35.)

---

69. Путешествіе Екатерины II въ Крымъ 1787 г.

Плаваніе по Днѣпру.

Зима миновала. Днѣпръ освободился изъ ледяныхъ оковъ своихъ; природа, сбросивъ траурный покровъ и засіявъ блескомъ весны, подавала Екатеринѣ знакъ къ отъѣзду. Мы отпраздновали день ея рожденія. Помолясь усердно въ Печерскомъ монастырѣ, императрица раздала много наградъ, ленть,

брилліантовъ и жемчугу. Де-Линь сказалъ: „Кіевская Клеопатра не глотаетъ жемчуговъ, а раздаетъ ихъ во множествѣ“. Наконецъ, 22 апрѣля императрица пустилась въ путь на галерѣ, въ сопровожденіи великолѣпнѣйшей флотиліи, которая когда либо шла по широкой рѣкѣ. Она состояла изъ 80 судовъ съ 3.000 человѣкъ матросовъ и солдатъ. Впереди шли семь нарядныхъ галеръ огромной величины, искусно расписанныхъ, съ множествомъ ловкихъ матросовъ въ одинаковой одеждѣ. Комнаты, устроенныя на палубахъ, блистали золотомъ и шелками. Одна изъ тѣхъ галеръ, которыя слѣдовали за царскою, была назначена Кобенцелю и Фитцъ-Герберту; другая де-Линю и мнѣ; прочія были отданы князю Потемкину и его племянницамъ, оберъ-каммергеру, шталмейстеру, министрамъ и сановникамъ, которые удостоились чести сопровождать императрицу. На остальныхъ судахъ помѣстились разные служителя, пожитки, провизія. Г-жа Протасова и каждый изъ насъ имѣлъ комнату и еще нарядный и роскошный кабинетъ, съ покойными диванами, съ чудесною кроватью подъ штофною занавѣсью и съ письменнымъ столомъ краснаго дерева. На каждой изъ галеръ была своя музыка. Множество лодокъ и шлюбокъ носилось впереди и вокругъ этой эскадры, которая, казалось, создана была волшебствомъ.

Мы подвигались медленно, часто останавливались и, пользуясь остановками, садились на легкія суда и катались вдоль берега, вокругъ зеленѣющихъ островковъ, которыми усѣяна рѣка. Множество народа громкими криками привѣтствовало императрицу, когда, при громѣ пушекъ, матросы мѣрно ударяли по волнамъ Борисѳена своими блестящими, расписанными веслами. По берегамъ появлялись толпы любопытныхъ, которые безпрестанно мѣнялись и стекались со всѣхъ сторонъ, чтобы видѣть торжественный поѣздъ и поднести въ даръ императрицѣ произведенія различныхъ мѣстностей. Порою на береговыхъ равнинахъ Днѣпра маневрировали легкіе отряды казаковъ. Города, деревни, усадьбы, а иногда простыя хижины такъ были изукрашены цвѣтами, расписанными декораціями и тріумфальными воротами, что видъ ихъ обманывалъ взоръ, и они представлялись какими-то дивными городами, волшебно созданными замками, великолѣпными садами. Снѣгъ стаялъ; земля покрылась яркою зеленью; луга запестрѣли цвѣтами; солнечные лучи оживляли, одушевляли и украшали всѣ предметы. Гармоническіе звуки музыки съ нашихъ галеръ, различные наряды побережныхъ зрителей разнообразили эту роскошную и живую картину. Когда мы подъѣзжали къ большимъ городамъ, то передъ нами на опредѣленныхъ мѣстахъ выравнивались строемъ превосходные полки, блиставшіе красивымъ оружіемъ и богатымъ нарядомъ. Противуположность ихъ щегольского вида съ наружностью румянцовскихъ солдатъ уже доказывала намъ, что мы оставляемъ области этого маститаго, знаменитаго воина и вступаемъ въ мѣста, которыя судьба подчинила власти Потемкина. Стихіи, весна, природа и искусство, казалось, соединились для торжества этого могучаго любимца. Окружая императрицу такими дивами, когда она проѣзжала страны, недавно покоренныя его оружіемъ, онъ надѣялся возбудить ея самолюбіе и внушить ей желаніе и смѣлость рѣшиться на новыя завоеванія.

Мы были свободны только по утрамъ и пріятно проводили ихъ въ чтеніи, въ разговорахъ, въ переходахъ съ одной галеры на другія и въ прогулкахъ по берегамъ. Въ часъ мы отправлялись на царскую галеру и обѣдали съ императрицей. Столъ ея,

какъ всегда, былъ накрытъ на десять приборовъ. Только разъ въ недѣлю она сзывала всю свиту, имѣвшую честь сопровождать ее. Тогда столъ устраивался на огромномъ суднѣ, гдѣ помѣщалось до 60 человѣкъ.

Я никогда не видалъ императрицы болѣе любезною, какъ въ первый день нашего плаванія: за обѣдомъ было очень весело; мы всѣ рады были, что выѣхали изъ скучнаго Кіева, гдѣ льды держали насъ цѣлые три мѣсяца. Весна молодила наши умы. Прекрасная погода, великолѣпіе нашего флота, величественная рѣка, движеніе, радость зрителей, толпившихся по берегу, азіятская или воинственная пестрота въ разнообразныхъ нарядахъ тридцати различныхъ народовъ, наконецъ увѣренность видѣть каждый день новые, любопытные предметы, все это возбуждало и подстрекало воображеніе, которое въ стремленіи своемъ опережало насъ самихъ. Не останавливаясь долго на одномъ предметѣ, мы въ разговорахъ нашихъ безпрестанно переходили отъ одного къ другому. Мы сравнивали прежнія времена съ новыми, Францію съ Греціей, Англію съ Карѳагеномъ, Пруссію съ Македоніею, имперію Екатерины съ Кировою, разсказывали анекдоты старые и новые; императрица сообщила намъ нѣсколько случаевъ изъ жизни Петра Великаго и Елизаветы. Когда мы дивились скорости, съ какою она успѣла смягчить нравы, недавно еще столь грубые и суровые, она сказала намъ: „Правда, наши старики должны находить различіе при сравненіи ихъ времени съ нынѣшнимъ. Я не могу безъ ужаса думать о положеніи народа въ правленіе императрицы Анны или, лучше сказать, ея министра Бирона; этотъ жестокій человѣкъ, которому она довѣрялась, лишилъ жизни и сослалъ болѣе семидесяти тысячъ человѣкъ...

(Зап. Сегюра с. 183—7).

---

70. Письмо Екатерины II-й къ П. Д. Еропкину.

Изъ Бериславля, что на урочищѣ Кизикерменѣ, Мая 12 числа, 1787 года.

Петръ Дмитріевичъ!

Мы всѣ здоровы и благополучно съ графомъ Фалкенштейномъ [1]) сюда доѣхали и съ Божіею помощію сегодня послѣ обѣда надѣемся доѣхать до Херсона. Хорошо видѣть сіи мѣста своими глазами. Намъ сказали, что наѣдемъ жары, несносные человѣчеству, а мы наѣхали воздухъ теплый и вѣтеръ свѣжій, весьма пріятный и самый вешній. Степь, правда, что безлѣсная; но слой земли самый лучшій и такой, что безъ многаго труда все на свѣтѣ производитъ; почиталась она безводною, а мы видѣли повсюду ручьи и рѣчки, при которыхъ населенія уже не въ маломъ числѣ. Сравнивая здѣшнюю губернію, которая при мирѣ Канарджійскомъ не существовала, исключая уѣзды Елизаветградскій, Кременчугскій и Полтавскій, съ тѣмъ, что Санктпетербургская была по 10 или 6-лѣтнемъ заведеніи или заложеніи оной, думаю, что все здѣсь дѣлается и успѣваетъ съ меньшей хотя силою, издержкой и отягощеніемъ противу той,—польза окажется со временемъ, какъ во всѣхъ великихъ предпріятіяхъ, которыхъ пользы не всегда (въ началѣ паче) открыты понятію множества. Санктпетербургская губернія составляетъ 8- часть доходовъ Имперіи, она существуетъ 84 года, и дворъ тамо имѣетъ свое пребываніе; посмотримъ, каковы доходы будутъ здѣшнихъ портовъ чрезъ короткое время. Еще скажу, что здѣшніе жители всѣ безъ изъятія имѣютъ видъ свѣжѣе и здоровѣе, нежели Кіевскіе, и кажутся работящѣе и живѣе. Всѣ сіи примѣчанія и разсужденія пишу къ вамъ нарочно, дабы вы, знавъ оныя,

[1]) Іосифъ II.

могли кстати и ко времени употребить сущую истину къ опроверженію предубѣжденій, сильно дѣйствующихъ иногда въ умахъ людскихъ; все вышеписанное оспоривать можетъ лишь слабость, либо страсть, или невѣдѣніе. Сіе письмо окончу въ Херсонѣ, откуда и отправлено будетъ.

Херсонъ, Мая 13 дня 1787.

Вчерашній вечеръ, часу въ 6, мы пріѣхали въ здѣшній городъ. Дитя сіе не существовало 8 лѣтъ назадъ. Сначала проѣхали каменныя казармы 6 полковъ, потомъ повернули направо, въѣхали въ крѣпость, которая за себя постоитъ, и въ отдѣлкѣ совсѣмъ поспѣетъ въ нынѣшнее лѣто, и несравненно лучше Кіевопечерской. Внутри крѣпости военныя строенія многія окончены, нѣкоторыя приходятъ въ отдѣлку. Церковь каменная, прекрасная; когда я говорю каменная, не подумайте, чтобъ подъ симъ разумѣла кирпичъ: здѣсь инова камня не знаютъ, какъ тотъ, который, вынувъ изъ земли, кладутъ въ стѣну; онъ крѣпче плиты и сырость не притягиваетъ. Выѣхавъ изъ крѣпости, повернули мы въ адмиралитетъ, въ которомъ всѣ магазейны и строенія каменныя, покрыты желѣзомъ; на штапелѣ нашли мы готовый 80-пушечный корабль, который въ субботу, Богъ дастъ здоровья, на воду спустимъ; возлѣ сего 66 пушечный готовый,—возлѣ сего фрегатъ 50-пушечный. Сіи корабли изъ моего дома и изъ той комнаты, въ которой къ вамъ пишу, видны, и садъ сего дома возлѣ адмиралтейства, и штапель купеческаго города, который съ другой стороны составляетъ предмѣстье; я еще не видала, но сказываютъ не хуже. Народа здѣсь, окромѣ военныхъ, множество, и разноязычные съ большей части Европы. Я могу сказать, что мои намѣренія въ семъ краю приведены до такой степени, что нельзя оныхъ оставить безъ достодолжной похвалы; усердное попеченіе видно вездѣ, и люди къ тому избраны способные. Все сіе описавъ, останется мнѣ только вамъ сказать, что сейчасъ ваше письмо съ 27 Апрѣля получила, на которое особо буду отвѣтствовать, пребывая впрочемъ, какъ и всегда, къ вамъ доброжелательная.

Екатерина.

(Р. Арх. 1880, № 3, с. 344—5.)

---

71. Письмо имп. Іосифа II къ гр. Ласси.

Севастополь 3 іюня 1787 г.

Севастополь—красивѣйшій портъ, какой я когда-либо видѣлъ. Въ немъ могутъ удобно помѣститься полтораста кораблей въ совершенной безопасности отъ всякихъ случайностей со стороны моря и отъ непріятеля, который никогда не отважится проникнуть въ бухту, защищаемую тремя батареями. Выходить изъ бухты въ море можно при трехъ вѣтрахъ. Есть отдѣльная гавань для торговыхъ судовъ, другая для карантина и третья для починки и килованія судовъ.

Настроено уже много домовъ, магазиновъ, казармъ, и если будутъ продолжать такимъ образомъ въ слѣдующіе три года, то, конечно, этотъ городъ сдѣлается очень цвѣтущимъ. Все это очень не по шерсти французскому посланнику, и онъ смотритъ страшно озадаченнымъ.

Обыкновенный переѣздъ отсюда въ Константинополь совершается въ двое сутокъ, а иногда даже только въ полтора сутокъ. Судите же, мой любезный маршалъ, на какія непріятныя размышленія все это должно наводить моего собрата, повелителя правовѣрныхъ, который никогда не можетъ быть увѣренъ, что эти молодцы не явятся, не нынѣ завтра, разгромить у него окна пушечными выстрѣлами.

Императрица находится въ восторженномъ состояніи по поводу всего, что она видитъ и при мысли о новой степени величія и могущества, на которую это возводитъ Русскую Имперію. Князь Потемкинъ въ настоящее время всемогущъ, и его чествуютъ выше всякаго представленія. Будь у меня возможность такъ близко придвинуться къ Берлину, да будь пруссаки такіе же олухи, какъ турки, я бы не устоялъ противъ желанія отдѣлаться отъ такихъ сосѣдей.

(Русскій Архивъ. 1880 г, I, с. 363—4.)

72. Переписка Суворова съ дочерью.

О Турецкой войнѣ.

1.

Кинбурнъ, ч. 20 декабря 1787 году.

Любезная Наташа! Ты меня порадовала письмомъ отъ 9 ноября. Больше порадуешь, какъ на тебя надѣнутъ бѣлое платье, и того больше, какъ будемъ жить вмѣстѣ. Будь благочестива, благонравна, почитай свою матушку Софью Ивановну, или она тебя выдеретъ за уши и посадитъ за сухарикъ съ водицей. Желаю тебѣ благополучно препроводить святки. Христосъ Спаситель тебя соблюди новой и многіе года! Я твоего прежняго письма не читалъ за недугомъ, отослалъ къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ.

У насъ все были драки сильнѣе, нежели вы деретесь за волосы; а какъ вправду потанцовали, то я съ балету вышелъ: въ бокъ пушечная картечь, въ лѣвой рукѣ отъ пули дырочка, да подо мною лошади мордочку отстрѣлили; насилу часовъ черезъ восемь отпустили съ театру въ камеру. Я теперь только что поворотился, выѣздилъ близъ пятисотъ верстъ верхомъ въ шесть дней, а не ночью. Какъ же весело на Черномъ морѣ, на лиманѣ! Вездѣ поютъ лебеди, утки, кулики, по полямъ жаворонки, синички, лисички, а въ водѣ стерлядки, осетры, пропасть!

Прости, мой другъ Наташа; я чаю ты знаешь, что мнѣ моя матушка государыня пожаловала Андреевскую ленту за вѣру и вѣрность. Цѣлую тебя, Божіе благословеніе съ тобою.

Отецъ твой Александръ Суворовъ.

2.

Кинбурнъ, 2 Іюня 1788.

Голубушка Суворочка, цалую тебя. Ты меня еще потѣшила письмомъ отъ 30 апрѣля. На одно я тебѣ вчера отвѣчалъ. Коли, Богъ дастъ, будемъ живы и здоровы и увидимся, радъ я съ тобою говорить о старыхъ и новыхъ герояхъ, лишь научи меня, чтобъ я имъ послѣдовалъ. Ай да Суворочка, здравствуй, душа моя, въ бѣломъ платьѣ; носи на здоровье, расти велика. Милостивой государынѣ Софьѣ Ивановнѣ нижайшее мое почтеніе.

Ахъ теперь-то, Наташа, какой же у нихъ по ночамъ въ Очаковѣ вой: собачки поютъ волками, коровы лаютъ, кошки блѣютъ, козы ревутъ, а я сплю на косѣ. Она такъ далеко въ морѣ, въ лиманѣ, какъ гуляю, слышно что они говорятъ. Они такъ около насъ очень много, на такихъ превеликихъ лодкахъ, шесты большіе къ облакамъ, полотна на нихъ на версту. Видно, какъ табакъ курятъ, пѣсни поютъ заунывныя. На иной лодкѣ ихъ больше, чѣмъ у васъ во всемъ Смольномъ мухъ: красненькіе, зелененькіе, синенькіе, сѣренькіе. Оружія у нихъ такія большія, какъ камера, гдѣ ты спишь съ сестрицами. Божіе благословеніе съ тобою!

Отецъ твой Александръ Суворовъ.

3.

Берладъ, ч. 21 августа 1789 году.

Суворочка, душа моя, здравствуй! Mes baisemains à Софья Ивановна. По-

цалуй за меня сестрицъ. У насъ стрепеты поютъ, зайцы летятъ, скворцы прыгаютъ на воздухѣ по возрастамъ: я одного поймалъ изъ гнѣзда, кормили изъ роту, а онъ и ушелъ домой. Поспѣли въ лѣсу грецкіе да волоцкіе орѣхи. Пиши ко мнѣ изрѣдка. Хоть мнѣ недосугъ, да я буду твои письма читать. Молись Богу, чтобъ мы съ тобой увидѣлись. Я пишу къ тебѣ орлинымъ перомъ; у меня одинъ живетъ, ѣстъ изъ рукъ. Помнишь, послѣ того ужъ я ни разу не танцовалъ. Прыгаемъ на конькахъ, играемъ такими большими кеглями желѣзными, насилу подымешь, да свинцовымъ горохомъ: коли въ глазъ попадетъ, такъ и лобъ прошибетъ. Прислалъ бы къ тебѣ полевыхъ цвѣтковъ, очень хороши, да дорогой высохнутъ. Прости, голубушка сестрица, Христосъ Спаситель съ тобою.

Отецъ твой Александръ Суворовъ.

(Рус. Арх. 1866, с. 933—8.)

---

73. Потемкинъ о туркахъ.

Между тѣмъ какъ я, по долгу своему, старался указывать министрамъ Екатерины тѣ неодолимыя препятствія, которыя государыня ихъ должна будетъ встрѣтить прежде, нежели овладѣть Константинополемъ, Потемкинъ, не переставая увѣрять меня, что императрица не желаетъ войны, доказывалъ мнѣ, что если она вынуждена будетъ начать ее, то легко и скоро достигнетъ своей цѣли.

„Вы хотите, говорилъ онъ мнѣ, — поддерживать государство, готовое къ паденію, громаду, близкую къ разстройству и разрушенію. Изнѣженные, развращенные турки могутъ убивать, грабить, но не могутъ сражаться. Для побѣды надъ ними не нужно даже много искусства; въ продолженіе сорока лѣтъ въ каждую войну они впадаютъ въ тѣ же ошибки и терпятъ постоянный уронъ. Они не умѣютъ пользоваться уроками опыта. Въ суевѣрной гордости приписываютъ они наши побѣды какому то злому духу, который передаетъ намъ свое знаніе, свои изобрѣтенія и умѣнье вести войну; причиною же ихъ пораженій—одинъ Аллахъ, карающій ихъ за грѣхи. При первомъ воззваніи къ войнѣ толпы ихъ выступаютъ изъ Азіи, приближаются въ безпорядкѣ и истребляютъ въ одинъ мѣсяцъ весь запасъ продовольствія, заготовленный на полгода. Пятисотъ тысячное войско стремится, какъ рѣка, выступившая изъ береговъ. Мы идемъ на нихъ съ арміею изъ 40 или 50 тысячъ человѣкъ, размѣщенныхъ въ три карре, съ пушками и кавалеріею. Турки нападаютъ на насъ, оглашая воздухъ своими криками; обыкновенно они строятся треугольникомъ, въ вершинѣ котораго становятся отважнѣйшіе изъ нихъ, упитанные опіумомъ; прочіе ряды, до самаго послѣдняго, замѣщены менѣе храбрыми и наконецъ трусами. Мы подпускаемъ ихъ на разстояніе ружейнаго выстрѣла, и тогда нѣсколько картечныхъ залповъ производятъ безпорядокъ и страхъ въ этой нестройной толпѣ. Нѣсколько отчаянныхъ, разгоряченныхъ опіумомъ, бросаются на наши пушки, рубятъ ихъ и падаютъ подъ нашими штыками. Когда эти погибли, прочіе пускаются бѣжать. Наша кавалерія преслѣдуетъ ихъ и производитъ страшную рѣзню; она гонится за ними до ихъ стана и овладѣваетъ имъ. Оставшіеся изъ нихъ, ошеломленные, прячутся за городскими стѣнами, гдѣ ихъ ждетъ чума и часто истребляетъ прежде, чѣмъ мы успѣемъ сдѣлать приступъ.

„Этого довольно чтобы дать понятіе о всякой другой кампаніи, потому что всегда они оказываются такими же трусами и невѣждами, и мы поражаемъ ихъ всегда одними и тѣми же средствами. Они храбры только за своими окопами; да и тутъ, при осадахъ,

какъ глупо они дѣйствуютъ! Они дѣлаютъ безпрестанныя вылазки, и вмѣсто того, чтобы стараться насъ обмануть, безразсудствомъ своимъ обнаруживаютъ всѣ свои намѣренія. Во первыхъ, мы уже всегда заранѣе знаемъ, что они нападутъ на насъ въ полночь. Къ тому же они въ тотъ день непремѣнно выставляютъ на стѣнѣ съ той стороны, откуда намѣрены выйти, столько лошадиныхъ хвостовъ, сколько отрядовъ наряжено для вылазки. Поэтому мы знаемъ напередъ часъ нападенія, число нападающихъ, ворота, изъ которыхъ они выйдутъ, и направленіе, по которому сдѣлаютъ свое движеніе".

Разумѣется этотъ разсказъ былъ нѣсколько преувеличенъ; но въ основаніи его была истина: инженеръ Лафитъ, посланный отцомъ моимъ въ Константинополь, чтобы дать туркамъ нѣсколько наставленій и помочь имъ обороняться, въ письмахъ своихъ ко мнѣ передалъ нѣсколько случаевъ, доказывающихъ безразсудство турокъ.

(Зап. Сегюра с. 75—77).

---

74. Суворовъ.

Наука побѣждать.

(Дѣятельное военное искуство.)

(*въ редакціи 1796 года*).

I. Вахтъ-парадъ.

Отъ онаго главное вліяніе обученіевъ.

Исправься, бей сборъ, ученье будетъ. Пріемы и повороты по командѣ, по флигельману, по барабану.

Пальба будетъ, заряжай ружье. Плутонгами, полудивизьонами. При заряжаніи, приклада на землю отнюдь не ставить: отскакиваетъ шомполъ,— пуля не крѣпко прибита. Наблюдать косой рядъ; прикладъ крѣпко уперетъ въ сгибъ праваго плеча, стволъ бросить на лѣвую ладонь,—пуля бьетъ въ полчеловѣка. Примѣрно можно и съ порохомъ.

Ружья чистить между часовъ; выстрѣлить отъ одного до двухъ патроновъ.

Наступными плутонгами, начинай! Отбоя нѣтъ, сигналъ барабана— походъ, выстрѣлить отъ одного до двухъ патроновъ.

Атакуй первую непріятельскую линію, въ штыки, ура! Взводные командиры — коли, коли, рядовые — ура — громогласно. Краткій отбой.

Непріятельская кавалерія скачетъ на выручку къ своей пѣхотѣ, атакуй, ура! Здѣсь держать штыкъ въ брюхо человѣку,—случится, что попадетъ штыкъ въ морду, въ шею, особливо въ грудь лошади. Краткій отбой.

Атакуй вторую непріятельскую линію (или резервы), атакуй! Отбой; симъ кончится.

Третья—сквозная атака. Линія равняется вмигъ — впередъ; никто не смѣетъ пятиться назадъ ни четверти шага.

Ступай, по взводно, полудивизьонами или дивизьонами. На походѣ плутонги вздваиваютъ въ полудивизьоны, или сіи ломаются на плутонги.

Солдатскій шагъ аршинъ, въ захожденіе полтора шага. Начинаетъ барабанъ, бьетъ свои три колѣна; его смѣняетъ музыка, играетъ полный походъ; паки барабанъ,—и такъ смѣняются между собою. Бить и играть скорѣе, отъ того скорѣе шагъ.

Интервалы между взводовъ весьма соблюдать, дабы пришедъ на прежнее мѣсто, при командѣ стой, всѣ взводы вдругъ стояли и заходили въ линію.

Вторая (или первая) половина линіи по рядамъ на лѣво (или на право), ступай на атаку, ступай! У сего барабанъ фельдмаршъ. Заходитъ противъ части, на мѣстѣ стоящей, изъ картечнаго выстрѣла вонъ.

Ступай! Походъ во всѣ барабаны. На 80 саженяхъ отъ противличья фронта бѣжать впередъ отъ 10 до 15 шаговъ чрезъ картечную черту полевой артиллеріи, на 60 саженяхъ тожъ чрезъ картечную черту полковой артиллеріи, а на 60 шаговъ чрезъ вѣрную черту пуль.

Ступай, ступай, въ штыки, ура! Противная линія встрѣчаетъ пальбою на сей послѣдней дистанціи, а на 30 шагахъ ударитъ сама въ штыки. Съ обѣихъ сторонъ сквозная атака.

Равно сему другая линейная атака,— обѣ части на прежнихъ мѣстахъ. Тако-жъ отдѣльная часть заходитъ колонною, для деплояды фронта, ежели есть мѣсто; обѣ части дѣлаютъ колонны, по числу людей въ разводѣ, одну или двѣ.

Атака будетъ колоннами, ступай! Барабанъ бьетъ походъ на 60 шаговъ однихъ отъ другихъ.

Ступай, ступай, атакуй въ штыки, ура! Мушкетъ въ правой рукѣ на перевѣсъ; колонны между собой насквозь быстро (проходятъ и) примѣрно колятъ.

Колонны, строй каре. Здѣсь строятъ каре на мѣстѣ.

Стрѣлки, стрѣляй въ ранжирѣ. Стрѣлки бьютъ наѣздниковъ и набѣгающихъ непріятелей, а особливо чиновниковъ.

Плутонгами начинай. Плутонги палятъ въ ихъ толпы; пальба должна быть краткая, ибо тутъ дѣло больше картечь.

Ступай, ступай, **атакуй въ штыки,** ура! Бросаются колоть, что представляется **сквозною карейною атакой.**

Стрѣлки впередъ, докалывай, дострѣливай, бери въ полонъ. На отставшихъ басурманъ между кареевъ.

Стрѣлки, въ свои мѣста. Барабанъ— краткій сборъ...—

Примѣчаніе. Сіи основательные маневры, марши и эволюціи равны въ батальонныхъ, полковыхъ и корпусныхъ экзерциціяхъ...—

Послѣ сего ученья, штабъ-офицеръ того полку, чей вахтъ парадъ, командуетъ подъ-курокъ и начинаетъ въ присутствіи всего генералитета, штабъ и оберъ-офицеровъ говорить къ солдатамъ наизусть слѣдующее:

II. Словесное поученіе солдатамъ.

Каблуки сомкнуты, подколѣнки стянуты; солдатъ стоитъ стрѣлкой: четвертаго вижу, пятаго не вижу.

Военный шагъ аршинъ, въ захожденіи полтора аршина; береги интервалы.

Солдатъ во фронтѣ, на шагу, строится по локтю; шеренга отъ шеренги три шага, въ маршѣ два; барабаны не мѣшай.

Береги пулю на три дня, а иногда и на цѣлую кампанію, когда негдѣ взять. Стрѣляй рѣдко да мѣтко; штыкомъ коли крѣпко; пуля обмишулится, штыкъ не обмишулится; пуля дура, штыкъ молодецъ.

Коли одинъ разъ,—бросай басурмана со штыка; мертвъ на штыкѣ, царапаетъ саблею шею. Сабля на шею,— отскокни шагъ, ударь опять, коли другого, коли третьяго; богатырь заколетъ полдюжины, а я видалъ и больше. Береги пулю въ дулѣ; трое наскочатъ, — перваго заколи, второго застрѣли, третьему штыкомъ карачунъ.

Въ атакѣ не задерживай.

Для пальбы стрѣляй сильно въ мишень; на человѣка пуль 20 свинцу, изъ экономіи: не много стоитъ. Мы стрѣляемъ цѣльно,—у насъ пропадаетъ тридцатая пуля, а въ полевой и полковой артиллеріи развѣ меньше десятаго заряда,

Фитиль на картечь, — бросься на картечь: летитъ сверхъ головы; пушки твои, люди твои,—вали на мѣстѣ, гони, коли, остальнымъ давай пощаду;

грѣхъ напрасно убивать, они такіе-жъ люди.

Умирай за домъ Богородицы, за Матушку, за пресвѣтлѣйшій домъ: церковь (за тебя) Бога молитъ. Кто остался живъ, тому честь и слава.

Обывателя не обижай: онъ насъ поитъ и кормитъ. Солдатъ не разбойникъ. Святая добычь: возьми лагерь,—все ваше; возьми крѣпость,—все ваше. Въ Измаилѣ, кромѣ иного, дѣлили золото и серебро пригоршнями; такъ и во многихъ мѣстахъ. Безъ приказа отнюдь не ходи на добычь.

Баталія полевая—три атаки. Въ крыло, которое слабѣе. Крѣпкое крыло (если) закрыто лѣсомъ,—это не мудрено, солдатъ проберется; болотомъ тяжелѣе, рѣку безъ моста не перебѣжишь; шанцы (же) всякіе перескочишь. Атака въ средину не выгодна, развѣ конница хорошо рубить будетъ, инако сами сожмутъ. Атака въ тылъ очень хороша, только для небольшого корпуса, а арміею заходить тяжело.

Баталія въ полѣ—линіею противъ регулярныхъ, кареями противъ басурманъ. А можетъ случиться и противъ турковъ, что пятисотному карею надлежать будетъ прорвать пяти или семитысячную толпу съ помощью фланговыхъ кареевъ; на тотъ случай бросится онъ (каре) колонною, но въ томъ до сего нужды не бывало. Есть безбожные, вѣтренные, сумасбродные французишки; они воюютъ на нѣмцевъ и иныхъ колоннами. Если бы намъ случилось противъ нихъ, то надобно намъ ихъ бить колоннами же.

Баталія на окопы—на основаніи полевой: ровъ не глубокъ, валъ не высокъ,—бросся въ ровъ, скачи черезъ валъ, ударь въ штыки, коли, гони, бери въ полонъ. Помни отрѣзывать, (впрочемъ) тутъ подручнѣе конницѣ. Въ Прагѣ отрѣзала пѣхота, да тутъ были тройные, большіе окопы и цѣлая крѣпость; для того атаковали колоннами.

Штурмъ. Ломи чрезъ засѣкъ, бросай плетни чрезъ волчьи ямы, быстро бѣги, прыгай чрезъ палисады, бросай фашины, спускайся въ ровъ, ставь лѣстницы. Стрѣлки очищай колонны, стрѣляй по головамъ. Колонны лети чрезъ стѣны на валъ, скалывай, на валу вытягивай линію, ставь караулъ къ пороховымъ погребамъ, отворяй ворота конницѣ. Непріятель бѣжитъ въ городъ, его пушки обороти по немъ, стрѣляй сильно въ улицы, бомбардируй живо: недосугъ за нимъ ходить. Приказъ—спускайся въ городъ, рѣжь непріятеля на улицахъ, конница руби; въ домы не ходи, бей на площадяхъ, штурмуй гдѣ непріятель засѣлъ, занимай площадь, ставь гауптвахтъ, разставляй вмигъ пикеты къ воротамъ, погребамъ, магазинамъ. Непріятель сдался—пощада; стѣна занята—на добычь.

Три воинскія искусства. Первое—глазомѣръ; какъ въ лагерѣ стать, какъ идти, гдѣ атаковать, гнать и бить; (также) для занятія мѣстоположенія, примѣрнаго сужденія о силахъ непріятельскихъ, для узнанія его предпріятій.

Второе—быстрота. Походъ: полевой артиллеріи отъ полуверсты до версты впереди, чтобъ спускамъ и подъемамъ не мѣшала; колонна близится,—оная опять выигрываетъ свое мѣсто; подъ гору сошедъ, на равнинѣ на рысяхъ. Походъ по рядамъ или по четыре для тѣсной дороги, улицы, для узкаго моста, для водяныхъ и болотистыхъ мѣстъ, по тропинкамъ, и только когда атаковать непріятеля, то взводами, чтобъ хвостъ сократить. Не останавливайся, гуляй, играй, пой пѣсни, бей въ барабанъ, музыка греми. Десятокъ отломалъ, — первый взводъ снимай вѣтры, ложись; за нимъ второй взводъ, и такъ взводъ за взводомъ; первые заднихъ не жди... И такъ взводъ за взводомъ, чтобы задніе между тѣмъ отдыхали. Второй деся-

токъ отбой: отдыхъ часъ, и больше; коли третій переходъ малъ, то оба пополамъ, и тутъ отдыхъ $^3/_4$ часа, или и $^1/_4$ часа, чтобы ребятамъ носпѣть скорѣе къ кашамъ. Это для пѣхоты.

Конница своимъ походомъ впередъ, съ коней долой, отдыхаетъ мало и переходитъ свыше десятка, чтобъ дать конямъ въ лагерѣ выстояться.

Кашеварныя повозки впереди съ палаточными ящиками; братцы пришли, къ кашѣ поспѣли; артельный староста—къ кашамъ! На завтракѣ отдыхъ 4 часа, тожъ самое къ ночлегу отдыхъ 6 часовъ и до 8, какова дорога; а сближаясь къ непріятелю, котлы съ припасомъ сноровлены къ палаточнымъ ящикамъ, дрова запасены на оныхъ.

По сей быстротѣ и люди не устали. Непріятель насъ не чаетъ, считаетъ за 100 верстъ, а коли издалека, то за 200, 300 и больше,—вдругъ мы на него какъ снѣгъ на голову: закружится у него голова. Атакуй съ чѣмъ пришелъ, чѣмъ Богъ послалъ; конница начинай, руби, коли, отрѣзывай, не упускай, ура!—Чудеса творятъ братцы.

Третье—натискъ. Нога ногу подкрѣпляетъ, рука руку усиляетъ; въ пальбѣ много людей гибнетъ; у непріятеля тѣже руки, да русскаго штыка не знаетъ. Вытяни линію,—тотчасъ атакуй холоднымъ ружьемъ; недосугъ вытягивать линію,—подвигъ изъ закрытаго, изъ тѣснаго мѣста. Коли пѣхота въ штыки, конница тутъ и есть: ущелья на версту нѣтъ; картечь черезъ голову,—пушки твои. Обыкновенно конница врубается прежде, пѣхота за ней бѣжитъ,—только вездѣ строй. Конница должна дѣйствовать всюду какъ пѣхота, исключая зыби; тамъ кони на поводахъ. Казаки вездѣ пролѣзутъ. Въ окончательной побѣдѣ конница гони, руби; конница займется, пѣхота не отстаетъ. Въ двухъ шеренгахъ сила, въ трехъ полторы силы: передняя рветъ, вторая валитъ, третья довершаетъ.

Бойся богадѣльни. Нѣмецкія лекарствицы издалека тухлыя, сплошь безсильны и вредны; русскій солдатъ къ нимъ не привыкъ; у васъ есть въ артеляхъ корешки, травушки, муравушки. Солдатъ дорогъ; береги здоровье, чисти желудокъ, коли засорился; голодъ—лучшее лекарство. Кто не бережетъ людей—офицеру арестъ, унтеръ-офицеру и ефрейтору палочки, да и самому палочки, кто себя не бережетъ. Жидокъ желудокъ, ѣсть хочется,—по закатѣ солнышка немного пустой каши съ хлѣбцемъ; а крѣпкому желудку буквица въ теплой водѣ или корень коневьяго щавеля. Помните, господа, полевой лечебникъ штабълекаря Бѣлопольскаго: въ горячкѣ ничего не ѣшь, хоть до 12 дней, а пей солдатскій квасъ, то и лекарство; а въ лихорадкѣ не пей, не ѣшь,—штрафъ, за что себя не берегъ.

Въ богадѣльнѣ первый день мягкая постель, второй день французская похлебка, третій день ея братецъ, домовище, къ себѣ и тащитъ. Одинъ умираетъ, а десять товарищей хлебаютъ его смертный дыхъ. Въ лагерѣ больные и слабые; хворые въ шалашахъ, не въ деревняхъ,—воздухъ чище. Хоть безъ лазарета, не надобно жалѣть денегъ на лекарства, коли есть гдѣ купить; сверхъ того и прочія выгоды, безъ прихотей. Да все это не важно, мы умѣемъ себя беречь: гдѣ умираетъ отъ 100 одинъ человѣкъ, а у насъ и отъ 500 въ мѣсяцъ меньше умретъ. Здоровому питье—воздухъ, больному тожъ воздухъ и ѣда.

Богатыри, непріятель отъ васъ дрожитъ, да есть непріятель больше и богадѣльни: проклятая немогузнайка, намека, загадка, лживка, краснословка, краткомолвка, двуличка, вѣжливка, безтолковка, кличка, что безтолково и выговорить: край, прикакъ, афокъ, вайркахъ и проч., стыд-

но сказать. Отъ немогузнайки много, много бѣды. За немогузнайку офицеру арестъ, а штабъ-офицеру отъ старшаго штабъ-офицера арестъ квартирный.

Солдату надлежитъ быть здорову, храбру, тверду, рѣшиму, правдиву, благочестиву. Молись Богу,—отъ него побѣда. Чудо-богатыри, Богъ насъ водитъ, Онъ намъ генералъ.

Ученье свѣтъ, неученье тьма; дѣло мастера боится, и крестьянинъ (е́сли) не умѣетъ сохою владѣть, хлѣбъ не родится. За ученаго трехъ неученыхъ даютъ; намъ мало трехъ, давай намъ шесть, давай намъ десять на одного,—всѣхъ побьемъ, повалимъ, въ полонъ возьмемъ. Въ послѣднюю кампанію непріятель потерялъ счетныхъ 75,000, только что не 100; онъ искусно и отчаянно дрался, а мы и одной полной тысячи не потеряли. Вотъ, братцы, воинское обученіе; господа офицеры, какой восторгъ.

По окончаніи сего командовалось: къ паролю, съ обоихъ фланговъ часовые впередъ, ступай; на караулъ. По отдачѣ пароля, лозунга и сигнала слѣдовала похвала или въ чемъ-либо хула вахтъ-параду. Потомъ громогласно: „субординація, экзерциція, дисциплина, чистота, здоровье, опрятность, бодрость, смѣлость, храбрость, побѣда, слава, слава, слава!“

(Петрушевскій. Кн. Суворовъ, т. II, с. 455—462.)

---

75. Георгій Конисскій, архіепископъ Бѣлорусскій.

Изъ слова въ день рожденія Екатерины II.

(Говорено въ Виленскомъ Святодуховскомъ монастырѣ, апрѣля 21 дня, 1767 года.)

Кому неизвѣстно, въ какомъ жалкомъ видѣ наша Благочестивая Вѣра въ семъ (Польскомъ) Государствѣ. Вы, храброе воинство Россійское, не однажды уже прошли здѣшнія провинціи Русскія, какъ-то: Бѣлую Русь, Полѣсье, Волынь, Подоліе, Украйну Польскую: засвидѣтельствуйте же, много ли вы видѣли Церквей нашихъ Православныхъ? Подлинно знаю, что въ Коронѣ (соб. Польшѣ) не покажете мнѣ ни одной, хотя тамъ еще въ 1686 году четыре Епископіи Православныя состояли, почему и трактатомъ вѣчнаго мира, тогда съ Россіею заключеннымъ, охранены. Въ Литовскомъ Великомъ Княжествѣ хотя и осталась послѣдняя Епархія Бѣлорусская: однако и сія большею частію расхищена. Могли вы еще видѣть въ ней нѣкое число Церквей Православныхъ, но и тѣ сараямъ паче и хлѣвникамъ скотскимъ подобны, а не храмамъ Христіанскимъ: Жидовскія божницы далече благолѣпнѣйшій указуютъ видъ.

Таково Церквей внѣшнихъ и рукотворенныхъ состояніе, плача достойное, но еще гораздо плачевнѣйшее внутреннихъ, нерукотворенныхъ, самого, говорю, Сословія Православныхъ Христіанъ. Отнятъ отъ нихъ свѣтъ ученія: школамъ и семинаріямъ быть не допускаютъ; а потому не только низкаго состоянія люди, но и самое Дворянство въ крайней простотѣ и невѣжествѣ принуждено жить. Тому же Дворянству прегражденъ входъ къ чинамъ и достоинствамъ; жалуемыхъ за службу отчинъ недостойными осуждены. Граждане изъ уряду гражданскаго исключены, податьми излишними и другими тягостями неравно обременены, за тѣмъ всѣ обще до послѣдней нищеты пришли. Дворянина отъ крестьянина трудно распознать.

Утѣсняются, правда, подобными озлобленіями и единовѣрные наши, Греки, въ Турецкомъ Государствѣ: но тамъ Агаряне, Христовы противники, а здѣсь Христіане Христіанъ,

Агарянскимъ средствомъ, утѣсняютъ. Тамъ побѣдитель утѣсняетъ побѣжденныхъ; а здѣсь свободные свободныхъ и равные равныхъ, единыя матере братія братію и тогожде тѣла одни члены другихъ членовъ. Какія рѣзкія черты! Если же кто либо судилъ бы, что тако говорить намъ о себѣ не свойственно; то пусть прочтетъ онъ фундаментальное Государства Право, то есть, привиллегіи соединенія провинцій Русскихъ съ Короною Польскою, среди конституцій, подъ 1569 годомъ положенныя, въ коихъ точно Русь до Короны, какъ истинный членъ до своего тѣла, и Русаки къ Полякамъ, какъ равные къ равнымъ и свободные къ свободнымъ присоединенными написаны. Наконецъ Агаряне, лишивши Грековъ ученія и чиновъ, въ прочемъ, особливо въ Вѣрѣ, свободу даютъ; здѣсь, лишивши всѣхъ потребъ для настоящаго житія, еще и того лишить стараются, безъ чего будущую вѣчную жизнь тратить надобно. Плѣнивши тѣло и душу, и совѣсть желѣзными узами обложити хотятъ: Вѣру, сказую, Православную въ послѣдней нищетѣ и простотѣ исповѣдать не допускаютъ. А къ тому какія ужасныя и жалости достойныя употребляютъ средства, прошу послушать.

Ежели Православные наши люди званія крестьянскаго; то на нихъ просто, какъ хищными волками нападеніе дѣлается. Духовные, властію и силою мірскою укрѣпясь, гонятъ православный народъ, какъ овецъ не имущихъ пастыря, или до костеловъ, или до уніятскихъ церквей,—гонятъ не точію изъ домовъ, но изъ церквей нашихъ. Во время самаго Евангельскаго чтенія, пришедъ въ церковь нашу прикащикъ, бьетъ народъ плетью, какъ скотъ гоня изъ хлѣва, что близъ самаго Могилева въ недавнемъ времени сдѣлалось. И если поселяне или граждане слушать ихъ ученія, и отъ Вѣры своей отступить не хотятъ; тутъ они чинятъ ужасныя угроженія и страхованія; ставятъ висѣлицы, вкапываютъ столбы, возгнѣщаютъ костры; розги, терніе и другія мучительныя орудія представляютъ. Отлучивъ дѣтей отъ матерей, и матерей отъ дѣтей, дѣтей убо предъ очами матерей подъ розги кладутъ, а матерей предъ очами дѣтей. Тутъ вопли и рыданія, каковы, можетъ быть, токмо во время избіенія младенцевъ отъ Ирода слышаны были. И сія трагедія не токмо вѣрная, но и недавная есть: совершалась она въ мѣстечкѣ Улѣ (Витеб. губ. въ Лепел. уѣздѣ). И не одни только дѣлаются пострахи; приводятся оные многажды и въ самое дѣло. На моихъ глазахъ сѣчена дѣвица, во первыхъ розгами, потомъ шиповникомъ, дабы Вѣры нашей отверглась,—не отверглась. Женщина полгода въ тюрьмѣ, съ младенцемъ при сосцахъ, была тѣснена, и младенца тамъ же въ тюрьмѣ, а мужа особо біеннаго и увѣченнаго лишилась; самой при томъ персты ручные жжены, чтобъ Вѣры нашей отверглась,—не отверглась. Другая, въ мѣстечкѣ Невлѣ, закована бывши при костелѣ, въ куницу (желѣзную цѣпь съ ошейникомъ), тою же куницею удавлена до смерти. Въ прошедшемъ году на Украйнѣ Польской, въ уѣздахъ Жаботинскомъ, Мошенскомъ, Чигиринскомъ, Черкасскомъ, за Вѣру Грекороссійскую многіе разореніе домовъ и побои мучительные, а нѣсколько человѣкъ и самую смерть претерпѣли; двумъ головы отрублены, изъ тѣхъ одному сперва руки живому сожжены. Такъ звѣрски и мучительски съ бѣдными крестьянами и мѣщанами поступаютъ! На Дворянъ же понеже насиліемъ явнымъ нападать—самое имя дворянское отражаетъ ихъ, для того змѣиныя хитрости употребляютъ. Дѣлаютъ разныя прицѣпки, приходятъ въ домы Дворянъ, будто для поздравленія Праздникомъ, со святымъ Кре-

стомъ; либо процессіи свои дѣлая, находятъ на церкви наши, въ поселеніяхъ Дворянъ состоящія, и ими защищаемыя; при коемъ случаѣ, учиня ссору и драку, и нарочно повалясь, ломаютъ кресты свои: а сіе сдѣлавши, тотчасъ вопятъ и протестуютъ: «хула на Бога, хула на Христа!» «богохульники и Христоубійцы, схизматики!» Съ тѣми крестами изломанными бѣгутъ въ Суды, и успѣваютъ выходить на невинныхъ Дворянъ, будто на богохульниковъ и Христоубійцъ, приговоры смертные. Вотъ сему недавной образецъ: въ Мстиславскомъ Воеводствѣ, въ запрошломъ 1765 году въ мѣсяцѣ Декабрѣ, до восьмидесяти человѣкъ Дворянъ, по такой точно клеветѣ, приговорены на жесточайшую казнь, то есть, живыхъ въ четверти разрубить. Осужденные, отъ таковаго безчеловѣчнаго приговора разбѣжались по лѣсамъ и болотамъ, и тамъ, во время жестокой стужи, укрываясь три дня, когда наконецъ спастись не могли, принуждены были Вѣры отступить: почему хула оная, яко не злоумышленная, имъ оставлена. Когда бо Крестъ святый мы, по случаю и нехотя, сломаемъ, паче же они сами ломаютъ, и на насъ клевещутъ; то хула на Бога и Христоубійство есть: когда же они Кресты наши, нарочно и злобясь, ломаютъ, и Иконы святыя въ болото бросаютъ, и ногами попираютъ, какъ то дѣялось въ мѣстечкѣ Дрогичинѣ (городъ въ Бѣлостокской области);—то не хула, но жертва Богу пріятная...

Молчу о пастыряхъ бѣдныхъ, Священствѣ нашемъ. Сколь многіе изъ нихъ изгнаны изъ домовъ; сколь многіе въ тюрмахъ, въ ямахъ глубокихъ, во псарняхъ, вмѣстѣ со псами, заперты бываютъ, гладомъ и жаждою моримы, сѣномъ кормлены; сколь многіе биты и изувѣчены, а нѣкоторые и до смерти убиты. Не воспоминаю въ давнѣйшія времена бывшихъ мучительствъ, кои только изъ Исторіи вѣдаемъ: довольно бо и сихъ свѣжихъ случаевъ, во время моего здѣсь Епископства бывшихъ...

Сіе столь тяжкое, и древнимъ языческимъ соравняющееся гоненіе претерпѣвая Правовѣрные, многажды, въ тѣснотѣ своей, прибѣгали къ Премощнѣйшимъ Монархамъ Россійскимъ, яко по Бозѣ заступникамъ и покровителямъ своимъ. Блаженныя памяти и вѣчной славы достойный Государь Императоръ Петръ Первый многое и усердное о семъ защищеніи тщаніе имѣлъ, посылая къ Пресвѣтлому Королю Августу II Свои грамоты и пункты, какъ то въ 1712, въ 1720 и послѣдующихъ годахъ, моля и увѣщевая дружески, прекратить таковое, противу правъ и съ нарушеніемъ трактатовъ, дѣемое гоненіе: инако, объявлялъ, что Самъ принужденъ будетъ дать Себѣ сатисфакцію надъ гонителями и нарушителями трактатовъ. Но тому тщанію Благочестивѣйшаго Государя успѣхъ получить воспрепятствовали, то военныя безпрерывныя времена, то скорая и преждевременная, противу всѣхъ надежъ и желаній, Его Величеству послѣдовавшая смерть. Поновляли о томъ же настояніи и Государыни блаженныя и вѣчнодостойныя памяти, Анна Іоанновна и Елисаветъ Петровна, чрезъ Пословъ и Министровъ своихъ, у здѣшняго Двора пребывающихъ. Однако и тѣ всѣ средства оставались безъ всякаго успѣха, и донынѣ остаются. То есть, оставилъ то Богъ совершить Великой Екатеринѣ, что началъ Великій Петръ, и другіе по Немъ Монархи Россійскіе хотя желали, по различнымъ однако обстоятельствамъ произвести не могли. Сказалъ я и сперва, что не одно уже дѣло, Петромъ Великимъ преднамѣренное и начатое, не только до гражданства, но и до Церкви касающееся, по важности своей, чрезъ нѣсколько десятилѣтій не могшее совершить-

ся,—въ немногіе годы благополучнаго Ея Величества царствованія, премудрымъ ея расположеніемъ, благоуспѣшно и всеполезнѣйше, ко удивленію всѣхъ на то смотрящихъ, окончано. А другія, великоважнѣйшія и преполезныя, еще нынѣ довершаются, такъ что Россія, день отъ дне, иное, но свѣтлѣйшее на себе лице пріемлетъ. Сіе убо самое достаточно увѣряетъ насъ, что и наше избавленіе, Петромъ Великимъ начатое, Всевышній Ея Величеству предоставилъ...

(Собр. соч. Г. Конисскаго, составл. прот. Григоровичемъ. Часть I. с. 153—164).

---

76. Польская Конституція 3 мая 1791 г.

I. Господствующая народная религія есть и будетъ вѣра римско-католическая во всѣхъ ея правахъ. Переходъ изъ господствующей религіи въ другое вѣроисповѣданіе запрещается подъ страхомъ наказанія за отступничество. Но такъ какъ сама эта вѣра учитъ насъ любить своихъ ближнихъ, то всѣмъ людямъ, какого бы то ни было исповѣданія, мы обязаны предоставить спокойствіе въ дѣлахъ вѣры и защиту отъ правительства, а по тому мы обезпечиваемъ свободу всякаго обряда и всякой религіи въ польскихъ краяхъ, согласно туземнымъ постановленіямъ.

II. Уважая память предковъ нашихъ, какъ учредителей свободнаго правленія, мы утверждаемъ шляхетскому сословію всю свободу, льготы, преимущества и первенство въ частной и общественной жизни, въ особенности всѣ права, постановленія и привилегіи, справедливо и законно дарованныя этому сословію королями... утверждаемъ, упрочиваемъ и признаемъ ненарушимыми... Вся шляхта равна между собою не только въ исканіи служебныхъ должностей и въ отправленіи службы отечеству, приносящей честь, почетъ и выгоды, но и по отношенію къ равному пользованію привилегіями и преимуществами, присвоенными шляхетскому званію. Сверхъ всего желаемъ, чтобы сохранились свято и ненарушимо всѣ существовавшія искони для каждаго права личной безопасности, личной свободы и собственности недвижимой и движимой, торжественно ручаясь, что не допустимъ никакого измѣненія или исключенія изъ правъ, въ ущербъ чьей бы то ни было собственности; напротивъ, верховная власть и установленное ею правительство отнюдь не будутъ, подъ предлогомъ jurium regalium [1]) или подъ какимъ либо инымъ видомъ, предъявлять притязаній на шляхетскую собственность по частямъ или въ цѣлости. Въ силу чего желаемъ, чтобы безопасность личности и всякой собственности, кому бы то ни было принадлежащей по закону, какъ истинная связь общества, какъ зѣница обывательской свободы, уважалась, ограждалась и утверждалась, и на будущее время оставалась уважаемою, огражденною и ненарушимою. Признаемъ шляхту первѣйшею охранительницею вольности и ей, какъ единой твердынѣ отечества, поручаемъ святыню настоящей конституціи, во огражденіе доблести, гражданства и чести каждаго шляхтича.

V. Всякая власть въ человѣческомъ обществѣ исходитъ изъ воли народа. Чтобы цѣлость государства Рѣчи-Посполитой, гражданская свобода и общественный порядокъ навсегда оставались въ равновѣсіи, правительство польскаго народа, по волѣ настоящаго сейма, должно состоять изъ трехъ властей, то-есть: законодательной въ собранныхъ чинахъ, исполнительной въ королѣ и стражѣ [2]), и судебной

---

[1]) Королевскихъ правъ.

[2]) Стража—министры короля.

въ юрисдикціяхъ, учрежденныхъ для этой цѣли или же долженствующихъ быть учрежденными.

VI. Сеймъ или собранные чины раздѣляются на двѣ избы: посольскую и сенаторскую, подъ предсѣдательствомъ короля...

Все вездѣ должно быть рѣшаемо большинствомъ голосовъ, а потому liberum veto, всякаго рода конфедераціи и конфедераціонные сеймы, какъ противные духу настоящей конституціи, ниспровергающіе правительство и разстроивающіе общество, уничтожаются навсегда...

Польскій престолъ навсегда установляемъ и объявляемъ избирательнымъ по фамиліямъ. Испытанныя бѣдствія безкоролевья, періодически ниспровергавшія правленіе, необходимость обезпечить судьбу каждаго обитателя польской земли и пресѣчь навсегда пути вліянію иностранныхъ государствъ, воспоминаніе о счастіи отечества нашего во времена продолжительно царствовавшихъ фамилій, необходимость отвратить чужеземцевъ отъ честолюбивыхъ замысловъ на польскій престолъ, а польскихъ вельможъ обратить къ единственной заботливости о народной свободѣ, указали намъ, въ видахъ предусмотрительности, сдѣлать польскій престолъ наслѣдственнымъ.

Итакъ, постановляемъ, что, по кончинѣ нынѣшняго короля (да продлитъ его дни благость Божія), нынѣшній саксонскій князь-избиратель будетъ въ Польшѣ царствовать. Династія будущихъ польскихъ королей начнется съ Фридерика Августа, и преемниками его на польскомъ престолѣ будутъ его наслѣдники въ мужескомъ колѣнѣ, и старшій сынъ будетъ вступать на престолъ послѣ родителя...

(Н. Костомаровъ. Посл. годы Рѣчи Посполитой т. I с. 460—470.)

---

77. Сеймъ въ Гроднѣ.

Въ Гроднѣ открытъ былъ сеймъ. Сиверсъ [1]) потребовалъ за понесенные Россіею убытки въ уничтоженіе конституціи, за разрушеніе анархіи, подобной французскимъ якобинамъ, губерніи: Минскую, Подольскую и Волынскую. Долго Поляки сопротивлялись, но когда увидѣли, что ревностнѣйшіе изъ ихъ патріотовъ изъ Гродны пропадали, то по продолжительномъ преніи согласились сказанный край уступить императрицѣ. Но такъ какъ въ Гроднѣ былъ и прусскій министръ Бухгольцъ и дворы наши были въ тѣсной связи, то поляки справедливо опасались, чтобы король Прусскій не сталъ требовать нѣкоторыхъ областей, смежныхъ съ его королевствомъ, потому что его министръ Лукезини способствовалъ сдѣлать имъ конституцію 3-го мая. По утвержденіи на сеймѣ, какъ сказано, уступить край Россіи, тогда же сдѣлали постановленіе, что ежели кто предложитъ трактовать съ Пруссіею въ уступкѣ земель отъ Польши, того тутъ же на сеймѣ изрубить.

Обрядъ сейма такъ происходилъ. Близъ трона, на которомъ король всякое собраніе бывалъ, вкругъ его сидѣли министры, по сторонамъ сенаторы. Вдоль стѣны сдѣланы были мѣста амфитеатромъ для депутатовъ, или, какъ они называли, пословъ, отъ каждаго повѣта по два человѣка. За ними находились зрители, какъ Поляки, такъ и иностранцы, но послѣднимъ не дозволялось быть въ мундирахъ и съ оружіемъ. Избираемъ былъ сеймовый маршалъ, отъ котораго зависѣло, если многіе требовали голоса, говорить, кому онъ позволитъ. На сей сеймъ былъ выбранъ маршаломъ графъ Бѣлинскій; собраніе сейма всегда начиналось въ 3 часа по полудни; какъ

[1]) Представитель Россіи.

скоро король садился на тронъ, то сеймовый маршалъ объявлялъ: сесія загосна, то-есть засѣданіе открыто. На что депутаты отвѣчали: загосна. Ежели сего не скажутъ, то засѣданіе не почиталось открытымъ. Послѣ сего маршалъ предлагалъ, что въ прошломъ сеймѣ заслушано и не окончено, или о чемъ слѣдуетъ трактовать. Тогда депутаты требовали голоса; сеймовый маршалъ говорилъ: ма глосъ пóсолъ, напримѣръ Слонимскій. Получа позволеніе, тотъ начиналъ предлагать, въ чемъ имѣлъ нужду. Ежели его голосъ былъ принятъ собраніемъ, то всѣ закричатъ: сгода. И уже то почитано утвержденнымъ и не могло ничѣмъ быть нарушено; если предлагаемое противно, то закричатъ: не позволямъ. Ежели же иные кричатъ: сгода, а другіе: не позволямъ, то собирали голоса подписаніемъ депутатовъ на листѣ бумаги, который носили для сего особо избранные, и тогда рѣшалось дѣло по большинству голосовъ. Иногда случалось, что дѣлали возраженія на произнесенную рѣчь, по дозволенію сеймоваго маршала, и должно сказать, что ораторы объяснялись съ большимъ краснорѣчіемъ; иные говорили противъ короля въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, на которыя и король отвѣчалъ всегда съ особливымъ снисхожденіемъ и краснорѣчивымъ убѣжденіемъ. Когда же король хотѣлъ говорить, то канцлеръ произносилъ; яснѣйшій панъ кроль мовѣ. Король Станиславъ Августъ былъ прекрасный мущина, высокаго роста и важной осанки; на сеймѣ онъ всегда былъ въ мундирѣ народóвой кавалеріи.

Графъ Бѣлинскій былъ близорукъ; когда многіе депутаты требовали позволенія говорить, то онъ долго разсматривалъ въ лорнетъ, дабы позволить говорить тому, который согласовался съ интересами дворовъ россійскаго и прусскаго. Случалось, что ошибкою позволялъ говорить противнымъ пользамъ оныхъ, и они тогда же были выводимы бывшими тутъ русскими офицерами во фракахъ, для сего нарочно наряжаемыми. Одинъ закупленный депутатъ Сухуржевскій хотѣлъ было предложить трактовать съ прусскимъ министромъ; тогда многіе депутаты, обнаживъ сабли, бросились на него и нанесли ему нѣсколько ударовъ такъ, что упомянутые офицеры насилу могли его спасти и вывесть изъ сеймовой залы; а слуги, бывшіе въ сѣняхъ, кричали: здрайца (измѣнникъ), и забросали его шапками.

Во все время шумливаго сего сейма безпрестанные были праздники, балы, фейерверки; какъ нашъ посолъ, такъ и прусскій, угощали и веселили Поляковъ, а равно и они угощали Русскихъ. Множество было польскихъ самознатнѣйшихъ дамъ, красотою и любезностію одушевлявшихъ сіи праздники; но красотою затмѣвала всѣхъ прочихъ четырнадцатилѣтняя княжна Четвертинская.

Нѣсколько было засѣданій, но трактовать съ прусскимъ министромъ никто болѣе предлагать не осмѣливался. Наконецъ въ одно таковое засѣданіе сеймъ былъ окруженъ 4 батальонами съ пушками. Генералъ-майоръ Раутенфельдъ въ мундирѣ введенъ былъ въ сеймовую залу; близь трона поставлены ему кресла; сорокъ человѣкъ офицеровъ въ мундирахъ также введены были въ залу и размѣщены въ разныхъ мѣстахъ, чтобъ исполнять повелѣнія его превосходительства.

Когда король вошелъ и сѣлъ на тронъ, то сеймовый маршалъ объявилъ по обыкновенію: сессія загосна. Не загосна, не загосна, со всѣхъ сторонъ раздался крикъ. И сколько разъ маршалъ ни начиналъ объявлять, то таковымъ же крикомъ отвѣтствовали, что происходило до трехъ часовъ

утра. Къ дверямъ залы поставленъ былъ караулъ, чтобы никого не выпускать; король изнемогъ, и ему приносили нѣсколько разъ бульону и вина. Въ теченіе того времени одинъ изъ депутатовъ сказалъ: «Императрица именуетъ патріотовъ якобинцами; я думаю, что якобинцы противятся законному монархическому правленію и власти королевской, а мы напротивъ защищаемъ тронъ и права нашего отечества. Но вотъ якобинъ (указавъ на генерала Раутенфельда), который только что не сидитъ на тронѣ; вотъ якобины, которые вопреки нашимъ законамъ съ оружіемъ введены въ сеймовую залу для угнетенія нашихъ правъ; вотъ якобины, которые стоятъ съ примкнутыми штыками около сейма и поставили пушки, готовыя разрушить тронъ и нашу вольность». По произношеніи сей смѣлой рѣчи, онъ тотчасъ былъ выведенъ. Другой сказалъ: «Я думаю, что насъ называютъ якобинами потому, что у насъ Россійскій посолъ Якубъ Сиверсъ». И того вывели.

Наконецъ въ три часа утра, безъ обыкновеннаго предложенія, что с е с с і я з а г о с н а, Бѣлинскій, подошедъ къ трону, доложилъ, что получена отъ россійскаго посла нота. Король приказалъ ее прочесть. Въ нотѣ требовалось сдѣлать легацію или отдѣлить нѣсколько депутатовъ трактовать съ прусскимъ министромъ. Когда требовалось, чтобы каждый подписалъ, согласенъ на то, или нѣтъ, то никто не осмѣливался подать противный голосъ, страшась быть отправленнымъ въ Сибирь. Почему выбраны были уполномоченными тѣ, которые уже были напередъ назначены и готовы подписать все, что будетъ имъ приказано. Тѣмъ кончилось сіе насильственное засѣданіе.

Уполномоченные уступили Пруссіи великое герцогство Познаньское, что утверждено сеймомъ, и сеймъ въ сентябрѣ распущенъ. Король и всѣ министры возвратились въ Варшаву, а полки вступили въ квартиры. Козловскій полкъ расположился въ Слонимѣ.

Поляки, которые были забираемы на сеймѣ, какъ было сказано, и о которыхъ думали, что отправлены въ Сибирь, на другой же день по окончаніи сейма явились въ Гродну, гдѣ они содержались хорошо, но тайно.

(Зап. Л. Энгельгардта с. 143—7).

XIII. Пугачевщина.

78. Воззванія Пугачева.

1. Къ яицкимъ казакамъ.

(1773, сент. 17.)

Самодержавнаго амператора нашего, великого государя
Петра Өедаровича всеросийскаго
і прочая, і прочая, і прочая

Во имянномъ моемъ указе изображено Яицкому войску: какъ вы, други мои, прежнимъ царямъ служили до капли своей до крови дѣды и отцы вашы, такъ и вы послужите за свое отечество мне великому государю амператору Петру Өедаровичу. Когда вы устоити за свое отечество, и ниисточитъ ваша слава казачья отъ ныне и до веку и у детей вашыхъ; будете мною великимъ государемъ, жалованы казаки, калмыки и татары. И которые мне государю, амператорскому величеству Петру Өедаровичу, винъныя были, и я государь Петръ Өедаровичъ во всехъ винахъ прощаю и жаловаю я васъ: рякою съ верьшинъ и до усья и землею, и травами и денежъными жалованьямъ, и свиньцомъ и

порахамъ и хлебнымъ провіянътамъ, я, великій государь амператоръ, жалую васъ Петръ Ѳедаровичь. 1773 году сентября 17 числа.

(Дубровинъ. Пугачевъ и его сообщники. Томъ I. Стр. 246—247.)

2. Къ русскому населенію (на Уральскихъ заводахъ).

(Май 1774 г.)

(Въ указѣ, обращенномъ къ русскому населенію, Пугачевъ писалъ:)—мы отеческимъ нашимъ милосердіемъ и попеченіемъ жалуемъ всѣхъ вѣрноподданныхъ нашихъ, кои помнятъ долгъ своей къ намъ присяги, вольностію, безъ всякаго требованія въ казну подушныхъ и прочихъ податей и рекрутовъ набору, коими казна сама собою довольствоваться можетъ, а войско наше изъ вольножелающихъ къ службѣ нашей великое исчисленіе имѣть будетъ. Сверхъ того, въ Россіи дворянство крестьянъ своихъ великими работами и подотями отягощать не будетъ, по неже каждый возчувствуетъ прописанную вольность и свободу.

(Дубровинъ. Пугачевъ и его сообщники. Томъ III. Стр. 53).

3. Къ русскимъ крестьянамъ (на Волгѣ).

(Іюль 1774 г.)

Божіею милостію, мы Петръ III, императоръ и самодержецъ Всероссійскій

и проч., проч., проч.

Жалуемъ симъ именнымъ указомъ, съ монаршимъ и отеческимъ нашимъ милосердіемъ, всѣмъ находящимся прежде въ крестьянствѣ и подданствѣ помѣщиковъ, быть вѣрноподданными рабами собственно нашей короны и награждаемъ древнимъ крестомъ и молитвою, головами и бородами, вольностію и свободою, вѣчно казаками, не требуя рекрутскихъ наборовъ, подушныхъ и прочихъ денежныхъ податей, во владѣніе землями, лѣсными, сѣнокосными угодьями, рыбными ловлями, соляными озерами безъ покупки и безъ оброку и освобождаемъ отъ всѣхъ прежде чинимыхъ,—отъ злодѣевъ дворянъ, градскихъ мздоимцовъ и судей—крестьянамъ и всему народу налагаемыхъ податей и отягощеніевъ. Желаемъ вамъ спасенія душъ и спокойной въ свѣтѣ жизни, для которой мы вкусили и претерпѣли отъ предписанныхъ злодѣевъ дворянъ странствіе и немалыя бѣдствія

А какъ нынѣ имя наше властію Всевышней десницы въ Россіи процвѣтаетъ, того ради повелѣваемъ симъ нашимъ именнымъ указомъ: кои дворяне въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ находятся, оныхъ, противниковъ нашей власти, возмутителей имперіи и разорителей крестьянъ, ловить, казнить и вѣшать и поступать равнымъ образомъ такъ, какъ они, не имѣя въ себѣ христіанства, чинили съ своими крестьянами; по истребленіи которыхъ противниковъ и злодѣевъ дворянъ всякій можетъ возчувствовать тишину, спокойную жизнь, кои до вѣка продолжатся будутъ.

(Дубровинъ. Пугачевъ и его сообщники. Томъ III. Стр. 112).

---

79. Письма генерала Бибикова.

1) Къ ген. гр. Чернышеву.

(1774 г. января 24.)

Милостивый Государь, Графъ Захаръ Григорьевичъ! Изъ донесенія моего къ Е. И. В. увидѣть изволите, что войска, прибывшія сюда, дѣйствовать начали, и Полковникъ Бибиковъ съ деташементомъ своимъ, состоящимъ въ четырехъ ротахъ пѣхоты и трехъ ротъ гусаръ, разбилъ злодѣйскую сволочь, не потерявъ ни одного человѣка, городъ Заинскъ освободилъ отъ зло-

дѣевъ. Надѣюсь очистить сей уголъ; но прискорбныя вѣсти получаю со стороны Сибирской: Господинъ Калонгъ, не находя средства не только сдѣлать транспортъ провіанту и фуражу въ Оренбургъ, но и самъ итти опасается, написавъ премножество затрудненій. Совѣтуетъ онъ мнѣ сей транспортъ сдѣлать. Я и безъ того всѣ способы къ тому употребляю, да время проходитъ, а оно драгоцѣнно. Я писалъ къ нему, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ хотя въ Башкирію сдѣлалъ диверсію въ то время, какъ я къ Оренбургу подвинусь въ исходѣ нынѣшняго мѣсяца или въ началѣ Февраля.

Екатеринбургъ въ опасности отъ внутреннихъ предательствъ и измѣны. О Кунгурѣ слуху послѣ 10 числа нѣтъ. Зло распространяется весьма далеко.

Позвольте и теперь мнѣ В. С. повторить: не непріятель опасенъ, какое бы множество его ни было, но народное колебаніе, духъ бунта и смятеніе. Тушить оное, кромѣ войскъ, въ скорости не видно еще теперь способовъ, а могутъ ли на такой обширности войска поспѣвать и дѣлиться, безъ моего объясненія представить можете. Спѣшу и всѣ силы употребляю запасать провіантъ и фуражъ, тожъ и подводы къ подвозу за войсками. Но сами представить легко можете, коликимъ затрудненіямъ по нынѣшнему времени все сіе подвержено, и тѣмъ паче, что внутрь и внѣ злодѣйство, предательство и непослушаніе отъ жителей. Не очистя саранчу злую, впередъ шагу податься не льзя. Въ томъ теперь и упражняюсь, а войска подаются впередъ. Жду съ нетерпѣніемъ Чугуевскаго казачьяго полку, о которомъ слышу, что уже въ Москву пришелъ.

Вотъ, М. Г., все то, что я теперь донесть вамъ могу; а заключу истиннымъ моимъ высокопочитаніемъ, и проч.

(Собственноручно) P. S. Приложенную резолюцію покорнѣйше прошу Ея Величеству поднесть.

2) Къ Д. И. фонъ-Визину, изъ Казани, отъ 29 Января 1774 года.

Благодарю тебя, мой любезный Денисъ Ивановичъ, за дружеское и пріятнѣйшее письмо отъ 16 Января и за всѣ сдѣланныя вами увѣдомленія. Лестно слышать полагаемую отъ всѣхъ на меня надежду въ успѣхѣ моего нынѣшняго дѣла. Отвѣчаю за себя, что употреблю всѣ способы, и забочусь ежечасно, чтобъ истребить на толикомъ пространствѣ разлившійся духъ мятежа и бунта. Бить мы вездѣ начали злодѣевъ, да только сей саранчи умножилось до невѣроятнаго числа. Побить ихъ не отчаяваюсь, да успокоить почти всеобщаго черни волненія великія предстоятъ трудности. Болѣе жъ всего неудобнымъ дѣлаетъ то великая обширность сего зла. Но буди воля Господня! дѣлаю и буду дѣлать что могу. Неужели-то проклятая сволочь не образумится? Вѣдь не Пугачевъ важенъ, да важно всеобщее негодованіе. А Пугачевъ чучела, которою воры Яицкіе казаки играютъ. Увѣдомляй, мой другъ, сколь можно чаще о дѣлахъ внѣшнихъ. Неужели и теперь о мирѣ не думаете? Эй пора, право, пора! Газеты я получилъ; надѣюсь, что по твоей дружбѣ и впредь получать буду. J'avois diaboliquement peur de mes soldats, gu'ils ne fassent pas comme ceux de garnison de mettre les armes bas vis-à-vis des rebelles. Mais non, ils les batteut comme il faut, et les traitent en rebelles. Ceci me donne du courage. Да то бѣда, какъ нарочно все противу насъ: и снѣга, и мятели, и бездорожица. Но все однако же одолѣвать будемъ. Прости мой другъ; будь увѣренъ, что я тебя сердцемъ и душою люблю...

(Пушкинъ. Исторія Пугачевскаго бунта, т. II, стр. 63 сл.).

---

80. Показаніе писаря Полуворотова о Пугачевѣ.

На 21 число передъ утромъ выбѣжали изъ злодѣйскаго лагеря Соляного Правленія писарь Полуворотовъ, захваченный туда 9 числа (о коемъ выше сего упомянуто); а Таможенный копіистъ Петръ Каданцовъ, захваченный съ прочими 19 числа; изъ коихъ писарь Полуворотовъ объявилъ слѣдующее:

Будучи онъ въ злодѣйскомъ лагерѣ, отъ находящихся въ ономъ канонеровъ завѣрно слышалъ, что въ бывшее 12 числа сраженіе у злодѣевъ осталось не болѣе 30 пушечныхъ ядеръ, и ежели бъ де отъ высланной партіи еще хотя немного продолжена была пальба изъ пушекъ, то бъ они принуждены были не только пальбу, но и вывезенныя пушки покинуть; съ ядрами-де стрѣляли они только съ боку отъ урочища, называемаго Красная Глина, а изъ поставленныхъ въ долу пушекъ палили уже они холостыми зарядами для одного вида. Изъ Башкирцевъ-де при немъ злодѣѣ находится ста три или четыре, а человѣкъ съ тридцать лучшихъ отпустилъ онъ въ Башкирію, якобы для уговора и привода еще Башкирцевъ; и хотя-де онъ накрѣпко подтверждалъ, чтобъ они какъ можно скорѣе къ нему были, но они представляли ему невозможность, сказывая, что Башкирцы ихъ живутъ въ разнотѣ и скоро собрать имъ ихъ не можно. А Калмыковъ при немъ не большое число; дѣйствуютъ и азарничаютъ у него больше Яицкіе и Илецкіе казаки. А есть-де нѣсколько и изъ Оренбургскихъ такихъ, кои почитаютъ его за Царя и ему съ охотою служатъ. Всѣхъ же навсе дѣльныхъ и оружейныхъ людей, признаетъ онъ, было до 2000 человѣкъ; а если считать безоружейныхъ и невольно у него находящихся, то наберется около 4000 или болѣе. Способствующихъ ему во всѣхъ его совѣтахъ двое, изъ Яицкихъ казаковъ, изъ коихъ-де одному Яицкое прозванье Чика, а другому имени онъ не знаетъ. Третій былъ Яицкій же казакъ Изюмкинъ; но тотъ, какъ выше значитъ, пойманъ и находится здѣсь въ Оренбургѣ подъ карауломъ. Недавно-де вздумалъ онъ набирать себѣ, подъ именемъ гвардіи, отборныхъ людей изъ Яицкихъ казаковъ, чтобъ ихъ было до 100 человѣкъ, и намѣренъ-де всѣмъ имъ сдѣлать зеленые по казачью покрою кафтаны; не весьма давно собравъ онъ самыхъ лучшихъ людей и лошадей, велѣлъ имъ скакать взапуски, и кои лошади выпередили другихъ, изъ тѣхъ самыхъ лучшихъ и рѣзвыхъ выбралъ онъ 30 лошадей, и невѣдомо-де для чего, всегда содержитъ ихъ на хорошемъ корму у себя. Нѣкоторые-де изъ его сообщниковъ разглашаютъ, якобы Цесаревичъ Павелъ Петровичъ для его встрѣчи ѣдетъ къ нему и будтобъ уже въ Казань съ военными людьми (считая ихъ 2000) Самъ Онъ прибылъ. А потому и приговариваетъ иногда оный самозванецъ, чтобъ ему наскоро для встрѣчи Цесаревича съѣздить; провіантъ-де на все его собраніе подвозятъ къ нему изъ тѣхъ мѣстъ, коими онъ завладѣлъ, да и продавать въ лагерѣ у себя не запрещаетъ; скотины жъ отогнанной изъ разныхъ мѣстъ весьма у него много, которая-де вся содержится въ Бердской слободѣ.

Дважды представленъ былъ онъ Полуворотовъ оному самозванцу; при первомъ случаѣ спрашивалъ онъ его: какое укрѣпленіе имѣетъ городъ, много ли пороху и снарядовъ.—Онъ ему отвѣтствовалъ: что городъ весьма нынѣ укрѣпленъ, пушекъ и снарядовъ, также и военныхъ людей тутъ много. Что-де выслушавъ, сказалъ ему сіи слова: поди, Богъ и Государь тебя прощаетъ. И приказалъ ему остричь

волосы по-казачьи, почему и обрѣзали ихъ ему тотъ же часъ ножемъ. И такъ онъ отданъ былъ въ десятокъ находящемуся у него урядніку Колесову, который прежде бывалъ Губернскимъ подъячимъ, а за продерзость написанъ въ солдаты, и ему Полуворотову былъ знакомъ, почему и онъ содержалъ его противъ другихъ захваченныхъ людей повыгоднѣе; да и самъ съ нимъ къ уходу соглашался. Для ночлега имѣетъ онъ злодѣй палатку и кибитку, съ хутора Совѣтника Мясоѣдова увезенную, въ которую-де никто къ нему не входитъ, кромѣ вышеозначенныхъ первенствующихъ у него двухъ человѣкъ, да жены покойнаго Маіора Харлова, которую онъ, захватя въ Татищевой крѣпости, при себѣ держитъ. Когда выходитъ изъ кибитки, то выносятъ ему изъ оной кресла, взятыя изъ Губернаторскаго хутора, на которыя онъ садится, выслушиваетъ и распоряжаетъ всякіе дѣла. Приходящіе къ нему, кланялись ему въ землю, цѣловали у него руку и называли его иногда Ваше Величество, а просто батюшко, заочно жъ отцемъ.

Ростъ его небольшой, лице имѣетъ смуглое и сухощавое, носъ съ горбомъ; а знаковъ онъ Полуворотовъ на лицѣ его не примѣтилъ, кромѣ сего, что лѣвый глазъ щуритъ и часто имъ мигаетъ. Волосы на головѣ черные, борода черная жъ, но съ небольшою сѣдиною. Платье имѣетъ: шубу плисовую малиновую, да и шаровары такіе жъ; шапку казачью. Рѣчь его самая простая и нарѣчія Донскихъ казаковъ; грамотѣ или очень мало, или ничего не знаетъ.

Пушечная-де и ружейная пальба, третьяго дня происходившая, была по причинѣ молебна, при великомъ пьянствѣ, поповскую жъ должность отправляетъ у него невѣдомо какой дьяконъ, взятый съ заводовъ; но самъ-де онъ въ церковь никогда не ходитъ.

(Пушкинъ. Исторія Пугачевскаго бунта, т. II, стр. 116—118).

---

81. Рапортъ полковника Михельсона о побѣдѣ надъ Пугачевымъ подъ Казанью

1774, іюля 16.

(кн. Щербатову).

Я, не будучи въ состояніи, за изнуреннными моими лошадьми, довольно пользоваться двоекратными побѣдами 12 и 13 чиселъ надъ государственнымъ злодѣемъ, воромъ Пугачевымъ, долженъ былъ остановиться на Арскомъ полѣ. 14-го получилъ извѣстіе, что злодѣй, верстахъ въ 20-ти отъ Казани, усиливаетъ свою толпу, кою онъ и дѣйствительно совокупя къ себѣ болѣе 10 кучъ, избранныхъ его сообщниками, умножилъ и сдѣлался больше какъ въ 25.000 человѣкъ, съ коими вчерашняго числа и сталъ подвигаться для нападенія на меня, съ тѣмъ, чтобъ разбить меня, взять Казань и простирать бы далѣ свои варварства и злости. Я, какъ скоро узналъ о приближеніи злодѣевъ, будучи подкрѣпленъ полученіемъ отъ его превосходительства Г. Генералъ-Маіора и кавалера Потемкина полутораста пѣхоты, пошелъ къ нимъ на встрѣчу къ тому мѣсту, гдѣ имѣлъ сраженіе 12-го числа. Злодѣи на меня наступили съ такою пушечною и ружейною пальбою, и съ такимъ отчаяніемъ, коего только въ лучшихъ войскахъ найти надѣялся, и малое мое число конечно бъ должно было уступить многолюдству злодѣевъ, ежели бы не были подкрѣплены надеждою на Бога, усердіемъ къ Е. И. В., нашей Всемилостивѣйшей Государынѣ, и утверждены не были со мною умереть, или побѣдить стремленія злодѣйскія.

Въ продолженіе четырехъ часовъ сраженіе, не уступая ни съ которой стороны, сражаясь сначала стрѣльбою, а потомъ уже штыками и копьями, сколь ни опасный взяло видъ, однако помощію Божіею перемѣнилось: — я, взявъ съ собою послѣд-

ній мой резервъ въ 40 человѣкъ карабинеровъ, ударилъ въ то мѣсто, гдѣ подкрѣпленіе было нужнѣе, и злодѣи, сколько ни усиливались, помощію Божіею и храбростію войскъ Е. И. В. были обращены въ бѣгъ съ потерею всей артиллеріи и до 2,000 разныхъ народовъ, по большей части иновѣрцевъ убитыхъ; живыхъ взято до 5,000 человѣкъ, знаменъ 17, пушекъ мѣдныхъ 3, чугунныхъ 6, ящиковъ съ снарядами 9 и не малое число пороха. Сколь мои кони утомлены ни были, я, не оставляя ни единаго человѣка, гнался за злодѣемъ, и препоруча всю кавалерію Маіору Харину, не велѣлъ онаго спускать съ глазъ. Злодѣи, имѣвъ лагери въ двухъ мѣстахъ, въ коихъ оставались несчастные Казанскіе жители, доѣзжая какъ до перваго, такъ и до втораго, останавливаясь, старалися удерживать стремленіе: однако наши храбрые воины не давали злодѣямъ справляться. Воръ Пугачевъ изъ втораго его лагеря едва ускакалъ изъ рукъ нашихъ, и бывъ преслѣдованъ болѣе 30 верстъ, ударился онъ въ лѣсъ, а наши кони были не въ состояніи далѣе итти. Казанскіе жители, жены и дѣти ихъ, кои злодѣемъ были захвачены до 10,000 и болѣе душъ, изъ рукъ варварскихъ освобождены, и получена совершенная побѣда. Я не оставлю, какъ скоро узнаю, куда злодѣй повернулся, употребить всѣ возможности къ истребленію сего вора...

(Пушкинъ. Исторія Пугачевскаго бунта, т. II, стр. 308—310.)

---

82. Переписка Имп. Екатерины II съ моск. главнокомандующимъ кн. М. Н. Волконскимъ (о Пугачевѣ).

1. Письмо имп. Екатерины II.

Князь Михаилъ Никитичъ.

Извѣстіе о занятіи Курмыша злодѣями къ сожалѣнію моему получила сего вечера и не сумнѣваюсь, что они стараются пройдти къ Москвѣ, и сумнительно, чтобъ они пошли къ Нижнему. Но думаю, что они прямо къ вамъ пойдутъ, и для того не пропустите никакого способа, чтобъ отвратить сіе несчастіе. Я сего вечера изъ Новагорода седьмой полкъ, а именно лейбъ-кирасирскій, еще къ вамъ отправить приказала. Сверхъ того совѣтую вамъ призвать къ себѣ Московскихъ дворянъ или по крайнѣй мѣрѣ таковыхъ изъ нихъ, кои надежны быть могутъ на своихъ людей или же вооруженныхъ имѣютъ, и предложите имъ отъ себя, чтобъ они по примѣру предковъ своихъ вооружили колико могутъ надежныхъ людей для общей отъ злодѣевъ обороны. Можайскіе дворяне во время послѣдняго Московскаго мятежа готовы были во время язвы идти къ Москвѣ. Я чаю, они и нынѣ не откажутся отъ сей службы. На Москвѣ, чаю, найдется много и таковыхъ, кои служатъ и служили: ваше дѣло разбудить ревность вездѣ тутъ, гдѣ она быть можетъ, и, чаю, никто не откажется ее въ семъ случаѣ оказать. Употребите всѣхъ тѣхъ кои способны быть могутъ, гдѣ бъ употреблены ни были, для общей обороны. Съ моей стороны же ничего не оставлю, чтобъ злу сему сдѣлать конецъ.

Неужели чтобъ съ семью полками вы не въ состояніи найдетесь Пугачева словить и прекратить безпокойствіе? Я надѣюсь, что Чорба къ вамъ пріѣхалъ. Я фельдмаршалу приказала генералъ-поручика Суворова прислать къ вамъ наискорѣя. Боже дай, чтобъ все сіе въ скоромъ времени прекратилось, въ чемъ и надежду имѣю на святую Его волю.

Іюля 28-го 1774 г. изъ Петергофа.

2. Письма кн. Волконскаго.

1) Здѣсь все тихо, но въ уѣздѣ есть разглашеніе, что будто злодѣй Пуга-

чевъ, называя его Петромъ Третіимъ, сюды идетъ, отъ чего многіе въ страхъ пришли. Я послалъ въ разныя мѣста партіи казацкія такихъ вредныхъ разгласителей ловить и стараюсь тотъ страхъ изъ головы у слабыхъ людей выбить.

1-го Августа 1774 г. Москва.

2) Хотя таперь Москвѣ опасности и не настоитъ по причинѣ, что злодѣй и самозванецъ по послѣднимъ извѣстіямъ отдаляется отъ здѣшнихъ мѣстъ и деташементами войскъ преслѣдуется, однако какъ его разбойническіе обороты неизвѣстны, но на всегда готовымъ быть должно:—того ради сегодняшній день все дворянство, въ Москвѣ находящееся, у меня въ домѣ соберется и положитъ сочинить корпусъ гусаръ изъ людей ихъ и на ихъ коштѣ. Всѣ охотно сего желаютъ, и когда уже все сіе установимъ, то В. И. В—ву впредь донесу. По городамъ же приказано, чтобъ воеводы и обще съ предводителями дворянскими старались въ готовности быть къ отпору, ежели бъ злодѣи покусились на которое мѣсто напасть, а паче всего пріѣзжали ловить разгласителей и возмутителей (какъ уже таковой въ Коломнѣ и пойманъ, и теперь въ тайной экспедиціи допросы производятся, о чемъ вскорѣ В. И. В—ву донесу); приготовленія же въ городахъ, какъ изъ многихъ мѣстъ репортуютъ, съ усердіемъ и успѣхомъ производятся. Сверхъ сего для ловленія разгласителей я послалъ въ разныя мѣста маленькія казацкія партіи.

3-го августа 1774 г.

(Бартеневъ, XVIII в. стр. 113—116).

---

83. Донесеніе князя Волконскаго о привозѣ въ Москву Пугачева и о показаніяхъ его.

Всемилостивѣйшая государыня!

Сего числа по полуночи въ девять часовъ злодѣй Пугачевъ и старая его жена и сынъ подъ стражею гвардіи капитана Галахова въ Москву привезены, и злодѣй посаженъ въ уготованное для сего весьма надежное мѣсто, на Монетномъ дворѣ [1]), гдѣ сверхъ того, что онъ въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, прикованъ къ стѣнѣ; жена жъ съ сыномъ въ особомъ номерѣ. Въ десятомъ же часу и я въ тайную экспедицію пріѣхалъ, и съ симъ извергомъ говорилъ исторически, сначала какимъ образомъ, гдѣ и когда сіе содѣянное имъ злодѣйство въ скверное свое сердце посѣялъ, и кто ему первые были въ семъ злѣ пособники, даже и во все время кто его и чѣмъ подкрѣплялъ, на что онъ отвѣчалъ точно такъ, какъ и у графа Панина въ допросѣ показалъ (хотя оной ему былъ здѣсь и не читанъ), гдѣ я, пробывъ до втораго часа, его оставилъ, приказавъ Шешковскому [2]), чтобъ онъ отъ начала мерзкаго его рожденія со всѣми обстоятельствами до того часа, какъ онъ связанъ, записалъ, что онъ уже и началъ, надѣясь съ нимъ просидѣть не больше какъ часовъ шестьдесятъ, а по крайнѣй мѣрѣ семдесятъ.

Всемилостивѣйшая государыня! Осмѣливаюсь донести о семъ злодѣѣ мое примѣчаніе: первое, онъ человѣкъ нельзя никакъ сказать чтобъ былъ великаго духа, а тѣмъ меньше разума, ибо я по всѣмъ его отвѣтамъ нисколько остроты его не видалъ, какъ-то высочайше изъ написанной его гисторіи ваше величество усмотрѣть соизволите. И первое, коль скоро взведенъ передъ меня, и я остался только въ судейской съ Шешковскимъ, то онъ, безъ всякаго еще спроса, тотчасъ палъ на колѣни и сказалъ: „виноватъ предъ Богомъ и предъ государынею". А какъ его уличать сталъ безчеловѣчными звѣрскими злодѣяніями и убивствами, то

---

1) Въ Охотномъ ряду.

2) Слѣдователю.

онъ сказалъ: „Мой грѣхъ, подбили меня люди, да уже таперь виноватъ“. Людей изъяснялъ точно самыхъ тѣхъ, о коихъ у графа Панина показывалъ, не прибавляя никого больше. Скверенъ такъ, какъ мужику быть простому свойственно, съ тою только разницею, что онъ бродяга. И наконецъ сказалъ, что я уже былъ этому и самъ не радъ: „Да Яицкіе казаки дѣлали что хотѣли“. Впрочемъ о сдѣланныхъ убивствахъ не только онъ дѣлалъ уваженія, сколько было должно, будучи съ чувствительнымъ сердцемъ человѣку, но прямо какъ злодѣй. И напослѣдокъ, надѣлавъ столько, превосходя ядовитаго звѣря, злодѣйства, сказалъ онъ: „Радъ заслужить вины свои ея императорскому величеству“.

Жена его человѣкъ самый подлой и, видно, тихой; а сынъ мальчишка лѣтъ двѣнадцати, также ничего лучше матери не обѣщаетъ. И жена его сказала: „Чортъ его знаетъ, что онъ это надѣлалъ; а я о злодѣйствахъ его прежде никогда отъ него не слыхала, и онъ меня бросилъ уже съ три года“...

Впрочемъ, всемилостивѣйшая государыня, въ городѣ обстоитъ тихо и благополучно; только, какъ везли злодѣя по городу, то зрителей было великое множество; да какъ привезли его сюда и посаженъ былъ, и во все то время, какъ я самъ былъ, народу въ каретахъ и дамъ столь было у Воскресенскихъ воротъ много, что проѣхать съ нуждою было можно, только что глядятъ на палаты. Я думаю, что они ожидали, не подойдетъ ли злодѣй къ окошку. Однакожъ зрители въ семъ обманулись, что его видѣть никакъ не возможно. Что же по сей комиссіи происходить будетъ, то я буду имѣть счастіе всеподданнѣйше, чрезъ каждые два дни, В. И. В—ву на штафетѣ доносить, и коли что откроется новое, то того же самаго дня донести не оставлю.

Въ высочайшую В. И. В. милость себя подвергая, пребываю со всеглубочайшимъ респектомъ, всемилостивѣйшая государыня, В. И. В. всеподданнѣйшій рабъ.

Князь М. Волконской.

4-го ноября 1774 г. Москва.

(П. Бартеневъ. XVIII вѣкъ. Стр. 132—135.)

---

84. Допросы Пугачеву.

Изъ показаній Пугачева въ Секретной Комиссіи въ сентябрѣ 1774 г.

(Пугачевъ разсказываетъ, какъ онъ бѣжалъ изъ казанской тюрьмы и по дорогѣ на Иргизъ скрывался у одного пріятеля, Оболяева (Еремкина Курица); не рѣшаясь ѣхать на Иргизъ, чтобы не быть тамъ пойманнымъ, онъ временно укрывается у Курицы. Тутъ и приходитъ ему мысль о самозванствѣ).

...По пріѣздѣ къ нему Еремкина Курица узналъ его... и спросилъ: „Что, Емельянъ, отпущенъ изъ подъ караула (ибо онъ зналъ, что былъ пойманъ)?“ Но Пугачовъ отвѣчалъ; „Нѣтъ, де, а я бѣжалъ,“ и просилъ его, чтобъ позволилъ у себя до времени пожить. А (тотъ) на сіе говорилъ: „Живи, де; я много добрыхъ людей скрывалъ“. И такъ жилъ у него недѣли двѣ или больше, упражнялся въ стрѣляніи ловли на степи звѣрей.

А какъ сей уметъ на такомъ мѣстѣ, что великое число его проѣзжаетъ людей, а Яицкихъ казаковъ множество ѣздитъ туда для стрѣлянія звѣрей, то въ одно время обѣдали нѣсколько человѣкъ Яицкихъ казаковъ за однимъ съ нимъ и Еремкиной Курицей столомъ, и разговаривали тѣ Яицкіе казаки, коихъ онъ, Пугачовъ, не знаетъ, что они скрываются изъ городка для того,

что, по убитіи, де, Генерала съ командою, разложена на войско сумма денегъ за пограбленное у Генерала прочихъ имѣніе, и велѣно собрать съ кого 40, съ кого 30, а съ нѣкоторыхъ по 50 рублей. А какъ такой суммы заплатить нечѣмъ, то войсковая команда строго взыскиваетъ, и такъ, де, многіе отъ того разбѣжались... А заступить, де, за насъ некому; а сотниковъ, де, нашихъ, кои было вступились за войско, били кнутомъ и послали въ ссылку. И такъ, де, мы въ конецъ разорились и разоряемся. А какъ, де, мы укрываемся, и послѣ пойманы будемъ, то и намъ, какъ сотникамъ, какъ видно, также пострадать будетъ. И чрезъ это, де, мы погибаемъ, да и намѣрены, по причинѣ той обиды, разбѣжаться всѣ; да мы, де, и преже уже хотѣли бѣжать въ Золотую Мечеть, однако жъ, де, отдумали, до времени". Послѣ сего разговора тѣ казаки, вставъ изъ обѣда, разъѣхались.

Въ оное то время онъ, Пугачовъ, разсудилъ наименовать себя Государемъ Петромъ Третьимъ, въ чаяніи томъ, что Яицкіе казаки, по обольщенію его, скорѣй, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, его признаютъ, и помогутъ ему въ намѣреніи дѣйствительно. А на другой день просилъ онъ Еремкину Курицу, чтобъ велѣлъ истопить баню. Когда жъ оная была готова, то пошли съ нимъ вмѣстѣ; а по выходѣ Еремкина Курица спросилъ Пугачова: „Что, де, это у тебя на груди?" На что Пугачовъ говорилъ: „Это, де, знаки Государевы". А какъ Еремкина Курица усумнился и говорилъ: „Что де, ты говоришь? Какіе Государевы?" На то Пугачовъ, подтвердя ему: „Я, де, самъ Государь Петръ Ѳедоровичъ", сказалъ. Еремкина Курица замолчалъ, и пошли изъ бани къ нему въ землянку, гдѣ и сталъ онъ говорить еще со увѣреніемъ, что онъ подлинно Государь; а онъ ему повѣря, и дѣлалъ ему, яко Царю, приличное учтивство. Потомъ говорилъ ему же, Еремкиной Курицѣ: „Если бъ Яицкіе казаки войсковой руки умные люди какіе проѣхали, то я бы съ ними погуторилъ". На то Еремкина Курица: „Ко мнѣ, де, будетъ скоро Яицкой Григорій Закладной, для лошади попросить".

Когда жъ Закладной пріѣхалъ, то Еремкина Курица ему, Пугачову, объ немъ объявилъ; а какъ Закладновъ просилъ хозяина объ лошади, а Пугачовъ сіе увидя, сказалъ Оболяеву, чтобъ лошадь ему отдалъ безденежно вовсе, то тутъ Оболяевъ говорилъ: „Ты, де, самъ не называйся при Закладномъ Государемъ, а я, де, ему объявлю, что ты царь, и попрошу его, чтобъ онъ прислалъ сюда изъ городка умнаго человѣка, а именно, Короваева съ товарищемъ, кого онъ знаетъ. Когда же Оболяевъ Закладному объ немъ объявилъ, то онъ вначалѣ поблагодарилъ Бога, что открывается благополучіе, а потомъ, поѣхавъ, сказалъ притомъ, что Короваева пришлетъ. А чрезъ сутки и Короваевъ къ нимъ съ товарищемъ, какъ оный прозывается, не знаю, пріѣхалъ. Какъ же Оболяевъ мнѣ о пріѣздѣ ихъ сказалъ, то я приказалъ ввесть ихъ въ сарай, куда всѣ и вошли, гдѣ Короваевъ спросилъ: „Ты ли надежа Государь нашъ, Петръ Ѳедоровичъ?" На то сказано мною было: „Я", и говорилъ Короваеву: „Чрезъ кого вы извѣстны обо мнѣ стали?". Когда жъ мнѣ сказано, что чрезъ Закладнаго увѣдомлены и присланы, то говорилъ я: „Ну, Яицкіе казаки! Коли вамъ угодно, такъ вы меня примите, я Государь вашъ, Петръ Ѳедоровичъ; а неугодно, такъ откажите; я поѣду на Узень вашу, и тамъ жить буду до времени. „На то Короваевъ: „Я, де, поѣду въ войско, и тамъ съ другими подумаю, и пріѣдемъ сюда въ третій день съ умными и престарѣлыми людьми". На то я сказалъ: „Хорошо, де, поѣзжай, да

скажи о семъ хорошимъ людямъ". Говорилъ же въ то время и то, какимъ образомъ я спасся отъ смерти, гдѣ былъ, чему онъ, кажется, вѣрилъ, и между тѣмъ сказывалъ, что и примѣты царскіе имѣю. И такъ, Короваевъ съ товарищемъ поѣхалъ...

Тутъ былъ въ то время одинъ только Шигаевъ. И такъ сѣли обѣдать; и лишь только начали рѣзать хлѣбъ, то увидали, что ѣдутъ къ нимъ еще два человѣка, Чика и Мясниковъ; какъ же ихъ увидѣли, то Шигаевъ пришелъ къ всѣмъ намъ и говорилъ: „Надобно, де, отъ нихъ укрыться; эти люди не надежные, а особенно Чика." И такъ я съ Шигаевымъ бросились въ траву, а Короваевъ остался тутъ, къ которому Чика подъѣхавъ, спрашивалъ: „Что, де, ты, Короваевъ, зачѣмъ здѣсь?" А Короваевъ отвѣтствовалъ, что пріѣхалъ бить звѣря; а Чика говорилъ: „Нѣтъ, видно людей обманывать. Вы, де, пріѣхали къ Государю, да и я вѣдь того же ищу." А какъ Короваевъ услышалъ, что Чика уже объ немъ знаетъ, то изъ травы ихъ и кликнулъ; почему я съ Шигаевымъ и вышли; Короваевъ пригласилъ Пугачова къ себѣ. Пугачовъ поѣхалъ.

Поздоровавшись дружелюбно, сѣли обѣдать. Когда пообѣдали (за которымъ о намѣреніи еще не говорили) и помолились Богу, то Короваевъ спросилъ меня: „Покажитко де, намъ царскіе знаки, чтобъ было вамъ чему вѣрить, и не прогнѣвайся, что я васъ о семъ просилъ." Почему я взялъ ножикъ и разрѣзавъ до пупа воротъ у рубашки, показывалъ имъ свои раны; а какъ они спросили: „Отъ чего, де, эти знаки?" На то я говорилъ: „Когда, де, въ Петербургѣ противъ меня возмутились, такъ это гвардейцы кололи штыками." А какъ Шигаевъ увидѣлъ у меня на лѣвомъ вискѣ пятно отъ золотухи, и спросилъ: „А это, де, что у васъ?" На то я говорилъ: „Это, де, шрамъ у меня, потому что болѣло". А гербовъ и орловъ Россійскихъ отнюдь онъ не показывалъ; но гдѣ что сказано на меня, если кто говорилъ, то напрасно.

И потомъ сказывалъ имъ, на спросъ ихъ, какимъ образомъ, при возшествіи Ея Величества на престолъ, ушелъ изъ Петербурга,—яко бы выпустилъ меня офицеръ, и вмѣсто меня похороненъ другой. А казаки говорили: „И намъ, де, слышно было, что Государь скончался, однако жъ болѣе, де поговаривали, что онъ живъ, да взять не знали, гдѣ; а теперь видимъ, что Ваше Величество здѣсь? Да гдѣ жъ вы такое долгое время были?" На то я отвѣчалъ, что „былъ, де, я въ Кіевѣ, въ Польшѣ, въ Египтѣ, въ Іерусалимѣ и на рѣкѣ Терекѣ, а оттоль вышелъ на Донъ, а съ Дону, де, пріѣхалъ къ вамъ и слышу, что вы, да и вся чернь, обижены; такъ я хочу за васъ вступиться и удовольствовать. И хотя, де, не время было мнѣ явиться, однако жъ, видно, Богъ привелъ. А когда вы меня не примете, такъ я пойду на Узень для жительства до времени." Потомъ Шигаевъ, да и всѣ сказали: „Примемъ, батюшка, только вступись за насъ, и въ нашихъ отъ старшинъ обидахъ помоги; мы, де, въ конецъ всѣ разорились отъ большихъ денежныхъ поборовъ"...

Въ заключеніе жъ сего объявляю, когда еще шелъ къ Казани, то просили меня Яицкіе казаки, чтобъ итти въ Москву и далѣе, на что я былъ и согласенъ. Когда жъ былъ подъ Казанью разбитъ и переправился въ маломъ числѣ толпы чрезъ Волгу, то хотя великую толпу и собралъ, но къ Москвѣ уже итти не разсудилъ, а пробирался на низъ, куда разсудилось. И дошелъ до Саратова, уговорили меня казаки, чтобъ со всею толпою, коя была въ великомъ числѣ, итти въ Яицкой городокъ, тамъ перезимовать и опять выйти въ Русь, для до-

кончанія моего намѣренія. Дворянъ и Офицеровъ убивалъ, большею частію, по представленію Яицкихъ казаковъ, а самъ я столько жестокъ отнюдь не былъ; а не попущалъ тѣмъ, кои отягощали своихъ крестьянъ, или командиры подчиненныхъ, а такъ же и тѣхъ безъ справокъ казнилъ, если кто изъ крестьянъ на помѣщиковъ хорошихъ доносили. Солдатъ для того въ толпѣ своей не имѣлъ, что они для меня въ службѣ не годятся. А когда въ пѣхотѣ была надобность, то я приказывалъ спѣшиваться казакамъ, кои все то дѣлали, что и солдаты. Дальняго намѣренія, чтобъ завладѣть всѣмъ Россійскимъ царствомъ, не имѣлъ; ибо разсуждая о себѣ, не думалъ къ правленію быть, по неумѣнію грамотѣ, способенъ; а шелъ на то, если удастся чѣмъ поживиться, или убиту на войнѣ быть. Все я заслужилъ смерть: такъ лучше умереть на войнѣ...

(Чт. въ О-твѣ Ист. и др. Росс. 1858 г., кн. II, отд. II, с. 12—16, 36.)

---

85 Казнь Пугачова.

Въ скоромъ времени по прибытіи нашемъ въ Москву я увидѣлъ позорище, для всѣхъ чрезвычайное, для меня же и новое: смертную казнь. Жребій Пугачова рѣшился. Онъ осужденъ на четвертованіе. Мѣсто казни было на такъ называемомъ Болотѣ.

Въ цѣломъ городѣ, на улицахъ, въ домахъ, только и было рѣчей объ ожидаемомъ позорищѣ. Я и братъ нетерпѣливо желали быть въ числѣ зрителей; но мать моя долго на то не соглашалась. По убѣжденію одного изъ нашихъ родственниковъ, она ввѣрила насъ ему подъ строгимъ наказомъ, чтобъ мы ни на шагъ отъ него не отходили.

Это происшествіе такъ врѣзалось въ память мою, что я надѣюсь и теперь съ возможною вѣрностію описать его, по крайней мѣрѣ, какъ оно мнѣ тогда представлялось.

Въ десятый день Января 1775 г., въ восемь или девять часовъ по полуночи пріѣхали мы на Болото; на серединѣ его воздвигнутъ былъ эшафотъ или лобное мѣсто, вкругъ коего построены были пѣхотные полки. Начальники и офицеры имѣли знаки и шарфы сверхъ шубъ, по причинѣ жестокаго мороза. Тутъ же находился и Оберъ-Полицеймейстеръ И. П. Архаровъ, окруженный своими чиновниками и ординарцами. На высотѣ или помостѣ лобнаго мѣста увидѣлъ я съ отвращеніемъ въ первый разъ исполнителей казни. Позади фронта все пространство Болота, или, лучше сказать, низкой лощины, всѣ кровли домовъ и лавокъ, на высотахъ съ обѣихъ сторонъ ея, усѣяны были людьми обоего пола и различнаго состоянія. Любопытные зрители даже вспрыгивали на козлы и запятки каретъ и колясокъ. Вдругъ все восколебалось, и съ шумомъ заговорило: везутъ, везутъ! Вскорѣ появился отрядъ кирасиръ, за нимъ необыкновенной величины сани, и въ нихъ сидѣлъ Пугачовъ; насупротивъ духовникъ его, и еще какой-то чиновникъ, вѣроятно секретарь Тайной Экспедиціи. За санями слѣдовалъ еще отрядъ конницы.

Пугачовъ, съ непокрытою головою, кланялся на обѣ стороны, пока везли его. Я не замѣтилъ въ лицѣ его ничего свирѣпаго. На взглядъ онъ былъ сорока лѣтъ, роста средняго, лицемъ смуглъ и блѣденъ, глаза его сверкали, носъ имѣлъ кругловатый, волосы, помнится, черные, и небольшую бороду клиномъ.

Сани остановились противъ крыльца лобнаго мѣста. Пугачевъ и любимецъ его Перфильевъ, въ препровожденіи духовника и двухъ чиновниковъ, едва взошли на эшафотъ, — раздалось повелительное слово на караулъ, и

одинъ изъ чиновниковъ началъ читать манифестъ; почти каждое слово до меня доходило.

При произнесеніи чтецомъ имени и прозвища главнаго злодѣя, также и станицы, гдѣ онъ родился, Оберъ-Полицiймейстеръ спрашивалъ его громко: „ты ли донской казакъ Емелька Пугачевъ?“ Онъ отвѣтствовалъ столь же громко: „Такъ, государь, я донской казакъ, Зимовейской станицы, Емелька Пугачевъ“. Потомъ, во все продолженіе чтенія манифеста, онъ, глядя на соборъ, часто крестился: между тѣмъ сподвижникъ его Перфильевъ, немалаго роста, сутулый, рябой и свирѣповидный, стоялъ неподвижно, потупя глаза въ землю.

По прочтеніи манифеста духовникъ сказалъ имъ нѣсколько словъ, благословилъ ихъ, и пошелъ съ эшафота; читавшій манифестъ послѣдовалъ за нимъ. Тогда Пугачовъ сдѣлалъ съ крестнымъ знаменіемъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, обратясь къ соборамъ, потомъ съ уторопленнымъ видомъ сталъ прощаться съ народомъ; кланялся на всѣ стороны, говоря прерывающимся голосомъ: „Прости, народъ православный, отпусти мнѣ, въ чемъ я согрубилъ предъ тобою; прости, народъ православный!“

— При семъ словѣ экзекуторъ далъ знакъ: палачи бросились раздѣвать его; сорвали бѣлый бараній тулупъ; стали раздирать рукава шелковаго малиноваго полукафтанья. Тогда онъ сплеснулъ руками, опрокинулся навзничь, и вмигъ окровавленная голова уже висѣла въ воздухѣ: палачъ взмахнулъ ее за волосы. Съ Перфильевымъ послѣдовало то же.

(И. Дмитріевъ. **Взглядъ на мою жизнь, с. 27—30.**)

XIV. Реформы сословно-административныя.

86. Манифестъ о дарованіи вольности и свободы всему Россійскому Дворянству.

(1762 г. Февраля 18.)

Безсмертныя славы, премудрый Монархъ, Любезный Государь Дѣдъ Нашъ, Петръ Великій, и Императоръ Всероссійскій, какую тягость и великіе труды принужденъ былъ сносить единственно для благополучія и пользы отечества своего, возводя Россію къ совершенному познанію, какъ военныхъ, гражданскихъ, такъ и политическихъ дѣлъ, — тому не только вся Европа, но и большая часть свѣта неложный свидѣтель.

Но какъ къ возстановленію сего нужно было, въ наипервыхъ, яко главный въ Государствѣ Членъ, благородное Дворянство пріучить и показать, сколь есть велики преимущества просвѣщенныхъ Державъ въ благоденствіи рода человѣческаго противъ безчисленныхъ народовъ, погруженныхъ въ глубинѣ невѣжествъ; — то по сему въ тогдашнее жъ время самая крайность настояла Россійскому Дворянству оказывая отличныя свои къ нимъ знаки милости, повелѣлъ вступать въ военныя и гражданскія службы, и сверхъ того обучать благородное юношество, не только разнымъ свободнымъ наукамъ, но и многимъ полезнымъ художествамъ, посылая оныхъ въ Европейскія Государства, и для того же самаго учреждая и внутрь Россіи разныя училища, дабы съ наивящшею поспѣшностью достигнуть желаемаго плода.

Правда, что таковыя учрежденія, хотя въ началѣ частію казались тягостными и несносными для Дворянства, лишаться покоя, отлучаться до-

мовъ, продолжать противъ воли своей самимъ военную и другія службы, и дѣтей своихъ въ оныя записывать, отъ которой нѣкоторые укрывались, подвергая себя за то не только штрафамъ, но и лишались имѣній своихъ, какъ нерадивые о своемъ и потомковъ своихъ добрѣ.

Упомянутому-жъ установленію, хотя оное въ началѣ нѣсколько и съ принужденіемъ сопряжено было, но весьма полезное, послѣдовали всѣ со временъ Петра Великаго владѣющіе Россійскимъ Престоломъ, а особливо Любезная Наша Тетка, блаженной памяти Государыня Императрица Елисавета Петровна, подражая дѣламъ Государя Родителя Своего, знаніе политическихъ дѣлъ и разныя науки разпространила и умножила подъ своимъ покровительствомъ въ Россійской Державѣ; но что-жъ изъ всего того произошло, Мы съ удовольствіемъ Нашимъ видимъ, и всякъ истинный сынъ отечества своего признать долженъ, что послѣдовали отъ того неисчетныя пользы, истреблена грубость въ нерадивыхъ о пользѣ общей, перемѣнилось невѣжество въ здравый разсудокъ, полезное знаніе и прилежность къ службѣ умножило въ военномъ дѣлѣ искусныхъ и храбрыхъ генераловъ, въ гражданскихъ и политическихъ дѣлахъ поставили свѣдущихъ и годныхъ людей къ дѣлу, однимъ словомъ заключить, благородныя мысли вкоренили въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ Россіи патріотовъ, безпредѣльную къ Намъ вѣрность и любовь, великое усердіе и отмѣнную къ службѣ нашей ревность, а потому и не находимъ мы той необходимости, въ принужденіи къ службѣ, какая до сего времени потребна была.

И такъ Мы, въ разсужденіи упомянутыхъ обстоятельствъ, по данной Намъ отъ Всевышняго власти, изъ Высочайшей Нашей Императорской милости, отнынѣ впредь на вѣчныя времена и въ потомственные роды жалуемъ всему Россійскому благородному Дворянству вольность и свободу, кои могутъ службу продолжать, какъ въ Нашей Имперіи, такъ и въ прочихъ Европейскихъ союзныхъ Намъ Державахъ, на основаніи слѣдующаго узаконенія:

1) Всѣ находящіеся въ разныхъ Нашихъ службахъ Дворяне могутъ оную продолжать, сколь долго пожелаютъ, и ихъ состояніе имъ дозволитъ, однакожъ военные ни во время кампаніи, ниже предъ начатіемъ оной за три мѣсяца о увольненіи изъ службы, или абшида просить да не дерзаютъ, но по окончаніи какъ внутрь, такъ и внѣ Государства...

4) Кто-жъ, будучи уволенъ изъ Нашей службы, пожелаетъ отъѣхать въ другія Европейскія Государства, такимъ давать Нашей Иностранной Коллегіи надлежащіе паспорты безпрепятственно съ таковымъ обязательствомъ, что куда нужда востребуетъ, то бъ находящіеся Дворяне внѣ Государства Нашего явились въ своемъ отечествѣ, когда только о томъ учинено будетъ надлежащее обнародованіе, то всякой въ такомъ случаѣ повиненъ со всевозможною скоростію волю Нашу исполнить, подъ штрафомъ секвестра его имѣнія...

9) Но какъ Мы сіе Наше Всемилостивѣйшее учрежденіе всему благородному Дворянству, на вѣчныя времена фундаментальнымъ и непремѣннымъ правиломъ узаконяемъ; то въ заключеніе сего Мы, Нашимъ Императорскимъ словомъ, наиторжественнѣйшимъ образомъ утверждаемъ, на всегда сіе свято и ненарушимо содержать въ постановленной силѣ и преимуществахъ, и ниже послѣдующіе по Насъ законные Наши наслѣдники въ отмѣну сего въ чемълибо поступить могутъ, ибо сохраненіе сего Нашего узаконенія будетъ

имъ непоколебимымъ утвержденіемъ Самодержавнаго Всероссійскаго престола; напротиву жъ того мы надѣемся, что все благородное Россійское Дворянство, чувствуя толикія наши къ нимъ и потомкамъ ихъ щедроты, по своей къ намъ всеподданнѣйшей вѣрности и усердію побуждены будутъ не удаляться, ниже укрываться отъ службы, но съ ревностію и желаніемъ въ оную вступать, и честнымъ и незазорнымъ образомъ оную по крайней возможности продолжать, не меньше и дѣтей своихъ съ прилежностію и раченіемъ обучать благопристойнымъ наукамъ, ибо всѣ тѣ, кои никакой и нигдѣ службы не имѣли, но только какъ сами въ лѣности и праздности все время препровождать будутъ, такъ и дѣтей своихъ въ пользу отечества своего ни въ какія полезныя науки не употребятъ, тѣхъ Мы, яко суще нерадивыхъ о добрѣ общемъ, презирать и уничтожать, всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ и истиннымъ сынамъ отечества повелѣваемъ, и ниже къ Двору Нашему пріѣздъ, или въ публичныхъ собраніяхъ и торжествахъ терпимы будутъ.

(П. С. З. т. XV № 11444 с. 912—915.)

---

87. Учрежденіе о губерніяхъ

(1775 г.)

Изъ предисловія.

... Сіе Наше постановленіе, какъ всякъ усмотрѣть можетъ, судебныя мѣста отдѣляетъ отъ губернскихъ правленій, предписываетъ каждому мѣсту должности и правила, доставляетъ онымъ возможность исполнять предписанное, не токмо порядкомъ своимъ соотвѣтствуетъ нынѣшнему внутреннему состоянію Нашей Имперіи, но еще наивящше противу прежняго надежно утверждаетъ общую тишину и безопасность, снабдѣвая разными выгодами частное и личное состояніе и пребываніе, въ нѣдрахъ государства живущихъ разнаго рода и поколѣнія людей; и слѣдственно существомъ своимъ производитъ новый опытъ къ удостовѣренію Нашихъ вѣрнолюбезныхъ подданныхъ, сколь наполнены Мы человѣколюбивымъ призрѣніемъ къ народу, и горячимъ попеченіемъ о общемъ благѣ и добромъ устройствѣ...

ГЛАВА I.

Примѣрный штатъ губерніи.

§ 1. Какое число душъ въ губерніи примѣрно полагается.

Дабы губернія, или намѣстничество, порядочно могла быть управляема, полагается въ оной отъ трехъ до четырехъ сотъ тысячъ душъ.

§ 17. Примѣрное число душъ въ уѣздѣ.

Въ уѣздѣ, или округѣ считается отъ дватцати до тритцати тысячъ душъ.

ГЛАВА III

Порядокъ опредѣленія въ должности.

§ 59. Государевъ Намѣстникъ, или Генералъ Губернаторъ, Правитель, или Губернаторъ, Порутчикъ Правителя, или вицъ Губернаторъ опредѣляются отъ Имп. Величества.

§ 60. Предсѣдатели палатъ, предсѣдатели верьхняго земскаго суда, Сенатъ избирая достойныхъ людей на каждое порожнее мѣсто по два, внесетъ о томъ докладъ къ Имп. Величеству, и ожидаетъ повелѣнія.

§ 61. Въ Намѣстническое правленіе и въ палаты Совѣтники и Ассессоры опредѣляются Сенатомъ.

§ 65. Верьхняго земскаго суда десять засѣдателей и двое дворянскіе засѣдатели совѣстнаго суда, выбираются дворянствомъ тѣхъ уѣздовъ, кои

составляютъ подсудное вѣдомство того верьхняго земскаго суда, чрезъ всякіе три года и представляются отъ онаго Правителю, или Губернатору, когда Генералъ Губернатора на мѣстѣ нѣтъ, и буде за ними нѣтъ явного порока, то Государевъ Намѣстникъ, или въ небытность его Правитель намѣстничества подтверждаетъ дворянской выборъ.

§ 66. Уѣздный или окружной судья и земской исправникъ, или Капитанъ выбираются дворянствомъ чрезъ всякіе три года, и представляются отъ онаго Правителю, и буде за ними нѣтъ явнаго порока, то Губернаторъ подтверждаетъ дворянской выборъ. Въ тѣхъ же уѣздахъ, гдѣ дворянскихъ имѣній нѣтъ, или мало, то земской исправникъ опредѣляется намѣстническимъ правленіемъ изъ чиновныхъ людей по представленію 3 достойныхъ людей отъ верьхней расправы.

§ 67. Засѣдатели уѣзднаго суда и дворянскіе засѣдатели нижняго земскаго суда выбираются дворянствомъ чрезъ три года, и представляются правителю, и буде за ними нѣтъ явнаго порока, то Губернаторъ подтверждаетъ дворянской выборъ.

§ 71. Городничей опредѣляется Сенатомъ по представленію намѣстническаго правленія.

§ 75. Верьхней расправы засѣдатели, да восемь засѣдателей нижней расправы, изъ коихъ двое отсылаются для засѣданія въ нижнемъ земскомъ судѣ, да двое въ совѣстномъ судѣ по дѣламъ до ихъ селеній касающимся, выбираются тѣми селеніями, кои составляютъ подсудное вѣдомство той верьхней расправы, и не запрещается имъ избрать и изъ дворянъ, или ученыхъ людей, или изъ чиновныхъ людей, или изъ разночинцовъ, или поселянъ безпорочныхъ людей, чрезъ всякіе три года, и представляются Правителю, и буде за ними нѣтъ явнаго порока, то Губернаторъ дозволяетъ имъ засѣданіе.

Примѣчаніе: (Послѣ § 80.) Выборъ по баламъ производится на основаніи депутатскаго выбора 1766 года 14 Декабря. [Какъ въ Комиссіи 1767 г.]

ГЛАВА IV.

О должности государева намѣстника.

§ 81. Должность Государства Намѣстника, или Генералъ Губернатора есть слѣдующая: строгое и точное взысканіе чинить со всѣхъ ему подчиненныхъ мѣстъ и людей о исполненіи законовъ и опредѣленнаго ихъ званія и должностей; но безъ суда да не накажетъ никого; преступниковъ законовъ и должностей да отошлетъ, куда по узаконеніямъ слѣдуетъ для суда, ибо

§ 82. Государевъ Намѣстникъ не есть судья, но оберегатель законовъ и проч.:—

Государевъ Намѣстникъ не есть судья, но оберегатель Имп. Величества изданнаго узаконенія, ходатай за пользу общую и Государеву, заступникъ утѣсненныхъ и побудитель безгласныхъ дѣлъ. Словомъ сказать, нося имя Государева Намѣстника, долженъ онъ показать въ поступкахъ своихъ доброхотство, любовь и соболѣзнованіе къ народу.

ГЛАВА XIV.

О должности верьхняго земскаго суда.

§ 173. Какія дѣла принадлежатъ до верьхняго земскаго суда.

Въ верьхній земскій судъ вносятся по аппелляціи на уѣздные суды, дворянскія опеки и нижніе земскіе суды всѣ дѣла, жалобы и тяжбы дворянскія и на дворянина какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла касающіяся до вотчинъ, привиллегіи, за-

зѣщанія, до наслѣдства въ имѣніи и до права наслѣдованія, спорныя о владѣніи, тяжкія до бесчестія и до права стряпчихъ касающіяся, такожъ и всѣ дѣла разночинцевъ тѣхъ, кои по правамъ аппелляци на уѣздные и нижніе земскіе суды непосредственно до верьхняго земскаго суда принадлежатъ.

ГЛАВА XXIII.

О судѣ, называемомъ нижняя расправа, и его должности.

§ 335. Учреждается нижняя расправа.

Въ тѣхъ городахъ и округахъ, гдѣ жительство имѣютъ однодворцы, или всякихъ прежнихъ службъ служилые люди, или черносошные, или государственные крестьяне, или Государевы крестьяне приписные къ какимъ ни есть мѣстамъ, или заводамъ; то для таковыхъ, какъ въ 75 статьѣ написано, дозволяется въ губерніи учредить по усмотрѣнію Генер. Губернатора, смотря на пользу и нужды, и соображаясь съ обширностію намѣстничества и обстоятельствами разнообразныхъ уѣздовъ, у 10 до 30 тысячъ душъ по одному суду подъ названіемъ: нижняя расправа, ямщики же, экономическіе и дворцовые крестьяне и прочіе временно въ коронномъ управленіи состоящіе, вѣдомы да будутъ судомъ и расправою на такомъ же основаніи въ нижней расправѣ.

§ 336. О засѣдающихъ въ нижней расправѣ.

Въ нижней расправѣ засѣдаетъ расправный судья, и восемь засѣдателей, изъ коихъ двое отсылаются для засѣданія въ нижнемъ земскомъ судѣ, и двое для засѣданія въ совѣстномъ судѣ по дѣламъ до ихъ селеній касающимся, опредѣляются же они чрезъ три года, какъ о томъ предписано въ статьѣ 75.

ГЛАВА XXV.

О приказѣ общественнаго призрѣнія и его должности.

§ 378. Въ каждой губерніи учреждается по одному приказу подъ названіемъ: приказъ общественнаго призрѣнія.

§ 379. О присутствующихъ.

Въ приказѣ общественнаго призрѣнія предсѣдаетъ Губернаторъ самъ, и засѣдаютъ два засѣдателя верьхняго земскаго суда, два засѣдателя губернскаго Магистрата, да два засѣдателя верьхней расправы (гдѣ есть, гдѣ же которыхъ нѣтъ, то само собою разумѣется, что въ засѣданіи не будутъ) и дозволяется приказу общественнаго призрѣнія, буде случится надобность для свѣденія подробнаго, или мѣстнаго призвать для засѣданія въ приказъ общественнаго призрѣнія уѣзднаго котораго дворянскаго предводителя, или городскаго главу для общаго уваженія дѣлъ.

§ 380. Что есть дѣло приказа общественнаго призрѣнія.

Приказу общественнаго призрѣнія поручается попеченіе и надзираніе о установленіи и прочномъ основаніи, 1. народныхъ школъ, 2. установленіе и надзираніе сиротскихъ домовъ для призрѣнія и воспитанія сиротъ мужескаго и женскаго пола, оставшихся послѣ родителей безъ пропитанія, 3. установленіе и надзираніе гошпиталей, или больницъ для излѣченія больныхъ, 4. установленіе и надзираніе богадѣленъ для мужескаго и женскаго пола убогихъ, увѣчныхъ и престарѣлыхъ, кои пропитанія не имѣютъ, 5. установленіе и надзираніе особаго дома для неизлѣчимыхъ больныхъ, кои пропитанія не имѣютъ, 6. установленіе и надзираніе дома для съ ума сшедшихъ, 7. установленіе и надзираніе работныхъ домовъ для обоего пола, 8. установленіе и надзи-

раніе смирительныхъ домовъ для обоего же пола людей.

§ 381. Какія установленія не подчинены приказу общественнаго призрѣнія.

Изъ попеченія и надзиранія приказа общественнаго призрѣнія исключаются тѣ училища, или установленія, кои особыми привиллегіями, или жалованными грамотами снабдѣны, или особымъ правленіямъ духовнымъ или свѣтскимъ поручены повелѣніемъ Имп. Величества.

§ 384. О народныхъ школахъ.

Въ разсужденіи народныхъ школъ, приказъ общественнаго призрѣнія долгъ имѣетъ стараться, чтобъ оныя были установлены во 1. по всѣмъ городамъ, а по томъ въ тѣхъ многолюдныхъ селеніяхъ, кои подсудны верьхней расправѣ, для всѣхъ тѣхъ, кои добровольно пожелаютъ обучаться въ оныхъ (въ чемъ однакоже не чинить ни кому принужденія, но отдать на волю родителей отдавать дѣтей въ школу, или оставлять ихъ дома), 2. чтобъ неимущіе могли учиться безъ платежа, а имущіе за умѣренную плату, 3. ученіе въ народныхъ школахъ имѣетъ на перьвый случай состоять въ наученіи юношества грамотѣ, рисовать, писать, ариѳметикѣ, дѣтей же Греко-Россійскаго исповѣданія учить катихизису для познанія основаній православной вѣры, толкованію десяти заповѣдей божіихъ, для вкорененія нравоученія всеобщаго, 4. во всякой школѣ надлежитъ имѣть смотрѣніе, дабы горницы были чисты и всякій день выметены, и воздухъ въ нихъ перемѣнялся открытіемъ оконъ лѣтомъ во весь день, а зимою всякій день на короткое время, дабы дѣти отъ духоты въ горницахъ не претерпѣли въ здоровьѣ своемъ повреждения, 5. Ученіе производиться имѣетъ всякій день, выключая воскресные и табельные дни, но не болѣе двухъ часовъ сряду по утру, да двухъ часовъ сряду послѣ обѣда для однихъ дѣтей одной наукѣ, по середамъ же и по субботамъ послѣ обѣда дается отдохновеніе, 6. учителямъ запрещается наказывать дѣтей тѣлеснымъ наказаніемъ, 7. приказъ общественнаго призрѣнія имѣетъ прилѣжное попеченіе, чтобъ учители и школы все опредѣленное получали по всюды, исправно, не радивыхъ же и не исправныхъ учителей, по разсмотрѣнію жалобъ, смѣняетъ и опредѣляетъ на мѣсто ихъ радѣтельныхъ и исправныхъ...

(Учрежденіе о губерніяхъ Екатерины II. с. 1—159.)

---

88. Жалованная грамота дворянству.

(1785 г.)

...Съ новыми выгодами и приращеніемъ нашей Имперіи, когда пользуемся всякою внутреннюю и внѣшнею повсюду тишиною, мы подвигъ свой вящше и вящше устремляемъ къ непрерывному упражненію доставить нашимъ вѣрноподданнымъ во всѣхъ нужныхъ частяхъ внутренняго государственнаго управленія твердыя и прочныя постановленія, ко умноженію благополучія и порядка на будущія времена; и для того, вопервыхъ достойно находимъ, простерши наше попеченіе къ нашему вѣрнолюбезному подданному Россійскому дворянству, имѣя въ памяти вышесказанныя его заслуги, ревность, усердіе и непоколебимую вѣрность Самодержцамъ Всероссійскимъ, намъ самимъ и престолу нашему оказанныя въ наисмутнѣйшія времена, какъ въ войнѣ, такъ и посреди мира. А подражая примѣрамъ правосудія, милосердія и милости въ Бозѣ почивающихъ, Россійскій престолъ украсившихъ и прославившихъ предковъ нашихъ, и движимыя будучи собственною нашею матернею любовію и отличною признательностію

къ Россійскому дворянству, по благоразсужденію и изволенію нашему императорскому, повелѣваемъ, объявляемъ, постановляемъ и утверждаемъ въ память родовъ, для пользы Россійскаго дворянства, службы нашей и Имперіи, слѣдующія статьи на вѣчныя времена и непоколебимо.

1. Дворянское названіе есть слѣдствіе, истекающее отъ качества и добродѣтели начальствующихъ въ древности мужей, отличившихъ себя заслугами, чѣмъ, обращая самую службу въ достоинство, пріобрѣли потомству своему нарицаніе благородное.

2. Не токмо Имперіи и Престолу полезно, но и справедливо есть, чтобъ благороднаго дворянства почтительное состояніе сохранялось и утверждалось непоколебимо и ненарушимо: и для того изстари нынѣ да и пребудетъ на вѣки благородное дворянское достоинство неотъемлемо, наслѣдственно и потомственно тѣмъ честнымъ родамъ, кои онымъ пользуются, и слѣдственно:

3. Дворянинъ сообщаетъ дворянское достоинство женѣ своей.

4. Дворянинъ сообщаетъ дѣтямъ своимъ благородное дворянское достоинство наслѣдственно.

5. Да не лишится дворянинъ или дворянка дворянскаго достоинства, буде сами себя не лишили онаго преступленіемъ, основаніямъ дворянскаго достоинства противнымъ.

6. Преступленія, основанія дворянскаго достоинства разрушающія и противныя, суть слѣдующія: 1) нарушеніе клятвы, 2) измѣна, 3) разбой, 4) воровство всякаго рода, 5) лживые поступки, 6) преступленія, за кои по законамъ слѣдовать имѣетъ лишеніе чести и тѣлесное наказаніе, 7) буде доказано будетъ, что другихъ уговаривалъ или научалъ подобныя преступленія учинить.

7. Но понеже дворянское достоинство не отъемлется, о кромѣ преступленія; бракъ же есть честенъ и закономъ Божіимъ установленъ: и для того благородная дворянка, вышедши замужъ за недворянина, да не лишится своего состоянія, но мужу и дѣтямъ не сообщаетъ она дворянства.

8. Безъ суда да не лишится благородный дворянскаго достоинства.

9. Безъ суда да не лишится благородный чести.

10. Безъ суда да не лишится благородный жизни.

11. Безъ суда да не лишится благородный имѣнія.

12. Да не судится благородный, окромѣ себѣ равными.

13. Дѣло благороднаго, впадшаго въ уголовное преступленіе и по законамъ достойнаго лишенія дворянскаго достоинства, или чести, или жизни, да не вершится безъ внесенія въ Сенатъ и конфирмаціи Императорскаго Величества.

14. Всякаго рода преступленія (благороднаго), коимъ 10 лѣтъ прошло, и чрезъ таковое долгое время они не сдѣлались гласны, и по онымъ производства не было: всѣ таковыя дѣла повелѣваемъ отнынѣ предать, если гдѣ объ нихъ взыскатели, истцы или доносители явятся, вѣчному забвенію.

15. Тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго,

16. Съ дворянами, служащими въ нижнихъ чинахъ нашихъ войскъ, поступать во всѣхъ штрафахъ такъ, какъ по нашимъ военнымъ правиламъ поступается съ оберъ-офицерскими чинами.

17. Подтверждаемъ на вѣчныя времена въ потомственныя роды Россійскому благородному дворянству вольность и свободу.

18. Подтверждаемъ благороднымъ, находящимся въ службѣ, дозволеніе службу продолжать и отъ службы просить увольненія по сдѣланнымъ на то правиламъ.

19. Подтверждаемъ благороднымъ дозволеніе вступать въ службы про-

чихъ Европейскихъ намъ союзныхъ державъ и выѣзжать въ чужіе края.

20. Но какъ благородное дворянское названіе и достоинство изстари, нынѣ да впредъ пріобрѣтается службою и трудами, Имперіи и престолу полезными, и существенное состояніе Россійскаго дворянства зависимо есть отъ безопасности отечества и престола: и для того во всякое таковое Россійскому самодержавію нужное время, когда служба дворянства общему добру нужна и надобна, тогда всякой благородной дворянинъ обязанъ, по первому позыву отъ самодержавной власти, не щадить ни труда, ни самаго живота для службы государственной.

21. Благородный имѣетъ право по прозваніи своемъ писаться какъ помѣщикомъ его помѣстій, такъ и вотчинникомъ родовыхъ наслѣдственныхъ и жалованныхъ его вотчинъ.

22. Благородному свободная власть и воля оставляется, бывъ первымъ пріобрѣтателемъ какого имѣнія, благопріобрѣтенное имъ имѣніе дарить, или завѣщать, или въ приданое, или на прожитокъ отдать, или передать, или продать, кому заблагоразсудитъ. Наслѣдственнымъ же имѣніемъ да не распоряжаетъ инако, какъ законами предписано.

23. Благороднаго наслѣдственное имѣніе, въ случаѣ осужденія и по важнѣшему преступленію, да отдается законному его наслѣднику, или наслѣдникамъ...

26. Благороднымъ подтверждается право покупать деревни.

27. Благороднымъ подтверждается право оптомъ продавать, что у нихъ въ деревняхъ родится, или рукодѣліемъ производится.

28. Благороднымъ дозволяется имѣть фабрики и заводы по деревнямъ.

29. Благороднымъ дозволяется въ вотчинахъ ихъ заводить мѣстечки, и въ нихъ торги и ярмарки, согласно съ государственными узаконеніями, съ вѣдома генералъ-губернаторовъ и губернскихъ правленій, и съ наблюденіемъ, чтобы сроки ярмарокъ въ мѣстечкахъ ихъ соображены были съ сроками въ другихъ окрестныхъ мѣстахъ.

30. Благороднымъ подтверждается право имѣть, или строить, или покупать домы въ городахъ, и въ оныхъ имѣть рукодѣліе.

31. Буде кто благородный желаетъ пользоваться городовымъ правомъ, да повинуется оному.

32. Благороднымъ дозволяется оптомъ продавать, или изъ указныхъ гаваней за моря отпускать товаръ, какой у кого родится, или на основаніи законовъ выдѣланъ будетъ; ибо имъ не запрещается имѣть, или заводить фабрики, рукодѣлія и всякіе заводы.

33. Подтверждается благороднымъ право собственности, дарованное милостивымъ указомъ отъ 28 іюня 1782 года, не только на поверхности земли каждому изъ нихъ принадлежащей, но и въ нѣдрахъ той земли и въ водахъ, ему принадлежащихъ, на всѣ сокровенные минералы и произрастенія, и на всѣ изъ того дѣлаемые металлы, въ полной силѣ и разумѣ, какъ въ томъ указѣ изъяснено.

34. Подтверждается благороднымъ право собственности въ лѣсахъ, растущихъ въ ихъ дачахъ, и свободнаго ихъ употребленія въ полной силѣ и разумѣ, какъ въ милостивомъ указѣ 22 сентября 1782 года изображено.

35. По деревнямъ помѣщичій домъ имѣетъ быть свободенъ отъ постоя.

36. Благородный самолично изъемлется отъ личныхъ податей.

37. Нашимъ вѣрноподданнымъ дворянамъ жалуемъ дозволеніе собираться въ той губерніи, гдѣ жительство имѣютъ, и составлять дворянское общество въ каждомъ намѣстничествѣ,

и пользоваться нижеписанными правами, выгодами, отличностями и преимуществами.

38. Дворянство собирается въ губерніи по позыву и дозволенію генералъ-губернатора или губернатора, какъ для ввѣренныхъ дворянству выборовъ, такъ и для выслушиванія предложеній генералъ-губернатора или губернатора, всякіе три года въ зимнее время.

39. Собранію дворянства въ намѣстничествѣ дозволяется избрать губернскаго предводителя дворянства той губерніи, и для того собранію дворянства всякіе три года представить изъ уѣздныхъ дворянскихъ предводителей двухъ Государеву намѣстнику или правителю, и котораго изъ сихъ генералъ-губернаторъ или губернаторъ назначитъ, тому и быть губернскимъ предводителемъ дворянства той губерніи.

40. По силѣ 64 и 211 статей Учрежденій, уѣздный предводитель дворянства выбирается дворянствомъ того уѣзда чрезъ всякіе три года по баламъ.

41. По силѣ 65 статьи Учрежденій, Верхняго Земскаго Суда десять засѣдателей и двое засѣдателей Совѣстнаго Суда выбираются дворянствомъ тѣхъ уѣздовъ, кои составляютъ подсудное вѣдомство того Верхняго Земскаго Суда, чрезъ всякіе три года, и представляются отъ онаго правителю или губернатору, когда генералъ-губернатора на мѣстѣ нѣтъ; и буде нѣтъ за ними явнаго порока, то Государевъ намѣстникъ, или въ небытность его правитель намѣстничества, подтверждаетъ дворянскій выборъ.

42. Десять засѣдателей (Верхняго Земскаго Суда и засѣдателей Совѣстнаго Суда, Уѣзднаго Суда и Нижняго Земскаго Суда) выбираются чрезъ всякіе три года дворянствомъ тѣхъ уѣздовъ, кои составляютъ подсудное вѣдомство того Верхняго Земскаго Суда, изъ дворянъ на мѣстѣ живущихъ, или изъ тѣхъ, кои въ дворянскомъ спискѣ той губерніи написаны суть, но неотлучны по службѣ и должностямъ бываютъ.

43. По силѣ 66 статьи Учрежденій, уѣздный или окружной судья и земскій исправникъ или капитанъ выбираются дворянствомъ чрезъ всякіе три года и представляются отъ онаго правителю, и буде за нимъ нѣтъ явнаго порока, то губернаторъ подтверждаетъ дворянскій выборъ.

44. По силѣ 67 статьи Учрежденій, засѣдатели Уѣзднаго Суда и дворянскіе засѣдатели Нижняго Земскаго Суда выбираются дворянствомъ чрезъ три года и представляются правителю; и буде за ними нѣтъ явнаго порока, то губернаторъ подтверждаетъ дворянскій выборъ.

47. Собранію дворянства дозволяется представить генералъ-губернатору или губернатору о своихъ общественныхъ нуждахъ и пользахъ.

48. Подтверждается собранію дворянства дозволеніе дѣлать представленія и жалобы чрезъ депутатовъ ихъ какъ Сенату, такъ и Императорскому величеству на основаніи узаконеній.

49. Собранію дворянства запрещается дѣлать положенія, противныя законамъ, или требованія въ нарушеніе узаконеній, подъ опасеніемъ за первый случай (то-есть за положенія противныя законамъ) наложенія и взысканія съ собранія пени 200 рублей; а за второй случай (то-есть за требованія въ нарушеніе узаконеній) уничтоженія недѣльныхъ требованій, что поручается бдѣнію и иску губернскихъ стряпчихъ, по силѣ втораго предмета должности ихъ.

62. Собранію дворянства запрещается избирать для тѣхъ должностей, кои по силѣ Учрежденій выборомъ наполняются, дворянина, котораго доходъ съ деревень ниже 100 рублей составляетъ, и который моложе 25 лѣтъ.

63. Въ собраніи дворянства дворянинъ, который самъ не владѣетъ деревнею и моложе 25 лѣтъ, присутствовать можетъ, но голоса не имѣетъ.

64. Въ собраніи дворянства быть можетъ дворянинъ, который вовсе не служилъ или, бывъ въ службѣ, до оберъ-офицерскаго чина не дошелъ (хотя бы оберъ-офицерскій чинъ ему при отставкѣ и былъ данъ); но съ заслуженными сидѣть не долженъ, ни голоса въ собраніи дворянства имѣть не можетъ, ни выбранъ быть способенъ для тѣхъ должностей, кои наполняются выборомъ собранія дворянства...

(Русскій Архивъ 1885 г. с. 158—163.)

---

89. Городовое положеніе.

(1785 г.)

О городскихъ обывателяхъ.

29. Городовымъ обывателямъ каждаго города жалуется дозволеніе собираться въ томъ городѣ, и составить общество градское, и пользоватися нижеписанными правами и выгодами.

33. Засѣдатели въ суды выбираются мѣщанствомъ изъ мѣщанъ на мѣстѣ живущихъ, или изъ тѣхъ, кои въ городовой обывательской книгѣ того города написаны суть, но неотлучны по торгу и промыслу бываютъ.

36. Обществу градскому дозволяется представить Губернатору о своихъ общественныхъ нуждахъ и пользахъ.

О гильдіяхъ.

О первой гильдіи.

102. Въ первую гильдію вписать всякаго пола и лѣтъ, кто объявитъ капиталъ выше десяти тысячъ рублей и до пятидесяти тысячъ рублей.

103. Въ первой гильдіи кто объявитъ болѣе капиталъ, тому дается мѣсто предъ тѣмъ, кто менѣе объявилъ капиталъ.

104. Первой гильдіи не токмо дозволяется, но и поощряется производить всякіе внутри и внѣ Имперіи торги, товары выписывать и отпускать за море, оные продавать, вымѣнивать, и покупать оптомъ или подробно на основаніи законовъ.

105. Первой гильдіи не запрещается имѣть или заводить фабрики, заводы и морскія всякія суда.

106. Первой гильдіи дозволяется ѣздить по городу въ каретѣ парою.

107. Первая гильдія освобождается отъ тѣлеснаго наказанія.

О второй гильдіи.

108. Во вторую гильдію вписать всякаго пола и лѣтъ, кто объявитъ капиталъ выше пяти тысячъ рублей и до десяти тысячъ рублей.

109. Во второй гильдіи кто объявитъ болѣе капиталъ, тому дается мѣсто предъ тѣмъ, кто менѣе объявилъ капитала.

110. Вворой гильдіи не токмо дозволяется, но и поощряется производить всякіе внутри Имперіи торги, и товары возить водою и сухимъ путемъ по городамъ и ярманкамъ, и по онымъ продавать, вымѣнивать, и покупать потребное для ихъ торгу оптомъ или подробно на основаніи законовъ.

111. Второй гильдіи не запрещается имѣть или заводить фабрики, заводы и рѣчныя всякія суда.

112. Второй гильдіи дозволяется ѣздить по городу въ коляскѣ парою.

113. Вторая гильдія освобождается отъ тѣлеснаго наказанія.

О третьей гильдіи.

114. Въ третью гильдію вписать всякаго пола и лѣтъ, кто объявитъ капиталъ выше тысячи рублей и до пяти тысячъ рублей.

115. Въ третей гильдіи кто объявитъ болѣе капиталъ, тому дается

мѣсто предъ тѣмъ, кто менѣе объявилъ капитала.

116. Третей гильдіи не токмо дозволяется, но и поощряется производить мѣлочный торгъ по городу и по уѣзду, продавать мѣлочный товаръ въ городѣ и въ округѣ, и тотъ мѣлочный товаръ возить водою и сухимъ путемъ по селамъ, селеніямъ, и сельскимъ торжкамъ, и на оныхъ торжкахъ продавать, вымѣнивать, и покупать потребное для мѣлочнаго торгу оптомъ или подробно въ городѣ или округѣ.

117. Третей гильдіи не запрещается имѣть станы, производить рукодѣлія и имѣть и содержать малыя рѣчныя суда.

118. Третей гильдіи дозволяется имѣть трактиры, герберги, торговыя бани и постоялые дворы для проѣзжихъ и прохожихъ людей.

119. Третей гильдіи запрещается по городу ѣздить въ каретѣ, и впрягать зимою и лѣтомъ болѣе одной лошади.

О городской общей Думѣ и о городской шестигласной Думѣ.

156. Городовымъ обывателямъ дозволяется составить общую городскую думу.

157. Городскую общую думу составляютъ городской глава и гласные отъ настоящихъ городовыхъ обывателей, отъ гильдій, отъ цѣховъ, отъ иногородныхъ и иностранныхъ гостей, отъ имянитыхъ гражданъ и отъ посадскихъ. Каждое изъ сихъ раздѣленій имѣетъ одинъ голосъ въ обществѣ градскомъ.

158. Чтобъ составить голосъ настоящихъ городовыхъ обывателей, собираются всякіе три года въ каждой части города настоящіе городовые обыватели и выбираютъ по баламъ одного гласнаго. Каждый гласный настоящихъ городовыхъ обывателей явиться долженъ у городскаго Главы.

164. Общая городская дума избираетъ шестигласную городскую думу изъ своихъ гласныхъ.

165. Шестигласная городская дума составится изъ голоса настоящихъ городовыхъ обывателей, изъ голоса гильдейскихъ, изъ голоса цѣховыхъ, изъ голоса иногородныхъ и иностранныхъ гостей, изъ голоса имянитыхъ гражданъ, и изъ голоса посадскихъ, въ предсѣданіи городскаго Главы; въ случаѣ же убыли во время срока общая городская дума наполняетъ мѣсто изъ того же голоса.

166. Въ городской думѣ сидитъ городской Глава на стулѣ по срединѣ; противъ городскаго Главы сидятъ на лавкѣ на право голосъ цѣховыхъ, на лѣво голосъ посадскихъ; возлѣ городскаго Главы въ правомъ заворотѣ на лавкѣ голосъ настоящихъ городовыхъ обывателей, и голосъ иногородныхъ и иностранныхъ гостей; возлѣ городскаго Главы въ лѣвомъ заворотѣ на лавкѣ же голосъ имянитыхъ гражданъ и голосъ гильдейской.

167. Городской думѣ предлежатъ попеченія: 1) доставить жителямъ города нужное пособіе къ ихъ прокормленію, или содержанію. 2) Сохранять городъ отъ ссоръ и тяжебъ съ окрестными городами, или селеніями. 3) Сохранять между жителями города миръ, тишину и доброе согласіе. 4) Возбранять все, что доброму порядку и благочинію противно, оставляя однакожъ относящееся къ части полицейской исполнять мѣстамъ и людямъ для того установленнымъ. 5) Посредствомъ наблюденія доброй вѣры, и всякими позволенными способами поощрять привозъ въ городъ и продажу всего, что ко благу и выгодамъ жителей служить можетъ. 6) Наблюдать за прочностію публичныхъ городскихъ зданій, стараться о построеніи всего потребнаго, о заведеніи площадей для стеченія народа по торгу, пристаней, анбаровъ, магазейновъ и тому подоб-

наго, что можетъ быть для города потребно, выгодно и полезно. 7) Стараться о приращеніи городскихъ доходовъ на пользу города и для распространенія заведеній по приказу Общественнаго призрѣнія. 8) Разрѣшать сомнѣнія и недоумѣнія по ремесламъ и гильдіямъ въ силу сдѣланныхъ о томъ положеній.

172. Общая городская дума, бывъ составлена изъ людей занятыхъ торгами, промыслами и ремеслами, обязана собираться по однажды всякой срокъ засѣданія, или же когда нужда и польза городская потребуетъ и въ другое время.

173. Для всегдашняго отправленія дѣлъ, выше въ статьѣ 167-й изъясненныхъ, полагается, какъ выше сказано, городская шестигласная дума.

174. Городская шестигласная дума собирается всякую недѣлю однажды, развѣ когда нужда или польза городская востребуетъ и кромѣ того.

(Город. Полож. 1785 г.)

XV. Дворъ имп. Екатерины II.

90. Праздникъ въ Ораніенбаумѣ.

(1758 г.)

Видя, что великій князь постоянно очень на меня сердился,—я вздумала дать его имп. высочеству праздникъ въ моемъ Ораніенбаумскомъ саду и тѣмъ, буде возможно, смягчить его гнѣвъ; я знала, что всякій праздникъ по душѣ великому князю. Вслѣдствіе этого я приказала моему тогдашему архитектору, итальянцу Антонію Ринальди, сдѣлать изъ дерева въ отдаленномъ мѣстѣ большую колесницу, такъ чтобы на ней могъ помѣститься оркестръ въ шестьдесятъ музыкантовъ и пѣвцовъ. Стихи я велѣла сочинить придворному поэту, итальянцу, а музыку капельмейстеру Арайѣ. Въ саду, въ большой аллеѣ, устроена была иллюминованная декорація съ занавѣсью; напротивъ разставлены столы для ужина.

11 іюля къ вечеру его имп. высочество, все что было жителей въ Ораніенбаумѣ, и множество пріѣхавшихъ изъ Кронштадта и Петербурга отправились въ садъ, который уже былъ иллюминованъ. Сѣли за ужинъ, и послѣ перваго блюда занавѣсь, закрывавшая большую аллею, поднялась; вдали показался подвижной оркестръ, который везли двадцать быковъ, убранныхъ гирляндами; а оркестръ окружали танцоры и танцовщицы, сколько я могла ихъ найти. Аллея была такъ ярко иллюминована, что можно было различать всѣ предметы. Когда оркестръ остановился, на небѣ, какъ будто нарочно надъ самой колесницею, показался мѣсяцъ. Это произвело необыкновенный эффектъ и очень удивило все общество; къ тому же погода стояла чудеснѣйшая. Всѣ вскочили изъ-за столовъ, чтобы ближе послушать симфонію и полюбоваться зрѣлищемъ. Какъ скоро симфонія кончилась, занавѣсь опустилась, всѣ усѣлись за столы, и послѣ второго блюда послышались трубы и литавры, явился скоморохъ и началъ кричать: „милостивые государи и милостивыя государыни! пожалуйте ко мнѣ, въ моихъ лавочкахъ будетъ даровая лотерея“. По обоимъ бокамъ декораціи поднялись небольшія занавѣси и открылись двѣ маленькія, ярко освѣщенныя лавочки, изъ которыхъ въ одной находился фарфоръ, а въ другой цвѣты, ленты, вѣера, гребенки, гарусъ, перчатки, портупеи и тому подобное тряпье, которое было все разобрано по билетамъ. Послѣ раздачи вещей всѣ отправились за

десертъ, и потомъ начались танцы, продолжавшіеся до 6 часовъ утра.

На этотъ разъ никакая интрига и никакое недоброжелательство не омрачили моего праздника; его императорское высочество и всѣ посѣтители были въ восторгѣ, и то и дѣло хвалили великую княгиню и ея праздникъ; въ самомъ дѣлѣ я не пожалѣла издержекъ, вино находили отличнымъ, ужинъ вкуснѣйшимъ. Все было на мой собственный счетъ, такъ что я истратила отъ 10 до 15 тысячъ рублей, получая въ годъ всего 30 тысячъ...

(Записки имп. Екатерины II, с. 162—3.)

91. День Императрицы Екатерины II.

Въ обыкновенные дни, Государыня въ Зимнемъ Дворцѣ вставала въ 7 часовъ; до 9 занималась въ зеркальномъ кабинетѣ, по большой части сочиненіемъ устава для Сената (я говорю о томъ времени, когда я при Е. В. находился); [1]) въ 10-мъ часу выходила въ спальню и садилась на стулъ (а не въ креслахъ), обитый бѣлымъ штофомъ, передъ выгибнымъ столикомъ, къ коему приставляемъ былъ еще другой таковой же, обращенный выгибомъ въ противную сторону, для докладчика; и передъ нимъ стулъ. Въ сіе время дожидались въ уборной всѣ имѣвшіе дѣла для доклада; а дежурный камердинеръ въ собственномъ платьѣ тогдашняго наилучшаго покроя и произвольнаго цвѣта, (мундировъ тогда, кромѣ лакейскихъ и камеръ-лакейскихъ, придворные чины и служители не носили), въ башмакахъ, черныхъ шелковыхъ чулкахъ и съ пудреною прическою, стоялъ у двери спальни; по звонку колокольчика онъ входилъ въ спальню, и получалъ приказаніе позвать прежде всѣхъ Оберъ-Полицмейстера. За нимъ входили, по призыву, и съ докладами всѣ прочіе. Вошедшій поклонялся по обыкновенію, цѣловалъ руку, и, когда угодно ей это было, и если имѣлъ дѣла для доклада, то, по данному знаку, садился за столикъ противъ Государыни, и докладывалъ...— Статсъ-Секретари ежедневно, Вице-Канцлеръ по четвергамъ, а Генералъ-Прокуроръ по воскресеньямъ, съ сенатскими меморіями.

Въ двѣнадцать часовъ слушаніе дѣлъ прекращалось; Государыня выходила въ малый кабинетъ, для прически волосъ, которые тогда довольно еще были густы; прическа оканчивалась не болѣе какъ въ четверть часа. Въ сіе время приходили оба Великіе Князья, а иногда Великія Княжны, для поздравленія съ добрымъ днемъ. Послѣ Государыня выходила въ уборную для наколки головного убора, что также не болѣе четверти часа продолжалось; при семъ представляться могли всѣ тѣ, кои имѣли въ уборную входъ, и нѣсколько камеръ-юнгферъ. Чепчикъ накалывала А. Ал. Полокучи, Гречанка, пожилая дѣвица и глухая; булавки держали двѣ сестры Звѣревы, дѣвицы зрѣлыхъ лѣтъ, которыя въ молодости слыли красавицами; ледъ на блюдѣ и полотенце держала Марія Степановна Алексѣева, также дѣвица немолодая, собою видная, густо нарумяненная, но некрасивая. Во время наколки чепчика Государыня обтирала лицо льдомъ и разговаривала съ нѣкоторыми изъ присутствующихъ тутъ, въ числѣ коихъ нерѣдко бывали у туалета ея Шталмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ и Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ; съ ними охотно Государыня любила разговаривать. По окончаніи туалета Государыня возвращалась въ спальню одна, а камеръ-юнгферы выходили другою дверью въ предъуборную комнату, и послѣ вхо-

[1]) 1795—6 г.

дили въ спальню для одѣванья; причемъ находилась уже и Марія Савишна [1]).

Одѣвшись, до обѣда Государыня занималась чтеніемъ книгъ или слѣпками камеевъ, которые она иногда дарила. Въ два часа садилась за столъ; послѣ обѣда время проходило въ чтеніи иностранной почты, въ тѣ дни, когда она приходила, а въ другіе или чтеніемъ какого-либо сочиненія, до законодательства относящагося, или помянутыми снимками камеевъ. Въ Царскомъ Селѣ, въ долгіе лѣтніе дни иногда немного спала. Въ шесть часовъ начиналось вечернее собраніе въ ея покояхъ, или въ театрѣ, въ Эрмитажѣ; въ десятомъ часу всѣ разъѣзжались, и въ одиннадцать часовъ Императрица почивала.

(Записки А. Грибовскаго, статсъ-секретаря императрицы, с. 34—37).

---

92. Описаніе торжества въ домѣ князя Потемкина по случаю взятія Измаила.

(1791 г.)

По всеподданнѣйшему отъ хозяина прошенію великой Государыни и ихъ высочествъ и по нарочному зву знатнаго обоего пола дворянства, къ 6-ти часамъ пополудни всѣ собралися. Всѣ были въ маскарадномъ платьѣ. Хотя отъ множества каретъ заперлись улицы, но въ домѣ такой былъ просторъ, что можно бы, безъ сомнѣнія, пригласить такое же или еще большее число гостей. Наконецъ прибылъ дворъ. Въ самое то время, на устроенномъ нарочно противъ дома амфитеатрѣ, украшенномъ зеленью, взыграли трубы и открылся пиръ для народа. Представлены были въ даръ ему разнаго рода одежды, всякое съѣстное и сладкіе напитки. Повсюду раздавалось восклицаніе въ честь и славу всемилостивѣйшей обладательницы: простосердечное ура наполняло воздухъ. Самая лучшая похвала доброму государю—радостный кликъ его народа. Подъ симъ гласомъ искренности хозяинъ встрѣтилъ высочайшихъ своихъ посѣтителей въ подобающемъ августѣйшему ихъ сану мѣстѣ, со всевозможнымъ благоговѣніемъ и знаками подданническаго усердія. Глубокое молчаніе и жадное устремленіе взоровъ нѣсколькихъ тысячъ гостей на священныхъ императорскихъ особъ, вступившихъ сперва въ большую залу, было первое пріятное зрѣлище...

Какъ скоро высочайшіе посѣтители соизволили возсѣсть на пріуготовленныя имъ мѣста, то вдругъ загремѣла голосовая и инструментальная музыка, изъ трехъ сотъ человѣкъ состоявшая. Торжественная гармонія разлилась по пространству залы. Выступилъ отъ алтаря хороводъ, изъ двадцати четырехъ паръ знаменитѣйшихъ и прекраснѣйшихъ женъ, дѣвицъ и юношей составленный. Они одѣты были въ бѣлое платье столь великолѣпно и богато, что однихъ брильянтовъ на нихъ считалось болѣе, нежели на десять милліоновъ рублей. Сіе младое и избранное общество тѣмъ большій возбудило въ Россіянахъ восторгъ, что государи великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи удостоили сами быть въономъ.... Какою радостью, какимъ восторгомъ наполняло сіе ихъ чувства и что изображалося на ихъ то удивленныхъ, то улыбающихся лицахъ, того никакое перо описать не въ состояніи; удобно было токмо сіе видѣть и чувствовать. Сія великолѣпная кадриль, такъ сказать, изъ юныхъ Грацій, младыхъ полубоговъ и героевъ составленная, открыла балъ польскимъ танцемъ. Громкая музыка его сопровождаема была литаврами и пѣніемъ; слова

---

[1]) Перекусихина.

онаго и послѣдующаго за нимъ польскаго же были слѣдующія:

Громъ побѣды, раздавайся!
Веселися, храбрый Россъ!
Звучной славой украшайся;
Магомета ты потрёсъ.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!
Воды быстрыя Дуная
Ужъ въ рукахъ теперь у насъ;
Храбрость Россовъ почитая,
Тавръ подъ нами и Кавказъ.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!
Ужъ не могутъ орды Крыма
Нынѣ рушить нашъ покой;
Гордость низится Селима
И блѣднѣетъ онъ съ Луной.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!..—

Въ продолженіе танцевъ августѣйшая гостья, оказавъ свое благоволеніе участвовавшимъ въ оныхъ, изволила оставить собраніе и уклонилась для отдохновенія въ чертогъ, устланный коврами и обитый драгоцѣнными тканями... Тогда въ другой комнатѣ подлѣ сей, золотой слонъ, обвѣшанный жемчужными бахромами, убранный алмазами и изумрудами, началъ обращать хоботъ. Онъ былъ какъ бы живъ... Персіянинъ, сидящій на немъ, ударилъ въ колоколъ, и сіе было возвѣщеніемъ театральнаго представленія. Хозяинъ всеподданнѣйше просилъ къ оному высочайшихъ своихъ посѣтителей и пригласилъ прочихъ гостей. Открылся занавѣсъ. Мѣсто дѣйствія и помостъ освѣтился лучезарнымъ солнцемъ, въ срединѣ котораго сіяло въ зеленыхъ лаврахъ вензелевое имя Екатерины II. Выступили танцовщики, представлявшіе поселянъ и поселянокъ. Воздѣвая руки къ сему благотворному свѣтилу, они показывали движеніями усерднѣйшія свои чувствованія. Балетъ препровождаемъ былъ музыкою и пѣніемъ...

За нимъ слѣдовала комедія, а послѣ оной балетъ, представлявшій смирнскаго купца, торгующаго невольниками всѣхъ народовъ. Но, къ чести россійскаго оружія, не было ни одного соотечественника нашего въ плѣну сего корыстолюбиваго варвара. Какая перемѣна политическаго нашего состоянія! Давно ли Украйна и низовыя мѣста подвержены были непрестаннымъ набѣгамъ хищныхъ ордъ? давно ли? О, коль пріятно напоминаніе минувшихъ напастей, когда онѣ прошли, какъ страшный сонъ! Теперь мы наслаждаемся въ пресвѣтлыхъ торжествахъ благоденствіемъ. О потомство! вѣдай: все сіе есть твореніе духа Екатерины...—

Ужъ наступила ночь, и когда изъ театра возвращалися въ залу, предвозвѣщено было концертомъ великолѣпнѣйшее зрѣлище...

Вступили въ освѣщенные чертоги. Что же представилось? Сама августѣйшая Императрица вопрошаетъ: „Неужели мы тамъ, гдѣ прежде были?“ Сто тысячъ лампадъ внутри дома: карнизы, окна, простѣнки, все усыпано чистымъ кристаломъ, наполненнымъ возженнаго бѣлаго благовоннаго воску. Граненыя паникадила и фонари, висящіе съ высоты, а со сторонъ позлащенные свѣтильники, одни, какъ жаръ горятъ, а другіе—какъ воды переливаются и, совокупляя лучи свои въ веселое торжественное сіяніе, все покрывали свѣтозарностью. Какой блескъ! Волшебные замки Шехеразады! сравнитесь ли вы съ симъ храмомъ, унизаннымъ звѣздами, или, лучше, съ цѣлою поднебесностію, увѣшанною солнцами? Безмертные пѣвцы храмовъ вкуса и славы! почто вы не видали сего великолѣпія?—Что я вижу? тутъ играетъ яркій и живой лучъ, и какъ бы зноемъ африканскаго лѣта притупляются взоры. Тамъ, какъ бы въ пасмурный день, разливается блескъ тонкій и умѣренный: я весь въ заряхъ. Окна окружены звѣздами. Горящія полосы звѣздъ по высотѣ стѣнъ простираются. Рубины, изумруды,

яхонты, топазы блещутъ. Разноогненные, съ живыми цвѣтами и зеленью переплетенные вѣнцы и цѣпи висятъ между столпами; тѣнистыя радуги бѣгаютъ по пространству; зарево сквозь лѣсъ проглядываетъ; искусство вездѣ подражаетъ природѣ. Но что, кромѣ сего, было чрезъестественнаго, описать трудно. Высочайшія пальмы, по подбористымъ и ровнымъ ихъ стеблямъ до самыхъ вершинъ увиты какъ бы звѣздами и горятъ, какъ пламенѣющіе столпы. Ароматныя рощи обременены златопрозрачными померанцами, лимонами, апельсинами; зеленый, червленный и желтый виноградъ, віясь по тычинкамъ огнистыми кистями своими, и въ тѣняхъ по чернымъ грядамъ лилеи и тюльпаны, ананасы и другіе плоды пламенностію своею неизреченную пестроту и чудесность удивленному взору представляютъ. Гдѣ находишься? Что видишь? не обманываешься ли? Самъ себѣ не вѣришь!—...

Между тѣмъ, какъ такими забавами занимались въ покояхъ, во внѣшнемъ, весьма пространномъ и прекрасномъ саду возжены были увеселительные огни. Хотя пасмурная погода не позволяла всѣмъ утѣшаться ими, но любопытство примѣтило оные. Тамъ, на прекрасныхъ прудахъ, чешуящихся между открытою пологою зеленью, а индѣ древами осѣненныхъ, зыблилась флотилія, изъ нѣсколькихъ судовъ состоявшая, украшенная разноцвѣтными флагами, фонарями, со множествомъ матросовъ и гребцовъ, богато одѣтыхъ. Рощи, пріятно разбросанныя, и алеи, далеко простирающіяся, также испещрены были разными огнями. Всего пріятнѣе казалось помаваніе деревъ, надъ водами стоящихъ, которыя, отъ случившагося тогда нарочитаго вѣтра наклоняясь и возвышаясь, заставляли по колеблющемуся подъ ними стеклу пробѣгать то зеленыя, то красныя струи. Всѣ дороги были покрыты народомъ, толпящимся подобно рою пчелъ, привившихся къ тому мѣсту, гдѣ матка ихъ находится. Шорохъ деревъ, шумъ водъ катящагося водопада, жужуканье говорящихъ, гласъ вдалекѣ гребецкаго рога и пѣсенъ, слышимый съ гуломъ музыки, вырывающимся изъ дому, погружали мысли въ нѣкую забывчивость. Какіе разговоры, какіе вопросы о причинѣ праздника и щедрости хозяина!...

Угощенные толь пріятнымъ образомъ, посѣтители внутри и внѣ дома ничего уже болѣе не ожидали, что бы могло усугубить ихъ удовольствіе; но вдругъ, по данному отъ хозяина знаку, театръ уничтожается; на мѣстѣ же его и еще въ нѣсколькихъ другихъ покояхъ являются для 600 человѣкъ накрытые столы, кромѣ тѣхъ, которые приставлены были къ стѣнамъ для всякаго, кто чего мимоходомъ пожелаетъ. Гдѣ были театральное дѣйствіе и зрители, тамъ чрезъ нѣсколько минутъ открылись горы серебра съ разнымъ кушаньемъ, вокругъ съ золотыми подсвѣчниками. Достойны были удивленія расторопная услуга и порядокъ, а паче хозяйское распоряженіе и присмотръ его повсюду...

Начался ужинъ. Мѣста театра и оркестръ удостоены были высочайшаго императорскаго присутствія. На первомъ, въ числѣ кадрили, изволили кушать государи великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи; а на второмъ всемилостивѣйшая Государыня и его императорское высочество Наслѣдникъ престола съ высочайшею его супругою; партеръ и нѣсколько картинныхъ покоевъ заняты были прочими обоего пола особами. Порядокъ постановленныхъ столовъ достоинъ примѣчанія: всѣхъ взоры обращены были къ лицу Государыни, и отъ сцены по степенямъ до нѣкоего особаго возвышенія воз-

носилась освѣщенная гора съ приборами, услугою и гостями, подобно какъ бы съ зрителями. На самой высотѣ оной сіяли стеклянные разноогненные сосуды, что также представляло нѣкое необычайное зрѣлище. Казалось, что вся Имперія пришла со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ и изобиліемъ на угощеніе своей владычицы и тѣснилась даже на высотахъ, чтобъ насладиться ея лицезрѣніемъ.

Богатая Сибирь, наклоншись надъ столами,
Разсыпала по нихъ и злато и сребро;
Восточный, западный, сѣдые океаны,
Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
Украйна, Холмогоръ несли тельцовъ и дичь;
Вѣнчанна класами, хлѣбъ Волга подавала,
Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ;
Рифей, нагнувшися, въ топазны, аметисты
Лилъ кубки медъ златый, древъ искрометный сокъ,
И съ Дона сладкія и крымски вкусны вина;
Прекрасная Нева, пріявъ отъ Бельта съ рукъ,
Въ фарфорѣ, кристалѣ чужія питья, снѣди
Носила по гостямъ, какъ будто бы стыдясь,
Что потчевать должна такъ прихоть поневолѣ.
Обилье тучное всѣмъ простирало длань.
Картины по стѣнамъ, огнями освѣщенны,
Казалось, ожили и, рдяны лица ихъ
Изъ мрака выставя, на славный пиръ смотрѣли;
Лукуллы, Цезари, Траянъ, Октавій, Титъ,
Какъ будто изумясь, сойти со стѣнъ желали
И вопросить: Кого такъ угощаетъ свѣтъ?
Кто, кромѣ насъ, владѣть отважился вселенной?...

(Сочиненія Державина, 2-е академич. изданіе, т. I.)

---

93. Письмо гр. Эстергази (франц. офицера) къ женѣ своей изъ Петербурга.

(1791 г.)

Наконецъ, моя милая, достигъ я здѣшней тихой пристани. Путешествіе, при всей его продолжительности, совершилось вполнѣ благополучно. Я пріѣхалъ сюда третьяго дня вечеромъ, но до сихъ поръ не могъ къ тебѣ писать, такъ какъ почта отходитъ только завтра. Не стану распространяться о здѣшнемъ городѣ, объ его разительныхъ особенностяхъ, объ его громадности, красотѣ и молодости (не прошло еще и ста лѣтъ, какъ возведенъ здѣсь первый домъ): все это опишу тебѣ послѣ, на досугѣ; а теперь разскажу кое-что позанимательнѣе, и прежде всего о моемъ представленіи императрицѣ.

Вчера утромъ я послалъ маіора Рата къ генералу Зубову съ депешами на его имя и съ письмомъ моимъ, въ которомъ я освѣдомлялся, какъ мнѣ поступить, чтобъ быть представлену ея величеству и поднести привезенныя мною письма. Зубовъ очень вѣжливо отвѣчалъ, что, если мнѣ угодно явиться къ нему въ 4-мъ часу, онъ проведетъ меня къ императрицѣ, которая приметъ меня въ своемъ Эрмитажѣ. Эрмитажъ—это великолѣпное, обширное зданіе, украшенное картинами, собранными отовсюду; въ немъ устроена галлерея, точь въ точь такая, какъ въ Ватиканѣ; снимки съ Рафаелевыхъ ложъ сдѣланы лучшими живописцами.

Миновавъ семь или восемь огромныхъ залъ, я былъ введенъ въ комнату, гдѣ находилась императрица, одна, безъ орденовъ, въ самомъ простомъ одѣяніи и безъ украшеній на головномъ уборѣ. Взявши мое письмо, она указала мнѣ кресло возлѣ себя, и бесѣдовала со мною около часу о дѣлахъ. За тѣмъ она стала говорить о дядюшкѣ, который былъ здѣсь посломъ, о Венгріи, о разныхъ другихъ болѣе или менѣе важныхъ предметахъ, и все это съ такою любезностью, такъ просто, что я почувствовалъ себя какъ нельзя свободнѣе, точно будто передо мною сидѣла наша королева. Она сказала мнѣ, что въ 7 часовъ у нея соберется небольшое общество, и на театрѣ дадутъ небольшое представленіе, и что она меня приглашаетъ туда. Послѣ этого былъ позванъ г-нъ Зубовъ. Императрица спросила меня,

знакомъ ли я съ г.г. Кобенцелемъ, Штедингомъ и Сенъ При, и послала пригласить ихъ въ театръ, чтобы видѣть, какъ они изумятся, внезапно встрѣтивъ меня въ близкой бесѣдѣ съ Россійской императрицею, тогда какъ они и не воображали, что я въ Петербургѣ.

Пока не началось представленіе, императрица вызвалась показать мнѣ свой Эрмитажъ. Никогда не видалъ я, чтобы столько мастерскихъ произведеній собрано было въ одномъ мѣстѣ; но признаюсь, всего болѣе удивляло меня то, что первое лицо, съ которымъ я бесѣдовалъ о Россіи, была сама императрица, что внезапно мнѣ сдѣлалось столь легко быть подлѣ нея; что этотъ геній, столь обширный, эта государыня столь великаго характера, являлась передо мною чрезвычайно любезною женщиною, веселонравною и необыкновенно-простою въ обращеніи. Около часу мы ходили по залам, точно какъ будто я заѣхалъ къ кому нибудь въ деревню, и любезный хозяинъ показывалъ мнѣ свое жилище. Наконецъ, въ билліардной, императрица присѣла; я и Зубовъ помѣстились возлѣ нея. Она приказала позвать императорскаго посла. Я его близко знаю; онъ намъ съ родни по твоей матушкѣ, т.-е. черезъ Пальфлей. Графъ Кобенцель близорукъ. По мундиру и голубой лентѣ онъ принялъ меня за Сенъ-При; но императрица сказала ему, чтобъ онъ вглядѣлся пристальнѣе. Тутъ онъ узналъ меня, и можешь вообразить себѣ его изумленіе. Вслѣдъ за нимъ явился Сенъ-При, и тоже не могъ надивиться, увидавъ меня. Штединга не нашли дома. Потомъ къ намъ явились какія то три дамы, два мальчика—великія князья, и еще человѣкъ около двадцати.

Все это общество отправилось въ великолѣпную театральную залу. Императрица заняла стулъ во второмъ ряду, пригласивъ сѣсть возлѣ себя гр. Кобенцеля, а по другую сторону меня. Старшій внукъ ея сѣлъ впереди нѣсколько влѣво, г. Сенъ-При вправо; Зубовъ возлѣ меня, а графъ Брюсъ возлѣ гр. Кобенцеля. Дамы помѣстились въ первомъ ряду, а остальное общество—гдѣ кому вздумалось. Пустыхъ мѣстъ было довольно. Представляли Щедраго Человѣка и Школу Мужей. Пока шла первая піеса (безъ пѣнія и музыки), императрица то и дѣло заговаривала то съ тѣмъ, то съ другимъ. Она была весела и обворожительна въ обращеніи. Я позабавилъ ее, признавшись, какое имѣлъ я понятіе объ этикетѣ Петербургскаго двора, и какъ мой маіоръ Ратъ увѣрялъ меня, что иностранцамъ никакъ нельзя видѣть Эрмитажа. Императрицѣ захотѣлось, чтобы нѣсколько дней спустя я самъ показалъ ему Эрмитажъ. Словомъ, ты не можешь себѣ представить, какъ она умѣетъ сдѣлать, чтобы всѣмъ было пріятно. Вторую піесу играли очень удачно, и мы смотрѣли ее внимательнѣе, чѣмъ первую. Старшему великому князю 14 лѣтъ, но съ виду ему лѣтъ 16. Онъ очень красивъ и даже величавъ. Младшій не такъ хорошъ собою, но въ чертахъ лица его есть что-то особенное, и онъ очень живъ въ обращеніи. Императрица, какъ видно, до безумія любитъ ихъ.

Когда представленіе кончилось, мы подали руки дамамъ и прошли въ залу, гдѣ императрица откланялась намъ по русски (какъ кланяются мужчины или скорѣе монахи), и удалилась къ себѣ.

(П. Бартеневъ Восемнадцатый вѣкъ. Т. I. Стр. 352—355.)

III. Россія XVIII вѣка.

XVI. Дворянская жизнь.

94. Усадьба Болотовыхъ.

(Авторъ описываетъ усадьбу своихъ родителей,—гдѣ онъ родился и выросъ.)

...Что касается до моей спальни, то была она въ маленькомъ чуланчикѣ, отгороженномъ досками отъ комнатки, бывшей подлѣ спальни матери моей; въ сихъ обѣихъ комнатахъ состояли всѣ наши жилые покои. Происходило сіе не отъ того, чтобъ хоромы наши были маленькія: онѣ были превеликія, но обыкновеніе тогдашнихъ временъ приносило то съ собою, что состояли онѣ по большей части въ пустыхъ и нежилыхъ покояхъ. Напримѣръ, было въ нихъ двое превеликихъ сѣней, изъ которыхъ переднія такъ были велики, что я, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, сдѣлалъ изъ нихъ двѣ прекрасныя комнаты; а и заднія сѣни умѣстили бъ въ себѣ также покойца два; но вмѣсто того были переднія совсѣмъ пусты, а и въ заднихъ былъ только одинъ ходъ на верхъ, занимающій мѣсто цѣлой комнаты. Изъ сѣней сихъ былъ входъ въ переднюю, или по нынѣшнему, залу. Пространная комната сія была отъ начала построенія хоромъ холодная, и все украшеніе ея состояло въ образахъ простыхъ и въ кивотахъ, коими весь передній уголъ и цѣлая стѣна была наполнена, ибо обыкновенія, чтобы комнаты подштукатуривать и обоями обивать, не было тогда и въ завѣтѣ. Мебели же всѣ состояли въ лавкахъ кругомъ стѣнъ и въ длинномъ столѣ, поставленномъ въ переднемъ углу и ковромъ покрытомъ. Какъ окошки были небольшія, а стѣны и потолокъ отъ долговременности даже потемнѣлъ и сдѣлался кофейнаго цвѣта, а дубовый стычной полъ еще того былъ темнѣе, то царствовала въ сей комнатѣ сущая темнота, и въ ней никто никогда не живалъ, а наполнялась она единожды въ годъ народомъ, то-есть въ святую недѣлю, когда съ образами приходили и въ ней молебенъ служивали. За сею слѣдовала другая угольная и самая та комната, которая была у матери моей и гостиною, и столовою, и спальнею и жилою; три маленькихъ окна съ одной, и одно двойное, съ другой стороны, впускали въ нее свѣтъ, и превеликая, складенная изъ узорчатыхъ разноцвѣтныхъ кафлей печь снабжала тепломъ оную. Печь сія расположена была особымъ и такимъ образомъ, какъ въ людяхъ не водится: нескоро можно было найти и добраться, откуда она топилась; надлежало лѣзть напередъ за печь, а тамъ поворачивать направо и искать устья, ибо оно сдѣлано было отъ стѣны и совсѣмъ въ темнотѣ. Тапливали ее обыкновенно дворовыя бабы поочередно и таскивали всякій день превеликія ноши хвороста и съ нимъ залѣзши къ устью, прятывались и завѣшивались тамъ, власно какъ въ конурѣ. Совсѣмъ тѣмъ печь сія была тепла и неугарна, да и самая комната довольно свѣтла и весела.

Что касается до украшеній сей важнѣйшей въ домѣ комнаты, то оныя состояли также только въ однихъ образахъ, разставленныхъ въ переднемъ углу. Внизу сдѣланъ былъ маленькій угольничекъ, и тутъ предъ киотомъ со крестомъ, съ мощами, горѣла неугасимая лампада, а вверху сдѣлана была предлинная полка, а на ней наставленъ цѣлый рядъ образовъ раз-

ныхъ. Стѣны въ комнатѣ сей были также ничѣмъ не обиты, но стычной дубовый полъ отъ частаго мытья нѣсколько побѣлѣе. Что касается до потолка, то онъ былъ неровный, но черезъ доску одна ниже, а другая выше, и отъ долговременности весьма изрядно закоптѣвшимъ.

Что принадлежитъ до мебелей, то нынѣшнихъ софъ, канапе, креселъ, тамбуровъ, комодовъ, ломберныхъ и другихъ разноманерныхъ столиковъ и прочаго тому подобнаго не было тогда еще въ обыкновеніи. Гладенькія и чистенькія лавочки кругомъ стѣнъ и много-много полдюжинки старинныхъ стульцевъ должны были отвѣтствовать вмѣсто всѣхъ креселъ и канапе, а длинный дубовый столъ и какой-нибудь маленькій складной — вмѣсто всѣхъ столиковъ. Итакъ, въ переднемъ углу стоялъ вышеупомянутый длинный столъ, въ другомъ была матери моей кровать, въ третьемъ, прежде упоминаемая печь и подлѣ нея широкая скамья, а въ четвертомъ стоялъ на лавкахъ, трехъ денегъ нестоющій и такъ почернѣвшій шкафчикъ, что надлежало развѣ скоблить ножомъ, чтобъ узнать, что онъ былъ нѣкогда крашенъ красками. Вотъ изображеніе наилучшей и первѣйшей комнаты.

Вправо и сбоку подлѣ нея находился другой теплой покой или преждеупоминаемая комнатка. Она составляла вкупѣ и дѣвичью, и лакейскую и дѣтскую, и была самая та, въ которой я родился. Незадолго до моего пріѣзда перегорожена она была на-двое досками, и сія отгородка была тогда моею спальнею и комнатою.

Наконецъ, кромѣ сихъ трехъ комнатъ было еще два покойца холодныхъ, черезъ сѣни и въ сторону къ саду. Но оба они были нежилые, а служили кладовыми. Одинъ занятъ былъ мелочными съѣстными припасами, а другой сундуками и былъ темный.

Вотъ все расположеніе старинныхъ хоромъ нашихъ, въ которыхъ живали наши предки, и въ коихъ я родился, женился и жилъ самъ потомъ нѣсколько лѣтъ, покуда отстроилъ себѣ новыя и лучшія...

Каковы были хоромы, таково было и мѣсто, на которомъ онѣ стояли. Не извѣстно уже мнѣ, кто изъ предковъ моихъ выбралъ впервые оное, только то знаю, что оно было худшее изъ всей усадьбы, а наилучшія мѣста заняты были огородами и скотными дворами; но сему и дивиться не можно, встарину было у насъ и обыкновеніе такое, чтобъ дома нарочно прятать и становить ихъ въ такихъ мѣстахъ, чтобъ изъ нихъ никуда въ даль было не видно, а все зрѣніе простиралось на одни только житни, конюшни, скотные дворы и сараи. А точно въ такомъ мѣстѣ поставлены были и наши хоромы...

(Записки Болотова, т. I. Стр. 151—155.)

---

95. Гости и ярмонка въ провинціальномъ городѣ.

(Дѣло происходитъ въ г. Богородицкѣ. Тул. губ., въ имѣніи гр. Бобринскаго, гдѣ авторъ былъ управляющимъ).

Какъ случилось сіе уже въ 5 день іюля, а въ слѣдующій за симъ начинался обыкновенно уже съѣздъ на нашу ярмонку и хотѣли быть уже къ намъ и тульскіе гости, то начали мы дѣлать всѣ къ пріѣзду ихъ пріуготовленія, и я въ тотъ же часъ раздавать нужные къ тому приказы. Но мы не успѣли еще прямо отдохнуть и только что встали и одѣлись, какъ получили извѣстіе, что г. Давыдовъ со всѣмъ своимъ приборомъ уже ѣдетъ. Господи! какъ мы всѣ тѣмъ перетревожились, ибо мы не инако думали, что пріѣдутъ они къ вечеру. Итакъ, давай, давай

скорѣе посылать все въ замокъ и заставливать поваровъ своихъ готовить для нихъ обѣдъ, къ которому они ѣхали, и сами убираться и готовиться къ приниманію оныхъ, и спасибо, попроворили и успѣли все то сдѣлать.

Они и пріѣхали къ намъ, дѣйствительно, передъ обѣдомъ въ многочисленныхъ экипажахъ и съ такою толпою гостей и множествомъ всякаго народа, что я, увидя ихъ, ажно ахнулъ, не воображая себѣ никакъ, чтобъ было ихъ такъ много. Были тутъ изъ собственнаго семейства г. Давыдова: онъ самъ съ женою, мать его, двѣ его сестры и свояченица, а изъ постороннихъ славный нашъ богачъ, армянинъ Мина Лазаревъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ Левшинъ, г. Остафьевъ, г. Батищевъ, г. Соколовскій, г. Всеволодской, г. Ѳедяшевъ, Степанъ Ивановичъ Вельяминовъ и славный шалунъ и игрокъ въ косточки Шахматовъ,—все народъ бойкій, молодой, вѣтрогонный, веселый и не стоющій и двухъ людей степенныхъ, каковъ изъ всѣхъ изъ нихъ былъ одинъ Лазаревъ. Словомъ, ребята всѣ теплые и набраны прямо подъ стать другъ къ другу. Онъ самъ расположился во дворцѣ съ своимъ семействомъ, а прочимъ всѣмъ ассигновалъ комнаты во флигелѣ. Весь дворъ наполнился народомъ, и какое множество было слугъ и прислужниковъ, какое множество лошадей и съ ними кучеровъ и конюховъ, и всѣхъ-то ихъ надобно было намъ и кормить, и поить, и успокаивать, и сколько хлопотъ и заботъ ко всему тому требовалось.

Какъ г. Давыдовъ съ тѣмъ только къ намъ тогда и пріѣхалъ, чтобъ ему тутъ погулять и прямо повеселиться, и для самаго того набралъ съ собою и народъ, къ тому способный, то не успѣли они пріѣхать и нѣсколько поразобраться, какъ до обѣда еще и начались у нихъ веселости. Г. Левшинъ былъ превеликій мастеръ играть на бандурѣ и балалайкѣ, а Батищевъ затѣмъ и взятъ, что очень хорошо игралъ на скрипицѣ, а Шахматовъ для пляски и подпѣванья. Они тотчасъ и составили свой концертъ, который, въ самомъ дѣлѣ, былъ пріятенъ для слуха и, можно сказать, что день сей былъ у насъ прямо весь музыкальный, ибо тотчасъ потомъ загремѣла наша духовая музыка во время обѣденнаго стола, а послѣ обѣда оркестренная и вокальная, вмѣстѣ и попеременно. И г. Давыдовъ кичился тѣмъ и щеголялъ предъ всѣми и былъ веселъ.

Послѣ того всѣ мущины пошли въ садъ и отъ жара пробрались въ нашу прекрасную купальню. Тутъ приди охота г. Давыдову самому вмѣстѣ съ Левшинымъ и Лазаревымъ купаться въ оной. Ну! скорѣй раздѣваться, пускать воду, садиться и ложиться подъ широкій и тонкій стокъ воды и любоваться теплотою оной и утѣшаться купаньемъ. Шахматовъ, между тѣмъ, какъ бѣсъ требесилъ. Начались въ водѣ самыя рѣзвости и дуренья, начали брызгаться, стрекаться крапивою и плескаться водою. Шахматова потащили насильно и въ платьѣ въ воду.....

Между тѣмъ, боярыни и дѣвицы, и въ томъ числѣ и наши, гуляютъ по саду. Число гостей умножается, пріѣзжаетъ еще кое-кто изъ Тулы. Наступаетъ вечеръ, надобно иттить всѣмъ во дворецъ, и больному съ товарищи какъ-нибудь также, какъ-нибудь идетъ и себя пересиливаетъ. Пріуготовляется вечерній столъ, всѣ ужинаютъ, шумятъ, кричатъ, спорятъ, смѣются и хохочатъ, музыка гремитъ. Ничего не слышно, всѣ въ удовольствіи, надобно начать праздникъ и послѣ ужина потанцовать, хоть немного. Рѣзвятся, танцуютъ и тѣмъ оканчиваютъ день, и было все весело и хорошо.....

Въ наступившій за симъ день было

у насъ подторжье или, прямѣе сказать, началась самая ярмонка во всемъ своемъ видѣ и совершенствѣ. Въ сей годъ была она не такъ многолюдна, какъ прежде, но дворянства наѣхало множество и больше, нежели въ другіе годы. Мы насчитали однихъ знакомыхъ дворянскихъ фамилій цѣлыхъ три десятка. Подъѣхало и изъ Тулы къ намъ еще нѣсколько гостей новыхъ.....

По-утру не успѣли всѣ и тутошніе, и пріѣзжіе одѣться и убраться, какъ съѣзжаются всѣ во дворецъ на поклонъ и съ привѣтствіями своими къ Николаю Сергѣевичу, какъ къ особѣ, представшей (sic) тогда первое въ городѣ лицо и игравшей знаменитѣйшую ролю. Сіе льститъ его самолюбію, сердце у него прыгаетъ отъ удовольствія и прямо на своемъ мѣстѣ. Онъ принимаетъ всѣхъ дружески и благосклонно, всѣхъ взаимно привѣтствуетъ, всѣхъ и каждаго ласкаетъ, со всѣми обращается просто, безъ всякой спѣси, гордости и дружелюбно, говоритъ то съ тѣмъ, то съ другимъ; тѣ между собою начинаютъ шутки, издѣвки, смѣхи и хохотанья, дѣлается отъ того шумъ, гулъ и раздается по всѣмъ комнатамъ, и все утро проведено весело и пріятно.

Между тѣмъ я во дворцѣ отъ заботъ о пріѣзжихъ и пріѣзжающихъ, а домашніе мои дома съ ногъ сбились отъ угащиванія своихъ собственныхъ гостей и пріуготовленія большого обѣденнаго стола, ибо всѣмъ знаменитѣйшимъ долженствовало въ сей день обѣдать у меня, а г. Хомяковъ, нашъ главный откупщикъ, суетился также о пріуготовленіи добраго и сытнаго обѣда въ трактирѣ, ибо всѣмъ у меня не можно было никакъ умѣститься. У меня обѣдало человѣкъ съ тридцать. Столъ былъ нарядный, обѣдъ добрый, музыка гремѣла, но Николаю Сергѣевичу не до того было, чтобъ ею утѣшаться; у него за столомъ разбередили какъ-то ногу, и онъ только что пожимался отъ боли и тотчасъ послѣ стола отъ насъ уѣхалъ въ замокъ. Но гости продолжали бесѣдовать, къ числу ихъ присовокупляется еще г. Кирѣевъ, Петръ Алексѣевичъ, пріѣхавшій ко мнѣ съ женою, шуриномъ и свояченицею, и мы едва успѣвали всѣхъ угащивать.

Наконецъ, посидѣвши у меня и напившись кофею, наѣвшись сластей и овощей, всѣ боярыни, а съ ними нѣкоторые изъ мущинъ, поѣхали на ярмонку, отчасти глазѣть на толпы взадъ и впередъ ходящаго народа и на множество каретъ и колясокъ, туда и сюда разъѣзжающихъ между онымъ, отчасти ходить по лавкамъ, пересматривать и торговать товары. Я на ней не былъ и съ ними не поѣхалъ, мнѣ было не до ней, мнѣ была она не въ диковинку; я въ прахъ усталъ отъ трудовъ и хлопотъ безчисленныхъ, хотѣлось хоть немного отвести духъ въ себѣ и поуспокоиться, а предоставилъ имъ однимъ бродить по ярмонкѣ и утѣшаться ею. Однако, и они веселились ею не долго, налетѣла вдругъ страшная туча съ превеликою бурею и вихремъ, полился проливной дождь и разогналъ весь чорный народъ. Всѣ бросались и совались, куда кому попало. Нечего было и имъ дѣлать, всѣ и они перетревожились, засуетились и, ну, также спѣшить скакать куда нибудь подъ кровлю и убѣжище, кто ко мнѣ, кто въ иныя мѣста, кто во дворецъ, и въ сей болѣе всѣхъ другихъ.

Тутъ, между тѣмъ, стоялъ стонъ и шумъ превеликій отъ игроковъ карточныхъ. Сіи всѣ отправляли тутъ свою ярмонку. Была ихъ толпа цѣлая, шумящая за многими столами; кто проигрывался, кто выигрывалъ, и денежки только погромыхивали, а бумажки перелетали изъ рукъ въ руки. А не успѣли всѣ комнаты наполниться народомъ, какъ загремѣла музыка,

и шумъ увеличился еще болѣе. Наконецъ наступилъ вечеръ, зазвонили къ всеночной, и всѣ гурьбою пошли въ церковь. Въ сей весь куполъ и всѣ вазы въ немъ освѣщены были огнями, и пріятный гулъ раздавался въ немъ отъ хора пѣвчихъ; служеніе было церемоніальное и собраніе дворянства обоего пола превеликое, словомъ, все было хорошо, мирно, спокойно и порядочно, и ярмонка наша весела, чему много поспѣшествовало и то, что нашъ князь занятъ былъ хлопотами ярмоночными, и не было кому дѣлать каверзъ.

Въ самый послѣдующій за симъ день праздника, было опять, по случаю возстановившейся прекрасной погоды, все въ городѣ у насъ живо и весело. Ярмонка, по обыкновенію, продолжалась до полудня, и народъ кипѣлъ на оной и представлялъ собою смотрящимъ изъ дворца прекрасное зрѣлище. Что касается до дворянства то все оное поутру съѣхалось во дворецъ для поздравленія командира моего съ праздникомъ. Послѣ чего всѣ были у обѣдни, во время которой пѣвчіе наши оказывали опять все свое искусство въ пѣніи, а Епифанькій дьяконъ сказывалъ проповѣдь, которою всѣ были очень довольны. По окончаніи божественной службы, всѣ мущины пошли опять во дворецъ на водку; знаменитѣйшіе остались обѣдать, а другіе пошли ко мнѣ и въ другіе дома. Столъ во дворцѣ былъ болѣе нежели на 30 кувертовъ и впродолженіе онаго гремѣла опять музыка. Послѣ обѣда же съѣхались всѣ во дворецъ, и дамы, и мущины, и старушки, и дѣвицы, и было всѣхъ полное собраніе. Тотчасъ тогда загремѣла опять музыка, начался порядочный балъ и вся молодежь принялась за танцы. Сынъ мой былъ первымъ и лучшимъ танцовщикомъ изъ всѣхъ и имѣлъ счастіе, что всѣ его полюбили и хвалили, а старшая дочь моя играла первую роль между танцовщицами и плѣняла всѣхъ красотою и всѣмъ обращеніемъ своимъ.

Между тѣмъ, какъ всѣ мы, а особливо молодежь занималась въ залѣ своими танцами, другіе играли въ карты въ гостиной, а иные разсовались по норамъ, пили и требесили, а нѣкоторые ходили въ ванну и прохлаждались отъ жара купаньемъ, ибо всѣмъ и всякому была воля, каждый занимался, чѣмъ хотѣлъ, и всѣ были веселы и всѣмъ довольны. Словомъ, праздникъ сей никогда такъ веселъ для насъ не былъ, какъ въ сей разъ.

Наутріе все дворянство начало разъѣзжаться, ибо ярмонка уже кончилась. А хотѣлъ было ѣхать и г. Давыдовъ, но остался еще у насъ на весь сей день. И какъ случился онъ быть воскреснымъ, то по-утру были мы всѣ опять у обѣдни, а потомъ ѣздили въ госпиталь. Обѣденный столъ былъ опять у г. Давыдова во дворцѣ, но не такой большой, какъ прежде, ибо были только пріѣзжіе къ нему гости. Послѣ обѣда ходили мы опять въ ванну, куда подъѣхалъ къ намъ и славный тогдашняго времени прошлецъ, забіяка и богачъ Семенъ Ивановичъ Игнатьевъ, и было опять много смѣховъ и хохотанья съ г. Челищевымъ: играли даже сущую комедію. Бѣдняка, купавшагося тогда въ ваннѣ, изстрекали всего крапивою, и такъ, что онъ шуткѣ сей и не радъ уже былъ. Я самъ купался вмѣстѣ съ ними, и было весело и хорошо. Послѣ того пособралось опять народа довольно во дворцѣ и молодежь потанцовала нѣсколько, а передъ вечеромъ пошли всѣ въ садъ и гуляли въономъ съ удовольствіемъ, ввечеру же увеселялъ насъ Шахматовъ на крыльцѣ своимъ пѣніемъ и пляскою; всѣ полеглись и и усѣлись по ступенькамъ большаго дерноваго крыльца предъ дворцомъ, для слушанія и смотрѣнія сего зрѣлища; вечеръ былъ пріятный и пре-

лестный. Левшинъ забавлялъ дѣвицъ своими шутками, а г. Михайловъ только что галился и засматривался на красавицъ. Наконецъ ужинали всѣ во дворцѣ и были всѣ веселы.....

Наконецъ, съ наступленіемъ утра слѣдующаго дня, поѣхалъ отъ насъ г. Давыдовъ со всѣми гостьми своими, и мы, радуясь, что сжили съ рукъ своихъ всю сію обузу, проводили его съ удовольствіемъ.

(Зап. Болотова. Томъ IV. С. 328—335.)

---

96. Державинъ.

Евгенію. Жизнь Званская.

1807 г.

(Строфы 3—19, 22—50, 64.)

Возможно ли сравнять что съ вольностью златой,
Съ уединеніемъ и тишиной на Званкѣ?
Довольство, здравіе, согласіе съ женой,
Покой мнѣ нуженъ—дней въ останкѣ.
Возставъ отъ сна, взвожу на небо скромный взоръ:
Мой утренюетъ духъ Правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудесъ, красотъ позоръ
Открылъ мнѣ въ жизни толь блаженной.
Пройдя минувшую и не нашедши въ ней,
Чтобъ черная змѣя мнѣ сердце угрызала,
О! коль доволенъ я, оставилъ что людей
И честолюбія избѣгъ отъ жала!
Дыша невинностью, пью воздухъ, влагу росъ,
Зрю на багрянецъ зарь, на солнце восходяще;
Ищу красивыхъ мѣстъ между лилей и розъ,
Средь сада храмъ жезломъ чертяще.
Иль, накормя моихъ пшеницей голубей,
Смотрю надъ чашей водъ, какъ вьютъ подъ небомъ круги;
На разноперыхъ птицъ, поющихъ средь сѣтей,
На кроющихъ, какъ снѣгомъ, луги;
Пастушьяго вблизи внимаю рога зовъ,
Вдали тетеревей глухое токованье,
Барашковъ въ воздухѣ, въ кустахъ свистъ соловьевъ,
Ревъ кравъ, громъ желнъ и коней ржанье.
На кровлѣ жъ зазвенитъ какъ ласточка,—и паръ
Повѣетъ съ дома мнѣ манжурской иль левантской,
Иду за круглый столъ; и тутъ-то растобаръ
О снахъ, молвѣ градской, крестьянской,
О славныхъ подвигахъ великихъ тѣхъ мужей,
Чьи въ рамахъ по стѣнамъ златыхъ блистаютъ лицы,
Для вспоминанья ихъ дѣяній, славныхъ дней,
И для прикрасъ моей свѣтлицы,—
Въ которой поутру, иль въ вечеру, порой
Дивлюся въ Вѣстникѣ, въ газетахъ иль журналахъ,
Россіянъ храбрости, какъ всякъ изъ нихъ герой,
Гдѣ есть Суворовъ въ генералахъ;
Въ которой къ госпожѣ, для похвалы гостей,
Приносятъ разныя полотна, сукна, ткани,
Узорны образцы салфетокъ, скатертей,
Ковровъ и кружевъ и вязани;
Гдѣ съ скотенъ, пчельниковъ и съ птичниковъ, прудовъ,
То въ маслѣ, то въ сотахъ зрю злато подъ вѣтвями,
То пурпуръ въ ягодахъ, то бархатъ—пухъ грибовъ,

Сребро, трепещуще лещами;
Въ которой, обозрѣвъ больныхъ въ больницѣ, врачъ
Приходитъ доносить о ихъ вредѣ, здоровьѣ,
Прося на пищу имъ: тѣмъ съ поливкой калачъ,
А тѣмъ лѣкарствица въ подспорье;
Гдѣ также иногда по палкамъ, по костямъ,
Усастый староста, иль скопидомъ брюхатый
Даютъ отчетъ казнѣ и хлѣбу и вещамъ,
Съ улыбкой часто плутоватой;—
И гдѣ, случается, художники млады
Работы кажутъ ихъ на древѣ, на холстинѣ,
И получаютъ въ даръ подачи за труды,
А въ часъ и денегъ по полтинѣ;
И гдѣ до ужина, чтобы прогнать какъ сонъ,
Въ задорѣ иногда въ игры зѣло горячи
Играемъ въ карты мы, въ ерошки, въ фараонъ,
По грошу въ долгъ и безъ отдачи.—
Оттуда прихожу въ святилище я Музъ,
И съ Флаккомъ, Пиндаромъ, боговъ возсѣдши въ пирѣ,
Къ царямъ, къ друзьямъ моимъ иль къ небу возношусь,
Иль славлю сельску жизнь на лирѣ;
Иль въ зеркало временъ, качая головой,
На страсти, на дѣла зрю древнихъ, новыхъ вѣковъ,
Не видя ничего, кромѣ любви одной
Къ себѣ,—и драки человѣковъ...
Дворовыхъ, между тѣмъ, крестьянскихъ рой дѣтей
Сбираются ко мнѣ, не для какой науки,
А взять по нѣскольку баранокъ, кренделей,
Чтобы во мнѣ не зрѣли буки.
Письмоводитель мой тутъ долженъ на моихъ
Бумагахъ мараныхъ, пастухъ какъ на овечкахъ,
Репейникъ вычищать. Хоть мыслей нѣтъ большихъ,
Блестятъ и жучки въ епанечкахъ.
Бьетъ полдня часъ, рабы служить къ столу бѣгутъ;
Идетъ за трапезу гостей хозяйка съ хоромъ.
Я озрѣваю столъ,—и вижу разныхъ блюдъ
Цвѣтникъ, поставленный узоромъ:
Багряна ветчина, зелены щи съ желткомъ,
Румяно-желтъ пирогъ, сыръ бѣлый, раки красны,
Что смоль, янтарь-икра, и съ голубымъ перомъ
Тамъ щука пестрая—прекрасны!
Прекрасны потому, что взоръ манятъ мой, вкусъ,
Но не обиліемъ иль чуждыхъ странъ приправой,
А что опрятно все и представляетъ Русь:
Припасъ домашній, свѣжій, здравой.
Когда же мы донскихъ и крымскихъ кубки винъ,
И липца, воронка и чернопѣнна пива
Запустимъ нѣсколько въ румяный лобъ хмелинъ,—
Бесѣда за сластьми шутлива.
Но молча вдругъ встаемъ: — бьетъ, искрами горя,
Древъ русскихъ сладкій сокъ до подвѣнечныхъ бревенъ:
За здравье съ громомъ пьемъ любезнаго Царя,
Царицъ, царевичей, царевенъ.
Тутъ кофе два глотка; схрапну минутъ пятокъ;
Тамъ въ шахматы, въ шары иль изъ лука стрѣлами,
Пернатый къ потолку лаптой мечу летокъ
И тѣшусь разными играми.
Иль изъ кристальныхъ водъ, купаленъ, между древъ,
Отъ солнца, отъ людей подъ скромнымъ осѣненьемъ,
Тамъ внемлю юношей, а здѣсь плесканье дѣвъ,

С҃ душевнымъ нѣкимъ восхищеньемъ.
Иль въ стекла оптики картинныя мѣста
Смотрю моихъ усадьбъ; на свиткахъ грады, царства,
Моря, лѣса,—лежитъ вся міра красота
Въ глазахъ, искусствъ черезъ коварства.
Иль въ мрачномъ фонарѣ любуюсь, звѣзды зря
Бѣгущи въ тишинѣ по синю волнъ стремленью:
Такъ солнцы въ воздухѣ, я мню, текутъ, горя,
Премудрости ко прославленью.
Иль смотримъ, какъ вода съ плотины съ ревомъ льетъ
И, движа машину, древа на доски дѣлитъ;
Какъ сквозь чугунныхъ паръ столповъ на воздухъ бьетъ,
Клокоча, огнь толчетъ и мелетъ.
Иль любопытны, какъ бумажны руны волнъ
Въ лотки сквозь иглъ, колесъ, подобно снѣгу льются
Въ пушистыхъ локонахъ, и тьмы вдругъ веретенъ
Маріиной рукой прядутся.
Иль какъ на ленъ, на шелкъ цвѣтъ, пестрота и лоскъ,
Всѣ прелести, красы, берутся съ поль царицы;
Сталь жесткая, глядимъ, какъ мягкій, алый воскъ,
Куется въ бердыши милицы,
И сельски ратники какъ, царства ставъ щитомъ,
Бѣгутъ съ стремленьемъ въ строй во рыцарскомъ убранствѣ,
«За Вѣру, за Царя, мы», говорятъ, «помремъ»,
Чѣмъ у Французовъ быть въ подданствѣ!
Иль въ лодкѣ вдоль рѣки, по брегу пѣшъ, верхомъ,
Качусь на дрожкахъ я сосѣдей съ вереницей;
То рыбу удами, то дичь громимъ свинцомъ,
То зайцевъ ловимъ псовъ станицей.
Иль стоя внемлемъ шумъ зеленыхъ, черныхъ волнъ,
Какъ дернъ бугритъ соха, злакъ травъ падетъ косами,
Серпами злато нивъ, — и ароматовъ полнъ
Порхаетъ вѣтръ межъ нимфъ рядами.
Иль смотримъ, какъ бѣжитъ подъ черной тучей тѣнь
По копнамъ, по снопамъ, коврамъ желтозеленымъ,
И сходитъ солнышко на нижнюю ступень
Къ холмамъ и рощамъ синетемнымъ.
Иль, утомясь, идемъ скирдовъ, дубовъ подъ сѣнь;
На брегѣ Волхова разводимъ огнь дымистый;
Глядимъ, какъ на воду ложится красный день
И пьемъ подъ небомъ чай душистый.
З а б а в н о, въ тьмѣ челновъ съ сѣтьми какъ рыбаки,
Лѣнивымъ строемъ плывъ, страшатъ тварь влаги стукомъ;
Какъ паруса суда, и лямкой бурлаки
Влекутъ однимъ подъ пѣсню духомъ.
Прекрасно, тихіе, отлогіе брега
И рѣдки холмики, селеній мелкихъ полны
Какъ, полосаты ихъ клоня поля, луга,
Стоятъ надъ токомъ струй безмолвны.
Пріятно, какъ вдали сверкаетъ лучъ съ косы,
И эхо за лѣсомъ подъ мглой гамитъ народа,
Жнецовъ поющихъ, жницъ полкъ идетъ съ полосы,
Когда мы ѣдемъ изъ похода.
Стеклъ заревомъ горитъ мой храмовидный домъ,
На гору желтый всходъ межъ розъ осіявая,
Гдѣ встрѣчу водометъ шумитъ лучей дождемъ,

Звучитъ музыка духовая.
Изъ жерлъ чугунныхъ громъ по праздникамъ реветъ;
Подъ звѣздной молніей, подъ свѣтлыми древами
Толпа крестьянъ, ихъ женъ вино и пиво пьетъ,
Поетъ и пляшетъ подъ гудками.
Но скучитъ какъ сія забава сельска намъ,
Внутрь дома тѣшимся столицъ увеселеньемъ,
Велимъ талантами родныхъ своихъ дѣтямъ
Блистать, музыкой, пляской, пѣньемъ.
Амурчиковъ, харитъ плетень, иль хороводъ,
Занявъ у Таліи игру и Терпсихоры,
Цвѣточные вѣнки пастухъ пастушкѣ вьетъ;
А мы на нихъ и пялимъ взоры.
Тамъ съ арфы звучныя порывный въ души громъ,
Здѣсь тихогрома съ струнъ смягченны, плавны тоны
Бѣгутъ, — и въ естествѣ согласія во всемъ
Даютъ намъ чувствовать законы.
Но нѣтъ какъ праздника, и въ будни я одинъ,—
На возвышеніи сидя столповъ перильныхъ,
При гусляхъ подъ вечеръ, челомъ моихъ сѣдинъ
Склонясь, ношусь въ мечтахъ умильныхъ:
Чего въ мой дремлющій тогда не входитъ умъ?
Мимолетящи суть всѣ времени мечтанья:
Проходятъ годы, дни, рёвъ морь и бурей шумъ,
И всѣхъ зефировъ повѣванья.
...Здѣсь Бога жилъ пѣвецъ, Фелицы.

(Сочиненія Державина. 2-е академич. изданіе, томъ II.)

---

97. Опытъ домостроительства, г. Шретера

(соч. премированное В. Э. О.)

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Економическія статьи о общихъ должностяхъ всѣхъ господскихъ домашнихъ служителей.

Статья 6.

О общихъ должностяхъ метръ-дотеля, главнаго повара или кихенъ-мейстера.

Во многихъ посредственныхъ господскихъ домахъ, заступаетъ главный поваръ или метръ-дотель мѣсто дѣйствительнаго управителя. А въ знатныхъ домахъ должность его смотрѣть и имѣть попеченіе о кухнѣ, и о всѣмъ, что къ кухнѣ принадлежитъ. Онъ собственно есть хорошій поваръ и за вѣрную и безпорочную службу и искусство опредѣляется въ награжденіе съ прибавленіемъ жалованья къ сей должности, или чрезъ хорошій слухъ о искусствѣ его и економіи принимается въ большія домостроительства главнымъ поваромъ или кихенъ-мейстеромъ.

Онъ долженъ съ управителемъ переговариваться о разпоряженіи кухни, кушанья и всего того, что къ оному принадлежитъ, и слѣдовать онаго совѣту. Сіи распоряженія въ дѣйство производить и смотрѣть, чтобы повара наблюдали чистоту и порядокъ.

Съѣстные припасы принимать и пересматривать, поварамъ распредѣлять и стараться, чтобъ все хорошо такъ, какъ съ управителемъ переговорено и положено, сдѣлано было, дабы господа по вкусу своему все хорошо, чисто и порядочно получили.

Когда придетъ время, чтобъ пріуготовлять кушанье, всѣ приготовленныя кострюльки отпирать и отвѣдывать самому, чисто и искусно ли кушанье приготовлено, а естьли чего не достанетъ, то по вкусу господъ поправить.

Серебряный или фарфоровый столовый сервисъ по числу блюдъ во всякой чистотѣ принимать. На накрытый скатертью столъ порядочно разставлять и въ колоколъ звонить приказать, чтобъ кушанье снесено было.

Естьли первая перемѣна кушанья готова, то оное въ закрытыхъ блюдахъ лакеи въ такомъ порядкѣ, какъ поваръ отдалъ, за нимъ до зала нести должны, онъ же разставя порядочно, имѣетъ о томъ увѣдомить господъ.

Когда господа пойдутъ въ столовую, то лакеи должны крышки снять и на опредѣленной къ тому столъ положить, которыя потомъ другому, у кого серебро на рукахъ, снять, обтереть и стеречь надлежитъ.

Какъ скоро господа сядутъ за столъ, то метръ-дотель долженъ взять то кушанье со стола, которое разрѣзать надобно и поставить на особливый чистою скатертью покрытый столъ, (на коемъ поставленъ канфоръ со спиртомъ и восковая свѣча, и положены ножики, вилки, изъ липоваго дерева сдѣланныя тарѣлки, и салфетки), потомъ зажечь спиртъ, разрѣзывать, порядочно разложить по обыкновенному и къ тому потребному искусству и разогрѣть, ибо чемъ искуснѣе разрѣзано и разложено, тѣмъ кушанье для господъ пріятнѣе, когда оно такимъ образомъ на столъ подано будетъ. Знать также надобно, что сію должность, когда нѣтъ метръ-дотеля, можетъ такъ же отправлять управитель или другой кто, который въ такомъ дѣлѣ искусенъ.

Пока первая подача еще на столѣ, то надлежитъ въ передней горницѣ поставить столъ, на которой бы вторую подачу поставить можно было.

А какъ только господа последнѣе кушанье первой подачи кушать начали, то метръ-дотель съ нѣкоторыми лакѣями имѣетъ итти въ кухню, гдѣ онъ долженъ блюда порядочно разставить, приказать приготовить и крышками накрыть, потомъ кушанье въ томъ же порядкѣ, какъ и прежде въ переднюю снести, порядочно разставить и крышки снять надлежитъ.

Снявъ блюда первой подачи отдать, чтобъ снести въ переднюю горницу и на столъ поставить, потомъ каждый долженъ взять по блюду и оныя другъ другу не подталкивая, но въ показанномъ имъ порядкѣ вручить метръ-дотелю, который имѣетъ ихъ поставить порядочно и съ осторожностію на столъ, чтобъ господъ не толкнуть или не облить.

Между тѣмъ снятое кушанье съ крышками, которое въ сохраненіи у среброчиста, закупщика, или камеръ-лакѣя, по малу должно на доскахъ носить въ кухню, или въ опредѣленную къ тому горницу, дабы все было въ порядкѣ, крышкамъ только остаться надлежитъ у среброчиста. Въ прочемъ должность метръ-дотеля та-же, какъ и при перьвой перемѣнѣ.

Когда господа изъ за стола встали, и въ покои свои ушли, то доски надобно внести въ столовую, и на ихъ поставить блюда, и тотчасъ въ съѣстный магазинъ отослать.

Прим: служителямъ, какого бы они званія ни были, дозволять онъ не долженъ, чтобъ они что нибудь со стола или тарѣлокъ себѣ брали, понеже оное непристойно, да и ворамъ прилично. Лучше пусть такой попросить управителя, то оной можетъ ему дать по своему произволенію.

Когда все уже снесено въ магазинъ и поваръ блюда другъ на дружку на столъ поставилъ; то главному повару надлежитъ тотчасъ туда притти, и отдѣлить то кушанье, которое съ нѣкоторою перемѣною еще на столъ подано быть можетъ. Оное кушанье положить надобно въ пріуготовленныя къ тому скудѣльныя съ глазурою сосуды, а не въ кострюльки (хотя главному повару и препоручено имѣть попеченіе, чтобъ оныя чаще лужены были). Потомъ долженъ онъ показать повару,

что съ симъ кушаньемъ дѣлать и какъ приправить. И въ то же время учредить новой куханной билетъ.

А прочее кушанье поваръ чисто приправивъ согрѣть, опредѣленные же къ тому лакеи подать на камерной столъ должны, какъ то подъ артикуломъ камернаго стола въ 5 статьѣ въ 10 параграфѣ видно.

Между тѣмъ серебряный или фарфоровый столовый сервисъ судомойки, имѣя съ собою теплую воду, должны вымыть и отереть, а главный поваръ и ему подчиненный сдать среброчисту, который по должности своей далѣе имѣетъ дѣлать исполненіе.

Потомъ надлежитъ обѣимъ, когда главный поваръ магазинъ замкнулъ, итти къ камерному столу, а между тѣмъ тотъ повара поощряетъ, сказывая ему, какое кушанье господамъ понравилось, или что господа о кушаньѣ говорили, отъ части дабы онъ по тяжелой своей работѣ поощренъ и обрадованъ былъ, а отъ части дабы зналъ, что ему въ другое время исправить и перемѣнить должно. Ибо ничто трудолюбиваго служителя такъ не увеселяетъ, какъ когда онъ слышитъ, что господа вѣрностію и попеченіемъ его довольны.

Статья 13.

О должности камердинера.

Въ Камердинеры обыкновенно такіе люди принимаются, которые либо портному учились, либо парикмахерству знаютъ, либо брить умѣютъ. Притомъ должны они быть люди рослые, посредственныхъ лѣтъ, веселые, проворные и добропорядочные; ибо того, какъ уже извѣстно, ихъ ремѣсло требуетъ, въ прочемъ они до домостроительства не касаются потому, что большая ихъ часть не такого воспитанія, какое для економіи потребно.

У Камердинера подъ сохраненіемъ и смотрѣніемъ гардеробъ, о которомъ онъ роспись въ переплетѣ держать имѣетъ, да при томъ долженъ онъ все записывать подъ нумерами съ показаніемъ, отъ кого матерію получилъ, когда, и кѣмъ платье сдѣлано, и прилѣпить кусочекъ той матеріи, изъ которой платье сшито, въ то мѣсто, гдѣ оно записано. Для шелковаго и бархатнаго платья ему особливыя книги имѣть надлежитъ, сверьхъ сего и штатская ливрея у него подъ смотрѣніемъ находится.

Драгоцѣнныя и галантерейныя вещи, какъ то: золотыя часы, табакерки, перстни и проч. такъ же часто у камердинера на рукахъ бываютъ, и потому надобно ему симъ вещамъ сдѣлать роспись въ особливой книгѣ. Во всемъ, что изъ такихъ вещей господа раздариваютъ, они должны по поднесеніи камердинеромъ книги, сами росписаться, дабы въ случаѣ смерти сродники, кои всегда больше хотятъ, не потребовали отъ него въ сихъ вещахъ отчета, и на конецъ не причинили бы ему вмѣсто награжденія за долговременную и вѣрную его службу досады.

Должность камердинера есть сохранять рачительно и вѣрно врученной ему гардеробъ, драгоцѣнныя вещи и проч. и содержать оныя всегда въ порядкѣ, наблюдать честность и молчаливость, поступать со всякимъ дружелюбно, и жить миролюбиво съ домашними, вставать прежде господъ и быть въ передспальной, пока еще господа почиваютъ, приуготовлять въ той горницѣ, гдѣ они одѣваются, бѣлье, башмаки, чулки, умывальникъ и проч. смотрѣть, чтобъ въ томъ покоѣ чисто было, и когда господа встанутъ, ихъ одѣвать, а по окончаніи сего, и когда господа въ свои покои уйдутъ, прибрать все къ мѣсту. Скинутое же бѣлье долженъ онъ записать въ особливую книжку, и отдать сдѣлать оному роспись, кастеляншѣ.

Какъ скоро онъ сіе дѣло отправилъ, то замкнувъ убиральную надлежитъ

ему итти и быть въ прихожей, по большей части однако въ передспальней и служить господамъ, притомъ докладывать о приходящихъ къ такимъ господамъ людямъ. Естьли господа̀ за столъ сядутъ, то ему надлежитъ стоять за стуломъ, снимать кушанье для второй перемѣны и отдавать для относки лакеямъ.

Когда господа̀ изъ за стола вставать захотятъ, то должность его курить въ гостиной, отворивъ курительныя лампадки, а въ передней на жаровнѣ тѣмъ, что господамъ нравится, до самой столовой, чтобъ прогнать духъ отъ кушанья, и перемѣнить воздухъ.

Карты, столы, марки и бильяръ у него въ смотрѣніи такъ, что естьли спросятъ, онъ бы тотчасъ подать, свѣчи засвѣтить и стулья дневальнымъ лакеямъ поставить, приказать могъ. Смотрѣть же ему притомъ, чтобъ все дѣлалось безъ шуму и тихо, въ надлежащемъ порядкѣ и скорости. И потому надлежитъ ему за благовремянно все приготовить.

Въ иныхъ домахъ камердинеры одни имѣютъ карташныя деньги и сами оныя закупаютъ. Въ другихъ напротивъ того нѣкоторые или всѣ официанты сколько для картъ потребно деньги сообща даютъ. Потомъ Камеръ-лакѣй деньги собираетъ и кладетъ въ запечатанной ящикъ, которой спустя нѣсколько времени при всѣхъ во ономъ участіе имѣющихъ отпирается, деньги считаются и они столько изъ нихъ оставляютъ, сколько на карты потребно, а прочее между собою дѣлятъ. То̀лько надлежитъ въ собираніи денегъ поступать честно, наблюдать тишину въ дѣлежѣ; въ противномъ случаѣ управитель долженъ того, который въ утайкѣ оказался, наказать на первый случай исключеніемъ отъ принадлежащей ему части.

По окончаніи игры, камердинеръ прибираетъ все къ мѣсту безъ всякаго шума и безпорядка.

За свѣчами въ спальнѣ и гостиной такъ же ему смотрѣніе имѣть надобно, дабы не произошелъ отъ того какой нибудь вредъ, и опредѣленныхъ служителей понуждать, чтобъ они свѣчки сощитали, а когда больше уже не потребны, гасили.

Должность его заготовить ночное платье прежде, нежели господа̀ спать ложиться будутъ, господъ раздѣть, ночникъ поставить, и приказать дневальному лакею лечь передъ спальною.

Бѣлье для господъ, какъ то: чулки, платки и проч. получаетъ онъ ежедневно отъ кастеланши, которой онъ въ употребленіи уже бывшее бѣлье въ томъ числѣ, какъ принялъ, отдаетъ, дабы оное содержалось въ порядкѣ, и у него не скоплялось.

Когда господа бываютъ въ ѣздѣ, и не имѣютъ спальной при себѣ дѣвки, то камердинеръ долженъ послать постелю, и нужныя къ ночи припасы приготовить.

Часто посылаютъ его господа для отданія поклоновъ и для другихъ надобностей; а къ сему потребенъ человѣкъ искусный и знающій.

Въ большихъ господскихъ домахъ три камердинера бываютъ: первый портной; сей имѣетъ на рукахъ гардеробъ и бѣлье, ведетъ сему роспись, одѣваетъ господъ, и отправляетъ въ прочемъ все вышеупомянутое.

Вторый бритовщикъ, господина брѣетъ, когда прикажутъ. Кромѣ сего около домашнихъ служителей отправляетъ лѣкарскую должность и прислуживаетъ.

Третій парикмахеръ, чешетъ всякой день господину волосы, и прислуживаетъ.

Статья 25.

О должности Арапа.

Арапы сіи по произволенію господъ, либо Африканскую, либо Американскую смотря по цвѣту ливреи, одежду имѣютъ.

Должность служителя сего есть, прислуживать въ гостиной, помогать камердинеру въ одѣваніи господъ, подавать напитки, принимать порожнія чашки и сему подобное, относить ихъ къ мѣсту, ставить столы для игры и прислуживать за столомъ. Когда господа̀ штатомъ выѣзжаютъ, то онъ передъ карѣтою за кучеромъ имѣетъ свое мѣсто, а во время церемоніи, идетъ онъ за скороходомъ, или слѣдуетъ въ свитѣ такъ, какъ придворныя правила приказываютъ. Въ прочемъ имѣетъ онъ поступать по общимъ домашнимъ правиламъ.

Статья 50.

О общихъ правилахъ домостроительства и добронравія.

§ 20. Къ главному старанію управителя принадлежитъ хорошее разпоряженіе, чтобъ по крайней мѣрѣ въ трехъ горницахъ одинъ лакѣй, которому горницы съ находящимися въ оныхъ мебелями по росписи препоручаются, дневалъ. Ибо нѣтъ ничего неосторожнѣйшаго, какъ естьли въ горницахъ дневальныхъ нѣтъ, безъ которыхъ всякой безвѣдома войти можетъ.

§ 27. Я почитаю оное за наказаніе, когда господамъ крѣпостные люди прислуживаютъ. Ибо сіи честолюбіемъ побуждаемы не бываютъ. Сіи бѣдные рабы безпрестаннымъ служатъ мученіемъ для порядочнаго управителя, или онъ вмѣсто того ежедневно наказывать и часто повелѣнія свои повторять долженъ, естьли все захочетъ содержать въ надлежащемъ порядкѣ. Какое препятствіе въ произведеніи хорошихъ намѣреній!

§ 33. Никто такъ же осмѣливаться не долженъ садиться, или ложиться на канапеи, софы, табуреты и прочіе господскіе стулья, либо опираться объ столы; ибо сіи вещи сохраняемы, а не испорчены быть должны. Того ради дневальные имѣютъ особливые стулья, чтобъ когда господа изъ покоевъ выйдутъ, они сѣсть могли, кромѣ же сего лакѣямъ при господахъ и чужихъ людяхъ сидѣть не надлежитъ; а за симъ смотрѣть имѣетъ дневальной камеръ-лакей и проч: потому, что мебели сіи тогда больше времени прослужить могутъ. Сколь счастливы были наши предки тѣмъ, что они вещи свои многіе годы сохранять умѣли, а потому и дѣти ихъ больше въ наслѣдство получали. Они сіяніе такихъ вещей не любили, кои скоро пропадаютъ, и дѣлаются зрѣнію непріятными. Они не любили воображаемую красоту въ перемѣнѣ, но то, что крѣпко и прочно. Что въ томъ пользы, что мы новыя вещи красивыми называемъ, когда они не прочны и не на долгое время красоту свою сохраняютъ.

§ 38. Благопристойности противно, естьли лакеи во время стола, выносся нечистыя тарѣлки, остаются и разговариваютъ между собою, а тѣмъ самимъ дѣлается, что при столѣ нѣкому прислуживать; во вторыхъ, непристойно такъ же лизаніе тарѣлокъ, чрезъ что показываютъ, что они голодны, и что̀ кромѣ сего имъ ѣсть нѣчего, или не могутъ въ покояхъ своихъ до сыта наѣсться. Позволить имъ однако можно, чтобъ тотъ, который тарѣлки выноситъ, имѣлъ порожнія блюда въ готовности, на которыя бы складывалъ кушанье и пряталъ, а по окончаніи и собраніи стола, могутъ они оное всѣ вмѣстѣ или раздѣливъ между собою миролюбиво, ѣсть... Ибо лучше даръ Божій давать людямъ, нежели кидать собакамъ.

§ 44. Честь и знатность дома требуютъ, чтобъ всѣ служители, не выключая никого, были чисто одѣты, обуты, убраны и напудрены; ибо оное благопристойность велитъ, потому, что какъ пословица говорится: птицу узнаютъ по перьямъ.

§ 45. Каждый лакей долженъ за чистотою ливреи своей смотрѣть, и какъ

скоро гдѣ разпорется или пуговица отпадетъ, тотчасъ пришивать и чинить; естьли нечаянно пятна на платьѣ своемъ усмотритъ, то ему надлежитъ ихъ тотчасъ вычищать. Словомъ: все, что къ ливреи принадлежитъ, въ честь дома, а себѣ въ похвалу и удовольствіе содержать во всякой исправности; неопрятныхъ же лакеевъ терпѣть не надобно.

Примѣчаніе.

Я весьма тому удивляюсь, что здѣсь Россійскихъ женщинъ, а особливо въ малыхъ и въ посредственныхъ домахъ не учатъ домостроительству и приготовленію иностраннаго кушанья. Для чего однимъ мальчикамъ даютъ въ томъ преимущество? Развѣ дѣвка у исправной поварихи не столь же хорошо научиться можетъ? малую економію кухарка лучше вести можетъ, нежели поваръ; притомъ такая кухарка всегда, естьли обстоятельства того потребуютъ, мальчика сему искусству научитъ, которой бы господину своему въ состояніи былъ служить въ походѣ.

Пусть будетъ человѣкъ искуснѣйшій во всемъ,
Но въ дѣлѣ совершенствъ достигнетъ ли своемъ?

(Тр. В. Э. О. ч. 22 с. 105—240.)

98. Богатства Волынскаго [1]).

Волынскій и нѣкоторые изъ товарищей его бѣдствія, какъ можно заключить по свѣдѣніямъ о конфискованныхъ имѣніяхъ, были люди достаточные...

У самаго Волынскаго было болѣе 1800 душъ крестьянъ. Въ Казанскомъ уѣздѣ держалъ онъ большой винокуренный заводъ, откуда ставилъ вино въ Москву, Казань, Симбирскъ, Чебоксары, и намѣревался поставлять даже въ Азовъ; на четырехъ Конскихъ заводахъ въ губерніяхъ и, сверхъ того, въ Петербургѣ, Москвѣ и въ Подмосковномъ селѣ Вороновѣ, находилися лошади Нѣмецкой, Неаполитанской, Черкасской, Грузинской, Турецкой и Калмыцкой породы. Онъ имѣлъ нѣсколько дворовъ въ Петербургѣ и одинъ въ Москвѣ. Большой дворъ съ деревяннымъ домомъ на Мойкѣ достался Президенту Коммерцъ-Коллегіи, Барону фонъ Менгдену, а по сосѣдству онаго каменный домъ назначенъ для служителей Принца Брауншвейскаго; дворъ съ каменными палатами на Адмиралтейскомъ острову, ниже Исакіевской церкви, по Невѣ — Камергеру Стрѣшневу; дворъ на Фонтанкѣ, у Обухова моста, отданъ для содержанія псовой охоты, и донынѣ именуется Волынскимъ.

Волынскій жилъ въ большомъ деревянномъ домѣ надъ Мойкою, въ которомъ было 18 комнатъ; изъ нихъ лучшія были обиты краснымъ атласомъ съ травами и шелковыми Персидскими канаватами, прочія цвѣтною камкой, ткаными шпалерами и проч. 16 зеркалъ въ золотыхъ рамахъ и 7 въ орѣховыхъ, 1 канапе, 24 стола и столько же стульевъ съ триковыми подушками, 32 стула съ кожаными, 17 безъ подушекъ, 7 креселъ, двои камчатныя ширмы, 5 англійскихъ кабинетовъ за стеклами и 4 безъ стеколъ, и 48 писанныхъ на полотнѣ картинъ, составляли главную его мебель. Въ числѣ картинъ были портреты: Петра Великаго, Императрицы Анны Іоанновны и Герцога Бирона. Образовъ, писанныхъ на деревѣ и на полотнѣ, съ окладами и безъ окладовъ, считалось 26; сверхъ того 2 кіота и 3 серебряные креста съ мощами. Въ описи конфискованнаго имущества 13 стра-

[1]) Артемій Петровичъ Волынскій, губернаторъ Петра Великаго, министръ Анны Ивановны, по обвиненію въ политическихъ преступленіяхъ казненъ въ 1740 году.

ницъ заняты исчисленіемъ однихъ дорогихъ каменьевъ, а золотыя и серебрянныя вещи занимаютъ 19 страницъ. Въ описаніи платья показано: 25 кафтановъ (парчевыхъ, бархатныхъ, гродетуровыхъ, глазетовыхъ, суконныхъ), и 27 камзоловъ, особое Азіатское платье и халатъ Шаховъ; также заслуживаютъ вниманія оружіе, конскіе уборы и мягкая рухлядь. Библіотека его была незначительна и состояла изъ Русскихъ книгъ; но письмо къ нему Астронома Делиля изъ Березова показываетъ, что онъ любилъ науки и былъ покровителемъ ученыхъ.

Въ Петербургѣ находилось при немъ 60 дворовыхъ людей, не только Русскаго происхожденія, но и Польскаго, Шведскаго, Малороссійскаго, Турецкаго, Персидскаго, Калмыцкаго, Бухарскаго и Индѣйскаго. Ливрея Волынскаго состояла въ кафтанахъ бѣлаго, а потомъ пѣсочнаго цвѣта, въ красныхъ камзолахъ и такого же цвѣта штанахъ съ серебряными позументами...

(Чт. въ О. И. и Д. Р. 1858 г., кн. 2, отд. V, с. 169—170.)

---

99. Въ Батуринѣ у графа Разумовскаго [1]).

Въ 90-хъ годахъ (гр. К. Г. Разумовскій) окончательно покинулъ Москву и поселился въ Батуринѣ. Здѣсь предался онъ съ увлеченіемъ своей страсти къ постройкамъ. Онъ выстроилъ въ селѣ своемъ Яготинѣ совершенно круглую церковь, обведенную Іоническою колонадою съ каменнымъ иконостасомъ, обложеннымъ мраморомъ, и домъ по планамъ архитектора Менеласа. Домъ этотъ состоялъ изъ главнаго корпуса и 6 павильоновъ, изъ которыхъ каждый могъ равняться большому дому. Съ каждой стороны дома были большія каменныя службы. Въ Бакланѣ выстроилъ онъ домъ въ подражаніе сельскихъ домовъ въ окрестностяхъ Рима, въ Почепѣ великолѣпный каменный домъ и церковь. Домъ этотъ, построенный по планамъ де-ла-Мота, былъ огромный съ залами для баловъ и концертовъ и библіотекой въ 5000 томовъ. Вокругъ его, по красивымъ берегамъ Судости, фельдмаршалъ развелъ садъ въ Голландскомъ вкусѣ. Наконецъ, въ послѣдніе дни жизни своей, онъ еще занятъ былъ постройкою каменнаго дома и церкви въ Батуринѣ. Занимаясь украшеніемъ имѣній своихъ, Разумовскій не забывалъ и усовершенствованій хозяйства. Въ 1797 выписалъ онъ шпанскихъ овецъ съ заводовъ князя Лихтенштейна и такимъ образомъ можетъ считаться однимъ изъ первыхъ основателей овцеводства въ Россіи; разводилъ шелковицу и вводилъ шелководство въ Яготинѣ, выписывалъ машины, заводилъ мельницы, свѣчныя фабрики въ Батуринѣ и проч. Есть преданіе, что Разумовскій первый развелъ въ Малороссіи пирамидальные тополи. Въ то же самое время онъ былъ примѣрнымъ помѣщикомъ. „Крестьяне благословляютъ память покойнаго фельдмаршала Разумовскаго“, говоритъ фонъ-Гунъ. „Сколько я ни ѣздилъ по здѣшней сторонѣ, вездѣ находилъ, что и старые, и малые, и дворяне, и простолюдины, безъ изъятія, всѣ единогласно прославляютъ память графа Кирила Григорьевича, бывъ исполнены искреннѣйшаго къ покойному почитанія и благодарности. Времена, въ кои онъ жилъ посреди ихъ, называютъ златыми“...

..Почти ежегодно фельдмаршалъ объѣзжалъ свои владѣнія, но настоящею его резиденціею былъ Батуринъ.

[1]) Графъ Кирилъ Григорьевичъ Разумовскій, братъ фаворита имп. Елизаветы, президентъ академіи наукъ, гетманъ Малороссіи, позднѣе фельдмаршалъ.

Онъ жилъ въ сломанномъ теперь деревянномъ домѣ, подаренномъ ему Екатериною. Передъ домомъ былъ валъ, на которомъ стояли пушки. Здѣсь Разумовскій жилъ, какъ и всегда, истымъ вельможею. Штатъ служителей его былъ огромный. При немъ находились: 1 дворецкій, 1 камердинеръ, 1 подлѣкарь, 2 карлика, 4 парикмахера, 2 ихъ ученика, 2 кондитера, 1 ихъ помощникъ, 3 ихъ ученика, 1 кофишенкъ, 1 его помощникъ, 1 мундшенкъ, 1 его помощникъ, 1 ученикъ, 1 келлермейстеръ, 3 квасника, 2 ихъ ученика, 1 тафельдекарь, 2 его помощника, 3 женщины для чистки серебра, 1 домоправитель, два писаря, 3 мальчика, 2 солдата, 1 писарь при графинѣ Софьѣ Осиповнѣ Апраксиной, 2 геодезиста, 4 ученика, 1 камеръ-лакей, 10 лакеевъ, 4 ѣздовыхъ лакея, 1 казакъ, 1 маркеръ, 2 скорохода, 2 егеря, 13 охотниковъ, 10 истопниковъ, 3 кухмистра, 1 помощникъ, 1 приспѣшнихъ, 1 хлѣбникъ, 1 ученикъ, 11 кухонныхъ учениковъ, 1 хлѣбница, 1 капельмейстеръ, 14 музыкантовъ, 18 пѣвчихъ, 1 конюшій, 1 берейторъ, 1 ясельничій, 2 кучера, 2 форрейтора, 4 ямщика, 40 конюховъ, 7 учениковъ въ лазаретѣ, 2 надзирателя, 2 женщины, 1 кастелянша, 17 прачекъ, 7 бѣлошвеекъ, 2 коровницы, 2 ученицы ихъ, 1 сѣдельникъ, 2 шорника, 3 слѣсаря, 4 кузнеца, 1 мѣдникъ, 1 каретникъ, 1 переплетчикъ, 2 ихъ ученика, 2 портныхъ, 3 столяра, 2 ихъ ученика, 1 серебряникъ, 3 живописца, 1 квартирмейстеръ, 1 карзинщикъ, 1 обойщикъ, 1 рѣзчикъ, 18 сторожей, 15 разныхъ лицъ, находившихся при нѣкоторыхъ служителяхъ графа,—всего 261 человѣкъ. Всѣ они получали жалованье отъ графа, которое ежемѣсячно простиралось до 2 тысячь тогдашнихъ ассигнаціонныхъ рублей. Ежедневно для стола графа и его прислуги выходило: 1 цѣлый быкъ, 10 барановъ, 100 куръ и проч. Графиня Софья Осиповна, завѣдывавшая въ послѣдніе годы графа Кирила Григорьевича всѣмъ его хозяйствомъ, неоднократно требовала уменьшенія числа служителей. Наконецъ она рѣшилась подать ему два реестра о необходимыхъ и о лишнихъ служителяхъ. Графъ подписалъ первый, а послѣдній отложилъ въ сторону. „Я согласенъ съ тобою“, сказалъ онъ племянницѣ, „что люди эти ненужны мнѣ; но спроси ихъ прежде, не имѣютъ ли они во мнѣ надобности, и если они откажутся отъ меня, то и я тогда смѣло откажусь отъ нихъ“.

(П. Бартеневъ. Осмнадцатый вѣкъ. Томъ II. Стр. 622 и сл.)

---

100. Имѣніе гр. Шереметева — Кусково при Екатеринѣ II.

Кусково, по преданію, получило свое названіе отъ куска, которымъ графъ Петръ Борисовичъ обыкновенно называлъ свою родовую собственность, небольшой участокъ земли, гдѣ были домъ, главный прудъ, садъ и село.

Вся земля кругомъ принадлежала князю А. М. Черкасскому и въ сравненіи съ его огромнымъ имѣніемъ, которое составляли почти всѣ ближнія села и деревни, окружавшія Кусково, дѣйствительно оно было кусочкомъ. Когда графъ Петръ Борисовичъ женился на единственной дочери князя Черкасскаго, то всѣ его помѣстья: Перово, Тетерки, Вишняки, Вылонь, Журлебино и Останкино, перешли въ родъ графовъ Шереметевыхъ. Княжна Черкасская, помимо этого, принесла мужу въ приданое болѣе 80,000 душъ крестьянъ.

Молодая графиня провела дѣтство въ Вишнякахъ и очень любила ихъ; она не хотѣла забыть родину, и молодой графъ исполнилъ желаніе своей супруги, выстроилъ для нея на своемъ кускѣ дворецъ и назвалъ его Ку-

сковымъ; домъ былъ построенъ по плану архитектора Валли.

Въ этомъ домѣ—въ одной комнатѣ стѣны были изъ цѣльныхъ венеціанскихъ зеркалъ, въ другой—обдѣланы малахитомъ, въ третьей—обиты драгоцѣнными гобеленами, въ четвертой—художественно разрисованы не только стѣны, но и потолки; всюду античныя бронзы, статуи, фарфоръ, яшмовыя вазы, большая картинная галлерея съ картинами Рафаэля, Ванъ-Дейка, Доминикино, Кореджіо, Веронезе, Рембрандта, Гвидо-Рени; большая часть картинъ была, впрочемъ, по смерти графа въ 1788 году вывезена въ Петербургъ и часть въ Останкино; въ нѣкоторыхъ комнатахъ висѣли люстры изъ чистѣйшаго горнаго хрусталя...

На концѣ рощи было небольшое озеро подъ названіемъ Локасино; искусственная рѣка соединяла его нѣкогда съ другими небольшими озерами; черезъ рукава этой рѣчки живописно перекинуты были красивые мосты съ раззолоченными перилами; одинъ изъ нихъ велъ въ глубину рощи, къ такъ называвшемуся „убѣжищу философовъ" или въ Тентереву деревню, въ красивый домикъ съ зеркальными стѣнами, полами и плафономъ, наполненный тысячами рѣдкостей.

Недалеко отъ этого дома было другое зданіе подъ названіемъ „Метрея"; это былъ небольшой скотный дворъ, куда приводили графу на показъ его любимыхъ коровъ. У опушки „Гая", недалеко отъ нынѣшней Гиреевской рощи и дороги въ Косино, билъ фонтанъ; въ пятидесятыхъ годахъ въ этомъ гаю стояла еща „бесѣдка тишины" и курганъ.

Бесѣдку окружалъ нѣкогда искусный лабиринтъ, а на курганѣ стояла статуя Венеры; возлѣ нея была львиная пещера; здѣсь на лаврахъ лежалъ левъ, подъ нимъ была латинская надпись и здѣсь же хранилась плита съ допотопными окаменѣлостями, найденная въ окрестностяхъ Кускова.

Недалеко отсюда былъ знаменитый стогъ сѣна, который еще помнятъ нѣкоторые старожилы; при приближеніи къ нему, замѣчалась оригинальная бесѣдка, въ видѣ русской избы, въ которой за дубовымъ столомъ на тесаныхъ скамьяхъ сидѣли двѣнадцать мужичковъ въ праздничныхъ нарядахъ и въ интересныхъ позахъ и пили водку. Это была группа восковыхъ фигуръ, которая называлась пьяной компаніею. П. Безсоновъ говоритъ, что эта группа не изображала русскихъ мужичковъ, а иностранцевъ, что тутъ были восковыя фигуры какого-то „Виліуса", „турка", еще „господина безъ печали, веселаго брата", затѣмъ „француза" и доктора „Бамбаса вмѣстѣ съ дамой". Судьба этихъ куколъ была самая печальная: портной Иванъ Пучковъ и обойщикъ Нефедъ Никитинъ въ ночное время перебили ихъ, отшибли имъ головы и руки, обобрали ихъ платье и продали въ Москвѣ. Позднѣе опустошеніе этого „Шомьера" довершили мыши и всепожирающее время.

Также на идущей мимо театра въ Владычино дорогѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь мостъ черезъ каналъ, прежде былъ такъ называемый „потаенный фонтанъ", и стоило только шутнику отвернуть кранъ, какъ на бѣднаго, проходившаго черезъ мостъ, лился проливной дождь.

Говоря о бывшемъ великолѣпіи Кускова, нельзя не вспомнить и о старинныхъ его угодьяхъ. Къ числу ихъ принадлежала и та роща, которая теперь извѣстна подъ именемъ звѣринца; звѣринецъ былъ въ окружности до трехъ верстъ; еще замѣтны теперь два пересѣкающихся подъ прямымъ угломъ, въ срединѣ лѣса, проспекта и видны слѣды каменной башни, служившей сборнымъ мѣстомъ охотниковъ, но уже нѣтъ слѣдовъ построекъ настоящаго звѣринца, гдѣ со-

держались разныхъ породъ звѣри: черные американскіе, сѣрые русскіе и сибирскіе медвѣди, лоси, лисицы и проч. Стада оленей ходили свободно; ихъ считалось до 600 головъ; остатки этихъ стадъ выведены отсюда въ 1809 г., и звѣринецъ уничтоженъ. Охоту графа составляли обыкновенно сорокъ псарей, сорокъ егерей, сорокъ гусаровъ и д. т., все по сорока.

Но охота графа принимала иногда болѣе огромные размѣры, и тогда театромъ ея дѣлались всѣ окрестности; сотни наѣздниковъ и амазонокъ, благородныхъ гостей графа, цвѣтъ тогдашней аристократіи, множество богатыхъ экипажей, блестящихъ ливрей, лихихъ скакуновъ въ раззолоченныхъ уборахъ, все это составляло прекрасную картину, напоминавшую охоты Генриха IV въ Булонскомъ лѣсу, или королей англійскихъ въ Виндзорѣ.

На другой сторонѣ сада, противъ грота и итальянскаго дома, возвышалось двухъ-этажное зданіе въ мавританскомъ вкусѣ, подъ названіемъ **эрмитажа**; построенъ послѣдній былъ архитекторомъ Валли; въ этомъ зданіи изъ нижняго этажа въ верхній была машина, поднимавшая на столъ 16 кувертовъ; низъ зданія былъ занятъ тремя буфетами; здѣсь сервировали столъ и приборы, и каждый отдѣльно поднимался наверхъ. Здѣсь былъ также подъемный диванъ, поднимавшійся наверхъ вмѣстѣ съ гостями.

Наверху эрмитажа графъ по часамъ сиживалъ одинъ и никто лишній не могъ войти туда: все подавалось и принималось машиной. Также необыкновенно богаты были кусковскія оранжереи, теплицы, но лучшія деревья перешли къ Шереметевымъ отъ Черкасскаго; здѣсь были безцѣнныя лавровыя и померанцевыя деревья огромной величины, считавшія уже при графѣ П. Б. нѣсколько столѣтій своей жизни.

Оранжереи, теплицы и грунтовые сараи Шереметева снабжали фруктовыми отводками всѣ окрестныя помѣстья и много способствовали развитію плодоваго садоводства не только подъ Москвою, но и во всей Россіи.

Для лавровыхъ деревьевъ были сдѣланы особыя двери или, лучше, проломы до 18 аршинъ въ вышину; такихъ лавровъ и померанцевъ было трудно найти даже на югѣ; нѣкоторыя деревья доходили до 18 аршинъ высоты, кадки вмѣстѣ съ деревомъ вѣсили до 150 пудовъ; для перенесенія ихъ съ мѣста на мѣсто требовалось до ста человѣкъ, но на каткахъ ихъ сдвигали съ мѣста 60 рабочихъ; деревьямъ по счету слоевъ одного высохшаго дерева приходилось съ чѣмъ то 400 лѣтъ; по оцѣнкѣ, сдѣланной во время опеки надъ малолѣтнимъ наслѣдникомъ Шереметева, каждое дерево цѣнилось 10,000 рублей ассигнаціями.

На мѣстѣ нынѣшняго оранжерейнаго зданія, гдѣ уцѣлѣла старая домовая церковь, стоялъ первый домъ владѣльцевъ, за которымъ въ память петровской эпохи и для собранія воедино голландскихъ памятниковъ, сооруженъ былъ **домъ — „Голландскій“** (1749 г.).

Этотъ домъ былъ весь выложенъ внутри изразцами или плитками самаго разнообразнаго рисунка, съ мраморнымъ поломъ, украшенный по стѣнамъ множествомъ картинъ съ голландскими видами, фламандской школы, рисовавшими домашній бытъ....

Въ то старое время существовалъ еще **„Итальянскій домъ“**, предназначенный для памятниковъ итальянскаго искусства, преимущественно для дорогихъ картинъ съ историческимъ и духовнымъ содержаніемъ; внѣшность дома теперь обезображена, внутри—жилые покои съ мебелью петровскаго времени; картины и рѣдкости вынесены. Прежде вездѣ, кромѣ кар-

тинъ и статуй, были мраморъ, золото, хрусталь, рѣзьба по дереву, штофъ, атласъ, живописные плафоны и фрески. Домъ этотъ поврежденъ послѣ отдачи въ наймы.

Отъ итальянскаго дома черезъ валъ велъ мостикъ, гдѣ стояли пять каменныхъ изящныхъ домиковъ, съ окнами и воротцами, рѣшетками и колоннами; все это было вызолочено; правая сторона обводнаго канала была отведена для рѣдкихъ птицъ, лебедей, журавлей, американскихъ гусей, фазановъ, пеликановъ и т. д.

Пруды Кускова были полны дорогихъ рыбъ; рыбы было столько, что неводомъ вылавливали заразъ по 2,000 карасей—и разъ была вынута изъ пруда раковина съ жемчугомъ; встарину на прудѣ было нѣсколько рыбачьихъ хижинъ, стояли яхты съ шлюпками и лодками, былъ островъ съ руинами, были матросы въ шкиперскихъ кафтанахъ кофейнаго и вишневаго цвѣта съ бѣлыми пуговицами.

Помимо прудовъ, среди садовъ Кускова протекалъ быстрый „ручей“; онъ былъ расчищенъ, углубленъ, обложенъ по берегамъ камнемъ и обращенъ въ „рѣчку“; отъ этой рѣчки сдѣланы отводы и каналы, вырыты водоемы, ручейки, обставленные разукрашенными съ живописными берегами островками, переходными мостиками, съ золочеными перилами, башенками, бесѣдками и т. д.

Перечисляя памятники роскошнаго прошлаго Кускова, нельзя обойти описаніемъ каруселя съ затѣйливыми играми, какъ-то: кольцами, мячами, кеглями, висячимъ шаромъ, деревянными конями для ѣзды въ одноколкахъ, фортункой, качелями висячими и круглыми на столбахъ; затѣмъ былъ здѣсь „Діогенъ“, врытый въ землю,—сидѣлъ онъ въ дубовомъ чану со снимающейся крышкой; философъ былъ сдѣланъ изъ алебастра и росписанъ подъ цвѣтъ натуральнаго тѣла; онъ имѣлъ при себѣ муравленый кувшинъ и шнуровую книгу въ кожаномъ переплетѣ.

Въ саду былъ еще „храмъ молчанія“ или тишины. Въ этомъ зданіи, сооруженномъ въ лабиринтѣ, стояли только, въ знакъ молчанія, двѣ большія вазы съ крышками. Въ саду также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возвышались большія „декораціи“ изъ тесу, съ изображеніями красками красивыхъ ландшафтовъ и строеній. Такія декораціи часто употреблялъ въ дѣло князь Потемкинъ во время проѣздовъ Екатерины по бѣднымъ и скучнымъ мѣстностямъ. Была въ Кусковѣ одна „декорація“, представлявшая домики, при нихъ ворота съ замкомъ и скобками.

Красовалась тамъ еще бесѣдка „Трефиль“, снаружи и внутри обитая равендукомъ, съ расписными стеклами; на ней надпись: „Найтить здѣсь спокойство“; былъ и „философскій домикъ“, обитый внутри березовою корою и на дверяхъ съ надписью на французскомъ и русскомъ языкахъ. Въ числѣ затѣй стоялъ еще „открытый воксалъ“ для музыки и танцевъ, съ наугольными кабинетами, снаружи и внутри фонари и колокольчики.

Но наибольшею роскошью, какъ мы уже говорили, отличался театръ Шереметева. По величинѣ онъ равнялся нынѣшнему Московскому Малому театру, но удобствомъ, вкусомъ, изяществомъ и богатствомъ онъ далеко оставлялъ второй позади.

Построенъ онъ, какъ мы сказали, по плану архитектора Валли и убранъ внутри по рисункамъ извѣстнаго Гонзаго. Начатъ онъ, по преданію, годъ спустя послѣ постройки барскаго дома....

О полнотѣ и богатствѣ театральнаго гардероба можно судить по тому, что въ 1811 году, по сдѣланной описи „театральнаго платья“, парчеваго, шелковаго и т. д., было сундуковъ

семнадцать, а разныхъ уборовъ, перьевъ, обуви и т. п.—76 сундуковъ. Исполнители театральные помѣщались въ особыхъ корпусахъ, близь театра, „свои“ же иногда и по собственнымъ домамъ; пѣвчіе, родоначальники знаменитой нѣкогда Шереметевской капеллы, преимущественно малороссы; пѣвцы-солисты, музыканты, актеры и актрисы, танцовщики и танцовщицы особо—изъ своихъ и приглашенныхъ за плату...

Въ 1787 году, въ бытность Екатерины II въ Кусковѣ, графъ Шереметевъ давалъ представленія на своемъ театрѣ; графъ Сегюръ, бывшій на этихъ спектакляхъ, говоритъ, что балетъ удивилъ его не только богатствомъ костюмовъ, но и искусствомъ танцовщиковъ и танцовщицъ. Наиболѣе ему показалось страннымъ, что стихотворецъ, музыкантъ, авторъ оперы, какъ и архитекторъ, живописецъ, написавшій декораціи, такъ и актеры и актрисы—всѣ принадлежатъ графу и были его крѣпостные люди.

Всѣ празднества въ Кусковѣ отличались необыкновенною пышностью; во время праздниковъ у графа Шереметева число гуляющихъ посѣтителей доходило до 50 тысячъ человѣкъ, исключая званыхъ гостей, которыхъ приглашалось по билетамъ болѣе 2,000 человѣкъ.

Гдѣ теперь столбы и шлагбаумъ, на выѣздѣ изъ Кусковской земли въ сторону Перова и Опекунова, при поворотѣ къ Тетеркамъ, стоялъ деревянный столбъ съ надписью, приглашавшей посѣтителей Кускова „веселиться, какъ кому угодно, въ домѣ и въ саду“... —

На одномъ изъ праздниковъ въ Кусковѣ сопровождалъ Екатерину императоръ Австрійскій Іосифъ. Посѣтивъ Кусково, императоръ думалъ, что пріѣхалъ къ вѣнценосному владѣльцу.

Графъ Сегюръ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что столъ графа Шереметева въ этотъ день былъ сервированъ золотою посудою на шестьдесятъ персонъ; графъ Комаровскій, видѣвшій этотъ праздникъ, замѣчаетъ въ своихъ запискахъ: „что всего болѣе удивило мени, такъ это плато, которое было поставлено передъ императрицей. Оно представляло на возвышеніи рогъ изобилія, все изъ чистаго золота, а на томъ возвышеніи былъ вензель императрицы изъ довольно крупныхъ брилліантовъ“.

На возвратномъ пути изъ театра весь садъ уже горѣлъ огнями; на пруду плавали лодки и гондолы съ пѣсенниками и хорами музыкантовъ; два обелиска по обѣимъ сторонамъ пруда представляли два яркихъ маяка, вдали горѣли щиты съ вензелевыми изображеніями царицы и сыпались цѣлые каскады разноцвѣтныхъ огней.

Передъ началомъ фейерверка государынѣ подали механическаго голубя, и съ ея руки онъ полетѣлъ къ щиту съ ея изображеніемъ и парящей надъ ней Славой; вмѣстѣ съ этимъ щитомъ въ одинъ мигъ вспыхнули другіе, и прудъ, и садъ залились яркимъ свѣтомъ.

Во время фейерверка разомъ было пущено нѣсколько тысячъ большихъ ракетъ, и иностранцы, бывшіе на праздникѣ, удивлялись, какъ частный человѣкъ могъ тратить нѣсколько тысячъ пудовъ пороху для минутнаго своего удовольствія.

На этомъ праздникѣ безчисленныя толпы народа гуляли цѣлую ночь. Въ галереѣ былъ ужинъ, во время котораго пѣли пѣвчіе.

Государыня возвратилась съ праздника по дорогѣ, освѣщенной вплоть до Москвы плошками, фонарями, смоляными бочками. Когда царица подъѣзжала къ Москвѣ, то въ столицѣ били утреннюю зорю... —

Графъ П. Б. Шереметевъ умеръ 30-го ноября 1788 года; онъ похороненъ вмѣстѣ со своими предками въ

соборной усыпальницѣ Спасо-Андроніева монастыря. Сынъ героя полтавскаго и прутскаго, современникъ Петра и шести другихъ царствованій, онъ былъ истинный вельможа золотого вѣка Екатерины, ослѣплявшій иноземцевъ „умною пышностью“; пышность его не была разорительная: онъ расходовалъ только то, что получалъ изъ имѣній, и былъ далеко не расточительный и весьма осторожный въ расходахъ, превосходный хозяинъ, устроившій систематическую экономію и строгіе штаты со смѣтами. П. Безсоновъ въ своемъ очеркѣ („Графиня Прасковья Ивановна Шереметева“) про него говоритъ: „это былъ образецъ екатерининскаго вельможи—богача, ловкій, хотя не слишкомъ услужливый и довольно самостоятельный придворный, съ хитростью, блестѣвшею въ его нѣсколько скошенныхъ глазахъ, важный, но не надменный и со всѣми до низщихъ ласковый, не любившій головоломнаго труда, но очень крѣпкій природнымъ умомъ и образованный по французски; членъ знати европейской и вмѣстѣ хлѣбосольный русскій баринъ; артистъ въ душѣ для всѣхъ искусствъ, съ отличнымъ ко всему вкусомъ, до изысканной гастрономіи и равно до тяжелыхъ дѣдовскихъ блюдъ“.

Въ его домахъ: петербургскомъ, московскомъ и кусковскомъ до конца его жизни ежедневно накрывались столы для бѣдныхъ дворянъ, часто до ста приборовъ, изъ десятка и болѣе блюдъ—самъ же Шереметевъ никогда не ѣлъ болѣе трехъ блюдъ.

Выѣзжалъ онъ на охоту въ сопровожденіи не менѣе какъ пятидесяти дворянъ, которымъ онъ благодѣтельствовалъ, и имѣя при себя не менѣе 700 человѣкъ дворни, какъ-то: конюховъ, шатерничихъ, поваровъ и пр.; шатры, палатки, огромные запасы слѣдовали за нимъ большими обозами.

Въ гости онъ ѣздилъ къ сосѣдямъ также въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотенъ конныхъ проводниковъ; но не смотря на такую пышность выѣздовъ, онъ очень любилъ уединяться, и даже одно время хотѣлъ постричься, носить воду, дрова въ келью и выметать соръ своими руками.

Графъ прожилъ 75 лѣтъ, умеръ въ почетномъ званіи оберъ-камергера и кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго. Онъ былъ обладателемъ ста-сорока тысячъ душъ крестьянъ...

(М. Пыляевъ, Старая Москва Гл. VIII.)

---

101. Кн. М. М. Щербатовъ. Вельможа и дворянинъ.

1. Образъ жизни вельможи екатерининской эпохи.

Я представляю себѣ пышнаго и богатаго вельможу, къ коему деньги и драгоцѣнныя вещи волнами счастія во множествѣ текутъ и роскошью его и сластолюбіемъ, яко въ нѣкоторой пучинѣ, пожираются.

З р ю ѣ д у щ а г о е г о. Карета позлащенная, на множествѣ ресоръ, и среди безпокойной улицы едва чинитъ чувствовать потрясеніе; закрыта дорогими точеными стеклами, не допускающими и малому помаванію вѣтра или летящимъ пылинкамъ его безпокоитъ; гардины закрываютъ его отъ лучей солнечныхъ; а плотность ея и стекла и зимнему холоду проникать не позволяютъ. Обита она бархатомъ, съ набитыми подушками или пухомъ, или наполненными воздухомъ, купно мягкостію и нѣжностію спокойствіе учиняетъ. Влекутъ ее шесть прекрасныхъ возниковъ, которые украшаются позлащенными, изъ сафьяну содѣланными, шорами, въ гривахъ вплетены...(?) и возжи шелковыя съ златомъ, и окруженъ верховыми и позади множествомъ служителей, и въ самой ѣздѣ его внимающими его помаванія.

Однимъ словомъ, единый его экипажъ столько стоитъ, чтобы цѣна его могла содѣлать благополучіе многимъ дворянскимъ семьямъ; учинить бы ихъ въ состояніи лучше воспитать дѣтей своихъ и дочерей за хорошихъ жениховъ выдать. Однако вельможа въ ней сидитъ, не внимаетъ на покой, пріобрѣтаемой каретою имъ, и не помышляя о дорогой цѣнѣ, какой она стоитъ.

Я зрю его выходящаго изъ кареты. Злато и драгоцѣнныя каменья на одеждѣ его блистаютъ. Шуба его изъ лучшихъ сибирскихъ соболей содѣлана; муфта изъ черныхъ лисицъ; оба подобны цвѣтомъ своимъ черному бархату. И вся его одежда цѣну великую составляетъ.

Вступаю за нимъ въ домъ его, коего наружность немалую часть улицы занимаетъ. Мраморные столбы поддерживаютъ богатой позлащенной балконъ. Мраморные же барельефы украшаютъ верхи его окошекъ. На полъ вступаю въ его сѣни—тамъ мраморъ и порфиръ повсюду блистаютъ. Ступени лѣстницы содѣланы изъ лучшаго чернаго мрамора, и порфирные столбы содержатъ сводъ. Бѣлаго мрамора поручки поддерживаются мѣдною позлащенною рѣшеткою. Стѣны и потолокъ украшены прекрасною живописью. И все, однимъ словомъ, тутъ такое, что не токмо все вообще привлекаетъ очи, но и каждая особливо часть въ удивленіе приводитъ. Потомъ, когда вступаю въ его комнаты, тамъ зрю шелкъ, золото, хрусталь, мраморъ и, однимъ словомъ, все драгоцѣннѣйшія вещи въ дѣло употребляемыя, но съ такимъ искусствомъ, что вещество вещей является спорить съ искусствомъ въ привлеченіи удивленія. Является, что всѣ искусствы невозможное содѣлали, чтобъ украсить сей домъ. Тамъ стеклы зеркалъ чрезмѣрной величины отражаютъ лучи множества горящихъ свѣчей; тамъ висящія люстры гранью своею блистаютъ и игру бриллiантовъ представляютъ. Или изъ разнаго дерева сдѣланные полы привлекаютъ взоръ, или богатые ковры оные покрываютъ. Однимъ словомъ, вкусъ и богатство повсюду тутъ являются соединенны. Наилучшіе мастера изъ ученѣйшихъ народовъ употребили все свое искусство, чтобы дому, достойному божественнаго жилища, красу придать. А тогда же въ спальнѣ, кабинетѣ зрилъ я покойныя креслы, софы, для отдохновенія постели и другія подобныя вещи, содѣланныя, дабы нѣжить плоть сластолюбиваго вельможи. Множество служителей ему предстоятъ; смотрятъ единаго его взгляда; еще же больше прислужниковъ и искателей съ вящшимъ подобострастіемъ стараются ему угодить и развеселить пасмурное лице его...

Однако время къ вечернему столу настало, и вельможа со всѣми своими гостями идетъ въ столовую. О небо, коль великія украшенія! Злато и серебро блистаютъ во всей посудѣ; хрусталь украшаетъ филеи; множество горящихъ свѣчей, коихъ лучи, разными гранями хрусталя отражаемые, приключаютъ тягость очамъ. А наконецъ, по открытіи яствъ и при подаваніи питей, узрилъ я вдругъ все, что четыре части свѣта лучшаго производятъ. Тамъ огромной величины стерляди великія блюда покрывали; бѣлые, подобно снѣгу, телята, яко горы, лежали на блюдахъ; каплуны, пулярки, перепелки зимою, фазаны, устерсы и въ десертѣ ранніе плоды и ананасы, а иные съ трудомъ и со тщаніемъ сохраненные, яко виноградъ и дыни, удивляютъ очи и услаждаютъ зрѣніе и духъ; вина всѣ, что Францiя, Италія и Испанія лучшаго производитъ, и что славный мысъ Доброй Надежды рождаетъ, и наконецъ же имъ славится...(?); все въ обиліи подается.

Послѣдуемъ ему въ его деревню, гдѣ онъ имѣетъ увеселительный домъ. Пространныя палаты со всѣми принадлежностями, могущія бы безъ нужды быть жилищемъ какому государю, и великолѣпно убранныя, составляютъ мѣсто пріѣзда для сего вельможи. Кромѣ изрядной рѣки, протекающей близь сего зданія, ископанные пруды, запруженныя, природныя и содѣланныя руками человѣческими, рѣчки, гдѣ чистая вода журчитъ, теча по камешкамъ, а индѣ съ шумомъ, на подобіе каскада упадаетъ, окружены разными деревьями, сочиняющими китайской и англійской садъ, которые пространствомъ своимъ занимаютъ довольно земли, чтобъ нѣсколько сотъ семей питаться могли. Въ немъ видны разныя зданіи, одни построенныя близь водъ, другія въ густотѣ лѣса; а наконецъ иные среди низко-подрѣзанныхъ луговъ, видъ бархата низкой своей зеленью представляющихъ. Индѣ стоитъ мраморная галлерея, индѣ китайской домъ, индѣ готическая бесѣдка, индѣ китайская башня, индѣ мраморные столбы, индѣ пирамида, индѣ развалины храма, индѣ какая дикая пещера и переплетенные плющи, по сему (всему?) пространству извивающіеся, вездѣ новые и разныхъ родовъ пріятные виды представляютъ. Регулярной садъ не меньше достоинъ удивленія, какъ величиною деревьевъ, такъ пространствомъ и великолѣпными украшеніями разныхъ бесѣдокъ, каскадовъ, водометовъ, статуй и богатыхъ цвѣтниковъ, испещренныхъ рѣдчайшими цвѣтами, которые равно (красками?) своими и благовоніемъ гуляющихъ привлекаютъ. Въ другихъ мѣстахъ стоятъ прекрасныя деревья съ изгибающимися отъ плодовъ вѣтвями. Пространныя оранжереи заключаютъ одну сторону сего пространнаго дома. Тамъ все, что четыре части свѣта лучшаго и прекраснаго имѣютъ, вмѣщается. Разныхъ родовъ ананасы удивляютъ разными своими цвѣтами и величиною и благовоніемъ чувства услаждаютъ; пизаны, распростирая свои великія листья, являютъ подъ ними кисти своего плода; виноградъ у стѣны извивается, и кисти великія висятъ; померанцы и лимоны вдругъ два времени года представляютъ; удивляютъ своею величиною, порядочнымъ крокомъ; прельщаютъ взоръ висящими плодами и услаждаютъ чувство благовоніемъ, происходящимъ отъ ихъ цвѣтовъ; персики, абрикосы, вишни, сливы и отмѣнныя груши составляютъ великія аллеи и подобно лѣсу зрятся. Но возможно ли исчислить всѣ плодовитыя деревья и цвѣты, дѣлающіе пріятность вкусу, зрѣнію и обонянію!

Вблизи тутъ видны по разнымъ мѣстамъ домостройственныя строеніи. Тамъ конской домъ представляетъ изрядной фасадъ и вмѣщаетъ лучшихъ разныхъ породъ лошадей. Тамъ скотной дворъ, гдѣ прекрасные коровы и быки содержатся, и гдѣ сдѣланы пріятные покои, дабы, если господинъ посѣтитъ сіе мѣсто и восхочетъ тутъ сдѣлать полдникъ молокомъ, могъ покойно и весело быть. Тамъ птичій домъ, гдѣ не только всѣ птицы, нужныя для домостройства находятся, но и для веселья. Тутъ бѣлые и сѣрые павлины съ распущенными хвостами величаются передъ другими; тутъ лебеди гордо плаваютъ по водамъ; тутъ множество различныхъ утокъ и гусей въ осокѣ играютъ; тутъ еще больше разныхъ куръ, удивительныхъ своею разностію, являютъ богатство природы; не меньше того и разные голуби; иные разнымъ образомъ по воздуху летаютъ, иные гордятся своимъ хвостомъ; иные, покрытые хохлами и съ перистыми ногами, насилу могутъ ступать; иные, яко горлинки или египетскіе голуби, крикомъ своимъ взаимную любовь изъявляютъ.

Близъ сего мѣста зрится кустарникъ покрытой...(?), гдѣ водятся разныхъ родовъ фазаны, не меньше привлекающіе очи различными—или золотыми, или серебрянными, или пестрыми—своими перьями. Потомъ близъ звѣринецъ, гдѣ разные олени, козы дикія и кабаны во множествѣ для утѣшенія хозяина обрѣтаются, и сіи не только утѣшаютъ его при выпускѣ въ особливый отдѣлъ, гдѣ онъ можетъ ихъ стрѣлять, но также олени, ручностью своею послѣдуя человѣку, учиняютъ удовольствіе. Но сего не довольно: разные переплетенные плющи, природные и сдѣланные ручейки, пруды и разные домики, при являющейся дикости, особенное великолѣпіе и красоту представляютъ.

Наконецъ псарной дворъ, сдѣланной также довольно хорошей архитектуры, дабы привлечь знающаго сіе искусство человѣка вниманіе, вмѣщаетъ въ себѣ великое число борзыхъ и гончихъ лучшихъ собакъ, по большей части отъ прислужниковъ и отъ искателей надведенныхъ, которыя иногда къ увеселенію хозяина служатъ.

Однако при такомъ во всемъ довольствѣ, когда все является споспѣшествовать его желаніямъ, рѣдко лицо вельможи веселой видъ являетъ. Тщетно строители ему кажутъ новое оконченное строеніе или планы и фасады, чтобъ новое зачинать. Онъ холоднымъ взоромъ смотритъ на сіи вновь сдѣланныя дому его украшенія, или не меньше съ холодностью новыя содѣловать повелѣваетъ. Прекрасныя аллеи, деревья, изгибающіяся подъ плодами, и самые плоды, прекрасныя рощи, испещренные цвѣтами луга и цвѣты въ саду, въ оранжереяхъ его находящіеся, текущіе источники чистыхъ водъ, паденіе ихъ каскадами или возношеніе водометами, или стоячихъ прекрасной хрусталь водъ, птицы, наполняющіе птичій домъ, кони и скотъ прекрасные и тучные и звѣри, живущіе въ звѣриницахъ и бѣгущіе за человѣкомъ, укротя свою дикость, все, кажется, предъ нимъ красоту и пріятство свое потеряло, на все онъ смотритъ неучастнымъ окомъ; ничто не можетъ подвигнуть его къ веселію восхитительному. Да и неудивительно. Все ему легко пришло; все предупреждаетъ его желаніе, и онъ, не находя ни въ чемъ трудности исполнить свои хотѣніи, не находитъ большаго и удовольстія въ исполненіи ихъ. Онъ не можетъ себя назвать недовольнымъ, но не можетъ же ничему и возрадоваться, и духъ его въ нѣкоторой скучной онѣмѣлости пребываетъ, и ща, чего бы онъ могъ желать.

(Соч. кн. Щербатова т. II, с. 398—405).

2. Образъ жизни дворянина екатерининской эпохи.

Воззримъ теперь на дворянина, пользующагося токмо посредственнымъ достаткомъ, иногда и съ нуждою, дабы исполнить все то, что требуетъ его имя и состояніе.

Я вижу его ѣдущаго въ простой каретѣ, на парѣ небольшихъ лошадей, имѣя одного человѣка за собою. Онъ, получа и сей весьма посредственный экипажъ, считаетъ себѣ за удовольствіе, что закрытъ каретою, и хотя не точеными, но простыми стеклами, отъ безпокойствъ погоды. Одежда на немъ простая, но благопристойная, и шуба, не изъ краевъ вселенной изъ дражайшихъ соболей собрана, но либо лисья, или волчья, имѣетъ только нужныя качествы его отъ холоду согрѣвать. Не толпа служителей его встрѣчаетъ и окружаетъ въ его домѣ, но малое число, являющіеся усердные къ нему, которыхъ онъ самъ имѣлъ трудъ воспитать. Пріятность его ви-

дѣть является въ очахъ ихъ, а и онъ въ повелѣніяхъ своихъ являетъ имъ такое чувство, что хотя они имѣютъ должность ему служить, но онъ ихъ людьми, и по естеству равными себѣ почитаетъ. Домовитая жена, не имѣя никакой пышности, но исполненная любовью къ своему супругу, къ чадамъ, и трудолюбивая надзирательница дома, изъявляетъ удовольствіе свое о его пріѣздѣ и тщится, чтобы вездѣ добрый порядокъ ему пріятенъ былъ. Пріѣхавшіе друзья не для исканія какого, не для прислуги, не для великолѣпнаго и вкуснаго стола, но изъ любви къ хозяевамъ, хотя тутъ въ маломъ числѣ, но искенность и свобода въ обхожденіи услаждаетъ сію бесѣду; разглагольствіи о теперешнихъ обстоятельствахъ государства, о торговлѣ и о домостройствѣ попеременно наполняютъ время сей бесѣды; встрѣчающіеся противорѣчіи придаютъ жаръ разговорамъ и свободу мыслей изъявляютъ.

Приходитъ время итти къ столу. Онъ наполненъ простыми, но вкусными яствами на глиняномъ сервизѣ. Хозяева веселостью своею и учтивостью придаютъ ему вкусъ; отвѣдываютъ сами кушаньи; изъявляютъ удовольствіе, что хорошо состряпано; подчиваютъ своихъ друзей. Тутъ нѣтъ ни огромныхъ стерлядей, ни вестфальской ветчины, ни перигорскихъ пироговъ, ни колмогорскихъ телятъ. Но хозяинъ подчуетъ поенымъ теленкомъ изъ своей деревни; разрѣзываетъ жаркое и сочный окорокъ, сказывая, что онъ большихъ свиней у себя завелъ, и какой способъ употреблялъ къ утучненію ихъ; подчиваетъ или жирною укормленною курицею, или жирною уткою, или гусемъ, рожденными и воспитанными въ его домѣ. Вино подается ординарное, которое чистотою своею и долгимъ стояніемъ уже подходитъ къ драгоцѣннымъ винамъ. Вездѣ простота, но простота чистая является, которая мудрому зрителю предпочтеннѣе самой великолѣпной пышности кажется. Домъ его также не имѣлъ великихъ украшеній. Не видно въ немъ ни золота, ни серебра, ни порфировъ, ни дорогихъ хрусталей; но стѣны обиты бумажками чистыми; подсвѣчники, изъ мѣди сдѣланные не драгоцѣнные; люстры, хотя хрустальныя, но не изъ дорогаго хрусталя; зеркала небольшія, и тѣ составныя; столы индѣ изъ простаго мрамора, а индѣ и изъ алебастра; полы или гладкіе, или простымъ сукномъ устланные. Но все сіе чистотою, а паче веселымъ нравомъ и привѣтствіемъ хозяина и хозяйки украшается.

Послѣдуемъ такому посредственному человѣку въ его деревню; воззримъ, какъ онъ въ нее съ пріятелями своими, любящими его особу, а не санъ или богатство, пріѣзжаетъ. Еще подъѣзжая къ своему селенію, останавливается, смотритъ или растущій хлѣбъ, или запаханную землю, или луга. Съ удовольствіемъ разсказываетъ своимъ друзьямъ, что онъ въ такое время таковую пашню распахалъ, или лугъ расчистилъ; что сія земля такой ему приноситъ плодъ. Подъѣхавъ еще ближе къ селенію своему, останавливается; выходитъ изъ кареты; зоветъ своихъ друзей прогуляться въ рощу, отчасти имъ подчищенную, отчасти же подсаженную; садится съ ними на простыхъ дерновыхъ или досчатыхъ лавкахъ; разсказываетъ съ веселымъ видомъ, какъ отъ родителя своего получилъ сію деревню; благодаритъ его и о маломъ, что было заведено; потомъ изъявляя болѣе удовольствія, разсказываетъ, какъ трудился самъ въ подчищеніи сей рощи и въ подсаженіи, какія намѣренъ дѣлать тутъ дорожки, и показываетъ, что уже сдѣлано. Наконецъ пріѣзжаетъ въ домъ весьма небольшой, но довольно по-

койной для его семьи, съ нѣкоторыми особливыми домиками для гостей. Нигдѣ тутъ ни золота, ни серебра не блеститъ, но стѣны или подмазаны штукатуркою, или подписаны. Штофовъ и парчей нигдѣ тутъ не видать, но либо домашнее тканье, или набойка, или полуситцы, а одинъ вкусъ и чистота главное украшеніе сочиняютъ. Столъ, толь же простой, какъ и украшеніе, по большей части изъ домашнихъ вещей, разнаго молока и травъ состоящій, вкусную и здоровую представляетъ пищу. Плоды, не во множествѣ, но лучшихъ родовъ, изъ маленькой оранжереи, оный еще украшаютъ. Хозяинъ съ гостями своими ихъ ѣстъ, сказывая, откуда онъ столь крупные досталъ персики и арбузы; говоритъ о плодоносіи его вишневыхъ и сливовыхъ деревьевъ; разбираетъ разные роды грушъ и яблоковъ; похваляетъ ихъ вкусъ и подчуетъ. Разная земляника, клубника весьма крупная, малина садовая и другія ягоды, также лучшихъ родовъ дыни и арбузы умножаютъ его столъ и почти сластолюбіе являютъ. Онъ съ пріятностію смотритъ на всѣ свои плоды, съ удовольствіемъ ихъ вкушаетъ, вспоминаетъ время заведенія ихъ и веселится, что довелъ оное до того, что всѣмъ симъ пользоваться можетъ, и зоветъ гостей своихъ итти въ его сады и оранжереи.

Послѣдуемъ сему домовитому и умѣющему себя утѣшать мужу въ его сады и оранжереи. Не цѣлыя поля захвачены въ его садъ, но изъ нихъ одинъ весьма небольшой насажденъ регулярными, стриженными аллеями, изъ коихъ одни высокую непроницаемую стѣну представляютъ, другія, сгибаяся между собою, представляютъ купно искусство въ порядочномъ насажденіи и природу въ естествено-сросшихся вѣтвяхъ, которыя, переплетаясь, непроницательной сводъ солнечнымъ лучамъ и дождю содѣваютъ. Толстыя и густыя кроновыя деревья составляютъ одну дорогу, сплетшіяся вѣтвями своими, тѣнь и покрышку учиняютъ. Изрядные партеры, въ приличныхъ мѣстахъ содѣланные, наполненные разными прекрасными и благовонными цвѣтами. Въ срединѣ аллеи насажены яблони, груши, сливы и вишни, изъ коихъ послѣднія и по заборъ посажены. Наконецъ въ благопристойныхъ мѣстахъ находятся разныя бесѣдки, раскрашенныя разными красками, которыя пристойностью мѣста, гдѣ онѣ построены, хорошей архитектурою и испещреніемъ красокъ зрѣніе привлекаютъ и представляютъ пріятныя мѣста къ отдохновенію.

Возлѣ сего сада, съ одной стороны находится изрядной лугъ, сквозь которой протекаетъ небольшая рѣчка, которая, бывъ удержана заплатою, составляетъ по конецъ луга изрядной прудъ. Лугъ сей украшенъ англійскимъ садомъ; преизрядныя извитыя дорожки къ разнымъ мѣстамъ приводятъ; въ иныхъ мѣстахъ посажены разныя деревья, которыя тѣнь составляютъ; индѣ сидитъ одно дерево, которое своими вѣтвями не малое мѣсто покрываетъ, въ другихъ мѣстахъ изъ рѣчки проведены каналы, которые сочиняютъ островки, и повсюду, гдѣ нужда требовала, или домики, или бесѣдки, или маленькія галлереи построены были, а индѣ въ дикихъ мѣстахъ прилегающаго лѣсу сдѣланы пустыньки или пещеры.

Съ другой стороны сада находится довольно пространной огородъ, гдѣ кромѣ не малаго числа плодовитыхъ деревьевъ, находятся насажденныя разныя огородныя овощи и купно удовольствіе и прибыль приносятъ. А огородъ сей кончается довольно пространнымъ мѣстомъ, засаженнымъ хмѣлемъ, разными аллеями, бесѣдками и другими видами... (?) выра-

щеннымъ, которой купно служитъ для пріятности вида и для прибытка.

Возлѣ огорода находятся оранжереи и парники, весьма небольшіе и токмо отличные избраніемъ плодовъ, хорошей выросткою деревьевъ и чистотою.

Съ другой стороны его дома находятся скотной и конской дворъ, вмѣстѣ соединенные. Тутъ нѣтъ ни дорогихъ лошадей, ни дорогихъ коровъ; но лошади крѣпкія и довольно рослыя; коровы смѣшанныя—русскія съ холмогорскими; овцы простыя; но все въ хорошемъ содержаніи. Возлѣ сего дома находится не малой копанной прудъ, откуда вода трубами проведена въ каждую стаю; а на другой сторонѣ пруда построенъ маленькой птичій домъ, гдѣ разныя птицы: индѣйки, гуси, утки разныхъ родовъ и куры водятся во множествѣ.

Такое есть расположеніе жилища сего посредственнаго человѣка въ городѣ и въ его деревнѣ. Но воззримъ, какое же удовольствіе все деревенское его строеніе и заведеніе приноситъ. Онъ, съ друзьми своими сошедъ въ садъ, останавливается на всякой дорожкѣ; съ удовольствіемъ показываетъ высоту и густоту... (?) или тѣнь крытыхъ аллей; разсказываетъ время саженія ихъ; вспоминаетъ, что онъ самъ его разбивалъ и многое своими руками садилъ. Въ парникахъ показываетъ разные цвѣты; веселится, видя ихъ красоту или чувствуя благовоніе; разсказываетъ, откуда корни и сѣмена доставалъ; дѣлаетъ примѣчать прекрасную дикость смѣшенія... (?). Входитъ ли въ бѣсѣдку, сказываетъ, когда она посажена или построена. Входитъ на лугъ, англійскимъ садомъ устроенной, показываетъ съ удовольствіемъ сдѣланныя мѣста; дѣлаетъ примѣтить чистоту воды протекающей рѣчки; садится или удить рыбу въ прудѣ, или ловить ее неводомъ, и каждая пойманная рыбка ему удовольствіе приноситъ. Идетъ къ строящимся бесѣдкамъ, показываетъ ихъ гостямъ своимъ; сказываетъ, что самъ чертилъ планъ и фасадъ, и какъ хочетъ ихъ убрать; требуетъ совѣта у своихъ пріятелей; показываетъ имъ нѣкоторые планы сажденій и строеній, которые хочетъ начинать, назначая разное время, дабы то все сходственно съ своимъ достаткомъ учинить; исчисляетъ уже изготовленные имъ припасы, и какъ другіе изготовляетъ. Идетъ къ нѣкоторымъ зачатымъ строеніямъ, показываетъ ихъ своимъ друзьямъ; съ футомъ въ рукахъ размѣриваетъ самъ; указываетъ каменьщикамъ и плотникамъ, индѣ ихъ исправляетъ, гдѣ сдѣлали ошибки, индѣ даетъ имъ награжденіе. Входитъ въ огородъ и близъ стоящія оранжереи, показываетъ разныя растеніи; дѣлаетъ примѣтить величину грунтовыхъ деревьевъ, ихъ плодоносіе, разные роды и отдѣленіи въ родахъ разныхъ травъ и плодовъ; срываетъ плоды, подноситъ своимъ друзьямъ и спрашиваетъ, какъ находятъ вкусъ. Потомъ идетъ на конскій и скотный дворъ—показывать своихъ лошадей, жеребятъ и коровъ; входитъ въ то мѣсто, гдѣ хранится молоко; дѣлаетъ примѣчать спокойствіе и удобность сего строенія и подчуетъ разнымъ молокомъ,

Все сіе онъ съ толикимъ удовольствіемъ, а иное и съ такою жадностью исполняетъ, что, является, не только всякое дерево, плодъ и цвѣтокъ, но и каждой листокъ его веселитъ. Бездушныя вещи, является, учинились его служителями, для содѣланія его удовольствія и обще все такъ и каждое является сумму его благополучія прибавлять, и каждая будто бы составляла то, что можетъ его счастливымъ сдѣлать.

Вотъ два разныхъ начертанія, одно возлѣ другого поставленныя, изъ коихъ въ первомъ видимъ всего во

множествѣ, все великолѣпно, и все предупреждающее желаніе вельможи; но ничто не могущее подвигнуть его къ чувствительному веселію: въ обиліи, въ довольствѣ, не имѣя ничего желать. Другое, гдѣ все съ трудомъ пріобрѣтено, гдѣ все малое и съ нуждою исполняется; но все, по мѣрѣ употребленныхъ трудовъ, веселитъ; гдѣ все оживотворяетъ духъ и дѣлаетъ удовольствіе. То кого же изъ нихъ счастливѣйшимъ назвать? Кто болѣе вкушаетъ сладостныхъ минутъ удовольствія?

(Соч. кн. Щербатова т. II, с. 405—413.)

102. Кн. М. М. Щербатовъ.

Размышленія о дворянствѣ.

Всѣ государства свѣта, какъ древнія, такъ и новыя, имѣли свои дворянства, то есть за услуги предковъ данныя нѣкоторыя преимущества нѣкоторымъ родамъ...

И тако можно сказать, что въ созиданіи Россіи основаніе, части и подпоры ея были нынѣ наименованные древніе Россійскіе дворяне.

Но несть предметъ мой изъяснить происхожденіе дворянскихъ родовъ: но показать химеру равности состояній новыхъ философовъ...

1-е. Лейбницъ во изысканіи естественныхъ вещей и самаго единаго роду не нашелъ ни одной подобной другой; многіе мудрые люди, разсматривая физіономіи человѣческія, ни одну другой совершенно подобной не обрѣли; и понеже есть толь безконечная разность въ наружныхъ чертахъ тварей, то коль болѣе она можетъ быть во внутреннихъ расположеніяхъ человѣка: а посему, почти неоспоримою истиною можемъ поставить, что несть ни единаго человѣка совершенно подобнаго другому во внутреннихъ своихъ расположеніяхъ, а гдѣ несть таковаго подобія, тутъ нѣтъ и равности; кажется, сама природа, предупреждая наши суемудріи и располагая порядокъ общежитія человѣческаго, разными дарованіями разныхъ людей снабдила, яко мудро распредѣляя единыхъ быть правителями и начальниками, другихъ добрыми исполнителями, а наконецъ третьихъ слѣпыми дѣйствующими лицами; ибо чаю никто не скажетъ, чтобы тотъ Афинецъ, который потерявъ руку, зубами ухватилъ персидскій корабль, былъ равенъ Мильтіаду, ибо единый имѣлъ только запальчивую храбрость, а другой при неустрашимости мудрое и тонкое расположеніе; единъ дѣйствовалъ своими членами, коихъ сила есть ограничена, а другой разумомъ, вмѣщающимъ въ себя безконечность... Воззримъ на наше рожденіе, воззримъ на слабость нашего младенчества, въ которое время отъ родителей пропитаніе и помощь получаемъ; а самое сіе и нудитъ насъ, иль лучше сказать, дѣлаетъ намъ священнѣйшимъ долгомъ почтеніе къ родителямъ нашимъ; также по чувствованію, недостатку испытанія, въ младыхъ нашихъ лѣтахъ, мы естественно обязываемся старѣйшихъ себя уважать. И тако степени лѣтъ и родства, при всѣхъ ровныхъ обстоятельствахъ, уже мнимое равенство между людей разрушаютъ. Я все вышеписанное говорю, взирая токмо отрѣшительно отъ всего другаго на природное состояніе человѣка; но если мы еще присовокупимъ къ тому многіе прилагательныя качества, которыя человѣкъ въ общежитіи чрезъ воспитаніе и науку пріобрѣтаетъ, то сіе намъ докажетъ, что не токмо не находится личное равенство между человѣка и человѣка, но можетъ оно и потомственное быть.

Пріемля за историческое основаніе

себѣ священное писаніе, мы не можемъ сомнѣваться, чтобы всѣ мы не отъ единаго нашего праотца Адама и потомъ отъ Ноя произошли; и потому всѣ суть братія, и всѣ суть равно благородны; но выше означенное неравное раздѣленіе въ дарованіяхъ, также и преимущества, присвоенныя старшимъ въ родахъ, вскорѣ учинили различіе между человѣка и человѣка. Сіи первые получили начальство надъ равными себѣ, обязали тѣхъ не силою, но учиненными имъ услугами, и привлекли къ себѣ почтеніе; такъ что въ нѣкоторыхъ грубыхъ народахъ поставили въ память сихъ своихъ благодѣтелей столпы, кумиры, учредили праздники, напамятованіи и наконецъ богами ихъ почли, и жертву имъ приносили. Дѣти и внучата сихъ благодѣтелей рода человѣческаго, поступкамъ предковъ своихъ подражая, тожъ почтеніе къ себѣ привлекая, удостоились сыны боговъ быть именованы; и сіе есть начало благородства, ибо не должно думать, чтобы иное кромѣ благодарности возмогло приклонить людей единаго изъ среди себя, самого и потомство его высшимъ себя сдѣлать.

Почтеніе, какое къ симъ первымъ своимъ благодѣтелямъ имѣли и къ потомкамъ тѣхъ, учинило, что родившіеся въ высшемъ сану изъ дѣтства своего навыкли познавать нужды народныя, владычествовать и управлять равными себѣ. Народъ, почитая ихъ происхожденіе, съ охотою имъ повиновался, а отъ сего происходило совершенное согласіе, долженствующее быть между начальниками и подчиненными, которое составляло блаженство народовъ, и дало основаніе сильнымъ имперіямъ.

Всѣ свѣдѣнія наши мы чрезъ чувства получаемъ, ибо въ самомъ дѣлѣ, чего мы не видали, не слыхали, не обоняли, не вкушали и не осязали, о томъ и понятія имѣть не можемъ, а все сіе чтобъ получить чувствованіе чего бы то ни было, зависитъ отъ случая и обстоятельствъ; ибо дикій Американецъ, питающійся касавой, не будетъ имѣть понятія о произращеніи ржи, о удобномъ для нея земледѣліи, ни о употребленіи ея; ни Лапонецъ о апельсинныхъ деревьяхъ и плодахъ ихъ. Сказалъ же Ипократъ съ своихъ афоризмахъ: наука долга, а жизнь коротка; слѣдственно, то состояніе людей, въ которомъ скорѣе можно пріобрѣсти себѣ разныя понятія, удобныя къ разнымъ родамъ службы государства, есть предпочтительное для пользы онаго; а сіе состояніе и есть потомственное благородство; ибо родившійся человѣкъ отъ благородныхъ родителей, служащихъ или служившихъ въ разныхъ должностяхъ своему отечеству, окромѣ превосходнаго наученія, которое попеченіями ихъ получаетъ, насматривается, какъ должно ему обходиться съ высшими, съ равными и съ низшими себя; въ бесѣдахъ родителей своихъ слышитъ о прежнихъ приключеніяхъ, внимаетъ похвалу добродѣтели и охуленія пороковъ; чрезъ разныя ихъ разглагольствія научается о состояніи политическомъ, гражданскомъ и военномъ своего отечества; слышитъ разныя дѣянія, питающія его умъ и научающія, какъ ему въ разныхъ обстоятельствахъ поступать; сообщество его съ его родственниками—почтеніе къ старшимъ себѣ или обхожденіе съ ровными—тѣ жъ ему наставленія подаютъ; отъ первыхъ онъ научается правиламъ, а со вторыми исполняетъ долгъ сообщества и благопристойности...—

Учиню ли я послѣ сего сравненія между воспитанія благороднаго и низкорожденнаго. Каждому, думаю, ощутительно, что всѣхъ вышеписанныхъ преимуществъ и удобностей низкорожденный имѣть не можетъ; а пото-

му и заключаю, что благородство должно быть потомственно.

Разныя страсти владычествуютъ надъ человѣкомъ, но главнѣйшею считаю я честолюбіе, поелику сія страсть есть ничто иное, какъ преобразованіе самаго самолюбія. Сія страсть, побуждающая человѣка ко всѣмъ благороднымъ подвигамъ, затмѣвающая въ душѣ его тягость трудовъ, жестокость болѣзни и ужасъ смерти, есть наикрѣпчая подпора государствъ. Представимъ же себѣ благороднаго и низкорожденнаго: благородный воспоминаетъ своихъ предковъ и считаетъ ихъ заслуги, почитаетъ мертвыя тѣни ихъ, но почти совмѣстникомъ имъ становится, желая сравняться или и превзойти; ихъ прозваніе, которое онъ носитъ, ежечасно ему воспоминаетъ, что онъ долженъ себѣ, предкамъ своимъ и отечеству; яко нѣкоторый духъ безпрестанно ему вопіющій, да сохранитъ имя невреждено, которое онъ отъ благородныхъ родителей получилъ...—

Я долженъ теперь сказать о низкорожденномъ: не зритъ онъ и не знаетъ знатныхъ своихъ предковъ, не побужденъ онъ славою ихъ, не поощренъ онъ именемъ своимъ; но онъ человѣкъ, и честолюбіе ему сродно. Но какое онъ честолюбіе будетъ имѣть, честолюбіе подражательное благороднымъ или почти можно сказать завидливое? Но и то охулить не можно, если онъ добродѣтельными стезями къ предмету своему пойдетъ, и достиженіе удостоиваетъ его сравняться съ благородными; но каждый чувствуетъ, что онъ побудительныхъ причинъ имѣетъ меньше, а потому и труднѣе сему быть. Государства же не трудные способы должны изыскивать, а легчайшими стараться себя управлять...

(Соч. кн. Щербатова т. I, с. 219 сл.)

---

103. Въ Московскомъ Благородномъ Собраніи.

Въ эту зиму увидѣлъ я и Московскіе балы; два раза былъ я въ Благородномъ Собраніи. Зданіе его построено близъ Кремля, въ центрѣ Москвы, которая сама почитается средоточіемъ нашего отечества. Не одно Московское дворянство, но и дворяне всѣхъ почти Великороссійскихъ губерній, стекались сюда каждую зиму, чтобы повеселить въ немъ женъ и дочерей. Въ огромной его залѣ, какъ въ величественномъ храмѣ, какъ въ сердцѣ Россіи, поставленъ былъ кумиръ Екатерины, и никакая зависть къ ея памяти не могла его исторгнуть. Чертогъ въ три яруса, весь бѣлый, весь въ колоннахъ, отъ яркаго освѣщенія весь какъ въ огнѣ горящій, тысячи толпящихся въ немъ посѣтителей и посѣтительницъ, въ лучшихъ нарядахъ, гремящіе въ немъ хоры музыки, и въ концѣ его, на нѣкоторомъ возвышеніи, улыбающійся всеобщему веселью мраморный ликъ Екатерины, какъ во дни ея жизни и нашего блаженства! Симъ чудеснымъ зрѣлищемъ я былъ пораженъ, очарованъ. Когда первое удивленіе прошло, я началъ пристальнѣе разсматривать безчисленное общество, въ коемъ находился; сколько прекрасныхъ лицъ, сколько важныхъ фигуръ и сколько блестящихъ нарядовъ! Но еще болѣе, сколько странныхъ рожъ и одѣяній!

Помѣщики сосѣдственныхъ губерній почитали обязанностію каждый годъ, въ Декабрѣ, со всѣмъ семействомъ отправляться изъ деревни, на собственныхъ лошадяхъ, и пріѣзжать въ Москву около Рождества, а на первой недѣлѣ поста возвращаться опять въ деревню. Сіи поѣздки имъ недорого стоили. Имъ предшествовали обыкновенно на крестьянскихъ лошадяхъ длинные обозы съ замороженными

поросятами, гусями и курами, съ крупою, мукою и масломъ, со всѣми жизненными припасами. Каждаго ожидалъ собственный деревянный домъ, не прихотливо убранный, съ широкимъ дворомъ и садомъ безъ дорожекъ, заглохшимъ крапивой, но гдѣ можно было, однакоже, найти дюжину дикихъ яблонь и сотню кустовъ малины и смородины. Все Замоскворѣчье было застроено сими помѣщичьими домами. Въ короткое время ихъ пребыванія въ Москвѣ, они не успѣвали дѣлать новыхъ знакомствъ и жили между собою въ обществѣ пріѣзжихъ, деревенскихъ сосѣдей: каждая губернія имѣла свой особый кругъ. Но по Четвергамъ всѣ они соединялись въ большомъ кругу Благороднаго Собранія; тутъ увидятъ они статсъ-дамъ съ портретами, фрейлинъ съ вензелями, а сколько лентъ, сколько крестовъ, сколько богатыхъ одеждъ и алмазовъ!.. Есть про что цѣлые девять мѣсяцевъ разсказывать въ уѣздѣ, и все это съ удивленіемъ, безъ зависти: недосягаемою для нихъ высотою знати они любовались, какъ путешественникъ блестящею вершиной Эльбруса.

Не одно маленькое тщеславіе проводить вечера вмѣстѣ съ высшими представителями Россійскаго дворянства привлекало ихъ въ Собраніе. Нѣтъ почти Русской семьи, въ которой бы не было полдюжины дочерей: авось или Дунюшка, или Параша приглянутся какому-нибудь хорошему человѣку! Но если хорошій чаловѣкъ не знакомъ никому изъ ихъ знакомыхъ, какъ быть? И на это есть средство. Въ старину (не знаю, можетъ быть и теперь) существовало въ Москвѣ цѣлое сословіе свахъ; имъ сообщались лѣта невѣстъ, описи приданаго и брачныя условія; къ нимъ можно было прямо адресоваться, и онѣ договаривали родителямъ все то, что въ Собраніи не могли высказать дѣвицѣ одни только взгляды жениха. Пусть другіе смѣются, а въ простотѣ сихъ дѣдовскихъ нравовъ я вижу что-то трогательное. Для любопытныхъ наблюдателей было много пищи въ сихъ собраніяхъ; они могли легко замѣтить озабоченныхъ матерей, идущихъ объ руку съ дочерьми, и прочитать въ глазахъ ихъ безпокойную мысль, что можетъ быть въ сію минуту рѣшается ихъ участь; по веселому добродушію на лицахъ провинціяловъ, легко можно было отличить ихъ отъ постоянныхъ жителей Москвы.

Московское Благородное Собраніе существуетъ и понынѣ; зала его удивляетъ попрежнему простотою величія, попрежнему украшается единственно изображеніемъ Екатерины, но увы! она уже не форумъ Русскаго дворянства: почти весь годъ стоитъ она пустая; только разъ или два по случаю пріѣзда царя, или другаго какого торжества, наполняется она опять людьми, но уже не въ такомъ числѣ, въ какомъ прежде собирались они въ нее еженедѣльно. Двѣнадцатый годъ болѣе всего сему Собранію нанесъ рѣшительный ударъ.

(Записки Ф. Вигеля. Томъ I, часть I, стр. 172—174.)

XVII. Крѣпостное право.

104. О пріемѣ въ Сибирь на поселеніе отъ помѣщиковъ крестьянъ съ зачетомъ ихъ за рекрутъ.

1760, декабря 13.

Объявляется во всенародное извѣстіе. Понеже въ Сибирской Губерніи и Иркутской Провинціи, въ Нерчинскомъ уѣздѣ, состоятъ къ поселенію и хлѣбопашеству весьма удобныя мѣста, которыхъ къ заселенію Государственный интересъ требуетъ. Того ради Правительствующій Сенатъ Приказали: публиковать во всемъ Государствѣ печатными указами:

1) Кто изъ помѣщиковъ пожелаетъ своихъ людей и крестьянъ, также и женскъ полъ, которыя вмѣсто должныхъ по своимъ званіямъ услугъ, воровствомъ, пьянствомъ, и прочими непристойными продерзостными поступками, многія вредъ, разореніи, убытки и безпокойства приключаютъ, и другимъ, подобнымъ себѣ, наивящшіе къ такимъ же вреднымъ поступкамъ примѣры подаютъ, таковыхъ за оныя непотребства, однако жъ годныхъ къ крестьянской и другой работѣ, лѣтами не старѣе 45 лѣтъ, отдавать къ объявленному поселенію, коихъ для помянутаго отправленія въ Сибирь, принимать по заручнымъ доношеніямъ, отъ самихъ помѣщиковъ, или отъ ихъ повѣренныхъ;...—а помѣщикамъ и ихъ повѣреннымъ давать для зачета въ будущіе наборы въ рекруты надлежащія квитанціи, на такомъ основаніи, какъ при пріемахъ рекрутъ бываютъ, безъ всякаго продолженія, и не причиняя никакихъ убытковъ; а кои изъ тѣхъ женаты, то отдавать тѣхъ людей съ женами; а буде у коихъ изъ тѣхъ малолѣтныя дѣти будутъ, коихъ сами помѣщики при отцахъ и матеряхъ ихъ на то поселеніе отдать пожелаютъ, за таковыхъ платить тѣмъ помѣщикамъ изъ казны по пріемѣ того жъ дня, за мужескъ полъ до 5 лѣтъ по 10 рублей, а отъ 5 до 15 лѣтъ по 20 рублей, а въ 15 лѣтъ, не платя денегъ, зачитать въ рекруты жъ, а за дѣтей, за женскъ полъ платить деньги вполы вышеозначенныхъ; что же касается до мѣры и роста тѣхъ, отдаваемыхъ людей, то въ семъ случаѣ оное не наблюдается, токмо того въ упомянутыхъ мѣстахъ при пріемѣ предостерегать, дабы тѣ отдаваемые люди и крестьяне были здоровы и неувѣчные; а хотя бъ нѣкоторые члены и повреждены были, точію бъ къ работамъ не были помѣшательными, а при томъ бы отъ помѣщиковъ своихъ снабдены были, какъ мужескъ, такъ и женскъ полъ, платьемъ и обувью на такомъ основаніи, какъ обыкновенно при рекрутскихъ наборахъ чинится... —

(Пам. ист. крестьянъ, изд. Клочкова № 85, с. 131—3.)

---

105. О пріемѣ Адмиралтейской коллегіи присылаемыхъ отъ помѣщиковъ для смиренія крѣпостныхъ людей, и объ употребленіи ихъ въ тяжкую работу.

1765.—Генваря 17.

Объявляется во всенародное извѣстіе. По Высочайшей Е. И. В. конфирмаціи, воспослѣдовавшей сего Генваря 8 дня на поднесенный отъ Сената докладъ, повелѣно, буде кто изъ помѣщиковъ людей своихъ по продерзостному состоянію заслуживающихъ справедливое наказаніе, отдавать пожелаетъ для лучшаго воздержанія въ каторжную работу, таковыхъ Адмиралтейской Коллегіи принимать

и употреблять въ тяжкую работу на толикое время, на сколько помѣщики ихъ похотятъ, и во всю ту оныхъ людей въ работѣ бытность довольствовать пищею и одеждою изъ казны равно съ каторжными; когдажъ помѣщики ихъ пожелаютъ обратно взять, то отдавать имъ безпрекословно, съ тѣмъ только, если таковые по бытности своей въ работѣ положеннаго платья и обуви срока не выносятъ, то оное отъ нихъ отбирать въ казну.

(Клочковъ, № 87, с. 133.)

---

106. О бытіи помѣщичьимъ людямъ и крестьянамъ въ повиновеніи и послушаніи у своихъ помѣщиковъ, и о неподаваніи челобитенъ въ собственныя Ея Величества руки.

1767 г. Августа 22.

Во всенародное извѣстіе. Хотя по Высочайшей Ея Имп. Вел. конфирмаціи обнародованнымъ отъ Сената Генваря 19 дня прошлаго 1765 года указомъ, въ подтвержденіе многихъ прежде изданныхъ, и объявлено, дабы никто Е. И. В. въ собственныя руки мимо учрежденныхъ на то Правительствъ и опредѣленныхъ особо для того персонъ челобитенъ подавать отнюдь не отваживался, подъ опасеніемъ предписаннаго въ ономъ указѣ наказанія, а именно: когда кто не изъ Дворянъ и неимѣющихъ чиновъ осмѣлится Высочайшую Ея Вел. особу подачею въ собственныя руки челобитенъ утруждать: то за первое дерзновеніе отсылать таковыхъ въ работу на каторгу на мѣсяцъ; за второе, съ наказаніемъ публично, отсылать туда же на годъ, возвращая оныхъ по прошествіи срока на прежнія жилища; а за третіе преступленіе съ наказаніемъ публично плетьми ссылать вѣчно въ Нерчинскъ, съ зачетомъ крѣпостныхъ помѣщикамъ ихъ въ рекруты.

Но нынѣ, не взирая на то, дворовые люди и крестьяне Генерала Леонтьева, Генеральши Толстой и Подполковника Аврама Лопухина и его братьевъ, отважились еще нарушить оный обнародованный указъ подачею Е. И. В. въ собственныя руки на помѣщиковъ своихъ челобитенъ, не токмо противныхъ изображенному въ 13-мъ пунктѣ 2-й Уложенной главы закону, но и вовсе онымъ недозволенныхъ, какъ то въ помянутомъ Уложенномъ пунктѣ именно напечатано: „А будетъ учнутъ извѣщати про Государское здоровье, или какое измѣнное дѣло чьи люди на тѣхъ, у кого они служатъ, или крестьяне, за кѣмъ они живутъ въ крестьянѣхъ, а въ томъ дѣлѣ ни чѣмъ ихъ не уличатъ: и тому ихъ извѣту не вѣрити; и учиня имъ жестокое наказаніе, бивъ кнутомъ нещадно, отдати тѣмъ, чьи они люди и крестьяне; а опричь тѣхъ великихъ дѣлъ, ни въ какихъ дѣлѣхъ такимъ извѣтчикамъ не вѣрити“. И хотя во исполненіе вышеизображенныхъ законовъ, нѣкоторые изъ помянутыхъ преступниковъ за сіе ихъ дерзновеніе здѣсь въ Москвѣ на разныхъ площадяхъ, а достальные въ ихъ жилищахъ публично и жестоко на тѣлѣ всѣ наказаны, причемъ помѣщикамъ отдано на ихъ произволеніе, къ себѣ ли ихъ по наказаніи обратно взять пожелаютъ, или согласятся, чтобъ оные отосланы были въ казенную работу въ Нерчинскъ? Равномѣрно и прочіе ихъ сообщники, какъ то и Бригадира Дмитрія Алсуфьева и братьевъ его дворовые люди и крестьяне, черезъ посланныя команды всѣ приведены въ должное помѣщикамъ своимъ послушаніе... —

А буде и по обнародованіи сего Е. И. В. указа которые люди и крестьяне въ должномъ у помѣщиковъ своихъ послушаніи не останутся, и въ

противность вышеизображеннаго 2-й Уложенной главы 13 пункта недозволенныя на помѣщиковъ своихъ челобитныя, а наипаче Е. И. В. въ собственныя руки подавать отважатся: то какъ челобитчики, такъ и сочинители сихъ челобитенъ наказаны будутъ кнутомъ, и прямо сошлются въ вѣчную работу въ Нерчинскъ, съ зачетомъ ихъ помѣщикамъ въ рекруты.

А для повсемѣстнаго о семъ свѣденія и исполненія сей указъ съ полученія онаго чрезъ цѣлый мѣсяцъ въ каждомъ мѣстѣ въ праздничные и воскресные дни, а по прошествіи мѣсяца ежегодно по одному разу во время храмовыхъ праздниковъ читать по всѣмъ церквамъ, дабы никто невѣденіемъ отговариваться и въ подобное симъ послѣднимъ преступникамъ несчастіе впасть не могъ.

(Клочковъ, № 89, с. 139—141.)

---

107. Разъясненіе одного изъ законовъ о крестьянахъ.

1775.—Апрѣля 6.

11. Объ отпущенныхъ на волю помѣщичьихъ крѣпостныхъ людяхъ, для наибольшаго изъясненія гласящей о семъ 46 статьи, предписывается Присутственнымъ мѣстамъ, чтобъ съ состоянія указа, за такихъ на волю отпущенныхъ людей казенныя подати всегда платимы были въ казну до будущей ревизіи отъ бывшихъ ихъ помѣщиковъ бездоимочно; и чтобъ, не смотря на объявляемое иногда собственное желаніе, такихъ, со времени сего указа, единожды отъ помѣщиковъ своихъ съ отпускными на волю отпущенныхъ и въ новую ревизію изъ подушнаго оклада исключаемыхъ людей ни за кого въ подушный окладъ опять не записывать, и симъ средствомъ вѣчно не укрѣплять.

(Н. Клочковъ № 94 с. 155—6.)

---

108. Изъ журнала (помѣщичьяго) домашняго управленія.

1763—65 гг.

№ 407. Нашимъ людемъ Алексѣю Крысину за незбираніе кушать на столъ, Матвѣю Павлову за отхожденіе изъ горницы во время дневанья своего, не давать имъ указнаго [1]) всего по недѣлѣ; а ежели по сему вычтено не будетъ, то у кого сей нашъ журналъ, того сѣчь (плетьми) на дровняхъ, давая по сту ударовъ нещадно. Полученъ (приказъ) сент. 17 числа 1763 года. (Т а к і я о т м ѣ т к и о в р е м е н и п о л у ч е н і я п р и к а з а с л ѣ д у ю т ъ п р о т и в ъ к а ж д о й с т а т ь и.)

№ 408. Нашимъ человѣкомъ Егоромъ Хваталовымъ, пьянымъ, ѣздя, потеряно сѣдло людское верховое, которому цѣна 4 р., узда ременная цѣна 60 к., тесакъ безъ портупеи цѣна рубль, потникъ 70 к., всего по цѣнѣ потеряно на 6 р. на 30 к., которые вычесть у него изъ положеннаго ему жалованья въ первую дачу, а что изъ онаго жалованья вычетомъ не станетъ, то вычесть изъ мѣсечены и изъ столоваго запасу и изъ указнаго по цѣнѣ безъ упущенія; а ежели по сему вычтено не будетъ, то у кого сей нашъ журналъ, того сѣчь на дровняхъ, давая по сту ударовъ нещадно.

№ 410. Нашему человѣку Ивану Владимірову нами приказано было, чтобъ окорока свиные оба сдѣлать на буженину съ чеснокомъ, а онъ одинъ сдѣлалъ съ чеснокомъ, другой съ лукомъ, а нами велѣно лопатку съ лукомъ сдѣлать, и онъ приказу нашего не исполнилъ, за что вычесть у него въ будущей 764 годъ изъ положеннаго жалованья рубль; а ежели по сему исполнено и вычтено не будетъ (с л ѣ д у е т ъ п р и к а з ъ о с т а у д а р а х ъ п л е т ь м и, д л я ж у р н а л и-

---

[1]) Указнымъ называлась мясная провизія, выдаваемая дворовымъ, понедѣльно или помѣсячно, сверхъ положенія по указу боярина.

ста, повторяемый для угрозы послѣ каждой статьи журнала).

№ 417. Впредь, ежели кто изъ людей нашихъ высѣчетца плетьми на дровняхъ, дано будетъ сто ударовъ, а розгами дано будетъ семнадцать тысячъ, таковымъ болѣе одной недѣли лежать не давать; а которымъ дано будетъ плетьми по полусотнѣ, а розгами по десяти тысячъ, таковымъ болѣе полунедѣли лежать не давать же; а кто сверхъ того пролежитъ болѣе, за тѣ дни не давать имъ всего хлѣба, столоваго запасу и указнаго всего же; да изъ жалованья, что на тѣ дни причтетца, вычитать безъ упущенія; и нынѣ, сколько Николай Кинешенцевъ да Дмитрій Ѳедоровъ отъ наказанія плетьми пролежитъ сверхъ недѣли, за тѣ дни вычесть у нихъ положенную мѣсячину да столовый запасъ да изъ жалованья, что причтетца, вычесть же безъ упущенія; а ежели и пр.

№ 446. Впредь всегда нашимъ людямъ говѣть, раздѣляя постъ поровну, и людемъ также раздѣляться поровну жъ всѣмъ, а не такъ, какъ въ нынѣшнемъ 764 году, не раздѣлясь поровну, и больше половины людей говѣли на послѣдней недѣлѣ; за что не давать тѣмъ, которымъ велѣно на пятой недѣлѣ говѣть, указнаго по двѣ недѣли всего, сверхъ того, кому за прочія вины давать не велѣно. А говѣть и причащаться всѣхъ принуждать всякой годъ безъ пропуску. А ежели кто которой годъ не будетъ говѣть, того плетьми, а которые не причастятся, тѣхъ сѣчь розгами, давая по пяти тысячъ разъ, нещадно; а ежели по сему исполнено не будетъ, то у кого сей нашъ журналъ, того сѣчь на дровняхъ, давая по сту ударовъ, нещадно.

№ 465. Дѣвкѣ Дарьѣ Степановой за худое топленіе кабинета нашего, что подлѣ спальни, не давать въ рожественской мясоѣдъ указнаго всего семь дней скоромныхъ.

№ 468. Впредь Ѳеклу Яковлеву именемъ и отечествомъ не звать никому, а звать ее всѣмъ трусихой и лживицей; а ежели кто именемъ и отечествомъ назоветъ, того сѣчь розгами, давая по пяти тысячъ разъ нещадно.

№ 477. Клюшницѣ Домнѣ Фроловой за подаваніе намъ худыхъ сливокъ не давать хлѣба семь дней.

№ 510. Впредь, ежели когда во время ѣзды нашей въ гости не положится въ карманъ гребенка, да для чищенья платья не возмется щетка, то того, кто насъ будетъ одѣвать, да дневальнаго лакея сѣчь розгами, давая по пяти тысячъ разъ нещадно...

(Вѣст. Европы. 1871, т. I, с. 510—512.)

---

109. Болотовъ — управляющій имѣніемъ.

(1774 г.)

Господи! какъ было мнѣ тогда досадно, когда начали доходить до меня о томъ [1]) частые слухи. Будучи отъ природы совсѣмъ не жестокосердымъ, а напротивъ того, такого душевнаго расположенія, что не хотѣлъ бы никого оскорбить и словомъ, а не только дѣломъ, и не находя въ наказаніяхъ никогда ни малѣйшей для себя утѣхи, и видѣвъ тогда сущую необходимость оказывать жестокости и съ сими бездѣльниками для унятія ихъ отъ злодѣйствъ драться, терзался я отъ того досадою и неудовольствіемъ. Но нечего было дѣлать. Необходимо надлежало ихъ отъ воровства и всѣхъ шалостей отваживать и унимать; и я скоро увидѣлъ, что добромъ и ласковыми словцами и не только увѣщаніями

[1]) О кражахъ и грабежахъ, производимыхъ крестьянами деревень, коими управлялъ Болотовъ.

и угрозами, но и самыми легкими наказаніями тутъ ничего не сдѣлаешь, а надобно было неотмѣнно употреблять всѣ роды жестокости, буде хотѣть достичь тутъ до своей цѣли. Итакъ, сколько я сначала ни философствовалъ и ни наказывалъ ихъ, будучи самъ въ спокойномъ духѣ и смѣючись, но удальцы сіи скоро начали и самаго меня такъ раздражать, что я иногда доходилъ до сущихъ глупостей и разсерживался до изступленія. Да и нельзя было инако, ибо стали случаться такія произшествія, которыя и каменнаго выводили изъ терпѣнія.

Напримѣръ, однажды привели ко мнѣ двухъ воровъ, воровавшихъ и пойманныхъ вмѣстѣ, но при допросѣ не могъ я никакъ согласить между собой ихъ слова и признанія, но одинъ говорилъ то, а другой другое. Я говорить... я увѣщевать ихъ и такъ, и такъ... я говорить, что неотмѣнно одинъ изъ нихъ лжетъ, а другой говоритъ правду, и что непремѣнно надобно мнѣ узнать истину. Но не тутъ-то было! Молодцы мои стали въ одномъ, да и только всего. И знать что были удальцы самые, что я болѣе часа обоихъ ихъ поперемѣнно велѣлъ сѣчь, но не могъ никакъ добиться правды. Господи! какъ они меня симъ запирательствомъ своимъ тогда раздосадовали и вздурили. Я выходилъ почти самъ изъ себя, и не прежде, какъ уже при третичномъ и жесточайшемъ истязаніи ихъ, добился толку.

Въ другой разъ увидѣли двухъ человѣкъ, ворующихъ муку съ мельницы, но захватили съ мукою только одного, а другой ускользнулъ, и не можно было за темнотою и признать его. Итакъ, надобно было узнать, кто бы такой былъ съ нимъ и воровалъ вмѣстѣ. И сей бездѣльникъ вывелъ меня уже совершенно изъ терпѣнія и раздражилъ до черезвычайности, ибо вздумалъ сперва запираться, и несмотря на трехъ свидѣтелей, поймавшихъ его и клятвенно утверждавшихъ, что не только видѣли другого, но хватали его и едва не ухватили, сталъ въ томъ, что былъ онъ одинъ и никого съ нимъ не было. Господи! какая была тогда на меня досада и какъ было нестерпимо такое явное запирательство, а особливо когда не помогло ни мало и все сѣченье. Нѣсколько разъ принимался я сего бездѣльника пороть, и чѣмъ и чѣмъ я его уже не сѣкъ, но онъ какъ сталъ въ одномъ, да и только всего. Что ты изволишь! Наконецъ, и когда спина его была уже ловко взъерошена, насилу-насилу повинился и сказалъ на одного изъ тутошнихъ крестьянъ. Но чтожъ? и тутъ вышла неправда. Сыскали того мужика, но тотъ всѣми клятвами божился, что не знаетъ и не вѣдаетъ того и никогда съ нимъ не бывалъ и не воровалъ. Я такъ и сякъ! Но не тутъ-то было! и оба остаются при своихъ объявленіяхъ и клянутся. Нечего было дѣлать, принужденъ былъ велѣть положить и сего и сѣчь, принуждая признаться; но онъ съ спокойнымъ духомъ говорилъ, что хоть до смерти его засѣки, а признаться ему не въ чемъ. Остановился я, сіе услышавъ, и по счастію вздумалъ призвать свидѣтелей, ловившихъ сихъ воровъ и спросить ихъ, не могутъ ли они мнѣ сказать, походилъ ли сей мужикъ чѣмъ-нибудь на того, котораго они видѣли? — „Нѣтъ, сударь (сказали они единогласно), этотъ совсѣмъ на того не похожъ, тотъ и ростомъ былъ гораздо выше и борода у него маленькая и не такая большая, какъ у него“. — „Ну вотъ... — сказалъ я: не въявъ ли ты всклепалъ на сего, ни за что, ни про что подвелъ подъ побои. Ну ложись опять, бездѣльникъ“.—Ну чтожъ, судырь! вытерпѣлъ еще добрую настилку и насилу-насилу съ него смолвилъ и показалъ на другого.—„Давай сюда и того“, закричалъ я; привели мнѣ и того, но

и тотъ не только всѣми клятвами клялся, что онъ не знаетъ, не вѣдаетъ, но представлялъ двухъ свидѣтелей, оправдавшихъ его тѣмъ, что онъ въ самое то время и часы, въ которые сіе воровство производилось, былъ съ ними, и тамъ ему быть никоимъ образомъ было не можно. „Ну, вотъ...— опять солгалъ, ложись опять и сказывай истину. Говорю тебѣ, что я не отстану, и какъ ты ни думай, а добьюсь и узнаю истину“. Итакъ, ну-ка я его опять пороть, и онъ, вытерпѣвъ опять добрую передрягу, повинился, что и сего оклепалъ напрасно, мстя ему за одну себѣ досаду, и сказалъ на третьяго. Но что бы вы думали? оказалась опять ложь и неправда и напраслина сущая. И легколи, цѣлыхъ пять человѣкъ онъ симъ образомъ и все напрасно оклеветать старался.

И какъ претерпѣвъ за каждаго добрыя настилки, вывелъ онъ меня совсѣмъ уже изъ терпѣнія, то боясь, чтобъ бездѣльника сего непомѣрнымъ сѣченіемъ не умертвить, вздумалъ я испытать надъ нимъ особое средство. Я велѣлъ скрутить ему руки и ноги, и бросивъ въ натопленную жарко баню, накормить его насильно поболѣе самою соленою рыбою и приставивъ строгой къ нему караулъ, не велѣлъ давать ему ни для чего пить и морить его до тѣхъ поръ жаждою, покуда онъ не скажетъ истины, и сіе только въ состояніи было его пронять. Онъ не могъ никакъ перенесть нестерпимой жажды и объявилъ намъ наконецъ истиннаго вора, бывшаго съ нимъ въ сотовариществѣ.

И вотъ съ какими удальцами принужденъ я былъ имѣть дѣло.

Но зато и наказалъ я ихъ особымъ и примѣрнымъ образомъ, и желая всему селу показать, какъ наказываются воры, велѣлъ ихъ, раздѣвъ до нага, вымазать всѣхъ дегтемъ и водить съ процессіею по всей улицѣ села, и всѣмъ жителямъ, выгнатымъ изъ избъ для смотрѣнія передъ вороты, кричать, чтобъ смотрѣли они, какъ наказываются воры, и что со всѣми и другими поступлено будетъ также, кто изобличится хотя въ малѣйшемъ воровствѣ. Маленькихъ же ребятишекъ велѣно всѣхъ согнать къ мосту, и въ то время, когда поведутъ воровъ черезъ оной, велѣть заставлять кричать: „воры! воры!“ и кидать въ нихъ грязью, ибо происходило сіе еще осенью, а потомъ, собравъ всѣхъ крестьянъ, торжественно имъ сказалъ, что если они отъ воровства, а особливо у проѣзжихъ и у ночующихъ въ селѣ не уймутся, то вмѣсто тогдашнихъ двухъ не спящихъ ночныхъ караульщиковъ въ селѣ сдѣлаю десятерыхъ. А ежели и за симъ все еще воровство будетъ, то сдѣлаю, чтобъ передъ каждыми тремя дворами былъ не спящій караульщикъ, и не только замучу ихъ сими караулами, но и всякой разъ сіи караульщики должны будутъ отвѣчать мнѣ за всѣ пропажи и покражи.

Таковое примѣрное наказаніе, соединенное съ политическою уловкою, не только нагнало дѣйствительно на всѣхъ страхъ, но произвело вожделѣннѣйшее дѣйствіе, и мужички мои, увидѣвъ, что я ни мало шутить не намѣренъ и въ состояніи дѣйствительно все то исполнить, наконецъ подумавъ и поговоривъ между собою, смолвились, чтобы бросить наконецъ всѣ шалости и не только самимъ ничего дурного не предпринимать, но смотрѣть пристально за другими и никому ненаровить, но выводя все наружу, представлять виновныхъ для наказанія...

(Записки Болотова, т. III, стр. 474—477.)

110. Приказы Суворова по имѣніямъ.

1. Управляющему Семену Трофимовичу Румянцеву.

(1785 г.)

Семенъ Трофимовичъ.

Многіе дворовые ребята у меня такъ подросли, что ихъ женить пора. Дѣвокъ здѣсь нѣтъ, и купить ихъ гораздо дороже, нежели въ вашей сторонѣ.—Чего ради прошу васъ, для нихъ купить четыре дѣвицы, отъ 14 до 18 лѣтъ, и какъ случится изъ крестьянокъ или изъ дворовыхъ. На что употребите оброчныя мои деньги отъ 150 и хотя до 200 р. Лица не очень разбирая, лишь бы были здоровы. О чемъ уже со мною болѣе не переписываться.

Да не можно ль, государь мой, выбрать еще изъ моихъ крестьянскихъ тако-жъ дворовымъ людямъ въ невѣсты дѣвочку—другую, только чтобъ то мужичкамъ было безобидно...

Сихъ дѣвицъ извольте отправлять въ Ундолъ на крестьянскихъ подводахъ безъ нарядовъ, однихъ за другими, какъ возятъ куръ, но очень сохранно... Остаюсь съ моимъ должнымъ почтеніемъ.

А. Суворовъ.

2. Управляющему, прапорщику Михаилѣ Ивановичу Порѣчневу.

Какъ я отбываю изъ здѣшняго мѣста на время въ другое, то и поручаю вамъ управленіе по дому и Ундольскому имѣнію. Въ людяхъ прошу наблюдать порядокъ благочинія и благосостоянія съ пристойностію должнаго поведенія. Въ непорядкахъ же позволяю наказывать людей 1. Словесно усовѣщевать; 2. сажать на хлѣбъ и воду 3. Въ крайности сѣчь по разсмотрѣніи вины розгами. Во всемъ прочемъ должно исполнять слѣдующее:

1. Ивановъ обучаетъ пѣвчихъ съ прилежаніемъ по моему наставленію.

2. Николай—управитель музыкантовъ, у него подъ предводительствомъ музыка и пр.

3. Ерофѣевъ имѣетъ обучать трагедіямъ и камедіямъ свой штатъ.

4. Мальчиковъ словесному учить Никита.

5. Смотрѣніе вамъ имѣть во время начатія постройкою людскихъ казармъ, также и въ скорѣйшемъ окончаніи ихъ. Крестьяне просили работы эти производить послѣ пашни, то чтобы—время нагнать, работать тогда сильно съ удвоеніемъ. Въ облегченіе крестьянъ отъ постоя, эти казармы построить сухія, безклопныя—что зависитъ много и отъ самаго мха. Въ хоромахъ панели исправить, кровлю обшить тесомъ, красить снаружи и внутри прочно, писать ко мнѣ о происшествіяхъ кратко въ мѣсяцъ два раза, а когда нужно, то три и четыре, по силѣ наблюдать садъ и огородъ съ ихъ продуктами.

6. Къ Петрову посту наловить рыбы и насоля прислать ко мнѣ въ с. Рождествено.

7. По доношенію моему во Владимірскую казенную палату прими пенсіонныя мнѣ на крестъ побѣдоносца Георгія 133 р. $33^1/_2$ коп. и изъ оныхъ денегъ произведи расходы по означеннымъ выше постройкамъ.

8. На столовые расходы тебѣ оставилъ я 10 р. также хлѣбъ и пр. наблюдай въ ономъ экономію.

3. Управляющему Порѣчневу.

Не пропусти время въ ундольскомъ саду вмѣсто подсохшихъ березокъ насадить осенью новыя, а коли можно, то и елками, а подлѣ частокола метельникомъ, чтобъ оный со временемъ гуще разросся, былъ красивъ и пустыхъ мѣстъ въ немъ бы не было. Такожъ аллеи и дороги съ куртина-

ми липнякомъ и кленникомъ дополнить и украсить. Къ Ундолкѣ-рѣчкѣ противъ воротъ пришпектомъ по приличеству мѣстъ березками, липками, колижь можно и елкою, а подлѣ самой рѣчки чаще ветлинникомъ обсадить. Для этого попроси графа Воронцова садовника, чтобы онъ садъ поправилъ, плодовыя деревья подчистилъ и мастеру нашему Александрѣ показалъ, какъ ихъ и впредь подрѣзывать. Такожь какія есть въ цвѣтникахъ и огородѣ отъ израстеніевъ семяна собирать и плодовъ довольно запасти, а его садовника воронцовскаго по приличеству отблагодарить. Мяты, зеленой петрушки, особливожь укропу высушить сколько можно больше и исправнѣе на зиму, равно и иныхъ припасовъ зеленей.

Птичью горницу оставить по прежнему. Рощу въ ней съ Покрова или въ свое время учредить на разныхъ птицъ. Больше прошлогодняго наловить; особливо какъ большой недостатокъ былъ въ щеглятахъ. И на покупныхъ птицъ я не жалѣю рублика другаго въ Владимірѣ и Москвѣ. Но на это нечего надѣяться, лучше ужъ свои. Роща чтобъ такъ чиста была, чтобъ намъ можно было бы въ ней и зимою кушать. Корыта для птичьихъ семянъ въ ней должны быть приличны, не казисты, да и плошки надобно получше. Съ полдюжины кадокъ должно поставить съ лучшею землею. Посадить сюда березокъ, елокъ, сосенокъ и которыя изъ нихъ отойдутъ и будутъ къ веснѣ расти,— чего ради ихъ хранить и поливать.

Вѣдай, что у меня денегъ нѣтъ; а долгъ есть и годъ цѣлый я тратился на церкви. Чѣмъ меньше мы издержимъ по Ундолу, тѣмъ больше по уплатѣ долга, останется, намъ денегъ на тамошнія ризы къ Божіей церкви. Вотъ тебѣ, Порѣчневъ вся загадка и можешь это объявить священникамъ. Смотри строго за благонравіемъ, чтобы шалости всѣ вывелись, чтобы ничто худое предъ тобою затаено не было какъ сущему на мѣстѣ вмѣсто меня и поэтому преимуществу ты можешь виноватаго наказывать. Проси священниковъ, чтобы и они тебѣ помогли. Имъ сдѣлать рясы приличныя, какъ у московскихъ городскихъ священниковъ. Одну изъ моихъ лошадей отдай Шпагину за его труды. Нынѣ я ѣду въ костромскія мои деревни и поворотъ мой будетъ сюда около Покрова. Сего году лучше всю стрѣльбу прекратить; а вмѣсто того завести больше въ приличныхъ мѣстахъ токовъ, гдѣ тетеревей и рябчиковъ благовременно прикармливать и чтобъ крыть шатромъ, то оный такожь заблаговременно приторговать, къ цѣнѣ примѣниться и купить, коли дешевъ, хотя и подержанный, тогда намъ въ филиповки веселѣе будетъ охотиться и не попустому. Чего ради просить сосѣдей, чтобы своихъ стрѣлковъ къ намъ въ лѣса не посылали. Не пускать въ осень охотиться и тенетами...

Все, что слѣдуетъ, исправляй и отнюдь не откидывай. Запущеніе всякое дѣло портитъ, а другія дѣла вновь опять приспѣваютъ. Наблюдай, чтобы покойно было жить въ казармахъ, тепло, невѣтрено, не душно и не угарно и чтобы мнѣ моихъ малыхъ ундольцевъ избавить, сколько можно вовсе отъ постоя и чтобъ отнюдь не мѣшать итти ихъ хозяйствамъ. Помни музыку нашу—вокальный и инструментальный хоры и чтобъ неуронить концертное. А просто пѣніе всегда было дурно и больше, кажется, его испортилъ Бочкинъ, веліимъ гласомъ съ кабацкаго. Когда они въ Москвѣ пѣвали съ голицынскими пѣвчими, сіе надлежало давно обновить и того единожды держаться. Театральное нужно для упражненія и невиннаго веселья. Всѣмъ своевременно и платье надѣлать. Васьма комикомъ хорошъ. Но трагикомъ будетъ лучше Никитка.

Только должно ему научиться выраженію—что легко по запятымъ, точкамъ, двоеточіямъ, восклицательнымъ и вопросительнымъ знакамъ. Въ рифмахъ выдетъ легко. Держаться надобно каданса въ стихахъ, подобно инструментальному такту,—безъ чего ясности и сладости въ рѣчи не будетъ, ни восхищенія, о чемъ ты все сіе подтвердительно растолкуй. Вмѣсто Максима и Бочкина комическимъ ролямъ можно пріучать и маленькихъ пѣвчихъ изъ крестьянъ. Сверхъ того французской грамматикѣ заставить учиться исподволь Алексашку парикмахера. Ему и Николай покажетъ, только бы онъ умѣлъ читать. Пуще всего мальчиковъ питай въ благонравіи.

(Н. Рыбкинъ. Генералиссимусъ Суворовъ, с. 28, 61—4.)

4. Регистръ о наказаніяхъ крестьянъ.

Регистръ о виновныхъ и наказанныхъ крестьянахъ. 15 октября 1784 года.	Отмѣтки А. В. Суворова на вѣдомости
№ 1. Федоръ Кленшинъ. Въ гор. Темниковѣ пойманъ съ крадеными сапогами и топорами. За оное сѣченъ на сходкѣ хорошо. Вторично на Мусѣ пойманъ съ деньгами: сѣченъ такожде.	И впредь такихъ не щадить.
№ 2. Денисъ Никитинъ. Пойманъ въ полѣ съ сноповымъ хлѣбомъ. Сѣченъ за оное	Впредь больше сѣчь.
№ 3. Иванъ Сидоровъ. Пойманъ съ рожью на гумнѣ. Сѣченъ же	Очень хорошо.
№ 4. Иванъ Тихоновъ пойманъ такожде со снопами въ полѣ. За оное сѣченъ	И впредь не щадить.
№ 5. У Рудановки Алексѣй Медвѣдевъ пойманъ съ краденымъ сѣномъ за оное сѣченъ	Нешто! и впредь хорошенько такихъ.
Оный же Медвѣдевъ послѣ того, убоясь солдатчины палецъ себѣ отрубилъ, то какъ съ нимъ, государь, изволите	Вы его грѣху причина. Впредь не налегайте. За это васъ самихъ буду сѣчь. Знать онъ слышалъ, что отъ меня невелѣно въ натурѣ рекрутъ своихъ отдавать, а покупать ихъ міромъ на сторонѣ, чтобы рекрутчины никто не боялся.

Развѣ не помните, что въ третьемъ годѣ я у васъ засталъ? За недоимку по налогамъ вы управляли людей въ рекруты за что и были отъ меня наказаны. Если впредь еще хоть чуть что будетъ, я отдамъ старосту въ рекруты.

А. С.

(Суворовъ въ анекдотахъ, ред. Шевлякова и Щеглова с. 151.)

111. Англійская торговля въ Россіи.

(1785—9 г.)

Скоро стало извѣстнымъ, что императрица снаряжаетъ въ Черномъ морѣ пять линейныхъ кораблей и восемнадцать фрегатовъ. Она была недовольна Англичанами, потому что они не раздѣляли ея политическихъ плановъ. Питтъ [1]) былъ лично нерасположенъ къ ней; онъ не могъ допустить владычества огромной морской державы на востокѣ. Къ тому же императрица провозглашеніемъ началъ вооруженнаго нейтралитета посѣяла сѣмена раздора между Англіею и Россіею. Англичане уже стали опасаться потерять торговыя выгоды, исключительно имъ предоставленныя въ Россіи. Посланникъ ихъ дѣятельно старался удалить опасность; купцы ихъ, расточая подарки и услуги, нашли возможность увеличить въ Петербургѣ количество вывоза товаровъ и уменьшить привозъ ихъ; съ другой стороны, они грозили русскимъ министрамъ и купцамъ, что если ихъ стѣсненія будутъ продолжаться, то они замедлятъ ходъ торговли и лишатъ сбыта русскіе товары.

Въ самомъ дѣлѣ, англійскіе негоціанты образовали въ Петербургѣ цѣлую грозную колонію. Разбогатѣвъ торговыми оборотами и находясь подъ покровительствомъ своего благоразумнаго правительства, которое не потворствуетъ частнымъ выгодамъ, а имѣетъ всегда въ виду общее благо, они до того размножили свои заведенія и дома, что занимали въ Петербургѣ цѣлый кварталъ, называемый англійскою линіею. Ихъ соединялъ общій интересъ; они имѣли правильныя совѣщанія старшинъ, хорошій уставъ и всегда другъ друга поддерживали. Они сообща устанавливали на цѣлый годъ смѣту торговыхъ оборотовъ, опредѣляли цѣнность товаровъ и даже вексельный курсъ. При продажѣ товаровъ своихъ Русскимъ, они предоставляли имъ кредитъ на восемнадцать мѣсяцевъ, а сами покупали у нихъ на чистыя деньги пеньку, мачтовый лѣсъ, сало, воскъ и пушной товаръ. Вотъ какова была сила, съ которою я долженъ былъ бороться въ странѣ, гдѣ было только нѣсколько одинокихъ нашихъ купцовъ и одинъ лишь значительный торговый домъ Рембера (Raimbert), который съ трудомъ и ловкостью держался среди нападокъ и препятствій всякаго рода. Русскіе считали торгъ съ Англичанами необходимымъ для сбыта своихъ произведеній и находили мало выгодъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ Французами, которые покупали у нихъ мало, а продавали много и дорого.

Когда Англичане, пугая Русскихъ, остановили запросъ на пеньку, я, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, присовѣтовалъ нашимъ министрамъ потребовать пеньки на большую сумму. Но мой совѣтъ исполнили поздно и неполнѣ. Петербургскіе Англичане вредили намъ даже во Франціи. Купцы нантскіе и бордосскіе, обманутые ихъ выгодными предложеніями, и опасаясь переѣздовъ и таможенъ, поручали Англичанамъ и Голландцамъ перевозку своихъ товаровъ въ Россію. Мы почти исключительно снабжали Россію кофеемъ, сахаромъ и виномъ; но, пользуясь нашею безпечностью, иностранцы лишали насъ большой прибыли и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивали свои морскія силы, которыя въ послѣдствіи обратили противъ насъ же. Этою перевозкою заняты были ежегодно до 2.000 судовъ, между тѣмъ какъ въ русскіе порты входило не болѣе 20 французскихъ судовъ.

Выгоды положенія Англичанъ дѣлали ихъ иногда до того требовательными, что они начали надоѣдать графу Воронцову; я это замѣтилъ изъ его раз-

[1]) Англійскій министръ.

говора. Но онъ былъ еще сильно къ нимъ привериженъ, и я выжидалъ благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ, чтобы разочаровать его. Мнѣ легче было преклонить къ себѣ князя Потемкина, потому что Англичане явно противудѣйствовали его видамъ относительно торговаго сообщенія между Херсономъ и Марселемъ.

(Зап. Сегюра, с. 63—5.)

---

112. Записки В. С. Хвостова.

1792 г.

Съ оброка на барщину.

Грустная и уединенная моя жизнь въ деревнѣ заставила меня обратить все стараніе о поправленіи обветшалаго моего усадища, въ коемъ одинъ только господскій домъ приведенъ былъ въ довольно порядочное состояніе, прочее же строеніе было крайне плохо.

Опредѣливъ изъ крестьянъ моихъ двѣнадцать въ плотники, я выстроилъ три скотные двора, два новыя гумна, двѣ обширныя пуни для соломы и пчелъ, амбаръ для сѣна телятамъ, хлѣвъ на случай заболѣвшей скотины, избу съ печью, въ коей вмазанъ большой чугунный котелъ для корму скота паренымъ охоботьемъ отъ вымолоченнаго хлѣба, молошную избу и при ней ледники, въ той же связи для пастуховъ избу съ чуланами; къ господскому дому два флигеля, баню и ткацкую, каретный сарай, два хлѣбные амбара и хлѣбный магазинъ; нанялъ садовника и завелъ садъ.

Безъ хвастовства могу сказать, что я въ теченіи пяти лѣтъ моего одиночества привелъ Нѣжово въ несравненно лучшее состояніе, какъ въ разсужденіи самаго усадища, такъ и пашни. Въ 1792 году, когда я пріѣхалъ въ него, запашка состояла изъ сорока четвертей ржи, нынѣже доведено до ста.

Нашедъ барщину малолюдною и въ жалкомъ состояніи, я взялъ изъ оброчныхъ тридцать сохъ на барщину. А такъ какъ сіи оброчные живутъ при Чудскомъ озерѣ и зимою промышляютъ рыбною ловлею, то и содержались на господской работѣ только до Ноября, а дабы къ сему времени поспѣть мнѣ обмолотить хлѣбъ, то я построилъ два гумна и симъ средствомъ успѣвалъ нерѣдко до Рождества Христова молоченье оканчивать. Но чтобъ дать средство и барщиннымъ поправиться, то я ихъ помѣстилъ въ рыбный промыселъ. На сей случай употребилъ я слѣдующую расчетливость. У бережскихъ моихъ оброчныхъ было болѣе десяти неводовъ, въ каждомъ было по двѣнадцати работниковъ, коихъ они принимали съ воли. Переженивъ нѣсколько холостыхъ изъ оброчныхъ на дѣвкахъ изъ барщинныхъ семей, я породнилъ ихъ и потомъ опредѣлилъ въ каждый неводъ по четыре барщинника, такъ чтобъ, гдѣ въ семьѣ два работника, одинъ оставался дома и смѣнялись бы на промыселъ понедѣльно. Я съ удовольствіемъ видѣлъ, какъ поправляться стали мои барщинные: ибо на худой конецъ рублей до пятидесяти въ зиму доставали и стали заводить порядочныхъ лошадей, неотмѣнно потребныхъ на озерѣ; стали сѣять болѣе прежняго овса, и я пересталъ слышать на господской работѣ безпрестанное понуканье лошадей.

Что я не ошибся въ расчетѣ, взявъ тридцать сохъ съ оброчныхъ на лѣто на барщину, спустивъ каждому по десяти рублей изъ оброка, то пусть всякъ сочтетъ, сколько принесла мнѣ прибыли пашня, доведенная до ста четвертей посѣва ржи, когда прежде засѣвалось ея сорокъ. Но главнымъ честолюбіемъ хозяйства моего похвастать могу тѣмъ, что въ сорокъ лѣтъ владѣнія, въ самые голодные годы, никто не видѣлъ кого-нибудь изъ крестьянъ моихъ просящаго милостыни.

(Русскій Архивъ за 1870 г., с. 583—5.)

---

113. Хозяйственные расчеты ярославскаго помѣщика Н. С. Карновича.

(1797—98 гг.)

Теперешній доходъ.

Денгами	6,500 р.	
Ржи 400 четвер. по 5 р.	2,000 „	остается отъ года на 1 мѣсяцъ.
Овса 400 четв. по 2 р. 50 к.	1,000 „	нынѣшній годъ даже и не стало.
Ячменя 100 четв. по 3 р.	300 „	на ругу, на ребятъ исходитъ весь.
Пшеницы 50 четв. по 7 р.	350 „	остается отъ года 32 четверти, итого на 224 р.
Масла 50 п. по 6 р. 50 к.	325 „	остается отъ года 20 пуд., итого на 130 р.
Льну 100 п. по 6 р.	600 „	продажи ни оному, ни холстамъ нѣтъ.
Итого	11,075 рубл.	
Да отъ пшеницы и масла	354 рубл.	
Всего	11,429 рублей.	

Господскихъ полей 3 во владѣніи мужиковъ, которые навозомъ довольствуются съ коннаго двора, скотнаго и отъ дворовыхъ. Скота же у меня, на 80 десятинъ, господскаго 20 скотинъ, да у дворовыхъ 42 скотины,—всего 62 скотины, а по настоящему должно имѣть на каждую десятину по 3 скотины рогатаго, кромѣ лошадей, у меня же лошадей 52, всего со скотомъ 116 животинъ, что и дѣлаетъ по $1^1/_2$ животины на десятину. Изъ того числа 7 лошадей зиму держатся въ Ярославлѣ, разгонныя; разгонныя всегда въ ѣздѣ, то нельзя положить болѣе какъ по 1 животинѣ достанется на десятину. Оттого теперь господскія поля весьма обезсилены и годъ отъ году въ бо́льшій упадокъ приходятъ. Держать же, по теперешнему положенію, болѣе скота отяготительно крестьянамъ, ибо на ихъ корму.

Всякая плотничная работа и пилка теперь у меня наемная, или я самъ плачу или мужики. Прошлый 1797 годъ за плотничную работу сошло съ міру 459 р. 50 к., а и нынѣшій годъ заплачено уже изъ оброку за пилку 155 р.; это всякій годъ необходимо, либо все обвалится и сгніетъ.

Въ нынѣшнемъ сентябрьскомъ расходѣ изошло болѣе 100 р., коихъ бы при издѣльныхъ мужикахъ не было, и всѣ потребности покупаемыя были бы исправлены.

Сходитъ съ тягла оброку:

Деньгами	16 р.	25	к.
Ржи 1 четверть	5 „	—	„
Овса 1 четверть	2 „	50	„
Ячменя 1 четверикъ	— „	35	„
Пшеницы 1 четверикъ	— „	75	„
Масла 5 фунтовъ	— „	75	„
Льну 10 фунтовъ	1 „	50	„
На барановъ, холста и проч. по	1 „	—	„
На плотниковъ, пилку, жалов. по	2 „	—	„
Половина подводы дешевой по	— „	80	„
Яроваго корму на	1 „	25	„
Полкурицы и 50 яицъ	— „	40	„
Итого	32 р.	55	к.

Съ 400 тяголъ, и все въ цѣну полагая, сходитъ 13,020 руб., а доходу 11,075 р.; въ немъ нѣтъ барановъ, холста, плотниковъ, пилки, яроваго корму, полкурицы, яицъ, жалованья: выборному, старостѣ, земскому, сотскому, лѣсникамъ и мѣровщикамъ.

П р и м ѣ р н о е п о л о ж е н і е о и з д ѣ л ь ѣ 100 т я г о л ъ все умѣренно и среднею пропорціею полагается, какъ посѣвъ, работа, урожай, цѣны и доходъ.

Взять у мужиковъ обратно 3 господскія поля, въ нихъ по 80 десятинъ казенныхъ. У мужиковъ же для

пашни земли слишкомъ довольно, о количествѣ оной можно видѣть изъ книги и моего росписанія, сколько на тягло достается.

Посѣвъ. На поле, на 80 десятинъ, высѣвается ржи 120 четвертей. Противъ онаго на второе поле сѣется яроваго хлѣба противъ 120 четвертей, пшеницы 20 четвертей противъ 20 же ржи; льну 10 четвертей противъ 15 ржи, ячменю 30 четвертей противъ 20 ржи, овса 130 четвертей противъ 65 ржи. Яроваго разнаго хлѣба 190 четвертей.

Все это 100 тяголъ издѣльныхъ легко обработать могутъ и притомъ съ помощью дворовыхъ накосить стоговъ 40 сѣна. А чтобы вся оная работа удобнѣе, скорѣе и лучше могла быть сдѣлана и отъ погоды не потерпѣть остановки, выговорить у оброчныхъ помочные дни.

Навозъ возить 1 день, слать рожь 2 дня, яровой хлѣбъ 2 дня, всего 5 дней. Лугъ господскій косить по теперешнему всѣмъ поголовно, и оброчнымъ и издѣльнымъ. Покосы же, коихъ у меня прибыло и прибыть можетъ, одни издѣльные и дворовые исправить должны и могутъ.

Съ 1-го октября до весны половину издѣльныхъ мужиковъ можно на промыслы отпускать, не бравъ съ нихъ за оное ничего, оставшаяся же половина обрабатываетъ ленъ и кончитъ молотьбу, равно какъ и всякое издѣлье и постройку исправитъ. Отпущать же погодно, годъ одна половина, на другой другая.

Дровъ положить на оброчныхъ по 1 сажени на тягло. Они не будутъ давать яроваго корму и ржаной соломы, у нихъ будетъ больше навозу и они, лучше удобря, лучше и обработаютъ свою землю, лучше и хлѣбъ у нихъ родиться будетъ. За симъ отъ меня строго будетъ приказано смотрѣть и самъ не упущу наблюдать. Теперь же они ѣздятъ пахать господское поле и не столько прибытку получается, сколько время теряется. Оно и такъ худо родитъ, а со временемъ придется отступиться отъ него, или гораздо скота пріумножить для удобренія онаго.

Съ издѣльныхъ брать по барану съ тягла, а съ бабы по 2 р. 50 к. называемыхъ холстинныхъ. Подводъ безъ крайности никогда не требовать, хотя эту повинность издѣльные бы должны нести. Наблюдать, чтобъ издѣльные, когда случится постройка, никогда наймомъ не отправляли, а сами, не такъ, какъ теперь у меня все деньгами исправляютъ, что многимъ весьма отяготительно.

На каждую десятину надобно имѣть рогатаго скота по 3 скотины, на 80 десятинъ 240 коровъ. Изъ того числа умѣренно положить 100 коровъ дойныхъ, а прочіе телята, подтелки, быки и малую часть овецъ, ибо ихъ не выгодно держать. Если положить 10 коровъ для кухни и расходу, то съ 90 коровъ должно получить масла по 30 фунтовъ, да берутъ вездѣ за творогъ и молоко со скотниковъ по 1 рублю съ коровы. Корму же для 240 скотинъ своего никогда ставить не будетъ, а ежегодно покупать на 100 рубл., равно и для подстилки соломы рублей на 100 прикупать надобно. Чѣмъ болѣе подстилки, тѣмъ болѣе навозу, чѣмъ болѣе удобренія, тѣмъ больше урожаю, въ сложности же и одно зерно счетъ дѣлаетъ не малый.

По 30 фунтовъ масла съ коровы дѣлаетъ съ 90 коровъ 67 п. 20 фунтовъ; положивъ масло по 6 р. 50 к. сдѣлаетъ за оное 438 р. 75 к., а если дѣлать чухонское масло и продавать въ Москвѣ и Ярославлѣ, то еще больше отъ онаго доходу. Хотя по 50 копѣекъ съ коровы за творогъ и молоко дѣлаетъ 45 руб., но на 200 р. корму и соломы купить есть изъ чего.

Рогатый скотъ всегда платитъ хорошо за свое содержаніе.

Телятины, баранины покупать я ни здѣсь, ни въ городѣ не будетъ. Для солонины говядина тоже своя, и кожи же денегъ стоятъ. Птицъ дворовыхъ тоже будетъ довольно, есть чѣмъ кормить, равно и свиней.

Въ скотники опредѣлить надобно шесть семей дворовыхъ. Для доенія же коровъ наряжать ежедневно всѣхъ дворовыхъ бабъ и дѣвокъ. Лѣтомъ скотниковъ можно употреблять всюду, а зимою никуда не трогать.

Чтобы имѣть по дому моему приличное количество птицъ, надобно опредѣлить двѣ семьи дворовыхъ для хожденія за ними, и чтобы все было въ порядкѣ и порядочно.

Дворовые, которыхъ содержаніе мнѣ весьма дорого, и они лишь въ тягость, употребятся съ пользою.

Коль скоро издѣлье будетъ, то Ивашевскую вѣтряную мельницу возьму для себя, поправлю ее и передѣлаю во всемъ, сдѣлаю о три постава и маслянный заводъ. Устрою вѣтрянную мельницу. Все это не маловажный доходъ приносить будетъ.

При семъ прилагается примѣрное положеніе урожаю хлѣба и съ оцѣнкою. Все, что 100 сдѣлаютъ, оцѣнено въ сравненіе съ теперешнимъ доходомъ:

Посѣвъ.	Урожай.	За выключкой сѣмя.	Цѣна.
Ржи 120 четверт.	сама пята	480 ч. по 5 р. — к.	2,400 р. — к.
Овса 130 „	самъ четвертъ	390 ч. по 2 „ 50 „	975 „ — „
Льну 10 „	самъ четвертъ	30 ч. по 20 „ — „	600 „ — „
Льну должно выйти		150 п. по 6 „ — „	900 „ — „
Пшеницы 20 чет.	сама пята	80 ч. по 7 „ — „	560 „ — „
Ячменю 80 чет.	самъ пять	120 ч. по 2 „ — „	360 „ — „
Отъ масла, за покупомъ корму и соломы, денегъ			283 „ 75 „
			Итого на 6,078 р. 75 к.

Кромѣ денежныхъ доходовъ и замѣны денежной траты, о чемъ выше упомянуто, 100 тяголъ на издѣльѣ дѣлаютъ болѣе доходу нежели противъ теперешняго оброка. Прочія же 300 тяголъ охотно дадутъ по 35 р. съ тягла, что сдѣлаетъ 10,500 руб. чистаго денежнаго дохода.

Теперь у меня тяголъ 450, а я все полагаю 400, это послужитъ имъ всѣмъ въ облегченіе.

Если же рожь родится сама восьма, пшеница также сама восьма, ленъ самъ пятъ, овесъ самъ пять или самъ шестъ, ячмень самъ шестъ или самъ семъ, то и доходу будетъ болѣе, да и цѣны большею частію бываютъ дороже мною поставленныхъ.

Оброкъ, какой бы ни былъ, его прибыть никогда не можетъ, издѣлья же приносятъ иной годъ въ полтора болѣе доходу обыкновеннаго, а иногда и вдвое.

Сѣмяна же у меня всегда будутъ самыя лучшія: льняное сѣмя псковское; овесъ—часть англійскаго и многоплоднаго. Рожь же на сѣмяна брать буду ту, что, когда вѣютъ, падаетъ у самыхъ ногъ, это лучшее зерно, равно и пшеницу и ячмень.

Лошадей же уменьшится и ежегодно будетъ продаваться сѣно, который доходъ я полагаю рублей до тысячи на годъ.

(Рус. Старина 1876 г., т. XVI.)

---

114. Объявленія о продажѣ крѣпостныхъ, изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ за 1797 г.

1) Продается оффисіантъ 25 лѣтъ, съ женою и малолѣтнымъ сыномъ, очень хорошій ткачь, онъ же умѣетъ брить и кровь кидать; жена жъ его

можетъ ходить за Госпожею и умѣетъ все дѣлать. Тутъ же продается дормезъ, немного подержанной, самой лучшей работы. Желающіе купить, могутъ обо всемъ узнать въ 7 части 2 кварт. подъ № 138, въ приходѣ Аѳанасія и Кирилла.

3) Въ 15 части 2 кварт. подъ № 183, въ приходѣ Адріана и Наталіи, во 2-й Мѣщанской, близь церкви, продается дворовой человѣкъ 25 лѣтъ, женской башмашникъ, знающій совершенно свое мастерство; при томъ исправляетъ всѣ домашнія Господскія надобности, лакейскую и кучерскую должности и къ столу приготовляетъ; у него жена 22 лѣтъ, знаетъ шить, гладить, крахмалить, за Госпожею ходить и къ столу кушанье готовить; у нихъ дочь по 3 году.

5) Музыкантъ, имѣющей искусство управлять оркестромъ, притомъ можетъ учить инструментальной, духовой и роговой музыкѣ, и которой хорошо играетъ на фортопіано, желаетъ приняться въ домъ; жена его говоритъ по Французски и по Нѣмецки, и можетъ принять должность Гувернанты. Спросить объ нихъ на Кузнецкомъ мосту въ домѣ Г. Бекетова, въ лавкѣ Христіана Гене подъ № 2.

6) Въ 6 части 4 кварт. подъ № 352, продается мужской и женской хорошій перукмахеръ, ростомъ выше средняго и недурной фигуры, годной въ камердинеры, оффисіанты и лакеи, 27, а жена его 24 лѣтъ, прачка и швея, съ дочерью по третьему году, оба хорошаго поведенія. Послѣдняя имъ цѣна 1000 р.

7) Продаются дворовые мастеровые люди поведенія хорошаго: 2 портныхъ, сапожникъ, часовщикъ, поваръ, каретникъ, колесникъ, рѣзчикъ, золотарь и 2 кучера, коихъ видѣть и узнать о цѣнѣ можно въ 3 части 4 кварт. подъ № 51 у самого помѣщика. Тутъ же продаются 3 бѣговыя молодыя лошади, одинъ жеребецъ и 2 мерена, и стая гончихъ собакъ, числомъ 50.

8) Желающіе купить 2 человѣкъ изъ крестьянъ хорошаго поведенія и годныхъ въ рекруты и во всякую крестьянскую работу, могутъ спросить въ 5 части 1 кварт. подъ № 83, въ приходѣ Тріехъ Святителей на Кулишкахъ, у домоправителя Ивана Шутова. Въ ономъ же домѣ продается пара выѣзжанныхъ бурыхъ бѣлогривыхъ весьма хорошихъ лошадей за сходную цѣну; также нѣсколько кусковъ изъ верблюжьей съ черною шленскою шерстью байки, способной для сюртуковъ.

9) Продается дворовой человѣкъ холостой съ матерью вдовою: ему отъ роду 24-й годъ, ростомъ 7 вершк., не дуренъ собою, грамотѣ знаетъ, хорошій лакей и способенъ быть гусаромъ, или егеремъ; а матери 55 лѣтъ, вѣрная ключница: оба смирнаго поведенія. Цѣна имъ 1000 р. Спросить въ Большой Басманной, въ приходѣ Никиты Мученика въ домѣ купца Михайла Панкова у живущаго пріѣзжаго Господина.

11) Въ 15 части 2 кварт. въ Четвертой Мѣщанской, подъ № 111 продается дѣвка, умѣющая бѣлье шить и въ тамбурѣ, гладить и крахмалить, отчасти кушанье готовить и портному. Тутъ же продаются брильянтовыя вещи и цвѣтные каменья; да быкъ и корова хорошей породы, за сходную цѣну.

15) Въ 1 части въ приходѣ Николая Чудотворца Мокраго, въ Типографіи Зедербана подъ № 101 продается дворовой холостой человѣкъ 17 лѣтъ, знающій читать и писать по Руски, также набирать книги съ великимъ успѣхомъ по Французски, по Нѣмецки, по Италіански, по Латынѣ и на прочихъ языкахъ, сверхъ того и на скрипкѣ играть.

(Великая реформа, юбилейное изданіе И. Сытина, I томъ. Стр. 258.)

115. Дѣло о Салтычихѣ.

1. Изъ обвиненій.

(Убійство трехъ женъ конюха Ермолая Ильина: Аксиньи Яковлевой, Катерины Семеновой и Ѳедосьи Артомоновой).

Въ поданномъ Е. И. В. оной Салтыковой отъ людей ея доносителей—Савелія Мартынова и Ермолая Ильина—на нее, Салтыкову, доношеніи показано: изъ нихъ, доносителей, Ермолай Ильинъ былъ женатъ на 3-хъ женахъ, изъ коихъ помѣщица третью его жену убила скалкою и полѣномъ до смерти, а при томъ убивствѣ были люди ея Михайла Мартыновъ, да Петръ Ульяновъ; которую приказала снести сверху въ заднюю палату и сама (Салтыкова) за ней сошла съ кормилицею Василисою и дѣвкою Аксиньею, и въ той задней палатѣ отливали ее виномъ, чтобъ она хотя мало промолвила; а потомъ послала за приходскимъ священникомъ Иваномъ Ивановымъ, который и пришелъ, но оной жены его уже живой не засталъ и пошелъ обратно, и ту его, Ильина, жену хоронить не сталъ; а оная помѣщица убитое жены его мертвое тѣло, ночнымъ временемъ, съ крестьяниномъ Романомъ Ивановымъ и съ дѣвкою Аксиньею послала въ свое село Троицкое, которые, привезя то мертвое тѣло, отдали старостѣ Ивану Михайлову, а его, Ильина, послѣ того отвозу послала въ то-жъ село ее схоронить, и при томъ сказала ему:

— Ты хотя и въ доносъ пойдешь, только ничего не сыщешь, развѣ хочешь, какъ и прежніе доносители, кнутомъ (быть) высѣченъ.

Онъ, убоясь того, что и прежде того по разнымъ убивствамъ доносители высѣчены кнутомъ и сосланы въ ссылку, а другіе съ наказаніемъ кнутомъ отданы для жесточайшаго ея мученія къ ней въ домъ, затѣмъ и не доносилъ.

Объ убитіи онаго Ильина жены, которую звали Аксиньею, Яковлева дочь, оною, Салтыковою, въ 1762 г. въ московской полиціи и въ бывшей правительствующаго сената конторѣ на оную Салтыкову доносили ея-жъ Салтыковой люди: Мелентій Некрасовъ, Володимиръ и Иванъ Шавкуновы, Артемій Тарнохинъ и Игнатій Угрюмовъ, и показывали, что та женка бита ею, помѣщицею, самою, смертно скалкою и полѣньями, отъ которыхъ побои и умре скоропостижно и отвезена въ село Троицкое крестьяниномъ Романомъ Ивановымъ съ дѣвкою Аксиньею и погребена попомъ Петровымъ, и при погребеніи для прощанія былъ и мужъ ея Ермолай Ильинъ за карауломъ, дабы не ушелъ и объ убивствѣ не объявилъ. А о томъ слышали они отъ онаго мужа ея Ильина. А при томъ же показывали, что показанный Ермолай Ильинъ женатъ былъ на 3-хъ женахъ: на первой—Катеринѣ Семеновой, на второй—Ѳедосьѣ Артамоновой, а на третьей—вышеписанной Аксиньѣ Яковлевой, и тѣхъ первыхъ его двухъ женъ она же, помѣщица, била разными побоями, сама, полѣномъ и палкою, а мужъ ихъ Ильинъ попрекалъ, будто бы, за нечистое мытье половъ,—и съ прочими людьми сѣкалъ батожьемъ и плетьми, отъ которыхъ побои и тѣ его двѣ жены въ разныя времена померли, а во сколько времени послѣ побои,—о томъ не упомнятъ; и мертвыя ихъ тѣла—Катерины Семеновой погребено въ Москвѣ, у приходской церкви попомъ Иваномъ Ивановымъ, а Ѳедосьи Артамоновой и Аксиньи Яковлевой—отосланы въ село Троицкое съ крестьянами Давыдомъ и Романомъ Ивановыми, гдѣ попомъ Степаномъ Петровымъ и погребены.

И по тѣмъ ихъ показаніямъ, по указу изъ оной сенатской конторы, какъ объ оныхъ, такъ и о другихъ, показанныхъ въ убійствѣ отъ нихъ

на оную помѣщицу, изслѣдовать велѣно сыскному приказу, для чего изъ того ихъ показанія въ сыскной приказъ послана выписка; но въ томъ сыскномъ приказѣ, по присылкѣ въ оный тѣхъ показателей, мая съ 13-го 1762 г., до взятія того дѣла въ юстицъ-коллегію октября по 18 число того-жъ году, кромѣ какъ справка съ дѣлами, отъ кого на оную Салтыкову были доносы и о комъ именно и какъ рѣшены, да изъ указовъ выписки, производства никакого не имѣлось....

2. Приговоръ.

Указъ сенату, 2-го октября 1768 года.

Указъ нашему сенату. Разсмотрѣвъ поданный намъ отъ сената докладъ о уголовныхъ дѣлахъ извѣстной безчеловѣчной вдовы Дарьи Николаевой дочери, нашли мы, что сей уродъ рода человѣческаго не могъ воспричинствовать въ столь разныя времена и такого великаго числа душегубства надъ своими собственными слугами обоего пола, однимъ первымъ движеніемъ ярости, свойственнымъ развращеннымъ сердцамъ, но надлежитъ полагать, хотя къ горшему оскорбленію человѣчества, что она, особливо предъ многими другими убійцами въ свѣтѣ, имѣетъ душу совершенно богоотступную и крайне мучительскую. Чего ради повелѣваемъ нашему сенату: 1) Лишить ее дворянскаго названія и запретить во всей нашей имперіи, чтобъ она ни отъ кого никогда, ни въ какихъ судебныхъ мѣстахъ и ни по какимъ дѣламъ впредь, такъ какъ и нынѣ въ семъ нашемъ указѣ, именована не была названіемъ рода ни отца своего, ни мужа. 2) Приказать въ Москвѣ, гдѣ она нынѣ подъ карауломъ содержится, въ нарочно къ тому назначенный и во всемъ городѣ обнародованный день, вывести ее на первую площадь и, поставя на эшафотъ прочесть предъ всѣмъ народомъ заключенную надъ нею въ Юстицъ-Коллегіи сентенцію, съ исключеніемъ изъ оной, какъ выше сказано, родовъ ея мужа и отца, съ присовокупленіемъ къ тому сего нашего указа, а потомъ приковать ее стоячую на томъ же эшафотѣ къ столбу, и прицѣпить на шею листъ, съ надписью большими словами: Мучительница и душегубица. 3) Когда она выстоитъ цѣлый часъ на семъ поносительномъ зрѣлищѣ, то чтобъ лишить злую ея душу въ сей жизни всякаго человѣческаго сообщества, а отъ крови человѣческой смердящее ея тѣло предать Промыслу Творца всѣхъ тварей, заключа въ желѣзы, отвести оттуда ее въ одинъ изъ женскихъ монастырей, находящійся въ Бѣломъ или Земляномъ городѣ, и тамъ, подлѣ которой ни есть церкви, посадить въ нарочно сдѣланную подземельную тюрьму, въ которой по смерть ее содержать такимъ образомъ, чтобы она ни откуда въ ней свѣта не имѣла. Пищу ей обыкновенную старческую подавать туда со свѣчею, которую опять у ней гасить, какъ скоро она наѣстся, а изъ сего заключенія выводить ее во время каждаго церковнаго служенія въ такое мѣсто, откуда бы она могла оное слышать, не входя въ церковь.

Для исполненія сего нашего указа, сенатъ имѣетъ учинить отъ себя всѣ надлежащія къ тому распоряженія. Имѣнія оставить за ея несчастными дѣтьми, а съ людьми ея, приличившимися въ семъ дѣлѣ, и въ прочемъ во всемъ поступить и исполнить такъ, какъ въ вышеупомянутомъ, возвращаемомъ при семъ, сенатскомъ докладѣ намъ представлено. Екатерина.

(Р. Ст. 1874, іюль, с. 506—543.)

---

116. Регламенты и работныя регулы на суконныя и каразейныя фабрики.

(1740 г. сентября 2.)

1. О фабричныхъ строеніяхъ.

Яко самое нужное дѣло есть, чтобъ надлежащія къ фабрикѣ строенія, всѣ въ добромъ порядкѣ для потребной способности, по возможности, отъ пожара безопасны и прочны заведены были, тако и фабричному содержателю всѣ оные нужные пункты точно хранить, подъ штрафомъ, дабы какъ онъ свой собственный убытокъ отвращалъ, такъ и работники при совершенномъ денномъ свѣтѣ ни отъ стужи, ниже отъ дождя, или течи, непомѣшанно дѣло свое потребное, добротою, чисто и удобно исправлять могли, а отнюдь тако впредь не содержать, какъ понынѣ на большомъ числѣ фабрикъ весьма безотвѣтно бывало, что ткачи насилу и столько деннаго свѣта имѣли, дабы тканіе свое точно высмотрѣть, наименьше-же сукну самовредительныя субтильныя худобы открывать могли, а скребальщики и кардовщики обще съ прядильщиками принуждены были работу свою въ темнотѣ за станами исправлять, и тако они слѣдовательно хорошо видѣть не могли; прядильщики, чтобъ пряжи по надлежащему равно пряли, а скробальщики и кардовщики, чтобъ шерсть надлежаще перемѣшанную безъ шишекъ, соломы и сору, свѣтло чесать, такожъ и сукноворсальщики и стригальщики и прессовщики въ темнотѣ работаютъ, хотя первые должны прилежно того смотрѣть, чтобъ сукно ни мало, ниже излишно не ворсили; а вторые при маломъ свѣтѣ денномъ, не токмо сукно плохо стригутъ, но и нитки легко прорѣжутъ, и послѣдніе, ни сложенія суконъ, ниже порядочное положеніе оныхъ въ прессы, ниже настоящее приготовленіе прессовыхъ досокъ и листовъ по надлежащему исправлять не могутъ. У нѣкоторыхъ фабрикантовъ строеніе въ такой плохой починѣ содержится, что теча отъ снѣга и дождя, и валящійся сквозь щели неплотныхъ потолковъ, песокъ и соръ, людямъ работу въ рукахъ мараетъ и портитъ; а полы иные, ни досками, ниже кирпичемъ, или каменемъ, не выстланы, а которые выстланы, тѣ гнилы и въ доскахъ множество скважинъ, и кирпичи, или камни въ разныхъ мѣстахъ выломаны, и дворовое мѣсто разными малыми изъ досокъ строеніями и всякою деревянною посудою и многими другими вещьми такъ утѣснено, что почти и потребное на проходъ мѣсто на нѣкоторыхъ дворахъ свободно не оставлено, и отъ того работникамъ великая трудность и неспособность происходитъ, а фабриканту немалой вредъ и несчастіе воспослѣдовать можетъ, хотябъ всему тому добрымъ учрежденіемъ, и прилежнымъ смотрѣніемъ, и малымъ въ началѣ иждивеніемъ весьма свободно предупредить, и потребную удобность и больше пользы и человѣку возможную надежность промыслить можно было, и яко работные покои днемъ довольно свѣтлы быть надлежатъ, тако и нужно, чтобъ они при темныхъ утрахъ и вечерахъ, сколько возможно просвѣщены были, и къ тому извѣстной сортъ мѣдныхъ гладко полированныхъ и глубоко выточенныхъ лампадъ полезнѣйше бы было, которыхъ потребное число, по величинѣ каждаго работнаго покоя, разставлено быть могло...

2. Ѳ работныхъ людяхъ.

Такожъ и фабричный содержатель долженъ фабричныхъ людей своихъ, когда по должности своей надлежаще исполняютъ, ни въ чемъ не обижать и не оскорблять: но по всякому Хри-

стіанскому достоинству добро и хорошо содержать, а особливо противъ 10 пункта работныхъ регулъ, имъ заслуженную плату, когда ни въ какую вину не впали, немедленно исправно платить, а генерально за точнымъ исполненіемъ по работнымъ регуламъ и должностямъ доброе смотрѣніе имѣть. И понеже понынѣ очень срамно было видѣть, что большее число мастеровыхъ и работныхъ людей такъ ободранно и плохо одѣты находятся, что нѣкоторые изъ нихъ насилу и цѣлую рубаху на плечахъ имѣютъ, того ради фабрикантамъ накрѣпко повелѣвается той некрасотѣ народа упредить, и вышепомянутымъ людямъ всѣхъ суконныхъ фабрикъ, всѣмъ сплошь равную одежду на извѣстное число годовъ, для различенія отъ другихъ, по усмотрѣнію своему вскорѣ сдѣлать; а деньги за оную, во что стало, у нихъ изъ заслуженной платы по малу вычесть.

3. Всеобщія регулы.

1. О положеніи работныхъ часовъ всеобще и каждоособо, какъ надзиратели, такъ и мастеровые и работные люди, не выключая никого, повинны, дабы возможно было фабрики въ настоящее время отпирать и запирать, всякой годъ Марта отъ 1, Октября по 1 число, въ работные дни послѣ полуночи точно въ четыре часа, каждой въ показанное ему на фабрикѣ мѣсто для работы являться, въ десятомъ часу обѣдать ходить, въ двѣнадцатомъ часу паки на работу приходить и послѣ полудни, въ девятомъ часу съ работы сходить; а въ Генварѣ, въ Февралѣ, въ Октябрѣ, Ноябрѣ и Декабрѣ мѣсяцахъ, для пользованія короткими днями, обѣдать имъ только одинъ часъ, а именно послѣ полуночи отъ десятаго до двѣнадцатаго часа; напротивъ того послѣ полудни въ осьмомъ часу, а въ каждую субботу сряду послѣ полуночи въ двѣнадцатомъ часу работу сложить. Звонить всегда въ фабричной колоколъ для прихожденія полчаса, а для схожденія съ работы четверть часа. А ежели кто въ противность сего чинить и опаздывать будетъ, хотя только и полчаса, чего для вездѣ песочные часы содержаны быть надлежать, и такого штрафовать неотмѣнно: за первой разъ сильнымъ выговоромъ, за другой разъ вычетомъ на одинъ часъ изъ заслуживаемой по пропорціи дневной платы, за третій разъ противъ того вдвое, за четвертой разъ вычетомъ изъ дневной его платы половины, и противъ того послѣдняго чрезъ весь годъ, какъ часто опаздывать будетъ, и съ новаго года штрафованіе паки начинать однимъ выговоромъ.

(П. С. З. т. XI, № 8440, с. 487—494.)

---

117. Донесеніе С. Маврина изъ Оренбурга о состояніи заводскихъ крестьянъ.

Нельзя мнѣ, всемилостивѣйшая государыня, не думать того, чтобъ не было премудрыхъ вашихъ распоряженій, въ разсужденіи нынѣшнихъ обстоятельствъ въ знаменитыхъ (внутреннихъ?) губерніяхъ и когда послѣдуетъ положеніе, то обратите взоръ свой на крестьянъ заводскихъ, а паче на приписныхъ, которые отданы совершенно въ жертву заводчикамъ, а оные хищники ни о чемъ другомъ не помышляютъ, какъ о своемъ прибыткѣ и алчно пожираютъ все крестьянское имущество, ибо многіе приписные крестьяне ходятъ на иго работы отъ четырехъ-до семисотъ верстъ. А порядокъ у нихъ тотъ, что всѣ они, кои могутъ работать, раздѣлены на три партіи: одна работаетъ, а другая идетъ на смѣну и до тѣхъ поръ первая не возвратится въ дома, пока

другая не придетъ смѣнить. Работа-жъ сія на заводахъ большею частью тогда потребна, когда крестьянинъ долженъ доставать насущное пропитаніе, а когда земледѣлецъ не достанетъ себѣ изъ земли сокровища, то онъ нищій.

Многіе, вопреки, мнѣ говорятъ, что заводчики имъ даютъ пропитаніе и снабжаютъ ихъ всѣмъ нужнымъ, но есть ли въ томъ польза? отнюдь нѣтъ, а когда и есть, то рѣдкимъ, а именно заводчикамъ, а государству въ тягость. Когда-жъ земледѣлецъ упражняется въ трудахъ сихъ, то приноситъ изобиліе многимъ.

При заводахъ же есть ухватка и та, хотя, впрочемъ, нечестивая, когда крестьянинъ работаетъ на заводѣ, то какъ выше сего сказано, за семьсотъ верстъ на треть года хлѣба завезть не можно, а у другого и везти нечего и потому долженъ онъ хлѣбъ и все нужное для себя получать у заводчика же изъ лавки и брать за такую цѣну, какая положена будетъ и за все то, что крестьянинъ заберетъ, долженъ заработать по заводскому расположенію. А какъ притомъ на счетъ работныхъ людей не сравненно ставятъ дороже, какъ бы надлежало, то крестьяне почти безсмѣнно и должны быть въ работѣ у нихъ, а потому гласъ бѣдныхъ и взываетъ свою самодержицу на облегченіе елико можно ига ихъ.

Не говорю, чтобъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ во удовольствіе ихъ было что сдѣлано, для того, чтобы и впредь сія чернь не возмнила бунтомъ же требовать своего благоденствія и не пожелала того, чего сдѣлать невозможно...—Мысль моя не въ другомъ какомъ видѣ состоитъ, какъ предувѣдомить самодержицу всероссійскую объ обстоятельствахъ страны сей, а что сіе есть истинная правда—кровію моею подписать не отрекусь.

(Дубровинъ. Пугачевъ и его сообщники. Томъ I, с. 356—7.)

---

118. Соч. Беардэ де Лаббея.

Переводъ сочиненія, присланнаго въ Вольное Экономическое Общество въ отвѣтъ на заданный въ 1766 году вопросъ:

Что полезнѣе для общества, чтобъ крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю, или токмо движимое имѣніе, и сколь далеко его права на то или другое имѣніе простираться должны?

Которое въ собраніи, бывшемъ 23 Апрѣля 1768 года, удостоено обѣщанныхъ въ награжденіе за лучшее рѣшеніе 100 червонныхъ и золотой медали. Творецъ сего сочиненія Г. Беарде Делабей, Докторъ правъ церковныхъ и гражданскихъ въ Акенѣ (Ахенѣ).

Изъ части I.

§ 7. Чѣмъ больше крестьянинъ будетъ имѣть выгодностей и покоя, тѣмъ больше окажетъ онъ склонности къ благовременной женидьбѣ: будучи благонадеженъ о жребіи рождаемыхъ своихъ дѣтей, не станетъ уже опасаться для нихъ ни глада, ни бѣдности, ниже затрудненій въ своемъ хозяйствѣ; а сей надежной безопасности не можетъ онъ инако имѣть, какъ владѣя имѣніемъ. Но сіе имѣніе должно быть его собственное, и не довольно того, чтобъ оно не было поколебимо, ненадежно и временно; но надлежитъ ему быть столь же постоянному и утвержденному, сколь нужды его и расходы неминуемы.

§ 8. Въ такомъ разсужденіи не можно предписать предѣловъ собственности крестьянской, не отъемля у нихъ охоты къ женидьбѣ, и не отвращая ихъ отъ работы. Всѣ тѣ, которые между ими хотя малый разсудокъ имѣютъ, конечно не пожелаютъ производить на свѣтъ безщастныхъ

дѣтей, которымъ они кромѣ бѣдности и рабства иного наслѣдства оставить не могутъ...—

§ 11. Но узнавъ всѣ прибытки, происходящіе отъ собственности крестьянамъ дозволенной, какимъ образомъ должно ихъ до того доводить? Какъ могутъ они владѣть землею, будучи сами во власти у другихъ? Рабъ, самъ въ себѣ невластный, никогда не можетъ имѣть владѣнія, какъ только мнимаго: ибо собственность не можетъ быть безъ вольности. Богатство принадлежащее рабу, подобно брякушкамъ серебрянымъ, у собаки на ошейникѣ висящимъ: все принадлежитъ господину. Излишно входить о семъ въ дальнѣйшія подробности: ясно, что прежде нежели можно дать рабу какое имѣніе, надлежитъ необходимо сдѣлать его свободнымъ.

§ 13. Когда слава царей должна быть причисляема къ преимуществамъ государства, то не можетъ она получить сильнѣйшаго блистанія, какъ отъ дарованія вольности. По всей вселенной раздается гласъ о семъ неоцѣненномъ сокровищѣ: да внемлемъ гласъ всѣхъ народовъ! О вы цари! естьли вы не желаете быть мучителями вашихъ народовъ, то должны вы быть отцами вашихъ подданныхъ. Крестьяне суть ваши чада: какъ же вы можете видѣть вашихъ чадъ рабами? Когда съ одной стороны первая должность вашего состоянія требуетъ, чтобъ неусыпно пещися о ихъ благоденствіи; то съ другой ваша слава, и что еще больше, ваша собственная польза обязываетъ васъ возвратить полученное ими отъ Бога благо. Какая власть царя, повелѣвающаго только многочисленными стадами скотовъ? Должно возстенать, дѣлая для человѣчества толь оскорбительное сравненіе: однако презрѣнный рабъ ужé не иное что есть, какъ игомъ обремененный скотъ. Не приноситъ онъ иной услуги, кромѣ происходящей отъ тѣлесныхъ его силъ. Рабъ, не зная и не дерзая мыслить, не можетъ и самое повиновеніе причесть себѣ въ заслугу. Какое же удовольствіе разрѣшить его оковы! О цари! Вы умножите могущество ваше въ единое мгновеніе стами тысячъ человѣкъ, естьли вы даруете вольность стамъ тысячамъ невольниковъ. Вы сотворите, вы составите новыя существа; изъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій сіе наиболѣе уподобитъ васъ Божеству.

§ 14. Возобновляется вольность: какое зрѣлище! какія чудеса! Се новая жизнь: исчезаетъ мракъ, возстаетъ духъ подобно какъ отъ дремоты, удаляется невѣжество, бѣжитъ варварство, естество приемлетъ новый видъ и украшается; все одушевляется; ободряются паки дарованія, открывается воображеніе, рвеніе и подражаніе воспламеняютъ всѣ сердца: каждый пользуется своимъ бытіемъ, собственная всякаго польза оживляетъ; все естество платитъ дань возстающему трудолюбію. Перемѣны сіи соединяютъ всѣ прибытки государственные, подобно какъ тѣло, по возвращеніи живности нѣкоторымъ отнявшимся его членамъ, получаетъ болѣе прежняго красоты и силы...

§ 28. Но какіе предписать предѣлы сей собственности? Имѣя только движимое, не можемъ почти назвать его владѣніемъ; и я почитаю его за ничто, для того что оно не приноситъ ничего, и не производитъ ни единой пользы, происходящей отъ собственности земли: оно не привлекаетъ къ себѣ крестьянина; слѣдовательно должно ему дать землю...—

Изъ части II.

§ 6. Должно приуготовить рабовъ къ принятію вольности прежде, нежели дана будетъ имъ какая собственность. Можетъ быть, что самая

ихъ грубая жизнь и невѣжество, въ которыхъ они содержатся, побудятъ ихъ предпочесть свое рабство. Будучи увѣрены получать одежду, пищу и содержанie отъ своихъ господъ, имѣющихъ въ томъ свой прибытокъ, чтобъ соблюсти ихъ жизнь, должны они почитать яко тягостное понужденie, попеченie, суеты и безъизвѣстie оставленнаго собственно на ихъ волю пропитанiя. Естьли хотя мало принять въ разсужденie сiю общую человѣкомъ къ празности и нераченiю склонность, то всемѣрно остерегаться должно, чтобъ не подать къ тому способовъ невѣжамъ, незнающимъ и не желающимъ онаго благополучiя...

§ 15. Когда сими способами просвѣтится ихъ разумъ и исправятся ихъ нравы, тогда ужѐ можно будетъ разрѣшить оковы рабства; желаемыя, обѣщанныя и данныя владѣнiя поострятъ ихъ къ трудолюбiю. Новый сей народъ, искупленный изъ тьмы невѣжества и рабства, обогатитъ своихъ благотворителей, и наконецъ вступитъ опять во владѣнie правъ, полученныхъ имъ непосредственно отъ Начальника естества. Вольность! Какой блистающей свѣтъ простирается съ одного имперiи края до другаго! Естество паки возстаетъ отъ сна, все обновляется, поля населяются жителями, художествы ободряются, науки приходятъ въ совершенство, оживотворяется все.

Радость и чувствованie благодарности вступаютъ на мѣсто унынiя и печали: вездѣ слышны веселые клики. Новый сей народъ возсылаетъ къ небу усердныя моленiя. Философы, мудрецы всѣхъ народовъ, словомъ, весь родъ человѣческiй прославляетъ великость сего приключенiя. Стихотворцы и Риторы вносятъ въ храмъ вѣчности гласъ всѣхъ народовъ и чувствованiя всѣхъ сердецъ.

§ 16. Но слышу вельможъ пораженныхъ сею новостiю, и отвращающихся отъ того, чтобъ отказаться отъ ужаснаго права, какое предки ихъ имѣли надъ своими крестьянами. Къ удовольствiю, чтобъ самовластно повелѣвать великимъ числомъ людей, къ верховной власти столь ласкательной для самолюбiя; наконецъ, къ привычкѣ господствовать надъ другими, которою наслаждается надмѣнность сердца человѣческаго, присовокупляется еще мнимый прибытокъ, сопротивляющiйся дарованiю вольности. Что будетъ изъ нашихъ полей, безъ сомнѣнiя скажутъ нѣкоторые владѣльцы, которые одну только наружность вещей обозрѣть въ состоянiи? Кто станетъ зѐмли наши пахать, когда рабы наши будутъ вольными? Кто станетъ произрощенiя наши развозить по городамъ на продажу, когда рабы наши будутъ сами въ себѣ властными? Кто будетъ работать на нашихъ фабрикахъ и мануфактурахъ, когда мы не будемъ имѣть права удержать и принудить къ работѣ нашихъ рабовъ? Сколь скоро освободятся они отъ рабства, станутъ только то дѣлать, что имъ будетъ угодно и приятно: и такъ лишившись собственности надъ работниками нашими, потеряемъ мы и прибытки свои отъ ихъ трудовъ происходящie. Такое повидимому справедливое разсужденie достойно особливаго разсмотрѣнiя.

§ 17. Нѣтъ, господа̀! Давъ вольность крестьянамъ вашимъ, вы ничего не потеряете, но еще умножите ваши доходы. Вы гораздо вѣрнѣе будете ихъ получать; вы уменьшите заботы ваши и ваши страхи о работахъ сихъ безщастныхъ, отъ которыхъ вы нынѣ очей вашихъ ни на часъ отвратить не можете, чтобъ не узрѣть ихъ праздныхъ и безъ дѣйствiя. Нѣтъ, господа̀! Никогда не вздумаютъ они бѣжать, сколь скоро прельщаемы будутъ, хотя малою собственностiю. Воззрите на примѣры всѣхъ благоустроенныхъ въ Европѣ народовъ; подражайте

онымъ. Богатые, не утруждая себя всегдашнимъ надзираніемъ, получаютъ исправно и порядочно свои доходы. Удовольствіе видѣть слѣдующую вездѣ за вами собачку, которая васъ любитъ и вамъ ласкаетъ, можетъ ли сравняема быть съ тягостнымъ трудомъ водить медвѣдя? Собачка ваша никуда отъ васъ не отходитъ, но всячески васъ забавляетъ; чѣмъ больше она на волѣ, тѣмъ больше вамъ повинуется: напротивъ того цѣпь, на которой держите вы медвѣдя, и бичь, которымъ вы безпрестанно принуждены его бить, служа всегдашнимъ мученіемъ ему, столько же утруждаютъ и васъ, будучи вы не въ состояніи ни на что его привести, какъ только побоями. Такимъ образомъ склонность и пріятство заставляютъ все дѣлать и все предпринимать; напротивъ чего при ненависти и принужденіи все достигать должно силою...

(Труды Вол. Эк. Об-ва, т. 8, с. 1—52.)

XVIII. Русская культура XVIII вѣка.

119. Переписка Императрицы Екатерины II съ Вольтеромъ.

1. Екатерина Вольтеру.

...Сегодня, я въ первый разъ въ жизни скорблю о томъ, что не умѣю писать стиховъ; на ваши—я въ состояніи отвѣтить только прозой, но могу васъ увѣрить, что, начиная съ 1746 г., съ того момента, когда я начала располагать своимъ временемъ, я считаю себя передъ вами въ величайшемъ долгу. До этого времени, я читала только романы, но, благодаря случайности, произведенія ваши попали мнѣ въ руки, и съ тѣхъ поръ я не переставала ихъ читать; всякія другія книги, не написанныя столь же хорошо и изъ которыхъ я не могу извлечь того-же, сдѣлались для меня излишни. А гдѣ найдти такихъ? Я возвратилась, поэтому, къ тому, что дало самый первый толчекъ моему вкусу и доставляетъ мнѣ самое дорогое наслажденіе. Могу васъ увѣрить, м. г., что если я обладаю кое-какими познаніями, то всѣмъ этимъ я обязана только этимъ книгамъ. Но, такъ какъ, изъ чувства уваженія, онъ возбраняетъ себѣ высказать мнѣ, что цѣлуетъ мое письмо, то, поэтому и мнѣ приходится тоже скрыть отъ него, изъ чувства приличія, что я преисполнена восторга къ его произведеніямъ. Въ настоящее время я читаю „Essai sur L'histoire generale", и хотѣла бы выучить наизусть каждую страницу этой книги, въ ожиданіи полученія „Les Oeuvres du grand Corneille", на покупку которой банковый билетъ, какъ я полагаю, уже отправленъ.

Екатерина.

2. Екатерина Вольтеру.

Петербургъ, 29-го іюня (9-го іюля) 1766 г.

М. Г. Мерцаніе звѣзды Сѣвера не болѣе, какъ сѣверное сіяніе. Тѣ добрыя дѣла, о которыхъ вы такъ любезно упоминаете, совершенныя на разстояніи нѣсколькихъ сотенъ лье, никоимъ образомъ не могутъ быть приписываемы мнѣ. Каласы, всѣмъ, что они получили, обязаны своимъ друзьямъ; г. Дидро, продажею своей библіотеки, — своему другу; но, что касается Каласовъ и Сирвеновъ, то всѣмъ они обязаны всецѣло вамъ. Удѣлить немножко ближнему изъ того, что имѣется въ великомъ изобиліи, ровно ничего не значитъ; но быть ходатаемъ рода человѣческаго, защитникомъ угнетенной невинности,

это значитъ пріобрѣсти себѣ право на безсмертіе. Эти два дѣла вызываютъ къ вамъ также чувство благоговѣйнаго уваженія, съ которымъ только и можно относиться къ подобнымъ чудесамъ... Вы боролись съ цѣлою арміею враговъ человѣческихъ: съ суевѣріемъ, фанатизмомъ, невѣжествомъ, ябедой, безсовѣстными судьями и могущественной властью, находящеюся въ рукахъ той или другой партіи. Чтобы преоборотъ всѣ эти препятствія, нужно не мало добродѣтелей и душевныхъ качествъ. Вы доказали, что онѣ вамъ присущи, и потому вы побѣдили...

3. Вольтеръ Екатеринѣ.

22-го декабря (1766 г.).

Да проститъ меня Ваше Императорское Величество, нѣтъ! — Вы совсѣмъ не сѣверное сіяніе; вы доподлино самое блестящее свѣтило Сѣвера и никогда не было тамъ другаго, столь благотворнаго, какъ вы: Андромедъ, Персей и Калисто—не стоятъ васъ. Всѣ эти свѣтила оставилибы Дидро умирать съ голоду. Онъ былъ жертвою преслѣдованія на своей родинѣ, и ваше благотворительное сердце нашло его даже тамъ. Самому Людовику XIV присуща меньшая степень благолѣпія въ этомъ отношеніи, чѣмъ Вашему Величеству; онъ награждалъ достойное въ чужеземныхъ странахъ, но это достойное ему указывалось: вы-же, государыня, вы его отыскиваете сами и находите. Ваши великодушныя заботы о томъ, чтобы установить свободу совѣсти въ Польшѣ—такое великое и благое дѣло, которое долженъ прославлять весь родъ человѣческій, и я осмѣливаюсь это говорить отъ имени рода человѣческаго, если только мой голосъ можетъ еще быть услышанъ.

Въ ожиданіи-же этого, государыня, позвольте мнѣ опубликовать то, что вы соизволили мнѣ написать относительно архіепископа Новгородскаго и о вѣротерпимости вообще. Все написанное вами—есть памятникъ вашей славы. Мы трое,—Дидро, Д'Аламберъ и я,—мы воздвигаемъ вамъ алтари; вы дѣлаете изъ меня, государыня, язычника. Не только съ глубокимъ чувствомъ уваженія, но съ страстнымъ и благоговѣйнымъ чувствомъ истиннаго идолопоклонника я склонюсь къ стопамъ Вашего Величества.

Священнослужитель Вашего храма.

(Чуйко, Европ. классики, т. IV.).

---

120. Письмо Вольтера къ И. И. Шувалову.

Въ Фернеѣ, 12 Февраля, 1768.

Вы ко мнѣ, Государь мой, написали изъ Москвы такое письмо, коему подобныхъ изъ Версаліи не пишутъ, ни въ слогѣ, ни въ существенности дѣла, и вы сердце мое воспламенили. Мнѣ неизвѣстно, знаете ли вы худую комедію мечтателей, которая прежде имѣла во Франціи величайшій успѣхъ: въ семъ сочиненіи есть глупая старуха, которая влюблена въ Александра. Чтожъ касается до меня, то я старой дуракъ влюбленъ въ Екатерину, которая кажется мнѣ столько преимуществуетъ передъ Александромъ, сколько основатель превосходитъ разрушителя.

Вотъ поучительное слово, по которому, кажется мнѣ, что она святая. Проповѣдникъ смѣло предлагаетъ образцомъ небольшому народу примѣръ обширнѣйшей въ свѣтѣ Имперіи. Въ сосѣдствѣ моемъ истинно благоговѣютъ къ Сѣверной законодательницѣ, между тѣмъ, какъ во Франціи сочиняютъ еще слово похвальное Св. Франциску, учредителю подъ именемъ своимъ босоногихъ монаховъ; Св. Доминику, коему одолжены мы Якобинца-

ми; Св. Норберту, который пожаловалъ намъ Августинскій монашескій орденъ. Мы имъ дѣйствительно много обязаны, и я весьма хвалю ихъ за то, что они имѣютъ олтари, хотя мы не думали быть кумирослужителями. Я очень почитаю Св. Терезію, Св. Урзулу; но я лучше люблю Святую Екатерину.

Я весьма тѣмъ удивленъ, что Дидеротъ, въ пользу котораго сія Святая Екатерина произвела чудеса, не воспѣлъ ей какихъ ни есть Антифоновъ. По видимому, боится онъ нѣкоторыхъ еретиковъ, находящихся во Франціи, кои очень худо наставлены. Мнѣ кажется, что это было бы благочестивое и довольно нужное дѣло, чтобъ оныхъ еретиковъ обратить. Я весьма увѣренъ, что они отверзутъ очи свои и всѣ будутъ со мною одной вѣры.

Вы, Государь мой, начальствуете въ наипрекраснѣйшемъ обществѣ, какое я знаю. Лучше сочинять Россійскіе законы, нежели ѣхать справляться съ законами Китая, и я лучше желаю, чтобы вы были законоположителемъ, нежели Посломъ.

Я чрезъ нѣсколько дней отправлю толстую кипку товаровъ, кои Е. И. В. для книгохранительницы своей требовать у меня изволила. Она нескоро прибудетъ. Разстояніе между вами и мною занимаетъ около четверти земнаго шара, и для меня это очень непріятно.

(Письмо Вольтера къ Шувалову, с. 126—129.)

---

121. Изъ комедіи Екатерины II „О, время!“

(1772 г.)

День помѣщицы Ханжахиной.

...Она встаетъ по утру въ шесть часовъ и, слѣдуя древнему похвальному обычаю, сходитъ съ постели на босу ногу: сошедъ оправляетъ предъ образами лампаду; по томъ прочитаетъ утреннія молитвы и акафистъ; потомъ чешетъ свою кошку, обираетъ съ нея блохи, и поетъ стихъ: блаженъ, кто и скоты милуетъ! А при семъ пѣніи и насъ такъ же миловать изволитъ, иную пощочиной, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ. Потомъ начинается заутреня, во время которой, то бранитъ дворецкаго, то шепчетъ молитвы; то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей на конюшню пороть батожьемъ, то подаетъ попу кадило; то со внучькою, для чего она молода, бранится; то по чоткамъ кладетъ поклоны; то считаетъ жениховъ, за кого бы внучьку безъ приданаго съ рукъ сжить, то...

Когда она тѣ молитвы читаетъ, то уже, кромѣ кошки, никто къ ней въ образную войти не смѣетъ. По окончаніи отъ соблазна молитвъ, изволитъ она пойти въ кладовую, гдѣ обметаетъ пыль, и чиститъ вещи, кои у ней въ закладѣ; пересматриваетъ крѣпости и закладныя; считаетъ деньги, и изъ мѣшка въ мѣшокъ пересыпаетъ. Тутъ, кромѣ Бога, какъ она говоритъ, никто свидѣтелемъ быть не долженъ; а мнѣ кажется, кромѣ чорта никто тамъ не бываетъ! По томъ она одѣнется, то есть чулки на ноги, да шубу на грѣшное тѣло надѣнетъ, и поѣдетъ къ обѣднямъ. Отслушаетъ она по разнымъ церьквамъ раннихъ и позднихъ обѣдни двѣ—три и столькожъ отпоетъ молебновъ. Въ церькваxъ даетъ она свиданья подобнымъ себѣ старушкамъ, разсказываетъ имъ и отъ нихъ сбираетъ вѣсти разныя, и здѣшнія и Петербургскія, словомъ, изо всѣхъ домовъ сплетьни, которыя она выправивъ, прибавивъ и украсивъ благочиніемъ, развозитъ послѣ обѣда, и послѣ обыкновеннаго съ часъ времени на канапѣ отдыха, изъ дома въ домъ, разсказывая всѣмъ, кто хочетъ и не хочетъ слушать. По томъ, или

мимоѣздомъ гдѣ въ церьквѣ, или дома отслушаетъ вечерню, послѣ которой сберутся къ ней любимыя ея гостейки, и навезутъ новыхъ еще вѣстей...

(Соч. Екатерины II, т. I, с. 8—14.)

---

122. Чтеніе „Бригадира" въ обществѣ.

Я пріѣхалъ въ Петербургъ и привезъ съ собою „Бригадира" и „Іосифа". Надобно примѣтить, что я обѣ сіи книги читалъ мастерски. Чтеніе мое заслужило вниманіе покойнаго Александра Ильича Бибикова и графа Григорья Григорьевича Орлова, который не преминулъ донести о томъ государынѣ. Въ самый Петровъ день графъ прислалъ ко мнѣ спросить: ѣду ли я въ Петергофъ, и если ѣду, то взялъ бы съ собою мою комедію „Бригадира". Я отвѣчалъ, что исполню его повелѣніе. Въ Петергофѣ на балѣ, графъ, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: „Ея величество приказала послѣ бала вамъ быть къ себѣ, и вы съ комедіею извольте идти въ Эрмитажъ". И дѣйствительно, я нашелъ ея величество готовую слушать мое чтеніе. Никогда не бывъ столь близко государя, признаюсь, что я началъ было нѣсколько робѣть, но взоръ россійской благотворительницы и гласъ ея, идущій къ сердцу, ободрилъ меня; нѣсколько словъ, произнесенныхъ монаршими устами, привели меня въ состояніе читать мою комедію передъ нею съ обыкновеннымъ моимъ искусствомъ. Во время же чтенія, похвалы ея давали мнѣ новую смѣлость, такъ что послѣ чтенія былъ я завлеченъ къ нѣкоторымъ шуткамъ и потомъ, облобызавъ ея десницу, вышелъ, имѣя отъ нея всемилостивѣйшее привѣтствіе за мое чтеніе.

Дни черезъ три положилъ я изъ Петергофа возвратиться въ городъ, а между тѣмъ встрѣтился въ саду съ графомъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ, которому я никогда представленъ не былъ; но онъ самъ, остановивъ меня: „Слуга покорный", сказалъ мнѣ, „поздравляю васъ съ успѣхомъ комедіи вашей; я васъ увѣряю, что нынѣ во всемъ Петергофѣ ни о чемъ другомъ не говорятъ, какъ о комедіи и о чтеніи вашемъ. Долго ли вы здѣсь останетесь?"—спросилъ онъ меня.—Черезъ нѣсколько часовъ ѣду въ городъ, отвѣчалъ я. „А мы завтра", сказалъ графъ; „я еще хочу, сударь", продолжалъ онъ, „попросить васъ: его высочество желаетъ весьма слушать чтеніе ваше и для того, по пріѣздѣ нашемъ въ городъ, не умедлите ко мнѣ явиться съ вашею комедіею, а я представлю васъ великому князю, [1]) и вы можете прочитать ее намъ".—Я не премину исполнить повелѣніе ваше, отвѣчалъ я, и почту за верхъ счастія моего имѣть моими слушателями его императорское высочество и ваше сіятельство.—„Государыня похваляетъ сочиненіе ваше и всѣ вообще очень довольны", говорилъ графъ.—Но я тогда только совершенно доволенъ буду, когда ваше сіятельство удостоите меня своимъ покровительствомъ, отвѣтствовалъ я.—„Мнѣ будетъ очень пріятно", сказалъ онъ, „если могу быть вамъ въ чемъ полезенъ". Сіе слово произнесъ онъ съ такимъ видомъ чистосердечія и честности, что сердце мое съ сей минуты къ нему привержено стало и какъ будто предчувствовало, что онъ будетъ мнѣ первый и истинный благодѣтель.

По возвращеніи моемъ въ городъ, узналъ я на другой день, что его высочество возвратился. Я немедленно пошелъ во дворецъ...—

Какъ скоро столъ отошелъ, то послѣ кофе посадили меня, и его высо-

---

[1]) Павлу Петровичу.

чество съ графомъ и съ нѣкоторыми двора своего сѣли около меня. Чрезъ нѣсколько минутъ тономъ чтенія моего произвелъ я во всѣхъ слушателяхъ прегромкое хохотанье. Паче всего вниманіе графа Никиты Ивановича возбудила Бригадирша. „Я вижу", сказалъ онъ мнѣ, „что вы очень хорошо нравы наши знаете, ибо Бригадирша ваша всѣмъ родня; никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимоѳеевну не имѣетъ или бабушку, или тетушку, или какую-нибудь свойственницу". По окончаніи чтенія, Никита Ивановичъ дѣлалъ свое разсужденіе на мою комедію. „Это въ нашихъ нравахъ первая комедія", говорилъ онъ, „и я удивляюсь вашему искусству, какъ вы, заставя говорить такую дурищу во всѣ пять актовъ, сдѣлали однако роль ея столь интересною, что все хочется ее слушать; я не удивляюсь, если сія комедія столь много имѣетъ успѣха; совѣтую вамъ не оставлять вашего дарованія".—Ваше сіятельство, говорилъ я, для меня ничего лестнѣе быть не можетъ, какъ такое одобреніе ваше...—„Одолжи же меня", сказалъ графъ, „и принеси свою комедію завтра ввечеру ко мнѣ. У меня будетъ мое общество и мнѣ хочется, чтобы вы ее прочли". Я съ радостію обѣщалъ сіе графу, и на другой день ввечеру чтеніе мое имѣло тотъ же успѣхъ, какъ и при его высочествѣ.

Я забылъ сказать, что имѣлъ даръ принимать на себя лицо и говорить голосомъ весьма многихъ людей. Тогда передражнивалъ я покойнаго Сумарокова, могу сказать мастерски, и говорилъ не только его голосомъ, но и умомъ, такъ что онъ бы самъ не могъ сказать другаго, какъ то, что я говорилъ его голосомъ; словомъ сказать, вечеръ провели очень весело и графъ мною былъ чрезмѣрно доволенъ.

Первое воскресенье пошелъ я къ его высочеству и тамъ долженъ былъ повторить то, что я дѣлалъ у графа ввечеру. Дарованіе мое понравилось всѣмъ, и графъ обошелся со мною отмѣнно милостиво.

Въ сей день представленъ былъ я графомъ брату его, графу Петру Ивановичу, который звалъ меня на другой день обѣдать и читать комедію. „И я у тебя обѣдаю", сказалъ графъ брату своему; „я не хочу пропустить случая слушать его чтеніе. Рѣдкій талантъ! У него, братецъ, въ комедіи есть одна Акулина Тимоѳеевна: когда онъ роль ея читаетъ, тогда я самое ее вижу, и слышу".

Чтеніе мое у графа Петра Ивановича имѣло успѣхъ обыкновенный. Покойный графъ Захаръ Григорьевичъ (Чернышевъ) былъ тутъ моимъ слушателемъ. „А завтра", сказалъ онъ мнѣ, „милости прошу откушать у меня и прочесть комедію вашу". Потомъ пригласилъ онъ обоихъ графовъ. Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ сдѣлалъ мнѣ ту же честь, и я вседневно званъ былъ и обѣдать и читать. Равное же вниманіе ко мнѣ показали: графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, который всю жизнь свою посвятилъ единой добродѣтели, графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, покойныя: графиня Марья Андреевна Румянцова, графиня Катерина Борисовна Бутурлина и графиня Анна Карловна Воронцова...

(Соч. Д. Фонвизина, с. 543—7.)

---

123. Изъ масонскаго катехизиса.

(1790).

Нравоучительный катехизисъ истинныхъ ф-къ м-въ.

Аще сынъ вы свободитъ, тогда свободни будете.

1. Истиный ли ты Ф. М.?

Мнѣ извѣстны та невидимая и неустроенная земля, и тѣ воды, на ко-

ихъ носился духъ великаго строителя вселенной при ея сотвореніи.

2. Чѣмъ наипаче отличается истинный Ф. М.?

Духомъ собратства, который одинъ есть духъ съ Христіанскимъ.

3. Какая цѣль орд. истинныхъ Ф. М.?

Главная цѣль его таже, что и цѣль истиннаго Христіанства.

4. Какой главный долгъ истиннаго Ф. М.?

Любить Бога паче всего, и ближняго, какъ самого себя, или еще болѣе, по примѣру св. Павла, который желалъ даже быть анаѳема и отлученъ быть отъ Іисуса Христа, ради своихъ братій. Рим. IX. 3.

5. Какое должно быть главное упражненіе (работа) истинныхъ Ф. М.?

Послѣдованіе Іисусу Христу.

6. Какія суть дѣйствительнѣйшія къ тому средства?

Молитва, упражненіе воли своей въ исполненіи заповѣдей Евангельскихъ, и умерщвленіе чувствъ лишеніемъ того, что ихъ наслаждаетъ; ибо истинный Ф. М. не въ иномъ чемъ долженъ находить свое удовольствіе, какъ токмо въ исполненіи воли Небеснаго Отца.

7. Гдѣ истинный Ф. М. долженъ совершать свою работу?

Посреди сего міра, не прикасаяся сердцемъ къ суетамъ его, и въ томъ состояніи, въ которое каждый былъ призванъ. 1 Кор. VII. 20.

8. Какія суть самыя вѣрныя знаки послѣдованія Іисусу Христу?

Чистая любовь, преданность и крестъ.

9. На какой матеріи работаютъ мудрые отцы истинныхъ Ф-къ М-въ?

На той же, изъ которой все сотворено.

10. Въ чемъ состоитъ ихъ искуство?

Въ наукѣ вѣдать тайны Царствія Божія, кои другимъ сообщаютъ они въ притчахъ, поколику то нужно къ созиданію Царства сего.

11. Гдѣ мѣсто ихъ пребыванія?

Въ обновленномъ Едемѣ.

12. По чему таинство Ордена не можетъ быть всякому извѣстно?

По тому же, по чему не всякій можетъ видѣть и ощущать присутствіе Бога вездѣ сущаго.

13. Чѣмъ пріобрѣтается оное таинство?

Возрожденіемъ.

14. Что открывается симъ таинствомъ?

То, чего око не видѣло и ухо не слышало, и на сердце человѣку не всходило: сіе-то Богъ чрезъ таинство оное открываетъ возлюбленнымъ своимъ.

15. Всѣ ли Ф-къ М-ны должны искать онаго таинства?

Изучаясь познавать въ натурѣ пути, къ нему ведущіе, должны они всѣ искать, во-первыхъ, Царствія Божія и правды его, и каждому изъ нихъ потребное приложится волею Божіею, которую одну любить должно.

16. Какихъ свойствъ долженъ быть тотъ, который можетъ получить (имѣть) оное таинство?

Онъ долженъ быть таковъ, что хотя бы имѣлъ способъ излѣчать всѣ болѣзни тѣла и жить нѣсколько сотъ лѣтъ, по примѣру древнихъ праотцевъ, со всѣмъ тѣмъ могъ бы терпѣливо сносить и не помогая себѣ жесточайшую боль, и быть въ готовности на завтра умереть безъ роптанія; также чтобъ былъ готовъ сносить величайшую бѣдность, обладаючи способами производить богатства, превосходящія богатства всего міра, и имѣя средство бесѣдовать съ Ангелами, могъ бы смиренно пребывать въ глубочайшемъ невѣжествѣ, когда то угодно волѣ источника свѣта, и имѣя съ Іисусомъ Навиномъ силу остановить солнце, и съ Иліею отверзать и затворять небо, считалъ бы себя менѣе всѣхъ, и могъ бы скитаться безъ роптанія по землѣ, не имѣя мѣста, гдѣ на оной преклонить главу свою.

Однимъ словомъ, ни чѣмъ бы не желалъ наслаждаться, и на все бы рѣшился, естьли бы оное потребно было для исполненія воли небеснаго своего Владыки.

17. Какая должность истиннаго Ф. М. въ разсужденіи своего Государя?

Онъ долженъ Царя чтить и во всякомъ страхѣ повиноваться ему, не токмо доброму и кроткому, но и строптивому. 1. Петр. II, 17, 18. Ефес. VI, 5, 7.

18. Какія обязанности въ разсужденіи властей управляющихъ?

Онъ долженъ быть покоренъ вышнимъ властямъ, не только изъ страха наказанія, но и по долгу совѣсти. Рим. XIII, 1—5.

19. Какая обязанность истиннаго Ф. М. въ разсужденіи внѣшняго Богослуженія?

Почитая его установленія и обряды, долженъ онъ прилежно ими пользоваться, какъ средствомъ для внутренняго; чему надлежитъ быть ихъ предметомъ во всѣхъ Христіанскихъ учрежденіяхъ Богослуженія внѣшняго.

20. Какъ истинный Ф. М. долженъ поступать съ подвластными ему?

Наиболѣе долженъ онъ пещись о ихъ вѣчномъ блаженствѣ, воспитывая ихъ во страхѣ и ученіи Господнемъ; обязанъ наблюдать между ними правду и уравненіе, оказывать имъ снисхожденіе и обходиться съ ними безъ жестокости, памятуя, что всѣ имѣютъ общаго Владыку на небѣ, у котораго нѣтъ лицепріятія. Ефес. VI, 4, 9. Колос. IV, 1.

21. Какъ долженъ онъ поступать со всѣми людьми вообще?

Всѣхъ долженъ любить для Бога, желать имъ всѣмъ всякаго въ немъ блага, и вспомоществовать имъ сколько ему возможно.

22. Какъ онъ долженъ расположенъ быть противу своихъ враговъ?

Любить ихъ.

28. Что долженъ онъ дѣлать съ тѣмъ, кто его обидитъ?

Естьли кто ударитъ его по одной щекѣ, то онъ долженъ оборотить ему и другую.

29. Слѣдовательно, онъ не можетъ быть на войнѣ?

Истинный Ф. М. чтитъ Царя и повинуется властямъ управляющимъ.

30. Какое должно быть правило истиннаго Ф. М. въ исправленіи долга своего къ отечеству?

Зная, что не только каждое дѣйствіе и каждое слово, но даже каждая мысль, каждый взглядъ, каждый вздохъ, служатъ къ распространенію Царствія Божія, или къ сопротивленію оному, и имѣя непрестанно сіе въ виду, долженъ онъ помнить при всемъ, что бы онъ ни дѣлалъ, что чрезъ оное могутъ открываться правда, или благость Господня, котораго воля должна ему быть драгоцѣннѣе всего.

35. Какъ истинный Ф. М. долженъ употреблять свое имѣніе?

Считая себя токмо орудіемъ Божіимъ, долженъ онъ знать, что всякая полушка можетъ служить или къ строенію дѣла Его и прославленію святаго имени Его на землѣ, или къ умноженію того, что оному препятствуетъ, и по сему долженъ поступать со ввѣреннымъ ему имѣніемъ.— Могій вмѣстити, да вмѣститъ.

(Записки И. В. Лопухина, с. 24—30.)

---

124. Искатель премудрости, или Духовный рыцарь.

(1791.)

Общія правила Духовныхъ рыцарей или ищущихъ премудрости,

которыя каждый вступающій передъ введеніемъ въ комнату пріуготовленія долженъ подписать, клятвенно обѣщая исполнять ихъ наистрожайше.

I. Прилѣжное упражненіе въ Страхѣ Божіемъ и тщательное исполненіе Заповѣдей Евангельскихъ.

II. Непоколебимая вѣрность и покорность къ своему Государю, съ особливою обязанностью охранять Престолъ Его, не только по долгу общей вѣрноподданныхъ присяги, но и всѣми силами стремясь изобрѣтать и употреблять всякія къ тому благія и разумныя средства; и такимъ же образомъ стараясь отвращать и предупреждать все оному противное тайно и явно, наипаче въ настоящія времена Адскаго буйства и волненія противу Властей Державныхъ.

III. Рачительное и вѣрное исполненіе Уставовъ и Обрядовъ своея религіи. NB. Изъ Христіанскихъ токмо Религій могутъ быть приняты въ Общество Рыцарей Ищущихъ Премудрости.

IV. Совершенное повиновеніе учрежденнымъ въ Правительствѣ Начальствамъ и примѣрное наблюденіе Законовъ Государственныхъ.

V. Совокупными силами и каждому особо, сколько возможно, противоборствовать буйственной и пагубной системѣ мнимыя вольности и равенства, и стараться искоренять ее всѣми искусными средствами дѣйствій разума и всякими возможными путями добрыми.

VI. Стараться вообще распространять благонравіе и дѣлами и словами и произведеніями разума, по силамъ и способностямъ своимъ.

VII. Естьли при всей благонамѣренности Учрежденія Рыцарей Ищущихъ Премудрости, Верховной Монаршей Волѣ по какимъ-либо причинамъ заблагоразсудилось запретить ихъ собранія, то повиноваться оному повелѣнію безропотно и безъ малѣйшаго нарушенія Его.

Пріуготовленіе.

Въ Комнатѣ Пріуготовленія поставляются три стола:

Одинъ покрытый чернымъ. На семъ столѣ должны находиться: а) Библія, открытая на 6 и 7 главѣ книги Премудрости Соломоновой. б) Знакъ Рыцаря Ищущаго Премудрости, т.-е. въ сердцѣ Крестъ (сей знакъ долженъ быть вызолоченъ) привѣшанный на красномъ снуркѣ съ пятью узлами. в) Обнаженный Мечь. г) Погашенный Свѣтильникъ. д) Кость мертвой Головы, подъ которою должна стоять зажженная Лампада. е) Малый Сосудъ съ чистою Водою. ж) Небольшая Доска, на которой изображено золотыми буквами:

Познай себя, обрящеши блаженство внутрь тебя сущее.

Другой столъ покрытый бѣлымъ. На семъ между 4-хъ незажженныхъ свѣчъ должно положить изображеніе пламенной Звѣзды съ буквою G въ серединѣ. Напротиву стола сего на стѣнѣ (къ которой близко онъ стоять долженъ) на доскѣ находятся слѣдующія слова золотыми буквами:

Блаженъ! слышащій въ сердцѣ своемъ громогласное вѣщаніе Слова Божія и зрящій откровеніе Божественнаго свѣта въ Натурѣ.

На семъ же столѣ кладется Запонъ, весь бѣлый, подбитый чернымъ, коего весьма узко выпущено на края.

Третій столъ покрытый желтымъ, на которомъ поставленъ Рукомойникъ съ Водою, и положены бѣлыя Перчатки и Мастерская Лопатка золотая. NB. Естьли мѣсто и обстоятельства дозволяютъ, то лучше, чтобъ всѣ сіи столы были поставлены въ разныхъ комнатахъ, и въ нихъ бы по порядку происходили Бесѣды и дѣйствія съ Кандидатомъ.

Введеніе Кандидата къ Пріуготовленію.

Въ назначенное время Вводитель [1]) приведетъ Кандидата безъ шпаги и

[1]) Для Введенія и Пріуготовленія Кандидата каждый разъ Настоятел назначаетъ одного изъ Брр. по своему выбору.

безъ шляпы, съ завязанными глазами, въ комнату пріуготовленія: надѣнетъ на него мантію темнаго цвѣта, на лѣвой сторонѣ которой изображено зміемъ обвитое сердце, посреди коего какъ бы находился малый свѣтъ, не покрываемый тмою, помрачающею все сердце; подкладка сея Мантіи темная же. Потомъ открываетъ Кандидату глаза, и посадя его подлѣ перваго стола, совѣтуетъ ему пребывать въ тихомъ размышленіи, углубляться всѣми силами во внутренность свою, и при семъ ему скажетъ:

„Щасливъ будешь, братъ, естьли живо ощутишь въ себѣ тму невѣжества „и мерзость пороковъ, и ихъ возненавидишь. Сіе ощущеніе спасительно для тебя будетъ, и можетъ дать „тебѣ существенное средство въ единый часъ, въ единую даже минуту „духовно приближиться къ Источнику Свѣта, который живетъ во „внутреннѣйшемъ и близъ есть воистину Ищущихъ Его“.

Совѣтуетъ Кандидату примѣчать и испытывать все имъ видимое, и все окружающее его, и положа руку на мечь, лежащій на столѣ, говоритъ ему:

„Любовь, на Востокѣ царствующая, „посылаетъ силу удобную рождать „желаніе Свѣта Премудрости и одолѣвать препятствія, срѣтающіяся на „пути исканія Свѣта сего“.

Потомъ Вводитель уходитъ.

По открытіи Капитула Предсѣдающій говоритъ Бр. Вводителю:

Иди во Имя Премудрости ко Брату Ищущему и наистрожайше испытай Его по нашимъ предписаніямъ.

Когда Бр. Вводитель выдетъ, то Предсѣдающій говоритъ ко всему собранію.

Любезные Братья! Во внутреннѣйшемъ сердецъ нашихъ пожелаемъ добраго успѣха испытующему Брату и соединимся въ духовномъ прошеніи, да Сама Премудрость просвѣщаетъ его и сопровождаетъ на пути прехожденія важнаго Сана его; да Она же Сама вожжетъ въ сердцѣ Ищущаго истинное, существенное желаніе искать Ея; и да споможествуетъ ему при многотрудномъ его путешествіи. Сіи чувствованія должны мы воспламенять въ себѣ вящше и вящше во все время испытанія и путешествія каждаго Ищущаго Брата.

Послѣ сія рѣчи какъ Предсѣд. такъ и всѣ Брр. да пребудутъ NB въ глубокой тишинѣ и въ благоговѣйномъ молчаніи; что должно дѣлаться въ продолженіе каждой Бесѣды.

Первая Бесѣда.

Бр. Вводитель пришедъ къ Ищущему вопрошаетъ его: А) возчувствовалъ ли онъ, что тма его окружаетъ; что все однакожъ свѣтъ свѣтится, и что хотя количество онаго весьма мало кажется, но освѣщаетъ все видимое имъ пространство? Б) Вѣритъ ли онъ, что во тмѣ свѣтъ, и въ смертномъ безсмертное скрывается? В) Вѣритъ ли онъ, что во тмѣ открыться можетъ свѣтъ, и что въ тлѣнномъ нетлѣнное живое раждаться можетъ?

NB. При семъ Вводитель долженъ дать понятіе Кандидату о томъ, что всякое рожденіе сопровождается болѣзнію, гніеніемъ и разрушеніемъ, NB доказывая сіе токмо примѣрами отъ Натуры почерпаемыми.

Г) Истинно ли онъ желаетъ искать Премудрости? Д) Гдѣ обрѣсти ее надѣется?

Потомъ представляетъ ему трудности, соединенныя съ исканіемъ Премудрости, которую міръ почитаетъ буйствомъ и благотворенія ея почитаетъ часто злодѣяніями; что Ищущіе Премудрости подвержены въ мірѣ презрѣнію, поруганію, гоненію, а иногда и лишенію временной жизни и

проч. Итакъ готовъ ли онъ къ охотному перенесенію всѣхъ тѣхъ трудностей, которыя и ему приключиться могутъ?

Когда Ищущій отвѣтами своими удовлетворитъ всѣмъ онымъ предложеніямъ: то Вводитель отъ него требуетъ, чтобы онъ во свидѣтельство того, что чувствуетъ погруженіе свое во тму, въ знакъ ненависти къ ней и рѣшительнаго предпріятія освободить себя отъ ея плѣна; такъ же во знаменіе искренности и довѣренности, исповѣдалъ Господствующую въ немъ страсть и сумнѣніе, ежели въ чемъ либо оное имѣетъ, относительно Ученію Мудрыхъ.

Когда Ищущій исполнитъ сіе: то Вводитель долженъ пристойно и по силамъ своимъ его наставить и объяснить ему то, въ чемъ найдетъ его заблуждающимъ; — а потомъ надѣвъ на него знакъ Рыцаря Ищущаго Прем. лежащій на первомъ столѣ въ комнатѣ пріуготовленія, у котораго онъ паки оставляетъ Ищущаго на испытаніе своего предпріятія, скажетъ ему, что пять узловъ, находящіеся на снуркѣ надѣтаго на него знака избранія образуютъ, что Ищущій Премудрости долженъ обуздывать чувства свои и покоряться Ея ученію.—Совѣтуетъ ему наипаче стараться о смиреніи, яко о добродѣтели необходимо нужной Ищущимъ Премудрости—и входитъ въ Капитулъ для донесенія о сей первой Бесѣдѣ.

Предсѣд. выслушавъ донесеніе Бр. Вводителя, говоритъ ему:

„Иди, вторично испытай Ищущаго: „и ежели онъ постоянно пребываетъ „въ своемъ намѣреніи и мужественно „продолжаетъ предпріятый имъ „подвигъ; то да пріиметъ отъ Востока „силу подкрѣпленія, и да откроется ему Свѣтъ большій"...

(Масонскіе труды И. Лопухина, Изд. В. Саводника. стр. 1—9.)

---

125. Изъ „Живописца" Новикова.

1772 г.

Письмо уѣзднаго дворянина къ его сыну.

Сыну нашему Ѳалалею Трифоновичу, отъ отца твоего Трифона Панкратьевича, и отъ матери твоей Акулины Сидоровны, и отъ сестры твоей Варюшки, низкой поклонъ и великое челобитье...

— Да што ужъ и говорить, житье то наше дворянское нынче стало очень худенько. Сказываютъ, что дворянамъ дана вольность: чортъ ли это слыхалъ, прости Господи, какая вольность! дали вольность, а ничего не можно своею волею сдѣлать; нельзя у сосѣда и земли отнять. Въ старину то было намъ больше вольности, бывало отхватишь у сосѣда земли цѣлое поле; такъ ходи же онъ да проси, такъ еще десять полей потеряетъ; а вина бывало кури сколько хочешь, про себя сколько надобно, да и продашь на сотню мѣста. Коли воевода пріятель, такъ кури смѣло въ его голову: тото была воля-та! Нынче и денегъ отдавать въ проценты не льзя: больше шести рублей брать не велятъ, а бывало такъ бирали на сто и по двадцати по пяти рублей. Нѣтъ ста, кто што ни говори, а старая воля лутче новой. Нынче только и воли, што можно вытить изъ службы, да поѣхать за море; а не слыхать што тамъ дѣлать: хлѣбать мы и здѣсь ѣдимъ, да таковожъ живемъ. А изъ службы тогда хоть и не вольно было вытить, такъ были на ето лѣкари: отнесешь ему барашка въ бумашкѣ, да судьѣ другова, такъ и отставятъ за болѣзнями. Да ужъ бывало какъ пріѣдешь въ деревню-та, такъ ето наверстаешь: былъ бы только умъ, да зналъ бы приказные дѣла, такъ сосѣди и не куркай. Тото было житье; ты Ѳалалеюшка не запомнишь етова.

Сестра твоя Варя посажена за грамоту, батько Иванъ самъ ей началъ азбуку въ ее именины; ей минуло пятнадцать лѣтъ: пора другъ мой и объ этомъ подумать; вить ужъ скоро и женихи станутъ свататься; а безъ грамоты замужъ ее выдать негодится: и указа самой прочесть не льзя...

Нынче все ничего; и коляски пошли съ дышлами, а и за это такъ же положено проклятіе; не льзя только взятки брать, да проценты выше указныхъ: а объ етомъ въ кормчей книгѣ ничего и не написано: на моей душѣ проклятія не будетъ; я и по сю пору ѣзжу въ зеленой своей коляскѣ съ оглоблями. Меня отрѣшили отъ дѣлъ за взятки; процентовъ большихъ не бери; такъ отъ чего же и разбогатѣть: вить не всякому Богъ дастъ кладъ: а съ мужиковъ ты хоть кожу сдери, такъ не много прибыли. Я кажется, таки и такъ, не плошаю, да што ты изволишь сдѣлать: пять дней ходятъ они на мою работу, да много ли въ пять дней сдѣлаютъ: сѣку ихъ нещадно, а всіо прибыли нѣтъ; годъ отъ году всіо больше мужики нищаютъ: Господь на насъ прогнѣвался; право Ѳалалеюшка и ума не приложу, что съ ними дѣлать.

Пріѣхалъ къ намъ сосѣдъ Брюжжаловъ, и привезъ съ собою какіе та печатные листочки, и будучи у меня читалъ ихъ. Что ето у васъ Ѳалалеюшка дѣлается, никакъ съ ума сошли всѣ дворяне? чего они смотрятъ, да я бы ему проклятому и ребра живова не оставилъ. Што за живописецъ такой у васъ проявился! Какой нибудь нѣмецъ, а православной етова не написалъ бы. Говоритъ, что помѣщики мучатъ крестьянъ, и называетъ тиранами, а того проклятой и не знаетъ, што въ старину тираны бывали не крещеные, и мучили святыхъ; посмотри самъ въ Чети Минеи; а наши мужики вить не святые: какъ же намъ быть тиранами? Изволитъ умничать, что мужики бѣдны: едакая бѣда; не ушто хочетъ онъ чтобы мужики богатѣли, а мы бы дворяне скудѣли; да етова и Господь не приказалъ: кому ни будь одному богатому быть надобно, либо помѣщику, либо крестьянину: вить не всѣмъ старцамъ въ игумнахъ быть; да на што они и крестьяне: его такое и дѣло, што работай безъ отдыху. Дайка имъ волю, такъ они и не вѣть что затѣютъ. Вотъ те на до чего дожили: только я на ето смотрѣть не буду: ври себѣ онъ што хочетъ: а я знаю, что съ мужиками дѣлать [1]).

(Н. Новиковъ, „Живописецъ“, ч. I, стр. 106—111).

---

126. А. Радищевъ.

Путешествіе изъ Петербурга въ Москву.

Глава XV.

Хотиловъ.

Между тѣмъ, какъ лошадей моихъ перепрягали, я любопытствовалъ разсматривая доставшіяся мнѣ бумаги.. Вездѣ я обрѣталъ разположенія человѣколюбиваго сердца, вездѣ видѣлъ гражданина будущихъ временъ. Болѣе всего видно было, что другъ мой пораженъ несоразмѣрностію гражданскихъ чиносостояній. Цѣлая связка бумагъ и начертаній законоположеній, относилася къ уничтоженію рабства въ Россіи. Но другъ мой вѣдая, что вышшая власть недостаточна въ силахъ своихъ, на претвореніе мнѣній мгновенно, начерталъ путь повремяннымъ законоположеніямъ, къ постепенному освобожденію земледѣльцовъ въ Россіи. Я здѣсь покажу шествіе его мыслей.

Первое положеніе относится къ раздѣленію сельскаго рабства и рабства

---

1) Я нѣчто выключилъ изъ сего письма: такія мнѣнія оскорбляютъ человѣчество. *Авт.*

домашняго. Сіе послѣднѣе уничтожается прежде всего, и запрещается поселянъ и всѣхъ по деревнямъ въ ревизіи написанныхъ брать въ домы. Буде помѣщикъ возметъ земледѣльца, въ домъ свой для услугъ или работы, то земледѣлецъ становится свободенъ. Дозволить крестьянамъ вступать въ супружество, не требуя на то согласія своего господина. Запретить брать выводныя деньги.

Второе положеніе, относится къ собственности и защитѣ земледѣльцовъ. Удѣлъ въ землѣ ими обработываемой, должны они имѣть собственностію; ибо платятъ сами подушную подать. Приобретенное крестьяниномъ имѣніе ему принадлежать долженствуетъ; никто его онаго да не лишитъ самопроизвольно. Возстановленіе земледѣльца во званіе гражданина. Надлежитъ ему судиму быть ему равными, то-есть въ расправахъ, въ кои выбирать и изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Дозволить крестьянину приобретать недвижимое имѣніе, то есть покупать землю. Дозволить невозбранное приобретеніе вольности, платя господину за отпускную, извѣстную сумму. Запретить произвольное наказаніе безъ суда.— Изчезни варварское обыкновеніе,—вѣщаетъ нашъ законодатель...

За симъ слѣдуетъ совершенное уничтоженіе рабства.

Глава XXIV.

Пешки.

Я обозрѣлъ въ первый разъ внимательно, всю утварь крестьянскія избы. Первой разъ обратилъ сердце къ тому, что доселѣ, на немъ скользило.—Четыре стены до половины покрытыя, такъ какъ и весь потолокъ сажею; полъ въ щеляхъ на вершокъ по крайней мѣрѣ порошей грязью; печь безъ трубы, но лучшая защита отъ холода, и дымъ всякое утро зимою и лѣтомъ наполняющей избу; окончины въ коихъ натянутой пузырь смѣркающійся въ полдень пропускалъ свѣтъ; горшка два или три; (щастлива изба, коли въ одномъ изъ нихъ, всякой день есть пустыя шти!) Деревянная чашка, и крушки тарелками называемые; столъ топоромъ срубленной, которой скоблятъ скребкомъ по праздникамъ. Корыто кормить свиней, или тѣлятъ, буде есть, спать съ ними вмѣстѣ, глотая воздухъ, въ коемъ горячая свѣча какъ будто въ туманѣ или за завѣсою кажется. Къ щастію кадка съ квасомъ на уксусъ нохожимъ и на дворѣ баня, въ коей коли непарятся, то спитъ скотина. Посконная рубаха, обувь данная природою, онучки съ лаптями для выхода. Вотъ въ чемъ почитается по справедливости, источникъ государственнаго избытка, силы, могущества; но тутъ же видны слабость, недостатки, и злоупотребленіи законовъ, и ихъ шароховатая, такъ сказать, сторона...

Что мы крестьянину оставляемъ? То чего отнять неможемъ, воздухъ. Да одинъ воздухъ. Отъемлемъ нерѣдко у него нетокмо даръ земли хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ. Законъ запрещаетъ отъяти у него жизнь. Но развѣ мгновенно. Сколько способовъ отъяти ее у него постепенно! Съ одной стороны, почти всесиліе; съ другой немощь беззащитная. Ибо помѣщикъ въ отношеніи крестьянина, есть законодатель, судія, исполнитель своего рѣшенія, и по желанію своему, истецъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать несмѣетъ. Се жребіи заклѣпаннаго во узы, се жребіи заключеннаго въ смрадной темницѣ; се жребіи вола въ ярмѣ...

(Радищевъ, с. 135—149, 321—2).

---

127. Замѣчанія Екатерины II на книгу Радищева:

№ 1. Книга печатана въ 1790 г. безъ подписи типографіи и безъ ви-

димаго дозволенія въ началѣ, но въ концѣ сказано съ дозволенія Управы Благочинія. Сіе, вѣроятно, ложь, либо оплошность.

Намѣреніе сей книги на каждомъ листѣ видно; сочинитель оной исполненъ и зараженъ Французскимъ заблужденіемъ, ищетъ всячески и выищиваетъ все возможное къ умаленію почтенія къ власти и властямъ, къ приведенію народу въ негодованіе противу начальниковъ и начальству.

Онъ же едва ли не Мартинистъ, или чего подобное, знаніе имѣетъ довольно и многихъ книгъ читалъ. Сложеніе унылаго и все видитъ въ темночерномъ видѣ, слѣдовательно черножелтаго вида.

На 147 стр. ѣдитъ оплакивать плачевную судьбу крестьянскаго состоянія, хотя и то неоспоримо, что лутчее судьбы нашихъ крестьянъ у хорошова помѣщика нѣтъ во всей вселенной...

Стр. 190, 191, 192, 193, 194. Доказываетъ, что сочинитель имѣетъ воображеніе довольно и любитъ распространить гипохондрическіе и унылные мысли, и тутъ паки упоминается о ничтожествѣ власти родителей надъ дѣтьми, что противно закону христіанскому и гражданскому...

256, 257 описываетъ состояніе крестьянъ, не имѣя собственной пашенъ.

259. Что рабы оковы свои любятъ NB. все сіе по большой части взято изъ Абберайналови книги.

260. Проскаківаютъ паки слова, клонящіяся къ возмущенію.

262. Уговариваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, да никто не послушаетъ...

№ 4. Скажите сочинителю, что я читала ево книгу отъ доски до доски, и прочтя усумнилась, не здѣланно ли ему мною какая обида; ибо судить ево не хочу, дондеже не выслушенъ, хотя онъ судить о Царей, не выслушивая ихъ оправданіе...

(Замѣч. Екатерины II, с. 1—10).

IV. Переходъ отъ XVIII къ XIX вѣку.

Время Павла I.

XIX. Начало царствованія Павла I.

128. Воспитаніе Цесаревича Павла Петровича.

1. 1764, декабря 8.

Встать Государь изволилъ въ осьмомъ часу. Одѣвшись по обыкновенному учился. Приказалъ Савелью Данилычу написать разные узоры для тесьмы, и потомъ изволилъ выбрать себѣ который ему лучше полюбился, говоря, что еслибы онъ жилъ уединенно, тобъ ливрею свою такими тесьмами выложилъ. Часу въ двѣнадцатомъ изволилъ Его Высочество пойтить въ жолтую комнату, къ морскому столу своему, и водилъ тамъ корабли. Читалъ потомъ комическую оперу: „On ne s'avise jamais de tout“. Какъ стали мы тутъ попѣвать нѣкоторыя изъ французскихъ комическихъ оперъ аріи, то просилъ Государь, чтобъ перестали, сказывая, что онъ и такъ столько ихъ наслышался, что и во снѣ ему снятся, и не даютъ покою.

Разсказывалъ я Его Высочеству и Отцу Платону объ обѣдѣ Государя Петра Великаго, какъ онъ обыкновенно съ самаго утра приказывалъ для себя студень приготавливать, и что завсегда рано за столъ саживался. Государь Великій Князь изволилъ сказать къ тому: въ этомъ могъ бы я легко блаженныя памяти Государю послѣдовать, и весьма бы радъ былъ, еслибъ дозволили. Желаю только, чтобъ могъ послѣдовать и въ прочемъ, почему онъ великимъ названъ. Говорилъ я, что надобно учиться и послѣдовать доброхотнымъ совѣтамъ, то и это сбыться легко можетъ; что природа даровала ему довольно къ тому способности.

Дожидались мы долго Его Пр-ва Никиты Ивановича. Прислалъ онъ, чтобъ мы за столъ садились, и вскорѣ потомъ и самъ пришедъ съ нами сѣлъ кушать. Обѣдали у насъ генералъ-поручикъ г. Веймарнъ, г. Салдернъ и графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ. Гр. Александръ Сергѣичъ лишь только изъ Сарскаго села пріѣхалъ. Разсказывалъ о тамошнемъ житьѣ, какъ тамъ время проводятъ и чѣмъ увеселяются. Сказывалъ, что г-жа Капельманша тамъ пѣла въ передней у Государыни. Прасковья Александровна Брюсша ее заставила. Послѣ обѣда г. Веймарнъ поднесъ Его Высочеству большую раковину, на подобіе шишака, которую получилъ онъ изъ Сибири. Разговорились о библіотекахъ и я Его Пр-ву Никитѣ Ивановичу сказывалъ о своей, какъ она велика, и изъ какого роду книгъ состоитъ по большей части. Великій Князь въ сіе время изволилъ попрыгивать, и то того, то другаго за полу подергивалъ; былъ очень веселъ.

Въ четвертомъ часу сѣлъ учиться. У меня очень хорошо учился. Мнѣ кажется, что я ни гдѣ не упоминалъ еще о знакахъ своихъ, которые я въ математическихъ Его Высочества тетрадяхъ ставлю. Когда очень хорошо изволитъ учиться, то положенъ у меня знакъ №1, когда хорошо №, когда посредственно +, когда дурно 0. Такіе значки нарочно за всегда я ставлю, чтобъ тѣмъ побудить Великаго Князя къ большей прилежности, когда онъ видитъ, что и по прошествіи нѣкотораго времени знать будетъ можно, какъ онъ учился. Примѣчаю, что и не излишняя взятая мною сія предосторожность. По окончаніи ученія обыкновенно изволитъ дожидаться и заглядывать, какой я знакъ поставлю. Заскачетъ, когда очень хорошій изволитъ увидѣть, а когда не по желанью, то повѣся голову изволитъ отойтить прочъ, и бываетъ не веселъ.

Послѣ ученья, съ нетерпѣливостью Его Высочество ожидалъ ужины. За столомъ былъ не веселъ. Послѣ пожуренъ за то. Опочивать легъ въ половинѣ десятаго.

2. 1765, январь 1.

Его Высочество проснуться изволилъ седьмаго часу было три четверти. Знаючи, что севодни ввечеру большой столъ будетъ, говорилъ я за чаемъ Его Высочеству, чтобъ былъ онъ сегодня порядоченъ, вооружился бы всѣмъ возможнымъ терпѣніемъ, и не приключилъ бы мнѣ крайней скорби и печали, такъ какъ въ Екатерининъ день. Обѣщался Великій Князь твердо, чтобъ моему совѣту послѣдовать. Зашло у насъ разсужденіе о новомъ годѣ и вообще о времени. Говорили мы о его неизмѣримости, и какое это обширное позорище, когда себѣ представишь всѣ прешедшіе вѣки, наполненные безчисленными приключеніями и дѣлами, и всѣ слѣдующіе, которые теперь еще пусты и будутъ такожъ наполнены. Государь изволилъ сказывать мнѣ, что онъ прежъ сего плакивалъ, воображая себѣ такое времени пространство, и что наконецъ умереть должно. Во время

убиранія волосовъ читалъ я Его Высочеству Генріаду; кончилъ четвертую пѣснь и много прочелъ пятой. Какъ читалъ я тамъ о извѣстномъ во Франціи за законъ смятеніи, то изволилъ сказать Его Высочество: мнѣ кажется, весьма страшно и опасно, какъ въ такое дѣло и чинъ священный вмѣшается.

Одѣвшись, изволилъ пойтить къ обѣдни. Ея Величество въ церкви быть не изволила. По окончаніи божественной службы, сказывалъ Преосвященный Могилевскій проповѣдь.

Отъ обѣдни изволилъ Его Высочество пойтить во внутренніе покои къ Ея Величеству, и не долго тамъ побывши, къ себѣ возвратиться изволилъ. За столомъ никого изъ стороннихъ у насъ не было. Его Пр-во Никита Ивановичъ за столомъ изволилъ по большей части разговаривать со мною о судахъ, о училищахъ, о военныхъ распоряженіяхъ и о прошедшихъ временахъ. Послѣ обѣда, Его Высочество въ жолтой комнатѣ попрыгавши нѣсколько, приказать изволилъ, чтобъ я дочелъ ему пятую пѣснь въ Генріадѣ, что съ крайнимъ удовольствіемъ и исполнено. Потомъ будучи одинъ со мною, изволилъ меня кое о чемъ весьма любопытно и повѣренно распрашивать. Старался я удовольствовать его со всевозможною подробностію и осмотрительностію. Часу въ шестомъ приказалъ Его Высочество перечесать себѣ волосы.

Въ исходѣ седьмаго часу пошли на балъ. Открыть балъ изволилъ Государь съ фрейлиной Анной Алексѣевной Хитровой. Потомъ изволилъ танцовать съ графиней Прасковьей Александровной Брюсшей, съ княгиней Дарьей Алексѣевной Голицыной, и менуетъ четверной съ фрелиной Анной Петровной Шереметевой. Въ другой парѣ танцовалъ пожалованный сегодня оберъ-шталмейстеромъ князь Петръ Ивановичъ Рѣпнинъ съ фрейлиной Вѣрой Николаевной Чоглоковой. Еще изволилъ Его Высочество танцовать менуетъ съ фрейлиной Анной Васильевной Паниной. Ея Величество на балѣ присутствовать не изволила. Изволила на краткое время выходить и играть въ ломберъ, въ комнатѣ подлѣ галлереи, гдѣ балъ былъ. Играли съ Государынею графъ Григорій Григорьичъ Орловъ и графъ Захаръ Григорьичъ Чернышевъ. Столъ былъ большой въ парадной аванзалѣ, гдѣ тронъ. Сидѣли по билетамъ. У Его Высочества былъ одиннадцатый номеръ, съ гофмейстериной Аленой Александровной Нарышкиной. Столъ кончился въ началѣ одиннадцатаго часу. Государь изволилъ сдержать данное мнѣ слово; весьма былъ веселъ и словоохотенъ. Пришедъ во свояси, расхвалилъ и разцѣловалъ я его за то. И самъ онъ весьма тѣмъ былъ доволенъ. Любо было, что такъ удалось съиграть свою роль. Пришедши, тотчасъ изволилъ раздѣться и лечь опочивать. Во время балу, въ помянутой комнатѣ изволилъ Государь, такъ какъ генералъ-адмиралъ, представлять Ея Величеству вновь произведенныхъ морскихъ офицеровъ.

3. 1765, января 16.

Воскресенье. Его Высочество встать изволилъ въ началѣ осьмаго часу. Одѣвшись, читалъ съ Его Преподобіемъ Отцемъ Платономъ Священное Писаніе, какъ то обыкновенно по праздникамъ и по воскреснымъ днямъ передъ обѣднею бываетъ. Часу въ двѣнадцатомъ Его Высочество изволилъ пойтить къ обѣдни. Ея Величество сегодня обѣдню изъ той же боковой комнаты слушать изволила, гдѣ обыкновенно Его Высочество въ нынѣшнее зимнее время становится. Изъ церкви проводя Ея Величество до внутреннихъ покоевъ, изволилъ Великій Князь возвратиться къ себѣ,

Сѣли за столъ. Его Пр-во Никита Ивановичъ кушалъ у себя; отдыхалъ, потому что ночь всю просидѣлъ за дѣлами. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ г. Салдернъ и флотскій генералъ-интендантъ Кутузовъ. Разговаривали о кавалерской комедіи, шутили кое о чемъ. Заспорилъ г. Салдернъ съ Его Высочествомъ въ одномъ дѣлѣ. Государь по своей ко мнѣ милости сдѣлалъ мнѣ честь ту, что выбралъ меня судьею, чтобы послѣ обѣда разрѣшить споръ ихъ. Его Высочество чрезвычайно былъ веселъ и порядоченъ. Въ томъ спорѣ, шутя, такими околичностьми господина Салдерна вызывалъ будто на поединокъ: Nous irons Monsieur, s'il vous plait, cet aprés-diner converser un peu dans cette salle vuide. Nous ferons fermer les portes. Nous serons tête à tête. Il y aura là sculement un petit seigneur, qui m'accompagne toujours du coté gauche, quand je sors quelque part (то есть шпага) etc. Послѣ обѣда такоже все время Его Высочество очень былъ веселъ. Изволилъ поскакивать, и кое чѣмъ забавляться.

Вечеръ дню не соотвѣтствовалъ; пошли мы на куртагъ. Ея Величество изволила тамъ присутствовать, и играть въ пикетъ съ чужестранными министрами и съ нѣкоторыми изъ здѣшнихъ знатныхъ. Его Высочество изволилъ стоять тутъ же въ кругу. Сперва веселъ былъ: разговаривалъ съ министрами. Изъ нашихъ съ княземъ Петромъ Ивановичемъ Рѣпнинымъ съ вице-канцлеромъ, съ графами Петромъ и Иваномъ Григорьевичемъ Чернышевыми. Наконецъ скучилось ему. Зачалъ подзывать Никиту Ивановича домой. Его Пр-ву хотѣлось дождаться того, какъ Государыня изволитъ ретироваться, и для того отказывалъ ему. Зачалъ Великій Князь съ ножки на ножку переступать, помигивать и смотрѣть на плафонъ, чтобъ скрыть свое нетерпѣніе. Между тѣмъ очень оно видно было, и собирающіяся на глазахъ тучки еще болѣе то показывали. Никита Ивановичъ принужденъ былъ пойтить съ Его Высочествомъ.

Какъ скоро добрались мы до своихъ предѣловъ, и вошли въ жолтую комнату, остановились всѣ. Никита Ивановичъ приказалъ съ Великаго Князя снять тутъ шпагу, и чтобъ онъ далѣе никуды не ходилъ. Давъ ему наижесточайшій выговоръ, оборотился къ намъ и сказалъ, чтобъ мы на сей вечеръ Великаго Князя всѣ оставили, и никто не говорилъ бы съ нимъ ни слова. Сказавъ сіе, пошелъ Его Пр-во къ себѣ, оставивъ у насъ по себѣ тишину неописанную. Великій Князь выговоромъ весьма огорченъ былъ, и стоя у печи разными знаками показывалъ свое неудовольствіе. По предписанію, никто не говорилъ ему ничего. Разговаривали мы между собою, показывая будто совсѣмъ на него не примѣчаемъ. Были у меня при семъ случаѣ кое какія разсужденія, которыя отчасти сообщалъ я тѣмъ, на кого по-болѣе полагался, отчасти обращалъ только въ головѣ своей. Разсужденія сіи пусть при мнѣ и останутся. По приказанію Его Пр-ва Никиты Ивановича, ужинать сѣлъ Его Высочество уже въ десятомъ часу, опочивать легъ въ одиннадцатомъ, что для него было школою терпѣнія. Весь вечеръ происходилъ въ тихости. Вотъ такъ то и во всѣхъ дѣлахъ бываетъ: на суслѣ пива не узнаешь. День начался такъ хорошо и весело, а кончился наискучнѣйшимъ образомъ.

(Записки С. Порошина, с. 180—2, 233—5, 257—260.)

---

129. Записки кн. Ф. Н. Голицына о началѣ царствованія Павла I-го.

(Екатерина II) скончалась апоплексическимъ ударомъ 6 Ноября 1796 года. Къ Государю, находившемуся тогда въ

Гатчинѣ, послали тогда гр. Николая Зубова донести, что Императрица совсѣмъ безъ надежды и въ крайней опасности. Государь однакожъ ее засталъ хотя дышущую, но уже совершенно безъ памяти. Какъ скоро она скончалась, онъ велѣлъ сказать князю Ѳедору Барятинскому, бывшему оберь-гофмаршаломъ, что онъ отставленъ. Все чрезъ сутки приняло совсѣмъ новый видъ. Перемѣна мундировъ въ полкахъ гвардіи, вахтъ-парады, новыя правила въ военномъ ученіи; однимъ словомъ, кто бы за недѣлю до того уѣхалъ, по возвращеніи ничего бы не узналъ, что со мною и случилось по моемъ пріѣздѣ изъ Москвы. Дворецъ какъ будто обратился весь въ казармы: внутренніе бекеты, безпрестанно входящіе и выходящіе офицеры съ повелѣніями, съ приказами, особливо поутру. Стукъ ихъ сапоговъ, шпоръ и тростей, все сіе представляло совсѣмъ новую картину, къ которой мы не привыкли. Тутъ уже тотчасъ было примѣтно, сколь Государь страстно любилъ все военное, а особливо точность и аккуратность въ движеніяхъ, слѣдуя отчасти правиламъ Фредерика, короля Прусскаго...

(Р. Арх. 1874, кн. 1, с. 1305 сл.)

---

130. Частное письмо о первыхъ дняхъ царствованія императора Павла I-го.

1796-го года. Ноября 7-го дня.

...Кончина вамъ уже известна Ея Величеству Государыне Екатерине Алексеевне и о вступленіи на Всероссійской престолъ Государя Императора Павла I-го. По повеленію Его Величества назначено перенесеніе тѣла покойнаго Государя Петра Федоровича изъ Невскаго монастыря въ Петропавловскій соборъ для погребенія съ ея Величествомъ, и во дворцѣ сего Ноября съ 15 дня допускаемы будутъ всякаго званія люди процатца опричь мужиковъ. Учреждена для церемоніи печальная коммисія, въ коей присутствуетъ Есуповъ и отъ насъ въ сей коммисіи чиновники и иныя чины, въ томъ числе дядя Никита, въ Сенатъ съ сыномъ отряженные. Гвардія въ чинахъ уничтожена; гвардіи капитаны въ отставку выпущаемы будутъ арміи майорами, такъ и прочія чины по порядку. Сержантовъ не будетъ, а въ каждой роте одинъ фельтфебель, и будутъ ундеръ-офицеры и все какъ оберъ, такъ и все сержанты и ундеръофицеры; сверхъ комплетные и недоросли исключены. Будутъ мундиры гвардіи переменены на видъ прусской и, сказываютъ, все войско по прежнему обмундировано будетъ въ длинныя стриженныя волосы. У гвардіи офицеровъ виски обрезаны, и косы привязаны къ затылку по плотнее. Тарифъ отмененъ, а изданъ будетъ новой. Какъ поговариваютъ, что съ привозимыхъ товаровъ пошлина унизится, а съ отвозимыхъ увысится. Гвардіи офицерамъ не ѣздить въ шесть и четыре лошади, а парою, да и то въ саняхъ. Тоже приметно, что все гвардейскія офицеры, не доезжая дворца, выходятъ изъ каретъ и шествуютъ пешкомъ ко дворцу. Какъ лейбъ-кирасиры, казаки и гусары, также и батальоны морскія, которыя въ команде находятся у Его Величества, и лейбъгранодеры проздравлены лейбъ-гвардіею. Кавалергардамъ всемъ позволена отставка въ армейскіе полки и къ статской службе, и на лицо ихъ будутъ изъ дворянъ набрано 800 человѣкъ ундеръ-офицеровъ; учить будетъ Его Величество артикулу и екзерцыціи. Его же Величество каждой день бываетъ при разводе со своимъ батальономъ и гвардіей и со всякимъ офицеромъ очень ласково обходится и жалуетъ отличныхъ при всемъ собраніи и разводе крестами, и къ народу очень

ласковъ, даже не велитъ отгонять отъ себя. Естли же межъ тѣмъ итти ему, а притеснится народъ къ нему, сниметъ шляпу и въ которую сторону итти надобно будетъ, поклонится оному народу, который безъ отгоненія даетъ дорогу поспѣшно. Въ городе же съ 10 часа вечера ночь должна быть, и чтобы въ публичныхъ собраніяхъ разъезжалися и нигдебъ не были компаніи. А ночью ходящіе откликаются часовымъ своимъ именемъ и чиномъ, а не солдатомъ. А на нашу канцелярію пожаловалъ 5000 душъ, какъ въ приложенномъ регистрѣ видеть можете. Черноморское адмиралтейское правленіе присоединено въ адмиралтейскую коллегію въ управленіе. Ожидаютъ послѣ воинскихъ перемѣнъ, что будетъ и штатскимъ. Въ Сенате еще не изволилъ быть, а обѣщался и какая перемена будетъ, уведомить васъ въ свободное время не умедлю.

(П. Бартеневъ, Осмнадцатый вѣкъ. Томъ III. Стр. 419—420.)

XX. Реформы имп. Павла I.

131. Актъ, Высочайше утвержденный въ день священной Коронаціи Е. И. В., и положенный для храненія на престолъ Успенскаго Собора.

(1797 апр. 5.)

Мы, Павелъ, Наслѣдникъ, Цесаревичъ и Великій Князь, и Мы, Супруга Его, Марія, Великая Княгиня.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Общимъ Нашимъ добровольнымъ и взаимнымъ согласіемъ, по зрѣломъ разсужденіи и съ спокойнымъ духомъ постановили сей Актъ Нашъ общій, которымъ по любви къ Отечеству избираемъ Наслѣдникомъ, по праву естественному, послѣ смерти Моей, Павла, Сына Нашего большаго, Александра, а по немъ все Его мужеское поколѣніе. По пресѣченіи сего мужескаго поколѣнія, наслѣдство переходитъ въ родъ втораго Моего Сына, гдѣ и слѣдовать тому, что сказано о поколѣніи старшаго Моего Сына, и такъ далѣе, если бы болѣе у Меня Сыновей было; что и есть первородство.

По пресѣченіи послѣдняго мужескаго поколѣнія Сыновей Моихъ, наслѣдство остается въ семъ родѣ, но въ женскомъ поколѣніи послѣдне—Царствовавшаго, какъ въ ближайшемъ Престолу, дабы избѣгнуть затрудненій при переходѣ отъ рода въ родъ, въ которомъ слѣдовать тому же порядку, предпочитая мужеское лицо женскому; однако здѣсь примѣтить надлежитъ единожды навсегда, что не теряетъ никогда права то женское лицо, отъ котораго право безпосредственно пришло. По пресѣченіи сего рода, наслѣдство переходитъ въ родъ Старшаго Моего Сына въ женское поколѣніе, въ которомъ наслѣдуетъ ближняя Родственница послѣдне—Царствовавшаго рода выше упомянутаго Сына Моего, а въ недостаткѣ оной, то лице мужеское или женское, которое заступаетъ ея мѣсто, наблюдая, что мужеское лице предпочитается женскому, какъ уже выше сказано; что и есть заступленіе.

По пресѣченіи же сихъ родовъ, наслѣдство переходитъ въ женскій родъ прочихъ Моихъ Сыновей, слѣдуя тому же порядку, а потомъ въ родъ старшей дочери Моей въ мужеское Ея поколѣніе, а по пресѣченіи онаго въ женское Ея поколѣніе, слѣдуя порядку, наблюденному въ женскихъ поколѣніяхъ Сыновей Моихъ. По пресѣче-

нiи поколѣнiя мужескаго и женскаго старшей Дочери Моей, наслѣдство переходитъ къ поколѣнiю мужескому, а потомъ женскому второй Дочери Моей, и такъ далѣе. Здѣсь правиломъ положить должно, что меньшая сестра, хотя бы и сыновей имѣла, не отъемлетъ права у старшей, хотя бы и незамужней, ибо она могла выйти замужъ и родить дѣтей; братъ же меньшiй наслѣдуетъ прежде старшихъ своихъ сестеръ.

Положивъ правила наслѣдства, долженъ объяснить причины оныхъ. Они суть слѣдующiя: дабы Государство не было безъ Наслѣдника. Дабы Наслѣдникъ былъ назначенъ всегда закономъ самимъ. Дабы не было ни малѣйшаго сомнѣнiя, кому наслѣдовать. Дабы сохранить право родовъ въ наслѣдствiи, не нарушая права естественнаго, и избѣжать затрудненiй при переходѣ изъ рода въ родъ...—

Мы желаемъ, чтобъ сей Актъ послужилъ доказательствомъ самымъ сильнѣйшимъ предъ всѣмъ Свѣтомъ Нашей любви къ Отечеству, любви и согласiя Нашего брака, и любви къ Дѣтямъ и Потомкамъ Нашимъ. Въ знакъ и свидѣтельство чего подписали Наши имена и приложили печати Гербовъ Нашихъ.

Подлинный Актъ подписанъ Собственными Ихъ Императорскихъ Величествъ руками тако:

Павелъ. Марiя.
М П М П

Санктпетербургъ. Генваря 4, 1788 года.

На подлинномъ спискѣ подписано Собственною Его Императорскаго Величества рукою тако: Вѣрно. Павелъ. (П. С. З., т. 24, № 17910, с. 587—9.)

---

132. О трехдневной работѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ пользу помѣщика и о непринужденiи къ работѣ въ дни воскресные.

(1797.—Апрѣля 5),

Манифестъ.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ. Законъ Божiй, въ десятословiи Намъ преподанный, научаетъ Насъ седьмый день посвящать Ему; почему въ день настоящiй, торжествомъ Вѣры Христiанской прославленный, и въ который Мы удостоилися воспрiять священное мѵропомазанiе и Царское на Прародительскомъ Престолѣ Нашемъ вѣнчанiе, почитаемъ долгомъ Нашимъ предъ Творцемъ и всѣхъ благъ Подателемъ подтвердить во всей Имперiи Нашей о точномъ и непремѣнномъ сего закона исполненiи, повелѣвая всѣмъ и каждому наблюдать, дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ, тѣмъ болѣе, что для сельскихъ издѣльевъ остающiеся въ недѣлѣ шесть дней, по равному числу оныхъ вообще раздѣляемые, какъ для крестьянъ собственно, такъ и для работъ ихъ въ пользу помѣщиковъ слѣдующихъ, при добромъ распоряженiи достаточны будутъ на удовлетворенiе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ.

(Клочковъ, № 99, с. 160.)

XXI. Походъ Суворова.

133. Донесеніе Суворова Императору Павлу.

отъ 24 августа 1799 г.

Высочайшій В. И. В. секретный рескриптъ отъ 31 іюля имѣлъ я щастіе получить.

Въ теченіи нынѣшней кампаніи Вѣнскій Кабинетъ, забывъ всю цѣну великодушныхъ видовъ, съ каковыми В. И. В. для единаго возстановленія спокойствія и прежняго образа здѣшнихъ государствъ правленія, подъяли на помощь Австріи оружье Ваше побѣдоносное, обнаруживаетъ на каждомъ шагѣ корыстолюбивыя свои предположенія къ обширнымъ завоеваніямъ. По поводу сего не одобрилъ и уклонилъ Его Римско-Императорское Величество возвращеніе Короля Сардинскаго въ прежнюю Его столицу, Туринъ. Равномѣрно дѣлалъ онъ мнѣ строжайшіе выговоры за то, что якобы я вмѣшивался въ политическія дѣла, съ сильнѣйшимъ подтвержденіемъ, чтобы я на будущее время отъ того удерживался, хотя всѣмъ извѣстно, что управленіе онымъ предоставлено было мною Австрійскому ген. отъ кав. Меласу. Впрочемъ, всѣ политическіе мои поступки основывались на точныхъ Высочайшихъ В. И. В. благонамѣренныхъ повелѣніяхъ, сообразно которымъ издаваемы мною были и всѣ прокламаціи. Корыстолюбивые, безпредѣльные сего Двора замыслы, непрерывно къ новымъ стяжаніямъ стремящіеся, обнажаются наиболѣе повелѣніемъ, даннымъ самимъ Императоромъ Римскимъ непосредственно ген. Фрелиху смѣнить ген. Кленау, храбро и успѣшно непріятеля поражавшаго и уже не далеко отъ Генуи преслѣдовавшаго, и дѣйствовать симъ корпусомъ независимо отъ меня, которую военную силу обращаетъ онъ на Романію. Не взирая на всѣ знаменитѣйшія побѣды, на столь великія завоеванія, при которыхъ Россійское войско вливало въ упадшій духъ Австрійцевъ соревнованіе, получалъ я отъ Римскаго Императора токмо равнодушныя письма, наполненныя иногда выговорами, или же предписаніями относиться въ таковой отдаленности о всѣхъ военныхъ операціяхъ предварительно къ нему. Ухищренія Вѣнскаго Гофъ-кригсъ-рата противополагаютъ мнѣ также всѣ возможныя затрудненія и всѣ способы употребляются для очерненія даже нашихъ войскъ Такимъ образомъ осмѣлился ген. отъ кав. Меласъ мимо меня въ письмѣ своемъ къ отпущеннымъ на пароль французскимъ военноплѣннымъ присовѣтовать, чтобы они на возвратномъ пути, для избѣжанія отъ Россійскихъ войскъ грабительства и притѣсненій, не шли дорогою къ Генуѣ. Не хочу я здѣсь болѣе распространяться донесеніемъ о многихъ тому подобныхъ примѣрахъ, дабы не обременить В. И. В. и поставляя себя свыше всѣхъ таковыхъ низкостей, чту и повинуюся токмо съ вѣрноподданическимъ благоговѣніемъ Высочайшей В. В. священной волѣ. Теперь Императоръ Римскій, опираясь на заключенномъ между Дворами В. И. В., Вѣнскимъ и Великобританскимъ постановленіи, требуетъ настоятельно и усильно неукоснительнаго перенесенія оружья въ Швейцарію, гдѣ недѣятельность и слабосиліе Эрцгерцога Карла утратили блистательную кампанію. Опасаясь, чтобы при таковомъ, безпрестанными опытами дознаваемомъ, Вѣнскаго Кабинета къ намъ недоброхотствѣ, не послѣдовала для понужденія насъ къ исполненію сихъ Императорскихъ приказаній остановка въ продовольствіи войскъ, при-

нявъ также во уваженіе и то, что Императоръ Римскій предписываетъ остановить всѣ дальнѣйшія военныя операціи, въ слѣдствіе чего я не могу уже ожидать отъ Австрійскихъ генераловъ какого-либо повиновенія, рѣшился я предпринять съ помощію Божіею сей многотрудный въ Швейцарію походъ. Непонятныя для меня всѣ сіи Вѣнскаго Двора поступки, когда единое мановеніе В. И. В. возвратить войска въ Имперію Вашу, можетъ ниспровергнуть всѣ таковые заносчивые его умыслы. Впрочемъ всѣми, изображенными на Высочайшемъ В. И В. рескриптѣ, предписаніями буду я руководствоваться и доносить всеподданнѣйше, если что либо въ послѣдствіи касательно видовъ Вѣнскаго Кабинета откроется.

Занимаясь теперь приуготовленіями къ походу, беру я съ собою и корпусъ ген. отъ инф. Розенберга. Адм. Ушакову, нуждающемуся въ десантныхъ войскахъ, отправилъ я въ Ливорну назначенный въ Мальту гарнизонъ при ген.-м. кн. Волконскомъ.

Повергая себя къ освященнѣйшимъ стопамъ В. И. В. съ благоговѣніемъ.

Всемилостивѣйшій Государь!

В. И. В.

всеподданнѣйшій графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій. Асти, 24 августа 1799 года.

(Д. Милютинъ, Исторія войны 1799 г., т. III.)

134. Записки участника похода капитана Грязева.

1. Чортовъ мостъ.

15-го сентября въ часъ по-полуночи снялись мы съ мѣста и, пройдя Урзернскую долину, вошли въ междугоріе. Здѣсь предстала глазамъ нашимъ одна перпендикулярно стоящая, подобно стѣнѣ, каменная гора, въ серединѣ которой находилось узкое, самою природою устроенное отверстіе, называемое Тейфельслохъ (чортова дыра), ведущее къ Тейфельсбрике и продолжающееся во внутренности горы около ста саженъ. Въ немъ царствовала вѣчная ночь, и мы, схвативъ другъ друга за руки, проходили подъ сводомъ сей громады, которая, подавляя сама себя своею тяжестію, испускала на насъ водные потоки, и такимъ образомъ пройдя сіе отверстіе, или, лучше сказать, ущеліе, приближались мы къ началу Чортова моста. Кажется, всякое выраженіе будетъ недостаточно, дабы въ точности представить всѣ ужасы, сіе мѣсто окружающіе, которые мы проходить должны были. Это есть не иное что, какъ страшный проходъ, вводящій во внутрь Швейцаріи между огромныхъ, крутыхъ каменныхъ горъ, или, лучше сказать, натуральныхъ стѣнъ, идущихъ по обѣимъ сторонамъ пути, въ разстояніи 6 саженъ поперечника между собою, полагая въ томъ числѣ и рѣку Русъ [1]), здѣсь протекающую, которая, занимая съ одной стороны половину прохода, съ бурнымъ стремленіемъ и шумомъ катится междугоріемъ и по каменному дну, гдѣ, встрѣчаясь мѣстно со скалами, на поверхность воды выходящими, ударяется объ нихъ съ плескомъ и пѣнистою волною опять обтекаетъ ихъ; съ другой стороны сей рѣки, внизъ по ея теченію, идетъ вымощенная дорога на подобіе моста, которая, сообразно примыкающей къ ней горной странѣ, имѣетъ различныя широты, высоты и направленія. Поверхность сей рѣки равняется иногда съ поверхностію сей дорожки, а иногда саженъ пятдесятъ и менѣе упадаетъ внизъ отъ оной; въ такомъ-то мѣстѣ дорога поддерживается каменными сводами, индѣ самою природою образованными, а индѣ искусствомъ утвержденными.

[1]) Рейсъ.

Идучи такимъ образомъ по излучистой и неровной дорогѣ, продолжающейся узкимъ междугоріемъ, шагъ твой непремѣнно долженъ остановиться при воззрѣніи на двѣ каменныя скалы раздѣлившихся между собою горъ надъ рѣкою, гдѣ видна одна только бездонная пропасть крутящейся между камней воды. Съ одной скалы на другую сдѣланъ былъ деревянный помостъ, который французы, ретируясь, разломали и сожгли, но къ счастію не совсѣмъ. Здѣсь то нужно было имѣть всю твердость духа, дабы сіи до половины обгорѣлыя части бревенъ и досокъ кое-какъ соединивъ, пройти черезъ сію бездонную и крутящуюся пучину. Но чего неудобна сдѣлать необходимость? Общими силами и помогая одинъ другому, миновали мы сію опасность безъ всякихъ вредныхъ для себя послѣдствій, кромѣ замедленія, съ каковымъ должно было проходить по зыблющимся перекладамъ толикому числу людей. На сей-то предметъ изобрѣтательный геній человѣка пріискалъ богатую мысль и составилъ ту риторическую фигуру, которая изображена въ донесеніи Государю нашему Императору насчетъ перехода нами сего чудеснѣйшаго Чортова моста, гдѣ, описывая разительными чертами всѣ ужасы природы, его окружающіе, сказано, что и офицеры, ревнуя славѣ и трудамъ россійскаго воинства, употребляли свои шарфы для связыванія полуобгорѣвшихъ частей дерева. Я самъ былъ непосредственный участникъ перехода черезъ Чортовъ мостъ, и полкъ нашъ всегда слѣдовалъ передъ прочими впереди, и я этого не видалъ; а обгорѣлыя части бревенъ и досокъ съ присовокупленіемъ новыхъ были исправлены наканунѣ посланными людьми, и хотя не безпечно, но переходить было можно.

Какъ бы то ни было, но мы, миновавъ сію опасность, продолжали нашъ путь по такой же точно дорогѣ, какою проходили и до сего помоста, съ тою только разницею, что дорога ощутительно склонялась ниже и ниже. Намъ казалось, что мы нисходимъ въ подземное царство карать и тамъ противниковъ закона и судьбы. Около десяти часовъ нашего хода по сему страшному пути, дорога мало-по-малу становилась лучшею, горныя стѣны и вершины ихъ начали постепенно расширяться, воздухъ ощутительно сдѣлался свѣжѣе, воображеніе чище и душа спокойнѣе, наконецъ вдали стали показываться равнины и селенія. Въ первомъ изъ нихъ нашли мы французскій станъ, изъ досчатыхъ навѣсовъ собранный и оставленный уже ими, а за селеніемъ достигли ретирующійся непріятельскій арріергардъ, напали на него и прогнали далѣе въ горы. За симъ проходили мы селеніе Бемштакъ и прекрасную его долину, гдѣ встрѣчены были жителями съ изъявленіемъ величайшей и непритворной радости, потому что французская саранча имъ надоѣла, и они надѣялись, что мы истребимъ ее. Продолжая путь нашъ по дорогѣ къ мѣстечку Альтдорфу, мы не дошли, однакожъ, до онаго и остановились при селеніи Шадсдорфѣ; ибо утомленныя наши силы столь затруднительнымъ переходомъ требовали отдохновенія, и сверхъ того отступающій непріятель остановился здѣсь на окружныхъ высотахъ и въ виду нашемъ.

(Н. Орловъ, Походъ Суворова въ 1799 г., с. 90—93.)

2. По горамъ Швейцаріи.

Въ 4 ч. по полуночи начали мы подниматься на гору, называемую Бинтнерсбергъ, каменистую, крутую, высокую и для перехода весьма трудную и опасную, какъ для насъ самихъ, такъ въ особенности для вьюковъ нашихъ и лошадей. Пройдя ка-

менистую часть сей горы, мы переступили на покрытую снѣгомъ, а далѣе и выше и на ледяную, которая стояла въ однихъ огромныхъ слиткахъ изъ нечистаго и сорнаго льда. Взойдя съ великою трудностію на сію поверхность, равняющуюся текущимъ въ атмосферѣ облакамъ, почувствовали мы совсѣмъ другой воздухъ, стѣсняющій наше дыханіе. Съ сей ужасной высоты должны были опять спущаться въ противоположную сторону горы по крутому и скользкому утесу, гдѣ каждый шагъ могъ быть послѣднимъ въ жизни, или угрожалъ смертію самою мучительнѣйшею; но какъ другаго пути не было, слѣдовательно должно было рѣшиться по немъ спускаться и отдать себя на волю случая. Лошадей нашихъ, не только со вьюками, но и простыхъ, сводить было невозможно: ихъ становили на самый край сей пропасти и сзади сталкивали въ оную. Сіе обстоятельство дѣйствительно зависѣло отъ случая: иныя оставались безвредны, но многія ломали себѣ шеи и ноги и оставались тутъ безъ вниманія со всѣмъ багажемъ своимъ. Другія падали еще на пути, или истощавшія отъ бескормицы, или разбивавшіяся ногами отъ лишенія подковъ и обломавшія копыта, или обрывались въ стремнины безъ возврата. Но люди были еще въ жалостнѣйшемъ положеніи, такъ что безъ содроганія сердечнаго на сію картину ужасовъ смотрѣть было невозможно.

Вся наша армія и полки перемѣшались, разсыпались; всякій шелъ тамъ, гдѣ хотѣлъ, избирая по своему сужденію удобнѣйшее мѣсто, кто куда поспѣлъ; какъ кому его силы позволяли; питательности для подкрѣпленія ихъ не было ни малѣйшей; слабѣйшіе силами упадали и платили рѣшительную дань природѣ; желавшіе отдыхать садились на ледяные уступы и засыпали тутъ вѣчнымъ сномъ; идущіе останавливаемы были холоднымъ и противнымъ вѣтромъ, съ дождемъ и снѣгомъ смѣшаннымъ, который тогда же на нихъ и замерзалъ; всѣ почти оледенѣли, едва двигались и боролись со смертію. Не было нигдѣ прибѣжища къ успокоенію, не было ни щепки развести огонь для обогрѣнія остывшихъ членовъ; лафеты горныхъ орудій и дротики казаковъ, какъ вещи совсѣмъ уже не нужныя, послужили только малою пищею огню и помощію для весьма немногихъ, въ числѣ коихъ находились наши почтенные начальники и великій князь Константинъ, который первый подалъ мысль къ обогрѣнію себя лафетами и дротиками. Всѣ тягости на себѣ несомыя разбросали или растеряли, даже и самое оружіе, какъ первое охраненіе воина; всякій мыслилъ о себѣ собственно; никто не могъ повелѣвать, и всякое повиновеніе исчезло; но всякій повиновался обстоятельствамъ и настоящему своему положенію. Путь, которымъ многіе опущались въ сію пропасть и сталкивали, какъ я выше сказалъ, своихъ лошадей, столько былъ смятъ и обезображенъ, что онъ сдѣлался еще опаснѣе, и при воззрѣніи на него подумать было не возможно, чтобы по немъ спущаться. Предпріимчивые проложили себѣ другой путь, хотя и по весьма крутому утесу, но покрытому свѣжимъ, со льдомъ смѣшаннымъ снѣгомъ. Я, генералъ графъ Каменскій и его адъютантъ—составляли товарищество въ продолженіе нашего хода по сей ужасной горѣ. Мы, подошедъ ко вновь открытому пути, изумились, увидѣвши пропасть, въ которую должны были спущаться по крутому и снѣжному утесу между высунувшихся повсюду острыхъ и огромныхъ каменьевъ; но чѣмъ далѣе мы размышляли, тѣмъ болѣе наши страхи увеличивались; время было дорого, и наконецъ, призвавъ

спасительную Десницу въ помощь, рѣшились спущаться, но не по примѣру другихъ, а по своему: мы усѣлись рядомъ на край пропасти, подобравъ подъ себя свои шинели, и покатились подобно дѣтямъ съ масляничной горы; единственное наше спасеніе состояло въ томъ, чтобы со всѣмъ своимъ стремленіемъ не попасть на камень, который бы могъ не только причинить намъ вредъ, но и раздробить на части; однако, благодареніе Всевышнему, мы скатились въ самую глубину пропасти безъ всякаго повреждения, кромѣ сильнаго испуга, или чего-то сему подобнаго: ибо сердце мое замерло, и я не чувствовалъ болѣе въ себѣ его трепетанія. Мы не могли опомниться даже и тогда, какъ остановились уже на одномъ мѣстѣ; но маіоръ Владыкинъ, сошедшій прежде насъ, понялъ наше окаменѣніе и раскликалъ насъ...

Мы пустились продолжать наше странничество. Симъ послѣднимъ нашимъ дѣйствіемъ наши опасности не только не миновались, но намъ предстояли еще бо̀льшія. Изъ сей пропасти должны мы были опять подниматься на весьма крутой каменный и оледенѣлый утесъ противу низвергающагося съ высоты водопада, влекущаго за собою камни и черныя глыбы земли; нѣкоторые изъ нашихъ товарищей, въ виду нашемъ, содѣлались его жертвою. Здѣсь глаза мои встрѣчали нашего неутомимаго вождя, безсмертнаго Суворова. Онъ сидѣлъ на казачьей лошади, и я слышалъ самъ, какъ онъ усиливался вырваться изъ рукъ двухъ шедшихъ по сторонамъ его дюжихъ казаковъ, которые держали его самого и вели его лошадь; онъ безпрестанно говорилъ: „пустите меня, пустите меня, я самъ пойду!“— Но усердные его охранители молча продолжали свое дѣло, а иногда съ хладнокровіемъ отвѣчали: сиди!—И великій повиновался!—

Должно было восходить на крутой и оледенѣлый утесъ; всякій спѣшилъ, тѣснился, опереживалъ одинъ другого и не вѣдалъ судьбы своей, гдѣ надлежало ему умереть, однимъ шагомъ впередъ или назади. А какъ на сей утесъ должно было входить не иначе, какъ по одиночкѣ, то взошедшій принималъ другого, внизу стоящаго, и помогалъ ему подниматься на послѣдній крутой утесъ, и такимъ образомъ дошла очередь до меня; мнѣ подали руку, и я, взойдя на скалу, нѣсколько пріостановился поднимать за мною слѣдующаго, въ томъ намѣреніи, чтобы переднимъ дать нѣсколько пройти и избавиться отъ опасной тѣсноты; потомъ, сдѣлавши все, чего требовала взаимность, продолжали свой путь по весьма узкой, оледенѣлой и къ сторонѣ пропасти покатой тропинкѣ, гдѣ одинъ невѣрный шагъ, сдѣланный по случаю или неосторожности, могъ бы повергнуть невозвратно въ неизмѣримую пропасть, что съ нѣкоторыми и случилось; но одно страданіе было все, что могли мы тогда чувствовать, но ни помочь, ни спасти были не въ состояніи.

Продолжая такимъ образомъ путь нашъ по сей роковой тропинкѣ, мы почувствовали, что стали склоняться ниже къ отлогости горы; вмѣсто снѣга и льда глиняное и вязкое подножіе останавливало часто шаги наши отъ безсилія, гдѣ непроницаемая мгла или густой туманъ и мрачная завѣса ночи увеличивали еще болѣе трудности и отнимали послѣднюю бодрость и надежду, единственную утѣшительницу смертныхъ, найти въ будущемъ какое либо прибѣжище и успокоеніе; но спустясь еще ниже, достигли мы въ одной глубокой лощинѣ густаго лѣса около полуночи—это я; сколько же осталось еще позади меня съ такими же опасностями и въ такое время; оно принудило многихъ остать-

ся въ самомъ жалостнѣйшемъ положеніи, и тогда-то россіяне должны были собраться съ послѣднимъ своимъ мужествомъ, дабы преодолѣть природу, въ которой имѣли страшнаго и непримиримаго врага.

Сей дремучій лѣсъ учинялся первымъ прибѣжищемъ, гдѣ всякій искалъ своего успокоенія, какого только можно было ожидать отъ сего дикаго вертепа, но по крайней мѣрѣ отогрѣнія застывшихъ своихъ членовъ; я не говорю уже—подкрѣпленія силъ своихъ, ибо нечѣмъ было, да и на умъ не шло. Разводили огни; мгла не допускала подниматься куренію; дымъ разстилался по землѣ, и горечь была несносна. Съ однимъ себѣ спутникомъ я пошелъ далѣе, въ намѣреніи найти что-нибудь лучшее,—попалъ въ ручей по поясъ, меня вытащили, я еще шелъ, но ужасная темнота и незнаніе пути наконецъ остановили меня; я завернулъ въ густоту деревьевъ, весь мокръ, весь въ грязи, измученъ усталостію, растерзанъ скорбію, бросился я на сырой мохъ, но ужасный холодъ, приводившій всю внутренность мою въ содроганіе, не позволилъ мнѣ долго оставаться въ такомъ положеніи; я вскочилъ, наломали мы ощупью сучьевъ, высѣкли огню, кое-какъ развели и имѣли много терпѣнія, чтобы довести его до такого положенія, которое бы могло наградить всѣ наши заботы. Къ намъ присоединились и другіе товарищи; ибо огонь, какъ магнитъ, притягивалъ къ себѣ всѣхъ проходящихъ и требующихъ подобнаго успокоенія. Мы усилили огонь, при свѣтѣ коего нашли множество сухихъ сучьевъ и столько отогрѣлись, что могли скинуть съ себя все верхнее платье, дабы, развѣся оное по сучьямъ, очистить его отъ грязи и высушить. Въ такихъ упражненіяхъ протекла остальная часть ночи, и благодѣтельный сонъ во все время не появлялся ни на минуту; видѣнная картина ужаса и страданія и участіе, самимъ принимаемое, совсѣмъ отогнали его.

(Н. Орловъ. Походъ Суворова въ 1799 г., стр. 119—123.)

---

135. О Суворовѣ.

Изъ записокъ графа Нельи.

Суворовъ, разбитый въ малыхъ кантонахъ, гдѣ онъ думалъ соединиться съ нами, принужденъ былъ отступать чрезъ Граубюнденъ съ своею значительно уменьшенною, но не потерявшею мужества арміею. Мы отправлялись на встрѣчу ему съ провіантомъ, боевыми запасами и одеждой. Тамъ-то впервые я увидѣлъ этого энергическаго человѣка, передъ желѣзною волею котораго преклонялась обожавшая его и по одному мановенію его безтрепетно умиравшая армія. Я ожидалъ увидѣть безобразную фигуру, съ сильно развитыми мускулами, выразительною физіономіей, съ отпечаткомъ энергіи; но вмѣсто того увидѣлъ сухощаваго, слабаго старичка, съ весьма непріятными чертами лица (d'une mine repoussante); онъ былъ въ полотняномъ кителѣ, не смотря на суровое время года; говорилъ языкомъ вдохновеннаго и казался иногда не въ своемъ умѣ. Онъ ежедневно окачивался холодною водою; одну недѣлю пилъ воду, другую—употреблялъ крѣпкіе напитки, и эта перемѣна питья не производила на него, повидимому, никакого дѣйствія. Онъ безпрестанно крестился и при встрѣчѣ съ священникомъ какого бы то ни было исповѣданія бросался на колѣни и просилъ благословенія. При всемъ томъ, когда какой-нибудь священникъ его арміи впадалъ въ тяжкую вину, онъ присуждалъ его къ кнуту или надѣлялъ пощечиной. Онъ одѣвался иногда, безъ всякой надоб-

ности, въ полный фельдмаршальскій богато вышитый мундиръ, со звѣздами и лентами, покрывавшими его съ обѣихъ сторонъ. Иногда онъ садился на-земь съ солдатами и ѣлъ съ ними изъ котла, въ присутствіи своего штаба и даже насъ. Одинъ изъ его генераловъ въ чемъ-то провинился по службѣ: онъ призвалъ его къ себѣ, долго журилъ, потомъ приказалъ ему взять мѣдную каску, ружье и амуницію гренадера и поставилъ его на цѣлыхъ два часа на караулѣ у своихъ дверей. Я самъ былъ очевидцемъ этого.

(П. Бартеневъ. Осмнадцатый вѣкъ. Томъ III. Стр. 399—400.)

V. Время имп. Александра I.

XXII. Неоффиціальный комитетъ.

136. Извлеченія изъ протоколовъ неоффиціальнаго комитета

(составленныхъ гр. Строгановымъ).

1.

Въ октябрѣ Комитетъ не собирался. Засѣданія 4-го, 11-го, 18-го ноября, всѣ три были посвящены крестьянскому вопросу, и гр. П. А. Строгановъ записалъ довольно подробно ходъ преній по этому предмету.

Сегодня (4-го ноября), пишетъ онъ, — мы возобновили наши конференціи послѣ продолжительнаго перерыва. Е. В. часто выражалъ намъ желаніе снова приступить къ нашимъ работамъ, и потому, собравшись къ нему, мы послѣ обѣда перешли въ его кабинетъ. Вотъ, каковъ былъ ходъ нашего совѣщанія.

Въ послѣднее время, многія лица, и въ особенности Гг. Лагарпъ и Мордвиновъ, преимущественно же послѣдній, говорили Императору о необходимости сдѣлать что-нибудь въ пользу крестьянъ, которые были доведены до самаго плачевнаго положенія, не имѣя никакого гражданскаго существованія. Это могло быть исправлено не иначе, какъ постепенно, незамѣтно, и первымъ шагомъ къ тому, по мнѣнію Мордвинова, могло быть позволеніе тѣмъ изъ нихъ, которые не были крѣпостными, покупать земли.

Императоръ былъ согласенъ съ нимъ, но желалъ, чтобъ эти люди имѣли право покупать не только земли, но вмѣстѣ съ землями и крестьянъ, и чтобы крестьяне, которыми будутъ владѣть не дворяне, подчинялись постановленіямъ болѣе умѣреннымъ и не были рабами (esclaves) своихъ владѣльцевъ, какъ принадлежащіе дворянамъ, что будетъ первымъ шагомъ къ ихъ благоденствію. Такимъ образомъ Государь шелъ далѣе Мордвинова, дозволяя мѣщанамъ покупать крестьянъ. На это мы сдѣлали слѣдующія замѣчанія.

Прежде всего намъ казалось, что будетъ слишкомъ много — позволить разночинцамъ вдругъ пріобрѣтать и земли, и крестьянъ; съ другой стороны, крестьяне, купленные мѣщанами, съ меньшею властью надъ ними покупателей, представятъ имъ и менѣе выгодъ, и потому такія продажи будутъ рѣдки, тѣмъ болѣе, что помѣщики никогда не захотятъ продавать своихъ крестьянъ по пониженной цѣнѣ, имѣя возможность продать ихъ выгоднѣе полноправнымъ лицамъ (дворянамъ), слѣдовательно — такая мѣра не осуществится въ практикѣ.

Напротивъ того, множество людей, сдѣлавшись собственниками ненаселенныхъ имѣній, увеличитъ цѣну земли, и направитъ свою дѣятельность такимъ образомъ, чтобы извлекать выгоды изъ своихъ имѣній независимо отъ крѣпостныхъ людей, что послужитъ въ пользу промышленности.

По видимому Е. В. сочувствовалъ этимъ соображеніямъ. За тѣмъ зашла рѣчь о личной продажѣ крѣпостныхъ людей и о необходимости отмѣнить такой варварскій обычай. Императоръ снова обратился къ проекту Зубова по сему предмету и прочелъ его въ цѣлости.

Въ этомъ проектѣ, Зубовъ говоритъ о дворовыхъ особо отъ крестьянъ: предлагая запретить продажу людей безъ земли, онъ считаетъ полезнымъ записать дворовыхъ въ цѣхи (les corps de metiers), и потомъ, если собственники пожелаютъ продавать ихъ, то выкупать ихъ на счетъ казны, опредѣливъ цѣну выкупа, а при раздѣлѣ наслѣдства не раздѣлять членовъ одной и той-же семьи. Казалось—для выкупа онъ указалъ не слишкомъ достаточныя средства; на такой предметъ потребовались-бы отъ казны огромные расходы. Записка дворовыхъ въ цѣхи также показалась намъ неудобною и несообразною съ духомъ народа, который вслѣдствіе того получилъ бы весьма ложныя понятія о повиновеніи дворовыхъ людей господамъ ихъ; могли подумать, что первые ничѣмъ не обязаны въ отношеніи къ послѣднимъ, и это повлекло-бы за собою съ одной стороны опасныя крайности, а съ другой — слишкомъ большое неудовольствіе для перваго шага къ освобожденію крѣпостныхъ людей. Тѣмъ не менѣе Е. В. принялъ начала запрещенія личной продажи (la vente individuelle) и дозволеніе мѣщанамъ и казеннымъ крестьянамъ покупать недвижимую собственность. Вообще-же онъ приказалъ гр. Кочубею составить проектъ указа по симъ двумъ предметамъ, на основаніи идей Зубова, исключивъ только то, что было признано неудобнымъ.

Въ слѣдующее засѣданіе 11-го ноября, надлежало выслушать помянутый проектъ, но различныя обстоятельства не позволили членамъ Комитета явиться въ обычное время, а графъ Кочубей, заключивъ изъ того, что совѣщаніе было отложено, уѣхалъ, но когда собрались прочіе члены, Государь приказалъ Новосильцову прочесть свои замѣчанія по этому предмету. По его мнѣнію, надлежало, въ началѣ проекта, указать, что причиною такихъ мѣръ было желаніе развить народное богатство. Допуская, подобно Зубову, выкупъ дворовыхъ, онъ, для облегченія казны въ уплатѣ денегъ, предложилъ, чтобы департаментъ финансовъ производилъ ее, въ теченіе шести мѣсяцевъ, рекрутскими квитанціями, либо наличными деньгами. Но даже и въ такомъ случаѣ, если-бы не стало дѣло за деньгами, надлежало рѣшить вопросъ: что дѣлать съ выкупленными дворовыми людьми? Оставаясь праздными, не сдѣлаются ли они бродягами? На предложеніе выселить ихъ отвѣчали: такое переселеніе требуетъ большихъ средствъ, а всѣмъ извѣстно, что у насъ переселенія совершаются весьма дурно, по причинѣ плохихъ чиновниковъ, которымъ вынуждены мы повѣрять такія предпріятія, имѣющія большею частью самыя неудовлетворительныя послѣдствія. Переселять дворовыхъ—значило-бы обречь этихъ несчастныхъ вѣрной гибели.

Е. В. желалъ знать мнѣніе своихъ сотрудниковъ — не лучше-ли исполнить предлагаемыя мѣры отдѣльно одну отъ другой, т.-е. удовольствоваться на первый разъ предоставленіемъ разночинцамъ права покупки земель. Ему отвѣчали, что какъ каж-

дая изъ этихъ мѣръ могла возбудить неудовольствіе, то лучше покончить дѣло вдругъ. Но Государь остался при своемъ мнѣніи, и выразилъ желаніе, чтобы Новосильцовъ посовѣтовался съ Гг. Лагарпомъ и Мордвиновымъ и далъ въ первое засѣданіе отчетъ, какъ они думаютъ: объявить ли о помянутыхъ двухъ мѣрахъ вмѣстѣ или отдѣльно?

Въ слѣдующее засѣданіе, ноября 18-го, Новосильцовъ читалъ свой докладъ о совѣщаніи съ Лагарпомъ и Мордвиновымъ: оба они нашли необходимымъ привести въ исполненіе отдѣльно предположенныя мѣры, отложивъ на время выкупъ крѣпостныхъ людей, во избѣжаніе неудовольствій и опасеній дворянства и возбужденія слишкомъ большихъ надеждъ въ крестьянахъ. Графъ Мордвиновъ весьма одобрялъ свободную покупку земли, и даже думалъ, что она поведетъ къ личному выкупу. Новосильцовъ соглашался съ ихъ мнѣніемъ, полагая, что „выкупъ дворовыхъ людей могъ поселить въ помѣщичьемъ сословіи опасеніе немедленнаго освобожденія крестьянъ". По словамъ его „уже и безъ того ходили слухи, тѣмъ болѣе опасные, что общественное мнѣніе считало Государя слишкомъ склоннымъ къ освобожденію" (d'être trop porté pour la liberté). Императоръ согласился отсрочить личный выкупъ, но „гр. Кочубей, кн. Чарторыскій и я—пишетъ гр. Строгановъ—мы были инаго мнѣнія".

Графъ Кочубей полагалъ, что было бы несправедливо и неблагоразумно дать новыя льготы свободнымъ людямъ и казеннымъ крестьянамъ, ничего не сдѣлавъ въ пользу крѣпостныхъ, кои живутъ бокъ-о-бокъ съ первыми, нерѣдко ихъ друзьями и родными, и видя новыя преимущества сосѣдей, еще болѣе станутъ тяготиться своимъ положеніемъ. Дворяне — говорилъ Кочубей — будутъ также недовольны рядомъ отдѣльныхъ мѣръ, очевидно клонящихся къ освобожденію крестьянъ, находясь постоянно въ опасеніи новыхъ распоряженій: изъ всего этого онъ выводилъ заключеніе, что лучше рѣшить предложенные вопросы однимъ разомъ.

Князь Чарторыскій, соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, сказалъ, что право помѣщиковъ на крестьянъ столь ужасно, что не слѣдовало ничѣмъ удерживаться при нарушеніи его, да и всѣ опасенія по сему предмету были неосновательны. Графъ Кочубей къ тому замѣтилъ, что запрещеніе личной продажи крестьянъ вовсе у насъ не новость, что „въ Малороссіи, въ Польшѣ, въ Литвѣ, въ Бѣлоруссіи, Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи никогда не было отдѣльной продажи крѣпостныхъ людей, и что стоитъ только теперь распространить это постановленіе на всю Россію".

Что касается до меня — пишетъ гр. П. А. Строгановъ—то вотъ какимъ образомъ я оспоривалъ мнѣнія тѣхъ господъ (Лагарпа, Мордвинова и Новосильцова).

Главнымъ доводомъ ихъ служила мысль, что не слѣдуетъ слишкомъ оскорблять обще-принятыя убѣжденія, изъ опасенія подать поводъ къ неудовольствію и опасному волненію. Этотъ доводъ такъ очевиденъ, что нельзя не согласиться съ нимъ, но, всматриваясь ближе въ причины, могущія привести къ подобнымъ послѣдствіямъ, убѣдимся, что нѣтъ необходимости въ отдѣльномъ исполненіи двухъ помянутыхъ мѣръ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть причиною опаснаго волненія...—

Изъ фактовъ нашей исторіи графъ Строгановъ выводилъ заключеніе, что если надлежитъ бояться чего-нибудь неудовольствія, и затѣмъ возстанія, то, конечно, со стороны крестьянъ, а не дворянъ; касательно же опасенія, что могутъ найтись низкіе люди, ко-

торые, злоупотребляя милостями правительства, станутъ волновать народъ, чтобы произвести смуты, графъ сослался на ближайшее время, когда, несмотря на общее неудовольствіе и на повсемѣстное разстройство, никто не могъ вооружить народъ противъ верховной власти.

Рѣчь гр. П. А. Строганова заключилась обстоятельнымъ развитіемъ мысли, прямо противоположной мнѣнію Новосильцова, именно графъ доказывалъ, что если въ этомъ дѣлѣ есть опасность, то она заключается не въ освобожденіи крестьянъ, а въ удержаніи крѣпостного состоянія.

2.

Засѣданіе 9-го декабря открылось случайнымъ вопросомъ, возбужденнымъ, по поводу замѣщенія князя Гагарина въ занимаемыхъ имъ должностяхъ. Графъ Кочубей спросилъ у Государя, кого онъ намѣренъ назначить на открывшуюся вакансію директора банка. Императоръ колебался въ выборѣ между графомъ Сергѣемъ Румянцовымъ и Колычевымъ, только что возвратившимся изъ Парижа; Государь еще назвалъ Державина, но члены Комитета, отдавая справедливость уму Румянцова и Державина, считали ихъ неуживчивыми и склоняли Императора въ пользу Колычева, на что онъ по видимому и согласился. За тѣмъ, по порядку дѣлъ (à l'ordre du jour), графъ П. А. Строгановъ прочелъ свою записку о реформѣ сената.

Я началъ—говоритъ графъ—историческимъ изложеніемъ предмета и напомнилъ Е. В., весь ходъ этого дѣла почти въ слѣдующемъ смыслѣ. Императору больно видѣть сенатъ въ томъ унизительномъ состояніи, въ какое онъ впалъ въ послѣднее время, и потому Е. В., считая это учрежденіе необходимымъ противовѣсомъ произволу (voyant dans ce corps contrepoid qui devrait exister au pouvoir absolu), желаетъ пріискать мѣры къ возвращенію ему прежняго значенія, какъ то было при Петрѣ Великомъ, и утвердить его авторитетъ на такомъ прочномъ основаніи, чтобы онъ могъ сохранить его. Императоръ, полагая, что подобный трудъ могъ выполнить лучше всѣхъ самъ сенатъ, поручилъ ему, именнымъ указомъ 5-го іюля, изслѣдовать причины своего упадка и средства къ своему возстановленію. Сенатскій докладъ заключалъ въ себѣ изложеніе правъ, въ различныя времена дарованныхъ сенату, и кои, не будучи отмѣнены, потеряли силу; предлагая утвердить эти права, сенатъ присоединилъ къ тому нѣкоторыя постановленія о порядкѣ веденія дѣлъ. Хотя этотъ докладъ не вполнѣ соотвѣтствовалъ мыслямъ Государя, однако-же онъ приказалъ Трощинскому извлечь изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ мнѣній, приложенныхъ къ Докладу, одобренныя Его Величествомъ статьи и дополнить ими Докладъ сената. Между тѣмъ князь Зубовъ и Державинъ представили проекты совершеннаго преобразованія сената, которые заключали въ себѣ идеи, издавна нравившіяся Государю. Императоръ приказалъ принять въ соображеніе и эти проекты при составленіи новаго Доклада. Проектъ кн. Зубова отличался отъ проекта Державина тѣмъ, что въ немъ сенатъ обращался въ законодательное собраніе, и потому предполагалось ограничиться державинскимъ проектомъ. Но молодые сотрудники Государя доложили ему, что они сочли нужнымъ отклониться отъ идей, заключавшихся въ обоихъ проектахъ, съ тѣмъ, чтобы во 1-хъ, не отнять у правительства свободы въ его дальнѣйшихъ распоряженіяхъ, и во 2-хъ, поставить сенатъ, въ отношеніи къ судебной части, въ большую независимость отъ

его канцеляріи, что не можетъ подать поводъ къ опасеніямъ, ибо у насъ будетъ высшее судилище.

3.

Какъ не было указано никакого предмета для засѣданія 20-го генваря, то оно началось общею бесѣдою. Г. Новосильцовъ сказалъ, что два лифляндскихъ помѣщика подали ему проекты, на счетъ опредѣленія правъ господъ надъ ихъ крестьянами: одинъ изъ нихъ изъявилъ желаніе, чтобы его проектъ былъ утвержденъ Высочайшимъ указомъ; другой просилъ только утвердить частный договоръ, заключенный имъ съ своими крестьянами. Въ Лифляндіи, отъ времени до времени, созывались дворянскія собранія (Landtag), для совѣщанія о финансовыхъ и прочихъ дѣлахъ страны. По случаю предстоявшаго вскорѣ такого собранія, лифляндскіе дворяне желали, чтобы имъ было дозволено заняться улучшеніемъ быта ихъ крестьянъ, увѣряя въ согласіи на то большей части своихъ сочленовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, просили, чтобы о такомъ дозволеніи заявлено было рижскому военному губернатору, потому что, въ противномъ случаѣ, онъ будетъ, по всей вѣроятности, тому препятствовать.

По вопросу—дозволить-ли, или нѣтъ ландтагу совѣщаться объ этомъ дѣлѣ—голоса раздѣлились. Новосильцовъ полагалъ, что слѣдовало дать желаемое разрѣшеніе, тѣмъ болѣе, что—рано или поздно—придется сдѣлать первый шагъ къ освобожденію крестьянъ; вездѣ начинали его помѣщики; если-же подастъ тому примѣръ цѣлая область, то это будетъ имѣть вліяніе на всю Россію, и ежели сами помѣщики желаютъ улучшить положеніе своихъ крестьянъ, то препятствовать имъ въ томъ было-бы нарушеніемъ права собственности, на основаніи котораго они могли заключать съ своими крестьянами всякія сдѣлки, не нарушающія общественнаго порядка, и потому слѣдовало приступать къ такому дѣлу не иначе, какъ съ общаго согласія владѣльцевъ. По мнѣнію Новосильцова, Государь долженъ былъ, не вмѣшиваясь формально во взаимныя отношенія обоихъ сословій, дозволить помѣщикамъ заняться этимъ дѣломъ. Князь Чарторыскій изъявилъ такое-же мнѣніе.

Напротивъ того, графъ Кочубей считалъ вопросъ объ улучшеніи быта крестьянъ весьма щекотливымъ и требующимъ основательнаго обсужденія. Онъ полагалъ, что, при сильномъ общественномъ убѣжденіи въ наклонности Государя къ освобожденію крестьянъ, было бы опасно обратить вниманіе на этотъ предметъ въ одной изъ областей, откуда движеніе могло бы распространиться на прочія, и потому слѣдовало внести это дѣло на обсужденіе въ Совѣтъ. Ему возразили, что: во 1-хъ, тамъ, по всей вѣроятности, не одобрятъ такого предложенія, и тогда будетъ неудобно не послѣдовать мнѣнію Совѣта; во 2-хъ, что какъ только это дѣло поступитъ въ Совѣтъ, то молва о томъ разнесется по всему городу, въ такомъ видѣ, что Государь самъ отъ себя приступилъ къ этой мѣрѣ, и потому лучше обсудить дѣло въ небольшомъ комитетѣ.

„Что касается меня,—пишетъ графъ Строгановъ,—я изъявилъ рѣшительно несогласіе на дозволеніе ландтагу заниматься этимъ предметомъ“. По мнѣнію графа, не слѣдовало запрещать автору проекта привести его въ исполненіе у себя, но самое дѣло долженствовало быть разсмотрѣно здѣсь, а не въ многочисленномъ собраніи, подобномъ ландтагу. Онъ удивлялся увѣренности составителей проектовъ въ общемъ сочувствіи лифляндскаго

и эстляндскаго дворянства, извѣстнаго строгостью къ своимъ крестьянамъ; если ландтагъ отвергнетъ эти предположенія, то они не могутъ быть приведены въ исполненіе, не смотря на представляемую ими пользу. Изъ всего сказаннаго онъ вывелъ заключеніе, чтобы это дѣло обсудить у себя (que la chose soit examinée à la maison), позволить то, что окажется безопаснымъ и запретить остальное, не допуская вмѣшательства ландтага. Какъ члены комитета оставались при своихъ мнѣніяхъ, то Государь рѣшилъ, чтобы Новосильцовъ посовѣтовался о томъ съ нѣсколькими лицами, и въ числѣ ихъ съ графомъ Воронцовымъ...—

(Богдановичъ. Исторія Александра I, т. I, прилож. с. 49—62).

---

137. Реформа сената.

1. Указъ 5 іюня 1801 г. Прав. сенату.

Уважая всегда правительствующій сенатъ, яко верховное мѣсто правосудія и исполненія законовъ, и зная сколь много права и преимущества, отъ Государей предковъ моихъ ему присвоенныя, по времяни и различнымъ обстоятельствамъ подвергалися перемѣнѣ, къ ослабленію и самой силы закона всѣмъ управлять долженствующаго, Я желаю возставить оной на прежнюю степень ему приличную и для управленія мѣстъ ему подвластныхъ толико нужную; и на сей конецъ требую отъ сената, чтобы онъ, собравъ, представилъ Мнѣ докладомъ все то, что составляетъ существенную должность, права и обязанность его, съ отверженіемъ всего того, что въ отмѣну или ослабленіе оныхъ доселѣ введено было. Права сіи и преимущества прав. сената, Я намѣренъ поставить на незыблемомъ основаніи какъ государственной законъ и силою данной Мнѣ отъ Бога власти потщусь подкрѣплять, сохранять и содѣлать его на вѣки непоколебимымъ.

Александръ.

2. Положеніе о правахъ и преимуществахъ Сената.

(Проектъ гр. Завадовскаго.)

Государь Императоръ изъявляетъ Свою священную волю возвратить сенату права и преимущества его толико измѣнившіяся. О достопамятный указъ 5-го іюня! Чрезъ столѣтіе Самодержцы Всероссійскіе Александръ Первый съ Петромъ Первымъ и Великимъ встрѣчаются единомысліемъ о правительствѣ, которое имѣло бы пространную власть и довѣренность своего Государя, и имянемъ Его дѣйствовало бы на всѣ дѣла въ имперіи. Вдохновенные всемѣрнымъ благоволеніемъ Монарха возстановить сенатъ на прежнюю степень верховнаго мѣста, взойдемъ отъ настоящей тѣни того къ первой епохѣ Россійскаго сената, въ которой былъ онъ полномоченъ, и въ тѣ періоды, въ коихъ паче и паче сталъ безгласенъ и невластенъ.

Хотя отъ самой кончины Императора Петра Перваго во всѣ времяна властолюбивыя лица, пользуясь довѣренностью государскою, стремились къ тому, чтобы имъ, а не мѣстамъ, властвовать въ дѣлахъ; но никогда толико не успѣли во униженіе сената, какъ въ послѣдніе годы. Безъ напряженія можемъ уподобить сенатъ немощному тѣлу въ такія времена, когда онъ не видѣлъ у себя предсѣдающими Государей, и отношенія его къ нимъ шли не чрезъ самихъ членовъ, а чрезъ третія руки. Въ таковъ положеніи издано повелѣніе рѣшить въ немъ дѣла по большинству голосовъ, въ опроверженіе кореннаго права, что голосъ и одного сенатора си-

ленъ былъ остановить дѣло. Тутъ сенатъ въ первой разъ отъ учрежденія своего подвергнутъ въ своихъ рѣшеніяхъ, подобно суднымъ мѣстамъ, апелляціи, и даже указомъ опубликованъ назначенный къ подачѣ оной годовой срокъ. Слѣдствіемъ того было, что генералъ-рекетмейстеръ, учрежденный отъ Государя Петра Великаго для принятія въ сенатъ прошеній на коллегіи, началъ принимать прозьбы на опредѣленія сената и возвышенъ, такъ сказать, въ судію дѣламъ того правительства, которому былъ подчиненъ. По выбору и произволу прерывалась очередь теченія дѣлъ, и сенатъ, объятый сильнымъ вліяніемъ на его дѣла, по нѣсколько разъ перерѣшивалъ свои рѣшенія. Се образъ порабощеннаго сената, въ которомъ молчать тяжко, говорить было бѣдственно!

Пройдя прошедшій бытъ вещей, и внимая колико вождѣленному, толико и твердому гласу нынѣ царствующаго Монарха, призывающаго насъ изложить предъ Нимъ права и обязанность сената, представимъ всеподданнѣйше благоволенію Его слѣдующія статьи:

1-я. Сенатъ по основанію своему есть первое государственное правительство, снабдѣнное отъ своего Государя и законодателя силою и всею исполнительною властію, потому управляетъ всѣми гражданскими мѣстами въ имперіи, высшей власти надъ собою не имѣетъ кромѣ единой самодержавнаго Государя, коего едино же лице предсѣдаетъ въ ономъ. Должность и обязанность его по присягѣ подданнической предохранять права и преимущества своего самодержца, соблюдать законы, пещись всемѣрно о исполненіи воли и повелѣній Государя, о всякой вообще пользѣ народной, и о теченіи законнаго правосудія повсемѣстно. Изъ сихъ правъ изливается преимущество, чтобы повелѣнія его исполняемы были, какъ имянные Государя указы. По симъ правамъ принадлежитъ ему ходатайство у престола по всякимъ народнымъ нуждамъ и въ случаѣ потребъ государственныхъ докладываяся Имп. Величеству, прибавлять по статьямъ доходовъ необходимую прибавку платы или податей, чего не могъ бы ни основательно, ни облегчительнѣе расположить, если не будетъ у себя имѣть полныхъ свѣдѣній о всѣхъ частяхъ государственной економіи. Отъ сихъ правъ слѣдуетъ и то, что судъ и расправа верховнымъ образомъ принадлежитъ сенату по входящимъ въ оной гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ; ибо сколько невозможно одному государю (приводимъ въ доказательство вышеупомянутыя слова Петра Великаго) [1] — удовлетворить всѣмъ первымъ, столько по вторымъ несвойственно священному сану царскому своимъ подписомъ утверждать казни: законы осуждаютъ, законы наказываютъ, но драгоцѣннѣйшее право помиловать и простить остается неограниченно во власти Государя, и для того—

2. Нужно подтвердить указы 1711, 1718, 1766 и 1768 годовъ, коими толь строго опредѣлено, чтобы на сенатъ апелляціи не было.

8. Члены сената опредѣляются избранные самимъ Государемъ не менѣе чина тайнаго совѣтника. Благомысліе, незазорная жизнь и свѣдѣніе государственныхъ законовъ,— неразлучныя качества съ ихъ знаменитымъ саномъ.

12. Въ томъ образѣ, что сенатъ приводитъ въ исполненіе всѣ законы и есть верховное мѣсто суда и расправы, должно постановить или паче подтвердить, чтобы въ единой власти

---

[1] По докукамъ челобитчиковъ, не дававшихъ покою и наипопечительнѣйшему государю, изъяснился въ публичномъ указѣ, что одинъ всѣхъ удовольствовать не можетъ, и хотя былъ бы ангелъ, въ тоже время присутствовать всюду.

сената состояло точное и непосредственное управленіе всѣхъ присутственныхъ мѣстъ въ имперіи, и чтобы одинъ Государь или имянной указъ Его могъ перемѣнить или остановить повелѣніи сената; и также бы никто не могъ, кромѣ единаго сената, предписывать образъ исполненія законовъ, и дабы всѣ недоразумѣнія представляемы были на его разрѣшенія.

13. По уваженію, что точность исполненія поспѣшествуется выборомъ исполнителей и въ должности сената предоставлено ему назначать и опредѣлять чиновниковъ по исполнительной части, потому слѣдовало бы сенату избирать въ президенты коллегій, опричь трехъ первыхъ, въ губернаторы и въ другія мѣста кандидатовъ и представлять Государю, какъ отъ Высочайшей конфирмаціи зависитъ тѣхъ опредѣленіе; ибо въ прочія зависимыя отъ сената мѣста по докладу герольдіи самъ опредѣляетъ.

15. Всѣ добрые государи не оскорбляются представленіемъ имъ истины, покровительствуютъ законы, и народное благо вмѣняютъ въ свое собственное. Всѣ сіи свойства мы видя въ царствующемъ Государѣ, не можемъ подумать прогнѣвать Его тѣмъ, если испросимъ дозволеніе сенату, что уже коллегіи по регламенту, палаты по учрежденіямъ имѣютъ, и что отъ Императрицы Екатерины Вторыя въ наказѣ, данномъ о сочиненіи проекта новаго уложенія, предписано, представлять Государю, естьли бы законъ или указъ отъ Него вышелъ противенъ прежде изданнымъ, вреденъ или неясенъ былъ. Но когда по представленію о томъ, не угодно будетъ отмѣнить, тогда уже исполняется оной безмолвно.

Сенатъ, ободренный указомъ толико благоволящаго къ нему Государя, все вышеписанное предаетъ Высочайшему благоусмотрѣнію.

(Сборникъ Археологическаго Института, кн. I, отдѣлъ II, с. 68—78.)

XXIII. Крестьянскій вопросъ.

138. Первыя мѣры въ пользу крестьянъ.

1. О предоставленіи купечеству, мѣщанству и казеннымъ поселянамъ пріобрѣтать покупкою земли.

1801 г. декабря 12.

Желая дать новое поощреніе земледѣлію и промышленности народной соразмѣрно способамъ, какія Россія по пространству и положенію своему имѣетъ, признали Мы нужнымъ право пріобрѣтенія всякихъ подъ разными именами извѣстныхъ земель безъ крестьянъ и владѣнія всѣмъ тѣмъ, что на поверхности и въ нѣдрахъ ихъ находится, распространить на всѣхъ Россійскихъ подданныхъ, кромѣ тѣхъ, кои причислены къ помѣщичьимъ владѣніямъ. И въ слѣдствіе того предоставляемъ не только купечеству, мѣщанству и всѣмъ городскимъ правомъ пользующимся, но и казеннымъ поселянамъ, къ какому бы они вѣдомству ни принадлежали, равномѣрно и отпущеннымъ на волю отъ помѣщиковъ пріобрѣтать покупкою земли отъ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ по законамъ право на продажу, и утверждать таковыя пріобрѣтенія за собою совершеніемъ купчихъ каждому отъ своего имени въ учрежденныхъ на то мѣстахъ законнымъ порядкомъ, собственность ихъ ненарушимо ограждающимъ. Правитель-

ствующій сенатъ, сходственно сему, не оставитъ учинить надлежащія распоряженія.

(Н. Клочковъ, № 102, с. 163.)

2. Объ отпускѣ помѣщикомъ крестьянъ своихъ на волю по заключеніи условій на обоюдномъ согласіи основанныхъ.

1803 г. февраля 20.

Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Графъ Сергѣй Румянцовъ, изъявивъ желаніе нѣкоторымъ изъ крѣпостныхъ его крестьянъ при увольненіи ихъ утвердить въ собственность продажею или на другихъ добровольныхъ условіяхъ участки изъ принадлежащихъ ему земель, испрашивалъ, чтобъ условія таковыя, добровольно заключаемыя, имѣли то же законное дѣйствіе и силу, какое прочимъ крѣпостнымъ обязательствамъ присвоено, и чтобъ крестьяне такимъ образомъ уволенные, могли оставаться въ состояніи свободныхъ земледѣльцовъ, не обязываяся входить въ другой родъ жизни.

Находя съ одной стороны, что по силѣ существующихъ законовъ, какъ то, по Манифесту 1775 и указу 12 декабря 1801 годовъ увольненіе крестьянъ и владѣніе уволеннымъ землею въ собственность, дозволено; а съ другой, что утвержденіе таковое земель въ собственность можетъ во многихъ случаяхъ представить помѣщикамъ разныя выгоды и имѣть полезное дѣйствіе на ободреніе земледѣлія и другихъ частей Государственнаго хозяйства: Мы считаемъ справедливымъ и полезнымъ, какъ ему Графу Румянцову, такъ и всѣмъ, кто изъ помѣщиковъ послѣдовать примѣру его пожелаетъ, распоряженіе таковое дозволить; а дабы имѣло оно законную свою силу; находимъ нужнымъ постановить слѣдующее:

1) Если кто изъ помѣщиковъ пожелаетъ отпустить благопріобрѣтенныхъ или родовыхъ крестьянъ своихъ по одиночкѣ, или и цѣлымъ селеніемъ на волю, и вмѣстѣ съ тѣмъ утвердить имъ участокъ земли или и цѣлую дачу; то сдѣлавъ съ ними условія, какія по обоюдному согласію признаются лучшими, имѣетъ представить ихъ при прошеніи своемъ чрезъ Губернскаго Дворянскаго Предводителя къ Министру Внутреннихъ дѣлъ для разсмотрѣнія и представленія Намъ; и если послѣдуетъ отъ Насъ рѣшеніе желанію его согласное: тогда предъявятся сіи условія въ Гражданской Палатѣ и запишутся у крѣпостныхъ дѣлъ со взносомъ узаконенныхъ пошлинъ.

2) Таковыя условія, сдѣланныя помѣщикомъ съ его крестьянами и у крѣпостныхъ дѣлъ записанныя, сохраняются какъ крѣпостныя обязательства свято и ненарушимо. По смерти помѣщика законной его наслѣдникъ или наслѣдники, вступаетъ во всѣ обязанности и права, въ сихъ условіяхъ означенныя.

3) Въ случаѣ неустойки той, или другой стороны въ сихъ условіяхъ Присутственныя мѣста по жалобамъ разбираютъ и чинятъ взысканія по общимъ узаконеніямъ о контрактахъ и крѣпостяхъ, съ таковымъ при томъ наблюденіемъ, что если крестьянинъ, или и цѣлое селеніе не исполнитъ своихъ обязательствъ: то возвращается помѣщику съ землею и семействомъ его во владѣніе по прежнему.

4) Крестьяне и селенія отъ помѣщиковъ по таковымъ условіямъ съ землею отпускаемые, если не пожелаютъ войти въ другія состоянія, могутъ оставаться на собственныхъ ихъ земляхъ земледѣльцами и сами по себѣ составляютъ особенное состояніе свободныхъ хлѣбопашцовъ.

5) Дворовые люди и крестьяне, кои доселѣ отпущаемы были лично на

волю съ обязательствомъ избрать родъ жизни, могутъ въ положенный законами срокъ вступать въ сіе состояніе свободныхъ земледѣльцовъ, если пріобрѣтутъ себѣ земли въ собственность. Сіе распространяется и на тѣхъ изъ нихъ, кои находятся уже въ другихъ состояніяхъ и перейти въ земледѣльческое пожелаютъ, пріемля на себя и всѣ обязанности онаго.

6) Крестьяне, отпущенные отъ помѣщиковъ на волю и владѣющіе землею въ собственность, внесутъ подушный казенный окладъ наравнѣ съ помѣщичьими, отправляютъ рекрутскую повинность натурою, и исправляя на равнѣ съ другими казенными крестьянами земскія повинности, оброчныхъ денегъ въ казну не платятъ.

7) Они вѣдаются судомъ и расправою въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и казенные крестьяне; по владѣніямъ же землею разбираются по крѣпостямъ, какъ владѣльцы недвижимой собственности.

8. Какъ скоро исполненіемъ условій, крестьяне таковые получатъ землю въ собственность: они будутъ имѣть право продавать ее, закладывать и оставлять въ наслѣдіе, не раздробляя однакожъ участковъ менѣе 8 десятинъ; равно имѣютъ они право вновь покупать земли; а потому и переходить изъ одной Губерніи въ другую; но не иначе, какъ съ вѣдома Казенной Палаты для перечисленія ихъ подушнаго оклада и рекрутской повинности.

9. Поелику крестьяне таковые имѣютъ недвижимую собственность: то и могутъ они входить во всякія обязательства; и указы 1761 и 1765 годовъ, запрещающіе крестьянамъ безъ дозволенія ихъ начальствъ вступать въ условіи на нихъ не простираются.

10. Въ случаѣ, ежели бы крестьяне отпущаемые помѣщикомъ на волю съ землею, состояли въ казенномъ или частномъ залогѣ: они могутъ съ дозволенія казенныхъ мѣстъ и съ согласіемъ частныхъ кредиторовъ принимать на себя долгъ на имѣніи томъ лежащій, вносить его въ условія; а во взысканіи сего долгу на себя ими принимаемаго, поступать съ ними, какъ съ помѣщичьими.

На семъ основаніи Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить всѣ нужныя распоряженія.

(Клочковъ № 104 с. 165—7).

3. О поступаніи съ крѣпостными людьми, представляемыми помѣщиками ихъ для исправленія худаго поведенія на основаніи узаконеній, состоявшихся послѣ указа 1765.

1809, марта 10.

На основаніи указа 8 Генваря 1765 года, присланъ въ 1807 году въ Государственную Адмиралтействъ-Коллегію изъ Новгородскаго чрезъ Санктпетербургское Губернское Правленіе крестьянинъ Козьма Сергѣевъ, имѣющій отъ роду 49 лѣтъ, для употребленія по просьбѣ помѣщицы его Козляниновой, въ каторжную работу на 20 лѣтъ, для воздержанія отъ продерзостныхъ его поступковъ. Коллегія испрашивала отъ Прав. Сената разрѣшенія: долженъ ли указъ 1765 года имѣть свою силу и дѣйствіе, за состоявшимися послѣ онаго Высочайшими узаконеніями?

1-й Департаментъ Прав. Сената, заключая, что означенный указъ остается въ непремѣнной его силѣ, 22 Апрѣля 1807 года опредѣлилъ: предписать Адмиралтействъ-Коллегіи, чтобъ она въ пріемѣ и употребленіи крестьянина Сергѣева въ каторжную работу, поступила по точной силѣ того указа.

Государь Императоръ, по разсмотрѣніи сего опредѣленія, изволитъ находить, что съ изданіемъ Учрежденія о Губерніяхъ и другихъ

послѣдующихъ узаконеній, означенный указъ 1765 года не можетъ уже имѣть своего дѣйствія: ибо для исправленія людей худаго поведенія устроены смирительные и рабочіе домы; напротивъ того, каторжная работа опредѣлена единственно для важныхъ преступниковъ, какъ-то: смерто-убійцъ и прочихъ; за меньшія же преступленія назначена ссылка на поселеніе и другія наказанія по приговору Судебныхъ мѣстъ; по симъ уваженіямъ Е. И. В. Высочайше указать соизволилъ: послѣдовавшее въ Прав. Сенатѣ о крестьянинѣ помѣщицы Козляниновой опредѣленіе, отмѣнить, съ тѣмъ, чтобъ въ подобныхъ случаяхъ поступаемо было на основаніи послѣднихъ узаконеній.

(Клочковъ № 108 с. 171).

4. Объ остановленіи публикацій въ сенатскихъ объявленіяхъ, о продажѣ людей безъ земли.

1822. Сентября 29.

Правительствующій Сенатъ слушали:

1. Предложеніе Г. Министра Юстиціи, что Е. И. В. Высочайше повелѣть соизволилъ: публикаціи въ Сенатскихъ Объявленіяхъ, о продажѣ людей безъ земли, остановить впредь до воспослѣдованія о семъ положенія въ Государственномъ Совѣтѣ. О таковой Высочайшей волѣ, онъ, Г. Министръ Юстиціи предлагалъ Прав. Сенату для надлежащаго исполненія.

II. Предложеніе Оберъ-Прокурора Маврина, что Г. Министръ Юстиціи находитъ нужнымъ, объ означенномъ Высочайшемъ повелѣніи дать знать всѣмъ Губернскимъ Правленіямъ, безъ чего они не остановятся представленіемъ въ Прав. Сенатъ объявленій о продажѣ людей безъ земли и будутъ напрасно ожидать разрѣшеній. О чемъ онъ Г. Оберъ-Прокуроръ и предлагаетъ Прав. Сенату.

Приказали: о Высочайшей Е. И. В. волѣ, дабы публикаціи въ Сенатскихъ Объявленіяхъ, о продажѣ людей безъ земли, были остановлены, согласно заключенію Г. Министра Юстиціи, дать знать всѣмъ Губернскимъ Правленіямъ указами, съ тѣмъ, чтобъ они представленіями въ Правительствующій Сенатъ по сему предмету остановились впредь до особаго разрѣшенія...—

(Клочковъ № 114, с. 178.)

---

139. Публикаціи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1825 г. объ отдачѣ крѣпостныхъ въ услуженія.

1. Отпускается въ услуженіе человѣкъ 20 лѣтъ, собою видной, способной во всякую должность, а паче въ лакейскую, поведенія весьма добраго. Тутъ же продается количество тонкихъ пяти-четвертныхъ нынѣшняго года тканыхъ и бѣленыхъ полотенъ за сходную цѣну. Спросить близь Тверскихъ воротъ, идя отъ церкви Димитрія Селунскаго, по булевару къ Мясницкимъ воротамъ второй домъ, діакона оной церкви, у нанимающаго.

2. Отпускается въ услуженіе дворовая дѣвка 20 лѣтъ, собою видная и способная ходить за Барынею, шить тонкое бѣлье, гладить и крахмалить, также и бѣлую и черную работу способна изправлять. Спросить Прѣсненской Ч. 1 кварт. въ домѣ Ивана Тимофеева Федорова. подъ № 29.

3. Отпускается въ услуженіе дѣвка, умѣющая шить бѣлье и вышивать, также и прачешную должность изправлять можетъ. Спросить объ ней въ Голицынской Больницѣ у смотрителя галлереи.

4. Отпускается въ услуженіе дѣвка 23 лѣтъ, умѣющая хорошо мыть

и гладить всякое бѣлье, Хамовнической Ч., въ приходѣ Неопалимыя Купины, въ домѣ Госпожи Покровской.

5. Отпускаяются за излишествомъ разнаго мастерства люди, видные собой и хорошаго поведенія: сапожникъ, онъ же и башмашникъ, токарь, маляръ, столяръ, обойщикъ, шорникъ, оффиціантъ, знающій читать, писать и играть на флейтѣ. Желающіе могутъ спросить въ домѣ купца Нестерова за Каменнымъ мостомъ, въ приходѣ Козьмы и Даміана у нанимающаго.

6. Отпускается въ услуженіе садовникъ, которой изучился отъ извѣстнаго мастера Г. Левашева. Спросить въ домѣ Тверской Ч. 5 кварт. подъ № 409, близь Пречистенскихъ воротъ, на валу.

7. Отпускается въ услуженіе хорошаго поведенія лакей, помѣсячно, или въ годъ, которой можетъ исправлять и оффиціантскую должность, знающій читать и писать, играетъ на віолончели и скрыпкѣ, да другой ткачь, умѣющій ткать салфетки и полотна, и можетъ исправлять на дворѣ должность дворника. Спросить объ оныхъ близъ Пречистенскихъ воротъ, въ приходѣ Покрова, что на Грязи, въ домѣ подъ № 61, у самого Господина.

8. Отпускается въ услуженіе берейторъ, которой можетъ обучать учениковъ выѣзжать лошадей и быть при заводѣ. Спросить на Пречистенкѣ въ домѣ Господина Самсонова, у служителя Ивана Семенова Казанова. Тутъ же продается хорошей доброты сыръ, съ обожданіемъ денегъ.

9. Отпускается въ услуженіе горничная дѣвка 18 лѣтъ, знающая разныя рукодѣлія, добраго поведенія. Спросить въ домѣ Г-жи Васильевой, въ Оружейной улицѣ, близъ Смоленскаго рынку.

10. Отпускается въ услуженіе поваръ, онъ же знаетъ отчасти и кандитерское, съ женою, дочерью и сыномъ. Спросить Хамовнической Ч. въ приходѣ Неопалимыя Купины, въ домѣ Пояркова, у нанимающихъ. Въ ономъ же домѣ продается Холмогорской быкъ.

(Великая реформа, III томъ. Стр. 113.)

---

140. Изъ книги Гр. Стройновскаго. Объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами.

Рабство должно быть уничтожено тамъ, гдѣ оно еще остается.

22. По границѣ Россіи съ Европейской стороны нѣтъ уже почти нигдѣ подданства и рабства земледѣльцевъ, въ разсужденіи помѣщиковъ. Ибо въ Венгріи хотя нѣтъ торжественнаго отреченія владѣльцевъ, но опека правительства вовсе власть ихъ ослабила. И такъ остается въ Россіи узнать свою пользу, должно ли съ выгодою послѣдовать примѣру всей Европы, и освободить земледѣльцовъ отъ крѣпостного состоянія? или Россійское дворянство должно удержать надъ ними право собственности?

23. Бытописанія народовъ показываютъ, что въ какихъ странахъ земледѣльцы были прежде увольнены отъ подданства, тамъ народы болѣе успѣли въ образованіи себя въ размноженной людности, въ улучшеніи земледѣлія, въ доставленія себѣ изобилія и богатства. Таковыя доказательства судь не одного только разсужденія, но утверждены на опытахъ, что всебщая личная свобода людей составляетъ народную пользу. Рабы не почитаются гражданами Государства, и взираютъ на дворянство, имѣющее право угнѣтать ихъ, какъ на орудіе своего нещастія. Они видятъ малое противу себя число онаго: а примѣры научаютъ насъ, что нетер-

пѣливость перенесенія угнѣтающей тягости многократно побуждала земледѣльцовъ свергнуть съ себя оную; что не однажды имъ то удавалось; что даже неудача не ослабляла въ нихъ духа ропота и усилій содѣлаться свободными. Извѣстно сколь таковыя внутреннія возмущенія насильственны и по своей жестокости ужасны, они бы должны научить, что для собственнаго нашего блага и спокойствія надлежитъ помыслить о семъ единожды на всегда и освободиться отъ возмущенія крестьянъ, съ насильственностію коего и съ жестокостью мученій онаго ничто сравниться не можетъ.

24. Не будемъ таить сами предъ собою, что земледѣльцы угнетены излишнею барщиною, податью, наказаніями; словомъ, совершеннымъ своеволіемъ каждаго помѣщика. Какъ же полагать судя по человѣчески, чтобъ каждый владѣлецъ, коихъ число столь велико, былъ совершенно справедливъ, когда выбирая сами для себя въ судьи изъ людей просвѣщеннѣйшихъ, при всемъ томъ часто видимъ много ихъ несправедливостей; даже не рѣдко жалуемся на нихъ правильно, хотя они судя чужія, а не свои собственныя дѣла, не имѣютъ ни побужденія ни корысти, быть несправедливыми. Можемъ ли думать, что всѣ помѣщики изъяты отъ пороковъ сродныхъ человѣчеству? что они справедливѣе въ томъ, въ чемъ всегда съ другимъ рѣшаютъ о собственной своей пользѣ. Мы иногда слышимъ похвалы доброму господину, и сіе тотчасъ производитъ въ насъ пріятное чувствіе, какъ будто бы отзывалась въ насъ къ нему благодарность за человѣколюбіе его къ своимъ подданнымъ. Что жъ насъ удерживать можетъ отъ того, что бъ всѣмъ помѣщикамъ здѣлаться добрыми господами? отречься отъ своеволія нашего надъ сочеловѣками? и уничтожить ихъ рабство? Теперь свою совѣсть владѣлецъ бережетъ самъ; но кто только занимался когда нибудь лично домашнимъ хозяйствомъ, то легко признается, что надобно имѣть точныя и непоколебимыя правила, а притомъ непрерывное на самаго себя обращать вниманіе, что бъ всегда будучи судьею между собою и своимъ подданнымъ, и имѣя въ томъ неограниченную власть, не здѣлать какой нибудь несправедливости, если не по намѣренію, то по крайней мѣрѣ по ошибкѣ. Знаю, что найдутся добрые господа, милосердые, справедливые, которые даютъ приказанія своимъ управителямъ, наблюдать болѣе пользу подданнаго; но могутъ ли они быть всегда увѣрены, что желанія ихъ будутъ исполнены. Я увѣряю ихъ, что они въ томъ ошибаются, и увѣряю по опыту: ибо я старался проникнуть сіе съ точностію.

25. Владѣльцы имѣющіе вѣрныя и основательныя правила человѣколюбія, желающіе блага Государству, или Отечеству и своимъ потомкамъ, не могутъ воспротивиться увольненію земледѣльцовъ отъ подданства; ибо здѣсь нѣтъ отреченія отъ своего дохода, какой надлежитъ которому помѣщику; а при томъ говорится о утвержденіи и обезпеченіи онаго, и даже о умноженіи, какъ о томъ ниже сего предложу съ изъясненіемъ способовъ. Но дѣло идетъ о томъ, что бъ оставить людей при ихъ природномъ правѣ личной вольности, съ обезпеченіемъ ихъ собственности; чему не можно быть безъ уничтоженія ихъ рабства и подданства. Сему примѣру послѣдуютъ и тѣ, кои сами на себя не полагаютъ, и сами собою не могутъ удостовѣриться, что такой поступокъ не только имъ не вреденъ, но цѣлому Государству приноситъ пользу. А наконецъ ради всеобщаго порядка и отъ стыда приступятъ къ уничтоженію рабства и тѣ, которые по жадности

своей хотятъ выжимать для себя корысть изъ чужой бѣдности и нужды. Подавая сей совѣтъ, я въ то же время увольняю самъ отъ рабства и подданства нѣсколько тысячъ крестьянъ живущихъ въ моихъ вотчинахъ со всѣмъ ихъ потомствомъ...

Какимъ образомъ должны договариваться помѣщики съ крестьянами-земледѣльцами.

29. Владѣлецъ земли по справедливости можетъ требовать части дохода отъ оной, и сія часть правильно принадлежитъ ему; для того, что она остается отъ всѣхъ иждивеній, какія употреблены были для воздѣланія оной трудами земледѣльцовъ. Работники употребленные для воздѣланія ея награждены или деньгами, или хлѣбомъ, или землею данною имъ во временное владѣніе, отъ коей имѣютъ они содержаніе себя и всего хозяйства.

30. Послѣ увольненія крестьянъ отъ подданства слѣдуетъ съ ними, какъ съ людьми уже свободными, каждому помѣщику здѣлать договоръ, на основаніи котораго онъ удостовѣрился бы въ своемъ доходѣ, и взаимно, дабы земледѣлецъ обезпеченъ былъ въ томъ, сколько онъ изъ участка земли доставшагося ему долженъ помѣщику...

(Стройновскій. Объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами с. 33—42.)

XXIV. Государственныя реформы.

141. Изъ плана государственнаго преобразованія Сперанскаго.

1. О правахъ политическихъ.

Всѣмъ ли вообще подданнымъ россійскимъ должны принадлежать равно права политическія?

Съ тѣхъ поръ какъ основалась въ европейскихъ государствахъ система выборовъ, или народнаго представленія, участіе народа въ силахъ государственныхъ раздѣлилось на два главныя дѣйствія: право избиранія и право представленія. Слѣдовательно и вопросъ о принадлежности правъ политическихъ имѣетъ два вида: въ первомъ опредѣляется, всѣ ли вообще подданные должны имѣть право избиранія; во-второмъ—всѣ ли могутъ имѣть право представленія.

Къ разрѣшенію вопроса въ первомъ видѣ представляются слѣдующія уваженія:

Законъ составляется въ защиту лица и собственности. Слѣдовательно, положивъ право личное равнымъ, чѣмъ болѣе человѣкъ пріемлетъ участія въ собственности, тѣмъ естественно болѣе печется онъ о ея охраненіи. Сверхъ сего, самое пріобрѣтеніе собственности въ обыкновенномъ порядкѣ предполагаетъ разумъ и трудолюбіе.

Изъ сего слѣдуетъ, что въ общемъ исчисленіи человѣкъ, имѣющій собственность, по уваженію собственныхъ своихъ пользъ, болѣе пріемлетъ участія въ добротѣ закона и болѣе соединяетъ вѣроятностей къ правильному его усмотрѣнію, нежели человѣкъ безъ собственности или бобыль [1]).

Слѣдовательно нѣтъ сомнѣнія, что люди, имѣющіе собственность, всѣ безъ различія должны быть допускаемы къ участію въ правахъ политическихъ.

Но если вмѣстѣ съ ними допустить

[1]) Какая, напримѣръ, нужда человѣку безъ собственности ограничивать законъ о податяхъ вещественныхъ, когда законъ сей на него не падаетъ. (Примѣч. автора).

къ сему участію и людей, собственности не имѣющихъ, тогда голосъ и сужденіе сихъ послѣднихъ по числу ихъ, безъ сомнѣнія, возьметъ перевѣсъ, и, слѣдовательно, всѣ избирательныя силы народа перейдутъ въ руки тѣхъ самыхъ, кои наименѣе въ добротѣ сихъ выборовъ имѣютъ участія и наименѣе способовъ къ правильному ихъ усмотрѣнію [1]).

На семъ-то основано то важное правило, по коему во всѣхъ государствахъ, въ самой Франціи среди революціи, право выборовъ ограничено было только тѣми людьми, кои имѣютъ собственность.

Нѣтъ сомнѣнія, что и у насъ тому же правилу должно слѣдовать и потому постановить, что въ составленіи выборовъ никто не можетъ участвовать, кто не имѣетъ недвижимой собственности, или капиталовъ промышленности въ извѣстномъ количествѣ.

Сверхъ сего, есть въ обществѣ положенія, кои по образу жизни и воспитанія не позволяютъ предполагать ни довольно разума, ни столько любочестія, чтобы допустить людей, ими (sic) занимающихъ, къ участію въ составленіи закона. Таковы суть состоянія домашнихъ слугъ, ремесленныхъ и рабочихъ людей и поденщиковъ, хотя бы они и имѣли собственность, въ капиталахъ состоящую.

Къ разрѣшенію вопроса во второмъ видѣ представляются тѣ же уваженія. Если собственность должна быть принята основаніемъ въ правѣ выборовъ, то кольми паче она должна быть предпочтена въ правѣ представленія. По симъ-то причинамъ во всѣхъ государствахъ полагается извѣстный доходъ для права представленія, и доходъ сей долженъ быть выше, нежели окладъ для выборовъ.

---

[1]) Сіе состояніе общества называется охлократія. (Примѣч. автора).

2. Права состояній.

1. Права дворянства.

1. Дворянство пользуется всѣми гражданскими правами, подданнымъ россійскимъ вообще принадлежащими.

2. Сверхъ сихъ общихъ правъ, дворянство имѣетъ то особенное право, что оно свободно отъ личной службы очередной, но обязано непремѣнно отправлять оную въ гражданскомъ или воинскомъ званіи не менѣе 10-ти лѣтъ по своему выбору, но безъ перехода, исключая случаевъ, особеннымъ закономъ опредѣленныхъ.

3. Дворянство имѣетъ особенное право пріобрѣтать недвижимыя имѣнія населенныя, управляя ими по закону.

4. Дворянство имѣетъ политическія права въ выборѣ и представленіи, но не иначе, какъ на основаніи собственности.

5. Всѣ свободные промыслы, дозволенные закономъ, открыты дворянству. Оно можетъ вступать въ купечество и другія званія, не теряя своего состоянія...

2. Права средняго состоянія.

1. Среднее состояніе имѣетъ права гражданскія общія, но не имѣетъ особенныхъ.

2. Личная служба людей средняго состоянія опредѣляется по ихъ званіямъ и промысламъ особеннымъ закономъ.

3. Лица средняго состоянія имѣютъ политическія права по ихъ собственности.

4. Всѣ свободные промыслы имъ открыты, и изъ одного въ другой переходятъ они свободно, исполнивъ возложенныя на нихъ повинности.

5. Они достигаютъ личнаго дворянства службою, когда вступятъ въ оную по своему выбору, но не прежде, какъ исполнивъ службу, закономъ на нихъ возложенную.

3. Права народа рабочаго.

1. Народъ рабочій имѣетъ общія права гражданскія, но не имѣетъ правъ политическихъ.

2. Переходъ изъ сего класса въ слѣдующій всѣмъ отверзтъ, кто пріобрѣлъ недвижимую собственность въ извѣстномъ количествѣ и исполнилъ повинности, коими обязанъ былъ по прежнему состоянію.

Составъ сего класса.

3. Къ классу рабочаго народа причисляются всѣ помѣстные крестьяне, мастеровые, ихъ работники и домашніе слуги.

3. Государственная Дума.

Изъ депутатовъ, представленныхъ отъ губернской думы, составляется законодательное сословіе, подъ именемъ государственной думы.

Государственная дума государственныхъ силъ есть мѣсто, равное сенату и министерству.

Государственная дума собирается по коренному закону и безъ всякаго созыва ежегодно въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

Срокъ дѣйствія ея опредѣляется количествомъ дѣлъ, ей предлагаемыхъ.

Дѣйствіе государственной думы пресѣкается двоякимъ образомъ: 1) отсрочкою его до будущаго года; 2) совершеннымъ всѣхъ членовъ ея увольненіемъ.

Отсрочка производится актомъ державной власти въ государственномъ совѣтѣ.

Увольненіе производится таковымъ же актомъ, но съ означеніемъ въ немъ же новыхъ членовъ, назначенныхъ послѣдними выборами губернскихъ думъ.

Кромѣ общаго увольненія, члены государственной думы не могутъ оставить свое мѣсто, развѣ смертію или опредѣленіемъ верховнаго суда.

Въ сихъ двухъ послѣднихъ случаяхъ мѣста членовъ занимаются непосредственно однимъ изъ кандидатовъ, въ спискѣ послѣдняго выбора означенныхъ.

Предсѣдатель государственной думы есть канцлеръ по самому своему званію.

Особенный чиновникъ опредѣляется ему въ помощь подъ именемъ секретаря государственной думы.

Въ первыхъ собраніяхъ государственная дума образуетъ слѣдующія законодательныя комиссіи:..—(6 ком.).

Каждая изъ сихъ комиссій имѣетъ своего предсѣдателя и секретаря по выбору думы.

Дѣла государственной думѣ предлагаются отъ имени державной власти однимъ изъ министровъ или членовъ государственнаго совѣта...—

(Планъ государст. преобразованія Сперанскаго с. 15—79.)

---

142. Образованіе Государственнаго Совѣта.

1810 генваря 1.

Манифестъ.

Къ утвержденію и распространенію единообразія и порядка въ Государственномъ управленіи, признали Мы нужнымъ установленію Государственнаго Совѣта дать образованіе, свойственное пространству и величію Нашей Имперіи.

Съ того времени, какъ Отечество Наше, собравъ во едино раздробленныя нѣкогда Удѣльнымъ владѣніемъ его силы, природнымъ разумомъ и твердостію духа отверзло себѣ всѣ пути къ славѣ и могуществу, внутреннія его установленія, постепенно усовершаясь, многократно прелагаемы были по разнымъ степенямъ гражданскаго его существованія.

Истинный разумъ всѣхъ сихъ усовершеній состоялъ въ томъ, чтобы по мѣрѣ просвѣщенія и расширенія

общественныхъ дѣлъ, учреждать постепенно образъ управленія на твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ закона. Къ сему склонялись многократныя постановленія о лучшемъ образѣ изданія законовъ, объ устройствѣ порядка суднаго и исполнительнаго...—

Нынѣ съ помощію Вышняго, положили Мы совершить сіе образованіе на слѣдующихъ главныхъ началахъ:

I. Въ порядкѣ Государственныхъ Установленій, Совѣтъ составляетъ сословіе, въ коемъ всѣ части управленія въ главныхъ ихъ отношеніяхъ къ Законодательству соображаются и чрезъ него восходятъ къ Верховной Императорской Власти.

II. По сему всѣ Законы, Уставы и Учрежденія въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ предлагаются и разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ, и потомъ дѣйствіемъ Державной Власти поступаютъ къ предназначенному имъ совершенію.

III. Никакой Законъ, Уставъ и Учрежденіе не изходитъ изъ Совѣта и не можетъ имѣть своего совершенія безъ утвержденія Державной Власти.

IV. Совѣтъ составляется изъ особъ, довѣренностію Нашею въ сословіе сіе призываемыхъ.

VI. Министры суть Члены Совѣта, по ихъ званію.

VII. Въ Совѣтѣ предсѣдательствуемъ Мы Сами.

VIII. Въ отсутствіе Наше, мѣсто Предсѣдателя занимаетъ одинъ изъ Членовъ, по Нашему назначенію.

IX. Назначеніе Члена Предсѣдательствующаго возобновляется ежегодно...

Утвердивъ на сихъ основаніяхъ бытіе Государственнаго Совѣта, Мы призвали въ составъ его людей, знаніемъ отечественныхъ законовъ, трудами и долговременною службою отличившихся...—

(П. С. З. т. 31, № 24064, с. 1—5.)

---

143. Министерства.

1. Манифестъ.—О раздѣленіи Государственныхъ дѣлъ на особыя управленія, съ означеніемъ предметовъ, каждому управленію принадлежащихъ.

1810 іюля 25.

Въ манифестѣ объ учрежденіи Государственнаго Совѣта, въ 1 день Генваря сего года изданномъ, постановлено между прочимъ, чтобъ устройство Министерствъ нынѣ существующее довершить разными дополненіями, кои по опыту протекшихъ лѣтъ признаны необходимыми.

Истинный разумъ сихъ дополненій состоитъ въ томъ, чтобъ въ раздѣленіи дѣлъ Государственныхъ ввести болѣе соразмѣрности, установить въ производствѣ ихъ болѣе единообразія, сократить и облегчить ихъ движеніе, означить съ точностію предѣлы власти и отвѣтственности, и тѣмъ самымъ доставить порядку исполнительному болѣе способовъ къ скорому и точному законовъ исполненію.

На сихъ главныхъ правилахъ основавъ окончательное устройство Министерствъ, признали Мы за благо соединить всѣ учрежденія, къ сему относящіяся, въ общемъ Министерскомъ Уставѣ, который въ слѣдъ за симъ имѣетъ быть изданъ ко всеобщему свѣденію и исполненію...

(П. С. З. т. 31, № 24307, с. 278.)

2. Общее Учрежденіе Министерствъ.

ЧАСТЬ I.

Образованіе Министерствъ.

Глава I.

Общее раздѣленіе Государственныхъ дѣлъ.

1811 іюня 25.

§ 1. Всѣ дѣла Государственныя въ порядкѣ исполнительномъ раздѣляются на 5 главныхъ частей:

I. Внѣшнія сношенія.

II. Устройство внѣшней безопасности.

III. Государственная Экономія.

IV. Устройство Суда Гражданскаго и Уголовнаго.

V. Устройство внутренней безопасности.

§ 2. Число Министерствъ и Главныхъ Управленій въ каждой части опредѣляется пространствомъ ея и существомъ дѣлъ.

§ 3. На семъ основано слѣдующее Государственныхъ дѣлъ раздѣленіе:

1. Внѣшнія сношенія: Министерство Иностранныхъ дѣлъ.

2. Устройство внѣшней безопасности: Министерство военное. Министерство Морское.

3. Государственная Экономія. Министерство Финансовъ. Государственное Казначейство. Ревизія Государственныхъ счетовъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ. Министерство Народнаго Просвѣщенія. Главное Управленіе Путей Сообщенія.

4. Устройство Суда. Министерство Юстиціи.

5. Устройство внутренней безопасности. Министерство Полиціи.

Къ числу Министерствъ вышеозначенныхъ присоединяется Главное Управленіе Духовныхъ дѣлъ разныхъ Исповѣданій.

ЧАСТЬ II.

Общій Наказъ Министерствамъ.

§ 205. Общій Министерскій Наказъ опредѣляетъ: 1) степень и предѣлы власти Министровъ и ихъ Товарищей; 2) отношенія ихъ къ разнымъ установленіямъ; 3) сношенія Министровъ съ разными мѣстами и лицами, имъ равными; 4) дѣйствія Министерствъ на подчиненныя имъ управленія; 5) силу и порядокъ ихъ отвѣтственности; 6) степень и предѣлы власти Департаментовъ и ихъ Директоровъ; 7) обязанности Канцеляріи Министра и ея Директора; 8) обязанности разныхъ членовъ, составляющихъ Департаментъ, и отношенія ихъ къ Директору; 9) силу и порядокъ отвѣтственности Директоровъ и другихъ Чиновниковъ.

Глава I.

Степень и предѣлы власти Министровъ.

§ 206. Въ порядкѣ Государственныхъ силъ Министерства представляютъ установленіе, посредствомъ коего Верховная Исполнительная Власть дѣйствуетъ на всѣ части управленія.

§ 207. Министерства установлены на тотъ конецъ, чтобъ непрерывнымъ дѣйствіемъ ихъ и надзоромъ доставить законамъ и учрежденіямъ скорое и точное исполненіе.

§ 208. Существо власти, ввѣряемой Министрамъ, принадлежитъ единственно къ порядку исполнительному; никакой новый Законъ, никакое новое Учрежденіе или отмѣна прежняго, не могутъ быть установляемы властію Министра.

§ 209. Всѣ Министры въ дѣйствіяхъ ихъ подчинены непосредственно Верховной Власти.

§ 210. Власть Министровъ состоитъ въ томъ, что они могутъ понуждать всѣ подчиненныя имъ мѣста и лица къ исполненію Законовъ и Учрежденій.

§ 211. Послѣдствія, отъ сей власти проистекающія, суть:

1. Опредѣленіе и увольненіе высшихъ Чиновниковъ по представленіямъ Министровъ, и нижнихъ—собственнымъ ихъ утвержденіемъ.

2. Надзоръ надъ дѣйствіемъ всѣхъ подчиненныхъ мѣстъ и лицъ; взысканіе отъ нихъ отвѣтовъ, въ случаѣ бездѣйствія или неправильнаго исполненія; удаленіе отъ должностей, и преданіе ихъ суду, въ случаѣ важныхъ преступленій.

3. Разрѣшеніе силою существующихъ Законовъ и Учрежденій всѣхъ затрудненій, встрѣчающихся при исполненіи.

4. Принятіе всѣхъ мѣръ, нужныхъ къ дѣйствію Законовъ и Учрежденій, когда они утверждены и обращены къ исполненію Министра.

§ 212. Въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ, требующихъ высшаго разрѣшенія, когда не можетъ оно быть отлагаемо безъ важнаго вреда или Государственнаго ущерба, Министры уполномочиваются дѣйствовать всѣми ввѣренными имъ способами, не ожидая сего разрѣшенія: но они обязаны доносить въ то же время о принятыхъ ими мѣрахъ и о причинахъ ихъ настоятельности...

Глава V.

Объ отвѣтственности Министровъ.

§ 278. Въ правилахъ объ отвѣтственности Министровъ опредѣляются: 1) предметы ея, 2) порядокъ, коимъ она производится, и 3) ея послѣдствія.

I. Предметы отвѣтственности.

§ 279. Предметы отвѣтственности Министровъ суть двухъ родовъ: 1) когда Министръ, превысивъ предѣлы своей власти, постановитъ что-либо въ отмѣну существующихъ законовъ, Уставовъ или Учрежденій, или же собственнымъ своимъ дѣйствіемъ и миновавъ порядокъ, для сего установленный, предпишетъ къ исполненію такую мѣру, которая требуетъ новаго закона или постановленія; 2) когда Министръ, оставивъ власть, ему данную, безъ дѣйствія, небреженіемъ своимъ попуститъ важное злоупотребленіе или Государственный ущербъ.

§ 280. Не считать превышеніемъ власти, когда Министръ особенно на какой-либо случай былъ Верховною властію уполномоченъ.

§ 281. Не считать также превышеніемъ власти, когда Министръ въ чрезвычайныхъ какихъ-либо случаяхъ приметъ рѣшительную мѣру и по принятіи ея окажется: 1) что она въ видахъ общей безопасности была необходима; 2) что, по настоятельности случая, не могъ онъ, не попустивъ видимой опасности, отлагать сію мѣру до высшаго разрѣшенія.

§ 282. Мѣры, пріемлемыя Министромъ къ исполненію закона или Учрежденія существующаго, и не отмѣняющія никакихъ законовъ предъидущихъ, не составляютъ сами собою закона новаго, не превышаютъ власти, данной Министру...

II Порядокъ отвѣтственности.

§ 287. Отвѣтственность возбуждается: 1) жалобами, непосредственно Е. И. В-ву приносимыми; 2) донесеніями мѣстныхъ Начальствъ въ тѣхъ случаяхъ, когда предписаніями Министровъ будутъ они понуждаемы къ отмѣнѣ законовъ существующихъ, или ко введенію новыхъ, Верховною властію неутвержденныхъ; 3) послѣдствіемъ судовъ, надъ подчиненными имъ лицами производимыхъ, когда они докажутъ, что неправильность дѣйствія, за которое они преданы суду, произошла отъ точнаго исполненія Министерскихъ предписаній, или что законъ, коего исполненіе отъ нихъ изыскивается, не былъ имъ предписанъ; 4) временными обозрѣніями Губерній, а по военной части осмотрами войскъ, отъ лицъ, особенно къ тому уполномоченныхъ, когда представятъ онѣ изъ дѣлъ явныя доказательства превышенія власти, или ея бездѣйствія; 5) наконецъ разсмотрѣніемъ ежегодныхъ отчетовъ.

§ 288. Всѣ сіи причины отвѣтственности тогда только пріемлются въ уваженіе, когда будутъ онѣ основаны на ясныхъ доказательствахъ, и когда предметъ ихъ составляетъ какой-либо

важный Государственный ущербъ, или злоупотребленіе.

§ 289. Всѣ донесенія, возбуждающія отвѣтственность Министровъ, поступаютъ прежде всего на Высочайшее усмотрѣніе.

§ 290. Тогда только Министръ подвергается отвѣтственности, когда донесеніе, на него вошедшее, удостоено будетъ Высочайшаго уваженія.

§ 291. Въ семъ случаѣ донесеніе поступаетъ на разсмотрѣніе общаго собранія Гос. Совѣта.

§ 292. Гос. Совѣтъ избираетъ изъ Членовъ своихъ Коммиссію для произведенія слѣдствія, и для принятія отъ Министра надлежащихъ объясненій.

§ 293. Разсмотрѣвъ донесеніе Коммиссіи и дополнивъ его, если нужно, новыми объясненіями, Гос. Совѣтъ полагаетъ заключеніе.

§ 294. Во время слѣдствія Министръ удерживаетъ свое въ Совѣтѣ мѣсто, но при заключеніи не присутствуетъ.

III. Послѣдствія отвѣтственности.

§ 295. Два могутъ быть главныя послѣдствія отвѣтственности: 1) когда по теченію слѣдствія откроется, что Министръ, хотя не нанесъ съ умысломъ Государству ущерба, но образомъ управленія своего лишился Высочайшаго довѣрія. Въ семъ случаѣ Министръ лишается своего званія. 2) Когда, напротивъ, откроются важныя Государственныя вины; тогда дѣло предается Верховному Уголовному Суду.

§ 296. Верховный Уголовный Судъ не производитъ вновь слѣдствія, но опредѣливъ существо и степень вины по слѣдствію, произведенному въ Гос. Совѣтѣ, полагаетъ окончательный приговоръ по законамъ...

(Полное собр. законовъ. Томъ 31, № 24307, с. 687—711.)

---

144. Записка Карамзина о древней и новой Россіи.

(1811 г.)

Два мнѣнія тогда были господствующими въ умахъ: одни хотѣли, чтобъ Александръ, къ вѣчной славѣ своей, взялъ мѣры для обузданія неограниченнаго самовластія, столь бѣдственнаго при его родителѣ,—другіе, сомнѣваясь въ надежномъ успѣхѣ такого предпріятія, хотѣли единственно, чтобы онъ возстановилъ разрушенную систему Екатеринина царствованія, столь щастливую и мудрую въ сравненіи съ системою Павла. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли и какими способами ограничить самовластіе въ Россіи, не ослабивъ спасительной царской власти? Умы легкіе не затрудняются отвѣтомъ и говорятъ: „можно; надобно только поставить законъ еще выше государя". Но кому дадимъ право блюсти неприкосновенность этого закона? Сенату ли? Совѣту ли? Кто будутъ члены ихъ? Выбираемые государемъ или государствомъ? Въ первомъ случаѣ, они угодники царя; во второмъ, захотятъ спорить съ нимъ о власти. Вижу аристокрацію, а не монархію. Далѣе, что сдѣлаютъ сенаторы, когда монархъ нарушитъ уставъ? Представятъ о томъ его величеству? А если онъ десять разъ посмѣется надъ ними, объявятъ ли его преступникомъ? Возмутятъ ли народъ? Всякое доброе русское сердце содрагается отъ сей ужасной мысли. Двѣ власти государственныя въ одной державѣ суть два грозные льва въ одной клѣткѣ, готовые терзать другъ друга; а право безъ власти есть ничто. Самодержавіе основало и воскресило Россію; съ перемѣною государственнаго устава ея, она гибла и должна погибнуть, составленная изъ частей столь многихъ и разныхъ, изъ коихъ всякая имѣетъ свои особенныя гражданскія пользы.

что, кромѣ единовластія неограниченнаго, можетъ въ сей махинѣ производить единство дѣйствія? Если бы Александръ, вдохновенный великодушною ненавистію къ злоупотребленіямъ самодержавія, взялъ перо для предписанія себѣ иныхъ законовъ, кромѣ Божіихъ и совѣсти, то истинный добродѣтельный гражданинъ Россійскій дерзнулъ бы остановить его руку и сказать: „Государь, ты преступаешь границы своей власти; наученная долговременными бѣдствіями, Россія предъ святымъ алтаремъ вручила самодержавіе твоему предку и требовала, да управляетъ ею верховно, нераздѣльно. Сей завѣтъ есть основаніе твоей власти, иной не имѣешь; можешь все, но не можешь законно ограничить ее!“... Но вообразимъ, что Александръ предписалъ бы монаршей власти какой-нибудь уставъ, основанный на правилахъ общей пользы, и скрѣпилъ бы оный святостію клятвы. Сія клятва безъ иныхъ способовъ, которые всѣ или невозможны, или опасны для Россіи, будетъ ли уздою для преемниковъ Александровыхъ? Нѣтъ, оставимъ мудрствованія ученическія и скажемъ, что нашъ государь имѣетъ только одинъ вѣрный способъ обуздать своихъ наслѣдниковъ въ злоупотребленіи власти: да царствуетъ благодѣтельно, да пріучитъ подданныхъ ко благу! Тогда родятся обычаи спасительные, правила, мысли народныя, которыя лучше всѣхъ бренныхъ формъ удержатъ будущихъ государей въ предѣлахъ законной власти; чѣмъ?—страхомъ возбудить всеобщую ненависть, въ случаѣ противной системы царствованія...—

Разсматривая такимъ образомъ сіи новыя государственныя творенія [1]) и видя ихъ незрѣлость, добрые Россіяне жалѣютъ о бывшемъ порядкѣ вещей. Съ Сенатомъ, съ Коллегіями, съ генералъ-прокуроромъ у насъ шли дѣла, и прошло блестящее царствованіе Екатерины II. Всѣ мудрые законодатели, принуждаемые измѣнять уставы политическіе, старались какъ можно менѣе отходить отъ старыхъ. „Если число и власть сановниковъ необходимо должны быть перемѣнены“, говоритъ умный Махіавель, „то удержите хотя имя ихъ для народа“. Мы поступаемъ совсѣмъ иначе: оставляемъ вещь, гонимъ имена; для произведенія того же дѣйствія, вымышляемъ другіе способы! Зло, къ которому мы привыкли, для насъ чувствительно менѣе новаго, а новому добру какъ то не вѣрится; перемѣны сдѣланныя не ручаются за пользу будущихъ: ожидаютъ ихъ болѣе со страхомъ, нежели съ надеждою, ибо къ древнимъ государственнымъ зданіямъ прикасаться опасно; Россія же существуетъ около 1.000 лѣтъ и не въ образѣ дикой орды, но въ видѣ государства великаго. А намъ все твердятъ о новыхъ образованіяхъ, о новыхъ уставахъ, какъ будто мы недавно вышли изъ темныхъ лѣсовъ Американскихъ. Требуемъ болѣе мудрости хранительной, нежели творческой. Если исторія справедливо осуждаетъ Петра I за излишнюю страсть его къ подражанію иноземнымъ державамъ, то она въ наше время не будетъ ли еще страшнѣе? Гдѣ, въ какой землѣ Европейской блаженствуетъ народъ, цвѣтетъ правосудіе, сіяетъ благоустройство, сердца довольны, умы спокойны? Во Франціи? Правда тамъ есть: Conseil d'état, secrétaire d'état, Senat—conservateur, ministres de l'interieur, de la justice, des finances, de l'instruction publique, de la police, des cultes; правда, что Екатерина II не имѣла ни сихъ правительствъ, ни сихъ чиновниковъ; но гдѣ видимъ гражданское общество, согласное съ истинною цѣлію онаго, въ Россіи ли

[1]) Рѣчь идетъ о реформахъ Сперанскаго.

при Екатеринѣ II, или во Франціи при Наполеонѣ? Гдѣ болѣе произвола и прихотей самовластія; гдѣ болѣе законнаго, единообразнаго теченія въ дѣлахъ правительства? Мы читаемъ въ прекрасной душѣ Александра сильное желаніе утвердить въ Россіи дѣйствіе закона. Оставивъ прежнія формы, но двигая, такъ сказать, оныя постояннымъ духомъ ревности къ общему добру, онъ скорѣе могъ бы достигнуть сей цѣли и затруднилъ бы для наслѣдниковъ отступленіе отъ законнаго порядка. Гораздо легче отмѣнить новое, нежели старое; гораздо легче придать важности Сенату, нежели дать важность нынѣшнему Совѣту въ глазахъ будущаго преемника Александрова: новости ведутъ къ новостямъ и благопріятствуютъ необузданностямъ произвола.

Скажемъ ли, повторимъ ли, что одна изъ главныхъ причинъ неудовольствія Россіянъ на нынѣшнее правительство есть излишняя любовь его къ государственнымъ преобразованіямъ, которыя потрясаютъ основу Имперіи и коихъ благотворность остается доселѣ сомнительною...—

Что значитъ освободить у насъ крестьянъ? Дать имъ волю жить гдѣ угодно, отнять у господъ всю власть надъ ними, подчинить ихъ одной власти правительства. Хорошо; но сіи земледѣльцы не будутъ имѣть земли, которая (въ чемъ не можетъ быть и спора) есть собственность дворянская. Они или останутся у помѣщиковъ съ условіемъ платить имъ оброкъ, обрабатывать господскія поля, доставлять хлѣбъ куда надобно,—однимъ словомъ, для нихъ работать, какъ и прежде, или, недовольные условіями, пойдутъ къ другому умѣреннѣйшему въ требованіяхъ владѣльцу. Въ первомъ случаѣ, надѣясь на естественную любовь человѣка къ родинѣ, господа не предпишутъ ли имъ самыхъ тягостныхъ условій? Дотолѣ щадили они въ крестьянахъ свою собственность,—тогда корыстолюбивые владѣльцы захотятъ взять съ нихъ все возможное для силъ физическихъ. Напишутъ контрактъ, и земледѣльцы не исполнятъ его: тяжбы, вѣчныя тяжбы! Во второмъ случаѣ, буде крестьянинъ нынѣ здѣсь, а завтра тамъ, казна не потерпитъ ли убытка въ сборѣ подушныхъ денегъ и другихъ податей, не потерпитъ ли и земледѣліе? Не останутся ли многія поля не обработанными, многія житницы пустыми? Не вольные земледѣльцы, а дворяне наиболѣе снабжаютъ у насъ рынки хлѣбомъ. Иное зло: уже не завися отъ суда помѣщиковъ, рѣшительнаго, безденежнаго, крестьяне начнутъ ссориться между собою и судиться въ городѣ, — какое раззореніе! Освобожденные отъ надзора господъ, имѣвшихъ собственную земскую исправу или полицію, гораздо дѣятельнѣйшую всѣхъ земскихъ судовъ, станутъ пьянствовать, злодѣйствовать,—какая богатая жатва для кабаковъ и мздоимныхъ исправниковъ, но какъ худо для нравовъ и государственной безопасности! Однимъ словомъ, теперь дворяне, разсѣянные по всему государству, содѣйствуютъ монарху въ храненіи тишины и благоустройства; отнявъ у нихъ сію власть блюстительную, онъ какъ Атласъ возьметъ себѣ Россію на рамена... Удержитъ ли? Паденіе страшно!! Первая обязанность государя есть блюсти внутреннюю и внѣшнюю цѣлость государства; благотворить состояніямъ и лицамъ—есть уже вторая. Онъ желаетъ сдѣлать земледѣльцевъ счастливѣе свободою; но ежели сія свобода вредна для государства? И будутъ ли земледѣльцы счастливы, освобожденные отъ власти господской, но преданные въ жертву ихъ собственнымъ порокамъ, откупщикамъ и судьямъ безсовѣстнымъ?...—

Мнѣ кажется, что для твердости бытія государственнаго безопаснѣе по-

работить людей, нежели дать имъ не во время свободу, къ которой надобно готовить человѣка исправленіемъ нравственнымъ; а система нашихъ винныхъ откуповъ и страшные успѣхи пьянства служатъ ли тому спасительнымъ приготовленіемъ? Въ заключеніе скажемъ доброму монарху: „Государь! Исторія не упрекнетъ тебя зломъ, которое прежде тебя существовало (положимъ, что неволя крестьянъ и есть рѣшительное зло), но ты будешь отвѣтствовать Богу, совѣсти и потомству за всякое вредное слѣдствіе твоихъ собственныхъ уставовъ"...—

Главная ошибка законодателей сего царствованія состоитъ въ излишнемъ уваженіи формъ государственной дѣятельности; отъ того изобрѣтеніе разныхъ Министерствъ и учрежденіе Совѣта и проч. Дѣла не лучше производятся, только въ мѣстахъ и чиновниками другаго названія. Послѣдуемъ иному правилу и скажемъ, что не формы, а люди важны. Пусть Министерства и Совѣтъ существуютъ,—они будутъ полезны, если въ Министерствѣ и Совѣтѣ увидимъ только мужей знаменитыхъ разумомъ и честью. Итакъ, первое наше доброе желаніе есть да способствуетъ Богъ Александру въ счастливомъ избраніи людей! Такое избраніе, а не учрежденіе Сената съ Коллегіями, ознаменовало величіемъ царствованіе Петра во внутреннихъ дѣлахъ Имперіи. Сей монархъ имѣлъ страсть къ способнымъ людямъ, искалъ ихъ въ кельяхъ монастырскихъ и въ темныхъ каютахъ: тамъ нашелъ Ѳеофана и Остермана, славныхъ въ нашей государственной исторіи...

(Н. Карамзинъ. О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ.)

XXV. Тильзитъ и континентальная система.

145. Тильзитскій союзный договоръ.

Е. В. Императоръ Всероссійскій и Е. В. Императоръ французовъ, король Италіи, протекторъ Рейнскаго союза, въ сердечномъ желаніи возстановить на твердыхъ и по возможности непоколебимыхъ основаніяхъ общій миръ въ Европѣ, рѣшили съ этой цѣлью заключить наступательный и оборонительный союзъ, и назначили своими уполномоченными... (кн. Куракина и кн. Лобанова-Ростовскаго,—и Талейрана) ...кои, обмѣнявшись своими полномочіями, пришли къ соглашенію по слѣдующимъ пунктамъ:

1. Е. В. Императоръ Всероссійскій и Е. В. Императоръ французовъ и король Италіи обязуются быть заодно во всякой войнѣ, какую Россіи или Франціи пришлось бы начать или вести противъ всякой европейской державы, будетъ ли война на сушѣ, или на морѣ, или же и на сушѣ, и на морѣ.

2. Въ случаѣ, когда придется выполнять условія союзнаго договора, и всякій разъ, какъ это случится, договаривающіяся высокія стороны опредѣлятъ особой конвенціей силы, какія каждая изъ нихъ должна будетъ привести въ дѣйствіе, а равно и пункты, гдѣ онѣ должны будутъ дѣйствовать; но заранѣе обязуются привести въ дѣйствіе, буде это потребуется обстоятельствами, всѣ свои сухопутныя и морскія силы въ полномъ составѣ.

3. Всѣ общія военныя операціи будутъ производиться съ общаго согла-

сія, и ни та, ни другая изъ договаривающихся сторонъ не могутъ, ни въ коемъ случаѣ, вступать въ мирные переговоры, безъ участія или согласія другой стороны.

4. Въ случаѣ, если Англія не приметъ посредничества Россіи, или если, принявъ оное, не заявитъ къ слѣдующему первому ноября о своемъ согласіи заключить миръ, не признаетъ право флаговъ всѣхъ державъ на равную и полную независимость на всѣхъ моряхъ, и не вернетъ всѣ завоеванія, сдѣланныя ею на счетъ Франціи и ея союзниковъ съ 1805 года, когда Россія дѣйствовала въ союзѣ съ нею,—въ теченіе того же ноября будетъ вручена нота Сенъ-Джемскому кабинету посланникомъ Е. В. Императора Всероссійскаго. Въ этой нотѣ выражено будетъ попеченіе Е. И. В. о всеобщемъ мирѣ и намѣреніе Е. В. приложить всѣ силы его имперіи, чтобы доставить человѣчеству блага мира, и затѣмъ будетъ сдѣлана положительная и ясная декларація, что въ случаѣ отказа Англіи отъ заключенія мира на сказанныхъ условіяхъ, Е. В. Императоръ Всероссійскій будетъ дѣйствовать согласно съ Франціей, и ежели Сенъ-Джемскій кабинетъ не дастъ, 1 будущаго декабря, категорическаго и удовлетворительнаго отвѣта, Россійскій посланникъ получитъ приказъ въ тотъ же день потребовать свой паспортъ и немедленно покинуть Англію.

5. Въ случаѣ наступленія обстоятельствъ, предвидѣнныхъ предыдущимъ пунктомъ, высокія договаривающіяся стороны предъявятъ сообща, и въ одно и то же время, требованія къ тремъ дворамъ, Копенгагенскому, Стокгольмскому и Лиссабонскому, о закрытіи ихъ портовъ англичанамъ, объ отозваніи ихъ пословъ изъ Лондона, и объ объявленіи Англіи войны.

6. Высокія договаривающіяся стороны, дѣйствуя такъ же сообща, будутъ энергично настаивать передъ Вѣнскимъ дворомъ, чтобы онъ принялъ принципы, изложенные въ пунктѣ 4, закрылъ свои порты англичанамъ, отозвалъ изъ Лондона своего посла, и объявилъ Англіи войну.

7. Если, напротивъ, Англія, въ теченіе указаннаго срока, заключитъ миръ на указанныхъ условіяхъ и Е. В. Императоръ Всероссійскій употребитъ все свое вліяніе, чтобы ее къ тому побудить,—Ганноверъ будетъ возвращенъ англійскому королю, взамѣнъ колоній французскихъ, испанскихъ и голландскихъ.

8. Точно такъ же, если бы, вслѣдствіе ряда перемѣнъ въ Константинополѣ, Порта не приняла бы посредничества Франціи, или еслибы приняла оное, но переговоры не привели бы къ удовлетворительному рѣшенію въ теченіе 3 мѣсяцевъ отъ ихъ начала,—Франція будетъ дѣйствовать сообща съ Россіей противъ Оттоманской Порты, и высокія договаривающіяся стороны придутъ къ соглашенію съ цѣлію изъять всѣ европейскія владѣнія Оттоманской имперіи, кромѣ Константинополя и Румелійской провинціи, отъ турецкаго ига и отъ турецкихъ притѣсненій.

9. Настоящій договоръ останется тайнымъ и не будетъ обнародованъ, ни сообщенъ другимъ кабинетамъ ни одной изъ договаривающихся сторонъ, безъ согласія другой. Онъ будетъ ратификованъ, и обмѣнъ ратификацій произойдетъ въ Тильзитѣ, въ теченіе 4 дней.

Въ Тильзитѣ, 7 іюля 1807 г.

Князь Александръ Куракинъ.

Князь Дмитрій Лобановъ-Ростовскій.

Шарль-Морисъ Таллейранъ, князь Беневентскій.

(Сборникъ Рус. Ист. Об-ва, томъ 83, с. 281—3).

---

146. Континентальная блокада.

1. Берлинскій декретъ Наполеона

21 ноября 1806 г.

1. Британскіе острова объявляются въ состояніи блокады.

2. Всякая торговля и всякія сношенія съ Британскими островами запрещены. Вслѣдствіе чего письма и пакеты, адресованные въ Англію или англичанину, или написанные на англійскомъ языкѣ, не будутъ пересылаться почтой и будутъ подлежать аресту.

3. Всякій англійскій подданный, какого бы званія и состоянія онъ ни былъ, найденный во владѣніяхъ, занятыхъ нашими, или союзными войсками, объявляется военноплѣннымъ.

4. Всякій магазинъ, всякій товаръ, всякое имущество, какого бы рода ни было, принадлежащее англійскому подданному, будетъ конфисковано.

7. Никакое судно, идущее прямо изъ Англіи, или изъ ея колоній, или заходившее туда со времени обнародованія настоящаго декрета, не будетъ принято ни въ какой портъ.

8. Всякое судно, нарушившее предыдущее правило путемъ ложнаго заявленія, будетъ захвачено, и какъ судно, такъ и весь грузъ его будутъ конфискованы, наравнѣ съ англійскими.

2. Миланскій декретъ

23 ноября—17 декабря 1807 г.

1. Всякое судно, какой бы націи оно ни принадлежало, подвергшееся досмотру англійскаго корабля, или подчинившееся требованію захода въ Англію, или уплатившее англійскому правительству какой бы то ни было налогъ, тѣмъ самымъ теряетъ свое подданство, утрачиваетъ гарантію своего флага, и признается англійской собственностью.

2. Суда, денаціонализованные такимъ образомъ произвольными мѣрами англійскаго правительства, и вошедшія въ нашъ портъ или въ портъ нашихъ союзниковъ, или же попавшія въ руки нашихъ военныхъ кораблей, или нашихъ каперовъ, подлежатъ конфискаціи.

3. Британскіе острова объявляются въ состояніи блокады какъ съ суши, такъ и съ моря. Всякое судно, какого бы рода оно ни было, и чѣмъ бы ни было оно нагружено,—если идетъ изъ англійскихъ портовъ, или изъ англійскихъ колоній, или изъ странъ, занятыхъ англійскими войсками, или направляется туда, — подлежитъ конфискаціи, какъ нарушившее настоящій декретъ; оно будетъ захвачено нашимъ военнымъ судномъ, или нашимъ каперомъ, и будетъ присуждено захватчику.

(Тарле. Континентальная блокада, с. 256, 261.)

---

147. Дипломатическая переписка о континентальной системѣ.

1. Замѣчанія генерала Савари о Россіи (въ отвѣтъ на запросъ франц. министра де-Шампаньи).

1807 г.

О торговлѣ. Я дѣлю ее на два класса, а именно: 1. банкировъ съ оптовыми торговцами, и 2. торговцевъ въ розницу. Первый классъ состоитъ на половину изъ англичанъ, на половину изъ нѣмцевъ, русскихъ и нѣсколькихъ французовъ. Здѣсь не больше 5—6 французскихъ торговыхъ домовъ, третьяго разряда. Въ Ліонѣ, въ Бордо, въ Нантѣ или въ Руанѣ ихъ не назвали бы негоціантами. Второй классъ состоитъ большей частью изъ русскихъ, изъ нѣмцевъ и изъ множества французовъ-авантюристовъ, покинувшихъ Францію безъ ничего, или съ мелкимъ товаромъ на 500—600 франковъ; ка-

питалъ тотъ они удесятерили, продавая съ лихвой. Въ Петербургѣ среди нихъ лишь немногіе достойны вниманія. Наша торговля здѣсь въ полномъ уничиженіи, или, лучше сказать, вовсе не существуетъ. Я побывалъ въ магазинахъ, и не нашелъ тамъ и на 20 тыс. франковъ издѣлій нашихъ мануфактуръ. Я не видалъ въ Россіи ни ліонскихъ шелковыхъ тканей, ни французскаго бархата и сукна, ни полотенъ, ни фарфора, ни серебряныхъ издѣлій, ни кружевъ, ни ювелирныхъ издѣлій, ни часовъ, ни золоченой бронзы, ни ковровъ, и вообще, ничего, чтобы дало понятіе обо всемъ, что мы умѣемъ дѣлать, и въ чемъ мы достигли такого улучшенія со времени революціи. Я держусь того мнѣнія, что нашъ посолъ не можетъ лучше услужить Императору и Государству, какъ устроить здѣсь, въ небольшомъ видѣ, при содѣйствіи нашихъ купцовъ, выставку нашихъ фабрикатовъ, въ родѣ той, какая была устроена въ Парижѣ. Такъ какъ вся русская торговля идетъ черезъ Петербургъ, то вѣроятно, что и въ провинціи состояніе нашей торговли такъ же плохо, какъ и въ столицѣ. За исключеніемъ винъ, водокъ, масла и мыла, мы ничего больше не продаемъ здѣсь.

Англійская же торговля здѣсь въ самомъ цвѣтущемъ видѣ. Она охватываетъ все на свѣтѣ. Всѣ купцы этой націи одушевлены до такой степени стремленіемъ все захватить въ свои руки, что когда имъ не удалось добиться права ввозить нѣкоторые товары, считающіеся здѣсь контрабандой, они выписали изъ Англіи рабочихъ, чтобы выдѣлывать эти издѣлія на мѣстѣ, и торговать ими въ своихъ магазинахъ. Такимъ образомъ они взяли въ свои руки доставку въ Россію всѣхъ товаровъ, отъ облатокъ, бумаги, чернилъ и перьевъ, и вплоть до самыхъ драгоцѣнныхъ вещей. До тѣхъ поръ, пока это все будетъ въ ихъ рукахъ, вліяніе ихъ будетъ громадно, они одни будутъ давать и жизнь здѣшней торговлѣ, и русскіе такъ привыкнутъ видѣть въ нихъ своихъ поставщиковъ, что имъ будетъ казаться, что безъ англичанъ невозможно обойтись.

Наши министры въ этой странѣ совершенно недостаточно обратили вниманіе на ежегодные и чрезмѣрные успѣхи англійской торговли. Общественное мнѣніе обвиняетъ ихъ въ равнодушіи къ этимъ нашимъ интересамъ. У нашего посла нѣтъ средствъ вліять на русскую торговлю, пока здѣсь нѣтъ факторіи французскихъ купцовъ, пользующихся извѣстностью и уваженіемъ во Франціи, и пока не устроено здѣсь открытыхъ французскихъ магазиновъ, подобныхъ англійскимъ, гдѣ бы издѣлія нашей промышленности были на глазахъ у публики. Это тѣмъ легче сдѣлать, что всѣ наши издѣлія безконечно выше по качеству всего, что, какъ я вижу, продаютъ въ Петербургѣ англичане. Я собираю матеріалы по этому вопросу, чтобы взять ихъ съ собой въ Парижъ; я полагаю, это поможетъ министру внутреннихъ дѣлъ изгнать англійскую промышленность изъ всей Россіи.

Если у насъ не будетъ здѣсь исключительныхъ правъ торговли,—у насъ не будетъ ея совсѣмъ, англичане насъ всегда убьютъ. Среди истинно-русскихъ людей, мнѣ кажется, мы не встрѣтимъ сопротивленія никакимъ сдѣлкамъ для устройства торговыхъ сношеній съ нами. Они отдаютъ намъ предпочтеніе въ торговомъ дѣлѣ.

Мнѣ кажется, я достаточно обрисовалъ здѣшнее купечество, чтобы показать, что надо дѣлать, чтобы извлечь изъ нихъ пользу для себя. Признаюсь, въ настоящее время я считаю это невозможнымъ. Я даже боюсь, что когда надо будетъ раз-

разиться противъ Англіи, императору Александру придется прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости, чтобы заставить замолчать крики недовольныхъ.

(Сборникъ Рус. Ист. Об-ва т. 83, № 81, с. 266—7.)

2. Письмо ген. Савари къ министру де Шампаньи.

6/18 октября 1807.

Послѣднія мѣры, принятыя русскимъ правительствомъ противъ англичанъ, произвели здѣсь очень сильное впечатлѣніе. Въ особенности въ купеческомъ мірѣ позволяютъ себѣ наиболѣе замѣчаній по этому поводу. На закрытіе гаваней англійскимъ кораблямъ смотрятъ, какъ на запрещеніе, наложенное на всѣ произведенія русской земли, которыя Англія покупала и вывозила ежегодно въ такихъ большихъ количествахъ; и продолжительность такого положенія вещей представляется уже бѣдствіемъ, которое затронетъ прямо интересы народа. Враги Франціи, ловко хватающіеся за всякое оружіе, которымъ они могутъ бороться съ нею здѣсь и уменьшить вліяніе, котораго они опасаются и которое она можетъ оказать на общественное мнѣніе, не упускаютъ случая воспользоваться такимъ средствомъ; и ихъ мысли направлены только къ тому, чтобы встревожить легковѣрный классъ. Можно опасаться, что если скоро не будутъ приняты какія-нибудь принудительныя мѣры, то жалобы торговцевъ примутъ болѣе серьезный характеръ. Г. Румянцовъ такъ думаетъ, и только отъ усердія этого министра будетъ зависѣть помѣшать тому, чтб онъ предвидитъ. Но Франція имѣетъ, можетъ быть, больше средствъ, чѣмъ Россія, чтобы заставить умолкнуть жалобы русскихъ купцовъ, этого разряда людей, ставящихъ выше всего свою личную выгоду. Достаточно было бы распространить въ публикѣ слухъ, что Франція, которая такъ давно не дѣлала значительныхъ покупокъ въ Россіи, намѣревается закупить лѣсъ, пеньку, холста и пр., и пр. При настоящихъ обстоятельствахъ подобный торгъ былъ бы для насъ столь же полезенъ въ политическомъ отношеніи, сколько и выгоденъ: мы овладѣемъ хорошимъ мнѣніемъ наиболѣе недовольныхъ и заставимъ забыть англичанъ, о которыхъ будутъ жалѣть по очень многимъ причинамъ, если мы не постараемся замѣнить ихъ; выгода же будетъ заключаться въ томъ, что Франція, пользуясь минутою, закупить все безъ конкуррентовъ, а слѣдовательно и дешево.

Г. Лессепсъ подробнѣе разовьетъ вамъ эту мысль. Я только хотѣлъ выяснить вашему пр-ву, какой высшій интересъ представляетъ, можетъ быть, теперь вещь, которая при другихъ обстоятельствахъ казалась бы столь простою. Я считаю этотъ планъ достаточно важнымъ по послѣдствіямъ, чтобы обратить на него вниманіе его в-ва.

(Сборникъ Рус. Ист. Об-ва, томъ 88. Рус. переводъ, с. 240—1.)

3. Письмо фр. посла Коленкура къ де Шампаньи.

29 іюня 1810.

Императоръ (Александръ) приказалъ конфисковать 45 судовъ, пришедшихъ, по ихъ заявленію, съ Тенерифа, но по всей видимости англійскихъ. Е. В. соизволилъ самъ это мнѣ сказать, 25 числа.

Канцлеръ (Румянцевъ) отослалъ ихъ бумаги испанскому послу, съ просьбой разсмотрѣть ихъ дѣйствительное значеніе, и сообщить ему, признается ли на Тенерифѣ власть короля Іосифа. Тотъ отвѣтилъ, что документы кажутся ему составленными въ обычной формѣ, но что власть короля Іосифа не признается ни на Тенерифѣ, ни на Канарскихъ островахъ. Императоръ

повелѣлъ передать отвѣтъ г. Дель Прадо въ комиссію, на которую возложено разсмотрѣніе корабельныхъ документовъ, замѣтивъ при этомъ, что „надо считать непріятельскимъ грузомъ всякій грузъ, идущій изъ портовъ Испаніи, не признающихъ власти короля Іосифа". Комиссія, сообразно съ этимъ, предписала конфисковать суда. Они должны принести жалобу въ Совѣтъ, а совѣтъ утвердитъ постановленіе комиссіи: это рѣшено заранѣе между императоромъ и канцлеромъ, какъ заявило мнѣ Е. В. Цѣнность этого груза оцѣниваютъ въ 15 милліоновъ рублей.

Канцлеръ, говоря мнѣ объ этомъ дѣлѣ, сказалъ: „Это докажетъ Англіи, что Россія хочетъ, какъ и прежде, быть вполнѣ въ состояніи войны съ ней, если она не хочетъ мира на континентѣ. Мы не можемъ, прибавилъ онъ, быть французами, если вы не желаете быть ими; но по крайней мѣрѣ мы докажемъ, что мы противъ англичанъ. Какъ только дѣла съ Турціей будутъ приведены къ концу, императоръ Наполеонъ найдетъ насъ, если хочетъ, столь же преданными ему, какъ и прежде, и мы будемъ (чему можетъ быть не повѣрятъ) больше и искреннѣе, чѣмъ когда бы то ни было, слѣдовать континентальной системѣ. Что касается насъ, мы будемъ его поддерживать. Мы покажемъ нашимъ постоянствомъ, что нашъ политическій курсъ послѣдователенъ и не измѣнился съ перемѣной обстоятельствъ". Канцлеръ прибавилъ, что недавно онъ обратилъ вниманіе императора на то, что ничто до сихъ поръ не заставило Россію уклониться съ того пути, на который она стала при вступленіи его въ министерство, послѣ Тильзита.—

Я отвѣчалъ, какъ всегда...

(В. Кн. Николай Михайловичъ. Дипломат. сношенія Россіи и Франціи, т. V, с. 49—50.)

XXVI. Двѣнадцатый годъ; отечественная война.

148. Письмо росс. посла кн. Куракина къ Александру I.

Парижъ $\frac{\text{25 апр.}}{\text{7 мая}}$ 1811.

Государь!

Я только что вернулся изъ Сенъ-Клу, съ частной аудіенціи, къ которой Е. В. Императоръ Наполеонъ изволилъ допустить меня, по моей просьбѣ, для врученія ему оффиціальнаго отвѣта В. И. В-ва на извѣщеніе о рожденіи короля Римскаго, и я тотчасъ же спѣшу отдать отчетъ В. В-у въ пространномъ разговорѣ, коимъ почтилъ меня этотъ Государь, и который длился болѣе двухъ часовъ...—

Императоръ принялъ меня съ большою милостію, и не только весьма привѣтливо принялъ изъ моихъ рукъ письмо В. И. В-ва, но также отвѣтилъ, въ выраженіяхъ самыхъ удовлетворительныхъ и соотвѣтствующихъ моимъ словамъ, на выраженныя мною, при подачѣ письма, чувства В. В-ва. Окончивши свой отвѣтъ, не оставлявшій ничего желать, онъ тотчасъ, по своему обыкновенію, сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, и эта прогулка, которая была для моихъ больныхъ ногъ первою пробою въ этомъ родѣ, и которую я перенесъ весьма благополучно, длилась безъ отдыха во все время нашего разговора.

Императоръ началъ его слѣдующими словами: „Императоръ Александръ не имѣетъ болѣе ко мнѣ прежней привязанности: онъ окруженъ людьми зло-

намѣренными, которые постарались внѣдрить въ его сердце недовѣріе и подозрительность ко мнѣ; никогда и не думалъ я начинать съ нимъ войну, и не могъ этого желать; его войска храбры—эта война для меня не имѣла бы никакой цѣли: я въ ней могъ бы претерпѣть только ущербъ. Однако не скрою отъ васъ, что я вооружаюсь. Я долженъ это дѣлать: ваши значительныя вооруженія, въ которыхъ не признаются, которыя у васъ окружаютъ глубокою тайною, вынуждаютъ меня къ тому; извѣстія, получаемыя мною со всѣхъ сторонъ, даютъ мнѣ полное убѣжденіе въ ихъ дѣйствительности; мнѣ пишутъ изъ Стокгольма, что вывели изъ Финляндіи три дивизіи, чтобы двинуть ихъ на границы герцогства Варшавскаго; мнѣ даютъ знать изъ Букарешта и Константинополя, что пять дивизій вашей арміи оставили берега Дуная, чтобы двинуться туда же".—

Но, Государь,—отвѣтилъ я, хотя мнѣ ничего не пишутъ, и мнѣ ничего не извѣстно объ этихъ перемѣщеніяхъ нашихъ войскъ, о которыхъ В. В-во изволите говорить, но я все-таки, если они дѣйствительно произошли, продолжаю думать, какъ я это постоянно повторялъ герцогу Кадорскому, а затѣмъ герцогу Бассано, что они суть лишь слѣдствіе распоряженій, находящихся въ связи съ внутреннею организаціею нашего военнаго департамента.

„Если такъ,—съ живостью возразилъ Императоръ,—зачѣмъ же такъ и не говорятъ? Это былъ бы по крайней мѣрѣ отвѣтъ, которымъ я долженъ былъ бы удовольствоваться; мнѣ не приходилось бы жаловаться на таинственное молчаніе, котораго держатся у васъ со мною относительно этого пункта. Вмѣсто того, когда герцогъ Виценскій заговаривалъ объ этомъ съ графомъ Румянцовымъ, то, какъ мнѣ извѣстно изъ послѣднихъ его донесеній, гр. Румянцовъ не сознался въ этомъ: онъ вздумалъ оспаривать очевидность дѣла, всѣмъ извѣстнаго. Когда я вижу, съ одной стороны, такую скрытность, съ другой, что отзываютъ безъ всякой надобности большую часть арміи, занятой вашей войною съ Турками, и которая, продолжая свои прошлогоднія усилія и побѣды, не преминула бы окончить ее къ вашему удовлетворенію до конца нынѣшняго лѣта, какъ хотите вы, чтобы я оставался къ тому равнодушнымъ и не видѣлъ тутъ намѣреній, прямо направленныхъ противъ меня?..

„Вы хотите войны; я ея не хочу. Хорошо же: мы будемъ воевать; мы довершимъ раззореніе Европы; мы прольемъ много крови; мы снова заставимъ страдать человѣчество, и что же можетъ отъ этого выиграть тотъ или другой изъ насъ? Ровно ничего: мы только истощимъ другъ друга...

„Императоръ Александръ болѣе меня не любитъ; онъ забываетъ, чѣмъ онъ мнѣ обязанъ; онъ не хочетъ помнить, что послѣ Фридландской битвы я черезъ десять дней могъ-бы быть въ Вильнѣ, что я могъ бы возстановить Польское королевство, чего вы такъ напрасно боитесь, но чего я не хотѣлъ тогда, и не могъ хотѣть впослѣдствіи. Назовемъ вещи по имени: васъ раздражаетъ герцогство Варшавское, вы хотите захватить его...

„Вы хотите Варшавскаго герцогства, вы хотите Данцига,—я знаю, что вы ихъ хотите;—вы ищете лишь пустыхъ предлоговъ, чтобы начать войну, предполагая, что вы войною добьетесь своего; но если Императоръ Александръ, склоняясь къ коварнымъ совѣтамъ, непремѣнно хочетъ ее начать,—повторяю, что я готовъ ее вести. Я вооружаюсь,—я вамъ это сказалъ,—и вооружусь еще болѣе; при первомъ извѣстіи о враждебномъ движеніи вашихъ войскъ, сяду на коня; воевать мнѣ не учиться; войною, моими кампаніями,

моими побѣдами удалось мнѣ сдѣлаться тѣмъ, что я теперь. Что выиграетъ Императоръ Александръ, сразившись со мною? Мы навлечемъ лишь бѣдствія на наши государства; ваши войска храбры, и я могу претерпѣть неудачи; но если счастье окажется на моей сторонѣ, Россія очень можетъ раскаяться въ томъ, что столь необдуманно предприняла эту войну, безъ всякаго повода съ моей стороны. Поистинѣ не могу понять ослѣпленія, господствующаго у васъ; повидимому не хотятъ и подумать о случайностяхъ будущаго, и эта новая система, которую приняли у васъ и которой, повидимому, рѣшились держаться, также необъяснима! Я, по крайней мѣрѣ, ея не понимаю. Развѣ Императоръ Александръ рѣшился предпочесть союзу со мною союзъ съ Англіею?..

„Еслибы, вмѣсто этого протеста[1]), Императоръ Александръ предпочелъ написать мнѣ, выражая мнѣ участіе, принимаемое имъ въ его близкомъ родственникѣ; еслибы онъ высказалъ мнѣ желаніе, чтобы я сдѣлалъ для него еще болѣе, чѣмъ сколько я былъ намѣренъ для него сдѣлать,—я бы исполнилъ его желаніе, и нашелъ бы въ этомъ особенное удовольствіе. Еслибы даже онъ потребовалъ у меня одинъ или два округа Варшавскаго герцогства для своего дяди, для вознагражденіе за Ольденбургское герцогство, я не поколебался бы побудить короля Саксонскаго къ этой уступкѣ; но тогда я это сдѣлалъ бы потому, что требованіе было бы заявлено мнѣ дружескимъ способомъ и тономъ; тонъ угрожающій не есть тотъ, который можетъ на меня подѣйствовать. Еслибы Императоръ Александръ, до своихъ вооруженій, вздумалъ бы потребовать у меня даже Данцига и его округа, я думаю, что и его бы я уступилъ...

„Если вы начнете со мною войну, предупреждаю васъ, что нападу на васъ съ большими силами: вопервыхъ сѣверо-германская армія назначена для дѣйствій противъ васъ; затѣмъ войска, расположенныя во внутренности Франціи, перейдутъ Рейнъ для того же; а въ третьихъ, я устраиваю въ Италіи большой лагерь, войска котораго, также назначенныя противъ васъ, должны будутъ двинуться на ваши границы черезъ югъ Германіи. Раскрывая вамъ такимъ образомъ мои планы, повторяю, что я не хочу войны въ особенности съ вами: я не новичокъ въ военномъ искуствѣ,—я имъ занимался всю жизнь, и льщу себя тѣмъ, что нѣсколько умѣю расчитывать и подготовлять напередъ военныя событія".

Произнесши эти слова, онъ распросилъ меня о моемъ здоровьи и простился со мною.

(Русск. Архивъ. 1870, с. 121—134.)

---

149. Воззваніе Наполеона къ арміи

10 іюня 1812 года.

Солдаты! Вторая польская война началась. Первая окончилась въ Фридландѣ и въ Тильзитѣ. Въ Тильзитѣ Россія поклялась быть въ вѣчномъ союзѣ съ Франціею и въ войнѣ съ Англіею; нынѣ она нарушаетъ свои клятвы! Она не желаетъ дать никакого объясненія въ странныхъ своихъ поступкахъ, покуда французскіе орлы не отойдутъ за Рейнъ, и тѣмъ не покинутъ своихъ союзниковъ на ея произволъ. Россія увлечена рокомъ. Судьбы ея должны свершиться. Не думаетъ ли она, что мы переродились? Или мы болѣе уже не солдаты Аустерлица? Она поста-

---

[1]) По поводу захвата французами владѣній у герцога Ольденбургскаго.

новляетъ насъ между безчестіемъ и войною. Выборъ не можетъ быть сомнителенъ. Идемъ же впередъ, перейдемъ Нѣманъ, внесемъ войну въ ея предѣлы. Вторая польская война будетъ для французскаго оружія столь же славна, какъ и первая; но миръ, который мы заключили, принесетъ съ собою и ручательство за себя и положитъ конецъ гибельному вліянію Россіи, которое она въ теченіи пятидесяти лѣтъ оказывала на дѣла Европы.

Въ нашей императорской квартирѣ, въ Вилковишкахъ, 22-го (10-го) іюня 1812 года. (Подписано): Наполеонъ.

(Сб. Россія и Наполеонъ, с. 41.)

---

150. Начало войны.

(По разсказу гос. секр. А. Шишкова.)

Въ одинъ день (іюня 13-го числа), проведя вечеръ съ пріятностью, пришелъ я домой и, ни о чемъ не помышляя, легъ спокойно спать, какъ вдругъ, въ два часа пополуночи будятъ меня и говорятъ, что Государь прислалъ за мною. Удивясь сему необычайному зову, вскочилъ я съ торопливостью; одѣлся и побѣжалъ къ Нему. Онъ былъ одѣтъ и сидѣлъ за письменнымъ столикомъ въ своемъ кабинетѣ. При входѣ моемъ, сказалъ Онъ мнѣ: „Надобно теперь же написать приказъ нашимъ войскамъ, и въ Петербургъ, къ фельдмаршалу графу Салтыкову, о вступленіи непріятеля въ наши предѣлы, и между прочимъ сказать, что я не помирюсь, покуда хоть одинъ непріятельскій воинъ будетъ оставаться въ нашей землѣ“. Я ту жъ минуту бросился домой, и какъ ни встревоженъ былъ симъ неожиданно полученнымъ извѣстіемъ, однако-жъ сѣлъ и написалъ обѣ вышеупомянутыя бумаги, принесъ къ Государю, прочиталъ Ему, и Онъ тутъ же подписалъ ихъ. Бумаги сіи были слѣдующаго содержанія:

Приказъ нашимъ арміямъ.

Изъ давняго времени примѣчали мы непріязненные противъ Россіи поступки французскаго императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надѣялись отклонить оные. Наконецъ, видя безпрестанное возобновленіе явныхъ оскорбленій, при всемъ нашемъ желаніи сохранить тишину, принуждены Мы были ополчиться и собрать войска Наши; но и тогда, ласкаясь еще примиреніемъ, оставались въ предѣлахъ Нашей Имперіи, не нарушая мира, а бывъ токмо готовыми къ оборонѣ. Всѣ сіи мѣры кротости и миролюбія не могли удержать желаемаго Нами спокойствія. Французскій императоръ нападеніемъ на войска Наши при Ковнѣ открылъ первый войну. И такъ, видя его никакими средствами непреклоннаго къ миру, не остается Намъ ничего иного, какъ призвавъ на помощь Свидѣтеля и Защитника правды, Всемогущаго Творца небесъ, поставить силы Наши противу силъ непріятельскихъ. Не нужно Мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ Нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь Славянъ. Воины! Вы защищаете Вѣру, Отечество, свободу. Я съ Вами. „На зачинающаго Богъ.“

Въ Вильнѣ. Іюня 13-го 1812. (На подлинномъ подписано):

Александръ.

(Сб. Россія и Наполеонъ, с. 41—43.)

---

151. Афиша Растопчина 1 іюля. Карнюшка Чихиринъ.

Московской мещанинъ бывши въ ратникахъ Карнюшка Чихиринъ выпивъ лишній крючокъ на тычке услышалъ, что будто Бонапартъ хочетъ итти въ Москву, разсердился и разругавъ скверными словами францу-

зовъ, вышедъ изъ питейнаго дому заговорилъ подорломъ такъ.

Какъ къ намъ милости просимъ хоть на святки, хоть и намаслиницу да и тутъ жгутами девки такъ припопонять что спина вздуется горой полно демономъ та наряжатся молитву сотворимъ такъ до петуховъ згинишъ сидика лучше дома да играй вжмурки либо въ кулючки, полно тебѣ фиглярить вить салдаты та твои карлеки да щеголки не тулупа не рукавицъ, ни молохая, ни онучь не наденутъ ну где имъ руское житье бытье вынести отъ капусты раздуетъ, отъ каши перелопаются, отъ щей задохнутся, а которыя взиму та и останутся такъ крещенскія морозы поморятъ, право такъ всіо беда у воротъ замерзать, на дворе акалевать всеняхъ зазебать, въ избе задыхатся, на печи обжигаться, да что и говорить повадился кушинъ по воду ходить, тутъ ему и голову положить Карлъ та шведской пожилистей тебя былъ да и чистой царской кровi да уходился подъ Полтавой ушолъ безъ возврату да и притибе будущихъ та мало будетъ побоичей французовъ твоихъ были поляки, татары и шведы, да и техъ старики наши такъ откачали что и посю пору кругъ Москвы курганы какъ грибы, а подъ грибами та ихъ кости ну и твоей силе, быть въ могиле, да знаешли что такое наша матушка Москва видь ето не городъ, а царство у тебя домата слепой, да хромой старухи да ребятишки остались, а на немцахъ не выедишъ они тебя смаху сами оседлають, а на руси што знаешли ты забубенная голова выведено 600.000 да забритыхъ 300.000, да старыхъ рекрутъ 200.000 а всіо молодцы одному Богу веруютъ одному царю служатъ, однимъ крестомъ молятся, все братья родные да коли понадобится скажи намъ батюшка Александръ Павловичь сила христианская выходи и высыпитъ бесчетная и свету божьева неувидишъ. Ну переднихъ бей пожалуй тебе ето по сердцу зато остальные та тебя доканаютъ навеки вековъ, ну какъ же тебе кнамъ забратся, нетокмо што Ивана Великова да и поклонной во сне не увидишь белорусцевъ возмемъ да тебя вполше и погребемъ ну поминай какъ звали посему и протче разумевай не наступай, не начинай, а направо кругомъ домой ступай, изнай изъ роду въ родъ каковъ русской народъ.

Потомъ Чихиринъ пошолъ бодро, и запелъ воподе береза стояла, а народъ смотря на него говорилъ откуда берется, а что говорить дело, что ужъ дело.

(Сб. Россія и Наполеонъ, с. 57—8.)

---

152. Записки гр. Растопчина о 1812 г.

Въ Москвѣ въ началѣ войны — пожертвованія москвичей.

(Собраніе въ Слободскомъ дворцѣ.)

...Въ минуту, когда губернскій предводитель кончилъ свою рѣчь, нѣсколько голосовъ воскликнуло: „Нѣтъ! не по четыре со ста, а по сту съ тысячи, вооруженныхъ и съ продовольствіемъ на три мѣсяца“. Большинство собранія съ громкими криками повторило эти слова. Государь благодарилъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ.

Въ другой залѣ, гдѣ было купечество, я былъ пораженъ впечатлѣніемъ, которое произвело на нихъ чтеніе манифеста. Въ началѣ слушали съ глубочайшимъ вниманіемъ; потомъ стали появляться знаки нетерпѣнія и негодованія. Когда Шишковъ дошелъ до словъ, „что непріятель приближается съ лестью на устахъ и съ оружіемъ въ рукахъ“, произошелъ взрывъ негодованія: били себя въ голову, рвали

волосы, ломали руки; слезы бѣшенства текли по лицамъ, напоминавшимъ древнихъ героевъ. Я видѣлъ человѣка, который скрежеталъ зубами. Въ шумѣ нельзя было разслышать словъ; слышны были одни вопли и крики негодованія. Это было зрѣлище единственное въ своемъ родѣ. Въ эту минуту Русскій человѣкъ выражалъ свои чувства свободно; онъ забывалъ, что онъ рабъ, и возмущался при мысли, что ему угрожаетъ иноземное иго. Тутъ опять выступили наружу истинно-русскія свойства. Эти люди сохранили и одежду, и характеръ народа; ихъ бороды придавали имъ почтенный и величественный видъ. Подобно предкамъ, у нихъ не было другихъ правилъ, другихъ законовъ, кромѣ тѣхъ, которые выражаются въ слѣдующихъ четырехъ поговоркахъ, служащихъ для нихъ основою всѣхъ и добрыхъ, и дурныхъ поступковъ:

Великъ Русскій Богъ.
Служить Царю вѣрой и правдой.
Двумъ смертямъ не бывать.
Чему быть, того не миновать.

Московскій городской голова, имѣя 100 т. р. капиталу, первый подписалъ 50.000 рублей. Онъ перекрестился, сказавъ: „Мнѣ Богъ далъ, я отдаю Отечеству".

Я возвратился въ Кремль, чтобъ доложить Государю эту добрую вѣсть (32.000 ратниковъ и пожертвованіе въ 2.400.000 р.). Я засталъ его въ кабинетѣ съ Балашевымъ и Аракчеевымъ. Его Величество сказалъ мнѣ, что онъ счастливъ тѣмъ, что возъимѣлъ мысль пріѣхать въ Москву и меня назначить генералъ-губернаторомъ. Потомъ, когда я откланивался, онъ съ чувствомъ обнялъ меня...—

(П. Бартеневъ, XIX вѣкъ. Томъ II. с. 115—116.)

---

153. Бородино.

1. Передъ битвой.

(Разсказъ французскаго генерала Раппа.)

Наполеонъ, приказавъ произвести рекогносцировку, отдалъ приказанія двинуться и приготовиться къ слѣдующему дню. Король неаполитанскій считалъ всѣ эти распоряженія излишними: онъ овладѣлъ главнымъ редутомъ, лѣвая сторона позиціи была обойдена. Онъ не думалъ, чтобы русскіе пожелали принять бой; онъ полагалъ, что за ночь они отступятъ. Но не таково было ихъ намѣреніе: они копали окопы, носили землю и укрѣпляли свою позицію. На слѣдующее утро мы замѣтили, что всѣ они были за работой.

Было 11 часовъ, когда Наполеонъ послалъ меня на рекогносцировку: мнѣ было поручено приблизиться насколько возможно къ непріятельской линіи. Я снялъ свои бѣлыя перья, надѣлъ солдатскую шинель и осмотрѣлъ все съ наивозможной тщательностью; сопровождалъ меня одинъ лишь гвардейскій стрѣлокъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ я проникъ за линію русскихъ пикетовъ. Деревня Бородино отдѣлялась отъ нашихъ постовъ всего лишь однимъ узкимъ и глубокимъ оврагомъ. Я слишкомъ далеко зашелъ впередъ, и въ меня два раза выстрѣлили изъ пушки картечью; я удалился, и часамъ къ двумъ вернулся къ своимъ и явился къ Наполеону съ докладомъ обо всемъ видѣнномъ.

Наполеонъ разговаривалъ съ королемъ Неаполитанскимъ и княземъ Нешательскимъ. Мюратъ измѣнилъ свое мнѣніе: къ удивленію своему увидѣвъ на разсвѣтѣ, что непріятельская линія была по прежнему развернута, онъ рѣшилъ, что предстоитъ бой и приготовился къ нему. Однако другіе генералы продолжали

утверждать, что русскіе не рискнутъ на битву; что касается меня, я думалъ противное; я замѣтилъ, что у русскихъ много войска и довольно хорошая позиція; по моему убѣжденію, они должны были атаковать насъ, если мы не предупредимъ. Наполеонъ сдѣлалъ мнѣ честь согласиться съ моимъ мнѣніемъ, которое раздѣлялъ и Бертье. Онъ потребовалъ своихъ лошадей и лично произвелъ ту же рекогносцировку, что и я [1]). Подъ Бородинымъ его встрѣтили такъ же, какъ и меня, картечный огонь заставилъ его удалиться. Все видѣнное имъ укрѣпило его въ убѣжденіи, что онъ не ошибся, и, вернувшись, онъ отдалъ соотвѣтствующія приказанія.

Настала ночь. Я былъ дежурнымъ и спалъ въ палаткѣ Наполеона. Отдѣленіе, гдѣ онъ спалъ, обычно было отдѣлено полотняной перегородкой отъ другой, гдѣ спалъ дежурный адъютантъ. Императоръ спалъ очень мало. Я будилъ его нѣсколько разъ, чтобы передать ему рапорты съ аванпостовъ, которые всѣ доказывали, что русскіе ожидали атаки. Въ три часа ночи Наполеонъ позвалъ камердинера и приказалъ принести себѣ пунша; я удостоился чести пить его вмѣстѣ съ нимъ. Онъ освѣдомился у меня, хорошо ли я спалъ; я отвѣтилъ, что ночи стали уже свѣжими и что меня часто будили. Онъ сказалъ мнѣ: „сегодня намъ придется имѣть дѣло съ этимъ пресловутымъ Кутузовымъ. Вы, конечно, помните, что это онъ командовалъ подъ Браунау. Онъ оставался въ этомъ мѣстѣ три недѣли, ни разу не выйдя изъ своей комнаты; онъ даже не сѣлъ на лошадь, чтобы осмотрѣть укрѣпленія. Генералъ Бенигсенъ, хотя тоже старикъ, куда бойчѣе и подвижнѣе его. Я не знаю, почему Александръ не послалъ этого гановерца замѣстить Барклая“.

[1]) 6 сентября 1812 г. (н. ст.).

Онъ выпилъ стаканъ пунша, прочелъ нѣсколько донесеній и продолжалъ: „ну, Раппъ, какъ ты думаешь, хорошо у насъ пойдутъ сегодня дѣла?“—„Безъ сомнѣнія, Ваше Величество; мы исчерпали всѣ свои рессурсы и должны побѣдить по необходимости“. Наполеонъ продолжалъ свое чтеніе и потомъ замѣтилъ: „Счастье самая настоящая куртизанка. Я часто говорилъ это, теперь начинаю испытывать на себѣ“.—„Какъ, Ваше Величество, помните, Вы сдѣлали мнѣ честь сказать подъ Смоленскомъ, что дѣло начато и надо довести его до конца. Именно теперь это справедливо болѣе, чѣмъ когда-либо; теперь уже некогда отступать. Кромѣ того, армія знаетъ свое положеніе: ей извѣстно, что припасы она можетъ найти только въ Москвѣ, до которой ей осталось всего лишь 120 верстъ“.—„Бѣдная армія! она сильно таки поубавилась; но зато остались лишь хорошіе солдаты; кромѣ того и гвардія моя осталась неприкосновенной“. Онъ послалъ за Бертье и работалъ до половины шестого. Мы сѣли на лошадей. Трубили трубы, слышался барабанный бой. Лишь только войска замѣтили императора, раздались единодушные клики—„Это энтузіазмъ Аустерлица. Прикажите прочесть воззваніе“ [1]).

„Солдаты! Вотъ битва, которой вы такъ желали! Побѣда зависитъ отъ васъ; намъ она необходима; она дастъ намъ обильные припасы, хорошія зимнія квартиры и скорое возвращеніе на родину. Ведите себя, какъ подъ Аустерлицемъ, Фридландомъ, Витебскомъ, Смоленскомъ, чтобы самое отдаленное потомство приводило въ примѣръ ваше поведеніе въ этотъ день! Пусть о васъ скажутъ: онъ былъ въ этой великой битвѣ подъ Москвою“.

[1]) Помѣченное императорскимъ лагеремъ, подъ Бородинымъ 7-го сентября въ два часа утра (н. ст.).

Клики усилились, войска сгорали нетерпѣніемъ сразиться, и бой скоро начался.

(Французы въ Россіи. Томъ I. стр. 120—121.)

2. Послѣ битвы.

(Разсказъ французскаго офицера Ложье.)

Еще одна ужасная ночь! Проведя предыдущую въ грязи, истребивъ, несмотря на всю нашу бережливость, весь провіантъ до послѣдней крохи, мы остались безъ продовольствія: нечего ѣсть, нечего пить. Колоча, куда многіе кидались, чтобы избѣгнуть рѣзни, запружена трупами, вода окрашена кровью. Намъ пришлось расположиться среди мертвецовъ, стонущихъ, раненыхъ и умирающихъ. Усталые и изнуренные, мы не можемъ помочь имъ. Наконецъ, погода прекрасная въ теченіе всего дня, съ наступленіемъ ночи стала сырой и холодной. Большинство полковъ осталось безъ огня, его разрѣшили зажечь только въ полночь, когда усталымъ людямъ, умирающимъ отъ голода, не оставалось другого средства отъ страданій, какъ согрѣться!

Утромъ мы были изумлены; русская армія исчезла. Какое грустное зрѣлище представляло поле битвы! Никакое бѣдствіе, никакое проигранное сраженіе не сравняется по ужасамъ съ Бородинскимъ полемъ, на которомъ мы остались побѣдителями. Всѣ потрясены и подавлены. Армія неподвижна; она теперь больше походитъ на авангардъ. Многіе солдаты отправляются въ окрестности искать пропитанія или дровъ; другіе стоятъ на часахъ, а нѣкоторые, наконецъ, заняты подачей помощи и переноской раненыхъ. Несчастныхъ отправляютъ или въ Колочскій монастырь, въ 4 верстахъ отъ поля битвы, или въ сосѣдніе дома. Но мѣста для всѣхъ не хватаетъ.

Часть утра Наполеонъ употребилъ на осмотръ вчерашнихъ русскихъ позицій.

Рѣшительно ни на одномъ полѣ сраженія я не видалъ до сихъ поръ такого ужаснаго зрѣлища. Куда ни посмотришь, вездѣ трупы людей и лошадей, умирающіе, стонущіе и плачущіе раненые, лужи крови, кучи покинутаго оружія; то здѣсь, то тамъ сгорѣвшіе или разрушенные дома.

Огромная площадь трехъ главныхъ редутовъ взрыта ядрами; на ней виднѣются тѣла, разбросанные члены, глубокія ямы, вырытыя снарядами, съ погребенными на днѣ ихъ трупами. Ясно видны тѣ мѣста, гдѣ разорвавшимся снарядомъ разбиты лафеты пушекъ, а кругомъ убиты всѣ люди и лошади. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ битва была такой ожесточенной, что трупы нагромождены тамъ кучами. Солдаты роются не только въ мѣшкахъ, но и въ карманахъ убитыхъ товарищей, чтобы найти какую-нибудь пищу. Говорятъ, что Наполеонъ велѣлъ переворачивать трупы офицеровъ, чтобы опредѣлить, чѣмъ они убиты. Почти всѣ изранены картечью. Трудно представить себѣ что-нибудь ужаснѣе внутреннихъ частей главнаго редута. Кажется, что цѣлые взводы были разомъ скошены на своей позиціи и покрыты землей, взрытой безчисленными ядрами. Тутъ же лежатъ канониры, изрубленные кирасирами около своихъ орудій; погибшая тутъ почти цѣликомъ дивизія Лихачева, кажется, и мертвая охраняетъ свой редутъ.

Иногда подъ кучами мертвецовъ завалены раненые, призывовъ и стоновъ которыхъ никто не услыхалъ въ теченіе ночи. Съ трудомъ извлекаютъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Одежда и оружіе, все покрыто грязью и кровью, штыки согнулись отъ ударовъ по лошадямъ.

Пасмурное небо гармонируетъ съ

полемъ битвы. Идетъ мелкій дождь, дуетъ рѣзкій однообразный вѣтеръ и тяжелыя, черныя тучи тянутся на горизонтѣ. Всюду угрюмое уныніе.

Не одинъ императоръ объѣзжаетъ поле сраженія; генералы, офицеры, солдаты, движимые любопытствомъ, молча бродятъ вездѣ, осматривая съ изумленіемъ каждый кусочекъ земли. Они смотрятъ другъ на друга, какъ бы изумляясь, что еще живы. Незнакомые начинаютъ разговаривать, каждому хочется разсказать, что съ нимъ случилось за этотъ день. Вокругъ разсказчиковъ образуются кружки слушателей; разговоръ оживляется, и картинные разсказы нѣсколько оживляютъ это унылое мѣсто.

(Французы въ Россіи, т. I. 160—161.)

3. Бородинскій бой.

(Разсказъ русскаго унтеръ-офицера Тихонова, записанный въ 1830 году.[1])

Отъ самаго Дорогобужа французъ обходилъ насъ съ праваго фланга, отъ того и подъ Бородиномъ у насъ пуще всего за правый флангъ опасались и настроили тамъ шанцевъ видимо, не видимо. Сказывали, будто Багратіонъ бранился съ Штабными и говорилъ: „Чего вы за правый флангъ страшитесь? — Вы берегите лѣвый флангъ!“ Да его не послушали.

Въ Бородинѣ хорошій мостъ, какъ слѣдуетъ на почтовомъ трактѣ. Забери только между сваями лѣсомъ, да завали соломою и землею, вотъ тебѣ и плотина. За день, а много за два, набралось бы въ рѣкѣ столько воды, что не то что черезъ Колочу, а и черезъ Войню, безъ мостовъ проходу не было бы. У насъ всѣ рѣки такъ. За годъ передъ тѣмъ, какъ меня въ рекруты сдали, прорвало у нашей мельницы плотину, такъ не то, что весь покосъ съ телѣгами ѣздили и колесъ, бывало, не замочишь, а ребятишки бродили, рубашенокъ не поднимали. Передъ первымъ Спасомъ мельникъ сдѣлалъ помощь, поправилъ плотину: въ два дня набралось столько воды, что не то, что въ бродъ перейти, а стали съ луговъ лошадей перегонять: такъ одна, слѣпая лошадь завертѣлась на серединѣ и утонула. Укрѣпи только получше Бородино, да и гляди, какъ Наполеонъ безъ мостовъ черезъ рѣку перебираться станетъ.

Багратіоновскіе шанцы самъ видѣлъ. Такъ, дрянь, и шанцами стыдно назвать. Въ Тарутинѣ сказывали, будто Шевардинскій редутъ и Раевскаго шанцы такіе же были: ровъ мелкій, въ колѣно, амбразуры до земли, и лѣзть черезъ нихъ ловко, и каждаго солдата внутри видно.

Коновницынъ повелъ насъ къ Багратіонскимъ шанцамъ часу въ восьмомъ, коли не позднѣе. Подошли наши двѣ бригады, а третья въ кустахъ была, построились, ударили въ штыки: Французы заметались, какъ угорѣлые (смѣется). Французъ храбръ. Подъ ядрами стоитъ хорошо, на картечь и ядра идетъ смѣло, противъ кавалеріи держится браво, а въ стрѣлкахъ ему равнаго не сыщешь. А на штыки, нѣтъ, не горазд̆ъ. И колетъ онъ зря, не по нашему: тычетъ тебя въ руку, или въ ногу, а то броситъ ружье и норовитъ съ тобою въ рукопашную схватиться. Храбръ онъ, да ужъ очень нѣженъ.

Бутурлинъ говоритъ, что около Багратіоновскихъ шанцевъ, какъ Багратіона ранили, свалка была. Свалка была и передъ тѣмъ, и послѣ. То наша пѣхота оправится, впередъ пойдетъ, то кавалерія наша пойдетъ выручать пѣхоту, то Французскіе шасеры наскочатъ на пушки, пойдутъ артиллеристовъ рубить. Горькая, Сударь, артиллерійская служба, самая

---

[1]) Разсказъ этотъ составленъ изъ замѣчаній, сдѣланныхъ имъ на прочитанную ему 5 главу I тома „Исторія нашествія имп. Наполеона на Россію“.

тяжелая. Палятъ по нимъ изъ пушекъ больше, чѣмъ по комъ либо, и стрѣлки ихъ донимаютъ, подбиваютъ пушки, ящики взрываютъ; а тутъ либо пѣхота навалитъ, либо конница наскачетъ; ружья нѣтъ, отбивайся, какъ знаешь, а то жди: „Отцы, молъ, родные, выручьте!“

Вся бѣда не въ свалкѣ, а въ томъ, что къ Багратіону резервы подходили по частямъ. Когда мы подошли, у него, кромѣ Воронцова да Невѣровскаго, и народу больше не было. За нами перестроились они, опять пошли въ дѣло. Тамъ подошли сводные гренадеры, какъ насъ уже отбили; опять мы всѣ полѣзли впередъ, и опять безъ толку. Гвардейцы пришли поздно, и черезъ оврагъ не переходили. Самое поганое дѣло подводить резервы по частямъ: только народъ даромъ губить. Резервъ надо вводить разомъ.

Какъ Багратіона ранило, переводить насъ за оврагъ началъ Коновницынъ, этакъ, около полудня. Дохтуровъ пріѣхалъ послѣ. Пѣхота Французская за оврагъ не переходила, а отлеживалась за шанцами и за кустиками; кавалерія перескакивала и за оврагъ, бросалась на насъ, а больше на гвардейцевъ, да и тѣ ихъ такъ угостили, что долго они потомъ помнили, каково гвардію атаковать. Кирасиры и шасеры заносились Богъ знаетъ куда. У насъ Капитана ранило, такъ Унтеръ-Офицеръ съ четырьмя солдатами понесли его на перевязку, и я былъ въ носильщикахъ. Встрѣчали мы убитыхъ Французскихъ кирасировъ за второю линіею.

Семеновская улица идетъ поперекъ поля сраженія, отъ Француза подъ горку. Съ полевого конца тамъ тоже шанцы были. Сказывали, что шанцы Французъ занялъ, да гренадеры его оттуда выгнали.

Какъ перешли мы за оврагъ, жарилъ насъ Французъ изъ пушекъ часа полтора страсть какъ, а тамъ много полегче стало, а этакъ, около вечеренъ, и совсѣмъ мало стали палить изъ пушекъ; палили, особенно наши, до темной ночи. А тутъ приказаніе привезли, чтобы завтра атаковать Француза. Мало его осталось, повалили мы его страсть что: онъ очень густо стоялъ, такъ нашимъ пушкамъ ловко было палить; нашихъ зарядовъ много меньше пропадало, чѣмъ Французскихъ, да мы и стояли порѣже. Повалилъ онъ, послѣ полудня, у насъ много народу, но все не столько, сколько мы у него.

Коновницынъ, Сударь, былъ такой Генералъ: что на смотру, что на ученьи, что на полковомъ праздникѣ, что въ дѣлѣ, всегда одинаковый. Ловкій и распорядительный былъ Генералъ, спокойный. А ты видишь, что начальникъ спокоенъ, ну, и самъ не сомнѣваешься ни въ чемъ.

Про Дохтурова у насъ говорили, что коли онъ гдѣ станетъ, надобно туда команду съ рычагами посылать, а такъ его не сковырнешь. Стойкій былъ человѣкъ, веселый такой и добрый. Старый служака, еще съ Суворовымъ ходилъ, а пожалуй, и Румянцова помнилъ. Всего, значитъ, насмотрѣлся, ни чѣмъ его не удивишь.

Начальство подъ Бородиномъ было такое, какого не скоро опять дождемся. Чуть бывало кого ранятъ, глядишь, сейчасъ на его мѣсто двое выскочатъ. Ротнаго у насъ ранили, понесли мы его на перевязку, встрѣтили за второй линіей ратниковъ. „Стой!“ кричитъ намъ Ротный (а самъ блѣдный, какъ полотно, губы посинѣли). Меня ратнички снесутъ, а вамъ баловаться нечего, ступайте въ батальонъ! Петровъ! Веди ихъ въ свое мѣсто!“ Простились мы съ нимъ, больше его не видали. Сказывали, въ Можайскѣ его Французы изъ окна выбросили, отъ того и умеръ. А то Поручика у насъ картечью ранило. Снесли мы его за фронтъ, раскатываемъ

шинель, чтобы на перевязку нести. Лежалъ онъ съ закрытыми глазами; очнулся, увидалъ насъ, и говоритъ: „Что вы, братцы, словно вороны около мертвечины собрались. Ступай въ свое мѣсто! Могу и безъ васъ умереть!..“—Какъ перешли мы за оврагъ, послѣ Багратіона, стали мы строиться. Былъ у насъ Юнкеромъ молоденькій, тщедушный такой, точно дѣвочка. Ему слѣдовало стать въ 8-мъ взводѣ, а онъ, возьми, да въ знаменные ряды и стань. Увидалъ это баталіонный Командиръ, велитъ ему стать въ свое мѣсто. „Не пойду я, говоритъ, Ваше Высокоблагородіе, въ хвостъ, не хочу быть подлецомъ: хочу умереть за Вѣру и Отечество“. Баталіонный у насъ былъ строгій, разговору не любилъ; велѣлъ онъ Фельдфебелю поставить Юнкера на свое мѣсто. Взялъ его, раба Божьяго, Иванъ Семеновичъ за крестъ [1]), ведетъ, а онъ туда же, упирается. Когда бъ не такое начальство, не такъ бы мы и сражались. По тому что какое ни будь желанье и усердье, а какъ видишь, что начальство плошаетъ, такъ и у самого руки опускаются. А тутъ въ глаза всякому наплевать бы слѣдовало, если бы онъ вздумалъ вилять, когда онъ видитъ, что отрокъ, и человѣкомъ его назвать еще нельзя, а норовитъ голову свою положить за Вѣру и Отечество. Да вилять никто и не думалъ.

(Чт. въ О. И. Др. Р. 1872 г. кн. I, отд. I, с. 115—118.)

154. Оставленіе Москвы.

1. Разсказъ Свербѣева.

31-го числа этого мѣсяца получена была моимъ отцомъ отъ Обрескова записка: „Москву сдаютъ непріятелю безъ боя. Растопчинъ и я уѣзжаемъ покуда во Владиміръ, а тамъ, что Богъ велитъ! Покуда это еще для всѣхъ секретъ, убирайтесь и вы поскорѣе“! Тотчасъ же было рѣшено собираться и выѣзжать какъ можно скорѣе. Уѣзжать,—но куда и какой дорогой? Нечего и говорить куда,—въ Михайловское, а ѣхать на Серпуховъ, что было всего прямѣе, но оказалось затруднительнымъ: эта дорога просто была запружена ратниками, войскомъ и ихъ обозами, слѣдовавшими въ Москву, потому что распоряженій о ихъ пріостановкѣ еще не было, а равно и экипажами и обозами московскихъ обывателей, ѣдущихъ изъ Москвы. — —

На другой день, когда мы подъѣзжали къ мосту, по большой каширской дорогѣ стали попадаться намъ всевозможные курьезные экипажи, заложенные еще курьезнѣе, напр., телѣжка съ одной коровой, которая была какъ-то къ ней пристегнута и ее везла, или какія-нибудь допотопныя дрожки, запряженныя парой, т.-е. въ одну лошадь и корова на пристяжку; куча народу на телѣгахъ или подлѣ телѣгъ, наполненныхъ безъ какихъ-либо сундуковъ разными пожитками; въ этой толпѣ многіе были полураздѣты въ рубищахъ, другіе одѣты во весь свой туалетъ; у одного мужчины на головѣ былъ платокъ и въ рукахъ какая-то шляпка; на женщинѣ—мужская шинель или байковый сюртукъ,—однимъ словомъ, кто въ чемъ и какъ попало, лишь бы вывезти съ собою все, что можно было забрать, лишь бы не оставлять ничего въ добычу злодѣямъ....

3 сентября пріѣхали мы на ночлегъ въ Веневъ, съ трудомъ отыскали постоялый домъ и расположились провести ночь въ экипажѣ; меня уложили въ каретѣ, но вдругъ среди ночи разбудили: передо мной, въ открытыхъ дверяхъ стоялъ В. А. Никольскій. Я очень ему обрадовался, вы-

[1]) Перевязь и портупея, перекрещиваясь на груди, составляли собою Андреевскій крестъ.

шелъ изъ экипажа и увидѣлъ огромное, длинное зарево прямо къ сѣверу: Москва уже горѣла и такъ сильно, что зарево видѣли мы всѣ въ Веневѣ, на разстояніи 150 верстъ...

(Сб. Россія и Наполеонъ, с. 160—2.)

2. Разсказъ Вигеля.

Въ семь часовъ утра, 2 сентября, поднялся братъ мой, а въ восемь былъ уже за Покровскою заставой. Ужасомъ наполнилось сердце его, когда проѣзжалъ онъ по опустѣвшимъ безконечнымъ улицамъ Москвы, мимо высокихъ зданій, коихъ жители, казалось, всѣ вымерли: ни лица, ни голоса человѣческаго. На пути изъ края въ край обширнѣйшаго города, встрѣтилъ онъ всего человѣкъ семь или восемь ощипанныхъ, оборванныхъ, съ подозрительными фигурами, которые какъ-будто еще прятались, зловѣщія тѣни, которыя быстро исчезали. Но, приближаясь къ заставѣ, для всѣхъ уже открытой, толпы людей становились все гуще и гуще; проѣхавъ же ее, съ трудомъ могъ онъ подвигаться впередъ посреди плотной массы удаляющихся.

Безпорядокъ, въ которомъ остатокъ народонаселенія Московскаго спѣшилъ изъ нея, являлъ картину, единственную въ своемъ родѣ, ужасную и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько карикатурную. Тамъ виденъ былъ попъ, надѣвшій одну на другую всѣ ризы и державшій въ рукахъ узелъ съ церковною утварью, сосудами и прочимъ; тамъ четвероместную, тяжелую карету тащили двѣ лошади, тогда какъ въ иныя дрожки впряжено было пять или шесть; тамъ въ телѣжкѣ... сидѣла достаточная мѣщанка или купчиха, въ парчевомъ нарядѣ и въ жемчугахъ, во всемъ, чего не успѣла уложить; конные, пѣшіе валили кругомъ; гнали коровъ, овецъ; собаки въ великомъ множествѣ слѣдовали за всеобщимъ побѣгомъ, и печальный ихъ вой, чуя горе, сливался съ мычаніемъ, съ блеяніемъ, со ржаніемъ другихъ животныхъ. Шагъ за шагомъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ проѣхавъ такимъ образомъ верстъ пятнадцать,—братъ мой рѣшился остановиться, опасаясь, что далѣе не найдетъ убѣжища по безчисленности сопутниковъ. Немногіе послѣдовали его примѣру; болѣе боязливые весь день и часть ночи продолжали печальное свое шествіе. Ночью сдѣлалось почти свѣтло: огненный столбъ поднялся надъ Москвою, когда загорѣлись въ ней винные или водочные магазины. Какъ ни привыкъ мой братъ къ зрѣлищамъ разрушенія, ни которое такъ сильно его не поразило...

(Зап. Вигеля, т. II, ч. IV, с. 61—2.)

---

155. Изъ переписки Имп. Александра I съ сестрой его, в. кн. Екатериной Павловной объ оставленіи Москвы.

1. Письма в. кн. Екатерины Павловны.

1. Ярославль, 3 сентября 1812 г.

Москва взята. Это невѣроятно. Не забудьте своего рѣшенія: ни въ какомъ случаѣ не заключать мира, и у васъ еще останется надежда возстановить свою честь...

Дорогой другъ, не надо мира, даже если бы вы были въ Казани, не надо мира.

2. Ярославль, 6 сентября 1812 года.

Дорогой другъ мой, я не могу больше молчать, несмотря на страданія, которыя причиню вамъ. Взятіе Москвы довершило всеобщее раздраженіе; недовольство дошло до высшей точки, и васъ совсѣмъ не щадятъ. Если это доходитъ до меня, судите объ остальномъ. Васъ громко обви-

няютъ въ несчастьяхъ имперіи, въ общемъ и частномъ разореніи, наконецъ, въ безчестіи страны и вашемъ личномъ. И это не одинъ классъ, всѣ объединились, чтобы васъ безславить...

Къ счастью, мысль о мирѣ является не у всѣхъ: даже наоборотъ, стыдъ отъ потери Москвы пробуждаетъ желаніе отмстить. Всѣ громко жалуются на васъ; я считаю своимъ долгомъ сказать вамъ это, такъ какъ это очень важно. Не мнѣ указывать, что вамъ дѣлать, но спасите вашу честь—она въ опасности...

2. Отвѣтъ Александра I.

18 сентября 1812 года.

Вотъ вамъ, дорогой другъ, мой обстоятельный отвѣтъ... Изложу вамъ дѣла въ томъ видѣ, какъ они мнѣ представляются.

Что можетъ быть лучше, какъ руководиться своими убѣжденіями? Имъ только и слѣдовалъ я, назначая Барклая главнокомандующимъ 1-й арміей, помня его заслуги въ прошлыя войны съ французами и шведами. Я убѣжденъ, что онъ превосходитъ Багратіона въ знаніяхъ. Грубыя ошибки, сдѣланныя симъ послѣднимъ, и бывшія отчасти причиною нашихъ неудачъ, только подкрѣпили меня въ этомъ убѣжденіи, и я меньше, чѣмъ когда либо, могъ считать его способнымъ быть во главѣ обѣихъ армій, соединенныхъ подъ Смоленскомъ. Хотя я и не вынесъ большого удовлетворенія изъ немногаго высказаннаго въ мое присутствіе Барклаемъ, но все же считаю его менѣе несвѣдущимъ въ стратегіи, чѣмъ Багратіонъ, который ничего въ ней не смыслитъ. Да, наконецъ у меня тогда, по тому же убѣжденію, никого не было лучшаго для назначенія...

Въ Петербургѣ я нашелъ всѣхъ за назначеніе главнокомандующимъ старика Кутузова: это было единодушное желаніе. То, что я знаю объ этомъ человѣкѣ, заставляло меня сначала противиться его назначенію; но, когда Растопчинъ, въ своемъ письмѣ ко мнѣ отъ 5 августа, извѣстилъ меня, что и въ Москвѣ всѣ за Кутузова, не считая Барклая и Багратіона годными для главнаго начальства, и когда, какъ нарочно, Барклай дѣлалъ глупость за глупостью подъ Смоленскомъ, мнѣ не оставалось ничего другого, какъ сдаться на общее желаніе. И въ настоящую минуту я думаю, что при обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находились, мнѣ нельзя было не выбрать изъ трехъ, одинаково не подходящихъ въ главнокомандующіе, генераловъ того, за котораго были всѣ...

Вы спрашиваете, почему я не поѣхалъ въ Москву? Мое намѣреніе было воспользоваться первой минутой дѣйствительнаго преимущества нашей арміи надъ непріятельской, которую она принудила бы отступить, и дѣйствительно, пріѣхать въ Москву. Даже послѣ извѣстія о битвѣ 26-го я выѣхалъ бы тотчасъ, не напиши мнѣ Кутузовъ, въ томъ же рапортѣ, что онъ рѣшилъ отступить на шесть верстъ, чтобъ дать отдыхъ войскамъ. Эти роковыя шесть верстъ, отравившія мнѣ всю радость побѣды, вынудили меня подождать слѣдующаго рапорта; изъ него я увидѣлъ ясно, что были только одни бѣдствія...

Что до меня, то единственно за что я могу ручаться, это, что мое сердце, всѣ мои намѣренія, мое рвеніе будутъ клониться къ тому, что, по моему убѣжденію, можетъ служить на благо и на пользу отечеству. Относительно таланта, можетъ, у меня его недостаточно; но вѣдь таланты не пріобрѣтаются, они—даръ природы. Чтобъ быть справедливымъ, долженъ признать, что ничего нѣтъ удивительнаго въ моихъ неудачахъ, когда я не имѣю

хорошихъ помощниковъ, терплю недостатокъ въ дѣятеляхъ по всѣмъ частямъ, призванъ вести такую громадную машину, въ такое ужасное время и противъ врага, адски вѣроломнаго, и высоко талантливаго, котораго поддерживаютъ соединенныя силы всей Европы и множество даровитыхъ людей, образовавшихся за 20 лѣтъ войнъ и революціи. Вспомните, какъ часто въ нашихъ съ вами бесѣдахъ мы предвидѣли эти неудачи, допускали даже возможность потерять обѣ столицы, и что единственнымъ средствомъ противъ бѣдствій этого жестокаго времени мы признали твердость. Я далекъ отъ того, чтобъ упасть духомъ подъ гнетомъ сыплющихся на меня ударовъ. Напротивъ, болѣе чѣмъ когда либо я рѣшилъ упорствовать въ борьбѣ, и къ этой цѣли направлены всѣ мои заботы...

(Сб. Россія и Наполеонъ, с. 223—229.)

---

156. Пожаръ Москвы.

1. Наполеонъ во время московскаго пожара.

(По зап. адъютанта Наполеона I, Сегюра.)

Въ то время, какъ наши солдаты боролись съ пожаромъ и армія старалась вырвать у огня его добычу, Наполеонъ, котораго не рѣшались будить ночью, проснулся при двойномъ свѣтѣ — начинающагося дня и пламени. Въ первый моментъ онъ разсердился и хотѣлъ приказывать этой стихіи, но вскорѣ смирился, покорившись невозможности. Изумленный тѣмъ, что, поразивъ въ самое сердце Имперію, онъ наткнулся на другія чувства, чѣмъ покорность и страхъ, Наполеонъ увидѣлъ себя побѣжденнымъ. На этотъ разъ его превзошли въ рѣшительности!

Побѣда, которой онъ все принесъ въ жертву, гоняясь за ней, какъ за призракомъ, и уже готовый схватить ее, вдругъ исчезала на его глазахъ, въ вихряхъ дыма и пламени! Имъ овладѣло такое сильное волненіе, словно его пожиралъ тотъ самый огонь, который окружалъ его со всѣхъ сторонъ. Онъ не находилъ себѣ мѣста, каждую минуту вскакивалъ и опять садился. Онъ быстрыми шагами бѣгалъ по комнатамъ, и во всѣхъ его жестахъ, въ безпорядкѣ его одежды выражалось жестокое безпокойство. Изъ его стѣсненной груди вырывались по временамъ короткія, рѣзкія восклицанія:

— Какое ужасающее зрѣлище! Это они сами! Столько дворцовъ! Какое необыкновенное рѣшеніе! Что за люди! Это скиѳы!..

Между нимъ и пожаромъ пролегало большое пустое пространство, дальше была Москва-рѣка и ея двѣ набережныя. А, между тѣмъ, оконныя рамы, на которыя онъ облокачивался, были горячими, и, несмотря на постоянную работу солдатъ, помѣщавшихся на желѣзной крышѣ дворца, имъ не удавалось все-таки сметать всѣ искры, попадавшія туда.

Въ эту минуту распространился слухъ, что Кремль минированъ. Объ этомъ передали русскіе, и это же подтверждалось ихъ писаніями. Нѣсколько слугъ потеряли головы отъ страха, но солдаты невозмутимо ждали приказаній императора и рѣшенія своей судьбы. Императоръ однако отнесся къ этому слуху съ улыбкой недовѣрія.

Но онъ продолжалъ взволнованно ходить по комнатѣ, останавливаясь у каждаго окна и устремляя взоры на страшную бушующую стихію, вырывавшую у него изъ рукъ его лучшую побѣду, завладѣвавшую всѣми мостами и проходами въ его крѣпость и державшую его самого, точно въ осадѣ, грозя ежеминутно захватить всѣ окружающіе дома и оставить ему только стѣны Кремля!

Воздухъ кругомъ былъ наполненъ дымомъ и пепломъ. Ночь приближалась, и къ опасностямъ, окружавшимъ насъ, прибавлялась еще темнота. Вѣтеръ равноденствія, точно въ согласіи въ русскими, все усиливался. Прибѣжалъ неаполитанскій король и принцъ Евгеній, и они вмѣстѣ съ принцемъ невшательскимъ, проникли къ императору, на колѣняхъ и со слезами умоляя его, чтобы онъ покинулъ это мѣсто бѣдствія. Но все было тщетно!

Наполеонъ, завладѣвшій, наконецъ, дворцомъ царей, упрямился, не желая уступить этой побѣды даже пожару, какъ вдругъ раздался крикъ: Кремль горитъ! Передаваясь изъ устъ въ уста, онъ заставилъ насъ выйти изъ нашего состоянія оцѣпенѣнія. Императоръ вышелъ, чтобы посмотрѣть, насколько велика опасность. Два раза огонь появлялся и былъ потушенъ въ томъ самомъ зданіи, въ которомъ находился императоръ. Но башня арсенала еще продолжала горѣть. Тамъ нашли русскаго полицейскаго солдата и привели его. Наполеонъ велѣлъ допросить его въ своемъ присутствіи. Этотъ русскій былъ поджигателемъ. Онъ исполнилъ приказаніе по сигналу, данному его начальникомъ. Значитъ, все было обречено на гибель, даже священный и древній Кремль!

Императоръ сдѣлалъ жестъ презрѣнія и досады, и несчастнаго поволокли на дворъ, гдѣ взбѣшенные гренадеры закололи его штыками.

Но этотъ инцидентъ заставилъ Наполеона рѣшиться. Онъ быстро спустился по лѣстницѣ, знаменитой избіеніемъ стрѣльцовъ, и приказалъ, чтобы его проводили за городъ, на петербургскую дорогу, къ Петровскому императорскому дворцу.

Однако, мы находились въ осадѣ, среди океана огня, который блокировалъ всѣ ворота крѣпости и не допускалъ выхода изъ нея. Послѣ нѣкоторыхъ поисковъ удалось найти подземный ходъ къ Москвѣ-рѣкѣ. И вотъ черезъ этотъ выходъ Наполеонъ, его офицеры и его гвардія вырвались, наконецъ, изъ Кремля. Но выиграли ли они что-нибудь отъ этого? Они находились теперь ближе къ пожару и не могли ни двигаться впередъ, ни оставаться здѣсь. Куда идти, какъ пройти черезъ это море огня? Пепелъ слѣпилъ глаза, а буря оглушала насъ, и даже тѣ изъ насъ, кто уже успѣлъ нѣсколько ознакомиться съ городомъ, не могли теперь оріентироваться, такъ какъ улицы исчезли среди дыма и обломковъ.

А между тѣмъ надо было торопиться. Съ каждой минутой усиливалось вокругъ насъ завываніе пламени. Единственная узкая, извилистая и все еще горящая улица скорѣе казалась входомъ въ этотъ адъ, нежели выходомъ изъ него. Императоръ, не колеблясь, пустился пѣшкомъ черезъ этотъ опасный проходъ. Онъ подвигался среди треска пламени горящихъ сводовъ и грохота обрушившихся столбовъ и раскаленныхъ желѣзныхъ крышъ, валившихся вокругъ него. Эти обломки затрудняли его путь. Пламя, съ яростнымъ шумомъ пожиравшее зданія, среди которыхъ мы шли, и раздуваемое вѣтромъ, высоко поднималось и загибалось надъ нашими головами. Мы шли по землѣ, охваченной огнемъ, подъ пламенѣющимъ небомъ и между двумя стѣнами огня! Жаръ обжигалъ намъ глаза, а между тѣмъ мы должны были держать ихъ открытыми, чтобы видѣть опасность. Жгучій воздухъ, горячій пепелъ, огненныя искры,— все это затрудняло дыханіе. Мы почти задыхались въ дыму и обжигали себѣ руки, закрывая ими свое лицо отъ жара и сбрасывая искры, которыя ежеминутно осыпали насъ и проникали въ одежду...

Раньше чѣмъ выйти изъ этого моря бѣдствій, ему пришлось пройти

мимо длиннаго обоза съ порохомъ, который дефилировалъ въ огнѣ. Это была не малая опасность, но, по крайней мѣрѣ, послѣдняя, и къ ночи онъ уже былъ въ Петровскомъ.

(Зап. Сегюра, о походѣ 1812 г., с. 185—9.)

2. Москва послѣ пожара.

(По разсказу московскаго учителя Маракуева.)

1812 года, декабря 24-го пріѣхалъ я въ Москву. Народу было уже много, но мѣстъ для жительства не доставало совершенно; лавокъ для торговли тоже не было, всѣ сгорѣли, а по площадямъ были настроены временныя, деревянныя; также столики и рогожи замѣняли гостинный дворъ...

Въ Кремль и тогда еще никого не пускали. Спасскія ворота какъ были перерыты непріятелемъ, такъ и остались...

Взорванный арсеналъ представлялъ картину совершеннаго ужаса; на великое около него пространство кирпичи и камни покрываютъ улицы, особенно Моховую и Неглинную. Между грудами камней торчатъ огромныя бревна, концами вверхъ; все это болѣе чѣмъ на полвершка было покрыто сѣдою пылью. Боровицкая башня взорвана до самой подошвы, такъ что и слѣдовъ ея не осталось; Кремлевская стѣна отъ Москвы-рѣки также взорвана въ двухъ мѣстахъ, и отъ чрезмѣрной силы взрыва каменная мостовая и набережная дрогнули, часть плитъ и желѣзная рѣшетка скинуты въ рѣку. Кремлевскій дворецъ и Грановитая Палата стояли обгорѣлые и представляли болѣзненную для сердца картину; а Иванъ Великій стоялъ, какъ сирота, лишенный подпоръ своихъ. Въ какомъ видѣ тогда остались и были Кремлевскіе соборы, я не видалъ; но разсказываютъ ужасы ужасовъ, отъ которыхъ сердце обливается кровью. Замоскворѣчье все было выжжено и кромѣ церквей представляло гладкое поле, покрытое пепломъ и развалинами.

Воздухъ во всей Москвѣ былъ смраденъ и душенъ...

(Сб. Россія и Напелеонъ I, с. 352—3.)

---

157. Березина.

1. На Березинѣ, передъ переправой.

(По зап. Сегюра.)

... Въ то время, какъ старались отвлечь все вниманіе Чичагова влѣво, въ Студянкѣ тайкомъ подготовляли средства къ переправѣ. Только 25-го, въ пять часовъ вечера, туда прибылъ Эбле, сопровождаемый только двумя подводами угля, шестью ящиками инструментовъ и нѣсколькими ротами понтонеровъ. Въ Смоленскѣ онъ велѣлъ каждому солдату взять по инструменту и нѣсколько костылей.

Но перекладины, которыя начали класть наканунѣ, взявъ для нихъ бревна изъ польскихъ хатъ, оказались слишкомъ непрочными: надо было начинать все снова. Теперь уже нельзя было окончить мостъ за ночь: его могли построить только на другой день, 2-го, днемъ и подъ огнемъ непріятеля; но болѣе медлить было нельзя.

Съ началомъ сумерекъ этой рѣшительной ночи Удино уступилъ Наполеону занятіе Борисова и занялъ позицію съ остаткомъ своего корпуса въ Студянкѣ. Двигались въ полной темнотѣ, безъ шума, сохраняя полнѣйшую тишину.

Въ восемь часовъ вечера Удино и Домбровскій расположились на позиціяхъ, господствующихъ надъ переходомъ, въ то время какъ Эбле спускался къ нему. Этотъ генералъ помѣстился на берегу рѣки со своими понтонерами и ящикомъ, наполнен-

нымъ желѣзомъ отъ брошенныхъ колесъ, изъ котораго онъ на всякій случай велѣлъ наковать скрѣпы. Онъ жертвовалъ всѣмъ, чтобы сохранить эту слабую помощь; она спасла армію.

Въ концѣ этой ночи съ 25-го на 26-е онъ вбилъ первыя сваи въ болотистое дно рѣки. Но къ довершенію несчастія, подъемъ воды уничтожилъ бродъ. Потребовались невѣроятныя усилія, и наши несчастные понтонеры, по шею въ водѣ, должны были бороться со льдинами, плывшими по рѣкѣ. Много изъ нихъ погибло отъ холода или было смыто льдинами, которыя гналъ сильный вѣтеръ.

Они все побѣдили, за исключеніемъ непріятеля. Холодъ былъ великъ какъ разъ настолько, чтобы сдѣлать переходъ черезъ рѣку самымъ труднымъ, но не сковалъ ея воды и не скрѣпилъ достаточно двигавшуюся поверхность, на которую мы должны были вступить.

При такихъ условіяхъ зима выказала себя еще большимъ нашимъ врагомъ, чѣмъ сами русскіе... Послѣдніе не помогли погодѣ, которая помогала имъ.

Французы работали всю ночь при свѣтѣ непріятельскихъ огней, сверкавшихъ на высотахъ противоположнаго берега, на разстояніи пушечнаго и ружейнаго выстрѣла отъ дивизіи Чаплица. Послѣдній, не сомнѣваясь въ нашихъ намѣреніяхъ, послалъ предупредить о нихъ своего главнаго начальника.

Присутствіе непріятельской дивизіи отнимало надежду обмануть русскаго адмирала. Каждую минуту ждали, что вотъ сейчасъ вся его артиллерія откроетъ огонь по работавшимъ солдатамъ; и если бы даже только днемъ началась наша работа, то и тогда она не очень далеко подвинулась бы впередъ, а противоположный берегъ, низкій и болотистый, былъ слишкомъ открытъ для позицій Чаплица, чтобы переходъ былъ возможенъ.

Итакъ, Наполеонъ, выйдя изъ Борисова въ десять часовъ вечера, считалъ, что онъ дѣлаетъ отчаянный шагъ. Онъ остановился съ оставшимися у него шестью тысячами четырьмястами гвардейцевъ въ Старомъ-Борисовѣ, въ замкѣ, принадлежавшемъ князю Радзивиллу, расположенномъ направо отъ дороги изъ Борисова въ Студянку, въ равномъ разстояніи отъ обоихъ этихъ пунктовъ.

Конецъ этой рѣшительной ночи онъ провелъ на ногахъ, выходя каждую минуту, либо послушать, либо для того, чтобы выступить въ путь, въ которомъ рѣшалась его судьба; онъ такъ безпокоился, что постоянно думалъ, что ночь кончилась. Нѣсколько разъ окружающіе должны были указывать ему на его заблужденіе.

Едва разсѣялся мракъ, какъ онъ соединился съ Удино. Присутствіе опасности успокоило его, какъ это бываетъ всегда. Но при видѣ русскихъ огней и ихъ позиціи, самые рѣшительные его генералы, какъ Раппъ, Мортье и Ней, восклицали:

— Если императоръ выйдетъ изъ этого опаснаго положенія, то придется окончательно увѣровать въ его звѣзду!

Самъ Мюратъ считалъ, что теперь время думать только о томъ, какъ спасти Наполеона. Поляки сдѣлаютъ это.

Императоръ дождался разсвѣта въ одномъ изъ домовъ, расположенныхъ на берегу рѣки, на откосѣ, на верху котораго стояла артиллерія Удино. Мюратъ пробрался сюда; онъ объявилъ своему шурину, что считаетъ переправу невозможной; онъ настаивалъ, чтобы тотъ спасался самъ, пока еще есть время. Онъ заявилъ ему, что онъ можетъ безъ всякой опасности переправиться черезъ Березину нѣсколькими лье выше Студянки;

что черезъ пять дней онъ будетъ въ Вильно; что поляки, храбрые и преданные, знающіе всѣ дороги, берутся проводить его и отвѣчають за его безопасность.

Но Наполеонъ отвергъ это предложеніе, какъ позорное средство, какъ подлое бѣгство; онъ негодовалъ, какъ осмѣлились подумать, что онъ покинетъ свою армію теперь, когда она въ такой опасности. Но онъ ничуть не разсердился на Мюрата, можетъ быть, потому, что этотъ отвѣтъ далъ ему возможность показать свою твердость, или, скорѣе, потому, что въ его предложеніи онъ видѣлъ только знакъ преданности, а самымъ лучшимъ качествомъ въ глазахъ властелиновъ является преданность ихъ особѣ.

Въ это время, при разгоравшемся разсвѣтѣ, поблѣднѣли и исчезли огни московитовъ. Наши войска взялись за оружіе, артиллеристы стали на свои мѣста, генералы производили наблюденія; всѣ вообще внимательно смотрѣли на противоположный берегъ. Царила тишина напряженнаго ожиданія, предвѣстница великихъ бѣдъ!

Съ вечера всякій ударъ нашихъ понтонеровъ, отдаваясь въ лѣсистыхъ холмахъ, долженъ былъ привлекать вниманіе непріятеля. Итакъ, первые лучи слѣдующаго дня, 26-го числа, озарили его батальоны и артиллерію, стоявшіе противъ хрупкаго сооруженія, на достройку котораго Эбле долженъ былъ потратить еще восемь часовъ. Несомнѣнно, они ждали разсвѣта только затѣмъ, чтобы лучше направлять свои выстрѣлы. Разсвѣло: мы увидѣли брошенные костры, пустынный берегъ и на холмахъ тридцать удалявшихся пушекъ! Одного изъ ядра было бы достаточно, чтобы уничтожить единственную спасательную доску, переброшенную съ одного берега на другой; но эта артиллерія отступала въ то время, какъ наша становилась на позицію.

Дальше виденъ былъ хвостъ длинной колонны, подвигавшейся къ Борисову, не оглядываясь назадъ. Однако здѣсь еще оставался полкъ пѣхоты и двѣнадцать пушекъ, но не на позиціи, и виднѣлся отрядъ казаковъ, бродившихъ по опушкѣ лѣса; это былъ авангардъ дивизіи Чаплица, состоявшей изъ шести тысячъ человѣкъ и удалившейся какъ будто для того, чтобы очистить намъ дорогу.

Французы не рѣшались вѣрить своимъ глазамъ. Наконецъ, охваченные радостью, они начали хлопать въ ладоши и кричать отъ радости! Раппъ и Удино бросились къ императору.

— Ваше Величество, — сказали они,—непріятель снялся съ лагеря и покинулъ позицію!

— Этого не можетъ быть!—отвѣтилъ императоръ.

Но прибѣжали Ней и Мюратъ и подтвердили это донесеніе.

Тогда Наполеонъ бросился изъ своей главной квартиры; взглянулъ, увидѣлъ еще удалявшіеся и исчезавшіе въ лѣсу послѣдніе ряды колонны Чаплица и въ восторгѣ воскликнулъ:

— Я обманулъ адмирала!

Какъ разъ въ это время снова появились двѣ непріятельскія пушки и открыли огонь. Былъ данъ приказъ сбить ихъ. Достаточно было одного залпа; выстрѣлы эти были неосторожностью, и они тотчасъ же были прекращены изъ боязни, какъ бы они не привлекли Чаплица; вѣдь мостъ былъ только что начатъ; было восемь часовъ, а только еще вбивали первыя сваи.

Но императоръ, желая поскорѣе завладѣть противоположнымъ берегомъ, указалъ на него наиболѣе отважнымъ изъ своихъ приближенныхъ. Жаккмино, адъютантъ герцога Реджійскаго, и литовскій графъ Предзецкій первыми бросились въ рѣку

и, несмотря на льдины, царапавшія до крови груди и бока ихъ лошадей, достигли другого берега. За ними послѣдовали Сурдъ, начальникъ эскадрона, и сорокъ охотниковъ 7-го полка со стрѣлками, на лошадяхъ; потомъ, на двухъ жалкихъ плотахъ, въ двадцать поѣздокъ, было перевезено четыреста человѣкъ.

Императоръ хотѣлъ имѣть плѣнника, котораго онъ могъ бы разспросить. Жаккмино слышалъ, какъ Императоръ выразилъ это желаніе; только что выбравшись изъ воды, онъ уже бѣжитъ къ одному изъ солдатъ Чаплица, нападаетъ на него, обезоруживаетъ, схватываетъ и, посадивъ на луку своего сѣдла, привозитъ къ Наполеону черезъ ледъ и рѣку!

Къ часу берегъ былъ очищенъ отъ казаковъ и конченъ мостъ для пѣхоты; дивизія Леграна быстро перешла по немъ съ пушками, при крикахъ „Да здравствуетъ императоръ!“ передъ лицомъ государя, который лично самъ помогалъ переходу артиллеріи, подбадривая храбрыхъ солдатъ голосомъ и собственнымъ примѣромъ!

Видя, что они завладѣли противоположнымъ берегомъ, онъ воскликнулъ: „Теперь снова засіяла моя звѣзда“! потому что онъ вѣрилъ въ судьбу, какъ всѣ завоеватели....

(Зап. Сегюра с. 344—9.)

2. Переправа черезъ Березину.

(По зап. офицера Великой арміи фонъ-Зукова.)

28 ноября съ самаго разсвѣта начались тѣ же ужасы, на описаніе которыхъ въ продолженіе полувѣка потрачено столько чернилъ и карандашей. Правда, что бывало много преувеличеннаго въ описаніи этого перехода. Еще совсѣмъ недавно я прочелъ въ одной книгѣ, посвященной воспоминаніямъ о переходѣ черезъ Березину, что сотни женщинъ погибли въ этой рѣкѣ, что десятки дѣтей были раздавлены, затоптаны и т. д. Я былъ тамъ, но, говоря откровенно, не видѣлъ ничего подобнаго. Мнѣ кажется, что дѣйствительное зрѣлище было въ достаточной степени ужасно само по себѣ, чтобы еще преувеличивать.

Прежде всего мы услышали въ отдаленіи пушечную пальбу,—это нашъ арьергардъ, подъ командой маршала Виктора и генерала Домбровскаго, давалъ русскимъ одно изъ серьезнѣйшихъ сраженій. Раскаты пальбы замѣтно приближались къ намъ; это показывало, что наши защитники были отброшены непріятелемъ. Итакъ наступилъ моментъ, надо было рѣшаться на переходъ, чтобы избѣжать постыднаго плѣна.

Непріятельская артиллерія все ускоряла пальбу, и ея снаряды начали падать вокругъ насъ. Я наскоро простился съ моими французами, которые также отправились по направленію къ мосту. Туда бѣжали со всѣхъ сторонъ обезумѣвшіе, безоружные солдаты.

Раньше, чѣмъ приблизиться къ этой толпѣ, которая тѣснилась у входа на мостъ, я былъ свидѣтелемъ одной поистинѣ раздирающей сцены.

Экипажъ, который при настоящихъ условіяхъ можно было назвать элегантнымъ, запряженный парой лошадей, въѣхалъ въ середину обоза, чтобы переѣхать на ту сторону. Въ немъ сидѣла дама съ двумя дѣтьми. Вдругъ русскій снарядъ падаетъ посрединѣ упряжки и разрываетъ на части одну изъ лошадей. Мать выскакиваетъ изъ экипажа съ двумя малютками на рукахъ. Она умоляетъ прохожихъ притти къ ней на помощь, она проситъ и плачетъ, но никто не обращаетъ на нее вниманія. Всѣ бѣгутъ въ паническомъ ужасѣ. Опередивъ ее на нѣсколько шаговъ, я уже больше не слышалъ ея криковъ. Когда я обернулся, ея уже не было видно,—

она исчезла вмѣстѣ съ дѣтьми, или вѣрнѣе была сбита съ ногъ толпой, раздавлена и затерта ею.

Наконецъ, мнѣ удалось стать въ колонну бѣглецовъ. Ряды ихъ тянулись за мной такъ далеко, какъ хваталъ глазъ, и увеличивались каждую минуту, пополняясь новыми бѣглецами. Вскорѣ я былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ и сдавленъ какъ бы въ человѣческихъ тискахъ. Минуты, которыя я провелъ въ этой давкѣ, пока не вступилъ на правый берегъ, были самыми ужасными въ моей жизни. Всѣ вопили, ругались плакали, наносили удары направо и налѣво. Невозможно описать терзаній, какія я тамъ пережилъ.

Меня тащили, толкали, мѣстами волочили,—все это безъ преувеличиванія. Нѣсколько разъ толпа отрывала меня отъ земли и мяла меня, какъ въ тискахъ. Почва была покрыта людьми и животными, мертвыми и живыми...—Ежеминутно мнѣ приходилось спотыкаться на трупы. Правда я не падалъ, но это зависѣло не отъ меня, а только отъ того, что меня со всѣхъ сторонъ сжимала и поддерживала вся толпа.

Что можетъ быть ужаснѣе того, что испытываешь, когда идешь по живымъ существамъ, которыя цѣпляются за ваши ноги, останавливаютъ васъ и пытаются подняться.

Я помню еще и теперь, что я перечувствовалъ въ этотъ день, наступивъ на женщину, которая была еще жива. Я чувствовалъ ея тѣло и въ то же время слышалъ ея крики и хрипѣніе: „Сжальтесь надо мной“! Она цѣплялась за мои ноги, какъ вдругъ новый напоръ толпы приподнялъ меня съ земли, и я освободился отъ нея. Съ тѣхъ поръ я не разъ себя упрекалъ, что былъ причиной смерти одного изъ ближнихъ.

По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ мосту, сзади напирали все сильнѣе и сильнѣе, такъ какъ каждый хотѣлъ скорѣе уйти отъ непріятельскихъ пушекъ. А впереди у входа на мостъ стояли французскіе жандармы съ саблями въ рукахъ и наносили удары бѣглецамъ, не разбирая плашмя и остріемъ, чтобы установить хотя какой-нибудь порядокъ во избѣжаніе загроможденія моста. Мостъ былъ построенъ изъ ужаснаго матеріала и такъ трясся, что съ минуты на минуту можно было ожидать, что онъ обрушится.

Признаюсь, въ эти минуты я перенесъ такую пытку, что совершенно отчаялся въ своемъ спасеніи...

(Французы въ Россіи, томъ III, стр. 184—185.)

3. За Березиной.

(По зап. Сегюра.)

...6-го октября, на слѣдующій же день послѣ отъѣзда Наполеона, небо показало себя еще ужаснѣе. Въ воздухѣ летѣли ледяныя крупинки; птицы падали замерзшими на лету! Атмосфера была неподвижной и безмолвной: казалось, что все, что могло въ природѣ двигаться и жить, даже самъ вѣтеръ, было подавлено, сковано и какъ бы заморожено всеобщей смертью. Ни словъ, ни ропота, мертвое безмолвіе, безмолвіе отчаянія, которое выдавалось слезами!

Въ этомъ царствѣ смерти всѣ подвигались, какъ жалкія тѣни! Глухой и однообразный звукъ нашихъ шаговъ, скрипъ снѣга и слабые стоны умирающихъ одни нарушали это глубокое гробовое безмолвіе. Ни гнѣва, ни проклятія, ничего, что предполагаетъ хоть немного чувства; едва оставалась сила умолять; люди падали, даже не жалуясь, по слабости ли, изъ покорности ли, или же потому, что жалуются только тогда, когда надѣются смягчить кого-либо, или думаютъ, что ихъ пожалѣютъ.

Наиболѣе стойкіе до сихъ поръ изъ нашихъ солдатъ теперь пали духомъ. Снѣгъ проваливался у нихъ подъ ногами и часто на зеркальной поверхности для нихъ не было точки опоры, они скользили на каждомъ шагу и постоянно падали: казалось, что эта непріятельская земля отказывалась ихъ держать, что она выскальзывала изъ-подъ ногъ, что она строила имъ козни, какъ будто желая обнять ихъ, замедлить ихъ движеніе и отдать ихъ русскимъ, преслѣдующимъ ихъ, или ихъ ужасному климату!

И дѣйствительно, какъ только, измученные, они останавливались на минуту, зима, наложивъ на нихъ свою ледяную руку, схватывала свою добычу. Напрасно эти несчастные, чувствуя, что коченѣютъ, поднимались и молча, инстинктивно, отупѣвъ, дѣлали нѣсколько шаговъ, какъ автоматы; ихъ кровь, застывъ въ жилахъ, какъ вода въ быстрыхъ ручьяхъ, ослабляла ихъ сердце; потомъ она приливала къ ихъ головѣ; тогда эти умирающіе шатались, какъ пьяные. Изъ ихъ покраснѣвшихъ глазъ, воспаленныхъ отъ отсутствія солнца и отъ дыма костровъ, выступали настоящія кровавыя слезы; глубокіе вздохи вырывались изъ ихъ груди; они смотрѣли на небо, на людей, на землю неподвижнымъ, ужаснымъ и свирѣпымъ взоромъ; это было ихъ прощаніе съ этой варварской природой, которая ихъ такъ мучила, и, можетъ быть, это были упреки! Скоро они начинали ползти на колѣняхъ, потомъ на четверенькахъ; голова ихъ нѣсколько минутъ раскачивалась направо и налѣво, и изъ раскрытаго рта вырывались предсмертные крики; потомъ она, въ свою очередь, падала на снѣгъ, который тотчасъ же окрашивался ея жидкой кровью, и ихъ страданія были кончены!

Ихъ товарищи проходили черезъ нихъ, не обходя ни на шагъ, изъ боязни удлиннить дорогу, не поворачивая головы, потому что ихъ бороды, усы были покрыты льдомъ и всякое движеніе причиняло боль...

Таковы были послѣдніе дни Великой Арміи.

(Зап. Сегюра, с. 385—9.)

---

158. Наполеонъ о войнѣ 1812 г. [1])

Я спросилъ его, чему онъ приписываетъ, главнымъ образомъ, неудачу этой кампаніи. „Холоду, раннему холоду и московскому пожару,—отвѣчалъ Наполеонъ.—Я ошибся на нѣсколько дней; я высчиталъ погоду за пятьдесятъ лѣтъ, и никогда сильные морозы не начинались раньше 20-го декабря — на двадцать дней позднѣе, чѣмъ они начались въ этотъ разъ. Во время моего пребыванія въ Москвѣ было 3 градуса холода, и французы переносили его съ удовольствіемъ; но во время пути температура спустилась до восемнадцати градусовъ, и почти всѣ лошади погибли. Нѣсколько тысячъ лошадей потерялъ я въ одну ночь. Мы принуждены были покинуть почти всю артиллерію, въ которой тогда насчитывалось пятьсотъ орудій. Ни боевые запасы, ни провіантъ нельзя было дальше везти. За недостаткомъ лошадей мы не могли ни дѣлать развѣдки, ни выслать кавалерійскій авангардъ, чтобы узнать дорогу. Солдаты падали духомъ, терялись и приходили въ замѣшательство. Всякое незначительное обстоятельство тревожило ихъ. Пяти, шести человѣкъ было достаточно, чтобы испугать цѣлый батальонъ. Вмѣсто того, чтобы держаться вмѣстѣ, они бродили врозь въ поискахъ за огнемъ. Тѣ, которыхъ назначали развѣдчиками, покидали свои посты и

[1]) Изъ разсказовъ Наполеона, записанныхъ врачемъ О'Меара на о-вѣ св. Елены.

отправлялись въ дома погрѣться. Они разсыпались во всѣ стороны, удалялись отъ своихъ корпусовъ и легко попадали въ руки враговъ. Другіе ложились на землю, засыпали, немного крови шло у нихъ носомъ, и сонные они умирали. Тысячи солдатъ погибли такъ. Полякамъ удалось спасти нѣсколько лошадей и немного пушекъ, но французовъ и солдатъ другихъ націй совсѣмъ нельзя было узнать. Особенно пострадала кавалле̂рія. Сомнѣваюсь, уцѣлѣло ли въ ней три тысячи человѣкъ изъ сорока. Не будь московскаго пожара, мнѣ бы все удалось. Я провелъ бы тамъ зиму.

„Въ этомъ городѣ было до сорока тысячъ людей въ рабской зависимости. Вѣдь вы, должно быть, знаете, что русское дворянство держитъ своихъ крѣпостныхъ почти въ рабской зависимости. Я провозгласилъ бы свободу всѣхъ крѣпостныхъ въ Россіи и уничтожилъ бы крѣпостническія права и привилегіи дворянства. Это создало бы мнѣ массу приверженцевъ... Я заключилъ бы миръ въ Москвѣ или на слѣдующій годъ пошелъ бы на Петербургъ, Александръ прекрасно зналъ это, поэтому то онъ и послалъ въ Англію свои брильянты, свои драгоцѣнности и свои корабли. Мой успѣхъ былъ бы полный безъ этого пожара. Восмью днями раньше я одержалъ надъ ними побѣду въ большомъ дѣлѣ при Москвѣ-рѣкѣ; съ девяносто тысячами напалъ я на русскую армію, достигавшую двухсотъ пятидесяти тысячъ съ ногъ до головы вооруженныхъ, и я разбилъ ее на голову. Пятьдесятъ тысячъ русскихъ остались на полѣ битвы. Русскіе имѣли неосторожность утверждать, что выиграли сраженіе, и тѣмъ не менѣе черезъ восемь дней я входилъ въ Москву.

„Я очутился среди прекраснаго города, снабженнаго провіантомъ на цѣлый годъ; ибо въ Россіи всегда запасы на нѣсколько мѣсяцевъ дѣлались до наступленія морозовъ. Всевозможные магазины были переполнены. Дома жителей были хорошо снабжены и большинство ихъ оставили своихъ слугъ, чтобы служить намъ. Многіе хозяева оставили записочки, прося въ нихъ французскихъ офицеровъ, которые займутъ ихъ дома, позаботиться о мебели и другихъ вещахъ; они говорили, что оставили все, что могло намъ понадобиться, и что они надѣятся вернуться черезъ нѣсколько дней, какъ только императоръ Александръ уладитъ всѣ дѣла, что тогда они съ восторгомъ увидятся съ нами. Многія барыни остались. Онѣ знали, что ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ, гдѣ я былъ съ моими арміями, жителей никогда не обижали: къ тому же онѣ ждали скораго мира. Мы думали, что насъ ожидаетъ полное благосостояніе на зимнихъ квартирахъ, и все обѣщало намъ блестящій успѣхъ весной.

„Черезъ два дня послѣ нашего прибытія начался пожаръ. Сначала онъ не казался опаснымъ, и мы думали, что онъ возникъ отъ солдатскихъ огней, разведенныхъ слишкомъ близко къ домамъ, почти сплошь деревяннымъ. Это обстоятельство меня взволновало, и я отдалъ командирамъ полковъ строжайшіе приказы по этому поводу. На слѣдующій день огонь увеличился, но еще не вызвалъ серьезной тревоги. Однако, боясь его приближенія къ намъ, я выѣхалъ верхомъ и самъ распоряжался его тушеніемъ. На слѣдующее утро поднялся сильный вѣтеръ, и пожаръ распространился съ огромной быстротой. Сотни бродягъ, нанятые для этой цѣли, разсѣялись по разнымъ частямъ города и спрятанными подъ полами головешками поджигали дома, стоявшіе на вѣтру: это было легко въ виду воспламеняемости построекъ. Это обстоятельство, да еще сила вѣтра дѣ-

лали напрасными всѣ старанія потушить огонь. Трудно было даже выбраться изъ него живымъ. Чтобы увлечь другихъ, я подвергался опасности, волосы и брови мои были обожжены, одежда горѣла на мнѣ. Но всѣ усилія были напрасны, такъ какъ оказалось, что большинство пожарныхъ трубъ испорчено. Ихъ было около тысячи, а мы нашли среди нихъ, кажется, только одну пригодную. Кромѣ того бродяги, нанятые Растопчинымъ, бѣгали повсюду, распространяя огонь головешками, а сильный вѣтеръ еще помогалъ имъ. Этотъ ужасный пожаръ все разорилъ. Я былъ готовъ ко всему, кромѣ этого. Одно это не было предусмотрѣно: кто бы подумалъ, что народъ можетъ сжечь свою столицу? Впрочемъ, жители дѣлали все возможное, чтобы его потушить. Нѣкоторые изъ нихъ даже погибли при этомъ. Они приводили къ намъ многихъ поджигателей съ головешками, потому что намъ никогда бы не узнать ихъ среди этой черни. Я велѣлъ разстрѣлять около двухсотъ поджигателей. Если бы не этотъ роковой пожаръ, у меня было бы все необходимое для арміи, прекрасныя зимнія квартиры, разнообразные припасы въ изобиліи, на слѣдующій годъ рѣшилось бы остальное. Александръ заключилъ бы миръ,—или я былъ бы въ Петербургѣ".

Я спросилъ его, какъ онъ думаетъ, могъ ли бы онъ всецѣло покорить Россію. „Нѣтъ, отвѣтилъ Наполеонъ,— но я принудилъ бы Россію заключить выгодный для Франціи миръ. Я на пять дней опоздалъ покинуть Москву. Нѣсколькихъ генераловъ, продолжалъ онъ, огонь поднялъ съ постелей. Я самъ оставался въ Кремлѣ, пока пламя окружило меня. Огонь распространялся и скоро дошелъ до китайскихъ и индѣйскихъ магазиновъ, потомъ и до складовъ масла и спирта, которые загорѣлись и захватили все. Тогда я уѣхалъ въ загородный дворецъ императора Александра въ разстояніи приблизительно 4 верстъ отъ Москвы, и вы, можетъ быть, представите себѣ силу огня, если я скажу вамъ, что трудно было прикладывать руку къ стѣнамъ или окнамъ со стороны Москвы, такъ эта часть была нагрѣта пожаромъ. Это было огненное море, небо и тучи казались пылающими, горы краснаго крутящагося пламени, какъ огромныя морскія волны, вдругъ вскидывались, подымались къ пылающему небу и падали затѣмъ въ огненный океанъ. О! Это было величественнѣйшее и самое устрашающее зрѣлище, когда либо виданное человѣчествомъ"!

(Французы въ Россіи, т. III, стр. 383—385.)

XXVII. Россія послѣ 1812 года.

159. Вступленіе въ Парижъ.

(Изъ дневника свитскаго офицера С. Г. Хомутова.)

17 Марта (1814) главная картира была переведена въ деревню Кле, въ четырехъ миляхъ отъ Парижа. Генералъ Толь дѣлалъ рекогносцировку съ Императоромъ и княземъ Шварценбергомъ, и мы провели ночь за двѣ мили только отъ Парижа, въ деревни Бонди...

18-го мы поѣхали съ генераломъ Толемъ, очень рано утромъ, на мѣсто сраженія. Корпусъ маршала Мармона сталъ передъ самымъ Парижемъ въ очень крѣпкую позицію и собирался упорно защищаться. Его аттаковали

со всѣхъ сторонъ; жаркое сраженіе продолжалось около 6 часовъ; мы потеряли многихъ воиновъ и между прочими храбрыхъ нашихъ офицеровъ Кноррингa и Лютинскаго. Наконецъ, въ 2 часа по полудни, мы заняли высоты Бельвиля; тогда сраженіе рѣшилось въ нашу пользу, непріятель бѣжалъ, и Парижъ предсталъ нашимъ взорамъ. Невозможно описать, что мы почувствовали при этомъ зрѣлищѣ.

Я былъ подлѣ гр. Милорадовича.— „Вотъ, вскричалъ онъ, столица цѣлаго свѣта; я поподчую ее своимъ манеромъ", и велѣлъ бросить въ городъ нѣсколько бомбъ. Мы съ нимъ подошли къ самой заставѣ, но войска получили повелѣніе остановиться. Къ Императору пріѣхалъ парламентеръ, который объявилъ, что французская армія ретируется, и Парижъ сдается побѣдителямъ. Капитуляцію подписали, и всѣ не помнили себя отъ радости, всѣ обнимали другъ друга, поздравляли, показывали Парижъ рукой и благодарили Бога. Оставивъ графа Милорадовича, я не нашелъ генерала Толя при Императорѣ и послѣ совершенія капитуляціи, поѣхалъ его искать. Поднимаясь на одну высоту, я увидѣлъ его ѣдущаго ко мнѣ на встрѣчу, а съ двухъ противоположныхъ сторонъ Государя Императора и Барклая де Толли. Его Величество, увидя послѣдняго, закричалъ: „Михаилъ Богдановичъ, поздравляю васъ фельдмаршаломъ!" Государь объявилъ еще много другихъ награжденій, и мы поѣхали ночевать въ Бонди, довольные, счастливые, увѣнчанные безсмертною славою.

19-го Марта изъ Парижа пріѣхали въ Бонди члены сената и другіе чиновники. Государь Императоръ принялъ ихъ очень милостиво. Они увѣряли насъ, что Парижане ненавидятъ тиранское правленіе Наполеона и ожидаютъ насъ съ нетерпѣніемъ. Въ десять часовъ утра Государь Императоръ сѣлъ на коня и поѣхалъ въ Парижъ съ многочисленной свитой, въ которой и я находился. Вся наша гвардія, гренадерскій корпусъ, три кирасирскихъ дивизіи, часть артиллеріи, прусская гвардія, австрійскіе гренадеры, корпусъ Баварцевъ, корпусъ Виртембергцевъ и баденская гвардія, стояли въ парадѣ у воротъ, которыя еще были заперты. Какъ только Его Величество подъѣхалъ, ворота отворились, музыка загремѣла со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько кавалерійскихъ эскадроновъ и гвардейскіе казаки открыли маршъ, за ними ѣхалъ Императоръ съ королемъ Прусскимъ и княземъ Шварценбергомъ. Народъ толпился около насъ, изъявляя величайшую радость. Всѣ бросились къ ногамъ Государя, цѣловали его одежду, даже его лошадь, насъ тоже безпрестанно останавливали, называли Русскихъ своими избавителями и кричали: „Да здравствуетъ Императоръ Александръ! Да здравствуетъ король Прусскій, да здравствуетъ Людовикъ восемнадцатый, да здравствуютъ Бурбоны, да здравствуетъ миръ!.."

Государь Императоръ остановился въ Елисейскихъ поляхъ, и всѣ войска дефилировали передъ нимъ, что продолжалось болѣе четырехъ часовъ. Народъ окружалъ Его Величество, и надо было силою разсѣивать толпу. По окончаніи парада, Государь поѣхалъ во дворецъ принца Бенвентскаго, гдѣ онъ остановился, хотя ему былъ приготовленъ Елизе Бурбонъ. Намъ всѣмъ казалось, что мы видимъ прекрасный сонъ. Кто видѣлъ на яву входъ Всероссійскаго Императора въ столицу Франціи, тому, кажется, не остается ничего и желать!

(Русскій Архивъ. 1870, с. 161—4).

---

160. Трактатъ Братскаго Христіанскаго Союза.

(1815 г. сент. 14/26.)

Во имя Пресвятыя и нераздѣльныя Троицы.

Ихъ Величества: Императоръ Австрійскій, Король Прусскій и Императоръ Россійскій, въ слѣдствіе великихъ происшествій, ознаменовавшихъ въ Европѣ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ, наипаче же въ слѣдствіе благодѣяній, которыя Божію Провидѣнію было угодно изліять на Государства, коихъ Правительства возложили свою надежду и упованіе на единаго Бога, возчувствовавъ внутреннее убѣжденіе въ томъ, сколь необходимо предлежащій Державамъ образъ взаимныхъ отношеній, подчинить высокимъ истиннамъ, внушаемымъ вѣчнымъ закономъ Бога Спасителя:

Объявляютъ торжественно, что предметъ настоящаго акта есть открыть предъ лицемъ Вселенныя Ихъ непоколебимую рѣшимость, какъ въ управленіи ввѣренными Имъ Государствами, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ ко всѣмъ другимъ Правительствамъ, руководствоваться не иными какими-либо правилами, какъ Заповѣдями сея Святыя Вѣры, Заповѣдями любви, правды и мира, которыя, отнюдь не ограничиваясь приложеніями ихъ единственно къ частной жизни, долженствуютъ напротивъ того непосредственно управлять волею Царей и водительствовать всѣми ихъ дѣяніями, яко единое средство, утверждающее человѣческія постановленія и вознаграждающее ихъ несовершенства.

На семъ основаніи Ихъ Величества согласились въ слѣдующихъ статьяхъ:

Ст. I. Соотвѣтственно словамъ Священныхъ Писаній, повелѣвающихъ всѣми людямъ быть братьями, три договаривающіеся Монарха пребудутъ соединены узами дѣйствительнаго и неразрывнаго братства, и почитая Себя, какъ бы единоземцами, Они во всякомъ случаѣ и во всякомъ мѣстѣ станутъ подавать другъ другу пособіе, подкрѣпленіе и помощь; въ отношеніи къ подданнымъ и войскамъ своимъ, Они, какъ отцы семействъ, будутъ управлять ими въ томъ же духѣ братства, которымъ Они одушевлены, для охраненія вѣры, мира и правды.

Ст. II. По сему единое преобладающее правило да будетъ, какъ между помянутыми Властями, такъ и подданными Ихъ, приносить другъ другу услуги, оказывать взаимное доброжелательство и любовь, почитать всѣмъ себя какъ бы Членами единаго народа Христіанскаго; поелику три Союзные Государя почитаютъ Себя аки постановленными отъ Провидѣнія для управленія тремя единаго семейства отраслями, а именно: Австріею, Пруссіею и Россіею, исповѣдуя такимъ образомъ, что Самодержецъ народа Христіанскаго, коего Они и Ихъ подданные составляютъ часть, не иной подлинно есть, какъ тотъ, кому принадлежитъ Держава; поелику въ немъ обрѣтаются сокровища любви, вѣденія и премудрости безконечныя, то-есть, Богъ, нашъ Божественный Спаситель Іисусъ Христосъ, Глаголъ Всевышняго, Слово Жизни. Соотвѣтственно съ симъ, Ихъ Величества съ нѣжнѣйшимъ попеченіемъ убѣждаютъ своихъ подданныхъ, со дня на день утверждаться въ правилахъ и дѣятельномъ исполненіи обязанностей, въ которыхъ наставилъ человѣковъ Божественный Спаситель, аки единственное средство наслаждаться миромъ, который истекаетъ отъ доброй совѣсти и который единъ проченъ.

Ст. III. Всѣ Державы, желающія торжественно признать изложенныя

въ семъ актѣ священныя правила, и кои почувствуютъ, сколь нужно для счастія колеблемыхъ долгое время Царствъ, дабы истины сіи впредь содѣйствовали благу судебъ человѣческихъ, могутъ всеохотно и съ любовію быть приняты въ сей Священный Союзъ.

Написанъ втройнѣ и подписанъ въ Парижѣ, въ лѣто Благодати 1815 г., 14/26 сентября.

(П. С. З., т. 33, № 25943, с. 279—280.)

161. Разсказъ поселянина о военныхъ поселеніяхъ.

Когда въ первый разъ прислали къ намъ солдатъ въ деревню [1]) и у каждаго хозяина поставили по одному солдату, мы себѣ думаемъ, да и слухи-то идутъ, что и насъ сдѣлаютъ солдатами. Солдаты пришли, а зачѣмъ? Мы не знаемъ. Они намъ ничего не говорятъ, живутъ себѣ нѣсколько времени; должно быть, они и сами-то ничего не знали; такъ время и бредетъ.

Вдругъ, однажды, въ полночь десятскій стучитъ подъ окномъ и кричитъ. „Въ Божонку [2]) на скопъ". Наши мужички собрались и стали совѣтоваться, думаютъ, съ какой стати въ Божонку на скопъ? Это какая-нибудь новость пришла! Слухи-то идутъ, что сдѣлаютъ солдатами, да и солдатовъ-то нагнана цѣлая деревня, такъ ужъ вѣрно есть что-нибудь новенькое, небывалое, а иные говорятъ: да ужъ недаромъ ночью требуютъ, вѣрно днято мало. Не пойдемъ, говорятъ, въ Божонку на скопъ, туда уже не за добромъ зовутъ, а пойдемте лучше въ монастырь, будемъ просить строителя, чтобы онъ насъ на это время скрылъ въ монастырѣ, а тамъ впередъ, что Богъ дастъ, „что міру, то и бабину сыну". Пришли мы въ монастырь...

А въ деревню Эстьяны нагнали солдатовъ—ужасть сколько: вездѣ дневальные, во всѣхъ переулкахъ и заулкахъ, около домовъ—вездѣ все дежурные да караульные, такъ что тутъ никакъ нельзя скрыться. Прежде еще было объявлено, что кто самъ пожелаетъ бриться, тому жалуютъ шестьдесятъ рублей ассигнаціями денегъ. Вотъ какъ понасидѣлись наши мужички взаперти на дворѣ, какъ пошло уже на десятыя-то сутки, одинъ какой-то удалецъ, говорятъ, вылѣзъ на крышу и кричитъ: бриться желаю! Его сейчасъ сняли съ крыши тую же минуту, покормили, обрили, шинель надѣли и шестьдесятъ рублей денегъ ему дали. На него глядя, еще никакъ человѣкъ пять пожелали бриться, и тѣмъ тоже выдали по шестидесяти рублей. А прочіе сидѣли, сидѣли, а, наконецъ, надо же что-нибудь дѣлать; хоть сколько ни сиди, все тому же быть, да еще и слухи-то пошли, что какъ двѣнадцать сутокъ отсидятъ, да не сдадутся, то разстрѣляютъ. Всѣ сдѣлались такіе смирненькіе, что, говорятъ, вѣрно дѣлать нечего, надо повиноваться; вѣрно время-то пришло, надо времю повиноваться! Ну, и сдались. Всѣхъ ихъ обрили, шинели на нихъ понадѣвали и—готовы.

Вотъ и до насъ слухи дошли, что они сдались бриться. И мы стали думать то же самое: сколько ни живи въ монастырѣ, а все надо являться домой.

Когда я пришелъ домой, то у насъ было семнадцать постояльцевъ. Вотъ мы и живемъ дома дня два или три, хорошенько не помню, намъ ничего отъ солдатовъ нѣтъ худаго. Вдругъ черезъ нѣсколько дней къ намъ въ деревню привезли два воза шинелей. Насъ всѣхъ собрали въ одну избу и стали раздавать каждому по шинели

[1]) Власьево, въ 13 верстахъ отъ Новгорода.

[2]) Селеніе въ 22 верстахъ отъ Новгорода.

толстой простаго солдатскаго сукна да по шинели тонкаго сѣро-нѣмецкаго сукна; это, говорятъ, австрійскій король отпустилъ на всю армію тонкаго сукна. Роздали намъ шинели, а сшиты онѣ были на живую нитку, ни крючковъ, ни пуговокъ. Надѣли на насъ эти шинели; волосы у насъ не стрижены, бороды не бриты: такъ-то некрасиво, какъ поглядишь со стороны, какъ чучелы какія! Такъ опять живемъ съ недѣлю и не знаемъ, что намъ будетъ.

Вдругъ, въ самую полночь стучитъ десятскій подъ окошкомъ: „Къ шинелямъ крючки нашивать, завтра къ начальнику на смотръ!“ Тутъ, братъ, некогда зѣвать, принялись за работу; у иного еще крючковъ-то и въ вѣстяхъ нѣтъ, сейчасъ разыскалъ проволоки кусокъ, загнулъ кой-какіе крючки, и ладно. На другой день пріѣхалъ какой-то начальникъ, осмотрѣлъ насъ всѣхъ и говоритъ: ахъ! вотъ отлично, вотъ такъ молодчики! Съ тѣмъ и уѣхалъ.

Такъ это дѣло шло да брело, мы волосы-то носили отъ зимняго Николы до Троицы, а потомъ передъ Троицей повѣстили насъ на ротный дворъ. Ротный дворъ у насъ былъ въ Губаревѣ; туда насъ и согнали добрыхъ молодцовъ, да тамъ намъ и бороды, и волосы очистили, а потомъ насъ отпустили. Пришли мы домой, наши бабы какъ завоютъ, заголосятъ; иная и мужика своего не узнала. Съ этихъ поръ стали выдавать намъ помаленьку муницу (аммуницію): когда галстучекъ, когда набрюшничекъ, когда-что, все это помаленьку выдавали да насъ постепенно пріучали кой къ чему. Потомъ, наконецъ, уже выдали и ружья, да и стали насъ уже поучивать, какъ въ караулѣ стоять, какъ ружья въ сошки становить да выбѣжать, когда поѣдетъ и пойдетъ мимо караула начальникъ и какъ ему честь отдавать.

Дождались мы своего праздника Покрова, и въ самый-то Покровъ насъ первый разъ нарядили въ караулъ. У насъ праздникъ: гости стали уже скопляться, а мы идемъ въ караулъ. Пришли туда, такъ ротный и говоритъ: сегодня поѣдетъ графъ, такъ его надо встрѣтить и честь ему отдать, а потомъ, когда графъ проѣдетъ, я васъ отпущу. Пришли мы въ караульный домъ, посидѣли маленько, ну, говорятъ, теперь пора заступать, скоро графъ поѣдетъ. Такъ съ полчаса постояли, и ѣдетъ графъ. У насъ былъ одинъ за ундера; какъ только графъ до насъ доѣхалъ, то остановился, сошелъ съ коляски, подошелъ къ намъ и смотритъ: а мы стоимъ, вытянувшись, мундиры новые, просто молодцами. Подошедши къ намъ, графъ и говоритъ: „Что это, никакъ новенькіе! Вотъ молодцы, видишь какъ хорошо, ай да дружки,—спасибо! Адъютантъ, подай-ка сюда шкатулку“. Адъютантъ—такой хватина, бравый офицеръ, чистый, бѣлый, высокій. Сейчасъ притащилъ большую шкатулку. Графъ отворилъ ее, а она полнешенька накладена бумажками. Вотъ и даетъ онъ прежде ундеру красненькую — десять рублей; а потомъ каждому по синенькой—пять рублей—далъ и говоритъ: „Вотъ я вамъ дарю, старайтесь заслужить еще больше, желаю вамъ заслужить чины и вѣчный хлѣбъ. Да смотрите, этихъ денегъ сержантамъ не давайте, своимъ дядькамъ-то, а то они любятъ молодыхъ-то посасывать. Ну, молодцы, я васъ велю сейчасъ смѣнить и вы ступайте домой: у васъ праздникъ: гуляйте, веселитесь“!—и уѣхалъ. Какъ только уѣхалъ, насъ и отпустили домой. Мы идемъ домой съ бумажками въ рукахъ, а люди на насъ глядятъ-дивуются. Эва, говорятъ, графъ-то подарилъ по пяти рублей!

Какъ окончился нашъ праздникъ, насъ погнали на ротный дворъ въ Губарево, тутъ намъ выдали эти черто-

вы краги и полную муницу. Да какъ принялись за насъ, какъ начали насъ добрыхъ молодцовъ гонять каждый день на ученье, да не одинъ разъ, а два, да потомъ еще иди въ караулъ, такъ намъ небо съ овчинку показалось. Какъ одѣнемся въ полную то муницу, какъ стянутъ меня, такъ просто не пыхнуть (вздохнуть). Когда муницу надѣвать, уже не подумай чего-нибудь закусить, а послѣ, когда одѣнемся, возьмешъ—закусишь чего-нибудь, пока еще воротникъ не застегнутъ, — такъ вотъ было время! Одному самому себя и не подумай, чтобы затянуть. Мы трое другъ дружку затягивали веревочкой или дратвиной на колѣно. Муница эта проклятая такъ сушила, что не дай Богъ! Бывало, какъ поставятъ въ караулъ, то ужъ не подумай сѣсть, въ иномъ мѣстѣ и можно бы сидѣть, такъ нѣтъ,— эти краги натянешь себѣ на колѣни, то ноги у тебя такъ вытянутся, что ни за что не согнешь, буде вотъ только прислонишься къ стѣнкѣ маленько вмѣсто того, чтобы сидѣть. Что теперешнимъ солдатамъ! Имъ надо день и ночь Богу молить за царя; погляди, теперь у нихъ муница какъ у мужика: шинели-то на нихъ, который не штуковатый (форсистый, франтоватый), такъ хуже бабы въ теперешней шинели, а прежде было всѣ морщинки-то тебѣ расправятъ. А хуже всего были проклятые краги. Мазали ихъ ваксой, а штаны были бѣлаго сукна—мѣлили мѣломъ, такъ если кто чуть неопрятно тряхнетъ, одѣваясь, мѣлъ попалъ на краги,—вотъ и бой, да бой-то какой: какъ поднимутъ тебѣ фалду, да палками или тесаками такого дадутъ жару, что долго будешь помнить. Ни одно ученье бывало не пройдетъ, чтобы не драли кого, а все человѣкъ пять, десять, да такъ выдерутъ, что просто первымъ номеромъ, а за что?—просто за какую-нибудь бездѣлицу. У насъ былъ ротный капитанъ Безрадецкій, хохолъ; ему бывало ужъ не молись, хоть Богомъ назови, но только, если что онъ задумалъ, такъ исполнитъ,—такой былъ дракунъ, не тѣмъ будь помянутъ.

Пошли строгости да чистота въ избахъ, пока еще не перешли въ связи [1]). Печку чтобы топили до свѣту, въ избѣ, чтобы было чисто, не было чего висячаго, какъ въ господской горницѣ. Печка чтобы была бѣла какъ снѣгъ, а чуть что не понравится, то сейчасъ бабѣ трепка. Чтобы вечеромъ, какъ теперь, зажечь лучину,—чистая бѣда,—какъ будто бы ночной тутъ и стоялъ, али дневальный,—сейчасъ къ тебѣ въ избу и, ничего тебѣ не говоря, хватитъ—да и на ротный дворъ; а ужъ туда стащитъ, такъ добра маленько; оттуда которая баба воротится, такъ закажетъ другу и недругу лучину жечь. Это все еще было по деревнямъ, а потомъ, когда насъ перевели въ связи, тутъ еще тошнѣе стало, зимой снѣгъ такъ донималъ, что любо. Зимы-то были морозныя, снѣжныя. Двѣ линіи надо было чистить: заднюю, по которой ѣздили постоянно всѣ, и переднюю противъ окошекъ. Съ этой передней линіи-то зимой только и знали, что снѣгъ чистили, да лѣтомъ чистоту водили: по ней ѣздило только высокое начальство— графъ или какой-нибудь генералъ. Если въ хозяйствѣ баба была одна, такъ она только и знай, что за чистотой смотри, другаго дѣла и справлять некогда. Утромъ вставай съ полночи да все чисти, чтобы къ утру былъ полъ вымытъ, печка выбѣлена и все въ исправности. А какъ подходитъ время къ смотру, то еще хуже донимаютъ...

(Ист. Вѣстникъ, 1886 г., т. XXV, с. 352—6.)

---

[1]) Избы въ 2 половины, крестьянскую и солдатскую.

162. Объ упраздненіи военныхъ поселеній.

1856 г.

(Изъ личныхъ воспоминаній Д. Столыпина.)

По окончаніи Крымской войны и заключеніи мира, въ 1856-мъ году, состоя адъютантомъ при военномъ министрѣ Николаѣ Онуфріевичѣ Сухозанетѣ, я получилъ предписаніе ѣхать въ военныя поселенія. Въ предписаніи было выражено, чтобы я представилъ докладную записку „о бытѣ поселенцевъ, взглядъ на положеніе края и мѣры къ улучшенію онаго“... — —

Докладная записка о военныхъ поселеніяхъ новороссійскаго края.

(8-ми первыхъ округовъ.)

Бытъ военныхъ поселянъ.

Бытъ военныхъ поселянъ бѣденъ. Большая часть не имѣетъ рабочаго скота. Изъ свѣдѣній Статистическаго Атласа Новороссійскаго Военнаго Поселенія къ 1-му Генваря 1850 года слѣдуетъ: въ 1-мъ кавалерійскомъ округѣ хозяевъ 1-го разряда 735; 2-го разряда 1062; нехозяевъ 3781. Въ общей сложности 8-ми округовъ, большая половина безъ рабочаго скота.

Скотоводство, сравнительно, по числу душъ Новороссійскаго поселенія, скудно.

Садоводства мало. Прежде были крестьянскіе фруктовые сады, дававшіе до 250 и 300 рублей ассигнаціями доходу, но при постройкѣ деревень они большею частію истреблены.

Народонаселеніе.

Народонаселеніе со времени поселенія округовъ въ 20-хъ годахъ увеличилось безъ малаго въ половину. Но такъ какъ рабочій скотъ уменьшился въ то же время, то увеличилась и бѣдность. Изъ выводовъ сравнительной вѣдомости слѣдуетъ: при поселеніи округовъ состояло 65563 души, нынѣ прибавилось 28340. Рабочаго скота состояло: воловъ 44838; прибавилось 1774: около $^1/_{25}$-ой части, но вмѣстѣ съ тѣмъ убавилось лошадей 4522.

Доходъ.

Доходъ получаемый съ Военныхъ Поселеній не значителенъ. Въ общей сложности 8-ми округовъ, на одинъ эскадронъ приходится для продовольствія фуражомъ около 2000 душъ и 13729 десятинъ земли удобной и 1376 не удобной, всего 15105 десятинъ. На одинъ эскадронъ широкимъ, круглымъ счетомъ слѣдуетъ въ годъ овса 3000 четвертей, 12000 пудовъ сѣна и 5000 пудовъ соломы. Полагая въ общей сложности четверть овса 1 рубль 30 копѣекъ серебромъ, пудъ сѣна 10 копѣекъ серебромъ и пудъ соломы 5-ть копѣекъ серебромъ, составитъ деньгами въ годъ 5350 рублей серебромъ. Что касается до поддержанія выведенныхъ построекъ и содержанія окружныхъ штабовъ, то какъ они требуютъ ежегодныхъ издержекъ, то и должно на нихъ смотрѣть, какъ на утраченный капиталъ.

Общій обзоръ.

Выводы эти изъ офиціальныхъ свѣдѣній вполнѣ подтверждаются при обозрѣніи на мѣстѣ. Со времени поселенія округовъ, поселяне постепенно бѣднѣли. Въ комерческомъ отношеніи округа не выгодны. Доходы не значительны, поселяне въ разоренномъ положеніи.

Въ нравственномъ отношеніи люди весьма упали духомъ. Есть общее мнѣніе между мѣстнымъ начальствомъ, что поселенія не достигаютъ своей цѣли. Между поселянами большая вѣра, что будетъ сдѣлана перемѣна, и это мнѣніе особенно укоренилось въ послѣднее время. Движеніе крестьянъ въ Полтавской губерніи не имѣло на нихъ вліянія. Если же будутъ какія либо

движенія въ поселеніяхъ, то конечно этимъ можетъ затрудниться вопросъ о перемѣнѣ...

Въ самый день коронаціи [1]) было объявлено о предстоящемъ упраздненіи военныхъ поселеній: это была первая по времени, въ ряду прочихъ, реформа.

(Русск. Архивъ. 1874 г., кн. I, с. 765—771.)

---

163. Записка Магницкаго [2]).

О просвѣщеніи.

...Слово просвѣщеніе никѣмъ еще основательно не опредѣлено. Всѣ, кои его произносятъ, разумѣютъ подъ его названіемъ, нѣкоторое извлеченіе изъ собственныхъ своихъ о немъ понятій, и оттого происходятъ споры и недоразумѣнія, оттого его злоупотребленіе: ибо часто добрымъ именемъ симъ закрываютъ отъ правительствъ люди неблагонамѣренные начинанія самыя вредныя и гибельныя.

Просвѣщеніе въ государственномъ смыслѣ, не можетъ быть ничто иное, какъ полное собраніе всѣхъ положительныхъ наукъ, съ новѣйшими ихъ открытіями и лучшими методами преподаванія, ввѣренное надежному, по его нравственности, сословію ученыхъ и распредѣляемое имъ, подъ дѣйствительнымъ надзоромъ, согласно съ религіею, съ образомъ правительства,—разнымъ классамъ гражданъ, въ нужной для каждаго изъ нихъ мѣрѣ.

Науки можно раздѣлить на точныя или положительныя, таковыя суть: богословскія, юридическія, естественныя, математическія; и на мечтательныя, каковы: философскія и, проистекающія отъ нихъ, нравственныя и политическія; ибо основанія ихъ не только произвольны, но каждыя двадцать лѣтъ перемѣняются и въ одно и тоже самое время, въ разныхъ государствахъ, различны и даже противоположны, между тѣмъ какъ положительныя науки имѣютъ ту всемірность, которая есть единственный признакъ земной истины.

Лжеименное просвѣщеніе, то есть когда мечтательныя науки портятъ положительныя, заражая ихъ своими заблужденіями, всегда было вредно: слѣдовательно нужно охранить науки неприкосновенными къ сей заразѣ и въ полезной чистотѣ ихъ точныхъ началъ. Такъ напримѣръ, на что допускать въ геологію вредныя гаданія о невозможности потопа, когда она должна просто разсматривать ту шеститысячную часть земного радіуса, далѣе коей проникнуть человѣкъ не можетъ, которая собственно есть ничто иное, какъ самая поверхностная кора земли? На что къ наукѣ правъ положительныхъ придѣлывать вредныя гаданія о происхожденіи властей отъ подразумѣваемаго договора и прочее?

Россія имѣетъ свой собственный характеръ: въ религіи, въ нравахъ, въ образѣ правленія. Слѣдовательно и просвѣщеніе ея должно быть соображено съ сими отличительными ея свойствами; ибо, иначе, всякое его противодѣйствіе непремѣнно произведетъ вредное потрясеніе, сперва нравственное, потомъ гражданское и наконецъ политическое.

Мы заимствовали просвѣщеніе отъ земель иностранныхъ, не приспособивъ его къ нашему положенію (не обрусивъ), и сверхъ того въ самую неблагопріятную минуту, въ XVII-мъ и началѣ XVIII-го столѣтія, то есть во время опасной его заразы. Мы пересадили ядовитое растеніе сіе въ нашъ холодъ, гдѣ оно вредитъ медленно,

---

[1]) Имп. Александра II.

[2]) Бывшаго попечителемъ Казанскаго учебнаго округа.

ибо растетъ худо. По счастію, равнодушіе къ нему управляющихъ и національная лѣнь нашихъ ученыхъ остановили его на одной точкѣ.

Надобно, однако же, сдвинуться съ нея руководствомъ учителей, осторожнѣйшимъ образованіемъ учениковъ, пересмотромъ классическихъ книгъ, кои, и по духу и по ограниченности ихъ, ни куда негодны и даже отъ своего времени отстали; очищеніемъ литературы народной, въ которой нѣтъ еще листа сносной прозы, а все дурное, отъ „Жизни Ваньки Каина“ до Волтерова „Кандида“, готово уже для развращенія грамотной черни.

Сіе небольшое число истинъ, самыхъ неоспоримыхъ, по совѣсти, лучшему моему разумѣнію и согласно съ мнѣніемъ отличнѣйшихъ геніевъ и ученыхъ, отъ Бакона и Кеплера до Ролленя и Боссюэта, поставивъ себѣ руководствомъ, старался я, при разныхъ случаяхъ, передать ихъ моимъ сочленамъ въ Главномъ Правленіи Училищъ...

(П. Бартеневъ. XIX вѣкъ. Томъ I с. 242—4.)

XXVIII. Декабристы.

164. Записки декабриста Якушкина.

1. Русское общество послѣ 12 года.

Война 1812 года пробудила народъ русскій къ жизни и составляетъ важный періодъ въ его политическомъ существованіи. Всѣ распоряженія и усилія правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторгшихся въ Россію галловъ и съ ними двунадесять языцы, если бы народъ попрежнему остался въ оцѣпененіи. Не по распоряженію начальства жители при приближеніи французовъ удалялись въ лѣса и болота, оставляя свои жилища на сожженіе. Не по распоряженію начальства выступило все народонаселеніе Москвы вмѣстѣ съ арміей изъ древней столицы. По рязанской дорогѣ, направо и налѣво, поле было покрыто пестрой толпой, и мнѣ теперь еще помнятся слова шедшаго около меня солдата: „Ну, слава Богу, вся Россія въ походъ пошла!“ Въ рядахъ даже между солдатами не было уже безсмысленныхъ орудій; каждый чувствовалъ, что онъ призванъ содѣйствовать въ великомъ дѣлѣ.

Императоръ Александръ, оставившій войско прежде витебскаго сраженія, возвратился къ нему въ Вильну. Конечно, никогда прежде и никогда послѣ не былъ онъ такъ сближенъ съ своимъ народомъ, какъ въ это время, въ это время онъ его любилъ и уважалъ. Россія была спасена, но для императора Александра этого было мало; онъ двинулся за границу съ своимъ войскомъ для освобожденія народовъ отъ общаго ихъ притѣснителя. Прусскій народъ, втоптанный въ грязь Наполеономъ, первый отозвался на великодушное призваніе императора Александра; все возстало и вооружилось. Въ 13-мъ году императоръ Александръ пересталъ быть царемъ русскимъ и обратился въ императора Европы. Подвигаясь впередъ съ оружіемъ въ рукахъ и призывая каждаго къ свободѣ, онъ былъ прекрасенъ въ Германіи; но былъ еще прекраснѣе, когда мы пришли въ 14-мъ году въ Парижъ. Тутъ союзники, какъ алчные волки были готовы броситься на павшую Францію. Императоръ Александръ спасъ ее; предоставилъ даже ей избрать родъ правленія, какой она найдетъ для себя

болѣе удобнымъ, съ однимъ только условіемъ, что Наполеонъ и никто изъ его семейства не будетъ царствовать во Франціи. Когда увѣрили императора Александра, что французы желаютъ имѣть Бурбоновъ, онъ поставилъ въ непремѣнную обязанность Людовику XVIII даровать права своему народу, обезпечивающія до нѣкоторой степени его независимость. Хартія Людовика XVIII дала возможность французамъ продолжать начатое ими дѣло въ 89-мъ году. Въ это время республиканецъ Лагарпъ могъ только радоваться дѣйствіями своего царственнаго питомца.

Пребываніе цѣлый годъ въ Германіи и потомъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Парижѣ не могло не измѣнить воззрѣнія хоть сколько-нибудь мыслящей русской молодежи; при такой огромной обстановкѣ каждый изъ насъ сколько-нибудь выросъ...

Мы ушли отъ нихъ (отъ стариковъ) на 100 лѣтъ впередъ...

2. Дѣятельность Якушкина въ его имѣніи.

Вскорѣ послѣ этого (въ 1816 г.) я уѣхалъ изъ Петербурга въ 37-й егерскій полкъ. Заѣхавъ по пути къ дядѣ, который управлялъ небольшимъ моимъ имѣніемъ въ Смоленской губерніи, я ему объявилъ, что желаю освободить своихъ крестьянъ. Въ это время я не очень понималъ, ни какъ это можно было устроить, ни того, что изъ этого выйдетъ; но имѣя полное убѣжденіе, что крѣпостное состояніе мерзость, я былъ проникнутъ чувствомъ прямой моей обязанности освободить людей, отъ меня зависящихъ. Мое предложеніе дядя выслушалъ даже безъ удивленія, но съ какимъ-то скорбнымъ чувствомъ; онъ былъ увѣренъ, что я сошелъ съ ума..

Въ 19-мъ году, поѣхавъ изъ Москвы повидаться съ своими, я заѣхалъ въ смоленское свое имѣніе. Крестьяне, собравшись, стали просить меня, что такъ какъ я не служу и ничего не дѣлаю, то мнѣ бы пріѣхать пожить съ ними, и увѣряли, что я буду уже имъ тѣмъ полезенъ, что при мнѣ будутъ менѣе притѣснять ихъ. Я убѣдился, что въ ихъ словахъ много правды, и переѣхалъ на житье въ деревню. Сосѣди тотчасъ прислали поздравить съ пріѣздомъ, обѣщая каждый скоро посѣтить меня; но я черезъ посланныхъ ихъ просилъ передъ ними извиненія, что теперь никого изъ нихъ не могу принять. Меня оставили въ покоѣ, но, разумѣется, смотрѣли на меня, какъ на чудака. Первымъ моимъ распоряженіемъ было уменьшить на половину господскую запашку. Имѣніе было на барщинѣ, и крестьяне были далеко не въ удовлетворительномъ положеніи; многіе поборы, отяготительные для нихъ и приносившіе мало пользы помѣщику, были отмѣнены...

Чтобы сблизиться сколько возможно скорѣе съ моими крестьянами, я всѣхъ ихъ и во всякій часъ допускалъ до себя и, по возможности, удовлетворялъ ихъ требованія; скоро отучилъ я ихъ кланяться мнѣ въ ноги и стоять передо мной безъ шапки, когда я самъ былъ въ шляпѣ. За проступки они не иначе наказывались, какъ по приговору всѣхъ домохозяевъ.

Почва вообще въ Смоленской губерніи не плодотворна; при недостаткѣ скота мои крестьяне не могли достаточно удобрять своихъ полей. Обыкновенно урожаи бывали очень скудны, такъ что собираемаго хлѣба едва доставало крестьянамъ на продовольствіе и посѣвъ. Единственные ихъ промыслы были зимою: извозъ и добываніе извести; и то и другое доставляло незначительную прибыль. Съ этими средствами они, конечно, не ходили по міру, но нельзя было надѣяться этими

средствами улучшить ихъ состоянiе, тѣмъ болѣе, что, привыкнувъ терпѣть нужду и не имѣя надежды когда-нибудь съ нею разстаться, они говорили, что всей работы никогда не переработаешь и потому трудились и на себя и на барина, никогда не напрягая силъ своихъ. Надо было придумать способъ возбудить въ нихъ дѣятельность и поставить ихъ въ необходимость прилежно трудиться. Способъ этотъ по тогдашнимъ моимъ понятiямъ состоялъ въ томъ, чтобы прежде всего поставить ихъ въ совершенно независимое положенiе отъ помѣщика, и я написалъ прошенiе къ министру внутреннихъ дѣлъ, Козодавлеву, въ которомъ изъявилъ желанiе освободить своихъ крестьянъ и изложилъ условiя, на которыхъ желаю освободить ихъ. Я предоставлялъ въ совершенное и полное владѣнiе моимъ крестьянамъ ихъ домы, скотъ, лошадей и все ихъ имущество. Усадьбы и выгоны въ томъ самомъ видѣ, какъ они находились тогда, оставались принадлежностью тѣхъ же деревень. За все за это я не требовалъ отъ крестьянъ моихъ никакого возмездiя. Остальную же всю землю я оставлялъ за собой, предполагая половину обработывать вольнонаемными людьми, а другую половину отдавать въ наемъ своимъ крестьянамъ.

Молодое же поколѣнiе, мнѣ казалось, необходимо было прежде всего сколько-нибудь осмыслить и потомъ доставить имъ болѣе вѣрныя средства добывать пропитанiе, нежели какiя до сихъ поръ имѣли отцы ихъ. Для этого я на первый разъ взялъ къ себѣ 12 мальчиковъ и самъ сталъ учить ихъ грамотѣ, съ тѣмъ, чтобы послѣ раздать ихъ въ Москву въ ученiе разнымъ мастерствамъ. Но наборъ мальчиковъ совершился не совсѣмъ съ добровольнаго согласiя крестьянъ; они сперва были увѣрены, что я беру ихъ дѣтей къ себѣ въ дворовые, и тѣмъ болѣе это могло имъ казаться вѣроятнымъ, что вся моя дворня состояла изъ одного человѣка, который былъ со мной въ походѣ, и наемнаго отставного унтеръ-офицера. Скоро однакожъ отцы и матери успокоились за своихъ дѣтей, видя, что они учатся грамотѣ, всегда веселые и ходятъ въ синихъ рубашкахъ. Въ это время заѣхалъ ко мнѣ мой сосѣдъ Лимохинъ, чтобы поговорить объ устройствѣ мельницы на рѣкѣ, раздѣляющей наши владѣнiя. Не видя у меня никакой прислуги и замѣтя стоявшихъ вдали мальчиковъ, онъ спросилъ: „Что они тутъ дѣлаютъ?“ Я отвѣтилъ, что они учатся у меня грамотѣ. „И прекрасно, возразилъ онъ, поучите ихъ пѣть и музыкѣ, и вы, продавши ихъ, выручите хорошiя деньги“.

Такiя понятiя моего сосѣда, сами по себѣ отвратительныя, между тогдашними помѣщиками были не диковинка. Въ нашемъ семействѣ былъ тогда примѣръ. Покойный дядя мой, послѣ котораго досталось мнѣ Жуково, былъ моимъ опекуномъ; при небольшомъ состоянiи были у него разныя полубарскiя затѣи, въ томъ числѣ музыка и пѣвчiе. Въ то время, когда я былъ за-границей, сблизившись въ Орлѣ съ графомъ Каменскимъ, сыномъ фельдмаршала, онъ ему продалъ 20 музыкантовъ изъ своего оркестра за 40,000; въ числѣ этихъ музыкантовъ были два человѣка, принадлежавшiе мнѣ. Когда я былъ въ 14-мъ году въ Орлѣ и въ первый разъ увидѣлся съ Каменскимъ, графъ очень любезно сказалъ мнѣ, что онъ мой должникъ, что онъ заплатитъ мнѣ 4,000 за моихъ людей, и просилъ безъ замедленiя совершить на нихъ купчую. Я отвѣчалъ его сiятельству, что онъ мнѣ ничего не долженъ, потому что людей моихъ ни за что и никому не продамъ. На другой день оба они получили отъ меня отпускную.

Мальчики мои понемногу начали читать и писать, что очень забавляло ихъ родителей. Желая привести въ совершенную извѣстность всю мою дачу, я каждый день съ моими учениками ходилъ на съемку: они таскали за мной всѣ нужныя для этого принадлежности; скоро научились они таскать цѣпь и ставить колья по прямому направленію. Я показывалъ имъ, какъ наводить діоптръ и насѣкать углы на планшетѣ: все это ихъ очень забавляло, и они съ каждымъ днемъ становились смышленѣй.

Наконецъ вяземскій дворянскій предводитель получилъ предписаніе изъ министерства внутреннихъ дѣлъ потребовать отъ меня показаніе, на какихъ условіяхъ я хочу сдѣлать своихъ крестьянъ вольными хлѣбопашцами, и означить, сколько передаю я земли каждому изъ нихъ; потомъ допросить крестьянъ моихъ, согласны ли они поступить въ вольные хлѣбопашцы на предлагаемыхъ мною условіяхъ, словомъ, поступить совершенно по учрежденію для крестьянъ, поступающихъ въ вольные хлѣбопашцы, обнародованному въ 1805 [1]) году, февраля 20. Изъ этого было очевидно, что въ министерствѣ не обратили ни малѣйшаго вниманія на смыслъ моей просьбы. Оставалось только мнѣ ѣхать самому въ Петербургъ и изустно объясниться съ министромъ, но прежде мнѣ хотѣлось знать, оцѣнятъ ли мои крестьяне выгоду для себя условій, на которыхъ я предполагалъ освободить ихъ. Я собралъ ихъ и долго съ ними толковалъ; они слушали меня со вниманіемъ, и, наконецъ, спросили: „Земля, которою мы теперь владѣемъ, будетъ принадлежать намъ или нѣтъ?“ Я имъ отвѣчалъ, что земля будетъ принадлежать мнѣ, но что они будутъ властны ее нанимать у меня.—„Ну такъ, батюшка, оставайся все по-старому; мы ваши, а земля наша“. Напрасно я старался имъ объяснить всю выгоду независимости, которую имъ доставитъ освобожденіе. Русскій крестьянинъ не допускаетъ возможности, чтобъ у него не было хоть клока земли, которую онъ пахалъ бы для себя собственно. Надѣясь, что мои крестьяне современемъ примирятся съ условіями, на которыхъ я предположилъ освободить ихъ, въ началѣ 20 года я отправился въ Петербургъ...

(Записки Якушкина, гл. 1.)

---

[1]) Въ 1803 г.

165. Проектъ Никиты Муравьева.

Глава II.

О гражданахъ.

5. Чтобы быть гражданиномъ, необходимы слѣдующія условія: 1. (Лѣта) не менѣе 21 года возраста. 2. (Мѣстопребываніе) извѣстное и постоянное жительство. 3. Здравіе ума. 4. Личная (и по имѣнію) независимость. 5. Исправность платежа общественныхъ повинностей. 6. Непорочность передъ лицомъ закона.[7. Собственность отдѣльная на свое имя, а оной: 1-ое недвижимой на 500 руб. сер., или 2-е движимой (вещей или капитала) на 1.000 р. сер.]

Глава III.

О состояніи, личныхъ правахъ и обязанностяхъ русскихъ.

10. Всѣ Русскіе равны передъ закономъ (лицомъ закона).

13. Крѣпостное состояніе и рабство отмѣняются. Рабъ, прикоснувшійся земли Русской, становится свободнымъ. Раздѣленіе между благородными и простолюдинами не принимается поелику (оно изображеніе

гордости и высокомѣрія и) противно (христіанской) Вѣрѣ, по которой всѣ люди братья, всѣ рождены (на) благо (ибо рождены) по волѣ Божьей, всѣ рождены для блага и всѣ просто люди: ибо всѣ (предъ нимъ) слабы и несовершенны.

14. Всякій имѣетъ право излагать свои мысли и чувства невозбранно и сообщать оныя (ихъ) посредствомъ печати своимъ соотечественникамъ. (Вредныя) книги, подобно всѣмъ прочимъ дѣйствіямъ (другимъ преступленіямъ), подвержены обвиненію граждан и (преслѣдуются) передъ судомъ и подлежатъ присяжнымъ.

19. Подозрѣваемый въ злоумышленіи можетъ быть взятъ подъ стражу постановленными Уставомъ властями и учрежденнымъ порядкомъ, но въ 24 часа подъ отвѣтственностью тѣхъ, которые его задержали, должно ему объявить письменно о причинѣ его задержанія,—въ противномъ случаѣ онъ немедленно освобождается. [Никто не можетъ быть обвиненъ, задержанъ или заключенъ въ темницу, кромѣ въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ и въ образѣ онымъ учрежденнымъ. Каждый кто испрашиваетъ, причиняетъ или исполняетъ произвольное велѣніе долженъ быть наказанъ. Но каждый человѣкъ, котораго призываютъ или берутъ въ силу существующаго закона, обязанъ повиноваться немедленно—и становится виновнымъ, если воспротивится.

23. Право собственности, заключающее въ себѣ однѣ вещи, священно и неприкосновенно.

(Церковныя земли остаются навсегда за ними).

24. Земли помѣщиковъ остаются за ними. Дома поселянъ съ огородами оныхъ признаются ихъ собственностью со всѣми земледѣльческими орудіями и скотомъ, имъ принадлежащимъ.

(Земли помѣщиковъ остаются за ними, особый законъ опредѣлитъ вознагражденіе, которое обязаны имъ сдѣлать поселяне, которое вздумаютъ оставить свое селеніе и переселится въ другое мѣсто, за временное прерваніе въ порядкѣ полученія доходовъ съ воздѣлываемой этими поселянами земли).

32. Граждане имѣютъ право составить всякаго рода общества и товарищества, не испрашивая о томъ ни у кого позволенія ни утвержденія: лишь только бы дѣйствія оныхъ не были противузаконными.

35. Никакое нарушеніе закона не можетъ быть оправдано повелѣніемъ начальства. Сперва наказывается нарушитель закона, потомъ подписавшіе противузаконное повелѣніе.

42. Никто не можетъ быть безпокоиваемъ въ отправленіи своего Богослуженія по совѣсти и чувствамъ своимъ, лишь бы только не нарушилъ законовъ природы и нравственности.

Глава VI.

О народномъ вѣчѣ.

59. Народное Вѣче, состоящее изъ верховной Думы и Палаты народныхъ представителей, облечено всей законодательной властью.

Глава VII.

О палатѣ представителей, о числѣ и выборѣ представителей.

60. Палата представителей составлена изъ Членовъ, выбранныхъ на два года гражданами (жителями) Державъ[1]).

Глава VIII.

О думѣ верховной.

75. Условія, необходимыя, чтобы быть Членомъ Верховной Думы, суть: 30 лѣтъ возраста, 9 лѣтъ граждан-

---

[1]) Округовъ, на которые дѣлится по проекту Россія.

ства въ Россіи для иностранца и жительство во время избранія въ той Державѣ, которая его избираетъ, недвижимаго имѣнія цѣною на 1,500 фунтовъ чистаго серебра или движимаго на 3,000 фунтовъ чистаго серебра.

(Проектъ Н. Муравьева, изд. Библ. декабристовъ.)

---

166. Проектъ П. И. Пестеля „Русская правда".

1. О сословіяхъ, въ Россіи обрѣтающихся.

Глава III.

§ 6.

Дворянство есть то отдѣльное отъ массы народной сословіе, которое свои особенныя имѣетъ преимущества, состоящія въ слѣдующихъ пяти предметахъ: 1) дворянство обладаетъ другими людьми, какъ собственностью своею, называя ихъ своими крѣпостными, и право имѣетъ составлять маіораты съ разрѣшенія правительства; 2) дворянство никакой подати не платитъ и никакихъ вкладовъ въ пользу общую не вноситъ; 3) дворянство не подлежитъ тѣлеснымъ по суду наказаніямъ подобно прочимъ россіянамъ, ниже за самыя ужаснѣйшія преступленія; 4) дворянство не подлежитъ рекрутскому набору и всякія званія и должностныя мѣста въ государствѣ замѣщаетъ за исключеніемъ прочихъ россіянъ, и 5) дворянство называется сословіемъ благороднымъ, имѣетъ гербы и присоединяетъ къ сему различныя титла. Сіи пять преимуществъ составляютъ дворянство, въ отношеніи къ коему употреблено здѣсь слово преимущество, а не слово право потому, что упомянутыя выгоды, коими пользуется дворянство, ни на какой предшествующей обязанности не основаны, ниже для исполненія какой-либо обязанности нужными не бываютъ, почему и не могутъ правами быть признаны; тѣмъ болѣе, что сіи выгоды не только не основаны на предшествующихъ обязанностяхъ, но даже напротивъ того отъ обязанностей избавляютъ и потому должны быть признаны преимуществами, а не правами. Разсмотримъ теперь, должны ли таковыя преимущества въ благоустроенномъ государствѣ отдѣльному сословію быть дарованы.

Первое. Обладать другими людьми, какъ собственностью своею, продавать, закладывать, дарить и наслѣдовать людей на подобіе вещей, употреблять ихъ по собственному своему произволу безъ предварительнаго съ ними согласія и единственно для собственной своей прибыли, выгоды, а иногда и прихоти, есть дѣло постыдное, противное человѣчеству, противное законамъ естественнымъ, противное святой вѣрѣ христіанской, противное, наконецъ, заповѣдной волѣ Всевышняго, гласящаго въ священномъ писаніи, что люди передъ нимъ всѣ равны, и что однѣ дѣянія ихъ и добродѣтели разницу между ими поставляютъ. И потому не можетъ долѣе въ Россіи существовать позволеніе одному человѣку имѣть и называть другого своимъ крѣпостнымъ. Рабство должно быть рѣшительно уничтожено, и дворянство должно непремѣнно навѣки отречься отъ гнуснаго преимущества обладать другими людьми...

Второе. Гражданское общество составлено для возможнаго благоденствія всѣхъ и каждаго. Сіе благоденствіе достигается разными средствами и дѣйствіями, въ числѣ коихъ находится необходимость и подати собирать. А поелику всѣ члены имѣютъ равное право на благоденствіе, то всѣ члены имѣютъ точно также равную обязанность содѣйствовать во-

дворенію онаго. Сверхъ того одно только зловластіе можетъ всѣ тягости возлагать на однихъ, а другихъ всѣми выгодами осыпать. Честный человѣкъ безъ угрызенія совѣсти не можетъ пользоваться трудами и пожертвованіями ближнихъ безъ всякаго со своей стороны возмездія или соучастія. А потому и не можетъ дворянство отъ податей быть освобождаемо. Оно должно со всѣми прочими россіянами раздѣлять не только всѣ государственныя выгоды, но равнымъ образомъ и всѣ государственныя тягости...

Третье. Родъ наказанія долженъ соотвѣтствовать роду преступленія, а не сословію преступника, ибо преступленіе есть произведеніе злыхъ качествъ человѣка, а не причисленія его къ тому или другому сословію, и хотя утверждаютъ, что одинаковое наказаніе для человѣка образованнаго и человѣка безъ воспитанія будетъ большее страданіе для перваго, нежели для второго, но одинаковое преступленіе, содѣланное человѣкомъ образованнымъ и человѣкомъ безъ воспитанія, заставляютъ предполагать болѣе разврата и болѣе униженія въ первомъ, нежели во второмъ, а, слѣдовательно, и долженъ первый быть наказанъ сильнѣе второго, чѣмъ равновѣсіе и возстановится. Къ тому же цѣль наказаній не есть страданіе преступника, но есть исправленіе его, а еще болѣе удержаніе другихъ посредствомъ примѣра отъ подобныхъ дѣяній. Посему и должно быть наказаніе соображено преимущественно съ дѣйствіемъ на постороннихъ людей. Изъ чего и явствуетъ необходимость, чтобы за одинаковыя преступленія налагаемы были одинаковыя наказанія, тѣмъ болѣе, что нѣтъ возможности сообразить наказаніе со степенью чувствительности наказываемаго, и что люди даже одного и того же сословія, столь же различны въ отношеніи къ сей чувствительности, сколько и люди различныхъ сословій. А посему и должно дворянство наравнѣ со всѣми прочими россіянами за одинаковыя преступленія одинаковымъ подлежать наказаніямъ, и ежели тѣлесныя наказанія будуъ признаны необходимыми, то должны онымъ быть подвергнуты дворяне такъ точно, какъ и всѣ прочіе люди...

Четвертое. Наборъ ратниковъ въ войско есть учрежденіе, необходимое для государственной безопасности, а слѣдовательно и для государственнаго бытія, и потому должно оно неминуемо существовать.—Но поелику польза, отъ военной силы происходящая, на всѣхъ членовъ гражданскаго общества распространяется одинаковымъ образомъ, то и должны всѣ сословія одинаковымъ образомъ въ составленіи сей силы участвовать, руководствуясь очередью и жребіемъ, какъ то объяснено будетъ въ главѣ осьмой, т.-е. одинаковыми для всѣхъ россіянъ правилами на сей счетъ.—А посему и не можетъ дворянство отъ сей личной повинности быть освобождаемо и должно сіе преимущество его быть уничтожено. Главнѣйшее средство къ избѣженію рекрутства будетъ состоять въ выдержкѣ положеннаго экзамена, по которому право пріобрѣтаться будетъ вступать въ службу не рядовымъ, но уже офицеромъ. Сіе право распространено быть имѣетъ на всѣ сословія и на всѣхъ вообще россіянъ одинаковымъ образомъ. О семъ будетъ пространнѣе упомянуто въ главѣ осьмой. Само собою разумѣется, что имѣющій нынѣ какой бы то ни было офицерскій чинъ, по какому бы то ни было вѣдомству, уже болѣе рекрутству подлежать не можетъ и не будетъ. Что же касается до исключительнаго права дворянъ замѣщать всѣ должностныя мѣста, то сіе право распространяется на всѣхъ россіянъ вообще и перестаетъ быть исключительнымъ преимуществомъ одного дво-

рянства. Кто по своимъ познаніямъ, способностямъ и достоинствамъ окажется заслуживающимъ право на должностныя мѣста, тотъ и будетъ симъ правомъ пользоваться на основаніи общихъ правилъ, безъ всякаго вниманія на его происхожденіе или сословіе...

Пятое. Люди всѣ рождены во благо: ибо они суть всѣ твореніе Всевышняго, и потому несправедливо называть благороднымъ одно только сословіе дворянъ.

2. Черновые наброски: Дворянскіе крестьяне.

Весьма различно положеніе, въ которомъ находятся различные дворянскіе крестьяне. У самыхъ добрыхъ господъ они совершеннымъ благоденствіемъ пользуются; у самыхъ злыхъ— они въ совершенномъ злополучіи обрѣтаются. Между сими двумя крайностями существуетъ многочисленное количество разнообразныхъ степеней злополучія и благосостоянія. Различіе сіе происходитъ отъ того, что участь крѣпостныхъ людей въ полной мѣрѣ зависитъ единственно отъ мысли и воли ихъ господъ, и что никакого не существуетъ опредѣлительнаго постановленія, взаимныя ихъ отношенія, обязанности и права устанавливающаго и положеніе крестьянскаго состоянія ясно опредѣляющаго. Сіе доказываетъ необходимость таковаго постановленія, дабы дурные помѣщики принуждены были слѣдовать примѣру добрыхъ помѣщиковъ, и дабы положеніе крестьянъ, елико возможно, было улучшено и на твердыхъ началахъ и правилахъ положительнымъ образомъ основано...

Успѣхи общаго просвѣщенія, повсюду болѣе и болѣе распространяющіеся, лучшія понятія о взаимныхъ отношеніяхъ всѣхъ членовъ и частей государства, духъ времени, стремящійся къ свободѣ, на законахъ основанной,—все сіе заставляетъ желать, чтобы рабство было совершенно въ Россіи уничтожено, и чтобы полезное сословіе крестьянъ не было забыто, особливо въ то время, когда Россія стремится къ установленію прочнаго законнаго порядка и всѣмъ прочимъ сословіямъ и частямъ улучшеніе положенія и состоянія ихъ пріобрѣтаетъ.

Сверхъ того надобно также и о томъ въ совѣсти своей помышлять, что право обладать другими людьми, какъ собственностью своею, продавать, закладывать, дарить и наслѣдовать людей на подобіе вещей, употреблять ихъ по своему произволу, безъ предварительнаго съ ними соглашенія и единственно для своей прибыли, выгоды и прихоти есть дѣло постыдное, противное человѣчеству, законамъ естественнымъ, святой вѣрѣ христіанской и заповѣдной воли Всевышняго Творца, гласящаго въ священномъ писаніи, что всѣ люди передъ нимъ равны, и что однѣ дѣянія ихъ и добродѣтели разницу полагаютъ. Поелику таковое важное предпріятіе требуетъ зрѣлаго обдуманія и весьма большую произведетъ въ государствѣ перемѣну, то не можетъ оное иначе къ успѣшному окончанію приведено быть, какъ введеніемъ постепеннымъ...—Должно потребовать проекты отъ грамотныхъ дворянскихъ собраній и по онымъ мѣропріятія распорядить, руководствуясь слѣдующими тремя главными правилами: 1) освобожденіе крестьянъ отъ рабства не должно лишить дворянъ дохода, ими отъ помѣстій своихъ получаемаго; 2) освобожденіе сіе не должно произвести волненій и безпорядковъ въ государствѣ, для чего... безпощадную строгость употреблять противъ всякихъ нарушителей спокойствія; 3) освобожденіе сіе должно крестьянамъ доставить лучшее положеніе противу теперешняго, а не мнимую свободу имъ даровать.

3. О народѣ въ политическомъ отношеніи.

Глава IV.

§ 14.

... Какимъ образомъ должны народные представители быть выбираемы и назначаемы? Во многихъ представительныхъ государствахъ предоставлено участіе въ избраніи представителей однимъ только богатѣйшимъ людямъ, за исключеніемъ большинства гражданъ. Такимъ образомъ замѣняетъ въ тѣхъ государствахъ аристократія богатства аристократію феодализма, и народы не только ничего не выиграли, но даже напротивъ того, въ нѣкоторомъ отношеніи еще въ худшее приведены политическое положеніе, ибо въ насильственую поставлены зависимость отъ богатыхъ... Богатые всегда будутъ существовать и это очень хорошо, но не надобно присоединять къ богатству еще другія политическія права и преимущества за [1]) исключеніемъ бѣдныхъ. А почему... и (слѣдуетъ) въ полной мѣрѣ всякую даже тѣнь аристократическаго порядка, хоть феодальнаго, хоть на богатствѣ основаннаго совершенно устранить и навсегда удалить, дабы граждане ничѣмъ не были стѣсняемы въ своихъ выборахъ и не были принуждаемы взирать ни на сословія, ни на имущества, а единственно на однѣ способности и достоинства и руководствоваться однимъ только довѣріемъ своимъ къ избираемымъ или гражданамъ.

(П. И. Пестель. Русская Правда.)

---

167. 14 декабря.

Записки барона Штейнгеля.

...Наконецъ настало роковое 14-е декабря—число замѣчательное: оно вычеканено на медаляхъ, съ какими распущены депутаты народнаго собранія для составленія законовъ при Екатеринѣ II.

Это было сумрачное, декабрьское петербургское утро, съ 8° мороза. До девяти часовъ весь правительствующій сенатъ былъ уже во дворцѣ. Тутъ и во всѣхъ полкахъ гвардіи производилась присяга. Безпрестанно скакали гонцы во дворецъ съ донесеніями, гдѣ какъ шло дѣло. Казалось все тихо. Нѣкоторыя таинственныя лица показывались на Сенатской площади, въ примѣтномъ безпокойствіи... Часовъ въ 10 на Гороховомъ проспектѣ вдругъ раздался барабанный бой и часто повторяемое „ура!“ Колонна Московскаго полка съ знаменемъ, предводимая штабсъ-капитаномъ княземъ Щепинымъ-Ростовскимъ и двумя Бестужевыми, вышла на Адмиралтейскую площадь и повернула къ сенату, гдѣ построилась въ каре. Вскорѣ къ ней быстро примкнулъ Гвардейскій экипажъ, увлеченный Арбузовымъ, и потомъ баталіонъ лейбъ-гренадеровъ, приведенный адъютантомъ Пановымъ и поручикомъ Сутгофомъ. Сбѣжалось много простого народа, и тотчасъ разобрали полѣнницу дровъ, которая стояла у заплота, окружающаго постройки Исаакіевскаго собора. Адмиралтейскій бульваръ наполнился зрителями. Тотчасъ уже стало извѣстно, что этотъ выходъ на площадь ознаменовался кровопролитіемъ. Князь Щепинъ-Ростовскій, любимый въ Московскомъ полку, хотя и не принадлежавшій явно къ обществу, но недовольный и знавшій, что готовится возстаніе противъ великаго князя Николая, успѣлъ внушить солдатамъ, что ихъ обманываютъ, что они обязаны защищать присягу, принесенную Константину, и потому должны идти къ сенату. Генералы Шеншинъ и Фредериксъ и полковникъ Хвощинскій хотѣли ихъ переувѣрить и остановить. Онъ зарубилъ первыхъ и ра-

[1]) Съ.

нилъ саблею послѣдняго, равно какъ одного унтеръ-офицера и одного гренадера, хотѣвшаго не дать знамя и тѣмъ увлечь солдатъ. По счастію они остались живы.

Первою жертвою палъ вскорѣ графъ Милорадовичъ, невредимый въ столь многихъ бояхъ. Едва успѣли инсургенты построиться въ каре, какъ показался скачущимъ изъ дворца въ парныхъ саняхъ, стоя, въ одномъ мундирѣ и въ голубой лентѣ. Слышно было съ бульвара, какъ онъ, держась лѣвою рукою за плечо кучера и показывая правою, приказывалъ ему: „объѣзжай церковь и направо къ казармамъ". Не прошло трехъ минутъ, какъ онъ вернулся верхомъ передъ каре и сталъ убѣждать солдатъ повиноваться и присягнуть новому императору. Вдругъ раздался выстрѣлъ, графъ замотался, шляпа слетѣла съ него, онъ припалъ къ лукѣ, и въ такомъ положеніи лошадь донесла его до квартиры того офицера, которому принадлежала. Увѣщая солдатъ съ самонадѣянностію стараго о т ц а-к о м а н д и р а, графъ говорилъ, что самъ охотно желалъ, чтобы Константинъ былъ императоромъ; но что же дѣлать, если онъ отказался; увѣрялъ ихъ, что онъ самъ видѣлъ новое отреченіе, и уговаривалъ повѣрить ему. Одинъ изъ членовъ тайнаго общества, князь Оболенскій, видя, что такая рѣчь можетъ подѣйствовать, выйдя изъ каре, убѣждалъ графа отъѣхать прочь, иначе угрожалъ опасностію. Замѣтя, что графъ не обращаетъ на это вниманія, онъ нанесъ ему штыкомъ легкую рану въ бокъ. Въ это время графъ сдѣлалъ вольтъ-фасъ, а Каховскій пустилъ въ него изъ пистолета роковую пулю, наканунѣ вылитую. Когда у казармы сняли его съ лошади и внесли въ упомянутую квартиру офицера, онъ имѣлъ послѣднее утѣшеніе прочитать собственноручную записку новаго своего государя, съ изъявленіемъ сожалѣнія—и въ 4-мъ часу дня его уже не существовало.

Тутъ выразилась вполнѣ важность востанія, которою ноги инсургентовъ, такъ сказать, приковались къ занимаемому мѣсту. Не имѣя силъ идти впередъ, они увидѣли, что нѣтъ уже спасенія назади. Жребій былъ брошенъ. Диктаторъ [1]) къ нимъ не являлся. Въ каре было разногласіе. Оставалось одно, стоять, обороняться и ждать развязки отъ судьбы. Они это сдѣлали...

Между тѣмъ, по повелѣніямъ новаго императора, мгновенно собрались колонны вѣрныхъ войскъ къ дворцу. Государь, не взирая на убѣжденія императрицы, ни на представленія усердныхъ предостерегателей, вышелъ самъ, держа въ рукахъ 7-ми-лѣтняго наслѣдника престола, и ввѣрилъ его охраненію преображенцевъ. Эта сцена произвела полный эфектъ: восторгъ въ войскахъ, и пріятное, многообѣщающее изумленіе въ столицѣ. Государь сѣлъ потомъ на бѣлаго коня, и выѣхалъ передъ первый взводъ, подвинулъ колонны отъ экзерциръ-гауза бульвара. Его величавое, хотя нѣсколько мрачное, спокойствіе обратило тогда же всеобщее вниманіе. Въ это время инсургенты минутно были польщены приближеніемъ Финляндскаго полка, симпатіи котораго еще довѣряли. Полкъ этотъ шелъ по Исаакіевскому мосту. Его вели къ прочимъ присягнувшимъ, но командиръ 1-го взвода баронъ Розенъ, придя за половину моста, скомандовалъ, с т о й! Полкъ весь остановился, и ничто уже, до конца драмы, сдвинуть его не могло. Та только часть, что не взошла на мостъ, перешла по льду на Англійскую набережную, и тутъ примкнула къ войскамъ, обошедшимъ инсургентовъ со стороны Крюкова канала...

Вскорѣ послѣ того, какъ Государь выѣхалъ на Адмиралтейскую пло-

---

[1]) Кн. С. Трубецкой.

щадь, къ нему подошелъ съ военнымъ респектомъ статный драгунскій офицеръ, котораго чело было подъ шляпою повязано чернымъ платкомъ, и послѣ нѣсколькихъ словъ пошелъ въ каре; но скоро возвратился ни съ чѣмъ. Онъ вызвался уговорить бунтовщиковъ, и получилъ одинъ оскорбительный упрекъ. Тутъ же по повелѣнію Государя былъ арестованъ,—и понесъ общую участь осужденныхъ. Послѣ его подъѣзжалъ къ инсургентамъ генералъ Воиновъ, въ котораго Вильгельмъ Кюхельбекеръ, поэтъ-издатель журнала „Мнемозина“, бывшій тогда въ каре, сдѣлалъ выстрѣлъ изъ пистолета, и тѣмъ заставилъ его удалиться. Къ лейбъ-гренадерамъ явился полк. Стюрлеръ, и тотъ же Каховскій ранилъ его изъ пистолета. Наконецъ подъѣзжалъ самъ Вел. Кн. Михаилъ— и тоже безъ успѣха. Ему отвѣчали, что хотятъ наконецъ царствованія законовъ. И съ этимъ поднятый на него пистолетъ, рукою того же Кюхельбекера, заставилъ его удалиться. Пистолетъ былъ уже и заряженъ.

Послѣ этой неудачи, изъ временно устроенной въ Адмиралтейскихъ зданіяхъ Исаакіевской церкви, вышелъ Серафимъ—митрополитъ въ полномъ облаченіи, со крестомъ въ предненесеніи хоругвей. Подошедъ къ каре, онъ началъ увѣщаніе. Къ нему вышелъ другой Кюхельбекеръ, братъ того, который заставилъ удалиться Вел. Князя Михаила Павловича. Морякъ и лютеранинъ, онъ не зналъ высокихъ титловъ нашего православнаго смиренія, и потому сказалъ просто, но съ убѣжденіемъ: „отойдите, батюшка, не ваше дѣло вмѣшиваться въ это дѣло“. Митрополитъ обратилъ свое шествіе къ Адмиралтейству...—

Когда такимъ образомъ совершился весь процессъ укрощенія мирными средствами, приступили къ дѣйствію оружія. Генералъ Орловъ съ полною неустрашимостію дважды пускался со своими конно-гвардейцами въ атаку: но пелотонный огонь опрокидывалъ нападенія. Не побѣдя каре, онъ однакожъ завоевалъ этимъ цѣлое фиктивное графство. Государь, передвигая медленно свои колонны, находился уже ближе середины Адмиралтейства. На сѣверо-восточномъ углу Адмиралтейскаго бульвара появилась ultima ratio—орудія гвардейской артиллеріи. Командующій ими генералъ Сухозонетъ подъѣхалъ къ каре и кричалъ, чтобы положили ружья, иначе будетъ стрѣлять картечью. Въ него самого прицѣлились ружьемъ, но изъ каре послышался презрительно повелительный голосъ: „Не троньте этого... онъ не стоитъ пули“. Это естественно оскорбило его до чрезвычайности. Отскакавъ къ батареѣ, онъ приказалъ сдѣлать залпъ холостыми зарядами: но не подѣйствовало! Тогда засвистали картечи; тутъ все дрогнуло и разсыпалось въ разныя стороны, кромѣ павшихъ. Можно было этимъ уже и ограничиться; но Сухозонетъ сдѣлалъ еще нѣсколько выстрѣловъ, вдоль узкаго Галернаго переулка и поперекъ Невы, къ академіи художествъ, куда бѣжали болѣе изъ толпы любопытныхъ...—

Войска были распущены. Исаакіевская и Петровская площади обставлены ведетами. Разложены были многіе огни, при свѣтѣ которыхъ всю ночь убирали раненыхъ и убитыхъ, и обмывали съ площади пролитую кровь...—

(Семевскій, Богучарскій, Щеголевъ. Обществ. движеніе, т. I, с. 440—6.)

---

168. 14 декабря.

Изъ записокъ Императора Николая I.

... Наконецъ наступило 14 декабря, роковой день! Я всталъ рано и одѣвшись принялъ г. Воинова [1]); потомъ

1) Командовавшаго гвардіей.

вышелъ въ залу нынѣшнихъ покоевъ Александра Николаевича, гдѣ собраны были всѣ генералы и Полковые командиры Гвардіи; объяснивъ имъ словесно какимъ образомъ по непремѣнной воли Константина Павловича, которому незадолго вмѣстѣ съ ними я присягалъ, нахожусь нынѣ вынужденнымъ покориться его волѣ и принять Престолъ, къ которому за его отреченіемъ нахожусь ближайшимъ въ родѣ; засимъ прочиталъ имъ духовную покойнаго Императора Александра и актъ отреченія Константина Павловича; за симъ, получивъ отъ каждаго увѣреніе въ преданности и готовности жертвовать собой, приказалъ ѣхать по своимъ командамъ и привесть къ присягѣ.—Отъ двора повѣщено было всѣмъ имѣющимъ право на пріѣздъ собраться во Дворецъ къ 11 часамъ.

Въ то же время Сѵнодъ и Сенатъ собирались въ своемъ мѣстѣ для присяги. Вскорѣ за симъ прибылъ ко мнѣ г. Милорадовичъ съ новыми увѣреніями совершеннаго спокойства. За симъ былъ я у Матушки [1]), гдѣ его снова видѣлъ; и воротился къ себѣ; пріѣхалъ г. Орловъ командовавшій Конной Гвардіей съ извѣщеніемъ, что полкъ принялъ присягу, поговоривъ съ нимъ довольно долго я его отпустилъ.—Вскорѣ за нимъ явился по мнѣ Командов. Гвар. Арт. Г. М. Сухозанетъ съ извѣстіемъ, что артиллерія присягнула, но что въ Г. Кон. Арт. офицеры оказали сомнѣніе въ справедливости присяги желая сперва (?) слышать удостовѣреніе сего отъ М. П. [2]) котораго считали удаленнымъ изъ Петербурга, какъ будто изъ несогласія его на мое вступленіе. Многіе изъ сихъ офицеровъ до того вышли изъ повиновенія, что г. Сухозанетъ долженъ былъ ихъ всѣхъ арестовать.

Но почти въ сіе же время прибылъ наконецъ М. П., котораго я просилъ сейчасъ отправиться въ арилл. для приведенія заблудшихъ въ порядокъ:—спустя нѣсколько минутъ послѣ сего явился ко мнѣ Г. М. Нейдгартъ начальникъ штаба гвар. корпуса и войдя ко мнѣ совершенно въ разстройствѣ сказалъ: „Sire, le regiment de Moscou est en plein insurection, Chenchin et Fredericks—(тогдашній бригадный и полковой командиры) sont grievément blessés et les mutins marchent vers le Sénat; j'ai à peine pu les devancer pour vous le dire, ordonnez de grâce au regiment de Prêobragensky et à la garde à cheval de marcher contre“.

Меня вѣсть сія поразила какъ громомъ, ибо съ первой минуты я не видѣлъ въ семъ первомъ ослушаніи дѣйствіе одного сомнѣнія, котораго всегда опасаются, но зная существованіе заговора, узналъ въ семъ первое его доказательство. Разрѣшивъ 1 бат. Преображ. выходить, я дозволилъ Кон. Гвард. сѣдлать, но не выѣзжать; и къ нимъ отправилъ г. Нейдгарта; пославъ въ то же время Г. М. Стрекалова, дежурнаго при мнѣ въ Преображ. бат. для скорѣйшаго исполненія. Оставшись одинъ, я спросилъ себя что мнѣ дѣлать?—и перекрестясь отдался въ руки Божіи, рѣшивъ самъ идти туда, гдѣ опасность угрожала.

Но должно было отъ всѣхъ скрыть настоящее положеніе наше и въ особенности отъ Матушки,—и зайдя къ женѣ, сказалъ il y a du bruit au reg. de Moscou, je veux y aller. Съ симъ пошелъ на собственную лѣстницу; въ передней найдя командира кавалергард. полка Гр. Апраксина, велѣлъ ему ѣхать въ полкъ и сейчасъ его вести ко мнѣ. На лѣстницѣ встрѣтилъ я Воинова въ совершенномъ разстройствѣ и строго припомнилъ ему, что мѣсто его не здѣсь, а тамъ, гдѣ войска ему ввѣреные вышли изъ повиновенія. За мной шелъ Ген. Ад. Кутузовъ; съ нимъ пришелъ я на двор-

[1]) Имп. Марія Ѳеодоровна.

[2]) Вел. Кн. Михаилъ Павловичъ.

цовую главную гауптвахту, въ которую только что вступила 9-ая стрѣлковая рота Л. Гв. Финлянд. полка подъ командой капитана Прибыткова; послѣдній былъ въ моей дивизіи. Вызвавъ караулъ подъ ружье и приказавъ мнѣ отдать честь, прошелъ по фронту и спросивъ людей присягнули ли мнѣ и знаютъ ли отъ чего сіе было и что по точной волѣ сіе брата К. П. [1]) получилъ отвѣтъ, что знаютъ и присягнули. За симъ сказалъ я имъ: ребята, Московскіе шалятъ, не перенимать у нихъ и свое дѣло дѣлать молодцами—велѣлъ зарядить ружья; и самъ скомандовалъ: дивиз. впередъ, скорымъ шагомъ, маршъ! повелъ отрядъ лѣвымъ плечемъ впередъ къ Главн. воротамъ дворца. Въ сіе время разводили еще часовыхъ и на лицо была только остальная часть людей.

Съѣздъ ко дворцу уже начинался и вся площадь усѣяна была народомъ и перекрещивающимися экипажами. Многіе изъ любопытныхъ заглядывали на дворъ и одни изъ нихъ вошли и кланялись мнѣ въ ноги. Поставя караулъ поперегъ воротъ, обратился я къ народу, который меня увидя началъ сбѣгаться ко мнѣ и кричать ура. Махнувъ рукой, я просилъ, чтобъ мнѣ дали говорить. Въ тоже время пришелъ ко мнѣ Г. Милорадовичъ и сказавъ cela va mal, ils marchent au Senat, mais je vais leur parler, ушелъ, и я болѣе его не видалъ, какъ отдавая ему послѣдній долгъ.

Надо было мнѣ выиграть время, дабы дать войскамъ собраться; нужно было отвлечь вниманіе народа чѣмъ необыкновеннымъ; — всѣ эти мысли пришли мнѣ какъ бы вдохновеніемъ и я началъ говорить народу, спрашивая читали-ль Мой манифестъ; всѣ говорили, что нѣтъ, пришло мнѣ на мысль самому его читать, у кого то въ толпѣ нашелся экземпляръ; я взялъ его и началъ читать тихо и протяжно, толкуя каждое слово. Но сердце замирало признаюсь, и единый Богъ меня поддержалъ...

Наконецъ Стрекаловъ повѣстилъ меня, что Преображенск. 1 б. готовъ; приказавъ коменданту Г. Л. Батуцкому остаться при гауптвахтѣ, и не трогаться съ мѣста безъ моего приказанія, самъ пошелъ сквозь толпу прямо къ бат., сбившемуся—спиной къ комендант. подъѣзду, лѣвымъ флангомъ къ экзерциргаузу; бат. командовалъ П. Микулинъ, а полк. ком. полковникъ Исленьевъ былъ при бат.—бат. мнѣ отдалъ честь; я прошелъ по фронту и спросивъ готовы ли идти за мной куда велю, получилъ въ отвѣтъ громкое молодецкое рады стараться!—минуты единственныя въ моей жизни; — никакая кисть не изобразитъ стройную почтенную и спокойную наружность сего именно 1 б. въ свѣтѣ, въ столь критическую минуту...

Въ сіе самое время услышали мы выстрѣлы и вслѣдъ за симъ прибѣжалъ ко мнѣ Ф. А. князь Голицынъ Генеральнаго штаба съ извѣстіемъ, что Г. Милорадовичъ смертельно раненъ.—Народъ прибавлялся со всѣхъ сторонъ; я вызвалъ стрѣлковъ на фланги бат. и дошелъ такимъ образомъ до угла Вознесенской; не видя еще Кон. Гвард. я остановился и послалъ за нею одного бывшаго при мнѣ коннымъ стараго рейдкнехта изъ Кон. Гвардіи Лондырева съ тѣмъ, чтобъ полкъ скорѣе шелъ. Тогда же слышали мы—ура Константинъ на площади противъ Сената и видна была стрѣлковая цѣпь, которая никого не подпускала...

Въ это время Г. А. Орловъ привелъ Кон. Гвард. обогнувъ Исакіевскій соборъ и выѣхавъ на площадь между онымъ и зданіемъ воен. мин., что тогда было домомъ К. Лобанова; полкъ шелъ въ колоннѣ и строился спиной къ сему дому.

[1]) Вел. Кн. Константинъ Павловичъ.

Сейчасъ я поѣхалъ къ нему и поздоровавшись съ людьми, сказалъ имъ что ежели искренно мнѣ присягнули, то настало время ее мнѣ доказать на дѣлѣ. Г. Орловъ велѣлъ съ полкомъ идти на Сенатскую площадь и выстроиться такъ, чтобы пересѣчь ежели возможно мятежникамъ сообщеніе съ тѣхъ сторонъ гдѣ ихъ окружить было можно. Площадь тогда была весьма стѣснена заборами отъ стороны собора, простиравшихся до угла нынѣшняго Сѵнодскаго зданія; уголъ, образуемый бульваромъ и берегомъ Невы служилъ складомъ, выгружаемыхъ камней для Собора и оставалось между сими матеріалами и монументомъ Петра Великаго не болѣе какъ шаговъ 50. На семъ тѣсномъ пространствѣ идя по шести, полкъ выстроился въ двѣ линии правымъ флангомъ къ монументу, лѣвымъ достигая почти заборовъ. Мятежники выстроены были въ густой неправильной колоннѣ спиной къ старому Сенату. Тогда былъ еще одинъ Московскій полкъ. Въ сіе самое время раздалось нѣсколько выстрѣловъ; стрѣляли по г. Воиновѣ, но не успѣли ранить, тогда, когда онъ подъѣхавъ, хотѣлъ уговаривать людей. Ф. А. Бибиковъ, директоръ канцеляріи главнаго штаба былъ ими схваченъ и жестоко избитый отъ нихъ вырвался и пришелъ ко мнѣ; отъ него узнали мы, что Оболенскій предводительствуетъ толпой. Тогда отрядилъ я роту Е. В. Преображенскаго полка, П. Исленьевымъ и младшимъ полковникомъ Титовымъ подъ командой капитана Игнатьева черезъ бульваръ занять Исаакіевскій мостъ, дабы отрѣзать сообщеніе съ той стороны съ Васильевскимъ островомъ и прикрыть фронтъ К. Гвардіи. Самъ же съ прибывшимъ ко мнѣ Г. А. Бекендорфомъ выѣхалъ на площадь, чтобы разсмотрѣть положеніе мятежниковъ; меня встрѣтили выстрѣлами. Въ то же время послалъ я приказаніе всѣмъ войскамъ собираться ко мнѣ на Адмиралтейскую площадь, и воротясь на оную нашелъ уже остальную малую часть Московскаго полка съ большею частью офицеровъ, которыхъ ко мнѣ привелъ М. П.

Офицеры бросились мнѣ цѣловать руки и ноги. Въ доказательство моей къ нимъ довѣренности поставилъ я ихъ на самомъ углу у забора противъ мятежниковъ...

Между тѣмъ, видя, что дѣло становится весьма важнымъ и не предвидя еще чѣмъ кончится, послалъ я Адлерберга съ приказаніемъ Шталмейстеру К. Долгорукому приготовить загород. экипажи для Матушки и жены и намѣренъ былъ въ крайности выпроводить ихъ съ дѣтьми подъ прикрытіемъ кавалергардовъ въ Царское Село. Самъ же, пославъ за артиллеріей, поѣхалъ на Дворцовую площадь дабы обезпечить дворецъ, куда велѣно было слѣдовать прямо обоимъ сапернымъ бат. Гвар. и Учеб. Не доѣхавъ еще до дома Глав. Штаба, увидѣлъ въ совершенномъ безпорядкѣ со знаменами безъ офицеровъ Л. Г. полкъ идущій толпой. Подъѣхавъ къ нимъ ничего не подозрѣвая я пошелъ остановить людей и выстроить; но на мое с т о й, отвѣчали мнѣ, м ы з а К о н с т а н т и н а,—я указалъ имъ на Сенатскую площадь и сказалъ, к о г д а т а к ъ, то вотъ вамъ дорога, и вся сія толпа прошла мимо меня, сквозь всѣ войска и присоединилась безъ препятствій къ своимъ одинако заблужденнымъ товарищамъ...

Съ того времени, когда я ѣздилъ къ Измайловскому полку, прибылъ требованный мной Митрополитъ Серафимъ изъ Зимняго дворца, въ полномъ облаченіи и съ крестомъ, почтенный пастырь съ однимъ поддіакономъ вышелъ изъ церкви и положа крестъ на голову пошелъ прямо къ толпѣ; онъ хотѣлъ говорить, но Оболенскій и другіе сей шайки ему вос-

препятствовали, угрожая стрѣлять, если не удалится. М. П. предложилъ мнѣ подъѣхать къ толпѣ въ надеждѣ присутствіемъ своимъ разувѣрить заблужденныхъ и полагавшихъ быть вѣрными К. П., ибо привязанность М. П. къ брату, была всѣмъ извѣстна. Хотя страшился и для брата измѣннической руки, ибо видно было, что бунтъ болѣе и болѣе усиливался, но желая испытать всѣ способы, я согласился на сію мѣру и отпустилъ брата придавъ ему Г. Ад. Левашова; но и его увѣщеванія не помогли, хотя матросы начали было слушать, мятежники имъ мѣшали.

Кюхельбекеръ взвелъ курокъ пистолета и началъ цѣлиться въ брата, что три матроса ему не дали совершить. Братъ воротился къ своему мѣсту, а я объѣхавъ кругомъ Собора, прибылъ снова къ войскамъ съ той стороны бывшимъ; и нашелъ прибывшимъ Л. Г. Егерскій полкъ, который оставилъ на площади противъ Гороховой, за пѣшей артилл. бригадой. Погода изъ довольно свѣжей становилась холодной, снѣгу было весьма мало и оттого весьма скользко; начинало смеркаться ибо было уже 3 ч. пополудни. Шумъ и крикъ дѣлался настойчивѣе; и часты ружейные выстрѣлы многихъ въ Кон. Гвардіи и перелетали черезъ войска; большая часть солдатъ на сторонѣ мятежниковъ стрѣляли вверхъ. Выѣхавъ на площадь желалъ я осмотрѣть не будетъ ли возможности, окруживъ толпу, принудить къ сдачѣ безъ кровопролитія. Въ это время сдѣлали по мнѣ залпъ, пули просвистѣли мнѣ черезъ голову и къ счастію никого изъ насъ не ранили; рабочіе Исакіевскаго собора изъ за забора начали кидать въ насъ полѣнами; надо было рѣшиться положить сему скорый конецъ, иначе бунтъ могъ сообщиться черни; и тогда окруженные ею войска стали бы въ самомъ трудномъ положеніи. Я согласился испробовать атаковать кавалеріею; Кон. Гв. первая атаковала по эскадронно но ничего не могла произвести и по темнотѣ и отъ гололедицы, но въ особенности не имѣя отпущенныхъ палашей; противники въ сомкнутой колоннѣ имѣли всю выгоду на своей сторонѣ и многихъ тяжело ранили, въ томъ числѣ ротм. В. лишился руки. Кавалергардскій полкъ равномѣрно ходилъ въ атаку, но безъ большого успѣха. Тогда Г. А. Васильчиковъ, обратившись ко мнѣ сказалъ: Sire, il n'y a pas un moment à perdre l'on n'y peu rien maintenant; il faut de la mitraille. Я предчувствовалъ сію необходимость, но признаюсь, когда настало время, не могъ рѣшиться на подобную мѣру! меня ужасъ объялъ: Vous voulez que je verse le sang de mes sujets le premier jour de mon règne! отвѣчалъ я Васильчикову;— pour sauver Votre Empire, сказалъ онъ мнѣ. Эти слова меня снова привели въ себя; опомнившись я видѣлъ, что или должно мнѣ взять на себя пролить кровь нѣкоторыхъ, и спасти почти навѣрно все; или пощадивъ себя, жертвовать рѣшительно государствомъ. Пославъ одно орудіе 1 легк. пѣш. бат. къ М. П. съ тѣмъ, чтобъ усилить сію сторону какъ единственное отступленіе мятежникамъ, взялъ другія три орудія и поставилъ ихъ передъ Преображенскимъ полкомъ, велѣвъ зарядить картечью; оружіями командовалъ М. К. Бакунинъ. Вся во мнѣ надежда была, что мятежники устрашатся такихъ пріуготовленій и сдадутся не видя себѣ иного спасенія. Но они оставались тверды; крикъ продолжался еще упорнѣе. Наконецъ послалъ я Г. М. Сухозанета объявить имъ, что ежели сейчасъ не положатъ оружіе, велю стрѣлять; ура и прежнія восклицанія были отвѣтомъ, и вслѣдъ за этимъ залпъ.

Тогда, не видя иного способа, скомандовалъ пли! Первый выстрѣлъ уда-

рилъ высоко въ Сенатское зданіе, и мятежники отвѣтили неистовымъ крикомъ и бѣглымъ огнемъ; второй и третій выстрѣлъ отъ насъ—и съ другой стороны, изъ орудія у Семеновскаго полка ударили въ самую середину толпы и мгновенно все разсыпалось, спасаясь Англійской набережной, на Неву, по Галерной и даже на встрѣчу выстрѣламъ изъ орудія при Семенов. полку дабы достичь берега Крюкова канала. Велѣвъ артиллеріи взять на передки, мы двинули Преображенскій и Измайловскій полки черезъ площадь, тогда какъ Г. Кон. эскадронъ и часть Кон. Гвард. преслѣдовали бѣгущихъ по Англійской набережной. Одна толпа начала было выстраиваться на Невѣ, но два выстрѣла картечью ихъ разсѣяли и осталось собирать спрятанныхъ и разбѣжавшихся, что возложено было на Г. А. Бекендорфа съ 4 эскадронами конной гвардіи и конно-піонернымъ эскадрономъ подъ ком. Г. А. Орлова на Васильевскомъ острову и 2 эскадронами К. Гвардіи на сей сторонѣ Невы...

(Зап. имп. Николая I, с. 81—88.)

V. Время императора Николая I.

XXIX. Имп. Николай I.

169. Изъ воспоминаній баронессы М. П. Фредериксъ объ императорѣ Николаѣ I.

Я, будучи самая младшая, была, такъ сказать, Веньяминомъ семейства; меня баловали родители и старшіе братья и сестры. Постоянно неразлучно находилась я при матери и поэтому часто сопровождала ее къ Государынѣ.

Самое мое свѣтлое воспоминаніе дѣтства, которое навсегда осталось запечатлѣннымъ въ моей памяти, это—когда я присутствовала на утреннихъ завтракахъ членовъ царской семьи. Всѣ они собирались каждый день къ августѣйшей матери пить кофе. Что это была за картина, Боже мой! Во-первыхъ, три красавицы великія княжны Марія, Ольга и Александра Николаевны, прелестныя, полныя обаянія, всякая въ своемъ родѣ. Потомъ великіе князья—одинъ лучше другого. Какая дружба между ними была! Какая радость видѣться снова утромъ! Всѣ были такъ веселы, такъ счастливы, окружали родителей съ такою любовью, безъ малѣйшей натяжки. Тутъ императоръ Николай Павловичъ былъ самый нѣжный отецъ семейства, веселый, шутливый, забывающій все серьезное, чтобъ провести спокойный часокъ среди своихъ возлюбленныхъ супруги, дѣтей, а позже и внуковъ. Императоръ Николай I отличался своей любовію и почтеніемъ къ женѣ и былъ самый нѣжный отецъ. А какую любовь умѣлъ онъ внушать и своему семейству и приближеннымъ! Правда, онъ сохранялъ всегда и во всемъ свой внушительно-величественный видъ, и когда заслышишь, напримѣръ, его твердые приближающіеся шаги, сердце всегда забьется отъ какого-то невольнаго страха, но это чувство такъ перемѣшивалось съ чувствомъ счастія его увидать, что въ тебѣ происходило что-то такое, что трудно выразить и ни съ чѣмъ сравнить нельзя, а когда онъ милостиво посмотритъ и улыбнется своими, пол-

ными обаянія, взглядомъ и улыбкой, притомъ скажетъ нѣсколько словъ, то, право, осчастливитъ надолго.

Накануне Рождества Христова, въ сочельникъ, послѣ всенощной, у императрицы была всегда елка для ея августѣйшихъ дѣтей, и вся свита приглашалась на этотъ семейный праздникъ. Государь и царскія дѣти имѣли каждый свой столъ съ елкой, убранною разными подарками, а когда кончалась раздача подарковъ самой императрицей, тогда входили въ другую залу, гдѣ былъ приготовленъ большой, длинный столъ, украшенный разными фарфоровыми изящными вещами съ императорской Александровской мануфактуры. Тутъ разыгрывалась лотерея между всей свитой, государь обыкновенно выкрикивалъ карту, выигравшій подходилъ къ ея величеству и получалъ свой выигрышъ—подарокъ изъ ея рукъ.

Съ тѣхъ поръ, что я себя помню, съ моихъ самыхъ юныхъ лѣтъ, я всегда присутствовала на этой елкѣ и имѣла тоже свой столъ, свою елку и свои подарки, эти подарки состояли изъ разныхъ вещей соотвѣтственно лѣтамъ; въ дѣтствѣ мы получали игрушки, въ юношествѣ—книги, платья, серебро; позже брильянты и т. п. У меня еще до сихъ поръ хранится съ одной изъ царскихъ елокъ: письменный столъ со стуломъ къ нему, на коемъ и сижу въ эту минуту; сочиненія Пушкина и Жуковскаго, серебро и разныя другія вещи. Елку со всѣми подарками мнѣ потомъ привозили домой, и я долго потѣшалась и угощалась съ нея.

Насъ всегда собирали сперва во внутренніе покои ея величества; тамъ мы около закрытыхъ дверей концертнаго зала или ротонды въ Зимнемъ дворцѣ, въ которыхъ обыкновенно происходила елка, боролись и толкались, всѣ дѣти между собою, царскія включительно, кто первый попадетъ въ завѣтный залъ. Императрица уходила впередъ, чтобъ осмотрѣть еще разъ всѣ столы, а у насъ такъ и бились сердца радостью и любопытствомъ ожиданія. Вдругъ слышался звонокъ, двери растворялись, и мы вбѣгали съ шумомъ и гамомъ въ освѣщенный тысячью свѣчами залъ. Императрица сама каждаго подводила къ назначенному столу и давала подарки. Можно себѣ представить, сколько радости, удовольствія и благодарности изливалось въ эту минуту. Такъ все было мило, просто, сердечно, несмотря на то, что было въ присутствіи государя и императрицы; но они умѣли, какъ никто, своей добротой и лаской удалять всякую натянутость этикета. Болѣе полвѣка теперь прошло, много воды утекло, а какъ представится это счастливое прошлое, невольно слезы навертываются на глаза.

(Ист. Вѣст. 1898 г., № 1, с. 64—65.)

---

170. Смотръ войскамъ въ присутствіи имп. Николая I.

Въ 184... году подъ Краснымъ Селомъ были собраны гвардія и гренадерскій корпусъ, которымъ государь сдѣлалъ смотръ. Пріѣхавъ однажды на военное поле; Николай Павловичъ построилъ войска въ боевой порядокъ, сталъ во главѣ ихъ, снялъ каску и, перекрестясь, произнесъ: „съ нами Богъ, никто же на ны“. Накрылся, махнулъ шпагою, и шестьдесятъ тысячъ человѣкъ ринулись за царемъ. Картина, конечно, была величественная. Монументальная фигура государя, съ тѣмъ классическимъ профилемъ, въ которомъ лобъ, носъ и подбородокъ составляли одну линію, блескъ огромной свиты, среди которой пестрѣли мундиры иностранныхъ офицеровъ, стѣною валившая, сверкая штыками, пѣхота, скатывавшіяся, точно лавины, кавалерійскія глыбы, дрожавшее кра-

спосельское поле отъ надвигавшихся орудій. Командовавшій въ ту пору гвардіею цесаревичъ, положивъ поводья на чолку лошади, только руками развелъ, а свита съ Волконскимъ, Чернышевымъ и Бенкендорфомъ во главѣ въ недоумѣніи только озиралась. Всѣмъ хорошо было извѣстно, что не только въ Россіи, но и за границею не было человѣка, который, въ данную минуту, рѣшился бы произнести слово: „оставь"! Къ счастію, по прошествіи не болѣе четверти часа, государь остановился и, скомандовавши къ церемоніальному маршу, сталъ пропускать войска, окидывая ихъ леденящимъ, казавшимся равнодушнымъ, взглядомъ. При видѣ русской мощи, въ которой никто въ его царствованіе и сомнѣваться не посмѣлъ, мощи, выраженной въ проходившихъ теперь передъ нимъ его войскахъ, прошедшихъ всю Германію, побывавшихъ въ Парижѣ, за Балканами и въ Польшѣ, и всюду побѣдоносно, на лицѣ царя промелькнула тѣнь самодовольной улыбки. Но какъ внезапно она появилась, такъ же внезапно и исчезла. Царскіе глаза попрежнему безстрастно глядѣли въ пространство, какъ бы вовсе не фиксируя находившихся передъ нимъ людей и предметовъ. Въ этихъ глазахъ можно было прочесть лишь сознаніе неограниченнаго могущества и желѣзной, непреклонной воли. Они какъ будто говорили окружавшимъ его людямъ: „Васъ, конечно, все это можетъ восхищать, но для меня оно иначе и быть не можетъ, потому что все это такъ налажено и пригнано мною на славу вамъ и на страхъ врагамъ. Помните, однако, если всѣмъ этимъ вы кому-либо обязаны, то это единственно мнѣ. Выше меня одинъ Богъ на небесахъ".

Преображенцы, семеновцы, а равно родной государю полкъ — измайловцы—пропущены были поротно. При идеальномъ равненіи, дальше котораго самъ братъ его Михаилъ Павловичъ ничего не могъ бы потребовать, ибо люди все-таки дышали, бравые гвардейцы и гренадеры маршировали тихимъ, учебнымъ шагомъ. Всѣ люди какъ на подборъ. Единообразіе картины, если не считать цвѣта кантиковъ и выпушекъ, было просто поразительное. Офицерство и генералитетъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ тучныхъ генераловъ, пыхтѣвшихъ, но усердствовавшихъ, являли собою картину, достойную полотна художника. Многіе старались походить, прическою и особенно бакенбардами, на царя, что въ то время считалось шикомъ и всеподданнѣйшею преданностью. Николай Павловичъ отлично зналъ эту замашку и никогда на это не сердился. Напротивъ. Въ одной ротѣ первыхъ трехъ полковъ правофланговый Ветошкинъ имѣлъ прямо поразительное сходство съ царемъ. Еще до того, какъ онъ поравнялся съ государемъ и повернулъ глаза направо, казалось, что, выпучивъ ихъ до послѣдней физической возможности, онъ собирался уничтожить царя. Въ глазахъ этого самаго человѣка, на спинѣ котораго могли быть слѣды недавнихъ палочныхъ ударовъ, человѣкъ, сидѣвшій на своей излюбленной „Москвѣ" [1]) и, къ ужасу невдалекѣ находившагося унтеръ-шталмейстера, правою шпорою отбивавшій тактъ, былъ полубогъ.

Остальная пѣхота прошла быстро въ полковыхъ колоннахъ, скорымъ шагомъ. Море штыковъ въ стройныхъ и ровныхъ квадратахъ, образованныхъ изъ живыхъ людей, но подвигавшихся, какъ автоматы, съ тою, однако, разницею, что въ этой массѣ чувствовалась сила, та, для которой былъ одинъ исходъ: со славою лечь костьми или побѣдить. Сдаться же ни въ какомъ случаѣ. Извнѣ эта масса казалась машиною, но внутри этой кажу-

---

[1]) Лошадь имп. Николая I.

щейся машины былъ тотъ именно воинскій духъ, который приводитъ къ смерти или доводитъ до славы. Это впечатлѣніе еще болѣе усиливалось, когда на царское „хорошо", которое Николай Павловичъ произносилъ такъ, что слышалось „рршо", вылетавшее точно изъ металлической трубы, встрѣчавшее и сопровождавшее каждую проходившую часть, раздавался русско-солдатскій отвѣтъ: „рады стараться, ваше императорское величество".

Тронулась кавалерія. Сперва кирасирская дивизія и тоже въ полковыхъ колоннахъ. Это море латниковъ было еще величественнѣе. Оно состояло изъ великорослыхъ малороссовъ на пяти и свыше вершковыхъ лошадяхъ. Каски и кирасы блестѣли такъ на выяснившемся, какъ бы нарочно для прохожденія кирасиръ, солнцѣ, что приходилось рукою заслонять зрѣніе. Трубы и литавры, шумъ отъ лошадинаго топота, встряхиваніе кирасъ, ударявшихся своими задними половинками о мѣдныя каски, качаніе взадъ и впередъ ноженъ отъ палашей,—все это, вмѣстѣ взятое, производило море звуковъ, нелегко поддающихся описанію. Заѣзжавшіе командиры высоко приподнимали на дыбы своихъ коней— вся лошадь на заду,—нетерпѣливо бросавшихся впередъ и сдерживаемыхъ искусною рукою всадниковъ. За нѣсколько шаговъ до царя нѣкоторые изъ заѣзжавшихъ мѣняли ногу. Это тоже былъ своего рода шикъ. Контръ и курцъ-галопъ, который продѣлывали начальствующія, по уставу имѣвшія право на заѣздъ, лица, казались замысловатыми для непосвященныхъ въ тайны берейторскаго искусства. Отсалютовавши палашомъ и опустивши его непремѣнно такъ, что эполетъ, локоть колета и кончикъ палаша у правой шпоры составляли одну линію, начальники скакали по направленію къ царю и, сдѣлавъ заѣздъ, какъ вкопанные въ землю, становились, согласно своимъ рангамъ, позади Николая Павловича, продолжавшаго оглядывать подъѣзжавшихъ все тѣмъ же леденящимъ взглядомъ.

Къ легкой кавалеріи царь, какъ извѣстно, относился съ меньшею любовью. Не то, чтобы она солдатскому сердцу его не была мила, но потому, что оно лежало болѣе къ первой дивизіи. Притомъ тамъ была конная гвардія, сыгравшая въ жизни Николая Павловича 14 декабря 1825 г. столь важную роль, а подобныя вещи не забываются. Все-таки и полкамъ второй дивизіи выражено было высочайшее одобреніе, хотя стоявшіе правѣе царя могли замѣтить, что теперь тактъ отбивался рѣже, чѣмъ, конечно, унтеръ-шталмейстеръ, а въ особенности „Москва", которой въ этотъ день такъ досталось, были премного довольны.

Застучала артиллерія, любимое дѣтище любимаго брата, находившагося за границей, на водахъ. Что она изображала въ смыслѣ выправки и равненія, объ этомъ и понятія не могутъ себѣ составить тѣ, которые воочію этого не видѣли. Артиллерія тронула сердце суроваго царя. Подозвавъ поближе къ себѣ наслѣдника, Николай Павловичъ произнесъ, но такъ, что вся свита могла разслышать его слова: „Сейчасъ буду писать брату, порадую его, сказавши, что его артиллерія выше всякихъ похвалъ", и прибавилъ потише по-французски: „Vous savez, Саша, qu'il ne va pas bien, du tout, les nouvelles reçues ce matin par moi sont bien mauvaises". Въ этомъ родѣ оружія не столько промежъ офицеровъ, сколько среди нижнихъ чиновъ, въ особенности фейерверкеровъ, было тоже нѣсколько человѣкъ, ни дать ни взять августѣйшій фельдцейхмейстеръ. Та же сгорбленная фигура, сердитые глаза, тотъ же рыжій цвѣтъ усовъ и бакенбардъ...—

Парадъ кончился. Поблагодаривъ за усердную службу начальниковъ въ

общихъ, стереотипныхъ до извѣстной степени выраженіяхъ, царь вмѣстѣ съ цесаревичемъ сѣлъ въ коляску и уѣхалъ въ Александрію. Тѣмъ временемъ войска возвращались по своимъ квартирамъ. Пѣсенники впередъ, а во главѣ ихъ шелъ вприсядку, съ высоко поднятымъ надъ головою трепетавшимъ бубномъ, не человѣкъ, а прямо чортъ какой-то, заливавшійся, что есть мочи, удалою солдатскою пѣснею. Высокимъ, немного крикливымъ теноромъ раздавались его слова:

> Выпускала сокола
> Да изъ правова рукава...

а въ отвѣтъ ему вторила вся рота, и пѣснь эта, повторенная то здѣсь, то тамъ, разстилалась по всему военному полю, особенно своимъ припѣвомъ:

> Изъ правова, изъ правова
> Изъ правова рукава.

„Dècidement ce sont des diables", покачиваясь на мягкихъ рессорахъ придворной нейлисовской коляски, обогнавшей шедшія домой войска, и обратившись къ своему ординарцу, произнесъ находившійся на маневрахъ французскій генералъ съ сидѣвшимъ рядомъ съ нимъ офицеромъ конныхъ егерей, и оба они снимали кэпи, проѣзжая мимо les drapeaux russes.

Смотръ, произведенный Николаемъ Павловичемъ при необыкновенной обстановкѣ, произвелъ, конечно, большое впечатлѣніе не только въ Россіи, но и за границей также. Неизвѣстно, сообщалъ ли тогда графъ Нессельроде дипломатамъ, своимъ и чужимъ, о красносельскомъ инцидентѣ, но всѣ, какъ у насъ, такъ и въ Европѣ, могли быть вполнѣ увѣрены, что русскія дипломатическія перья, если это окажется необходимымъ, не ограничатся писаніемъ цвѣтистыхъ, кудрявыхъ фразъ и что многократно вырывавшееся изъ царской груди „рршо" есть сила внолнѣ реальная, съ которою Европѣ слѣдуетъ считаться.

(Историческій Вѣстникъ 1914 г. № 6, с. 904—8. Восп. П. Вигеля Панчулидзева.)

XXX. Крестьянскій вопросъ при имп. Николаѣ I.

171. Имп. Николай I о крѣпостномъ правѣ.

(Изъ разговора съ Киселевымъ 1834 г.)

.... На другой день отъ $8^1/_2$ до 10 ч. вечера Киселевъ былъ у Государя, который принялъ его весьма милостиво и благодарилъ за услуги, оказанныя имъ Россіи въ дѣлѣ столь же важномъ, какъ и трудномъ.

— Я читалъ твой отчетъ,—сказалъ Государь; я прочиталъ его весь съ большимъ удовольствіемъ.

— Уже-ли, Ваше Величество,—отвѣчалъ Киселевъ,—приняли трудъ Сами прочесть эту толстую тетрадь, въ которой много вещей безполезныхъ?

— Вовсе нѣтъ,—отвѣчалъ Императоръ; я посвятилъ три вечера на это чтеніе, отмѣтилъ страницы, наиболѣе обратившія на себя мое вниманіе, и просилъ Великую Княжну Марію сдѣлать мнѣ извлеченіе:... Вотъ оно, прибавилъ Государь, открывая папку съ бумагами.—Меня въ особенности заинтересовало одно мѣсто: это то, въ которомъ ты говоришь объ освобожденіи крестьянъ; мы займемся этимъ когда нибудь; я знаю, что могу разсчитывать на тебя, ибо мы оба имѣемъ тѣ же идеи, питаемъ тѣ же чувства въ этомъ важномъ вопросѣ, котораго Мои министры не понимаютъ и который ихъ пугаетъ. Видишь ли, продолжалъ Государь, указывая рукою на картоны, стоявшіе на полкахъ кабинета;—здѣсь

я со вступленія Моего на престолъ собралъ всѣ бумаги, относящіяся до процесса, который я хочу вести противъ рабства, когда наступитъ время, чтобы освободить крестьянъ во всей имперіи.

Киселевъ не могъ забыть этихъ словъ, вырвавшихся у Государя въ минуту откровенности...

(Заблоцкій-Десятовскій. Гр. Киселевъ и его время. Томъ II, с. 2.).

---

172. Засѣданіе Гос. Совѣта 30 марта 1842 г.

(по запискамъ бар. М. Корфа).

Наступило достопамятное 30-е марта. Членамъ (Совѣта) не было разослано никакихъ особыхъ повѣстокъ и, при всемъ томъ, вслѣдствіе, конечно, разнесшагося слуха, даже самые неточные собрались заблаговременно. Въ 20 минутъ 12-го Имп. Николай, въ сопровожденіи одного только Государя Наслѣдника, и безъ всякой встрѣчи, быстро вошелъ въ залу собранія, окинувъ всѣхъ присутствовавшихъ взглядомъ и улыбкою привѣтствія, пожалъ руку князю Васильчикову и занялъ мѣсто предсѣдателя, не Совѣта, а Департамента Законовъ, графа Блудова, который отодвинулся нѣсколько лѣвѣе, такъ что Государю пришлось сидѣть между нимъ и докладчикомъ, наискось отъ Васильчикова, оставшагося на обыкновенномъ своемъ мѣстѣ. Собраніе состояло изъ 34-хъ членовъ. Не было только еще князя Волконскаго и графа Киселева, которые вошли нѣсколькими минутами позже, и Великаго Князя Михаила Павловича, за которымъ немедленно послали нарочнаго. Государь былъ въ конногвардейскомъ мундирѣ, а члены, за неразсылкою оффиціальнаго оповѣщенія, въ обыкновенной совѣтской формѣ безъ лентъ. Когда всѣ сѣли, Государь, сидя, произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Прежде слушанія дѣла, для котораго мы собрались, я считаю нужнымъ познакомить Совѣтъ съ моимъ образомъ мыслей по этому предмету и съ тѣми побужденіями, которыми я въ немъ руководился. Нѣтъ сомнѣнія, что крѣпостное право, въ нынѣшнемъ его положеніи у насъ, есть зло, для всѣхъ ощутительное и очевидное, но прикасаться къ нему теперь было бы дѣломъ еще болѣе гибельнымъ. Покойный Императоръ Александръ, въ началѣ своего царствованія, имѣлъ намѣреніе дать крѣпостнымъ людямъ свободу, но потомъ самъ отклонился отъ своей мысли, какъ совершенно еще преждевременной и невозможной въ исполненіи. Я также никогда на это не рѣшусь, считая, что если время, когда можно будетъ приступить къ такой мѣрѣ, вообще очень еще далеко, то въ настоящую эпоху всякій помыселъ о томъ былъ бы не что иное, какъ преступное посягательство на общественное спокойствіе и на благо государства. Пугачевскій бунтъ доказалъ, до чего можетъ доходить буйство черни. Позднѣйшія событія и попытки въ такомъ родѣ до сихъ поръ всегда были счастливо прекращаемы, что, конечно, и впредь будетъ точно также предметомъ особенной и, съ помощію Божіей, успѣшной заботливости правительства. Но нельзя скрывать отъ себя, что теперь мысли уже не тѣ, какія бывали прежде, и всякому благоразумному наблюдателю ясно, что нынѣшнее положеніе не можетъ продолжиться навсегда. Причины этой перемѣны мыслей и чаще повторяющихся въ послѣднее время безпокойствъ, я не могу не отнести больше всего къ двумъ причинамъ: во-первыхъ, къ собственной неосторожности помѣщиковъ, которые даютъ своимъ крѣпостнымъ несвойственное состоянію послѣднихъ высшее воспитаніе, а черезъ то, развивая въ нихъ новый кругъ понятій, дѣлаютъ ихъ положе-

ніе еще болѣе тягостнымъ; во-вторыхъ, къ тому, что нѣкоторые помѣщики — хотя благодаря Богу, самое меньшее ихъ число, — забывая благородный долгъ, употребляютъ свою власть во зло, а дворянскіе предводители, какъ многіе изъ нихъ сами мнѣ отзывались, къ пресѣченію такихъ злоупотребленій не находятъ средствъ въ законѣ, ничѣмъ почти не ограничивающемъ помѣщичьей власти.

„Но если нынѣшнее положеніе таково, что оно не можетъ продолжиться и если, вмѣстѣ съ тѣмъ, и рѣшительные къ прекращенію его способы также невозможны безъ общаго потрясенія, то необходимо, по крайней мѣрѣ, приготовить пути для постепеннаго перехода къ другому порядку вещей и, не устрашаясь передъ всякою перемѣною, хладнокровно обсудить ея пользу и послѣдствія. Не должно давать вольности, но должно проложить дорогу къ переходному состоянію, а съ нимъ связать ненарушимое охраненіе вотчинной собственности на землю. Я считаю это священною моею обязанностію и обязанностію тѣхъ, кто будетъ послѣ меня, а средства, по моему мнѣнію, вполнѣ представляются въ предложенномъ теперь Совѣту проектѣ указа. Онъ, во-1-хъ, не есть законъ новый, а только послѣдствіе и, такъ сказать, развитіе существующаго сорокъ лѣтъ закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ; во-2-хъ, устраняетъ, однако же, вредное начало этого закона — отчужденіе отъ помѣщиковъ поземельной собственности, которую, напротивъ, столько по всему желательно видѣть навсегда неприкосновенною въ рукахъ дворянства — мысль, отъ которой я никогда не отступлю; въ-3-хъ, выражаетъ прямо волю и убѣжденіе правительства, что земля есть собственность не крестьянъ, которые на ней поселены, а помѣщиковъ — предметъ такой же первостепенной важности для будущаго спокойствія; наконецъ, въ-4-хъ, безъ всякихъ крутыхъ переворотовъ, безъ всякаго даже вида нововведенія, даетъ каждому благонамѣренному владѣльцу способы улучшить положеніе его крестьянъ и, отнюдь не налагая ни на кого обязанности принужденной, или стѣсняющей въ чемъ-нибудь право собственности, предоставляетъ все доброй волѣ каждаго и влеченію собственнаго его сердца...—

„Я люблю всегда правду, господа, и, полагаясь на вашу опытность и вѣрноподданническое усердіе, приглашаю васъ теперь изъяснить ваши мысли со всею откровенностію, не стѣсняясь личнымъ моимъ убѣжденіемъ. Одно только не могу не поставить съ прискорбіемъ въ виду Совѣта — именно той публичной, естественно преувеличенной народной молвы, которой источникъ отношу къ неумѣстнымъ разглашеніямъ со стороны лицъ, облеченныхъ моимъ довѣріемъ и обязанныхъ, самымъ долгомъ ихъ присяги, хранить государственную тайну. Я принужденъ, по этому случаю, подтвердить передъ всѣмъ собраніемъ Совѣта, чтобы впредь присяжный долгъ исполняемъ былъ ненарушимо какъ членами, такъ и канцеляріею, и предваряю, что если бы, сверхъ ожиданія, опять дошло до моего свѣдѣнія о подобныхъ разглашеніяхъ, то я велю тотчасъ судить виновныхъ по строгости законовъ, какъ за государственное преступленіе“.

Вотъ очеркъ того, что сказалъ Государь, но очеркъ слабый и безжизненный, потому что бумага—не живая рѣчь! Какъ передать перомъ выражавшееся въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи сознаніе внутренняго, высокаго достоинства; это царственное величіе, этотъ плавно текшій потокъ рѣчи, въ которомъ каждое слово представляло мысль; этотъ звонкій, могучій органъ, великолѣпную наружность, со-

вершенное спокойствіе осанки, которыя такъ очаровали многочисленное собраніе! Государь давно уже кончилъ, а все кругомъ него еще безмолвствовало въ благоговѣйномъ удивленіи. И именно въ это засѣданіе, о которомъ такъ хотѣлось прокричать по цѣлой Россіи, онъ наложилъ на насъ обѣтъ и печать молчанія!..

За этою рѣчью, я прочелъ Совѣту департаментскій журналъ и самый проектъ указа, что заняло около трехъ четвертей часа, послѣ чего Государь повторилъ членамъ приглашеніе высказать свободно и откровенно ихъ мысли.

Пренія, по этому вызову, были очень продолжительны. Государь строго охранялъ въ нихъ порядокъ, котораго такъ рѣдко можно достигнуть въ обыкновенныхъ собраніяхъ Совѣта. Онъ не позволялъ одному перебивать другого, ни впадать въ неоконченную рѣчь, и, при случавшихся разговорахъ вполголоса между сосѣдями, тотчасъ призывалъ ихъ къ вниманію—одинъ разъ и французскою фразою: „Messieurs, voudriez-vous bien plutôt nous dire ensuite à tous ce que vous communiquez ainsi personellement; autrement nous perdons vos observations, tout comme vous perdez le fil de la discussion générale". Нѣкоторые члены, вставая съ мѣстъ для изъясненія своихъ мнѣній, обращались было къ лицу Государя, но онъ тотчасъ указывалъ имъ на князя Васильчикова, которому уступалъ, такимъ образомъ, и въ своемъ присутствіи, весь почетъ предсѣдателя. Рѣдкое въ стѣнахъ Совѣта появленіе Монарха, блестящая его рѣчь, важность рѣшаемаго вопроса и общая, необычайная тишина—все это вмѣстѣ придавало засѣданію что-то неописуемо торжественное, какой-то особенный характеръ достоинства и величія. Казалось, что могучій орелъ Россіи паритъ своими крылами надъ душою царскою!..

Послѣ рѣчи Государя болѣе всего надобно было дивиться той чрезвычайной терпѣливости, тому, можно почти сказать, самоотверженію, съ которымъ онъ выслушивалъ, ни кого не прерывая, все говоренное въ этомъ засѣданіи членами. Онъ вполнѣ сдержалъ данное Васильчикову обѣщаніе: ибо, наряду съ блестящими импровизаціями графа Блудова и съ напыщенными, но все же имѣвшими въ себѣ какую-нибудь мысль рѣчами князя Любецкаго, тутъ произнесено было и очень немало стараго, избитаго, всѣмъ извѣстнаго, выраженнаго притомъ столько же длинно, сколько иногда и нескладно. Говорили даже и такіе члены, которыхъ голосъ прежде никогда почти не раздавался въ Совѣтѣ: князь Д. В. Голицынъ (Московскій военный генералъ-губернаторъ), князь Щербатовъ, Рибопьеръ, наконецъ, старикъ Кутузовъ, который, послѣ всѣхъ приготовленій, все-таки не столько проговорилъ, сколько прочелъ свою рѣчь, трепещущимъ голосомъ, почти про себя, по бумагѣ, едва державшейся въ дрожавшихъ его рукахъ. Это была лебединая пѣснь разслабленнаго старца—первая и послѣдняя! Государь встрѣтилъ и отпустилъ его—почти какъ младенца, съ привѣтомъ и ласкою къ лицу, но безъ большого вниманія къ его лепету...

Должно, впрочемъ, замѣтить, что общаго вопроса: принять-ли предложенную мѣру или опровергнуть ее? постановляемо не было. Послѣ всего сказаннаго Государемъ, такой вопросъ и не могъ имѣть мѣста. Прикоснувшійся-было къ нему Кутузовъ, прочтя рѣчь, воротился къ своему мѣсту въ совершенномъ изнеможеніи и уже болѣе не прерывалъ обычнаго молчанія. За нимъ, противъ указа вообще говорили только графъ Гурьевъ и князь Волконскій. Рѣчь перваго, въ защиту его особаго мнѣнія, выраженнаго въ Соединенныхъ Департаментахъ, не

привлекла къ себѣ вниманія, но Государь не помѣшалъ и ему вполнѣ выговориться, хотя—какъ сказывалъ мнѣ самъ Гурьевъ—въ то время былъ очень къ нему не расположенъ. Волконскій ограничивался больше мелкою перепалкою съ ближайшими сосѣдями, а если и пытался иногда поднять голосъ свой въ общее услышаніе, то скоро заглушаемъ былъ тѣми, которые болѣе его имѣли навыка говорить въ Совѣтѣ. Голицынъ (московскій) съ своей стороны предложилъ новую мысль, которая опережала самые предѣлы указа и нѣсколько приближалась къ первоначальной мысли графа Киселева. Онъ думалъ, что договоры, если оставить ихъ на добрую волю владѣльцевъ, едва-ли кѣмъ будутъ заключаемы, и потому предлагалъ прямо ограничить власть помѣщичью инвентарями, взявъ въ примѣръ и основаніе извѣстный указъ Императора Павла объ ограниченіи работъ крестьянъ на помѣщиковъ тремя днями въ недѣлю. Но эта мысль очевидно противорѣчила убѣжденію Государя о необходимости сохранить крѣпостное право, по крайней мѣрѣ до времени, неприкосновеннымъ. „Я, конечно, — сказалъ онъ,—самодержавный и самовластный, но на такую мѣру никогда не рѣшусь, какъ не рѣшусь и на то, чтобъ приказать помѣщикамъ заключать договоры: это должно быть, опять повторю, дѣломъ доброй ихъ воли, и только опытъ укажетъ, въ какой степени послѣ можно будетъ перейти отъ добровольнаго къ обязательному“. Всѣ прочіе говорили просто за указъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ предложенъ на заключеніе Соединенныхъ Департаментовъ, и замѣчанія возникли только въ отношеніи къ частностямъ и къ редакціи...—

По прочтеніи циркуляра [1]), Государь продолжалъ: „Ну, теперь дѣло кончено. Поздравляю васъ, господа: мы сдѣлали благое дѣло. Опять только прошу помнить и строго исполнить сказанное мною объ обязанности вашей хранить государственную тайну, и надѣюсь, что меня не вынудятъ къ новымъ подтвержденіямъ“. Затѣмъ, сдѣлавъ общій поклонъ, онъ вышелъ изъ присутственной залы вмѣстѣ съ княземъ Васильчиковымъ.

Было ровно половина четвертаго: слѣдовательно, засѣданіе продолжалось болѣе четырехъ часовъ.

Въ передней комнатѣ Государь остановился на нѣсколько минутъ съ Васильчиковымъ и, наконецъ, трижды поцѣловавъ его самымъ нѣжнымъ образомъ, уѣхалъ съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Вслѣдъ за ними удалился и Государь Наслѣдникъ.

Возвратясь въ присутственную залу, гдѣ всѣ еще, въ тѣсныхъ кружкахъ, изливались въ выраженіяхъ удивленія къ Государю, Васильчиковъ, внѣ себя отъ радости, присоединилъ къ общимъ похваламъ и свои. Никогда не видалъ я нашего почтеннаго старца такимъ веселымъ, можно сказать счастливымъ, въ рѣзкую противоположность съ Волконскимъ, который, выходя, шепталъ съ таинственнымъ и мрачнымъ видомъ: „надѣлали чудесъ: дай Богъ, чтобъ съ рукъ сошло!“ Такого же мнѣнія были и нѣкоторые другіе, хотя немногіе и притомъ остерегавшіеся гласно выражать свое опасеніе.

(Сб. Р. Ист. О., т. 98, с. 114—122.)

173. Указъ объ обязанныхъ крестьянахъ.

1842 г.

Въ статьяхъ 440-й—457-й Св. Зак. о состоян. (т. IX) установлены правила, на основаніи коихъ помѣщикамъ

[1]) Пояснительный циркуляръ губернаторамъ отъ Мин. Вн. Дѣлъ.

дозволено обращать крестьянъ своихъ въ свободные хлѣбопашцы, съ уступкою имъ въ собственность помѣщичьихъ земель за опредѣленное, по взаимному условію, вознагражденіе. Желая, въ общихъ видахъ государственной пользы, чтобы, при заключеніи таковыхъ условій, принадлежащія помѣщикамъ земли, какъ вотчинная собственность дворянства, охранены были отъ отчужденія изъ владѣнія дворянскихъ родовъ, Мы признали за благо, въ поясненіе Св. Зак. о состоян. (т. IX) ст. 442-й пунк. 3-го, предоставить тѣмъ изъ помѣщиковъ, которые сами сего пожелаютъ, заключать съ крестьянами своими, по взаимному соглашенію, договоры на такомъ основаніи, чтобы, не стѣсняясь постановленіями о свободныхъ хлѣбопашцахъ, помѣщики сохраняли принадлежащее имъ полное право вотчинной собственности на землю, со всѣми ея угодьями и богатствами, какъ на поверхности, такъ и въ нѣдрахъ ея, а крестьяне получали отъ нихъ участки земли въ пользованіе за условленныя повинности. При составленіи таковыхъ договоровъ, помѣщики могутъ постановлять съ крестьянами дальнѣйшія условія, по взаимному съ ними соглашенію, на слѣдующихъ, разсмотрѣнныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ и Нами утвержденныхъ, главныхъ правилахъ:

1) Повинности крестьянъ, въ пользу помѣщиковъ, могутъ быть опредѣлены въ договорахъ денежнымъ оброкомъ, произведеніями, обработываніемъ помѣщичьей земли, или другою работою.

2) Въ случаѣ неисполненія крестьянами пріемлемыхъ ими на себя по договору обязанностей, они понуждаются къ тому земскою полиціею подъ руководствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства и подъ высшимъ наблюденіемъ Губернскаго правленія.

3) Крестьяне, по надлежащемъ утвержденіи заключенныхъ между ими и помѣщиками договоровъ, принимаютъ названіе обязанныхъ крестьянъ.

6) Помѣщики учреждаютъ въ селеніяхъ обязанныхъ крестьянъ вотчинное управленіе и имѣютъ высшее наблюденіе за сельскою въ нихъ полиціею и за исполненіемъ законовъ о сельскомъ благоустройствѣ; имъ принадлежитъ также право суда и расправы въ проступкахъ и маловажныхъ преступленіяхъ обязанныхъ крестьянъ и первоначальный разборъ взаимныхъ между ими тяжбъ и споровъ.

8) Помѣщики и обязанные крестьяне сохраняютъ заключенные ими между собою договоры навсегда ненарушимо, имѣя однако право особыми частными условіями дѣлать измѣненія въ надѣлѣ землею и повинностяхъ на опредѣленные сроки, съ обоюднаго согласія, а если имѣнія состоятъ въ залогѣ, то и съ согласія подлежащихъ кредитныхъ установленій; во всѣхъ же случаяхъ не иначе какъ съ предварительнаго утвержденія Правительства.

(Сб. Р. Ист. О. т. 98, с. 268—9.)

---

174. Засѣданіе Секретнаго Комитета 1844 г. объ устройствѣ сословія дворовыхъ людей

(по запискамъ бар. М. Корфа).

Засѣданіе 5-го марта.

Получивъ эти предварительныя мнѣнія [1]), Государь призналъ за благо разсмотрѣть ихъ въ секретномъ, подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ, Комитетѣ, который, собственноручною запискою къ князю Васильчикову, велѣлъ составить, сверхъ самого Васильчикова, изъ князя Волконскаго, князя

---

[1]) Перовскаго, гр. Киселева, кн. Меншикова, кн. Васильчикова.

Чернышова, князя Меншикова, графа Левашова, графа Бенкендорфа, графа Киселева, Вронченко (тогда еще не графа), графа Блудова, Перовскаго (также еще не графа) и барона Корфа, т.-е. меня. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ самимъ Государемъ, Цесаревичемъ и производителемъ Бахтинымъ, преемникомъ моимъ въ званіи государственнаго секретаря, всѣхъ насъ было—14. Мы съѣхались, въ половинѣ 12-го, на половину Наслѣдника Цесаревича. Изъ статскихъ Вронченко, я и Бахтинъ были въ мундирахъ, Перовскій и Блудовъ—въ мундирныхъ фракахъ, чѣмъ, впрочемъ, первый, до пріѣзда Блудова, крайне озабочивался. Спущенныя для защиты отъ весенняго солнца зеленыя сторы производили полумракъ, придававшій собранію характеръ чего-то таинственнаго.

Государь встрѣтилъ насъ безмолвнымъ поклономъ и, тотчасъ усадивъ за столъ, началъ свою рѣчь такъ:

„Я собралъ васъ, господа, чтобы посудить о дѣлѣ, которое очень давно меня озабочиваетъ, и именно о дворовыхъ людяхъ. Не повторяю здѣсь того, что всѣмъ вамъ извѣстно о вредѣ и даже опасности этого класса, такъ настоятельно требующаго преобразованія. Скажу только, что еще въ 1826 г., т.-е., въ самомъ началѣ моего царствованія, я поручалъ графу Сперанскому представить мнѣ объ этомъ свои предположенія, что онъ тогда-же и исполнилъ. Послѣ, однако, разныя обстоятельства и самая трудность вопроса заставили его до времени отложить. Теперь, считая, что это время пришло, я велѣлъ Перовскому положить подробно на бумагу разныя мысли, которыя передалъ ему въ коротенькой запискѣ. Онъ представилъ, вслѣдствіе того, три проекта указовъ, которые полагаетъ издать постепенно одинъ за другимъ; но вмѣстѣ представилъ и разныя замѣчанія о предвидимыхъ имъ въ этомъ дѣлѣ трудностяхъ и неудобствахъ—замѣчанія, которыя я, однако, не во всемъ раздѣляю, потому что онъ изобразилъ картину въ слишкомъ, кажется, черныхъ краскахъ. Пока мы съ нимъ работали, князь Меншиковъ спросилъ у меня позволенія изложить и свои мысли по этому предмету, а вслѣдъ за тѣмъ получилъ я также разныя предположенія отъ графа Киселева. Все это я теперь вамъ прочту, и вы увидите изъ этихъ бумагъ, что сужденія наши, покамѣстъ, должны быть раздѣлены на слѣдующіе главные вопросы:

Во-1-хъ, нужно-ли и желательно-ли уменьшить классъ дворовыхъ людей и постепенно придти къ совершенному его уничтоженію? Въ этомъ вопросѣ, надѣюсь, между нами не будетъ разногласія. Я, по крайней мѣрѣ, считаю его совершенно рѣшеннымъ: не только н у ж н о и ж е л а т е л ь н о, но совершенно н е о б х о д и м о. Повторяю только сказанное мною и прежде при подобныхъ случаяхъ: я никогда не рѣшусь колебать того, что с о с т а в л я е т ъ, или, временемъ и обычаемъ, о б р а щ е н о въ право помѣщиковъ. Здѣсь, между нами, скажу еще болѣе: я не считаю себя на это и в ъ п р а в ѣ. Между тѣмъ, я-ли, онъ-ли (указавъ на Цесаревича), или даже, можетъ статься, его дѣти, а мы непремѣнно д о л ж н ы придти къ уничтоженію дворовыхъ людей, если хотимъ, чтобъ Россія оставалась тѣмъ, что она есть. Но придти къ этому, пока существуетъ вообще крѣпостное состояніе, можно только постепенно, отнюдь не вдругъ, мѣрами переходными, избѣгая всего, что могло бы имѣть видъ прикосновенія къ правамъ собственности, чтобы не впасть въ другую крайность. Какъ это сдѣлать? Въ томъ-то и состоитъ наша задача.

Во-2-хъ, на какіе классы, въ смыслѣ этихъ мѣръ, можно раздѣлить дворовыхъ? Вы услышите сейчасъ раздѣленіе мое и князя Меншикова. Предпо-

ложенное княземъ мнѣ кажется слишкомъ отвлеченнымъ. Мое я старался сдѣлать сколько можно простымъ, понятнымъ, практическимъ; но отдаю на вашъ судъ оба. Впрочемъ, то, что князь называетъ дворовыми, содержимыми изъ роскоши, напримѣръ, театральныя труппы, оркестры и пр., теперь вездѣ уже почти вывелось или выводится. Въ Петербургѣ, сколько знаю, это есть уже только у Юсупова и у Шереметева; у послѣдняго, впрочемъ, не по вкусу, а потому, что онъ не знаетъ, куда съ этими людьми дѣваться.

Въ-3-хъ, въ какой постепенности взять мѣры противъ каждаго изъ названныхъ мною трехъ разрядовъ? Начну съ того, что фабричныхъ и заводскихъ я совсѣмъ исключаю изъ настоящихъ соображеній. Они, такъ сказать, середина между дворнею и крестьянами, почти даже ближе къ крестьянамъ. Отъ нихъ всего менѣе вреда и они иногда еще совершенно необходимы. Дворовые люди, которые на службѣ у своихъ господъ, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, покамѣстъ также менѣе вредны, хотя въ отношеніи къ нимъ, и особливо первымъ, уже нельзя не принять нѣкоторыхъ мѣръ. Но первое наше вниманіе, первыя усилія должны быть направлены противъ тѣхъ дворовыхъ, которые ходятъ по паспортамъ. Бывъ отпускаемы господами часто только для извлеченія черезъ нихъ безнравственной корысти, эти люди, которые вѣчно „en contact“ со всѣми распутствами и соблазнами городской жизни, составляютъ классъ самый тунеядный, развратный и наиболѣе опасный, а потому этотъ-то, такъ сказать, ходячій доходъ необходимо прежде всего истребить.

Наконецъ, въ-4-хъ, въ чемъ должны состоять мѣры уменьшенія и уничтоженія? Для этого вопроса, котораго я уже прежде коснулся, вы именно и собраны.

Дѣло, конечно, трудное, и надобно остеречься, чтобы, стараясь сдѣлать лучше, не сдѣлать хуже. Вы услышите, что предлагается—въ томъ числѣ и мою записку. Но она составлена уже мѣсяца три тому назадъ, когда мы только что еще начинали обдумывать это дѣло. Съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось и въ собственныхъ моихъ мысляхъ. Перепись дворовыхъ на первый разъ ограничитъ права помѣщиковъ, но едва-ли достигнетъ своей цѣли, по трудности и почти невозможности имѣть надзоръ за точнымъ исполненіемъ впослѣдствіи. Запретить владѣльцамъ брать людей съ пашни во дворъ, я не рѣшаюсь, и не могу также позволить продажи получаемыхъ за дворовыхъ рекрутскихъ квитанцій, что составило бы безнравственную торговлю людьми въ рекруты...— Повторяю, картина Перовскаго представлена въ слишкомъ мрачныхъ краскахъ, и мы вѣрно найдемъ, средства какъ-нибудь отсюда выйти, особенно же и главнѣйше, какъ я сказалъ, избавиться отъ людей, ходящихъ по паспортамъ. Всего бы лучше, разумѣется, призвать помощь самихъ помѣщиковъ и идти къ цѣли соединенными силами, но какъ нельзя предположить, чтобъ всѣ они были люди равно благонамѣренные, то желательно найти хоть бы такія мѣры, которыя безъ вида ограниченія правъ помѣщичьихъ, окружили отпускъ дворовыхъ, по паспортамъ, на оброкъ, формами и условіями, до того стѣснительными, чтобы этотъ ходячій доходъ, какъ я его назвалъ, сдѣлался наконецъ почти невозможнымъ“.

За этимъ Государь прочелъ бумагу Перовскаго, его проекты трехъ указовъ и свою записку съ возраженіями на нее Перовскаго, что заняло почти часъ времени. Потомъ была очередь записки Меншикова. Государь, сказавъ, что усталъ, передалъ ее было самому автору; но когда послѣдній,

подъ предлогомъ, котораго я не разслышалъ, хотѣлъ вручить свою бумагу Бахтину, тогда Государь взялъ её обратно и отдалъ для прочтенія Цесаревичу, занимавшему мѣсто по правую отъ него руку. Во время этого чтенія, Государь, съ обычною своею внимательностью къ князю Васильчикову (сидѣвшему по лѣвую его руку), спросилъ: „entendez vous bien"? Тотъ отвѣчалъ, что прочелъ все еще до засѣданія. Отдохнувъ, Государь опять самъ прочиталъ обѣ (вышеизложенныя) записки: Киселева и представленную Васильчиковымъ. Окончивъ ихъ, онъ продолжалъ: „Сегодняшнее наше собраніе мы посвятимъ одному только этому чтенію. Бумаги, сейчасъ вами слышанныя, разошлются ко всѣмъ вамъ, господа, и прошу каждаго доставить къ будущему засѣданію письменное мнѣніе, по чистой совѣсти и по долгу присяги, не стѣсняясь ни тѣмъ, что было сегодня прочтено, ни тѣми мыслями, которыя я вамъ высказалъ. Когда вы всѣ кончите, то дадите знать князю Илларіону Васильевичу, а онъ донесетъ мнѣ, чтобы опять васъ собрать... — Теперь, покамѣстъ, мы не будемъ входить ни въ какія дальнѣйшія сужденія, развѣ бы только кто имѣлъ сказать что-нибудь противъ предложеннаго мною раздѣленія дворовыхъ людей, какъ исходной точки всего дѣла".

На вопросительный о семъ знакъ, обращенный Государемъ къ собранію, поднялся одинъ графъ Блудовъ. Онъ сталъ возражать противъ того, что въ указахъ Перовскаго, назначенныхъ къ обнародованію, классъ дворовыхъ названъ вредными, а потомъ доказывать, что, принимая мѣры противъ людей, ходящихъ по паспортамъ, не должно упускать изъ виду интересовъ того, менѣе достаточнаго сословія, которое находитъ нужную ему прислугу почти исключительно въ одномъ семъ классѣ. „Все это, любезный Дмитрій Николаевичъ—возразилъ Государь—ты напишешь въ своемъ мнѣніи, а теперь я спрашиваю только о томъ: признаются ли удобными принятые мною разряды дворовыхъ людей? На это, кажется, ты не имѣешь ничего сказать, а если бы намъ теперь же начать дальнѣйшія пренія, то никогда конца не будетъ. Итакъ заключимъ наше собраніе. Прошу васъ только, господа, чтобы всѣ наши разсужденія и самый предметъ ихъ оставались въ этихъ стѣнахъ и чтобы не было о нихъ разговоровъ въ городѣ. А ты, Бахтинъ, напиши намъ журналъ или, лучше сказать, короткую записку о сегодняшнемъ нашемъ засѣданіи, какъ писывалъ прежде Корфъ, для памяти".

Съ этими словами всѣ встали. Передъ выходомъ, Государь схватилъ себя за голову и, обратясь къ Васильчикову сказалъ: „C'est singulier qu'il m'est impossible d'attaquer des questions d'une nature aussi grave sans que le sang ne me monte d'abord à la tête". И не удивительно! Государь говорилъ и читалъ, почти безъ остановки, около двухъ часовъ. —

(Сб. Р. Ист. О. т. 98 с. 215—220.)

---

175. Изъ письма Киселева къ имп. Александру II съ отчетомъ за 18 лѣтъ управленія Мин. Гос. Имуществъ.

1856 г.

... Неустройства и происходившія отъ онаго злоупотребленія, тяготѣя надъ крестьянами, подавляли производительныя силы 20 милліоновъ населенія, порождали безпорядки и нерѣдко производили народныя волненія.

Эти причины вызвали твердую рѣшимость Императора Николая I-го осуществить обѣщаніе, данное въ манифестѣ 1810 года, устройствомъ особаго управленія, дабы водворить среди

поселянъ порядокъ и оградить ихъ отъ притѣсненій.

Къ сей цѣли направлено было учрежденіе: министерства госуд. имуществъ, палатъ и окружныхъ правленій, а также учрежденіе общественнаго сельскаго управленія. Совокупными дѣйствіями сихъ установленій устройство внутренняго порядка утверждено, злоупотребленія и поборы большею частію устранены, поселяне ограждаются отъ притѣсненій, волненія болѣе не повторяются, и, какъ замѣтилъ одинъ изъ генералъ-губернаторовъ, по случаю безпорядковъ въ другихъ сословіяхъ, не могутъ возникнуть между государственными крестьянами, потому „что они управленіемъ своимъ довольны и желаютъ сохранить настоящее свое положеніе“. Слѣдовательно задача учрежденія управленія, сообразнаго съ видами огражденія и устройства крестьянъ, разрѣшена удовлетворительно.

Но, утвердивъ внутренній порядокъ, министерство должно было обратить свою дѣятельность на улучшеніе быта поселянъ и на устройство прочихъ частей, управленію его ввѣренныхъ. Въ семъ отношеніи оно не могло, подобно другимъ вѣдомствамъ, слѣдовать по опредѣленной колеѣ, потому что этой колеи не было; надлежало по каждой части собирать свѣдѣнія, постановлять правила, дѣлать опыты; но прежде всего надобно было создать способы дѣйствія, надобно было приготовить: межевщиковъ, инженеровъ, ученыхъ лѣсничихъ, сельскихъ хозяевъ, учредить цѣлый рядъ спеціальныхъ учебныхъ и образцовыхъ заведеній и училищъ, а для сего образовать денежныя средства. Все это исполнено, составъ корпуса межевиковъ и лѣсничихъ, составъ сельско-хозяйственныхъ заведеній, и наконецъ состояніе наличныхъ капиталовъ показываютъ, что министерство не теряло времени. Оно исполнило эту трудную часть своего назначенія безъ отягощенія казны и крестьянъ, приведеніемъ въ лучшее устройство существовавшихъ дотолѣ частныхъ денежныхъ сборовъ и сокращеніемъ расходовъ, которые, не завися болѣе отъ произвольныхъ распоряженій мѣстныхъ властей, подчинены учету министерства и проводятся въ дѣйствіе не иначе, какъ по предварительнымъ смѣтамъ, представляемымъ въ Совѣтъ и утверждаемымъ Высочайшею властію.

Затѣмъ, съемка земель, приводя въ извѣстность владѣнія казны, доставила возможность сдѣлать коренныя улучшенія: малоземельные крестьяне получили по возможности надѣлъ на мѣстахъ, или переселены на свободныя земли, и такимъ образомъ, значительное пространство пустопорожнихъ земель обращено на разработку; крестьяне арендные въ западныхъ губерніяхъ, устроены на поземельномъ оброчномъ положеніи, а въ губерніяхъ великороссійскихъ, вмѣсто подушной подати, вводится поземельный налогъ. Эти коренныя улучшенія пополнены разными необходимыми мѣрами внутренняго устройства, въ числѣ которыхъ распространеніе въ народѣ религіозно-нравственныхъ началъ, учрежденіе запасовъ продовольствія и пособій погорѣвшимъ, учрежденіе опекъ, вспомогательныхъ и сберегательныхъ кассъ доказали уже на опытѣ полезное вліяніе на благосостояніе сельскаго сословія. При семъ нельзя не упомянуть о неоспоримомъ фактѣ возрастающаго благосостоянія сего класса людей; изъ 1.432.591 души, составляющихъ по 9 ревизіи пріумноженіе народнаго населенія во всѣхъ сословіяхъ Имперіи, 1.191.213 д. принадлежатъ исключительно государственнымъ крестьянамъ.

По лѣсному хозяйству положены начала, которыя при постоянномъ продолженіи принятаго способа дѣйствія, должны водворить устройство въ лѣ-

сахъ и обезпечить сохранность сего важнаго, по климатическому нашему положенію, государственнаго богатства.

Наконецъ, по улучшенію общаго въ государствѣ сельскаго хозяйства, принявъ основаніемъ дѣйствій поощреніе и распространеніе полезныхъ свѣдѣній, министерство призвало въ пособіе высшее сословіе владѣльцевъ умноженіемъ экономическихъ обществъ и пользуется нравственнымъ и матеріальнымъ его содѣйствіемъ въ улучшеніи многихъ отраслей отечественнаго нашего хозяйства. Въ отношеніи же къ массѣ поселянъ, надлежало дѣйствовать другими способами; крестьяне наши, по степени своего образованія, не могутъ иначе усвоить себѣ улучшеніе въ хозяйствѣ, какъ нагляднымъ убѣжденіемъ въ выгодѣ нововведенія и доступности его для крестьянскихъ средствъ.

Посему, устраняя всякую поспѣшность и принужденіе въ отношеніи къ людямъ, для сего не подготовленнымъ, министерство старалось, съ одной стороны, дѣйствовать на распространеніе сельско-хозяйственнаго образованія между новымъ поколѣніемъ, а съ другой — доставлять примѣры практическихъ улучшеній на фермахъ и другихъ заведеніяхъ. Примѣры сіи не остались безъ послѣдствій: введеніе во многихъ селеніяхъ улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій, травосѣяніе, улучшеніе разработки льна, табаку и проч., показываютъ, что крестьяне начинаютъ понимать пользу улучшеній, и слѣдовательно представляютъ ручательство въ дальнѣйшихъ успѣхахъ. Наконецъ, коннозаводство, какъ одна изъ важнѣйшихъ вѣтвей сельскаго хозяйства, получило полное и сообразное съ общими потребностями развитіе, доставляя всѣмъ сословіямъ возможность улучшать коневодство.

Естественнымъ послѣдствіемъ всѣхъ таковыхъ улучшеній долженствовало быть болѣе исправное поступленіе податей и увеличеніе доходовъ. Управленіе достигло этихъ результатовъ, безъ употребленія мѣръ насильственныхъ, однимъ дѣйствіемъ порядка. Недоборы уменьшились болѣе чѣмъ на половину, и поступленіе доходовъ при новомъ управленіи превосходитъ сумму доходовъ, полученныхъ государственнымъ казначействомъ при прежнемъ Управленіи за такой же періодъ времени, на 150.920.380 руб.

Такимъ образомъ, въ продолженіе 18-ти лѣтъ, министерство, утвердивъ административный порядокъ, распространило дѣйствіе хозяйственнаго устройства на всѣ части своего вѣдомства. Многое сдѣлано, многое подготовлено, но при всемъ томъ, многое еще остается дѣлать: одно дополнять, другое довершать, и вообще направлять всѣ дѣйствія такъ, чтобы, съ пособіемъ времени, слѣдуя неизмѣнно принятымъ въ основаніе началамъ, достигнуть окончательно опредѣленной цѣли преобразованія. Въ семъ отношеніи предлежитъ особенному вниманію министерства: усиленіе мѣръ для переселенія, пересмотръ правилъ о переложеніи податей съ душъ на землю для удобнѣйшаго уравненія поземельной подати между губерніями, пересмотръ положенія о жеребьевой системѣ, мѣры по устройству и уравненію натуральныхъ повинностей и по улучшенію сельскихъ строеній, распространеніе дѣйствій по охраненію въ казенныхъ селеніяхъ народнаго здоровья, распространенія раціональнаго сельскаго хозяйства и улучшенія скотоводства, особенно между поселянами, и наконецъ, осушеніе болотъ и снабженіе водою мѣстъ безводныхъ — мѣры необходимыя, но въ которыхъ, по новости предмета, управленіе дозволяло себѣ только изслѣдованіе и предварительное испытаніе, дабы неосторожными или ошибочными распоря-

женіями не разстроить въ самомъ началѣ составленія необходимыхъ денежныхъ средствъ.

Нынѣ по всѣмъ этимъ предметамъ министерство имѣетъ достаточныя свѣдѣнія и отчеты и обладаетъ значительными капиталами, чего при началѣ его учрежденія вовсе не существовало...

(Заблоцкій-Десятовскій. Гр. Киселевъ и его время. Томъ II. с. 127—131.)

XXXI. Борьба съ либерализмомъ.

176. Изъ зап. адм. А. Шишкова, (министра Нар. просв.)

Второе письмо къ имп. Николаю I.

(Декабря отъ 12 дня, 1826 года).

Всемилостивѣйшій Государь!

Всѣмъ извѣстно, и ни какому сомнѣнію не подвержено, что, возникшая въ концѣ прошедшаго вѣка, Французская революція приготовлена была и произошла отъ слабаго смотрѣнія Правительства за свободою книгопечатанія. Самые ученнѣйшіе, но неблагочестивые люди, какъ-то: Волтеры, Даламберты, Дидероты и множество другихъ, были главною и первоначальною тому виною. Острый умъ ихъ и краснорѣчивое перо, повинуясь внушеніямъ гордости и самолюбія, посѣяли тѣ сѣмена, которыя, созрѣвъ и расплодя новомысліе и безнравственность, поколебали Вѣру и Престолъ. По претерпѣніи ужаснѣйшихъ бѣдствій, изнемогшая Франція познала заблужденіе свое и возвратилась опять къ прежнему своему Вѣроисповѣданію и Правительству. Но нѣкто, едва ли не справедливо, сказалъ, что Французская революція хотя и погасла во Франціи, однако не истребится прежде, покуда не обойдетъ всѣхъ другихъ Державъ. Событіе сего пророчества мы уже видѣли въ Испаніи, въ Неаполѣ и въ другихъ странахъ.

Россія была далеко отъ сего, но и въ ней мы начинаемъ видѣть ту же вкравшуюся заразу. Небывалые никогда прежде, произвольные толки о Вѣрѣ, о свободѣ, о Правительствѣ, умножили у насъ секты и расколы, возмутили простой народъ, поселили въ неопытные умы и сердца молодыхъ людей надменность по собственнымъ ихъ мечтаніямъ учреждать образъ Правительства. Все сіе не догадками одними, но самыми произшествіями, подтверждается. Изъ многихъ дѣлъ и донесеній видимъ мы умноженіе вольнодумства и безвѣрія...— Видимъ, чего прежде не было, частыя возмущенія крестьянъ противъ помѣщиковъ, съ упорнымъ требованіемъ вольности, которая, по ихъ понятію, состоитъ въ тунеядствѣ и необузданности. Видѣли съ ужасомъ прошлогоднее Декабря 14 число, въ которое открылось уже не въ простомъ народѣ, но въ чиновныхъ — Князьяхъ и Дворянахъ, и писателяхъ, называвшихъ себя просвѣщенными и образованными людьми, одаренными остротою ума и свѣтскими пріятностями,— открылось, говорю, такое, основанное на заблужденіяхъ и безвѣріи, преступное злоумышленіе, какому доселѣ въ семъ классѣ людей не было никогда примѣра...— Все сіе какъ во Франціи, такъ и у насъ, породилось отъ распространенія и чтенія мистическихъ, безнравственныхъ книгъ и журналовъ, безъ должнаго разсмотрѣнія проходившихъ чрезъ слабую Цензуру.

Для отвращенія сего угодно было блаженной памяти Государю Императору сдѣлать меня Министромъ Народнаго Просвѣщенія, съ тѣмъ, чтобъ я сему, вкоренившемуся и постепен-

но отъ часу болѣе усиливающемуся, злу, подъ именемъ духа времени распространяемому, старался поставить преграду. Онъ обязалъ меня къ тому сильнѣйшими словами. Въ указѣ Его, данномъ мнѣ, между прочимъ, сказано: „Повелѣваемъ вамъ войти въ строгое наблюденіе, дабы какъ въ изданныхъ, такъ и впредь издаваемыхъ, сочиненіяхъ и переводахъ, особливо же въ преподаваніи по Училищамъ наукъ, ни чего, колеблющаго Вѣру и благонравіе, не укрывалось. Народное благоденствіе много отъ сего пострадать можетъ, и потому обязаны вы предъ Богомъ и предъ Нами употребить неусыпный за симъ надзоръ, истребляя и обличая всякія, разсѣянныя въ книгахъ, или иначе внушаемыя, лжеученія, и не допуская ни въ какомъ видѣ существовать и вновь появляться онымъ...——

При таковыхъ временахъ и обстоятельствахъ не знаю, полезна ли слабая Цензура, попускающая быть продолженію того же, что прежде было, и можно ли Цензуру, не препятствующую упражняться въ благонравной словесности, а только поставляющую преграды ухищреніямъ зломыслія, называть строгою и необдуманно поднесенною отъ меня къ Высочайшему утвержденію. Въ прежнемъ Цензурномъ Уставѣ была статья, предписывавшая, въ случаѣ двумыслія, толковать оную въ пользу автора, то есть, позволявшая всякому злонамѣренному писателю, употребляя только нѣкоторую хитрость, сѣять сколько ему угодно нечестія и разврата. Если и нынѣ въ предполагаемой переправкѣ Устава введены въ него будутъ подобныя статьи, или исключены нужныя предосторожности, то сомнительно, чтобъ волненіе умовъ, и такъ уже довольно взволнованныхъ, не поколебало нѣкогда народнаго спокойствія...

(Чтенія въ Об-вѣ Ист. и Древ. Рос. 1868 г. Томъ III, с. 121—127.)

177. Записка гр. С. С. Уварова (мин. Нар. Просв., представленная Имп. Николаю I въ 1843 году.)

Посреди быстраго паденія религіозныхъ и гражданскихъ учрежденій въ Европѣ, при повсемѣстномъ распространеніи разрушительныхъ понятій, въ виду печальныхъ явленій, окружавшихъ насъ со всѣхъ сторонъ, надлежало укрѣпить отечество на твердыхъ основаніяхъ, на коихъ зиждется благоденствіе, сила и жизнь народная; найти начала, составляющія отличительный характеръ Россіи и ей исключительно принадлежащія; собрать въ одно цѣлое священные останки ея народности и на нихъ укрѣпить якорь нашего спасенія. Къ счастію, Россія сохранила теплую вѣру въ спасительныя начала, безъ коихъ она не можетъ благоденствовать, усиливаться, жить.

Искренно и глубоко привязанный къ церкви отцовъ своихъ, русскій искони взиралъ на нее, какъ на залогъ счастія общественнаго и семейственнаго.

Безъ любви къ вѣрѣ предковъ, народъ, какъ и частный человѣкъ, долженъ погибнуть. Русскій, преданный отечеству, столь же мало согласится на утрату одного изъ догматовъ нашего православія, сколь и на похищеніе одного перла изъ вѣнца Мономахова.

Самодержавіе составляетъ главное условіе политическаго существованія Россіи. Русскій колоссъ упирается на немъ, какъ на краеугольномъ камнѣ своего величія. Эту истину чувствуетъ неисчислимое большинство подданныхъ Вашего Величества: они чувствуютъ ее въ полной мѣрѣ, хотя и поставлены на разныхъ степеняхъ гражданской жизни и различествуютъ въ просвѣщеніи и въ отношеніяхъ къ правительству.

Спасительное убѣжденіе, что Россія живетъ и охраняется духомъ самодер-

жавія сильнаго, человѣколюбиваго, просвѣщеннаго, должно проникать народное воспитаніе и съ нимъ развиваться. Наряду съ сими двумя національными началами находится и третье, не менѣе важное, не менѣе сильное: народность. Вопросъ о народности не имѣетъ того единства, какъ предъидущій; но тотъ и другой проистекаютъ изъ одного источника и связуются на каждой страницѣ исторіи Русскаго Царства. Относительно къ народности все затрудненіе заключалось въ соглашеніи древнихъ и новыхъ понятій; но народность не заставляетъ идти назадъ или останавливаться; она не требуетъ неподвижности въ идеяхъ. Государственный составъ, подобно человѣческому тѣлу, перемѣняетъ наружный видъ свой по мѣрѣ возраста: черты измѣняются съ лѣтами, но физіономія измѣниться не должна.

Неумѣстно было бы противиться этому періодическому ходу вещей; довольно, если сохранимъ неприкосновеннымъ святилище нашихъ народныхъ понятій; если примемъ ихъ за основную мысль правительства, особенно въ отношеніи къ отечественному воспитанію...

(И. Соловьевъ, Рус. Университеты в. I., с. 53—54).

XXXII. Крымская война.

178. Письмо Л. Толстого брату изъ Севастополя.

(На батареѣ, около Севастополя, 1854 года Ноябрь 20).

Любезный другъ Сережа, я, Богъ знаетъ, какъ виноватъ передъ всѣми вами съ самаго начала своего отъѣзда, и отчего это случилось самъ не знаю; то разсѣянная жизнь, то скучное положеніе и расположеніе, то война, то кто-нибудь помѣшаетъ и т. д. и т. д. Главная же причина — разсѣянная и обильная впечатлѣніями жизнь. Столько я переузналъ, переиспыталъ, перечувствовалъ въ этотъ годъ, что рѣшительно не знаешь съ чего начать описывать, да и сумѣешь ли описать, какъ хочется. Вѣдь, я тетенькѣ написалъ про Силистрію, а тебѣ и Николенькѣ я не напишу такъ, — я бы хотѣлъ вамъ передать такъ, чтобы вы меня поняли, какъ я хочу. Теперь Силистрія старая пѣснь, теперь Севастополь, про который я думаю, и вы читаете съ замираніемъ сердца, и въ которомъ я былъ 4 дня тому назадъ. Ну, какъ тебѣ разсказать все, что я тамъ видѣлъ и что дѣлалъ, и что говорятъ плѣнные и раненые французы и англичане и больно ли имъ и очень ли больно, и какіе герои наши враги, особенно англичане. Разсказывать это все будемъ въ Ясной послѣ или въ Пироговѣ; а про многое ты отъ меня же узнаешь въ печати. Какимъ это образомъ, разскажу послѣ, теперь же дамъ тебѣ понятіе о томъ, въ какомъ положеніи наши дѣла въ Севастополѣ. Городъ осажденъ съ одной стороны, съ южной, на которой у насъ не было никакихъ укрѣпленій, когда непріятель подошелъ къ нему. Теперь у насъ на этой сторонѣ болѣе 500 орудій огромнаго калибра и нѣсколько рядовъ земляныхъ укрѣпленій, рѣшительно неприступныхъ. Я провелъ недѣлю въ крѣпости и до послѣдняго дня блудилъ, какъ въ лѣсу, между этими лабиринтами батарей. Непріятель уже болѣе трехъ недѣль подошелъ въ одномъ мѣстѣ на 80 саженъ и не идетъ впередъ; при малѣйшемъ движеніи его впередъ, его засыпаютъ градомъ снарядовъ.

Духъ въ войскахъ выше всякаго

описанія. Во времена древней Греціи не было столько геройства. Корниловъ, объѣзжая войска, вмѣсто: „здорово ребята!", говорилъ: „нужно умирать, ребята, умрете?" и войска отвѣчали: „умремъ, Ваше Превосходительство, ура!" И это былъ не эффектъ, а на лицѣ каждаго видно было, что не шутя, а взаправду, и уже 22.000 исполнили это обѣщаніе.

Раненый солдатъ, почти умирающій, разсказывалъ мнѣ, какъ они брали 24-ую французскую батарею и ихъ не подкрѣпили; онъ плакалъ навзрыдъ. Рота моряковъ чуть не взбунтовалась за то, что ихъ хотѣли смѣнить съ батареи, на которой они простояли 30 дней подъ бомбами. Солдаты вырываютъ трубки изъ бомбъ. Женщины носятъ воду на бастіоны для солдатъ. Многія убиты и ранены. Священники съ крестами ходятъ на бастіоны и подъ огнемъ читаютъ молитвы. Въ одной бригадѣ, 24-го, было 160 человѣкъ, которые раненые не вышли изъ фронта. Чудное время! Теперь, впрочемъ, послѣ 24-го, мы успокоились,— въ Севастополѣ стало прекрасно. Непріятель почти не стрѣляетъ, и всѣ убѣждены, что онъ не возьметъ города, и это дѣйствительно невозможно. Есть три предположенія: или онъ пойдетъ на приступъ, или занимаетъ насъ фальшивыми работами, или укрѣпляется, чтобы зимовать. Первое менѣе, а второе болѣе всего вѣроятно. Мнѣ не удалось ни одного раза быть въ дѣлѣ; но я благодарю Бога за то, что я видѣлъ этихъ людей и живу въ это славное время. Бомбардированіе 5-го числа останется самымъ блестящимъ славнымъ подвигомъ не только въ русской, но и во всемірной исторіи. Болѣе 1500 орудій два дня дѣйствовали по городу и не только не дали сдаться ему, но не заставили замолчать и $^1/_{200}$ нашихъ батарей. Ежели, какъ мнѣ кажется, въ Россіи невыгодно смотрятъ на эту кампанію, то потомство поставитъ ее выше всѣхъ другихъ; не забудь, что мы съ равными, даже меньшими силами, съ одними штыками и съ худшими войсками въ русской арміи (какъ 6-ой корпусъ), деремся съ непріятелемъ многочисленнѣйшимъ и имѣющимъ флотъ, вооруженнымъ 3000 орудіями, отлично вооруженнымъ штуцерами, и съ лучшими его войсками. Ужъ я не говорю о преимуществѣ его генераловъ.

Только наше войско можетъ стоять и побѣждать (мы еще побѣдимъ, въ этомъ я убѣжденъ) при такихъ условіяхъ. Надо видѣть плѣнныхъ французовъ и англичанъ (особенно послѣднихъ): это молодецъ къ молодцу, именно морально и физически, народъ бравый. Казаки говорятъ, что даже рубить жалко, и рядомъ съ ними надо видѣть нашего какого-нибудь егеря: маленькій, вшивый, сморщенный какой-то... — —

А война, кажется, затянулась надолго. За Силистрію я, какъ и слѣдовало, не представленъ, а по линіи получилъ подпоручика, чему очень доволенъ, а то у меня было слишкомъ старое отличіе для прапорщика, стыдно было. —

Гр. Л. Толстой.

(Письма Л. Толстого, изд. 1910 г., с. 42—45.)

---

179. Изъ воспоминаній кап. Реймерса о 4 бастіонѣ.

.... Наконецъ, насталъ ужасный день начала бомбардированія. Сначала, въ 7 часовъ утра, непріятель открылъ сильный штуцерный огонь, потомъ начали свои дѣйствія орудія и мортиры, и въ добавокъ, съ флота загремѣли орудія. Картина сдѣлалась ужасная! Послышались всюду стонъ и крикъ раненыхъ, моментально все занесло дымомъ и мы, думая, что непріятель

прямо бросится на штурмъ, открыли огонь изо всѣхъ орудій, стрѣляя, разумѣется, неизвѣстно куда! Но выбросивши по 25 снарядовъ съ орудія, мы должны были замолчать, потому что снарядовъ оставалось у насъ мало, вслѣдствіе чего, въ продолженіе цѣлаго дня, наши орудія и валъ представляли вѣрную цѣль непріятелю и претерпѣли много поврежденій. (Теперь всякому легко видѣть ошибки, сдѣланныя въ Севастополѣ, но при бывшихъ въ то время суетѣ, суматохѣ и короткости времени не было возможности все предусмотрѣть.) Въ моментъ начала бомбардированія, арестанты потребовали Корнилова и выпросили себѣ свободу, говоря, что настал теперь для нихъ день, въ который они могутъ загладить свои проступки. И дѣйствительно, они молодцами оправдали свои обѣщанія; въ первый день работы неустрашимо таскали раненыхъ, приносили снаряды, воду и проч., такъ что въ первый же день изъ нихъ, какъ слышно было, выбыло до половины. Оставшіеся поступили на батареи и тѣ, которые находились у меня на бастіонѣ, были всѣ безъ изъятія отважные и славные ребята, даже нѣкоторые, впослѣдствіи, получили Георгіевскіе кресты...

На 4-мъ бастіонѣ у меня тогда находилось около 50-ти орудій съ люнетомъ, 5 мортиръ 5-ти- и 3-хъ пудовыхъ и 20 полупудовыхъ и при оныхъ 6 офицеровъ съ командою около 600 человѣкъ. (Первоначально прислуга у орудій состояла изъ матросовъ рабочаго экипажа, ластовыхъ, артиллеристовъ и арестантовъ, но впослѣдствіи начали пополнять ее солдатами). Офицеровъ же было 6-ть человѣкъ и зачастую доходило до двоихъ. Въ иной же какой-нибудь несчастный день, случалось, замѣщались всѣ новыми. Порядокъ у насъ заведенъ былъ слѣдующій: два вахтенныхъ офицера стояли одинъ на лѣвомъ фасѣ, другой на правомъ, и при каждомъ изъ нихъ находился сигнальщикъ съ трубой, который слѣдилъ за всѣми дѣйствіями непріятеля, и давалъ мнѣ знать обо всѣхъ работахъ его, дабы во-время открыть огонь изъ тѣхъ орудій, которыя наиболѣе могли вредить ему...

Отъ начала бомбардированія и, можно сказать, до конца его, 4-й бастіонъ находился болѣе всѣхъ подъ выстрѣлами непріятеля, и не проходило дня въ продолженіе всей моей 8-мимѣсячной службы, который бы оставался безъ пальбы. Въ большіе же праздники, французы на свои мѣста сажали турокъ и этимъ не давали намъ ни минуты покоя. Случались дни и ночи, въ которые на нашъ бастіонъ падало до 2-хъ тысячъ бомбъ и дѣйствовало нѣсколько сотъ орудій. Но подобныя сильныя угощенія случались довольно рѣдко, отплачивать за нихъ приходилось большею потерею людей и раззореніемъ какого-нибудь бруствера, который мы должны были всегда созидавать къ утру вновь, а также перемѣнять подбитыя орудія и станки подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ. Пріятно было видѣть, съ какою любовію каждый комендоръ орудія хлопоталъ объ исправленіи своей амбразуры, траверзы и орудія и вообще о приведеніи всего въ порядокъ, и какъ хватало силъ у этихъ молодцовъ работать день и ночь—для каждаго изъ насъ было непонятно. Въ первые 2 мѣсяца на 4-й бастіонъ не было блиндажей для команды и офицеровъ, всѣ мы помѣщались въ старыхъ казармахъ; но когда непріятель объ этомъ развѣдалъ, то направилъ на нихъ выстрѣлы и срылъ ихъ. Вообще внутренность бастіона представляла тогда ужасный безпорядокъ. Снаряды непріятельскіе въ большомъ количествѣ валялись по всему бастіону; земля для исправленія брустверовъ, для большей поспѣшности бралась тутъ же около орудій, а потому вся кругомъ была

изрыта и представляла неудобства даже для ходьбы. Адмиралъ Нахимовъ, приходя ко мнѣ, каждый разъ выговаривалъ обратить вниманіе на приведеніе бастіона въ порядокъ и устройство блиндажей. Но мнѣ казалась эта работа тогда невозможною, такъ какъ подъ сильнымъ огнемъ и безпрерывнымъ раззореніемъ брустверовъ, намъ едва хватало времени поспѣвать исправленіемъ къ утру поврежденій брустверовъ. Но какъ у насъ въ Черномъ морѣ невозможнаго ничего не было, то я и началъ отдѣлять по нѣсколько человѣкъ прислуги отъ орудій на эту работу и, черезъ 2 недѣли усиленныхъ трудовъ, съ помощію инженеровъ, я успѣлъ сдѣлать 6 блиндажей, выровнять по возможности землю, подобрать въ кучи бомбы, ядра и осколки и привести бастіонъ въ лучшій видъ. Блиндажи мы дѣлали довольно скоро, потому что дубовые кряжи брались изъ адмиралтейства, на верхній накатъ. Сверху насыпалось около аршина земли, потомъ клали въ два ряда фашинникъ, пересыпанный землею. Но не смотря на эту настилку и насыпь, все-таки 12-типудовыя бомбы, падавшія иной разъ въ одну точку одна за другой, пробивали и блиндажи. Также случалось, что нѣкоторыя бомбы, вкатываясь въ блиндажъ и разрываясь внутри, убивали и ранили находящихся тамъ. Я самъ два раза былъ свидѣтелемъ появленія въ блиндажѣ подобной непрошенной гостьи, но меня Богъ въ тѣ раза миловалъ. Разумѣется, отъ сняковъ, контузій и легкихъ ранъ нельзя было уберечься, равно какъ и отъ земли, которая, обваливаясь съ брустверовъ и траверзовъ, засыпала зачастую. Но пока силы дозволяли, до послѣдней своей раны, я оставался на бастіонѣ. Ядра и бомбы, приходившіяся намъ по калибру, мы обратно посылали къ непріятелю. Ежедневно же эта приборка производилась на зарѣ, такъ какъ пальба въ это время была слабѣе, и каждый комендоръ послѣ своего утренняго обѣда, т.-е. около 3-хъ часовъ утра, имѣлъ обыкновеніе убирать часть бастіона около своего орудія.

Впослѣдствіи я вполнѣ согласился, что подобныя усиленныя занятія заставляютъ солдата забыть тягостное его положеніе, не даютъ ему времени думать объ окружающей его опасности, и тѣмъ дѣлаютъ его совершенно хладнокровнымъ. По приведеніи бастіона въ порядокъ, адмиралъ Нахимовъ благодарилъ меня за сдѣланное и сказалъ: „Теперь я вижу-съ, что для черноморца невозможнаго ничего нѣтъ-съ“...

Скоро непріятель приблизился къ намъ посредствомъ тихой сапы, взрывами трехъ галерей образовались три воронки, и онъ находился уже отъ насъ около 25 саженъ. Тогда приходилось намъ плохо заряжать орудія, такъ какъ ихъ штуцера дѣйствовали прямо въ наши амбразуры. Сначала въ амбразурахъ мы имѣли деревянные щиты, которые однако оказались весьма неудобными, потому что обломками дерева били своихъ людей. Потомъ, по совѣту адмирала Зарина, сдѣлали тросовые (веревочные), которые оказались очень удобными и оставались до конца.

У непріятеля въ воронкахъ были поставлены мортиры, и они въ деревянныхъ кадкахъ съ поддонами бросали оттуда къ намъ гранаты, которыя мы называли букетами и которыя никогда не бывали такъ удачны, какъ наши; мы бросали свои въ желѣзныхъ корпусахъ изъ пяти пудовыхъ мортиръ, въ которыхъ помѣщалось до 50-ти гранатъ и дѣлали залпъ въ 250, падавшій прямо въ воронку. При разрывѣ гранатъ, они невольно выскакивали изъ воронокъ и тогда наши штуцера стрѣляли по нимъ. Букеты наши сильно надоѣдали имъ, и они, бывало, кри-

чать намъ по-нашему: „шабашъ вамъ бросать ихъ!" Иной разъ мы и миловали ихъ, но за то, когда они намъ разваливали брустверъ и задавали много работъ, то уже мы не давали имъ пощады и засыпали ихъ своими букетами. Непріятель велъ мины, а мы контръ-мины, и частенько задавали имъ комуфлеты...

Для своего развлеченія наши матросики однажды придумали пускать на непріятельскую сторону змѣй съ изображеніемъ на немъ въ карикатурномъ видѣ француза и турка, и онъ красовался въ продолженіе дня надъ ихъ траншеями до тѣхъ поръ, пока ихъ штуцерники не перебили нити, и змѣй упалъ между ихъ траншеями и нашимъ бастіономъ. Тогда ночью отправились съ обѣихъ сторонъ на фуражировку, и нашимъ молодцамъ удалось утащить змѣй; на слѣдующій день онъ снова леталъ—пока окончательно его не сбило вѣтромъ и унесло за траншеи...

(Сб. рукописей—о Севастоп. оборонѣ, т. I, с. 28—39.)

---

180. Жизнь въ осажденномъ Севастополѣ.

Сев. 15 марта 1855.

Способы веденія войны, при защитѣ Севастополя до чрезвычайности разнообразны. Мы боремся съ врагами на водѣ, въ полѣ, посредствомъ земляныхъ работъ на поверхности земли и подъ землей, и наконецъ боремся—въ воздухѣ.

При борьбѣ на водѣ, мы не выходимъ, съ нѣкотораго времени, въ море, правда; но и врагамъ нашимъ окончательно загражденъ доступъ, посредствомъ флота, въ Севастопольскую бухту. Не говорю о каменныхъ твердыняхъ, сторожащихъ Севастополь со стороны моря; положимъ, не смотря на ихъ губительный огонь, союзники, рискуя потерять три четверти своихъ судовъ, могли бы еще, быть можетъ, ввести въ бухту остальную часть флота; но сверхъ этихъ фортовъ ихъ ждутъ преграды, преодолѣть которыя не во власти человѣческой: бухта, кромѣ свайной перемычки, перерѣзана двумя рядами затопленныхъ судовъ!—Съ честью отслуживъ отечеству опредѣленный для нихъ срокъ, суда эти заживо погребли себя во влажную могилу, съ тѣмъ, чтобы окончательно обезопасить свой родимый городъ, своихъ младшихъ братій, отъ покушеній недруга. За этою же подводною твердыней незванныхъ гостей ждетъ нѣсколько сотенъ жерлъ военныхъ судовъ, стоящихъ въ боевой линіи, бортами къ морю, съ вѣчно открытыми люками, въ которые, до времени молча, „чугунныя пушки глядятъ". Въ первой линіи (насупротивъ Павловскаго форта) стоятъ корабли „Парижъ" (у мыса), „Великій князь Константинъ" (въ срединѣ) и „Храбрый" (у Сѣверной), готовые къ бою по первому сигналу.

Адмиральскій флагъ поднятъ на кораблѣ „Великій князь Константинъ". Пароходы безпрестанно шмыгаютъ по бухтѣ, будучи всегда готовы на помощь угрожаемому пункту; да и не разъ уже имъ удавалось громить врага, особенную оказавъ услугу, какъ мы сказали выше, въ ночи съ 12 на 13 февраля.

Что сказать о нашей борьбѣ съ непріятелемъ въ полѣ? Наши неоднократныя большія и малыя вылазки, взятіе балаклавскихъ передовыхъ укрѣпленій отрядомъ генерала Липранди, сбитіе непріятельскихъ линій и овладѣніе рядомъ укрѣпленій на инкерманскихъ высотахъ; наше ночное нападенія на французскія апроши въ ночи на 10 Марта развѣ не служатъ живымъ доказательствомъ, какъ сильно мы дѣйствуемъ въ полѣ, когда

обстоятельства вызываютъ насъ изъ-за импровизированныхъ нашихъ твердынь? Подробности всѣхъ этихъ событій преисполнены величайшей занимательности; когда-нибудь, если останусь въ живыхъ, разскажу нѣкоторыя изъ нихъ подробнѣе; теперь же некогда...

Ратуемъ противъ недруга посредствомъ земляныхъ работъ, и эта борьба чуть ли не труднѣйшая. Еще такъ недавно, еще только за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ, южная сторона Севастополя едва была защищена съ сухого пути башней Малахова кургана на нѣсколько орудій, небольшими оборонительными казармами, да стѣнами, на нѣкоторомъ пространствѣ.

Еще такъ недавно, по словамъ знаменитаго Иннокентія, была „единственная твердыня наша, главная цѣль ихъ нашествія, едва не на половину пространства своего еще почти беззащитна и открыта къ нападенію“. Взгляните же теперь на Севастополь: вы усомнитесь, человѣческія ли руки произвели такія громадныя работы! Посмотрите на 3-й и 4-й нумеръ, на Корнилова бастіонъ (Малаховъ курганъ)! Каждое изъ этихъ укрѣпленій, взятое само по себѣ, представляетъ сильный фортъ, на приведеніе коего въ состояніе, дающее возможность восторжествовать надъ всѣми усиліями врага, наука истощила всѣ свои уроки. Все, что только изобрѣла нынѣшняя фортификація для защиты крѣпостей, все нашло себѣ приложеніе при созданіи этихъ укрѣпленій, и они, какъ вожди, возносятся надъ стройными рядами батарей и бастіоновъ, раскинувъ ихъ вправо и влѣво отъ себя, обвивъ ихъ грозною цѣпью свой родимый городъ и выславъ отъ себя впередъ, такъ сказать, въ самую пасть врага три младшія батареи: Селенгинскую, Волынскую, Камчатскую, какъ грозные резервы сотнямъ ложементовъ, заваловъ, небольшихъ окоповъ, которыми, какъ застрѣльщиками, усѣяно все пространство предъ оборонительною линіей. Сѣть траншей, которыми покрыта мѣстность и крѣпко связаны между собою почти всѣ большія и малыя укрѣпленія, составляя такимъ образомъ изъ оборонительныхъ работъ одно неприступное цѣлое, еще болѣе сплачивается глубокимъ рвомъ и высокимъ валомъ, соединяющимъ бастіоны. За этою линіей фортовъ ждетъ непріятеля другая линія батарей, построенныхъ на приличныхъ мѣстахъ. Нѣсколько домовъ приведено въ оборонительное положеніе; изъ многихъ оконъ громадныхъ казармъ глядятъ орудія; баррикады перерѣзываютъ многія улицы подъ защитою полевыхъ орудій. Такъ называемыя „литерныя батареи“ (отъ А до К), примкнутыя къ батареѣ маяка, на правомъ берегу Черной рѣчки, сотнями жерлъ готовы встрѣтить незванныхъ гостей, и отъ времени до времени угощаютъ ихъ чугунными гостинцами, препятствуя ихъ работамъ за Киленъ-балкой! А какія укрѣпленія взгромождены на Сѣверной! Словомъ, чтобъ изумить всякое воображеніе, стоило бы только описать подробно всѣ земляныя укрѣпленія, созданныя въ Севастополѣ со дня его осады. Ясно и безъ того, какъ грозны должны быть твердыни, нами созданныя, если въ теченіе полугода остаются тщетными всѣ усилія цѣлой непріятельской арміи овладѣть хотя однимъ шагомъ земли, на которой мы утвердились; если въ теченіе полугода дерзостный врагъ не только не рѣшился броситься на общій штурмъ, но со всякимъ днемъ болѣе и болѣе убѣждается, что штурмъ дѣлается для него невозможнѣе со всякимъ часомъ!

Великъ трудъ, понесенный офицерами и солдатами при созданіи этихъ твердынь, правда, но наградой потрудившимся служитъ самая картина

созданныхъ ими твердынь, являющихся надежнымъ оплотомъ отечества; наградой имъ благодарность цѣлой Россіи, не перестающей возносить за нихъ молитвы къ престолу Милосердаго своего Защитника, неисчислимыя милости, обильно изливаемыя на нихъ двумя Государями, и наконецъ справедливое удивленіе не только всей Европы, не только всего міра, но даже самихъ враговъ нашихъ, изумляющихся людямъ, въ одно мгновеніе создавшимъ, будто дивомъ, громадную крѣпость. Какую же благодарность Отечества, какую громкую славу стяжаютъ работавшіе на севастопольскихъ бастіонахъ, если о возведенныя ими стѣны окончательно разобьются напряженныя усилія взволнованнаго запада?.. Мы вѣруемъ: Пречистая Дѣва святымъ покровомъ своимъ пріосѣнитъ эти стѣны, и сокрушатся о нихъ перуны вражьи. Тогда-то, воротясь въ родимую деревню, съ хвалою къ Богу, скажетъ братьямъ всякій изъ насъ: этими руками я не только билъ врага, но и носилъ землю на севастопольскихъ бастіонахъ... Лопата севастопольскаго работника будетъ имѣть полное право на почетное мѣсто рядомъ съ мечемъ его, и не стыдно будетъ внести ее въ родовой свой гербъ!..

Рука объ руку съ нашими оборонительными сооруженіями на поверхности земли—идутъ работы подъ землею. Дивны подробности этой подземной войны; но представить ея картину должны ея участники, дѣйствующія въ ней лица; наши же о ней разсказы были бы безцвѣтны, потому что мы не посвящены въ глубочайшія тайны этой войны гигантовъ, въ царствѣ гномовъ. При томъ же большая часть подробностей этой войны должна быть секретомъ до времени. Видимъ только, что полгода союзники трудятся подъ землей, что тысячи препятствій, имъ противупоставленныхъ почвою и другими мѣстными условіями, преодолѣны ими, и однако же ни одного значительнаго успѣха имъ не удалось стяжать надъ нами.—Тотлебенъ, не будемъ давать ему эпитетовъ—Россія и безъ нихъ его знаетъ,—Тотлебенъ превращаетъ въ ничто всѣ усилія и труды союзниковъ: подкопы, намъ уготованные, обращаетъ въ гибель имъ самимъ, и ихъ, стремящихся насъ взбросить на воздухъ, самихъ съ ихъ работами, какъ прахъ взметаетъ къ облакамъ!

Разнообразнѣе другихъ наша война воздушная.

Разнообразнѣе она, быть можетъ, потому, что, такъ сказать, безпрерывнѣе проявляется, непрестанно требуетъ новыхъ жертвъ, ежедневно увлекаетъ нѣкоторыхъ и ежеминутно грозитъ всѣмъ и всякому. Мы, собственно, стоимъ теперь на корабельной сторонѣ и слушаемъ неумолкаемый концертъ. Перестрѣлка въ цѣпи не затихаетъ ни на мгновенье: наши стрѣляютъ изъ-за ложементовъ, тѣ изъ траншей. Разстояніе, раздѣляющее стрѣлковъ обѣихъ сторонъ, не превышаетъ двухъ сотъ шаговъ. Коническія пули непріятеля, съ чашечками и безъ чашечекъ, летаютъ на большое разстояніе и наносятъ сильнѣйшія раны. Мы не вооружены такимъ огромнымъ числомъ штуцеровъ, какимъ вооруженъ непріятель; а потому доселѣ его ружейный огонь былъ несравненно дѣйствительнѣе нашего, и, если мы и могли съ успѣхомъ на него отвѣчать, то только огнемъ штуцеровъ, которые несравненно лучше и дальше бьютъ, чѣмъ всѣ ружья непріятельскія; надо также замѣтить, что наши штуцерники въ своемъ дѣлѣ искуснѣе непріятельскихъ. Особенно союзники боятся стрѣлковыхъ баталіоновъ. Доказательствъ множество: бывало, зимою, нашъ штуцерникъ промерзнетъ, сидя въ ложементѣ, выскочитъ изъ него, да и давай бѣгать, чтобъ, хлопая руками, согрѣться, какъ грѣется

московскій извощикъ при 25-ти градусахъ мороза, ожидая у своей биржи желаннаго сѣдока. Что же? По удалом солдатикѣ непріятель тотчасъ откроетъ частый огонь; выстрѣлы посыплются градомъ, а онъ все-таки дѣло свое сдѣлаетъ; согрѣется и заберется въ ложементъ. Союзникъ же не смѣй носа показать: наши штуцера лежатъ уже со взведенными курками, въ крошечныхъ амбразуркахъ; очередные между товарищами штуцерники не дремлютъ: появился нехристь—глядишь сейчасъ и проглотитъ свинцовую пилюлю.

Неумолкаемые звуки ружейной перестрѣлки дополняются разнообразными звуками канонады; то всѣмъ слышится отдаленный гулъ непріятельскаго выстрѣла, то раздается залпъ нашихъ орудій и перекатное эхо сто разъ его повторяетъ, и надъ бухтой, и въ огромныхъ зданіяхъ казармъ, и въ амфитеатрѣ города, и въ безпредѣльномъ морѣ.

Едва лишь замерло прихотливое эхо, какъ разрываетъ воздухъ ракета, съ страшнымъ шумомъ проносясь огромное пространство, чтобъ лопнуть съ ужаснымъ грохотомъ гдѣ нибудь на Сѣверной, или въ докахъ. Но вотъ свищетъ ядро, клохчетъ бомба; вотъ лопнула она въ воздухѣ; застонали и забурчали ея осколки, съ такимъ же звукомъ пролетая мимо васъ, съ какимъ осенью порывается жирный перепелъ изъ золотистаго проса, поднятый вашей лягавой.

Но вотъ въ отвѣтъ врагу заревѣло бомбовое орудіе парохода, и пятипудовую чиненку изъ мартыны, какъ говорятъ солдаты, послалъ Малаховъ курганъ.

Вслушайтесь, какія разнообразные звуки составляетъ этотъ концертъ смерти, разыгрываемый шестой мѣсяцъ въ Севастополѣ...——

Разсказывая о Севостопольскихъ женщинахъ, нельзя умолчать о ихъ дѣтяхъ. Севастополь сдѣлался разсадникомъ героевъ. Все, что живетъ въ его окопахъ, воспиталось войною, повито опасностью, вскормлено нуждой, взлелѣяно лишеніями. Всмотритесь въ жизнь здѣшнихъ ребятъ. Тотъ къ батькѣ на батарею, подъ градомъ вражьихъ снарядовъ, по нѣскольку разъ въ день сбѣгаетъ, снесетъ то поѣсть, то выпить, то чистую рубашку, то тулупъ, или починенные сапоги. Иной мальчикъ, лѣтъ двѣнадцати, день денской работаетъ весломъ на вольномъ яликѣ, шмыгая отъ одного берега бухты къ другому, на пространствѣ, гдѣ весьма часто вспѣниваетъ воду осколокъ лопнувшей надъ бухтой бомбы, или самая бомба, захлебнувшаяся морской водой, или грянетъ ракета страшнымъ громомъ, и желѣзная ея гильза поплыветъ, какъ морской баснословный змѣй, скользя по водной зыби, грозя смертью, отъ которой юноша силится избѣжать учащенными ударами своего еще не твердаго весла. Послѣ перваго бомбардированія Севастополя, морское начальство велѣло собрать непріятельскіе сняряды и снести ихъ въ назначенныя мѣста, обѣщая за каждый по копѣйкѣ серебромъ. Снарядовъ вездѣ валялось множество; въ иныхъ мѣстахъ совершенно былъ чугунный помостъ. Сначала было стали солдаты таскать снаряды, но когда увидѣли, что этимъ дѣломъ съ любовью занимаются ребятишки, то солдаты предоставили имъ этотъ заработокъ. Надо было видѣть, что за сцены тутъ происходили! Изъ-подъ самыхъ батарей, не смотря на огонь непріятельскій, цѣлыя артели мальчишекъ таскали ядра; кто не осилитъ тащить, катитъ ядро; другіе вдвоемъ тащатъ его въ мѣшечкѣ; иные везутъ одно, два, три ядра на маленькой телѣжкѣ; глядишь, запряглась въ эту телѣжку, между прочимъ и дѣвчонка, сама немножко больше ядра. Эта доставка снарядовъ

совершенно уподоблялась доставкѣ въ муравейникъ, его населеніемъ, различныхъ матеріаловъ, необходимыхъ для сооруженія и существованія онаго.

На дняхъ привели къ генералу Хрулеву (онъ исправляетъ должность коменданта корабельной стороны и командуетъ лѣвою половиной оборонительной линіи г. Севастополя) мальчика. Онъ изволилъ подрядиться таскать ядра отъ рогатки (между Малаховымъ курганомъ и вторымъ нумеромъ) до Камчатскаго люнета, съ платою по копѣйкѣ за ядро!.. Не забудьте, что ему надобно было проходить около полуверсты подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятельскимъ; не забудьте, что на этомъ пространствѣ не только носятся ежеминутно артиллерійскіе снаряды, но, какъ пчелы, жужжатъ штуцерныя пули; не забудьте, что это пространство надо пройти мѣрнымъ шагомъ, потому что съ 36-фунтовымъ ядромъ мальчикъ не очень-то побѣжитъ.

— Много ли же ты стащилъ сегодня ядеръ?—спросилъ его генералъ.

„Тридцать, ваше превосходительство“.

— Ну, отчего же ты босой?

„Да, чтобъ легче было, ваше превосходительство, назадъ бѣжать, какъ отнесешь ядро“.

Разумѣется, лихому мальчику сейчасъ офицеры набросали нѣсколько денегъ. Обласканный генераломъ, онъ просилъ позволенія возвратиться къ своему ремеслу, увѣряя, что ему сподручна эта работа, доставляющая возможность ежедневно лакомиться горячимъ сбитнемъ съ молокомъ...

(П. Алабинъ. Походн. записки ч. II. с. 198—206).

---

181. Въ Военномъ госпиталѣ.

Настало 28 марта, страшный день бомбардировки, хотя не первый по счету, но первый по близости осаждающихъ къ бастіонамъ и городу. Она продолжалась болѣе 10 дней. Это время останется памятнымъ въ исторіи Крестовоздвиженской Общины! Съ 28 марта по 15 мая дѣятельность Общины сосредоточивалась преимущественно на главномъ перевязочномъ пунктѣ (въ Дворянскомъ Собраніи), въ домахъ города, въ Александровскихъ казармахъ и на Павловскомъ мыску. Во все это время самыя главныя усилія непріятеля были, какъ извѣстно, устремлены на 4, 5 и 6 бастіоны и отчасти на Малаховъ курганъ. Всѣ раненые съ первыхъ 3 бастіоновъ приносились въ Дворянское Собраніе. Болѣе мѣсяца врачи и сестры неусыпно день и ночь дѣйствовали на главномъ перевязочномъ пунктѣ. Старшая сестра 2-го и 3-го отдѣленій Екатерина Михайловна Бакунина отличалась своимъ усердіемъ. Ежедневно днемъ и ночью можно было ее застать въ операціонной комнатѣ ассистирующею при операціяхъ; въ это время, когда бомбы и ракеты то перелетали, то не долетали и ложились кругомъ всего Собранія, она обнаружила со своими сообщницами присутствіе духа, едва совмѣстное съ женскою натурою и отличавшее сестеръ до самаго конца осады. Трудно рѣшить, чему должно болѣе удивляться, хладнокровію ли этихъ сестеръ или ихъ самоотверженію въ исполненіи обязанностей. Военное время налагаетъ на врачей обязанности, иногда жестокія, но необходимыя для общей пользы. Такъ, при огромномъ скопленіи раненыхъ необходимо сосредоточивать всю врачебную дѣятельность на воспомоществованіи тѣмъ, для которыхъ помощь необходима и полезна; ибо, излишне занимаясь безнадежными, можно легко упустить изъ виду тѣхъ, которымъ своевременная помощь могла бы возвратить жизнь и здоровье; поэтому сортированіе больныхъ на перевязочныхъ пунктахъ составляетъ главное условіе врачебной

распорядительности. Такъ было и на главномъ перевязочномъ пунктѣ въ Дворянскомъ Собраніи: раненые, безпрестанно приносимые по нѣсколько вдругъ, свидѣтельствовались въ большой залѣ и тутъ же дѣлался приговоръ врачей: можно ли имъ еще спасти жизнь, нужно ли пожертвовать членомъ для спасенія, или отнести раненаго къ числу безнадежныхъ. Первые переносились въ операціонную залу или въ Николаевскую батарею и поступали послѣ оказаннаго пособія на руки сестеръ, находившихся подъ руководствомъ Бакуниной, вторые отсылались въ дома: Гущина, Орловскаго и Инженерный, гдѣ сестры Травина, Григорьева, Голубцова и Богданова дѣлали что могли для облегченія участи страдальцевъ, дѣйствуя то по предписанію врачей, то по собственному благоусмотрѣнію, ознакомившись изъ опыта съ этимъ родомъ страданій. Велика и высока была обязанность этихъ сестеръ: имъ поручались и послѣднія желанія и послѣдній вздохъ умирающихъ за отечество! Кровавыя траншейныя битвы 10 и 11 мая требовали со стороны врачей и сестеръ усилій, доходившихъ до изнуренія силъ, тѣмъ болѣе, что раненые прибывали на главный перевязочный пунктъ ночью. Утомленные ночными дежурствами, производствомъ операцій, перевязкою раненыхъ врачи и сестры втеченіе этихъ достопамятныхъ дней не знали другого спокойствія, кромѣ короткаго сна на лавкахъ и койкахъ въ дежурныхъ комнатахъ, пробуждаемые лопаніемъ бомбъ и воплемъ вновь приносимыхъ раненыхъ.

Для всѣхъ очевидцевъ памятно будетъ время, проведенное съ 28 марта по іюнь мѣсяцъ въ Дворянскомъ Собраніи. Во все это время около входа въ Собраніе на улицѣ, гдѣ такъ нерѣдко падали ракеты, взрывая землю, и лопались бомбы, стояла всегда транспортная рота солдатъ подъ командою дѣятельнаго и распорядительнаго подпоручика Яни; койки и окровавленные носилки были въ готовности принять раненыхъ; въ теченіе 9 дней мартовской бомбардировки безпрестанно тянулись къ этому входу ряды носильщиковъ; вопли носимыхъ смѣшивались съ трескомъ бомбъ; кровавый слѣдъ указывалъ дорогу къ парадному входу Собранія. Эти 9 дней огромная танцовальная зала безпрестанно наполнялась и опорожнивалась; приносимые раненые складывались вмѣстѣ съ носилками цѣлыми рядами на паркетномъ полу, пропитанномъ на цѣлые $^1/_2$ вершка запекшеюся кровью; стоны и крики страдальцевъ, послѣдніе вздохи умирающихъ, приказанія распоряжающихся — громко раздавались въ залѣ. Врачи, фельдшера и служители составляли группы, безпрестанно двигавшіяся между рядами раненыхъ, лежавшихъ съ оторванными, раздробленными членами, блѣдныхъ, какъ полотно, отъ потери крови и отъ сотрясеній, производимыхъ громадными снарядами; между солдатскими шинелями мелькали вездѣ бѣлые капюшоны сестеръ, разносившихъ вино и чай, помогавшихъ при перевязкѣ и отбиравшихъ на сохраненіе деньги и вещи страдальцевъ. Двери залы ежеминутно отворялись и затворялись; вносили и выносили по командѣ: „На столъ", „На койку", „Въ домъ Гущина", „Въ Инженерный", „Въ Николаевскую". Въ боковой довольно обширной комнатѣ (операціонной) на 3 столахъ кровь лилась при производствѣ операцій; отнятые члены лежали грудами, сваленные въ ушатъ; матросъ Пашкевичъ—живой турникетъ Дворянскаго Собранія (отличавшійся искусствомъ прижимать артеріи при ампутаціяхъ) едва успѣвалъ слѣдовать призыву врачей, переходя отъ одного стола къ другому; съ неподвижнымъ лицомъ, молча, онъ исполнялъ въ точности данныя ему приказанія, зная, что не-

утомимой рукѣ его поручалась жизнь собрата. Бакунина постоянно присутствовала въ этой комнатѣ съ пучкомъ лигатуръ въ рукѣ, готовая слѣдовать на призывъ врачей. За столами стоялъ рядъ коекъ съ новыми ранеными, и служители готовились переносить ихъ на столы для операцій; возлѣ порожнихъ коекъ стояли сестры, готовыя принять ампутированныхъ. Воздухъ комнаты, несмотря на безпрестанное провѣтриваніе, былъ наполненъ испареніями крови, хлороформа; часто примѣшивался и запахъ сѣры: это значило, что есть раненые, которымъ врачи присудили сохранить поврежденные члены, и фельдшеръ Никитинъ накладывалъ имъ гипсовыя повязки.

Ночью, при свѣтѣ стеарина, тѣ же самыя кровавыя сцены, и нерѣдко еще въ большихъ размѣрахъ, представлялись въ залѣ Дворянскаго Собранія. Въ это тяжкое время безъ неутомимости врачей, безъ равностнаго содѣйствія сестеръ, безъ распорядительности начальниковъ транспортныхъ командъ: Яни (опредѣленнаго къ перевязочному пункту начальникомъ штаба гарнизона княземъ Васильчиковымъ) и Коперницкаго (опредѣленнаго сюда незабвеннымъ Нахимовымъ), не было бы никакой возможности подать безотлагательную помощь пострадавшимъ за отечество. Чтобы имѣть понятіе о всѣхъ трудностяхъ этого положенія, нужно себѣ живо представить темную южную ночь, ряды носильщиковъ при тускломъ свѣтѣ фонарей, направленныхъ къ входу Собранія, и едва прокладывавшихъ себѣ путь сквозь толпы раненыхъ пѣшеходовъ, сомкнувшихся въ дверяхъ его. Всѣ стремятся за помощью и на помощь, каждый хочетъ скораго пособія, раненый громко требуетъ перевязки или операціи, умирающій—послѣдняго отдыха, всѣ — облегченія страданій. Гдѣ можно было бы безъ дѣятельныхъ и строгихъ мѣръ, безъ неусыпной дѣятельности найти достаточно мѣста и рукъ для оказанія безотлагательной помощи!..

(Севастопол. письма Пирогова с. 35—9).

---

182. Штурмъ Малахова кургана.

(27 августа 1855 г.)

...Съ разсвѣта стали замѣчать съ сторожевыхъ вышекъ Инкерманскихъ высотъ особое движеніе у непріятеля, и князь Горчаковъ далъ знать о семъ начальнику гарнизона. Хотя сильный вѣтеръ, вздымавшій тучи пыли, скрывалъ происходившее въ непріятельскихъ траншеяхъ, однако же около десяти часовъ утра, когда разсмотрѣли, что французы таскаютъ въ траншеи короткія бревна и доски, то предположили, что они носятъ матеріалы для минныхъ работъ, въ намѣреніи вести минную галлерею подъ курганъ...

Ожесточая ежеминутно свой огонь, французы, въ четверть двѣнадцатаго (по нашимъ часамъ) перемѣнивъ его направленіе, вдругъ стали дѣйствовать по пространству за нашими батареями, вѣроятно, съ цѣлію поражать резервы, не вредя своимъ, а ровно въ $11^1/_2$ часовъ стремительно, въ огромномъ числѣ, разсыпнымъ строемъ въ нѣсколько линій, бросились изъ траншей.

Разстояніе отъ послѣдней траншеи до рва бастіона было только 25 метровъ! (около 36 шаговъ) — нѣсколько прыжковъ для зуава. Французы мгновенно перенеслись чрезъ это пространство, не выдержавъ ни одного картечнаго выстрѣла, потому что всѣ орудія, отвѣчая бомбардирующему врагу, были заряжены ядрами и бомбами. Перезарядить картечью было некогда. Кто успѣлъ — выстрѣлилъ, но направленныя на батареи орудія послали свои снаряды черезъ головы атакующихъ. Мало того: французы не

выдержали ни одного ружейнаго выстрѣла, потому что кромѣ штуцерниковъ, стрѣлявшихъ по траншеямъ, никого не было на банкетѣ. Стоять на курганѣ цѣлому отряду людей, со взведенными курками и ждать момента штурма, не было возможности. А едва успѣлъ взвиться синій вымпелъ[1]), едва успѣлъ барабанъ ударить тревогу, какъ французы уже овладѣли куртиною и валомъ лицевой стороны бастіона и опрокинули, подавивъ своею многочисленностью, поспѣшно собравшіяся части Прагскаго полка. Въ тотъ же моментъ торжествующій непріятель, подкрѣпленный набѣжавшими со всѣхъ сторонъ толпами товарищей, ободренный криками огромныхъ резервныхъ колоннъ, по накинутымъ лѣстницамъ переходившихъ ровъ и наводнявшихъ курганъ, опрокинулъ все, что дерзало бороться съ нимъ, и штыками выбивая нашихъ изъ-за каждаго траверза, занялъ всю верхнюю часть кургана до самой горжи его, которая, по несчастью, была сомкнута перехватывавшимъ ее широкимъ и глубокимъ рвомъ, и прекрасно содержаннымъ брустверомъ. Далѣе французы не дерзнули преслѣдовать нашихъ, остановленные батальнымъ огнемъ.

Главная часть кургана, господствовавшая надъ Севастополемъ, была во власти французовъ, только самая башня еще держалась. Въ нее засѣли нѣсколько офицеровъ, съ толпою удальцовъ, и, сквозь ружейныя амбразуры нижней неразрушенной части башни и полузаваленныя двери, очищали мѣткими выстрѣлами всю площадку предъ историческою башнею. Никто не смѣлъ безнаказанно даже пробѣжать мимо ея.

Мнѣ разсказывали французскіе офицеры главнаго штаба, впослѣдствіи, что они потеряли на этомъ пунктѣ много людей и только огнемъ множества зажженныхъ фашинъ заставили сдаться горсть молодцовъ. Ихъ было человѣкъ до шестидесяти.

Макъ-Магонъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ генераловъ французской арміи, при нѣкоторыхъ товарищахъ моихъ, однажды у себя за завтракомъ, говоря со мною о штурмѣ Малахова кургана, съ величайшимъ уваженіемъ разсказывалъ о нашемъ генералѣ, удивившемъ при штурмѣ кургана всѣхъ французовъ своимъ мужествомъ. Когда французы ворвались на бастіонъ, онъ съ нѣсколькими человѣками былъ оторванъ отъ своихъ и прижатъ въ одномъ изъ уголковъ бастіона толпою зуавовъ. Высокаго роста, худощавый, впереди своего маленькаго отряда, онъ рубился съ французами, отвѣчая проклятіями и ударами сабли на ихъ просьбы и предложенія сдаться.

Французы разстрѣливали эту кучку, уже не имѣвшую патроновъ и ежеминутно уменьшавшуюся, но кто только рѣшался броситься съ ружьемъ на горсть героевъ — платилъ жизнью за отвагу.

Разъяренные зуавы уложили пулями и генерала и его солдатъ.....

Французы такъ стремительно бросились на куртину и курганъ и такъ внезапно имъ овладѣли, что не успѣли выбѣжать изъ минной галереи всѣ люди Люблинскаго полка, тамъ находившіеся. Нашъ караулъ, поставленный у входа въ галерею, былъ мгновенно опрокинутъ, уничтоженъ, и замѣненъ французскимъ карауломъ, который не выпустилъ уже изъ минъ никого, объявивъ всѣхъ военно-плѣнными.....

(Алабинъ, ч. II, с. 366—368).

---

[1]) Знакъ тревоги.

183. Взрывъ Севастополя.

Главнокомандующій генералъ адъютантъ князь Горчаковъ доносилъ Государю Императору, по телеграфу.

„Всеподданнѣйшее донесеніе,

27 Августа. Въ 10 часовъ пополудни. Войска В. И. В. защищали Севастополь до крайности, но болѣе держаться въ немъ за адскимъ огнемъ, коему городъ подверженъ, было невозможно. Войска переходятъ на сѣверную сторону, отбивъ окончательно 27 Августа шесть приступовъ изъ числа семи, поведенныхъ непріятелемъ на западную и корабельную стороны, только изъ одного Корнилова бастіона не было возможности его выбить.

Враги найдутъ въ Севастополѣ однѣ окровавленныя развалины.“

Увидимъ, сдержалъ ли твердое слово свое русскій вождь.

Происшедшее за симъ выше всякаго описанія.

Ежечасно, ежеминутно картина измѣняла свой видъ, являясь изумленнымъ взорамъ въ поразительномъ величіи, грозная, неожиданная. Представьте нарочито мрачную ночь, на морскомъ берегу, посреди нагроможденныхъ камней, полуразрушенныхъ зданій и развалинъ. Со всѣхъ сторонъ стекаются къ одному пункту, будто тѣни, толпы людей въ изорванныхъ одеждахъ, въ крови, въ грязи, закоптѣлые, въ боевомъ дыму. Они едва бредутъ, чуть ли не падая подъ тяжестью оружія — до того измучены они; другіе несутъ десятки мертвыхъ, третьи тащатъ изможденныхъ страдальцевъ, облитыхъ кровью, съ оторванными членами; иные везутъ на рукахъ тяжелыя пушки; тамъ на узкомъ мосту рѣжутъ постромки у запряженныхъ подъ орудія лошадей, и молча, пасмурно, перекрестясь, сталкиваютъ орудія въ море, будто хоронятъ любимаго товарища. Всѣ пасмурны, всѣхъ гнететъ свинцовое горе, и если изъ чьихъ устъ вырвется слово — другое, это слово проклятія, командный крикъ начальника, или страдальческій вопль умирающаго!....

Гдѣ вы?.... Что съ вами?.... Какой страшный вы видите сонъ!... Что это?... Огненныя дуги бороздятъ небо... Звѣзды падаютъ на васъ... Громы небесные раздаются... Край доселѣ мрачнаго горизонта покрывается пламенною кровавою пеленою... Или загорается вселенная?!... Или настала кончина вѣка сего!!?... Потекли огненныя рѣки, расплавилась земля и пламеннымъ потокомъ поднялась къ небесамъ, медленно, величественно, ужасно, ежеминутно охватывая все большую и большую часть неба, наконецъ будто воспламенивъ все окрестное воздушное пространство!

Не сонъ ли это? Нѣтъ, дѣйствительность — это взрывъ второго бастіона!

Страшные громы все потрясли, все заглушили: и трескъ лопающихся бомбъ, и ропотъ, и стонъ тысячей народа, толпящагося на трепещущемъ мосту, и ревъ морской волны, будто кипящей яростью, и скрипъ кораблей, медленно, тихо, терзая жалостью душу зрителя, погружавшихся на дно морское.

Едва блеснулъ ослѣпительный огонь взрыва, кровавымъ отблескомъ мгновенно озаривъ страшную картину нашего отступленія, съ ея ужасными подробностями, и горестныя слезы многихъ отступающихъ, разстающихся съ роднымъ Севастополемъ, и кровь ихъ ранъ, и яростную блѣдность героевъ, готовыхъ сейчасъ возвратиться, чтобы лучше умереть въ толпѣ враговъ, чѣмъ видѣть ихъ торжество; едва, говорю, погасъ этотъ чудный отблескъ на реяхъ утопающихъ судовъ, на толпахъ народа, покрывающаго палубы безпрестанно снующихъ пароходовъ и тѣснящагося у двухъ мостовъ и на мостахъ и въ величайшемъ без-

порядкѣ черезъ нихъ перебирающагося; на серебрянномъ гребнѣ волны бушующей бухты, ежеминутно готовой разорвать перехватывающій ее мостъ; на выходящей изъ мрака полуразрушенной башни Малахова кургана, будто саваномъ, одѣтой флагомъ Франціи; на потрясающихъ душу группахъ раненыхъ, покрывающихъ площадку; на дворѣ Павловскаго форта и на всей его ближайшей окрестности, — какъ потекла другая огненная рѣка привода, и совершился взрывъ перваго бастіона.

Явленіе, подобное настоящему, я видѣлъ только въ знаменитомъ твореніи Брюлова.

Если можно съ чѣмъ сравнить послѣдній день Севастополя, такъ только съ „послѣднимъ днемъ Помпеи“. Какъ похожи группы, тѣснящіяся къ мосту, на тѣ, которыя бѣгутъ изъ погибающаго города. Но какая разница: тамъ несли драгоцѣнности, здѣсь—оружіе; тамъ — жемчугъ, здѣсь — свинецъ; тамъ — роскошныхъ женъ и дѣвъ, здѣсь—трупы товарищей, умирающихъ братій; тамъ въ сердцахъ бѣгущихъ было очаяніе, здѣсь — надежда отмстить врагу пламенемъ за пламя, кровью за кровь...

Какъ **тамъ** грозила смерть со всѣхъ сторонъ, такъ она грозитъ и **здѣсь**: вдругъ разорвется мостъ подъ тяжестью народа и отъ усилій бури! Вдругъ спустится здѣсь, а не въ сторонѣ, несущаяся надъ вами бомба!.... Вдругъ врагъ перейдетъ въ наступленіе и другого не будетъ исхода, какъ плѣнъ или смерть!.... Конечно, въ настоящую минуту никто не затруднится въ выборѣ.....

Но вотъ, погруженное послѣ второго взрыва еще въ большій мракъ, пространство вновь озарилось роковымъ свѣтомъ: взлетѣлъ третій бастіонъ и такъ далѣе... далѣе до разсвѣта совершилось тридцать пять взрывовъ!!

Пожаръ охватилъ всю Екатерининскую; догорали Александровскія казармы; пылали домы на Пересыпкѣ; артилерійская слободка; морскія казармы; часть Корабельной; долго, будто погребальный факелъ, горѣлъ „**Кранъ**“, поставившій на своемъ вѣку столько мачтъ на черноморскіе корабли!...

Не таковъ ли былъ пожаръ Московскій... И тѣни мелькающихъ между раскаленными зданіями нашихъ зажигателей не воскрешаютъ ли въ памяти славныхъ тѣней Фигнеровъ и Давыдовыхъ, и не такъ ли памятенъ будетъ въ исторіи этотъ страшный пожаръ, какъ тотъ, вѣчно незабвенный, изъ огненнаго вихря котораго вознеслась слава и торжество Россіи! Пожаръ Московскій испепелилъ цѣпи, принесенныя для нашей отчизны двадцатью народами. Въ пожарѣ, предъ нами пылающемъ, закалится изъ Россіи булатъ, на грозную месть вѣковымъ ея врагамъ!

На разсвѣтѣ взлетѣлъ Александровскій фортъ. Дневной свѣтъ побѣдилъ: пламя взрыва не озарило пространства, а только ярко блеснуло въ клубахъ черной массы, которая поднялась къ облакамъ и разсыпалась каменнымъ каскадомъ...

Земля колыхнулась отъ громоваго удара.....

(Алабинъ, ч. II., с. 376—378).

VI. Старая, дореформенная Россія.

Первая половина XIX вѣка.

XXXIII. Дворянская жизнь.

184. Письма гр. Ростопчина къ кн. Циціанову.

О сельскомъ хозяйствѣ.

1. Отъ 3 іюня 1803 г. с. Вороново.

...Май мѣсяцъ былъ совершенный потопъ и такъ, что ни за что приняться не возможно было; вообще отъ большихъ лѣсовъ въ здѣшней окрестности дождей слишкомъ много бываетъ, и отъ сего въ уборкѣ травы и хлѣбовъ можетъ выходить вредъ и затрудненіе. Я множество надѣлалъ испытаній и буду ждать ихъ успѣха, пытаюсь узнать силу новаго удобренія земли кислотою купоросною (acide de Nitr.); въ Голландіи два уже года, какъ во всѣхъ огородахъ не кладутъ навозу. А теперь очень занятъ я устройствомъ Русской простой сохи. Фермеръ мой Англійской со всѣмъ причетомъ и инструментомъ на сихъ дняхъ долженъ пріѣхать, но я уже очень богатъ всѣми орудіями для хлѣбопашества и нашелъ опытомъ, что соха наша имѣетъ больше выгодъ, чѣмъ думаютъ для паханныхъ и мягкихъ вообще земель; неудобство ея то, что она дѣлаетъ уже плуга борозду и лежитъ на рукахъ у пахаря, отъ воли коего не совсѣмъ зависитъ пущать ее глубже въ землю и пахать ровно, а я дѣлаю сошники шире обыкновенныхъ, и къ разсохѣ (къ коей они утверждаются сзади) придѣлываю колесо, кое, подымаясь и опускаясь по волѣ, соразмѣрно и пахать будетъ, глубже или мельче. Если удастся, то выгода та, что двѣ такія сохи вспашутъ въ день десятину точно такъ, какъ и два плуга; но надобно два работника и двѣ лишь лошади вмѣсто четырехъ мужиковъ, изъ коихъ два идутъ за плугами, а два ведутъ лошадей, коихъ надобно по двѣ въ плугъ, да еще и сильныхъ. Плугъ же весьма полезенъ для нераспашныхъ земель, кои онъ можетъ подымать съ весны и до морозовъ, а соха едва до половины Мая; плугъ имѣетъ слишкомъ много тренія отъ широкой поверхности отрѣзовъ и сошниковъ, тяжелъ для лошадей и валитъ на одну лишь сторону...

2. Отъ 24 іюня 1803 г. с. Вороново.

...Съ 13 Мая я ни строки отъ тебя не имѣлъ и не знаю, чему сіе приписать: что ты, боленъ, разсерженъ или измученъ дѣлами? Я со всѣмъ тѣмъ съ ногъ сбился, но добровольно, весь день почти на волѣ. Англичане мои пріѣхали, и мы спѣшимъ поскорѣе поправлять нехорошую и совсѣмъ испорченную землю; теперь возятъ болотную горную землю, известку и навозъ на поля, и земли будущею весною будетъ на 180 дес. засѣяно, и хотятъ ферму завесть на 300 и болѣе десятинъ, для чего и дѣйствуютъ машины надъ срубленнымъ лѣсомъ и обращаютъ мѣсто въ богатое поле. Доколѣ у насъ не прибавится втрое жителей въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, дотолѣ заведенія Англійскаго обработыванія земель не будутъ нужны; но здѣсь они и выгодны и доходны чрезвычайно сѣяніемъ травъ и овощами. Я смотрѣлъ заведеніе графа Румянцева въ подмосковной и видѣлъ нилучшій горохъ, Дрилемъ посѣянный на 70 десятинахъ, а прошлаго года онъ снялъ по 18 четв.

съ дес. и продавалъ по 11 руб. четв. Я очень доволенъ фермеромъ, также и машинистомъ; а что меня больше всего веселитъ, это ихъ восхищеніе отъ ловкости нашихъ мужиковъ, и одинъ изъ сихъ, называемый Пронька, на мой вопросъ: могутъ ли они столько сработать? отвѣчалъ мнѣ: „Имъ противъ насъ не вынести: у нихъ кишка-то пожиже". Ко мнѣ уже привезены всѣ орудія хлѣбопашества, и многія изъ нихъ на здѣшнюю землю не годятся, между-прочимъ, двойной плугъ отъ жестокости грунта и тягости плуга въ разсужденіи большаго тренія и длины; но машинисты свои, и мы приготовляемъ новые и удобнѣйшіе инструменты...

3. Отъ 7 іюля 1803 г. с. Вороново.

...Я здоровъ со всѣми моими и послѣзавтра принужденъ оставить ихъ дней на 16 и ѣхать въ Ливны для учрежденія нѣкоторыхъ экономическихъ заведеній: мельницы-пеклеванки, расчищанія мерзкаго лѣса и пр. Оттуда я къ тебѣ напишу письмо. —Кобылы всѣ приведены ко мнѣ на Битюцкій заводъ, кромѣ одной бѣлой Трама, которая и съ жеребенкомъ пала на дорогѣ, и сія потеря очень умѣренная, въ разсужденіи дальности и степей.

Я весь измучился; часто встаю въ пятомъ часу и роюсь въ полѣ. Колонисты мои всѣ совершенны въ своемъ родѣ, а механикъ прогнѣвалъ всю компанію, которую я называю машинною. Чесменской, Мальцевъ и др. завели фабрику для дѣланія машинъ и продаютъ акціи по 1000 руб. Государь взялъ оныхъ пять; по учрежденію имъ надобно ихъ 60, а машиниста еще нѣтъ, и они думали брать по цѣнѣ Полторацкаго, а мой несравненно лучшія прежнихъ молотильни дѣлаетъ по 320 р., кои Маркычъ [1]) продавалъ по 800; плуги по 25 тѣ, за кои онъ бралъ по 75, и т. д. Но всего лучше машина дергать пни; пять человѣкъ начисто выдергиваютъ ею отъ 40 и до 50, а она стоитъ 30 р. Это называютъ, что я подорвалъ компанію, а дѣло въ томъ, что мой машинистъ беретъ по 12 процентовъ на 100. —Ко мнѣ, кромѣ всякаго рода оральныхъ оружій, привезено 36 родовъ разныхъ сѣмянъ, изъ коихъ многія здѣсь до сихъ поръ неизвѣстны, напр. озимой ячмень, Американской овесъ, Сирійская и Мексиканская пшеница; этой одной слишкомъ 10 родовъ. На тотъ годъ надѣюсь, что могу охотникамъ до хлѣбопашества кой-что показать, но тебѣ ничего!..

4. 3 сентября 1803 г. с. Вороново.

... Заведеніе мое хлѣбопашества очень идетъ въ моду, и учениковъ довольно къ веснѣ будетъ. 44 десятины разными образами засѣяны пшеницею, рожью и озимымъ ячменемъ, но много время потребно, дабы осилить предразсудки; а самолюбіе и преодолѣть невозможно, потому что первые покоряются иногда опытамъ, примѣрамъ и доказательствамъ, а самолюбіе, презирая все, увѣряетъ себя часъ отъ часу въ преимуществѣ своемъ. При томъ никто не хочетъ, не смотря на невѣжество, изъ мастеровъ сдѣлаться ученикомъ; хорошо еще то, что прибыль заставляетъ отдѣляться отъ правилъ сію часть людей, коихъ я называю окаменѣлыми. Въ Воронежѣ у меня еровыя вовсе пропали, а въ Ливнахъ дурны; на Битюгѣ вновь мною заведенныя яровыя пшеницы отмѣнно сего года родились, а рожь въ $12^{1}/_{2}$ разъ, не смотря на засуху...

5. Отъ 21 сент. 1804 г. с. Вороново.

...Хлѣбопашество мое идетъ, какъ нельзя лучше. Машинистъ ставитъ молотильную машину, совсѣмъ новаго построенія, и мельницу, коя достойна быть показана хозяевамъ. Я очень

[1]) Полторацкій (Дм. Марк.).

радъ, что испытанія надъ удобриваніемъ здѣшняго качества земли черною болотною землею совершенно всѣ награждены совершенномъ успѣхомъ. Горохъ на три десятины, на коихъ высѣяно Дрилемъ 15 четвериковъ, не смотря на поздній посѣвъ и самое сухое лѣто, далъ 28 четвертей; картофель, коего снято съ унавоженной просто земли по 75 четвертей съ десятины, на той, гдѣ была черная болотная земля, родилъ 108 четвертей.

Вотъ мои успѣхи. Многіе смѣются, другіе находятъ въ моихъ сельскихъ занятіяхъ дальные виды, иные алчность къ деньгамъ. Но я все продолжаю, живучи уже на свѣтѣ давно, для пяти или шести человѣкъ. Прощай... —

(П. Бартеневъ, XIX вѣкъ. Томъ II, с. 14—63.)

185. Дворянская улица въ Пензѣ.

На самомъ темени высокой горы, на которой построена Пенза, выше главной площади, гдѣ соборъ, губернаторскій домъ и присутственныя мѣста, идетъ улица, называемая Дворянской. Ни одной лавки, ни одного купеческаго дома въ ней не находилось. Не весьма высокія, деревянныя строенія, обыкновенно въ девять окошекъ, довольно въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи, жилища аристократіи, украшали ее. Здѣсь жили помѣщики точно такъ же, какъ лѣтомъ въ деревнѣ, гдѣ господскіе хоромы ихъ также широкимъ и длиннымъ дворомъ отдѣлялись отъ регулярнаго сада, гдѣ входъ въ него также находился между конюшнями, сараями и коровникомъ и затрудняемъ былъ соромъ, навозомъ и помоями. Можно изъ сего посудить, какъ рѣдко сады сіи были посѣщаемы: невинныхъ, тихихъ наслажденій тамъ еще не знали, въ чистомъ воздухѣ не имѣли потребности, восхищаться природой не умѣли.

Описавъ расположеніе одного изъ сихъ домовъ, господскихъ или деревенскихъ, могу я дать понятіе о прочихъ: такъ велико было ихъ единообразіе. Невысокая лѣстница обыкновенно сдѣлана была въ пристройкѣ изъ досокъ, коей цѣлая половина дѣлилась еще на двое, для двухъ отхожихъ мѣстъ: господскаго и лакейскаго. Зажавъ носъ, скорѣе иду мимо и вступаю въ переднюю, гдѣ встрѣчаетъ меня другаго рода зловоніе. Толпа дворовыхъ людей наполняетъ ее; всѣ ощипаны, всѣ оборваны; одни лежа на прилавкѣ, другіе сидя или стоя говорятъ вздоръ, то смѣются, то зѣваютъ. Въ одномъ углу поставленъ столъ, на коемъ разложены, или камзолъ или исподнее платье, которое кроится, шьется или починивается; въ другомъ подшиваются подметки подъ сапоги, кои иногда намазываются дегтемъ. Запахъ лука, чеснока и капусты мѣшается тутъ съ другими испареніями сего лѣниваго и вѣтренаго народа. За симъ слѣдуетъ анфилада, состоящая изъ трехъ комнатъ: залы (она же и столовая) въ четыре окошка, гостиной въ три, и диванной въ два; онѣ составляютъ лицевую сторону, и воздухъ въ нихъ чище. Спальная, уборная и дѣвичья смотрѣли на дворъ, а дѣтскія помѣщались въ антресолѣ. Кабинетъ, поставленный рядомъ съ буфетомъ, уступалъ ему въ величинѣ и, несмотря на свою укромность, казался еще слишкомъ просторнымъ для ученыхъ занятій хозяина и хранилища его книгъ.

Внутреннее убранство было также вездѣ почти одинаковое. Зала была обставлена плетеными стульями и складными столами для игры; гостиная украшалась хрустальною люстрой и въ простѣнкахъ двумя зеркалами съ подстольниками изъ крашенаго дерева; вдоль стѣны, просто выкрашенной, стояло въ серединѣ такого же дерева большое канапе, по бокамъ два

маленькихъ, а между ними чинно разставлены были кресла; въ диванной угольной, разумѣется, диванъ. Въ сохраненіи мебелей видна была только бережливость Пензенцевъ; обивка ситцевая, или изъ полинялаго сафьяна, оберегалась чехлами изъ толстаго полотна. Ни воображенія, ни вкуса, ни денегъ на украшеніе комнатъ тогда много не тратилось.

Когда бывалъ званый обѣдъ, то мущины тѣснились въ залѣ, вокругъ накрытаго стола; дамы, люди пожилые и почетные и тѣ, кои садились въ карты, занимали гостиную, дѣвицы укрывались въ гинесеѣ, въ диванной. Всякая пріѣзжающая дама должна была проходить сквозь строй, подавая руку направо и налѣво стоящимъ мущинамъ и цѣлуя ихъ въ щеку; всякій мущина обязанъ былъ сперва войти въ гостиную и обойти всѣхъ сидящихъ тамъ дамъ, подходя къ ручкѣ каждой изъ нихъ. За столомъ сначала нѣсколько холодныхъ, нѣсколько горячихъ, потомъ нѣсколько жареныхъ и нѣсколько хлѣбенныхъ являлись по очереди, а между ними неизбѣжные два бѣлыхъ и два красныхъ соуса дѣлили обѣдъ на двое. Странное обыкновеніе состояло въ обязанности слугъ, подавая кушанья и напитки, называть каждаго гостя по имени.

Вообще Пенза была, какъ Китай, не весьма учтива, но чрезвычайно церемонна; этикетъ въ ней бывалъ иногда мучителенъ. Барыни не садились въ кареты свои или колымаги, не имѣя двухъ лакеевъ сзади; чиновники штабъ-офицерскаго чина отмѣнно дорожили правомъ ѣздить въ четыре лошади; а статскій совѣтникъ не выѣзжалъ безъ шести клячъ, коихъ называлъ онъ цугомъ. Случалось, когда ворота его стояли рядомъ съ сосѣдними, то передній форрейторъ подъѣзжалъ уже къ чужому крыльцу, а онъ не выѣзжалъ еще съ своего двора.

Съ воцареніемъ Александра дамы вездѣ перестали пудриться, только въ Пензѣ многія изъ нихъ не кидали обычая носить пудру. Щеголеватостью ни формъ, ни нарядовъ прекрасный полъ въ Пензѣ не отличался, ни даже пріятною наружностію. Только въ первые дни пребыванія моего тамъ, на Масляной, двѣ красавицы мелькнули предо мною, какъ мимолетныя видѣнія: одна генеральша Львова, урожденная Колокольцова, была тутъ проѣздомъ; другая госпожа Бекетова, урожденная Опочинина, три четверти года жила въ Саратовской деревнѣ, и скромная добродѣтель ея часто походила на суровость.

(Записки Ф. Вигеля. Томъ I, часть I, стр. 216—218.)

---

186. Въ дворянской семьѣ въ Москвѣ.

Семейный домъ обычно дѣлился на двѣ части: мужскую и женскую. На женской половинѣ, въ дѣвичьей, всегда почти одна или двѣ горничныя гладили приносившимися дѣвочками изъ кухни утюгами какую-нибудь принадлежность дамскаго туалета, всего чаще юбки, разложивъ этотъ предметъ на положенной между двумя столами, а то и на особыхъ козлахъ, гладильной доскѣ, обтянутой сѣрымъ солдатскимъ сукномъ и холстиной, и энергично прыская на бѣлье набранной въ ротъ водой. Тутъ же въ дѣвичьей у особаго стола и за пяльцами сидѣли нѣсколько дѣвушекъ за шитьемъ или иной женской работой, а на столѣ возвышалась „болванка“,— сдѣланная изъ картона въ натуральную величину голова съ шеей и плечами, имѣвшая раскрашенное, на подобіе женскаго, лицо. На этой болванкѣ отдѣлывались и примѣрялись чепчики, куафюры и шляпы; при этомъ голова болванки бывала вся истыкана булавками, а носъ подшибленъ бла-

годаря паденіямъ болванки, а иногда шалостямъ дѣтей. Въ дѣтскихъ гдѣ-нибудь на мезонинѣ, на женской половинѣ и въ людскихъ жглись еще сальныя свѣчи въ виду дороговизны стеариновыхъ, „калетовскихъ", такъ звавшихся по фамиліи фабриканта, производившаго ихъ. Въ жилыхъ комнатахъ, мало провѣтривавшихся зимою, такъ какъ форточекъ было немного, а въ иныхъ домахъ ихъ и совсѣмъ не полагалось, а объ искуственной вентиляціи никто въ Москвѣ и понятія не имѣлъ,—курили для освѣженія воздуха „смолкой", конусообразнымъ предметомъ изъ бересты, туго набитымъ внутри приправленной чѣмъ-то въ родѣ ладана смолой, которая разжигалась уголькомъ и давала изрядный и сильно пахучій дымъ. Парадныя комнаты тоже освѣжались, но или раскаленнымъ кирпичемъ, положеннымъ въ мѣдный тазъ съ мятой, обливаемой уксусомъ, или особымъ раскаливавшимся круглымъ инструментомъ съ ручкой, на который лили какіе-нибудь духи.

Домашняя жизнь Московской интеллигентной семьи, обладающей извѣстнымъ достаткомъ, внѣшне протекала въ строго опредѣленномъ порядкѣ, который рѣдко нарушался. Рано утромъ, пока господа почивали, многочисленная, особенно на женской половинѣ, прислуга — (дворецкій, камердинеръ, дядька, буфетчикъ, ламповщикъ, выѣздной, буфетный мужикъ, поваръ и поварята, швейцаръ, истопникъ, дворникъ, мальчикъ, экономка, бонна, няня, горничныя разныхъ категорій, швеи, кухарка, поломойка, дѣвочки)—чистила и убирала остальныя, кромѣ спаленъ, комнаты, при чемъ чистка эта была достаточно поверхностная и основательно производилась только передъ большими праздниками. Но зато во время этой предпраздничной чистки все въ домѣ ставилось кверху дномъ, и въ комнатахъ дня два или три царилъ отчаянный безпорядокъ. На мужской половинѣ чистились ваксой сапоги (ботинки тогда носились въ видѣ исключенія), а одежда — вѣниками, въ сѣняхъ у „чернаго входа" или въ кухнѣ ставился самоваръ, а въ столовой накрывался столъ для утренняго чая и кофе, къ которому подавались горячіе филипповскіе калачи и соленые бублики. Къ $8^1/_2$ час. вся младшая часть семьи въ сопровожденіи педагогическаго персонала обязательно собиралась за чайнымъ столомъ, и тутъ происходили пререканія и раздоры изъ-за права на ручку отъ калача и пѣнки отъ сливокъ. Затѣмъ наступалъ дѣловой день: отецъ семьи уѣзжалъ по службѣ или по дѣламъ, барыня предавалась хозяйственнымъ или туалетнымъ занятіямъ, а дѣтей уводили наверхъ, — дѣвочекъ гувернантки, а мальчиковъ гувернеры, и засаживали за уроки.

Дѣти тогда, повидимому не менѣе любимые родителями, чѣмъ теперь, не вызывали, однако, столькихъ заботъ, особенно въ отношеніи гигіены, и не составляли безусловно преобладающаго элемента въ жизни семьи; имъ отводились комнаты наверху, въ мезонинѣ, часто низенькія, совсѣмъ не провѣтривавшіяся. Особой діэтѣ ихъ не подвергали, да и самое дѣло воспитанія въ значительной степени предоставляли наставникамъ и наставницамъ, слѣдя лишь за общимъ ходомъ его, а непосредственно вмѣшивались въ дѣтскую жизнь лишь въ сравнительно экстренныхъ случаяхъ. Во многихъ вполнѣ почтенныхъ семьяхъ розга примѣнялась къ дѣтямъ младшаго возраста, а затѣмъ была въ ходу вся лѣстница обычныхъ наказаній: безъ сладкаго, безъ прогулки, ставленіе въ уголъ и на колѣни, устраненіе отъ общей игры и т. п. Если попадались хорошіе наставники (что было не рѣдко), то дѣтямъ жилось, несмотря на воспрещеніе шумѣть при

старшихъ, вмѣшиваться въ ихъ разговоры, и пріученіе къ порядкамъ и хорошимъ манерамъ, легко и весело...

Въ 12 часовъ дня подавался завтракъ, опаздывать къ которому, такъ же какъ къ обѣду, никому не дозволялось, послѣ чего дѣтей вели гулять, а старшіе проводили время тоже въ прогулкѣ или выѣздахъ за покупками, съ визитами и т. п. Обѣдали обычно въ 5 часовъ. Къ этому времени, кромѣ живущихъ въ домѣ, приходили нѣсколько полу-гостей, то-есть, хотя и не принадлежащихъ къ семьѣ лицъ, но такъ или иначе близкихъ ей и пользовавшихся постоянно ея гостепріимствомъ, — остатокъ приживальщины, которая проявлялась еще и категоричнѣе, такъ какъ при семьѣ нерѣдко проживали бездомные старики и старушки, а иногда, но уже временно, до прісканія мѣста, и люди не старые. Въ 9 часовъ вечера сервировался въ столовой же общій чай, затѣмъ дѣти шли спать, а кромѣ того, часовъ въ 11 подавался чай уже въ гостиную или кабинетъ для взрослыхъ и гостей. Ужина не полагалось. Кушанья были не особенно изысканныя, но питательныя и вкусныя.

Вечерами, въ кабинетѣ или диванной, а то въ „угловой", устраивалась для старшихъ карточная игра, большею частью вистъ, а домашняя молодежь, къ которой присоединялись часто приходившіе въ семейные дома запросто, „на огонекъ", юные гости обоего пола,—веселилась въ залѣ и гостиной отъ души и тоже запросто, устраивая шарады (чаще по-французски) и другія игры, а иногда и танцуя подъ аккомпаниментъ кого-либо изъ своихъ. Угощеніе тутъ полагалось самое простое: яблоки, иногда апельсины и домашнія сласти, впрочемъ, фигурировали и конфеты отъ входившаго въ моду Эйнема, пряники (bâtons de roi) отъ Педотти и „studentenfrass" или „les quatre mendiants" — изюмъ, черносливъ, фисташки и миндаль. Устраивались также музыкальные вечера, въ которыхъ обычно принимала участіе, играя на фортепьяно, хозяйская дочка, а представителями струнныхъ инструментовъ бывали въ то время еще молодые музыканты: Герберъ, Кламротъ, Безекирскій и Шмидтъ. Исполнялась классическая камерная музыка: Бетховенъ, Гайднъ; часто устраивалась игра на двухъ фортепьяно въ восемь рукъ, а изрѣдка учинялись и домашніе спектакли; въ нихъ, помню, принимали участіе любители и знатоки этого дѣла А. М. Сухотинъ, В. Б. Бѣгичевъ, И. Н. Лашкевичъ.

Военной молодежи было въ Москвѣ немного и на домашнихъ вечерахъ собиралось всего больше студентовъ Московскаго университета. Я помню въ числѣ молодежи, бывшей у насъ въ ту пору, Н. Г. Рубинштейна, Ю. Давидова, графа Е. А. Саліаса, П. А. Капниста, графа В. А. Тизенгаузена, И. Н. Павлова, А. И. Гольденберга, В. П. Бѣгичева, Свербеевыхъ, Лопухиныхъ, Евреиновыхъ, Чичериныхъ, Воейковыхъ, Хомяковыхъ. Давались и настоящіе балы съ оркестромъ музыки (Сакса) и ужиномъ, но несравненно проще и менѣе роскошные, чѣмъ теперь; въ качествѣ прохладительнаго фигурировали почти исключительно оршадъ, лимонадъ и клюквенный напитокъ.

(Н. В. Давыдовъ „Изъ прошлаго", с. 17—22.)

---

187. Въ барскомъ домѣ.

(Изъ „Картинъ русскаго быта въ старину" — Н. Сушкова.)

1. Обѣдъ.

Въ домѣ почетнаго барина назначенъ обѣдъ, по случаю радостнаго дня рожденья пятидесятилѣтней подруги его. Наканунѣ, съ вечера, поваръ призванъ въ столовую на совѣщаніе.

Баринъ. Завтра у насъ гости.

Барыня. Надо постараться, чтобы не стыдно было чужихъ людей.

Поваръ. Кажется, всегда у насъ всего вдоволь.

Барыня. Горячее: супъ и уха.

Баринъ. Именинный пирогъ — въ полтора аршина, подать съ одной стороны, а кулебяку съ другой.

Поваръ. На холодное что прикажете?

Баринъ. На холодное—погорячѣе говядину, въ перекладку съ ветчиной.

Барыня. Потомъ блюдо рыбы.

Баринъ. Ну, а соусы — обыкновенное дѣло: красный соусъ, бѣлый соусъ, пуддингъ подъ ромомъ. Послѣ жаркаго хлѣбенное. Знаешь, этакъ, позозыристѣе. Вотъ это, что къ верху топырится балдахиномъ, съ обливными бисквитами, съ миндальнымъ печеньемъ, марцыпанами, съ сахарными вычурами...

Поваръ. Знаемъ-съ! сердечки изъ леденца, лавровые вѣнки изъ миндаля, грибки шоколадные, вензеля барыни и барышень...

Баринъ. Въ заключеніе — бланманже и желе.

Барыня. Теперь, поди съ Богомъ!...

Поваръ ушелъ. Господа легли почивать. На зарѣ они отправились къ заутрени, потомъ къ ранней обѣдни, потомъ отдохнули часокъ, другой, потомъ отслужили дома молебенъ съ водосвятіемъ и со слезами, въ полномъ смиреніи, отъ чистаго сердца, благодаря Бога за всѣ Его милости къ недостойнымъ рабамъ и неключимымъ грѣшникамъ. Тутъ баринъ и барыня пріодѣлись по-праздничному и сѣли другъ противъ друга въ гостиной на жесткомъ канапе, принимать поздравителей и подарки, за которые придется послѣ въ свой чередъ отдариваться. Вотъ скоро первый часъ. Столъ накрытъ, покоемъ, и установленъ зеркальными, серебряными и стальными плато, съ фонтанами и фарфоровыми куколками: маркизы съ собачками, китайцы съ зонтиками, пастушки съ посошками, пастушки съ овечками и барашками и т. д. Лѣтомъ скатерть должна быть усыпана цвѣтами: астры, васильки, желтыя шапки, ноготки, барская спѣсь и т. п. Люди умыты и причесаны. Долгополые сюртуки починены и почищены. Руки только не такъ бѣлы, какъ снѣгъ — всегда въ работѣ; а перчатокъ въ старину и господа не носили.

Съѣжаются гости. Они не киваютъ головой кой-кому мимоходомъ, не отдѣлываются полупоклономъ отъ хозяйки и пожатіемъ руки у хозяина; каждый гость и каждая гостья кланяются или присѣдаютъ, при входѣ въ пріемную, на востокъ и западъ, на полдень и полночь; потомъ мужчины подходятъ къ ручкѣ хозяекъ и всѣхъ знакомыхъ барынь и барышень — и уносятъ сотни поцѣлуевъ на обѣихъ щекахъ; барыня и барышни, расцѣловавшись съ хозяйками и удостоивъ хозяина ручки, въ свой чередъ лобызаются между собою. Послѣ такихъ трудовъ, хозяинъ приглашаетъ гостей, для подкрѣпленья силъ пофриштикать, или, какъ чаще говорилось тогда, перекусить до обѣда и глотнуть для возбужденія апетита. Крафины, штофы, бутылки съ водками, настойками, запеканки и закуски — чего хочешь, того просишь! „ѣшь — не хочу!...“ просто — роскошь Лукулла! разница только въ томъ, что древніе обжоры возлежали съ своими амфорами за трапезой, а новѣйшіе лакомки на ногахъ одолѣваютъ хоть какой завтракъ.

Столовый дворецкій важно провозглашаетъ: „кушать поставлено“. Всѣ встрепенулись, засуетились и двинулись изъ гостиной длиннымъ польскимъ, по-парно, чинно, въ столовую. Тутъ мужчины отправились на одну сторону, а барыни и барышни на другую. Мѣста заняты по лѣтамъ, чинамъ и значенію. Домашней прислугѣ за

всѣми не поспѣть, даромъ-что тогда не сдавали съ опорожненной тарелкой прибора, а все кушали, и сладкое и горькое, одною ложкою и вилкою, только ножи обтирая о корку хлѣба. Домашняя прислуга бѣгаетъ изъ буфета въ кухню, изъ кухни въ буфетъ, да обноситъ кругомъ стола кушанье и вино, всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ названій; а за спинами гостей стоятъ и зѣваютъ съ тарелками ихъ же собственные люди, прибывшіе за возками, санями и пошевнями. Хозяинъ и хозяйка радушно и упрямо — стоитъ Демьяновой ухи — угощаютъ всѣхъ и каждаго; а музыка съ хоръ, или изъ угла заглушаетъ всѣ молительные пожалуйте, покушайте!... покорно благодарю!... да отвѣдайте!... мочи нѣтъ!... хоть немножечко... пьютъ для друга, ѣдятъ для себя... такъ хлебните рябиновки... еще не прикажете-ли?... а музыка-то гремитъ — трещитъ — бурлитъ — и только стукотня стульевъ съ концемъ обѣда и шумъ возсоединенія разлученныхъ столомъ паръ, для обратнаго шествія въ пріемную, покрываютъ трескотню и пискотню домашнихъ скрипачей, барабанщиковъ и духоборцевъ: фаготъ, волторны и т. п. Между тѣмъ въ гостиной передъ главнымъ канапе столъ усѣянъ лакомствами: варенья, смоква, шептала и т. д.

Одолѣвъ три трапезы, надо отдохнуть — и начались опять рукоприкладства, ланитолобзанья, шарканья и присѣданья, съ поговорками: „не худо теперь на боковую"; „время къ Храповицкому..." „и сытъ и пьянъ..." „пора гостямъ со двора..." „Гость до обѣда соловей, а послѣ обѣда воробей..."

2. Балъ.

Въ старину и на балы сбирались, какъ на простые вечера: въ 6 часовъ двѣ плошки уже теплятся у крыльца, продувной фонарь озаряетъ дорогу отъ воротъ къ дому, на лѣстницѣ, по стѣнкамъ, горятъ, или, правильнѣе сказать, таютъ сальные огарки, въ прихожей цѣльная свѣча перемѣстилась изъ будничной бутылки, съ разбитымъ горлышкомъ, въ жестяной подсвѣчникъ, въ пріемныхъ покояхъ стеклянныя, на проволокахъ, подвѣски блестятъ отъ огня дрожащихъ и оплывающихъ въ люстрахъ свѣчей-аплике (сало, налитое въ восковой чехолъ), жирандоли ярко отражаются въ покрывающихъ простѣнки зеркалахъ, а на окнахъ маканыя (сальныя, толстофитильныя) свѣчи воткнуты въ деревянные, некрашенные треугольники, съ тремя жестяными горлышками по концамъ и на верхнемъ углу.

Открывается балъ. „Длинный польскій" потянулся извивистой змѣей по всѣмъ горницамъ. Степенные старички и почтенныя старушки, спутницы ихъ въ этой чинной прогулкѣ, выкидываютъ разныя продѣлки: то щеголевато кланяясь и присѣдая, то миловидно изгибаясь и повертываясь, то важно скользя и пошаркивая, то замысловато покачиваясь и прискакивая на одну ножку. Вотъ начинается отбой: непопавшіе въ польской мужчины, одинъ за другимъ, останавливаютъ первую пару и, хлопнувъ въ ладоши, отбиваютъ даму; кавалеры отвоеванныхъ дамъ достаются слѣдующимъ, переходя отъ одной къ другой; а кавалеръ послѣдней пары остается въ одиночествѣ. Иной стоически переноситъ остракизмъ и отправляется въ боскетъ или къ одному изъ картежныхъ столовъ, отдохнуть отъ своего подвига; а иной, преслѣдуемый обидными со всѣхъ сторонъ словами: усталъ! въ отставку! на покой! — отчаянно бѣжитъ къ первой парѣ и отбиваетъ даму. Смѣхъ, толкотня, недосказанныя рѣчи, недослушанные отвѣты, жданныя-нежданныя встрѣчи, извиненья, шутки, прибаутки весело

кончаютъ длинный польской, къ общему удовольствію...

Нельзя пройти молчаніемъ ручки и ножки нашихъ дѣдушекъ и бабушекъ. Ручки обыкновенно выгибались дугообразно, поднимались съ особенною важностію, опускались тихо, мѣрно и никогда не висѣли плетью, а всегда держались полукружіемъ, въ родѣ ненатянутаго тетивою лука. Что до ногъ: онѣ такъ были вывернуты, что, при первой постановкѣ танцующихъ пятки казались сросшимися близнецами. Не понимаю, какъ такія ножки ходили, танцовали, даже бѣгали и прыгали, да еще на превысокихъ каблукахъ!...

Вотъ длинный польской превратился въ круглый, со всѣми затѣями, попарными ходами, выходами и обходами, большими и малыми кругами, крестами, цѣпью и т. д. Вотъ рисуется важно-плавно-скучно-безсмысленный минаветъ. Вотъ выстраивается въ два ряда экосезъ или англезъ. Потомъ начинаются кадрили, не нынѣшнія, французскія, а простыя, препростыя кадрили съ вальсомъ, за ними — манимаска или краковьякъ, пергурдинъ или матрадура. Въ заключеніе — горлица или мятелица. Послѣ ужина — тампетъ или попури. Лѣтъ тридцать назадъ все это было поглощено безконечнымъ котильономъ, вѣтреннымъ гросфатеромъ и стукотливой мазуркой. Теперь угрожаетъ всѣмъ, прежнимъ и новѣйшимъ танцамъ нашествіе полекъ: полекъ скачущихъ и кружащихся, полекъ покачивающихся и трясущихся, полекъ змѣей изгибающихся и со стороны на сторону кидающихся, полекъ... да всѣхъ видовъ, ухватокъ и прелестей полекъ не уловить! кто бывалъ въ Польшѣ, тотъ по себѣ это знаетъ...

(Сб. „Раутъ“ на 1852 г., с. 449—471).

188. Возы пріѣхали.

— Возы, возы пріѣхали! — вдругъ начинали кричать братья и сестры. При этихъ крикахъ мы, дѣтишки, стремглавъ бросались къ окнамъ, и намъ было видно, что узенькая уличка, на которой стоялъ нашъ домъ, вся запружена нашими деревенскими возами...

Шумно и торжественно вносили крестьяне въ домъ кадки, бочки и боченки съ квашеной капустой, съ солониной, масломъ, творогомъ, сметаной, съ замороженными сливками. Наконецъ все разставлено по полу во всѣхъ комнатахъ, которыя принимаютъ видъ безпорядочнаго базара самой разнообразной снѣди. Выходныя двери закрываютъ, и начинается распаковка: ящики взламываютъ, узлы и мѣшки развязываютъ, рогожи разрѣзаютъ и оттуда извлекаютъ банки съ вареньемъ, горшки съ маринадами, мочеными яблоками, соленою рыбою, съ медовыми сотами, съ солеными и маринованными грибами и огурцами, вытаскиваютъ мороженныхъ куръ, поросятъ, индѣекъ, гусей и всякую дичину. Затѣмъ постепенно начинаютъ все это сортировать, что относятъ въ погребъ, что въ кладовушки и боковушки...

Если бы наша семья не могла получать изъ деревни провизіи, а также холста и кожъ, если бы крѣпостные не обшивали бы насъ съ ногъ до головы, если бы мы не жили въ деревнѣ по нѣскольку мѣсяцевъ въ году, мы не могли бы существовать, а тѣмъ болѣе жить на барскую ногу, какъ это было при отцѣ...

(Восп. Водовозовой. Сб. Мельгунова, „Крест. жизнь“, с. 14—16.)

189. Оброкъ натурой.

Всякой годъ около масляницы пензенскіе крестьяне привозили изъ-подъ

Керенска оброкъ натурой. Недѣли двѣ дотащился бѣдный обозъ, нагруженный свиными тушами, поросятами, гусями, курами, крупами, рожью, яйцами, масломъ и, наконецъ, холстомъ. Пріѣздъ керенскихъ мужиковъ былъ праздникомъ для всей дворни, они грабили мужиковъ, обсчитывали на каждомъ шагу и притомъ безъ малѣйшаго права. Кучера съ нихъ брали за воду въ колодцѣ, не позволяя поить лошадей безъ платы; бабы за тепло въ избѣ; аристократамъ передней они должны были кланяться кому поросенкомъ и полотенцемъ, кому гусемъ и масломъ. Все время ихъ пребыванія на барскомъ дворѣ шелъ пиръ горой у прислуги, дѣлались селянки, жарились поросята и въ передней носился постоянно запахъ лука, подгорѣлаго жира и сивухи, уже выпитой. Бакай послѣдніе два дня не выходилъ въ переднюю и не вполнѣ одѣвался, а сидѣлъ въ накинутой старой ливрейной шинели, безъ жилета и куртки, въ сѣняхъ кухни. Никита Андреевичъ видимо худѣлъ и становился смуглѣе и старше. Отецъ мой выносилъ все это довольно спокойно, зная, что это необходимо и отвратить этого нельзя.

Послѣ пріема мерзлой живности, отецъ мой—и тутъ самая замѣчательная черта въ томъ, что эта штука повторялась ежегодно—призывалъ повара Спиридона и отправлялъ его въ Охотный рядъ и на Смоленскій рынокъ узнать цѣны. Поваръ возвращался съ баснословными цѣнами, меньше, чѣмъ въ половину. Отецъ мой говорилъ, что онъ дуракъ и посылалъ за Шкуномъ или Слѣпушкинымъ. Слѣпушкинъ торговалъ фруктами у Ильинскихъ воротъ. И тотъ и другой находили цѣны повара ужасно низкими, справлялись и приносили цѣны повыше. Наконецъ, Слѣпушкинъ предлагалъ взять все огуломъ, и яйца, и поросятъ, и масло, и рожь, „чтобъ вашему-то здоровью, батюшка, никакого безпокойства не было“. Цѣну онъ давалъ, само собою разумѣется, нѣсколько выше поварской. Отецъ мой соглашался; Слѣпушкинъ приносилъ ему на спрыски апельсиновъ съ пряниками, а повару двухсторублевую ассигнацію.

(Соч. Герцена, т. II, с. 66.)

---

190. Обозъ.

..Покажется декабрь, и тысяча обозовъ
Изъ пристаней степныхъ пойдутъ за барышемъ,
И путь, уравненный отъ снѣга и морозовъ,
Начнутъ коверкать непутемъ.
Несутъ къ столицамъ ненасытнымъ
Что цѣлый годъ росло, а люди въ день съѣдятъ:
Богатства Русскія подъ видомъ первобытнымъ
Гречихи, ржи, овса и мерзлыхъ поросятъ,
И сельскихъ прихотей запасъ разнообразный,
Ко внукамъ бабушекъ гостинцы изъ села
И городскимъ властямъ невинные соблазны:
Соленые грибы, наливки, пастила.
Какъ муравьи они копышатся роями,
Какъ муравьямъ имъ счета не свести;
Какъ зміи длинные, во всю длину пути
Перегибаются лѣнивыми хребтами.
То разрываютъ снѣгъ пронзительнымъ ребромъ,
И застываетъ слѣдъ, прорѣзанный глубоко;
То разгребаютъ снѣгъ хвостомъ,
Который съ бока въ бокъ волочится широко.
Ужъ хлѣбосольная Москва
Ждетъ сухопутныя флотильи,
Въ гостепріимномъ изобильи
Ея повыбились права.
Всю душу передавъ заботливому взору,

Къ окну разъ десять въ день подхо-
дитъ бригадиръ,
Глядитъ и думаетъ: придетъ-ли по-
мощь въ пору?
Задастъ-ли съ честью онъ свой имя-
нинный пиръ?
Съ умильной радостью, съ слезой мяг-
косердечья,
Ужъ исчисляетъ онъ гостей почетныхъ
съѣздъ,
И сколько блюдъ и сколько звѣздъ
Украсятъ пиръ его въ глазахъ Замо-
скворѣчья.
Ужъ предначертанъ планъ, какъ дастся сытный бой,
Чтобъ быть ему гостей и дня того до-
стойнымъ;
Ужъ въ тѣсной залѣ столъ большой
Рисуется предъ нимъ покоемъ безпо-
койнымъ.
Просторъ локтямъ! изрекъ Француз-
ской кухни судъ,
Но намъ онъ не указъ: благодаримъ
покорно!
Другъ друга поприжавъ, намъ будетъ
всѣмъ просторно;
Вѣдь люди въ тѣснотѣ живутъ.
И хриплымъ голосомъ и брюхомъ на
виду,
Рожденный быть вождемъ въ служи-
тельскихъ фалангахъ,
Дворецкій съ важностью въ лицѣ и
на ходу
Разноситъ кушанья по табели о ран-
гахъ.
Дверь настежь: съ торжествомъ, какъ
витязь на щитахъ,
Толпой рабовъ осетръ выносится кар-
тинно,
За нимъ салфеткою спеленутую
чинно
Несутъ вдову Клико, согрѣтую въ ру-
кахъ...

(Соч. кн. Вяземскаго, т. IV, с. 29—30.)

---

191. Изъ записокъ сельскаго священника.

1.

Н. И—чъ унаслѣдовалъ отъ отца любовь къ пѣнію и музыкѣ до страсти. Съ чиномъ полковника онъ вышелъ въ отставку и изъ Петербурга пріѣхалъ въ свое имѣніе, село Б. Какъ артистъ, онъ, разумѣется, занялся прежде всего устройствомъ хора и оркестра. Отца его уже не было въ живыхъ, а мать тотчасъ уѣхала въ другую деревню и поселилась тамъ. Красавецъ собой, какъ бывшій придворный, съ утонченными манерами, всегда любезный, ласковый, говорящій всегда съ улыбкой на устахъ, гостепріимный до крайности, онъ всякаго обвораживалъ. Не полюбить и не привязаться къ нему всею душой было нельзя, — съ перваго разу, какъ вы познакомились съ нимъ. Вы, напримѣръ, пріѣхали къ нему и не застали обѣда. Вамъ отводятъ комнату и вы можете требовать, какихъ угодно блюдъ и какихъ угодно винъ. Хозяинъ не ужинаетъ; но вы идите къ себѣ и требуйте, что вамъ угодно.

Вечеромъ, въ извѣстный часъ, баринъ отправляется въ кабинетъ. Какъ только усядется за рабочій столъ, съ противоположной стороны двумя лакеями отворяется дверь и впускается статный, важный по виду и поступи, мужчина, въ черномъ фракѣ, накрахмаленный и раздушенный, съ портфелемъ подъ мышкой. Передъ глазами барина онъ отпираетъ портфель и подаетъ ему бумаги. Господинъ этотъ— это кухмейстеръ съ огромнымъ спискомъ всевозможныхъ яствъ. Баринъ внимательно просматриваетъ его, спрашиваетъ, совѣтуется, приказываетъ и противъ нѣкоторыхъ дѣлаетъ отмѣтку карандашомъ. Это значитъ, что онъ назначилъ обѣдъ на завтрашній день. Получивши обратно списокъ, уложивши его, на глазахъ барина, въ

портфель, щелкнувши замкомъ, кухмейстеръ съ поклономъ уходитъ и представляетъ списокъ на утвержденіе барынѣ, когда уже Н. И—чъ женился. Та одно утвердитъ, другое зачеркнетъ, а третье прибавитъ и возвращаетъ обратно. Отъ барыни списокъ несется къ управляющему домомъ, тотъ отсылаетъ въ контору. Писаря, въ нѣсколько рукъ, бросятся дѣлать выписки: однѣ — для кухни, другіе — для гостей и вообще обѣдающихъ, а третьи— снова переписывать весь списокъ, чтобы на завтра представить и на просмотръ барину и на утвержденіе барыни чистый — безъ отмѣтокъ. Списки кушаній клались передъ каждымъ обѣдавшимъ. Дворни было человѣкъ до 100. Сколько бы ни было гостей, но за обѣдомъ непремѣнно стояло по лакею за каждымъ стуломъ, и все это во фракахъ, накрахмалено, раздушено, въ бѣлыхъ перчаткахъ,— словомъ, каждый лакей — модная картинка. Чистота, вѣжливость, выдержка, или, какъ выражались господа, дрессировка прислуги была неподражаема. Несмотря на множество прислуги, не было ни шуму, ни толкотни, ни суетни, а все это какъ-то, какъ машина, невидимо и неслышимо передвигалось и перелетало.

Все идетъ до того плавно, что вы совсѣмъ не замѣчаете этого множества народу, окружающаго васъ. Въ обыкновенные, рядовые, дни вся прислуга находилась въ домѣ по дежурству; въ дни экстренные, когда собиралось много гостей, прислуживали всѣ. Пріятный въ обращеніи со всѣми, Н. И—чъ чрезвычайно ласково обращался съ прислугой: взрослыхъ онъ называлъ не иначе, какъ по имени и отчеству, напримѣръ, Виталій Ивановичъ, Дмитрій Петровичъ, а малолѣтковъ — Ваня, Ѳедя, Ѳеденька и т. п. и вдобавокъ самымъ нѣжнымъ, самымъ ласковымъ тономъ и съ улыбкой — непремѣнно.

Имѣніе Н. И—ча состояло изъ селъ Большаго Б., Малаго Б. и деревеньки, дворовъ въ десять, Е. Барская усадьба его, въ Большомъ Б., была чуть не уѣздный городъ: около большого барскаго дома стояло нѣсколько домовъ одноэтажныхъ и двухъэтажныхъ каменныхъ и множество деревянныхъ, и все это выкрашено, вычищено, убрано на славу. На барскомъ домѣ стояло двѣ башни, одна высокая, другая пониже (башня, что пониже, поставлена, когда Н. И—чъ женился). На одномъ изъ сосѣднихъ домовъ развѣвался зеленый флагъ на длинномъ шестѣ; подъ нимъ на крышѣ, на большой доскѣ, надпись „главный управляющій". На слѣдующемъ домѣ на шестѣ желтый флагъ и внизу вывѣска „управляющій овцеводствомъ" (овецъ было около 3000); на третьемъ— флагъ и вывѣска „управляющій конюшнями" (матокъ было штукъ 15 и штукъ 20 ѣзжалыхъ барскихъ); на четвертомъ—флагъ и вывѣска „управляющій мельницами" (два амбара и оба по 4 постава); далѣе: „управляющій винокуреннымъ заводомъ", „управляющій полями", „управляющій лѣсами" и, наконецъ, „завѣдующій хлѣбными магазинами", и все это—флаги и вывѣски, флаги и вывѣски... Потомъ слѣдовали однѣ только вывѣски: главная контора, главный конторщикъ, бухгалтеръ, контролеръ, птичница, главная больница, фельдшерская, аптека, кухня, людская, общая столовая, овчарня, конный дворъ, конюшня, птичій дворъ, рогатый скотъ и пр., безъ конца!... Когда самъ владѣлецъ или жилецъ подъ флагомъ были дома, то флаги развѣвались; какъ только онъ оставлялъ свою резиденцію, хотя бы просто пошелъ къ сосѣду, то флагъ опускался, что означало, что жильца подъ флагомъ нѣтъ дома. Одинъ несчастный мужичонка только и зналъ, что перебѣгалъ отъ однаго дома къ другому и поднималъ и опускалъ флаги...

2.

Въ 183* году уѣхалъ Н. И—чъ въ Петербургъ жениться. Мѣсяца черезъ два-три получается извѣщеніе, что такого-то числа Н. И—чъ изволятъ прибыть со своею молодою супругою въ имѣніе. За нѣсколько дней до пріѣзда разосланы были курьеры на множество станцій. Вездѣ поднялась возня: чистка травы въ саду, по площади, у церкви, возка и посыпка песку, приготовленіе плошекъ, фонарей, ракетъ; шитье, чинка и штопанье фраковъ, крахмаленье и глаженье бѣлья; уборка дома, разстановка цвѣточныхъ кадокъ и горшковъ; сыгрыванье, спѣвка, — словомъ, адъ кромѣшный. Всѣ суетятся, бѣгаютъ и ждутъ, какъ будто, что вотъ-вотъ земля перекувырнется: просто всѣ ошалѣли, — всякій трясьмя-трясется за свою шкуру. Наконецъ первый гонецъ скачетъ и кричитъ: „Н. И—чъ съ своею молодою супругою изволили благополучно прибыть въ г. П.“ (200 вер. отъ Б.). Скачетъ другой: „Н. И—чъ изволили благополучно прибыть въ село Д.“ А тамъ третій, четвертый... десятый! Наконецъ карета показалась на послѣдней горѣ передъ селомъ. Начался благовѣстъ; лишь только въѣхала карета въ село, зазвонили во всѣ колокола. Старичокъ-священникъ, мой родной дѣдушка, вышелъ изъ церкви въ ризахъ, съ крестомъ въ рукахъ, съ св. водой, съ иконами и хоругвями, и всѣ встали за оградой церкви. Н. И—чъ изволили благополучно прискакать къ церкви и выйти, супругу его благополучно фрейлины вынесли изъ кареты, и оба вмѣстѣ изволили приложиться ко кресту; дѣдушка мой окропилъ ихъ св. водой и пошелъ въ церковь, за нимъ пошли пѣвчіе и запѣли тропарь святителю Николаю; за пѣвчими послѣдовала молодая чета. Тотчасъ отслуженъ былъ благодарственный молебенъ съ многолѣтіемъ благополучно прибывшей въ свои владѣнія молодой четѣ. Чтобы задать шику по всѣмъ частямъ, по окрестнымъ деревнямъ наняты были на этотъ день отставные солдаты, которые, въ своихъ сѣрыхъ шинеляхъ, составили кругъ и охраняли отъ давки.

Барскія палаты находились отъ церкви саженяхъ въ 100. По высланной изъ Петербурга программѣ церемоніала, Н. И—чъ съ супругою должны были изъ церкви до дому итти пѣшкомъ. Отъ входа въ церковь до дому всѣ, и начальство и подчиненные, встали въ двѣ шеренги; между этими рядами пошли господа. Первымъ отъ церкви всталъ главный управляющій, за нимъ управляющіе отдѣльными частями; тамъ: главный конторщикъ, главный казначей, главный контролеръ, главный аптекарь, главный лѣкарь; далѣе: канцелярскіе чиновники, камеръ-лакеи, пѣвчіе, музыканты, повара, кучера и пр. и пр. Къ самому дому стали оборванные, испитые и избитые крестьяне, впрочемъ, наружу выпихнули тѣхъ, кто одѣтъ былъ получше. Порядка въ совершенной точности, кто за кѣмъ стоялъ, я теперь не упомню, но приблизительно это было такъ. Но, кажется, тутъ и не въ этомъ дѣло. Молодые пошли. Всѣ съ жадностью бросились цѣловать ихъ руки, а въ это время супругъ представлялъ своей молодой супругѣ всѣхъ, и по-одиночкѣ и цѣлыя группы. На колокольнѣ между тѣмъ отжаривали во всѣ колокола....

3.

Н. И—чъ всегда былъ хлѣбосоломъ и гостей былъ всегда полонъ домъ, но теперь молодой женѣ, родившейся и выросшей въ Петербургѣ, развлеченія были необходимы. Иначе ей житье въ с—ской глуши, да еще въ деревнѣ, было бы хуже каторги. Поэтому гости, музыка, пѣніе, фейер-

верки, гулянья по лѣсамъ, пикники— каждый день! Пѣніе и музыку самъ хозяинъ любилъ до страсти, и любилъ похвастаться передъ другими. Музыка въ домѣ, пѣніе въ саду, музыка въ горахъ, пѣніе въ лѣсу, музыка и пѣніе днемъ, ночью, вблизи господъ, въ отдаленности и т. д. и т. д. безъ конца. Послѣ разнообразныхъ удовольствій— музыки, пѣнія, танцевъ, гуляній и пр. Н. И—чу нерѣдко приходило желаніе позабавить гостей обѣдней. Онъ обращается къ нимъ и говоритъ: „А какъ у меня пѣвчіе поютъ обѣдню! Не угодно ли послушать?“ Гости, конечно, не прочь поразнообразить удовольствія. Н. И—чъ кричитъ лакею: „Дмитрій Θедоровичъ! сходи къ попу и вели ему завтра служить обѣдню“.

Дѣло давно за полночь. Лакей бѣжитъ, стучитъ въ окно и кричитъ: „Батюшка, вставайте! Н. И—чъ приказали завтра служить обѣдню!“ Дѣдушка мой, старичокъ за 75 лѣтъ, встаетъ и начинаетъ читать молитвы, читаемыя готовящимися къ причащенію. Благовѣстъ къ обѣднѣ начинался всегда въ 10 часовъ и продолжался часъ. Въ это время дѣдушка придетъ въ церковь, облачится, совершитъ проскомидію и сядетъ ждать Н. И—ча; посядутся и всѣ другіе и ждутъ. Н. И—чъ между тѣмъ въ это время изволитъ вставать по-барски, не торопясь, дастъ одѣть себя, умыть, побрить, напьется чаю, поиграетъ на скрипкѣ что-нибудь въ родѣ Паганини, походитъ по залу и посвиститъ какую-нибудь мазурку, потолкуетъ съ гостями на балконѣ и сдѣлаетъ распоряженія о вечернемъ театрѣ. Во все это время сторожъ стоитъ на колокольнѣ и съ господскаго дому не спускаетъ глазъ. Вдругъ выбѣгаетъ лакей и машетъ платкомъ. Это значитъ, что баринъ изволятъ выходить. Послѣ часового благовѣста времени прошло уже съ часъ. Увидѣвши лакея, сторожъ бросается забирать веревки. Лишь только Н. И—чъ показалъ свои ясныя очи, сторожъ и начнетъ откатывать во всѣ, и старается выдѣлывать штуки, въ родѣ трепака.

Н. И—чъ любилъ, чтобъ у него все было образцовое, и тутъ онъ хотѣлъ, чтобъ и онъ самъ и гости его, идя въ церковь, наслаждались колокольною музыкою. А для этого онъ посылалъ сторожа въ С—въ учиться звонить; при этомъ, само собой разумѣется, не обошлось безъ того, чтобы кучера не отзвонили разъ десять у него на спинѣ. Сторожъ, дѣйствительно, откалывалъ хватски. Въ церкви мгновенно всѣ встрепенутся и встанутъ на свои мѣста: станутъ пѣвчіе на клиросъ, дѣдушка мой противъ престола, станетъ діаконъ на амвонъ и поднимаетъ руку. Лишь только Н. И—чъ перенесетъ одну ногу черезъ порогъ церкви, регентъ шепчетъ діакону: „Начинай, начинай!“ И діаконъ забаситъ: „Благослови, Владыко!“ и обѣдня пойдетъ своимъ порядкомъ. Если обѣдня была не обыкновенная праздничная, а по заказу, какъ теперь, — на потѣху гостей, то Н. И—чъ бывалъ особенно внимателенъ къ пѣнію. Тогда, если кто, къ несчастью, чуточку сфальшивитъ, т.-е. вмѣсто діезной или бемольной нотки возьметъ простую, Н. И—чъ, пропуская мимо себя, послѣ обѣдни, пѣвчихъ, говаривалъ: „Ты, Саша, опять сфальшивила: въ „Достойно“ ля-діезное, а ты, Даша, въ концертѣ, въ „Пріидите“— ди-фисъ“. Нѣтъ нужды повторять въ десятый разъ, что это говорилось самымъ нѣжнымъ тономъ; даже иногда Н. И—чъ, улыбаясь, по подбородку погладитъ; но всѣ ужъ очень хорошо знали, что значили эти діезы и бемоли! Регентъ сейчасъ долженъ былъ сказать объ этомъ управляющему, а тотъ вписывалъ и Сашѣ и Дашѣ уже безъ всякой фальши. Цѣна діезовъ и бемолей была извѣстна — 25.

Вечеромъ эти же и Саша и Даша

должны были играть въ домашнемъ театрѣ на сценѣ и разыгрывать какихъ-нибудь княгинь и графинь. Въ антрактѣ баринъ входилъ за кулисы и говорилъ: „Ты Саша, не совсѣмъ ловко выдержала свою роль: графиня NN. должна была держать себя съ большимъ достоинствомъ“. И 15—20 мин. антракта Сашѣ доставались дорого: кучеръ пороль ее съ полнымъ своимъ достоинствомъ!... Затѣмъ опять та же Саша должна была или держать себя съ достоинствомъ графини, или играть въ водевилѣ и отплясывать въ балетѣ.

(Сб. Мельгунова, с. 28—35.)

XXXIV. Крѣпостное право.

192. О допущеніи въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ къ слушанію лекцій однихъ людей свободныхъ состояній. Рескриптъ на имя Мин. Нар. Просв. Шишкова.

(19 Августа 1827.)

Александръ Семеновичъ! Вамъ извѣстно, что почитая народное воспитаніе однимъ изъ главнѣйшихъ основаній благосостоянія Державы, отъ Бога Мнѣ врученной, Я желаю, чтобъ для онаго были постановлены правила, вполнѣ соотвѣтствующія истиннымъ потребностямъ и положенію Государства. Для сего необходимо, чтобъ повсюду предметы ученія и самые способы преподаванія были по возможности соображаемы съ будущимъ вѣроятнымъ предназначеніемъ обучающихся, чтобы каждый, вмѣстѣ со здравыми, для всѣхъ общими понятіями о Вѣрѣ, законахъ и нравственности, пріобрѣталъ познанія, наиболѣе для него нужныя, могущія служить къ улучшенію его участи, и не бывъ ниже своего состоянія, также не стремился чрезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ по обыкновенному теченію дѣлъ, ему суждено оставаться. Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ вашимъ занимающійся устройствомъ учебныхъ заведеній, призналъ сію необходимость; но въ настоящемъ порядкѣ много противно предположенному имъ правилу.

До свѣдѣнія Моего дошло, между прочимъ, что часто крѣпостные люди, изъ дворовыхъ и поселянъ, обучаются въ Гимназіяхъ и другихъ высшихъ учебныхъ Заведеніяхъ. Отъ сего происходитъ вредъ двоякій: съ одной стороны, сіи молодые люди, получивъ первоначальное воспитаніе у помѣщиковъ, или родителей нерадивыхъ, по большей части входятъ въ Училища уже съ дурными навыками и заражаютъ ими товарищей своихъ въ классахъ, или чрезъ то препятствуютъ попечительнымъ отцамъ семействъ отдавать своихъ дѣтей въ сіи Заведенія; съ другой же, отличнѣйшіе изъ нихъ, по прилежности и успѣхамъ, пріучаются къ роду жизни, къ образу мыслей и понятіямъ несоотвѣтствующимъ ихъ состоянію. Неизбѣжныя тягости онаго для нихъ становятся несносны, и отъ того они нерѣдко въ унынiи предаются пагубнымъ мечтаніямъ, или низкимъ страстямъ. Дабы предупредить такія послѣдствія, по крайней мѣрѣ въ будущемъ, Я нахожу нужнымъ нынѣ же повелѣть:

1) Чтобы въ Университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ Заведеніяхъ, казенныхъ и частныхъ, находящихся въ вѣдомствѣ, или подъ надзоромъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, а равно и въ Гимназіяхъ и въ равныхъ съ оными по предметамъ преподаванія

мѣстахъ, принимались въ классы и допускались къ слушанію лекцій только люди свободныхъ состояній, не исключая и вольно-отпущенныхъ, кои представятъ удостовѣрительные въ томъ виды, хотя бы они не были еще причислены ни къ купечеству, ни къ мѣщанству, и не имѣли никакого инаго званія.

2) Чтобы помѣщичьи крѣпостные поселяне и дворовые люди могли, какъ и доселѣ, невозбранно обучаться въ приходскихъ и уѣздныхъ Училищахъ, и въ частныхъ заведеніяхъ, въ коихъ предметы ученія не выше тѣхъ, кои преподаются въ училищахъ уѣздныхъ.

и 3) Чтобъ они также были допускаемы въ заведенія особеннаго рода, кои учреждены или впредь будутъ учреждаемы казною и частными людьми для обученія сельскому хозяйству, садоводству и вообще искусствамъ, нужнымъ для усовершенствованія, или распространенія земледѣльческой, ремесленной и всякой иной промышленности, но чтобы и въ сихъ заведеніяхъ тѣ Науки, которыя не служатъ основаніемъ или пособіемъ для искусствъ и промысловъ, были преподаваемы въ такой же мѣрѣ, какъ и въ уѣздныхъ Училищахъ.

(Клочковъ № 119, с. 183—184.)

---

193. О неповиновеніи крѣпостныхъ людей ихъ владѣльцу.

(Изъ Устава благочинія).

308. Для удержанія крѣпостныхъ людей въ повиновеніи и добромъ порядкѣ, помѣщикъ имѣетъ право употреблять домашнія средства исправленія и наказанія по его усмотрѣнію, но безъ увѣчья и тѣмъ менѣе еще съ опасностію ихъ жизни.

309. Когда владѣлецъ не пожелаетъ наказывать крѣпостныхъ своихъ самъ, или употребленные имъ способы наказанія и исправленія останутся безуспѣшными: то онъ можетъ прибѣгнуть къ правительству и просить законнаго съ его стороны содѣйствія.

311. За вины собственно противъ владѣльца или правъ его, равно какъ и за проступки полицейскіе, крѣпостные люди по его просьбѣ подвергаются или полицейскому наказанію, съ возвратомъ на прежнее жилище, или содержанію въ смирительныхъ и рабочихъ домахъ на срокъ, самимъ владѣльцемъ опредѣленный.

(Клочковъ № 130, с. 213).

---

194. Изъ Уложенія о наказаніяхъ.

1845.

I.

288. Возстаніемъ противъ властей, правительствомъ установленныхъ, почитается и всякое возмущеніе крестьянъ или дворовыхъ людей противъ своихъ помѣщиковъ, владѣльцевъ или управляющихъ и противъ волостныхъ и общественныхъ управленій.

1907. Крѣпостные люди за возмущеніе противъ своихъ господъ, или же лицъ, которымъ ихъ помѣщики передали на законномъ основаніи свою власть вполнѣ или съ ограниченіями, подвергаются

наказаніямъ, опредѣленнымъ въ статьяхъ 283—290 сего Уложенія, за возстаніе противъ властей правительствомъ установленныхъ.

1908. За всякое упорное неповиновеніе, хотя и безъ явнаго возстанія, господамъ своимъ, или лицамъ, которымъ отъ нихъ на законномъ основаніи передана ихъ власть, крѣпостные люди, въ случаѣ когда владѣлецъ, не желая самъ употребить предоставленныхъ ему по закону домашнихъ исправительныхъ мѣръ, даетъ знать о томъ надлежащему начальству, подвергаются, смотря по обстоятельствамъ,

болѣе или менѣе увеличивающимъ или уменьшающимъ сію вину,

наказанію розгами отъ двадцати до пятидесяти ударовъ.

Изъ сего исключаются лишь случаи, когда они не повиновались приказаніямъ противнымъ закону, и коихъ исполненіе сдѣлало бы ихъ самихъ участниками въ преступленіи.

1909. Крѣпостные люди за подачу на помѣщиковъ своихъ воспрещенной закономъ жалобы, подвергаются

наказанію розгами до пятидесяти ударовъ.

II.

1901. Помѣщики, изобличенные въ жестокомъ со своими крѣпостными людьми обращеніи, сверхъ учрежденія опекъ надъ ними и всѣми населенными ихъ имѣніями, лишаются права имѣть въ услуженіи своихъ крѣпостныхъ людей и подвергаются:

заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ двухъ до трехъ лѣтъ, съ потерею нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ;

или же, безъ лишенія сихъ правъ и преимуществъ, заключенію въ семъ же домѣ на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года,

смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе увеличивающимъ или уменьшающимъ вину ихъ.

1935. Если въ слѣдствіе нанесенныхъ не по неосторожности, а съ намѣреніемъ, хотя и безъ умысла на убійство, побоевъ или иныхъ насильственныхъ дѣйствій, причиняющихъ кому-либо смерть, то виновный въ семъ приговаривается:

къ заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ одного года до трехъ лѣтъ, съ потерею нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ; или къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года,

смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе увеличивающимъ или уменьшающимъ вину его;

сверхъ сего, если онъ Христіанинъ, то предается церковному покаянію, по распоряженію своего духовнаго начальства.

Когда съ симъ преступленіемъ было соединено и злоупотребленіе власти, то виновный сверхъ вышеозначеннаго наказанія, отдается, буде онъ помѣщикъ, вмѣстѣ со всѣми его населенными имѣніями, въ опеку, а если онъ токмо управлялъ имѣніемъ или домомъ по довѣренности, или же въ слѣдствіе какой-либо сдѣлки, то ему также, сверхъ означеннаго наказанія, воспрещается навсегда управлять населенными имѣніями или же крѣпостными дворовыми людьми

(Клочковъ. № 137 и 138, с. 230—231).

---

195. Изъ XV тома Свода Законовъ.

1846.

1680. — Тѣ изъ проступковъ и преступленій помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей, которые не подвергаютъ ихъ лишенію всѣхъ правъ состоянія, когда сіи преступленія или проступки учинены противъ помѣщика или его семейства, или противъ другихъ его крестьянъ, или дворовыхъ людей, подлежатъ расправѣ самого помѣщика или управляющаго имѣніемъ, и вѣдаются полиціями или Судами лишь въ томъ случаѣ, когда самъ помѣщикъ, не желая употребить предоставленныхъ ему по закону домашнихъ исправительныхъ мѣръ, дастъ знать о томъ надлежащему начальству. Когда же проступки и преступленія учинены крестьянами и дворовыми людьми не противъ самаго помѣщика ихъ или его семейства, или же крестьянъ или дворовыхъ людей, а противъ кого либо другого, то дѣла о томъ могутъ подлежать расправѣ

помѣщика или управляющаго въ такомъ лишь случаѣ, если самъ обиженный будетъ сего просить. Но если жалоба отъ него поступитъ къ мѣстному начальству, то дѣла сіи разсматриваются и рѣшаются въ полицейскихъ или судебныхъ мѣстахъ на общемъ основаніи.

1680. — Примѣчаніе. Во всѣхъ случаяхъ, въ коихъ на основаніи сей статьи право суда и расправы по преступленіямъ и проступкамъ крѣпостныхъ людей предоставляется помѣщикамъ, или управляющимъ ихъ имѣніями по довѣренностямъ, они могутъ подвергать его наказанію розгами до сорока или палками до пятнадцати ударовъ, или же аресту на время отъ одного до семи дней, а въ случаяхъ особенной важности и до двухъ мѣсяцевъ, съ тѣмъ, чтобы виновный былъ содержимъ въ сельской тюрьмѣ, сообразно съ правилами, вообще для тюремнаго заключенія постановленными. За преступленія и проступки еще болѣе важные, а равно и тогда, когда означенныя выше мѣры домашняго исправленія оказываются безуспѣшными, помѣщикъ можетъ отсылать крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей въ смирительные и рабочіе домы на время отъ двухъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ, или же въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на время отъ одного до шести мѣсяцевъ. Если помѣщикъ, по какимъ либо причинамъ, не пожелалъ употребить предоставленнаго ему закономъ права суда, или же признаетъ, что виновный заслуживаетъ наказанія болѣе строгаго, то можетъ отослать его въ полицію или Судъ для разсмотрѣнія дѣла и поступленія съ виновнымъ по правиламъ Уложенія о Наказаніяхъ. Впрочемъ людей, совершенно неисправимыхъ и вредныхъ, помѣщикъ имѣетъ право удалять навсегда отъ себя и своихъ имѣній, на основаніи статей 341, 342, 343 Устава о предупрежденіи и Пресѣченіи Преступленій.

(Клочковъ № 139, с. 231—2328).

---

196. Изъ записей женскихъ работъ.

Узоръ юбки декосовой. Такихъ [1]) въ часъ по 16, бумаги на 10 одну нитку; такихъ въ часъ по 12, на 10 одну нитку; такихъ въ часъ по 12, на восемь одну нитку. Астру въ часъ на двѣ нитки, пальму въ серединѣ 2 часа на 3 нитки; на фигуры, на каждыя двѣ фигуры мелкія по 2 съ половиной нитки, въ полчаса двѣ фигурки, выметка по 8 нитокъ...

Узоръ для М. П. по шертингу. Верхнія большія колечки по три нитки, въ часъ 6; во второмъ ряду колечки, на два колечка полторы нитки, въ часъ 6; въ послѣднихъ двухъ рядахъ колечки, по полунитки на колечко, въ часъ по 12 фигурокъ въ 10 минутъ каждая, и петля, и гладь на всѣхъ фигуркахъ нитка, на выметку 5 нитокъ на узоръ...

Узоръ для юбки С. П. На узоръ весь на одинъ надо бумаги 20; на выметку 3 нитки ровныхъ; шить въ 8 дней полосу одной, а всю юбку десять недѣль и четыре дня, по 3 полосы въ двѣ недѣли двумъ дѣвочкамъ...

Послано дѣвушкамъ работы, кисейныхъ оборокъ 8, Евгеніи, Раидѣ, Еленѣ; въ каждой полосѣ 12 узоровъ, шить каждой по 3 узора въ недѣлю, а въ 4 недѣли тремъ 3 полосы. Катѣ послано двѣ юбки, въ обоихъ 10 полосъ, каждую полосу въ 10 дней, и какъ дни будутъ покороче въ сентябрѣ, то въ 12 дней.

Сдѣлана сія записка на память. Большихъ дыръ, величиною можно вышивать въ часъ по пяти, а въ

---

[1]) Къ статьѣ приложены рисунки.

урокъ ихъ всегда полагается въ часъ четыре. Маленькихъ, величены такой въ часъ 25. Дырочекъ такой величены въ часъ 20. Дырочекъ такой величены въ часъ 15. Дырочекъ такой величены въ часъ 10. Паутинныхъ фигурныхъ въ часъ 9. Проводка такой величины въ часъ можно вышить столько, сколько здѣсь приведено (6—5×16 вершка). Фестоновъ выметать такой величены можно въ часъ 30 фигурокъ, и это все здѣсь записано съ прометкой. Разсчитывая такимъ манеромъ работу, можно работать 9 часовъ... Узоръ капота, который посланъ Ганькѣ шить, считая, что она сядетъ въ половинѣ Ноября и, кладя работы по пяти часовъ въ день, полу съ углами ей надо бы кончить было въ два съ половиною мѣсяца и три дня... Къ 1 марту 4 узора, а ихъ, считая отъ угла до половины капота, кругомъ подола уставится 9 узоровъ. Съ 1 Марта по 1 Апрѣля ей работать по 8 часовъ въ день, значитъ въ 5 дней узоръ, итого въ Мартѣ ей надо вышить 5 узоровъ; полагая на праздники и говѣнье двѣ недѣли, а третья Святая, итого три недѣли, значитъ къ 22...—

16 Декабря Елена на томъ же лоскутѣ сядетъ другимъ узорчикомъ оборки шить, по 14 фигурокъ въ день; тутъ ей работы на одну недѣлю и два дня, кончитъ къ Рождеству. Послѣ Святокъ, на томъ же лоскутѣ чепчикъ, на недѣлю работы, кончитъ 15 Января. Раидѣ съ 2 Декабря сѣсть за воротнички, отдѣлать одинъ воротничекъ съ узелками узоръ, съ нарукавниками, въ три недѣли; другой воротничекъ, узоръ листочки и мелкія дырочки, тоже воротникъ съ нарукавниками, въ три недѣли, кончитъ 28 Января; сѣсть за широкія оборки, которыя начали дѣвочки, въ недѣлю по 4 фигурки, въ этомъ лоскутѣ ей работы на двѣ недѣли — 15 Февраля. Катѣ съ 1 Декабря сѣсть дома въ Алексѣевкѣ за оборки, шить по 4 фигурки въ недѣлю, тутъ ей работы въ трехъ полосахъ на 18 недѣль, кончитъ къ 8 Мая, за исключеніемъ Святой и говѣнья. Прошивочки Раидѣ на двѣ недѣли по 4 узорчика въ день, по 16 Марта, еще двѣ оборочки по 12 узорчиковъ въ день, съ 15 Января на три недѣли и два дня, до 1 Марта. Еленѣ оборочки по 4 фигуры въ день, на недѣлю работы одна оборочка; прошивочки по 4 узорчика въ день, на недѣлю и 2 дня.

(А. Повалишинъ, Рязанскіе помѣщики, с. 77—79.)

---

197. Изъ приказовъ бурмистру.

...Начинать сѣять сколько можно ранѣе, если можно будетъ даже до Святой недѣли. Прошлаго года я вообще замѣчалъ, что овсы были очень рѣдки, въ сравненіи съ овсами у другихъ. Полагая, что это происходитъ отъ твоего недосмотра, ибо сѣмянъ отпускается довольно, — предписываю тебѣ въ нынѣшнемъ году непремѣнно посѣять весь овесъ при себѣ: чтобы лошадей сѣмяннымъ овсомъ не кормили и чтобы все отпущенное количество было посѣяно. Посланныя къ тебѣ сѣмена мадіи двѣ мѣры посѣять по окончаніи овсяннаго посѣва, т.-е. въ половинѣ Мая, на полудесятинѣ хорошей земли, подъ борону. Прежде я предписывалъ тебѣ посѣять маку 8 десятинъ, посѣй больше; если во время успѣешь, то 10 десятинъ, только какъ можно раньше, только-что снѣгъ сбѣжитъ, и подъ борону.

Яровое поле засѣять все, не оставляя ни десятины и не отдавать въ наймы. Для сего, гречиху начинай сѣять пораньше, чтобы успѣть во время отсѣяться, именно, начинай сѣять чрезъ недѣлю послѣ Николина дня (9 мая), т.-е. около половины Мая, если морозы перестанутъ. Мѣру сѣмянъ мадіи посѣять гдѣ нибудь на огородѣ

на пространствѣ четвертой части десятины, и посѣять немедленно по полученіи сего приказа.

Посѣвъ озимого сдѣлать во время, и не смотря ни на какую погоду, начинать посѣвъ 1 Августа, и въ Августѣ же постараться весь посѣвъ окончить. Сѣмена для посѣва готовить скорѣе, для чего брать четвертый день у крестьянъ. На землѣ, передвоенной съ осени, посѣй маку бѣлаго и сѣраго поровну; на лучшей затѣмъ землѣ посѣй проса десятокъ десятинъ; гороху посѣй столько, сколько сѣмянъ есть и поближе къ маку, для общаго караула; картофеля десятину также близь мака, для караула; пшеницей засѣй всю ту землю, которая была приготовлена подъ пшеницу Иваномъ Дроновымъ въ озимомъ полѣ; да кромѣ того, въ саду, гдѣ былъ картофель. Овса посѣй столько, сколько останется земли, за исключеніемъ нужной подъ гречиху. Къ посѣву мака и овса приступить тотчасъ послѣ полой воды, какъ только соха пойдетъ въ землю. Овесъ непремѣнно на четвертый или на пятый день послѣ посѣва перепахивать. При посѣвѣ овса тебѣ отъ крестьянъ отнюдь не отлучаться до тѣхъ поръ, пока всѣ сѣмена разсѣютъ. Я буду судить о твоемъ надзорѣ черезъ сравненіе нашихъ хлѣбовъ съ сосѣдними хлѣбами, и вообще буду благодарить тебя, или наказывать, соображаясь съ доходами сосѣдей, не принимая въ оправданіе ни качества земли, ни качество хлѣба. Еще разъ повторяю: держи ухо остро, потому что я начинаю уже сомнѣваться въ твоемъ усердіи, и если ты не постараешься оправдать себя дѣлами, я отдамъ тебя въ солдаты...—

(А. Повалишинъ, Рязан. помѣщики, с. 81—2.)

---

198. Какъ я получилъ волю.

I.

Насталъ вѣчно памятный для меня день—27-ое января 1824 года. Это былъ день перваго общаго собранія нашего сотоварищества (библейскаго). Его хотѣли обставить какъ можно торжественнѣе. Изъ уѣзда съѣхалось много помѣщиковъ. Въ залу засѣданія собрались почетные горожане и всѣ главныя чиновныя лица. Я выступилъ передъ собраніемъ съ отчетомъ, который составилъ къ этому дню, о дѣйствіяхъ и матеріальныхъ средствахъ товарищества, а въ заключеніе прочелъ рѣчь собственнаго издѣлія. Я говорилъ о высокомъ значеніи религіозныхъ истинъ, открытыхъ намъ Евангеліемъ, о благотворномъ вліяніи ихъ на частную и общественную нравственность и коснулся пользы, какую могутъ принести въ этомъ смыслѣ соединенныя усилія просвѣщенныхъ гражданъ посредствомъ распространенія книгъ св. писанія.

Мнѣ теперь кажется, что все достоинство моей рѣчи заключалось въ искреннемъ увлеченіи и юношескомъ пылѣ, съ какимъ я ее произнесъ. Это подкупило слушателей, большинство которыхъ къ тому же было ко мнѣ дружески расположено. Послѣдовалъ взрывъ энтузіазма, и мнѣ была сдѣлана настоящая овація. Собраніе единодушно постановило представить мою рѣчь главному президенту библейскихъ обществъ въ Россіи, министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князю А. Н. Голицыну, и ходатайствовать о позволеніи напечатать ее.

Не знаю, питали ли мои друзья, приходя къ этому соглашенію, какія-нибудь надежды на мой счетъ. Но на меня оно произвело дѣйствіе живительнаго луча. Въ сердце закралось предчувствіе близкаго необычайнаго рѣшенія моей участи. „Теперь или никогда, думалъ я; если этотъ случай

пройдетъ безслѣдно—тогда всему конецъ". Я отъ волненія лишился сна, аппетита, бродилъ какъ тѣнь, нигдѣ не находя покоя.

Такъ длилось около мѣсяца. Затѣмъ пришло письмо отъ князя Голицына на имя Астафьева. Князь писалъ, что „съ большимъ удовольствіемъ прочелъ доставленную ему рѣчь, которая свидѣтельствуетъ не только объ учености и талантѣ автора, но и о благородномъ образѣ его мыслей". При этомъ князь просилъ доставить ему слѣдующія свѣдѣнія: „кто авторъ рѣчи, какого онъ званія, возраста и имѣетъ-ли семейство?" Товарищество поспѣшило дать на все удовлетворительные отвѣты...

Получивъ требуемыя свѣдѣнія, онъ уже самъ отъ себя обратился къ графу (помѣщику, коему принадлежалъ авторъ). Онъ въ лестныхъ выраженіяхъ отзывался о моихъ способностяхъ и настаивалъ на необходимости дать имъ должное развитіе, чтобы онѣ могли быть употреблены на пользу общую. Одновременно князь писалъ вторично и Астафьеву; онъ извѣщалъ его о томъ, что вошелъ въ личныя по моему дѣлу сношенія съ графомъ.

Переговоры, сношенія, заявленія длились до апрѣля, а въ концѣ этого мѣсяца—меня вызвали въ Петербургъ!..

II.

Никогда еще, кажется, безусловная зависимость отъ чужой воли, не представлялась мнѣ такъ назойливо-осязательно, какъ въ томъ относительно мелочномъ обстоятельствѣ, что я не могъ явиться къ вызывавшему меня князю Голицыну безъ предварительнаго разрѣшенія графа. Мамонтовъ взялся выхлопотать мнѣ его.

Но пока я, какъ жукъ или муравей, тянулся къ свѣту по кучамъ мусора, въ высшихъ общественныхъ сферахъ произошло передвиженіе, грозившее гибелью и тѣмъ немногимъ шансамъ на успѣхъ, какіе у меня были. Въ городѣ разнесся слухъ объ интригахъ, вслѣдствіе которыхъ князь Голицынъ будто бы лишился милостей государя. Говорили, что онъ уже больше не министръ, что его разжаловали въ главноуправляющіе почтовымъ вѣдомствомъ. Его значеніе, такимъ образомъ, сильно падало въ глазахъ толпы: мнѣ скоро пришлось въ томъ убѣдиться.

Я долго старался не вѣрить зловѣщимъ слухамъ. Въ канцеляріи увѣряли, что и надпись на домѣ князя, по Фонтанкѣ: „Министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ", уже замѣнена другою: „Главноуправляющій почтовымъ департаментомъ". Я захотѣлъ удостовѣриться собственными глазами—и удостовѣрился. Едва вышелъ я на набережную рѣки, золотыя буквы еще свѣжей, очевидно, только что выведенной надписи острыми иглами вонзились мнѣ въ глаза. Боже мой! Только голодный, если бы у него вдругъ вырвали изъ рукъ кусокъ хлѣба, который онъ уже подносилъ ко рту, могъ бы понять то чувство отчаянія и безсильной ярости, внезапно охватившее меня. Чего еще ждать? Легкая зыбь на Фонтанкѣ такъ заманчиво рябила въ глазахъ... Я съ неимовѣрнымъ усиліемъ отвелъ отъ нея глаза и съ понурой головой вернулся въ свой уголъ. Настала страшная безсонная ночь. Я метался, какъ въ горячкѣ, и лишь утромъ настолько овладѣлъ собою, что пришелъ къ заключенію: не прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ, пока не услышу изъ устъ самого князя Голицына, можетъ ли онъ и хочетъ ли еще заняться мною.

Долго Мамонтовъ безуспѣшно добивался у графа для меня позволенія явиться къ князю Голицыну и, наконецъ, добился, только сославшись на порученіе, которое я имѣлъ отъ острогожскаго библейскаго сотоварищества.

— Пусть идетъ!—процѣдилъ сквозь зубы графъ. Потомъ, помолчавъ, съ

усмѣшкою прибавилъ:—князю теперь не до него!

Я поѣхалъ въ Царское Село на зарѣ, 8-го іюня. Несмотря на дошедшіе до меня послѣдніе успокоительные слухи о собственныхъ дѣлахъ князя, я находился въ крайнемъ смущеніи. Видъ грандіозной императорской резиденціи, среди лабиринта липовыхъ и дубовыхъ аллей, въ конецъ уничтожилъ меня, провинціала. Я показался себѣ изъ рукъ вонъ слабымъ и одинокимъ. Блѣдный, худой, одѣтый острогожскимъ портнымъ, я былъ похожъ на захудалаго семинариста, а никакъ не на отважнаго борца за собственную честь и независимость.

Князь помѣщался въ одномъ изъ дворцовыхъ павильоновъ. Дорогу къ нему мнѣ показалъ первый попавшійся сторожъ. Робко вошелъ я въ пріемную его сіятельства. Тамъ засѣдалъ сѣденькій старичекъ—камердинеръ. Онъ такъ ласково принялъ меня, такъ охотно пошелъ доложить обо мнѣ, что я мгновенно почувствовалъ облегченіе. Двѣ минуты спустя я былъ въ кабинетѣ князя. Истый провинціалъ, я не иначе представлялъ себѣ вельможу, министра, какъ въ блескѣ и величіи его сана, со всѣми атрибутами подавляющаго превосходства. И вдругъ—передо мной другой старичекъ, въ простомъ сѣромъ сюртукѣ, съ болѣе утонченнымъ лицомъ и манерами, но и менѣе почтеннымъ и добродушнымъ видомъ, чѣмъ первый. Онъ окинулъ меня пытливымъ взглядомъ, потомъ съ ласковой улыбкой движеніемъ руки пригласилъ въ глубь комнаты.

— Очень радъ съ вами познакомиться,—мягко заговорилъ онъ,—но не потревожили ли васъ такимъ внезапнымъ вызовомъ? Я думалъ, что человѣку съ вашими способностями не мѣсто въ глуши, и мнѣ захотѣлось открыть вамъ путь къ болѣе широкой дѣятельности. Только, какъ же это? Вы такъ молоды, вамъ надо еще учиться.

— Я самъ только объ этомъ и мечтаю, ваше сіятельство, — въ волненіи отвѣчалъ я, — получить настоящее серьезное образованіе... Вѣдь я прошелъ только одно уѣздное училище.

— Но, скажите, — снова началъ онъ, — какъ могли вы, такой еще молодой и безъ всякихъ средствъ, пріобрѣсти уже столько познаній и выработать себѣ литературный языкъ?

— Я читалъ все, что мнѣ попадало подъ руку, дѣлалъ выписки...

Ободренный участіемъ князя, я, какъ говорится, излилъ передъ нимъ душу. Я забылъ вельможу, сановника, видѣлъ только умнаго, добраго, опытнаго человѣка, который меня слушалъ съ явной симпатіей и готовъ былъ протянуть мнѣ руку помощи.

— Во всемъ этомъ, — сказалъ онъ, когда я кончилъ мою исповѣдь, — видна воля Божія. Вы должны послѣдовать ея указаніямъ. Нашъ вѣкъ полонъ тревогъ и волненій, и мы всѣ должны, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать благимъ результатамъ. Для этого необходимы люди даровитые и просвѣщенные. Вы должны присоединиться къ нимъ, но не прежде, какъ созрѣвъ въ мысляхъ и въ знаніи. Вамъ непремѣнно надо пройти университетскій курсъ.

— Но какъ этого достигнуть, въ моемъ положеніи, безъ подготовки?

— Ну, мы обо всемъ позаботимся. Я напишу графу, чтобы онъ не только васъ уволилъ, но и далъ вамъ средства окончить образованіе...

III.

[Потомъ] тучи на моемъ горизонтѣ опять сгустились. Не знаю, чѣмъ внушилъ я такую антипатію одному изъ графскихъ клевретовъ. Всего вѣрнѣе, онъ хотѣлъ прислужиться къ графу и предложилъ ему легкій способъ отъ

меня отдѣлаться, а именно безъ дальнѣйшихъ церемоній спровадить меня въ Алексѣевку, съ запретомъ куда бы то ни было впредь отлучаться, или же въ крайнемъ случаѣ, отправить школьнымъ учителемъ въ одну изъ подмосковныхъ вотчинъ. Уже и день моего отъѣзда былъ назначенъ, но отъ меня все это тщательно скрывалось, съ цѣлью застать врасплохъ. Къ счастью, одинъ изъ многихъ канцелярскихъ друзей еще во-время меня предупредилъ. Я въ отчаяніи опять бросился къ князю Голицыну: въ немъ одномъ видѣлъ я спасеніе. Онъ около этого времени переѣхалъ изъ Царскаго Села на Каменный островъ, и мнѣ не трудно было до него добраться. Но на самомъ порогѣ его дома—новое неожиданное препятствіе.

— Его сіятельство собираются къ Государю и сегодня никого не принимаютъ, — отвѣчалъ камердинеръ на мое заявленіе, что я желаю видѣть князя Александра Николаевича.

Но, вѣрно, его поразилъ мой растерянный видъ, потому что онъ вслѣдъ затѣмъ нерѣшительно прибавилъ: — Что вы... Развѣ ужъ такъ нужно? Нельзя отложить?

— Отложить, чтобы все пропало!— запальчиво воскликнулъ я, — это значить меня убить!

Добрый старикъ покачалъ головой, помялся на мѣстѣ, но въ заключеніе махнулъ рукой и пошелъ доложить. Я не успѣлъ опомниться, какъ меня позвали въ кабинетъ.

— Ваше сіятельство! — дрожа отъ волненія, торопливо заговорилъ я, — мнѣ грозитъ страшная бѣда... И я разсказалъ ему о моемъ случайномъ открытіи.

Лицо князя омрачилось. Онъ съ минуту помолчалъ, потомъ сказалъ:

— Успокойтесь! Даю вамъ слово, что сдѣлаю все, отъ меня зависящее, чтобы рѣшеніе это было отмѣнено. Отправить васъ назадъ ни съ чѣмъ несообразно, потому что вы заслуживаете лучшаго, а, во-вторыхъ, потому, что, вытребовавъ васъ сюда, мы лишили васъ и того, что имѣли. Я сейчасъ же напишу графу и надѣюсь, прибавилъ онъ съ значительною улыбкою, — что на этотъ разъ онъ не оставитъ меня безъ отвѣта.

Два дня спустя я узналъ, что планъ сбыть меня съ рукъ въ Алексѣевку или куда бы то ни было оставленъ. Но ему на смѣну явился другой и на этотъ разъ такой почетный въ глазахъ графскихъ служителей, что взволновалъ всю канцелярію. Дѣло шло о томъ, чтобы приблизить меня къ графу, однимъ словомъ хотѣли пожаловать меня въ его секретари. Эта блестящая мысль вошла въ голову дяди молодого графа, генерала, и онъ упорно на ней настаивалъ. Доброе мнѣніе обо мнѣ князя Голицына и его горячее заступничество возвысили мою цѣну въ глазахъ спѣсивыхъ баръ и усилили въ нихъ желаніе не выпускать меня изъ рукъ. Генералъ имѣлъ большое вліяніе на племянника и распоряжался его дѣлами, какъ своими.

Онъ потребовалъ меня къ себѣ, разсчитывая своимъ властнымъ словомъ сразу положить конецъ моимъ „дерзкимъ притязаніямъ“. Принятъ я былъ съ барской снисходительностью. Генералъ старался убѣдить меня, что я уже достаточно ученъ, что учиться мнѣ больше не слѣдуетъ, что я гораздо больше выиграю, не выходя изъ своего положенія.

— Все хорошо въ мѣру,—говорилъ онъ,—излишекъ въ просвѣщеніи такъ же вреденъ, какъ и во всемъ другомъ. Я готовъ устроить ваше счастье,—въ заключеніе прибавилъ онъ,—и потому совѣтую вамъ ограничить ваши желанія. Графъ хочетъ оставить васъ при себѣ секретаремъ. Ему нужны способные люди. Онъ современемъ займетъ важныя должности, и вы можете составить себѣ при немъ наилучшую фор-

туну. Что же касается свободы—я рѣшительно противъ нея. Люди, подобные вамъ, рѣдки, и надо ими дорожить.

Узелъ, слѣдовательно, еще больше затягивался. Теперь уже со мною не хотѣли разставаться, мною дорожили, я былъ нуженъ. То же подтвердилъ мнѣ и князь А. Н. Голицынъ, ѣздившій лично объясняться на мой счетъ съ молодымъ графомъ. Генералъ просилъ его, чтобы я „хоть малое время побылъ секретаремъ при молодомъ графѣ“...

IV.

Было у меня еще третье письмо, съ какимъ-то порученіемъ отъ Астафьева къ его родственнику по женѣ, К. Ѳ. Рылѣеву...

Кондратій Ѳедоровичъ посовѣтовалъ мнѣ изложить на бумагѣ главныя черты изъ моего прошлаго и принести ему, вмѣстѣ съ однимъ изъ моихъ сочиненій. Вооруженный этими документами, онъ сталъ вербовать новыхъ союзниковъ. Большую сенсацію, между прочимъ, произвела моя біографія въ кружкѣ кавалергардскихъ офицеровъ, товарищей молодого графа. Рылѣевъ былъ очень друженъ съ нѣкоторыми изъ нихъ. Они составили настоящій заговоръ въ мою пользу и положили сдѣлать коллективное представленіе обо мнѣ графу. Всѣхъ энергичнѣе дѣйствовали два офицера, А. М. Муравьевъ и князь Е. П. Оболенскій. Неожиданный натискъ смутилъ графа. Онъ не захотѣлъ уронить себя въ глазахъ товарищей и далъ слово исполнить ихъ требованіе.

Чего лучше, казалось бы. И мнѣ такъ думалось. Я ожилъ, считая мое дѣло выиграннымъ. Но дни шли, не принося перемѣны. Въ канцеляріи, напротивъ, даже разнесся слухъ, что графъ, уступая требованіямъ дяди-генерала, готовитъ мнѣ рѣшительный отказъ. Новые страхи, новое уныніе!

Но заступники мои не дремали. Они собирали новыя силы. Слухи о моихъ превратностяхъ проникли въ великосвѣтскіе салоны. Мною заинтересовались дамы высшаго круга. Одна изъ нихъ, графиня Чернышева, даже взялась лично атаковать за меня графа. Узнавъ о колебаніяхъ его, она прибѣгла къ слѣдующей уловкѣ.

У ней въ домѣ было большое собраніе. Въ числѣ гостей находился и молодой графъ. Графиня Чернышева подошла къ нему, съ привѣтливой улыбкой подала руку и во всеуслышаніе сказала:

— Мнѣ извѣстно, графъ, что вы недавно сдѣлали доброе дѣло, передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ другія добрыя дѣла ваши. У васъ оказался человѣкъ съ выдающимися дарованіями, который много обѣщаетъ впереди, и вы дали ему свободу. Считаю величайшимъ для себя удовольствіемъ благодарить васъ за это: подарить полезнаго члена обществу—значитъ многихъ осчастливить.

Графъ растерялся, расшаркался и пробормоталъ въ отвѣтъ, что радъ всякому случаю доставить ея сіятельству удовольствіе.

Въ самомъ дѣлѣ положеніе графа было затруднительное. Не умѣя самъ чего-нибудь сильно хотѣть или не хотѣть, привыкшій слѣдовать чужимъ внушеніямъ, онъ внезапно очутился между двухъ огней. Съ одной стороны его обычный руководитель, генералъ, съ другой—товарищи, великосвѣтскія дамы, общественное мнѣніе... Кому отдать предпочтеніе? Кавалергарды не пропускали ни одной встрѣчи съ графомъ безъ того, чтобы не говорить ему обо мнѣ. Бѣдный молодой человѣкъ не могъ ступить шагу безъ того, чтобы не услышать моего имени. Я, въ мою очередь, превратился въ его тирана. На выходѣ, во дворцѣ, завидѣвъ (А. М.) Муравьева и еще кого-то изъ товарищей, чтобы не слышать лишняго раза до смерти

надоѣвшаго ему припѣва обо мнѣ, онъ поспѣшилъ самъ предупредить ихъ:

— Знаю, господа, знаю,—сказалъ онъ,—знаю, что у васъ на умѣ: все тотъ-же Никитенко!

— Ты не ошибся, графъ,—отвѣчалъ Муравьевъ,—чѣмъ скорѣе ты съ нимъ раздѣлаешься, тѣмъ лучше.

Двадцать второго сентября товарищи графа всей гурьбой собирались къ нему справлять его именины. Они не преминули воспользоваться и этимъ случаемъ, чтобы напомнить ему обо мнѣ. Графъ опять далъ и на этотъ разъ уже „категорическое и торжественное обѣщаніе отказаться отъ своихъ правъ“ на меня.

Тѣмъ не менѣе въ канцеляріи не дѣлалось никакихъ распоряженій, которыя предвѣщали бы близкій конецъ моимъ терзаніямъ. Тамъ ничего не знали о давленіи на графа моихъ покровителей и продолжали считать мою участь рѣшенною отрицательно. Я, изъ опасенія дубовскихъ наушничествъ, держалъ все въ строгой тайнѣ, даже отъ Мамонтова.

V.

Прошелъ весь сентябрь и первая недѣля октября. „Категорическое и торжественное“ обѣщаніе графа ничѣмъ не отличалось отъ прежняго, простого, не обставленнаго такими громкими словами... Нѣтъ, никакая перемежающаяся лихорадка не можетъ такъ истомить человѣка, какъ истомили меня эти попеременные упадки и подъемы духа. Я не предполагалъ, чтобы графъ могъ совсѣмъ отказаться отъ своего слова, но недостойная игра его обѣщала затянуться надолго, а тамъ... кто могъ отвѣчать за будущее?

Я рѣшился во всемъ открыться расположенному ко мнѣ Мамонтову. Ему легче, нежели кому-либо, было вырвать у графа, вслѣдъ за обѣщаніемъ, и необходимый документъ съ его подписью. Слушая мой разсказъ о томъ, какъ графъ былъ со всѣхъ сторонъ атакованъ, онъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Онъ сожалѣлъ обо мнѣ, какъ о погибшемъ, а теперь вдругъ увидѣлъ меня наканунѣ побѣды, и я къ нему обращался за окончательнымъ ударомъ. Очень добрый, онъ былъ также самолюбивъ. Ему польстило мое обращеніе къ нему въ послѣднюю минуту, и онъ обѣщалъ свое содѣйствіе.

Насталъ великій для меня день 11-го октября 1824 г. Мамонтовъ, по обыкновенію, явился утромъ къ графу съ докладомъ и ловко навелъ рѣчь на меня. Едва произнесъ онъ мое имя, графъ нетерпѣливо перебилъ его:

— Что мнѣ дѣлать съ этимъ человѣкомъ?—съ раздраженіемъ заговорилъ онъ,—я на каждомъ шагу встрѣчаю ему заступниковъ. Князь Голицынъ, графиня Чернышева, мои товарищи-офицеры, всѣ требуютъ, чтобы я далъ ему свободу. Я вынужденъ былъ согласиться, хотя и знаю, что это не понравится (дядѣ).

Мамонтовъ сталъ тонко, осторожно доказывать, что голосъ общественнаго мнѣнія сильнѣе единичнаго, хотя бы и принадлежащаго лицу близкому, и потому необходимо поскорѣе удовлетворить первое. Главное было склонить графа, чтобы онъ тутъ же, на мѣстѣ, ни съ кѣмъ больше не видясь и не совѣтуясь, приказалъ написать отпускную. Не безъ усилій, но это удалось умному, доброму Мамонтову. Въ заключеніе графъ замѣтилъ:

— Однако, этому молодому человѣку все-таки надо хорошенько намылить голову за то, что онъ надѣлалъ столько шуму. Точно я не могъ самъ по себѣ сдѣлать того, что теперь дѣлаю изъ уваженія къ другимъ.

Мамонтовъ не заставилъ себѣ повторять приказанія на счетъ отпускной. Онъ немедленно ее выправилъ и представилъ къ подписи.

Я отказываюсь говорить о томъ, что я пережилъ и перечувствовалъ въ эти первыя минуты глубокой, потрясающей радости... Хвала Всемогущему и вѣчная благодарность тѣмъ, которые помогли мнѣ возродиться къ новой жизни!

(Никитенко. Дневникъ и записки, т. I, с. 115—128.)

XXXV. Старые порядки.

199. Старый судъ.

I. Уложенie о наказанiяхъ.

Раздѣлъ I. гл. II—о наказанiяхъ.

п. 18. На основанiи статьи 3 сего уложенiя, всѣ наказанiя, опредѣляемыя закономъ за преступленiя и проступки, принадлежатъ къ двумъ главнымъ разрядамъ: наказанiй уголовныхъ и наказанiй исправительныхъ.

п. 19. Опредѣляемыя закономъ наказанiя уголовныя суть слѣдующiя:

I. Лишенiе всѣхъ правъ состоянiя и смертная казнь;

II. Лишенiе всѣхъ правъ состоянiя и ссылка въ каторжныя работы; для людей же неизъятыхъ отъ наказанiй тѣлесныхъ, публичное наказанiе отъ тридцати до ста ударовъ плетьми чрезъ палачей, съ наложенiемъ клеймъ, и также ссылка въ каторжныя работы съ потерею всѣхъ правъ состоянiя;

III. Лишенiе всѣхъ правъ состоянiя и ссылка на поселенiе въ Сибирь; для людей же неизъятыхъ отъ наказанiй тѣлесныхъ, публичное наказанiе отъ десяти до тридцати ударовъ плетьми чрезъ палачей, но безъ наложенiя клеймъ, также ссылка на поселенiе въ Сибирь съ потерею всѣхъ правъ состоянiя;

IV. Лишенiе всѣхъ правъ состоянiя и ссылка на поселенiе за Кавказъ.

п. 21. Родъ и продолженiе каторжныхъ работъ, а для людей неизъятыхъ отъ наказанiй тѣлесныхъ и число ударовъ плетьми чрезъ палачей, опредѣляются по роду преступленiй и мѣрѣ вины, въ слѣдующей постепенности.

Степень 1. Работы въ рудникахъ безъ срока; наказанiе плетьми сто ударовъ;

Степень 2. Работы въ рудникахъ на время отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ; наказанiе плетьми отъ восьмидесяти до девяноста ударовъ;

Степень 3. Работы въ рудникахъ на время отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ; наказанiе плетьми отъ семидесяти до восьмидесяти ударовъ;

Степень 4. Работы въ крѣпостяхъ на время отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ; наказанiе плетьми отъ шестидесяти до восьмидесяти ударовъ;

Степень 5. Работы въ крѣпостяхъ на время отъ восьми до десяти лѣтъ; наказанiе плетьми отъ пятидесяти до шестидесяти ударовъ;

Степень 6. Работы на заводахъ на время отъ шести до восьми лѣтъ; наказанiе плетьми отъ сорока до пятидесяти ударовъ;

Степень 7. Работы на заводахъ на время отъ четырехъ до шести лѣтъ; наказанiе плетьми отъ тридцати до сорока ударовъ.

п. 28. Наложенiе клеймъ на осужденныхъ къ тому преступниковъ слѣдуетъ непосредственно за наказанiемъ ихъ плетьми чрезъ палачей, также публично и рукою палача. Оно состоитъ въ поставленiи, опредѣленнымъ для того способомъ, на лбу и щекахъ осужденнаго буквъ: К. А. Т. (т. е. каторжный). Достигшiе семидесяти лѣтъ и женщины не присуждаются къ наложенiю клеймъ.

п. 34. Опредѣляемыя законами наказанія исправительныя суть слѣдующія:

I. Потеря всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, какъ лично, такъ и по состоянію осужденнаго ему присвоенныхъ, и ссылка на житье въ отдаленнѣйшія или менѣе отдаленныя мѣста Сибири, съ временнымъ, въ опредѣленномъ для его жительства мѣстѣ, заключеніемъ, или безъ онаго; для людей же, неизъятыхъ отъ наказаній тѣлесныхъ, наказаніе отъ пятидесяти до ста ударовъ розгами чрезъ полицейскихъ служителей и отдача на время въ исправительныя арестанскія роты гражданскаго вѣдомства, съ потерею всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично или же по состоянію или званію ему присвоенныхъ.

II. Ссылка на житье въ другія, кромѣ Сибирскихъ, болѣе или менѣе отдаленныя губерніи, съ потерею всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, какъ лично, такъ и по состоянію осужденнаго ему присвоенныхъ, и съ временнымъ, въ опредѣленномъ для его жительства мѣстѣ, заключеніемъ, или безъ онаго; для людей же, неизъятыхъ отъ наказаній тѣлесныхъ, заключеніе въ рабочемъ домѣ, также съ потерею всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію или званію осужденнаго ему присвоенныхъ.

III. Временное заключеніе въ крѣпости, съ лишеніемъ лишь нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично или по состоянію осужденнаго ему присвоенныхъ, или же безъ лишенія оныхъ, смотря по роду преступленія и мѣрѣ вины.

IV. Временное заключеніе въ смирительномъ домѣ, съ лишеніемъ лишь нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично или по состоянію осужденнаго ему присвоенныхъ, или же безъ лишенія оныхъ, смотря по роду преступленія и мѣрѣ вины.

V. Временное заключеніе въ тюрьмѣ.

VI. Кратковременный арестъ.

VII. Выговоры въ присутствіи суда; замѣчанія и внушенія отъ мѣстъ судебныхъ или правительственныхъ; денежныя взысканія.

п. 79. Вмѣсто наказанія плетьми, виновные, подлежащіе оному, присуждаются къ наказанію шпицрутенами, когда, по закону или особому распоряженію правительства, они были судимы военнымъ судомъ.

п. 89. Въ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ заключеніе въ тюрьмѣ могло бы подвергнуть осужденнаго разоренію и лишенію средствъ къ пропитанію его семейства, оно можетъ быть замѣняемо для людей, не изъятыхъ отъ наказаній тѣлесныхъ, по усмотрѣнію суда, наказаніемъ розгами въ слѣдующей соразмѣрности:

1) Заключеніе въ тюрьмѣ на время отъ одного года до двухъ лѣтъ,—наказаніемъ розгами отъ пятидесяти до шестидесяти ударовъ;

2) Заключеніе на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года,—наказаніемъ розгами отъ сорока до пятидесяти ударовъ;

3) Заключеніе на время отъ трехъ до шести мѣсяцевъ,—наказаніемъ розгами отъ тридцати до сорока ударовъ.

п. 90. Наказаніе кратковременнымъ арестомъ можетъ, по усмотрѣнію суда или опредѣляющаго оное начальства, быть замѣняемо для лицъ, неизъятыхъ отъ наказаній тѣлесныхъ, наказаніемъ розгами въ слѣдующей соразмѣрности:

1) Арестъ на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ,—наказаніемъ розгами отъ двадцати до тридцати ударовъ;

2) Арестъ на время отъ семи дней до трехъ недѣль,—наказаніемъ розгами отъ пятнадцати до двадцати ударовъ;

3) Арестъ на время отъ трехъ до семи дней,—наказаніемъ розгами отъ десяти до пятнадцати ударовъ;

4) Арестъ на время отъ одного до трехъ дней,—наказаніемъ розгами отъ трехъ до десяти ударовъ.

II. Законы о судопроизводствѣ.

Раздѣлъ I, гл. I. Положенія общія.

п. 2. Производство слѣдствія и всѣ мѣры, къ оному относящіяся, принадлежатъ полиціи.

п. 3. Но какъ скоро слѣдствіе будетъ окончено, то дѣйствіе полиціи пресѣкается, и дѣло поступаетъ въ судъ.

п. 4. Исполненіе приговора есть дѣло полиціи.

Раздѣлъ IV, гл. III. О силѣ доказательствъ.

п. 304. Никто не долженъ быть присужденъ къ наказанію безъ точныхъ доказательствъ, или явныхъ уликъ въ преступленіи. Доказательства суть вообще двухъ родовъ: совершенныя и несовершенныя.

п. 305. Доказательства виновности почитаются совершенными, когда они исключаютъ всякую возможность къ показанію невинности подсудимаго.

п. 306. Одного совершеннаго доказательства достаточно для признанія осужденія несомнительнымъ.

п. 307. Доказательства виновности почитаются несовершенными, когда они не исключаютъ возможности къ показанію невинности подсудимаго.

п. 308. Одно несовершенное доказательство виновности вмѣняется только въ подозрѣніе; нѣсколько несовершенныхъ доказательствъ, совокупно взятыхъ, могутъ составить совершенное доказательство, когда они исключаютъ возможность недоумѣвать о винѣ подсудимаго.

п. 310. Вообще при изслѣдованіи силы доказательствъ наблюдать, что чѣмъ болѣе тяжко обвиненіе, тѣмъ сильнѣе должны быть и доказательства.

п. 311. Если доказательства недостаточны для совершенной достовѣрности въ винѣ подсудимаго, то не осуждать его къ тому наказанію, которое законъ опредѣляетъ за доказанное преступленіе, по тому общему правилу, что лучше освободить отъ наказанія десять виновныхъ, нежели приговорить невиннаго.

п. 313. Если противъ подсудимаго, при недостаткѣ полныхъ доказательствъ, есть однако же нѣкоторыя улики, то, судя по важности обвиненія и уликъ, или: 1) оставлять его просто въ подозрѣніи, болѣе или менѣе сильномъ, или 2) отдавать его подъ надежное поручительство въ добромъ впредь поведеніи, не освобождая его однако вовсе отъ подозрѣнія: ибо въ послѣдствіи времени могутъ открыться противу его новыя улики, по коимъ поручители должны быть обязаны представлять его къ суду, или же 3) давать ему присягу для очищенія подозрѣнія; если же судъ найдетъ, что по опасности клятвопреступленія присяги дать нельзя, то предавать дѣло волѣ Божіей.

п. 316. Собственное признаніе подсудимаго есть лучшее свидѣтельство всего свѣта.

п. 317. Признаніе подсудимаго почитается доказательствомъ совершеннымъ:

1) когда оно учинено добровольно;

2) когда оно учинено въ судебномъ мѣстѣ предъ судьею;

3) когда оно совершенно сходно съ происшедшимъ дѣйствіемъ;

4) когда показаны при томъ такія обстоятельства дѣйствія, по которымъ о достовѣрности и истинѣ онаго сомнѣваться невозможно.

п. 318. Если признаніе найдено будетъ во всемъ сообразнымъ предшедшимъ правиламъ, тогда не требуется

уже дальнѣйшихъ доказательствъ, и судья не можетъ опасаться учинить по дѣлу приговоръ.

п. 319. Къ собственному признанію надлежитъ приводить обвиняемаго увѣщаніями и уликами, но не домогаться онаго, какъ единственнаго способа къ обвиненію; ибо обвиненіе можетъ быть основано и на другихъ ясныхъ доказательствахъ, хотя бы и не было собственнаго признанія.

п. 320. Если при учиненіи признанія представляются такія обстоятельства, съ которыми происшедшее дѣйствіе не сходно, тогда признаніе не составляетъ совершеннаго доказательства, и судъ въ семъ случаѣ изыскиваетъ другія.

329. Свидѣтельство двухъ достовѣрныхъ свидѣтелей, не отведенныхъ подсудимымъ и совершенно согласныхъ въ своихъ показаніяхъ, составляетъ совершенное доказательство, если противъ онаго не будетъ представлено подсудимымъ достаточныхъ опроверженій.

п. 330. Показаніе одного свидѣтеля считается недостаточнымъ доказательствомъ, исключая:

1) когда будутъ притомъ и другія неоспоримыя доказательства;

2) когда учинена общая ссылка на одного;

3) когда показаніе учинено отцемъ или матерью противъ ихъ дѣтей.

п. 332. Если показанія свидѣтелей противорѣчатъ между собою, то принимать къ доказательству свидѣтельство тѣхъ изъ нихъ, кои, по числу и вѣроятности показываемыхъ ими обстоятельствъ, имѣютъ рѣшительный перевѣсъ.

п. 333. При равной степени достовѣрности законныхъ свидѣтелей, въ случаѣ противорѣчія ихъ, давать преимущество:

1) мужчинѣ предъ женщиною;

2) знатному предъ незнатнымъ;

3) ученому предъ неученымъ;

4) духовному предъ свѣтскимъ.

(Сводъ законовъ т. XV кн. I с. 4—20, кн. II, с. 3, 56—60. Изд. 1857 г.)

---

200. Въ провинціи.

(Изъ восп. И. А. Гончарова.)

Еще до наступленія зимы, я успѣлъ перезнакомиться со всѣми губернскими властями, предсѣдателями, совѣтниками палатъ, членами разныхъ правленій и многими, пріѣхавшими на житье въ городъ помѣщиками.

Почти всѣхъ этихъ членовъ, отъ большихъ до малыхъ, привязывало къ службѣ не одно жалованье, тогда незначительное. Какой-нибудь предсѣдатель палаты получалъ тысячи три, совѣтники — тысячи по двѣ съ половиной (ассигнаціями), а младшіе, правители дѣлъ, разные секретари и т. п., кто полторы, кто тысячу рублей; ниже спускалось до 700 и 300 рублей, даже менѣе.

Очевидно, жить этимъ было нельзя, иногда съ семействомъ, особенно въ провинціи, гдѣ даже у мѣщанъ водились свои лошади. Обѣдалъ всякій дома, клубовъ не водилось. Обѣдая въ гостяхъ, приходилось принимать и у себя: вездѣ расходъ. Чѣмъ же жили всѣ эти „служилые люди“? А доходами.

Отъ Якубова я узналъ исторію состоянія каждаго изъ губернскихъ тузовъ. Крупныя дворянскія состоянія, источники и количество доходовъ онъ, не знавшій только своихъ собственныхъ, зналъ отлично.— Вотъ у братьевъ Иглевыхъ,— говорилъ онъ:— до пяти сотъ тысячъ дохода: старшій живетъ роскошно, мотаетъ, а у младшаго, Н. М., никто никогда чашки чая не выпилъ. Сидитъ безвыѣздно въ деревнѣ. Самъ по утрамъ пьетъ молоко, а за обѣдомъ ѣстъ вареную

говядину съ кислой капустой. А домъ у него старинный, барскій, однѣ оранжереи чего стоютъ! Персики, ананасы свои...

— Вѣдь онъ ѣстъ же ихъ: не все одну капусту!—возражалъ я.

— Какъ не такъ,—ѣстъ! Все посылаетъ въ городъ на базаръ. На однихъ яблокахъ тысячъ пять получитъ въ годъ. А тронетъ въ саду яблоко мальчишка или баба—такъ вздуетъ!

Про другого говорилъ:

— А этотъ сотню тысячъ получитъ въ годъ, а проживаетъ двѣ—на псовую охоту.

Про чиновниковъ, дѣльцовъ, катаясь со мной по городу, сообщалъ много подробностей. Укажетъ бывало то на тотъ, то на другой домъ:—Вотъ это домъ совѣтника или предсѣдателя такого-то, — и разскажетъ при этомъ:—Онъ пріѣхалъ сюда, на мундиръ денегъ занялъ у меня, а теперь у него деревенька съ тремя стами душъ, да домикъ этотъ выстроилъ, женѣ изъ Москвы наряды выписываетъ, ведетъ большую игру.

— Откуда же все это: богатую невѣсту, что ли, взялъ?—спросишь.

— Нѣтъ, бѣдную дворяночку взялъ, сироту. Какъ откуда? Лѣтъ десять секретаремъ въ консисторіи пробылъ, тамъ нажилъ, потомъ губернаторъ Тмакинъ переманилъ его къ себѣ въ секретари, дѣльный былъ, а потомъ съѣздилъ въ Петербургъ, подмазалъ гдѣ слѣдуетъ и воротился предсѣдателемъ. Хапунъ, пострѣлъ! заключалъ онъ.

Обо всѣхъ отставныхъ и служащихъ онъ развивалъ передо мной такую же хронику. Отзывы эти проникнуты были брезгливостью. Честный морякъ, не знавшій даже доходовъ съ своего имѣнія, очевидно презиралъ этотъ способъ наживы. Отъ этого онъ бросилъ свою гражданскую губернскую службу.—„Нашему брату, дворянину, грязно съ ними уживаться“,—отзывался онъ.

Впрочемъ, весь городъ, т. е. все губернское общество, не только мирилось съ системой чиновничьихъ доходовъ, но даже покровительствовало ей. Плохенькаго, не умѣвшаго наживать этимъ способомъ или занимавшаго недоходное мѣсто — не носили на рукахъ.

Правительство, конечно, знало, что казеннаго жалованья не хватаетъ на прожитокъ, потому и не совало носа въ омутъ непривилегированныхъ поборовъ—стало-быть, терпѣло ихъ; по-французски есть вѣрное слово: tolerait.

Такіе поборы и не назывались взятками. Этимъ словомъ клеймили обыкновенно вымогательство, прижимательство, голую продажу правосудія въ уѣздномъ судѣ, въ палатѣ, въ процессахъ по имущественнымъ дѣламъ. Такіе судьи-лихоимцы были у всѣхъ на виду и на счету, и уваженіемъ не пользовались. Если въ обществѣ водились съ ними, то это только по личнымъ разсчетамъ.

— Хапунъ, пострѣлъ! — говорилъ Якубовъ при встрѣчѣ съ такимъ судьей, и быстро перекидывался на другую сторону линейки, чтобъ не отвѣчать на поклонъ.

Какіе же, спрашивается, доходы затѣмъ могли получать служащіе? Я недоумѣвалъ, но, перезнакомившись съ служебнымъ персоналомъ, я мало-по-малу проникъ взглядомъ въ губернскую бездну. Напримѣръ, я узналъ, что всякій священникъ или благочинный, обязательно представляетъ въ годъ двѣ книги въ консисторію, одну метрическую, другую не помню какую, прилагая, смотря по приходу, извѣстную сумму для секретаря: кто сто, кто двѣсти или и болѣе рублей. Можно сообразить, по числу приходовъ въ епархіи, какая почтенная сумма составлялась изъ такихъ приношеній.

А если къ этому прибавить бракоразводныя дѣла — то какъ было не нажить секретарю дома и деревни!

Точно также и въ губернской службѣ: городничіе, исправники представляли свои годичныя вѣдомости, отчеты и прочее, тоже „со вложеніемъ“ извѣстной суммы, иногда крупной, если въ этихъ отчетахъ и вѣдомстяхъ, т. е. въ городахъ и уѣздахъ, не все обстояло благополучно.

Давали не то что случайно, для покрытія какихъ-нибудь темныхъ дѣлъ, а такъ просто, по обычаю. И какъ не дать: пожалуй иной правитель дѣлъ, или лицо по особымъ порученіямъ, при случаѣ и напакоститъ, а получивъ подарочекъ — посовѣстится, и еслибы случился грѣшокъ, то замнетъ, промолчитъ.

Прошу замѣтить, что я говорю про давнопрошедшее время: теперь, вѣроятно, священники посылаютъ въ консисторію только однѣ книги, а городничіе и исправники — одни чистые отчеты, безъ „вложенія“ для секретарей.

(Соч. Гончарова, изд. Глазунова т. 9, с. 90—4.).

XXXVI. Новое хозяйство.

201. Взглядъ на Московскую выставку.

1831.

Московская выставка продолжаетъ обращать на себя общее вниманіе. Каждое утро она сборное мѣсто многочисленныхъ посѣтителей: на биржѣ, на площадяхъ, въ гостиныхъ, въ смиренныхъ жильяхъ простолюдина, въ кабинетахъ ученыхъ, она предметъ общихъ разговоровъ, наблюденій, пересудовъ. Москва болѣе нежели когда-нибудь, столица мануфактурная. Вельможи, дамы, чиновники, свѣтская молодежь, не говоря уже о мануфактуристахъ, промышленникахъ, торговцахъ, всѣ только и толкуютъ, что объ издѣліяхъ, всѣ какъ будто изъ-за станковъ, изъ мастерскихъ, всѣ вольноопредѣляющіеся кандидаты въ члены Технологическаго Института...

Устройство, расположеніе Московской выставки хорошо обдуманы и хорошо исполнены. Всѣ распоряженія приносятъ честь дѣятельности и вкусу тѣхъ изъ членовъ комитета, которые наиболѣе занимались ими. Здѣсь дано хорошее значеніе Русской поговоркѣ: товаръ лицомъ продается. И въ самомъ дѣлѣ еще прежде, нежели вниманіе свѣдущаго наблюдателя вникнетъ въ подробное изслѣдованіе предметовъ выставки, уже зрѣніе его пріятно поражено величествомъ и красивостью общей картины. Каждая зала имѣетъ свою живописную наружность и свое внутреннее достоинство. Зала, убранная разноцвѣтными шатрами изъ бумажныхъ издѣлій Титова, Урусова и другихъ, привлекаетъ взоры красивостью декораціи своей, а еще болѣе удовольствуетъ вниманіе, когда по пристальномъ разсмотрѣніи издѣлій, убѣдишься въ значительныхъ успѣхахъ, коими упомянутые почтенные фабриканты возвысили степень промышленности своей. Наряды Азіатской роскоши, которую присвоила себѣ и преобразила Европа, шали Гучкова, Колокольцовыхъ, Мерлиной служатъ великолѣпными обоями залы, ими обвѣшанной: здѣсь заглядятся не однѣ дамы, развлеченныя и озабоченныя выборомъ шали, платка, или шарфа, но и хладнокровные и безкорыстные знатоки, которые порадуются усовершенствованіямъ фабрикъ нашихъ и

пожелаютъ братьямъ Гучковымъ идти далѣе и далѣе по стезѣ, которую проходятъ они съ честью.—Разноцвѣтность, блескъ, обиліе шелковыхъ издѣлій придаютъ радужную яркость залѣ, содержащей въ себѣ богатства фабрикъ князя Юсупова, Кондрашева, Майкова-Доброхотова, Щеглова, Рогожиныхъ, Локтева, и другихъ состязателей ихъ въ сей отрасли мануфактурной, которая едва ли у насъ не опередила другихъ и по праву старшинства, и по новымъ успѣхамъ своимъ. То же должно сказать и о парчахъ золотыхъ и серебряныхъ и прочихъ издѣліяхъ того рода...—издѣлія сіи обращаютъ особенное вниманіе публики на имена Колокольникова, Полякова, Левина, Тюляева, отличающихся приношеніями своими на выставку отечественныхъ произведеній. Зала, обставленная фарфорами съ Имп. С.-Пб. завода, съ заводовъ Попова, братьевъ Гарднеровъ, хрусталями съ Имп. стеклянныхъ заводовъ, съ заводовъ Мальцовыхъ, Орлова, цвѣтными стеклами Амелунга переноситъ воображеніе въ область волшебства, застроенную чертогами зеркальными и хрустальными: но и очнувшись отъ поэтическихъ сновидѣній, найдешь въ залѣ сей на яву и передъ глазами побужденія къ чувствамъ истиннаго удовольствія. Здѣсь красота соединяется съ пользою, издѣліе возвышается до степени изящнаго искусства; здѣсь блескъ живописи, правильность, стройность, вкусъ въ отлитіи формъ преобразовываютъ грубыя вещества: песокъ и глину, въ предметы утонченной роскоши, предметы ежедневнаго и всеобщаго употребленія—въ драгоцѣнныя убранства великолѣпныхъ дворцовъ. Между сими торжественными созданіями искусства, вниманіе соотечественника обращается съ особеннымъ участіемъ на смиренный фарфоръ, присланный изъ Сибири. Если онъ никакъ не можетъ входить въ соперничество съ упомянутыми выше, то по крайней мѣрѣ онъ отмѣнно замѣчателенъ по относительной добротѣ своей, дешевизнѣ и по мѣсту своего происхожденія. Нѣтъ Урала для успѣховъ промышленности и просвѣщенія при благопріятномъ дѣйствіи правительства. По красивому и такъ сказать ваятельному расположенію нѣкоторыхъ изъ химическихъ произведеній, и самые профаны не пройдутъ безъ вниманія мимо отдѣленія, въ которомъ, между прочими, усовершенствованные труды заводчика Бесса занимаютъ отличное мѣсто. Въ настоящемъ развитіи промышленности химія и механика суть главнѣйшія опоры мануфактурнаго дѣла. Фабрикантъ, пренебрегающій посвященіемъ себя въ ихъ таинства, добровольно отказывается отъ пособій и выгодъ просвѣщенія.

Всего величественнѣе общая картина, открывающаяся предъ взорами при входѣ въ большую залу. Зала сія, сама по себѣ, есть уже прекрасное созданіе искусства: величиною, высотою, стройною и благородною простотою она заслужила Европейскую извѣстность. Нынѣ, когда обширное пространство ея наполнено разнообразными издѣліями отечественными, она истинно представляетъ видъ храма Русской промышленности. Вниманіе, болѣе или менѣе разсѣянное въ другихъ отдѣленіяхъ, перехожденіемъ изъ залы въ залу, здѣсь сосредочивается и возрастаетъ. Послѣ перваго объема, общее впечатлѣніе, раздробленное на впечатлѣнія частныя, ни мало не теряетъ силы своей: напротивъ оно питается подробностями. Здѣсь разнообразіе предметовъ, вынужденное обширностью залы, не позволяетъ входить въ отчетливое исчисленіе. Но если слѣдовать за разливами толпы, по мѣрѣ какъ тѣснится она къ тому или другому отдѣленію, то нельзя не упомянуть: о прекрасныхъ кле-

енкахъ фабрики Чурсинова, достигнувшихъ, кажется, до возможнаго совершенства; о тканыхъ картинахъ съ Имп. шпалерной фабрики, уже купленныхъ Московскимъ купцомъ Лепешкинымъ и заслуживающихъ общее удивленіе, а со стороны взыскательныхъ судей легкое порицаніе въ одномъ отношеніи рисунка; о саблѣ, или, правильнѣе, о сабельныхъ ножнахъ серебряныхъ, съ изображеніемъ сраженій... Металлическія издѣлія: желѣзныя, стальныя и чугунныя, удивляютъ наиболѣе чужестранныхъ посѣтителей мастерствомъ обработки и дешевизною цѣнъ. Косы, гвозди съ заводовъ Шепелевскихъ и другіе предметы съ прочихъ казенныхъ и частныхъ заводовъ, хотя и не имѣютъ за себя большинства тѣсноты въ приливахъ публики, но не менѣе того достойны они общаго вниманія и общей признательности. То же можно сказать и объ отдѣленіи издѣлій льняныхъ и пеньковыхъ: публика не заглядится на образцы равентуха, пестреди, полотенъ парусныхъ и другихъ, на канаты и снасти, но внимательный ревнитель пользы отечественной не пробѣжитъ мимо ихъ смиреннаго достоинства... Машины, физическіе и металлическіе иструменты, если такъ же недоступны любопытному участію всей публики, то весьма важны для нѣкоторыхъ. Уже замѣчено было, что въ тѣ дни, когда выставка открыта для всѣхъ посѣтителей, то около сихъ отдѣленій тѣснѣе, нежели въ другіе дни. Смѣтливость, переимчивость нашихъ мастеровыхъ и вообще простолюдиновъ, привычка ихъ учиться съ глаза объясняетъ это обстоятельство. Можетъ быть, симъ прогулкамъ по выставкѣ, сему курсу практическаго ученія, обязаны мы будемъ новымъ Жакартомъ, новымъ Кулибинымъ. И въ этомъ отношеніи инструменты, представленные адмиралтейскими заводами, машины, выставленныя фабрикантомъ Гучковымъ, который съ добросовѣстностью, благонамѣренностью и просвѣщенною откровенностью, достойными уваженія и подражанія, вводитъ любопытныхъ и совмѣстниковъ въ таинства искусства своего, отличная ворсостригальная трансверсальная машина Нильсена, модели г.г. Портнова и Лебедевыхъ и другія пособія изобрѣтательности и науки, приложенныя къ промышленности, важны и занимательны не только по искусству въ отдѣлкѣ, по общимъ въ нихъ потребностямъ художниковъ и всѣхъ образованныхъ людей, но и по дѣйствію и вдохновенію, которыя онѣ произвести могутъ въ простолюдинѣ, еще не постигнувшемъ тайны назначенія своего. Москва похвалиться можетъ двумя превосходными отечественными часовщиками: Носовымъ и Толстымъ. Произведенія ученаго искусства ихъ занимаютъ почетное мѣсто въ замѣчательнѣйшихъ предметахъ нынѣшней выставки. Жаль, что представлены ими одни стѣнные часы. Недостатокъ въ карманныхъ часахъ и крайняя скудость оружейныхъ издѣлій, равно предметовъ столь общаго употребленія, замѣчается съ сожалѣніемъ въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ промежутковъ тѣми изъ наблюдателей, которые справедливо желали бы въ выставкѣ болѣе полноты. Но для смягченія сихъ строгихъ судей, можно напомнить имъ, что нынѣшняя выставка есть только вторая въ Россіи и первая въ Москвѣ. Многаго нѣтъ, но довольно и того, что есть. Насладимся настоящимъ и понадѣемся на будущее.

Хотя произведенія чисто изящныхъ искусствъ и не входятъ въ составъ музея промышленности, но невозможно, и по высокости предмета, и по мастерству созданія не упомянуть съ отличною похвалою и съ чувствомъ удивленія къ Русскимъ врожденнымъ способностямъ, о бюстѣ Государя Им-

ператора, украшающемъ главную залу выставки. Онъ работы Петра Васильева Норманова, двороваго человѣка. Имя художника сего достойно извѣстности, уваженія и живѣйшаго участія...

(Соч. кн. Вяземскаго. Томъ II-й, с. 175—181.).

---

202. Русскій магазинъ.

...Сколько разъ, бывало, читая на раззолоченныхъ вывѣскахъ: „англійскій магазинъ, французскій магазинъ, голландскій магазинъ“, я думаю: „да почему же у насъ въ Москвѣ нѣтъ русскаго магазина?..“

Я вовсе не думалъ, чтобы эта мечта (о русскомъ магазинѣ), которая забавляла меня тому назадъ нѣсколько лѣтъ, осуществилась въ нынѣшнемъ году, не скажу вполнѣ, однакожъ, для первой попытки, весьма удовлетворительнымъ образомъ. Подъ руководствомъ предсѣдателя московскаго отдѣленія мануфактурнаго совѣта, барона Мейендорфа, составилось общество русскихъ фабрикантовъ, которые, нанявъ на Кузнецкомъ мосту прежде бывшій домъ г. Волынскаго, а нынѣ княжны Долгорукой, открыли въ немъ магазинъ русскихъ мануфактурныхъ издѣлій...

Если вы пріѣдете зимою въ этотъ магазинъ, то можете въ теплыхъ сѣняхъ отдать вашу шубу не швейцару, а заслуженному унтеръ-офицеру, у котораго грудь закрыта не шутовскою перевязью, а цѣлымъ рядомъ почетныхъ медалей. По мраморной красивой лѣстницѣ, уставленной цвѣтами, которые также продаются, вы взойдете въ верхнія сѣни, съ большимъ вкусомъ украшенныя зеркалами и колоннами подъ бѣлый мраморъ. Изъ этихъ сѣней вы входите въ небольшую проходную комнату; въ ней продаются косметическіе товары братьевъ Шевелкиныхъ, стальныя вещи Завьялова, и табакерки, подносы, ящики и разныя другія издѣлія фабрики г. Лукутина. Объ этой послѣдней фабрикѣ я уже говорилъ и могу прибавить только одно, что г. Лукутинъ продолжаетъ съ прежнимъ постоянствомъ улучшать произведенія своей фабрики, и что вообще его бумажно-лаковыя вещи становятся съ каждымъ годомъ отчетливѣе, красивѣе и прочнѣе. Придуманные имъ лѣпные барельефы на табакеркахъ и бумажные шарньеры истинно могутъ назваться образцовыми. Стальныя издѣлія Завьялова, которыя, если не ошибаюсь, продаются въ одномъ только русскомъ магазинѣ, заслуживаютъ также особеннаго вниманія. Попробуйте, хотя изъ любопытства, купить любой перочинный ножикъ его работы, и вы увѣритесь на самомъ опытѣ, что этотъ ножикъ, ни по наружной отдѣлкѣ, ни по внутреннему своему достоинству, не уступитъ ни нѣмецкому, ни французскому, ни даже... страшно вымолвить... Ну, да и то сказать: „волка бояться, въ лѣсъ не ходить“. Если ужъ я, отъявленный патріотъ, изъ уваженія къ нашимъ европейцамъ, не осмѣлюсь вымолвить правды, такъ кто же рѣшится ее сказать? Да, стальныя издѣлія Завьялова не уступаютъ ни въ чемъ того же рода издѣліямъ иностраннымъ, не исключая даже англійскихъ, и продаются несравненно ихъ дешевле. Впрочемъ, несмотря на мой патріотизмъ, я долженъ признаться, что до сихъ поръ это можно сказать объ однѣхъ только стальныхъ вещахъ Завьялова, въ особенности же ружья, дѣлаются несравненно лучше, прочнѣе и добросовѣстнѣе прежняго.

Во второй комнатѣ продается писчая бумага фабрики г. Усачева. Тутъ найдете вы всѣ возможные сорта бумаги, отъ самой дешевой до самой дорогой. Если вы замѣтите, что бумага англійская, голландская и француз-

ская, разумѣется, самаго высшаго достоинства, превосходнѣе той, которую вамъ здѣсь покажутъ, то я попрошу васъ вспомнить только о томъ, въ какомъ положеніи была у насъ эта мануфактурная промышленность лѣтъ пятнадцать тому назадъ, и вы тогда поневолѣ удивитесь ея быстрымъ успѣхамъ. Я увѣренъ даже, что вы не станете спорить со мною, когда я скажу, что мы хотя и отстали въ этомъ случаѣ отъ англичанъ, голландцевъ и французовъ, однакожъ, гонимся за ними и, конечно, рано или поздно, а непремѣнно догонимъ.

Вся третья комната занята хлопчато-бумажными издѣліями фабрикъ гг. Прохоровыхъ, Титова, Битепажа, Матвѣева и нѣкоторыхъ другихъ. Не говоря уже о коленкорѣ, ситцахъ, холстинкѣ, кашемирѣ и полубархатѣ, которые, конечно, ни въ чемъ не уступаютъ иностраннымъ, вы найдете тутъ и самые модные товары, напримѣръ: крепъ-шине, крепъ-рошель, и можетъ быть, узнаете въ нихъ вашихъ прежнихъ знакомыхъ, которые не такъ еще давно прикидывались французами.

То-же самое можно сказать и о шелковыхъ издѣліяхъ, которыя продаются въ четвертой комнатѣ. Особенно замѣчательны великолѣпныя парчи фабрики гг. Сапожниковыхъ. По сознанію самихъ иностранцевъ, московскія парчи, безспорно, самыя лучшія въ Европѣ, и если нужно подтвердить это какимъ-нибудь фактомъ, то я могу удостовѣрить моихъ читателей, что извѣстный пэръ Англіи, маркизъ Лондондери, котораго я имѣлъ удовольствіе знать лично, уѣзжая изъ Москвы въ свое отечество, купилъ на десять тысячъ рублей парчи въ здѣшнихъ городскихъ рядахъ...—Въ той же комнатѣ вы можете покупать русскія сукна фабрикъ гг. Невиля, Новикова, Тугариновыхъ, Четверикова и разныхъ другихъ. Это мануфактурное издѣліе, которое стоитъ наряду съ первыми и необходимыми потребностями каждаго европейскаго государства, идетъ быстрыми шагами къ совершенству...—Впрочемъ, изъ этого не должно заключить, что наши фабриканты достигли вполнѣ своей цѣли,—нѣтъ, русскія сукна (я говорю о самыхъ лучшихъ) требуютъ еще большихъ улучшеній. Я желалъ бы,—и почему не желать этого?—чтобъ наше сукно перваго сорта ни въ чемъ не уступало французскому сукну Лувье и англійскому Регенту.

Въ пятой комнатѣ продаются шерстяныя и полушерстяныя издѣлія, шали, платки, полутерно, мебельная матерія и шерстяная кисея (mousseline de laine) фабрики братьевъ Тучковыхъ; жилетныя матеріи и платки фабрики г. Локтева; шерстяныя и полушелковыя матеріи фабрики Рошефора. Всѣ эти издѣлія болѣе или менѣе могутъ замѣнять намъ привозные товары того же рода, а особливо шерстяная кисея братьевъ Тучковыхъ и жилетныя матеріи г. Локтева; эти издѣлія рѣшительно ничѣмъ не хуже иностранныхъ. Въ той же комнатѣ помѣщаются серебряныя и золотыя вещи фабрики г. Губкина, который можетъ назваться единственнымъ соперникомъ г. Сазикова, пріобрѣтшаго такую большую извѣстность своими серебряными издѣліями.

Вся шестая комната занята зеркалами г. Мелешкина. Тутъ нѣтъ колоссальныхъ зеркалъ, которыя отливаются на петербургской казенной фабрикѣ, но вообще всѣ зеркала очень чисты, правильны и продаются за весьма умѣренную цѣну.

Въ седьмой комнатѣ вы можете покупать прекрасные ковры фабрики г. Епанечникова; льняныя и пеньковыя издѣлія, накладное серебро и лакированныя вещи фабрикъ гг. Козмина, Эмме и Кондратьева. Средину комнаты занимаетъ огромная горка съ фарфоровыми и фаянсовыми вещами братьевъ Гарнеръ и хрусталемъ заводовъ гг.

Бахметьева и Мальцова. Превосходныя хрустальныя издѣлія сихъ заводовъ всѣмъ извѣстны. Можетъ быть, они нѣсколько уступаютъ въ достоинствѣ богемскимъ хрустальнымъ издѣліямъ; но не должно забывать, что богемскіе хрустальные заводы признаны первыми во всей Европѣ. Съ насъ будетъ покамѣстъ и того, что мы въ этой мануфактурной промышленности, если не опередили, то ужъ, конечно, не отстали отъ англичанъ и французовъ; тѣ, которые никакъ не хотятъ съ этимъ согласиться, говорятъ, между прочимъ, что англійскій хрусталь тяжелѣе, какъ будто бы не чистота и совершенство отдѣлки, а тягость составляютъ достоинство хорошаго хрусталя. Будь англійскій хрусталь легче, тогда бы эти господа стали говорить: „Ну, конечно, русскій хрусталь недуренъ, но онъ несравненно тяжеле англійскаго“. Фарфоровыя и фаянсовыя издѣлія братьевъ Гарнеръ, кромѣ существенной своей доброты и отчетливой отдѣлки, отличаются особенно своей неимовѣрной дешевизной...

Ну, вотъ, любезные читатели, вы прошлись со мною по всему русскому магазину. Не правда ли, что мечта моя осуществилась на первый случай весьма удовлетворительнымъ образомъ? Мнѣ помнится, я хотѣлъ, между прочимъ, чтобъ всѣ приказчики м о е г о русскаго магазина были люди ловкіе, любезные и всѣ безъ исключенія говорили по-французски. Кажется, и это желаніе не вовсе осталось безъ исполненія. Управляющій конторою магазина, г. Быковскій, умный, просвѣщенный и любезный молодой человѣкъ, знаетъ иностранные языки; всѣ приказчики весьма вѣжливые молодые люди, ловкіе, предупредительные; не знаю, говорятъ ли они по-французски, но могу васъ увѣрить, что по-русски они изъясняются, какъ люди образованные, и вовсе не походятъ на прежнихъ нашихъ гостинодворцевъ, изъ которыхъ иному и теперь еще можно сказать: „конечно, любезный, ты носишь фракъ, повязался ѳалстукомъ и бороду себѣ выбрилъ, а все бы не мѣшало тебѣ умыться“.

(М. Загоскинъ. Москва и москвичи, с. 270—7.)

---

203. „Событіе“.

Разсказъ купца Рыбникова объ обѣдѣ въ Зимнемъ дворцѣ 13 мая 1833 г.

Въ С.-Петербургѣ, въ бытность мою, Рыбникова, 13-го мая 1833 г., е. и. в. всемилостивѣйшій государь императоръ Николай Павловичъ, по случаю выставки россійскихъ произведеній, изволилъ назначить въ Зимнемъ дворцѣ царскій обѣденный столъ на 500 кувертовъ, къ которому были приглашены по билетамъ, по высочайшему повелѣнію, въ три часа, а какъ всѣ собрались въ концертную залу, гдѣ стояла водка и закуска, то желающіе пили водку и закусывали; потомъ къ столу были первые прошены московскіе фабриканты, за ними с.-петербургскіе заводчики изъ дворянскаго сословія и изъ иностранцевъ, потомъ всѣ высшіе чины: предсѣдатель гос. совѣта, его свѣтл. Кочубей, министры, генералъ-адъютанты, посланники дворовъ и всѣ военныя и статскія перводклассныя особы, члены мануфактурнаго и коммерческаго совѣтовъ и комитета выставки и с.-петербургское первыхъ двухъ гильдій купечество; всѣмъ были назначены свои мѣста, а что болѣе удивило—по назначенію самого императора, въ томъ столѣ, гдѣ самъ государь съ государыней и весь императорскій дворъ намѣрены кушать, назначены восемь персонъ сидѣть за тѣмъ-же столомъ, а именно: по лѣвую руку императора: 1) мануфактуръ-совѣтникъ, суконный фабрикантъ, Иванъ Назаровъ Рыбниковъ,

2) мануфактуръ-совѣтникъ Гаврила Никитинъ Урусовъ, 4) мануфактуръ-совѣтникъ Павелъ Назаровъ Рагожинъ, 4) с.-петербургскій градскій глава Кукушкинъ, 5) мануфактуръ-совѣтникъ Иванъ Михайловъ Кандрашовъ, 6) московскій первой гильдіи купецъ, суконный фабрикантъ, Илья Семеновъ Бабкинъ, 7) с.-петербургскій первой гильдіи купецъ, мануфактуръ-совѣтникъ, сахарный заводчикъ и кавалеръ, Прокопій Ивановичъ Пономаревъ, 8) заводчикъ химическихъ произведеній, московскій первой гильдіи купецъ и членъ коммерческаго банка Василій Логиновичъ Лепешкинъ.

Пришла та минута, шествовали въ ту георгіевскую залу, гдѣ былъ накрытъ столъ. Государь и императрица рядомъ ручка съ ручкою; за ними наслѣдникъ престола, цесаревичъ, великій князь Александръ Николаевичъ, а за нимъ великія княжны, рядомъ, Марія и Ольга Николаевны, а за ними великій князь, е. и. выс-во Михаилъ Павловичъ.

И какъ скоро императоръ и императрица изволили подойти къ двери, то всѣ ихъ величеству присутствующіе кланялись, на что самъ императоръ и императрица изволили кланяться, и потомъ обошелъ столъ до половины и поперегъ стола изволилъ сѣсть государь императоръ противъ самой двери, откуда изволилъ взойти, а напротивъ его изволила сѣсть государыня императрица; тожъ въ половинѣ стола у самаго входа двери, откуда изволили шествовать, по правую руку е. и. в. сидѣлъ великій князь цесаревичъ наслѣдникъ престола, а подлѣ его великія княжны старшая и младшая рядомъ, и возлѣ ихъ величествъ статсъ-дама Кочубей, по лѣвую руку государыни императрицы изволилъ сидѣть вел. кн. Михаилъ Павловичъ, возлѣ его. выс-ва двѣ фрейлины государыни императрицы, а возлѣ ихъ предсѣдатель государственнаго совѣта, его свѣтл. Викторъ Павловичъ Кочубей, и такъ далѣе по классамъ и всѣ чины по старшинству.

Возлѣ государя императора по праву руку сидѣлъ министръ финансовъ гр. Егоръ Францовичъ Канкринъ, возлѣ него иностранные министры, посланники дворовъ и такъ далѣе, а по лѣвую, рядомъ съ императоромъ, сидѣлъ помянутый фабрикантъ мануфактуръ-совѣтникъ и кавалеръ Рыбниковъ, съ которымъ е. и. в. изволилъ во весь столъ кушавши разговаривать, и священныя е. и. в. слова остались незабвенными у всеподданнѣйшаго и въ потомствѣ его, Рыбникова.

Еще два стола были поставлены къ помянутому первому столу и обозначали литеру покой, за которыми сидѣли: по правой сторонѣ въ одномъ столѣ московскіе фабриканты и заводчики, тожъ и с.-петербургскіе и многія особы изъ дворянъ, имѣющія фабрики и заводы. Въ другомъ столѣ, по лѣвую сторону, с.-петербургскіе купцы первой и второй гильдіи и первоклассные чины, всѣ тѣ, кои были приглашены по билетамъ, военные и статскіе.

Билетъ былъ въ слѣдующихъ словахъ напечатанъ: „Къ назначенному по случаю выставки отечественныхъ мануфактурныхъ произведеній обѣденному столу, по высочайшему повелѣнію, приглашаетесь вы пожаловать въ Зимній е. и. в. дворецъ сего 13-го мая, вѣ субботу, въ 3 часа пополудня“.

Е. и. в. всемилостивѣйшій государь Николай Павловичъ, во время стола, изволилъ говорить со мною, Рыбниковымъ.

Сперва государь императоръ изволилъ сказать:—„Кажется, мануфактура наша скорыми шагами идетъ впередъ, я очень радъ“. Имѣлъ счастіе Рыбниковъ отвѣчать: — Всемилостивѣйшій государь! мы въ Москвѣ бы-

ли въ великомъ унынiи и страхѣ.— „Отчего“?— У насъ разнеслись слухи, в. и. в., яко-бы на всѣ мануфактурные товары пошлина уменьшится и многiе артикулы вовсе дозволятся везти безъ пошлины.—„Это неправда, но, напротивъ, увѣряю васъ, что тарифъ вновь будетъ разсмотрѣнъ, и на нѣкоторыя статьи пошлина надбавится, а нѣкоторыя мануфактурныя издѣлiя и вовсе будутъ запрещены“.—Государь, это единственная будетъ польза для отечества и всѣхъ сословiй въ государствѣ в. и. в.

— „Выставкой я очень доволенъ, нашелъ всѣ издѣлiя и прочiя вещи слишкомъ хороши“.— Государь, я отъ всѣхъ фабрикантовъ всеподданѣйше благодарю в. и. в.—„Московскiе фабриканты достойны вниманiя по своимъ издѣлiямъ; что Кожевниковъ и его фабрика?“—Въ большомъ разстройствѣ, в. и. в., теперь всѣмъ его имѣнiемъ распоряжается конкурсъ.—„Можетъ-ли фабрика его когда-либо поправиться?“ — Въ скоромъ времени ожидать нельзя, в. и. в.—„Жаль, что такъ случилось, а фабрика была знаменитая; онъ самъ виноватъ; а ваша фабрика идетъ хорошо?“— Слава Богу, в. и. в.—„Что, на Кяхту вы много продали?“— До девяти тысячъ штукъ, в. и. в.—„Отчего въ Москвѣ тонкими сукнами въ сбытѣ затрудняются, я слышалъ?“

— Полагаю потому, в. и. в., что въ Москвѣ и ея округѣ, въ теченiе трехъ лѣтъ, до двухъ сотъ фабрикъ вновь развели и умножилось количество, а покупатели все тѣ-же, да къ тому-же и изъ Польши везутъ очень много тонкихъ суконъ, поелику пошлина взимается почти ничтожная, въ сравненiи по тарифу изъ прочихъ мѣстъ наложенной.—„Тамъ фабрики почти всѣ раззорены, нельзя-же ихъ съ прочими сравнить, ибо они наши подданные; имъ и такъ почти равныхъ суконъ почти вовсе везти нельзя.— Что, Рогожинъ женатъ или нѣтъ?“— Женатъ, в. и. в.—„Кто возлѣ головы сидитъ?“—Шелковыхъ издѣлiй фабрикантъ Кондрашевъ, в. и. в.—„А кто возлѣ Кондрашева?“—Товарищъ мой, Бабкинъ, в. и. в.—„Давно-ли вы товарищи съ нимъ?“—23 года, в. и. в.— „Были вы въ технологическомъ институтѣ?“ — Былъ, в. и. в. — „Это заведенiе въ самомъ младенчествѣ“. — Впослѣдствiи времени это заведенiе должно пользу принесть, в. и. в., только иностранныхъ мастеровъ и механиковъ должно чаще перемѣнять и выписывать черезъ каждые три года; извѣстно, что въ Англiи и Францiи успѣшнѣе механика идетъ, нежели гдѣ-либо.—„Это правда: но Москва становится мануфактурный городъ, какъ Манчестеръ, и кажется, вовсе забыли несчастный 12-й годъ“...

„Вамъ, господа, непремѣнно должно стараться выдержать соперничество въ мануфактурѣ съ иностранцами и чтобы сбытъ былъ вашихъ издѣлiй не въ одной только Россiи, а и на прочихъ рынкахъ“.—Точно, стараться надо, в. и. в., но еще потребно на это не много времени, ибо иностранцы столѣтiями насъ опередили.—„Почему наши россiйскiе негоцiанты неохотно приступаютъ къ строенiю кораблей и имѣть обширную торговлю и сношенiе со всѣми государствами?“—На это потребны, в. и. в., большiе капиталы, а у насъ не у многихъ они есть.—„Можно бы на акцiяхъ или компанiями“.—На первый случай, в. и. в., и то было-бы хорошо, ежели бы отъ нашего купечества въ иностранныхъ торговыхъ городахъ были открыты торговые дома, а тогда по времени и корабли сдѣлались-бы необходимыми. — „Это правда... (Но) я вамъ мѣшаю кушать, кушайте“.—

Сложа руки ладонями вмѣстѣ и прижавъ къ сердцу, я сказалъ:

— В. и. в., какъ мы счастливы, что удостоились за однимъ столомъ кушать съ батюшкой царемъ и ма-

тушкою государынею.—„Вы того стоите“.—В. и. в., потомки наши должны благословлять въ сердцахъ своихъ незабвенное сіе событіе, и въ исторіи останется навсегда безсмертнымъ,— „Дѣти ваши здоровы?“—Покорно благодарю, в. и. в., меньшой сынъ виноватъ передъ в. в., дѣтей у него и теперь еще нѣтъ, а в. и. в. ему на московской выставкѣ сказать изволили, что надѣетесь „у него будутъ дѣти“. Ежели в. и. в. случится, у перваго младенца осчастливьте быть воспріемникомъ. — „Изволь, изволь, изволь; не скажу вамъ, что я въ семъ году пріѣду въ Москву на шесть мѣсяцевъ, а на три непремѣнно“.—Въ прошломъ году е. и. выс-во Михаилъ Павловичъ изволили обозрѣвать у меня фабрику и были въ домѣ; в. и. в. во время бытности въ Москвѣ осчастливьте пожаловать ко мнѣ на фабрику.—„Изволь, непремѣнно буду у васъ; вы будете на Макарьевской ярмаркѣ?“—Буду, в. и. в.—„И мнѣ желается побывать; какъ она начинается и когда оканчивается?“—Съ 25 іюля, в. и. в., и кончается 28 и 29 августа, почти до 1 сентября.— „Я подъ конецъ самой хотя на одинъ день постараюсь быть; что у васъ коммерческій судъ открытъ? вы довольны имъ?“—Открытія не было, в. и. в., а предсѣдатель и товарищъ выбраны, ровно и члены отъ купечества; полагаю очень скоро къ сему приступятъ.

Какъ скоро стали подавать хлѣбенное, всемилостивѣйшій государь всталъ, тожъ и государыня, наслѣдникъ престола и великія княжны и всѣ присутствующіе.

Государь: „здоровье московскихъ фабрикантовъ и всей мануфактурной промышленности“.

Фабриканты были предварены, тотчасъ не садясь благодарили всемилостивѣйшаго государя, императрицу, наслѣдника престола, великаго князя Михаила Павловича, великихъ княженъ и всѣхъ присутствующихъ низкими поклонами; въ продолженіе стола подавали фрукты, варенья, мороженое и кофе. По окончаніи стола государь и государыня и всѣ вышли въ концертную залу. Государь и государыня изволили остановиться посрединѣ зала, а какъ фабриканты московскіе и с.-петербургскіе и прочіе съ купечествомъ с.-петербургскимъ стояли видомъ въ полукружіи, то всемилостивѣйшій государь изволили почти къ каждому фабриканту подходить и министръ гр. Канкринъ каждаго представлялъ и всякаго по фамиліи называлъ. Государыня всѣхъ привѣтствовала, со многими изволила разговаривать, что она знаетъ его издѣлія, видѣла на выставкѣ и нѣкоторыя хвалила, а Кондрашеву, указавъ на свое бѣлое шелковое платье, изволила сказать:

— Это ваша матерія.

Потомъ, подойдя ко мнѣ, Рыбникову, всемилостивѣйше изволила мнѣ поручить:

— Когда пріѣдете въ Москву, кланяйтесь отъ меня князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну и Татьянѣ Васильевнѣ.

И такъ всѣхъ обойти изволила и стала опять посреди залы, куда вѣроятно съ позволенія привели вел. кн. Константина Николаевича и принесли вел. кн. Николая Николаевича; потомъ самъ государь императоръ изволилъ, также какъ и императрица, всѣхъ обойти и министръ гр. Канкринъ тоже всѣхъ по фамиліи называлъ и представлялъ; государь со многими фабрикантами и купцами изволилъ разговаривать; обойдя всѣхъ, государь взялъ вел. кн. Константина Николаевича за головушку и наклонялъ оную ему низко, говоря:

— „Кланяйся, кланяйся ниже“; потомъ ему сказать изволилъ: „ты, адмиралъ, но полѣзай на мачту самъ“.

Государь сталъ прямо и сказать изволилъ: „на мачту!“

Вел. кн. Константинъ Николаевичъ сталъ хвататься за государевы руки, за пуговицы мундира и петли и потомъ за плечо и взлѣзъ на плечо государя, сѣсть изволилъ лицомъ кълицу государя на самый эполетъ; тогда его государь поцѣловалъ и сказать изволилъ всѣмъ пристствующимъ: — „Это адмиралъ исправный“; потомъ сказать изволилъ: „ну, адмиралъ, тѣмъ же маршемъ съ мачты долой“.

Потомъ государь беретъ на руки вел. кн. Николая Николаевича и изволитъ говорить: „вотъ, къ сожалѣнію, весьма былъ боленъ, почти шесть мѣсяцевъ, однако, теперь прошло“. Онъ даетъ вел. кн. Николая на руки къ нянюшкѣ, и начали государь и государыня раскланиваться и всѣ имъ тоже кланялись.

Они изволили выйти изъ этой залы въ комнату въ боку, въ которую стеклянныя двери, и въ этой комнатѣ государь всѣхъ великихъ князей и княженъ кого потреплетъ по щечкѣ, кого поцѣлуетъ, а мы всѣ сквозь двери стеклянныя все кланялись: только когда къ намъ становился лицомъ и государыня къ нему подходила, государь съ нею нѣсколько усмѣхался, и мы, насладясь лицезрѣніемъ благословенной четы, государю и государынѣ покланясь нѣсколько разъ, пошли изъ дворца, и сказалъ я, Рыбниковъ: „слава Тебѣ, Боже, и тебѣ царю-батюшкѣ многолѣтствовать“.

Иванъ Назаровичъ Рыбниковъ, мануфактуръ-совѣтникъ и кавалеръ.

(Рус. Старина 1886 г. сентябрь. с. 576—582.)

XXXVII. Пути сообщенія.

204. Путешествіе сына помѣщичьяго въ Петербургъ.

Изъ писемъ сына Болотова къ отцу.

Пользуясь теперь свободнымъ временемъ для писанія къ вамъ, опишу вамъ подробнѣе образъ нашего путешествія. Хотя мы долго уже ѣдемъ и сія долгота довольно намъ приноситъ скуки, но дорога кажется намъ какъ-то коротка, потому что мы не болѣе ее видимъ въ день, какъ одну упряжку, т.-е. послѣобѣденную, а утреннюю почти всю спимъ, привыкнувъ уже къ тому, не смотря на все трясеніе кибитки. Выѣзжаемъ мы съ квартеръ очень рано; становимся кормить лошадей часу въ 8 или 9 и стоимъ часу до 1 или второго; въ сіе время напиваемся мы до-сыта чаю; имъ однимъ мы почти и дышемъ, потомъ приносятъ мой пульпетъ и я записываю въ своемъ календарѣ все нужное и замѣченное. Тамъ мы обѣдаемъ: обѣды наши состоятъ не изъ пышныхъ яствъ и соусовъ, а мы довольны бываемъ и малымъ: въ дорогѣ какъ-то очень мало ѣстся, однако, я всегда сытъ. Чай иногда замѣняетъ у насъ за столомъ горячее, а прочія блюда состоятъ въ соленомъ маслѣ, не много нарѣзаныхъ колбасовъ и куски разогрѣтой жареной говядины. Признаться, что единообразное, ежедневное повтореніе сихъ кушаньевъ уже очень наскучило. Хозяйскіе щи очень плохи и намъ не по вкусу, хотя мы и пробуемъ сдобривать ихъ иногда нашими приправами. Василій, однако, старается насъ кормить и все подчуетъ. На сихъ дняхъ, какъ купили мы на дорогу часть новой говядины, то онъ, отдѣливъ отъ ней нѣсколько, сдѣлалъ намъ такой прекрасный супъ съ крупами, что мы, какъ люди дорожные, давно уже такого не ѣдали. По-

обѣдавъ, продолжаемъ мы свое путешествіе. Упряжки наши состоятъ обыкновенно верстъ изъ 30, а иногда и болѣе. Съ наступающимъ вечеромъ становимся мы опять на квартиру; тутъ не всегда уже пьемъ мы чай, а смотря по погодѣ и времени. Ужинъ у насъ всегда очень легкій и состоитъ въ мясной окрошкѣ съ квасомъ да кускѣ разогрѣтаго мяса, послѣ чего мы отходимъ ко сну. Но куда-же? Изволите ли знать? Не иначе, какъ въ кибитку. Жаръ въ избахъ, иногда крикъ ребятъ и раннее вставанье насъ заставили принять сіе средство, которымъ мы очень довольны. Спать намъ тутъ очень спокойно. Мы раздѣваемся нѣсколько, насъ закрываютъ кожею, и мы спимъ столь крѣпко, что не слышимъ, какъ насъ со двора свезутъ, и просыпаемся уже дорогою. Для сей причины извощики наши встаютъ иногда уже съ полуночи, и мы, ѣдучи потихоньку, переѣзжаемъ до-свѣту уже добрую упряжку. Въ свое время становимся опять на квартеру и повторяемъ ежедневно тоже. Дорогою же, то есть послѣ обѣда, съ товарищемъ своимъ мнѣ не скучно. Какъ книги отъ трясенія кибитки читать никакъ ни можно, то занимаемся мы безпрестанно различными разговорами: говоримъ по-французски, поемъ отъ скуки иногда пѣсни и жустаримъ все по-немногу накладенные по сторонамъ насъ въ мѣшечкахъ разные припасы, какъ-то: яблоки, орѣшки, крендели съ товарищи и прочее.

Мы часто очень разговариваемъ объ васъ и вспоминаемъ то-и дѣло, говоря: что-то наши теперь въ Богородицкѣ? можетъ быть, они объ насъ также теперь вспоминаютъ. Мы сообщаемъ другъ другу о томъ свои мысли, равно и о будущей своей жизни въ Петербургѣ...——

Какъ отъ Нова-города пошла все почти мостовая каменная (и такая прекрасная, что я согласился бы лучше ѣхать по большимъ зимнимъ ухабамъ), а мѣстами и грязь, то поспѣшить было никакъ нельзя. Для сей причины выѣзжали мы съ квартеръ уже гораздо ранѣе. Дорогою же позабыть надобно было обо снѣ: истинно всю душу вытресло и такъ растресло, что всѣ косточки болѣли! Словомъ, дорога была уже такъ безпокойна, что я нетерпѣливо желалъ добраться скорѣй до мѣста и думалъ, что, пріѣхавъ сюда, долго не могу тронуться своими костьми. Однако какъ скоро доѣхали до мѣста, то и кости перестали болѣть.

(Записки Болотова. Томъ IV. Часть XXV с. 618—650).

---

205. О русскихъ дорогахъ.

(По Пушкину.)

Когда благому просвѣщенью
Отдвинемъ болѣе границъ,
Со временемъ (по расчисленью
Философическихъ таблицъ
Лѣтъ чрезъ пятьсотъ) дороги, вѣрно
У насъ измѣнятся безмѣрно:
Шоссе Россію, здѣсь и тутъ,
Соединивъ, пересѣкутъ;
Мосты чугунные чрезъ воды
Шагнутъ широкою дугой;
Раздвинемъ горы, подъ водой
Пророемъ дерзостные своды,
И заведетъ крещеный міръ
На каждой станціи трактиръ.

Теперь у насъ дороги плохи,
Мосты забытые гніютъ,
На станціяхъ клопы да блохи
Заснуть минуты не даютъ;
Трактировъ нѣтъ. Въ избѣ холодной,
Высокопарный, но голодный,
Для виду прейсъ-курантъ виситъ
И тщетный дразнитъ аппетитъ;
Межъ тѣмъ какъ сельскіе циклопы,
Передъ медлительнымъ огнемъ
Россійскимъ лѣчатъ молокомъ
Издѣлье легкое Европы,

Благословляя колеи
И рвы отеческой земли.

Зато зимы порой холодной
Ѣзда пріятна и легка.
Какъ стихъ безъ мысли въ пѣснѣ модной,
Дорога зимняя гладка.
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки,
И версты, тѣша праздный взоръ,
Въ глазахъ мелькаютъ, какъ заборъ.
Къ несчастью, Ларина тащилась,
Боясь прогоновъ дорогихъ,
Не на почтовыхъ, на своихъ,—
И наша дѣва насладилась
Дорожной скукою вполнѣ:
Семь сутокъ ѣхали онѣ...

(Пушкинъ. Соч. Изъ „Евг. Онѣгина" гл. VII строф. 33—35).

---

206. Первые дилижансы, СПБ.— Москва.

(1820 г.)

Въ этомъ году, заботясь и по заочности объ умноженіи просвѣщенія въ отечествѣ своемъ, графъ Воронцовъ переписывался съ Петербургскимъ почтъ-директоромъ Булгаковымъ, съ которымъ за-границей сдѣлалъ связи, о томъ, чтобы намъ варварамъ показать, какъ между просвѣщенными народами люди путешествуютъ пріятнымъ и удобнымъ образомъ, однимъ словомъ, что бы завести дилижансы. Для того предложилъ онъ небольшой капиталъ, а Булгаковъ увидѣлъ тутъ прибыль, а можетъ быть и нѣкоторую славу. Составилось общество на паяхъ, и учредилось первое у насъ въ своемъ родѣ заведеніе дилижансовъ. Не было довольно денегъ, чтобы соорудить лѣтніе экипажи (зимніе обошлись въ десять разъ дешевле), и потому для первой попытки захотѣли воспользоваться первымъ зимнимъ путемъ, и первое отправленіе назначили 1-го Декабря. Всѣ смотрѣли на то съ нѣкоторою недовѣрчивостію, какъ одинъ смѣльчакъ, Французъ г. Дюпре-де-Сенъ-Моръ, захотѣлъ поощрить насъ своимъ примѣромъ; съ первымъ поѣздомъ, кажется, онъ одинъ-одинехонекъ отправился въ Москву.

Я, конечно, не думалъ подражать ему, а еще менѣе служить кому-либо примѣромъ; но и меня заохотило прокатиться. Я объяснилъ Бетанкуру [1], что престарѣлая мать моя, собравшись съ послѣдними силами, еще въ Августѣ пріѣхала въ Москву, но что далѣе не въ состояніи будучи ѣхать, тамъ осталась, и что мнѣ желательно было бы для свиданія съ ней отлучиться на 28 дней; онъ нашелъ, что никакое желаніе не могло быть справедливѣе. Я взялъ мѣсто и 4 Декабря поѣхалъ по столь знакомой мнѣ дорогѣ.

Сидѣлъ я въ экипажѣ, который казался тогда затѣйливымъ. Это была низкая кибитка, немного подлиннѣе обыкновенной; но она была прочно сдѣлана, хорошо обтянута кожей и разгорожена на двое.

Лежать было невозможно: четыре человѣка, раздѣленные перегородкой, сидѣли другъ къ другу спиной и смотрѣли двое впередъ, двое назадъ по дорогѣ. Какъ дотолѣ зимняя кибитка значила лежанье, то наши мужички, глядя на новое изобрѣтеніе, дилижансы прозвали нележанцами. Спутниковъ у меня было всего двое, старый Нѣмецъ-ремесленникъ съ женою; они сидѣли въ одной изъ двухъ отправленныхъ кибитокъ, и я одинъ въ другой, и оттого мнѣ было раздолье. Видѣлся я съ ними только на станціяхъ и даже обѣдалъ вмѣстѣ съ ними.

Одна просвѣщенная часть влечетъ за собою другую: дилижансы ввели къ

[1]) Начальнику своему.

намъ понятія о равенствѣ; надобно надѣяться, что ѣзда по желѣзной дорогѣ еще болѣе разовьетъ ихъ. Что однакоже весьма напоминало мнѣ прежнюю Россію, это была услужливость и покорность проворнаго кондуктора изъ почтальоновъ. Со мною не было слуги, и онъ замѣнялъ мнѣ его, а на Нѣмцевъ и глядѣть не хотѣлъ, почитая ихъ болѣе поклажей, чѣмъ людьми. Снѣгъ выпалъ только-что въ концѣ Ноября, дорога была какъ скатерть, почтъ-директору хотѣлось, чтобы заведеніе его прославилось и быстротой, и оттого рѣшительно мы не ѣхали, а летѣли. Ямщики, не предвидя, какой со временемъ будетъ имъ подрывъ, смотрѣли на насъ безъ зависти и досады и усердствовали въ запряжкѣ лошадей. Въ Завидовѣ возопилъ нашъ длинный старикъ; онъ, вѣрно, зналъ одну только Саксонскую медленную ѣзду, захворалъ бѣдняжка, и сказавъ: «weiter kann ich nicht», съ женою остался на станціи. А я, чуть разсвѣло лишь, въ Николинъ день, 6-го числа, невступно черезъ двое сутокъ по выѣздѣ, былъ уже у Тверской заставы. Тутъ случился извощикъ, я сѣлъ къ нему въ сани съ помощью кондуктора, которому далъ бездѣлицу; чемоданъ свой положилъ себѣ въ ноги и поскакалъ въ Старую Конюшенную, сперва къ сестрѣ своей...

(Записки Вигеля Т. III. ч. 6. стр. 28.)

---

207. Сообщеніе съ Крымомъ.

(Разсказъ Пирогова.)

(Ноябрь 1854.)

...Дорога отъ Курска до Севастополя есть рядъ мученій для того, кто находится въ пріятномъ заблужденіи, что дороги назначены для уменьшенія пространства и времени въ житейскомъ сообщеніи. Я разсматриваю ихъ, какъ особенный родъ сотрясенія, полезнаго для моихъ кишекъ, и потому отношу поѣздку въ Севастополь осенью и преимущественно въ военное время къ превосходной гимнастикѣ брюшныхъ внутренностей. Толчки, перегибы, перекаты и тьма другихъ тѣлодвиженій, конечно, не вовсе безъизвѣстныхъ жителямъ Гороховой и Вознесенской, встрѣчаются здѣсь въ такомъ миѳологическомъ объемѣ, что, наконецъ, понятіе о ровномъ мѣстѣ начинаетъ дѣлаться чѣмъ-то въ родѣ миѳа. Тарантасъ нашъ оказался образцомъ прочности, однако же и онъ, благодаря усиліямъ ямщиковъ насъ опрокинуть, не устоялъ и, свалившись въ одну прекрасную ночь на бокъ въ канаву, треснулъ...—

(Проѣхавъ Харьковъ), мы думали долетѣть мигомъ до Севастополя, но не тутъ-то было. Если станціи и дороги между Курскомъ и Харьковомъ были плохи и мало способствовали къ продолженію пути, то между Харьковомъ и Екатеринославомъ онѣ сдѣлались чисто непреодолимымъ препятствіемъ къ достиженію этой цѣли. Трудно рѣшить, въ комъ болѣе должно искать причины: въ черноземѣ ли, расплывшемся отъ дождей въ какую-то клейкую жижу, или въ станціонныхъ смотрителяхъ, въ жидахъ-содержателяхъ станцій...— Доходило до того, что мы, видя безполезность всѣхъ мѣръ кротости, вытащили изъ глубины тарантаса трость, пріобрѣвшую, по мѣсту ея происхожденія, названіе швейцарки, и начали ею валять встрѣчнаго и поперечнаго на станціи. Это травматическое пособіе оказало блестящій успѣхъ, такъ что на одной станціи въ Константиноградѣ мы своеручно вывели курьерскихъ лошадей изъ конюшни и отправились, не заплативъ прогоновъ и не записавъ въ книгу подорожной по весьма естественной причинѣ, что некому было ни записывать, ни получать деньги...

Но все это еще было золото въ сравненіи съ тѣмъ, что насъ ожидало въ самомъ Крыму; здѣсь, переѣхавъ въ Перекопѣ черезъ Днѣпръ, наше путешествіе началось съ того, что мы засѣли съ шестеркою лошадей въ грязь и просидѣли бы въ ней безъ сомнѣнія цѣлую ночь (выѣхавъ со станціи около 4 часовъ), еслибы одинъ благодѣтельный хохолъ, ѣхавшій порожнемъ, не взмиловался надъ нами и не впрягъ пару воловъ; круторогіе дернули и вытянули разомъ и тарантасъ, и голодную шестерку...—По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ мѣсту, обратившему на себя вниманіе всей Европы, исчезало всякое различіе между обыкновенными и курьерскими лошадьми и, наконецъ, за Симферополемъ кончилось обидное неравенство ѣдущаго по своей надобности и фельдъегеремъ. Все ѣдущее впередъ и назадъ, наконецъ, остановилось на станціи въ Бахчисараѣ, и почтовая дорога сдѣлалась непреодолимымъ препятствіемъ къ достиженію Севастополя, такъ что 60 верстъ между двумя этими городами нужно было ѣхать цѣлые 2 сутокъ...

(Севастопольскія письма Пирогова, с. 60—66.)

---

208. Царско-сельская желѣзная дорога.

Царско-сельская желѣзная дорога открыта для движенія въ 1837 г. и является, такимъ образомъ, первой желѣзной дорогой въ Россіи. Поѣзда по ней ходили еще съ осени 1836 г., но только отъ Царскаго Села до Павловска, и, за неприбытіемъ изъ Англіи паровозовъ, тяга была конная.

Положеніе объ учрежденіи общества акціонеровъ для сооруженія дороги было Высочайше утверждено 21 марта 1836 г. Учредителями, церемоніймейстеромъ гр. Алексѣемъ Бобринскимъ, негоціантами Бенедиктомъ Крамеромъ, Иваномъ Конрадомъ Плитомъ и австрійскимъ дворяниномъ Герстнеромъ, былъ собранъ капиталъ въ 3 мил. р. При утвержденіи положенія учредители обязались подпиской имѣть на „паровыхъ экипажахъ“ колокольчики или другіе „предвѣщательные“ знаки и не допускать пріѣзжающихъ въ С.-Петербургъ по желѣзной дорогѣ выходить изъ экипажей на разстояніи между заставой, въ которую они въѣдутъ, и конторою, гдѣ будутъ осматривать ихъ виды. 5 сентября 1838 г., въ 11 часовъ ночи, поѣздъ раздавилъ крестьянина Петрова, вслѣдствіе чего состоялось Высочайшее повелѣніе не дозволять паровозамъ ѣздить позднѣе 9 часовъ вечера.

Торжественное открытіе дороги, въ присутствіи всѣхъ министровъ и дипломатическаго корпуса, состоялось 30 октября 1837 г. Первымъ поѣздомъ управлялъ самъ Герстнеръ. Плата за проѣздъ въ первые годы была до Царскаго Села 2 р. 50 к. ассигнаціями въ каретѣ 1-го рода, 1 р. 80 к.—въ дилижансѣ и 80 к.—въ простомъ открытомъ дилижансѣ „для простого народа“, соотвѣтственно нынѣшнимъ раздѣленіямъ вагоновъ по классамъ.

Извѣстенъ разсказъ о томъ, какъ Имп. Николай Павловичъ первый разъ проѣхалъ по новой желѣзной дорогѣ: Государь приказалъ поставить на платформу свой экипажъ, сѣлъ въ него и проѣхалъ изъ Царскаго въ Павловскъ. Впослѣдствіи Императоръ ѣздилъ обыкновенно по желѣзной дорогѣ въ отдѣльномъ купэ 1 класса.

Сохранилось довольно любопытное описаніе движенія поѣздовъ въ первые годы открытія дороги отъ Царскаго до Павловска, сдѣланное Бурьяновымъ (авторомъ книжки о Петербургѣ):

„Теперь отправимся къ прекрасному павильону, построенному у выѣзда

изъ Царскаго Села въ Павловскъ; онъ деревянный, щегольской архитектуры, окруженъ клумбами благоухающихъ цвѣтовъ и эспланадами, покрытыми краснымъ пескомъ. Здѣсь можно найти обширныя залы для прогулки, вкусный обѣдъ, блестящее пріятное общество. Для чего тутъ собралась публика?—Для того, чтобы ѣхать по „желѣзной“ дорогѣ въ Павловскъ, въ экипажахъ, движимыхъ паровой машиной или „паровозомъ“, какъ называетъ эту машину писатель нашъ Н. И. Гречъ, наименовавшій судно, движимое на водѣ силою паровъ, „пароходомъ“, которому это названіе сохранилось...

„Въ Англіи, Америкѣ, Франціи, отчасти въ Австріи нынѣ устроены желѣзныя дороги, которыя, какъ и здѣсь, состоятъ изъ насыпи, покрытой поперечными бревнами; на нихъ лежатъ чрезвычайно длинныя желѣзныя колеи съ уступами для колесъ экипажей, въ которыхъ ѣздятъ путешественники. У насъ въ 1836 г. г. Герстнеръ, австрійскій дворянинъ, устроилъ отличную желѣзную дорогу между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ и между Петербургомъ и Царскимъ Селомъ. Со временемъ Москва соединится съ Петербургомъ также посредствомъ желѣзной дороги.

„Вотъ идетъ „паровозъ“ съ трубой, изъ которой валитъ дымъ; машина тащитъ за собой нѣсколько повозокъ, въ которыхъ помѣщается болѣе 300 человѣкъ; сила равна силѣ 40 лошадей; въ одинъ часъ она пробѣгаетъ пространство въ 30 верстъ. Отъ Царскаго до Павловска 5 верстъ пробѣгаетъ ровно въ $7^1/_2$ минутъ. Къ машинѣ придѣлана труба другого рода, въ нее, въ продолженіе пути, кондукторъ трубитъ, остерегая зрителей. Длинная вереница экипажей прилажена къ паровозу: вотъ огромный дилижансъ, вотъ берлины, шарабаны, широкія крытыя повозки съ 6 рядами скамеекъ, на 5 человѣкъ каждая; вагоны, повозки открытыя для помѣщенія такого же числа пассажировъ; вотъ огромныя фуры и телѣги для разной клади; вотъ рядъ роспусковъ для перевозки животныхъ, какъ то: лошадей, коровъ, овецъ, телятъ и птицъ домашнихъ; вотъ чаны для разныхъ жидкостей, буфеты для съѣстныхъ припасовъ. Сядемъ въ одинъ изъ экипажей. Знакъ поданъ. Музыка заиграла, дымъ повалилъ изъ чугунной трубы паровоза; деревянные дома, рѣчка промелькнули и убѣжали назадъ... Часовая стрѣлка едва успѣла пройти $7^1/_2$ минутъ, и мы въ Павловскѣ. Посмотрите на колеса нашихъ экипажей: средняя часть или внутренность состоитъ изъ чугуна, а наружность выкована изъ желѣза, чтобы они при быстрой ѣздѣ не лопнули“.

(„Царское Село“, изд. Ц. С. дворцоваго управленія, с. 39—42.)

---

209. Николаевская жел. дорога.

(По восп. инж. А. Штукенберга.)

1.

Послѣ осмотра (дороги гр. Клейнмихелемъ), началось правильное паровозное движеніе поѣздовъ по опытному пути между Вышнимъ Волочкомъ и Тверью, на протяженіи 112 верстъ...—

При первомъ проѣздѣ на парахъ по рельсамъ изъ Вышняго Волочка въ Тверь, на Вышневолоцкой станціи собралось много народу и Крафтъ [1]) думалъ сперва проѣхать недалеко, и при этомъ многіе изъ зрителей, все болѣе вышневолоцкіе мѣщане, просили позволенія прокатиться по „чугункѣ“, какъ тогда называли въ народѣ желѣзную дорогу. Для этого была прицѣплена особая платформа и она мигомъ наполнилась любопытными. Инженеры стали на паровозѣ и тендерѣ, при чемъ для насъ [2]) была въ запасѣ

[1]) Ген. майоръ, начальникъ части пути.
[2]) Строителей.

другая платформа. Все составляло короткій поѣздъ. Наконецъ, паровозъ просвисталъ сигналы, регуляторъ открылся и шипящіе клубы пара прекратились, а взамѣнъ ихъ повалилъ дымъ изъ трубы паровоза и поѣздъ полетѣлъ, шипя и стуча. Народу представилось дотолѣ невиданное зрѣлище, и впечатлѣніе было невыразимо сильно. Всѣ мѣста по дорогѣ, гдѣ такъ много было положено трудовъ и физическихъ, и умственныхъ, гдѣ каждый шагъ былъ запечатлѣнъ въ памяти какимъ нибудь случаемъ, не всегда сладкимъ—скользили мимо, уходя какъ бы въ забвеніе, и мы летѣли все быстрѣе и быстрѣе, увѣренные, что рельсы лежатъ твердо и ровно на мѣстѣ и мосты благонадежны.

Случайные спутники изъ простого народа толковали, „что вотъ бѣсовскую силу зачурали въ котлѣ, такъ что нѣтъ ей выходу, чтобъ выскочить вонъ, и поневолѣ она работаетъ". Вѣсть объ этомъ первомъ поѣздѣ заранѣе разошлась въ народѣ, и всюду встрѣчали мы по сторонамъ и на станціяхъ и въ поляхъ около селеній толпы зѣвакъ. Проѣзжая мимо деревни Перелѣсовой, недалеко отъ Вышняго Волочка, на полѣ у дороги стояли три старыхъ бабы, махали руками и неистово кричали и кривлялись, отплясывая дикую пляску... Это, какъ объяснили наши народные спутники, значило, что онѣ отплясываютъ бѣса, сидящаго въ паровозѣ, чтобы его напугать и прогнать изъ своихъ родимыхъ мѣстъ; онѣ напоминали Макбетовскихъ вѣдьмъ, пляшущихъ предъ котломъ. Бабы эти, дѣйствительно, были бы въ состояніи прогнать чорта, если бы онъ тутъ появился.

Даже собаки близъ деревень, привычныя облаивать проѣзжихъ, забѣгали впередъ передъ паровозомъ и лаяли на него, какъ лаятъ на лошадей, не понимая быстроту его бѣга, и бѣдныя попадали подъ колеса или отбрасывались въ сторону буферными брусьями и щетками паровоза.

На каждой станціи поѣздъ останавливался и тендеръ наполняли пищею для паровоза: водою и дровами; все дѣйствовало исправно, и Крафтъ приказывалъ ѣхать все далѣе и далѣе; наконецъ, съ замираніемъ сердца, мы переѣхали по большимъ мостамъ чрезъ Тверцу и чрезъ Волгу; тутъ Крафту совѣтовали сойти съ поѣзда предъ ними и пройти мосты пѣшкомъ, такъ какъ формальнаго испытанія нагрузкою имъ не дѣлалось, и пустить паровозъ съ однимъ машинистомъ; но благородный Николай Осиповичъ разсердился на такое предложеніе и не сходилъ съ тендера; когда мы катились чрезъ мостъ надъ широкою Волгою, лице его было одушевлено такъ, какъ я никогда не видалъ, при его всегдашнемъ угрюмомъ выраженіи...

2.

Въ 1850 году, въ августѣ мѣсяцѣ былъ торжественный проѣздъ, по желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Москву, до открытія движенія для публики,—всей императорской фамиліи: царя съ царицей, великихъ князей съ супругами и съ внуками, словомъ трехъ поколѣній Романовскаго царствующаго дома.

Все предусматривалось для этого и отдѣлывалось. Я ожидалъ царскій поѣздъ на Вышневолоцкой станціи. Вотъ подошелъ, наконецъ, къ станціонной платформѣ царскій поѣздъ, въ которомъ императорская чета и главные члены фамиліи помѣщались въ особомъ большомъ вагонѣ длиною 12 саж. голубого цвѣта (тогда какъ другіе пассажирскіе вагоны—зеленые имѣли длину 8 саж.). Это былъ цѣлый уютный и роскошно отдѣланный перекатный домъ. Когда императоръ Николай Павловичъ и за нимъ другіе вышли на платформу, толпа народа привѣтствовала ихъ громкимъ ура!

Царь, высокій, видный, былъ очень веселъ и всѣ предъ нимъ стушевались и около него суетился графъ Клейнмихель, потерявшій всю свою важность и навострившій все свое вниманіе на то, куда смотритъ царь, который держалъ себя просто и былъ особенно разговорчивъ. Подойдя къ локомотиву, царь обратился къ народу и сказалъ: „вотъ какую я себѣ нажилъ лошадку!", потомъ, взявъ за плечи великаго князя Николая Александровича, тогда еще мальчика, поднялъ его и, поставя на тумбу, передъ людьми, окружавшими платформу къ сторонѣ города, сказалъ къ народу: „вотъ вамъ мой старшій внукъ!", раздалось опять громогласное „ура!" и шапки полетѣли къ верху. Потомъ всѣ усѣлись въ поѣздѣ и онъ покатилъ далѣе. Въ Спировѣ императоръ вышелъ и въ сопровожденіи свиты осматривалъ станцію, обративъ особенное вниманіе на локомотивное зданіе, которое представляло колоссальную ротонду 30 саж. въ діаметрѣ, съ высокимъ желѣзнымъ куполомъ, въ діаметрѣ 15 саж., и, кромѣ спеціальнаго назначенія, имѣло весьма изящную архитектурную форму, при чемъ всѣ различныя трубы, на крышѣ около купола, были расположены стройно и придавали ему оригинальность. Царь, остановясь на платформѣ пассажирскаго дома и указывая на это локомотивное зданіе, воскликнулъ по французски: „C'est un Panteon! C'est un Temple!" („это пантеонъ, это храмъ!").— Клейнмихель былъ очень обрадованъ такимъ отзывомъ царя и мнѣ привѣтно улыбался.

Въ этотъ проѣздъ императоръ приказывалъ останавливать свой поѣздъ при всѣхъ большихъ мостахъ. Тутъ, оставляя дамъ въ вагонѣ,—онъ сходилъ на землю со свитой и осматривалъ сооруженія, спускаясь внизъ къ рѣкѣ, при чемъ поѣздъ проходилъ чрезъ мостъ, а онъ любовался величественнымъ зрѣлищемъ прохода высоко надъ рѣкою гордо катящагося поѣзда, въ которомъ была его дорогая семья, и выражалъ свое удивленіе; такъ, сойдя къ мосту близъ Твери, черезъ Тверцу, онъ сказалъ, обращаясь къ инженерамъ: „честь вамъ и слава", и пожаловалъ орденъ св. Владиміра 4-й степени строителю моста, инженеру Кольману.

Какъ я узналъ послѣ, при осмотрѣ царемъ въ этотъ проѣздъ знаменитаго, по вышинѣ и конструкціи, Веребьинскаго моста, случился эпизодъ, который привожу. Здѣсь также царь Николай Павловичъ останавливался и выходилъ на землю со всей свитою и, не смотря на громадную вышину (24 саж. надъ рѣкою), спускался внизъ, по крутымъ откосамъ и узкимъ тропинкамъ, къ самой рѣкѣ. Удаляясь отъ моста, далъ, между тѣмъ, повелѣніе, что когда онъ совсѣмъ спустится и снизу махнетъ платкомъ, такъ какъ голосъ по отдаленности не былъ бы услышанъ, чтобы поѣздъ тогда тронулся и прошелъ чрезъ мостъ. При чемъ императрица съ фамиліей и свитою оставалась въ поѣздѣ и всѣ, обратясь къ окнамъ вагона, глазами слѣдовали за царемъ, какъ онъ пробирался по крутизнѣ ко дну оврага Веребьи и пестрые мундиры слѣдовали вереницею за нимъ. Наконецъ, всѣ были внизу и при такой вышинѣ казались дѣтьми. Въ самомъ низу долины, императоръ, чтобы объять все лучше глазами, отошелъ отъ моста, а за нимъ свита, и, взглянувъ на верхъ, гдѣ предъ мостомъ стоялъ поѣздъ,—махнулъ платкомъ и сталъ пристально смотрѣть, какъ пойдетъ поѣздъ чрезъ мостъ; но къ его удивленію поѣздъ было двинулся впередъ, но, когда паровозъ прошелъ уже устой моста, то остановился и видно было по клубамъ дыма, что машина работаетъ, не трогаясь впередъ,—даже былъ слышенъ стукъ колесъ; остано-

вился же поѣздъ предъ самымъ пролетомъ надъ рѣкою, какъ-бы изъ боязни пройти надъ самою водою; императоръ въ нетерпѣніи махалъ платкомъ и рукою и всѣ дѣлали то же, особенно графъ Клейнмихель, но поѣздъ оставался какъ вкопанный на мѣстѣ. Клейнмихель былъ внѣ себя и сталъ взбираться по откосу на верхъ къ непослушному поѣзду. Вотъ что случилось.

Вожаками на тендерѣ при паровозѣ были: самъ Уайнесъ и оберъ-машинистъ дороги—Бартнеръ, лучшіе знатоки дѣла, и когда они увидѣли, что императоръ, изъ глубины долины у моста, далъ условленный сигналъ и махнулъ рукою, разсыпавъ по воздуху свой большой бѣлый платокъ,—дали локомотиву ходъ; но онъ, пройдя, какъ уже сказано, только на длину устоя моста, пересталъ двигаться впередъ, хотя колеса вертѣлись на мѣстѣ, стуча и дрожа, или, какъ говорятъ, боксовали; усилили давленіе пара, думая, что такъ какъ поѣздъ тяжелъ, то ему трудно двинуться съ мѣста, но ничто не помогало,—былъ слышенъ только стукъ колесъ и сыпались вопросы: „что это значитъ?“ Императрица, замѣтя это, также встревожилась и посылала узнавать, отчего они остановились? Тогда Уайнесъ, испугавшись, соскочилъ съ тендера, чтобы осмотрѣть рельсы и узнать, въ чемъ задержка. Каково было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что рельсы на самомъ мосту были выкрашены масляной черной краской, которая не была засохши, и скользкое масло на рельсахъ уничтожало всякое сцѣпленіе или треніе съ колесами, которыя, скользя, вертѣлись на мѣстѣ, не двигая впередъ поѣзда.

Выразивъ удивленіе, Уайнесъ тотчасъ нашелся что сдѣлать, чтобы помочь въ бѣдѣ; онъ приказалъ достать изъ топки паровоза золы и еще песку и посыпалъ по рельсамъ,—рабочіе были подъ рукою, и когда это исполнили и окраска рельсовъ была посыпана золою и пескомъ, что нельзя такъ быстро исполнить при длинѣ моста въ 150 саженъ, то поѣздъ благополучно прослѣдовалъ чрезъ мостъ, и царь все стоялъ внизу и смотрѣлъ.

Можно себѣ представить, какою бранью разсыпался графъ Петръ Андреевичъ на дорожнаго мастера, который это сдѣлалъ безъ спросу инженера, желая отличиться, такъ какъ рельсы были очень заржавѣвши, и при отличной отдѣлкѣ и новизнѣ во всемъ остальномъ,—портили на мосту видъ.

Веребьинскій мостъ изображенъ на одномъ барельефѣ съ лѣвой стороны памятника императору Николаю I-му, что въ Петербургѣ на Маріинской площади, именно въ тотъ моментъ, когда императоръ осматриваетъ мостъ, сойдя къ рѣкѣ, и около него графъ Клейнмихель, строитель моста и другіе.

3.

Наконецъ, 1-го ноября 1851 года было открыто правильное движеніе поѣздовъ по желѣзной дорогѣ для публики, отъ Петербурга до Москвы.

Живо помню я этотъ день, когда многосложная машина пошла въ правильный ходъ; а главное—первая ночь послѣ этого дня, темная, осенняя ночь, когда зги не было видно; но поѣзды приходили и отходили отъ Бологовской станціи, какъ бы тонули во мракѣ. Паровозы двигались взадъ и впередъ по путямъ станцій, раздражая съ непривычки нервы своимъ стукомъ, шумомъ и свистомъ.

Движеніе развивалось и проходило много поѣздовъ съ пассажирами и грузами. Бологовская станція, гдѣ я служилъ, какъ приведено уже выше, находится на рединѣ между столицъ, и потому здѣсь поѣзды сходились вмѣстѣ: одинъ съ права, другой съ лѣва и залы наполнялись народомъ, особенно при пассажирскихъ поѣздахъ,

что было около 10 часовъ вечера; за то чрезъ полчаса по уходѣ ихъ залы дѣлались мигомъ пусты и все погружалось во мракъ и молчаніе; такъ что станція эта походила на волшебный замокъ, который вдругъ освѣщался, наполнялся народомъ, и потомъ вдругъ смолкалъ и пустѣлъ.

То, что здѣсь сходились вмѣстѣ поѣзды изъ Петербурга и изъ Москвы, порождало много курьезовъ.

Послѣ перваго звонка къ уходу поѣздовъ начиналась суета между пассажирами, и по совершенному однообразію обѣихъ сторонъ въ залѣ, пассажиры попадали по ошибкѣ не въ свой поѣздъ, именно: ѣдущій изъ Москвы—въ Петербургскій и изъ Петербурга—въ Московскій, то есть обратно, туда, откуда ѣхалъ. Такъ что сложился даже анекдотъ, что два знакомыхъ купца послѣ Бологовской станціи, ѣхавшіе одинъ изъ Петербуга, а другой изъ Москвы, попали въ одинъ поѣздъ, гдѣ встрѣтились рядомъ, и завели между собою разговоръ: „ахъ здравствуйте, вы куда ѣдете?“ — „Въ Москву! а вы куда?“ — „Въ Питеръ“. Тогда первый выразился: „вотъ что значитъ удобная новая дорога; ѣдемъ въ разныя стороны, а сидимъ оба вмѣстѣ“.

(Рус. Старина 1886 г. январь, с. 110—123.)

XXXVIII. Школа и просвѣщеніе.

210. Ученіе въ благородномъ пансіонѣ.

(1830—39 гг.).

Я учился въ Благородномъ пансіонѣ при петербургскомъ университетѣ (теперь 1 гимназія). Передъ этимъ я былъ помѣщенъ въ Высшее училище (теперь 2 гимназія), въ которомъ я пробылъ только двѣ недѣли... Я умолялъ, чтобы меня взяли оттуда, потому что не хотѣлъ учиться вмѣстѣ съ дѣтьми разночинцевъ и ремесленниковъ. Въ 12 лѣтъ, несмотря на совершенное ребячество, я уже былъ глубоко проникнутъ чувствомъ своего дворянскаго достоинства. Мольбы мои взять меня изъ высшаго училища нашли не только совершенно основательными, но даже нѣкоторые изъ близкихъ мнѣ людей разсказывали объ этомъ своимъ знакомымъ съ гордостію:—„Дитя, а какія высокія чувства!“—и я выигралъ этимъ въ глазахъ родныхъ и знакомыхъ.

Эти благородные пансіоны существовали единственно только для дѣтей привиллегированнаго класса, родителямъ которыхъ казалось тогда обременительнымъ и безполезнымъ подвергать своихъ избалованныхъ и изнѣженныхъ дѣтокъ излишнему труду и тяжелому университетскому курсу, наравнѣ съ какими-нибудь разночинцами и семинаристами. Курсъ благородныхъ пансіоновъ едва-ли былъ не ниже настоящаго гимназическаго курса, а между тѣмъ эти пансіоны пользовались равными съ университетомъ привиллегіями. Нѣкоторые профессора университета и учителя не скрывали по этому поводу своего негодованія и высказывали его очень рѣзко, особенно на экзаменахъ. Они пожимали плечами, покачивали головами и справедливо замѣчали, что награждать университетскими привиллегіями такихъ неучей, какъ мы—вопіющая несправедливость. Объ этомъ намъ особенно часто повторялъ учитель латинскаго языка, преподававшій этотъ языкъ также и въ высшемъ училищѣ. Онъ съ какимъ-то особеннымъ ожесточеніемъ нападалъ на

насъ. Неблаговоспитанность его доходила до крайнихъ предѣловъ. Если кто-нибудь изъ насъ не зналъ урока и повторялъ подсказываемое ему сзади товарищемъ,—то учитель, насупивъ свои густыя брови, восклицалъ обыкновенно:

— Коли будешь слушать чужія рѣчи, то тебѣ взвалятъ осла на плечи.

При такихъ грубыхъ выходкахъ оскорбленные ученики поднимались со своихъ скамеекъ и въ одинъ голосъ говорили:

— Покорно прошу обращаться съ нами вѣжливѣе. Здѣсь не высшее училище. Мы дворяне.

— Ахъ, вы, пустоголовые дворяне!— возражалъ учитель: — ну какой въ васъ толкъ? Да у меня въ высшемъ училищѣ послѣдній ученикъ, сынъ какого-нибудь сапожника, безъ одной ошибки проспрягаетъ глаголъ amo, покуда я его держу на воздухѣ за ухо...

Профессоръ математики, экзаменовавшій насъ, обыкновенно повторялъ съ злобою:

— Нѣтъ, никуда вы не годитесь... развѣ только въ гусары, либо въ уланы.

Впрочемъ нѣкоторые профессора и учителя, самые неумолимые, строгіе и грубые, оказывались не только снисходительными, даже нѣжными къ тѣмъ изъ насъ, которые передъ экзаменомъ адресовались къ нимъ съ просьбою о приватныхъ урокахъ. Къ числу таковыхъ принадлежалъ и неблаговоспитанный учитель латинскаго языка.

Когда ученикъ являлся къ нему, передъ экзаменами, съ просьбою о приватныхъ урокахъ, учитель латинскаго языка обыкновенно пріятно ухмылялся и говорилъ:—Я предупреждаю васъ, что беру за уроки дорого... 25 р. за урокъ. Шесть уроковъ для васъ будетъ довольно. Это будетъ стоить вамъ 150 р.—и деньги покорнѣйше прошу впередъ.

Ученикъ отдавалъ ему деньги. Учитель являлся на первый урокъ, объявлялъ ему то, что именно онъ спроситъ его на экзаменѣ, и затѣмъ уже болѣе не являлся на остальные пять уроковъ, отговариваясь неимѣніемъ времени, или болѣзнью.

Къ такимъ наставникамъ мы не могли питать уваженія; къ тому же ихъ рутинное, пошлое, устарѣлое преподаваніе по самымъ жалкимъ курсамъ—не могло не только заохотить насъ къ ученью, но просто отвращало насъ отъ этой мертвой науки—и принуждали себя учиться только для того, чтобы получить извѣстный классъ (по службѣ)... Наши умственныя способности нисколько не развивались; онѣ, напротивъ, тупѣли, забитыя рутиной. Безсмысленное заучиванье наизусть, слово въ слово по книгѣ, было основой ученія, и потому самые тупые ученики, но одаренные хорошею памятью, всегда выходили первыми.

(Литературныя восп. И. Панаева, стр. 121—123. Современникъ, ч. 85, отд. I).

---

211. Изъ студенческихъ воспоминаній И. А. Гончарова.

(1831—1834).

Мы, юноши, полвѣка тому назадъ, смотрѣли на университетъ какъ на святилище, и вступали въ его стѣны со страхомъ и трепетомъ...

Нашъ университетъ въ Москвѣ былъ святилищемъ не для однихъ насъ, учащихся, но и для ихъ семействъ, и для всего общества. Образованіе, вынесенное изъ университета, цѣнилось выше всякаго другого. Москва гордилась своимъ университетомъ, любила студентовъ, какъ будущихъ самыхъ полезныхъ, можетъ быть громкихъ, блестящихъ дѣятелей общества. Студенты горди-

лись своимъ званіемъ и дорожили занятіями, видя общую къ себѣ симпатію и уваженіе. Они важно расхаживали по Москвѣ, кокетничая своимъ званіемъ и малиновыми воротниками...—

Личный составъ нашихъ профессоровъ былъ очень удачный, съ малыми, едва замѣтными исключеніями.

Первымъ считали мы и по старшинству лѣтъ, и по достоинствамъ—декана, М. Т. Каченовскаго.

Это былъ тонкій, аналитическій умъ, скептикъ въ вопросахъ науки и и отчасти, кажется, во всемъ. При этомъ—строго-справедливый и честный человѣкъ. Онъ читалъ русскую исторію и статистику; но у него была масса познаній по всѣмъ частямъ. Онъ зналъ древніе и новые языки, иностранныя литературы, но особенно обширны были его познанія въ исторіи и во всемъ, что входитъ въ ея сферу—археологія и проч...—

Когда онъ касался излюбленнаго имъ вопроса о различіи происхожденія сѣверныхъ и южныхъ русиновъ, или вообще какого-нибудь спорнаго въ исторіи вопроса, щеки его, обыкновенно блѣдныя, загорались алымъ румянцемъ и глаза блистали сквозь очки, а въ голосѣ слышался задоръ прежняго редактора «Вѣстника Европы». Онъ мысленно видѣлъ передъ собою своихъ ученыхъ противниковъ и поражалъ ихъ стрѣлами своего неумолимаго анализа. Онъ терпѣть не могъ никакихъ миѳовъ въ исторіи и начиналъ лекціи русской исторіи съ Владиміра, предупредивъ насъ, что онъ не станетъ повторять басенъ, которыя мы слышали въ школѣ, напримѣръ, объ оригинальномъ мщеніи Ольги за смерть Игоря, о змѣѣ, ужалившей Олега, о кожаныхъ деньгахъ...—

Онъ отвергалъ также подлинность „Слова о полку Игоревомъ", считая его позднѣйшей подделкой, кажется XIV вѣка, о чемъ однажды вошелъ въ горячій споръ съ Пушкинымъ, котораго привезъ на лекцію министръ Уваровъ.

Когда онъ вошелъ съ Уваровымъ, для меня точно солнце озарило всю аудиторію; я въ то время былъ въ чаду обаянія отъ его поэзіи; я питался ею, какъ молокомъ матери; стихъ его приводилъ меня въ дрожь восторга. На меня, какъ благотворный дождь, падали строфы его созданій („Евгенія Онѣгина", „Полтавы" и др.). Его генію я и всѣ тогдашніе юноши, увлекавшіеся поэзіею, обязаны непосредственнымъ вліяніемъ на наше эстетическое образованіе.

Передъ тѣмъ однажды я видѣлъ его въ церкви, у обѣдни—и не спускалъ съ него глазъ. Черты его лица врѣзались у меня въ памяти. И вдругъ этотъ геній, эта слава и гордость Россіи—передо мной въ пяти шагахъ! Я не вѣрилъ глазамъ. Читалъ лекцію Давидовъ, профессоръ исторіи русской литературы.

„Вотъ вамъ теорія искусства", сказалъ Уваровъ, обращаясь къ намъ, студентамъ, и указывая на Давыдова:—„а вотъ и самое искусство", прибавилъ онъ, указывая на Пушкина. Онъ эффектно отчеканилъ эту фразу, очевидно, заранѣе приготовленную. Мы всѣ жадно впились глазами въ Пушкина. Давыдовъ оканчивалъ лекцію. Рѣчь шла о „Словѣ о Полку Игоревомъ". Тутъ же ожидалъ своей очереди читать лекцію, послѣ Давыдова, и Каченовскій. Нечаянно между ними завязался, по поводу „Слова о Полку Игоревомъ", разговоръ, который мало-по-малу перешелъ въ горячій споръ,— „Подойдите ближе, господа,—это для васъ интересно", пригласилъ насъ Уваровъ, и мы тѣсной толпой, какъ стѣной, окружили Пушкина, Уварова и обоихъ профессоровъ. Не умѣю выразить, какъ велико было наше наслажденіе видѣть и слышать нашего кумира.

Я не припомню подробностей ихъ состязаній,—помню только, что Пушкинъ горячо отстаивалъ подлинность древне-русскаго языка, а Каченовскій вонзалъ въ него свой безпощадный аналитическій ножъ. Его щеки ярко горѣли алымъ румянцемъ и глаза бросали молніи сквозь очки. Можетъ быть, къ этому раздраженію много огня прибавлялъ и извѣстный литературный антагонизмъ между нимъ и Пушкинымъ. Пушкинъ говорилъ съ увлеченіемъ, но, къ сожалѣнію, тихо, сдержаннымъ тономъ, такъ что за толпой трудно было разслышать. Впрочемъ, меня занималъ не Игорь, а самъ Пушкинъ.

(Соч. И. Гончарова, т. IX, с. 5—7 и 20—23. Сол. с. 122—127).

---

212. Публичныя чтенія Грановскаго.

(По разсказу А. И. Герцена.)

1.

Къ такимъ явленіямъ (прекраснымъ и глубоко-знаменательнымъ), отношу и публичный курсъ исторіи среднихъ вѣковъ г. Грановскаго...—

Въ наше время глубокое уваженіе къ народности не изъято характера реакціи противъ иноземнаго; многіе смотрятъ на европейское, на чужое, почти какъ на враждебное, многіе боятся въ общечеловѣческомъ утратить русское. Генезисъ такого воззрѣнія понятенъ, — но и неправда его очевидна. Человѣкъ, любящій другого, не перестаетъ быть самимъ собою, а расширяется всѣмъ бытіемъ другого; человѣкъ, уважающій и признающій права ближняго, не лишается своихъ правъ, а незыблемо укрѣпляетъ ихъ. Мы должны уважить и оцѣнить скорбное и трудное развитіе Европы, которая такъ много даетъ намъ теперь; мы должны постигнуть то великое единство развитія рода человѣческаго, которое раскрываетъ въ мнимомъ врагѣ — брата, въ расторженіи—миръ: одно сознаніе этого единства уже даетъ намъ святое право на плодъ, выработанный, потомъ и кровью, Западомъ; это сознаніе, съ нашей стороны, есть вмѣстѣ мысль и любовь, — отъ того оно такъ легко; логика и симпатія всего менѣе тѣснятъ человѣка: человѣкъ созданъ, чтобъ думать и любить. Первыя слова Грановскаго, проникнутыя любовью, проникнутыя мыслію, заставили меня ожидать многаго отъ его чтеній!..—

Главный характеръ чтеній Грановскаго: чрезвычайно развитая человѣчность, сочувствіе, раскрытое ко всему живому, сильному, поэтичному, сочувствіе, готовое на все отозваться; любовь широкая и многообъемлющая, любовь къ возникающему, которое онъ радостно привѣтствуетъ, и любовь къ умирающему, которое онъ хоронитъ со слезами. Нигдѣ ничему не вырвалось слова ненависти въ его чтеніяхъ, онъ проходилъ мимо гробовъ, вскрывалъ ихъ, но не оскорбилъ усопшихъ. Дерзкая мысль поправлять царственное теченіе жизни человѣчества далека была отъ его науко-образнаго взгляда, онъ вездѣ покорялся объективному значенію событій и стремился только раскрыть смыслъ ихъ. Мнѣ кажется, что именно этотъ характеръ преподаванія возбудилъ такое сильное участіе общества къ чтеніямъ Грановскаго. Умѣть во всѣ вѣка, у всѣхъ народовъ, во всѣхъ проявленіяхъ найти съ любовію родное, человѣческое, не отказаться отъ братій, въ какомъ бы они рубищѣ ни были, въ какомъ бы неразумномъ возрастѣ мы ихъ ни застали, видѣть сквозь туманныя испаренія временнаго, просвѣчиваніе вѣчнаго начала, т.-е. вѣчной цѣли,—великое дѣло для историка.

2.

„Лекціи Грановскаго,—сказалъ мнѣ Чаадаевъ, выходя съ третьяго или четвертаго чтенія изъ аудиторіи, биткомъ набитой дамами и всѣмъ московскимъ свѣтскимъ обществомъ,—имѣютъ историческое значеніе». Я совершенно съ нимъ согласенъ. Грановскій сдѣлалъ изъ аудиторіи гостиную, мѣсто свиданья, встрѣчи beau mond'а. Для этого онъ не нарядилъ исторіи въ кружева и блонды, совсѣмъ напротивъ, его рѣчь была строга, чрезвычайно серьезна, исполнена силы, смѣлости и поэзіи, которыя мощно потрясали слушателей, будили ихъ...— Излагая событія, художественно группируя ихъ, онъ говоритъ ими такъ, что мысль, несказанная имъ, но совершенно ясная, представлялась тѣмъ знакомѣе слушателю, что она казалась его собственной мыслью.

Заключеніе перваго курса было для него настоящей оваціей, вещью неслыханной въ московскомъ университетѣ. Когда онъ, оканчивая, глубоко тронутый, благодарилъ публику,—все вскочило въ какомъ-то опьяненіи, дамы махали платками, другіе бросались къ каѳедрѣ, жали ему руки, требовали его портрета! Я самъ видѣлъ молодыхъ людей съ раскраснѣвшимися щеками, кричавшихъ сквозь слезы: „браво! браво!“ Выйти не было возможности; Грановскій, блѣдный какъ полотно, сложа руки, стоялъ, слегка склоняя голову; ему хотѣлось еще сказать нѣсколько словъ, но онъ не могъ. Трескъ, вопль, неистовство одобренія удвоились, студенты построились на лѣстницѣ, въ аудиторіи они предоставили шумѣть гостямъ. Грановскій пробрался измученный въ совѣтъ; черезъ нѣсколько минутъ его увидѣли выходящаго изъ совѣта, и снова безконечное рукоплесканіе; онъ воротился, прося рукой пощады и изнемогая отъ волненія, взошелъ въ правленіе. Тамъ бросился я нему на шею и мы молча заплакали.

(И. Соловьевъ, Рус. Университеты, с. 199—200. Соч. Герцена, т. IV, с. 136—141.)

---

213. Московскіе кружки и споры. Хомяковъ.

...Говорятъ, Москва, молодая Москва состарѣлась, не пережила Николая, что и университетъ ея измельчалъ...— Можетъ быть!.. Но не такова была Москва сороковыхъ годовъ, и вотъ эта-то Москва и принимала дѣятельное участіе за мурмолки и противъ нихъ; барыни и барышни читали статьи очень скучныя, слушали пренія очень длинныя, спорили сами за К. Аксакова или за Грановскаго, жалѣя только, что Аксаковъ слишкомъ славянинъ, а Грановскій недостаточно патріотъ.

Споры возобновлялись на всѣхъ литературныхъ и нелитературныхъ вечерахъ, на которыхъ мы встрѣчались, — а это было раза два или три въ недѣлю. Въ понедѣльникъ собирались у Чаадаева, въ пятницу у Свербѣева, въ воскресенье у А. П. Елагиной.

Сверхъ участниковъ въ спорахъ, сверхъ людей, имѣвшихъ мнѣнія, на эти вечера пріѣзжали охотники, даже охотницы, и сидѣли до двухъ часовъ ночи, чтобъ посмотрѣть, кто изъ матадоровъ кого отдѣлаетъ и какъ отдѣлаютъ его самого; пріѣзжали, въ томъ родѣ, какъ встарь ѣздили на кулачные бои въ амфитеатръ, что за Рогожской заставой.

Ильей Муромцемъ, разившимъ всѣхъ, со стороны православія и славянизма, былъ Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, „Горгіасъ, совопросникъ міра сего“, по выраженію (проф.) Морошкина. Умъ сильный, подвижной, богатый сред-

ствами и неразборчивый на нихъ, богатый памятью и быстрымъ соображеніемъ, онъ горячо и неутомимо проспорилъ всю свою жизнь. Боецъ безъ устали и отдыха, онъ билъ и кололъ, нападалъ и преслѣдовалъ, осыпалъ остротами и цитатами, пугалъ и заводилъ въ лѣсъ, откуда безъ молитвы выйти нельзя,—словомъ, кого за убѣжденіе,—убѣжденіе прочь, кого за логику—логика прочь.

Хомяковъ былъ дѣйствительно опасный противникъ; закалившійся старый бретёръ діалектики, онъ пользовался малѣйшимъ разсѣяніемъ, малѣйшей уступкой. Необыкновенно даровитый человѣкъ, обладавшій страшной эрудиціей, онъ, какъ средневѣковые рыцари, караулившіе Богородицу, спалъ вооруженный. Во всякое время дня и ночи онъ былъ готовъ на запутаннѣйшій споръ и употреблялъ для торжества своего славянскаго воззрѣнія все на свѣтѣ отъ казуистики византійскихъ богослововъ до тонкостей изворотливаго легиста. Возраженія его, часто мнимыя, всегда ослѣпляли и сбивали съ толку.

Хомяковъ зналъ очень хорошо свою силу и игралъ ею; забрасывалъ словами, запугивалъ ученостью, надо всѣмъ издѣвался, заставлялъ человѣка смѣяться надъ собственными вѣрованіями и убѣжденіями, оставляя его въ сомнѣніи, есть-ли у него у самаго что-нибудь завѣтное. Онъ мастерски ловилъ и мучилъ на діалектической жаровнѣ остановившихся на полдорогѣ, пугалъ робкихъ, приводилъ въ отчаяніе дилетантовъ и при всемъ этомъ смѣялся, какъ казалось, отъ души. Я говорю „какъ казалось“, потому что въ нѣсколько восточныхъ чертахъ его выражалось что-то затаенное и какое-то азіатское простодушное лукавство вмѣстѣ съ русскимъ себѣ на умѣ. Онъ вообще больше сбивалъ, чѣмъ убѣждалъ.

Философскіе споры его состояли въ томъ, что онъ отвергалъ возможность разумомъ дойти до истины; онъ разуму давалъ одну формальную способность, способность развивать зародыши или зерна, иначе получаемыя, относительно готовыя (т.-е. даваемыя откровеніемъ, получаемыя вѣрой). Если же разумъ оставить на самаго себя, то, бродя въ пустотѣ и строя категоріи за категоріей, онъ можетъ обличить свои законы, но никогда не дойдетъ ни до понятія о духѣ, ни до понятія о безсмертіи и пр. На этомъ Хомяковъ билъ на голову людей, остановившихся между религіей и наукой. Какъ они ни бились въ формахъ гегелевской методы, какія ни дѣлали построенія, Хомяковъ шелъ съ ними шагъ въ шагъ и подъ конецъ дулъ на карточный домъ логическихъ формулъ или подставлялъ ногу и заставлялъ ихъ падать въ „матеріализмъ“, отъ котораго они стыдливо отрекались, или въ „атеизмъ“, котораго они просто боялись. Хомяковъ торжествовалъ!..

(Соч. Герцена, т. II, с. 416—417),

---

214. К. Аксаковъ.

Объ основныхъ началахъ Русской Исторіи.

Россія — земля совершенно самобытная, вовсе не похожа на Европейскія государства и страны. Очень ошибутся тѣ, которые вздумаютъ прилагать къ ней Европейскія воззрѣнія и на основаніи ихъ судить о ней. Но такъ мало знаетъ Россію наше просвѣщенное общество, что такого рода разсужденія слышишь часто: Помилуйте, говорятъ многіе, неужели вы думаете, что Россія идетъ какимъ-то своимъ путемъ? На это отвѣтъ простой: нельзя не думать того, что знаешь, что таково на самомъ дѣлѣ...—

Исторія нашей родной земли такъ

самобытна, что разнится съ самой первой своей минуты. Здѣсь-то, въ самомъ началѣ, раздѣляются эти пути— Русскій и Западно-Европейскій — до той минуты, когда странно и насильственно встрѣчаются они, когда Россія даетъ страшный крюкъ, кидаетъ родную дорогу и примыкаетъ къ Западной. На это начало прежде всего обратимъ свое вниманіе.

Всѣ Европейскія государства основаны завоеваніемъ. Вражда есть начало ихъ. Власть явилась тамъ непріязненною и вооруженною, и насильственно утвердилась у покоренныхъ народовъ. Одинъ народъ, или, лучше, одна дружина завоевываетъ народъ, и образуется государство, въ основѣ котораго лежитъ вражда, не покидающая его во все теченіе исторіи. (Если тамъ и была тишина, какъ явленіе, — въ основѣ лежала вражда).

Русское государство, напротивъ, было основано не завоеваніемъ, а добровольнымъ призваніемъ власти. Поэтому не вражда, а миръ и согласіе есть его начало. Власть явилась у насъ желанною, не враждебною, но защитною и утвердилась съ согласія народнаго. На Западѣ власть явилась какъ грубая сила, одолѣла и утвердилась безъ воли и убѣжденія покореннаго народа. Въ Россіи народъ созналъ и понялъ необходимость государственной власти на землѣ, и власть явилась, какъ званный гость, по волѣ и убѣжденію народа.

Такимъ образомъ рабское чувство покореннаго легло въ основаніи Западнаго государства; свободное чувство разумно и добровольно призвавшаго власть легло въ основаніи государства Русскаго. Рабъ бунтуетъ противъ власти, имъ непонимаемой, безъ воли его на него наложенной и его не понимающей. Человѣкъ свободный не бунтуетъ противъ власти, имъ понятой и добровольно призванной.

И такъ, въ основаніи государства Западнаго: насиліе, рабство и вражда. Въ основаніи государства Русскаго: добровольность, свобода и миръ. Эти начала составляютъ важное и рѣшительное различіе между Русью и Западной Европою, и опредѣляютъ исторію той и другой.

Пути совершенно разные, разные до такой степени, что никогда не могутъ сойтись между собою, и народы, идущіе ими, никогда не согласятся въ своихъ воззрѣніяхъ. Западъ изъ состоянія рабства переходитъ въ состояніе бунта, принимаетъ бунтъ за свободу, хвалится ею и видитъ рабство въ Россіи. Россія же постоянно хранитъ у себя призванную ею самою власть, хранитъ ее добровольно, свободно, и поэтому въ бунтовщикѣ видитъ только раба съ другой стороны, который такъ же унижается передъ новымъ идоломъ бунта, какъ передъ старымъ идоломъ власти; ибо бунтовать можетъ только рабъ, а свободный человѣкъ не бунтуетъ.

Но пути эти стали еще различнѣе, когда важнѣйшій вопросъ для человѣчества присоединился къ нимъ: вопросъ Вѣры. Благодать сошла на Русь. Православная Вѣра была принята ею. Западъ пошелъ по дорогѣ католицизма. Страшно въ такомъ дѣлѣ говорить свое мнѣніе; но если мы не ошибаемся, то скажемъ, что по заслугамъ дался и истинный, дался и ложный путь Вѣры — первый Руси, второй Западу.

(Соч. К. Аксакова т. I. с. 16—18).

---

215. Разсказъ Погодина о чтеніи Пушкинымъ „Бориса Годунова" у Веневитиновыхъ.

(1826 г.)

Пушкинъ, долго лишенный удовольствій столицы, по пріѣздѣ въ Москву

„предался имъ съ энергіей“, а потому Погодину и его друзьямъ нелегко было уговорить прочесть имъ Годунова. Наконецъ, въ Дневникѣ Погодина, подъ 10 октября, читаемъ: „Пушкинъ обѣщалъ прочесть Годунова во вторникъ, 12 октября. Браво!“

И въ этотъ день „спозаранку всѣ собрались къ Веневитиновымъ, которые жили между Мясницкою и Покровкою, на поворотѣ къ Армянскому переулку, и съ трепещущимъ сердцемъ ожидали Пушкина. Въ 12 часовъ онъ является. „Какое дѣйствіе произвело на всѣхъ насъ это чтеніе“, вспоминалъ черезъ сорокъ лѣтъ Погодинъ,—„передать невозможно. До сихъ поръ еще, а этому прошло 40 лѣтъ, кровь приходитъ въ движеніе при одномъ воспоминаніи. Надо припомнить, — мы собрались слушать Пушкина, воспитанные на стихахъ Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова, которыхъ всѣ мы знали наизусть. Учителемъ нашимъ былъ Мерзляковъ. Надо припомнить и образъ чтенія стиховъ, господствовавшій въ то время. Это былъ распѣвъ, завѣщанный французскою декламаціей, которой мастеромъ считался Кокошкинъ, и послѣднимъ представителемъ былъ въ наше время графъ Блудовъ. Наконецъ надо представить себѣ самую фигуру Пушкина. Ожиданный нами величавый жрецъ высокаго искусства — это былъ средняго роста, почти низенькій человѣчекъ, вертлявый, съ длинными, нѣсколько курчавыми по концамъ волосами, безъ всякихъ притязаній, съ живыми, быстрыми глазами, съ тихимъ, пріятнымъ голосомъ, въ черномъ сюртукѣ, въ темномъ жилетѣ, застегнутомъ на-глухо, въ небрежно подвязанномъ галстухѣ. Вмѣсто высокопарнаго языка боговъ мы услышали простую, ясную, обыкновенную и между тѣмъ типическую увлекательную рѣчь!..

Первыя явленія выслушаны тихо и спокойно или лучше сказать, въ какомъ-то недоумѣніи. Но чѣмъ дальше, тѣмъ ощущенія усиливались. Сцена лѣтописателя съ Григоріемъ всѣхъ ошеломила. Мнѣ показалось, что мой родной и любезный Несторъ поднялся изъ могилы и говоритъ устами Пимена, мнѣ послышался живой голосъ русскаго древняго лѣтописателя. А когда Пушкинъ дошелъ до разсказа Пимена о посѣщеніи Кириллова монастыря Іоанномъ Грознымъ, о молитвѣ иноковъ „да ниспошлетъ Господь покой его душѣ, страдающей и бурной“, мы просто всѣ какъ будто обезпамятѣли. Кого бросало въ жаръ, кого—въ ознобъ. Волосы подымались дыбомъ. Не стало силъ воздерживаться. Кто вдругъ вскочитъ съ мѣста, кто вскрикнетъ. То молчаніе, то взрывъ восклицаній, напримѣръ, при стихахъ Самозванца:

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила,
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.

Кончилось чтеніе. Мы смотрѣли другъ на друга долго, и потомъ бросились къ Пушкину. Начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія. Эванъ, эвое, дайте чаши!

Явилось шампанское, и Пушкинъ одушевился, видя такое свое дѣйствіе на избранную молодежь. Ему было пріятно наше волненіе. Онъ началъ намъ, поддавая жару, читать пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, какъ онъ выплывалъ ночью по Волгѣ на востроносой своей лодкѣ, предисловіе къ Руслану и Людмилѣ:

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ;
И днемъ, и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ,
Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
Налѣво—сказку говоритъ.

Потомъ Пушкинъ началъ разсказывать о планѣ Дмитрія Самозванца, о

палачѣ, который шутитъ съ чернью, стоя у плахи на Красной площади въ ожиданіи Шуйскаго.

О, какое удивительное то было утро, оставившее слѣды на всю жизнь. Не помню, какъ мы разстались, какъ докончили день, какъ улеглись спать. Да едва ли кто и спалъ изъ насъ въ эту ночь. Такъ былъ потрясенъ весь нашъ организмъ.

(Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина. Т. II, стр. 43—45).

---

216. Изъ записокъ М. И. Глинки.

Первое представленіе „Жизни за Царя".

Рѣшено было дать мою оперу на открытіе театра, по возобновленіи, и потому начали производить пробы на сценѣ Большого театра. Въ это время отдѣлывали ложи, прибивали канделябры и другія украшенія, такъ что нѣсколько сотъ молотковъ часто заглушали капельмейстера и артистовъ.

Не задолго до перваго представленія, я имѣлъ счастіе встрѣтить Государя на одной изъ репетицій; молотки умолкли и Петровъ съ Воробьевой имѣли дуэтъ Es-dur, и, естественно, очень не дурно. Государь подошелъ ко мнѣ и ласково спросилъ: „доволенъ ли я его артистами?"—Въ особенности ревностію и усердіемъ, съ которыми они исполняютъ свою обязанность, отвѣчалъ я. Этотъ отвѣтъ понравился Государю и онъ передалъ его актерамъ.

Черезъ содѣйствіе Гедеонова я получилъ позволеніе посвятить оперу мою государю императору; и вмѣсто Ивана Сусанина, названа она „Жизнь за Царя".

На послѣдней репетиціи я не былъ за болѣзнью. Эта проба была, какъ водится, въ костюмахъ, съ декораціями и освѣщеніемъ. Такъ какъ многіе уже слышали отрывки изъ оперы моей и публика интересовалась ею, то театръ былъ полонъ.

Князь Одоевскій по окончаніи пробы успокоилъ меня письмомъ, увѣряя, что успѣхъ перваго представленія не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Наконецъ, въ пятницу, 27 ноября 1836 года, назначено было первое представленіе оперы: „Жизнь за Царя".

Невозможно описать моихъ ощущеній въ тотъ день, въ особенности передъ началомъ представленія. У меня была ложа во второмъ ярусѣ; первый — весь былъ занятъ придворными и первыми сановниками съ семействами. Жена съ родными была въ ложѣ; не знаю навѣрное, была ли и матушка.

Первый актъ прошелъ благополучно; извѣстному тріо сильно аплодировали.

Въ сценѣ поляковъ, начиная отъ польскаго до мазурки и финальнаго хора, царствовало глубокое молчаніе. Я пошелъ на сцену, сильно огорченный этимъ молчаніемъ публики; и Иванъ Кавосъ, сынъ капельмейстера, управлявшаго оркестромъ, тщетно увѣрялъ меня, что это молчаніе происходитъ отъ того, что тутъ дѣйствуютъ поляки; я остался въ недоумѣніи.

Появленіе Воробьевой разсѣяло всѣ мои сомнѣнія въ успѣхѣ. Пѣснь Сироты, дуэтъ Воробьевой съ Петровымъ, квартетъ, сцена съ поляками G-dur и прочіе №№ акта прошли (благополучно) и съ большимъ успѣхомъ.

Въ четвертомъ актѣ, хористы, игравшіе поляковъ, въ концѣ сцены, происходящей въ лѣсу, напали на Петрова съ такимъ остервенѣніемъ, что разорвали на немъ рубашку и онъ не на шутку долженъ былъ отъ нихъ защищаться.

Великолѣпный спектакль Эпилога, представляющій ликованье народа въ Кремлѣ, поразилъ меня самого. Воробьева была превосходна, какъ и всегда, въ тріо съ хоромъ.

Успѣхъ оперы былъ совершенный, я былъ въ чаду и теперь рѣшительно не помню, что происходило, когда опустили занавѣсъ.

Меня сейчасъ послѣ этого позвали въ боковую императорскую ложу. Государь первый поблагодарилъ меня за мою оперу, замѣтивъ, что не хорошо, что Сусанина убиваютъ на сценѣ; я объяснилъ его величеству, что, не бывъ на пробѣ по болѣзни, я не могъ знать, какъ распорядятся; а что по моей программѣ во время нападенія поляковъ на Сусанина занавѣсь должна сейчасъ опуститься; смерть же Сусанина высказывается Сиротою въ эпилогѣ.

Послѣ императора благодарила меня императрица, а потомъ великіе князья и великія княжны, находившіеся въ театрѣ.

Въ скоромъ времени я получилъ за оперу императорскій подарокъ: перстень въ 4.000 руб. асиг.; онъ состоялъ изъ топаза, окруженнаго въ три ряда превосходнѣйшими брильянтами; я тогда же подарилъ его женѣ моей.

(Записки М. И. Глинки, стр. 90—93).

---

217. Гамлетъ въ исполненіи Мочалова.

На представленіи 14 февраля мы не были. Шестое представленіе было 23 февраля. Боже мой! шесть представленій въ продолженіе какого нибудь мѣсяца съ тремя днями... да тутъ хоть какое вдохновеніе такъ ослабѣетъ!..

Мы начали бояться за судьбу „Гамлета“ на московской сценѣ; мы начали думать, что Мочалову вздумалось уже опочить на своихъ лаврахъ... И онъ точно заснулъ на нихъ, но наконецъ проснулся, и какъ проснулся... Безъ надежды пошли мы въ театръ, но вышли изъ него съ новыми надеждами, которыя были еще смѣлѣе прежнихъ... Дѣло было на масляной, спектакль давался по утру; публики было не много въ сравненіе съ прежними представленіями, хотя и все еще много. Извѣстно, что денной спектакль всегда производитъ на душу непріятное впечатлѣніе, точь-въ-точь какъ прекрасная дѣвушка поутру послѣ бала, кончившагося въ 6 часовъ. Два акта шли болѣе хорошо, нежели дурно, т.-е. сильныхъ мѣстъ было больше, нежели слабыхъ, и даже промелькивала какая-то общность въ его игрѣ, которая напоминала первое представленіе. Наконецъ начался третій актъ — и Мочаловъ возсталъ, и въ этомъ возстаніи былъ выше, нежели въ первыя два представленія. Этотъ третій актъ былъ выполненъ имъ ровно отъ перваго слова до послѣдняго, и будучи проникнутъ ужасающей силой, отличался въ то же время и величайшей истиной: мы увидѣли шекспировскаго Гамлета, возсозданнаго великимъ актеромъ. Не будемъ входить въ подробности, но укажемъ только на два мѣста. Послѣ представленія комедіи, когда смущенный король уходитъ съ придворными со сцены, Мочаловъ уже не вскакивалъ со скамеечки, на которой сидѣлъ, подлѣ креселъ Офеліи. Изъ пятаго ряда креселъ увидѣли мы такъ ясно, какъ будто на шагъ разстоянія отъ себя, что лицо его посинѣло, какъ море предъ бурей: опустивъ голову внизъ, онъ долго качалъ ею съ выраженіемъ нестерпимой муки духа, и изъ его груди вылетѣло нѣсколько глухихъ стоновъ, походившихъ на рычаніе льва, который, попавшись въ тенета и видя безполезность своихъ усилій къ осво-

божденію, глухимъ и тихимъ ревомъ отчаянія изъявляетъ невольную покорность своей бѣдственной судьбѣ... Оцѣпенѣло собраніе и нѣсколько мгновеній въ огромномъ амфитеатрѣ ничего не было слышно, кромѣ испуганнаго молчанія, которое вдругъ прервалось кликами и рукоплесканіями... Въ самомъ дѣлѣ, это было дивное явленіе: тутъ мы увидѣли Гамлета уже не торжествующаго отъ своего ужаснаго открытія, какъ въ первое представленіе, но подавленнаго, убитаго очевидностью того, что недавно его мучило, какъ подозрѣніе, и въ чемъ онъ, цѣной своей жизни и крови, желалъ бы разубѣдиться... Потомъ въ сценѣ съ матерью, которая вся была выдержана превосходнѣйшимъ образомъ, онъ въ это представленіе бросилъ внезапный свѣтъ, озарившій одно мѣсто въ Шекспирѣ, которое было непонятно, по крайнѣй мѣрѣ для насъ. Когда онъ убилъ Полонія, и когда его мать говоритъ ему: „Ахъ, что ты сдѣлалъ, сынъ мой!" онъ отвѣчалъ ей: „Что? не знаю. Король?"

Слова: „Что? не знаю"— Мочаловъ проговорилъ тономъ человѣка, въ головѣ котораго вдругъ блеснула пріятная для него мысль, но который еще не смѣетъ ей вѣрить, боясь обмануться. Но слово „король?" онъ выговорилъ съ какой-то дикой радостью, сверкнувъ глазами и порывисто бросившись къ мѣсту убійства... Бѣдный Гамлетъ! мы поняли твою радость: тебѣ показалось, что твой подвигъ уже совершенъ, совершенъ нечаянно: сама судьба, сжалившись надъ тобой, помогла тебѣ стряхнуть съ шеи эту ужасную тягость... И послѣ этого какъ понятны были для насъ ругательства Гамлета надъ тѣломъ Полонія:—„А ты, глупецъ, дуракъ, болванъ! Прости меня", и проч... О, Мочаловъ умѣетъ объяснить, и кто хочетъ понять шекспирова Гамлета, тотъ изучай его не въ книгахъ и не въ аудиторіяхъ, а на сценѣ Петровскаго театра!..

По окончаніи третьяго акта Мочаловъ былъ вызванъ публикой и предсталъ передъ нею торжествующій, побѣдоносный, съ сіяющимъ лицомъ. Мы видѣли, что эта минута для него высока и священна, и мы поняли великаго артиста: публика нарушила для него обыкновеніе вызывать актера только послѣ послѣдняго акта пьесы, а онъ сознавалъ, что это было не снисхожденіе, а должная дань заслугѣ; онъ видѣлъ, что эта толпа понимаетъ его и сочувствуетъ ему— высшая награда, какая только можетъ быть для истиннаго художника. Остальные два акта были играны прекрасно; даже въ несчастной сценѣ съ могильщикомъ Мочаловъ былъ несравненно лучше прежняго...

(Сочиненіе Бѣлинскаго Изд. Павленкова Томъ I. с. 867—871).

---

218. Письмо М. С. Щепкина къ С. В. Шумскому.

27 марта 1848 года.

Здравствуйте, мой любезнѣйшій Сергѣй Васильевичъ!

Давно я долженъ вашей милости письмомъ, но вѣдь знаешь, что для меня писать страшная работа. Но рано ли, поздно ли—надо было расквитаться. Но что писать? чѣмъ наполнить письмо? Начну съ того, что успѣхи твои (на одесской сценѣ) по всеобщимъ отзывамъ, которые (ты) заслужилъ отъ публики, меня очень радуютъ, и старое сердце мое веселится полною радостію. Знаю, что труда было много; но что-же достается даромъ и что-жъ бы значило искусство, еслибы оно доставалось безъ труда? Пользуйся случаемъ, трудись, разработывай данныя Богомъ способ-

ности по крайнему своему разумѣнію; не отвергай замѣчаній, а вникай въ нихъ глубже, и для провѣрки себя и совѣтовъ, всегда имѣй въ виду натуру; влазь, такъ сказать, въ кожу дѣйствующаго лица, изучай хорошенько его общественный бытъ, его образованіе, его особенныя идеи, если онѣ есть, и даже не упуская изъ виду общество его прошедшей жизни. Когда все это будетъ изучено, тогда, какія бы положенія ни были взяты изъ жизни, ты непремѣнно выразишь вѣрно: ты можешь сыграть иногда слабо, иногда сколько-нибудь удовлетворительно (это часто зависитъ отъ душевнаго расположенія), но сыграешь вѣрно. Помни, что совершенство не дано человѣку; но, занимаясь добросовѣстно, ты будешь къ нему приближаться на столько, на сколько природа дала тебѣ средствъ. Ради Бога, только никогда не думай смѣшить публику: вѣдь и смѣшное и серьезное вытекаетъ все-таки изъ вѣрнаго взгляда на предметъ, и вѣрь мнѣ, что чрезъ два-три года ты увидишь въ своихъ роляхъ разницу; съ каждымъ разомъ роль будетъ выходить круглѣе, естественнѣе. Слѣди неусыпно за собой; пусть публика тобой довольна, но самъ къ себѣ будь строже ея—и вѣрь, что внутренняя награда выше всѣхъ аплодисментовъ. Старайся быть въ обществѣ—сколько позволитъ время, изучай человѣка въ массѣ, не оставляй ни одного анекдота безъ вниманія, и всегда найдешь предшествующую причину, почему случилось такъ, а не иначе; эта живая книга замѣнитъ тебѣ всѣ теоріи, которыхъ къ несчастію въ нашемъ искусствѣ до сихъ поръ нѣтъ. Потому всматривайся во всѣ слои общества безъ всякаго предубѣжденія къ тому или другому, и увидишь, что вездѣ есть хорошее и дурное,—и это дастъ возможность при игрѣ каждому обществу отдать свое, то-есть: крестьяниномъ ты не будешь умѣть сохранить свѣтскаго приличія при полной радости, а бариномъ во гнѣвѣ не раскричишься и не размахаешься, какъ крестьянинъ. Не пренебрегай отдѣлкой сценическихъ положеній и разныхъ мелочей, подмѣченныхъ въ жизни; но помни, чтобъ это было вспомогательнымъ средствомъ, а не главнымъ предметомъ: первое хорошо, когда уже изучено и понято совершенно второе. Ну, я думаю, что я ужъ наскучилъ тебѣ своими совѣтами тѣмъ болѣе, что часть ихъ тебѣ уже извѣстна; да что за бѣда? и повторить не худо. Я по себѣ знаю: я знаю роль, а все повторяю, и почти каждый разъ не даромъ, что-нибудь да замѣтишь и то, что поумничалъ прежде, а дѣло гораздо простѣе. Итакъ я считаю всю эту болтовню, на которую старики вообще не скупы, и особливо, когда дойдетъ до совѣтовъ, не лишнею. Надобно же было чѣмъ-нибудь наполнить письмо; сообщить тебѣ что-нибудь объ здѣшнемъ—ничего интереснаго нѣтъ: все старое, все также пошло плутуемъ, также глупо умничаемъ; все также молодость смотритъ на меня, какъ на отжившаго, а я на нихъ какъ на недоростковъ, которые довольны шумихой за неимѣніемъ отъ природы золотыхъ рудниковъ, — съ тою только разницею, что я душою желаю имъ дорыться этихъ рудниковъ, а они рады-бъ были, еслибы я съ своей стариной убрался къ черту. Кто изъ насъ правъ или виноватъ? — разсудитъ время.

По газетамъ ты уже вѣрно знаешь о смерти Мочалова. Да, Россія лишилась могучаго таланта! Что дѣлать, что онъ, по нашему разумѣнію, невполнѣ удовлетворялъ насъ; но мы уже не услышимъ тѣхъ потрясающихъ душу звуковъ, (не увидимъ) тѣхъ восторженныхъ мгновеній, которыя часто прорывались сквозь его нелѣ-

пыя формы. Правы мы, или нѣтъ въ своихъ требованіяхъ въ отношеніи къ его таланту, объ этомъ я когда-нибудь потолкую еще съ тобой; а теперь миръ праху его! Прощай, обнимаю тебя отъ души и остаюсь вѣчно твой Михайло Щепкинъ.

(Зап. Щепкина с. 193—6.).

XXXIX. Крестьянскій вопросъ въ концѣ царствованія имп. Николая I.

219. Изъ письма Бѣлинскаго о крестьянскомъ вопросѣ.

(1847 г.)

„Вы знаете", писалъ Бѣлинскій П. В. Анненкову (декабрь 1847),—„что послѣ выборовъ назначается обыкновенно двое депутатовъ отъ дворянства, чтобы благодарить Государя Императора за продолженіе дарованныхъ дворянству правъ. Смоленскимъ депутатамъ велѣно было явиться въ Питеръ. Государь Императоръ милостиво принялъ ихъ, говорилъ, что онъ всегда былъ доволенъ Смоленскимъ Дворянствомъ и пр., и потомъ вдругъ перешелъ къ слѣдующей рѣчи: Теперь я буду говорить съ вами не какъ государь, а какъ первый дворянинъ Имперіи. Земля принадлежитъ намъ, дворянамъ, по праву, потому что мы пріобрѣли ее нашею кровію, пролитою за Государство, но я не понимаю, какимъ образомъ человѣкъ сдѣлался вещью, и не могу себѣ объяснить этого иначе, какъ хитростію и обманомъ, съ одной стороны, и невѣжествомъ — съ другой. Этому должно положить конецъ. Лучше намъ отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у насъ отняли. Крѣпостное право причиною того, что у насъ нѣтъ торговли, промышленности.—Затѣмъ онъ сказалъ имъ, чтобы они ѣхали въ свою губернію и, держа это въ секретѣ, побудили бы Смоленское Дворянство къ совѣщаніямъ о мѣрахъ, какъ приступить къ дѣлу".

(Барсуковъ. Погодинъ. т. IX. с. 304—5).

---

220. Письмо А. И. Кошелева къ министру внутреннихъ дѣлъ.

(Октября 1847 года).

Утвердить на законномъ основаніи бытъ крестьянъ и дворовыхъ людей и отношеніе къ нимъ помѣщика—было всегда живѣйшимъ моимъ желаніемъ. Съ особенною радостью привѣтствовалъ я указы объ обязанныхъ крестьянахъ и о дозволеніи давать дворовымъ людямъ отпускныя по условіямъ. Къ несчастію, благодѣтельныя сіи мѣры не получаютъ до сихъ поръ надлежащаго развитія; онѣ не переходятъ въ жизнь и остаются лишь въ Сводѣ Законовъ, какъ свидѣтельства желаній правительства.

Конечно, крѣпостные люди вообще и въ особенности въ нѣкоторыхъ губерніяхъ еще не требуютъ перемѣны въ своемъ положеніи; большая часть даже объ этомъ и не помышляетъ. Этимъ-то состояніемъ дѣла, смѣю думать, и должно воспользоваться, чтобы произвести постепенный и сколько можно менѣе чувствительный переходъ къ иному быту.

Должно сознаться также, что большинство дворянъ стоитъ за нынѣшній порядокъ вещей и противно измѣненію отношеній ихъ къ крестьянамъ; иначе и быть не можетъ. Наше дворянство столь еще многочисленно, сколько оно и бѣдно; просвѣщеніе обхватило только верхній слой этого званія; остальныя же его подраздѣленія болѣе или менѣе остаются въ прежнемъ неподвижномъ по-

ложеніи. Измѣненіе крѣпостнаго права въ отношеніи людей сопряжено съ пожертвованіями. Богатому жертвовать несравненно легче, чѣмъ бѣдному; бѣдность же есть нынѣшній удѣлъ безчисленнаго нашего дворянства.

Указъ объ условныхъ отпускныхъ мало-по-малу приноситъ полезные плоды, но положеніе объ обязанныхъ крестьянахъ не имѣетъ рѣшительно никакого дѣйствія. Въ этомъ должно обвинять не одно нежеланіе дворянства измѣнить неестественное право въ отношеніи крѣпостныхъ людей, есть люди, сильно желающіе по совѣсти устроить бытъ доставшихся имъ крѣпостныхъ людей, — но не приступаютъ къ дѣлу потому, что у нихъ руки связаны. Причина совершеннаго неразвитія сего законоположенія, смѣю доложить В. В.-Пр-ву лежитъ въ самомъ законѣ.

Измѣненіе крѣпостнаго права въ отношеніи людей должно быть результатомъ усилій какъ правительства, такъ и самого дворянства. Смѣю даже думать, что дворянство, для собственнаго своего охраненія и для собственныхъ своихъ выгодъ должно принять въ этомъ дѣлѣ первое и главное участіе. Обстоятельства сего вопроса такъ многосложны, нѣкоторыя пожертвованія такъ необходимы, что дворянство одно можетъ, каждое для своей мѣстности, составить по сему предмету надлежащее предположеніе.

Сіе-то убѣжденіе возлагаетъ на меня долгъ—на предстоящихъ выборахъ, на основаніи статьи 104-й тома IX Свода Законовъ, предложить дворянству Рязанской губерніи испросить Высочайшее соизволеніе на составленіе комитета для обсужденія настоящаго положенія дворянскихъ имѣній и для предположенія мѣръ къ узаконенію отношеній крестьянъ и дворовыхъ къ своему помѣщику.

Зная всю важность сего вопроса, не скрывая себѣ сопротивленій, которыя разрѣшеніе онаго должно встрѣтить въ здѣшней мѣстности, я не иначе рѣшусь сдѣлать сіе предложеніе, какъ предварительно получивши на то соизволеніе В. Пр—ва.

Нужнымъ считаю присовокупить, что предложеніе сіе намѣренъ сдѣлать не молодой мальчикъ, но 42-лѣтній человѣкъ,—не теоретикъ, а хозяинъ, постоянно живущій въ деревнѣ и ревностно занимающійся своимъ хозяйствомъ; и, наконецъ, не безпріютный, ищущій въ перемѣнахъ улучшенія своего состоянія, но человѣкъ, имѣющій нынѣ въ своемъ владѣніи, при достаточномъ количествѣ земли, 3.500 ревизскихъ душъ мужеска пола.

Осмѣливаюсь препроводить при семъ къ В. В. П—ву проектъ предложенія, которое я желаю сдѣлать на предстоящихъ (10 декабря сего года) рязанскихъ губернскихъ выборахъ и всепокорнѣйше прошу почтить меня разрѣшеніемъ, могу ли я сдѣлать сіе предложеніе или нѣтъ?

Отвѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ.

(23 ноября 1847 г., № 3489).

По всеподданнѣйшему докладу моему письма вашего отъ 23-го октября, Е. В. Высочайше повелѣть соизволилъ отозваться, что предполагаемое вами предложеніе на дворянскихъ выборахъ, при всей благонамѣренности своей, не совсѣмъ удобно, какъ и самое составленіе комитета, для обсужденія настоящаго положенія дворянскихъ имѣній въ Рязанской губерніи и для начертанія мѣръ къ опредѣленію отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ. Но если бы вы, м. г., съ своей стороны заключили съ крестьянами своими условія для обращенія ихъ въ обязанные, то это было бы вполнѣ согласно съ желаніями Его

Величества и подало бы поощрительный примѣръ для другихъ владѣльцевъ.

(Біографія Кошелева. Приложеніе пятое. с. 16—17).

---

221. Охота пуще неволи.

Статья А. И. Кошелева.

(1847 г.) [1].

Часто повторяемъ мы сію пословицу, но рѣдко, весьма рѣдко думаемъ о глубокомъ ея смыслѣ. Чего не дѣлаемъ мы по охотѣ! Скачемъ по большимъ дорогамъ, не спимъ ночи, работаемъ съ утра до вечера, и намъ все это не тяжело. Успѣхъ большею частью увѣнчиваетъ наши усилія — почему?—потому именно, что мы все это дѣлаемъ добровольно, что мы имѣемъ въ виду достиженіе нашей цѣли и работаемъ для себя. Какъ тяжело всякое принужденіе! Мнѣ хочется служить въ военной службѣ, а меня опредѣляютъ въ гражданскую; я не люблю деревню, а родители посылаютъ меня хозяйничать въ отдаленную губернію; для излѣченія отъ болѣзни мнѣ хочется ѣхать за границу, а меня отправляютъ на Кавказъ. Гражданская служба, деревня, Кавказъ—сами по себѣ суть вещи не дурныя, не тяжелыя и для многихъ онѣ составляютъ предметы пламенныхъ желаній; но во всемъ этомъ дурно, тяжело лишь одно—именно то, что мы должны это дѣлать не по убѣжденію, не по охотѣ, а по неволѣ.

Если непріятно, тяжело совершать по неволѣ нѣсколько дѣлъ въ жизни, то каково цѣлую жизнь, почти всѣ дѣйствія оной производить не по охотѣ, а по неволѣ! Сидора мы назначаемъ въ повара, Андрея—въ лакеи, Гаврилу—въ портные, и такъ далѣе, между тѣмъ какъ они, быть можетъ, имѣютъ наклонности къ совершенно инымъ занятіямъ. Ѳедоръ желаетъ жениться, онъ сотворенъ для семейной жизни, а я не дозволяю ему жениться, потому что, какъ человѣка характера тихаго, его личная услуга мнѣ нужна, я хочу имѣть его всегда въ господскомъ домѣ. Родители желали бы сохранить при себѣ дѣтей своихъ и лично наблюсти за ихъ нравственностью, а мы отдаемъ ихъ въ ученіе въ Москву, гдѣ и мальчики и дѣвочки болѣе развращаются поведеніемъ, чѣмъ научаются ремесламъ.— И мы еще удивляемся, что у насъ мастеровые умѣютъ только перенимать и ничего не выдумываютъ и не улучшаютъ. Мы ставимъ въ примѣръ нѣмцевъ, англичанъ, которые постоянно доводятъ до большого совершенства всѣ ремесла, которыми они занимаются. Да, разница тутъ велика. Они посвящаютъ себя тому, чему хотятъ; добрая воля развиваетъ ихъ умъ съ дѣтства; они хлопочутъ, трудятся для себя, а не для другого.

Взглянемъ на барщинскую работу. Придетъ крестьянинъ сколь возможно позже, осматривается и оглядывается сколь возможно чаще и дольше, работаетъ сколь возможно меньше,—ему не дѣло дѣлать, а день убить.—На господина работаетъ онъ три дня и на себя также три дня. Въ свои дни онъ обработываетъ земли больше, справляетъ всѣ домашнія дѣла, и еще имѣетъ много свободнаго времени. Господскія работы, особенно тѣ, которыя не могутъ быть урочными, приводятъ усерднаго надсмотрщика или въ отчаяніе, или въ ярость. Наказываешь нехотя, но прибѣгаешь къ этому средству — какъ единственно-возможному, чтобы дѣло впередъ подвинуть. Съ этою работою сравните

---

[1] Статья напечатана въ № 99 „Земледѣл. Газеты" за 1847 г. Подчеркнутыя слова не пропущены тогдашнею цензурой.

теперь работу артельную, даже работу у хорошаго подрядчика. Здѣсь все горитъ: матеріаловъ не наготовишься, времени проработаютъ они менѣе барщинскаго крестьянина, отдохнутъ они болѣе его, но надѣлаютъ они вдвое, втрое. Отчего?—Охота пуще неволи.

Взойдите въ мануфактуру, гдѣ работаютъ по наряду, даже гдѣ, въ видѣ поощренія, дается нѣкоторая задѣльная плата. Что вы тамъ найдете? Инструменты непремѣнно въ худомъ видѣ, ибо работники ихъ не берегутъ, они за нихъ не отвѣчаютъ, можно этихъ людей наказать, но нельзя прогнать. По этой же самой причинѣ работа производится и дурно, и неотчетливо; что же касается до сработаннаго количества, то вѣрно едва въ половину противъ вольнаго работника.—Какая разница войти въ мануфактуру истинно на коммерческой ногѣ устроенную! Какъ тамъ одинъ передъ другимъ боится переработать, такъ тутъ они другъ друга одушевляютъ и подстрекаютъ. Вычетъ заставляетъ каждаго, строже всякаго надсмотрщика, наблюдать за чистотой работы. Собственная выгода будитъ его до свѣта и освѣщаетъ ему вечеромъ. — Охота пуще неволи.

У насъ въ домахъ слугъ много, а прислуги мало. Всякій имѣетъ свою часть, и даже свою часть исправляетъ столько, сколько необходимо, а всего чаще и гораздо менѣе, чѣмъ сколько нужно. За границею, даже въ С.-Петербургѣ у иностранныхъ купцовъ—въ домѣ одинъ слуга, а между тѣмъ все чисто, все убрано; за столомъ онъ одинъ служитъ пятнадцати, двадцати человѣкамъ; вездѣ онъ поспѣваетъ; нигдѣ нѣтъ за нимъ остановки. Почему?—Потому что онъ получаетъ жалованье хорошее, т.-е. то, чего намъ стоятъ двое, трое нашихъ невольныхъ слугъ; потому что, если онъ не будетъ исполнять всѣхъ требованій своего хозяина, не будетъ предупреждать его желаній, то его сошлютъ и возьмутъ слугу болѣе усерднаго. Спросите иностранцевъ въ Петербургѣ, какъ они довольны нашими такъ называемыми артельщиками; одинъ человѣкъ служитъ за троихъ. Отчего?—Охота пуще неволи.

Мы часто жалуемся, что слуги наши глупы, безпечны, лѣнивы, — да какъ же имъ быть иными? О чемъ имъ заботиться? Они знаютъ, что баринъ ихъ накормитъ и одѣнетъ. Къ чему имъ радѣть?.. Что ни больше они будутъ работать, то тѣмъ больше навалятъ на нихъ дѣла, и одно средство быть покойнымъ—дѣла не дѣлать, а отъ дѣла не бѣгать. Что же касается до ума, то въ ихъ теперешнемъ положеніи это самая опасная и безполезная вещь: почти всѣ умные слуги или пьяницы, или отчаянныя головы. Самая лучшая вещь въ слугѣ—чтобы онъ былъ не уменъ и не глупъ. Дѣло другое въ вольномъ[1]) человѣкѣ: онъ долженъ позаботиться о томъ, чтобы припасти къ старости, на случай болѣзни; ему надобно подумать или объ отцѣ и матери, или о женѣ и дѣтяхъ. Если онъ будетъ служить плохо, то его прогонятъ; если онъ можетъ въ домѣ исправлять только одну часть, то онъ и жалованье получитъ за $^1/_4$, за $^1/_2$ слуги—однимъ словомъ, всякій слуга служитъ безъ устали, мечется во всѣ углы, все имъ приведено въ порядокъ, потому что онъ служитъ по доброй волѣ, потому что онъ получаетъ для себя по мѣрѣ, какъ онъ служитъ для другаго.

Часто слышимъ мы жалобы на пьянство русскаго народа. Да какъ, почтенные читатели, не быть имъ пьяницами? Какое главное дѣйствіе пьянства? Что въ пьянствѣ всего

[1]) Напеч. наемномъ.

привлекательнѣе? По мѣрѣ, какъ вино разыгрывается, человѣкъ чувствуетъ, что все около него преобразовывается, предметы смѣшиваются, воспоминанія покидаютъ и онъ входитъ въ иной какой-то міръ. Онъ забываетъ горе, становится смѣлѣе, живетъ какою-то другою жизнью,—пьяному море по колѣно, говоритъ пословица. — Можно ли ставить въ вину нашимъ людямъ, что имъ хочется хоть изрѣдка отвѣдать иной жизни? Пьянство есть необходимое утѣшеніе въ ихъ положеніи, и горе намъ, когда они въ настоящемъ своемъ быту перестанутъ пьянствовать.

Одна привычка, одна восточная (не хочу сказать сильнѣе) лѣнь удерживаетъ насъ въ освобожденіи себя отъ крѣпостныхъ людей[1]). Почти всѣ мы убѣждены въ превосходствѣ труда свободнаго передъ барщинскою работой, вольной услуги передъ принужденною, а остаемся при худшемъ, зная лучшее. Многое можно сказать насчетъ невозможности теперь превратить нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные; но что удерживаетъ насъ всѣмъ дворовымъ людямъ, на основаніи указа 12 іюня 1844 года, дать отпускныя съ заключеніемъ съ ними обязательствъ? Обезпеченія имѣемъ мы полныя: если они не заплатятъ слѣдующихъ намъ денегъ въ назначенные сроки, то удовлетворяемся мы преимущественно передъ всѣми прочими ихъ долгами и даже передъ казенными повинностями; если имущества ихъ не достаточно, то отдаются въ рекруты и зачетныя квитанціи намъ выдаются, а негодные въ рекруты отправляются въ крѣпостныя работы. Чего же намъ требовать болѣе? Средства намъ даны; исполненіе зависитъ отъ насъ однихъ. Есть уже и примѣры, но, къ несчастью, они не столь многочисленны, какъ бы того слѣдовало ожидать. Пусть люди благонамѣренные примутся за дѣло дружнѣе, и тогда вѣрно отсталыхъ будетъ немного.

(Біографія Кошелева, т. II. Приложенія).

[1]) Напечатано: отъ не наемныхъ слугъ.

---

222. А. Хомяковъ.

Россіи.

(Мартъ 1854 г.).

Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ,
Тебѣ далъ силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слѣпыхъ, безумныхъ, дикихъ силъ.
Вставай, страна моя родная!
За братьевъ! Богъ тебя зоветъ
Чрезъ волны гнѣвнаго Дуная—
Туда, гдѣ, землю огибая,
Шумятъ струи Эгейскихъ водъ.
Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело;
Своихъ рабовъ Онъ судитъ строго,—
А на тебя, увы! какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!
Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!
О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорѣй омой
Себя водою покаянья,
Да громъ двойного наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой!
Съ душой колѣнопреклоненной,
Съ главой, лежащею въ пыли,
Молись молитвою смиренной,
И раны совѣсти растлѣнной
Елеемъ плача исцѣли!
И встань потомъ, вѣрна призванью,
И бросься въ пылъ кровавыхъ сѣчъ!

Борись за братьевъ крѣпкой бранью,
Держи стягъ Божій крѣпкой дланью,
Рази мечемъ—то Божій мечъ!

Мартъ 1854.

(Сочиненія А. Хомякова. Томъ IV. Стр. 255—256).

---

223. Политическія письма М. Погодина.

1. Изъ письма XIII.

(1854 въ іюлѣ).

...Для (западной) журналистики, Восточная Европа, Славянскія племена, Русскій народъ, однимъ словомъ, сто милліоновъ Европейцевъ, какъ бы не существуютъ... Вездѣ, по выраженію поэта, опіумъ чернилъ, разведенный слюною бѣшеной собаки. Они твердятъ только: надо отодвинуть Россію на двѣсти лѣтъ назадъ...

Назадъ! Вы ли это говорите, поклонники и ревнители прогресса? Назадъ! Неужели это послѣднее слово Европейской цивилизаціи? Назадъ! Но вѣдь насъ 70 милліоновъ. Семьдесятъ милліоновъ человѣкъ вы хотите не только остановить на пути ихъ человѣческаго совершенствованія, но хотите воротить ихъ на 200 лѣтъ къ состоянію ихъ, по вашему мнѣнію, дикости, уничтожить всѣ ихъ труды, и поразить всѣ ихъ успѣхи. Назадъ! Для чего же вы хлопочете столько времени о прекращеніи торга Неграми, употребляете столько милліоновъ для распространенія образованности между черными жителями внутренней Африки? Раздаете съ такимъ усиліемъ Библіи на всѣхъ языкахъ бронзовымъ сынамъ Америки и Австраліи? Назадъ! Но вѣдь мы ваши братья, бѣлокожіе, русоволосые, христіане. Для чего же вы переплываете моря, проникаете пустыни, восходите на горы, чтобъ сообщить дикимъ обитателямъ какіе-нибудь плоды вашей цивилизаціи?..—

Назадъ! разумѣете ли вы, что вы говорите? Одно это слово свидѣтельствуетъ о вашемъ нравственномъ упадкѣ со всѣми блистательными въ то же время открытіями и произведеніями наукъ, искусствъ, промышленности, торговли и общежитія...

Теперь Восточная Европа, то есть, Россія убѣдится чрезъ грозное столкновеніе съ Западомъ на Востокѣ въ необходимости образованія, въ истинѣ Петровой пословицы, что ученье—свѣтъ, а неученье—тьма. Во тьмѣ мы упали бы въ пропасть. Нельзя жить въ Европѣ, и не участвовать въ общемъ ея движеніи, не слѣдить за ея изобрѣтеніями и открытіями, физическими, химическими, механическими, финансовыми, административными, житейскими. Если Австрія или Пруссія можетъ въ день примчать свои войска къ границамъ Польши, то нельзя намъ волочиться туда два мѣсяца. Если ихъ штуцера берутъ теперь на 2000 шаговъ, то нельзя довольствоваться намъ Тульскими ружьями, и надѣяться на одинъ штыкъ, который уже и не доходитъ до своего мѣста назначенія. Если ихъ коническія пули уходятъ глубже въ тѣло, и производятъ рану смертоносную, то нельзя намъ стрѣлять прежнимъ горохомъ! Если винтъ сообщаетъ ихъ кораблямъ способность двигаться какъ угодно, то нельзя остаться намъ со старыми методами кораблестроенія,—а механика, химія, физика, астрономія позовутъ къ себѣ естественныя науки; естественныя науки приманятъ математику, высшая математика потребуетъ философіи, необходимой и для медицины, а философія спроситъ себѣ грамоту, безъ грамоты въ наукахъ и шагу не ступишь. Науки не такого рода произведенія, чтобы можно было питаться ими въ мѣру, только въ предохраненіе отъ голодной смерти: все или ничего—вотъ ихъ девизъ. Нельзя ограничить число людей образованныхъ извѣстны-

ми цифрами, ибо предѣлы этихъ офиціальныхъ цифръ наполняются, по извѣстному закону, посредственностями и пошлостями, а таланты-то всѣ останутся внѣ оныхъ. Правительство увидитъ, или уже увидѣло, впродолженіе этой войны, необходимость въ тысячахъ людей образованныхъ на мѣстахъ, а ихъ имѣть никакъ нельзя безъ общаго дѣятельнаго, искренняго покровительства всѣмъ наукамъ, всѣмъ искусствамъ, образованію и просвѣщенію вообще, безъ всякаго ограниченія сословій. Ломоносовъ, преобразователь Русской словесности, былъ крестьянинъ. Не стану приводить множества другихъ примѣровъ. Множество услугъ и словесности и просвѣщенію оказано нашими дворянами, духовными,—честь имъ, слава и благодарность отечества! Мы всѣ дѣти одной матери, святой Руси, и тѣмъ отличаемся отъ западныхъ своихъ братьевъ, что никогда въ самыя тяжелыя времена не питали другъ къ другу зависти и ненависти, не преграждали дороги никому и никуда.

Какъ бы то ни было,—умъ уже приведенъ въ движеніе и самъ собою: общія опасности, личныя скорби, участіе дѣтей и родныхъ, чувство народной чести, ненависть къ неблагодарности союзниковъ, оскорбленное самолюбіе при необходимостяхъ уступить, напрягаютъ всѣ духовныя силы. Множество вопросовъ, о которыхъ прежде и въ голову инымъ не приходило, обращаются повсемѣстно. Новыя мысли заражаются, плодятся, и по мѣрѣ сообщенія увеличиваются въ своемъ содержаніи. Возникаютъ различныя желанія и надежды. Послышались пѣсни, разыгралась фантазія. Всѣ сословія волнуются одинакими чувствами любопытства и живаго участія: приведу въ примѣръ одно изъ первыхъ моихъ писемъ, которое распространилось въ тысячахъ экземпляровъ, и попало въ такія захолустья, къ такимъ лицамъ, которыя были дальше, чѣмъ отъ своихъ антиподовъ. Духъ народный вездѣ вообще возвышается. А этотъ народъ считаетъ вѣдь единоплеменныхъ пятьдесятъ милліоновъ, а этотъ народъ занимаетъ пространство въ 15 тысячъ верстъ длиною и восемь шириною. Вообразите же, что за великое явленіе представится въ исторіи, какой запасъ новыхъ силъ прибавится къ Европейскому духовному капиталу, какое движеніе произойдетъ въ области ума, если этотъ даровитѣйшій народъ Европы получитъ полное, искреннее содѣйствіе, ободреніе, поощреніе Правительства на пути къ образованію, и пойдетъ свободно къ священной его цѣли.

Присоедините еще къ этому движенію—тридцать милліоновъ Славянъ, занимающихъ почти всю южную половину средней Европы, отъ Эльбы до береговъ Средиземнаго моря и предѣловъ Италіи. Что можетъ произойти между такими даровитѣйшими племенами Европы, въ эпоху ихъ освобожденія отъ тягостнаго ига! Какой полетъ можетъ принять умъ даже по одному закону духовной упругости! А соревнованіе между собою, соревнованіе съ Нѣмецкимъ племенемъ! И какое разнообразіе представляютъ эти племена,—однѣ, въ коихъ преимущественно западное начало, другія представители восточнаго; однѣ съ южною кровію, другія съ сѣверною дѣятельностію, обитатели горъ и долинъ, Православные, Католики, Протестанты! Какое множество нарѣчій съ Русскимъ во главѣ, которое непремѣнно должно сдѣлаться общимъ литературнымъ языкомъ для всѣхъ Славянъ, для восьмидесяти милліоновъ! Послѣдствія необозримы!..

2. Изъ письма XVII.

(Нояб. 27, 1854 г.).

Возстань Русскій Царь! Вѣрный народъ Твой Тебя призываетъ! Терпѣніе его истощается. Онъ не привыкъ къ

такому униженію, безчестію, сраму. Ему стыдно своихъ предковъ, ему стыдно своей Исторіи. Ты видишь, какъ дерутся всѣ солдаты, всѣ офицеры, всѣ генералы,—предъ Твоими глазами и за глазами, гдѣ кому случится поддержать честь Русскаго имени, въ Камчаткѣ и Одессѣ, и подъ Севастополемъ и на Соловецкомъ островѣ, у Силистріи и за Кавказомъ. Созови ополченіе. Напиши грамоту, которую понялъ бы всякій Русскій человѣкъ, и отъ которой у всякаго Русскаго человѣка поворотилось бы сердце. Вели поставить кружку у Успенскаго собора. Послѣднюю рубашку скинетъ съ плечь и отдастъ Тебѣ всякій. Повѣрь своему народу, который преданъ Тебѣ всею душею, и готовъ пролить за Тебя послѣднюю каплю крови. Бросься къ нему на шею, и онъ упадетъ къ ногамъ Твоимъ. „Ложь тлетворную“ отгони далече отъ Твоего престола, и призови суровую, грубую истину. Отъ „безбожной лести“ отврати Твое ухо, и выслушай горькую правду. Повѣрь намъ, мы всѣ твои дѣти, и мы Тебя не обманемъ...

Призови на работу всѣ таланты,—мало ли ихъ есть на святой Руси? На всякое дѣло найдется изъ 70 милліоновъ не по одному знающему и благонадежному человѣку! Освободи отъ излишнихъ стѣсненій печать, въ которой не позволяется теперь употреблять даже выраженіе „общаго блага“. Печать и въ обыкновенное время не можетъ нигдѣ принесть столько пользы, и причинить столь мало вреда, какъ въ Россіи, а въ настоящее время, подъ умнымъ надзоромъ, она должна бы замѣнить многія другія учрежденія. Не книги опасны, а событія, которыя возговорили теперь яснѣе, громче всякихъ книгъ, журналовъ и газетъ, и которыя читаются и толкуются теперь всячески самыми безграмотными, безъ цензуры. Печатной артиллеріи Европейской мы должны отвѣчать также, какъ и осаднымъ Пексанамъ Севастополя, а намъ не позволяютъ рта разинуть въ защиту родной земли. Европа должна бы узнать общее мнѣніе Россіи, и она вѣрно призадумается, когда услышитъ, какъ мы заговоримъ человѣческимъ языкомъ. Вели раскрыть настежъ ворота во всѣхъ университетахъ, гимназіяхъ и училищахъ; дай средства намъ научиться лить такія же пушки, штуцера и пули, какими бьютъ теперь враги нашихъ милыхъ дѣтей, сверхъ обыкновенной опасности войны,—а безъ образованія, безъ покровительства всѣмъ наукамъ, нельзя намъ имѣть и медицины достаточной. Мы отстали во всѣхъ познаніяхъ: военныя, физическія, механическія, химическія, финансовыя, распорядительныя мѣры,—тѣ ли у насъ теперь, что у нихъ? Не свѣтъ опасенъ, а опасна тьма! Духа не угашайте, изрекъ Апостолъ...

(Погодинъ, т, IV, с. 215—287.)

VII. Эпоха великихъ реформъ Имп. Александра II.

XL. Приступъ къ крестьянской реформѣ.

224. Записка К. Д. Кавелина объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи.

(1855 г.)

Часть первая.

Многіе убѣждены, что Россія по своимъ естественнымъ условіямъ — одна изъ самыхъ богатыхъ странъ въ мірѣ, а между тѣмъ едва-ли можно найти другое государство, гдѣ бы благосостояніе было на такой низкой ступени, гдѣ бы меньше было капиталовъ въ обращеніи и бѣдность была такъ равномѣрно распространена между всѣми классами народа.

Пока внѣшнее спокойствіе и политическое могущество насъ ослѣпляли, мы мало обращали вниманія на это явленіе, но теперь, когда неудачи войны заставляютъ насъ напрягать всѣ наши силы, недостатокъ матеріальныхъ средствъ невольно бросается въ глаза и поставляетъ въ обязанность каждаго русскаго серьезно думать о причинахъ такого состоянія и о средствахъ измѣнить его къ лучшему.

Причинъ нашей бѣдности очень и очень много... Но ни одна не проникаетъ такъ глубоко въ народную жизнь, ни одна такъ не поражаетъ промышленной дѣятельности народа въ самомъ ея зародышѣ, ни одна такъ не убиваетъ всякій нравственный и матеріальный успѣхъ въ Россіи, какъ крѣпостное право, которымъ опутана цѣлая половина сельскаго народонаселенія имперіи.

Въ помѣщичьемъ крѣпостномъ правѣ заключается если не единственная, то безспорно одна изъ главнѣйшихъ причинъ неправильнаго распредѣленія сельскаго народонаселенія въ имперіи и искусственнаго направленія его промышленной дѣятельности. Крѣпостной не всегда поселенъ тамъ, гдѣ ему удобнѣе и лучше, и не всегда ведетъ именно тотъ образъ жизни, который по мѣстнымъ условіямъ края былъ бы и для всего государства производительнѣе, и для него самого выгоднѣе. Многія мѣстности имперіи содержатъ, сравнительно, слишкомъ частое населеніе; другія, напротивъ, страждутъ отсутствіемъ рабочихъ; тамъ появляется бѣдность отъ недостатка земли, здѣсь остаются безъ употребленія и безъ пользы пространства, самыя благопріятныя для сельской промышленности. А отчего это? Оттого, что помѣщичье право приковываетъ крѣпостныхъ къ той или другой мѣстности случайно и не даетъ огромнымъ массамъ сельскаго народонаселенія разселиться правильнымъ образомъ...—

Огромное большинство помѣщиковъ стараются производить какъ можно больше всякаго рода хлѣба, не справляясь и даже не думая о томъ, стоитъ-ли заниматься земледѣліемъ, и не было ли выгоднѣе обратиться къ другимъ промысламъ. Помѣщики не думаютъ объ этомъ потому, что пользуются трудомъ своихъ крѣпостныхъ даромъ, а вслѣдствіе этого разсчитываютъ свои выгоды или невыгоды только по урожаю и торговымъ цѣнамъ на хлѣбъ, а не принимаютъ, да и не могутъ принимать въ разсчетъ — сколько они издержали на полученіе своего дохода. Съ перваго взгляда кажется, что это обстоятельство не очень важно, а между тѣмъ въ немъ

именно и заключается главнѣйшая причина постепеннаго и повсемѣстнаго обѣднѣнія нашихъ помѣщиковъ и крестьянъ. Не имѣя возможности разсчитать, во сколько ему самому обошлось производство хлѣба, помѣщикъ не въ состояніи опредѣлить и низшей, наименьшей цѣны, ниже которой нельзя ему продать хлѣба, не потерпѣвъ убытка, и потому наибольшая часть помѣщиковъ сообразуется только съ торговыми цѣнами и съ своими потребностями. Выжидать хорошихъ цѣнъ на хлѣбъ въ состояніи лишь очень немногіе владѣльцы; а большинство, имѣя крайнюю нужду въ деньгахъ, готовы отдать свой хлѣбъ по существующимъ цѣнамъ. Кто же установляетъ торговыя цѣны на хлѣбъ? Торговцы, хлѣбные барышники и скупщики, которые руководствуются при этомъ одними своими, конечно совершенно безобидными для себя соображеніями, и по стачкѣ между собою умышленно поддерживаютъ самыя низкія цѣны на мѣстахъ закупки, пока весь хлѣбъ ими не скупленъ. Еслибъ отъ этого терпѣли одни владѣльцы, то и тогда вредъ былъ бы очень великъ и важенъ, но, къ довершенію несчастія, отъ такого порядка дѣлъ несутъ чувствительные убытки не одни помѣщики, но вмѣстѣ съ ними и крестьяне.... —

Конечныя послѣдствія этого хода дѣлъ въ весьма непродолжительномъ времени будутъ заключаться въ совершенномъ обѣднѣніи и владѣльцевъ, и крестьянъ; а возрастающее, соотвѣтственно тому, уменьшеніе государственныхъ доходовъ поставитъ и правительство въ самое трудное положеніе... —

Наконецъ, осуждая на даровой трудъ огромныя массы людей, владѣльческое крѣпостное право дѣлаетъ вольнонаемныхъ менѣе нужными и тѣмъ сбиваетъ цѣны на трудъ вообще. Отъ этого не только терпятъ низшіе классы, но и само правительство, потому что, чѣмъ меньше кто зарабатываетъ, тѣмъ онъ бѣднѣе, тѣмъ меньше проживаетъ и, слѣд., тѣмъ меньше платитъ податей и пошлинъ.

Въ **нравственномъ** отношеніи вліяніе крѣпостного права столько же пагубно, если не болѣе. Почти безусловная зависимость одного лица отъ другого въ сферѣ гражданской есть всегда, безъ исключенія, источникъ необузданнаго произвола и притѣсненій съ одной стороны, и раболѣпства, лжи и обмана—съ другой. Насиліе и хитрость соотвѣтствуютъ другъ другу и потому всегда идутъ рядомъ, поддерживая и развивая себя взаимно... —

Всякій владѣлецъ, конечно, испыталъ на себѣ и знаетъ, какъ самыя благія намѣренія въ отношеніи къ крѣпостнымъ, какъ самое человѣколюбивое къ нимъ расположеніе мало-по-малу уступаютъ мѣсто равнодушію, досадѣ, страсти, суровости, ожесточенію и наконецъ тиранству. Рабство, несправедливо, незаслуженно тяготѣющее на крѣпостныхъ, развило въ нихъ, въ высокой степени, хитрость, лукавство и злонамѣренность, или по крайней мѣрѣ равнодушіе къ господамъ. Каковъ бы ни былъ баринъ, они непремѣнно, прежде всего, всячески стараются обмануть его, и чѣмъ онъ добрѣе и снисходительнѣе, тѣмъ они больше его обманываютъ. Вина всего этого, очевидно, въ крѣпостномъ правѣ. А между тѣмъ, при всемъ доброжелательствѣ, помѣщикъ теряетъ, наконецъ, терпѣніе; неблагодарность крѣпостныхъ его невольно раздражаетъ, и вотъ онъ начинаетъ все строже и строже съ нихъ взыскивать за ихъ дурныя чувства и пріучается мало-по-малу ихъ презирать и ненавидѣть. Послѣдствія такихъ чувствъ въ отношеніи къ лицамъ, съ которыми можно сдѣлать почти все, что угодно, угадать не трудно. Вотъ

истинный источникъ жестокаго обращенія съ крѣпостными. Несмотря на всѣ строгія мѣры правительства, оно никогда не прекратится, потому что естественно и необходимо вытекаетъ изъ крѣпостного права.

Рядомъ съ этими печальными явленіями развиваются и другія. Вслѣдствіе крѣпостного права владѣлецъ съ дѣтства пріобрѣтаетъ привычку предаваться праздности и тунеядству. Естественное теченіе мыслей невольно приводитъ его къ убѣжденію, что такъ какъ крѣпостные его должны на него работать даромъ, то онъ можетъ, не обременяя себя излишними заботами и хлопотами, поручить хозяйство и дѣла свои управляющему, бурмистру или старостѣ, а самъ—веселиться, жить въ столицѣ, въ чужихъ краяхъ, или гдѣ бы то ни было, для удовольствія собственной своей особы, удовлетворяя однимъ своимъ прихотямъ и болѣе не думая ни о чемъ. Кому не пріятенъ досугъ и кому не тяжекъ трудъ, особливо у насъ, гдѣ потребность труда еще не обратилась во вторую природу! Многіе помѣщики думаютъ также: зачѣмъ учиться, когда есть имѣніе, которое доставляетъ порядочный доходъ, а слѣд., и связи, и знакомства, и все, что нужно? Эти естественныя, почти невольныя разсужденія, особливо въ очень молодыхъ лѣтахъ, дѣлаютъ большинство помѣщиковъ съ дѣтства праздными и равнодушными къ своему образованію и развиваютъ въ нихъ привычку жить трудами чужихъ рукъ... —

Подобно господамъ разсуждаютъ и крѣпостные,—особенно крестьяне, сидящіе на господской пашнѣ, и дворовые люди. Они охотно предаются лѣни и тунеядству, въ той мысли, что если у нихъ не достанетъ хлѣба, падетъ скотъ, сгоритъ изба, то баринъ обязанъ имъ дать все это; мысль въ основаніи своемъ справедливая, но къ которой всегда примѣшивается злорадное чувство, что господинъ, который пользуется ихъ трудами и работой даромъ, самъ будетъ нести и убытки за эту неправду.

Такъ, крѣпостное право есть неизсякаемый источникъ насилій, безнравственности, невѣжества, праздности, тунеядства и всѣхъ проистекающихъ отсюда пороковъ и даже преступленій... —

Наконецъ, крѣпостное право не только разоряетъ и развращаетъ государство, но оно грозитъ ему бѣдами и великими опасностями и въ политическомъ отношеніи. Съ тѣхъ поръ, какъ крѣпостное право водворилось на русской почвѣ, нѣсколько разъ государство стояло, благодаря ему, на краю погибели. Оно было одною изъ главныхъ причинъ нашихъ несчастій въ началѣ XVII вѣка; бунты Стеньки Разина, Пугачева и другихъ, менѣе извѣстныхъ, героевъ и атамановъ буйной вольницы,—всѣ эти разрушительные элементы возставали и поднимались изъ мутныхъ источниковъ крѣпостного права; изъ того же источника возникли гайдамаки; огромныя толпы, чуть-чуть не полчища разбойниковъ, опустошавшія Россію въ XVII, XVIII и даже въ началѣ XIX вѣка, вербовали своихъ сподвижниковъ преимущественно изъ крѣпостныхъ... —

Все это можетъ убѣдить даже самыхъ близорукихъ и ослѣпленныхъ, что народъ сильно тяготится крѣпостною зависимостью, и при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ изъ этого раздраженія можетъ вспыхнуть и разгорѣться пожаръ, котораго послѣдствія трудно предвидѣть.

Впрочемъ, это только одна сторона политической опасности, которою намъ грозитъ крѣпостное право; есть другая, съ перваго взгляда менѣе замѣтная, но въ существѣ не менѣе дѣйствительная. Крѣпостное право есть камень преткновенія

для всякаго успѣха и развитія въ Россіи.

...Всѣ сколько нибудь значительныя внутреннія преобразованія въ Россіи, безъ изъятія, такъ неразрывно связаны съ упраздненіемъ крѣпостного права, что одно невозможно безъ другого. Такъ, напр., преобразованіе рекрутскаго устава невозможно, потому что оно повело бы къ уничтоженію крѣпостного права; невозможно измѣнить теперешнюю податную систему, потому что корень ея въ томъ же правѣ; нельзя по той же самой причинѣ ввести другую, болѣе разумную, паспортную систему; невозможно распространеніе просвѣщенія на низшіе классы народа, преобразованіе судоустройства и судопроизводства, уголовнаго и гражданскаго, полиціи и вообще администраціи и теперешней цензуры,— потому что всѣ эти преобразованія прямо или косвенно повели бы къ ослабленію крѣпостного права... Вотъ почему Россія осуждена окаменѣть, существовать въ теперешнемъ видѣ, не подвигаясь на шагъ впередъ... —

(Соч. К. Д. Кавелина, т. II. с. 5—34).

225: Изъ письма П. Киселева къ вел. кн. Константину Николаевичу о крестьянской реформѣ.

1857 г.

Если будетъ разрѣшено приступить къ общимъ мѣрамъ, то слѣдуетъ ли при этомъ сохранить помѣщикамъ право полной собственности на земли, или же отдать крестьянамъ земли, коими они пользуются, или только земли усадебныя и огородныя, съ вознагражденіемъ или безъ вознагражденія помѣщика? —

— Я всегда полагалъ и нынѣ полагаю, что крестьянская земля должна оставаться (съ вознагражденіемъ помѣщиковъ) въ полной и неотъемлемой собственности крестьянъ. Это условіе я почитаю важнѣйшимъ при освобожденіи крестьянъ; оно составляетъ главное ручательство въ спокойномъ достиженіи желаемой цѣли. Крестьяне не поймутъ освобожденія безъ родной земли, и если смягченіе крѣпостнаго состоянія ихъ польститъ, то отобраніе земли измѣнитъ первое впечатлѣніе и дастъ дѣлу оборотъ совсѣмъ иной. Уступка за деньги усадебныхъ мѣстъ съ домами есть скрытый выкупъ личности; если это окажется необходимымъ, то удобнѣе было бы нѣсколько возвысить оцѣнку всей крестьянской земли, чѣмъ разложить эту выкупную сумму на одну лишь усадьбу.

Увольненіе съ землею, въ моемъ понятіи, есть условіе необходимое, нетолько въ экономическомъ, но и въ политическомъ отношеніи. Во Франціи собственники земли, коихъ считается 7 милліоновъ, составляютъ классъ людей покойныхъ и преданныхъ правительству, какъ защитнику ихъ собственности...

Освобожденіе 22 милліоновъ людей обоего пола не можетъ исполниться безъ пожертвованій; а какъ участвующіе въ семъ дѣлѣ суть крестьяне, помѣщики и правительство, то всѣ должны содѣйствовать благому предпріятію.

(Заблоцкій-Десятовскій. Гр. Киселевъ и его время. Т. II. с. 334—5).

---

226. Рѣчь имп. Александра II къ дворянству.

(По зап. А. И. Левшина).

...Въ Апрѣлѣ 1856 года Государь Императоръ поѣхалъ въ Москву и при представленіи предводителей тамошняго дворянства сказалъ имъ краткую рѣчь слѣдующаго содержанія:

„Слухи носятся, что я хочу объявить освобожденіе крѣпостнаго состоянія. Это несправедливо, а отъ этого было нѣсколько случаевъ неповиновенія крестьянъ помѣщикамъ. Вы можете сказать это всѣмъ, направо и налѣво. Я говорилъ тоже самое предводителямъ, бывшимъ у меня въ Петербургѣ. Я не скажу вамъ, чтобы я былъ совершенно противъ этого; мы живемъ въ такомъ вѣкѣ, что со временемъ это должно случиться. Я думаю, что и вы одного мнѣнія со мною; слѣдовательно гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу".

(Рус. Архивъ 1885 г. с. 475—6).

---

227. Рескриптъ Назимову.

(20 ноября 1857 г.).

Въ губерніяхъ ковенской, виленской и гродненской были учреждены особые комитеты изъ предводителей дворянства и другихъ помѣщиковъ, для разсмотрѣнія существующихъ тамъ инвентарныхъ правилъ.

Нынѣ министръ внутреннихъ дѣлъ довелъ до Моего свѣдѣнія о благихъ намѣреніяхъ, изъявленныхъ этими комитетами, относительно помѣщичьихъ крестьянъ означенныхъ трехъ губерній.

Одобряя вполнѣ намѣренія этихъ представителей дворянства ковенской, виленской и гродненской губерній, какъ соотвѣтствующія Моимъ видамъ и желаніямъ, Я разрѣшаю дворянскому сословію оныхъ приступить теперь же къ составленію проектовъ, на основаніи которыхъ предположенія комитетовъ могутъ быть приведены въ дѣйствительное исполненіе, но не иначе, какъ постепенно, дабы ненарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній.

Для сего повелѣваю:

1) Открыть теперь же въ губерніяхъ ковенской, виленской и гродненской по одному въ каждой пріуготовительному комитету, а потомъ для всѣхъ трехъ губерній вмѣстѣ одну общую коммисію въ г. Вильнѣ.

2) Каждому губернскому комитету состоять, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, изъ слѣдующихъ членовъ: а) по одному отъ каждаго уѣзда губерній, выбранному изъ среды себя дворянами, владѣющими въ томъ уѣздѣ населенными имѣніями, и б) двухъ опытныхъ помѣщиковъ той же губерніи по непосредственному назначенію начальника оной, и

3) Общей коммиссіи состоять изъ слѣдующихъ лицъ: а) двухъ членовъ каждаго изъ трехъ губернскихъ комитетовъ по ихъ выбору; б) одного опытнаго помѣщика изъ каждой губерніи по вашему назначенію; и в) одного члена отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Предсѣдателемъ коммиссіи предоставляется вамъ назначить одного изъ ея членовъ, принадлежащихъ къ мѣстному дворянству.

Губернскіе комитеты, по открытіи ихъ, должны приступить къ составленію по каждой губерніи, въ соотвѣтственность собственному вызову представителей дворянства, подробнаго проекта объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ оной, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главныя основанія:

1) Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіи опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ прави-

тельствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

2. Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція, и

3. При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

Развитіе этихъ основаній и примѣненіе ихъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ каждой изъ трехъ означенныхъ губерній предоставляется губернскимъ комитетамъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить пособіемъ комитетамъ при ихъ занятіяхъ.

Комитеты эти, окончивъ свой трудъ, должны представить оный въ общую коммиссію. Коммиссія, обсудивъ и разсмотрѣвъ всѣ предположенія губернскихъ комитетовъ, а также сообразивъ ихъ съ изложенными выше основаніями, должна постановить окончательное по всему дѣлу заключеніе и составить проектъ общаго для всѣхъ трехъ губерній положенія съ нужными по каждой изъятіями или особыми правилами.

Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе этого важнаго дѣла вообще во ввѣренныхъ вамъ ковенской, виленской и гродненской губерніяхъ, Я предоставляю вамъ дать, какъ губернскимъ комитетамъ этихъ трехъ губерній, такъ и общей коммиссіи, нужныя наставленія для успѣшнаго производства и окончанія возлагаемыхъ на нихъ занятій. Начальники губерній должны содѣйствовать вамъ въ исполненіи этой обязанности. Составленный общей коммиссіею проектъ вы имѣете, съ своимъ мнѣніемъ, препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ, для представленія на Мое усмотрѣніе.

Открывая, такимъ образомъ, дворянскому сословію ковенской, виленской и гродненской губерній средства привести благія его намѣренія въ дѣйствіе на указанныхъ Мною началахъ, Я надѣюсь, что дворянство вполнѣ оправдаетъ довѣріе, Мною оказываемое этому сословію призваніемъ его къ участію въ этомъ важномъ дѣлѣ, и что, при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, дѣло это будетъ кончено съ надлежащимъ успѣхомъ.

Вы и начальники ввѣренныхъ вамъ губерній обязаны строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ полномъ повиновеніи помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ.

Дополненіе къ рескрипту отъ министра вн. дѣлъ Ланского.

(на основаніи записки Левшина).

Я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше представить Государю Императору доставленныя В. Пр-вомъ свѣдѣнія объ изъявленномъ комитетами... для разсмотрѣнія инвентарныхъ правилъ желаніи, въ видахъ улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ, освободить ихъ изъ крѣпостной зависимости.

Его Величество, узнавъ съ особымъ удовольствіемъ о такомъ благородномъ желаніи представителей дворянскаго сословія означенныхъ трехъ губерній, высочайшимъ рескриптомъ, вамъ даннымъ, изволилъ разрѣшить дворянству оныхъ приступить (къ этому дѣлу)...

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Величеству благоугодно было поручить мнѣ сообщить В. Пр—ву мои соображенія, могущія служить пособіемъ губернскимъ комитетамъ при ихъ занятіяхъ: —

I. Уничтоженіе крѣпостной зависимости крестьянъ должно быть совершено не вдругъ, а постепенно. Для

этого крестьяне сначала должны быть въ состоянiи переходномъ, болѣе или менѣе крѣпки землѣ, а потомъ уже въ окончательномъ или свободномъ, когда правительство разрѣшитъ имъ переходы изъ одной мѣстности въ другую, съ надлежащими ограниченiями и условiями. Для переходнаго состоянiя слѣдуетъ назначить опредѣленный срокъ, по усмотрѣнiю губернскихъ комитетовъ, не свыше 12-ти лѣтъ.

II. На основанiи началъ, указанныхъ въ Высочайшемъ рескриптѣ, помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ, въ видахъ предотвращенiя вредной подвижности и бродяжничества въ сельскомъ населенiи, оставляется ихъ усадебная осѣдлость, прiобрѣтаемая ими, въ теченiе опредѣленнаго срока, въ собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованiе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченiя ихъ быта и для выполненiя ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику...—

III. Вотчиная полицiя оставляется помѣщику. Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскiя общества. Завѣдыванiе мiрскими дѣлами каждаго общества и мiрская расправа предоставляется мiрскимъ сходамъ или составленнымъ изъ крестьянъ мiрскимъ судамъ, подъ наблюденiемъ и съ утвержденiя помѣщиковъ.

IV. Для надзора за введенiемъ и соблюденiемъ новыхъ правилъ и для разбора недоразумѣнiй, могущихъ возникнуть между помѣщиками и крестьянами, могутъ быть установлены особыя въ каждомъ уѣздѣ присутствiя. Для этого было бы полезно примѣнить, хотя въ нѣкоторой мѣрѣ, постановленiя, существующiя въ остзейскихъ губернiяхъ, сколько примѣненiе ихъ окажется возможнымъ и удобнымъ по мѣстнымъ особенностямъ, составу управленiя и порядку судопроизводства вообще въ губернiяхъ ковенской, виленской и гродненской.

V. Со введенiемъ новаго положенiя, когда оно будетъ утверждено:

1. Продажа, даренiе и всякое отчужденiе крестьянъ безъ земли, равно и переселенiе крестьянъ противъ воли ихъ въ другiя имѣнiя, должны быть прекращены; а съ другой стороны крестьянамъ, до окончательнаго вступленiя ихъ въ свободное состоянiе, не можетъ быть дозволено оставлять имѣнiе безъ разрѣшенiя помѣщика, на землѣ котораго они водворены.

2. Обращенiе крестьянъ въ дворовые слѣдуетъ прекратить и вмѣстѣ съ тѣмъ принять мѣры къ постепенному сначала уменьшенiю, а потомъ и уничтоженiю этого класса людей, посредствомъ обращенiя ихъ въ крестьяне съ надѣломъ землею, или перечисленiя въ свободное состоянiе съ согласiя помѣщиковъ. Подробности по этому предмету требуютъ особаго на мѣстѣ развитiя и разсмотрѣнiя; и:

3. Во все время переходнаго состоянiя, помѣщикамъ предоставляется право сдавать нерадивыхъ и порочныхъ крестьянъ, по соглашенiю съ обществомъ, въ рекруты, или отдавать въ распоряженiе правительства, для переселенiя въ другiя губернiи, но не иначе, какъ съ утвержденiя тѣхъ присутствiй, которыя будутъ по уѣздамъ образованы на основанiи новаго положенiя.

и VI. Въ составляемыхъ губернскими комитетами проектахъ должны быть опредѣлены и указаны:

1. Правила отправленiя крестьянами рекрутской повинности. Поставка рекрутъ должна быть предоставлена самимъ обществамъ, съ утвержденiя помѣщика.

2. Способы обезпеченія народнаго продовольствія и исправнаго поступленія податей. Для этого, можетъ быть, было бы полезно лучшее устройство мірскихъ магазиновъ и учрежденіе общественныхъ запашекъ и мірскихъ капиталовъ; и

3. Мѣры, необходимыя для распространенія между крестьянами грамотности и полезныхъ ремеслъ, для призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ, для пособія больнымъ и т. п. —

(Скребицкій, Крест. дѣло. Т. I, с. 1—9.).

XLI. Губернскіе комитеты.

228. Переписка членовъ губ. комитетовъ.

1. Письмо А. И. Кошелева къ кн. В. А. Черкасскому

20 декабря 1857 г. Москва.

Alea jacta est!!!

Кесарь переступилъ черезъ Рубиконъ!

Честь и слава нашему царю и государю!

Вы уже знаете, что два рескрипта состоялись на имя генералъ-губернаторовъ, Назимова и Игнатьева (т. е. по Ковенской, Виленской, Гродненской и С.-Петербурской губерніямъ). Теперь могу Вамъ сказать, что толки идутъ самые живые по всѣмъ губерніямъ. Нижній-Новгородъ, изъ собственно русскихъ губерній, первый прислалъ изъявленіе готовности исполнить намѣреніе императора. Есть извѣстіе, что Вологда на дняхъ изъявитъ подобное же желаніе. Москва-старушка толкуетъ въ клубѣ, въ домахъ и на улицахъ; но... мѣшкаетъ и не знаетъ, что ей дѣлать. Думаю, что эти толки долго не продолжатся и что еще въ декабрѣ нынѣшняго года она наконецъ рѣшится вступить на путь, указанный нашимъ царемъ-государемъ. Дай Богъ ему многія лѣта за такой великій шагъ къ улучшенію быта Россіи. Теперь онъ оправдалъ себя вполнѣ въ томъ, что согласился подписать Парижскій трактатъ; можно заключить и миръ постыдный для Россіи, когда имѣешь въ виду совершить великія дѣла внутри своего государства.

Вообще онъ дѣйствуетъ великолѣпно! Въ четвергъ былъ первый совѣтъ министровъ подъ его предсѣдательствомъ. Министры докладываютъ ему дѣла не по одиночкѣ, а въ совѣтѣ, и о важныхъ мѣрахъ разсуждаютъ всѣ министры. Уставы университетовъ и всѣхъ учебныхъ заведеній, а равно и цензуры — пересматриваются. Толкуютъ о введеніи изустнаго и гласнаго судопроизводства, но поперекъ этого лежитъ Панинъ. Авось, скоро черезъ него перешагнутъ.

Дай Богъ царю здоровья, силы и бодрости, а начинаетъ онъ прекрасно! Славное имя пріобрѣтетъ онъ въ исторіи.

А Вы что въ Римѣ? Развѣ можно теперь быть внѣ Россіи? Вы должны быть въ Тулѣ, въ Москвѣ—вездѣ, гдѣ у Васъ есть имѣнія. Такіе люди, какъ Вы, теперь необходимы. Нельзя ли княгиню, которой необходимо остаться за границею для здоровья—пристроить, а Вамъ подобаетъ быть въ Россіи. Пріѣзжайте.

А. Кошелевъ.

(Кн. О. Трубецкая, Мат. для біогр. кн. Черкасскаго, т. I, кн. I, с. 91—93).

2. Письмо А. И. Кошелева къ кн. В. А. Черкасскому

от 26 авг. 1858 г. Рязань.

Сегодня въ 9 часовъ мы собрались въ залу собранія, оттуда отправились къ губернатору (день коронаціи съ поздравленіемъ), потомъ къ обѣднѣ и къ молебну, а затѣмъ въ залу собранія, гдѣ губернаторъ, безъ взякаго speech, объявилъ комитетъ открытымъ. Затѣмъ мы раскланялись и завтра у насъ первое совѣщаніе, въ сюртукахъ, для утвержденія регламента... Не могу еще ничего сказать о нашемъ комитетѣ. Есть, кажется, человѣкъ десятокъ благонамѣренныхъ (впрочемъ до какой степени ихъ благонамѣренность пойдетъ—неизвѣстно). Мой товарищъ (отъ правительства) — нѣкто Масловъ...

2-го сентября. Все идетъ до сихъ поръ очень чинно... Предсѣдатель возстановляетъ тишину мгновенно. Одинъ баринъ вздумалъ было насъ, членовъ по назначенію правительства, лишить права быть избираемыми въ комитеты; но большинство возстало; мой товарищъ обидѣлся — хотѣлъ было проситься въ отставку, я посмѣялся надъ этимъ, и баринъ взялъ назадъ свое предложеніе. У насъ было 4 засѣданія — только подготовительныя.

Очевидно, что большинство не желало бы отдавать усадьбы крестьянамъ въ собственность, но меньшинство на этотъ разъ одержитъ верхъ, опираясь на рескрипты...

2-го сентября (циркулярное). Два дня мы собирались для утвержденія регламента, но важные пункты утверждены, и я этимъ доволенъ, мнѣнія подаютъ гласно, т.-е. записками съ подписью имени, и въ журналѣ упоминается поимянно о голосахъ меньшинства. Это принято единогласно. Какъ скоро $1/_3$ членовъ на лицо, то засѣданіе полносильно. Всякій членъ имѣетъ право подавать мнѣніе, и президентъ не имѣетъ права устранять никакое предложеніе. Мы собираемся въ сюртукахъ и пальто. Буфета нѣтъ. Курятъ въ особой комнатѣ. Вице-президентъ избранъ изъ среды членовъ...

Составъ комитета порядочный: до 10 человѣкъ благонамѣренныхъ, 3 злѣйшихъ оппонентовъ, остальные— ни рыба ни мясо и будутъ на сторонѣ тѣхъ, которые будутъ имъ обѣщать больше выгодъ. Писакъ довольно; уже начали они читать свои произведенія.

Наше положеніе [1]) въ комитетѣ сначала было очень непріятно... Теперь мало-по-малу это измѣняется. Какъ начнутся у меня вечера по вторникамъ для всѣхъ и по субботамъ обѣды по приглашенію, то все приметъ самый благопріятный видъ.

(Кн. О. Трубецкая, Мат. для біогр. кн. Черкасскаго, т, I, кн. I, с. 146—148).

3. Письмо Ю. Ѳ. Самарина къ А. И. Кошелеву и князю В. А. Черкасскому.

12 октября 1858 г. Самара.

Рапортъ № 2.

Составленъ Уставъ, и почти окончена I глава.

Въ Уставѣ замѣчательны только 2 статьи.

1) Члены комитета при обсужденіи возбужденныхъ вопросовъ обязательны невыходить изъ предѣловъ началъ, выраженныхъ въ Высочайшемъ рескриптѣ. Мое предложеніе принято послѣ рѣзни, продолжавшейся три засѣданія, большинствомъ голосовъ. Голосъ предсѣдателя далъ перевѣсъ.

2) Описанія имѣній, представленныя помѣщиками, хранятся при описи, въ архивѣ комитета. Мое предложеніе принято большинствомъ двухъ голосовъ. Было намѣреніе, по соста-

---

1) Членовъ по назначенію.

вленіи сводовъ, сжечь или уничтожить подлинныя описанія, дабы при повѣркѣ актовъ не было никакого документа, по которому бы можно было судить о томъ, лучше или хуже прежняго будетъ положеніе крестьянъ.

Глава I-ая.

1) Опредѣленіе личнаго крѣпостного права, какъ права одного лица распоряжаться другимъ лицомъ, аки движимою собственностью, въ отличіе отъ права на трудъ, истекающаго изъ обязанностей, лежащихъ на помѣщикѣ, — прошло по моей редакціи, нѣсколько искаженной.

2) Статья: Крѣпостное право личное безусловно упраздняется и никакимъ способомъ вновь установляемо быть не можетъ (въ отмѣну ст. 997 т. IX)— не прошла. Положено отложить ее до перечисленія всѣхъ примѣненій и проявленій личнаго крѣпостного права; точь въ точь какъ въ Рязани. Многіе боятся ссылки на 997 ст., „какъ бы, дескать, Государь не обидѣлся, если мы отнимемъ у него право жаловать людей".

3) Упразднено право, безъ согласія крѣпостныхъ людей, отдавать ихъ кому бы то ни было во временное владѣніе, въ работу и въ услуженіе (въ отмѣну 1048 ст. т. IX). Взято большинствомъ послѣ жестокой схватки. Подано мною письменное мнѣніе.

4) Упразднено право продавать, дарить, отчуждать безъ земли и домовъ на своЗъ,—большинствомъ;

5) упразднено безусловно право переводить крестьянъ во дворъ;

6) упразднено право переселять, безъ ихъ согласія, изъ имѣнія въ имѣніе;

7) упразднено право отдавать въ смирительные и рабочіе дома и арестанскія роты,—безусловно;

8) безъ разрѣшенія уѣзднаго присуствія представлять въ рекруты и къ удаленію изъ вотчины.

Отвергнуто большинствомъ мое предложеніе:

9) Воспретить переводъ дворовыхъ въ крестьяне безъ ихъ согласія. Подано мною письменное мнѣніе.

Крѣпостные люди пріобрѣтаютъ право, не спрашивая согласія владѣльцевъ и безъ оговорокъ:

10) вступать въ бракъ,—большинствомъ;

11) вступать въ монашество (ст. 251 т. IX), — большинствомъ; подано мною письменное мнѣніе:

12) пріобрѣтать, закладывать и отчуждать собственность;

13) учреждать фабрики и заводы;

14) производить торговлю и вступать временно въ цехи;

15) брать съ торговъ станціи и подряды;

16) входить въ обязательства, занимать деньги и брать въ долгъ товаръ;

17) ходатайствовать во всѣхъ инстанціяхъ и по всякимъ дѣламъ.

(Пункты 12—17 приняты единогласно или почти).

18) свидѣтельствовать подъ присягою въ дѣлахъ уголовныхъ, касающихся владѣльца — большинствомъ трехъ голосовъ (въ отмѣну 1087 ст. п. 4 и 1088 ст. т. XV);

19) жаловаться на владѣльца и искать на немъ съ соблюденіемъ условій, какія поставлены будутъ въ главѣ объ управленіи, — большинствомъ;

20) отдѣльными лицами и семействами переходить въ другія сословія, и на другія земли, до истеченія переходнаго состоянія, съ соблюденіемъ условій и правилъ, какія въ другихъ главахъ постановлены будутъ,—единогласно.

21) Помѣщику запрещается выдавать отпускныя крестьянамъ безъ согласія міра; если же міръ не согласится, то онъ можетъ отпустить, но

въ такомъ случаѣ упраздняетъ тягло, лежавшее на увольняемомъ, оставляя землю въ распоряженіи общества и въ безплатномъ его пользованіи, а платежъ казенныхъ повинностей, до новой ревизіи, помѣщикъ принимаетъ на себя.

22) Отвергнуто: право вступать въ военную службу безъ согласія помѣщика. — Подано мною письменное мнѣніе.

23) Общая оговорка: всѣми сими статьями упраздняются только тѣ ограниченія и препятствія, которыя истекали изъ личнаго крѣпостного права и налагались помѣщикомъ по его безотчетному усмотрѣнію.

Остается включить: статью объ упраздненіи крѣпостного права вообще и опредѣленіе срочно-обязаннаго положенія. Я предложилъ: срочно-обязанное положеніе установлено для соблюденія постепенности въ переходѣ крѣпостныхъ людей отъ личной зависимости къ полной свободѣ. Послѣднее слово возбудило бурю. Разошлись, не кончивши.

Вотъ общій порядокъ. Накунѣ, или дня за два до засѣданія, собирается редакціонная комиссія,—четыре лица. Я предлагаю проектъ статей, который почти всегда принимается, хотя очень неохотно. Статьи, принятыя комиссіей, разсылаются ко всѣмъ членамъ. Въ комитетѣ статьи читаются; я развиваю и поясняю. Тогда коноводы большинства и члены редакціонной комиссіи, мои сотоварищи, опрокидываются на меня. Диспутъ между мною и ими продолжается отъ 10 до 4 часовъ. Затѣмъ баллотировка. Ожесточеніе противниковъ растетъ по часамъ; но странное дѣло, — послѣ засѣданія нѣкоторые, изъ подавшихъ голосъ противъ насъ, являются къ намъ съ извиненіями. Образованіе, сознательность убѣжденія, даръ слова и грамотность—рѣшительно на нашей сторонѣ...—

...Постановленіе о прекращеніи и неустановленіи впредь личнаго крѣпостного права—прошло единогласно.

(Кн. О. Трубецкая, Мат. для біогр. кн. Черкасскаго, т. I, кн. I, с. 200—203).

4. Рапортъ А. И. Кошелева.

Сентябрь 1858 г. Рязань.

Нашъ комитетъ, открытый 24-го августа, до сихъ поръ не имѣетъ ни одного журнала, который могли бы сообщить. Въ первое засѣданіе мы утвердили уставъ довольно плохой для засѣданій и совѣщаній. Во второмъ засѣданіи протолковали о томъ же и кое-что въ уставѣ пополнили. Въ третье засѣданіе мы толковали о мѣрахъ, какія нужно принять къ побужденію помѣщиковъ къ доставленію свѣдѣній. По нѣкоторымъ уѣздамъ собраны $^4/_5$, по другимъ $^3/_5$, а по тремъ уѣздамъ едва $^1/_5$ часть свѣдѣній. Мы положили отправить туда кандидатовъ и отнеслись къ предводителямъ. Срокъ нами назначенъ 1-го октября. Думаю, что едва половина помѣщиковъ доставитъ свѣдѣнія. Два засѣданія мы проспорили о предложеніяхъ (одного помѣщика), желавшаго, чтобы мы тотчасъ опредѣлили конечную цѣль, къ которой мы должны стремиться. Его мнѣніе было: предоставить крестьянамъ землю въ пользованіе, на срочно-обязанный періодъ, а потомъ, пусть помѣщики и крестьяне все улаживаютъ по добровольному соглашенію. Это мнѣніе имѣло за себя большинство членовъ комитета, а потому мы предложили: отсрочить рѣшеніе этого вопроса до того времени, когда онъ представится при обсужденіи главъ программы. Мы особенно настаивали на этомъ потому, что имѣли слухъ о словахъ, произнесенныхъ Государемъ въ Москвѣ. Наше предложеніе было принято 12 противъ 10 голосовъ. Теперь мы имѣемъ подлиныя слова Императора. Наши

противники призадумались. Не знаю, что изъ этого выйдетъ; но они зубами уцѣпились за землю. Послѣзавтра, т. е. въ 7-е наше засѣданіе, мы должны приступить къ 1-й главѣ Положенія. Въ 6-е наше засѣданіе мы толковали о томъ, какъ расположить сводъ свѣдѣній. И объ этомъ не могли ничего порѣшить, передали на обсужденіе подготовительной комиссіи, которая составлена хорошо... На меня смотрятъ неблагосклонно, видя во мнѣ (не знаю почему) виновника всѣхъ бѣдъ.

(Кн. О. Трубецкая, мат. для біогр. кн. Черкасскаго, т. I, кн. I, прилож. № 5, с. 102—103).

5. Отъ М. М. Унковскаго—А. И. Кошелеву.

Тверь, 18 сентября 1858 г.

Пріѣхавъ изъ Торжка... я нашелъ Ваше письмо у себя отъ 12-го сентября, и спѣшу Вамъ передать много радостныхъ извѣстій. Во-1-хъ, нашъ комитетъ 11-го сентября, большинствомъ 14 голосовъ противъ 13-ти, принялъ остальные пункты предложенія комиссіи, которое мною Вамъ сообщено. Такимъ образомъ, это постановленіе сдѣлалось главной скрижалью тверского комитета. Во-2-хъ, изъ Петербурга нельзя ждать никакой помѣхи. Въ концѣ августа я видѣлся съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и говорилъ съ нимъ о нашихъ предположеніяхъ. Онъ вполнѣ съ нами согласенъ... Отъ него я узналъ, что правительство, кажется, само приходитъ къ убѣжденію, что единственною развязкою дѣла можетъ быть только выкупъ земли въ собственность крестьянъ, и вслѣдствіе этого центральный комитетъ занимается обсужденіемъ разныхъ представленныхъ ему проектовъ финансовыхъ операцій. Вчера Ланской мнѣ прислалъ, частнымъ образомъ, для соображенія, финансовый проектъ, представленный банкиромъ Френкелемъ и Гашбергомъ. Такъ какъ онъ уже давно представленъ, то я думаю, что Вы его знаете. Если же нѣтъ, то я готовъ Вамъ прислать его. Сверхъ того, я слышалъ отъ него же, министра внутренныхъ дѣлъ, что проекты всѣхъ губерній, сколько ему извѣстно, будутъ разсматриваться вмѣстѣ, въ общемъ собраніи депутатовъ...

Теперь я могу положительно сообщить Вамъ свѣдѣнія о составѣ тверского комитета. У насъ людей единогласныхъ со мной 14, несогласныхъ—9 и 4 члена, которыхъ мнѣнія еще не опредѣлились, но которые до сихъ поръ еще отрицали, изъ страха не угодить избирателямъ, требованія большинства...—Въ настоящее время, тверской комитетъ занимается опредѣленіемъ сущности срочно-обязаннаго положенія, котораго срокъ назначится впослѣдствіи, по обсужденіи финансовой операціи для выкупа усадебной осѣдлости, въ томъ размѣрѣ, какъ она обозначена въ постановленіи комиссіи, и потому этотъ срокъ будетъ зависѣть отъ того, къ какому времени мы признаемъ возможность устроить банки. Но сегодня въ комитетѣ было уже сдѣлано предложеніе объ уничтоженіи барщины даже и на время переходного состоянія и, замѣтьте, что это предложеніе сдѣлано однимъ изъ членовъ меньшинства и поддерживается многими.....

(Кн. О. Трубецкая, мат. для біогр. кн. Черкасскаго, т. I, кн. I, прилож. № 9 с. 111—113).

XLII. Редакціонная Комиссія.

229. Письмо Я. Ростовцева къ кн. Орлову.

Милостивый Государь,
Князь Алексѣй Федоровичъ!

Высочайшее повелѣніе о назначеніи меня предсѣдателемъ Комисій составленія сводовъ о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости и всѣхъ относящихся къ сему вопросу законоположеній, „если только я буду на это согласенъ“, какъ изволилъ выразиться Его Величество, принимаю я не съ согласіемъ или желаніемъ, но съ молитвою, съ благоговѣніемъ, со страхомъ и съ чувствомъ долга.

Съ молитвою къ Богу, чтобъ онъ сподобилъ меня оправдать довѣренность Государя.

Съ благоговѣніемъ къ Государю, удостоившему меня такого святаго призванія.

Со страхомъ передъ Россіей и передъ потомствомъ, съ чувствомъ долга предъ моею совѣстію.

Да проститъ мнѣ Богъ и Государь, да простятъ мнѣ Россія и потомство, если я поднимаю на себя ношу не по моимъ силамъ, но чувство долга говоритъ мнѣ, что ношу эту не поднять я не въ правѣ.

Этотъ отзывъ мой на призывъ Государя почтительнѣйше прошу Васъ повергнуть передъ Е. И. В., создающимъ въ Россіи народъ, котораго доселѣ въ отечествѣ нашемъ не существовало.

(Н. Семеновъ. Освобожденіе крестьянъ. Томъ 1, с. 48—9.).

---

230. Изъ переписки Н. Милютина съ Ю. Самаринымъ.

1.

Письмо Н. Милютина.

9-го марта 1859 года.

Почтеннѣйшій Юрій Өедоровичъ, въ дополненіе къ официальному приглашенію, уже отправленному на ваше имя, мнѣ поручено обратить къ вамъ дружеское воззваніе и отъ себя. Съ радостью исполняю это порученіе, въ надеждѣ, что вы не отклоните отъ себя тяжелой, но пріятной обязанности довершить великое дѣло, которому мы издавна были преданы всей душой. Коммисія, въ которую вы приглашаетесь членомъ, открылась на сихъ дняхъ; вотъ ея составъ: предсѣдатель Я. И. Ростовцевъ, отъ главнаго комитета — Жуковскій, отъ министерства внутреннихъ дѣлъ — Соловьевъ, Гирсъ и я, отъ министерства государственныхъ имуществъ—Булыгинъ и Павловъ (оба бывшіе члены московскаго комитета), отъ министерства юстиціи — Любощинскій и Семеновъ, отъ 2-го отдѣленія Калачевъ, наконецъ члены изъ помѣщиковъ (эксперты, какъ у насъ называются): Шишковъ, князь В. Черкаскій, Галаганъ и Тарновскій, послѣдніе два изъ черниговскаго комитета, Желѣзновъ— изъ новгородскаго и вы. Вѣроятно прибавится еще кой кто; но вы видите, что избираются люди искренно преданные дѣлу. Эксперты и министерскіе члены имѣютъ совершенно равныя права и обязанности. Депутаты же, призываемые изъ губернскихъ комитетовъ, вѣроятно будутъ имѣть голосъ лишь совѣщательный. Могу васъ вполнѣ удостовѣрить, что основанія для работъ широки и разумны. Ихъ можетъ по совѣсти принять вся-

кій, ищущій правдиваго и мирнаго разрѣшенія крѣпостного узла. Отбросьте всѣ сомнѣнія и смѣло пріѣзжайте сюда. Мы будемъ, конечно, не на розахъ: ненависть, клевета, интриги всякаго рода вѣроятно будутъ насъ преслѣдовать. Но именно поэтому нельзя намъ отступить передъ боемъ, не измѣнивъ всей прежней нашей жизни. Идя въ коммисію, я болѣе всего разсчитывалъ на ваше сотрудничество, на вашу опытность, на ваше знаніе дѣла. При всей твердости моихъ убѣжденій, я встрѣчаю тысячу сомнѣній, для разрѣшенія которыхъ нужны совѣты и указанія практиковъ. Здѣсь вы нужнѣе, чѣмъ гдѣ либо. Обнимаю васъ отъ всей души въ надеждѣ на радостное свиданіе.

„P. S. Къ работамъ мы еще не приступали; но мѣшкать нельзя. У насъ уже семь проектовъ, ожидаемъ еще нѣсколько. Надо тотчасъ начать ихъ разработку и поставить вопросы, а вы знаете какъ это важно. Соображеній нашихъ о полиціи и мировыхъ судьяхъ не могу вамъ послать, но спѣшу извѣстить, что они вполнѣ приняты. Всѣ сорныя травы вырваны, надѣюсь, окончательно. —

2.

Отвѣтъ Ю. Самарина.

22 марта 1859 г.

— Я получилъ ваше письмо, одновременно съ офиціальнымъ приглашеніемъ отъ генерала Ростовцева, которому отвѣчаю по этой же почтѣ. Что я приму приглашеніе съ радостью и съ полною готовностью идти на всѣ послѣдствія, въ этомъ, я надѣюсь, вы не сомнѣваетесь. Въ такомъ дѣлѣ всякій, кому удастся хоть одинъ камешекъ снять съ засореннаго пути, который одинъ ведетъ къ успѣху, долженъ почитать себя счастливымъ...—

По приглашенію вашему, я бы тотчасъ пріѣхалъ, если-бъ не приковывало меня къ Самарѣ то самое дѣло, для котораго вы меня зовете въ Петербургъ. На будущей недѣлѣ должны пройти послѣднюю главу программы: поручено мнѣ составить ее. Затѣмъ начнется редакція проектовъ. У насъ ихъ будетъ два, но на которой сторонѣ будетъ болѣе шансовъ—теперь еще предвидѣть нельзя. Одинъ проектъ пишу я, по порученію четырехъ членовъ комитета, постоянно подававшихъ голосъ со мною... У меня уже совсѣмъ готовы пять плановъ, для остальныхъ и пояснительныхъ записокъ изготовлены всѣ матеріалы; работы остается не болѣе какъ на три недѣли, и признаюсь вамъ, мнѣ самому не хотѣлось бы сдавать на чужія руки работу, надъ которой я много трудился и которой дорожу. Чрезъ недѣлю Страстная, тамъ праздникъ, въ это время, вѣроятно и въ Петербургѣ будетъ роздыхъ, а я въ Самарѣ успѣю окончить и оставить готовый проектъ. Дня на четыре мнѣ нужно съѣздить въ деревню, а съ первымъ пароходомъ я поднимусь вверхъ по Волгѣ до Твери. Въ первыхъ числахъ мая я буду въ Петербургѣ и тогда давайте трудиться, располагайте мною какъ знаете...

И такъ до скораго свиданья, обнимаю васъ отъ души, и оканчиваю стихами Хомякова:

Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Доколѣ не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва Твоего...

(Русская Старина 1899. № 2 февраль. Стр. 285 — 287.).

---

231. Извлеченіе изъ писемъ Я. И. Ростовцева къ Имп. Александру II.

1858 г.

Главному Комитету подлежатъ нынѣ къ разработкѣ два коренныхъ вопроса, отъ которыхъ зависятъ судьбы

Россіи; тутъ, иногда, повидимому, неважная ошибка можетъ разростись въ громадныя бѣдствія.

Два вопроса эти суть: разсмотрѣніе Положеній губернскихъ комитетовъ и ихъ обнародованіе.

Позвольте начать съ обнародованія.

Здѣсь слѣдуетъ соблюсти непремѣнно три условія:

1) Чтобы крестьянинъ немедленно почувствовалъ, что бытъ его улучшился.

2) Чтобы помѣщикъ немедленно успокоился, что интересы его ограждены.

3) Чтобы сильная власть ни на минуту на мѣстѣ не колебалась, отчего, ни на минуту же, и общественный порядокъ не нарушался.

Для сего необходимо, чтобы патріархальная власть помѣщика, державшая доселѣ въ спокойствіи всю Россію, но при новомъ порядкѣ вещей уже невозможная, замѣнилась немедленно другою надежною властію, т. е. совокупными дѣйствіями міра, помѣщика и правительства; чтобы достоинство помѣщика было въ глазахъ крестьянъ уважено и возвышено, и чтобы всѣ отношенія крестьянъ и къ помѣщику, и къ мѣстному начальству, и между собою были опредѣлены и опредѣлены точно... —

Ни одинъ изъ способовъ, употребленныхъ въ Европѣ при измѣненіи быта крестьянъ не можетъ быть принятъ за образецъ въ Россіи.

Тамъ заботились не объ освобожденіи крестьянъ, а о надѣленіи ихъ поземельною собственностію. Россіи же подлежатъ къ разрѣшенію двѣ задачи: первая—собственно освобожденіе, вторая — надѣленіе крестьянъ землею.

Надѣленіе крестьянъ землею нынѣ же, немедленно, и Главный Комитетъ, и Государь Императоръ признали невозможнымъ; выкупъ земли у помѣщиковъ правительствомъ обошелся бы ему до милліарда рублей сер. У правительства нѣтъ и малой части такихъ баснословныхъ богатствъ; выпускъ же облигацій или заемъ въ такую сумму произвели бы въ Россіи финансовую революцію; сверхъ того русскій крестьянинъ, за исключеніемъ малаго числа губерній и нѣкоторыхъ промышленныхъ мѣстностей, не понялъ бы бинома для выкупа земли въ нѣсколько десятковъ лѣтъ и сказалъ бы: „вотъ-те и свобода; оброку надбавили!"

Вслѣдствіе всего этого, было рѣшено озаботиться нынѣ же исполненіемъ только первой задачи, предоставивъ самому развитію вопроса разрѣшить вторую.

Посему весь Комитетъ единогласно положилъ и Государь Императоръ утвердить соизволилъ: по невозможности освободить крестьянъ ни съ землею, ни безъ земли, оставить имъ при освобожденіи ихъ дома, ихъ огороды и ихъ пашни въ постоянное пользованіе (до выкупа).

Этимъ сохранены крестьянину и прежній кровъ, и прежній хлѣбъ.

За тѣмъ, личная свобода (при обнародованіи Положеній) должна вести крестьянина и къ свободѣ труда, какъ къ источнику и дальнѣйшаго духовнаго его развитія, и улучшенія матеріальнаго его благосостоянія.

Безъ этихъ условій освобожденіе крестьянъ было бы только однимъ именемъ, и потому необходимо оградить надежность этихъ условій.

Для сего необходимо включить въ законоположенія объ освобожденіи крестьянъ такіе элементы, которые постепенно, безостановочно, въ историческомъ ихъ развитіи, усиливали бы возможность крестьянамъ дѣлаться поземельными собственниками и вызвали Россію къ новой жизни безъ потрясеній государственныхъ, безъ посредничества огромныхъ капита-

ловъ правительства, которыхъ оно не имѣетъ и никогда имѣть не можетъ, и безъ нарушенія правъ дворянъ-помѣщиковъ.

Чрезвычайно трудно интересы двухъ сословій, доселѣ жизненно-неразрывныхъ, поставить въ равновѣсіе безъ столкновеній. Эта самая важная задача нашего Комитета.

Въ послѣдующемъ изложеніи я старался приготовить только канву, т. е. изобразить только характеръ и духъ законодательства: эти главныя черты потребуютъ еще большаго развитія въ подробностяхъ.

Начала эти, или какія либо другія, лучшія, но только въ духѣ имъ подобныя, могутъ дать, по моему крайнему разумѣнію и по моему глубокому убѣжденію, благополучный исходъ нашему вопросу.

Послѣдствія могутъ быть опасны, если бы подробностями изложенія нарушили коренной смыслъ главныхъ началъ. Тутъ достаточно одной необдуманной мѣры, чтобы уничтожить или помѣщика, или свободу крестьянъ. И, нравы, и обычаи, и мѣстныя условія чрезвычайно въ Россіи различны; для всѣхъ странъ нашего отечества общіе коренные законы могутъ быть равно пригодны и полезны; но постановленія подробныя и мелочныя по мѣркѣ всѣмъ не придутся и произведутъ замѣшательство вмѣсто порядка, и вредъ вмѣсто пользы.

И потому, смѣю повторить, надобно быть чрезвычайно осторожнымъ въ изложеніи подробностей.

Осторожность эту надобно соблюсти и въ слѣдующихъ двухъ предметахъ:

Въ постановленіяхъ для мірской общины, какъ ей въ совѣщательныхъ своихъ собраніяхъ дѣйствовать, и въ опредѣленіи рода и мѣры наказаній по приговору міра за каждый проступокъ виновнаго.

И то, и другое каждая мірская община обсудитъ и постановитъ практически, лучше всякихъ законодательныхъ теорій.

Относительно наказаній, осмѣлюсь еще присовокупить, что, во всякомъ случаѣ, о наказаніяхъ тѣлесныхъ не слѣдуетъ упоминать вовсе: во-первыхъ, это было бы пятномъ настоящаго законодательства, законодательства объ освобожденіи; во-вторыхъ, есть же въ Россіи мѣста, гдѣ тѣлесное наказаніе, къ счастію, вовсе не употребляется.

Нѣкоторые говорятъ, что русскій мужичокъ розгу любитъ. Точно ли это справедливо? Если же онъ къ ней и привыкъ, то не надобно ли его отъ нея отъучать?

Каждая мірская община разберетъ это сама и, конечно, опредѣлитъ мѣры исправительнаго наказанія, соображаясь съ нравственными условіями своего общества.

Сверхъ того, исправительныя мѣры, постановленныя Высочайшею властію, должны, какъ и всякій законъ, дѣйствовать долгое время.

Со смягченіемъ нравовъ и мѣры исправительныя сами собою должны смягчаться; если же мѣры эти смягчаться не будутъ, не будутъ смягчаться и нравы...—

Я. Ростовцевъ.

(Скребицкій т. I, с. 908—911).

---

232. Открытіе Редакціонныхъ Комисій.

На второй недѣлѣ Великаго поста, 2 марта 1859 года, была разослана отъ Якова Ивановича Ростовцова къ находившимся налицо въ С.-Петербургѣ членамъ Редакціонныхъ Комисій повѣстка въ такой формѣ: на бланкѣ, послѣ печатныхъ словъ: „Предсѣдатель Комисій для составленія положеній о крестьянахъ, генералъ-адъютантъ Ростовцовъ“ — было написано: „свидѣтельствуя совершенное свое

почтеніе милостивому государю (такому-то), имѣетъ честь покорнѣйше просить пожаловать къ нему въ среду, 4-го сего марта, въ 8 часовъ вечера, для открытія засѣданій Комисій".

На это первое засѣданіе собрались члены: два непремѣнныхъ, шесть отъ подлежащихъ вѣдомствъ, два эксперта,—всего десять человѣкъ, и Секретарь Комисій, особо назначенный въ помощь П. П. Семенову, завѣдывавшему дѣлами Редакціонныхъ Комисій, при которыхъ образовалась небольшая канцелярія.

Всѣ съѣхались на Васильевскомъ Островѣ, въ квартиру Якова Ивановича Ростовцова, которую онъ занималъ въ особомъ казенномъ домѣ, принадлежавшемъ первому кадетскому корпусу. Всѣхъ пріѣзжавшихъ принимала супруга его, Вѣра Николаевна. Изъ двухъ сыновей ихъ былъ тутъ только младшій Михаилъ Яковлевичъ. Старшій Николай Яковлевичъ находился въ то время, по разстроенному здоровью, за границей.

Ростовцовъ приступилъ къ открытію Редакціонныхъ Комисій съ молитвою, какъ онъ самъ выразился въ письмѣ къ князю Алексѣю Ѳедоровичу Орлову, отъ 14 февраля 1859 года.

Сначала отслушали молебенъ, съ колѣнопреклоненіемъ, о благополучномъ начинаніи дѣла и его совершеніи. Служилъ священникъ перваго корпуса съ причтомъ. Изъ кадетъ этого корпуса былъ составленъ хоръ пѣвчихъ. По окончаніи молебна, Ростовцовъ пригласилъ своихъ новыхъ сотрудниковъ въ особо приготовленную для засѣданій комнату. Она была расположена между библіотекой Ростовцова и его кабинетомъ. Она выходила дверью на балконъ въ довольно обширный для столицы садъ, откуда одно дерево еще и понынѣ свободно раскидываетъ густые вѣтви черезъ каменную ограду почти на полъ-улицы. Высокія окна, съ очень узкими простѣнками, давали комнатѣ днемъ самый ясный и веселый видъ, а густая зелень растеній, поставленныхъ во множествѣ въ самомъ свѣтломъ углу ея, напоминала зимніе сады столицы. Между двумя арками, замѣнявшими двери, въ срединѣ стѣны, отдѣлявшей эту комнату отъ библіотеки, стоялъ каминъ; свободныя отъ оконъ стѣны были увѣшаны картинами. Ростовцовъ страстно любилъ украшать свое жилище живыми цвѣтами и картинами. Столъ для присутствовавшихъ, покрытый краснымъ сукномъ, занималъ средину комнаты.

Въ этотъ только разъ, за все время предсѣдательства Ростовцова члены Комисій собрались въ присутствіе въ форменныхъ или простыхъ фракахъ и въ орденахъ, кто ихъ имѣлъ. Всякое стѣсненіе и принужденіе съ самаго начала были изгнаны изъ собранія. Подавали чай, курили, и бесѣда шла свободно. Такой характеръ носили на себѣ въ особенности первыя собранія, о которыхъ самъ Ростовцовъ выражался такъ: „вначалѣ мы должны спѣваться нѣкоторое время, пока пріѣдутъ наши товарищи, члены-эксперты, опытные помѣщики. Это для насъ очень важно".

Ростовцовъ открылъ засѣданіе нѣсколькими вступительными словами и въ заключеніе сказалъ: „мы приступаемъ къ дѣлу щекотливому. Мы можемъ быть разныхъ мнѣній и взглядовъ. Между нами могутъ произойдти горячіе и раздражительные споры и несогласія, а потому мы всѣ должны заранѣе простить другъ другу огорченія, еслибъ у насъ вышло что нибудь непріятное, и я первый теперь же прошу у всѣхъ васъ прощенія, если бы неумышленно, хотя однимъ словомъ, кого нибудь обидѣлъ".

(Н. Семеновъ, Освобожденіе крестьянъ. Томъ I, стр. 75—77.)

233. Засѣданія Хозяйственнаго Отдѣленія Редакціонной Комиссіи.

(По зап. Милютиной.)

... Хозяйственное отдѣленіе, въ которомъ предсѣдательствовалъ Николай Алексѣевичъ, собиралось у насъ на дачѣ Аптекарскаго острова, на берегу Невки, въ маленькомъ 5-ти комнатномъ флигелѣ, принадлежащемъ казенной дачѣ мин. вн. дѣлъ, гдѣ до тѣхъ поръ жили прежніе товарищи, Лексъ и Левшинъ. Въ свѣтлыя, теплыя лѣтнія ночи столъ иногда выносился въ садикъ и ставился посреди душистыхъ сиреневыхъ кустовъ. Засѣданія начинались около 8-ми часовъ вечера и часто длились до 5-ти утра; окончаніе споровъ происходило иногда уже за ужиномъ. Первое время не доставало на дачѣ посуды, подсвѣчниковъ и даже нужнаго числа стульевъ (что не мало сокрушало хозяйку, но современемъ все уладилось и обошлось). Окрестные работники и крестьяне, извозчики, лодочники скоро разузнали, какого рода эти собранія, и пользовались всякимъ случаемъ, чтобъ какимъ-нибудь трогательнымъ образомъ выразить труженикамъ свое участіе и благодарность...

(Русская Старина. 1889, № 3. Мартъ, стр. 576.)

---

234. Пренія въ Редакціонной Комиссіи.

Объ отрѣзкахъ.

...Ростовцовъ продолжалъ: „Теперь на очереди докладъ Хозяйственнаго Отдѣленія № 1“.

Милютинъ принялся за чтеніе сдѣланныхъ въ Хозяйственномъ Отдѣленіи исправленій по замѣчаніямъ, сдѣланнымъ на него въ предшедшихъ засѣданіяхъ, и прибавлялъ къ чтенію свои объясненія.

Позенъ, на предположеніе прирѣзать къ крестьянскому надѣлу недостающую землю изъ находящихся въ непосредственномъ владѣніи помѣщика угодій, повторилъ возраженіе, сдѣланное имъ въ предшедшемъ засѣданіи 18 іюня.

Князь Черкасскій предложилъ, съ большою уступчивостью, сдѣлать подстрочное примѣчаніе, что „симъ не предрѣшается вопросъ, изъ какихъ именно угодій будетъ прирѣзываться земля крестьянамъ, который войдетъ въ составъ одного изъ послѣдующихъ докладовъ“.

Предсѣдатель: Я нахожу это добавленіе полезнымъ, чтобы не испугать дворянства.

Позенъ: Я не возражалъ противъ удержанія помѣщикомъ одной трети земли, хотя нашъ (Полтавскій) Комитетъ положилъ помѣщику удержать двѣ трети; но предоставляю себѣ въ послѣдствіи, въ качествѣ депутата отъ дворянства Полтавской губерніи, право защищать свой Комитетъ, или по крайней мѣрѣ представить въ объясненіе всѣ основанія, почему онъ такъ полагалъ. Сохраняя существующій размѣръ надѣла и назначая только maximum и minimum, Редакціонныя Комиссіи дѣйствуютъ очень хорошо и чрезвычайно осторожно.

Желтухинъ: Если уже за основаніе размѣра существующаго надѣла принимается тотъ, который былъ у крестьянъ въ 1859 году, то слѣдовало бы оговорить, что въ счетъ его не входитъ то количество земли, которое предоставлено было крестьянамъ по особому условію съ помѣщикомъ. У меня примѣръ тому въ собственномъ моемъ имѣніи. Я отдалъ внаймы крестьянамъ землю, мнѣ принадлежащую; но оброкъ съ нихъ получаю вмѣстѣ, безъ особаго расчета за надѣльную и наемную землю.

Князь Черкасскій: Это само собою разумѣется; (Желтухину) отъ

васъ будетъ зависѣть показать правительству и представить на то доказательства; объ этомъ не стоитъ и говорить...—

Соловьевъ (Позену): Вы получили докладъ Хозяйственнаго Отдѣленія?

Позенъ: Да, но предъ засѣданіемъ, и мы не успѣли еще приготовиться.

Милютинъ: Мы не имѣемъ времени откладывать вопросовъ до неизвѣстнаго срока, когда у насъ стоятъ на очереди еще другіе.

Предсѣдатель: Подумайте: Россія ждетъ. Если мы не кончимъ нашего дѣла осенью, то оно пойдетъ опять на цѣлый годъ.

Позенъ: Я самъ отъ души желаю дѣлать скорѣе и думаю, что мы могли бы очень скоро это кончить; но если при этомъ дѣлать какъ-нибудь и не оставлять членамъ Комисій свободы высказываться со всѣхъ сторонъ, то въ такомъ случаѣ намъ нечего и говорить. При такой поспѣшности я, не имѣя быстрыхъ способностей, какъ другіе, не поспѣваю.

Милютинъ: Я полагаю, что нужно прежде всего рѣшить вопросъ: слѣдуетъ ли въ этихъ исключительныхъ случаяхъ малоземельности предоставлять помѣщику отрѣзывать землю отъ крестьянъ.

Предсѣдатель: Отъ высшаго надѣла (maximum) рѣжьте, но отъ низшаго (minimum) не рѣжьте... —

Князь Черкасскій: Конечно, не слѣдуетъ допускать уменьшенія у крестьянъ земли, и это согласуется вполнѣ съ моимъ личнымъ убѣжденіемъ; но что отрѣзка у нихъ земли будетъ популярна у дворянства, въ этомъ я не имѣю сомнѣнія, а если отвергнуть ее, то произойдетъ общее неудовольствіе. Нужна ли эта популярность, это—другое дѣло.

Петръ Семеновъ: Отрѣзкой отъ крестьянъ земли, которая, по недостаточности ея, можетъ быть безполезна помѣщику, онъ лишается возможности употребить съ выгодой капиталъ, который она должна ему доставлять при удержаніи ея за крестьянами.

Предсѣдатель: Это очень справедливо: отрѣзкой мы уничтожаемъ крестьянина, а это бунтъ; всѣ юридическія теоріи прекрасны, но здѣсь дѣло идетъ о кускѣ хлѣба; мы отнимаемъ у крестьянина этотъ кусокъ изъ вѣжливости къ помѣщику, для популярности у дворянства. Государь велѣлъ намъ улучшить бытъ; какое же это улучшеніе?

Соловьевъ: Губернскіе Комитеты предлагаютъ нормы для надѣла крестьянъ землей; разрѣшеніе ихъ размѣра зависитъ отъ насъ, мы можемъ именно принять ихъ нормы и увеличить ихъ въ видахъ улучшенія быта крестьянъ. Позвольте доложить еще, что и при maximum, если производить отрѣзку отъ надѣла, будетъ то же затрудненіе, какое именно количество земли оставить помѣщику и какое крестьянамъ?

Предсѣдатель; Maximum долженъ быть широкій, чтобъ обезпечить крестьянина. Это касается, виноватъ, брюха и рта.

Соловьевъ: Помѣщикъ самъ откажется отъ земли, если увидитъ, что крестьяне не могутъ безъ нея обойтись.

Предсѣдатель: Такъ вы хотите, чтобы помѣщикъ былъ великодушнѣе самого правительства? Мы издаемъ законы Нероновскіе,—говоримъ помѣщику: рѣжь крестьянина, и если онъ не воспользуется, развѣ это насъ оправдаетъ?

Князь Черкасскій: Что дворяне всѣ пожелаютъ воспользоваться этимъ правомъ (отрѣзки), чтобы бывшую надѣльную десятину отдавать потомъ крестьянину за огромную цѣну, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но по счастью на практикѣ труднѣе будетъ воспользоваться этимъ правомъ, чѣмъ на бумагѣ, потому что крестьянинъ не заплатитъ тогда ничего.

Апраксинъ: Съ уменьшеніемъ земли уменьшаются и повинности, слѣдовательно тутъ совсѣмъ нѣтъ ухудшенія быта.

Позенъ: Надо прежде разсмотрѣть случаи отрѣзки и прирѣзки и тогда уже можно будетъ сказать что нибудь опредѣлительное; но пока всѣ наши разсужденія объ этомъ предметѣ исходятъ изъ разныхъ началъ.

Предсѣдатель: Если вамъ всѣмъ угодно принять отрѣзку земли у крестьянъ, я преклоняюсь; но первое, что здѣсь представляется,—это бунтъ, а второе,—я боюсь, что мужикъ будетъ голоденъ. Свыше maximum надѣла можно отрѣзать.

Апраксинъ: Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, которые будутъ весьма рѣдки, можно было бы, если правительство согласится, обязательно переселять крестьянъ на казенныя земли.

Предсѣдатель: Простите, тутъ одна строчка жестокая: „чтобы въ непосредственномъ владѣніи помѣщика ни подъ какимъ видомъ не оставалось менѣе $^1/_3$ общей совокупности угодій въ имѣніи“; выкиньте ее, мы всѣ тогда согласны.

(Н. Семеновъ. Освобожденіе крестьянъ. Томъ I. Стр. 311—317.)

235. 73-е засѣданіе Ред. Комиссіи.

20 января 1860 г. [1])

Обсужденіе доклада Хоз. Отдѣленія о видахъ и распредѣленіи натурал. повинности.

„6. Все количество рабочихъ дней—мужскихъ и женскихъ, причитающееся за душевые надѣлы или же на семейные (подворные) участки, сообразно ихъ величинѣ, отбывается: при круговой отвѣтственности—всѣмъ обществомъ, а безъ круговой отвѣтственности — каждымъ семействомъ или дворомъ отдѣльно. Помѣщику предоставляется изъ всего количества слѣдующихъ ему съ общества или съ участка дней относить $^3/_5$ на лѣтній рабочій періодъ, $^2/_5$ на зимній“.

Графъ Шуваловъ замѣтилъ: Это уже не льгота для крестьянъ,—и тѣмъ поднялъ бурю возраженій и горячіе споры.

Милютинъ: Да это и не въ видѣ льготы сдѣлано,—это въ большое ихъ стѣсненіе и обремененіе.

Булгаковъ: Зачѣмъ же это? Оно дѣйствительно уже слишкомъ обременительно.

Петръ Семеновъ урезонивалъ Булгакова, что онъ спутаетъ всѣхъ, если будетъ возражать на 6 статью, такъ какъ у нихъ въ Хозяйственномъ Отдѣленіи ему едва удалось достигнуть компромисса по этому вопросу, и у нихъ завязался отдѣльный разговоръ.

Булгаковъ: Да что же? Вы такъ думаете, а я иначе, я развѣ не имѣю права имѣть своего мнѣнія?

Петръ Семеновъ: Какъ угодно, только вы разстроите то, что возбуждало горячіе споры въ Хозяйственномъ Отдѣленіи и съ трудомъ было установлено, по взаимному соглашенію. Разговоръ Булгакова съ Петромъ Семеновымъ продолжается еще вполголоса.

Милютинъ (*обращаясь къ докладчику Галагану*): Вѣдь вы еще усиливаете барщину противъ того, какъ она была установлена закономъ, т. е. трехдневную. Ваши дни берутся съ души, а не съ тягла, какъ это было прежде.

Галаганъ: Да мы только откровенно высказали, что прежде не было высказано, именно, что брали всегда не три дня, а гораздо больше, чѣмъ мы теперь полагаемъ.

Милютинъ: Это было злоупотребленіе, котораго мы въ соображеніе

[1]) Предсѣдательствовалъ, за болѣзнію Ростовцева, членъ Комиссіи Булгаковъ.

принимать не должны,—намъ надо положить въ основаніе законъ, а то какое же это улучшеніе быта?

Галаганъ: Нѣтъ, это не такъ, по закону не назначалось, сколько давать крестьянину земли за трехдневную барщину. Я дѣлалъ какъ хотѣлъ. Законъ былъ такой неопредѣленный, что не могъ никакъ приводиться въ исполненіе. Наши положенія облегчаютъ значительно бытъ крестьянъ противъ того, какъ это было въ дѣйствительности...—

Петръ Семеновъ сталъ опять уговаривать Булгакова, разъясняя, что помѣщикъ бралъ гораздо больше, и законъ не воспрещалъ, если сосчитать всѣ добавочныя повинности и все, что отбрасываетъ Хозяйственное Отдѣленіе. Онъ обратилъ вниманіе Булгакова и на то, что превтируемая барщинная повинность соотвѣтствуетъ высшему размѣру (maximum) надѣла. Наконецъ онъ представилъ и то соображеніе, что барщина есть дѣло временное и притомъ весьма кратковременное, и что такъ какъ крестьянамъ предоставляется право переходить на денежную повинность, что и весьма желательно, то чрезмѣрное облегченіе барщины только отсрочитъ развязку крестьянскаго дѣла. Тогда Булгаковъ сдался...—

Булгаковъ (*графу Шувалову*): Вотъ, позвольте, Петръ Павловичъ, я самъ обратилъ вниманіе на то же, въ чемъ вы возбудили сомнѣніе; но теперь Петръ Петровичъ (Семеновъ) объяснилъ мнѣ, что это количество рабочихъ дней предполагается при наибольшемъ надѣлѣ. Это большая разница. У крестьянина могла быть прежде одна десятина и онъ долженъ былъ по закону отправлять трехдневную барщину, потомъ сверхъ того караулы и разныя другія повинности. Такимъ образомъ, теперь выйдетъ уже значительное облегченіе.

Милютинъ: Это ничего не значитъ. Что мнѣ за дѣло, сколько давалось помѣщикомъ земли, это до насъ не касается. Гдѣ онъ давалъ мало, тамъ это было безчеловѣчно, и это было злоупотребленіе помѣщичьей власти, а я знаю только одно, что и прежде, по закону, была трехдневная барщина. Теперь же мы обязаны улучшить бытъ, и трехдневной барщины оставить не можемъ.

Соловьевъ: Наши положенія о барщинѣ теперь именно противозаконны...—

Булгаковъ (*Милютину*): Я прежде самъ вамъ сочувствовалъ, а теперь убѣдился, что въ нашихъ положеніяхъ есть все-таки значительное улучшеніе крестьянскаго быта, добавочныя повинности вы всѣ отбросили.

Татариновъ: И разные поборы.

Булгаковъ: Подростки были всегда на барщинѣ у помѣщика—вы ихъ исключаете. Сгоновъ вы теперь не допускаете, а если сосчитать все это, то выйдетъ непремѣнно, что барщина отправлялась четырехдневная, не говоря о томъ, что помѣщикъ, по свойству крѣпостного права, могъ еще налагать на крестьянъ что угодно.

Милютинъ: Да въ законѣ не было всего того, что вы говорите...— Я прошу этотъ вопросъ пустить на голоса. Что же это будетъ такое. Это продолженіе и утвержденіе крѣпостного права. Я не могу ни согласиться съ этимъ, ни этому сочувствовать...—

Споры продолжались.

Петръ Семеновъ доказывалъ, что по проекту доклада нѣтъ никакого сравненія съ прежнимъ положеніемъ крестьянъ; что всѣхъ сторонъ улучшенія и обнять трудно, что при прежнемъ порядкѣ вещей изъ барщинныхъ дней выбирались еще для помѣщика только хорошіе и ясные дни, а въ новомъ положеніи и этого нѣтъ.

Соловьевъ: Это именно было все злоупотребленія, о которыхъ и говорить нечего.

Петръ Семеновъ: Какъ же можно считать злоупотребленіемъ то, что не было воспрещено закономъ.

Милютинъ: Все-таки это было безчеловѣчно. Это было уродство...

Вопросъ былъ поставленъ, рукою Булгакова, на печатной бланкѣ, карандашомъ:

„Принимается ли распредѣленіе рабочихъ дней на лѣтніе и зимніе въ изложенномъ порядкѣ (п. 6), и подъ этимъ—на одной сторонѣ листа: „Гг. члены, отвѣчавшіе на вопросъ утвердительно" а на другой: „Гг. члены, отвѣчавшіе на вопросъ отрицательно".На сторонѣ отвѣчавшихъ утвердительно было 13 голосовъ, отрицательно—только 6 голосовъ...

(Н. Семеновъ, Осв. крестьянъ, т. II, с. 503—508).

---

236. Адресъ 18-ти членовъ отъ губернскихъ комитетовъ перваго призыва, представленный Государю чрезъ посредство министра внутреннихъ дѣлъ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Какъ члены отъ дворянскихъ комитетовъ, мы исполнили Высочайшее повелѣніе Вашего Императорскаго Величества и представили наши замѣчанія и соображенія на первоначальные труды Редакціонныхъ Комиссій по крестьянскому дѣлу.

Различествуя между собою въ нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ, мы пришли, однако, къ тому общему заключенію, что предположенія Редакціонныхъ Комиссій, въ настоящемъ ихъ видѣ, не соотвѣтствуютъ общимъ потребностямъ и не приводятъ въ исполненіе тѣхъ основныхъ началъ, которыя съ благоговѣйною готовностью дворянство приняло въ руководство по крестьянскому дѣлу.

Ревнуя оправдать довѣріе Всемилостивѣйшаго нашего Государя и имѣя въ виду, что объясненія и соображенія наши относятся только къ первоначальнымъ матеріаламъ упомянутой Комиссіи, мы дерзаемъ всеподданнѣйше просить В. И. В. о томъ, чтобъ дозволено было намъ представить наши соображенія на окончательные труды Редакціонныхъ Комиссій, до поступленія ихъ въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу.

В. И. В. вѣрноподданные...

(Н. Семеновъ. Осв. крестьянъ, т. II, с. 934—5.).

---

237. Адресъ 5-ти членовъ отъ губернскихъ комитетовъ, отдѣлившихся отъ большинства.

Всемилостивѣйшій Государь!

Державнымъ словомъ Вашего Императорскаго Величества объ освобожденіи крестьянъ Россія пробуждена къ новой жизни. Это поворотъ въ исторіи нашего отечества...—

Въ неизрѣченной милости Вашей, великодушный Монархъ, къ дворянству, Вы призвали наше сословіе къ участію въ великомъ дѣлѣ преобразованія быта земледѣльцевъ.

Столь высокое довѣріе налагаетъ на насъ, членовъ отъ Дворянскихъ Комитетовъ, священную обязанность вѣрноподданически высказать Вашему Величеству мнѣнія наши о направленіи, полученномъ нынѣ крестьянскимъ дѣломъ...—

Согласно Высочайше утвержденной В. И. В. инструкціи, мы представили въ Редакціонныя Комиссіи наши подробныя соображенія и замѣчанія, но изъ внимательнаго изученія заключеній Комиссій, мы убѣдились, что

увеличенiемъ надѣла крестьянъ землею и крайнимъ пониженiемъ повинностей, въ большей части губерній, помѣщики будутъ разорены, а бытъ крестьянъ вообще не будетъ улучшенъ, по той причинѣ, что хотя крестьянамъ и предоставляется самоуправленiе, но оно будетъ подавлено и уничтожено вліянiемъ чиновниковъ, и потому, что крестьяне только тогда почувствуютъ бытъ свой улучшеннымъ, когда они избавятся отъ всѣхъ обязательствъ предъ владѣльцами и когда сдѣлаются собственниками; ибо свобода личная невозможна безъ свободы имущественной.

Въ установленныхъ обязательныхъ отношенiяхъ между лично-свободными крестьянами и помѣщиками, лишенными общественнаго значенiя и участiя въ управленiи народомъ, лежатъ зародыши опасной борьбы сословій.

Вѣруя въ благодушiе Вашего Величества, зная волю Вашу, Государь, чтобъ Россiя шла путемъ мирнаго развитiя, убѣдившись, что крестьяне имѣютъ надежду, превратившуюся въ вѣрованiе, охватившее весь народъ отъ мала до велика, получить свободу полную и землю въ собственность, и что бытъ сословій не можетъ быть улучшенъ безъ преобразованiя существующаго порядка администрацiи, полицiи и суда, мы дерзаемъ, Государь, всеподданнѣйше просить Ваше Императорское Величество о нижеслѣдующемъ:

1. Даровать крестьянамъ полную свободу, съ надѣленiемъ ихъ землею въ собственность, посредствомъ немедленнаго выкупа, по цѣнѣ и на условiяхъ, не разорительныхъ для помѣщиковъ.

2. Образовать хозяйственно-распорядительное управленiе, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ.

3. Учредить независимую судебную власть, т.-е. судъ присяжныхъ, и гражданскiя судебныя учрежденiя, независимыя отъ административной власти, со введенiемъ гласнаго и словеснаго судопроизводства, и съ подчиненiемъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ непосредственной отвѣтственности предъ судомъ; и

4. Дать возможность обществу путемъ печатной гласности доводить до свѣденiя верховной власти недостатки и злоупотребленiя мѣстнаго управленiя.

Убѣжденные, что крестьянское дѣло не можетъ рѣшиться спокойно и правомѣрно иначе, какъ на изложенныхъ основанiяхъ, мы считаемъ священнымъ долгомъ, въ оправданiе высокаго довѣрiя, оказаннаго В. И. В-омъ дворянскому сословiю, повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣнiе Ваше, Государь, наши откровенныя убѣжденiя, въ полномъ упованiи на милостивое вниманiе къ мыслямъ, внушеннымъ намъ долгомъ присяги, безпредѣльною любовью къ престолу и отечеству.

(Н. Семеновъ. Осв. крестьянъ, т. II, с. 935—7.).

---

238. Труденъ ли выкупъ земли?

(Изъ статьи Н. Г. Чернышевскаго).

Личность освобождается безъ вознагражденiя; потому, чѣмъ ниже мы оцѣнимъ обязательный трудъ, тѣмъ большая часть цѣнности останется на долю земли, подлежащей выкупу, слѣдовательно тѣмъ выгоднѣе для владѣльца будетъ цифра выкупа.

Итакъ положимъ, что цѣнность обязательнаго труда составляетъ только пятую часть цѣнности всего крѣпостнаго имущества въ имѣнiяхъ, состоящихъ на барщинѣ. На самомъ дѣлѣ обязательный трудъ составляетъ, безъ сомнѣнiя, гораздо значительнѣйшую часть общей суммы; но мы принимаемъ меньшую цифру для

выгоды владѣльцевъ. Какова же будетъ при этой цифрѣ окончательная величина выкупа въ имѣньяхъ, состоящихъ на барщинѣ?

Вся стоимость крѣпостнаго имущества найдена нами равняющеюся 98 рублямъ и 10 копѣйкамъ серебромъ на душу; изъ этой цифры одна пятая, т. е. 19 рублей 62 копѣйки, отщитывается на обязательный трудъ, неподлежащій выкупу. Цѣнность земли остается 78 руб. 48 коп. на душу. По нынѣшнему надѣлу, изъ тысячи десятинъ земли крестьянамъ уступлено 379; по этой пропорціи изъ 78 руб. 48 коп. на крестьянскую землю приходится цѣнность 29 руб. 74 коп.,— вотъ средняя величина выкупа съ души въ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ, при нынѣшнемъ надѣлѣ.

Но мы уже замѣтили, что во многихъ помѣстьяхъ настоящій надѣлъ пахотною землею и сѣнокосами недостаточенъ; сверхъ того для крестьянъ необходимъ надѣлъ нѣкоторою частью лѣсовъ и другихъ угодій, не причисляемыхъ нынѣ къ ихъ землѣ. Мы говорили, что вслѣдствіе этихъ необходимыхъ прибавокъ, крестьянскому надѣлу слѣдовало бы въ общей суммѣ возвыситься до половины всей крѣпостной земли. Мы будемъ брать за норму выкупа эту послѣднюю величину надѣла, безъ которой не достигнется цѣль, указанная Высочайшими рескриптами. Тогда выкупъ составитъ ровно половину цѣнности всей крѣпостной земли, то есть 39 рублей 24 копейки съ души.

До сихъ поръ мы говорили объ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ. Въ оброчныхъ имѣніяхъ обыкновенно вся земля находится во владѣніи крестьянъ, но тѣмъ не менѣе встрѣчаются оброчныя имѣнія, въ которыхъ часть земли остается за владѣльцами. Во многихъ другихъ оброчныхъ помѣстьяхъ согласное желаніе владѣльца и крестьянъ будетъ состоять въ томъ, чтобы при отходѣ помѣстья отъ владѣльца нѣкоторая часть земли была возвращена ему. Положимъ, что оба эти факта въ сложности произведутъ оставленіе за владѣльцами оброчныхъ имѣній хотя одной восьмой части крѣпостной земли. Въ дѣйствительности эта доля, конечно, будетъ гораздо значительнѣе, но чѣмъ меньше принять вычетъ, тѣмъ больше останется величина выкупа. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, мы дѣлаемъ всевозможныя натяжки для возвышенія выкупной суммы. Такъ мы уже приняли цѣну земли въ оброчныхъ имѣніяхъ за равную цѣнѣ земли въ барщинныхъ, хотя въ оброчныхъ земля гораздо малоцѣннѣе, какъ извѣстно всякому. Точно также мы хотимъ принять, что цѣна личности въ оброчныхъ имѣніяхъ составляетъ, какъ въ барщинныхъ, только одну пятую часть всей цѣнности крѣпостнаго имущества, хотя извѣстно, что въ оброчныхъ имѣніяхъ цѣнность гораздо больше, нежели въ барщинныхъ, проистекаетъ изъ крѣпостнаго права на самую личность, а не на землю, и хотя даже для барщинныхъ имѣній вычетъ изъ общей цѣнности за отмѣняемое безъ вознагражденія право на личность принятъ нами меньше своей дѣйствительной цѣны.

На этихъ основаніяхъ, до крайности выгодныхъ для владѣльца, величина выкупа въ оброчныхъ имѣніяхъ опредѣлится такимъ образомъ.

За вычетомъ 19 руб. 62 коп. изъ общей цифры 98 руб. 10 коп., цѣнность всей крѣпостной земли остается, какъ въ барщинныхъ имѣніяхъ, 78 руб. 48 коп.; изъ этой земли одна восьмая часть останется за помѣщиками (цѣнность этой доли 9 руб. 81 коп.); за крестьянами остается семь восьмыхъ частей, цѣнность которыхъ 68 руб. 67 коп.

Эта цифра 68 руб. 67 копѣекъ и

составляетъ выкупъ оброчной души съ землею.

Теперь совершенно ясно, что мы дѣлали большую натяжку для повышенія общей выкупной суммы по всей имперіи, когда считали, что цѣлая треть крѣпостныхъ крестьянъ находится на оброкѣ, между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности пропорція эта гораздо меньше: выкупъ за оброчныхъ больше, чѣмъ за состоящихъ на барщинѣ.

Вотъ достигли наконецъ того, что можемъ вывести приблизительную величину выкупа всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ цѣлой имперіи съ надѣломъ земли, какой мы принимали выше, то есть съ надѣломъ, увеличеннымъ до цѣлой половины всей крѣпостной земли.

Мы принимали, что изъ 300 душъ 200 находятся на барщинѣ, а 100 на оброкѣ; по принятымъ для того и другаго разряда цифрамъ выкупа имѣемъ:

200 душъ	по 39 руб.	24 коп.	7,848 руб.
100 „	„ 68 „	67 „	6,867 „
Итого 300 душъ			14,715 руб.

Раздѣляя общую цѣнность 14,715 руб. на 300 душъ, мы получаемъ среднюю цѣнность выкупа за каждую душу 49 руб. 5 коп.

Помножая эту среднюю цѣнность выкупа (49 руб. 5 коп.) на все количество крѣпостныхъ душъ въ Европейской Россіи (10, 844, 902, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ г. Тройницкаго), мы получимъ 531,942,443 р. 10 к.

Вотъ вся сумма выкупа съ землею при надѣлѣ, увеличенномъ на цѣлую треть выше настоящаго.

Какъ далеко отъ этой цифры до страшныхъ полутора или двухъ милліардовъ рублей серебромъ, о которыхъ обыкновенно говорятъ! Цѣлая бездна отдѣляетъ нашъ выводъ отъ этихъ ужасающихъ фантомовъ.

У кого изъ насъ не облегчается сердце при взглядѣ на эту цифру 531,940,000 р., на эту цифру, которая уже сама за себя прямо говоритъ: „Вглядитесь въ меня хорошенько: я вовсе не страшна, какъ васъ пугаютъ; со мною нетрудно будетъ вамъ сладить; я не разорю васъ, какъ тѣ раздутыя чудовища, которыя ужасали васъ подъ моимъ именемъ. Вглядитесь въ меня хорошенько: есть ли во мнѣ хоть малѣйшій признакъ переполненія государства кредитными знаками, потрясенія кредиту, громадныхъ займовъ, изнурительныхъ усилій, которыми васъ стращали уродливые милліарды, являвшіеся вмѣсто меня въ потьмахъ безразчетности? Они старались представиться вамъ слонами, эти самозванцы—милліарды выкупа; а я, я чуть ли не муха,—такъ легко со мною справиться. Вглядитесь въ меня хорошенько: вѣдь я не больше той цифры, какую вы въ десять лѣтъ истратите на однѣ желѣзныя дороги; вѣдь я вдвое меньше той цифры, какую составитъ въ слѣдующіе десять лѣтъ оборотъ однихъ только Балтійскихъ нашихъ портовъ. И будто бы вамъ не справиться со мною въ самомъ дѣлѣ и легко и быстро?“

(Н. Чернышевскій. Соч. томъ IV. с. 345—7).

---

239. Пренія въ Ред. Комиссіи о выдѣлѣ изъ общины.

Засѣд. 14 авг. 1860 г.

Вопросъ о правахъ крестьянъ по имуществу. Обсужденіе общаго доклада Юридич. Отдѣленія по отзывамъ членовъ губ. комитетовъ.

...„27. Каждый членъ сельскаго общества можетъ требовать, чтобы изъ состава земли, пріобрѣтенной въ общественную собственность, былъ ему выдѣленъ навсегда, въ частную соб-

ственность, участокъ, соразмѣрно съ долею его участія въ пріобрѣтеніи сей земли. Если такой выдѣлъ окажется неудобнымъ или невозможнымъ, то обществу предоставляется удовлетворить крестьянина, желающаго выдѣлиться, денежнымъ вознагражденіемъ, по взаимному соглашенію или по оцѣнкѣ.

„Примѣчаніе. Разборъ возникающихъ въ сихъ случаяхъ споровъ предоставляется участковому крестьянскому суду, при Мировомъ Посредникѣ".

Прежде всего на эту статью возразилъ Самаринъ, замѣтивъ, что она подрываетъ общину въ основаніи. Онъ сталъ говорить объ историческомъ образованіи у насъ мірского управленія крестьянъ, о значеніи общиннаго владѣнія въ крестьянскомъ быту, развивалъ очень послѣдовательно свои мысли о крѣпости и живучести общины, говорилъ долго, и въ заключеніе, на дѣлаемыя ему возраженія, высказалъ убѣжденіе, что онъ покоенъ за одно: Какія правила вы ни написали бы, господа, для уничтоженія общины, на дѣлѣ вамъ не удастся ее разрушить. На ней покоится бытъ народный, и она будетъ продолжать свое существованіе, пока будетъ живъ народъ русскій.

Николай Семеновъ: Я думаю, что это совсѣмъ не государственная мѣра ломать бытъ народа, и, вмѣсто того, что шло у насъ естественнымъ путемъ историческаго развитія, навязывать ему чуждыя для него формы быта, заимствованныя у Западной Европы, съ которой Россія не жила до того общею историческою жизнью. Такое насиліе ничѣмъ оправдано быть не можетъ; я думаю, что община, которая всегда предохраняла крестьянъ отъ произвола или деспотизма помѣщичьей власти, одна можетъ предохранить поля крестьянъ отъ раздѣловъ и дробленія на мелкіе участки, могущіе дойти до того предѣла дробленія, при которомъ участокъ не будетъ годенъ для веденія на немъ и одного маленькаго хозяйства. Дозволеніе каждому члену общества требовать выдѣла себѣ душевого участка, котораго въ натурѣ собственно и нѣтъ и который надо еще выкроить и сформировать, поведетъ къ тому, что и другіе крестьяне пожелаютъ обезпечить себя такимъ или и нѣсколькими душевыми участками, какъ кому по Положенію будетъ причитаться, и община распадется. Когда вскорѣ участки передѣлятся до наименьшихъ размѣровъ, уже негодныхъ для веденія хозяйства, тогда найдутся скупщики изъ лицъ, можетъ быть, и совершенно чуждыхъ крестьянской средѣ, которыя, для поправленія дѣла, предложатъ свои услуги къ возсоединенію нѣсколькихъ раздробленныхъ, и потому негодныхъ участковъ въ одинъ, поотберутъ ихъ у крестьянъ, принужденныхъ отдать ихъ за безцѣнокъ, по негодности для нихъ самихъ этихъ участковъ, и эти обездоленные крестьяне обратятся прямо въ безземельныхъ бобылей. Такъ, въ общинѣ, составляющія ее, напримѣръ, нѣсколько сотъ душъ замѣнятся, можетъ быть, пятью, шестью владѣльцами-кулаками, которые сдѣлаются маленькими помѣщиками. Это ли будетъ освобожденіе крестьянъ съ землею? Поэтому я того мнѣнія, что прочитанная нами 27 статья подлежитъ совершенному исключенію изъ проекта нашихъ Положеній. Не могу я также раздѣлить убѣжденія Юрія Θеодоровича (Самарина), что никакимъ узаконеніемъ правительства на дѣлѣ община, по твердости и укорененію ея въ бытѣ народномъ и своей исторической живучести, разрушена быть не можетъ; нѣтъ, я убѣжденъ, что нѣтъ такого зданія, которое не развалилось бы отъ постояннаго его подламыванія, и особенно, если раз-

рушеніе его принимаетъ на себя само правительство и обращаетъ законъ, который есть его сила, въ ломъ, для сокрушенія, хотя бы и народной жизнью воздвигнутаго и укрѣпленнаго зданія; и не такія историческія зданія разрушались только отъ вѣянія времени и распространенія среди образованнаго класса несостоятельныхъ теорій и ложныхъ ученій.

Князь Черкасскій доказывалъ также несостоятельность прочитанной 27 статьи, избѣгая впрочемъ защиты общиннаго владѣнія, которое самъ онъ считалъ противуэкономическимъ и тормозящимъ развитіе сельскаго хозяйства въ Россіи.

Поповъ высказался также противъ принятія положенія 27-й статьи и допущенія для каждаго члена общества права требовать выдѣла приходящагося на долю его участка, и говорилъ объ историческомъ значеніи общиннаго владѣнія и общественнаго крестьянскаго сомоуправленія, стараясь доказать необходимость ихъ сохраненія и продолженія въ русской народной жизни.

Петръ Семеновъ также возражалъ противъ предложенной 27-й статьи; онъ говорилъ, что и не предрѣшая вопроса о томъ, удержится ли общественное владѣніе или нѣтъ, легко предвидѣть, что впослѣдствіи, когда на крестьянскомъ надѣлѣ выкупной долгъ уже будетъ не великъ, найдется много охотниковъ скупать отдѣльные крестьянскіе надѣлы, при посредствѣ выдѣленія участковъ въ частную собственность отдѣльныхъ домохозяевъ, которымъ не возбраняется продавать разъ выдѣленные участки кому угодно. Будутъ ли эти скупщики принадлежать къ крестьянскому обществу, или къ посторонним ему лицамъ, или даже другимъ сословіямъ—все равно, такъ какъ цѣль Редакціонныхъ Комиссій, проводимая такъ горячо членами ихъ, даже отчасти въ ущербъ ихъ собственнымъ, какъ дворянъ-землевладѣльцевъ, интересамъ, а именно: удержанія за сельскими обществами, по возможности, существующихъ надѣловъ, достигнута не будетъ.

Тогда возгорѣлся жаркій споръ, въ которомъ за сохраненіе 27-й статьи стояли: Соловьевъ, Жуковскій, Домонтовичъ, Любощинскій и Арапетовъ. Милютинъ при этомъ высказывался осторожно и довольно неопредѣленно. Доводы защитниковъ 27-й статьи основывались главнымъ образомъ на томъ, что, освобождая крестьянъ изъ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ, нельзя же создавать для нихъ новую крѣпостную зависимость отъ міра или общины, что посреди мелкой поземельной собственности, которую создастъ новое Положеніе для крестьянъ, при свободѣ труда, слѣдуетъ вызывать и поощрять развитіе фермерскаго хозяйства, условія котораго требуютъ выдѣленія надѣловъ лучшими и зажиточнѣйшими хозяевами въ отдѣльные и неподлежащіе передѣлу участки, на которые и будутъ переселяться домохозяева, ихъ пріобрѣвшія, въ полную личную собственность. При этомъ приводились цитаты изъ весьма распространенаго тогда сочиненія Леонса де Лавернье, относящіяся до преимуществъ фермерскаго хозяйства. Самымъ же горячимъ противникомъ общиннаго владѣнія землей выступилъ Арапетовъ. Онъ принялся доказывать, своимъ обычнымъ громкимъ голосомъ и безостановочной рѣчью, что ученіе политической экономіи въ совершенномъ противорѣчіи съ общиннымъ хозяйствомъ, что эта истина просвѣщенной Западной Европѣ давно извѣстна, и что если тамъ додумались до этого, то намъ ужь нечего разсуждать, что общинное владѣніе землей ставитъ неодолимое препятствіе экономическому развитію сельскаго хозяйства, что это владѣніе есть тор-

мазъ и духовному развитію, также какъ народному просвѣщенію и вообще всякому прогрессу, въ достиженіи котораго насъ такъ опередили государства Западной Европы, что поэтому наша настоящая обязанность есть проектировать въ нашихъ положеніяхъ такія узаконенія, которыя вели бы къ скорѣйшему распаденію общины...

(Н. Семеновъ. Освобожденіе крестьянъ. Томъ III, часть 2, с. 287—299).

XLIII. 19-е февраля.

240. Манифестъ 19-го февраля 1861 г.

Божіимъ Провидѣніемъ и священнымъ закономъ престолонаслѣдія бывъ призваны на прародительскій Всероссійскій Престолъ, въ соотвѣтствіе сему призванію мы положили въ сердцѣ своемъ обѣтъ обнимать нашею Царскою любовію и попеченіемъ всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ всякаго званія и состоянія, отъ благородно владѣющаго мечемъ на защиту Отечества до скромно работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго высшую службу Государственную до проводящаго на полѣ борозду сохою или плугомъ.

Вникая въ положеніе званій и состояній въ составѣ Государства, Мы усмотрѣли, что Государственное законодательство, дѣятельно благоустрояя высшія и среднія сословія, опредѣляя ихъ обязанности, права и преимущества, не достигло равномѣрной дѣятельности въ отношеніи къ людямъ крѣпостнымъ, такъ названнымъ потому, что они, частію старыми законами, частію обычаемъ, потомственно укрѣплены подъ властію помѣщиковъ, на которыхъ съ тѣмъ вмѣстѣ лежитъ обязанность устроять ихъ благосостояніе. Права помѣщиковъ были донынѣ обширны и не опредѣлены съ точностію закономъ, мѣсто котораго заступали преданіе, обычай и добрая воля помѣщика. Въ лучшихъ случаяхъ изъ сего происходили добрыя патріархальныя отношенія искренней правдивой попечительности и благотворительности помѣщика и добродушнаго повиновенія крестьянъ. Но при уменьшеніи простоты нравовъ, при умноженіи разнообразія отношеній, при уменьшеніи непосредственныхъ отеческихъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, при впаденіи иногда помѣщичьихъ правъ въ руки людей, ищущихъ только собственной выгоды, добрыя отношенія ослабѣвали, и открывался путь произволу, отяготительному для крестьянъ и неблагопріятному для ихъ благосостоянія, чему въ крестьянахъ отвѣчала неподвижность къ улучшеніямъ въ собственномъ бытѣ...—

...Мы убѣдились, что дѣло измѣненія положенія крѣпостныхъ людей на лучшее, есть для насъ завѣщаніе предшественниковъ нашихъ и жребій, чрезъ теченіе событій, поданный намъ рукою Провидѣнія...—

...Въ силу означенныхъ новыхъ положеній, крѣпостные люди получатъ въ свое время полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей.

Помѣщики, сохраняя права собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, предоставляютъ крестьянамъ, за установленныя повинности, въ постоянное пользованіе усадебную ихъ осѣдлость, и сверхъ того, для обезпеченія быта ихъ и исполненія обязанностей ихъ предъ Правительствомъ, опредѣленное въ положеніяхъ количество полевой земли и другихъ угодій.

Пользуясь симъ поземельнымъ надѣломъ, крестьяне за сіе обязаны исполнять въ пользу помѣщиковъ опредѣленныя въ положеніяхъ повинности. Въ семъ состояніи, которое есть переходное, крестьяне именуются временно-обязанными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ дается право выкупать усадебную ихъ осѣдлость, а съ согласія помѣщиковъ они могутъ пріобрѣтать въ собственность полевыя земли и другія угодья, отведенныя имъ въ постоянное пользованіе. Съ таковымъ пріобрѣтеніемъ въ собственность опредѣленнаго количества земли, крестьяне освободятся отъ обязанностей къ помѣщикамъ по выкупленной землѣ и вступятъ въ рѣшительное состояніе свободныхъ крестьянъ - собственниковъ.

Особымъ положеніемъ о дворовыхъ людяхъ опредѣляется для нихъ переходное состояніе, приспособленное къ ихъ занятіямъ и потребностямъ; по истеченіи двухлѣтняго срока отъ дня изданія сего положенія, они получатъ полное освобожденіе и срочныя льготы...

Для правильнаго достиженія сего, Мы признали за благо повелѣть:...—

4) Составить, повѣрить и утвердить по каждому сельскому обществу или имѣнію уставную грамоту въ которой будетъ исчислено, на основаніи мѣстнаго положенія, количество земли, предоставляемой крестьянамъ въ постоянное пользованіе, и размѣръ повинностей, причитающихся съ нихъ въ пользу помѣщика, какъ за землю, такъ и за другія отъ него выгоды.

5) Сіи уставныя грамоты приводить въ исполненіе по мѣрѣ утвержденія ихъ для каждаго имѣнія, а окончательно по всѣмъ имѣніямъ ввести въ дѣйствіе въ теченіе двухъ лѣтъ, со дня изданія настоящаго Манифеста.

6) До истеченія сего срока, крестьянамъ и дворовымъ людямъ пребывать въ прежнемъ повиновеніи помѣщикамъ, и безпрекословно исполнять прежнія ихъ обязанности...—

За симъ полагаемся на доблестную о благѣ общемъ ревность Благороднаго Дворянскаго сословія, которому не можемъ не изъявить отъ насъ и отъ всего Отечества заслуженной признательности за безкорыстное дѣйствованіе къ осуществленію нашихъ предначертаній. Россія не забудетъ, что оно добровольно, побуждаясь только уваженіемъ къ достоинству человѣка и христіанскою любовію къ ближнимъ, отказалось отъ упраздняемаго нынѣ крѣпостного права и положило основаніе новой хозяйственной будущности крестьянъ...—

Полагаемся и на здравый смыслъ нашего народа.

Когда мысль Правительства о упраздненіи крѣпостного права распространилась между не приготовленными къ ней крестьянами: возникали было частныя недоразумѣнія. Нѣкоторые думали о свободѣ и забывали объ обязанностяхъ. Но общій здравый смыслъ не поколебался въ томъ убѣжденіи, что и по естественному разсужденію, свободно пользующійся благами общества взаимно долженъ служить благу общества исполненіемъ нѣкоторыхъ обязанностей, и по закону христіанскому, всякая душа должна повиноваться властямъ предержащимъ. (Рим. XIII, 1), воздавать всѣмъ должное, и въ особенности кому должно, урокъ, дань, страхъ, честь (7); что законно пріобрѣтенныя помѣщиками права не могутъ быть взяты отъ нихъ безъ приличнаго вознагражденія или добровольной уступки; что было бы противно всякой справедливости пользоваться отъ помѣщиковъ землею и не нести за сіе соотвѣтственной повинности.

И теперь съ надеждою ожидаемъ, что крѣпостные люди, при открывающейся для нихъ новой будущности,

поймутъ и съ благодарностію примутъ важное пожертвованіе, сдѣланное Благороднымъ Дворянствомъ для улучшенія ихъ быта...—

Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго.

(Великая реформа томъ V с. 170).

---

241. Письмо баронессы Э. Ө. Раденъ къ кн. Черкасской.

6 марта 1861 г., Петербургъ.

Привѣтствую Васъ во имя свободы, дорогая Княгиня! Со вчерашняго дня 23 милліона рабовъ — свободны! Не бѣда, что есть ограниченія, временныя стѣсненія, трудности и тренія,—принципъ ихъ свободы провозглашенъ, и первый § „Положенія", съ его прекраснымъ „навсегда" станетъ въ исторіи ореоломъ царственнаго вѣнца нашего Императора. Провозглашеніе держалось въ глубокой тайнѣ,— только нананунѣ великаго дня, Государь предупредилъ о томъ Великую Княгиню [1]). Съ утра, офиціальныя объявленія, расклеенныя на углахъ улицъ, оповѣщали народу благую вѣсть и направляли его къ церквамъ, гдѣ онъ узналъ о своемъ освобожденіи. Предупрежденная поздно и неожиданно, толпа была менѣе многочисленна, чѣмъ можно было ожидать; да и манифестъ, большей частью, не былъ понятъ. Два года, включенные въ него всюду, какъ истинная помѣха радости, произвели тягостное впечатлѣніе на крестьянъ и дворовыхъ; они не поняли значенія этого юридическаго предписанія, а отвлеченность остального на нихъ слабо подѣйствовала. Однако въ Исаакіевскомъ соборѣ, гдѣ манифестъ былъ очень торжественно провозглашенъ передъ громадной сплошной массой народа, замѣтны были слезы на глазахъ, и начались объятія, какъ на Пасхѣ. Великая Княгиня, чѣмъ свѣтъ, послала за мной: она была взволнована, счастлива; ея мысли часто обращались къ Вамъ и къ тому долгому, тяжелому, но явно охраненному Провидѣніемъ, труду, которому она отдала лучшую часть своей души. Мы поѣхали къ обѣднѣ въ Зимній дворецъ. Государь сіялъ, Великій Князь Константинъ казался очень довольнымъ, Великій Князь Николай былъ въ восторгѣ, преисполненый доброжелательнымъ сочувствіемъ къ свободнымъ крестьянамъ...

На парадѣ Государь сказалъ нѣсколько словъ офицерамъ, онъ напомнилъ имъ, что они тоже дворяне, а дворянамъ принадлежитъ великодушная иниціатива освобожденія и что онъ разсчитываетъ на нихъ теперь и всегда. Въ отвѣтъ грянуло дружное и восторженное „ура". Вечеромъ, въ театрѣ, произошла манифестація; потребовали исполненія національнаго гимна и заставили повторить его три раза. Генералъ Анненковъ отличился неистовыми криками; актеры плакали на сценѣ; овація была полная. Государь вечеромъ выѣхалъ въ саняхъ; народъ окружилъ его, и говорятъ, громкими криками выражалъ свою радость и благодарность. Сегодня, на улицахъ, видно много людей всякаго званія, идущихъ съ Положеніемъ подъ мышкой. Нашъ швейцаръ изучаетъ его и степенно объясняетъ ѣздовымъ. Я думаю, однако, что статья Погодина все же будетъ имѣть наибольшій успѣхъ; удивительно, какъ онъ сумѣлъ тронуть народъ. Нашъ бѣдный Кавелинъ очень боленъ, у него рожа на головѣ, и въ бреду онъ только и говоритъ о днѣ освобожде-

---

[1]) Елену Павловну.

нія. Что бы тамъ ни было, но радость этого великаго мгновенья возсіяетъ надъ будущимъ и поможетъ, я въ томъ не сомнѣваюсь, перенести всѣ грядущія затрудненія. Какъ прекрасно чувствовать себя, лучшими своими человѣческими сторонами, въ единеніи со всѣмъ человѣчествомъ и раздѣлять радость стольких милліоновъ,—и слава тѣмъ, кто въ потѣ лица своего работалъ надъ осуществленіемъ этой радости, дабы сдѣлать это освобожденіе — возможнымъ... —

(Кн. О. Трубецкая, Мат. для біогр. Кн. Черкасскаго, т. I, кн. II. Прилож. № 14, с. 84—86, примѣч. 1.).

242. 5 марта 1861 г.

(Изъ дневника Никитенки.)

5. Воскресенье. Великій день: манифестъ о свободѣ крестьянъ.

Мнѣ принесли его около полудня. Съ невыразимо отраднымъ чувствомъ прочелъ я этотъ драгоцѣнный актъ, важнѣе котораго врядъ-ли что есть въ тысячелѣтней исторіи русскаго народа. Я прочелъ его вслухъ женѣ моей, дѣтямъ и одной нашей пріятельницѣ—въ кабинетѣ передъ портретомъ Александра II, на который мы всѣ взглянули съ глубокимъ благоговѣніемъ и благодарностью. Моему десятилѣтнему сыну я старался объяснить, какъ можно понятнѣе, сущность манифеста и велѣлъ затвердить ему навѣки въ своемъ сердцѣ 5-е марта и имя Александра II Освободителя.

Я не могъ усидѣть дома. Мнѣ захотѣлось выйти побродить по улицамъ и, такъ сказать, слиться съ обновленнымъ народомъ. На перекресткахъ наклеены были объявленія отъ генералъ-губернатора, и возлѣ каждаго толпились кучки народа: одинъ читалъ, другіе слушали. Вездѣ встрѣчались лица довольныя, но спокойныя. Въ разныхъ мѣстахъ читали манифестъ. До слуха безпрестанно долетали слова: „Указъ о вольности—свобода“...—

Изъ знакомыхъ я встрѣтился съ (А. Д.) Галаховымъ. „Христосъ воскресе!“ сказалъ я ему. „Воистину воскресе!“ отвѣчалъ онъ, и мы взаимно передали другъ другу нашу радость.

Потомъ я зашелъ къ Ребиндеру. Онъ велѣлъ подать шампанскаго, и мы выпили по бокалу въ честь Александра II...

(Зап. Никитенко, т. II.).

243. Объявленіе воли въ Калужской губерніи.

I.

— Викторъ Антоновичъ посылаетъ насъ, словно Христосъ посылалъ своихъ апостоловъ на проповѣдь,— сказалъ кто-то изъ насъ, уходя отъ В. А. Арцимовича [1]).

— Да и проповѣдь-то какая!— съ энтузіамомъ отвѣчалъ другой.

— Волю, господа, ѣдете объявлять?— спросилъ, одѣвая насъ, курьеръ губернаторской канцеляріи Григорій, старый, вѣчно хмурый отставной кавказскій солдатъ.

— Волю, Григорій Ефимовичъ, волю!— отвѣтили ему радостно.

— Слава тебѣ, Господи! Дождались, наконецъ!— произнесъ Григорій.

И такое свѣтлое чувство разлилось у него по лицу, съ такимъ глубокимъ, искреннимъ умиленіемъ остановилъ онъ на иконѣ глаза, полные слезъ, и такимъ широкимъ перекрестился крестомъ! Хмурый старикъ былъ неузнаваемъ въ эту минуту.

[1]) Калужскій губернаторъ.

— Да тебѣ-то что? Ты и такъ вольный,—сказалъ кто-то изъ насъ.

— А деревня-то?! — съ легкой укоризной въ голосѣ отвѣтилъ Григорій.— Въ смолѣ кипитъ! Въ неугасимой! По всей Расеи! А теперь мужичокъ-то вздохнетъ хоть. Кабы не эта самая неволя, развѣ мнѣ служить бы въ солдатахъ?.. —

Арцимовичъ назначилъ мнѣ родной Козельскій уѣздъ. Ночь была мартовская: тихая, безлунная, но звѣздная и морозная. „Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, но тьма не объяла его“, невольно напрашивалось на память, въ связи съ нашей миссіей — внести свѣтъ свободы и новой жизни въ крѣпостную деревенскую тьму. Еще одна и послѣдняя ночь, „и надъ отечествомъ свободы просвѣщенной взойдетъ прекрасная заря, и увидимъ мы народъ неугнетенный, и рабство, падшее по манію царя!“ Святая, хорошая, была ночь! Она живо помнится еще и теперь, черезъ 38 лѣтъ... Ѣхалъ я хотя по курьерской подорожной, но самой обыкновенной почтовой ѣздой—верстъ 10, 11 въ часъ... При такой неголоволомной ѣздѣ разговаривать было вполнѣ удобно.

— А что, ваше вскобродіе, насмѣлюсь я у васъ спросить, не въ гнѣвъ вашей милости: можно закурить трубочку? — спросилъ ямщикъ, оборачиваясь ко мнѣ.

Эти въ сущности такія простыя слова произнесены были такимъ робкимъ, слащавымъ тономъ и облечены были въ такую рабски-заискивающую форму, что отъ нихъ такъ и тянуло вѣковой плѣсенью крѣпостной старины, и невольно вызывало меня на вопросъ у ямщика, не барскій ли онъ.

— О-о-охъ, барскій,—протянулъ онъ со стономъ. Въ тонѣ этого отвѣта сказалась тоже цѣлая длинная „исторія“ крѣпостной „болѣзни“.

Вопросъ о дозволеніи покурить трубочку оказался только подходомъ со стороны ямщика подъ другіе томившіе его вопросы...

— А что, ваше вскобродіе, насмѣливаюсь я у васъ спросить, не въ гнѣвъ вашей милости...— наконецъ запѣлъ онъ боязливо и нерѣшительно, но сейчасъ же остановился.

Въ этой боязни говорить прямо со всякимъ „не своимъ братомъ“, въ этой борьбѣ любопытства съ всосаннымъ вѣками въ плоть и кровь рабскимъ ожиданіемъ: а ну-ка баринъ вотъ сейчасъ дастъ кое-во что,—такъ и слышалась крѣпостная народная психологія... Въ народномъ представленіи баринъ какъ будто для того только и существовалъ для крестьянина, чтобы скрежетать на него зубами и давать ему... —

Ямщикъ, наконецъ, выпалилъ:

— А хоть что вы волю везете?

Я не скрылъ, что дѣйствительно волю везу, и спросилъ у ямщика, почему знаетъ онъ это.

— О, Господи! Да какъ же не знать-то! Мы ужъ давно ее, матушку, караулимъ. Мы всѣ минутки-то пересчитали, когда она пожалуетъ къ намъ.

Ямщикъ моментально преобразился, какъ только узналъ, что я волю везу.

Первымъ дѣломъ онъ быстро снялъ шапку и началъ широко креститься на звѣздное небо.

— Ну, слава тебѣ, Господи, слава тебѣ, Господи! Дождались и мы свѣтлаго дня. Теперь и мы станемъ свои. А то и рожались чужіе и умирали чужіе. Все ты былъ чей-то, а теперь вотъ дождались, слава Богу, и свой сталъ... Жили цѣлый вѣкъ, какъ горохъ при дорогѣ: кто ни пройдетъ, всякъ щипнетъ, всякая ворона клевала... А теперь... Ну, ужъ вѣкъ буду помнить эту ночку!

Сознаніе, что онъ сталъ теперь свой, сразу пробудило въ ямщикѣ

дремавшія въ немъ и поэтичность и мягкость, и сознаніе человѣческаго своего достоинства, и великодушіе. Онъ говорилъ, что и звѣздочки, и то на небѣ стали теперь мигать веселѣй, что и онѣ радуются, что съ мужика сняли неволю. Волю онъ называлъ милой, родимой.

— А пожаловала-таки къ намъ, родимая наша. Долго ты насъ искала, а не миновала-таки нашихъ воротъ...

Ко мнѣ онъ уже относился безъ этого ненавистнаго рабскаго подобострастія и не говорилъ пѣвучимъ голосомъ: „а насмѣлюсь спросить васъ“ и пр., а сталъ говорить своимъ естественнымъ голосомъ и меня называлъ батюшкой, милымъ человѣкомъ.

— Ну, а что же, милый человѣкъ, какъ же теперь господа будутъ, на какой, значитъ, аканціи? Мужиковъ теперь отъ нихъ шабашъ! И землю отъ нихъ шабашъ! Куда же они тогда дѣнутся? Мы такъ промежъ себя думаемъ: покеда какое дѣло, царь ихъ посадитъ на мѣсячину, чтобы мужики кормили ихъ по дворамъ, а потомъ посадитъ ихъ на вольныя земли. Сначала, къ примѣру, я откормлю ихъ недѣлю тамъ, али мѣсяцъ, а потомъ другой дворъ откормитъ тоже недѣлю, или сколько будетъ положено, а тамъ третій. Обойдетъ всѣ дворы, а потомъ опять ко мнѣ, покеда погонятъ на вольныя земли. Все равно, какъ пастуховъ мы кормимъ по деревнямъ: изъ двора во дворъ. И господамъ вѣдь тоже надо пить-ѣсть. Чѣмъ же они причинны, что родились въ господахъ?..—А вѣдь тоже живая тварь, тоже хочетъ пить-ѣсть...—

— Что жъ, небось, „двинешь“ теперь на радостяхъ?—между прочимъ спросилъ я у ямщика.

— Это вы насчетъ чего? Насчетъ, значитъ, царскому орлу свѣчку поставить?

Прежде, при существованіи казенной питейной продажи посредствомъ откупной системы, питейные дома отмѣчались установленной вывѣской, съ изображеніемъ двуглаваго орла, съ распростертыми крыльями и съ надписью: „Питейное заведеніе“. Зайти въ это заведеніе, чтобы пить, народный юморъ выражалъ фразами: „зайти, царскому орлу свѣчку поставить“, или: „молебенъ отслужить“.

— Э, милый человѣкъ, нѣтъ,— отвѣтилъ мужикъ.—Въ такіе-то дни да скверниться! Какъ это можно. Это вѣдь самъ Господь пришелъ съ небеси къ намъ да принесъ такую благодать, а мы будемъ скверниться? Нѣтъ, это на что же? Не годится. Это дѣло умственно! Надо по-умному. Въ такіе-то дни надо мало и хлѣба-то ѣсть. А то налокаться... Нельзя этого. Этакъ и Бога обидишь. Онъ тебѣ, батюшка нашъ царь милостивый, вонъ что пожаловалъ, а ты Ему вонъ что!.. Нехорошо!

Когда мы пріѣхали на слѣдующую станцію, и я сталъ отдавать обычные „на водку“, онъ и слышать этого не хотѣлъ. Онъ даже отступилъ отъ меня и замахалъ руками.

— Да что вы, что вы, господинъ? Да какъ это можно! Такую благодать намъ везете, а мы съ васъ деньги? И никакъ это не можно. Да мы сами должны ублаготворить васъ, а не то что.

И такъ и не взялъ.

Когда на звонъ нашего колокольчика вышли за ворота станціонный староста и очередной ямщикъ, мой ямщикъ, не сходя еще съ облучка, закричалъ старостѣ:

— Терентій, давай сейчасъ лошадей! Живо! Волю везутъ.

— Ну-у!— съ радостнымъ недовѣріемъ протянулъ староста.

— Вѣрно. Вотъ баринъ везетъ въ Козельскъ.

Несмотря на поздній часъ ночи, за ворота выскочили безъ шапокъ, въ полушубкахъ въ накидку, другіе наличные ямщики, все крѣпостные, про-

бужденные крикомъ моего ямщика о волѣ, обступили его, обступили меня, и надо было видѣть ихъ ликованіе!

— Ахъ, родимая наша! Пришла! Дождались! и пр. И тоже первымъ дѣломъ—широкіе кресты на звѣздное небо.

— Ну, Зиновій, завастривай!—командовалъ мой прежній ямщикъ новому ямщику.

— Береги барина. Чувствуешь, какую благодать онъ везетъ. Да попроворнѣе. А то, небось, тамъ заждались...—

II.

Крестьяне еще при объявленіи манифеста были предувѣдомлены мной, что я долженъ буду пріѣхать для раздачи имъ Положеній. Поэтому, когда я появлялся въ какую нибудь деревню своего участка, обыкновенно останавливался у старосты и просилъ его собрать сходку, онъ сейчасъ же или самъ бѣжалъ, или посылалъ когонибудь изъ домашнихъ за десятскимъ, и когда онъ появлялся, по обыкновенію, съ посошкомъ, какъ символомъ власти, отдавалъ ему приказаніе: „бѣги, сватъ, по деревнѣ, околачивай сходку, скажи молъ: воля пріѣхала“...

Чтеніе статей Положеній крестьяне выслушивали съ глубокимъ, безмолвнымъ вниманіемъ; если случалось, и то очень рѣдко, что какой-нибудь нервный, нетерпѣливый крестьянинъ выскакивалъ съ своимъ вопросомъ, кто-нибудь изъ стариковъ сейчасъ же сдерживалъ его: „Погоди, не спѣши. Вишь, читаютъ. Экой несообразный“. И тотъ сейчасъ же конфузливо умолкалъ. Разговоры начинались иногда уже по окончаніи чтенія, но въ большинствѣ случаевъ крестьяне молча расходились по своимъ дворамъ. Разговоры—и то осторожные, и неясные—заводились, конечно, о самомъ близкомъ, дорогомъ для крестьянъ предметѣ: о землѣ, правѣ на нее, количествѣ. Разговоры эти начиналъ обыкновенно кто-нибудь изъ старшихъ крестьянъ. Переминаясь съ ноги на ногу и предварительно откашлявшись въ руку, хотя не чувствуя никакого порыва къ кашлю, а такъ ужъ, изъ политичности, старикъ, какъ будто вскользь и будто бы это вовсе не интересно ему, пропускалъ сквозь зубы вопросъ: „А какъ будетъ насчетъ землицы?“ — „Что насчетъ земли?“—„Да тые... Какъ будетъ тоись... какъ оно, значитъ, будетъ?“ И когда я, видя въ чѣмъ дѣло, отвѣчалъ, что въ скоромъ времени будутъ назначены мировые посредники, что они все это разъяснятъ, все устроятъ, старикъ, отводя отъ меня глаза, спѣшилъ увѣрить меня: „Да это я такъ... Я ничего...“ и уходилъ. Нѣкоторые просили прочитать имъ всю книгу Положеній. Когда я говорилъ имъ, что для этого я оставлю имъ книгу, оказывалось, что у нихъ некому ее читать. Было обычнымъ явленіемъ, что въ цѣлой деревнѣ, иногда довольно большой, не было ни одного грамотнаго. „Насъ вѣдь господа этому не учили. А то вы, говорятъ, будете писать себѣ фальшивые паспорта да бѣгать по сторонамъ“. Окончивъ чтеніе, я спрашивалъ у крестьянъ: кому изъ нихъ отдать Положенія? „Да ужъ, вѣстимо, выборному!“ отвѣчали всѣ въ одинъ голосъ. По новости и необычности дѣла, староста иногда колебался брать книгу, подъ предлогомъ „какъ бы тые... чего не было, значитъ“...

Но крестьяне уговаривали его: „Бери. На то ты и выборный. Чего ты боишься-то? Небось, не укуситъ. Видишь, она безъ зубовъ“. Когда я вручалъ старостѣ книгу, говорилъ, чтобы онъ берегъ ее, и объяснялъ, почему надо беречь ее и дорожить ею, крестьяне говорили: „И, какъ можно! Мы ее на божничку положимъ“.

Возвращеніе имъ человѣческихъ и общественныхъ правъ, права свободно располагать собою, своимъ временемъ, своею дѣятельностью, права свободныхъ браковъ, права на ихъ физическую неприкосновенность и проч. принято было крестьянами съ видимымъ удовольствіемъ, но съ поразительною сдержанностью... Смущала ихъ срочность обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ, временная зависимость отъ нихъ, и въ душѣ ихъ, видимо, стояла мрачная, неотступная мысль: „А, ты, Господи! Еще сидѣть на арканѣ?" Но она выражалась только безмолвнымъ почесываніемъ въ затылкѣ. Тѣмъ не менѣе, крестьяне благодарны были и за то, что даютъ имъ, и одинъ старичокъ изъ бывалыхъ и политичныхъ произнесъ не безъ чувства: „Спасибо, спасибо батюшкѣ царю, что вспомнилъ о насъ грѣшныхъ".

Женщины оказались непосредственнѣе въ проявленіи своихъ впечатлѣній. Когда я прочиталъ 5-ю ст. Правилъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, гдѣ говорится о немедленной со дня обнародованія Положеній и повсемѣстной отмѣнѣ всякихъ существующихъ доселѣ добавочныхъ сборовъ съ крестьянъ или дани сельскими произведеніями, какъ-то: птицей, баранами, масломъ, яйцами, ягодами, грибами, разными съѣстными припасами, хлѣбомъ, сукномъ, пряжею, шерстью и проч., и объяснилъ содержаніе этой статьи, женщины просіяли и стали съ блаженной улыбкой, но молча, переглядываться одна съ другой. А одна, немолодая уже, видимо, разбитная, тетка Лукерья, не выдержала и съ радости, очевидно не довѣряя себѣ, спросила у меня: „Что жъ, теперь, значитъ, и курочку отдавать господамъ шабашъ?" — „Теперь ужъ шабашъ!" — „И яички шабашъ?" — „И яички шабашъ". — „И тальки прясть на господъ шабашъ?" — „И тальки шабашъ". — „И ягоды и грибы собирать для господъ шабашъ?" — „Да все шабашъ". — „А когда же шабашъ?" — „А вотъ съ этой минуты все и шабашъ. Вчера еще можно было, а вотъ сейчасъ ужъ нельзя". — „Значитъ, какъ лѣто придетъ, можно ужъ не ходить по грибы и по ягоды на господъ?" — „За деньги отчего же, можно, ходи себѣ, или если будетъ твоя добрая воля". — „Да ты не нарочно?" — „Нѣтъ, взаправду. Вотъ въ этой законной книгѣ написано". — „И, бабочки, милыя! Что жъ это такое къ намъ привалило!" — воскликнула радостно тетка Лукерья, обернувшись къ женщинамъ. — „Вотъ такъ ловко!... — Насъ теперь голой рукой не хватай! Я теперь вольная!" И надо было видѣть этотъ радостный блескъ въ глазахъ, это разлитое по всему лицу чувство самоудовлетворенности, когда она выкрикнула это: „я теперь вольная!"

(Сб. Крѣп. право и крест. жизнь, ред. С. Мельгунова, с. 300 — 306.).

XLIV. Судебная реформа.

244. Записка кн. Орлова.

I.

Въ большей части европейскихъ государствъ, тѣлесныя наказанія совершенно уничтожены, или употребляются какъ рѣдкія исключенія. Напротивъ того, въ Россіи и Польшѣ, эти наказанія служатъ основаніемъ всей исправительной и карательной системы. Въ Бозѣ почивающіе Государи Александръ и Николай Павло-

вичи положили конецъ многимъ лютымъ истязаніямъ: рваніе ноздрей уничтожено, кнутъ—гнусный памятникъ татарскаго владычества—преданъ забвенію. Наконецъ Уложеніемъ о Наказаніяхъ значительно убавлено число даваемыхъ ударовъ. Всѣ эти мѣры смягчили, но не искоренили зла.

II.

Тѣлесныя наказанія суть зло: въ христіанскомъ, въ нравственномъ и въ общественномъ отношеніяхъ. Законъ милосердія и кротости безусловно осуждаетъ всякія насильства и истязанія. Святители всѣхъ вѣроисповѣданій постоянно защищали личность существа, созданнаго по образу и подобію Божію. Нѣтъ христіанскаго равенства, нѣтъ христіанскаго братства тамъ, гдѣ рядомъ, въ одномъ храмѣ, могутъ стоять два человѣка, совершившіе одинъ и тотъ же проступокъ, но наказанные: одинъ—легкимъ арестомъ, а другой—розгами. Въ христіанскомъ государствѣ не можетъ быть лицепріятій, и правосудіе верховной власти должно быть подобно правосудію Божію, то есть равнымъ для всѣхъ.

III.

Философы, юристы, государственные люди всѣхъ временъ—единодушно признавали тѣлесныя наказанія безнравственными и безполезными истязаніями. Посмотрѣвъ вокругъ себя, мы легко убѣдимся въ этой истинѣ: у насъ бьютъ всякаго, кто только даетъ себя бить [1]). Это поддерживаетъ грубость нравовъ и сильно мѣшаетъ правильному развитію человѣческой личности. Отсюда, прежде всего, рождаются скрытность и лицемѣріе. Поговорите съ незнакомымъ вамъ мужикомъ, съ мѣщаниномъ, съ солдатомъ, и увидите, какъ трудно узнать истинныя ихъ чувства и мысли. Простолюдинъ пристально смотритъ на васъ и, при малѣйшемъ несогласіи, безпокойно озирается, опасаясь побоевъ. Писатель, геніально постигшій духъ русскаго народа (Ив. Серг. Тургеневъ), неоднократно говаривалъ мнѣ, что самый обыкновенный разговоръ двухъ крестьянъ между собою внезапно принимаетъ иной характеръ при появленіи человѣка въ нѣмецкомъ платьѣ. Замѣчаніе это не относится къ однимъ крѣпостнымъ. Это признакъ общій, выражающій, сколь сословія, подверженныя побоямъ, недовѣрчиво смотрятъ на всѣ остальныя.

IV.

Для общества русскаго, существованіе тѣлесныхъ наказаній есть не только зло, но и великая опасность.

Просвѣщеніе, болѣе чѣмъ думаютъ, проникло во всѣ слои общества и мы не далеки отъ времени, когда наказанія тѣлесныя будутъ приводить къ открытому сопротивленію, или къ самоубійству. Это страшная, но неминуемая крайность.

Доселѣ, у многихъ помѣщиковъ, наказанія тѣлесныя вовсе не употреблялись. Теперь, по общему положенію о крестьянахъ (ст. 25), постановлено, что освобожденные крестьяне подлежатъ тѣлесному наказанію „по законному распоряженію поставленныхъ надъ ними правительственныхъ и общественныхъ властей“. Свобода и право собственности только тогда дѣйствительны, когда обладающій ими вполнѣ огражденъ въ своей чести и личномъ достоинствѣ...

IX.

Изъ всего вышесказаннаго можно вывесть слѣдующія заключенія:

1) Тѣлесныя наказанія—суть зло.

2) Наказанія: плетьми, шпицруте-

[1]) Извощики, ямщики и т. д.—живое свидѣтельство нашихъ словъ.

нами и наложеніе клеймъ — могутъ быть тотчасъ отмѣнены.

3) Слѣдуетъ замѣнить нынѣ существующія исправительныя тѣлесныя наказанія — другими способами взысканія.

Приближается тысячелѣтіе Россіи. Крѣпостное право уже уничтожено. Остается дополнить спасительное преобразованіе совершенною отмѣною тѣлесныхъ наказаній въ Россійской Имперіи и Царствѣ Польскомъ...

(Сб. объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, стр. 1—8.)

---

245. Указы объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.

(17 апр. 1863 г.).

1.

Признавъ за благо сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ существующей нынѣ системѣ наказаній уголовныхъ и исправительныхъ, дабы съ тѣмъ вмѣстѣ еще точнѣе соразмѣрить кару оныхъ съ свойствомъ и степенью преступленія или проступка, Мы утвердили соотвѣтствующія сему предположенія особаго, при Второмъ Отдѣленіи Собственной Нашей Канцеляріи, Комитета, въ Государственномъ Совѣтѣ разсмотрѣнныя, и вслѣдствіе того повелѣваемъ:

I. Во всѣхъ случаяхъ, когда виновные въ преступленіяхъ или проступкахъ подлежатъ, на основаніи дѣйствующихъ нынѣ по гражданскому вѣдомству законовъ, лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ которжныя работы или на поселеніе, или потерѣ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, и отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, или же иному наказанію или взысканію, а сверхъ того и наказанію тѣлесному, — приговаривать впредь ихъ къ слѣдующимъ по закону наказаніямъ и взысканіямъ, но кромѣ тѣлеснаго.

II. Къ опредѣленному Уложеніямъ о Наказаніяхъ (Свода Зак. Т. XV часть I) и Уставами о паспортахъ и о ссыльныхъ (Свода Зак. Т. XIV) наложенію клеймъ и штемпельныхъ знаковъ впредь никого не присуждать.

III. Опредѣленное за проступки, означенные въ статьяхъ 573, 574, 575 и 576-й того же Уложенія, наказаніе розгами, не сопровождаемое другими взысканіями, замѣнять впредь заключеніемъ въ тюрьмѣ, или кратковременнымъ арестомъ, въ постепенности, указанной въ статьяхъ 89 и 90-й Уложенія и въ статьѣ VII настоящаго указа.

IV. Лица женскаго пола вовсе изъять отъ наказаній тѣлесныхъ.

VIII. Когда въ законѣ опредѣляются за какое либо преступленіе или проступокъ заключеніе въ тюрьмѣ, или въ смирительномъ или рабочемъ домѣ, или же кратковременный арестъ, или обращеніе въ общественныя работы, назначать сіи карательныя мѣры, не замѣняя оныхъ розгами и для виновныхъ, не изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, кромѣ тѣхъ лишь случаевъ, въ коихъ представится явная невозможность опредѣлить одну изъ вышеупомянутыхъ мѣръ.

X. Изъятіе отъ всякихъ вообще тѣлесныхъ наказаній, сверхъ лицъ, уже и нынѣ отъ нихъ по закону изъятыхъ, распространить также:

1) На церковнослужителей Христіанскихъ исповѣданій и дѣтей ихъ.

2) На всѣ духовныя лица не христіанскихъ исповѣданій и дѣтей ихъ.

3) На учителей народныхъ школъ.

4) На лица, получившія аттестаты въ успѣшномъ окончаніи ученія въ уѣздныхъ училищахъ, а также въ земледѣльческихъ, или равныхъ съ ними и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ:—и

5) На лица крестьянскаго сословія, занимающія общественныя по выборамъ должности.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать надлежащее распоряженіе къ приведенію сего въ исполненіе.

2.

Государь Императоръ, желая явить новый примѣръ отеческой заботливости о благосостояніи арміи и въ видахъ возвышенія нравственнаго духа нижнихъ чиновъ, по всеподданнѣйшему докладу Генералъ-Аудиторіата, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1. Для воинскихъ нижнихъ чиновъ прогнаніе сквозь строй или наказаніе шпицрутенами вовсе отмѣнить какъ въ мирное, такъ и въ военное время.

2. Нижнихъ чиновъ, виновныхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою, на основаніи дѣйствующихъ военно-уголовныхъ законовъ, наказаніе шпицрутенами и ссылку въ каторжную работу или въ Сибирь на поселеніе или водвореніе, или отдачу въ арестантскія роты, приговаривать безъ тѣлеснаго наказанія къ означеннымъ выше наказаніямъ, смотря по роду преступленія.

(Полное Собраніе Законовъ, т. 38, отд. 1, № 39504—6, с. 354—5).

---

246. Судебные Уставы Императора Александра II.

(1864).

Т. II. Уставъ уголовнаго судопроизводства. Основныя положенія.

п. 1. Никто не можетъ быть наказанъ за преступленія или проступки, подлежащіе вѣдомству судебныхъ мѣстъ, не бывъ присужденъ къ наказанію приговоромъ надлежащаго суда, вошедшимъ въ законную силу.

п. 6. Приговоръ постановляется не иначе, какъ по повѣркѣ и дополненіи, въ засѣданіи суда, доказательствъ, обнаруженныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ.

п. 7. Засѣданія суда, кромѣ случаевъ, именно указанныхъ въ законѣ, происходятъ публично.

п. 8. Теорія доказательствъ, основанная единственно на ихъ формальности, отмѣняется. Правила о силѣ судебныхъ доказательствъ должны служить только руководствомъ при опредѣленіи вины или невинности подсудимыхъ по внутреннему убѣжденію судей, основанному на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ при производствѣ слѣдствія и суда.

п. 9. Приговоръ можетъ быть только или осуждающій, или оправдывающій подсудимаго. Оставленіе въ подозрѣніи не допускается.

п. 10. По дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ, влекущихъ за собою наказанія, соединенныя съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, или съ потерею всѣхъ или нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, опредѣленіе вины и невинности подсудимыхъ предоставляется особымъ присяжнымъ засѣдателямъ. Сіе правило не распространяется на дѣла о преступленіяхъ государственныхъ.

п. 17. Различіе подсудности по сословіямъ отмѣняется.

п. 33. Полиція производитъ только дознанія о преступленіяхъ.

п. 34. Учиненное полиціею дознаніе передается ею непосредственно мѣстному судебному слѣдователю.

п. 78. Дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, влекущихъ за собою наказанія, соединенныя съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, а также всѣхъ или нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, судебныя мѣста разсматриваютъ не иначе, какъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

п. 87. По окончаніи преній на судѣ

и по изложеніи существа дѣла, предсѣдатель суда объясняетъ присяжнымъ засѣдателямъ правила о силѣ доказательствъ, приведенныхъ въ пользу и противъ обвиняемаго, и законы, относящіеся къ опредѣленію свойства разсматриваемаго преступленія, напоминая присяжнымъ, что, при постановленіи рѣшенія, они должны остерегаться всякаго увлеченія въ обвиненіи или въ оправданіи подсудимаго.

п. 88. Потомъ предсѣдатель суда вручаетъ старшему присяжному засѣдателю письменные вопросы: 1) о дѣйствительности событія, подавшаго поводъ къ обвиненію, и 2) о винѣ или невинности подсудимаго по предметамъ обвиненія. Вопросы сіи, до передачи ихъ присяжнымъ, прочитываются публично.

п. 89. Присяжные засѣдатели разрѣшаютъ предложенные имъ чрезъ старшаго вопросы по большинству голосовъ. Въ случаѣ равенства голосовъ, дается преимущество тому мнѣнію, которое оправдываетъ подсудимаго.

п. 90. Присяжные засѣдатели могутъ къ отвѣтамъ своимъ на вопросы присовокупить, что подсудимый, по обстоятельствамъ дѣла, заслуживаетъ снисхожденія.

п. 91. По собраніи голосовъ, старшій засѣдатель возвращаетъ предсѣдателю суда вопросы съ отвѣтами присяжныхъ.

п. 92. Рѣшеніе присяжныхъ произносится ими и провозглашется предсѣдателемъ въ томъ же засѣданіи суда.

п. 93. Если рѣшеніемъ присяжныхъ подсудимый признанъ заслуживающимъ снисхожденія, то судъ долженъ уменьшить слѣдующее ему по закону наказаніе одною степенью; а если усмотритъ въ дѣлѣ особыя обстоятельства, уменьшающія вину, то двумя степенями. Въ случаяхъ особой важности, судъ можетъ ходатайствовать о помилованіи преступника.

п. 94. Если судъ признаетъ единогласно, что рѣшеніемъ присяжныхъ осужденъ невинный, то онъ постановляетъ о передачѣ дѣла на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ засѣдателей, рѣшеніе которыхъ признается во всякомъ случаѣ окончательнымъ.

Т. III. Учрежденіе Судебныхъ Установленій.

Основныя положенія.

п. 1. Власть судебная отдѣляется отъ исполнительной, административной и законодательной.

п. 2. Власть судебная принадлежитъ: мировымъ судьямъ, ихъ съѣздамъ, судамъ окружнымъ, судебнымъ палатамъ и правительствующему сенату (въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда).

п. 5. Мировой судья есть власть единоличная; съѣзды мировыхъ судей, окружные суды, судебныя палаты и сенатъ суть учрежденія коллегіальныя.

п. 13. Мировые судьи, какъ участковые, такъ и почетные, избираются всѣми сословіями въ совокупности, на три года, по особому порядку, и утверждаются въ этомъ званіи первымъ департаментомъ правительствующаго сената.

п. 14. Въ мировые судьи могутъ быть избраны только мѣстные жители, имѣющіе не менѣе 25 лѣтъ отъ роду, неопороченные по суду или общественному приговору, не состоящіе подъ слѣдствіемъ или подъ судомъ, владѣющіе, хотя бы и въ разныхъ мѣстахъ, недвижимою собственностію, приносящею чистый годовой доходъ въ размѣрѣ закономъ опредѣленномъ, и получившіе образованіе въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, или же прослужившіе, преимущественно по судебной части, не менѣе трехъ лѣтъ.

п. 27. Присоединяемые къ составу судебныхъ мѣстъ присяжные засѣда-

тели назначаются изъ мѣстныхъ обывателей всѣхъ сословій.

п. 28. Условія, которыя должны соединять въ себѣ лица, подлежащія внесенію въ списки присяжныхъ, или качества, опредѣляющія способность ихъ быть присяжными, положительно означаются въ законѣ.

п. 29. Условія сіи должны быть независимы отъ общихъ узаконеній о выборахъ. Они могутъ быть внѣшнія, къ коимъ принадлежатъ: опредѣленный возрастъ (отъ 25-ти до 70 лѣтъ), жительство въ продолженіе извѣстнаго времени въ томъ округѣ, гдѣ присяжные созываются, владѣніе недвижимымъ или движимымъ имуществомъ и т. п.; внутреннія, какъ-то: признаки извѣстной степени развитія, образованности, заслуженное довѣріе, добрая нравственность и т. п.

(Суд. Уставы имп. Александра II, т. II, с. VII—XVI, т. III, с. XLII—XLV, 79—84, 169.)

---

247. Новые суды.

(Изъ восп. А. Ѳ. Кони.)

Время, назначенное для открытія судовъ, приближалось. 14-го апрѣля 1866 года Императоръ Александръ II посѣтилъ помѣщеніе новыхъ судебныхъ учрежденій въ зданіи стараго арсенала. Послѣ подробнаго осмотра, Государь, обращаясь къ провожавшимъ его вновь назначеннымъ чинамъ судебнаго вѣдомства, выразилъ надежду, что они оправдаютъ оказанное имъ довѣріе, и на горячія и растроганныя увѣренія ихъ, что всѣ силы ихъ будутъ къ этому направлены, сказалъ: „И такъ въ добрый часъ начинайте благое дѣло!“

Дѣло, которое самъ верховный устроитель его называлъ благимъ, было начато 16-го апрѣля. Въ этотъ день помѣщеніе Суда и Судебной Палаты было освящено и тогда же въ большой залѣ для засѣданій съ присяжными былъ установленъ образъ съ лампадою, пожертвованный воспитанниками училища Правовѣдѣнія. Вслѣдъ затѣмъ, въ зданіи Сената было открыто первое общее собраніе Кассаціонныхъ Департаментовъ. Но настоящее торжество происходило на другой день, 17-го апрѣля, въ день рожденія Государя. Около часу дня съ горельефа надъ воротами стараго арсенала была снята завѣса, и слова „правда и милость да царствуютъ въ судахъ“ впервые заблистали своими золотыми буквами надъ входомъ въ новый судъ. Въ ворота съ этой надписью проѣхали и прошли—покойный принцъ Ольденбургскій, этотъ просвѣщенный дѣятель на подкладкѣ неисчерпаемой доброты, — митрополитъ, всевозможные сановники, послы англійскій и французскій и всѣ тѣ, кому служебное положеніе или принадлежность къ составу новыхъ судовъ давали возможность попасть на открытіе. Всѣ были оживлены,—все блистало новизною. Новизна слышалась и въ рѣчи Замятнина, обращенной къ новымъ судебнымъ дѣятелямъ. Это не была обыкновенная, казенная рѣчь, реторическія фигуры которой, звучно разсѣкая воздухъ, не трогаютъ сердца, не шевелятъ мысли. Въ ней чувствовалось сознаніе значенія переживаемой минуты и слышалось ясное опредѣленіе обязанностей, создаваемыхъ новымъ положеніемъ. Упомянувъ, что Царь-Освободитель, даровавшій крестьянамъ свободу отъ крѣпостной зависимости и слившій затѣмъ отдѣльныя сословія въ одну общую земскую семью, совершаетъ новый подвигъ своей благотворной дѣятельности, даруя судебнымъ установленіямъ полную самостоятельность, министръ указывалъ на великія обязанности и отвѣтственность, возлагаемыя этимъ на судебное вѣдомство. „Никому уже,—говорилъ онъ,—не бу-

детъ права ссылаться, въ оправданіе своихъ дѣйствій и рѣшеній, ни на несовершенство порядка судопроизводства, потому что каждому даются въ руководство новые уставы, составляющіе послѣднее слово юридической науки, ни на недостатки законовъ о доказательствахъ, потому что опредѣленіе силы ихъ предоставляется голосу совѣсти". Рѣчь кончалась мольбою — да даруетъ Господь каждому, въ предѣлахъ возлагаемыхъ на него обязанностей, силу неуклонно, въ чистотѣ помысловъ и дѣйствій, съ пользою для отечества стремиться къ выполненію великихъ предначертаній Монарха и ожиданій Россіи. Въ ней были не только прочувствованныя, но и красивыя мѣста. „Завязывая свои глаза, сказалъ Замятнинъ судьямъ, предъ всякими посторонними и внѣшними вліяніями, вы тѣмъ полнѣе раскроете внутренніе очи совѣсти и тѣмъ безпристрастнѣе будете взвѣшивать правоту или неправоту подлежащихъ вашему обсужденію требованій и дѣяній"...

Былъ прохладный, но свѣтлый весенній день. Вечеромъ въ Петербургѣ зажглась необычайная по своей роскоши иллюминація—и современники, конечно, не забудутъ умиленнаго восторга публики, привѣтствовавшей Государя на пути въ театръ. Всѣ находились еще подъ свѣжимъ, недавно испытаннымъ чувствомъ, которое было вызвано спасеніемъ Царя, 4-го апрѣля, при выходѣ изъ Лѣтняго сада. Тихая, душевная радость тѣхъ, кто сознавалъ, что въ этотъ день, благодаря Ему, старый судъ отошелъ въ область невозвратнаго прошлаго, что стихъ Хомякова о Руси, полной въ судахъ „неправды черной", сталъ лишь историческою справкою, а не горькою дѣйствительностью, — сливалась съ всенароднымъ торжествомъ въ одномъ благодарномъ сердечномъ порывѣ...

Въ Москвѣ открытіе новыхъ судебныхъ установленій произошло 23 апрѣля. Рѣчь Замятнина была на этотъ разъ преимущественно обращена къ впервые избраннымъ мировымъ судьямъ.

Вотъ какъ и при какой обстановкѣ было влито въ новые судебные мѣха новое судебное вино. Тѣ, кто пережилъ это время и первые мѣсяцы, непосредственно за нимъ слѣдовавшіе, не могутъ ихъ забыть. Довѣріе къ своимъ силамъ, свѣтлый взглядъ на будущее, убѣжденіе въ томъ, что введенный порядокъ представляется образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ,— одушевляло всѣхъ первыхъ дѣятелей новаго суда. Новой дѣятельности были отдаваемы всѣ силы безкорыстно и не безъ личныхъ жертвъ, ибо были люди, оставлявшіе лучшія и болѣе обезпеченныя служебныя положенія, чтобы только принадлежать къ судебному вѣдомству. Вице-директоры шли въ члены Палаты, губернаторы — въ предсѣдатели Окружнаго Суда. Первое время никто, впрочемъ, и не смотрѣлъ на занятіе новыхъ должностей, какъ на обычную рядовую службу. Эта была дѣятельность, задача, призваніе. Это была первая любовь. Такая любовь существуетъ не только въ личной жизни человѣка, но и въ общественной его жизни; и тутъ, и тамъ она, войдя первою въ сердце, послѣднею выходитъ изъ памяти... Это была первая общественная любовь для многихъ... И какія бы недоумѣнія, испытанія и разочарованія въ себѣ и въ другихъ ни принесла впослѣдствіи жизнь—чувство, одинаково охватившее въ тѣ незабвенные дни и молодого, начинающаго дѣятеля, и человѣка зрѣлаго, призванныхъ къ новой, неизвѣданной и отвѣтственной судебной службѣ,—навѣрное не забылось ими и издалека свѣтитъ ихъ душѣ и грѣетъ ее.

(А. Ѳ. Кони. За послѣдніе годы. с. 481—3).

---

248. Дѣло Овсянникова.

(Изъ восп. А. Ѳ. Кони.)

Не знаете ли вы чего-нибудь о причинахъ пожара этой огромной паровой мельницы на Измайловскомъ проспектѣ противъ станціи Варшавской дороги? — спросилъ меня министръ юстиціи графъ Паленъ, прибавивъ, что проѣзжая наканунѣ вечеромъ мимо, онъ былъ пораженъ грандіозностью картины этого пожара.—Вѣроятно я получу въ свое время полицейское извѣщеніе, если есть признаки поджога—отвѣчалъ я, и пріѣхавъ въ прокурорскую камеру, (я былъ въ это время, т.-е. въ 1874 году, прокуроромъ петербургскаго окружнаго суда), дѣйствительно нашелъ коротенькое сообщеніе полиціи о томъ, что признаковъ поджога, вызвавшаго пожаръ мельницы к о м м е р ц і и с о в ѣ т н и к а О в с я н н и к о в а, н е о к а з ы в а е т с я. Меня смутила краткость этого заявленія, его ненужность по закону и его поспѣшная категоричность въ связи съ разсказомъ графа Палена. Я поручилъ моему покойному товарищу, энергичному А. А. Маркову поѣхать на мѣсто и произвести личное дознаніе.

Поздно вечеромъ онъ привезъ мнѣ цѣлую тетрадь осмотровъ и разспросовъ на мѣстѣ, изъ которыхъ было до очевидности ясно, что здѣсь имѣлъ мѣсто поджогъ. Собранныя на другой день свѣдѣнія о договорныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между извѣстнымъ В. А. Кокоревымъ и С. Т. Овсянниковымъ по арендѣ мельницы, указывали и на то, что именно Овсянникову могъ быть выгоденъ пожаръ мельницы, и что есть основанія сказать,—is fecit cui prodest". Я предложилъ судебному слѣдователю по особо-важнымъ дѣламъ Книриму начать слѣдствіе и немедленно произвести обыскъ у Овсянникова, а наблюденіе за слѣдствіемъ принялъ лично на себя. Овсянниковъ, не привыкшій имѣть дѣло съ новымъ судомъ,—не ожидалъ обыска и не припряталъ поэтому многихъ немаловажныхъ документовъ...

Высокій старикъ, съ густыми насупленными бровями и жесткимъ взоромъ сѣрыхъ проницательныхъ глазъ, бодрый и крѣпкій, несмотря на свои 74 года, Овсянниковъ былъ пораженъ нашествіемъ чиновъ судебнаго вѣдомства. Онъ былъ очень невѣжливъ, презрительно пожималъ плечами, возражалъ противъ осмотра каждаго изъ отдѣльныхъ помѣщеній, говоря: „ну тутъ чего еще искать!?" и подъ предлогомъ, что въ комнатахъ холодно, надѣлъ какое-то фантастическое пальто военнаго образца на генеральской красной подкладкѣ. Но „der lange Friedrich", какъ звали у насъ Книрима, невозмутимо дѣлалъ свое дѣло... Я подошелъ, между прочимъ, къ оригинальнымъ стариннымъ часамъ въ длинномъ деревянномъ футлярѣ, въ родѣ узкаго шкапа.

— Вотъ изволите видѣть,—сказалъ Овсянниковъ, желая вѣроятно показать, что и онъ можетъ быть любезенъ и владѣть собою—вотъ это большая рѣдкость, это часы прошлаго вѣка. Такихъ, чай, немного.—Подошелъ и Книримъ.—А гдѣ ключъ?—спросилъ онъ.—Эй малый!—крикнулъ Овсянниковъ,—подать ключъ! —Книримъ подозвалъ понятыхъ, отперъ дверь футляра и сталъ изслѣдовать его внутренность. Овсянниковъ не вытерпѣлъ, грозно сдвинулъ брови и, энергически плюнувъ, отошелъ отъ часовъ.

Вечеромъ въ тотъ же день въ камерѣ слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ былъ произведенъ допросъ Овсянникова. Онъ отвѣчалъ неохотно, то мрачно, то насмѣшливо поглядывая на слѣдователя и очень недоброжелательно относясь въ своихъ показаніяхъ къ Кокореву. Въ концѣ до-

проса я отвелъ Книрима въ сторону и сказалъ ему, что нахожу необходимымъ мѣрою пресѣченія избрать лишеніе свободы, такъ какъ иначе Овсянниковъ, при своихъ средствахъ и связяхъ, исказитъ весь свидѣтельскій матеріалъ.—И я нахожу нужнымъ тоже,—отвѣчалъ Книримъ.— Надо, однако, дать старику, ради здоровья, нѣкоторыя удобства и если вы ничего не имѣете противъ Коломенской части, гдѣ есть большія и свѣтлыя одиночныя камеры, куда можно, съ разрѣшенія смотрителя, поставить свою мебель, то я распоряжусь объ этомъ немедленно.—Прекрасно,—сказалъ Книримъ,—а я напишу краткое постановленіе. — Господинъ Овсянниковъ,—сказалъ я, усаживаясь сбоку стола, на которомъ писалъ Книримъ,—не желаете-ли вы послать кого-нибудь изъ служителей къ себѣ домой, чтобы прибыло лицо, пользующееся вашимъ довѣріемъ, для передачи ему тѣхъ изъ вашихъ распоряженій, которыя не могутъ быть отложены.—Это еще зачѣмъ?—спросилъ сурово Овсянниковъ.—Вы будете взяты подъ стражу и домой не вернетесь. — Что? — почти закричалъ онъ—подъ стражу! Я? Овсянниковъ?—и онъ вскочилъ съ своего мѣста.— Да вы шутить, что-ли изволите? Меня подъ стражу?! Степана Тарасовича Овсянникова? Первостатейнаго именитаго купца подъ стражу? Нѣтъ, господа, руки коротки! Овсянникова!! Двѣнадцать милліоновъ капиталу! подъ стражу! нѣтъ, братцы, этого вамъ не видать!—Я вамъ повторяю свое предложеніе, а затѣмъ какъ хотите, только вы отсюда поѣдете не домой,—сказалъ я.—Да что же это такое!—опять воскликнулъ онъ, ударяя кулакомъ по столу,—да что я, во снѣ это слышу? Да и какое право вы имѣете? такихъ правъ нѣтъ! Я буду жаловаться! вы у меня еще отвѣтите!— Его прервалъ Книримъ, который прочелъ краткое постановленіе о взятіи подъ стражу и предложилъ ему подписать. Тутъ онъ смирился и послалъ на извозчикѣ одного изъ сторожей за старшимъ сыномъ.

Допросъ, между тѣмъ, продолжался, вслѣдствіе выраженнаго имъ желанія дать еще нѣкоторыя разъясненія. Съ прибывшимъ сыномъ онъ обошелся очень сурово и, когда тотъ, по моему приглашенію, хотѣлъ сѣсть, онъ такъ взглянулъ на него, что тотъ заколебался и сѣлъ лишь, когда отецъ крикнулъ ему:—ну садись, садись! я не воспрещаю...

Признанный виновнымъ Овсянниковъ былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе...

(А. Кони. На жизненномъ пути. т. I. с. 1—20).

XLV. Другія реформы.

249. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г.

Глава I.

Положенія общія.

п. 1. Для завѣдыванія дѣлами, относящимися къ мѣстнымъ хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ каждой губерніи и каждаго уѣзда, образуются губернскія и уѣздныя земскія учрежденія, составъ и порядокъ дѣйствія коихъ опредѣляются настоящимъ Положеніемъ.

п. 2. Дѣла, подлежащія вѣдѣнію земскихъ учрежденій, въ губерніи или уѣздѣ по принадлежности, суть:

I. Завѣдываніе имуществами, капиталами и денежными сборами земства.

II. Устройство и содержаніе при-

надлежащихъ земству зданій, другихъ сооруженій и путей сообщенія, содержимыхъ на счетъ земства.

III. Мѣры обезпеченія народнаго продовольствія.

VI. Завѣдываніе земскими благотворительными заведеніями и прочія мѣры призрѣнія; способы прекращенія нищенства; попеченіе о построеніи церквей.

V. Управленіе дѣлами взаимнаго земскаго страхованія имуществъ.

VI. Попеченіе о развитіи мѣстной торговли и промышленности.

VII. Участіе, преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи и въ предѣлахъ, закономъ опредѣленныхъ, въ попеченіи о народномъ образованіи, о народномъ здравіи и о тюрьмахъ.

VIII. Содѣйствіе къ предупрежденію падежей скота, а также по охраненію хлѣбныхъ посѣвовъ и другихъ растеній отъ истребленія саранчею, сусликами и другими вредными насѣкомыми и животными.

IX. Исполненіе возложенныхъ на земство потребностей воинскаго и гражданскаго управленій, и участіе въ дѣлахъ о почтовой повинности.

X. Раскладка тѣхъ государственныхъ денежныхъ сборовъ, разверстаніе которыхъ по губерніи и уѣздамъ возлагается на земскія учрежденія, на основаніи изданныхъ о томъ узаконеній или особыхъ распоряженій, Высочайшею властію утвержденныхъ.

XI. Назначеніе, раскладка, взиманіе и расходованіе, на основаніи Устава о земскихъ повинностяхъ, мѣстныхъ сборовъ, ддя удовлетворенія земскихъ потребностей губерніи или уѣзда.

XII. Представленіе, чрезъ губернское начальство, высшему правительству свѣдѣній и заключеній по предметамъ, касающимся мѣстныхъ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ губерніи или уѣзда, и ходатайство по симъ предметамъ, также чрезъ губернское начальство; доставленіе, по требованіямъ высшихъ правительственныхъ учрежденій и Начальниковъ губерній, свѣдѣній, до земскаго хозяйства относящихся.

XIII. Производство выборовъ въ члены и другія должности по земскимъ учрежденіямъ и назначеніе суммъ на содержаніе этихъ учрежденій.

XIV. Дѣла, которыя будутъ ввѣрены земскимъ учрежденіямъ, на основаніи особыхъ уставовъ, положеній или постановленій.

п. 6. Земскія учрежденія, въ кругу ввѣренныхъ имъ дѣлъ, дѣйствуютъ самостоятельно. Законъ опредѣляетъ случаи и порядокъ, въ которыхъ дѣйствія и распоряженія ихъ подлежатъ утвержденію и наблюденію общихъ правительственныхъ властей.

п. 9. Начальникъ губерніи имѣетъ право остановить исполненіе всякаго постановленія земскихъ учрежденій, противнаго законамъ, или общимъ государственнымъ пользамъ... Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, со своей стороны, въ промежутокъ времени между двумя сроками засѣданій земскаго собранія, можетъ остановить постановленіе, противное законамъ или государственнымъ пользамъ, сообщая о томъ Собранію въ первое назначенное для его засѣданій время.

Глава II.

Составъ земскихъ учрежденій.

п. 14. Уѣздное Земское Собраніе составляется изъ Земскихъ Гласныхъ, избираемыхъ: а) уѣздными землевладѣльцами; б) городскими обществами; в) сельскими обществами.

п. 23. Въ избирательномъ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ имѣютъ право голоса:

а) лица, владѣющія въ уѣздѣ, на правѣ собственности, пространствомъ земли, опредѣленнымъ для того уѣзда въ прилагаемомъ росписаніи:

б) лица, владѣющія въ уѣздѣ другимъ недвижимымъ имуществомъ цѣною не ниже пятнадцати тысячъ рублей, а также владѣющія въ уѣздѣ промышленнымъ или хозяйственнымъ заведеніемъ не ниже той же капитальной цѣнности или имѣющимъ общій годовой оборотъ производства не менѣе шести тысячъ рублей;

в) назначенные на основаніи ст. 18—21 повѣренные отъ частныхъ владѣльцевъ, а также отъ разныхъ учрежденій, обществъ, компаній и товариществъ, владѣющихъ пространствомъ земли или имуществомъ, указанными въ двухъ предшедшихъ пунктахъ а) и б) сей статьи;

г) уполномоченные отъ нѣсколькихъ землевладѣльцевъ, а также отъ разныхъ учрежденій, обществъ, компаній и товариществъ, владѣющихъ въ уѣздѣ пространствомъ земли, недостигающихъ положеннаго въ первомъ пунктѣ сей статьи размѣра, но составляющимъ не менѣе двадцатой доли онаго;

д) уполномоченные отъ священнослужителей, владѣющихъ въ уѣздѣ церковною землею.

п. 28. Въ городскихъ избирательныхъ съѣздахъ участвуютъ:

а) лица, имѣющія купеческія свидѣтельства;

б) владѣльцы находящихся на городской землѣ фабрикъ и другихъ промышленныхъ или торговыхъ заведеній, годовой оборотъ производства коихъ не менѣе 6000 рублей;

в) лица, владѣющія на городской землѣ недвижимою собственностью, оцѣненною, для взиманія налога, въ городскихъ поселеніяхъ, имѣющихъ болѣе 10000 жителей, не менѣе 3000 р.; въ городскихъ поселеніяхъ, имѣющихъ отъ 2000 до 10000 жителей, не ниже 1000 р. и во всѣхъ прочихъ городскихъ поселеніяхъ не ниже 500 р.

г) назначенные на основаніи ст. 18—20-й повѣренные отъ частныхъ владѣльцевъ, и также отъ разныхъ учрежденій, обществъ, компаній и товариществъ, владѣющихъ заведеніями или имуществомъ, указанными въ пунктахъ б) и в) сей статьи.

п. 30. Съѣзды для избиранія Уѣздныхъ Гласныхъ отъ сельскихъ обществъ образуются изъ выборщиковъ, назначаемыхъ волостными сходами изъ своей среды. Этихъ выборщиковъ полагается не свыше трети общаго числа лицъ, имѣющихъ право по закону участвовать въ волостномъ сходѣ, съ тѣмъ, чтобы отъ каждаго сельскаго общества находилось въ средѣ выборщиковъ не менѣе одного представителя.

п. 43. Въ Уѣздномъ Земскомъ Собраніи предсѣдательствуетъ Уѣздный Предводитель Дворянства.

п. 46. Уѣздная Земская Управа составляется изъ Предсѣдателя и двухъ членовъ, избираемыхъ на три года Уѣзднымъ Земскимъ Собраніемъ изъ числа участвующихъ въ немъ лицъ. Собранія могутъ, если найдутъ нужнымъ, увеличивать число избираемыхъ членовъ Управы до шести.

п. 51. Губернское Земское Собраніе составляется изъ Гласныхъ, избираемыхъ Уѣздными Земскими Собраніями на три года.

п. 53. Въ Губернскомъ Земскомъ Собраніи, въ тѣхъ случаяхъ когда Государю Императору неугодно будетъ назначить для предсѣдательствованія въ ономъ особое лицо, предсѣдательствуетъ Губернскій Предводитель Дворянства.

п. 56. Губернская Земская Управа состоитъ изъ Предсѣдателя и шести членовъ, избираемыхъ на три года Губернскимъ Земскимъ Собраніемъ изъ своей среды...—Избранный Земскимъ Собраніемъ Предсѣдатель Губернской Управы утверждается въ должности Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Въ случаѣ отсутствія Предсѣдателя, мѣсто его заступаетъ одинъ

изъ членовъ Управы, также съ утвержденія Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Глава IV.

Порядокъ дѣйствія земскихъ учрежденій.

п. 76. Уѣздныя и Губернскія Земскія Собранія собираются ежегодно по одному разу: Уѣздныя не позже Сентября, а Губернскія—не позжа Декабря.

п. 77. Для Засѣданій Уѣздныхъ Собраній полагается десятидневный срокъ, а для Губернскихъ—двадцатидневный.

(Пол. о Зем. Учр. 1864 г. с. 1—14.)

---

250. Городовое положеніе 1870 г.

Глава I.

Общія положенія.

п. 1. Попеченіе и распоряженія по городскому хозяйству и благоустройству предоставляются городскому общественному управленію, а надзоръ за законнымъ сего исполненіемъ—Губернатору, на точномъ основаніи правилъ настоящаго Положенія.

п. 2. Къ предметамъ вѣдомства городскаго общественнаго управленія принадлежатъ:

а) дѣла по устройству сего управленія и по городскому хозяйству, на основаніи правилъ, въ настоящемъ Положеніи изложенныхъ;

б) дѣла по внѣшнему благоустройству города, а именно: попеченіе объ устроеніи города, согласно утвержденному плану; завѣдываніе устройствомъ и содержаніемъ улицъ, площадей, мостовыхъ, тротуаровъ, городскихъ общественныхъ садовъ, бульваровъ, водопроводовъ, сточныхъ трубъ, каналовъ, прудовъ, канавъ и протоковъ, мостовъ, гатей и переправъ, а равно и освѣщеніемъ города;

в) дѣла, касающіяся благосостоянія городскаго населенія: мѣры къ обезпеченію народнаго продовольствія, устройство рынковъ и базаровъ; попеченіе въ предѣлахъ, закономъ указанныхъ объ охраненіи народнаго здравія, о принятіи мѣръ предосторожности противъ пожаровъ и другихъ бѣдствій и объ обезпеченіи отъ причиняемыхъ ими убытковъ, попеченіе объ огражденіи развитіи мѣстной торговли и промышленности, объ устройствѣ пристаней, биржъ и кредитныхъ учрежденій (ст. 11, 112, 115-я и мн. Госуд. Совѣта 6 февраля 1862 г.—37950);

г) устройство на счетъ города благотворительныхъ заведеній и больницъ и завѣдываніе ими, участіе, на томъ же основаніи, въ попеченіи о народномъ образованіи, а также устройство театровъ, библіотекъ, музеевъ и другихъ подобнаго рода учрежденій.

д) представленіе Правительству свѣдѣній и заключеній по предметамъ, касающимся мѣстныхъ нуждъ и пользъ города, и ходатайство по симъ предметамъ—и

е) другія обязанности, возлагаемыя закономъ на общественное управленіе...

Глава II.

Объ учрежденіяхъ городского общественнаго управленія.

п. 17. Всякій городской обыватель, къ какому бы состоянію онъ ни принадлежалъ, имѣетъ право голоса въ избраніи гласныхъ, при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если онъ Русскій подданный; 2) если ему не менѣе двадцати пяти лѣтъ отъ рожденія; 3) если онъ, при этихъ двухъ условіяхъ, владѣетъ въ городскихъ предѣлахъ на правѣ собственности, недвижимымъ имуществомъ, подлежащимъ сбору въ пользу города, или содержитъ торговое или промышленное заведеніе по свидѣтельству купеческому, или

же, проживъ въ городѣ въ теченіе двухъ лѣтъ сряду предъ производствомъ выборовъ, хотя бы и съ временными отлучками, уплачиваетъ въ пользу города установленный сборъ со свидѣтельствъ: купеческаго или промысловаго на мелочный торгъ, или прикащичьяго 1-го разряда, или съ билетовъ на содержаніе промышленныхъ заведеній и 4) если на немъ не числится недоимокъ по городскимъ сборамъ.

п. 56. Засѣданія Городской Думы назначаются: или а) по усмотрѣнію Городскаго Головы, или б) по требованію Губернатора, или наконецъ в) по желанію не менѣе одной пятой части гласныхъ, заявленному Городскому Головѣ. Для разсмотрѣнія росписей городскимъ доходамъ и расходамъ и отчетовъ Городской Управы должно быть не менѣе двухъ засѣданій въ годъ, въ сроки, назначаемые опредѣленіями Думы, съ утвержденія Губернатора.

п. 70. Городская Управа состоитъ подъ предсѣдательствомъ Городскаго Головы. Число членовъ Управы опредѣляется Городскою Думою и можетъ быть ею же измѣняемо, но не должно быть менѣе двухъ, сверхъ предсѣдателя.

п. 72. На Городскую Управу возлагается непосредственное завѣдываніе дѣлами городскаго хозяйства и общественнаго управленія, на основаніи настоящаго Положенія и согласно правиламъ и указаніямъ, преподаваемымъ Городскою Думою. Управа ведетъ текущія дѣла по городскому хозяйству, изыскиваетъ мѣры къ его улучшенію, исполняетъ опредѣленія Думы, собираетъ нужныя ей свѣдѣнія, составляетъ проекты городскихъ смѣтъ (росписей), взимаетъ и расходуетъ городскіе сборы на установленныхъ Думою основаніяхъ, и представляетъ, въ назначенные Думою сроки, отчеты о своей дѣятельности и состояніи подвѣдомственныхъ ей частей. Составляемые Управою отчеты, вмѣстѣ съ послѣдовавшимъ по онымъ заключеніемъ Думы, печатаются, для всеобщаго свѣдѣнія, указаннымъ въ ст. 68-й порядкомъ.

(Гор. пол. съ объясн. Изд. Хоз. деп. М. В. Д. с. 1—68.)

---

251. Уставъ о воинской повинности.

1. Защита престола и отечества есть священная обязанность каждаго Русскаго подданнаго. Мужское населеніе, безъ различія состояній, подлежитъ воинской повинности.

2. Денежный выкупъ отъ воинской повинности и замѣна охотникомъ не допускается.

5. Вооруженныя силы Государства состоятъ изъ постоянныхъ войскъ и ополченія. Сіе послѣднее созывается лишь въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ военнаго времени.

10. Поступленіе на службу по призывамъ рѣшается жеребіемъ, который вынимается единожды на всю жизнь. Лица, по нумеру вынутаго ими жеребья не подлежащія поступленію въ постоянныя войска, зачисляются въ ополченіе.

11. Къ жеребью призывается ежегодно одинъ только возрастъ населенія, именно молодые люди, которымъ къ 1 Октября того года, когда наборъ производится, минулъ двадцать одинъ годъ отъ роду.

12. Лицамъ, удовлетворяющимъ опредѣленнымъ условіямъ образованія, предоставляется отбыть воинскую повинность безъ жеребья, въ качествѣ вольноопредѣляющихся, на основаніи правилъ, изложенныхъ въ главѣ XII сего Устава.

17. Общій срокъ службы въ сухопутныхъ войскахъ, для поступающихъ

по жеребью, опредѣляется въ пятнадцать лѣтъ, изъ коихъ шесть лѣтъ дѣйствительной службы и девять лѣтъ въ запасѣ...

18. Общій срокъ службы во флотѣ опредѣляется въ десять лѣтъ, изъ коихъ семь лѣтъ дѣйствительной службы и три года въ запасѣ.

20. Указанные въ предшедшихъ 17 и 18 статьяхъ сроки службы установляются собственно для мирнаго времени; во время же войны состоящіе въ сухопутныхъ войскахъ и во флотѣ обязаны оставаться на службѣ до тѣхъ поръ, пока того будетъ требовать государственная надобность.

24. Отъ призыва на службу изъ запаса освобождаются лица, занимающія должности по государственной гражданской, или же общественой службѣ, означенныя въ особомъ спискѣ. Списокъ этотъ подносится къ Высочайшему утвержденію черезъ Комитетъ Министровъ.

36. Государственное ополченіе (ст. 5) составляется изъ всего нечислящагося въ постоянныхъ войскахъ, но способнаго носить оружіе мужскаго населенія, отъ призывнаго (ст. 11) до сорокатрехъ-лѣтняго возраста включительно. Отъ призыва въ ополченіе не освобождаются до этого возраста и лица, уволенныя изъ запаса арміи и флота.

38. Составляющія ополченіе лица, именуются ратниками и дѣлятся на два разряда. Въ первомъ разрядѣ, который предназначается какъ въ составъ ополченныхъ частей, такъ и для усиленія и пополненія постоянныхъ войскъ, въ случаѣ истощенія или недостатка ихъ запаса, числятся младшіе четыре возраста, т.-е. лица, зачисленныя въ ополченіе (ст. 154) при послѣднихъ четырехъ призывахъ; ко второму же разряду, назначенному только въ составъ ополченныхъ частей, принадлежатъ всѣ остальные возрасты.

45. По семейному положенію установляется три разряда льготъ:

Первый разрядъ: а) для единственнаго способнаго къ труду сына, при отцѣ къ труду неспособномъ, или при матери—вдовѣ; б) для единственнаго способнаго къ труду брата, при одномъ или нѣсколькихъ круглыхъ сиротахъ, братьяхъ или сестрахъ; в) для единственнаго способнаго къ труду внука, при дѣдѣ или бабкѣ, не имѣющихъ способнаго къ труду сына и г) для единственнаго сына въ семьѣ, хотя бы при отцѣ, способномъ къ труду.

Второй разрядъ: для единственнаго способнаго къ труду сына, при отцѣ, также способномъ къ труду, и братьяхъ моложе восемнадцати лѣтъ.

Третій разрядъ: для лица, непосредственно слѣдующаго по возрасту за братомъ, находящимся по призыву на дѣйствительной службѣ, или умершимъ на оной.

53. Воспитанники учебныхъ заведеній, означенныхъ въ приложеніи къ сей статьѣ, призываются къ исполненію воинской повинности по достиженіи опредѣленнаго для того возраста (ст. 11), наравнѣ съ прочими; но для окончанія образованія, поступленіе ихъ на службу въ войска по вынутому жеребью, въ случаѣ заявленнаго ими желанія, отсрочивается...

54. Всѣ обучающіеся въ означенныхъ въ предшедшей 53 статьѣ учебныхъ заведеніяхъ имѣютъ право заявить, не позже какъ за два мѣсяца до призыва къ жеребью, о желаніи отбыть воинскую повинность на правахъ вольноопредѣляющихся. Заявившіе о семъ, освобождаясь отъ жеребья, пользуются вышеопредѣленными отсрочками для окончанія курса наукъ.

56. Для лицъ, достигшихъ нижеуказанныхъ степеней образованія, при отбываніи ими воинской повинности по жеребью, установляются сокращенные сроки службы на слѣдующемъ основаніи:

1) окончившіе курсъ въ Университетахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ перваго разряда, или выдержавшіе соотвѣтственное испытаніе, состоятъ на дѣйствительной службѣ—шесть мѣсяцевъ и въ запасѣ арміи—четырнадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ;

3) окончившіе курсъ шести классовъ Гимназій или реальныхъ училищъ, или втораго класса духовныхъ Семинарій, или же курсъ другихъ учебныхъ заведеній втораго разряда, а равно выдержавшіе соотвѣтственное испытаніе, состоятъ: на дѣйствительной службѣ годъ и шесть мѣсяцевъ и въ запасѣ арміи тринадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ.

(Полное Собр. Законовъ. Томъ XLIX, отд. I, № 52983, с. 4—9.)

XLVI. Культура.

252. Письмо И. Н. Крамскаго къ М. Б. Тулинову.

С.-Петербургъ, 13-то ноября 1863 г.

Дорогой мой Михаилъ Борисовичъ! Внимай! 9-го ноября, то-есть въ прошлую субботу, въ Академіи [1]) случилось слѣдующее обстоятельство: 14 человѣкъ изъ учениковъ подали просьбу о выдачѣ имъ дипломовъ на званіе классныхъ художниковъ. Съ перваго взгляда тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Люди свободные, вольно-приходящіе ученики, могутъ когда хотятъ оставить занятія. Но въ томъ-то и дѣло, что эти 14 не простые ученики, а люди, имѣющіе писать на 1-ю золотую медаль. Дѣло вотъ такъ было: за мѣсяцъ до сего времени, мы подавали просьбы о дозволеніи намъ свободнаго выбора сюжетовъ, но въ просьбѣ нашей намъ отказали. Передъ тѣмъ, какъ мы рѣшились подать вторую просьбу, мы ходили къ каждому профессору отдѣльно, урезонивали, просили, и слышали въ отвѣтъ, что просьба наша имѣетъ основаніе и вѣроятно будетъ уважена, и что онъ (профессоръ) съ своей стороны употребитъ свои старанія въ нашу пользу. Однимъ словомъ, каждый, отдѣльно взятый, оказывался хорошимъ человѣкомъ, а сойдясь вмѣстѣ, опять отказали и рѣшили дать одинъ сюжетъ историкамъ и сюжетъ жанристамъ, которые искони выбирали свои сюжеты. Въ день конкурса, 9-го ноября, мы являемся въ контору и рѣшились взойти всѣ вмѣстѣ въ Совѣтъ и узнать, чѣмъ рѣшилъ Совѣтъ. А потому, на вопросъ инспектора: кто изъ насъ историки и кто жанристы? мы, чтобы войти всѣмъ вмѣстѣ въ конференцъ-залъ, отвѣчали, что мы всѣ историки. Наконецъ, зовутъ насъ передъ лицо Совѣта, для выслушанія задачи. Входимъ. Ѳ. Ѳ. Львовъ прочелъ намъ сюжетъ: „Пиръ въ Валгаллѣ“—изъ скандинавской миѳологіи, гдѣ герои рыцари вѣчно сражаются, гдѣ предсѣдательствуетъ богъ Одинъ, у него на плечахъ сидятъ два ворона, а у ногъ два волка, и, наконецъ, гдѣ-то въ небесахъ, между колоннами мѣсяцъ, гонимый чудовищемъ въ видѣ волка, и много другой галиматьи.

Послѣ этого Бруни всталъ, подходитъ къ намъ для объясненія сюжета, какъ это всегда водится. Но одинъ изъ насъ, именно Крамской, отдѣляется и произноситъ слѣдующее: „Просимъ позволенія передъ лицомъ Совѣта сказать нѣсколько словъ!“ (молчаніе, и взоры всѣхъ впились въ говорящаго). „Мы два раза подавали прошеніе, но Совѣтъ не нашелъ возможнымъ исполнить нашу просьбу; мы, не считая се-

---

[1]) Художествъ.

бя въ правѣ больше настаивать, и не смѣя думать объ измѣненіи академическихъ постановленій, просимъ покорнѣйше освободить насъ отъ участія въ конкурсѣ и выдать намъ дипломы на званіе художниковъ". Нѣсколько мгновеній—молчаніе. Наконецъ Гагаринъ и Тонъ издаютъ звуки „всѣ?" Мы отвѣчаемъ: „всѣ", и выходимъ, а въ слѣдующей комнатѣ отдаемъ прошенія производителю дѣлъ. Вотъ дѣло какого рода! Теперь мы боимся, чтобы они не задержали дипломовъ. И въ тотъ-же день Гагаринъ просилъ письмомъ Долгорукова [1]), чтобы въ литературѣ ничего не появилось, безъ предварительнаго просмотра его (Гагарина). Однимъ словомъ, мы поставили въ затруднительное положеніе.

И такъ, мы отрѣзали собственное отступленіе и не хотимъ воротиться, и пусть будетъ здорова Академія къ своему столѣтію. Вездѣ мы встрѣчаемъ сочувствіе къ нашему поступку, такъ что одинъ посланный отъ литераторовъ просилъ меня сообщить ему слова, сказанныя мною въ Совѣтѣ, для напечатанія. Но мы пока молчимъ. И такъ какъ мы крѣпко держались за руки до сихъ поръ, то, чтобы намъ не пропасть, рѣшились держаться и дальше, чтобы образовать изъ себя художественную ассоціацію, то-есть работать вмѣстѣ и вмѣстѣ жить. Соединяемся мы, положимъ, на 5 лѣтъ, въ которыя мы думаемъ составить капиталъ. Для сего, мы думаемъ, не лишне пріобрѣсти покупкою или устройствомъ фотографическое заведеніе, и если ты не прочь продать намъ свое заведеніе, съ разсрочкою платежа, то это намъ было бы полезно. А также прошу тебя сообщить мнѣ свои совѣты и соображенія относительно практическаго устройства и общихъ правилъ, пригодныхъ для нашего общества. Однимъ словомъ, помоги чѣмъ-нибудь, какимъ-нибудь совѣтомъ или указаніемъ источника, имѣющаго дать какой-либо доходъ. Предположенія наши, какъ ты можешь догадываться, не могутъ отличаться практичностью, хоть въ нихъ много честности и умѣнья техническаго въ искусствѣ и желанія трудиться для будущаго своего обезпеченія. И намъ кажется теперь это дѣломъ возможнымъ. Кругъ дѣйствій нашихъ имѣетъ обнимать: портреты, иконостасы, копіи, картины оригинальныя, рисунки для изданій и литографій, рисунки на деревѣ, однимъ словомъ все, относящееся къ спеціальности нашей. Изъ общей суммы должно быть откладываемо 30 процентовъ для составленія оборотнаго капитала; остальное идетъ на покрытіе издержекъ нашей жизни и общій дѣлежъ.

Вотъ программа, далеко еще не ясная, какъ видишь, но спѣшу тебя извѣстить о случившемся, и жду, что ты откликнешься и подашь свой голосъ.

Твой И. Крамской.

(И. Н. Крамской. Его жизнь, переписка и статьи. Изд. А. Суворина, с. 49—51. Пис. къ Тулинову.)

---

254. Артель художниковъ.

(По восп. И. Рѣпина).

Утѣшеніемъ Крамскому была теперь артель, дружный кружокъ товарищей. Дѣла ихъ шли все лучше и лучше. Появились нѣкоторыя средства и довольство. Квартира въ 17-й линіи Васильевскаго острова оказывалась уже мала и не центральна, они перешли на уголъ Вознесенскаго и Адмиралтейской площади. Эта квартира была еще просторнѣй. Тутъ было двѣ рядомъ большія залы; окна огромныя и кабинеты, мастерскія очень просторные и удобные. Заказовъ валило къ нимъ такъ много, что Крамской сильно побаивался, чтобы исполнители не стали „валять" ихъ. Понадобились по-

[1]) Начальникъ III-го Отдѣленія.

мощники; кромѣ того, заказы раздавались знакомымъ художникамъ и выдающимся ученикамъ академіи, которые всѣ хорошо знали ходъ въ артель. Теперь уже многіе члены лѣтомъ уѣзжали на свои далекія родины и привозили къ осени прекрасные, свѣжіе этюды, а иногда и цѣлыя картинки изъ народнаго быта. Что это бывалъ за всеобщій праздникъ! Въ артель, какъ на выставку, шли безконечные посѣтители, все больше молодые художники и любители, смотрѣть новинки. Точно что-то живое, милое, дорогое привезли и поставили передъ глазами!..

Иногда артельщики селились на лѣто, цѣлой компаніей, въ деревнѣ, устраивали себѣ мастерскую изъ большого овина, или амбара, и работали здѣсь все лѣто...

Товарищи не стѣснялись замѣчаніями, относились другъ къ другу очень строго и серіозно, безъ всякихъ галантерейностей, умалчиваній, льстивостей и ехидства. Громко, весело каждый высказывалъ свою мысль и хохоталъ отъ чистаго сердца надъ недостатками картины, чья-бы она ни была. Это было хорошее, веселое время, живое! На міру и смерть красна, говоритъ старая русская пословица; и жизнь эта была вся на міру; правда, на своемъ, на маленькомъ, но она была открыта, и лилась свободно, дѣятельно. Не было у нихъ мелкой замкнутости. Каждый чувствовалъ себя въ кругу самыхъ ближнихъ, доброжелательныхъ, честныхъ людей. Каждый артельщикъ работалъ откровенно, отдавая себя на судъ всѣмъ товарищамъ и знакомымъ. Въ этомъ почерпалъ онъ силу, узнавалъ недостатки и росъ нравственно. Въ этомъ общежитіи выигрывалась масса времени, такъ безполезно растрачиваемаго жизнью въ одиночку. Что могъ имѣть каждый изъ этихъ бѣдныхъ художниковъ, одинъ самъ по себѣ?!.. Какую нибудь затхлую, плохо меблированную комнату, съ озлобленной на весь міръ хозяйкой; скверный обѣдъ въ кухмистерской, разводитель катарровъ желудка, желчнаго настроенія и ненависти ко всему. Что могъ произвести въ такой обстановкѣ бѣдный художникъ? А здѣсь, въ артели, соединившись въ одну семью, эти самые люди жили въ наилучшихъ условіяхъ свѣта, тепла и образовательныхъ пособій. Они почти ни въ чемъ не нуждались для искусства, развѣ только въ свободномъ времени. Не было у нихъ, правда, богатой обстановки, изящныхъ драпировокъ, рѣзной мебели, ботатыхъ вазъ. Мебель была буковая, гнутая, сторыколленкоровыя, картины свои висѣли безъ рамъ. Трудно было питаться этой внѣшностью вкусу художника; да вкусъ считался послѣднимъ дѣломъ въ эту эпоху. Подъемъ духа русскаго такъ былъ силенъ въ это время, что на весь этотъ изящный хламъ смотрѣли съ презрѣніемъ; жили другими, высшими духовными сторонами жизни и стремились служить имъ. Русская интеллигенція находилась еще подъ сильнымъ вліяніемъ Гоголя... Картины этой эпохи заставляли зрителя краснѣть, содрогаться и построже вглядываться въ себя. Неугодно ли любоваться картиной Корзухина: пьяный отецъ вваливается въ свою семью въ безчувственномъ состояніи. Дѣти и жена въ паническомъ ужасѣ. Этотъ сумасшедшій станетъ ихъ бить по чемъ попало и чѣмъ попало. Ему ненавистенъ его собственный родъ! До чего одичалъ этотъ варваръ, это бозсмысленное животное... „Неравный бракъ" Пукирева тоже, говорятъ, много крови испортилъ не одному старому генералу, а Н. И. Костомаровъ, увидавъ картину, взялъ назадъ свое намѣреніе жениться на молодой особѣ... Памятна также всѣмъ картина Якоби: „Партія арестантовъ на привалѣ".

Много появлялось картинъ въ ту

возбужденную пору; онѣ волновали общество и направляли его къ человѣчности. Много было искренняго, горячаго увлеченія въ образованномъ обществѣ.... много жизни, энергіи и вѣры въ добро. Въ каждой почти гостиной шелъ дымъ коромысломъ отъ самыхъ громкихъ споровъ, по вопіющимъ вопросамъ жизни.

И здѣсь въ общей залѣ мастерской художниковъ кипѣли такіе же оживленные толки и споры по поводу всевозможныхъ общественныхъ явленій. Прочитывались запоемъ новыя трескучія статьи: „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности"—Чернышевскаго, „Разрушеніе эстетики"—Антоновича, „Искусство"—Прудона, „Пушкинъ — Бѣлинскій" — Писарева, „Кисейная барышня" — Шелгунова, „Образованіе человѣческаго характера" — Овена, Бокль, Дреперъ, Фохтъ, Молешотъ, Бюхнеръ и многое другое.

— А вотъ что дока скажетъ?—говорили товарищи, остановившись въ разгарѣ горячаго спора, при видѣ входящаго Крамскаго.

Дока только что вернулся съ какого нибудь урока, сеанса или другого дѣла; видно по лицу, что въ головѣ его большой запасъ свѣжихъ животрепещущихъ идей и новостей; глаза возбужденно блестятъ и вскорѣ голосъ его уже звучитъ симпатично и страстно, по поводу совсѣмъ новаго, еще неслыханнаго ни кѣмъ изъ нихъ вопроса, такого интереснаго, что о предыдущемъ спорѣ и думать забыли... И такъ на цѣлые полчаса завладѣваетъ онъ общимъ вниманіемъ. Наконецъ, усталый, онъ беретъ газету и бросается на вѣнскій стулъ, забросивъ ноги на другой; онъ бывалъ изященъ въ это время, въ естественной граціи усталаго человѣка. Въ то время онъ былъ очень худъ тѣломъ. Товарищъ мой по академіи, видѣвшій его случайно въ общей банѣ, былъ пораженъ его тѣлесной худобой,—кожа да кости. А какая была энергія.

Наконецъ, по четвергамъ, въ артели открыли вечера и для гостей, по рекомендаціи членовъ-артельщиковъ. Собиралось отъ 40—50 челов. и очень весело проводили время. Черезъ всю залу ставился огромный столъ, уставленный бумагой, красками, карандашами и всякими художественными принадлежностями. Желающій выбиралъ себѣ по вкусу матеріалъ и работалъ, что въ голову приходило. Въ сосѣдней залѣ, на рояли кто нибудь игралъ, пѣлъ. Иногда тутъ же, вслухъ, прочитывали серьезныя статьи о выставкахъ или объ искусствѣ. Такъ, напр., лекціи Тэна объ искусствѣ читались здѣсь переводчикомъ Чуйко, до появленія ихъ въ печати. Здѣсь же однажды Антокольскій читалъ свой критическій взглядъ на современное искусство. Послѣ серьезныхъ чтеній и самыхъ разнообразныхъ рисованій, слѣдовалъ очень скромный, но за то очень веселый ужинъ. Послѣ ужина иногда даже танцовали, если бывали дамы...

На этихъ оживленныхъ недорогихъ ужинахъ много говорилось тостовъ, экспромптовъ, про которые Иванъ Степ. Пановъ говорилъ, что къ этимъ экспромптамъ авторы готовились недѣлями. Самъ Пановъ часто импровизировалъ, показывалъ фокусы и читалъ иногда свои стихотворенія; они были очень остроумны и интересны—изображали большею частію злобу дня и закулисную жизнь академіи. Сатира его безпощадно выталкивала на свѣтъ и заставляла проходить передъ нашими глазами цѣлыя процессіи разнообразныхъ типовъ русской жизни: отъ упитанныхъ, выхоленныхъ добродушныхъ „содремниковъ совѣта" до косматыхъ, исхудалыхъ, злыхъ нигилистовъ, потрясающихъ въ воздухѣ

кулаками. Процессія заканчивалась избитой фигурой свободы, съ веревкой на шеѣ. Отсутствовало въ процессіи только искусство русское. Его совсѣмъ въ Россіи нѣтъ. Римская классика, говорилось далѣе въ стихахъ, въ видѣ жирнаго кота, уже много лѣтъ охотится за нимъ и проглатываетъ его...

Когда случались за ужиномъ Трутовскій и Якоби, они садились визави и весь ужинъ превращался тогда въ турниръ остроумія между ними; прочая публика превращалась невольно въ громкій хоръ хохота: стѣны узкой столовой дрожали отъ всеобщаго смѣха публики, надрывавшей себѣ животы, при каждой удачной остротѣ. Громче всѣхъ раздавался голосъ богатыря И. И. Шишкина; какъ зеленый, могучій лѣсъ, онъ заражалъ всѣхъ своимъ здоровымъ весельемъ, хорошимъ аппетитомъ и правдивой русской рѣчью. Не мало нарисовалъ онъ перомъ, на этихъ вечерахъ, своихъ превосходныхъ рисунковъ. Публика, бывало, ахала за его спиной, когда онъ своими могучими лапами ломового и корявыми, мозолистыми отъ работы пальцами начнетъ корёжить и затирать свой блестящій рисунокъ, а рисунокъ точно чудомъ или волшебствомъ какимъ отъ такого грубаго обращенія автора выходитъ все изящнѣй, да блестящѣй...

Исключеніе изъ беззаботнаго веселья составлялъ иногда Крамской. Часто сидѣвшихъ около него гостей онъ увлекалъ въ какой-нибудь политическій или моральный споръ и тогда, мало-по-малу, публика настораживала уши, слѣдила и принимала дѣятельное участіе въ общественныхъ интересахъ. Случалось, кто-нибудь изъ гостей, по новости и незнанію среды, сбивался на скабрезные анекдоты; послѣ первыхъ же словъ, подъ одними взглядами, онъ путался и умолкалъ навсегда съ этимъ товаромъ...

(И. Е. Рѣпинъ. „Воспоминанія". Артель, с. 48—58.)

---

255. Пушкинскій праздникъ 1880 г.

(Изъ восп. А. Кони).

...Это открытіе (открытіе памятника Пушкину въ Москвѣ) было однимъ изъ незабвенныхъ событій русской общественной жизни послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Тотъ, кто въ немъ участвовалъ, конечно, навсегда сохранилъ о немъ самое свѣтлое воспоминаніе... Мнѣ пришлось въ немъ участвовать въ качествѣ представителя петербургскаго юридическаго общества и начать испытывать прекрасныя впечатлѣнія, имъ вызванныя, съ самаго момента выѣзда въ Москву...

...Поѣздъ, отправившійся изъ Петербурга 4-го іюня въ четыре часа, носилъ совершенно своеобразный характеръ. Въ его вагонахъ сошлись очень многіе видные представители литературы и искусства, и депутаты отъ различныхъ обществъ и учрежденій. Общность цѣли скоро сблизила всѣхъ въ одномъ радостномъ ощущеніи того, что впослѣдствіи А. Н. Островскій назвалъ въ своей рѣчи „праздникомъ на нашей улицѣ". Хорошему настроенію соотвѣтствовалъ прекрасный лѣтній день, смѣнившійся теплымъ и яснымъ луннымъ вечеромъ. Въ поѣздѣ оказался нѣкто Мюнстеръ, знавшій наизусть почти всѣ стихотворенія Пушкина и прекрасно ихъ декламировавшій. Когда смерклось, онъ согласился прочесть нѣкоторыя изъ нихъ. Вѣсть объ этомъ облетѣла поѣздъ, и вскорѣ въ длинномъ вагонѣ перваго класса на откинутыхъ креслахъ и на полу размѣстились чуть не всѣ ѣхавшіе. Короткая лѣтняя ночь прошла въ благоговѣйномъ слушаніи „Фауста",

„Скупого рыцаря“, отрывковъ изъ „Мѣднаго всадника“, писемъ и объясненій Онѣгина и Татьяны, „Египетскихъ ночей“, діалога между Моцартомъ и Сальери. Мюнстеръ такъ приподнялъ общее настроеніе, что когда онъ кончилъ, на середину вагона выступилъ Яковъ Петровичъ Полонскій и прочелъ свое прелестное стихотвореніе, предназначенное для будущихъ празднествъ и начинавшееся словами: „Пушкинъ—это старой няни сказка“. За нимъ послѣдовалъ Плещеевъ, тоже со стихотвореніемъ ad hoc, — и всѣ мы встрѣтили, послѣ этого поэтическаго всенощнаго бдѣнія, восходящее солнце растроганные и умиленные...

...На другой день съ утра, Москва приняла праздничный видъ, и у памятника, закутаннаго пеленой, собрались многочисленныя депутаціи съ вѣнками и хоругвями трехъ цвѣтовъ: бѣлаго, краснаго и синяго—для правительственныхъ учрежденій, ученыхъ и литературныхъ обществъ и редакцій. Ко времени окончанія литургіи въ Страстномъ монастырѣ яркіе лучи солнца прорѣзали облачное небо, и когда изъ монастырскихъ воротъ показалась офиціальная процессія, колокольный звонъ слился съ звуками оркестровъ, исполнявшихъ коронаціонный маршъ Мендельсона. На эстраду взошелъ принцъ Ольденбургскій со свиткомъ акта о передачѣ памятника городу. Наступила минута торжественнаго молчанія; городской голова махнулъ свиткомъ, пелена развернулась и упала, и подъ восторженные крики „ура“ и пѣніе хоровъ, запѣвшихъ „Славься“ Глинки, предстала фигура Пушкина съ задумчиво склоненной надъ толпой головой. Казалось, что въ эту минуту великій поэтъ простилъ русскому обществу его старую вину передъ собою и временное забвеніе. У многихъ на глазахъ заблистали слезы... Хоругви задвигались, поочередно склоняясь передъ памятникомъ, и у подножья его стала быстро расти гора вѣнковъ.

Черезъ часъ, въ обширной актовой залѣ университета, наполненной такъ, что яблоку было негдѣ упасть, состоялось торжественное засѣданіе. На каѳедру взошелъ ректоръ университета Н. С. Тихонравовъ, и съ обычнымъ легкимъ косноязычіемъ объявилъ, что университетъ, по случаю великаго праздника русскаго просвѣщенія, избралъ въ свои почетные члены предсѣдателя комиссіи по сооруженію памятника, академика Якова Карловича Грота и Павла Васильевича Анненкова, такъ много содѣйствовавшаго распространенію и критической разработкѣ твореній Пушкина. Единодушныя рукоплесканія привѣтствовали эти заявленія. „Затѣмъ—сказалъ Тихонравовъ—университетъ счелъ своимъ долгомъ просить принять это почетное званіе нашего знаме...“, но ему не дали договорить. Точно электрическая искра пробѣжала по залѣ, возбудивъ во всѣхъ одно и то же представленіе и заставивъ въ сердцѣ каждаго прозвучать одно и то же имя. Неописуемый взрывъ рукоплесканій и привѣтственныхъ криковъ внезапно возникъ въ обширномъ залѣ и бурными волнами сталъ носиться по ней. Тургеневъ всталъ, разсѣянно улыбаясь и низко наклоняя свою сѣдую голову съ падающею на лобъ прядью волосъ. Къ нему тѣснились, жали ему руки, кричали ему ласковыя слова, и когда до него, наконецъ, добрался министръ народнаго просвѣщенія Сабуровъ и обнялъ его, утихавшій было шумъ поднялся съ новой силой. Въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, русское мыслящее общество какъ бы вѣнчало въ немъ достойнѣйшаго изъ современныхъ ему преемниковъ Пушкина. Лишь появившійся на каѳедрѣ Ключевскій, начавшій свою замѣчательную рѣчь о герояхъ произведеній

Пушкина, заставилъ утихнуть общее восторженное волненіе...

Вечеромъ въ залѣ Дворянскаго Собранія, былъ первый изъ трехъ устроенныхъ въ память Пушкина концертовъ, съ пѣніемъ и чтеніемъ поэтическихъ произведеній. На устроенной въ залѣ сценѣ стоялъ среди тропическихъ растеній большой бюстъ Пушкина, и на нее поочередно выходили представители громкихъ литературныхъ именъ, и каждый читалъ что-либо изъ Пушкина или о Пушкинѣ. Островскій, Полонскій, Плещеевъ, Чаевъ, въ перемежку съ артистами и пѣвцами, прошли передъ горячо настроенной публикой. Появился и грузный, съ типическимъ лицомъ и выговоромъ костромского крестьянина, всклокоченный и съ большими глазами на выкатѣ Писемскій. Вышелъ, наконецъ, и Тургеневъ. Привѣтствуемый особенно шумно, онъ подошелъ къ рампѣ и сталъ декламировать на память, и нельзя сказать, чтобы особенно искусно, „Послѣднюю тучку разсѣянной бури“, но на третьемъ стихѣ запнулся, очевидно его позабывъ, и, безпомощно разведя руками, остановился. Тогда изъ публики, съ разныхъ концовъ, ему стали подсказывать все громче и громче. Онъ улыбнулся и сказалъ конецъ стихотворенія вмѣстѣ со всею залой. Этотъ милый эпизодъ еще болѣе подогрѣлъ общее чувство къ нему, и когда, въ концѣ вечера, подъ звуки музыки всѣ участники вышли на сцену съ нимъ во главѣ, и онъ возложилъ на голову бюста лавровый вѣнокъ, а Писемскій затѣмъ, снявъ этотъ вѣнокъ, сдѣлалъ видъ, что кладетъ его на голову Тургенева,—весь залъ огласился нескончаемыми рукоплесканіями и громкими криками „браво“. На слѣдующій день, въ торжественномъ засѣданіи Общества любителей Россійской Словесности въ томъ же Дворянскомъ Собраніи, Иванъ Сергѣевичъ читалъ свое слово о Пушкинѣ съ большимъ одушевленіемъ и чувствомъ, и заключительныя слова его о томъ, что должно настать время, когда на вопросъ, кому поставленъ только-что открытый наканунѣ памятникъ, простой русскій человѣкъ отвѣтитъ: „учителю!“—снова вызвали бурную овацію.

Три дня продолжались празднества и растроганное настроеніе такъ или иначе причастныхъ къ нимъ, при чемъ главнымъ живымъ героемъ этихъ торжествъ являлся, по общему признанію, Тургеневъ. Но на третій день его замѣнилъ въ этой роли Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій. Тому, кто слышалъ его извѣстную рѣчь въ этотъ день, конечно, съ полной ясностью представилось, какой громадной силой и вліяніемъ можетъ обладать человѣческое слово, когда оно сказано съ горячей искренностью среди назрѣвшаго душевнаго настроенія слушателей. Сутуловатый, небольшого роста, обыкновенно со слегка опущенной головой и усталыми глазами, съ нерѣшительнымъ жестомъ и тихимъ голосомъ, Достоевскій совершенно преобразился, произнося свою рѣчь...

... На эстрадѣ онъ выросъ, гордо поднялъ голову, его глаза на блѣдномъ отъ волненія лицѣ заблистали, голосъ окрѣпъ и зазвучалъ съ особой силой, а жестъ сталъ энергичнымъ и повелительнымъ. Съ самаго начала рѣчи между нимъ и всею массой слушателей установилась та внутренняя духовная связь, сознаніе и ощущеніе которой всегда заставляютъ оратора почувствовать и расправить свои крылья. Въ залѣ началось сдержанное волненіе, которое все росло, и когда Ѳедоръ Михайловичъ окончилъ, то наступила минута молчанія, а затѣмъ, какъ бурный потокъ, прорвался неслыханный и невиданный мною въ жизни восторгъ. Рукоплесканія, крики, стукъ стульями сливались воедино и, какъ говорится, потрясли стѣны зала. Многіе плака-

ли, обращались къ незнакомымъ сосѣдямъ съ возгласами и привѣтствіями; многіе бросились къ эстрадѣ, и какой то молодой человѣкъ лишился чувствъ отъ охватившаго его волненія. Почти всѣ были въ такомъ состояніи, что, казалось, пошли бы за ораторомъ по первому его призыву куда угодно! Такъ, вѣроятно, въ далекое время, умѣлъ подѣйствовать на собравшуюся толпу Савонарола. Послѣ Достоевскаго долженъ былъ говорить Аксаковъ, но онъ вышелъ предъ продолжавшею волноваться публикой и, назвавъ только что слышанную рѣчь „событіемъ", заявилъ, что не въ состояніи говорить послѣ Ѳедора Михайловича. Засѣданіе было возобновлено лишь черезъ полчаса...

(А. Кони, На жизн. пути, т. II, с. 88—94.)

---

256. Изъ юбилейной рѣчи Н. Пирогова сказанной въ Москвѣ, на обѣдѣ въ университетѣ.

(1881 г.).

...Вамъ угодно было, мм. гг., чтобы я праздновалъ этотъ торжественный день моей жизни среди васъ, здѣсь, гдѣ я впервые „вкусилъ сладость бытія". И мѣсто и причина этого праздника возбуждаютъ во мнѣ цѣлый рядъ воспоминаній о далекомъ прошломъ; и потому не посѣтуйте, если я не придумалъ ничего лучшаго въ отвѣтъ на ваши дружескіе привѣты и пожеланія, какъ сравнительный очеркъ настоящаго съ прошлымъ, пережитымъ мною на разныхъ поприщахъ моей подвижной жизни. Но не подумайте, что я, по обычаю старыхъ людей, намѣреваюсь восхвалять передъ вами прошлое и отдавать ему преимущество передъ настоящимъ.

Нѣтъ, напротивъ, складъ ума не позволяетъ мнѣ смотрѣть на предметы и событія съ односторонней и личной точки зрѣнія, а относясь болѣе объективно къ прошлому и къ настоящему, я не могу не отдать предпочтенія послѣднему.

Беру для сравненія главное—правду, не ту, для насъ недоступную правду, на вопросъ о которой и Понтійскій Пилатъ не былъ удостоенъ отвѣта, а правду нашу, земную, человѣческую, постигаемую умомъ и чувствами. Начну съ правды научной. Когда я вспоминаю, что въ стѣнахъ этого знаменитаго вмѣстилища наукъ, 53 года тому назадъ, я, 15-лѣтній подростокъ, также, какъ и другіе, зрѣлые и незрѣлые юноши, уже понималъ, что во многихъ аудиторіяхъ излагается намъ что-то не научное, а занимательное для насъ своимъ комизмомъ,—когда, говорю я, вспомню все то, то не могу не утверждать, что наука того времени и преподаваніе ея не могутъ выдержать никакого сравненія съ настоящими. Въ особенности же низокъ былъ уровень демонстративнаго преподаванія. Такъ, едва повѣрятъ мнѣ теперь, что я выдержалъ экзаменъ на степень лѣкаря, не видавъ ни одной операціи, сдѣланной на трупѣ, и не сдѣлавъ ни одной самъ. Впрочемъ, это было въ то время, когда и на западѣ Европы еще, въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ университетахъ, учили дѣлать кровопусканіе на кускахъ мыла и ампутаціи на брюквѣ. Изъ всѣхъ частей врачебной науки еще одна анатомія пользовалась болѣе другихъ демонстративными пособіями, но не забудемъ, что это было время, когда хоронили анатомическіе музеи и задавались серьезно вопросомъ о возможности преподавать анатомію не на трупахъ, а на рисункахъ и манекенахъ. Современная молодежь иногда, я слышу, жалуется на недостатокъ демонстративныхъ пособій при изученіи медицины, но что сказала бы она во время моего ученія, когда мы

не имѣли не только средствъ, которыми она теперь располагаетъ, но и самаго понятія о нихъ.

Перейду теперь къ другой важной отрасли врачебной науки, занимавшей меня въ теченіе многихъ лѣтъ— это госпитальное и военно-врачебное дѣло. Первый большой госпиталь, въ которомъ я началъ мою военно-врачебную дѣятельность, былъ 2-й сухопутный и представлялъ собою не что иное, какъ огромное вмѣстилище госпитальныхъ міазмъ, пагубныхъ и для больныхъ, и для здоровыхъ организмовъ. Далѣе, во время моей первой кавказской экспедиціи я, обозрѣвъ почти всѣ госпитали Кавказа, не нашелъ буквально ни одного раненаго, которому оказано было бы какое-нибудь серьезное хирургическое пособіе, а, напротивъ, встрѣчалъ очень многихъ съ застарѣлыми поврежденіями, находившихся по нѣскольку лѣтъ въ госпиталяхъ безъ всякой помощи. О достопамятной крымской войнѣ еще многое неизвѣстно современникамъ, и многіе изъ нихъ, вѣрно, помнятъ, въ какомъ жалкомъ состояніи находились военно врачебная администрація и полевая хирургія при осадѣ Севастополя. Правда, во время послѣдней восточной войны 1877 г. снова обнаружились и промахи, и недостатки, и злоупотребленія, но не надо забывать, что крымская война была только оборонительная, и велась не внѣ отечества. Но что всего болѣе отличаетъ обѣ войны, это научная дѣятельность врачебнаго персонала и частная помощь. Извѣстно, что всѣ профессора хирургіи русскихъ университетовъ съ ихъ ассистентами уже принимали участіе въ послѣдней войнѣ и про ихъ дѣятельность можно, по-истинѣ, сказать, что они превзошли самихъ себя. Что же касается до частной помощи, то могъ ли я 25 лѣтъ тому назадъ вообразить, что небольшая община, предоставленная мнѣ въ Бозѣ почившей великой княгиней Еленой Павловной для руководства въ госпиталяхъ, будетъ представлять зерно громаднаго учрежденія „Краснаго Креста", располагавшаго огромными средствами въ послѣдней восточной войнѣ и служившаго важнымъ подспорьемъ военно-полевой администраціи.

Итакъ, мм. гг., что касается до правды научной, то настоящее время неизмѣримо ближе къ ней...—

(Соч. Пирогова. Изд. 1910 г. Т. I, стр. 829—832.)

---

257. Женскіе Курсы.

(Изъ восп. И. Сѣченова).

Другой поводъ вспоминать этотъ періодъ петербургской жизни [1]) съ любовью и уваженіемъ—это Бестужевскіе женскіе курсы, гдѣ я былъ преподавателемъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и могъ убѣдиться на дѣлѣ въ серьезномъ значеніи этого истинно-благороднаго учрежденія. Это былъ женскій университетъ о двухъ факультетахъ въ настоящемъ смыслѣ слова, возникшій изъ частной инаціативы и поддерживавшійся почти исключительно своими средствами. Это было въ то же время крайне оригинальное учебное заведеніе, въ которомъ начальница—хорошая, добрая, честная Надежда Васильевна Стасова—и ея помощницы работали даромъ, вкладывая въ дѣло не только всю свою душу, но и собственные карманы, и поддерживали дисциплину въ заведеденіи не строгостями и наказаніями, а любовнымъ отношеніемъ къ воспитанницамъ, уговоромъ и лаской. Что это былъ университетъ, доказательствомъ служитъ систематичность 4-лѣтняго курса, читавшагося профес-

[1]) 70-е годы (съ 1876 г.).

сорами, доцентами университета и даже нѣкоторыми академиками. Я читалъ на курсахъ то же самое и въ томъ же объемѣ, что въ университетѣ, и, экзаменуя ежегодно и тамъ и здѣсь изъ прочитаннаго, находилъ въ результатѣ, что одинъ годъ экзаменуются лучше студенты, а другой—студентки. Помню даже, что за все мое болѣе чѣмъ сорокалѣтнее профессорство самый лучшій экзаменъ держала у меня студентка, а не студентъ,—дочь отъ перваго брака знаменитаго нѣмецкаго раскопщика греческихъ древностей. Да, это была заря высшаго женскаго образованія въ Россіи, и студентки учились прямо-таки съ увлеченіемъ—я не разъ былъ свидѣтелемъ, какъ онѣ занимались въ стѣнахъ своего университета (зданіе курсовъ въ 10-ой линіи Васильевскаго острова) въ послѣобѣденное время. Да и могло ли быть иначе; немногія шли туда отъ скуки или изъ моды, а большинство стремилось сознательно и безкорыстно къ образованію, какъ высшему благу,—говорю „безкорыстно" потому, что оно не давало тогда курсисткамъ никакихъ правъ, а впослѣдствіи даже лишало таковыхъ. Кто зналъ добрую, кроткую начальницу заведенія, для того было напередъ ясно, что тутъ царствовалъ духъ любви и снихожденія; а между тѣмъ жизнь на курсахъ протекала болѣе мирно, чѣмъ въ заведеніяхъ съ строгостями и наказаніями...

(И. Сѣченовъ. Автобіогр. записки, с. 160—1.)

---

258. Въ воскресной школѣ (въ Петербургѣ, 1882).

(Изъ восп. Х. Алчевской).

Побывавъ въ школѣ Варгунина, я узнала, что въ 1 день записалось 150 учениковъ отъ 15 до 40-лѣтняго возраста, второе и третье воскресенья посѣщались довольно аккуратно и охотно; четвертое же воскресенье заставляло задуматься, соберутся ли на этотъ разъ ученики, такъ какъ со дня открытія школы рабочіе на фабрикѣ въ первый разъ получали жалованье (событіе, сопровождаемое обыкновенно чуть не поголовнымъ пьянствомъ). Я не могла не замѣтить, что Н. А. Варгунина немало волновало это обстоятельство. Онъ уговаривалъ меня остаться до слѣдующаго воскресныя, но мы должны были выѣхать не позднѣе субботы, и я рѣшила быть въ школѣ хотя бы и при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ.

Когда мы вошли въ школу въ 12 ч., въ ней не было еще ни одного ученика (въ Петербургѣ воскресныя занятія начинаются въ 1 ч. и оканчиваются въ 4 ч.), но тамъ суетилась уже распорядительница-учительница, очиняя корандаши и сводя счеты за покупку перочинныхъ ножей и пр. Въ другой комнатѣ расхаживалъ учитель, человѣкъ не первой молодости, заложивъ руки за спину и, видимо, погруженный въ какія-то соображенія. Въ третьей комнатѣ двѣ молодыя дѣвушки съ розовыми отъ мороза щеками (онѣ только что пріѣхали по конкѣ за 10 верстъ) оживленно спорили съ молодымъ человѣкомъ—учителемъ.

— Конечно, къ вамъ придутъ, говорилъ онъ горячо, продолжая начатый споръ,—вѣдь у васъ нѣтъ старше 16 лѣтъ! Въ эти годы рѣдко бываютъ пьяницами!

Въ 4 комнатѣ мы увидѣли Н. А. Варгунина и двухъ священниковъ—законоучителей школы. Здѣсь тоже продолжался начатый разговоръ. Не желая мѣшать имъ, мы быстро прошли въ другую комнату. Наконецъ появился первый ученикъ, въ розовой рубахѣ, съ краснымъ шерстянымъ шарфомъ на шеѣ, съ блѣднымъ одутло-

ватымъ лицомъ и сонливымъ видомъ, лѣтъ 15—16. Мальчикъ этотъ оказался ученикомъ именно той учительницы, которой учитель предрекалъ завистливо удачу. Вслѣдъ за нимъ появился другой, третій, и въ половинѣ перваго, раньше чѣмъ нужно, образовалась группа въ полномъ своемъ составѣ. Учительница ходила счастливая и улыбающаяся; учитель съ видимымъ нетерпѣніемъ поглядывалъ на входную дверь. Наконецъ потянулись и взрослые, бородатые ученики; они входили чинно, точно въ церковь, широко крестились и тихо садились на мѣсто. Въ 1 часъ въ школѣ оказалось около 10 преподающихъ, 70 учащихся и нѣсколько человѣкъ, заинтересованныхъ дѣломъ и близко стоящихъ къ нему.

Меня пригласили на урокъ учителя не первой молодости. Передъ нами предстала аудиторія, гдѣ находилось отъ 25 до 30 взрослыхъ людей; всѣ они поступили неграмотными. Рядомъ со смуглымъ человѣкомъ со впалыми щеками, но богатырскими плечами и грудью, сидѣлъ худощавый малый, такъ прилежно выводившій буквы на доскѣ, что сосѣда его, видимо, разбирала зависть, и, когда я взглянула въ ихъ работу, онъ не выдержалъ и замѣтилъ какъ бы въ свое оправданіе: „Ему хорошо—онъ у станка стоитъ, а у насъ работа кузнечная, тяжелая, черезъ это никакъ съ пальцами не совладаешь!“ За ними сидѣлъ мужикъ съ бородой, похожій на кучера, далѣе—толстый, приземистый человѣкъ лѣтъ сорока. Крупныя капли пота выступили у него не то отъ напряженія, не то оттого, что онъ былъ одѣтъ въ какое-то теплое пальто и подпоясанъ, какъ это дѣлаютъ мелкіе торгаши на морозѣ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ молодцеватый парень въ красной рубахѣ и блестящихъ лакированныхъ сапогахъ. Всѣ они напряженно сосредоточились на одной точкѣ—на классной доскѣ и были, очевидно, одушевлены одной цѣлью—научиться грамотѣ. „А отчего твоего товарища нѣтъ?“ спрашивалъ учитель пожилого человѣка, очень приличнаго вида, когда мы входили въ классъ. Тотъ минуту помолчалъ, собираясь, видимо, съ духомъ, а затѣмъ сказалъ не безъ запинки: „Признаться, выпивши... жена не пустила, говоритъ: что ты пойдешь школу срамить!“—„А почему нѣтъ такого-то?“ спросилъ учитель, называя ученика по фамиліи и, видимо, довольный, что у него не достаетъ сегодня всего 2—3 учениковъ. „Въ рекруты взяли, гуляетъ“, отозвался кто-то печально.

Учитель подошелъ къ классной доскѣ и начертилъ букву. „Что это такое?“—„М“, пробасила аудиторія. Онъ написалъ другую. „А это?“—„а“.—„Вмѣстѣ?“—„Ма“. Учитель поставилъ черточку. „Это?“—„ша“—„Это?“—„а“.—„Вмѣстѣ?“—„ша“—„Прочитайте все слово“—„Ма-ша“, читали раздѣльно, но сознательно ученики. „Теперь напишемъ другое слово“,—„Напишемъ“, отозвался кто-то, весь погруженный, очевидно, въ работу. „Это?“ — „ш“.—„Это? — „и“. — „Вмѣстѣ?“—„ши.“—„Это?“ — „л“—„Это?“—„а“.—„Вмѣстѣ?“—„ла“.—„Прочитайте все вмѣстѣ“.—„Ма-ша ши-ла“.—„Что вышло?“—„Маша шила“, произносятъ ученики вполнѣ сознательно и довольные результатами работы. То же было написано у нихъ и въ тетрадяхъ. Учитель придерживается „Новой азбуки“ Толстого и, очевидно, слѣдуетъ буквослагательному способу. На каллиграфію онъ не обращаетъ вниманія, и потому ученики пишутъ некрасиво. Но кто былъ у него въ классѣ, кто видѣлъ оживленіе, которое не покидаетъ его ни на минуту, кто слѣдилъ, какъ умѣетъ онъ ободрить, обласкать взрослаго человѣка, тотъ проститъ ему это отсутствіе новшествъ, тѣмъ болѣе, что его

многочисленная аудиторія на пятое воскресенье вполнѣ сознательно читаетъ и пишетъ фразы въ два и три слова, составленныя, разумѣется, изъ знакомыхъ ей буквъ. Что же дѣлаетъ этотъ учитель съ пропустившими или отставшими учениками, чтобы они не тормозили класса? О, на это у него много средствъ: во-первыхъ, каждое воскресенье одинъ часъ онъ посвящаетъ исключительно повторенію пройденнаго; во-вторыхъ, предлагаетъ болѣе слабымъ ученикамъ оставаться послѣ четырехъ часовъ и, наконецъ, совѣтуетъ забѣгать къ кому-либо изъ преподающихъ на часокъ, другой вечеркомъ впродолженіе недѣли. И вотъ, такъ или иначе, вы видите передъ собою совершенно ровный классъ.

„Слушайте, ребята,—говоритъ учитель на второмъ часѣ, обращаясь вполнѣ дружески къ своей аудиторіи,—подождемъ, что-ли, товарищей, которые нынче не пришли, или нѣтъ?"—„Зачѣмъ ждать, не нужно", замѣчаетъ одинъ изъ учениковъ. „Они будутъ баловаться, а ты жди!" добавляетъ другой. „Нѣтъ, ужъ вы дальше покажите, сдѣлайте милость!" говоритъ третій. „Какъ еще двѣ буквы узнаемъ, веселѣе дѣло пойдетъ!" добавляетъ четвертый. „Я и самъ, братцы, признаться сказать, такъ думаю,—замѣчаетъ учитель и идетъ притворить дверь въ другую комнату, откуда доносится громкій голосъ учителя.—Слышите, тамъ „молодецъ" кому-то говорятъ; значитъ, хорошо идетъ!" говоритъ онъ весело. „Нѣтъ, я такъ замѣчаю, что у насъ *т в е р ж е* идетъ", отвѣчаетъ одинъ изъ пожилыхъ учениковъ съ чувствомъ гордости за свой классъ. „Выходите, господа, по очереди къ доскѣ", говоритъ дружески учитель. Первымъ выходитъ старательный кузнецъ съ одеревянѣлыми пальцами. Онъ беретъ мѣлъ, нервно улыбается и не рѣшается поднять руку для проведенія первой черты. „Ничего, ничего, смѣлѣе!—одобряетъ его учитель, похлопывая пріятельски по плечу.—Ну не такъ выведешь, что за бѣда! Разъ не такъ, другой не такъ, а послѣ и такъ. Сразу ничему нельзя научиться". Кузнецъ рѣшается и выводитъ пребезобразную букву, но никто не смѣется, каждый погруженъ въ собственныя каракули на тетрадяхъ.

Ариѳметикѣ учитель тоже учитъ по-своему: каждый ученикъ вооруженъ счетами, а учитель—кускомъ мѣла. Онъ пишетъ на классной доскѣ то, что ученики кладутъ на счетахъ, объясняетъ значеніе мѣстъ въ нумераціи, значеніе нуля, и, такимъ образомъ, ученики дошли теперь, въ пятое воскресенье, до 1.000 и, къ своему величайшему удовольствію, умѣютъ писать ее.

Ознакомясь въ достаточной степени съ пріемами преподаванія талантливаго учителя, я перешла въ смежный классъ. Тутъ занималась одна изъ опытныхъ учительницъ городскихъ школъ, не первой молодости. Группа ея состояла изъ подростковъ и взрослыхъ. Она толково и увѣренно вела классъ. Въ эту минуту дверь пріотворилась; какая-то полупьяная физіономія заглянула въ нее и, сдѣлавъ учительницѣ вызывающій знакъ рукою, притворила дверь. Учительница быстро подошла и спросила: „Что вамъ нужно?"—„Простите, матушка,—говорилъ почтительно сиплый голосъ,—нездоровъ я сегодня, хмеленъ; только вы меня, Бога ради, не вычеркивайте: будь я проклятъ—приду въ будущее воскресенье!" Онъ тихонько притворилъ дверь и скрылся.

Урокъ кончился. Мнѣ захотѣлось еще разъ взглянуть, что дѣлается у учителя, и я вошла въ его классъ. Онъ предлагалъ своимъ ученикамъ оставаться для занятій на 4 часъ. Оказалось, что желаютъ остаться не только отстающіе, а и весь классъ, за

исключеніемъ одного, который, вытянувшись во весь свой огромный ростъ, сказалъ почтительно, какъ маленькій ребенокъ: „Позвольте мнѣ домой уйти: я въ 4 часа гостей къ себѣ позвалъ!“—„Ступайте,—сказалъ весело учитель,—мы будемъ повторять только старое.“

(Алчевская. Передуманное и пережитое, стр. 409—413.)

XLVII. Кавказъ и Средняя Азія.

259. Пушкинъ. Изъ „Путешествія въ Эрзерумъ“.

...Съ Екатеринограда начинается военная грузинская дорога: почтовый трактъ прекращается. Нанимаютъ лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачій и пѣхотный и одна пушка. Почта отправляется два раза въ недѣлю, и проѣзжіе присоединяются къ ней: это называется оказіей. Мы дожидались недолго. Почта пришла на другой день, и на третье утро въ 9 часовъ мы были готовы отправиться въ путь. На сборномъ мѣстѣ соединился весь караванъ, состоявшій изъ пятисотъ человѣкъ или около. Пробили въ барабанъ. Мы тронулись. Впередъ поѣхала пушка, окруженная пѣхотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдатокъ, переѣзжающихъ изъ одной крѣпости въ другую; за ними заскрипѣлъ обозъ двухколесныхъ аробъ. По сторонамъ бѣжали конскіе табуны и стада воловъ. Около нихъ скакали ногайскіе проводники въ буркахъ и съ арканами. Все это сначала мнѣ очень нравилось, но скоро надоѣло. Пушка ѣхала шагомъ, фитиль курился, и солдаты раскуривали имъ трубки. Медленность нашего похода (въ первый день мы прошли только пятнадцать верстъ), несносная жара, недостатокъ припасовъ, безпокойные ночлеги, наконецъ безпрерывный скрипъ ногайскихъ аробъ выводили меня изъ терпѣнія. Татары тщеславятся этимъ скрипомъ, говоря, что они разъѣзжаютъ какъ честные люди, не имѣющіе нужды укрываться. На этотъ разъ пріятнѣе было бы мнѣ путешествовать не въ столь почтенномъ обществѣ. Дорога довольно однообразная: равнина, по сторонамъ холмы. На краю неба—вершины Кавказа, каждый день являющіяся выше и выше. Крѣпости, достаточныя для здѣшняго края, со рвомъ, который каждый изъ насъ перепрыгнулъ бы въ старину не разбѣгаясь, съ заржавѣвшими пушками, не стрѣлявшими со временъ графа Гудовича, съ обрушеннымъ валомъ, по которому бродитъ гарнизонъ курицъ и гусей. Въ крѣпостяхъ нѣсколько лачужекъ, гдѣ съ трудомъ можно достать десятокъ яицъ и кислаго молока...

Черкесы насъ ненавидятъ. Мы вытѣснили ихъ изъ привольныхъ пастбищъ; аулы ихъ разорены, цѣлыя племена уничтожены. Они часъ отъ часу далѣе углубляются въ горы и оттуда направляютъ свои набѣги. Дружба мирныхъ черкесовъ ненадежна; они всегда готовы помочь буйнымъ своимъ единоплеменникамъ. Духъ дикаго ихъ рыцарства замѣтно упалъ. Они рѣдко нападаютъ въ равномъ числѣ на казаковъ, никогда на пѣхоту, и бѣгутъ, завидя пушку. Зато никогда не пропустятъ случая напасть на слабый отрядъ или на беззащитнаго. Почти нѣтъ никакого способа ихъ усмирить, пока ихъ не обезоружатъ, какъ обезоружили крымскихъ татаръ, что чрезвычайно трудно исполнить, по причинѣ господствующихъ между ними наслѣдственныхъ распрей и мще-

нія крови. Кинжалъ и шашка суть члены ихъ тѣла, и младенецъ начинаетъ владѣть ими прежде, нежели лепетать. У нихъ убійство—простое тѣлодвиженіе. Плѣнниковъ они сохраняютъ въ надеждѣ на выкупъ, но обходятся съ ними съ ужаснымъ безчеловѣчіемъ, заставляютъ работать сверхъ силъ, кормятъ сырымъ тѣстомъ, бьютъ, когда вздумается, и приставляютъ къ нимъ для стражи своихъ мальчишекъ, которые за одно слово въ правѣ ихъ изрубить своими дѣтскими шашками. Недавно поймали мирного черкеса, выстрѣлившаго въ солдата. Онъ оправдывался тѣмъ, что ружье его слишкомъ долго было заряжено. Что дѣлать съ такимъ народомъ? Должно, однакожъ, надѣяться, что пріобрѣтеніе восточнаго края Чернаго моря, отрѣзавъ черкесовъ отъ торговли съ Турціей, принудить ихъ съ нами сблизиться. Вліяніе роскоши можетъ благопріятствовать ихъ укрощенію: самоваръ былъ бы важнымъ нововведеніемъ. Есть, наконецъ, средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе евангелія; но объ этомъ средствѣ Россія донынѣ и не подумала...

(Соч. Пушкина. Изд. Павленкова, с. 1300—1302).

---

260. Письмо А. Марлинскаго о Кавказской войнѣ.

Октября 24 дня, 1834 года
Берегъ Чернаго моря.

Ура, мы въ Гиленджикѣ! Мы штыками проторили дорогу отъ Кубани до Чернаго моря, сквозь неприступныя доселѣ ущелія, чрезъ подоблачные хребты, подъ градомъ пуль и стрѣлъ, и камней, и картечей!

Могущее слово Николая набросило намъ мостъ на пропасти, сгладило горы въ уровень. Великая мысль увѣнчалась великимъ исполненіемъ: безстрашный вождь нашъ наступилъ твердой стопою на гнѣздо самыхъ дерзкихъ и воинственныхъ грабителей Черноморья...

Казалось, сама природа пошла на брань за горцевъ и хотѣла отстранить насъ непогодою отъ желанія идти далѣе. Бурный ливень съ градомъ и вихремъ билъ прямо въ глаза до того, что кони подъ бичемъ упирались и обращались назадъ. Но такая буря, замедляя нашъ ходъ, помѣшала и сборищамъ и стрѣльбѣ Черкесовъ. Мы прошли $9^1/_2$ верстъ съ неважными схватками. Авангардъ посланъ былъ впередъ для того, чтобъ найдти и взять завалъ (какъ извѣстно стало черезъ лазутчиковъ), устроенный на дорогѣ. Мы нашли этотъ огромный завалъ пустымъ и покинули въ пеплѣ. Дождь лилъ волною всю ночь; солдаты всю ночь на пролетъ толпились вокругъ бивачныхъ костровъ.

На утро блеснуло солнце, и съ первымъ лучемъ его завязалось жаркое авангардное дѣло. Горцы, какъ змѣи, ползли со всѣхъ крутинъ и съ шашками кидались на нашихъ стрѣлковъ, но въ полчаса были выбиты изъ лѣсу штыками, развѣяны пушками съ полянъ, и мы по ихъ трупамъ, по тропамъ залитымъ кровью двинулись впередъ, вездѣ встрѣчаемые убійственнымъ свинцомъ, вездѣ сметая непріятеля долой съ утесовъ. Тяжко стонали горы отъ пальбы, отъ кликовъ битвы; всѣ ущелія дышали на насъ дымомъ и пламенемъ зажженныхъ врагами ауловъ, сѣна и проса: точно самъ адъ вырвался на землю. Павшій мракъ разлучилъ сражающихся. Мы ночевали на оружіи у воротъ въ тѣснину, при сліяніи рѣкъ Абина и Атаквафа.

Трудны были два предшедшіе дня, но разсвѣтъ оказалъ, что это были цвѣтки въ сравненіи съ тѣмъ, что насъ ожидало. Конная тропинка, часто

пересѣкающая ложе Атаквафа, исчезала въ дремучемъ лѣсу. Грозныя скалы, заросшія колючкой, изрытыя потоками, недоступныя взору, не только стопѣ воина, вздымались справа и слѣва, и всѣ гребни были усѣяны, всѣ засады полны врагами, горящими жаждою мести и отличія, поклявшимися умереть, не пуская Русскихъ впередъ. Но что невозможно для Русскихъ, предводимыхъ Вельяминовымъ? Звонъ топоровъ слился съ громомъ выстрѣловъ. Медленно подвигались мы впередъ, просѣкая и разрывая дорогу по дну ущелія, покупая боемъ каждую пядь земли и боемъ равнаго оружія, ибо артиллерія не могла досягать на гребни; со всѣмъ тѣмъ мы подвигались. Кровь лилась съ обѣихъ сторонъ, остервѣненіе Черкесовъ и мужество Русскихъ росли. Стрѣлковыя цѣпи наши карабкались по обрыву за корни деревъ, встрѣчая на каждомъ шагу засѣки и засады; стрѣлялись въ упоръ, дрались въ рукопашную. Раненые катились внизъ колесомъ, убитые стремглавъ падали въ пропасть. Наконецъ условный бой барабановъ съ обѣихъ высотъ возвѣстилъ авангарду, что на дорогѣ виденъ завалъ, а залпъ, встрѣчу намъ посланный, доказалъ это. Въ одинъ мигъ онъ былъ обойденъ и взятъ на ура; въ одну минуту разломанъ и срытъ съ корня. И вотъ передъ нами по крутой, голой скалѣ открылась конная тропинка; но раздалось—„саперы впередъ", и черезъ 2 часа вырубленная въ крѣпкомъ камнѣ дорога разостлалась подъ обозъ широкимъ и пологимъ спускомъ, хоть сейчасъ перенести на Московское шоссе. А между тѣмъ непріятель не переставалъ дерзко напирать на авангардъ и аріергардъ. Съ неприступныхъ вершинъ порой летѣли картечи изъ ихъ орудій. Многіе стрѣлки были ранены каменьями и стрѣлами. Ужъ давно была ночь, когда мы стали, совершивъ пять верстъ пути. Переправа обоза черезъ Атаквафъ, по скользкому каменному дну, стоила невѣроятныхъ трудовъ и длилась за полночь.

Разсвѣлъ 4-й день. Перестрѣлка будто эхо отвѣтила на звонъ зоревыхъ роговъ. Мы поднялись, и чѣмъ далѣе, тѣмъ непроходимѣе становилось ущелье. Горы сходились, будто грозя удушить насъ; лѣсъ заплеталъ дорогу терномъ. Мы должны были прорубаться сквозь чащу, скрывать и заваливать спуски въ плитнякѣ, а между тѣмъ жаркій бой кипѣлъ кругомъ. Ура заглушало гиканье враговъ, ревъ артиллеріи покрывалъ перестрѣлку; но чуть минутный отдыхъ прерывалъ битву, удалыя Русскія пѣсни застрѣльщиковъ гремѣли по утесамъ Кавказа: смертный пиръ былъ у насъ не безъ гимновъ. Скажите, не весело ли драться и умирать впереди такихъ солдатъ?... [1]).

(Черезъ 2 дня).

Дорога, избранная начальникомъ войскъ, уже змѣей вилась въ гору по дну ручья. Работа кипѣла, камень горѣлъ подъ кирками; громады, взорванныя порохомъ, разлетались въ иверни, саперы творили чудеса. Довольно сказать, что 20 числа разработка достигла до перевала горы, прозванной солдатами Вельяминовскою [2]). На верху ея водрузили крестъ, найденный въ одномъ изъ ауловъ. Остатокъ забытой Черкесами христіанской вѣры, онъ возникъ предтечею побѣды креста надъ луною, вѣстникомъ обновленія этого края Русскими.

Тяжкая разработка въ живой скалѣ порохомъ и желѣзомъ производилась уже по спуску къ морю, когда артиллерія, паркъ и обозы поднялись на хребетъ не безъ усилій, но безъ ломки. Всѣ тяжести ночевали на горѣ.

---

[1]) Черезъ три года писавшій это самъ погибъ въ одинъ изъ такихъ походовъ. П. Б.

[2]) По имени генерала, командовавшаго отрядомъ.

22-го сквозь тучи, летящія подъ ногами, колонна стала спускаться. Непріятели съ дальныхъ вершинъ съ отчаяніемъ глядѣли на нашъ торжественный ходъ; на славу Европы, вторгающейся въ Азію. Они убѣдились, что всѣ думы и предреканія ихъ о невозможности совершить этотъ страшный переходъ обратились въ ложь; что всѣ усилія ихъ отваги, возвышенной привычкою и познаніемъ мѣстности, остались напрасны передъ беззавѣтною храбростью Русскихъ... Безсильныя пули ихъ падали къ нашимъ ногамъ...

(Рус. Арх. 1877 г., № 9, с. 106—109.)

---

261. Взятіе Шамиля.

(Разсказъ волонтера Карамана Самвелова.)

...Съ 24 на 25 августа, въ день назначенный для штурма Гуниба, я съ сотнею Акушинской милиціи былъ назначенъ въ составъ конвоя главнокомандующаго, для сопровожденія его на Гунибъ, куда предполагалась поѣздка его, если штурмъ будетъ удаченъ.

Съ разсвѣтомъ, въ четыре часа, какъ только дали знать, что солдаты уже показались на среднемъ плато Гуниба, мы тотчасъ-же сѣли верхами и съ нетерпѣніемъ ожидали выѣзда главнокомандующаго, который, спустя нѣсколько времени, выѣхалъ изъ лагеря; на встрѣчу къ намъ прискакалъ офицеръ съ извѣстіемъ, что баталіонъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка уже на верхнемъ Гунибѣ. Конечно, какъ только штыки апшеронцевъ показались на самомъ верхнемъ Гунибѣ, такъ въ то-же самое время съ четырехъ сторонъ наши войска начали штурмовать Гунибъ, и съ такимъ хладнокровіемъ и быстротою солдаты поднимались по скаламъ, что Шамиль, считая дальнѣйшее сопротивленіе безполезнымъ и гибельнымъ для себя, тотчасъ-же съ своимъ гарнизономъ заперся въ аулѣ.

Наконецъ, переправившись въ бродъ чрезъ Кара-Койсу, мы пріѣхали на Гунибъ. Главнокомандующій остановился въ рощѣ, которая была отъ аула въ разстояніи полу-версты, а милиція поскакала въ деревню, гдѣ я съ сотнею сталъ противъ самой мечети, въ которой былъ Шамиль. Затѣмъ всѣ войска, окружившія аулъ, начали кричать ура, которое навело на защитниковъ Гуниба такой паническій страхъ, что Шамиль, не понимая въ чемъ дѣло и принимая это за сигналъ штурма, по совѣщанію съ приверженцами послалъ Чиркеевскаго юнуса къ генералъ-адъютанту барону Врангелю съ просьбою пріостановить штурмъ, ибо Шамиль рѣшилъ теперь явиться къ главнокомандующему, вслѣдствіе чего сдѣлано было распоряженіе прекратить перестрѣлку и ожидать особаго приказанія. Юнусъже нѣсколько разъ приходилъ къ барону Врангелю съ разными просьбами отъ Шамиля и между прочимъ просилъ о томъ, чтобы прислали къ нему одно изъ довѣренныхъ лицъ и чтобы отстранили всѣхъ татаръ, находившихся около дороги, потому что Шамиль не желаетъ при своемъ выходѣ быть видимымъ его народу..... Такимъ образомъ въ минуту паденія своего Шамиль, бывшій въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ на глазахъ горцевъ грознымъ и могущественнымъ, теперь избѣгалъ встрѣчи съ ними.

Между тѣмъ вся милиція столпилась около дороги; не было никакой возможности отогнать милиціонеровъ въ сторону, ибо каждый изъ нихъ съ особеннымъ желаніемъ порывался впередъ, чтобы посмотрѣть на грознаго нѣкогда имама, о которомъ доводилось имъ слышать очень и очень многое. Дѣйствительно, мнѣ самому было извѣстно, что бѣжавшіе къ намъ

горцы, чтобы произвести впечатлѣніе на мирныхъ жителей, съ большими прибавленіями описывали достоинство Шамиля и его наружность, ростъ, и даже говорили, что у него пальцы на вершокъ длиннѣе противъ обыкновенныхъ людей..... Мнѣ доводилось также слышать отъ людей, учившихся вмѣстѣ съ Шамилемъ во владѣніяхъ Шамхала—Тарковскаго, что Шамиль и въ молодости отличался замѣчательными умственными способностями, твердымъ характеромъ и былъ чрезмѣрно ловокъ, такъ что во всѣхъ гимнастическихъ упражненіяхъ превосходилъ всѣхъ своихъ товарищей и что никто изъ нихъ не въ состояніи былъ сдѣлать того, что выдѣлывалъ по части гимнастики Шамиль.

Наконецъ, Шамиль двинулся изъ аула въ сопровожденіи полковника Лазарева;—онъ былъ верхомъ; человѣкъ двадцать самыхъ близкихъ его приверженцевъ, съ ружьями въ рукахъ, окружали имама, слѣдуя пѣшкомъ за нимъ; въ это время чиркеевскій митликъ Муртузали намекалъ Шамилю, что „между ними и раемъ остается всего одинъ аршинъ разстоянія“, т.-е., что въ ту минуту, когда Шамиль будетъ сидѣть около главнокомандующаго, слѣдовало бы непремѣнно учинить газаватъ (война за вѣру и убиваніе невѣрныхъ). Муртузали еще прежде совѣтовалъ Шамилю не ѣхать на Гунибъ, а остаться въ предѣлахъ Чечни и раздать если не всѣ, то по крайней мѣрѣ, половину своихъ денегъ чеченскимъ вліятельнымъ лицамъ, которыя никогда не выдадутъ Шамиля русскимъ, и что въ Чечнѣ онъ будетъ въ безопасности, пока настанетъ зима, а съ нею, можетъ быть, перемѣнятся и обстоятельства...

Когда мы совсѣмъ приблизились къ рощѣ, гдѣ сидѣлъ главнокомандующій, полковникъ Лазаревъ объявилъ приверженцамъ, окружившимъ Шамиля, что они должны оставить имама и отправиться назадъ, потому что Шамиль одинъ долженъ явиться къ намѣстнику; мюриды сперва наотрѣзъ отказали, но Лазаревъ съ умѣньемъ успѣлъ склонить ихъ удалиться, говоря, что онъ ручается за Шамиля, и что мюриды теперь должны караулить семейство его, о которомъ обязаны заботиться; и вотъ наконецъ, послѣ долгихъ совѣщаній, мюриды воротились въ аулъ...

На другой день отслужили молебенъ и въ глазахъ Шамиля всѣ войска, въ числѣ коихъ была и милиція вновь покореннаго края, церемоніальнымъ маршемъ прошли мимо князя Барятинскаго. Воображаю, что въ это время происходило въ душѣ Шамиля! Горцы, которые недавно были подъ владычествомъ его, теперь проходили церемоніальнымъ маршемъ подъ русскую музыку; сорокъ разноцвѣтныхъ значковъ, въ теченіе 25 лѣтъ развѣвавшихся передъ Шамилемъ, теперь были разбиты вокругъ палатки главнокомандующаго. Одновременно съ потерею власти Шамиль лишился всѣхъ тѣхъ драгоцѣнностей, которыя онъ пріобрѣлъ въ теченіе 25 лѣтъ; все его имущество перешло въ разныя руки и напослѣдокъ у повелителя обширныхъ владѣній не осталось даже сажени земли, гдѣ моглибы покоиться его останки.

Наконецъ, главнокомандующій поѣхалъ въ Тифлисъ, а Шамиль отправился въ Калугу.

(„Кавказъ“, 1876 г., № 15 и 17.)

---

262. Въ первый разъ подъ Геокъ-Тепэ.

(По восп. А. Верещагина).

...Подъѣзжаемъ къ Яшнь-Батырь-калѣ [1]. Она оказывается пустая. Отрядъ

[1] Укрѣпленіе.

занимаетъ ее и располагается въ садахъ.

Я поскорѣй отдаю свою лошадь казаку, скидая съ себя все, что было лишняго, ружье, черкеску, шашку, бинокль и бѣгомъ направляюсь къ передней глиняной стѣнкѣ, взбираюсь на нее и съ жадностью смотрю впередъ. Отсюда, на горизонтѣ, уже гораздо отчетливѣе виднѣется сѣрая вершина кургана. Долина вся покрыта рѣдкимъ, выгорѣвшимъ отъ солнца, буроватымъ саксауломъ. Вправо, верстахъ въ двухъ, тянутся все тѣ-же горы Копетъ-Дагъ; влѣво все тѣ-же безконечные, рыжеватые пески.

Въ это время, вблизи меня, образуется порядочная толпа офицеровъ, солдатъ и казаковъ. Всѣ они подошли къ стѣнкѣ, чтобы посмотрѣть, не видно-ли текинцевъ.

— Воо-о-онъ текинцы! восклицаю я, продолжая глядѣть въ бинокль. — Вонъ еще, еще, ой-ой, сколько ихъ оттуда выползаетъ.

— А лѣвѣе-то, маіоръ, видите, сколько ихъ показывается за той калой, говоритъ мнѣ, басистымъ голосомъ, красивый, молодцоватый капитанъ Полковниковъ, съ большими усами, въ бѣломъ кителѣ, съ шашкой черезъ плечо. Онъ взобрался рядомъ со мной на стѣнку и тоже смотритъ въ бинокль.

Изъ-за гребня холма, точно муравьи, начинаютъ появляться текинцы, все конные. Они длинными, темными вереницами спускаются немного въ нашу сторону, останавливаются верстахъ въ пяти, слѣзаютъ съ лошадей и сбираются въ кучи, разсуждать, вѣроятно, о нашей смѣлости. Вотъ двое, похрабрѣе, подбираются къ намъ очень близко и останавливаются. Я впиваюсь въ нихъ глазами.

Тотъ, что поближе, сидитъ на превосходной буланой лошади. Черная борода его вокругъ смуглаго лица ярко оттѣняется высокой мохнатой бѣлой папахой; халатъ свѣтло-коричневый, черезъ плечо шашка, за спиной ружье съ рогатками. Онъ внимательнымъ, гордымъ взглядомъ осматриваетъ лагерь. Но вотъ изъ передовой цѣпи кто-то выстрѣлилъ въ нихъ. Оба текинца, точно ужаленные, бросаются въ стороны, затѣмъ останавливаются, еще разъ пристально смотрятъ на лагерь, и широкимъ, растяжнымъ галопомъ направляются къ своимъ, размахивая локтями, какъ крыльями, точь въ точь какъ наши мужики.

По мѣрѣ того, какъ текинцы выползаютъ изъ своего гнѣзда, позади меня раздаются восклицанія:

— Экъ ихъ сколько валитъ, братецъ ты мой! Сила, да и только! Равно муравьи, кишмя кишатъ!

— А на курганѣ-то видишь?—говоритъ казачій урядникъ своему товарищу.

— Гдѣ на курганѣ?

— Да вонъ что возлѣ горъ, вонъ, направо-то. И указываетъ плетью.

Я тоже смотрю по указанному направленію, и вижу невысокій курганчикъ. Его плоская вершина вся покрыта пѣшими и конными текинцами.

— И гдѣ намъ тутъ съ ними справиться!.. слышатся возгласы. Много-ли насъ, всего ничего, а ихъ вишь сила какая! Тышчи (тысячи)!

Въ это время проходятъ мимо меня два молоденькихъ офицера, одинъ высокій, хорошенькій брюнетъ, другой низенькій, некрасивый, съ толстыми губами, въ очкахъ. Они толкуютъ между собой...

— Три роты, развѣ этого довольно?.. Что три роты!.. Казаковъ текинцы не боятся. Только отстань они отъ пѣхоты, такъ ихъ сейчасъ и изрубятъ!

— Да, конечно, поддакиваетъ другой, только на орудія, да на пѣхоту и надежда.

Кучка пѣхотинцевъ въ бѣлыхъ рубахахъ, подпоясанныхъ ремешками, стоятъ въ сторонкѣ и тоже разсужда-

ютъ. Одинъ изъ нихъ зѣваетъ, крестится и вполголоса смиренно говоритъ:

— Помоги Господи нашему генералу уйти отсюда по добру, по здорову. Экъ ихъ какая сила, все валитъ да валитъ, и конца нѣтъ!

Другой солдатикъ, низенькій, черненькій, усатый, приставивъ ладонь къ козырьку, чтобы удобнѣе защититься отъ солнца, смотритъ на толпы непріятеля и, постоявъ немного, съ недовольныхъ видомъ уходитъ, ворча себѣ что-то подъ носъ. Изъ его ворчанья я слышу только слова:—„Востры были и до него, да“...

Текинцы, видя что съ нашей стороны нѣтъ никакого движенія, спокойно сидятъ и разсуждаютъ. Стѣнка, гдѣ стою, понемногу пустѣетъ, публика расходится. Я тоже отправляюсь въ садъ и нахожу своихъ товарищей подъ деревомъ. Они всѣ улеглись отдохнуть.

Неподалеку, подъ другимъ деревомъ, ходитъ Скобелевъ, безъ фуражки, китель разстегнутъ; георгіевскій крестъ на черномъ галстукѣ ярко выдѣляется. Дѣлая жесты руками, онъ что-то диктуетъ полковнику Гродекову. Тотъ старательно пишетъ, изрѣдка поправляя очки; иногда-же прерываетъ работу, снимаетъ фуражку, прикладываетъ указательный палецъ къ лысинѣ и, нажимая имъ, заставляетъ скатываться потъ на землю, послѣ чего снова принимается за работу.

— Верещагинъ! слышу голосъ генерала.—Я вскакивая, наскоро натягиваю черкеску, надѣваю шашку и бѣгу.

— Вамъ конечно извѣстно, что мы завтра предпринимаемъ рекогносцировку Геокъ-Тепэ. Вы-же останетесь здѣсь, запретесь вонъ въ той калѣ съ командой, и въ случаѣ нападенія должны защищаться во что-бы то ни стало. Я на васъ полагаюсь. Не забудьте, что кала будетъ служить намъ базой. Вотъ вамъ предписаніе. Ступайте, займитесь укрѣпленіемъ и расчисткой эспланады.

За работой ночь прошла незамѣтно. Въ четвертомъ часу утра я уже сижу на стѣнкѣ, выходящей фронтомъ къ горамъ, и смотрю, какъ нашъ отрядъ выступаетъ изъ садовъ. Все, что могло стѣснить его, оставлено въ калѣ: всѣ лишнія вьючныя лошади, повозки и фургоны. Вообще отрядъ былъ сформированъ такъ, что мгновенно могъ быть повороченъ въ любую сторону.

Отрядъ вытянулся сплошной колонной, и тихо, безъ шуму, приближается къ кургану, что находился верстахъ въ трехъ отъ насъ. Нѣсколько десятковъ джигитовъ, съ Нефесъ-Мергеномъ [1]) во главѣ, скачутъ впереди. Я всматриваюсь въ бинокль и вижу, что за курганомъ, въ тѣни, совершенно незамѣтно для отряда, притаилась большая партія текинцевъ. Я боюсь, что они неожиданно выскочатъ на нашихъ и произведутъ переполохъ. Напрасное опасеніе: джигиты молодцы! Они совершенно какъ ищейки напали на слѣдъ прижавшагося непріятеля и обнаружили его.

Необыкновенно стремительно выносятся текинцы изъ-за кургана. Въ нихъ съ шумомъ летитъ маленькій, черненькій ракетный снарядъ, оставляя за собой въ воздухѣ дугообразный бѣлый хвостъ, за нимъ другая граната, третья,—и непріятель поворачиваетъ и скачетъ назадъ,

Какъ только тронулся нашъ отрядъ изъ Яшнь-Батырь-калы, съ кургана Денгиль-Тепэ раздается глухой, раскатистый пушечный выстрѣлъ [2]). Съ кургана поднимается точно облако, бѣлый клубъ дыму. Выстрѣлъ этотъ—вѣстовой; онъ служитъ сигналомъ тревоги, за нимъ всѣ защитники Геокъ-

[1]) Туркменъ, сопровождавшій Скобелева еще въ его Туркестанскихъ походахъ.

[2]) У текинцевъ была въ крѣпости одна пушка, отнятая ими у персовъ. Стрѣляли изъ нея каменными ядрами.

Тепэ должны спѣшить на встрѣчу врагу. И дѣйствительно, не прошло часу, какъ вся долина передо мной покрывается всадниками,—да какими чудными, красивыми всадниками! Вотъ я на минуту оставляю отрядъ и смотрю влѣво къ пескамъ, и тамъ текинцы, смотрю вправо къ горамъ—и тамъ тоже текинцы. Ищу нашъ отрядъ,—гдѣ онъ, не могу найти, онъ потерялся, какъ челнъ въ морскихъ волнахъ! Во-о-отъ онъ, должно быть! И я вижу, какъ отъ одной темной кучки, окруженной разсѣившимися всадниками, мелькаютъ во всѣ стороны пушечные огни и поднимаются клубы дыму. Мнѣ, съ вышины, удивительно хорошо было наблюдать это зрѣлище. Нигдѣ ни одно большое сраженіе въ турецкой кампаніи не производило на меня такого впечатлѣнія.

Воздухъ чистъ, прозраченъ и на столько свѣжъ, что дрожь пробѣгаетъ по тѣлу. Только-что показавшееся изъ-за красноватыхъ песковъ золотистое солнце рѣзко очертило передо мной, на темно-синемъ небѣ, зубчатыя вершины скалистыхъ горъ. Возлѣ меня все тихо. Гарнизонъ, собравшись на передней стѣнкѣ, съ замираніемъ сердца смотритъ и прислушивается. Въ нѣсколькихъ верстахъ передъ нимъ тысячи текинцевъ, тѣхъ самыхъ, которые еще такъ недавно порубили сотни нашихъ солдатъ, какъ бѣшеные, крутятся вовлѣ отряда, визжатъ, кричатъ, то сбираются въ кучи, то опять разлетаются. Они, какъ-бы заранѣе увѣренные въ легкой побѣдѣ, видимо очумѣли отъ радости: вотъ какая отличная добыча идетъ имъ прямо въ руки!

Здѣсь я долженъ прибавить, что до этого дня, изъ всѣхъ разсказовъ, слышанныхъ мною о текинской конницѣ, объ удивительной легкости и выносливости ихъ лошадей, я составилъ представленіе, что это какая-то страшная, непобѣдимая сила. Недавное пораженіе нашихъ войскъ подъ Геокъ-Тепэ сильно настроило воображеніе нашего отряда. Замѣтно было, что какъ солдаты, такъ и нѣкоторые офицеры, неособенно-то сочувствовали этой рекогносцировкѣ и не ожидали благополучнаго исхода. Но Скобелевъ не даромъ послужилъ въ Туркестанѣ. Онъ хорошо изучилъ азіятовъ и былъ увѣренъ, что крѣпко сплоченный отрядъ, хотя и небольшой, но руководимый опытнымъ начальникомъ, непобѣдимъ для текинцевъ. Они были слишкомъ легки, неустойчивы, недостаточно дружны, чтобы, не взирая на ружейные залпы и пушечные выстрѣлы, могли броситься въ атаку на пѣхоту и врубиться въ нее. Кромѣ боязни лично за самихъ себя, текинцы чрезвычайно опасались потерять своихъ чудесныхъ дорогихъ коней.

Вотъ, съ лѣвой стороны отряда, скопляется цѣлая туча текинцевъ—больше, больше, больше, уже она готова броситься на отрядъ, готова совершенно задавить его. Сердце мое замираетъ, кровь застываетъ въ жилахъ.—Отрядъ на минуту оставливается, орудія быстро поварачиваются, лошади отъѣзжаютъ прочь, мелькаютъ огни, клубы дыма вспыхиваютъ, и я отчетливо вижу, какъ въ прозрачномъ, утреннемъ, еще не нагрѣвшемся воздухѣ, разрывается шрапнель. Но едва только мелькнулъ огонекъ въ первомъ орудіи, едва только дымъ показался, а шрапнель еще и не думала разрываться, какъ вся аттакующая масса, съ воемъ поворачиваетъ назадъ, и несется. Уже и шрапнель разорвалась въ воздухѣ бѣлымъ клубочкомъ, и дымки отъ пуль перестали куриться на землѣ и артиллеристы снова на передки взяли орудія, а текинцы все еще продолжаютъ бѣшено скакать, съ ужасомъ оглядываясь и ожидая надъ головами своими осколковъ снарядовъ.

Только что артиллеристы успѣли отбить эту толпу, какъ уже со стороны

горъ накопляется другая, еще грознѣе и темнѣе. Ихъ ножи въ зубахъ, шашки на-голо такъ и сверкаютъ на солнцѣ. „Алла, алла!“ ревутъ текинцы, и вотъ-вотъ готовы ринуться и уничтожить горсть храбрецовъ.

Но огни снова мелькаютъ, и снова въ воздухѣ, надъ головами текинцевъ, появляются бѣлые красивые клубочки отъ разорвавшейся шрапнели. Точно подхваченная вѣтромъ, летитъ назадъ текинская кавалерія, съ той-же быстротой, но не съ тѣмъ-же счастіемъ: нѣсколько лошадей, потерявъ сѣдоковъ, мечутся въ разные стороны, путаясь въ длинныхъ поводахъ. За ними бросаются одиночные текинцы, и не будучи въ состояніи изловить, съ крикомъ размахиваютъ руками и гонятъ лошадей прочь отъ отряда.

Часовъ около 4-хъ пополудни, снова послышались пушечные выстрѣлы, затѣмъ изъ-за холма показался и самый отрядъ. Вокругъ него съ воемъ скакали и кружились дикіе текинцы, точно разъяренные псы вокругъ утомленной добычи. Отрядъ подвигался все въ томъ-же сомкнутомъ, сжатомъ строѣ, все такъ-же отстрѣливаясь во всѣ стороны. Непріятеля теперь уже далеко не такъ много, какъ было утромъ. Онъ уже не скучивается въ огромныя сплошныя толпы, а держится въ разсыпную. Большая половина изъ нихъ, очевидно, предпочла возвратиться къ себѣ въ Геокъ-Тепэ, потерявъ на этотъ разъ надежду сломить стойкость маленькаго русскаго отряда.

Чѣмъ ближе подвигался отрядъ къ калѣ, тѣмъ больше покидалъ его непріятель. Солнце уже было не высоко. Отъ зубчатыхъ вершинъ горъ падали въ нашу сторону длинныя темныя тѣни, когда я выѣхалъ за сады Ягинь-Батырь-калы, навстрѣчу Скобелеву. Генералъ, въ грязномъ, пыльномъ кителѣ, потный, загорѣлый, сидѣлъ уже не на сѣрой кобылѣ, на которой выѣхалъ съ утра, ее уже ранили, а на бѣломъ „Шейновѣ“. Начальникъ штаба, конвой, офицеры ѣхали за нимъ, тоже усталые и пыльные, но всѣ счастливые и довольные. Отрядъ возвращался благополучно. За нимъ вдали все еще виднѣлось нѣсколько сотъ самыхъ назойливыхъ текинцевъ.

— Ну что, батенька, какъ у васъ, все благополучно? еще издали спрашиваетъ меня генералъ своимъ картавымъ, пріятнымъ голосомъ.—А я боялся за васъ, думалъ, что на васъ тутъ напали и перерубили всѣхъ. По тону голоса я вижу, что генералъ былъ доволенъ исходомъ рекогносцировки.

— Опасный непріятель, батенька, опасный, а смѣлости не хватило броситься на насъ въ шашки и довести атаку до конца, прибавляетъ Скобелевъ, слѣзаетъ съ лошади и, разминаясь всѣми суставами, направляется черезъ садъ къ своему шалашу.

(А. В. Верещагинъ. Дома и на войнѣ, с. 503—514.)

---

263. Штурмъ Геокъ-Тепе.

(По восп. А. В. Верещагина.)

Было за полночь, когда нашъ маленькій отрядъ, состоящій изъ одного баталіона Самурскаго полка, команды охотниковъ, 5-ти орудій и сотни казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Гайдарова, выступилъ изъ лагеря въ обходное движеніе. Задача отряда заключалась въ томъ, чтобы занять маленькую калу, находившуюся въ полу-верстѣ отъ сѣверо-западнаго угла крѣпости. А главное, чтобы всѣмъ этимъ движеніемъ сколько возможно отвлечь на себя вниманіе и силы непріятеля. Однимъ словомъ—обмануть его. Я находился при этомъ отрядѣ, и долженъ былъ, въ случаѣ убыли Гайдарова, занять его должность. По нашемъ выступленіи, глав-

ныя силы должны были сколь возможно незамѣтно для непріятеля сосредоточиться противъ юго-западнаго угла крѣпости, подъ который наши инженеры двѣ недѣли съ великимъ трудомъ вели подкопъ и наконецъ заложили сто пудовъ пороху.

Мы подвигались совершенно тихо. Луна тускло освѣщала намъ путь. Отойдя версты три на сѣверо-западъ, мы остановились ждать разсвѣта.

Утро наступило теплое, пасмурное. Какая-то мгла мѣшала разсматривать чернѣвшія на горизонтѣ длинныя стѣны Геокъ-Тепэ. Нашъ отрядъ снимается со своей стоянки и быстро двигается прямикомъ на мельничную калу.

Хоть и пасмурно, а непріятель замѣтилъ насъ, и всѣ мы ясно видимъ, какъ онъ густыми темными массами бросается по стѣнамъ къ углу крѣпости, выходящему къ мельничной калѣ. Несмотря на ихъ сильный ружейный огонь, мы подаемся еще немного и останавливаемся саженяхъ въ четырехстахъ, на открытой песчаной равнинѣ. Орудія выстраиваются и открываютъ огонь по мельничной калѣ, изъ-за которой ясно виднѣлся уголъ крѣпости, сплошь усѣянный темными фигурами текинцевъ съ различнымъ дрекольемъ въ рукахъ. Въ это время со стороны нашихъ главныхъ силъ не было замѣтно никакого движенія. Мгла заволокла даже тотъ уголъ, гдѣ наши должны были скопиться. Я стою съ поручикомъ Ушаковымъ (его Скобелевъ тоже назначилъ на время штурма въ распоряженіе Гайдарова), и мы наблюдаемъ за стрѣльбой. Вотъ одна граната ловко попадаетъ въ тонкую стѣнку калы, пробиваетъ ее и образуетъ въ ней какъ-бы окошко. Оно стало ясно просвѣчивать на горизонтѣ.

Пѣхота казалась какою-то сѣрою въ этотъ день, и подходила подъ цвѣтъ окружающей природы. Она стоитъ выровнявшись по близости, держа ружья у ноги. Солдаты втихомолку разговариваютъ. Низенькій, коренастый, смуглый Гайдаровъ, пальто въ рукава, подтянутый ремнемъ, при револьверѣ, черезъ плечо шашка, на шеѣ болтается толстый револьверный шнуръ, стоитъ и спокойно посматриваетъ, то на стѣны калы, то на крѣпость, то на орудія. Оглянется на своихъ солдатъ, и опять смотритъ, какъ стрѣляютъ орудія. Наконецъ, онъ оборачивается ко мнѣ и говоритъ: „Вы переведете артиллерію вонъ противъ лѣвой стороны калы, а я пойду“, и сказавъ это, онъ горячо жметъ мою руку и рѣшительно направляется къ ротамъ. Тѣ, замѣтивъ начальника, быстро выравниваются, офицеры бѣгутъ къ своимъ мѣстамъ. Гайдаровъ что-то командуетъ, обнажаетъ шашку, оборачивается, и скорымъ шагомъ ведетъ ихъ къ мельничной калѣ. Офицеры тоже обнажаютъ шашки, дорогой изрѣдка оборачиваются къ людямъ, и равняютъ ногу. Въ это время текинцы открываютъ по насъ чрезвычайно сильный огонь. Я уже не видалъ той минуты, когда наши бросились въ атаку на калу, такъ какъ садился на лошадь, чтобы ѣхать и передать баттарейному командиру приказаніе Гайдарова. Помню только, что когда я пустился вскачь, смотрю, Ушаковъ, который стоялъ невдалекѣ, падаетъ, раненый. Къ нему подбѣжали съ носилками и понесли въ тылъ отряда. Мнѣ ужасно стало жалко Ушакова, и я чуть не заплакалъ. Когда я подскакалъ къ мельницѣ, Гайдаровъ съ ротами находился въ той самой калѣ, которую только-что передъ тѣмъ наша баттарея такъ старалась разрушить. Въ настоящую минуту кала очень пригодилась. Солдаты подъ защитою стѣнъ спокойно стоятъ и стрѣляютъ. Я слѣзаю съ лошади, тоже становлюсь около стѣнки, и съ живѣйшимъ любопытствомъ смотрю, въ маленькую трещину, на Геокъ-Тепэ.

Крѣпость отъ меня теперь очень близко, саженей двѣсти. Въ это время начинаетъ громить стѣны крѣпости наша артиллерія. Залпы орудій такъ и потрясаютъ воздухъ. Непріятель видитъ, что дѣло плохо. Вонъ по рву, что тянется подъ самыми стѣнами крѣпости, цѣлыми вереницами крадутся одиночные текинцы.

Вдругъ земля задрожала, раздается страшный гулъ. Черный, громадный столбъ песку и дыму взвивается къ небу. До насъ доносятся крики: „ура-а-а!“

Подкопъ взорвало удачно. Часть стѣны взлетѣла на воздухъ. Скобелевъ и пять тысячъ нашихъ солдатъ должны быть уже на стѣнахъ Геокъ-Тепэ. Нашъ маленькій отрядъ необыкновенно воодушевляется и, прикрытый стѣнками калы, яростно вторитъ далекимъ „ура!“

„Рота, пли!“ — сколько есть силы командуетъ, возлѣ меня, осипшимъ голосомъ, длинный тощій ротный командиръ, съ лицомъ, изрытымъ оспой. Шеренга солдатъ, въ шиняляхъ въ рукава, высовывается на мгновеніе изъ-за стѣнки, даетъ залпъ по крѣпости и тотчасъ же прячется обратно, при чемъ изъ всѣхъ силъ оретъ: „ура-а-а-а!“

„Рота пли!.. Рота пли!.. Рота пли!..“ только и слышатся позади меня команды охрипшихъ ротныхъ командировъ. Въ это время, смотрю, подъ стѣнами крѣпости, во рву, начинаютъ скопляться толпы текинцевъ. Ихъ согнутыя спины, коричневые халаты и мохнатыя шапки теперь можно хорошо разсмотрѣть. Съ ружьями въ рукахъ, они съ ужасомъ озираются по сторонамъ и скрываются въ какомъ-то оврагѣ. Вонъ еще толпа показывается. Эта еще больше. Текинцы уже не крадутся, а просто бѣгутъ изъ крѣпости, побросавъ оружіе.

— „Эхъ, кабы сюда горную пушку, такъ сразу можно-бы уложить штукъ съ полсотни!“ съ досадой кричу я. Сзади кто-то изъ офицеровъ подхватываетъ мое восклицаніе и посылаетъ сказать Гайдарову. Орудіе подвозятъ, ставятъ дуломъ въ проломанную стѣнку и стрѣляютъ вдоль рва, гдѣ все больше и больше скоплялось текинцевъ. Въ крѣпости, очевидно, уже наступила паника, и жители въ страхѣ покидали свою твердыню.

— Экъ вѣдь, маленькая, а какъ рванула! ворчитъ одинъ солдатикъ, который, полагая, что такая маленькая пушка не могла громко выпалить, не остерегся. — Оглушила, подлая! — И, прикрывъ ухо ладонью, онъ пробирается между усѣвшимися на землѣ солдатами, подальше отъ орудія.

Наконецъ и нашъ отрядъ выбѣгаетъ изъ калы и направляется по сыпучему песку къ крѣпости. А тамъ, на стѣнахъ, уже виднѣются русскія знамена. Вотъ добѣжали мы до рва. Глубины онъ аршина въ полтора, но довольно широкъ. На днѣ его валяются трупы, все только текинскіе, въ разнообразнѣйшихъ позахъ. Вотъ одинъ съ сѣдой бородой лежитъ на спинѣ съ раскинутыми руками. Колѣни согнуты. Жолтый халатъ распахнулся, и за нимъ виднѣется грубая бѣлая рубаха. Чѣмъ ближе къ стѣнамъ, — тѣмъ больше труповъ. Команда охотниковъ первая подставляетъ къ стѣнамъ лѣстницы, которыя солдаты тащили съ собой, и мы всѣ быстро взбираемся наверхъ. Баталіонное знамя, воткнутое въ глиняную стѣну, захлопало по вѣтру своимъ полотномъ.

— Ура-а-а, ура-а-а! кричимъ мы, внѣ себя отъ восторга.

Стѣны высоки, сажени три, да и ширины такой-же. Я жадно вглядываюсь во внутрь крѣпости.

Боже, что тутъ творится!

Первое, что меня поражаетъ, это отсутствіе какихъ-бы то ни было построекъ, тогда какъ я думалъ встрѣтить здѣсь различные дома, укрѣпленія, завалы, редуты и т. п. Вся крѣ-

пость представляетъ площадь около трехъ квадратныхъ верстъ. Она чернѣетъ отъ множества закоптѣлыхъ войлочныхъ кибитокъ, тѣсно поставленныхъ одна возлѣ другой. Куда ни взглянешь, повсюду валяются трупы людей, лошадей, верблюдовъ, ословъ, собакъ, коровъ. Толпы женщинъ, закрывшись черными покрывалами, въ ужасѣ перебѣгаютъ отъ одной кибитки къ другой, волоча за собой своихъ безпомощныхъ ребятишекъ. Повсюду наши солдаты преслѣдуютъ непріятеля. Стоны раненыхъ, визгъ и крикъ женщинъ, плачъ дѣтей, ревъ животныхъ, крики: ура! алла! громъ орудій, все это слилось въ одинъ неопредѣленный, страшный гулъ. Мнѣ казалось, что я вижу картину страшнаго суда. Только Императорскій штандартъ, развѣвавшійся на высокомъ курганѣ, напоминалъ мнѣ о дѣйствительности.

(А. В. Верещагинъ. Дома и на войнѣ, с. 578—582.)

XLVIII. Война 1877—78 годовъ.

264. Защита Сельви.

(По восп. А. В. Верещагина.)

На другой день вечеромъ, уже стемнѣло, меня опять требуютъ къ великому князю [1]). Я иду. Главнокомандующій разговариваетъ со мной черезъ окошко своей палатки. Передъ нимъ лежала на столѣ карта военныхъ дѣйствій. Великій князь объясняетъ, что изъ города Сельви только-что прибыла депутація съ просьбой, какъ можно скорѣй защитить ихъ городъ отъ баши-бузуковъ и черкесовъ, которые въ большихъ массахъ нападали на жителей.

— Я посылаю тебя съ твоей командой, говоритъ его высочество. — Утромъ, чуть свѣтъ, отправляйся. По дорогѣ съ поста захватишь взводъ донцовъ, и вмѣстѣ съ ними прогонишь эту... держись въ Сельви, пока я не пришлю помощи; да смотри, будь молодцомъ и доноси прямо мнѣ. — Ну, съ Богомъ, прощай, зайди къ Левицкому [2]), получишь предписаніе.

Луна свѣтила полнымъ блескомъ, когда мы тронулись въ путь. Набожно крестятся казаки, приподнявъ папахи; крѣпче подтягиваютъ ремни на кинжалахъ, поправляютъ ружья въ чехлахъ. Разговоровъ почти не слышно, мы ѣдемъ серьезные, даже, можно сказать, сумрачные. При нашемъ выѣздѣ изъ Тырнова, къ намъ присоединились человѣкъ 20 болгаръ, вчерашняя сельвинская депутація. Одинъ смуглый, красивый молодой болгаринъ, Дмитрій Кара Ивановъ, очень мнѣ понравился.

На ломаномъ французскомъ языкѣ тотчасъ-же подробно сообщаетъ онъ, какъ великъ ихъ городъ, кто на нихъ нападаетъ, въ какомъ количествѣ, съ какой стороны и т. п.

Пока разговариваемъ, луна незамѣтно пропадаетъ. Влѣво отъ шоссе становится возможнымъ разсмотрѣть вершины Балканъ. До того времени онѣ казались неясной, темной полосой. Солнца еще не видно, но отблески его уже начинаютъ золотить синеватые гребни горъ. Кой-гдѣ вершинки, отрѣзанныя облаками, кажутся точно повисшими въ небѣ.

Такъ какъ войска наши сюда еще не ходили, поэтому и дорога здѣсь не испорчена, ровная, гладкая, какъ говорится, „хоть на боку катись“.

Вотъ мостъ черезъ рѣку Янтру. Здѣсь перекрестокъ, влѣво идетъ до-

---

1) Дѣло происходитъ въ Тырновѣ, въ 1877 г.

2) Помощникъ начальника штаба арміи.

рога въ Габрово. Здѣсь почти половина нашего пути. Ѣдемъ дальше. Утро прелестное. Прохладно, пыли нѣтъ; кругомъ все будто покрыто тончайшей, прозрачной синеватой пеленой. Вотъ, наконецъ, и солнышко показывается изъ-за Балканъ. Хотя вершины теперь и ясно обрисовываются, зато самыя горы и ихъ подножье погружаются въ глубокую тѣнь.

Мы ѣдемъ очень скорымъ шагомъ, мѣстами даже рысью. Часа черезъ три, видимъ, на встрѣчу скачутъ двое болгаръ. Стремена у ихъ сѣделъ подтянуты такъ высоко, что колѣна приходятся около самой шеи лошади. Братушки безостановочно погоняютъ плетками лошадокъ и молотятъ пятками ихъ вспотѣлые бока. Головы болгаръ обмотаны чѣмъ-то въ родѣ бѣлаго полотенца, такимъ манеромъ, что верхушка красной фески, вмѣстѣ съ черной кисточкой, рѣзко выдѣляются. Не смотря на взволнованную наружность, братушки кажутся мнѣ очень комичными. Локтями они сильно размахиваютъ, желая помочь быстротѣ лошади.

Еще издали слышны ихъ крики.

— Напредъ, напредъ (впередъ)! Баши-бузукъ, черкесъ дошелъ! Молямъти (умоляемъ)! — Они подскакиваютъ ко мнѣ, и цѣлуютъ руки.

Лошадь моя идетъ такой сильной рысью, что большая часть казаковъ слѣдуетъ вскачь. Съ одного небольшого холмика Сельви становится видѣнъ. Онъ расположенъ на открытой равнинѣ; за нимъ, верстахъ въ 6—7, идутъ лѣсистыя возвышенности. За городомъ, въ разныхъ направленiяхъ, то тутъ, то тамъ, вспыхиваютъ ружейные дымки.

Передъ самымъ городомъ, черезъ рѣчку Рушицу, идетъ мостъ. Мужчины, женщины, дѣти, съ крикомъ и воемъ, встрѣчаютъ насъ, и съ ужасомъ машутъ въ сторону непрiятеля.

Въ городѣ къ намъ пристаетъ съ сотню конныхъ болгаръ съ ружьями въ рукахъ, такъ что, выскакавъ на равнину, мы представляли довольно внушительную силу. Глазамъ нашимъ открывается слѣдующее. Съ полсотни донскихъ казаковъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ я долженъ былъ взять на пути въ одномъ селенiи, разсыпавшись цѣпью, отстрѣливаются, не слѣзая съ лошадей. Я немедлено-же приказываю своимъ тоже разсыпаться цѣпью влѣво и поддержать донцовъ ружейнымъ огнемъ. Сразу я не могъ разобрать, въ кого они стрѣляютъ. Подскакиваю къ ихъ командиру, маленькому черноватому есаулу Антонову, который въ это время горячо распоряжался, кричалъ и суетился.

— Самъ Богъ васъ послалъ къ намъ на помощь!—трагически восклицаетъ онъ, увидавъ меня. Мы тотчасъ-же знакомимся, и сряду-же совѣщаемся, какъ лучше дѣйствовать. Рѣшаемъ на томъ, чтобы одновременно общими силами броситься въ атаку и прогнать непрiятеля къ лѣсу, на сколько возможно дальше. Тѣмъ временемъ казаки все продолжаютъ стрѣлять. Я пристально смотрю въ бинокль, по комъ они стрѣляютъ?

— Да развѣ вы не видите? Во-онъ перебѣгаютъ изъ-за груды,—говоритъ мнѣ Антоновъ и указываетъ на снопы, лежащiе съ версту отъ насъ.

Я, дѣйствительно начинаю разбирать человѣческiя фигуры. Они то присѣдаютъ, то быстро перебѣгаютъ отъ одной груды сноповъ къ другой. Это были баши-бузуки. Прячась за копны хлѣба, они стрѣляли въ нашу сторону. Здѣсь я въ первый разъ познакомился со свистомъ пуль. Слышу, надъ головой точно пчела жужжитъ, и если-бы одинъ изъ казаковъ не объяснилъ мнѣ, что это была пуля, я, можетъ-быть, еще долго принималъ-бы ихъ за пчелъ. „Такъ вотъ какъ пули свистятъ!"—думаю я, и чувствую какую то гордость, какое-то необъяс-

нимое самодовольствіе, что вотъ я подъ пулями, а не трушу:—„еще впередъ поѣду и не испугаюсь!“ И я дѣйствительно кричу своимъ казакамъ:—Ну, братцы, впередъ, впередъ подавайтесь! Чего тамъ смотрѣть на эту..! Напирай смѣлѣй, стрѣляй хорошенько, цѣлься вѣрнѣй!

Время было уже далеко за полдень, когда обѣ полусотни, выстроившись въ двѣ колонны, справа по-три, возвращались съ пѣснями обратно къ Сельви. Я и Антоновъ ѣдемъ, конечно, впереди, радостные, самодовольные. Какъ же было и не радоваться?—непріятель отбитъ, поле сраженія за ними, городъ временно спасенъ!

Донцы, закинувъ пики „по плечу“, поютъ пѣсни; ихъ запѣвало азартно машетъ тактъ рукою и, приподнявшись на стременахъ, по временамъ оглядывается на своихъ пѣвцовъ.

Изъ города, на встрѣчу намъ, версты за двѣ, высыпали жители отъ мала до велика. Восторгъ ихъ неописанный, съ криками: „да живѐ царь Александре!“ „да живѐ князь Никола!“,—цѣлуютъ они не только руки Антонова и мои, но даже стремена казаковъ. Мужчины протягиваютъ кувшины съ виномъ; женщины и дѣвушки надѣваютъ на казаковъ и на шеи лошадямъ вѣнки, суютъ цвѣты въ руки. Я, отъ избытка удовольствія, прихожу въ какое-то разслабленіе, даже лошадью не правлю, такъ какъ мои руки схвачены и ихъ осыпаютъ поцѣлуями. Повсюду восторгъ и ликованіе.

(А. В. Верещагинъ. Дома и на войнѣ, с. 259—267.)

---

265. Шипка.

(По восп. художника В. В. Верещагина.)

Послѣ первой ночи, проведенной въ Шипкинской землянкѣ, я выглянулъ на свѣтъ Божій и ахнулъ! Оказалась совсѣмъ открытая позиція, на которой и самое выглядываніе изъ землянки было не безопасно: сплошь и рядомъ солдаты, выходившіе за самымъ необходимымъ, находили себѣ моментальную смерть!

Впереди, т.-е. на югѣ, высится огромная конусообразная гора св. Николая съ нашею батареею, вся обстрѣливаемая навѣсными выстрѣлами изъ-подъ скалы, гдѣ у турокъ и траншеи, и мортирныя батареи, и прицѣльными, съ такъ называвшейся Лысой горы, гдѣ простымъ глазомъ видны движущіеся турки.

Съ лѣвой стороны тоже бросаютъ бомбы и гранаты, но тѣ высоты, все-таки, на приличномъ разстояніи, а вотъ Лысая гора прямо нависла надъ нами, откуда стрѣляютъ на выборъ и, если только подозрѣваютъ за идущимъ офицерское званіе или какое-нибудь значеніе, такъ такъ и преслѣдуютъ выстрѣлами, такъ и клюютъ въ землю, подпѣвая и подсвистывая на пути, ихъ пули и гранаты.

Офицеры, разумѣется, сохраняютъ свое достоинство, но солдаты, оберегая лишь жизнь, не церемонятся: граната летитъ, шумъ все усиливается, вотъ она падаетъ и со страшнымъ трескомъ разрывается моментально, двое солдатъ, идущихъ по дорогѣ и мирно бесѣдущихъ, бросаются на землю, и, какъ приплюснутые, остаются недвижимыми; какъ только осколки разлетѣлись, они вскакиваютъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, отправляются дальше, продолжая прерванную бесѣду, часто весело смѣясь.

Хромая, съ палочкой, со складнымъ стуломъ и ящикомъ красокъ въ рукахъ, я видѣлъ, что путь мой постоянно устилался пулями, словно цвѣтами. Пренепріятное чувство, когда замѣчаешь, что цѣлятъ тебѣ въ носъ; возьмешь вправо—пули тоже берутъ поправѣе, свернешь налѣво—и пчелки летятъ лѣвѣе!

Съ нашей стороны много работалъ надъ укрѣпленіемъ Шипки полковникъ Ласковскій, но какъ ее ни укрѣпляли, она, все-таки, осталась открытою всѣмъ батареямъ и траншеямъ непріятеля, занявшаго сосѣднія высоты, что имѣло громадное неудобство относительно потери людей: отъ шальныхъ гранатъ и пуль, т. е. пускаемыхъ не прицѣльно, а навѣсно, на счастливаго, мы потеряли, конечно, не меньше, если не больше народа, чѣмъ отъ турецкихъ приступовъ и штурмовъ.

Приходилось двигаться, не торопясь, да хромая съ палочкой, и трудно было дѣлать это иначе—дѣлать видъ, что не боишься, не обращаешь вниманія на опасность, но въ сущности, конечно, на сердцѣ щемило, такъ какъ все время надобно было ждать, что вотъ-вотъ одна изъ цѣлаго роя пчелъ приласкаетъ своимъ прикосновеніемъ!

Надобно сказать, что свистъ полета пули не всегда одинаковъ, и это разное „пѣніе“ обусловливается, вѣроятно, столько же самымъ составомъ тѣльца маленькаго снаряда, сколько и излетомъ ея—пуля перевернувшаяся, пуля со свищемъ или другимъ недостаткомъ, пуля, пущенная прицѣльно или навѣсно—всѣ поютъ на разные лады и тоны.

Разно также ударяются пули въ камень, въ землю, наконецъ, въ тѣло: прямо стукъ—въ первомъ случаѣ, переходитъ въ болѣе шуршащій ударъ во второмъ и, наконецъ, въ едва замѣтное „тссъ“ въ третьемъ. Увѣряютъ, что если еще можно прослѣдить ударъ пули въ тѣло сосѣда, то той пули, которая ударитъ самого, никогда не услышишь.

Мы поднялись до батареи, вѣнчавшей гору св. Николая и прямо висѣвшей вмѣстѣ со скалою, на которой она была устроена, подъ южнымъ склономъ Балканъ въ этомъ мѣстѣ и надъ долиною розъ. Батарея эта называлась батареею Мещерскаго, по имени бывшаго командира ея, тутъ и убитаго.

На батареѣ было полегче отъ пуль справа, но зато еще хуже отъ пчелокъ, летавшихъ изъ турецкихъ траншей, расположенныхъ подъ скалой св. Николая. Рѣшительно ни къ чему другому не подходитъ такъ близко сравненіе впечатлѣнія пролета такого количества пуль, какъ къ движенію роя пчелъ; только близко пролетающія пчелки этого рода шумятъ нѣсколько шибче и на разные лады: нѣкоторыя поютъ, другія какъ-то воютъ, третьи шипятъ.

Очень много вредили турки во время раздачи у насъ пищи, которая привозилась на гору снизу, на тройкахъ. Хотя раздача производилась въ закрытомъ мѣстѣ, но непріятель зналъ время ея и направлялъ, обыкновенно, такой ружейный и гранатный огонь, что рѣдко дѣло обходилось безъ потерь, иногда крупныхъ. Справедливость требуетъ, впрочемъ, замѣтить, что, по всему читанному объ осадѣ Севастополя, положеніе на Шипкѣ было очень сносное, сравнительно съ таковымъ въ послѣднемъ, гдѣ противникъ былъ иной и гдѣ было меньше тѣхъ негласныхъ смягченій огня, которыя нѣтъ-нѣтъ да и практиковались между воевавшими сторонами въ турецкую войну даже и на Шипкѣ.

Обыкновенно турки стрѣляли сильно тогда, когда наши позиціи были хорошо видны имъ; такъ, напримѣръ, съ Лысой горы по утрамъ огонь былъ не силенъ, потому что мѣшало солнце; за то послѣ полудня, когда наши позиціи бывали хорошо освѣщены, пули и гранаты сыпались. Съ другой стороны, съ такъ называвшагося Вороньяго Гнѣзда гранаты, по той же причинѣ, били больше по утрамъ.

За время моего пребыванія на Шипкѣ, начальнику артиллеріи, Гофману, на батареѣ котораго былъ убитъ лучшій фейерверкеръ, это надоѣло; онъ

приказалъ начать усиленную стрѣльбу и билъ такъ долго, такъ настойчиво, что, должно быть, нанесъ не мало вреда, потому что послѣ этого турки были гораздо менѣе дѣятельны, болѣе спокойны, на что и мы отвѣчали меньшимъ рвеніемъ въ стрѣльбѣ.

Хуже всего были бомбы, прилетавшія изъ-подъ горы св. Николая, разрушавшія даже крѣпкія землянки и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ клавшія всѣхъ въ лоскъ, за разнымъ занятіемъ, за обѣдомъ, игрой въ карты и проч.

Нельзя не сказать здѣсь нѣсколько словъ о геройствѣ турокъ, лѣзшихъ на такія высоты, какъ скала св. Николая и нѣкоторыя другія. По этимъ крутизнамъ трудно взбираться и просто туристу, а ужъ лѣзть въ амуниціи, съ ружьемъ и большимъ количествомъ патроновъ должно было быть невообразимо трудно. Со своимъ вѣчнымъ призывомъ Алла! Алла! они шли подъ пулями, наталкивались на штыки и буквально устилали своими тѣлами крутые подступы къ шипкинскимъ позиціямъ, на которыхъ потомъ огромное количество труповъ павшихъ гнило до самаго времени сдачи Шипки. Говорили, будто турокъ поили виномъ и что большинство лѣзшихъ на приступъ были, что называется, „выпимши", но кто рѣшится серьезно подтвердить, а главное—доказать такое обвиненіе?

(В. Верещагинъ. На войнѣ, стр. 136—141.)

---

266. Черезъ Балканы.

По восп. художника В. В. Верещагина.

Планъ перехода Балканъ въ обходъ турецкой арміи, расположенной подъ Шипкою, принадлежалъ Радецкому и его начальнику штаба Дмитровскому, но они предлагали сдѣлать это осенью, такъ что, когда главнокомандующій, по взятіи Плевны, далъ приказъ исполнить этотъ планъ, Радецкій пришелъ въ ужасъ, объявилъ, что это движеніе было задумано въ расчетѣ на осень, а не на зиму, и теперь за глубокимъ снѣгомъ неисполнимо.

На другой день, раннимъ утромъ, войска уже длинною, кривою линіей тянулись къ подъему, по подъему и по самому хребту. Скобелевъ былъ впереди, и догонять его было трудно по узкому проходу въ снѣгу—того и смотри, наткнешься на солдатскій штыкъ. Саперы прошли здѣсь наканунѣ, разгребли снѣгъ, но его все-таки осталось столько, что лошадь оступалась и проваливалась, а главное, неудобно было то, что изъ разгребеннаго снѣга образовались по обѣимъ сторонамъ дороги цѣлыя стѣны въ ростъ человѣка, коли не выше; уступая мѣсто всаднику, солдаты не могли податься въ сторону, они припадали къ товарищу, конечно, не безъ смѣха и шутокъ:

— Штыкъ подыми, прими! Смотри, сейчасъ глазъ вонъ верховому выколешь!

Приходилось постоянно продѣлывать гимнастическія упражненія на сѣдлѣ, чтобы кого-нибудь не ушибить, да и самому не наткнуться на штыкъ или не удариться колѣномъ о вьюкъ съ зарядами. Со штыками-то я раздѣлался благополучно, но колѣна свои отколотилъ въ лучшемъ видѣ...

Я написалъ этюдъ этого мѣста и успѣлъ-таки согрѣться у Скобелева стаканомъ чаю; затѣмъ, однако, пришлось прибѣгнуть къ небольшому запасу консервовъ, кофе и шоколада, бывшаго только у меня и, конечно, сейчасъ же уничтоженнаго нашею проголодавшеюся молодежью. Лошадей мы пробовали кормить конскими консервами, но онѣ что-то отворачивали морды,—не очень охотно жевали этотъ кормъ. Какъ я сказалъ, подъ деревьями, кругомъ снѣжной площади, расположились войска и вездѣ запалили

костры, благо весь лѣсъ былъ къ услугамъ отряда. Хотя по зареву этихъ огней турки и могли открыть насъ, но Скобелевъ разумно рѣшилъ, что лучше имѣть непріятелемъ людей, чѣмъ морозъ, который былъ порядочный. Великое было счастье для отряда, что не только вьюги, но и просто вѣтра не было, въ противномъ случаѣ зловѣщія предсказанія Д. хоть частію оправдались бы, пожалуй. Къ тому же надобно сказать, что заботливостью Скобелева и Куропаткина все было предусмотрѣно: у всѣхъ солдатъ были набрюшники и на ногахъ просаленныя портянки; у каждаго былъ запасъ вареной говядины, сухарей и чаю. Кромѣ того, во избѣжаніе замораживанія и отмораживанія, приказано было солдатамъ наблюдать другъ за другомъ въ эту ночь.

Я укрылся всѣмъ, что у меня было: полушубкомъ, буркою и одѣяломъ; легъ около самаго огня, и все-таки чувствовалъ, что медленно замерзаю; какъ ни корчился, ни свертывался кренделемъ, ничего не помогало—пришлось оставить надежду на сонъ и, закуря сигару, ждать у костра разсвѣта, болтая съ товарищами. Часть отряда поднялась и прошла впередъ еще ночью, а подъ утро двинулись и мы...

Я писалъ этюдъ траншеи, вырытой въ снѣгу, къ сторонѣ турецкихъ позицій (послѣ была исполнена картина этой траншеи), когда Скобелевъ проѣхалъ впередъ и тутъ, даже и по этой дорогѣ, галопомъ; солдаты бодро и весело отвѣчали на его привѣтъ.

Надобно было видѣть, какъ удивились турки, когда мы вышли изъ лѣсовъ на открытый склонъ горы, къ нимъ обращенный. Они попробовали сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій, но безъ вреда намъ—гдѣ попасть въ растянутую линію! Пули же ихъ вовсе не долетали до насъ.

Всѣ позиціи турецкія, а за ними и наши, были отсюда какъ на ладони, и въ бинокли мы хорошо видѣли всѣ подробности ихъ житья-житья въ землянкахъ...

Скоро пришло изъ передового отряда саперъ донесеніе о томъ, что турки наступаютъ. Я видѣлъ, что краска бросилась въ лицо Скобелеву при этомъ извѣстіи; онъ тотчасъ же обратился къ солдатамъ:

— Поздравляю васъ, братцы, съ началомъ дѣла, турки наступаютъ!

Солдаты дружно отвѣтили обычное: „Рады стараться, ваше пр-во!“

Посланъ былъ ординарецъ Дукмасовъ съ двумя ротами на помощь саперамъ. Скобелевъ, знавшій статутъ Георгіевскаго креста наизусть, заранѣе сказалъ ему, что онъ получитъ Георгія за это дѣло: „Выбить ихъ! Молодцомъ у меня, смотрите!“

Спускъ былъ едва ли не труднѣе подъема; мѣстами лошадь уходила въ снѣгъ по шею и я былъ искренно благодаренъ моему рыжему иноходцу за отчаянныя усилія, съ которыми онъ выносилъ изъ сугробовъ, ни разу не ткнувши меня носомъ въ нихъ. Мѣстами, однако, ѣхать верхомъ не было никакой возможности, надобно было скользить внизъ. Солдаты устроили праздничныя игры и скатывались кто благополучно, кто кувыркомъ со смѣхомъ и шутками. Самому-то, впрочемъ, ѣхать было не трудно—куда ни шло, но заставить ѣхать на томъ же инструментѣ лошадь было не такъ удобно. Ужъ не помню, какъ свелъ я своего коня съ одного крутого мѣста, настоящаго обрыва — кажется, мы вмѣстѣ скатились!

Разработка этого мѣста, конечно, потребовала бы очень много времени, почему, вѣроятно, наши саперы и отступились отъ него, но, съ другой стороны, и оставлять такія мѣста для спуска по нимъ кавалеріи и особенно артиллеріи—очень и очень рискованно, считая, что невозможнаго на свѣтѣ нѣтъ.

Мы были уже на южномъ склонѣ Балканъ. Скобелевъ остановился на одной изъ крайнихъ возвышенностей и долго, подробно осматривалъ въ бинокль долину Тунджи и турецкія позиціи, разстилавшіяся передъ нами.

Внизъ отъ русскихъ позицій турецкія землянки и батареи, а совсѣмъ внизу, въ долинѣ, отъ развалинъ деревни Шипки до деревни Шейново—укрѣпленные курганы, центръ турецкой позиціи, за которыми начинается густая дубовая Шейновская роща. Вдали, прямо подъ нашимъ спускомъ, кряжъ Малыхъ Балканъ, направо—деревня Иметли, по имени которой назывался и нашъ перевалъ; туда, и далѣе направо, въ Тунджинскую долину, Скобелевъ и Куропаткинъ смотрѣли особенно пытливо, такъ какъ, по слухамъ, оттуда двигались турецкія войска Сулеймана-паши, на помощь шипкинской арміи.

Передовыя войска остановились на привалъ въ ущельи, а Скобелевъ пошелъ по обыкновенію рекогносцировать дорогу. Онъ поѣхалъ было верхомъ, но турки, засѣвшіе внизу за скалами, открыли такую пальбу, что пришлось сойти съ лошади. Съ нимъ былъ начальникъ штаба Куропаткинъ, помощникъ его графъ Келлеръ, я и нѣсколько казаковъ, не помню—былъ ли кто еще изъ офицеровъ, кажется, былъ ординарецъ Марковъ. Турки буквально осыпали насъ свинцомъ, и выжить ихъ оттуда не было возможности, такъ какъ ружья Крынка не доносили нашихъ пуль до нихъ.

Я началъ набрасывать въ альбомъ открывшуюся передъ нами часть долины, а Скобелевъ прошелъ еще впередъ. Смотрю, ужъ тащатъ назадъ подъ руки Куропаткина, блѣднаго, какъ полотно. Онъ остановился перевести духъ за тѣмъ же обломкомъ скалы, за которымъ я рисовалъ,—пуля ударила его въ лѣвую лопатку, скользнула по кости и вышла черезъ спину.

Бѣдняга страшно осунулся и все просилъ посмотрѣть рану и сказать ему по правдѣ, не смертельна ли она. Скоро пришелъ Скобелевъ, и мы всѣ двинулись назадъ. К., разумѣется, тащили подъ руки, такъ какъ онъ съ трудомъ передвигалъ ноги.

Мнѣ случалось быть въ очень сильномъ огнѣ, но въ такомъ дьявольскомъ, признаюсь, еще не доводилось. Даже на Дунаѣ при нашей минной атакѣ, когда насъ осыпали и съ берега, и съ турецкаго судна, кажется, огонь не былъ такъ силенъ.

Здѣсь турки стрѣляли на самомъ близкомъ разстояніи и лѣпили пулю въ пулю, мимо самыхъ нашихъ ногъ, рукъ, головъ. Такъ и свистѣлъ свинецъ, то съ пискомъ, то съ припѣвомъ и, шлепнувшись въ скалу, либо падалъ къ ногамъ, либо рикошетировалъ. Не то, чтобы слѣдовалъ выстрѣлъ за выстрѣломъ,—нѣтъ, то была сплошная барабанная дробь выстрѣловъ, направленныхъ на нашу группу,—свистъ назойливый, надоѣдливый, хуже комаринаго.

Моя лошадь и лошадь Скобелева, которыхъ вели за нами въ поводу, остались цѣлы, но у болгарина моего убили коня, также какъ и, вообще, убили не мало людей и животныхъ...

Пока шла атака праваго фланга турокъ, кавалерія наша была отправлена въ обходъ лѣваго, наперерѣзъ ихъ сообщенію съ Казанлыкомъ. Тутъ прежде всего сказалась выгода того, что въ дѣло были пущены всѣ силы отряда; даже въ лучшемъ случаѣ, наканунѣ, турки только отступили бы, такъ какъ не было кавалеріи, чтобы отрѣзать имъ путь. Сегодня же имъ предстояло или разбить, отогнать насъ, или сдаться, потому что идти назадъ было нельзя: тамъ были наши драгуны, уланы и казаки. Тѣмъ временемъ масса раненыхъ тянулась отъ нашего лѣваго крыла, пошедшаго въ атаку; число ихъ дѣлалось все больше и больше;

вотъ уже отходятъ цѣлыми кучками... Что это? Смотрю и глазамъ своимъ не вѣрю: вонъ десятки, сотни, сначала пятятся, потомъ поворачиваются... отступаютъ... Весь отрядъ отступаетъ — нѣтъ сомнѣнія, наши отбиты!

— Михаилъ Дмитріевичъ! — говорю,—вѣдь наши отбиты начисто!

Не отводя глазъ отъ бинокля, Скобелевъ такъ и впился въ мѣсто битвы.

— Это бываетъ, — отвѣтилъ онъ какъ-то странно шутливо.

Онъ вызвалъ немедленно Панютина съ Углицкимъ полкомъ.

— Съ Богомъ, проходите впередъ, я дамъ знать, когда начинать.

— Слушаюсь-съ, — отвѣтилъ тотъ, молча снялъ шапку, перекрестился; молча сняли шапки и перекрестился слѣдомъ за командиромъ весь полкъ.

Какъ я замѣтилъ уже раньше, у Панютина давно чесались руки, поэтому опять онъ не заставилъ два раза повторять приказаніе — такъ и зашагалъ.

— Жидовъ сюда, — скомандовалъ Скобелевъ—это значило: „музыку сюда“, такъ какъ большинство музыкантовъ обыкновенно изъ евреевъ.

Подъ музыку, равняясь какъ на ученьѣ, съ развернутыми знаменами, прошли впередъ углицкіе баталіоны, весело отвѣчая на привѣтствіе генерала.

— Если отобьютъ Панютина, я самъ поведу войска,—сказалъ Скобелевъ, снова занявшійся биноклемъ.

Мнѣ приходилось быть во многихъ сраженіяхъ, но, признаюсь, никогда еще не доводилось видѣть такой стройной, правильной атаки: „Долина Розъ“ приняла видъ „Царицына луга“ въ день смотра: наступавшіе шли подъ звуки маршей, въ резервныхъ полкахъ играли „Боже Царя храни“ и „Коль славенъ“. Только одинъ баталіонъ изъ резервовъ, шедшихъ занять мѣсто атаковавшихъ, несъ знамя въ чехлѣ,— я подъѣхалъ и приказалъ „развернуть знамя“

— По чьему приказанію?—спросилъ адъютантъ.—Генерала Скобелева.

Михаилъ Дмитріевичъ увѣрялъ потомъ, что онъ былъ умница въ этотъ день, держался внѣ огня, но очевидно, это надобно было понимать относительно: насъ просто обсыпало гранатами. Турки стрѣляли сначала по резервамъ, но потомъ замѣтили нашу группу, и съ полдюжины гранатъ ударилось такъ близко отъ Скобелева, что онъ потерялъ терпѣніе и сердито закричалъ на столпившихся около него казаковъ съ лошадьми:

— Да разойдитесь вы, чортъ-бы васъ побралъ, перебьютъ васъ всѣхъ, дураковъ!

Такъ и вижу милаго Скобелева въ сюртукѣ и пальто нараспашку, какъ онъ, широко разставивши ноги, — сабля, отброшенная наотмахъ,—слѣдитъ въ бинокль за ходомъ битвы. По временамъ, не перемѣняя позы, отдаетъ приказанія или, когда дѣлается очень жарко, т.-е. по немъ начинаютъ крѣпко стрѣлять, снова посылаетъ „къ чорту“ жмущихся въ кучку казаковъ съ лошадьми; значокъ его крѣпко привлекаетъ выстрѣлы—и значокъ посланъ „къ чорту“.

Передъ нами синею полосою рисовалась дубовая роща, въ которой расположена деревня Шейнова; оттуда поминутно показывались отдѣльные дымки орудійныхъ выстрѣловъ и стлался сплошной дымъ ружейныхъ. Налѣво тяжелыя бѣлесоватыя тучи застилали верхнюю половину всѣхъ горъ, въ томъ числѣ и Шипки; съ той стороны тоже слышался теперь гулъ орудій и трескотня ружей; очевидно, Радецкій рѣшился-таки атаковать съ фронта.

Я сдѣлалъ набросокъ поля битвы, намѣтилъ мѣста турецкихъ орудій, мѣсто штаба Скобелева и проч. Пока я писалъ, помню, осколокъ гранаты, уже потерявшій отчасти силу, но еще способный перебить ногу, катился по

направленію къ моему стулу: я смотрѣлъ на него и загадывалъ, докатится или не докатится? докатился и остановился у самыхъ ногъ, — любезно! Осколокъ этотъ хранится у меня.

Въ поддержку угличанамъ Скобелевъ послалъ казанцевъ, которые должны были ударить лѣвѣе Панютина въ центръ турокъ.

— Съ Богомъ, братцы, да плѣнныхъ не брать!

— Рады стараться, ваше превосходительство.

„Плѣнныхъ не брать" въ переводѣ на обыкновенный языкъ значитъ: „колоть всѣхъ безъ пощады".

Я напомнилъ Скобелеву эту фразу на другой день.

— Зачѣмъ вы это сказали?

— Да будто я это сказалъ?—спросилъ онъ съ удивленіемъ. Очевидно, фраза эта просто сорвалась у него съ языка, но туркамъ отъ нея не поздоровилось.

Угличане, а за ними казанцы совершенно выбили непріятеля изъ траншей и редутовъ—казанцы довершили работу первыхъ. Панютинъ, взявшій въ руки знамя, самъ велъ солдатъ и, конечно, онъ своей отвагой въ значительной мѣрѣ рѣшилъ участь сраженія.—

Было уже, кажется, около двухъ часовъ, когда привели или, вѣрнѣе, приволокли къ Скобелеву плѣннаго пѣхотнаго турецкаго офицера, на лошади, сообщившаго, что ихъ дѣло окончательно проиграно,—все бѣжитъ, спасается отъ погрома, полнаго, рѣшительнаго.

Съ офицеромъ этимъ хорошо обошлись и онъ потомъ нѣсколько дней ѣздилъ въ свитѣ Скобелевѣ, гдѣ ему понравилось; онъ сданъ былъ подъ покровительство Х., съ которымъ вмѣстѣ ѣлъ, пилъ, спалъ и галопировалъ за бѣлымъ генераломъ. Послѣ главнокомандующій, замѣтившій въ свитѣ Скобелева этого страннаго ординарца, сказалъ М. Д.:

—Смотри, онъ у тебя не сбѣжалъ-бы?

— Нѣтъ, ваше высочество, не сбѣжитъ,—отвѣчалъ Скобелевъ. И точно, плѣнный такъ привязался къ генералу, что его потомъ насилу могли отослать.

Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ во весь опоръ прискакалъ казакъ:

— Ваше пр-во! турки выкинули бѣлый флагъ!..

Генералъ тотчасъ же сѣлъ на лошадь и поскакалъ въ Шейново.

(В. Верещагинъ. На войнѣ, стр. 182—211.)

---

267. Паденіе Плевны.

Плевна, 1-го декабря 1877 года.

(Изъ писемъ ген. Тотлебена).

Плевна пала... Я былъ убѣжденъ, что Османъ-паша сдѣлаетъ попытку пробиться. Линія обложенія имѣла 70 верстъ протяженія. Главная задача заключалась поэтому въ томъ, чтобы имѣть возможность сосредоточить въ каждомъ пунктѣ отъ 40 до 60 батальоновъ. Я все разсчиталъ и отдалъ корпуснымъ командирамъ точныя инструкціи. Все было предписано письменно, до малѣйшихъ подробностей. Чтобы отстранить возможныя недоразумѣнія и чтобъ на мѣстѣ убѣдиться, насколько можетъ быть практически осуществлено сосредоточеніе войскъ, я выѣхалъ, 21-го числа, изъ моей главной квартиры, для объѣзда вокругъ Плевны. Во вторникъ (22 ноября) произведенъ маневръ въ 3-й гвардейской дивизіи; въ среду и четвергъ въ гренадерскомъ корпусѣ, въ пятницу у румынъ. При этомъ на каждомъ пунктѣ сосредоточивалось отъ 50 до 60 батальоновъ, артиллерія и войска занимали свои позиціи, резервы передвигались, какъ будто непріятель атаковалъ въ предположенномъ направленіи. Во время маневра всѣ ча-

сти войскъ ознакомились съ мѣстностью и съ предстоявшею имъ задачею. Каждый могущій произойти случай былъ заранѣе предусмотрѣнъ. Въ пятницу вечеромъ я возвратился обратно въ Тученицу.

Здѣсь я нашелъ извѣстіе о неудачномъ дѣлѣ подъ Еленой, близь Тырнова, въ которомъ мы потеряли 11 орудій. Многіе потеряли голову. Я смотрѣлъ на это дѣло, какъ на совершенно второстепенное происшествіе. Должны-же турки предпринять что-либо, когда Плевна находится въ опасности. Не нужно только спать и дѣлать все спустя рукава...

Главнымъ вопросомъ попрежнему остается Плевна. Намѣревались уже уменьшить здѣсь войска. Я воспротивился этому и былъ увѣренъ въ успѣхѣ, если будетъ только выказана твердость и не послѣдуетъ ежедневно другихъ плановъ. Хотѣли штурмовать, чтобъ покончить съ Плевной. Я воспротивился этому самымъ рѣшительнымъ образомъ и отклонялъ всѣхъ тѣхъ, кто искалъ случая сдѣлаться пріятнымъ такимъ способомъ. Послѣдствіемъ подобнаго рѣшенія была бы дезорганизація арміи; Османъ могъ-бы выйти, такъ какъ блокада была-бы прекращена. Армія, послѣ громадныхъ потерь, была-бы не въ состояніи далѣе предпринять что-либо. Война еще не кончилась и нужно приберечь войска и средства, чтобы довести дѣло до конца. Я остался спокойнымъ и непоколебимымъ, потому что всѣ представляемые мнѣ доводы казались мнѣ ребяческими.

Въ субботу былъ георгіевскій праздникъ. Великій князь былъ боленъ, Государь Императоръ не могъ прибыть къ редуту, гдѣ были собраны георгіевскіе кавалеры. Генералъ Криднеръ командовалъ парадомъ; я принялъ рапортъ и благодарилъ войска отъ имени государя за ихъ храбрую службу. Здѣсь были избранные изъ храбрѣйшихъ людей арміи, стоящей подъ Плевной. Я провозгласилъ тостъ за здоровье Е. В. Государя Императора и др. Было большое ликованіе. Артиллерія стрѣляла залпами по Плевнѣ; мы завтракали въ полѣ въ веселомъ товарищескомъ кругу.

Вечеромъ 27-го ноября, съ батарей и съ аванпостовъ, равно какъ и отъ нѣкоторыхъ плѣнныхъ, я получилъ свѣдѣнія, что Османъ дѣлаетъ всѣ приготовленія къ прорыву. Всю ночь телеграфировали; я извѣстилъ всѣхъ корпусныхъ командировъ и сдѣлалъ всѣ распоряженія для сосредоточенія войскъ по ту сторону Вида. Плевна казалась освѣщенною; ночью видны были красные фонари по всѣмъ направленіямъ. Турки прекратили стрѣльбу.

Съ наступленіемъ утра, 28-го ноября, былъ слышенъ пушечный и ружейный огонь на лѣвомъ берегу Вида. Генералъ Ганецкій донесъ, что его атаковали. Въ 9 часовъ утра, окончивъ всѣ распоряженія, я сѣлъ съ моимъ штабомъ на коней и приказалъ всей линіи наступать впередъ и занять непріятельскія позиціи къ востоку отъ Плевны, т.-е. на правомъ берегу Вида, на случай если онѣ оставлены непріятелемъ или же заняты слабыми силами. Великій князь выѣхалъ также.

Наши войска заняли турецкіе редуты, не встрѣтивъ почти никакого сопротивленія. Артиллерійскій и ружейный огонь все еще продолжался по той сторонѣ Вида. Такимъ образомъ мы достигли Плевны, въѣхали въ городъ и прослѣдовали далѣе по горамъ и долинамъ до Вида, послѣ того, какъ сдались передъ нами нѣсколько турецкихъ баталіоновъ. На той сторонѣ Вида мы вступили на поле сраженія, покрытое трупами людей и лошадей.

Турки атаковали 3-ю гренадерскую дивизію и при первомъ натискѣ овладѣли передовою траншеею, захвативъ шесть орудій. Подошедшій резервъ

перешелъ въ наступленіе, и, взявъ обратно траншею и орудія, открылъ такой сильный огонь, что турки оставили восемь орудій, бросились назадъ въ Плевну и положили оружіе. Съ нашей стороны выслали парламентера; Османъ сдался на милость побѣдителя.

Трудно описать воодушевленіе войскъ! Мы возвратились черезъ мостъ обратно въ Плевну. Тамъ тянулся длинный транспортъ повозокъ съ ранеными и съ продовольствіемъ. Османъ имѣлъ намѣреніе прорваться въ Видинъ. Далѣе стояли толпы турокъ: оружіе и патронныя сумы они побросали.

Османъ-паша, раненый въ ногу, сидѣлъ въ коляскѣ; противъ него помѣщался врачъ, говорившій по французски. Великій князь привѣтствовалъ его. Вслѣдъ затѣмъ у меня былъ съ нимъ болѣе продолжительный разговоръ. Мы кричали: bravo, bravo Османъ-паша! Онъ казался очень спокойнымъ и даже на его лицѣ проглядывало что-то пріятное, привѣтливое, въ высшей степени симпатичное. Османъ 40 лѣтъ отъ роду, средняго росту, съ черной короткой бородой; на немъ былъ голубой мундиръ, съ галунами на рукавахъ, безъ орденовъ. Прекрасные, энергическіе, но добродушные, умные глаза.

Когда я разговаривалъ съ нимъ, онъ сказалъ мнѣ черезъ переводчика: „Tous les jours ne sont pas des jours heureux. J'ai fait ce que j'ai pu. Je suis heureux d'être blessé“.

Далѣе до Плевны стояла густыми кучами турецкая армія. Румыны, наступавшіе съ другой стороны, начали грабить. Я тотчасъ же принялъ энергическія мѣры для прекращенія этого.

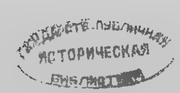
Мы опять проѣхали черезъ городъ, занятый нашею пѣхотою. Я выставилъ караулы у мечетей и гарема Османа-паши. Его женъ я не видѣлъ.

Между тѣмъ стемнѣло, а намъ нужно было еще проѣхать 12 верстъ до Тученицы, при снѣжной мятели и темнотѣ; мы то подымались на горы, то спускались, и въ 9 часовъ прибыли въ нашъ штабъ, ничего не поѣвъ въ продолженіе всего дня, послѣ поѣздки въ 50 верстъ.

Такъ кончился этотъ замѣчательный въ исторіи день. Наскоро отобѣдавъ, я тотчасъ же послалъ къ Осману-пашѣ, для ухода за нимъ, доктора Кехера.

Во вторникъ 29-го ноября отслужили молебенъ въ раіонѣ турецкихъ редутовъ. Государь Императоръ возложилъ на великаго князя знаки Георгія 1-го класса, мнѣ пожаловали Георгія II-го класса, причемъ его величество поцѣловалъ меня и благодарилъ. Затѣмъ государь направился въ Плевну; тамъ въ чистомъ, хорошо сохранившемся домѣ, былъ сервированъ завтракъ и здѣсь привели къ Его Величеству Османа-пашу. Черты его лица имѣли страдальческое выраженіе; онъ былъ очень серьезенъ и казался покорнымъ своей судьбѣ. Государь сказалъ ему, что послѣ столь храброй обороны онъ позволяетъ ему носить саблю и прибавилъ при этомъ, что въ Россіи ему будетъ хорошо житься.

(Рус. Старина 1886 г. ноябрь т. XLII, с. 460—3.)



М. Н. Покровскій.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Часть I. V+283 стр. Цѣна **2** руб. **40** коп.

СОДЕРЖАНІЕ: Предисловіе. Предварительныя замѣчанія. **I. Экономическій строй:** 1. Первобытное хозяйство. 2. „Городское" хозяйство. 3. Торговый капитализмъ. 4. Крѣпостное хозяйство. 5. Современный капитализмъ. **II. Государственный строй:** 1. Военно-финансовая организація. 2. Судъ. 3. Центральная власть.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ: „М. Н. Покровскій поставилъ себѣ задачей послѣдовательно охарактеризовать отдѣльныя стороны русскаго историческаго процесса, разсматривая каждую изъ нихъ въ перпендикулярномъ разрѣзѣ на всемъ пространствѣ исторіи Россіи. Наиболѣе содержательны... характеристики отдѣловъ о крѣпостномъ хозяйствѣ и промышленномъ капитализмѣ въ Россіи. Въ отдѣлахъ о финансахъ и судѣ даны очень живые очерки, въ которыхъ довольно обильный матеріалъ сведенъ въ интересную картину. Авторъ искусно прослѣживаетъ, какъ отражалась борьба классовыхъ интересовъ на развитіи финансовой системы и судебной организаціи въ различные періоды русской исторіи... Въ общемъ новый трудъ талантливаго историка очень интересенъ..." *А. Кизеветтеръ. „Русскія Вѣдомости"*, № 174, 1915 г.

„...Авторъ даетъ много интереснаго матеріала, дѣлаетъ остроумную оцѣнку историческихъ явленій и живо излагаетъ свой предметъ". — *„Педагогическій Листокъ"* 1915 г., кн. 6.

„Трудъ М. Н. Покровскаго — весьма интересное и содержательное явленіе въ русской исторической литературѣ... Въ первомъ отдѣлѣ книги автору пришлось остановиться на изученіи развитія русскаго народнаго хозяйства. Эта область русской исторіи является наименѣе обслѣдованной русскими историками, и потому авторъ вынужденъ былъ значительно увеличить число фактическихъ иллюстрацій. Отъ этого книга только выиграла, и читатель съ огромной пользой для себя прочтетъ эти главы и вынесетъ чрезвычайно ясныя представленія о развитіи экономическаго строя".— *„День"*. 25. VII. 1915.

„...(Книга) Покровскаго представлетъ безусловно незаурядное явленіе въ нашей общей исторической литературѣ. Талантливый ученый и писатель, П. даетъ въ своемъ трудѣ много интереснаго и цѣннаго. Интересно прежде всего стремленіе П. въ цѣльномъ и связномъ очеркѣ изложить исторію русской культуры съ точки зрѣнія историч. матеріализма; какъ бы ни относиться къ этому пониманію историческаго процесса, такую попытку нельзя не признать интересной и полезной— хотя бы съ точки зрѣнія пересмотра старыхъ схемъ и положеній; вносится новая свѣжая струя въ изученіе исторіи русской культуры. Интересны и многія частныя положенія П., обладающаго большой смѣлостью мысли и умѣніемъ не останавливаться передъ самыми крайними выводами".—*„Вѣстникъ Воспитанія"*. 1915, 7.

„...Оригинальность мысли и остроуміе при хорошемъ литературномъ стилѣ составляютъ особенность и привлекательную сторону работъ П. Настоящая работа отличается тѣми же свойствами".—*„Школа и Жизнь"*. 1915, 34.

„...Что касается формы изложенія, то, какъ и другія работы М. Н. П-каго, „Очеркъ" написанъ живымъ, яснымъ языкомъ, дѣлающимъ книгу вполнѣ доступной для читателя, лишеннаго специальной подготовки".—*„Лѣтопись"*. 1915, 12.

„...Книга безусловно интересна и содержательна, и ознакомленіе съ нею можетъ принести пользу нашей публикѣ особенно теперь, когда грозныя политическія событія заставляютъ насъ возможно глубже и всесторонне изучать свою великую родину".—*„Историческій Вѣстникъ"*. 1916, мартъ.